

M 69
56

т. 2

11/1
56

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ“

А. Э. БРЭМА

СО МНОЖЕСТВОМЪ ПОЛИТИПАЖЕЙ И ХРОМОЛИТОГРАФИЯМИ

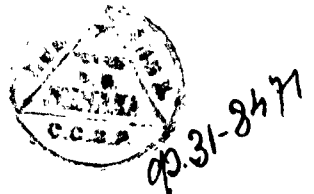
ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ 3-го НѢМЕЦКАГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

Подъ редакцію магистра зоологіи К. К. Сентъ-Илера.

Томъ II.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ.

Окончаніе хищныхъ. — Ластоногія. — Насѣкомоядныя. — Грызуны. —
Неполнозубыя.

.....
Цѣна за томъ 6 руб.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И К^О.
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, 89.
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Декабря 1892 г.

2011136645

Оглавление II-го тома.

Иллюстрированной жизни животныхъ А. Э. Брэма.

Отрядъ IV: Хищныя. (Carnivora).

(Продолженіе).

	Стр.		Стр.
IV-е Сем. Гиены. <i>Hyænidæ</i>	1	Нѣмецкій догъ. <i>C. f. m. germanicus</i>	130
1-й родъ. Гиена. <i>Hyæna</i>	6	Мастифъ. <i>C. f. m. hibernicus</i>	135
Пятнистая гиена. <i>H. crocuta</i>	6	Молосскій догъ. <i>C. f. m. typicus</i>	136
Береговая гиена. <i>H. brunnea</i>	10	Бульдогъ. <i>C. f. m. gladiator</i>	137
Полосатая гиена. <i>H. striata</i>	12	Мопсъ. <i>C. f. m. fricator</i>	139
2-й родъ. Протель <i>Proteles</i>	15	Кубскій догъ	139
Земляной волкъ. <i>P. lalandü</i>	15	Тибетскій догъ. <i>C. f. m. tibethanus</i>	140
V-е Сем. Собачьи. <i>Canidæ</i>	17	3-я группа Таксы. <i>Canis fam. vertagus</i>	140
1-й родъ. Волкъ. <i>Canis</i>	19	Такса. <i>C. f. vertagus</i>	140
Обыкновенный волкъ. <i>C. lupus</i> ..	20	Кухонная собака. <i>C. f. v. rectipes</i> ..	144
Буланый волкъ. <i>C. occidentalis</i> ..	33	Выдровая собака. <i>C. f. v. scoticus</i> ..	144
Индійскій волкъ. <i>C. pallipes</i>	34	4-я группа. Охотничьи собаки. <i>Canis</i>	
Африканскій волкъ. <i>C. anthus</i>	36	<i>fam. sagax</i>	146
Каберу. <i>C. simensis</i>	37	Легаваля собака. <i>C. f. saviularis</i> ..	146
Полосатый волкъ. <i>C. adustus</i>	38	Кровяная собака. <i>C. f. ssangu-</i>	
Шакаль. <i>C. aureus</i>	42	<i>narius</i>	150
Чепрачный шакаль. <i>C. mesomelas</i> ..	47	Оленья собака. <i>C. f. s. acceptorius</i> ..	151
Красный волкъ. <i>C. jubatus</i>	49	Лисогонъ. <i>C. f. s. vulpicanus</i>	151
Луговой волкъ, Койотъ. <i>C. latrans</i> ..	50	Биль. <i>C. f. s. irritans</i>	153
Виверровая собака. <i>C. procyonoides</i> ..	54	5-я группа. Болонки. <i>C. fam. extrarius</i> ..	154
Майконгъ. <i>C. cancrivorus</i>	56	Болонка. <i>C. fam. extrarius</i>	154
Агуарачай. <i>C. vetulus</i>	58	Кингчарльз	154
Гиеновая собака. <i>C. pictus</i>	61	Вленгеймская собачка	154
Колзунъ. <i>C. dukhunensis</i>	68	Водолазъ. <i>C. f. e. terrae novae</i> ..	155
Адыякъ. <i>C. rutilans</i>	70	Сентъ-Бернардская собака. <i>C.</i>	
Горный волкъ. <i>C. alpinus</i>	73	<i>f. e. st. bernhardi</i>	156
Льсной волкъ. <i>C. venaticus</i>	74	Пудель. <i>C. f. e. genuinus</i>	160
Фалкландскій волкъ. <i>C. antarcticus</i> ..	79	6-я группа. Пинчеры. <i>Canis fam. gry-</i>	
Ай. <i>C. silvestris</i>	80	<i>phus</i>	164
Динго. <i>C. dingo</i>	84	Крысодавъ. <i>C. f. gryphus</i>	154
Домашнія собаки	88	Косматый пинчеръ. <i>C. f. g. hirsu-</i>	
Бродячія собаки	98	<i>tus</i>	166
1-я группа. Борзья. <i>C. familiaris gra-</i>		7-я группа. Дворовыя собаки. <i>C. fam.</i>	
<i>jus</i>	117	<i>domesticus</i>	166
Борзая. <i>C. f. grajus</i>	117	Овчарка. <i>C. f. d. pecuarius</i>	167
Стенныя борзья	120	Шпицъ. <i>C. f. d. pomeranus</i>	169
Левретка. <i>C. f. g. italicus</i>	124	Полярная собака. <i>C. f. d. bo-</i>	
Шотландская борзья. <i>C. f. g. hi-</i>		<i>realis</i>	170
<i>bernicus</i>	126	2-й родъ. Лисицы. <i>Vulpes</i>	176
Голая собака. <i>C. f. g. africanus</i> ..	126	Лиса обыкновенная. <i>V. vulgaris</i> ..	176
Бразильская борзья	128	Полярная лисица, Песецъ. <i>V. la-</i>	
2-я группа. Догъ. <i>C. fam. molossus</i> ..	129	<i>gorus</i>	198
Датскій догъ. <i>C. f. m. danicus</i> ..	129	Корсакъ. <i>V. corsac</i>	207

	Стр.		Стр.
Кама. <i>V. chama</i>	215	Бируангъ. <i>U. malayanus</i>	254
Фенекъ. <i>V. zerdo</i>	210	Полярный медвѣдь. <i>U. maritimus</i>	257
Сѣрая лисица. <i>V. cinereo-argen-</i>		2-й родъ. Губачи. <i>Melursus</i>	267
<i>tatus</i>	214	Губачь. <i>M. labiatus</i>	267
3-й родъ. Широконосыя лисицы.		Кошкovidные медвѣди. <i>Ailurinae</i>	272
<i>Otosyon</i>	217	3-й родъ. Горный медвѣдь. <i>Ailuropus</i>	272
Широконосяя лиса кафрская. <i>O</i>		Тибетскій горный медвѣдь. <i>A.</i>	
<i>saffer</i>	217	<i>melanoleucus</i>	272
VI-е Сем. Медвѣди. Ursidae.	219	4-й родъ. Панда. <i>Ailurus</i>	273
Большіе медвѣди. <i>Ursinae</i>	222	Панда. <i>A. fulgens</i>	273
1-й родъ. Настоящіе медвѣди <i>Ursus</i>	222	5-й родъ. Бинтуронгъ <i>Arctitis</i>	275
Бурый медвѣдь. <i>U. arctos</i>	222	Бинтуронгъ. <i>A. bintorong</i>	275
Муравейникъ. <i>U. formicarius</i>	222	Маленькіе медвѣди. <i>Procyoninae</i>	277
Свѣтлорыжій медвѣдь. <i>U. isabel-</i>		6-й родъ. Еноты. <i>Procyon</i>	277
<i>linus</i>	223	Полоскунъ. <i>P. lotor</i>	277
Атласскій медвѣдь. <i>U. crowtheri</i>	223	Ракоѣдь. <i>P. cancrivorus</i>	286
Сѣрый медвѣдь, Гризли. <i>U. cine-</i>		7-й родъ. Носухи. <i>Nasua</i>	286
<i>geus</i>	242	Коати. <i>N. rufa</i>	286
Большой бурый медвѣдь <i>U ri-</i>		Вѣлоносая посуха. <i>N. nasica</i>	287
<i>chardsonii</i>	242	8-й родъ. Цѣпкохвостые медвѣди.	
Барibalъ <i>U. americanus</i>	247	<i>Cercoleptes</i>	295
Гиммалайскій медвѣдь <i>U. torqua-</i>		Кинкажу. <i>C. caudivolvulus</i>	295
<i>tatus</i>	251		

Отрядъ V: Ластоногія. (Pinnipedia).

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Тюлени. Phocidae	303	Морской слонъ южный <i>M. leo-</i>	326
1-й родъ. Тюлень. <i>Phoca</i>	303	<i>pinus</i>	326
Тюлень обыкновенный. <i>Ph. vitu-</i>		II-е Сем. Моржи. Trichechidae	333
<i>lina</i>	303	1-й родъ. Моржъ. <i>Trichechus</i>	333
Каспійскій тюлень. <i>Ph. caspica</i>	320	Моржъ обыкновенный. <i>T. rosma-</i>	
Лысунъ. <i>Ph. groenlandica</i>	320	<i>rus</i>	333
2-й родъ. Хохлячь <i>Cystophora</i>	324	III-е Сем. Нерпухи. Otariidae	347
Хохлячь обыкновенный. <i>C. cris-</i>		1-й родъ. Нерпуха. <i>Otaria</i>	347
<i>tata</i>	324	Сивучъ. <i>O. stelleri</i>	348
3-й родъ. Морской слонъ. <i>Macrorhinus</i>	326	Морской котъ. <i>O. ursina</i>	354
		Морской левъ. <i>C. jubata</i>	361

Отрядъ VI: Настѣкомоядныя. (Insectivora)

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Ежовыя. Erinaceidae	369	1-й родъ. Землеройки. <i>Sorex</i>	404
1-й родъ. Ежъ. <i>Erinaceus</i>	371	Лѣсная землеройка. <i>S. vulgaris</i>	404
Ежъ европейскій. <i>E. europaeus</i>	371	1-й родъ. Полевыя землеройки. <i>Cro-</i>	
II-е Сем. Кротовыя. Talpidae	382	<i>cidura</i>	407
1-й родъ. Кротъ. <i>Talpa</i>	382	Домовая землеройка. <i>C. aranea</i>	407
Обыкновенный кротъ. <i>T. europaea</i>	384	Тосканская землеройка. <i>C. sua-</i>	
III-е Сем. Тупайи. Tupaiidae	395	<i>volens</i>	408
1-й родъ. Тупайя. <i>Tupaia</i>	396	3-й родъ. Водныя землеройки. <i>Cros-</i>	
Тапа. <i>T. tana</i>	396	<i>sorus</i>	409
IV-е Сем. Прыгунчики. Macroscelidae	397	Водная кутора. <i>Cr. fodiens</i>	409
1-й родъ. Прыгунчикъ. <i>Macroscelides</i>	397	Выхухольскія. <i>Myogalinae</i>	414
Слоно-землеройка. <i>M. typicus</i>	397	4-й родъ. Выхухоль. <i>Myogale</i>	414
V-е Сем. Щетинистые ежи. Centetidae	398	Альмицилоро. <i>M. pygmaica</i>	414
1-й родъ. Щетинистый ежъ. <i>Centetes</i>	399	Десманъ <i>M. moschata</i>	415
Танрекъ. <i>C. ecaudatus</i>	399	VIII-е Сем. Шерстокрылы. (Galeopithe-	
2-й родъ. Щелезубъ. <i>Solenodon</i>	401	<i>cidae</i>	417
Кубскій щелезубъ. <i>S. cubanus</i>	401	1-й родъ. Шерстокрыль. <i>Galeopithecus</i>	417
VI-е Сем. Землеройки. Soricidae	402	Обыкновенный шерстокрыль. <i>G.</i>	
Настоящія землеройки. <i>Soricinae</i>	403	<i>volans</i>	418

Отрядъ VII: Грызуны. (Rodentir)

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Бѣлицы. Sciurinae.	423	pus.	522
Настоящія бѣлки. Sciuridae.	423	Хомяковая крыса. <i>M. gambianus</i>	522
1-й родъ. Векша. <i>Sciurus</i>	423	Черная крыса. <i>M. rattus</i>	522
Сѣверная векша <i>S. vulgaris</i>	423	Пасюкъ. <i>M. decumanus</i>	523
Бѣлка-карликъ <i>S. minutus</i>	436	Домашняя мышь. <i>M. musculus</i>	535
2-й родъ. Летяги. <i>Pteromys</i>	438	Лѣсная мышь. <i>M. sylvaticus</i>	535
Тагуанъ <i>P. petaurista</i>	438	Полевая мышь. <i>M. agrarius</i>	536
Сибирская летяга <i>P. volans</i>	440	Мышь-малютка. <i>M. minutus</i>	542
Ассапанъ <i>P. volucella</i>	442	Полосатая мышь. <i>M. barbarus</i>	545
3-й родъ. Бурундуки. <i>Tamias</i>	444	Хомяки. <i>Cricetinae</i>	546
Бурундукъ сибирскій. <i>T. striatus</i>	444	3-й родъ. Хомякъ. <i>Cricetus</i>	546
Гаки. <i>T. lysteri</i>	445	Хомякъ обыкновенный. <i>C. frumentarius</i>	546
4-й родъ. Сусликовые бѣлки. <i>Xerus</i>	449	Сунгарскій хомякъ. <i>C. songarus</i>	553
Шилу. <i>X. rutilus</i>	447	VI-е Сем. Полевки. Arvicolidae.	555
Сабера. <i>X. leucoumrinus</i>	448	1-й родъ. Мышьяная крыса. <i>Fiber</i>	556
Сурковья. <i>Arctomyinae</i>	449	Ондатра. <i>Fiber zibethicus</i>	556
5-й родъ. Сусликъ. <i>Spermophilus</i>	451	2-й родъ. Полевки настоящія. <i>Arvicola</i>	560
Сусликъ западный. <i>Sp. citillus</i>	451	Водяная крыса. <i>A. amphibius</i>	560
Овражекъ. <i>Sp. musicus</i>	451	Снѣговая полевка. <i>A. nivalis</i>	565
Пятнистый сусликъ. <i>Sp. guttatus</i>	451	Лѣсная полевка. <i>A. glareolus</i>	567
6-й родъ. Луговая собака. <i>Cynomys</i>	455	Земляная полевка. <i>A. agrestis</i>	568
Луговая собака. <i>C. ludovicianus</i>	455	Обыкновенная полевка. <i>A. arvalis</i>	569
7-й родъ. Сурки. <i>Arctomys</i>	462	Полевка эконожка. <i>A. oeconomus</i>	573
Байбакъ. <i>A. bobac</i>	463	Подземная полевка. <i>A. subterraneus</i>	574
Альпійскій сурокъ. <i>A. marmota</i>	466	3-й родъ. Пеструшка <i>Myodes</i>	575
II-е Сем. Орѣшниковыя. Muroidae.	472	Пеструшка полярная. <i>M. lemmus</i>	575
1-й родъ. Соны. <i>Muoxus</i>	472	VII-е Сем. Кротообразныя мыши Spalacidae.	580
Полчокъ. <i>M. glis</i>	473	1-й родъ. Слѣпыши. <i>Spalax</i>	581
Лѣсная соня. <i>M. dryas</i>	476	Слѣпышь. <i>S. typhus</i>	581
2-й родъ. Садовыя соны. <i>Eliomys</i>	477	Цокорь. <i>S. aspalax</i>	582
Садовый полчокъ. <i>E. nitela</i>	477	2-й родъ. Пескокопы. <i>Bathyergus</i>	583
3-й родъ. Мушловки. <i>Muscardius</i>	480	Пескокопъ африканскій. <i>B. maritimus</i>	583
Орѣшниковая соня. <i>M. avellanarius</i>	480	VIII-е Сем. Мешетчатыя крысы. Saccomyidae.	584
III-е Сем. Бобровыя. Castoridae.	483	1-й родъ. Мѣшконосъ. <i>Dypodomys</i>	585
1-й родъ. Бобръ. <i>Castor</i>	485	Калифорнскій мѣшконосъ. <i>D. philippii</i>	585
Бобръ обыкновенный. <i>C. fiber</i>	485	2-й родъ. Мѣшетчатая крыса настоящая. <i>Geomys</i>	586
Канадскій бобръ. <i>C. canadensis</i>	487	Гоферъ <i>G. bursarius</i>	586
IV-е Сем. Тушканчиковыя. Dipodidae.	497	IX-е Сем. Дикообразныя Hystrichidae.	589
1-й родъ. Прыгающая мышь. <i>Iaculus</i>	499	Земные дикообразы. <i>Hystrichinae</i>	590
Сѣверо-американскій прыгунчикъ. <i>I. Hudsonius</i>	499	1-й родъ. Дикообразъ. <i>Hystrix</i>	591
2-й родъ. Тушканчикъ. <i>Dipus</i>	501	Обыкновенный дикообразъ. <i>H. cristata</i>	591
Египетскій тушканчикъ. <i>D. aegyptius</i>	502	2-й родъ. Кистехвость. <i>Atherura</i>	596
Торбаганчикъ. <i>D. sagitta</i>	509	Кистехвость африканскій. <i>A. africana</i>	596
Мохноногий тушканчикъ <i>D. lagopus</i>	509	Лазающіе дикообразы. <i>Cercolabinae</i>	597
Емуранчикъ. <i>D. halticus</i>	509	3-й родъ. Игошерсть. <i>Erethizon</i>	597
3-й родъ. Алактага. <i>Scirtetes</i>	509	Игошерсть сѣверо-американскій. <i>E. dorsatum</i>	597
Земляной заяцъ. <i>Sc. jaculus</i>	509	4-й родъ. Древесные дикообразы. <i>Cercolabes</i>	601
4-й родъ. Долгоногъ. <i>Pedetes</i>	512	Цѣлкохвостый дикообразъ. <i>C. novae hispaniae</i>	601
Долгоногъ кафрскій. <i>P. caffer</i>	512	Куалду. <i>C. prehensilis</i>	606
V-е Сем. Мышиныя. Muridae.	515		
Песчанки. <i>Merionidinae</i>	517		
1-й родъ. Песчанка. <i>Psammomys</i>	518		
Египетская песчанка. <i>Psammomys obesus</i>	518		
Настоящія мыши. <i>Murinae</i>	520		
2-й родъ. Мышь. <i>Mus</i>	522		
Египетская крыса. <i>M. alexandri-</i>			

	Стр.		Стр.
X-е Сем. Полукопытныя. Caviidae	607	Щетинопая свинка. <i>A. swindegianus</i>	639
1-й родъ. Морскія свинки. <i>Cavia</i>	609	Полулопастная свинка. <i>A. semipalmatus</i>	639
Морская свинка обыкновенная. <i>C. porcellus</i>	609	XII-е Сем. Шиншилловыя. Lagostomidae	642
Аперей. <i>C. aerea</i>	609	1-й родъ. Шиншиллы. <i>Etiomys</i>	642
Кутлерова свинка. <i>C. cutleri</i>	609	Большая шиншила. <i>E. chinchilla</i>	642
2-й родъ. Мара. <i>Dolichotis</i>	612	Малая шиншила. <i>E. lanigera</i>	642
Мара патагонская. <i>D. patagonica</i>	612	2-й родъ. Пушакъ. <i>Lagidium</i>	649
3-й родъ. Агути. <i>Dasypsecta</i>	615	Пушакъ перуанскій. <i>L. cuvieri</i>	649
Агути. <i>D. aguti</i>	615	3-й родъ. Вискашп. <i>Lagostomus</i>	649
4-й родъ. Пака. <i>Coelogenys</i>	620	Вискаша обыкновенная. <i>L. trichodactylus</i>	649
Пака. <i>C. rasa</i>	620	XIII-е Сем. Заячьи. Leporidae	653
5-й родъ. Водосвинка. <i>Hydrochaerus</i>	623	1-й родъ. Заяцъ. <i>Lepus</i>	655
Водосвинка. <i>H. carubara</i>	623	Заяцъ русакъ. <i>L. vulgaris</i>	655
XI-е Сем. Осьминозубыя. Octodontidae	627	Заяцъ блякъ. <i>L. timidus</i>	664
1-й родъ. Кустарниковыя крысы. <i>Octodon</i>	628	Эрнебъ. <i>L. aethiopicus</i>	668
Дегу. <i>O. cummingii</i>	629	Каменный заяцъ. <i>L. saxatilis</i>	669
2-й родъ. Гребневикъ. <i>Stenomys</i>	629	Толстохвостый заяцъ. <i>L. crassicaudatus</i>	669
Тукотуко. <i>St. magellanicus</i>	630	Канскій заяцъ. <i>L. capensis</i>	669
3-й родъ. Гунди. <i>Stenodactylus</i>	631	Кроликъ. <i>L. cuniculus</i>	670
Гунди. <i>St. massoni</i>	631	Кроликъ Порто-Санто. <i>L. huxleyi</i>	674
4-й родъ. Ежкрысы <i>Sapromys</i>	633	Зайце-кроликъ. <i>L. darwini</i>	675
Хутта-Конга. <i>S. pilorides</i>	633	2-й родъ. Пищухи. <i>Lagomys</i>	675
5-й родъ. Волотные бобръ. <i>Myopotamus</i>	634	Сѣноставецъ. <i>L. alpinus</i>	675
Конду. <i>M. coqui</i>	634	Отогона. <i>L. ogotona</i>	675
6-й родъ. Щетинопая свинки. <i>Aulacodus</i>	639	Карликовая пищуха. <i>L. pusillus</i>	677

Отрядъ VIII: Неполнозубыя. (Edentata).

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Лѣнвицы Bradypodidae	680	Шестипоясной броненосецъ. <i>D. sexcinctus</i>	706
1-й родъ. Двухпалый лѣнвецъ. <i>Choloerus</i>	681	2-й родъ. Трехпоясной броненосецъ. <i>Tolypeutes</i>	711
Унау. <i>Ch. didactylus</i>	681	Волига. <i>T. tricinctus</i>	711
2-й родъ. Трехпалый лѣнвецъ. <i>Bradypus</i>	681	3-й родъ. Гигантскій броненосецъ. <i>Priodon</i>	713
Ай. <i>Br. tridactylus</i>	681	Гигантскій броненосецъ. <i>P. gigas</i>	713
II-е Сем. Муравьѣды. Murgmessorphagidae	693	4-й родъ. Щитоносецъ. <i>Chamydorphorus</i>	715
1-й родъ. Муравьѣдъ. <i>Murgmessorphaga</i>	693	Щитоносный крогъ. <i>Ch. truncatus</i>	715
Гривистый муравьѣдъ. <i>M. jubata</i>	693	IV-е Сем. Ящеры. Manididae	718
2-й родъ. Тамандуа. <i>Tamandua</i>	699	1-й родъ. Ящеръ. <i>Manis</i>	718
Четырехпалый тамандуа. <i>T. tetradactyla</i>	699	Длиннохвостный ящеръ. <i>M. longicaudata</i>	721
3-родъ. Двупалые муравьѣды. <i>Cyclopterus</i>	701	Панголивъ. <i>M. pentadactyla</i>	722
Малый муравьѣдъ. <i>C. didactylus</i>	701	Степной ящеръ. <i>M. temminckii</i>	725
III-е Сем. Броненосцы. Dasypodidae	702	V-е Сем. Трубказубы. Orycteropidae	727
1-й родъ. Броненосецъ. <i>Dasypus</i>	704	1-й родъ. Трубказубъ. <i>Orycteropus</i>	727
Щетинопая броненосецъ. <i>D. villosus</i>	705	Канскій трубказубъ. <i>O. capensis</i>	727

ОГЛАВЛЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

ОТДѢЛЬНЫЕ РИСУНКИ.

	Стр.		Стр
Полосатая гиена.....	12	Тагуанъ (Индійская лѣтяга) (хромолит.).....	440
Собаки эскимосовъ.....	168	Байбаки.....	464
Лисица (хромолитогр.).....	176	Бобръ.....	496
Фенекъ (хромолитогр.).....	212	Малютка мышь (хромолитогр.).....	544
Сѣрый медвѣдь.....	244	Дикообразы (хромолитогр.).....	592
Бѣлый или полярный медвѣдь.....	257	Мара.....	612
Медвѣдь-губачъ.....	272	Водосвинки.....	624
Бѣлоногая носуха (хромолитогр.).....	288	Двухпалый лѣнивецъ.....	688
Тюлени (хромолитогр.).....	304	Капскій трубкозубъ.....	728
Морской левъ (Гривистый тюлень).....	360		

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

Скелеть пятнистой гиены.....	3	Лисогонъ.....	153
Пятнистая гиена.....	7	Бигль.....	155
Береговая гиена.....	11	Ньюфаундленская собака.....	157
Земляной волкъ.....	15	Ст-Бернардская собака.....	159
Скелеть волка.....	19	Пудель.....	161
Волкъ.....	21	Косматый пинчеръ.....	165
Полосатый волкъ.....	39	Овчарка.....	167
Полосатый волкъ.....	41	Шпицъ.....	171
Шакаль.....	43	Скелеть лисицы.....	177
Чапичный шакаль.....	47	Полярная лисица лѣтомъ.....	199
Луговой волкъ.....	51	Полярная лисица зимою.....	201
Виверровая собака.....	53	Корсакъ.....	208
Майконгъ.....	55	Сѣрая лисица.....	215
Агуарачай.....	59	Широконогая лиса.....	217
Гиеновая собака.....	63	Скелеть медвѣдя.....	220
Колзунъ.....	69	Обыкновенный медвѣдь.....	223
Адыгъ.....	71	Барибаль.....	248
Горный волкъ.....	73	Кума.....	252
Динго.....	85	Бируангъ.....	255
Борзая собака.....	119	Пауда.....	274
Левретка.....	125	Бинтуронгъ.....	276
Шотландская собака.....	127	Скелеть полоскуна или енота.....	277
Датскій догъ.....	129	Кнотъ или полоскунъ.....	278
Нѣмецкій догъ.....	131	Кинкажу.....	296
Мастифъ.....	135	Скелеть тюленя.....	319
Мопсъ.....	139	Лысунъ.....	321
Тибетскій догъ.....	141	Холдлачъ обыкновенный.....	325
Таксы.....	143	Морской слонъ.....	327
Легавая собака, короткошерстная.....	145	Скелеть моржа.....	334
Легавая собака, длинношерстная.....	147	Моржъ.....	335
Кровяныя собаки.....	149	Сивучъ.....	349
Олепя собака.....	151	Морской котъ.....	355

	Стр.		Стр.
Скелеть водяной землеройки.....	368	Слѣпышь.....	581
Скелеть ежа.....	371	Прыгающій мѣшконосъ.....	584
Ежъ.....	373	Гофферъ.....	587
Скелеть крота.....	385	Скелеть и зубы дикообраза.....	590
Кротъ.....	386	Кистехвость африканскій.....	596
Тана.....	395	Иглопереть.....	598
Слоно-землеройка.....	398	Цѣлкохвостый дикообразъ.....	602
Танрекъ.....	399	Куанду.....	607
Кубскій железузь.....	401	Черепъ и скелеть агути.....	609
Домовая и лѣсная землеройка.....	405	Морскія свинки.....	610
Тосканская землеройка.....	408	Агути.....	616
Водяная землеройка.....	409	Черепъ паки.....	620
Выхухоль.....	415	Паки.....	621
Шерстокрыль.....	419	Скелеть щетнистой свинки.....	627
Скелеть бѣлки.....	424	Дегу.....	628
Бѣлка.....	429	Тукотуко.....	630
Ассапанъ.....	443	Хутіа-Конга.....	632
Паки.....	445	Болотный бобръ.....	635
Шилу.....	448	Щетнистая свинка.....	639
Сусликъ.....	452	Шиншилла большая.....	643
Луговая собака.....	456	Шиншилла малая.....	646
Альпійскій сурокъ.....	467	Перуанскій пушакъ.....	648
Скелеты орѣшниковой и садовой сонъ.....	473	Вискаша.....	650
Полчокъ и садовая соня.....	475	Скелеть и зубы зайца.....	654
Орѣшниковая соня.....	481	Зяцъ русакъ.....	656
Скелеть и зубы бобра.....	484	Зяцъ бѣлякъ.....	664
Скелеть тушканчика.....	498	Кроликъ.....	671
Египетскій тушканчикъ.....	503	Сѣноставецъ.....	679
Земляной заяцъ.....	510	Скелеть лѣнвица.....	680
Скелеть кафрскаго долгонога.....	513	Ай.....	682
Долгоногъ.....	514	Скелеть гривистаго муравьяда.....	694
Скелеть пасюка.....	516	Гривистый муравьядъ.....	695
Черная крыса.....	521	Тамандуа.....	700
Пасюкъ.....	523	Малый муравьядъ.....	702
Домашняя мышь.....	535	Скелеть броненосца.....	705
Полевая мышь.....	537	Шестиноясный броненосецъ.....	706
Варварійская мышь.....	545	Трехноясный броненосецъ.....	711
Хомякъ.....	547	Гигантскій броненосецъ.....	714
Ондатра.....	557	Щитовосецъ.....	716
Водяная крыса.....	561	Скелеть ящера.....	719
Обыкновенная полевка.....	566	Длиннохвостый ящеръ.....	721
Сѣтговая полевка.....	570	Панголинъ.....	723
Леммингъ.....	576	Степной ящеръ.....	725

Отрядъ IV°.

Хищныя животныя. (Carnivora)

(Продолженіе.)

Во всѣхъ зоологическихъ садахъ и на всѣхъ выставкахъ животныхъ можно всегда найти такіе экземпляры, на которыхъ сосредоточивается исключительное вниманіе публики, благодаря пристрастнымъ рассказамъ ихъ сторожей, падкихъ до выманиванія «на чай». Этимъ лицамъ ровно ничего не стоитъ сдѣлать изъ животного какое-то особенное чудовище и надѣлать его всевозможными сказочными свойствами. Гиены обыкновенно иначе не выставляютъ, какъ существами, въ которыхъ сосредоточиваются всѣ ужасныя качества хищниковъ, какъ-то: кровожадность, свирѣлость, хитрость, лютость, хищничество и коварство. Для краснаго словца разскащикъ не остановится передъ тѣмъ, чтобы сочинить цѣлую исторію, въ которой гиены фигурируютъ у него въ качествѣ гробоконателей и кощунствующихъ осквернителей покоя мертвыхъ. Несмотря на постоянную борьбу съ такими невѣжественными распространителями ложныхъ свѣдѣній, наукѣ никакъ не удается искоренить ихъ, и въ публикѣ постоянно будутъ вращаться разныя басни и небывлицы, сочиненныя досужими сторожами.

Немногія изъ животныхъ имѣютъ такую фантастическую исторію, какъ гиены. Еще древніе изслѣдователи рассказывали о нихъ самыя невѣроятныя вещи, въ родѣ, напримѣръ, того что собаки теряли голосъ и разумъ, какъ только тѣнь гиены падала на нихъ; увѣряли, что эти хищники обладаютъ свойствомъ изумительно подражать голосу человѣка, чтобы приманивать къ себѣ жертвы, нападать на нихъ врасплохъ и умерщвлять; думали еще, что одно и то-же животное соединяетъ въ себѣ оба пола и, по желанію, можетъ оказываться то самцомъ, то самкою.

«Туловище гиены», говоритъ Геснеръ, «имѣетъ отвратительный видъ: оно все покрыто синими пятнами; глаза такіе-же отвратительныя, имѣющіе свойство безпрестанно мѣняться въ своемъ цвѣтѣ; затылокъ окостенѣлый, неподвижный, какъ у волка или льва; въ головѣ же ея заключенъ драгоценный камень. Другіе къ этому описанію прибавляютъ еще то, что послѣ смерти животного глаза его превращаются въ камни. Пищу себѣ эти хищники добываютъ между трунами другихъ животныхъ или людей, причемъ не удовлетворяются валяющеюся падалью, а специально изыскиваютъ ее въ могилахъ. Гиены обладаютъ великолѣпнымъ зрѣніемъ ночью, днемъ-же ничего не видятъ. По желанію, онѣ умѣютъ удачно подражать человѣческому голосу и, какъ утверждаетъ Аристотель, соединяютъ въ одномъ существѣ два пола.— Животное рѣдко когда попадаетъ въ руки охотнику, такъ какъ знаетъ одну удочку,

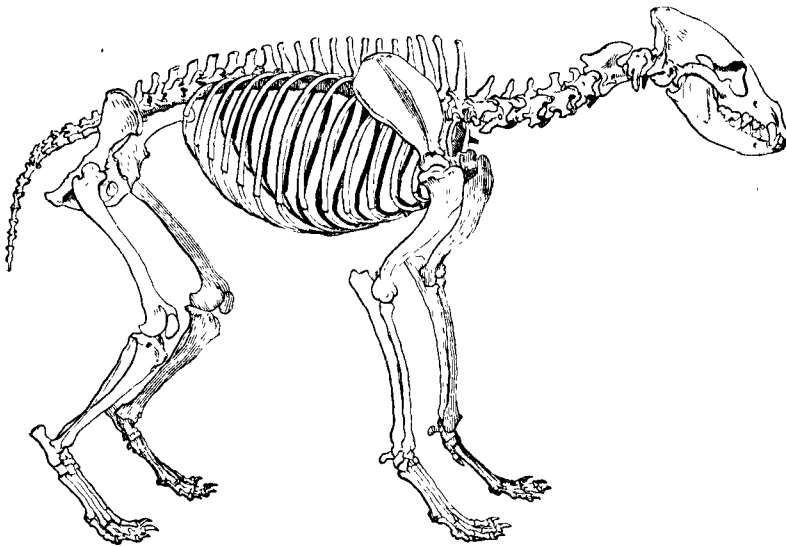
которая парализуетъ дѣйствія человѣка: преслѣдуемая охотникомъ, гіена быстрымъ движеніемъ дѣлаетъ поворотъ направо и старается попасть на его слѣды, оставленные на землѣ; если ей это удается, то на охотника нападаетъ глухота, общее разслабленіе и ему становится уже невозможнымъ продолжать свои преслѣдованія. Кромѣ того, гіена обладаетъ свойствомъ гишотизировать человѣка: стоитъ только ей провести нѣсколько разъ правою лапою надъ спящимъ человѣкомъ, какъ сонъ его дѣлается уже безпробуднымъ, и хищникъ можетъ совершенно спокойно распоряжаться своею жертвою.»

Замѣчательно, что всѣ эти сказочныя исторіи сохранились у всѣхъ народовъ, которымъ приходилось сводить знакомство съ гіеной; но всѣхъ богаче фантастическими представленіями объ этихъ хищникахъ — арабы. Они, напримѣръ, твердо вѣрятъ, что если человѣкъ съѣстъ мозгъ гіены, то можетъ сойти съ ума; вслѣдствіе этого они стараются какъ можно глубже закапывать въ землю голову убитой гіены, чтобы устранить для колдуновъ возможность завладѣть мозгомъ хищника и черезъ то продѣлывать свои ужасныя козни. Нѣкоторые доходятъ въ своемъ суевѣрїи до того, что самихъ гіенъ считаютъ за оборотней, которые днемъ разгуливаютъ въ образѣ человѣка, а на ночь превращаются въ это безобразное хищное животное, на погибель честнымъ людямъ. Меня самого мой слуга-арабъ, въ убѣдительныхъ, сердечныхъ словахъ, предостерегалъ не стрѣлять въ гіенъ, рассказывая ужасныя вещи про силу и хитрость этихъ, какъ онъ искренно вѣрилъ, злыхъ духовъ.

«Это порченые люди, возвеличенные нечистою силою и проклятые Аллахомъ», рассказывалъ мой слуга Али. — «Они могутъ однимъ взглядомъ своихъ дьявольскихъ глазъ остановить кровообращеніе въ жилахъ человѣка, прекратить біеніе сердца, иссушить внутренности и затмить разумъ. Одинъ изъ нашихъ правителей, Хуршидъ-Паша (Благослови его Богъ за это!) приказалъ сжечь нѣсколько деревень, въ которыхъ водились эти оборотни, но все-таки цѣлая еще пропасть осталась ихъ на бѣломъ свѣтѣ и, во вредъ правовѣрнымъ, они страшно могущественны. Хотя Аллахъ и низвергаетъ ихъ въ самую преисподнюю ада, тѣмъ не менѣе, пока они живы, правовѣрные лучше сдѣлаютъ, если сойдутъ съ ихъ дороги и будутъ молить Всевышняго, чтобы Онъ сохранилъ ихъ отъ лютой злобы этихъ проклятыхъ. Несчастный Хуршидъ-Паша тоже поплатился за свои преслѣдованія: онъ умеръ преждевременною смертію, гонимый местью злыхъ духовъ. Вѣрь мнѣ: я самъ однажды былъ въ большой опасности и меня спасъ только Всемогущій, открывъ мое сердце доброму совѣту. Мнѣ какъ-то вздумалось поохотиться съ братомъ на этихъ исчадіяхъ ада; случай представился отличный: ихъ собралось цѣлое полчище справлять тризну на трупѣ верблюда. Но въ то время, какъ я уже хотѣлъ стрѣлять, меня остановилъ голосъ сына одного мудраго шейха: «Прислушайтесь, правовѣрные, — говорилъ онъ, — къ стону существъ, которыхъ вы принимаете за гіенъ. Похожъ-ли онъ на обыкновенный голосъ животнаго? Конечно, нѣтъ! Неправда-ли, что онъ напоминаетъ скорѣе вопль стонущаго человѣка? Такъ вѣрите-же мнѣ, что тѣ, которыхъ вы считаете за хищныхъ звѣрей, никто иные, какъ люди, великіе грѣшники, осужденные за свои грѣхи на вѣчныя стенанія и жалобы. Слышите-ли, какъ иногда эти голоса напоминаютъ сатанинскій хохотъ? Такъ знайте же, что тогда дѣйствительно въ нихъ смѣется дьяволъ. Вѣрите, что эти злые духи породили на землѣ уже массу зла! Я зналъ одного молодого человѣка, который имѣлъ смѣлость убить гіену и за это на другой-же день былъ превращенъ изъ мужчины въ женщину. А съ другимъ случилось еще хуже: какъ только онъ убилъ этого злого духа, кости его тотчасъ-же высохли. Такъ оставьте ихъ лучше, братья!» Мы вняли доброму совѣту; но я цѣлую ночь слышалъ вой этихъ вѣдьмъ, словно онѣ ругались. (Да сохранить насъ

Богъ отъ этихъ прислужниковъ сатаны!) Въ самомъ дѣлѣ это были не звѣри, а настоящія вѣдьмы, исчадія ада и слуги дьявола. Отъ страха у меня дрожали поджилки, коснѣлъ языкъ, темнѣло въ глазахъ; преисполненный ужаса, я поспѣшилъ уйти въ свой станъ. Вѣрь мнѣ, что ты причинишь себѣ много зла, если покусишься на жизнь этихъ чудовищъ, привнимаемыхъ тобою за обыкновенныхъ звѣрей. Хотя они и жители ада, и дѣти сатаны, хотя имъ никогда не будетъ вѣдомо счастье и радости земныхъ обитателей, хотя они, при обладаніи даже почти столь-же обширнымъ гаремомъ, какъ у султана, никогда не извѣдаютъ блаженствъ семейной жизни, хотя въ удѣлъ имъ достанется вѣчная тьма ада и они никогда не увидятъ рая,—тѣмъ не менѣе эти чудовища должны быть неприкосновенны для всякаго правовѣрнаго, и тебѣ, какъ справедливому человѣку, говорю, господинъ: слушайся моего предостереженія!»

Всякая сказка, всякое повѣствованіе облекается въ извѣстные образы, вы-

Скелеть пятнистой гіены.

ходящіе изъ ряда обыкновенныхъ представленій: въ силу этого и животныя, о которыхъ разсказываютъ много чудовищнаго, должны обладать какими-нибудь исключительными особенностями во внѣшности. Это нагляднымъ образомъ подтверждается на **гіенахъ** (*Hyænidæ*): онѣ какъ будто и походятъ на собакъ, а между тѣмъ во всемъ разнятся отъ нихъ; по внѣшнему своему виду онѣ не только некрасивы, даже отвратительны. Всѣ гіены безобразны. Нѣкоторые изслѣдователи смотрятъ на нихъ какъ на нѣчто среднее между собакой и кошкой, но мы не можемъ съ этимъ согласиться, такъ какъ гіены имѣютъ совершенно своеобразный видъ. Туловище у нихъ вытянутое, шея толстая, голова большая, морда некрасивая, но мощная; переднія ноги кривыя и короче заднихъ, вслѣдствіе чего спина имѣетъ покатуую форму; на всѣхъ конечностяхъ по четыре пальца. Уши грубой формы и мало покрыты шерстью. Глаза поставлены косо, вѣчно бѣгаютъ, страшно блестятъ и имѣютъ отталкивающее выраженіе. Толстая, неподвижная шея, короткій, пушистый хвостъ, длинная, лохматая, жесткая шерсть, которая на спинномъ хребтѣ превращается прямо въ щетину, накопецъ, самый цвѣтъ этой шерсти—темный, мрачный—все это, вмѣстѣ взятое, производитъ непріятное впечатлѣніе. Притомъ всѣ гіены

принадлежать къ ночнымъ животнымъ, обладают отвратительнымъ голосомъ, которымъ издають или несносные дикіе крики или, дѣйствительно, какой-то адскій хохоть; онѣ страшно прожорливы, жадны, распространяють скверный запахъ и ходять уродливою хромающею походкою,—однимъ словомъ, въ этомъ животномъ нѣтъ рѣшительно ничего, что бы можно было назвать симпатичнымъ. Если проводить параллель между гіенами и другими животными, то можно найти еще нѣкоторыя особенности: такъ, на примѣръ, устройство челюстей указываетъ на то, что гіены питаются исключительно мясною пищею; необыкновенное развитіе зубовъ даетъ имъ возможность утилизировать несъѣденные остатки пищи послѣ другихъ хищниковъ и разгрызать самыя крѣпкія кости. У собаки правильный рядъ рѣзцовъ образуетъ собою сегментъ круга; у гіены-же зубы вытянуты въ прямую линію и этимъ придають мордѣ широкій, сплюснутый видъ. Рѣзцы у гіенъ замѣчательно развиты, клыки тупые, ложно-коренные отличаются своею плоскою коронкою, а коренные—чрезвычайною величиною. Всѣхъ зубовъ—34, которые расположены такъ-же, какъ у собакъ и другихъ хищныхъ животныхъ: по 3 рѣзца, по одному клыку и по одному коренному въ каждой половинѣ челюстей; только ложно-коренныхъ въ верхней челюсти съ каждой стороны по четыре, а въ нижней по три, молочныхъ-же зубовъ бываетъ поровну въ обѣихъ челюстяхъ. Черепъ поражаетъ широкою тупою мордою, узкою мозговою коробкою и крѣпкими, выдающимися скулами и гребнями. Шейные позвонки до того толсты, что древніе естествоиспытатели предполагали даже, что они представляютъ собою одно цѣлое; ребра то-же очень широкія. Кромѣ того, гіены отличаются величиною своихъ жвачѣвыхъ мышцъ, громадными слюнными железами, языкомъ, покрытымъ роговыми бородавками, широкимъ пищепріемнымъ каналомъ и особенными железами у задняго прохода.

Область распространенія гіенъ очень обширна: по всей вѣроятности, онѣ водятся повсюду въ Африкѣ, за исключеніемъ западной экваторіальной ея части и по всей южной Азіи до Бенгальскаго залива; восточнѣе же залива и на о-вѣ Цейлонѣ ихъ нѣтъ. Это животное не любитъ жить въ лѣсныхъ дѣбряхъ, а предпочитаетъ открытыя гористыя мѣстности, поросшія травою и мелкимъ кустарникомъ, или-же гладкія степи, даже пустыни. Днемъ рѣдко когда можно встрѣтить гіенъ, развѣ только случайно, когда ихъ спугнуть; онѣ выходятъ на промыселъ по ночамъ, послѣ солнечнаго заката, собираясь сначала по одиночно или маленькими группами и оглашая воздухъ пронзительнымъ воемъ. Стоитъ только раздаться одному такому крику, какъ на него тотчасъ-же откликаются другія гіены и въ самое короткое время ихъ соберется цѣлая стая. Голосъ полосатой гіены очень неблагозвученъ, но ужъ не такъ отвратителенъ, какъ о немъ говорятъ; хриплые звуки чередуются съ высокимъ визгомъ, пронзительно-крикливые—съ глухимъ ворчаньемъ. Зато вой пятнистой гіены дѣйствительно представляетъ собою адскій хохоть, какой пылкая фантазія приписываетъ дьяволу и его подземнымъ собратамъ. Кому въ первый разъ приходится слышать эти звуки, тотъ не можетъ воздержаться отъ невольнаго содраганія, а безпристрастный наблюдатель тотчасъ-же пойметъ, что въ этомъ-то ужасномъ хохотѣ и кроется главное основаніе для всякихъ фантастическихъ сказаній объ этихъ животныхъ. Весьма вѣроятно, что ревомъ своимъ гіены созываютъ другъ друга на поиски за добычей, а какъ только она обрѣтена, эта адская музыка, кажется, тотчасъ-же смолкаетъ. Въ продолженіи всей ночи гіены рыщутъ безъ устали; если онѣ не промыслятъ себѣ добычи на поляхъ и степяхъ, то, пренебрегая страхомъ къ собакамъ и сторожамъ, проникають въ деревни, даже въ города и только одно утро въ состояніи снова загнать ихъ въ логовища.

Въ этихъ ночныхъ странствованіяхъ гіены руководствуются не только обоняніемъ, но равнымъ образомъ слухомъ и зрѣніемъ. Онѣ идутъ не только на падалъ, на трупы животныхъ и людей, но и на живыя жертвы, выбирая ихъ изъ стада овецъ, козъ или рогатой скотины; съ этою цѣлью онѣ пробираются къ самымъ изгородямъ, всегда очень высокимъ и плотнымъ, куда загоняютъ скотъ на ночь для защиты противъ хищныхъ звѣрей. Лишь только онѣ почуютъ добычу, тотчасъ-же затихаютъ и какъ можно осторожниѣе (подкрадываясь онѣ не умѣютъ), поминутно озираясь по сторонамъ, подбѣгаютъ мелкою рысью на самое близкое разстояніе, не переставая прислушиваться, обнюхивать воздухъ и готовые, по первому подозрительному звуку, снова удрать назадъ. Пятнистыя гіены нѣсколько смѣлѣе полосатыхъ, но все-таки, сравнительно со своими размѣрами, поразительно трусливы. Дѣлая свои набѣги, при недостаткѣ падали, на живой скотъ, онѣ ограничиваютъ свой выборъ тѣми животными, которыя не могутъ вступать съ ними въ борьбу, поэтому большею частію нападаютъ на слабосильныхъ домашнихъ животныхъ. Но за-то въ этомъ кругу онѣ могутъ производить страшныя опустошенія. Благодаря имъ, Зелусъ потерялъ въ южной Африкѣ двухъ сильныхъ ословъ, отъ которыхъ онъ нашелъ лишь одни черепа, а въ другой разъ за ночь гіены съѣли у него львицу, убитую имъ съ вечера. На здоровый, живой скотъ гіены посягаютъ только тогда, когда не находятъ себѣ добычи среди падали или больныхъ животныхъ оставшихъ отъ стада.

Однако случается, что иногда онѣ обращаются въ настоящихъ гончихъ, преслѣдуютъ по ночамъ антилопъ, подминаютъ подъ себя добычу, какъ это дѣлаютъ волки, душатъ ее и тутъ-же пожираютъ. Швейнфуртъ видѣлъ въ странѣ Ньямъ-Ньямъ, какъ пятнистая гіена, которая, кстати сказать, тамъ очень рѣдки, затравила бубала (*Acronotus саапа*); но такія охоты, во всякомъ случаѣ, могутъ считаться исключительными. Самое пріятное для нихъ—пользоваться падалю; вокругъ нея собирается всегда гіенъ видимо-невидимо. Это настоящіе коршуны между млекопитающими: прожорливость ихъ безгранична; при этомъ онѣ теряютъ всякое самообладаніе, не признаютъ уступчивости и, изъ за лишняго куска, заводятъ настоящую войну; тогда поднимается такой вой, скрежетъ зубовный и хохотъ, что суевѣрные люди въ самомъ дѣлѣ могутъ подумать, что сюда сбѣжались на шабашъ всѣ черти ада.

Несмотря на ту пользу, которую, казалось-бы, могли приносить гіены уничтоженіемъ падали, онѣ все-таки должны считаться безусловно вредными животными, потому что убытокъ, наносимый ими истребленіемъ живого домашняго скота, во всякомъ случаѣ превышаетъ эту относительную пользу, для которой найдутся другіе, болѣе выгодные работники изъ класса птицъ и насѣкомыхъ. Особенно гіены любятъ слѣдовать цѣлою вереницею за караваномъ, идущимъ по степи или пустынѣ, словно чуютъ, что изъ каравана на ихъ долю почти всегда выпадетъ жертва. Въ крайнемъ случаѣ онѣ удовлетворяются какими-бы то ни было остатками отъ животнаго, иногда даже сухою кожей, и зачастую ихъ можно встрѣтить на деревенскихъ дворахъ роющими въ навозныхъ ямахъ.

Не разъ поднимался споръ о томъ, безусловно-ли гіена опасна для человѣка. О полосатой гіенѣ въ этомъ отношеніи нельзя высказать вполнѣ опредѣленнаго мнѣнія; что касается пятнистой, то случаи нападенія этихъ гіенъ на людей описывались такъ часто и столь достовѣрными людьми, что сомнѣнія въ ихъ опасности для человѣка быть не можетъ. Большею частію онѣ посягаютъ на жизнь дѣтей, выкрадывая ихъ изъ деревень; на взрослога онѣ рѣшаются нападать лишь тогда, когда видятъ его беззащитнымъ, какъ напр., больнымъ, истомленнымъ или

спящимъ. Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда онѣ нападаютъ и на вооруженныхъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки на нихъ смотрятъ прямо какъ на бичъ страны, въ особенности тамъ, гдѣ онѣ водятся массами. Европейскіе поселенцы, а за ними и туземные жители стали устраивать облавы на гиенъ и употреблять всякія мѣры для истребленія этихъ вредныхъ хищниковъ; на нихъ охотятся съ ружьями или устраиваютъ капканы, западни и отравляютъ стрихниномъ. Если поймать очень ювую гиену, то ее легко приручить и иногда изъ нея можно воспитать доброе привязанное къ своему хозяину домашнее животное; онѣ довольно скоро мирятся съ неволею, отлично ее переносятъ, но подъ старость часто слѣпнутъ.

Въ былыя времена область распространенія гиенъ была гораздо шире; ихъ можно было встрѣтить даже въ Германіи, о чемъ свидѣлствуютъ понадавшіяся изслѣдователямъ кости этого животнаго и хорошо сохранившійся пометъ.

Въ настоящее время существуетъ сколько извѣстно, четыре рода этого семейства: три собственно гиены, а четвертый — земляной волкъ, котораго слѣдуетъ разсматривать какъ переходную ступень между гиенами и виверрами.

Пятнистая гиена (*Hyæna crocuta*, *Canis crocutus*, *Hyæna capensis* и *maculata*, *Crocota maculata*, *Gefflecte Hyâne*, *Hyène tachetée*) отличается величиной, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и пятнистой окраской отъ, гораздо чаще къ намъ привозимой, полосатой гиены и одноцвѣтной береговой гиены. Основной цвѣтъ ея шерсти сѣровато-бѣлый, иногда переходящій въ чалый; по бокамъ и на бедрахъ расположены довольно мелкія темнобурыя пятна. Голова имѣетъ бурю окраску, щеки и темя рыжеватая, хвостъ съ бурими кольцами, а на концѣ черный; ноги имѣютъ свѣтлую окраску. Окраска эта не очень постоянна: встрѣчаются экземпляры темнѣе, а другіе свѣтлѣе. Длина тѣла около 1,3 метра; высота въ плечахъ около 80 см., однако наблюденія показываютъ, что часто встрѣчаются экземпляры болѣе крупныя.

Пятнистая гиена живетъ въ южной и восточной Африкѣ, начиная отъ горъ мыса Доброй Надежды до 17° с. ш. и почти совершенно вытѣсняетъ тамъ, гдѣ она часто встрѣчается, полосатую гиену. Въ Абиссиніи и въ восточномъ Суданѣ она попадаетъ вмѣстѣ съ полосатой гиеной, но къ югу встрѣчается уже въ большемъ количествѣ и наконецъ въ южной Африкѣ окончательно вытѣсняетъ полосатую. Въ Абиссиніи она очень обыкновенна и поднимается на горы до 4,000 метровъ надъ уровнемъ моря. Въ западной Африкѣ на югъ до Лоанго она мѣстами довольно обыкновенна, встрѣчается еще около города Амбрица въ Анголѣ и была замѣчена Пехуэлемъ-Леше еще сѣвернѣе, на гравитныхъ холмахъ между Кинзембо и Музерра. Сѣвернѣе этихъ мѣстностей (7,5° ю. ш.), особенно между Конго и Нигеромъ ее никто не видалъ. Бютнеръ, на основаніи своихъ наблюденій, полагаетъ, что эти гиены въ западныхъ частяхъ Конго не встрѣчаются. Нѣкоторыя отдѣльныя сообщенія о томъ, что находили пятнистую гиену въ Верхней Гвинее, кажется, происходятъ отъ смѣшенія ее съ полосатой. По образу жизни она не отличается отъ другихъ гиенъ, но, вслѣдствіе величины и силы, ее больше боятся, и всѣ вышеприведенныя сказанія, гдѣ гиена описывается какъ оборотень и вредное чудовище, относятся больше всего къ этому виду. Арабы называютъ ее **Марафиль**. Многіе путешественники единогласно утверждаютъ, что эта гиена нападаетъ на людей, особенно спящихъ и усталыхъ. Тоже самое утверждаютъ, по словамъ Рюппеля, абиссинцы. Онъ говоритъ объ этихъ животныхъ слѣдующее: «Пятнистыя гиены отъ природы очень трусливы, но дѣлаются необыкновенно смѣлыми, когда ихъ мучаетъ голодь. Тогда онѣ даже днемъ входятъ въ дома и уносятъ маленькихъ дѣтей, если могутъ; на взрослыхъ однако нападать не осмѣливаются. Когда стада возвращаются вече-

ромъ домой, то гіены часто бросаются быстрымъ прыжкомъ на отставшую овцу, которую имъ удается почти всегда утащить, несмотря на преслѣдованіе пастуховъ. Смѣлость эту можно отчасти объяснить тѣмъ, что здѣсь не держатъ при стадахъ собакъ. Туземцы поймали для насъ нѣсколько взрослыхъ гіенъ, заманивши ихъ въ глубокія ямы, которыя были вырыты на тропинкѣ, окруженной колючимъ кустарникомъ; ямы эти конечно были прикрыты вѣтвями, а за ними обыкновенно привязывали молодыхъ козъ, которыя приманивали гіенъ своимъ блеяніемъ. Однако слѣдуетъ очень скоро убивать гіенъ, потому что онѣ ловко копаютъ землю и та-

Пятнистая гіена. *Hyaena crocuta* 1/11 наст. вел.

кимъ образомъ спасаются изъ ямъ». Въ тѣхъ африканскихъ странахъ, гдѣ мнѣ случалось побывать, пятнистая гіена выказывала себя постоянно вполне трусливымъ животнымъ, которое всегда бѣжитъ отъ человѣка.

Въ Капской колоніи этотъ видъ гіенъ извѣстенъ подъ названіемъ **тигрового волка**. Лихтенштейнъ въ началѣ нашего столѣтія пишетъ о немъ слѣдующее. «Эта гіена на мысъ Доброй Надежды встрѣчается чаще всѣхъ другихъ хищныхъ звѣрей; ее находятъ даже въ ущельяхъ Столовой горы, такъ что фермы около Капштадта страдаютъ отъ ея нападений. Зимой она живетъ въ горахъ, а лѣтомъ въ высохшихъ степныхъ мѣстахъ, гдѣ въ высокой осоцѣ хватаетъ зайцевъ, виверръ и тушканчиковъ, которые приближаются къ водѣ, чтобы пить или искать себѣ пищи. Землевладѣльцы окрестностей Капштадта почти ежегодно устраиваютъ охоты на гіенъ. Тамъ встрѣчается много низкихъ мѣстъ, заросшихъ тростникомъ и осокой; такое мѣсто окружаютъ погонщиками и съ подвѣтренной стороны во мно-

гихъ мѣстахъ зажигаютъ траву. Какъ только огонь заставитъ гіену покинуть свое убѣжище, разставленныя кругомъ собаки яростно на нее кидаются; зрѣлище этой борьбы и составляетъ главное удовольствіе охоты. Однако около городовъ гіены приносятъ больше пользы, чѣмъ вреда: онѣ пожираютъ падаль и уменьшаютъ число вороватыхъ павіановъ и вредныхъ виверрѣ. Очень рѣдко приходится слышать, чтобы гіена въ населенной мѣстности унесла овцу, такъ какъ отъ природы она очень боязлива и не только не нападаетъ на человѣка, но всегда бѣжитъ при его появленіи. Гіена при ходьбѣ сгибаетъ шею и низко опускаетъ голову. Взглядъ ея трусливый и злобный». Во времена Шпармана (1772—1776) гіены приходили на югъ Африки во внутренность городовъ и сѣдали тамъ на улицахъ всѣ животныя отбросы и мелкую падаль. Штрольманъ, описывая свое путешествіе по южной Африкѣ, рассказываетъ о гіенахъ разные ужасы. Ему говорили что ночныя нападенія гіенъ стоили жизни многимъ дѣтямъ и юношамъ, и его знакомые слышали о сорока случаяхъ нападенія гіенъ на людей въ теченіи немногихъ мѣсяцевъ. Шептонъ подтверждаетъ эти рассказы и даже говоритъ, что ему пришлось лѣчить нѣсколькихъ дѣтей, которые были утащены и изуродованы гіенами, но которыхъ все-таки удалось отнять отъ нихъ. Дѣти были: десятилѣтній мальчикъ и восьмилѣтняя дѣвочка. По мнѣнію этого писателя силки, ловушки и самопалы мало помогаютъ противъ гіенъ, такъ какъ онѣ очень хитры и умѣютъ избѣгать опасности.

Хотя вышеприведенные рассказы и слѣдуетъ считать нѣсколько преувеличенными, но многое въ нихъ можно признать вѣрнымъ. Одно и то-же животное показываетъ различный характеръ, смотря по обстоятельствамъ. «Голодъ не тетка» говоритъ пословица, и онъ придаетъ мужество даже трусамъ. Одинъ изъ служителей Фритша очень боялся гіенъ и изъ за этого не рѣшался проходить черезъ густой кустарникъ; его страхъ имѣлъ нѣкоторое основаніе: когда ему случилось разъ ночью верхомъ ѣхать по степи, то гіены за нимъ гнались и онъ могъ ихъ отогнать только зажигая тряпки и даже куски своего одѣяла.

«Смѣлость этихъ животныхъ», пишетъ Фритшъ, «ночью очень значительна; на взрослыхъ людей дѣйствительно они нападаютъ рѣдко, но мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ, когда они хватили дѣтей и старались даже повалить лошадь». И по другимъ описаніямъ можно придти къ убѣжденію, что пятнистая гіена иногда очень смѣла и опасна. Въ Бенгуелѣ она нѣсколько разъ нападала на взрослыхъ людей, которые могли защищаться, напр. на путешественниковъ и почтарей. Джемсъ недавно узналъ (1885), что въ странѣ Сомали эта гіена настолько смѣла, что нападаетъ на скотъ въ присутствіи настуха; онъ самъ былъ очевидцемъ, какъ гигантская пятнистая гіена вечеромъ напала на верблюда въ то время, когда путешественникъ со своими спутниками снималъ съ этого верблюда тюки. Почти въ то-же самое время Пауличке и фонъ-Хардегеръ жили въ Харарѣ и пишутъ слѣдующее о хищничествѣ гіенъ: «Пятнистая гіена представляетъ въ Харарѣ настоящій бичъ. Эти животныя, часто очень большого роста, живутъ въ огромномъ количествѣ на склонахъ ближайшихъ горъ и ежедневно послѣ захода солнца появляются въ городѣ, нападаютъ на скотину и людей и умертвили уже много тысячъ жителей Харара. Гіена нападаетъ чаще всего на нищихъ и дѣтей, а также и на больныхъ оспой, которыхъ выносятъ на улицу, поэтому жители города и окрестностей были намъ очень благодарны, что мы занялись довольно опасной охотой на этихъ ночныхъ хищниковъ и уничтожили нѣсколько дюжинъ ихъ. Охота за ними дѣйствительно довольно опасна и соединена съ большими трудностями, потому что гіены выходятъ изъ своихъ убѣжищъ только по наступленіи темноты, и потому въ нихъ можно

стрѣлять только на близкомъ разстояніи; кромѣ того онѣ очень живучи и яростно защищаются когда ранены. Фонъ Хардеггеръ однажды вечеромъ былъ въ большой опасности, когда раненая гіена огромной величины бросилась на него; только смѣлый ударъ штыкомъ спасъ жизнь моего друга, при чемъ ему пришлось защищаться и отъ самца этой гіены, который приближался большими скачками; фонъ-Хардеггеръ встрѣтилъ его только съ кинжаломъ и убилъ. Охотникомъ во всякомъ случаѣ интересно узнать, что гіена, которую считаютъ столь трусливымъ звѣремъ, при случаѣ можетъ оказаться столь-же опаснымъ и нападающимъ на человѣка хищникомъ, какъ левъ и леопардъ.»

Въ сочиненіи Ноака, въ которомъ описываются собранныя Бемомъ въ восточной Африкѣ млекопитающія и сообщаются наблюденія сего послѣдняго, мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о пятнистой гіенѣ. «Эти животныя встрѣчаются почти повсюду, а въ Угого и Уньяньембе особенно часто и ведутъ себя весьма различно въ разныхъ мѣстахъ. Въ Угого они появлялись ночью цѣлыми толпами кругомъ нашего лагеря, чтобы пожирать околѣвшихъ животныхъ и даже трупы носильщиковъ, между которыми свирѣпствовала оспа, при этомъ они были такъ смѣлы, что совершенно безбоязненно шумѣли и бѣгали въ кустахъ, неохотно удалялись отъ подходящаго къ нимъ человѣка, тотчасъ по уходѣ его возвращались къ своей добычѣ, которую не оставляли даже тогда, когда кто-нибудь изъ насъ прицѣливался въ нихъ изъ ружья. Въ Таборѣ гіены подходили къ верандѣ нашего дома, гдѣ мы часто спали, но ихъ прогоняла небольшая мѣстная собачка, которая была очень смѣла и бросалась на нихъ съ большимъ задоромъ. Около рѣки Угалла онѣ таскали провизію отъ дверей нашихъ палатокъ, и даже выстрѣлы не могли помѣшать имъ пожирать добычу. Напротивъ того въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, около Какома я, хорошо спрятавшись, подолгу напрасно караулилъ ихъ у павшаго быка или осла, который нарочно былъ притащенъ въ удобное мѣсто для приманки ихъ: между тѣмъ гіены держались очень близко отъ этого мѣста, такъ какъ, если я удалялся лишь на четверть часа, то онѣ уже появлялись около падали. Гіены таскаютъ павшихъ животныхъ съ удивительною скоростью: онѣ даже уносятъ такіе большіе трупы, какъ трупъ быка. Я видѣлъ, какъ онѣ, въ числѣ нѣсколькихъ штукъ, безъ труда, галопомъ уносили трупъ человѣка. Гіены оставляютъ въ извѣстныхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ свои испражненія, которыя въ свѣжемъ видѣ темнозеленаго цвѣта, а затѣмъ дѣлаются бѣлыми. При своихъ ночныхъ походахъ онѣ придерживаются извѣстныхъ тропинокъ, но иногда мѣняютъ ихъ на большихъ разстояніяхъ. Онѣ приближаются къ деревьямъ только послѣ наступленія темноты, но ихъ непріятный вой бываетъ слышенъ иногда еще передъ заходомъ солнца, а въ далекихъ лѣсахъ еще раньше. Одинъ изъ нашихъ людей застрѣлялъ днемъ около рѣки Вала гіену, которая для дневного сна избрала себѣ разрушенную хижину въ покинутой деревнѣ. Въ Таборѣ я видѣлъ мальчика, котораго гіена утащила спящимъ, но бросила, когда онъ сталъ кричать. Туземцы считаютъ ихъ нечистыми животными и закрываютъ свои водоемы вѣтвями, чтобы гіены тамъ не пили; между тѣмъ вой ихъ имъ кажется смѣшнымъ, у арабовъ же этотъ вой возбуждаетъ суевѣрный страхъ».

Пятнистая гіена служитъ предметомъ очень многихъ басенъ и разсказовъ. Многіе суданцы полагаютъ, что колдуны принимаютъ видъ гіенъ, чтобы какъ можно болѣе навредить правовѣрнымъ во время ихъ ночныхъ странствованій. Причину этого сказанія слѣдуетъ прежде всего искать въ некрасивомъ внѣшнемъ видѣ животнаго и въ его страшномъ воѣ, который похожъ на человѣческій смѣхъ. Мы должны дѣйствительно признать, что внѣшній видъ гіены очень безобразенъ .

изъ всѣхъ хищныхъ звѣрей у нея несомнѣнно самая отталкивающая, непріятная наружность, при этомъ и душевныя ея качества сильно способствуютъ тому, что всѣ ея ненавидятъ. Она глупѣ, злѣе и свирѣпѣе полосатой гіены, хотя съ помощью кнута ее можно отчасти приручить. Впрочемъ, кажется, она никогда не можетъ быть сдѣлана такой ручной, какъ полосатая гіена; различныя штуки, которыя съ ней продѣлываютъ содержатели звѣринцевъ, не могутъ служить мѣриломъ ея понятливости, а болѣе серьезные люди едва ли могутъ найти какое-либо удовольствіе специально заняться прирученіемъ этого звѣря: гіена слишкомъ безобразна, груба и непріятна, когда содержится въ неволѣ. Она по цѣлымъ часамъ какъ бревно лежитъ на одномъ мѣстѣ въ клѣткѣ, потомъ вдругъ вскакиваетъ, глупо озирается кругомъ, трется о рѣшетку и отъ времени до времени издаетъ свой ужасный хохотъ, который, можно сказать, пронизываетъ человѣка до мозга костей. Мнѣ всегда казалось, что своеобразный и отвратительный вой гіены выражаетъ какія-то сладострастныя ощущенія, по крайней мѣрѣ въ иныхъ случаяхъ смѣющаяся гіена давала поводъ предполагать, что это мѣтніе имѣетъ основаніе. Гаакке отзывается о пятнистой гіенѣ съ лучшей стороны: по его мѣтнію, гіена, извѣстная подъ названіемъ «Пети», и живущая въ Фравкфуртскомъ зоологическомъ саду, очень милый представитель своей породы.

«Если мой Петя не спитъ», пишетъ онъ, «то онъ начинаетъ прыгать, какъ только я приближаюсь къ его клѣткѣ, махаетъ своимъ хвостикомъ, и лицо его принимаетъ пріятное выраженіе, насколько это возможно для лица гіены. Онъ очень радуется, когда я его глажу и чешу. Петръ точно также любезенъ и съ другими своими знакомыми, и если нужно на время его удалить изъ большой клѣтки, то онъ послушно проходитъ цѣлый рядъ другихъ клѣтокъ и позволяетъ себя запереть въ тѣсный ящикъ, служащій для перевозки животныхъ съ одного мѣста на другое. Труднѣе бываетъ его вывести изъ сего послѣдняго, такъ какъ онъ недовѣрчивъ и не знаетъ въ какое общество попадетъ въ новомъ помѣщеніи».

Гіены рѣдко размножаются въ неволѣ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что очень трудно различить полы безъ близкаго изслѣдованія, а изслѣдованія эти вовсе не легко произвести вслѣдствіе злости, упрямства и силы гіенъ, которыя очень не любятъ, чтобы ихъ беспокоили. Такимъ образомъ часто завѣдующіе зоологическими садами не знаютъ правильно-ли соединены пары въ клѣткахъ, или оба животныхъ принадлежатъ къ одному полу. Тамъ, гдѣ пары были правильно соединены, рождались и дѣтеныши, напр. въ Лондонскомъ зоологическомъ саду. О самомъ спариваніи и о времени беременности я никакихъ свѣдѣній не имѣю. Пятнистая гіена въ средней Африкѣ щенится около начала періодическихъ дождей, а сѣвернѣе—весною; логовищемъ при этомъ ей служитъ земляная впадина, канава или пещера; щенята бываетъ отъ 3—4. Пока щенки малы и слабы мать ихъ любитъ нѣжно и храбро защищаетъ отъ враговъ; позднѣе, когда дѣтеныши станутъ крѣпче, она, говорятъ, при опасности бѣжитъ сама и о нихъ не заботится. Дѣтеныши покрыты короткою, жесткою одноцвѣтною темно-бурою шерстью, морда болѣе свѣтлая; пятень на шерсти тогда не замѣтно. Пятнистыя гіены довольно неуживчивы между собой, когда помѣщаются въ одной клѣткѣ. Болѣе сильныя, когда имъ кажется, что ихъ дразнятъ, нападаютъ на слабыхъ, кусаютъ ихъ до смерти и даже пожираютъ; точно также случается и на свободѣ; гіены пожираютъ своихъ раненыхъ и убитыхъ сородичей.

Береговая гіена или береговой волкъ (*Hyæna brunnea*, *H. villosa* и *fusca*. *Schabrackenhäne* и *Strandwolf*. *Hyène brune*) отличается главнымъ образомъ отъ другихъ видовъ длинными, грубыми волосами, которые растутъ на спинѣ и висятъ

по сторонамъ тѣла. Окраска шерсти темно-бурая, ноги бѣловатыя съ бурыми полосками, голова темно-бурая и сѣрая, лобъ черный съ бѣлыми и рыжими пятнышками. Длинные волосы на спинѣ у основанія сѣровато-бѣлые, а остальная часть окрашена въ черно-бурый цвѣтъ. Береговая гиена ростомъ гораздо меньше пятнистой и едва достигаетъ величины полосатой гиены. Животное это живетъ въ южной Африкѣ, но вѣроятно только въ западной, пустынной полосѣ, на сѣверъ до

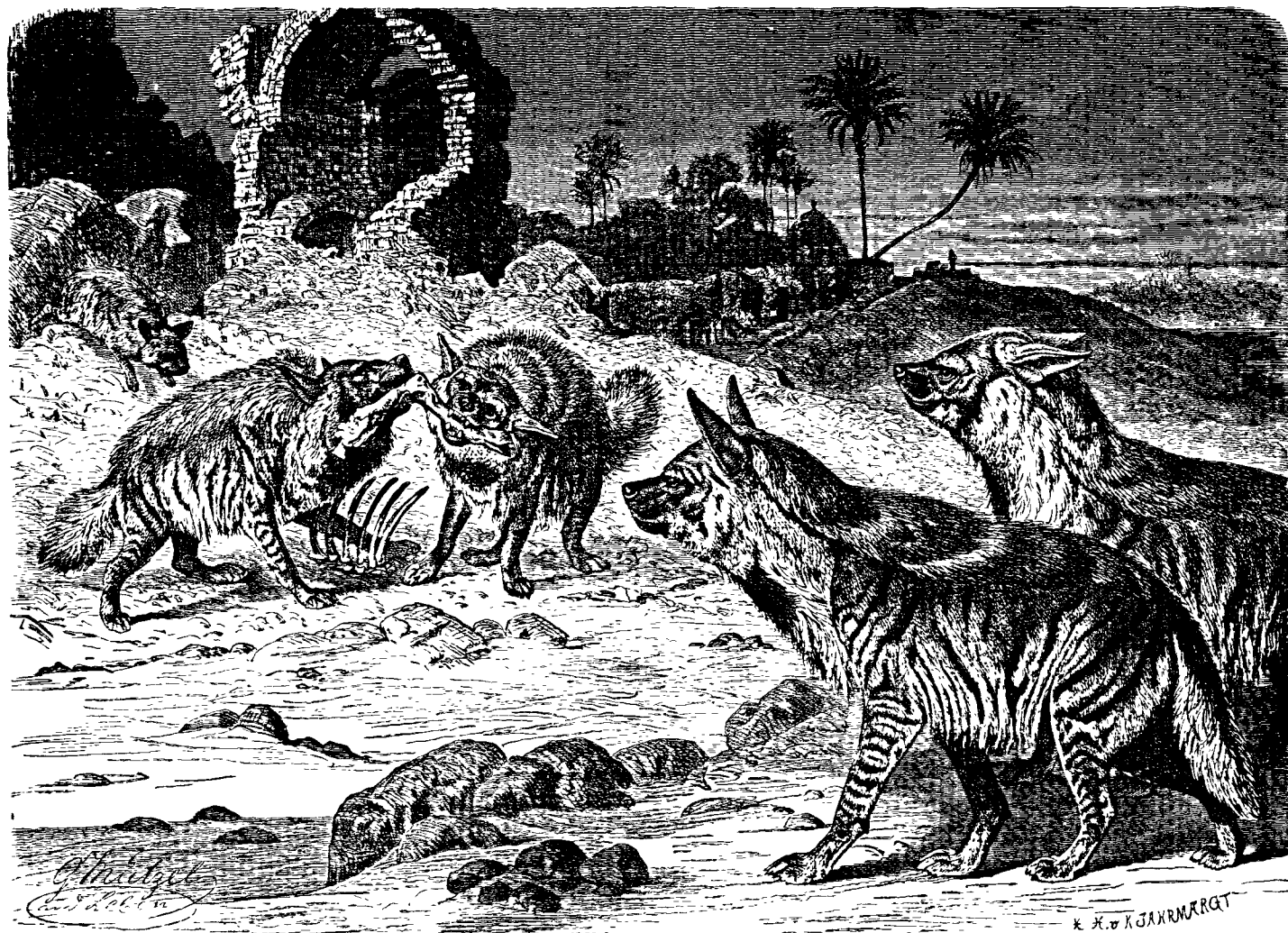

Береговая гиена. *Hyæna brunnea* $\frac{1}{12}$ наст. вел.

Моссамедеса, а можетъ быть какъ земляной волкъ и до Бенгуелы; встрѣчается обыкновенно на самомъ берегу моря. Однако госпожѣ Пехуэль-Леше въ землѣ Гереро, въ 150 километрахъ отъ берега удалось видѣть еще живую береговую гиену, которую туземцы вечеромъ около водопоя сильно пришибли камнями. Животное это, кажется, встрѣчается вездѣ въ меньшемъ количествѣ экземпляровъ, чѣмъ пятнистая гиена, но по образу жизни отъ нея мало отличается и питается главнымъ образомъ падалью, можетъ быть тою падалью, которая выбрасывается моремъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ Китовой губѣ, гдѣ отъ времени до времени замѣчается морь между рыбами, такъ что огромныя массы рыбы

лежать по берегамъ, этой гиены не встрѣчали, хотя шакаловъ тамъ бываетъ множество. Говорятъ, что береговая гиена хватаетъ мелкій скотъ и дѣлаетъ это не только въ случаѣ крайней нужды, но обыкновенно; поэтому ее ненавидятъ точно такъ, какъ и другихъ гиенъ. Но она осторожнѣе и хитрѣе прочихъ видовъ гиенъ, нападается только въ одиночку, а во всякомъ случаѣ не болѣе 2—3 штукъ заразъ. Последнее время эту гиену можно чаще видѣть въ звѣринцахъ и зоологическихъ садахъ. Въ неволѣ она ведетъ себя такъ же, какъ и полосатая гиена; она не такъ зла, какъ пятнистая гиена, и у ней не замѣчали отвратительнаго хохота, какъ у этой послѣдней.

Полосатая гиена (*Hyaena striata*, *Canis hyaena*, *Hyaena vulgaris*, *orientalis*, *antiquorum*, *fasciata virgata*. *Strifenhiäne*, *Huène rayée*) намъ извѣстна лучше другихъ, потому что ее часто привозятъ въ Европу; ее можно видѣть въ каждомъ звѣринцѣ. Она живетъ ближе къ Европѣ, встрѣчается въ большомъ количествѣ, вслѣдствіе чего стоитъ не дорого, и содержатели звѣринцевъ ее охотно держатъ для того, чтобы показывать надъ нею разныя штуки. Такъ какъ это животное общеизвѣстно, то на описаніе ея не стоитъ тратить много словъ. Шерсть ея жестка, щетиниста и довольно длинна, блѣдно-желтовато-сѣраго цвѣта, съ черными поперечными полосами; волоса гривы имѣютъ черные кончики, а передняя часть шеи также черная. Хвостъ иногда одноцвѣтный, иногда полосатый. Голова толстая, а морда относительно тонкая, но на концѣ довольно тупая; стоячія уши очень велики и не покрыты волосами. Дѣтеныши похожи на старыхъ. Длина тѣла взрослой гиены около одного метра. Область распространенія полосатой гиены гораздо больше, чѣмъ у другихъ видовъ: она встрѣчается по всей сѣверной Африкѣ, начиная отъ крайняго запада, въ значительной части южной Африки, а затѣмъ въ юго-западной Азіи, начиная отъ Средиземнаго моря до Бенгальскаго залива. По Блэнфорду гиена эта очень обыкновенна въ сѣверо-западной и средней Индіи, попадается рѣже въ нижней части Бенгаліи и совершенно не встрѣчается въ восточныхъ областяхъ Индіи и на Цейлонѣ. Ея также нѣтъ въ значительной части экваторьяльной Африки; по крайней мѣрѣ въ нѣмецкихъ колоніяхъ восточной Африки, въ Конго и въ западныхъ береговыхъ областяхъ до Нигера ее не встрѣчали. Во внутреннихъ областяхъ Верхней Гвинеи она встрѣчается. Область распространенія ея въ южной Африкѣ, кажется, ограничивается западными областями на сѣверъ отъ Оранжевой рѣки. Фритшъ не могъ доказать ея присутствія въ восточныхъ частяхъ южной Африки, а, напротивъ того, Шинцъ видалъ ее въ пустынѣ Калахари до Кунена. Далѣе на сѣверъ Монтейро находилъ ее вмѣстѣ съ пятнистой гиеной во всей области Куанза, гдѣ вѣроятно находится граница ея распространенія, начиная отъ юга къ экватору. Какъ всѣ гиены, она не любитъ лѣсныхъ мѣстностей, а предпочитаетъ открытыя равнины. Она менѣе вредна, чѣмъ другіе виды гиенъ и потому ее почти нигдѣ не боятся. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она живетъ, встрѣчается такъ много падали или по крайней мѣрѣ костей, что голодъ рѣдко принуждаетъ ее къ смѣлымъ нападеніямъ на живыхъ животныхъ. Гиена эта очень труслива, но и она заходитъ иногда въ деревни, а въ Египтѣ по крайней мѣрѣ по близости ихъ. Къ падали, которую мы клали, чтобы привлечь туда грифовъ, ночью всегда подходили гиены и потому намъ очень надоѣдали. Когда намъ случилось ночевать подъ открытымъ небомъ, то онѣ подкрадывались очень близко къ нашему лагерю, такъ что мы могли стрѣлять въ нихъ, не вставая съ мѣсть. Во время поѣздки въ Синайскія горы мой другъ Гейглинъ застрѣлилъ полосатую гиену со своей постели зарядомъ дробі, обыкновенно употребляемой для куропатокъ. Не смотря на то, что она всѣмъ надоѣдаетъ, ее однако никто не боится и она никогда

ПОЛОСАТЫЯ ПЕНЫ.

не рѣшается нападать на людей даже на спящихъ. Не раскапываетъ она также могилъ, какъ о ней любятъ рассказывать содержатели звѣривцевъ; случается это развѣ только тогда, когда трупъ едва прикрытъ пескомъ или землей. По образу жизни она похожа на пятнистую гиену, но никогда не встрѣчается очень большими стаями. Въ Индіи можно рѣдко видѣть болѣе двухъ гиенъ заразъ, и онѣ тамъ точно также питаются главнымъ образомъ падалью, но таскаютъ большіе куски этой падали въ свои логовища. При случаѣ онѣ хватаютъ овецъ, козъ, а также и собакъ. Жердонъ рассказываетъ, что однажды гиена утащила маленькую собачку одного офицера, но нѣсколько солдатъ сейчасъ же отыскали логовище гиены, убили ее и такимъ образомъ спасли еще живую собачку. Адамсъ одинъ утверждаетъ, что полосатая гиена таскаетъ домашнихъ куръ. Молодые экземпляры считаются въ Индіи довольно способными къ прирученію; они понятливы и очень привязываются къ своему хозяину. Я могу сообщить нѣсколько собственныхъ наблюдений о ручныхъ гиенахъ, которыя жили у меня въ Африкѣ довольно долго. Нѣсколько дней послѣ прибытія нашего въ Харгумъ мы купили двухъ молодыхъ гиенъ за одну марку, (50 копѣекъ). Звѣрки были величиною съ полувзрослыхъ таксъ и покрыты мягкой, тонкою, темно-сѣрою шерстью; они были очень дикі, несмотря на то, что нѣкоторое время уже жили въ обществѣ туземцевъ. Мы ихъ заперли въ темный хлѣвъ и при своихъ ежедневныхъ визитахъ я обыкновенно видѣлъ сначала въ какомъ-нибудь углу четыре зеленватыя, блестящія точки. При моемъ приближеніи гиены фыркали и шипѣли, а когда я хотѣлъ схватить одного изъ звѣрковъ, то онъ меня преобильно укусилъ. Сначала они побоевъ вовсе не боялись, но мало-по-малу стали понимать мою власть надъ ними, и въ одинъ прекрасный день я имъ ясно указалъ, каковы должны быть наши взаимныя отношенія. Въ этотъ день мой слуга ихъ накормилъ и сталъ играть съ ними, а они такъ сильно искусили его руку, что онъ четыре недѣли не могъ ничего дѣлать. Такъ какъ молодыя гиены уже были вдвое больше ростомъ, чѣмъ въ то время, когда ихъ къ намъ принесли, то поэтому могли выдержать довольно сильное наказаніе. Я рѣшился проучить ихъ порядкомъ и полагалъ, что лучше убить одну изъ нихъ, чѣмъ подвергаться опасности быть ими искусаннымъ. Рѣшившись на это, я сталъ ихъ обѣихъ колотить до тѣхъ поръ, пока ни одна изъ нихъ не могла ни ворчать, ни фыркать, когда я близко къ нимъ подходилъ. Желая убѣдиться въ дѣйствительности наказанія, я черезъ полчаса поднесъ свою руку къ ихъ мордамъ: одна изъ гиенъ спокойно обнюхала руку, другая пробовала укусить и была снова сильно поколочена. Въ тотъ-же день я повторилъ этотъ урокъ и, когда упрямая гиена вторично меня укусила, то получила третью порцію ударовъ, которая на этотъ разъ подѣйствовала лучше. Она лежала неподвижно весь слѣдующій день въ своемъ углу и не дотрогивалась до пищи; сутки спустя я снова вошелъ въ ихъ хлѣвъ и оставался тамъ довольно долго. Гиены оказались вполнѣ послушными и уже не пробовали меня кусать. Съ той поры уже строгія наказанія оказались излишними; ихъ злобный нравъ былъ подавленъ, и онѣ подчинились мнѣ вполнѣ. Только еще однажды пришлось ихъ наказати погруженіемъ въ воду, что составляетъ для дикихъ звѣрей самое дѣйствительное средство для укрощенія. Это случилось тогда, когда мы купили третью гиену, которая вѣроятно имѣла дурное вліяніе на своихъ товарищей; но послѣ ванны, и когда новая гиена была отдѣлена отъ остальныхъ, наши старыя знакомыя оказались совсѣмъ ручными.

Три мѣсяца спустя послѣ ихъ приобрѣтенія я могъ играть съ гиенами какъ съ собаками, не опасаясь ихъ укусовъ. Онѣ съ каждымъ днемъ больше ко мнѣ привя-

зывались, были очень рады, когда я къ нимъ приходилъ и выражали это очень страннымъ образомъ. Какъ только я входилъ въ ихъ хлѣвъ, обѣ гіены вскакивали съ веселымъ воемъ, прыгали около меня, клали переднія лапы мнѣ на плечи, обнюхивали мое лицо, наконецъ поднимали хвостъ вертикально кверху и выпускали изъ задняго прохода вывороченную прямую кишку на 5 см.

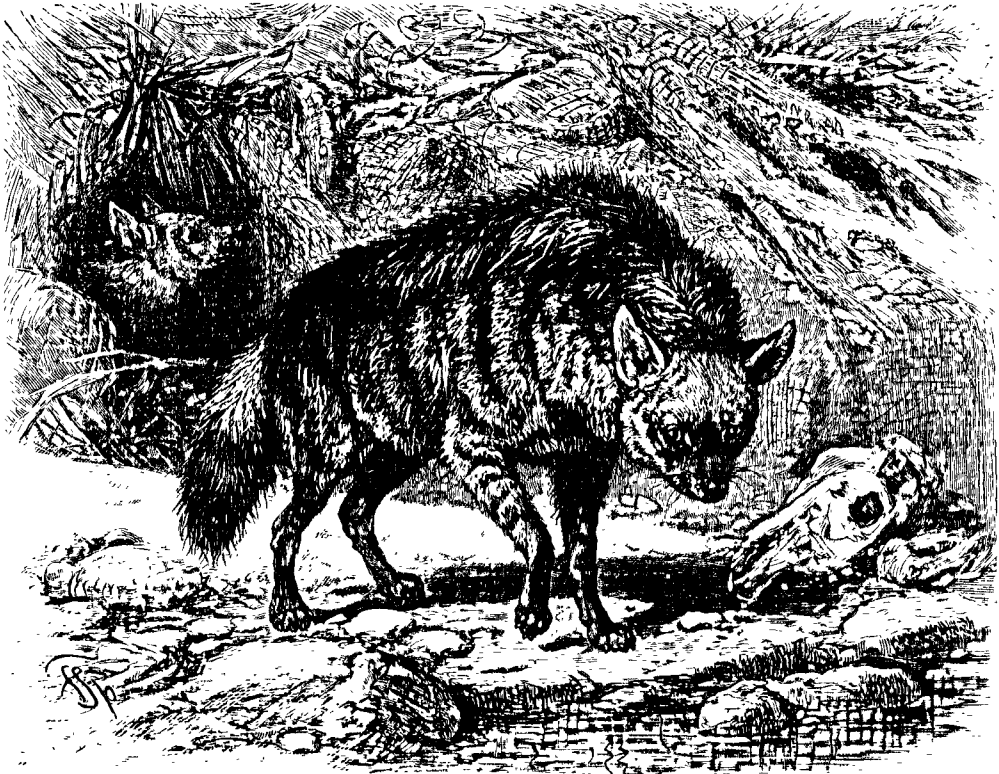
Гіены здоровались со мною всегда такимъ образомъ, и я могъ замѣтить, что самая курьезная часть этой встрѣчи т. е. выпусканіе кишки, служила признакомъ радостнаго настроенія. Когда я хотѣлъ ихъ взять къ себѣ въ комнату, то я открывалъ хлѣвъ и обѣ гіены бѣжали за мной; третью я убилъ во время одного изъ припадковъ ея ярости. Какъ ласковыя собаки, гіены прыгали вокругъ меня, протискивались между моихъ ногъ и обнюхивали мои руки и лицо. На нашемъ дворѣ я могъ съ ними ходить повсюду, не боясь, что которая-нибудь попробуетъ убождать. Въ Каирѣ, впоследствии, я ихъ водилъ по улицамъ, привязанныхъ на тонкой веревкѣ, къ великому ужасу всѣхъ почтенныхъ мусульманъ. Онѣ такъ любили мое общество, что иногда посѣщали меня и безъ приглашенія, когда слугитель забывалъ залереть дверь ихъ хлѣва. Я жилъ во второмъ этажѣ зданія, а хлѣвъ помѣщался въ нижнемъ этажѣ; это нисколько не смущало гіенъ, которыя очень хорошо умѣли ходить по лѣстницѣ и часто приходили въ мою комнату и въ моемъ отсутствіи. Для постороннихъ лицъ было очень странно и даже нѣсколько страшно видѣть вечеромъ, какъ мы пили чай. Около каждаго изъ насъ помѣщалась гіена, какъ хорошо воспитанная собака, спокойно усѣвшись на заднія лапы и прося подачки, какъ обыкновенно это дѣлаютъ собаки. Просьба ихъ выражалась тихимъ, но хриплымъ кряканьемъ, а благодарность свою онѣ выражали вышеуказаннымъ способомъ, или обнюхиваньемъ рукъ.

Онѣ очень охотно грызли сахаръ, но ѣли также хлѣбъ, особенно намоченный въ чаѣ. Обыкновенную пищу ихъ составляли собаки, которыхъ мы для этого убивали. Доставать этотъ кормъ было не трудно, такъ какъ на Востокѣ вездѣ много бродячихъ, шатающихся собакъ, которыхъ можно смѣло уничтожать; но оставаться намъ долго въ одной мѣстности было трудно, такъ какъ собаки замѣчали въ насъ враговъ и дѣлались осторожными. Даже во время нашего долгаго пути на простой лодкѣ изъ Хартума въ Каиръ мы кормили нашихъ гіенъ бродячими собаками. Мы ихъ кормили обыкновенно черезъ два или три дня, но разъ имъ пришлось поголодать восемь дней, такъ какъ невозможно было достать корма. Нужно было тогда видѣть, съ какою жадностью онѣ бросились на мертвую собаку: онѣ визжали, хохотали отъ радости и мгновенно кинулись на добычу. Нѣсколькими ударами челюстей вскрыли онѣ грудную и брюшную полости, и черныя морды ихъ стали съ наслажденіемъ рыться во внутренностяхъ. Скоро нельзя было уже различить морды гіенъ, а замѣтны были двѣ темныя неправильныя массы, облепленные кровью и слизью, которыя все еще прятались во внутренность тѣла собаки и, напоенныя кровью, снова высовывались. Въ это время онѣ по жадности нисколько не уступали грифамъ и даже превосходили ихъ по своему обжорству. Черезъ полчаса послѣ начала кормленія мы обыкновенно находили только черепъ и хвостъ собаки, а все остальное, даже ноги, были съѣдены съ кожей, шерстью и костями. Гіены не брезгали никакимъ мясомъ и отказывались только отъ мяса грифовъ, даже въ случаѣ сильнаго голода, между тѣмъ какъ сами грифы ѣли его охотно. Мнѣ не случалось наблюдать, ѣдятъ-ли онѣ мясо самихъ гіенъ, но вообще онѣ почти исключительно питались мясомъ, а хлѣбъ служилъ лишь лакомствомъ. Между собою плѣвницы жили въ большой дружбѣ; онѣ часто играли какъ собаки: ворчали, тивкали, прыгали другъ черезъ друга, валялись по землѣ и въ шутку грызлись.

Послѣ временной разлуки онѣ встрѣчались съ радостью, что ясно доказываетъ, что даже и гіены способны горячо привязываться другъ къ другу.

* * *

Вторымъ родомъ семейства гіенъ слѣдуетъ считать **Земляного волка** или **Протела** (*Proteles lalandii*, *P. cristatus*, *Viverra hyaenoides*, *Erdwolf*, *Protèle*.) Это еще малоизвѣстное животное по внѣшнему виду очень похоже на полосатую гіену; у него такая-же тупая морда, высокія переднія ноги, покатая спина съ гривой и мохнатый хвостъ, но уши у него больше, чѣмъ у гіены и на переднихъ лапахъ есть ко-

Земляной волкъ *Proteles lalandii* ¹/₂ наст. вел.

роткѣй пятый палецъ, какъ у нѣкоторыхъ собакъ. Зубная система его имѣетъ большія особенности: коренные зубы отдѣлены другъ отъ друга большими промежутками и имѣютъ лишь небольшіе, острые бугорки; нѣкоторые изъ нихъ выпадаютъ, такъ что ихъ не бываетъ больше четырехъ на верхней челюсти и трехъ на нижней. Рѣзцы, какъ у настоящихъ гіенъ, образуютъ прямой и длинный рядъ, отчего морда кажется очень широкой, между тѣмъ какъ задняя часть челюсти, гдѣ сидятъ коренные зубы, невелика и слаба. Только молочные зубы этого животного даютъ возможность точнѣе опредѣлить его мѣсто въ системѣ; оказывается, что оно ближе всего стоитъ къ гіенамъ. Строеніе прочихъ частей скелета похоже на строеніе скелета какъ гіенъ, такъ и собакъ. Позвонки и кости конечностей еще тоньше и, если можно такъ выразиться, изящнѣе, чѣмъ у шакаловъ; но на этихъ костяхъ

замѣтны большіе отростки для прикрѣпленія мускуловъ, что приближаетъ ихъ къ костямъ гіены, отличающихся своей толщиной и массивностью. Протель имѣетъ 15 грудныхъ позвонковъ, 5 поясныхъ, 3 крестцовыхъ и 23 хвостовыхъ, и эти числа приближаютъ животное скорѣи къ гіенамъ, чѣмъ къ собакамъ.

До сихъ поръ извѣстенъ только одинъ видъ земляного волка. Общая длина тѣла 1,1 метра; хвостъ имѣетъ 30 см. Мѣхъ, который состоитъ изъ мягкаго подшерстка и длинной щетинистой ости, имѣетъ блѣдно-желтоватый цвѣтъ съ поперечными черными полосками на бокахъ тѣла. Голова черная съ желтоватыми пятнами; морда, подбородокъ и округлость глазъ темнорубые. Уши внутри желтоватобѣлыя, а снаружи бурья. Нижняя часть тѣла желтоватобѣлаго, а кончикъ хвоста черного цвѣта. Отъ затылка по всей спинѣ до основанія хвоста волоса ости образуютъ гриву, которая продолжается на пушистомъ хвостѣ. Грива эта черного цвѣта съ отдѣльными желтоватыми волосами. Боковыя части морды покрыты короткими волосами, а усы очень длинныя. Кончикъ и гребень носа голые.

Земляной волкъ живетъ въ южной Африкѣ, особенно въ западной части ея до Бенгуелы, а можетъ быть и до Куанзо. О немъ упоминаютъ уже первые путешественники, но описанъ онъ былъ въ первый разъ И. Жоффруа Сентъ-Илеромъ. Латинское видовое названіе (*Lalandii*) получилъ онъ въ честь открывшаго его натуралиста Лаланда, спутникъ котораго, Верро, доставилъ намъ самыя подробныя, хотя все-таки скудныя свѣдѣнія объ образѣ жизни этого животного. Шпаррманъ по всѣмъ вѣроятностямъ описываетъ земляного волка подъ названіемъ «сѣраго шакала», какъ его называютъ голландскіе колонисты южной Африки. Левальянъ въ странѣ Намаковъ самого животного не видалъ, но находилъ его шкуры, употребляемыя въ видѣ плащей. Его спутники однако утверждали, что протель ночью подходилъ къ ихъ лагерю, такъ какъ они умѣли отличать его голосъ отъ голосовъ полосатой гіены и шакала.

Согласно всѣмъ сообщеніямъ, которыя относятся къ этому животному, можно заключить, что оно ведетъ ночной образъ жизни, а днемъ прячется въ норахъ, имѣющихъ сходство съ норами нашихъ лисицъ, но только гораздо обширнѣе, такъ какъ въ одной норѣ живетъ нѣсколько волковъ. Верро выгналъ съ помощью собаки изъ одной норы со многими входами трехъ земляныхъ волковъ, которые были убиты его спутниками. Они выбѣжали съ взъерошенными гривами и опущенными ушами и хвостами и хотѣли спастись бѣгствомъ. Одинъ изъ нихъ старался снова спрятаться въ нору и выказалъ при этомъ большую ловкость въ разгребаніи земли лапами. Изслѣдованіе норы показало, что всѣ выходы вели къ общему помѣщенію, которое вѣроятно и служило общимъ жилищемъ для всѣхъ волковъ. Вышеупомянутый наблюдатель говоритъ, что добыча протеловъ состоитъ главнымъ образомъ изъ маленькихъ ягнятъ, но что отъ времени до времени они нападаютъ и на взрослую овцу, причѣмъ однако пожираютъ только ея жирный курдюкъ. Если это вѣрно, то протель конечно можетъ обходиться и безъ крупныхъ зубовъ. Другихъ свѣдѣній объ образѣ жизни этого животного совсѣмъ нѣтъ.

Область распространенія земляного волка по всей вѣроятности обширнѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Де-Іоаннисъ нашелъ по крайней мѣрѣ въ Нубіи убитаго протела, который совершенно походилъ на живущихъ въ южной Африкѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ многіе земляные волки были доставлены живыми въ Лондонской зоологической садъ и тамъ хорошо переносили неволю. Кормить ихъ не представляло затрудненій. О жизни ихъ въ неволѣ никакихъ свѣдѣній еще не имѣется.

Пятое довольно строго ограниченное семейство плотоядныхъ млекопитающихъ образуютъ **собаки** (Canidae). Уже мы упоминали о томъ, что собаки вовсе не такъ рѣзко отличаются отъ кошекъ, какъ можно предположить по поверхностному сравненію ихъ тѣлосложенія. Семейство это имѣетъ много своеобразныхъ признаковъ, какъ во внутренней организаци, такъ и въ особенностяхъ ихъ образа жизни и привычекъ, но существуетъ однако много и общихъ признаковъ обоихъ семействъ, собакъ и кошекъ. По величинѣ собаки не достигаютъ роста самыхъ крупныхъ кошекъ и поэтому уступаютъ послѣднимъ какъ въ силѣ, такъ и въ свирѣпости. Тѣлосложеніе большею частью у нихъ тощее, голова маленькая, морда острая, носъ тупой и выдающійся, шея довольно слабая, туловище покоится на тонкихъ высокихъ ногахъ съ небольшими лапками, хвостъ довольно коротокъ и часто покрытъ длинными волосами. На переднихъ лапахъ замѣчается чаще всего пять пальцевъ, на заднихъ всегда четыре, съ большими, но тупыми и невтяжными когтями. Глаза всегда довольно большіе и болѣе доступны яркому дневному свѣту, чѣмъ кошачьи глаза. Уши больше и острѣе, чѣмъ у кошекъ; сосцы на груди и животѣ многочисленнѣе. Зубная система собакъ очень полная: у нихъ отъ 36 до 48 зубовъ. Рѣзцовъ—12; верхніе 6 довольно велики, а крайніе изъ нихъ особенно крупны и похожи на клыки: 4 клыка длинны, тонки, остры и на концѣ нѣсколько загнуты; ложно-коренные зубы имѣютъ бугорки мевѣ острые, чѣмъ у кошекъ, а настоящіе коренные зубы имѣютъ тупые бугорки, служащіе для размельченія пищи. Черепъ довольно вытянутъ, въ немъ особенно удлинены челюсти. Въ хребетномъ столбѣ замѣчаются 20 грудныхъ и поясничныхъ позвонковъ, 3 крестцовыхъ и отъ 18—22 хвостовыхъ. Грудная кѣтка образуется 13 парами реберъ, изъ которыхъ 9 паръ настоящихъ и 4 пары ложныхъ. Ключица мало развита, лопатка узкая, тазъ большой. Пищевой кавалъ отличается круглымъ желудкомъ; собственно кишки отъ 4 до 7 разъ длиннѣе тѣла.

Вся организаци собакъ показываетъ, что онѣ могутъ питаться не исключительно животною пищею, а изъ этого слѣдуетъ, что онѣ не такъ свирѣпы и кровожадны какъ кошки, и дѣйствительно въ этомъ отношеніи онѣ довольно рѣзко отъ нихъ отличаются. Въ нихъ замѣчается гораздо менѣе дикости, кровожадности и свирѣпости, чѣмъ у кошекъ, а напротивъ того, чаще всего — довольно ясно выраженное добродушіе. Собачья морда выражаетъ по большей части дружелюбіе и въ ней никогда не видно упрямой самоувѣренности и дикости, которая очень замѣтна на лицѣ кошки. Уже въ самыя первобытныя времена собаки были распространены почти на всемъ земномъ шарѣ, и существуютъ ясныя указанія на то, что онѣ появились на землѣ въ очень раннюю эпоху. Въ настоящее время онѣ встрѣчаются во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ земного шара и почти вездѣ довольно обыкновенны. Мѣстомъ жительства имъ чаще всего служатъ уединенныя спокойныя пустыни, какъ въ равнинахъ, такъ и на горахъ, большіе лѣса, степи и чащи. Нѣкоторые виды постоянно странствуютъ и остаются на мѣстѣ только пока ихъ принуждаютъ къ тому дѣтеныши. Другіе роютъ себѣ норы въ землѣ или пользуются норами, вырытыми другими животными. Нѣкоторыя изъ собакъ принадлежатъ къ почнымъ животнымъ, другія ведутъ полуночной образъ жизни, третью наконецъ охотятся за добычей только днемъ. Первые, т. е. ночныя собаки, днемъ прячутся въ норахъ или въ отдаленныхъ и скрытыхъ логовищахъ, въ кустарникахъ, въ тростникѣ или въ высокой травѣ, между темными и пустынными утесами; ночью-же рыскаютъ по окрестностямъ въ одиночествѣ или цѣлыми стаями, пробѣгаютъ при этомъ иногда разстояніе въ нѣсколько миль, охотятся за всѣмъ, что попадается, забѣгаютъ иногда въ большія деревни и даже города, а утромъ прячутся въ ближайшее

удобное логовище, которое находятъ. Другія почти столь-же дѣятельны днемъ, какъ и ночью. Немногія только живутъ одиноко или парами, и даже тѣ виды, у которыхъ самецъ и самка живутъ въ извѣстное время года вмѣстѣ, собираются при случаѣ въ большія стаи, такъ что можно утверждать, что всѣ вообще собаки принадлежать къ общественнымъ животнымъ.

Относительно способовъ передвиженія, собаки мало уступаютъ кошкамъ. Тупые когти не позволяютъ имъ лазать и поэтому онѣ болѣе кошекъ привязаны къ землѣ. Не могутъ онѣ также дѣлать такихъ высокихъ и далекихъ прыжковъ, какъ эти послѣднія: въ другихъ-же отношеніяхъ онѣ скорѣе превосходятъ кошекъ, чѣмъ имъ уступаютъ. Всѣ собаки прекрасно бѣгаютъ и при этомъ движеніи выказываютъ большую выносливость, т. е. могутъ бѣгать скоро и очень долго. Всѣ безъ исключенія плаваютъ, а нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть названы почти водными животными, такъ какъ съ большимъ искусствомъ плаваютъ и ныряютъ въ водѣ. При ходьбѣ онѣ касаются земли также лишь пальцами, какъ и кошки, но походка ихъ довольно своеобразна—нѣсколько косвенная, такъ какъ онѣ ставятъ ноги не совсѣмъ прямо передъ собой. Внѣшнія чувства у собакъ развиты превосходно. Слухъ почти такой-же хорошій, какъ и у кошекъ, обоняніе-же достигаетъ въ высшей степени замѣчательнаго развитія: что касается зрѣнія, то можно утвердительно сказать, что оно лучше кошачьяго, потому что ночныя животныя изъ этого семейства видятъ въ темнотѣ не хуже кошекъ, а дневныя въ этомъ отношеніи даже превосходятъ ихъ.

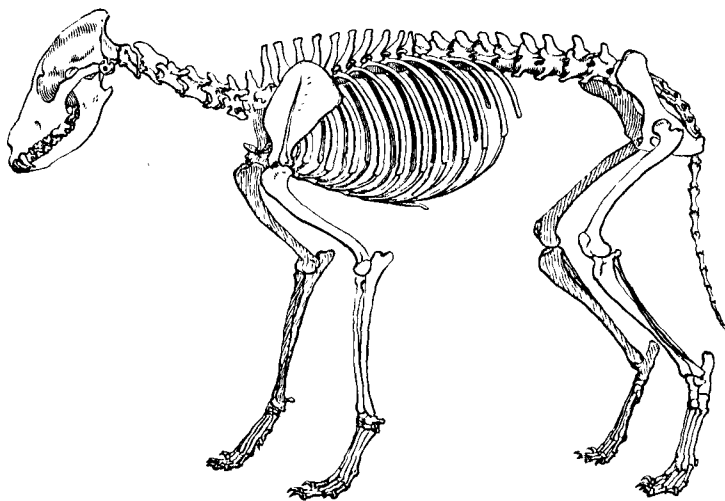
Еще болѣе замѣчательны душевныя способности собакъ. Низко стоящіе виды выказываютъ значительную хитрость и коварство, отчасти даже въ ущербъ мужеству, которымъ въ высокой степени обладаетъ большинство высшихъ видовъ собакъ; тѣ изъ нихъ, которые близко стоятъ къ человѣку, или, лучше сказать, совершенно преданы ему тѣломъ и душой, ежедневно доказываютъ, что ихъ душевныя способности могутъ достигать такой высокой степени развитія, которая не замѣчается ни у какого другого животнаго. Домашняя собака и дикая лисица совершенно съ одинаковою обдуманностью приводятъ въ исполненіе извѣстные, предположенныя планы, результатъ которыхъ онѣ впередъ оцѣниваютъ съ удивительною вѣрностью. Эта понятливость и толковость связала самымъ тѣснымъ образомъ собакъ съ человѣкомъ и поставила ихъ въ этомъ отношеніи выше всѣхъ другихъ животныхъ; при этомъ нужно имѣть въ виду, что собака хищное животное, слѣдовательно по натурѣ своей оно привыкло властвовать надъ другими животными и, несмотря на это, оно добровольно и осмысленно подчиняетъ свои дѣйствія высшему разуму человѣка. Даже у тѣхъ видовъ, которые живутъ въ дикомъ состояніи, эта толковость выказывается въ большой осторожности, предусмотрительности и той недовѣрчивости, которою сопровождаются всѣ ихъ поступки. Только очень сильный голодъ иногда въ состояніи уничтожить эту недовѣрчивость и заставляетъ ихъ поступать не такъ, какъ обыкновенно. При этомъ собаки—животныя добродушныя, охотно играютъ и расположены къ шуткамъ; онѣ рѣзвы, веселы и нравъ у нихъ довольно кроткій, хотя конечно и здѣсь бываютъ исключенія.

Пища ихъ состоитъ преимущественно изъ животныхъ веществъ, чаще всего онѣ питаются млекопитающими и птицами. Онѣ ѣдятъ довольно охотно только что убитую добычу, но всѣ предпочитаютъ ей падаль. Пищя ѣдятъ съ удовольствіемъ кости, другія не пренебрегаютъ самыми грязными испражнениями человѣческаго тѣла. Кромѣ того собаки поѣдаютъ пресмыкающихся, земноводныхъ, рыбъ, мягкотѣлыхъ, раковъ, насѣкомыхъ, а также медъ, плоды и даже иногда почки, молодые побѣги, корни траву и мохъ. Нѣкоторыя изъ нихъ очень обжорливы и убиваютъ больше животныхъ, чѣмъ могутъ съѣсть, но кровожадность ихъ никогда не прояв-

ляется въ такой ужасной формѣ, какъ у кошекъ или куницъ и нѣтъ ни одной собаки, которая-бы упивалась съ наслажденіемъ кровью своихъ жертвъ.

Плодовитость собакъ значительнѣе, чѣмъ у кошекъ, и число ихъ дѣтенышей иногда доходитъ до самаго большого числа, встрѣчающагося у млекопитающихъ. Среднимъ числомъ онѣ мечутъ отъ 4—9 щенятъ, но въ исключительныхъ случаяхъ число дѣтенышей достигаетъ 18 и даже 23-хъ. Иногда случается, что отецъ или другой самецъ преслѣдуетъ молодое потомство съ кровожадными намѣреніями и поѣдаетъ ихъ, если можетъ; это замѣчается, напримѣръ, у волковъ и лисицъ, которые вообще часто не щадятъ себѣ подобныхъ. У большинства же видовъ вся семья живетъ дружно между собой и долго не разстается. Матери заботятся о своемъ потомствѣ съ истиннымъ самопожертвованіемъ.

Вслѣдствіе многочисленности особей нѣкоторыхъ видовъ собакъ вредъ, который онѣ причиняютъ человѣку, довольно значителенъ, и потому эти вредныя животныя повсюду неумолимо преслѣдуются, за-то маленькіе виды этого семейства

Скелетъ волка.

приносить нѣкоторую долю пользы, поѣдая вредныхъ грызуновъ, падалъ и разные другіе человѣческіе отбросы, кромѣ того мѣхъ ихъ, кожа и зубы также идутъ въ дѣло. Если же мы сравнимъ вредъ и пользу, приносимые собаками, то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что онѣ болѣе полезны, чѣмъ вредны, такъ какъ одинъ изъ видовъ, именно наша домашняя собака, оказываетъ человѣку такъ много неисчислимыхъ и незамѣнимыхъ услугъ, что вредъ, причиняемый дикими видами, совершенно передъ этимъ исчезаетъ.

Собакъ можно раздѣлить на три рода, изъ которыхъ два въ свою очередь раздѣляются на множество видовъ и разновидностей. Къ первому роду мы отнесемъ собственно **Собаку** (*Canis*) съ круглымъ зрачкомъ и короткимъ хвостомъ; ко второму роду относятся **Лисицы** (*Vulpes*) съ щелеобразнымъ зрачкомъ и длиннымъ, пушистымъ хвостомъ, а къ третьему—**Длинноухія собаки** (*Otocyon*) съ большими ушами и очень большимъ числомъ коренныхъ зубовъ.

* * *

Чтобы правильнѣе судить о домашнихъ собакахъ и ихъ многочисленныхъ разновидностяхъ, необходимо сначала ознакомиться съ дико живущими видами,

*

именно съ **Волками**, между которыми слѣдуетъ искать прародителей нашей домашней собаки. Только при этомъ условіи сдѣлаются понятными нѣкоторыя подробности изъ жизни домашнихъ собакъ. Кромѣ того мы находимъ болѣе удобнымъ перейти отъ свободно живущихъ собакъ къ совершенно ручнымъ разновидностямъ ея. Первыя намъ указываютъ, чѣмъ собака была до прирученія. Въ нихъ мы видимъ первоначальную форму. домашняя собака намъ показываетъ животное сильно измѣненное и, если можно такъ выразиться, очеловѣченное.

Согласно воззрѣнію Гексли мы дѣлимъ волковъ на четыре группы и къ первой изъ нихъ причисляемъ нашего обыкновеннаго волка. Къ группѣ настоящихъ волковъ (*Lupus*) мы причисляемъ собакъ, имѣющихъ 42 зуба, форму тѣла хотя довольно разнообразную, но все-таки сходную съ волкомъ и голову средней величины съ острой мордой.

* *
*

Волкъ (*Canis [Lupus] lupus*, *Lupus vulgaris* и *L. silvestris*, *Canis lycaon*, *Wolf*, *Loup*.) похожъ на большую, высоконогую, худощавую собаку съ хвостомъ, опущеннымъ внизъ, а не загнутымъ кверху. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи отличительные признаки волка оказываются слѣдующими: туловище у волка худощавое, брюхо подтянуто, ноги также тонкія, хвостъ покрытъ длинными волосами и виситъ до пятокъ. Морда сравнительно съ довольно толстой головой кажется вытянутой и заостренной; широкій лобъ спускается круто внизъ, глаза расположены косо, уши всегда стоячія. Шерсть волка какъ по цвѣту, такъ и по длинѣ волосъ довольно разнообразна, смотря по климату его мѣстожителства. Въ сѣверныхъ странахъ у волка длинная, жесткая и густая шерсть; она всего длиннѣе на животѣ и на бедрахъ, хвостъ очень пушистый, шея и бока покрыты густою щетинистою шерстью; въ южныхъ странахъ волоса значительно короче, но еще болѣе жестки. Цвѣтъ шерсти обыкновенно чало-сѣро-желтый съ примѣсю черныхъ волосъ; на нижней части тѣла окраска эта свѣтлѣе и переходитъ иногда въ бѣловато-сѣрую. Лѣтомъ цвѣтъ животного болѣе рыжеватый, а зимой—желтоватый; въ сѣверныхъ странахъ преобладаетъ бѣлый оттѣнокъ, а въ южныхъ—черный. Лобъ у волка сѣровато-бѣлый, морда сѣровато-желтая съ примѣсю чернаго, губы бѣловатыя, щеки желтоватыя, иногда съ неясными черными полосками, густой подшерстокъ желтовато-сѣрый.

Кое-гдѣ встрѣчается черная разновидность волка, изъ которой нѣкоторыя думали образовать новый видъ (*Canis lycaon*), но которую слѣдуетъ разсматривать какъ незначительное видоизмѣненіе. Горные волки вообще крупнѣе и сильнѣе, а волки, живущіе въ равнинахъ, замѣтно меньше и слабѣе, однако не менѣе хищны, и смѣлы при нападеніяхъ. Въ Венгріи и Галиціи отличаютъ болотнаго и лѣснаго волка: первый изъ нихъ рыжевато-сѣраго цвѣта, ростомъ съ лягавую собаку средней величины и живетъ большею частью большими стаями въ болотистыхъ, ровныхъ и безлѣсныхъ мѣстностяхъ; второй пепельно-сѣраго цвѣта, гораздо крупнѣе болотнаго, только въ извѣстное время года собирается въ большія стаи, а обыкновенно встрѣчается семьями отъ двухъ до пяти штукъ и предпочитаетъ обширные лѣса. Обоиxъ этихъ волковъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, разсматривать какъ разновидности, точно такъ, какъ описаннаго Ходжсономъ тибетскаго волка (*Lupus laliger*), и встрѣчающагося въ Китаѣ **чанго** (*L. chanco*). Грей, описатель чанго, говоритъ, что у него ноги короче, чѣмъ у простаго волка и нѣкоторыя части тѣла, именно уши, бока и наружныя части конечностей покрыты блѣдно-желтыми волосами, которые на животѣ дѣлаются совсѣмъ бѣлыми.

Взрослый волкъ достигаетъ 1,6 метра длины, изъ которыхъ 45 см. приходятся

на хвостъ; высота въ загривкѣ достигаетъ 85 см. Крупные экземпляры вѣсятъ 40, а иногда и 50 килограммовъ. Волчица отличается отъ волка нѣсколько болѣе слабымъ тѣлосложеніемъ, болѣе острой мордой и тонкимъ хвостомъ.

Волкъ и понынѣ еще очень распространенъ, хотя все-таки встрѣчается рѣже чѣмъ въ прежнія времена. Онъ живетъ еще почти во всей Европѣ, но въ самыхъ населенныхъ мѣстахъ этой части свѣта уже исчезъ. Въ Испаніи онъ обыкновененъ въ горахъ и даже въ большихъ равнинахъ, находящихся въ центрѣ страны. Въ Греціи, Италиі и Франціи встрѣчается довольно часто, въ Швейцаріи рѣже, въ

Волкъ. *Canis lupus*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

средней и сѣверной Германіи, а также въ Великобританіи совсѣмъ истребленъ. На востокѣ Европы очень обыкновененъ. Въ наибольшемъ числѣ живетъ онъ въ Венгріи, Галиціи, Хорватіи, Крайнѣ, Сербіи, Босніи, Дунайскихъ княжествахъ, Польшѣ, Россіи, Швеціи, Норвегіи и Лалландіи. Въ Исландіи и на островахъ Средиземнаго моря его, кажется, никогда не было, а въ сѣверной Африкѣ онъ встрѣчается. Кромѣ того волкъ распространенъ по всей сѣверо-восточной и средней Азіи, по Бланфорду—въ Афганистанѣ, Белуджистанѣ до Инда, даже до Синда, а можетъ быть до верхняго Пенджаба. Въ Сѣверной Америкѣ его замѣняетъ столь сходный видъ, что можно считать его за разновидность нашего волка; то-же можно сказать и о мексиканскомъ волкѣ.

Древние знали волка хорошо. Многие греческие и римские писатели говорят о нем не только с тѣмъ отвращеніемъ, которое возбуждалъ всегда волкъ, но также и со скрытымъ страхомъ передъ воображаемыми, таинственными и колдовскими свойствами этого животнаго. Оппіанъ различаетъ пять разновидностей волка, которыхъ переводчикъ Геснера обозначаетъ слѣдующимъ образомъ: **охотничій волкъ**, который называется такъ «въслѣдствіе своей быстроты и ловкости», **хищный волкъ**, «который съ большимъ остервененіемъ съ утра отправляется на добычу, такъ какъ онъ постоянно голоденъ»; **золотой волкъ**, «названный такъ по своему цвѣту и по своей красивой, блестящей шерсти» и наконецъ пятый и шестой, «которые носятъ общее названіе **широколобныхъ волковъ**, потому что ихъ голова и шея коротки и толсты, такъ что имѣютъ нѣкоторое сходство съ наковальней». Въ древне-германскихъ сагахъ волкъ считается животнымъ, посвященнымъ Водану и къ нему относятся скорѣе съ почтеніемъ, чѣмъ съ отвращеніемъ; послѣднее т. е. отвращеніе, явилось уже гораздо позднѣе, когда христіанское вѣроисповѣданіе уничтожило міологическія воззрѣнія древнихъ германцевъ. Тогда Воданъ превратился въ «дикаго охотника», а его волки въ собакъ; наконецъ явилось сказаніе о волкѣ-оборотнѣ, чудовищѣ, которое бываетъ то волкомъ, то человѣкомъ и наводитъ ужасъ на суевѣрныхъ людей. Еще до сихъ поръ на западѣ у малообразованныхъ людей держится преданіе объ этомъ волкѣ-оборотнѣ, и простой народъ таинственно толкуетъ о средствахъ, которыми можно сдѣлать безвреднымъ это чудовище или отогнать его прочь.

Волкъ понемногу вытѣсняется изъ населенныхъ мѣстъ, но даже и западная Европа еще не скоро отъ него избавится. Въ прошломъ столѣтіи этотъ опасный хищникъ встрѣчался еще во всѣхъ лѣсахъ Германіи, но и въ нашемъ столѣтіи по оффиціальнымъ даннымъ ихъ убиваютъ еще тысячами. Въ 1817 году въ Пруссіи было убито 1080 волковъ. Въ Помераніи ихъ было убито въ 1800 году — 118 штукъ; 1801—109; 1802—102; 1803—186; 1804—112; 1805—85; 1806—76; 1807—12; 1808—37; 1809—43. Послѣ этого они стали рѣже, но при бѣгствѣ французской арміи изъ Россіи число ихъ снова значительно увеличилось, такъ какъ трупы погибавшихъ солдатъ доставляли имъ обильную добычу. Въ Познани 1814—1815 годахъ 28 дѣтей было съдено волками, а въ 1820 году еще 19 человѣкъ дѣтей и взрослыхъ. Пынь волки въ Германіи стали очень рѣдки, но ежегодно прибѣгаютъ туда нѣкоторые изъ нихъ изъ Россіи, Франціи и Бельгіи въ восточную и западную Пруссію, Познань, Рейнскія провинціи, а въ холодныя зимы даже въ верхнюю Силезію, причемъ при благоприятныхъ условіяхъ животныя эти забѣгаютъ далеко внутрь страны. Въ 1866 году, на примѣръ, по показаніямъ Пагенштехера волки свирѣствовали въ Оденвальдѣ пока, послѣ многихъ неудачныхъ охотъ, ихъ наконецъ всѣхъ не истребили. Въ теченіи одиннадцати лѣтъ отъ 1871—1882 года въ земляхъ, принадлежащихъ германскому союзу, было убито 459 волковъ и еще въ 1885, 1886 году ихъ было убито въ Лотарингіи 32, въ Эльзасѣ—7, въ Рейнской провинціи—2, въ восточной Пруссіи и Бранденбургѣ по одному; въ концѣ 1886 года еще въ одной мѣстности восточной Пруссіи появилась довольно большая стая волковъ. Въ юго восточной части Австрійской имперіи именно въ Венгріи и принадлежащихъ къ ней славянскихъ земляхъ приходится ежегодно устраивать большія охоты на волковъ и истреблять ихъ разными другими средствами, но въ лѣсистыхъ и мало населенныхъ мѣстностяхъ еще до сихъ поръ ихъ тамъ очень много. Число волковъ, убиваемыхъ ежегодно въ Россіи, съ точностью неизвѣстно, хотя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ за убитыхъ волковъ платятъ преміи;

въ Швеціи и Норвегіи также не собирають точныхъ свѣдѣній о числѣ убитыхъ волковъ, хотя они въ этихъ странахъ причиняють значительный вредъ.

Волкъ живетъ какъ на значительной высотѣ въ горахъ, такъ и въ низменностяхъ и держится преимущественно въ малонаселенныхъ и спокойныхъ пустыряхъ, иногда въ густыхъ лѣсахъ, иногда въ болотистыхъ лѣсахъ, гдѣ много кустарниковъ а на югѣ въ степяхъ. Онъ устраниваетъ себѣ логовище въ кустарникѣ скорѣе на краю лѣса, чѣмъ въ глубинѣ его, на сухихъ кочкахъ въ болотахъ, въ камышѣ, кукурузныхъ поляхъ, а въ Испаніи даже на хлѣбныхъ поляхъ, часто вблизи деревень. Вообще онъ избѣгаетъ человѣческихъ поселеній гораздо менѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, но очень осторожно скрывается и не показывается до тѣхъ поръ, пока сильный голодъ не заставитъ его сдѣлать нападеніе. Когда у нихъ нѣтъ маленькихъ дѣтенышей, то волки рѣдко живутъ постоянно въ одной мѣстности, а большею частью рыскають довольно далеко и покидаютъ какую-нибудь мѣстность на нѣсколько дней или недѣль, чтобы снова въ нее вернуться, когда найдется тамъ добыча. Въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ онъ появляется только въ видѣ исключенія до заката солнца, но въ большихъ лѣсахъ онъ точно такъ, какъ и лисца, при тѣхъ-же обстоятельствахъ, подымается уже въ послѣобѣденные часы, рыскаетъ по окрестностямъ и ищетъ себѣ добычу для утоленія постоянно мучащаго его голода. Весною и лѣтомъ волкъ живетъ одиноко или попарно, осенью цѣлою семьей, зимою-же хищники эти собираются иногда въ большія или меньшія стаи, смотря по тому, насколько условія страны благоприятствуютъ этимъ сборищамъ. Если они живутъ парами, то почти всегда, а весною постоянно, пара эта состоитъ изъ самца и самки; въ большихъ стаяхъ самцы преобладають.

Разъ собравшись въ большую стаю, волки держатся всѣмъ обществомъ вмѣстѣ, другъ другу помогаютъ при нападеніи на добычу и созываютъ другихъ волковъ своимъ воемъ. Впрочемъ волкъ предпринимаетъ свои странствованія какъ въ стаяхъ, такъ и одиночно, пробирается по горнымъ кряжамъ, проходитъ большія стени, переходитъ отъ одного лѣса до другого и такимъ образомъ появляется иногда въ мѣстностяхъ, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ сряду волковъ не видали. Доказано, что во время этихъ странствованій волки пробѣгаютъ въ одну ночь отъ 40 до 70 километровъ. Зимою довольно часто, а при глубокомъ снѣгѣ почти постоянно, стаи волковъ идутъ гуськомъ, при чемъ каждое животное, какъ индѣйцы по военной тропѣ, слѣдуютъ другъ за другомъ, ступая по возможности въ тотъ же самый слѣдъ, (это дѣлають также и рыси), такъ что даже и опытному охотнику трудно узнать изъ сколькихъ волковъ состоитъ стая. Утромъ какая-нибудь лѣсная чаща служитъ убѣжищемъ стаи хищниковъ; въ слѣдующую ночь путешествіе продолжается, иногда же волки возвращаются назадъ. Весною послѣ течки стаи разъединяются, и беременная волчица отыскиваетъ, по показаніямъ заслуживающихъ довѣрія охотниковъ, вмѣстѣ съ волкомъ свое прежнее логовище, гдѣ она родитъ и воспитываетъ своихъ волчатъ. Подвижность и сила волка требуютъ усиленнаго обмѣна веществъ въ его тѣлѣ, а слѣдовательно и большого количества пищи, поэтому этотъ хищникъ вездѣ, гдѣ онъ появляется, истребляють множество, ему доступныхъ, животныхъ. Самую любимую добычу волка составляютъ довольно крупныя домашнія и дикія животныя, какъ млекопитающія, такъ и птицы, но онъ довольствуется иногда и мелкими животными, ѣстъ даже насѣкомыхъ, не пренебрегаетъ, какъ говорятъ, и растительными веществами, напримѣръ кукурузой, дынями, тыквами, огурцами, картофелемъ. Хотя вредъ, приносимый волкомъ, довольно значителенъ, онъ все-же былъ бы сносенъ, если бы волкъ по своей кровожадности не истреблялъ гораздо болѣе животныхъ, чѣмъ сколько онъ можетъ съѣсть. Изъ

за этого онъ долженъ считаться бичемъ для пастуховъ и охотниковъ и вообще врагомъ всѣхъ осѣдлыхъ людей. Лѣтомъ онъ не такъ вреденъ, какъ зимою, такъ какъ лѣтомъ въ лѣсу кромѣ дичи онъ находитъ много другой пищи: ловить лисицъ, ежей, мышей, разныхъ пресмыкающихся и ѣсть нѣкоторыя растительныя вещества; въ это время онъ нападаетъ развѣ на мелкій домашній скотъ, который безъ должнаго надзора пасется вблизи его мѣста жительства. Дичи истребляетъ онъ очень много: загрызаетъ даже лосей, оленей, косуль, уничтожаетъ всѣхъ зайцевъ своего района и, если этой дичи много, то онъ рѣдко нападаетъ на крупный домашній скотъ. Иногда онъ довольно долго занимается охотой на маленькихъ животныхъ и, по словамъ Иславина, слѣдуетъ иногда цѣлыя сотни верстъ за странствующими пес-трушками (*Lemmus norwegicus*); тогда онъ ими только и питается, а на обратномъ пути ѣстъ ящерицъ, ужей, лягушекъ и даже майскихъ жуковъ. Падалъ ѣсть онъ особенно охотно, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живетъ вмѣстѣ съ рысью, до чиста гложетъ ея объѣдки. Осенью и зимою онъ дѣлается гораздо опаснѣе, тогда онъ бродитъ постоянно вокругъ пасущихся еще стадъ и нападаетъ какъ на крупный, такъ и на мелкій скотъ, при чемъ однако остерегается взрослыхъ лошадей, коровъ и свиней, когда онѣ идутъ тѣсною толпой, а волки еще не собирались въ стаи. Въ началѣ зимы онъ все ближе и ближе подходитъ къ деревнямъ и городамъ, проникаетъ въ венгерскія и хорватскія деревни, пробѣгаетъ черезъ такіе большіе города, какъ, на примѣръ, Загребъ, а въ маленькихъ мѣстечкахъ охотится за собаками, которыхъ очень любитъ и которыхъ часто составляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для него единственную добычу. Безъ сомнѣнія онъ при случаѣ хватаетъ и другую добычу, безъ колебанія проникаетъ въ хлѣвъ, если хозяинъ оставилъ двери открытыми, иногда даже вскакиваетъ туда черезъ открытое окно или чердакъ и при этомъ немилосердно загрызаетъ всѣхъ овецъ или козъ, находящихся въ хлѣву. Подобные смѣлые набѣги во внутренность хлѣвовъ встрѣчаются все-таки рѣдко, но жители деревень въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ свирѣпствуютъ волки, ежегодно не досчитываются многихъ своихъ собакъ, да и охотники за волками часто теряютъ такимъ образомъ многихъ псовъ изъ своей охоты. Когда волки бродятъ стаями, то нападаютъ и на лошадей и коровъ, хотя онѣ и умѣютъ защищать свою шкуру. По словамъ Левиса, въ Россіи утверждаютъ, что голодные стаи волковъ нападаютъ на медвѣдя и послѣ продолжительнаго боя его загрызаютъ; наблюденія Кременца подтверждаютъ, что волки иногда тревожатъ медвѣдя въ его зимнемъ логовищѣ, преслѣдуютъ раненыхъ медвѣдей и стараются захватить медвѣжатъ. Едва-ли однако можно допустить, что бой съ медвѣдемъ можетъ быть часто удаченъ для волковъ, но достоверно, что волкъ нападаетъ на всѣхъ животныхъ, съ которыми надѣется справиться. Однако вездѣ онъ какъ можно долѣе старается не начинать борьбы съ человекомъ. Страшные рассказы, которые распространены о волкѣ, точно такъ, какъ и о тигрѣ и бываютъ еще разукрашены фантазіей досужихъ людей, почти всѣ безъ исключенія заключаютъ въ себѣ мало правды. Обезумѣвшая отъ голода стая волковъ при случаѣ конечно можетъ напасть на людей, даже взрослыхъ и вооруженныхъ; можетъ случиться, что волки и загрызутъ и сожрутъ при этомъ человека, но во всякомъ случаѣ опасность отъ волковъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ много, вовсе не такъ велика, какъ часто ее себѣ представляютъ. Одинокій волкъ рѣдко нападаетъ на взрослога человека, даже вооруженнаго одной только дубиной; подобные случаи могутъ встрѣтиться лишь при особыхъ обстоятельствахъ, на примѣръ, если волкъ бѣшеный или волчица опасается за своихъ дѣтенышей; но встрѣча съ волкомъ можетъ быть опасна для незащитныхъ женщинъ и дѣтей.

Во время своихъ поисковъ за добычей волкъ выказываетъ такую-же хитрость,

какъ и лисица, отъ которой отличается главнымъ образомъ нахальствомъ. Онъ приближается къ избранной жертвѣ со всевозможною осторожностью, соблюдая, такъ сказать, всѣ правила охоты; незамѣтно подкрадывается онъ какъ можно ближе къ животному, ловкимъ прыжкомъ хватается его за горло и валитъ на землю. На лѣсныхъ тропинкахъ онъ иногда по цѣлымъ часамъ поджидаетъ добычу, напримѣръ оленя или косулю, а въ степныхъ мѣстностяхъ точно также терпѣливо подкарауливаетъ онъ скрывшагося въ норку байбака. Онъ идетъ по слѣду звѣря съ безошибочной увѣренностью. Когда они охотятся стаями, то умѣютъ очень хорошо раздѣлить между собой работу: часть стаи гонится за добычей, а другая перерѣзываетъ ей путь и загрызаетъ. «Если волки», пишетъ Левисъ, «встрѣтятъ лисицу на равнинѣ, то они стараются ее сейчасъ-же окружить, а нѣкоторые пускаются въ погоню. Бѣдная лиса тогда пропала: ее скоро хватаютъ и еще скорѣе разрываютъ на части и пожираютъ.» Нападая на стадо, волки очень хитро стараются отвлечь отъ него собакъ, о чемъ знали уже древніе народы. Геснеръ пишетъ: «когда соберется много волковъ, а при стадѣ нѣсколько собакъ и пастуховъ, то часть волковъ нападаетъ на собакъ, а другая на овецъ. Когда за нимъ охотятся, то онъ не старается спрятаться, а безъ оглядки бѣжитъ, какъ только услышитъ собакъ».

Какъ вреденъ бываетъ волкъ, видно изъ нижеслѣдующихъ фактовъ. У кочевыхъ народовъ и тѣхъ, которые главнымъ образомъ занимаются скотоводствомъ, не бываетъ хуже врага. Можетъ случиться, что волки въ извѣстной мѣстности дѣлаютъ занятіе скотоводствомъ невозможнымъ, такъ напримѣръ, опытъ разведенія столь полезнаго сѣвернаго оленя въ южныхъ горахъ Норвегіи, не удался вслѣдствіе того, что волки заѣдали этихъ оленей. Одинъ волкъ, который девять лѣтъ сряду жилъ въ окрестностяхъ Шлирскаго и Тегернскаго озеръ, по показаніямъ Кобелля и на основаніи официальныхъ данныхъ, зарѣзалъ въ этой мѣстности до тысячи овецъ и очень много оленей, такъ что убытокъ отъ него опредѣляется въ 8,000—10,000 гульденовъ. Въ лѣсномъ паркѣ около Темешвара, который находится всего въ одномъ километрѣ отъ крѣпости, было растерзано волками въ одну зиму до 70-ти ланей: въ одной деревнѣ, находящейся на границѣ Валахіи, волки зарѣзали въ теченіи двухъ мѣсяцевъ трехъ лошадей и 31 штуку рогатаго скота; а въ кроатской деревнѣ Басма—въ одну ночь 35 овецъ. Въ деревнѣ Сухай въ Кроации, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ, пастухъ гналъ 8-го декабря 1871 года стадо овецъ на поле, гдѣ на него напало до шестидесяти волковъ, которые разорвали и сожрали 24 овцы, причемъ остальные съ испугу разбѣжались въ разныя стороны, и пастухъ вернулся въ деревню только съ однимъ ягненкомъ. Почти то-же случается вездѣ, гдѣ много этихъ опасныхъ хищниковъ. Въ Лапландіи слова «война» и «миръ» имѣютъ только одно значеніе, именно по отношенію къ волку: бѣдные номады сѣвера понимаютъ «миръ» только въ смыслѣ безопасности отъ волковъ, а «война» у нихъ означаетъ борьбу съ этимъ, для нихъ самымъ страшнымъ врагомъ. Въ Испаніи волки причиняютъ также большой убытокъ. Въ Россіи же ежегодно уничтожается ими до 180,000 штукъ крупаго и въ три раза больше мелкаго скота. Лазаревскій утверждаетъ, что вредъ, причиняемый ими домашнему скоту, опредѣляется въ 15 милліоновъ рублей, а если принять во вниманіе истребленіе полезной дичи,—до 50 милліоновъ рублей. Кромѣ того между ними часто господствуетъ бѣшенство и тогда они одинаково опасны какъ людямъ, такъ и животнымъ; говорятъ, что бѣшеные волки въ Россіи постоянно стараются укусить встрѣчающихся людей въ лицо.

Неудивительно, что столь опасные звѣри, особенно тамъ, гдѣ они встрѣчаются во множествѣ, распространяютъ ужасъ не только между людьми, но и между животными. Лошади дѣлаются очень безпокойными, когда почуютъ волка, всѣ прочія домаш-

нія животныя, за исключеніемъ собакъ, обращаются въ бѣгство, какъ только издали услышатъ приближеніе ихъ главнаго врага. Для хорошихъ-же собакъ нѣтъ лучшаго удовольствія, какъ охота на волковъ, такъ какъ вообще замѣчается, что собаки любятъ болѣе всего самую опасную охоту. Непонятна и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительна эта ненависть между двумя, столь близко стоящими животными, каковы волкъ и собака. Хорошая собака, когда слѣдитъ за волкомъ, то забываетъ въ своемъ охотничьемъ задорѣ все остальное и успокаивается только тогда, когда выѣнится въ своего врага. Во время борьбы она не обращаетъ вниманія на равны и ее не смущаетъ смерть ея товарищей. Уже при смерти она все еще старается зубами вѣстись въ волка. Не всѣ собаки однако одинаково хорошо охотятся на волковъ; нѣкоторыя изъ нихъ, почуявъ волка, прячутся. При этомъ величина собакъ не имѣетъ такого значенія, какъ порода, наслѣдственность и извѣстный, приобрѣтенный навыкъ. Очень часто маленькіе псы оказываются болѣе ожесточенными врагами этого хищника, чѣмъ большія, но недостаточно смѣлыя собаки.

И другія домашнія животныя умѣютъ защищаться отъ волка. «Въ южно-русскихъ степяхъ», говоритъ Коль, «волки живутъ въ довольно глубокихъ норахъ, которыя они сами себѣ выкапываютъ. Они очень обыкновенны въ Малороссіи и Украинѣ, гдѣ каждое жилище окружается высокимъ заборомъ, чтобы отъ нихъ защититься. (?) Ночью волки бродятъ около стадъ и табуновъ, пасущихся въ русскихъ степяхъ. Къ табунамъ лошадей приближаются они очень осторожно, стараются схватить жеребятъ, которые, отдалились отъ другихъ лошадей, иногда рѣшаются напасть на одинокаго коня, схватываютъ его за шею и такимъ образомъ валяютъ. Когда прочія лошади увидятъ волка, то онѣ смѣло на него наступаютъ, бьютъ его передними копытами, если онъ тотчасъ не убѣжитъ, а жеребцы хватаютъ его даже зубами. При этомъ часто волкъ бываетъ сразу убитъ, но случается, что онъ снова вскакиваетъ, вливается зубами въ горло наступающаго коня и валитъ его на землю. Даже стая волковъ не въ состояніи принудить къ бѣгству табунъ лошадей, напротивъ того, они сами должны опасаться быть окруженными и избитыми, если не спасутся бѣгствомъ.» Въ подобномъ-же плохомъ положеніи оказывается нашъ сѣрый пріятель, если онъ вздумаетъ полакомиться свининой въ лѣсахъ Испаніи и Хорватіи. Отдѣльную свинью онъ одолѣть конечно можетъ, но большое стадо этихъ животныхъ, по достовѣрнымъ, сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, совершенно безопасно отъ волковъ, которые даже боязливо его избѣгаютъ. Храбрые кабаны смѣло защищаютъ все стадо отъ волковъ и такъ основательно обрабатываютъ ихъ своими бивнями, что тѣ забываютъ всякія покушенія къ хищничеству и думаютъ лишь о спасеніи своей шкуры. Если волкъ во время не убѣжитъ, то сердитые кабаны безжалостно его убиваютъ и съѣдаютъ его мясо съ такимъ-же удовольствиемъ, съ какимъ-бы онъ самъ попользовался добычей. Этимъ объясняется, что въ тѣхъ лѣсахъ, гдѣ пасутся свиньи, почти никогда не бываетъ волковъ и поэтому также понятно, что если охотникъ со своими собаками попадаетъ въ сосѣдство со стадомъ свиней, то его псы подвергаются такой-же опасности, какъ и волки. Свиньи видятъ въ чужихъ, незнакомыхъ имъ собакахъ только близкаго сродника ненавистнаго волка и потому яростно на нихъ бросаются и даже въ этомъ случаѣ не падаютъ охотника, который спѣшитъ на помощь своимъ вѣрнымъ товарищамъ по охотѣ. Даже одинокія свиньи храбро защищаются, и волкъ одолѣваетъ ихъ только съ трудомъ. Однѣ лишь овцы безропотно покоряются неизбѣжному року. «Если волкъ замѣтитъ,» пишетъ Коль, «что пастухи и собаки нѣсколько отошли отъ стада, то онъ бросается на первую попавшуюся овцу и загрызаетъ ее. Прочія овцы убѣгаютъ на 200—300 шаговъ, собираются тамъ въ кучу и своими глухими глазами

смотрять на волка, пока онъ еще разъ къ нимъ не приблизится и не схватитъ еще овцы. Тогда онъ опять уѣзжаютъ на нѣсколько сотъ шаговъ и снова его поджидаютъ.» Къ стаду крупнаго рогатаго скота обыкновенно волкъ не отваживается подойти, такъ какъ оно дружно отражаетъ нападеніе и старается забодать хищника рогами. Онъ пытается только загрызть оставшихъ коровъ или телятъ и хватаетъ ихъ также за горло, какъ и лошадей; болѣе слабыя домашнія животныя обыкновенно дѣлаются жертвами волка, если во время не найдутъ безопаснаго уѣжища, такъ какъ этотъ хищникъ настойчиво преслѣдуетъ ихъ, куда бы они не бѣжали, причемъ не боится даже воды.

Волку свойственны многія качества собаки онъ точно также силенъ и настойчивъ, вѣшнія чувства у него точно также хорошо развиты и замѣчается также понятливость. По свойства эти имѣютъ одностороннее развитіе, и волкъ кажется менѣе благороднымъ, чѣмъ собака, безъ сомнѣнія потому только, что на него воспитательно не влияетъ человекъ. Смѣлость его вовсе не соотвѣтствуетъ его силѣ. Если онъ не голоденъ, то это одно изъ самыхъ трусливыхъ животныхъ. Въ этомъ случаѣ онъ не только бѣжитъ отъ человека и собакъ, отъ коровы и козла, но даже отъ стада овецъ, если эти животныя держатся вмѣстѣ и обращены къ нему головами. Звукъ рожка, бряцанье цѣпи, громкій крикъ и всякій другой сильный шумъ постоянно обращаютъ его въ бѣгство. Въ сказкахъ и басняхъ волкъ изображается дурковатымъ существомъ, которое постоянно даетъ себя перехитрить и обмануть лисицѣ, но этотъ образъ вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ въ хитрости, лукавствѣ, умѣнии притворяться и осторожности волкъ нисколько не уступаетъ лисицѣ и скорѣе во многомъ ее превосходитъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ умѣетъ прекрасно принаровиться къ обстоятельствамъ, свои поступки обдумываетъ и не затрудняется найти выходъ изъ затруднительнаго положенія. Онъ старается обмануть свору собакъ, обнаруживая при этомъ большую осторожность и хитрость и не теряетъ присутствія духа даже, когда за нимъ гонятся. Его зрѣніе, слухъ и обоняніе одинаково хорошо развиты. Утверждаютъ, что онъ не только хорошо чувствуетъ слѣды, но даже слышитъ запахъ на большое разстояніе. Онъ очень хорошо отличаетъ слѣды различныхъ животныхъ, на которые онъ случайно нападаетъ во время своихъ странствованій, и съ большою увѣренностью идетъ по тому слѣду, который избралъ, не обращая вниманія на остальные. При его нападеніяхъ очень замѣтна высокая степень развитія его вѣшнихъ чувствъ, его хитрость, но также и трусость. При всякомъ нападеніи онъ очень остороженъ и предусмотрителенъ, чтобы не попасть въ какую-нибудь ловушку или не заплатить жизнью. Онъ никогда не выходитъ изъ засады, не удостовѣрившись въ томъ, что ничего ему не угрожаетъ. Онъ съ величайшей осторожностью избѣгаетъ всякаго шума, когда приближается къ своей жертвѣ и относится недоувѣрчиво ко всякой веревкѣ, къ каждому отверстию и вообще ко всѣмъ незнакомымъ предметамъ, предполагая въ нихъ западни или ловушки; поэтому онъ по возможности избѣгаетъ войти во дворъ черезъ открытыя двери или ворота, если только можетъ пробраться черезъ изгородь какимъ-нибудь инымъ способомъ. Замѣчено, что онъ только въ крайнемъ случаѣ схватываетъ привязанныхъ животныхъ, боясь, что они выставлены какъ приманка въ какую-нибудь ловушку. Если онъ попадетъ въ такое помѣщеніе, откуда ему нельзя выйти, то онъ даже среди овецъ трусливо прячется въ уголъ и терпѣливо ждетъ своей участи, почти не защищаясь. Точно такъ ведетъ онъ себя и въ другихъ случаяхъ, когда попадаетъ въ неприятное положеніе, напримѣръ, если свалится въ подготовленную яму. Тутъ онъ не думаетъ уже о хищничествѣ, а

только ищетъ средствъ къ спасенію. Старый писатель Геснеръ передаетъ слѣдующими словами рассказъ своего современника Геблера.

«Отецъ Геблера питалъ особое пристрастіе къ охотѣ и приготовилъ нѣсколько ямъ для того, чтобы ловить туда разную дичь. Въ одну изъ этихъ ямъ однажды ночью попалось три живыхъ существа; первое была старуха, которая вечеромъ пробиралась изъ огорода, гдѣ крапа капусту, рѣпу и лукъ; кромѣ того въ той-же ямѣ сидѣли волкъ и лисица. Всѣ трое сидѣли всю ночь смирно, очевидно отъ страха; даже волкъ, который былъ самый сильный изъ нихъ, имѣлъ видъ кроткаго ягненка и никому не дѣлалъ вреда; старуха-же, какъ самое разумное существо, болѣе всего испытывала страха, сдѣлалась совсѣмъ безсильной и блѣдной и была болѣе похожа на мертвую, чѣмъ на живую. Когда рано утромъ отецъ по своему обыкновенію пошелъ осматривать ямы и увидалъ странный ловъ, то очень испугался и заговорилъ со старухой, которая какъ-будто ожила отъ человѣческаго голоса и пришла нѣсколько въ себя. Какъ храбрый человѣкъ, отецъ вскочилъ въ яму, закололъ волка кинжаломъ, убилъ лисицу, на своихъ плечахъ, по доставленной лѣстницѣ, вытащилъ полумертвую старуху и снесъ ее домой, очень удивляясь, что столь свирѣпое и обжорливое животное какъ волкъ не тронуло ночью ни старухи, ни лисицы». Совершенно иначе ведетъ себя волкъ, когда его мучаетъ сильный голодъ; тогда онъ забываетъ всякую осторожность и хитрость и дѣлается не только смѣлымъ, но и нахальнымъ. Для голоднаго волка не существуетъ болѣе опасности; онъ ничего не боится и его ничѣмъ испугать нельзя.

У старыхъ волковъ течка начинается въ концѣ декабря и продолжается до середины января; у болѣе молодыхъ она начинается позже, въ концѣ января и продолжается до половины февраля. Возбужденные страстью самцы въ это время между собою грызутся изъ за любви самки. Послѣ 63—64 дней беременности, т.е. примѣрно какъ у крупныхъ породъ собакъ, волчица мечетъ въ уединенномъ мѣстѣ лѣса отъ 3—9 волчатъ, большею частью—4—6 штукъ. Въ Курляндіи, по сообщенію уѣзнаго лѣсничаго Каде, волчица выбираетъ для своихъ щенятъ сухое лѣсистое мѣсто въ болотѣ, куда люди и скотъ почти не имѣютъ доступа; на югѣ Европы волчицы устраиваютъ свое гнѣздо въ нарочно выкопанныхъ ямахъ, подъ корнями деревьевъ или въ расширенныхъ норахъ лисицъ и барсуковъ. По наблюдениямъ Шепфа въ Дрезденскомъ зоологическомъ саду, волчата остаются слѣбными необыкновенно долго, 21 день, растутъ сначала медленно, впоследствии очень скоро, ведутъ себя какъ молодые собаки, весело играютъ и дерутся между собою какъ щенята, и ихъ вой и лай слышенъ издалика. Волчица обращается съ ними очень нѣжно, какъ хорошая сука, лижетъ и чиститъ ихъ, очень долго кормитъ молокомъ, затѣмъ приноситъ имъ обильную пищу, соответствующую ихъ степени развитія и старательно ихъ скрываетъ отъ постороннихъ глазъ. Если грозитъ какая-нибудь опасность, то волчица переноситъ въ пасти поочередно своихъ дѣтенышей въ другое, болѣе скрытое мѣсто. Молодые волки растутъ до третьяго года и тогда дѣлаются способными къ размноженію. Вѣроятно волки могутъ прожить 12—15 лѣтъ; многіе изъ нихъ умираютъ отъ голода, другіе погибаютъ отъ множества болѣзней, которымъ они подвержены точно такъ, какъ и собаки.

«Вблизи своего гнѣзда», пишетъ мнѣ Каде, «волкъ никогда не охотится, почему молодая косуля и волчата часто играютъ между собой на одной и той-же прогалинѣ. На охотахъ за волками я часто самъ убивалъ и видалъ какъ другіе убивали на однихъ и тѣхъ же тропинкахъ и молодыхъ волковъ, и молодыхъ косуй. Невозможно, чтобы эти послѣднія красивыя животныя не знали о присутствіи волковъ уже въ концѣ іюля». Что волчица перетаскиваетъ своихъ волчатъ

въ другое мѣсто, было наблюдаемо нѣсколько разъ, но многіе утверждаютъ, что и волкъ ей въ этомъ помогаетъ. Говорятъ, что волкъ иногда пожираетъ своихъ дѣтенышей, но это, кажется, случается только при исключительныхъ условіяхъ.

«Не говоря о томъ», пишетъ Каде, «что волчицѣ совершенно невозможно скрыть только что родившееся потомство отъ чуткаго носа своего супруга и слѣдовательно спасти дѣтенышей отъ его зубовъ, я считаю долгомъ поставить вопросъ, почему волки никогда не пожираютъ трупы убитыхъ на охотѣ волковъ, съ которыхъ сняты шкуры? Еще молодымъ человѣкомъ слыхалъ я ужасно жалобный вой старыхъ волковъ, нашедшихъ трупы своихъ дѣтенышей, убитыхъ охотниками. Вой этотъ возбудилъ во мнѣ такую жалость, что я проклиналъ жестокость охотниковъ и никогда не подражалъ имъ». Сообщеніе это опровергается другими наблюденіями: молодые волки, мать которыхъ убита, пропадаютъ часто безслѣдно и по всѣмъ вѣроятностямъ могилами ихъ бывають желудки старыхъ волковъ. Если волчата не бывають потревожены въ своемъ гнѣздѣ, то это слѣдуетъ приписать скорѣе бдительности матери, чѣмъ любви отца. Каде полагаетъ, что отецъ участвуетъ въ добываніи пищи для дѣтенышей, но не подтверждаетъ своего мнѣнія никакими убѣдительными доказательствами, такъ что вопросъ объ этомъ слѣдуетъ считать еще не рѣшеннымъ. Только впоследствии, когда молодые подростутъ, мать приводитъ ихъ къ старымъ волкамъ, и тѣ тогда принимаютъ малышей въ свое общество, отвѣчаютъ, постоянно воемъ на ихъ визжанье, предупреждаютъ ихъ, указываютъ имъ опасности и жалобно воютъ, если они бывають убиты.

Многими опытами доказано, что отъ спариванія суки съ волкомъ и волчицы со псомъ рождаются способные къ размноженію ублюдки. Они не всегда соединяютъ въ себѣ признаки собаки и волка, и дѣтеныши одного помета часто не похожи между собою. Несмотря на вражду между волкомъ и собакою, они спариваются довольно легко, какъ въ неволѣ, такъ и на свободѣ, безъ вліянія человѣка. Въ лѣсныхъ деревьяхъ Галиціи часто волкъ бѣгаетъ съ кобелями за сукою, у которой течка, и собаки, говорятъ, гоняются въ извѣстное время за волчицами. Сходство многихъ собакъ съ волками, замѣчаемое въ Венгріи, Семиградіи, Россіи и Сибири, объясняется этими скрещиваніями.

Захваченные молодыми и хорошо воспитанными, волки дѣлаются очень ручными и выказываютъ большую привязанность къ своему хозяину. Кювье рассказываетъ про одного волка, который былъ воспитанъ какъ собака и подаренъ своимъ хозяиномъ парижскому Jardin des plantes, уже взрослымъ звѣремъ. Нѣсколько недѣль сряду волкъ былъ безутѣшенъ, почти ничего не ѣлъ и относился совершенно равнодушно къ своимъ сторожамъ. Наконецъ онъ почувствовалъ привязанность къ тѣмъ изъ нихъ, которые входили въ его клѣтку и съ нимъ занимались, такъ что повидимому забылъ своего стараго хозяина. Послѣдній вернулся въ Парижъ послѣ восемнадцати-мѣсячнаго отсутствія. Волкъ узналъ его голосъ среди голосовъ многихъ другихъ людей и, выпущенный на свободу, неистово выказывалъ свою радость. Затѣмъ его снова разлучили съ хозяиномъ и, какъ и въ первый разъ, волкъ былъ очень печаленъ. Три года спустя хозяинъ вновь вернулся въ Парижъ. Это было вечеромъ, и волкъ сидѣлъ въ клѣткѣ, откуда не могъ видѣть что происходитъ въ сосѣднемъ помѣщеніи, но какъ только онъ услыхалъ голосъ своего хозяина, то началъ жалобно вить и какъ только его выпустили изъ клѣтки, онъ бросился къ своему другу, положилъ переднія лапы на его плечи, началъ ему лизать лице и пытался кусать сторожей, которые снова хотѣли его запереть въ клѣтку. Когда его воспитатель удалился, волкъ захво-

раль и отказывался отъ нищи. Выздоровленіе продолжалось очень медленно и послѣ этого чужому было всегда опасно къ нему приближаться». Шведская любительница животныхъ Екатерина Бедуаръ рассказываетъ слѣдующее: «Около Гизинге мужъ мой купилъ въ 1837 году трехъ волчатъ, у которыхъ только что открылись глаза. Я пожелала оставить на нѣкоторое время у себя этихъ звѣрковъ. Они жили около мѣсяца вмѣстѣ и имъ было устроено жилище въ садовой бесѣдкѣ. Какъ только я выходила на дворъ и кричала, «собачки, собачки!» то они радостно и довѣрчиво бѣжали ко мнѣ. Я ихъ гладила и ласкала, давала имъ кормъ, и тогда они возвращались въ свою бесѣдку. Черезъ мѣсяць мы подарили двухъ волчатъ и оставили себѣ только одного. Онъ очевидно скучалъ и искалъ общества на дворѣ среди нашей прислуги, а еще чаще повсюду слѣдовалъ за мной и моимъ мужемъ. Этотъ волкъ былъ намъ очень преданъ и, если мы вмѣстѣ гуляли и сажались гдѣ-нибудь отдохнуть, то и онъ укладывался тутъ-же, но не допускалъ, чтобы кто-нибудь къ намъ приближался болѣе, чѣмъ на двадцать шаговъ, при этомъ онъ ворчалъ и скалилъ зубы. Когда я его за это бранила, то онъ мнѣ лизалъ руки, но все-таки внимательно слѣдилъ глазами за приближающимся человѣкомъ. Онъ свободно ходилъ по комнатамъ и по кухнѣ какъ собака, очень любилъ дѣтей, лизалъ ихъ и игралъ съ ними. Когда ему минуло пять мѣсяцевъ, и онъ сдѣлался очень большимъ и сильнымъ, то мой мужъ рѣшилъ его держать на привязи, боясь, чтобы онъ не оцарапалъ дѣтей своими острыми когтями и увидавъ у нихъ кровь, не вздумалъ-бы растерзать ихъ. Однако и послѣ того я его часто отвязывала и брала съ собою на прогулки. Ему была устроена будка около чулана для желѣза и когда зимою крестьяне привозили уголь, то онъ влѣзалъ на стѣну, вилялъ хвостомъ и громко лаялъ, пока они не подходили къ нему, чтобы его погладить. Онъ пользовался этимъ случаемъ, чтобы осмотрѣть ихъ карманы, вѣтъ ли тамъ чего-нибудь съѣстного. Крестьяне къ этому такъ привыкли, что нарочно клали кусочки хлѣба въ карманы, чтобы дать возможность волку отыскать ихъ тамъ. Волкъ понималъ это и съѣдалъ все, что ему предлагали. Кромѣ того онъ съѣдалъ ежедневно три плоски корма. Замѣчательно, что наши собаки пріучились скоро ѣсть изъ одной плоски съ волкомъ, но когда приближалось какое-нибудь чужое животное и хотѣло къ нимъ присоединиться, то волкъ приходилъ въ большую ярость. Какъ только онъ меня видалъ на дворѣ, то начиналъ сильно безпокоиться и рваться съ цѣни, а если я приближалась къ его будкѣ, то онъ становился на заднія лапы, переднія клалъ ко мнѣ на плечи и начиналъ меня лизать. Когда я отъ него уходила, онъ начиналъ жалобно вить. Мы его держали болѣе года, но такъ какъ онъ по ночамъ страшно вить, то мужъ мой и рѣшилъ его застрѣлить.—Одинъ изъ тѣхъ волчатъ, которыхъ мы подарили сосѣдямъ, подружился съ охотницей собакой и спалъ съ ней въ одной будкѣ. Если собакѣ давали мяса, то она приносила его волку и они мирно дѣлили кормъ; волкъ также охотно отдавалъ собакѣ часть своего корма».

Мои собственныя наблюденія надъ волками, которыхъ я самъ воспитывалъ и о которыхъ слыхалъ, подтверждаютъ вышенаведенные рассказы. Одинъ изъ волковъ Бреславскаго зоологическаго сада былъ такимъ-же ручнымъ, какъ собака, самымъ любезнымъ образомъ здоровался съ директоромъ этого учрежденія, Шлегелемъ, лизалъ ему руку, которую тотъ безболзненно просовывалъ въ клѣтку, и относился дружелюбно и къ другимъ знакомымъ. Другой волкъ, который съ нимъ жилъ въ одной клѣткѣ, относился къ Шлегелю очень странно: по его приказанію онъ высовывалъ хвостъ изъ клѣтки, но ворчалъ и сердился, когда хвостъ трогали; при этомъ онъ ляскалъ зубами, но звукъ этотъ не походилъ на интелет-

ный выстрѣлъ, какъ желаетъ убѣдить своихъ довѣрчивыхъ читателей нѣмецкій писатель Маріусъ. Однако гнѣвъ этого волка былъ притворный: онъ яростно бросался на своего товарища, когда его ласкалъ Шлегель, и демонстративно высовывалъ свой хвостъ изъ клѣтки, чтобы быть замѣченнымъ, изъ чего видно, что онъ скорѣе готовъ былъ перенести дерганье хвоста, чѣмъ остаться незамѣченнымъ. Можно съ увѣренностью сказать, что волкъ способенъ къ воспитанію и легко дѣлается ручнымъ, если за нимъ ухаживаютъ люди безъ предубѣжденій. Тотъ, кто умѣетъ съ нимъ обращаться, можетъ изъ него образовать животное очень близкое къ домашней собакѣ. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что къ дикому животному при воспитаніи слѣдуетъ относиться иначе, чѣмъ къ домашнему, которое съ незапамятныхъ временъ находится въ зависимости отъ человѣка.

«Хотя волкъ», пишетъ Геснеръ, «и приноситъ нѣкоторую пользу, когда его убиваютъ или ловятъ, но вредъ отъ живого волка для людей и скота гораздо больше этой пользы, и поэтому, когда найдутъ его слѣдъ, то всѣ мужчины его преслѣдуютъ до тѣхъ поръ, пока не словятъ или не убьютъ его какимъ-нибудь орудіемъ, капканомъ, ловушками, ядомъ, огнестрѣльнымъ оружіемъ или другимъ какимъ-нибудь средствомъ». То, что Геснеръ коротко и просто сказалъ болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ, остается вѣрнымъ и до сихъ поръ.

«Съ волками и медвѣдями никто не долженъ заключать мира». Такъ гласитъ древній законъ Карла Великаго, переведенный на нѣмецкій языкъ въ сборникѣ, называемомъ «Sachsenspiegel». Тамъ-же говорится: «кто держитъ у себя злую собаку или ручного волка, оленя или медвѣдя, тотъ долженъ платить за вредъ, причиняемый этими животными».

Для истребленія волковъ годны всѣ средства: порохъ и свинець, точно такъ, какъ и коварно отравленная приманка, силки и ловушки и даже простая дубина. Большинство волковъ умираютъ отъ стрихнина. Когда зимою пиши волкамъ не хватаетъ, то готовятъ отравленную приманку. Съ убитой или околѣвшей овцы снимаютъ осторожно шкуру, дѣлаютъ надрѣзы въ мясѣ и туда всыпаютъ ядъ, затѣмъ шкура опять напяливается и эту овцу кидаютъ на тронинку, по которой обыкновенно ходятъ волки. Ни одинъ волкъ не наѣдается досыта этимъ отравленнымъ животнымъ, такъ какъ онъ скоро чувствуетъ дѣйствіе яда и немного спустя околѣваетъ. Этотъ способъ истребленія волковъ даетъ наилучшій результатъ. Удобны также ямы, которыя должны имѣть сажени полторы глубины и около сажени ширины. Ихъ покрываютъ тонкими, гибкими вѣтвями, травой, мохомъ, а въ серединѣ привязываютъ приманку. Чтобы не дать волку возможность разглядѣть ловушку и затруднить его выходъ изъ ямы, она окружается изгородью, черезъ которую волкъ съ разбѣга перепрыгиваетъ и такимъ образомъ еще вѣрнѣе падаетъ въ яму.

Въ многолюдныхъ странахъ собираютъ для волчьей охоты много народу. Цѣлыя волости иногда поднимаются, когда найдутъ слѣдъ волка. Швейцарская хроника повѣствуетъ: «Какъ только замѣтятъ волка, всѣ должны подняться и цѣлая область участвуетъ въ охотѣ на него до тѣхъ поръ, пока его не убьютъ или не прогонятъ». Каждый человѣкъ, способный носить оружіе, былъ обязанъ принимать участіе въ этихъ охотахъ и большинство исполняли эту обязанность съ большою готовностью. Въ большихъ лѣсахъ Польши, Познани, восточной Пруссіи и Литвы прорублены, ради охоты на волка, широкія просѣки, и весь лѣсъ раздѣленъ такимъ образомъ на четырехугольники. На трехъ сторонахъ такого четырехугольника, гдѣ предполагаютъ присутствіе волка, становятся охотники съ ружьями, а на четвертую сторону посылаются загонщики. Волкъ появляется обыкновенно довольно скоро,

тотчас послѣ перваго шума и не торопясь бѣжитъ къ охотникамъ, гдѣ его встрѣчаютъ выстрѣлами. На такихъ охотахъ только отличные стрѣлки стрѣляютъ пулями, большинство же охотниковъ заряжаютъ свои двустволки очень крупною дробью или картечью. Мнѣ случилось разъ въ Кроаціи присутствовать на охотѣ за волками, и я долженъ сказать, что зрѣлище этой охоты было великолѣпное, но результатъ довольно плохой. Созвали жителей многихъ деревень и собрали ихъ около лѣса, гдѣ должна была происходить охота. Загонщиковъ набралось нѣсколько сотенъ и они подѣ предводительствомъ лѣсничихъ того помѣщика, который устраивалъ охоту, были разставлены кругомъ лѣса огромною цѣпью, имѣющей около двухъ верстъ длины. Противъ нихъ на дорогѣ была установлена цѣпь стрѣлковъ. Три выстрѣла дали загонщикамъ сигналъ для начала охоты и шумъ поднялся тотчасъ-же. Загонщики подвигались къ намъ съ крикомъ и шумомъ, они свистѣли въ дудки и били въ барабаны, что придавало охотѣ особую оригинальность; казалось, что цѣпльй полкъ идетъ на штурмъ. Скоро я услышалъ шаги приближающагося ко мнѣ животнаго, но это оказалась лисица, а не волкъ. Только одинъ волкъ былъ убитъ однимъ изъ охотниковъ; трое другихъ прорвались сквозь цѣпь загонщиковъ, а четвертый былъ только раненъ. Убитому волку связали лапы ивовыми прутьями, повѣсили на большую жердь и торжественно понесли въ деревню.

Совершенно иначе охотятся жители русскихъ степей. Они рѣдко употребляютъ огнестрѣльное оружіе. Тамъ верхомъ гонятся за волкомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выбьется изъ силъ, и тогда убиваютъ. Уже черезъ нѣсколько часовъ онъ начинаетъ уставать и съ согнутыми задними лапами возвращается къ своимъ преслѣдователямъ, которые слѣзаютъ съ лошадей и убиваютъ его дубиной, или суютъ ему въ пасть какую-нибудь тряпку или старую шляпу, схватываютъ за затылокъ, связываютъ и привозятъ живымъ домой. Коль рассказываетъ, что пастухи при табунахъ лошадей очень искусны въ подобной охотѣ. Они бывають вооружены только палкой съ желѣзнымъ набалдашникомъ, которую они очень ловко кидаютъ въ волка на всемъ скаку, при этомъ они почти всегда попадаютъ въ цѣль и волкъ часто валится отъ одного удара *).

Лапландцы охотятся на волка очень оригинальнымъ образомъ. Лѣтомъ и среди зимы ихъ сѣверные олени часто подвергаются нападеніямъ волковъ, и лапландцы почти ничего противъ этого не могутъ сдѣлать; хотя у нихъ есть ружья и они умѣютъ съ ними хорошо обращаться, но охота съ ружьемъ имъ не такъ нравится, какъ та, которую мы сейчасъ опишемъ. Какъ только выпадетъ первый снѣгъ и на немъ не успеетъ еще образоваться твердая кора, которая зимою выдерживаетъ волка, лапландцы начинаютъ готовиться къ охотѣ. Единственнымъ оружіемъ имъ служить длинная палка, къ концу которой придрѣланъ острый ножикъ, такъ что орудіе это похоже на копье. На ноги лапландцы надѣваютъ длинныя лыжи, съ помощью которыхъ они быстро двигаются по снѣгу. Тогда они отыскиваютъ волка и преслѣдуютъ его; онъ скоро бѣжать не можетъ, такъ какъ до живота проваливается въ снѣгу, поэтому скоро устаетъ, и на лыжахъ его догнать не трудно. Лапландцы все болѣе и болѣе къ нему приближаются и, если преслѣдованіе происходитъ въ безлѣсной равнинѣ, то волкъ погибъ. Ножъ, привязанный къ палкѣ, бываетъ обыкновенно покрытъ роговыми ножнами, которыя однако сидятъ такъ слабо, что падаютъ отъ одного удара по шкурѣ волка; тогда на хищника начинаютъ сыпаться удары остриемъ ножа, пока онъ не протянетъ ноги. Большинство вол-

*) Подобная охота относится, кажется, къ преданьямъ старины грубокой. *Прим. редактора.*

чьихъ шкуръ, которыя привозятся изъ Норвегіи, добыты лапландцами именно этимъ способомъ.

Въ Юрскихъ горахъ кантона Ваадъ въ Швейцаріи существуетъ, по словамъ Чуди, особое общество для волчьей охоты, которое имѣетъ своихъ чиновниковъ, засѣданія и особые суды. Трубный звукъ извѣщаетъ объ убіеніи волка; на деньги, полученныя отъ продажи его шкуры, устраивается большой праздникъ, на которомъ неслушавшіе приказанія начальника пьютъ въ наказаніе одну воду и опутываются соломёнными цѣпями. Такъ какъ членомъ общества можетъ сдѣлаться только тотъ, кто присутствовалъ на трехъ удачныхъ волчьихъ охотахъ, то отцы часто берутъ съ собой маленькихъ ребятъ и держать ихъ во время охоты на рукахъ.

Наибольшая польза, получаемая отъ волка, состоитъ въ его шкурѣ, которая, какъ извѣстно, употребляется на ковры и полости. Самые большіе и лучшіе волчьи мѣха получаютъ изъ Скандинавскаго полуострова, сѣверной Россіи, Сибири и сѣвернаго Китая и за нихъ въ Германіи платятъ отъ 10—25 марокъ. Шкуры изъ другихъ странъ стоятъ гораздо дешевле, отъ 3—8 марокъ. Изъ Россіи и Сибири привозятъ ежегодно въ Европу отъ 20—25 тысячъ шкуръ. Кромѣ того многія правительства платятъ премію за убитаго волка, не обращая вниманія на то, застрѣленъ онъ, отравленъ или пойманъ въ ловушку. Кожа волка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляется кромѣ того на перчатки и барабаны. Мясо волка, которое не ѣдятъ даже собаки, употребляется однако, какъ говорятъ, въ пищу калмыками и тунгузами.

Въ Испаніи, гдѣ шкура волка не имѣетъ большой цѣны, охотники доставляютъ себѣ выгоду отъ убитаго волка другимъ способомъ. Охотникъ кладетъ убитаго волка на мула и отправляется съ нимъ изъ села въ село, сначала къ владѣльцамъ большихъ стадъ; когда нужно, съ волка сдираютъ шкуру и дѣлаютъ изъ нея чучело, которое показывается въ каждой деревнѣ, къ немалому удовольствію молодого поколѣнія. Владѣтели большихъ стадъ платятъ иногда большія суммы за убитаго звѣря и такимъ образомъ можетъ случиться, что охотникъ, при хорошихъ условіяхъ, за показыванье убитаго волка получить довольно значительную сумму.

* * *

Сѣверо-американскій волкъ, распространенный по всей Сѣверной Америкѣ, долженъ, повидимому, считаться за отдѣльный видъ, хотя достоверно это еще не доказано. Его называютъ иначе **Чанго**, **Камышевый волкъ** и **Буланный волкъ** (*Canis (Lupus) occidentalis*, *Canis griseus*, *albus*, *rufus*, *ater*, *variabilis*, *gigas*, *nubilus*, *mexicanus*. Wechselwolf. Loup variable). Волкъ этотъ, говорятъ, больше нашего, морда у него толще и тупѣе, а голова больше и округленная, уши короче и острѣе и онъ покрытъ болѣе густымъ, длиннымъ и мягкимъ мѣхомъ; но всѣ эти признаки имѣютъ только второстепенное значеніе. Окраска шерсти бываетъ всевозможныхъ цвѣтовъ, отъ желтовато-бѣлаго и булано-рыжаго до чернаго: поэтому латинское названіе, данное ему приняемъ фонъ Видъ—измѣнчивый (*variabilis*), для этого животнаго очень характерно; его часто называютъ также тимберовымъ волкомъ (*Timberwolf*). Онъ распространенъ по всей Сѣверной Америкѣ, отъ Мексики на сѣверъ по матеріку и сосѣднимъ островамъ, кромѣ острововъ Королевы Шарлотты на западѣ. Онъ встрѣчается даже на нѣкоторыхъ островахъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, точно такъ, какъ въ западной Гренландіи, а въ восточной части Гренландіи его нѣтъ.

Сѣверо-Американскій волкъ похожъ во всемъ на своего восточнаго родича:

„жизнь животн.“ врѣмя. т. II.

онъ выказываетъ такую-же силу, нахальство и трусливость, какъ и сей послѣдній, и ведетъ себя вообще какъ и нашъ волкъ. Въ клѣткѣ онъ безостановочно движется самымъ страннымъ образомъ, трусливо прячется по угламъ и никогда не осмѣливается нападать на своихъ сторожей. Такъ ведетъ себя волкъ съ перваго-же дня своего плѣненія. Одюбонъ разказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго: одинъ сельскій хозяинъ много страдалъ отъ этихъ хищниковъ, и наконецъ вырылъ нѣсколько глубокихъ ямъ, чтобы ихъ словить. Въ одну изъ этихъ ямъ попало разомъ три волка, два черныхъ и одинъ пестрый. Къ великому удивленію Одюбона земледѣлецъ смѣло влѣзъ въ яму, гдѣ волки, дрожа отъ страха, лежали на днѣ, схватилъ звѣрей за заднія лапы, перерѣзалъ ножомъ сухожилья, чтобы они не могли убѣжать, и выбросилъ ихъ затѣмъ изъ ямы; животныя и не думали защищаться и были убиты земледѣльцемъ. Тильманъ положительно утверждаетъ, что этотъ волкъ совсѣмъ не опасенъ для человѣка, въ чемъ онъ убѣдился во время своего путешествія по Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки и Мексики.

По Ломеру дороже всего пѣнятся волчьи шкуры изъ Лабрадора, черныя, черно-бурыя и чисто бѣлыя; онѣ стоятъ въ Германіи отъ 60—100 марокъ, обыкновенныя сѣрыя—отъ 20—25 марокъ. Шкуры изъ области Гудзонова залива—отъ 10—25 марокъ. Ежегодно продается отъ 10 до 15 тысячъ шкуръ американскаго волка, но въ этомъ числѣ слѣдуетъ считать шкуры и другихъ видовъ волковъ.

* *
* *

Въ Индіи нашего волка замѣняетъ другой видъ, **Индійскій волкъ, Бигана, Багіаръ, Ландга**, какъ его называютъ на различныхъ нарѣчіяхъ въ восточной Индіи (*Canis (Lupus) pallipes*). Онъ замѣтно меньше нашего, высота въ плечахъ 65 см., общая длина тѣла 130 см., изъ которыхъ 40 см. нужно считать на хвостъ. Вѣсъ одной самки былъ опредѣленъ въ 20 килограммовъ. Окраска его болѣе бурая, чѣмъ у обыкновеннаго волка и измѣняется отъ красновато-сѣраго цвѣта съ бурнымъ налетомъ до ржаво-краснаго, хотя эта послѣдняя окраска встрѣчается относительно рѣдко. У нѣкоторыхъ экземпляровъ спина гораздо темнѣе, а нижняя часть тѣла грязновато-бѣлая.

Индійскій волкъ живетъ только на западномъ Индійскомъ полуостровѣ, его однако нѣтъ на Малабарскомъ берегу и около Гиммалайскихъ горъ; на островѣ Цейлонѣ его также не находили. Въ нижней Бенгаліи онъ рѣдокъ, на востокъ отъ этой страны его совсѣмъ не знаютъ, а на правомъ берегу Инда встрѣчается онъ, кажется, рѣдко и только здѣсь развѣ провираетъ въ область распространенія обыкновеннаго волка. Этотъ волкъ любитъ равнины съ рѣдкимъ лѣсомъ и гораздо рѣже встрѣчается въ холмистыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Блэнфордъ, который описываетъ его довольно подробно, говоритъ, что онъ по образу жизни очень похожъ на обыкновеннаго волка только никогда не встрѣчается въ такихъ большихъ стаяхъ, а развѣ только по 6 или 8 штукъ вмѣстѣ; онъ также молчаливѣе обыкновеннаго волка и очень рѣдко воетъ Жердонъ утверждаетъ, что иногда онъ лаетъ, какъ восточныя бродячія собаки. Добычей ему служатъ всякія животныя, съ которыми онъ можетъ справиться, но онъ предпочитаетъ крупныхъ животныхъ, антилопъ, козъ и овецъ, хватается зайцевъ и лисицъ и, говорятъ, даже нападаетъ на крупный рогатый скотъ. Онъ истребляетъ много собакъ и, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, бываетъ опасенъ даже для дѣтей, а при случаѣ и для взрослыхъ. По официальнымъ даннымъ въ десять лѣтъ отъ 1877—1887 года въ Индіи было умерщвлено этими волками 3804 человѣка; больше всего въ 1878 году—845, менѣе всего въ 1886 году—222 человѣка.

Индійскіе волки во время своихъ охотъ выказываютъ много хитрости, а иногда и большое нахальство. Блэнфордъ видѣлъ среди бѣлаго дня, какъ волкъ схватилъ молодую козу на улицѣ деревни и унесъ ее, несмотря на то, что всѣ жители за нимъ гнались. Такъ какъ они могутъ бѣжать долго и скоро, то часто гонять добычу, стараясь ее утомить, причѣмъ очень хитро пользуются сокращенными путями, чтобы скорѣе догнать животное. Говорятъ, что они очень часто подкарауливаютъ пасущихся антилопъ и терпѣливо ждутъ, пока не подозрѣвающія ихъ присутствія животныя не подойдутъ совершенно близко къ нимъ. Иногда они загоняютъ животныхъ въ такія мѣста, гдѣ другіе волки находятся въ засадѣ. Рассказываютъ даже, что волки пускаются на слѣдующую хитрость: нѣсколько волковъ спрячутся въ лѣсу, а одинъ изъ нихъ выйдетъ на полянку въ виду антилопъ, ложится на спину, начинаетъ болтать ногами и выдѣлывать разные другіе фокусы; любопытныя антилопы подходятъ посмотрѣть на странное явленіе и дѣлаются жертвами спрятавшихся волковъ.

По описанію Элліота, хитрые волки умѣютъ отвлечь вниманіе пастуховъ и собакъ при стадахъ овецъ. Часть стаи дѣлаетъ ложное нападеніе на стадо и трусливо убѣгаетъ; собаки и пастухи за ними гонятся, между тѣмъ какъ остальная часть стаи нападаетъ на овецъ и загрызаетъ ихъ какъ можно больше. Эти волки охотятся иногда очень удачно за дѣтьми отъ 10—12 лѣтъ. Форзитъ посѣтилъ одну деревню въ средней Индіи, гдѣ два волка уже въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ устраивали правильную и, къ сожалѣнію, удачную охоту на дѣтей: «Планъ нападенія волковъ былъ очень простой и однообразный. Деревня лежала на склонѣ холма, у подножія котораго текла рѣчка съ берегами, покрытыми кустарниками. Главная улица деревни, гдѣ обыкновенно играли дѣти, шла по склону холма внизъ къ рѣкѣ. Слабѣйшій волкъ прятался въ кустарникахъ, между послѣдними хижинами деревни и рѣкой, а другой поднимался на вершину холма, осматривалъ улицу и въ удобный моментъ быстро пробѣгалъ ее, хватая по дорогѣ одного изъ дѣтей, съ которымъ онъ скрывался въ прибрежныхъ кустарникахъ. Сначала жители деревни гнались за волкомъ и даже отнимали у него добычу, но такъ какъ ребенокъ оказывался почти всегда смертельно раненымъ, а другой волкъ пользовался отсутствіемъ родителей, чтобы схватить еще ребенка, то индусы наконецъ примирились съ этимъ хищничествомъ и съ восточнымъ фатализмомъ переносили это истребленіе дѣтей. Утромъ того дня, когда я прибылъ въ деревню, волки снова утащили ребенка въ виду жителей. Какъ ни удивительно это покажется, но мнѣ съ трудомъ только удалось найти необходимое число людей, которые согласились служить загонщиками, чтобы выгнать волковъ изъ кустарниковъ». Форзиту удалось уже въ началѣ охоты застрѣлить обоихъ волковъ. Что это случай не единственный, свидѣтельствуешь и Элліотъ, который указываетъ на другую деревню, гдѣ волки заѣли до 30 дѣтей. Если туземцы, которые умѣютъ избавляться даже отъ страшныхъ тигровъ, спокойно относятся къ присутствію такихъ волковъ-людоедовъ, то причину этого слѣдуетъ искать не столько въ страхъ и равнодушіе, сколько въ суевѣріе. Теобальдъ сообщилъ Блэнфорду, что во многихъ мѣстахъ въ Индіи существуетъ повѣрье, что если въ окрестности деревни убить волка, то окружающія поля теряютъ плодородность.

Кромѣ охотничьихъ уловокъ и разныхъ хитростей, которыя, по свидѣтельству достовѣрныхъ наблюдателей, приписываются индійскому волку, всѣ согласны въ томъ, что онъ часто выказываетъ не только нахальство, но и мужество, такъ, напримѣръ, передъ хорошими борзыми собаками онъ только сначала убѣгаетъ, скоро потомъ останавливается, бросается на собакъ и гонитъ ихъ обратно къ охотнику.

Объ этомъ рассказываетъ между прочимъ Жердонъ, приче́мъ прибавляетъ, что разъ индѣйскій волкъ присоединился къ его борзымъ собакамъ на охотѣ за лисицею; къ счастью охота скоро кончилась, а то можно было-бы опасаться за жизнь собакъ. и вообще трудно было-бы избавиться отъ этого непрошеннаго соучастника охоты.

Время размноженія индѣйскаго волка падаетъ на конецъ года, а продолжительность беременности—неизвѣстна. По показаніямъ Бонавіа, волчица мечетъ въ норѣ, или пещерѣ, отъ октября до декабря, но чаще въ декабрѣ 3—8 дѣтенышей. Дѣтеныши рождаются слѣпыми и съ висячими ушами; ихъ легко сдѣлать ручными. Блэнфордъ полагаетъ, что индѣйская домашняя собака происходитъ отчасти отъ волка, но главнымъ образомъ отъ шакала. Многіе писатели сообщаютъ, что и въ Индіи ходятъ рассказы о похищеніи волками маленькихъ дѣтей, которыхъ будто-бы волчицы вскармливали и воспитывали. Нѣкоторые изъ этихъ рассказовъ довольно обстоятельны и ихъ сообщаютъ серьезные наблюдатели, но имъ не достаетъ все-таки полной достовѣрности. Блэнфордъ говоритъ, что всѣ похищенные дѣти были мальчики и сдѣлались потомъ идіотами * * *

На сѣверо-востокѣ Африки живетъ особый видъ волка, **Африканскій волкъ**. **Волкъ — шакаль**, котораго арабы называютъ Абу эль-хоссейнъ (*Canis [Lupus] anthus, lupaster, variegatus, Schakalwolf, Loup d’Egypte*). Онъ значительно меньше нашего волка, но по внѣшнему виду и статьямъ тѣла похожъ на него. На широкой остромордой головѣ торчатъ большія, свизу широкія, а сверху очень острыя уши. Туловище довольно толстое и опирается на высокія ноги; пушистый хвостъ достигаетъ пятокъ; чаще всего онъ виситъ внизъ, но иногда загибается вверхъ дугой. Не особенно густой, на всемъ тѣлѣ одинаково длинный мѣхъ темно-бураго цвѣта; каждый волосъ у основанія желтоватый, а на концѣ черный. Гартманъ говоритъ, что африканскій волкъ не вездѣ одинаковъ: на высокіхъ мѣстахъ съ умѣреннымъ климатомъ онъ больше ростомъ и имѣетъ мѣхъ гуще, чѣмъ въ равнинахъ съ жаркимъ климатомъ, гдѣ онъ меньше и шерсть у него короче, притомъ въ жаркихъ странахъ шерсть эта темнѣе и на ней часто замѣтны черныя пятна и полосы. Древніе египтяне хорошо знали этого волка и часто изображали его на своихъ памятникахъ; изъ новыхъ писателей впервые описалъ его въ Египтѣ Эренбергъ. Другіе путешественники встрѣчали его во всей сѣверной Африкѣ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ; онъ встрѣчается, повидимому, даже въ сѣверной Гвинее. Въ пустыняхъ нижняго теченія Нила онъ уже не рѣдокъ, хотя встрѣчается по одиночкѣ. «Тамъ, гдѣ долина Нила заключаетъ въ себѣ лишь узкія воздѣланныя полосы», говоритъ Гартманъ, «этотъ волкъ прячется днемъ въ ущельяхъ горъ, окружающихъ рѣку. вечеромъ и ночью и, изрѣдка только, при солнечномъ свѣтѣ подходитъ онъ къ Нилу, чтобы утолить жажду, а затѣмъ рыщетъ по окружнымъ деревнямъ, ища себѣ добычи». Въ южныхъ частяхъ Нильской долины онъ прячется днемъ въ густомъ кустарникѣ или въ высокіхъ степныхъ травахъ; говорятъ, что тамъ роетъ норы, а жители Кордофана увѣряютъ, что онъ часто пользуется широкими и глубокими норами трубкакуба (африканскаго муравьяда).

Этотъ видъ по образу жизни болѣе походитъ на волка, чѣмъ на шакала. Въ большинствѣ случаевъ онъ живетъ въ опредѣленной и не очень обширной мѣстности и тамъ охотится за всякою мелкою дичью: карликовыми антилопами, зайцами, мышами, куропатками, домашними курами и т. д., при этомъ онъ не пренебрегаетъ и нѣкоторыми плодами. Иногда, особенно во время тропическихъ дождей, волки эти собираются въ большія стаи, которыя предпринимаютъ далекія странствованія

и сообща нападаютъ на стада овецъ и козъ. Тогда волки загрызаютъ гораздо больше животныхъ, чѣмъ сколько могутъ съѣсть; они разгоняютъ стада, и потому пастухи ихъ очень боятся. Стаи эти съ жадностью бросаются и на падалъ, а когда ихъ сильно мучаетъ голодъ, то волки, по Гартману, пожираютъ всякія, даже не съѣдобныя вещества. Къ описываемому животному относится, вѣроятно, слѣдующее сообщеніе Швейпфурта. «Въ Кулонго большое пространство земли было покрыто земляными орѣхами, которые привлекли множество шакаловъ. Животныя эти съ довольно большимъ трудомъ собирали и раскусывали земляные орѣхи. Шакалъ въ сѣверо-восточной Африкѣ называється нубійцами «Башомъ» и встрѣчается здѣсь очень часто. По росту овъ равняется средней величины лисицѣ, а по цвѣту похожъ на нашего волка, но имѣетъ черную спину и морду. Его часто застаешь на поляхъ въ ранніе утренніе часы; онъ большею частью сидитъ и спокойно щелкаетъ орѣхи. Я безъ труда застрѣлилъ многихъ изъ нихъ крупною дробью и собралъ довольно много шкуроекъ, которыя даютъ хорошиі мѣхъ».

Во внутреннихъ степяхъ Африки охотятся на волка съ превосходными мѣстными гончими, которыя усердно преслѣдуютъ звѣря, валять его на землю, несмотря на сильное сопротивленіе, или по крайней мѣрѣ крѣпко держать его до тѣхъ поръ, пока не подойдутъ охотники и не убьютъ волка копытами. Въ ручномъ состояніи онъ не встрѣчается, точно такъ, какъ и другіе виды волка.

У меня жила пара африканскихъ волковъ, которыхъ я довольно долго воспитывалъ и наблюдалъ. По привычкамъ они похожи на другихъ волковъ. Сначала они были пугливы и сердиты, но по прошествіи не очень продолжительнаго времени они привыкли къ своему воспитателю, или на зовъ и даже позволяли себя ласкать. Они охотно присоединялись къ вою другихъ волковъ, но сами по себѣ рѣдко издавали звуки. Жившая у меня пара совокупилась 10-го марта и по прошествіи 63-хъ дней волчица оценилась. Къ дѣтенышамъ мать относилась съ большою нѣжностью; они прекрасно выросли, въ концѣ іюня уже играли, какъ молодые собаки, росли удивительно скоро и подавали самыя лучшія надежды, но къ сожалѣнію околѣли отъ чумы.

* *
*

Найденный Рюппелемъ въ Абиссиніи **Каберу**, называемый также **вальне, геесъ, контсаль, или бохарія** (*Canis [Lupus] simensis*), отличается отъ только что описаннаго вида не столько по внѣшности, сколько по строенію черепа. Туловище у него тонкое, поджарое, какъ у гончей собаки, но неправильно считать его одичавшей домашней собакой, какъ это утверждаетъ Гибель; трудно считать его и за разновидность шакала, какъ предполагаетъ Гартманъ. Голова этого волка совершенно лисья съ длинной мордой и вытянутымъ носомъ; уши у него довольно длинныя и острыя, шея и туловище тонкія, ноги высокія. Очень пушистый хвостъ достигаетъ пятокъ. По росту каберу равенъ большой овчаркѣ; общая длина тѣла 1,3 метра, хвостъ 30—35 см., высота въ плечахъ 45—50 см.; голова, спина и бока буровато-рыжіе, грудь и брюхо бѣлыя, нижняя половина хвоста черная.

Каберу болѣе распространенъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Мнѣ однажды принесли его въ западной части Кордофана почти на границѣ Дарфура, изъ чего можно заключить, что онъ встрѣчается въ большей части внутреннихъ африканскихъ областей. Рюппель находилъ его почти во всей Абиссиніи, особенно часто въ области Кулла, составляющей жаркую котловину въ африканской Швейцаріи. Пища его состоитъ преимущественно изъ домашнихъ животныхъ, главнымъ образомъ изъ овецъ, и потому овъ приноситъ большой вредъ туземцамъ. Кромѣ того онъ охотится на антилопу и, какъ другія дикія собаки и гіены, пожираетъ падалъ и

даже насѣкомыхъ. Для человѣка этотъ волкъ опасенъ. Жители Кордофана называютъ его степной собакой (Кельбъ-эль-хала) и боятся его, какъ злого врага ихъ стада, еще больше, чѣмъ нестраго волка (Лусаоп), который встрѣчается тамъ же. Африканцы знаютъ это животное очень хорошо и никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ считать его одичалой домашней собакой.

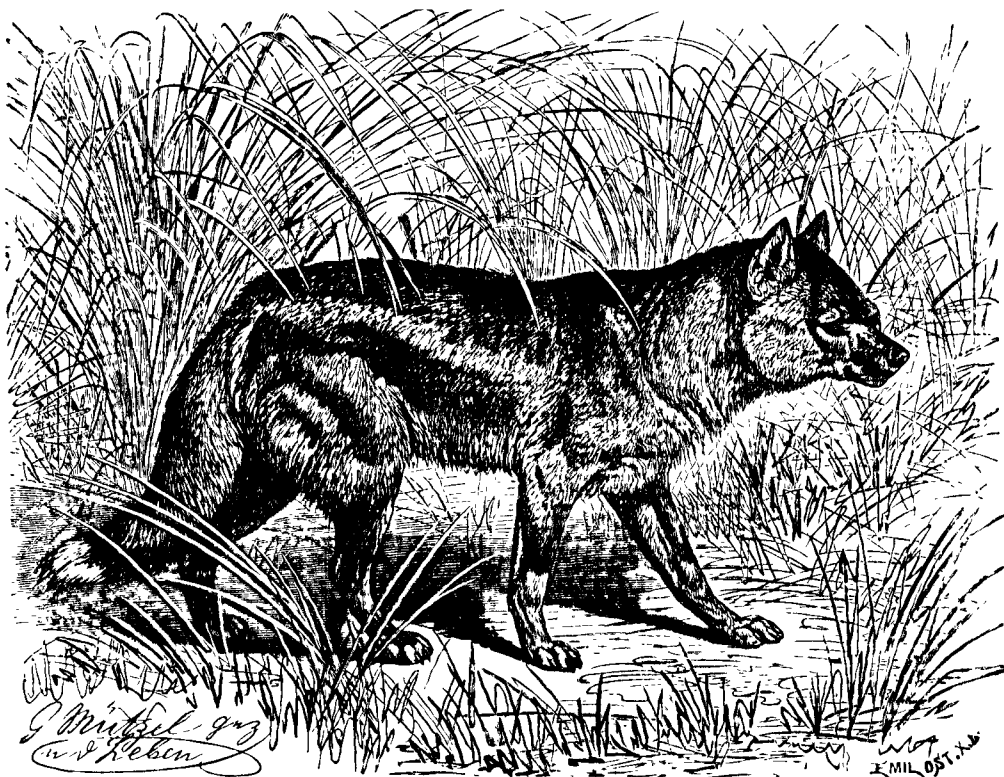
* * *

Полосатый волкъ (*Canis [Lupus] adustus, lateralis*. Streifenwolf Loup rayé) постомъ меньше предыдущихъ и иначе окрашенъ; его можно считать за переходную форму отъ волка къ шакалу. Туловище у него вытянутое, голова конусообразно заостренная, очень острая морда, съ боковъ только немного или вовсе не сужена, поэтому также похожа на лисью. Глаза, со свѣтло-бурымъ райкомъ и продолговато круглымъ зрачкомъ, поставлены косо. Уши, какъ у шакала, разставлены далеко другъ отъ друга и длинной почти равняются трети всей головы; на концѣ они нѣсколько округлены; ноги очень высоки и тонки. Не очень пушистый хвостъ, несмотря на высокія ноги достигаетъ до земли. Шерсть состоитъ изъ длинныхъ, жесткихъ, довольно рѣдкихъ волосъ ости, которые совершенно закрываютъ тонкій подшерстокъ.

Первый описатель полосатаго волка, Зундеваль, опредѣляетъ длину тѣла въ 1,1 метра, длину хвоста въ 33 см. и вышину въ плечахъ въ 45 см.; цифры эти почти соотвѣтствуютъ измѣреніямъ одной волчицы этого вида, которая жила у меня. Общая окраска шерсти буровато-свѣтлосѣрая, по бокамъ тѣла она переходитъ въ темно-сѣрую, а на спинѣ—въ рыжевато-бурю, на груди въ чалую, а на горлѣ и животѣ въ свѣтло-желтую; голова имѣетъ рыжевато-сѣрый цвѣтъ со свѣтлымъ отѣнкомъ. происходящимъ оттого, что волоса имѣютъ бѣловатые кончики; лобъ нѣсколько темнѣе, верхняя губа по сторонамъ темно-сѣрая, край губъ бѣлый; отъ губъ къ ушамъ идетъ неясная, темно-сѣрая полоска; кругомъ передней части груди идетъ черноватая полоса, а между передними ногами находится такого-же цвѣта треугольное пятно; по бокамъ тѣла проходитъ продольная свѣтлая полоса, которая вверху окаймлена чернымъ цвѣтомъ; по заднимъ бедромъ съ заду на передъ проходитъ наклонная, черная полоса; лапы ярко-ржаво рыжаго цвѣта, но на переднихъ лапахъ замѣтна поперечная темная полоса. Хвостъ у основанія сѣрый, по сторонамъ чалый, сверху и снизу черный, а кончикъ совершенно бѣлый. Животное это впрочемъ измѣняется не только относительно окраски тѣла, но также относительно густоты и длины шерсти и даже всего строенія тѣла, какъ это видно изъ двухъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, рисунковъ.

Полосатый волкъ распространенъ почти по всей Африкѣ до земли Кафровъ на югѣ. Волчицу, съ которой снято одно изъ прилагаемыхъ изображеній, я получилъ изъ Занзибара, а другое похожее на него животное живетъ въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, и получено съ устьевъ рѣки Огове въ Нижней Гвинее. Очень похожій экземпляръ привезенъ изъ окрестностей Лоанго въ Берлинскій зоологическій садъ и тамъ-же живетъ теперь другой полосатый волкъ, отличающійся отъ предыдущихъ и потому изображенный отдѣльно. Изъ какой мѣстности привезенъ этотъ послѣдній экземпляръ, неизвѣстно, указано только, что онъ происходитъ изъ западной Африки. Дикая собака, о которой упоминаетъ Дю-Шалью, въ области Огове вѣроятно и есть полосатый волкъ, но ни одинъ изъ прочихъ наблюдателей не говоритъ о немъ то, что говоритъ Дю-Шалью, именно, что онъ гоняется за дичью большими стаями и такимъ образомъ догоняетъ всякое животное, которое не можетъ очень продолжительно бѣжать, что приписывается пятнистому волку.

Пехуэль-Леше, который наблюдалъ это животное въ Нижней Гвинее, особенно около Лоанго, какъ въ дикомъ, такъ и въ прирученномъ состояннн, говорить о немъ слѣдующее: «Полосатый волкъ больше и выше нашей лисицы, но имѣетъ такое-же хитрое выраженіе лица, какъ и она, хотя производитъ впечатлѣніе довольно добродушнаго животнаго. Трудно найти два экземпляра, которые были бы совершенно похожи по цвѣту и рисунку шерсти; дѣтеныши по цвѣту очень походятъ на нашу лисицу. Это очень живыя и ловкія животныя, на движенія которыхъ пріятно смотрѣть. Съ 9 до 4 часовъ дня ихъ рѣдко видно; въ другое-же время ихъ всегда можно встрѣтить въ саваннахъ, хотя и не слишкомъ часто; они

Полосатый волкъ. *Canis adustus*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

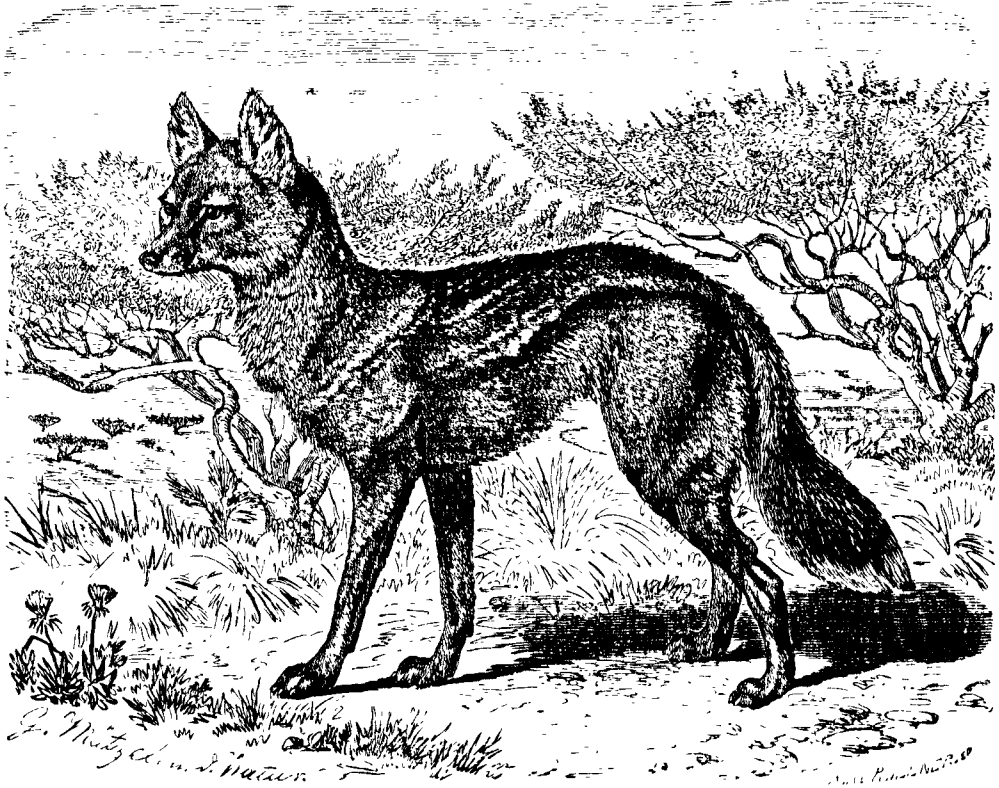
попадаютъ отдѣльно или парами, но никогда не встрѣчаются въ стаяхъ. Эти волки никогда негонятся за крупными животными, но подкарауливаютъ и хватаютъ разныхъ мелкихъ звѣрковъ, хотя безъ всякаго сомнѣнн, при случаѣ могутъ напасть и на большое, но больное или раненое животное. Отъ голода, должно быть, они не страдаютъ, такъ какъ не пренебрегаютъ никакой пищей, вѣроятно ѣдятъ и падаль, и съ удовольствіемъ гложутъ жирные плоды масляной пальмы. Вечеромъ и утромъ полосатые волки бродятъ по луговымъ степямъ своей характерной спокойной походкой и внимательно осматриваются кругомъ. Отъ человѣка они не бѣгутъ сразу, а сначала съ любопытствомъ на него посматриваютъ. Они приближаются и къ жилищамъ, и домашнія собаки съ ними ссоры не заводятъ, а туземцы, которые называютъ ихъ «Мбулу» также оставляютъ ихъ въ покоѣ. Если спугнуть полосатаго волка, то онъ сначала немного побѣжитъ, затѣмъ постоянно останавливается

и спокойно ждать преслѣдователя. Тогда вовсе не трудно застрѣлить его зарядомъ дроби, если не пожалѣть это красивое и довѣрчивое животное. Протяжный и довольно пронзительный лай полосатаго волка слышенъ во всякое время года, утромъ и вечеромъ. Онъ такъ громокъ, что вновь прибывшій въ эту мѣстность человѣкъ непременно испугается, когда услышитъ его вблизи деревни или лагеря. Однажды, услышавши жалобный крикъ мбулу, мы во время поспѣли на опушку лѣса, гдѣ бѣдное животное было уже схвачено огромной африканской змѣей, питономъ; мы освободили его выстрѣломъ. Сначала онъ былъ очень удивленъ, а затѣмъ съ визгомъ убѣжалъ».

«Полувзрослыхъ полосатыхъ волковъ мы часто держали въ своемъ поселеніи. Одинъ изъ нихъ достигъ полного роста и сдѣлался такимъ ручнымъ и добродушнымъ, что его можно было оставить на свободѣ. Онъ не только бѣгалъ по нашимъ комнатамъ и двору, но рыскалъ по окрестнымъ полямъ, лѣсамъ и кустарникамъ, гдѣ ловилъ жуковъ и кузнечиковъ и разныхъ мелкихъ млекопитающихъ и птицъ. За насѣкомыми онъ очень мило прыгалъ и хваталъ ихъ на лету. Къ сожалѣнію онъ не ловилъ крысъ, которыя въ большомъ количествѣ расплодились на нашемъ дворѣ. Домашнихъ куръ онъ не трогалъ послѣ того, какъ получилъ легкое наказаніе за схваченную имъ курицу. Если онъ жадно поглядывалъ на какую-нибудь добычу, которую ему дать было нельзя, то стоило только сказать «цыцъ!» или сдѣлать угрожающій жестъ, чтобы удержать его отъ не дозволеннаго поступка. Случалось, что онъ цѣлый день странствовалъ по окрестностямъ и появлялся только вечеромъ въ столовой, чтобы выпросить себѣ какія-нибудь крохи. Если долго ему ничего не давали, то онъ мордой толкалъ ногу одного изъ сидящихъ, а иногда клалъ голову на наши колѣни. Онъ принималъ все съ благодарностью и ѣлъ хлѣбъ, бобы, рисъ, рыбу, мясо, даже сырые бананы и плоды масличной пальмы, но могъ разгрызть только тонкія кости. Къ нѣкоторымъ особамъ выказывалъ онъ очевидное нерасположеніе, открывалъ, когда онъ къ нему приближались, свою пасть, показывалъ зубы и особымъ образомъ визжалъ; но при этомъ не было замѣтно у него страха, онъ оставался на мѣстѣ и кусать не пробовалъ. Къ другимъ особамъ онъ относился равнодушно и только немногихъ дѣйствительно любилъ; къ этимъ послѣднимъ онъ приближался красивыми прыжками, сгибался и наклонялся, какъ это часто дѣлаютъ собаки, вытянутый хвостъ держалъ немного въ сторону, катался у ногъ человѣка съ радостнымъ визжаньемъ и позволялъ себя ласкать, подымать, даже, ради шутки, трепать и ерошить мягкую шерсть; онъ очень любилъ, чтобы ему чесали голову и шею, но никогда не лизалъ рукъ, какъ собаки. Онъ не любилъ только, чтобы трогали его красивый пушистый хвостъ. Когда къ нему ласково приближались, то онъ радостно и довѣрчиво смотрѣлъ въ глаза человѣку, но рѣдко вертѣлъ хвостомъ. Голосъ человѣка на него производилъ такое сильное впечатлѣніе, какое я замѣчалъ только у гориллы: онъ положительно былъ имъ очарованъ».

«Свое имя «Мбулу» онъ зналъ очень хорошо, но не всегда шелъ на зовъ и выказывалъ вообще большую самостоятельность. Если наши служители хотѣли вывести его изъ комнаты, то брали его поперекъ тѣла подъ мышку, причемъ онъ перегибался и висѣлъ на рукѣ, какъ кошка; иначе его удалить изъ комнаты было нельзя. Мбулу былъ очень чистоплотенъ и, такъ какъ ѣлъ большею частью вареный кормъ, то скоро пересталъ издавать сильный и неприятный запахъ, который у него сначала былъ замѣтенъ. Передъ дождемъ отъ него однако пахло сильнѣе. Онъ избѣгалъ падающихъ капель дождя, не любилъ ходить по грязнымъ мѣстамъ и отряхивалъ лапки отъ воды, какъ это дѣлаютъ кошки. Съ довольно пестрымъ обществомъ

домашнихъ животныхъ, населявшихъ нашъ дворъ, именно: съ обезьянами, собаками, козами, овцами, свиньями, попугаями онъ жилъ въ мирѣ, но держался нѣсколько отдѣльно и не участвовалъ въ ихъ играхъ и шалостяхъ. Обыкновенно онъ не сидѣлъ на заднихъ лапахъ, какъ собака, но гдѣ-нибудь въ тѣни на чистомъ мѣстѣ вытягивался во всю длину, клалъ голову на переднія лапы и предавался покою, не закрывая глазъ; передъ тѣмъ какъ ложиться онъ не вертѣлся на одномъ мѣстѣ, какъ любятъ это дѣлать собаки. Но днемъ онъ былъ обыкновенно довольно дѣятеленъ и принималъ участіе во всемъ, что на дворѣ происходило. Когда онъ былъ сытъ, то зарывалъ остатокъ пищи, какъ это часто дѣлаютъ собаки. Когда

Полосатый волкъ. *Canis adustus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

спалъ крѣпко, то свертывался, а иногда лежалъ на боку, вытянувши всѣ четыре лапы. Для сна онъ выбиралъ себѣ мѣсто на пескѣ, возлѣ строенія или въ саду. Позднѣе онъ часто спалъ на кускѣ матеріи въ моей комнатѣ или даже на постели. На пароходѣ, во время долгаго путешествія въ Европу, онъ обыкновенно спалъ на мягкомъ диванѣ въ каютѣ капитана, который его очень любилъ. Послѣ этого онъ былъ помѣщенъ въ Берлинскій зоологическій садъ, но къ сожалѣнію не выдержалъ нашего климата и вскорѣ околѣлъ. Я предполагаю однако, что онъ страдалъ также отъ потери свободы, такъ какъ когда я посѣтилъ его въ его клѣткѣ, онъ показался мнѣ равнодушнымъ и удрученнымъ и по наружности уже болѣе не походилъ на нашего красиваго Мбулу».

«Другого, также совершенно ручнаго полосатаго волка, видѣлъ я позднѣе, у миссіонера Комбера въ Верхнемъ Конго, гдѣ впрочемъ эти животныя, кажется,

встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ въ береговой полосѣ. Этотъ экземпляръ, впрочемъ, былъ не такъ строенъ и красивъ. и голова у него была не такая тонкая, какъ у тѣхъ волковъ, которыхъ я раньше видѣлъ; онъ былъ похожъ на животное, изображенное на первомъ нашемъ рисункѣ. Онъ велъ себя такъ же, какъ нашъ Мбулу, но отличался отъ него тѣмъ, что велъ дружбу съ нѣкоторыми европейскими собаками, жившими въ миссіи. Онъ ѣлъ, спалъ, игралъ съ ними и въ ихъ обществѣ бѣгалъ по окрестностямъ поселенія». Поакъ сообщаетъ слѣдующія наблюденія Гессе, который воспитывалъ молодого полосатаго волка на одной факторіи у устья Конго. У Гессе жила также большая ньюфаундленская собака, которая имѣла странное отвращеніе къ полосатому волку. Когда это маленькое животное къ ней приближалось, то она выказывала свой гнѣвъ бѣшеннымъ лаемъ, но никогда не кусала волка. Если этого послѣдняго брали на руки и звали собаку, то она ворча убѣгала, между тѣмъ какъ въ обыкновенное время она была послушна.

Жившіе у меня полосатые волки были родомъ изъ Занзибара и изъ своей клѣтки съ большимъ участіемъ слѣдили глазами за всякими мелкими животными, которыхъ они могли увидѣть изъ своей тюрьмы; летѣвшая мимо птичка, или приближающаяся курица ихъ сильно занимала. Въ другомъ отношеніи они по своему поведенію мало отличались отъ шакаловъ и другихъ дикихъ собакъ той-же величины; они боялись людей и крупныхъ животныхъ, хотя при случаѣ умѣли хорошо защищаться. Одна изъ волчицъ сначала очень недовѣрчиво относилась къ моимъ ласкамъ, но понемногу потеряла черезчуръ большую осторожность, а черезъ нѣсколько недѣль я приобрѣлъ вполнѣ ея довѣріе. Она шла на мой зовъ и позволяла себя трогать; сначала, правда, она подозрительно обнюхивала руку, такъ что нужно было быть осторожнымъ, но наконецъ я добился своего и могъ ее безнаказанно гладить. Съ своими сожителями по клѣткѣ она жила въ мирѣ, но близко къ себѣ не подпускала и рѣшительно защищалась. Голоса ея и никогда не слыхала. Маленькихъ животныхъ, на примѣръ крысъ и воробьевъ, она пожирала съ жадностью, но также охотно ѣла плоды: сливы, вишни, груши, а булку съ молокомъ ѣла съ особеннымъ удовольствіемъ. Волчица эта была очень чувствительна къ нашему сѣверному климату; въ холодные дни она лежала свернувшись по собачьи безъ движенія и неохотно вставала, когда ее звали, между тѣмъ какъ въ другое время при зовѣ сейчасъ-же подходила къ рѣшеткѣ. Живѣ всего она была въ теплые лѣтніе вечера.

* *

Шакалъ (*Canis*. [*Lupus*] *aureus*, *C. barbarus*, *indicus*, *micrurus*, *Sacalius* и *Oxygois indicus*) есть то животное, которое древніе называли **Ось** и **Золотой Волкъ** и, по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ подъ именемъ лисицы упоминается въ Библии (книга Судей гл. 15 ст. 4) въ исторіи о Самсовѣ, который посредствомъ этихъ животныхъ сжегъ жатву филистимлянъ. Названіе его происходитъ отъ персидскаго слова «Сигалъ», которое турками передѣлано въ «Шикалъ», а русскими на Кавказѣ въ «Чекалка». Арабы называютъ его «Дибъ» или «Дибъ», индусы—«Гидаръ, Фіаль, Кола, Нерка, Нарі», по санскритски онъ называется «Зригала», а у сингалезцевъ «Наріа». Животное это хорошо извѣстно всѣмъ жителямъ Востока и въ народной литературѣ тѣхъ странъ оно играетъ ту-же роль, какъ у насъ лисица.

Туловище шакала имѣетъ 65—80 см. длины, хвостъ отъ 22—30 см., высота въ плечахъ отъ 45—50 см. Туловище у него стройное, ноги высокія, морда острѣе, чѣмъ у волка, но тупѣе, чѣмъ у лисицы, пушистый хвостъ виситъ почти до земли. Уши короткія, достигаютъ развѣ только четверти всей длины головы и разставлены далеко другъ отъ друга; свѣтло-бурые глаза имѣютъ круглый зрачекъ; жесткая и не очень длин-

ная шерсть имѣетъ довольно неопредѣленную окраску. Основной цвѣтъ сѣровато-желтый, который на спинѣ и по бокамъ переходитъ въ черный, причѣмъ иногда являются черныя, волнистыя линіи или темныя неправильныя полосы, идущія по плечамъ. Нижняя часть тѣла окрашена гораздо свѣтлѣе верхней; конечности, шея и щеки имѣютъ рыжевато-чалый цвѣтъ. Середина лба обыкновенно темнѣе окрашена, потому что здѣсь кончики волосъ черныя; уши снаружи покрыты густыми рыжевато-желтыми волосами, а внутри—рѣдкими блѣдно-желтыми. Брюхо и горло имѣютъ желтовато-бѣлый цвѣтъ, который на груди переходитъ постепенно въ рыжевато-желтый, а на нижней части шеи—въ сѣрый. На плечахъ замѣтны неясныя, тем-

Шакаль. *Canis aureus*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

ныя, поперечныя полосы. Къ темнымъ, на концѣ чернымъ волосамъ хвоста примѣшаны свѣтло-желтые волосы. Всѣ шакала около десяти килограммовъ.

Родиной шакала слѣдуетъ считать Азію. Начиная отъ Индіи онъ встрѣчается на всемъ западѣ и сѣверо-западѣ этой части свѣта, именно: въ Белуджистанѣ, Афганистанѣ, Персіи, Закавказьѣ, Малой Азіи, Палестинѣ, Аравіи и переходитъ въ сѣверную Африку. Въ Европѣ его находятъ въ Турціи, Греціи, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Далмаціи. Какъ онъ далеко распространенъ въ Африкѣ еще хорошо неизвѣстно. Въ Индіи и на Цейлонѣ его можно встрѣтить вездѣ въ лѣсистыхъ и безлѣсныхъ странахъ, въ равнинахъ и на высотахъ, а въ Гиммалайскихъ горахъ онъ поднимается на 1000 метровъ надъ уровнемъ моря. На востокъ отъ Индіи онъ дѣлается болѣе рѣдкимъ, но встрѣчается еще въ западной Бирмѣ до Те-

нассерима, можетъ быть и на Малаккскомъ полуостровѣ. По описаніямъ Диарда можно почти предположить, что шакаль живетъ и на островѣ Борнео.

По образу жизни шакаль занимаетъ среднее мѣсто между волкомъ и лисицей, но болѣе походитъ на перваго. Днемъ онъ прячется, а вечеромъ выходитъ на добычу и громкимъ воемъ сзываетъ товарищей, съ которыми вмѣстѣ охотится. Онъ чаще встрѣчается стаями, хотя иногда ищетъ добычу и въ одиночку. Его можно считать, можетъ быть, за самый нахальный и докучливый видъ дикихъ собакъ. Онъ вовсе не боится человѣческихъ поселеній, смѣло врывается во внутренность деревень, даже сильно населенныхъ городовъ, на скотные дворы, въ хлѣвы и хватаетъ тамъ, что найдетъ. Своимъ нахальствомъ онъ дѣлается гораздо непріятнѣе и докучливѣе, чѣмъ извѣстнымъ ночнымъ воемъ, который онъ издаетъ постоянно и продолжительно. Какъ только наступаетъ ночь, то въ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается это животное, слышится многоголосный, въ высшей степени жалобный вой, который нѣсколько похожъ на вой собакъ, но по тонамъ своимъ болѣе разнообразенъ. Во всякомъ случаѣ звуки эти вовсе не означаютъ на самомъ дѣлѣ жалобу звѣря, такъ какъ шакалы воютъ и при обильной пищѣ, напримѣръ около крупной падали, причемъ голосъ ихъ такъ жалобенъ и печаленъ, что можно подумать, что они недѣлю ничего не ѣли. Какъ только одинъ изъ нихъ подаетъ голосъ, всѣ другіе шакалы начинаютъ ему вторить, такъ что въ какомъ-нибудь уединенномъ жилищѣ можно слышать самую удивительную музыку, потому что вой шакаловъ раздается со всѣхъ сторонъ и на различномъ разстояніи. Для новичка этотъ вой кажется очень страшнымъ, потому что бываетъ похожъ на крикъ о помощи, или жалобный стонъ человѣка. Англичане въ Индіи передаютъ характерный вой шакала словами «Dead Hind o! where, where, where!». Своимъ продолжительнымъ ночнымъ крикомъ шакалы часто дѣлаются несносными и не даютъ заснуть человѣку, которому придется провести ночь въ лѣсу или пустынѣ, поэтому нельзя удивляться, что восточные жители ненавидятъ это распространенное животное и высказываютъ эту ненависть самыми страшными проклятіями.

Шакалы, впрочемъ, заслуживаютъ ненависть людей и дѣлами своими. Малую пользу, которую они приносятъ, нельзя и сравнивать съ причиняемымъ ими вредомъ. Они полезны только уничтоженіемъ падали и разныхъ мелкихъ, вредныхъ животныхъ, напримѣръ крысъ; вредъ-же ихъ состоитъ въ нахальныхъ нападеніяхъ на всевозможное человѣческое имущество. Они не только пожираютъ все съѣдобное, но также воруютъ всевозможныя несъѣдобныя вещи, забираются въ дома, дворы, палатки, комнаты, конюшни и кухни и тащатъ оттуда все, что попадется; стремленіе къ воровству у нихъ такъ-же сильно, какъ и обжорливость. На птичьемъ дворѣ они умерщвляютъ куръ съ кровожадностью куницы и хищничаютъ съ меньшею хитростью, но съ большимъ нахальствомъ, чѣмъ лисицы. При случаѣ они нападаютъ на одинокихъ коровъ, загрызаютъ ягнятъ и козъ, гонятся за небольшими оленями и грабятъ плодовые сады и виноградники. Стеридаль и Жердонъ увѣряютъ, что шакалы въ Индіи вредятъ плантаціямъ сахарнаго тростника и кукурузы; забираются они и въ кофейныя плантаціи и тамъ съѣдаютъ большое количество спѣлыхъ ягодъ. Зерна кофе проходятъ непереваренными черезъ ихъ кишечникъ и усердно собираются, такъ какъ говорятъ, что они даютъ лучшій кофе, конечно не потому, что эти зерна побывали въ желудкѣ шакала, а потому, что эти животныя выбирали себѣ самыя спѣлыя ягоды. На морскомъ берегу шакалы питаются мертвыми рыбами, моллюсками и прочими животными. Они слѣдуютъ цѣлыми стаями за крупными хищными животными, чтобы лакомиться остатками ихъ добычи; за караванами путешественниковъ слѣдятъ они по цѣлымъ днямъ, во время остано-

вокъ врываються въ лагерь и тутъ воруять что только возможно. Если шакалы встрѣчаютъ человѣка, то они разбѣгаются отъ него направо и налево, но тотчасъ опять соединяются и продолжаютъ свое странствованіе. На востокѣ говорятъ, что шакалы нападаютъ и на людей, конечно не на здоровыхъ и взрослыхъ, а больше на дѣтей и больныхъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ шакалами заѣдено въ Индіи людей больше, чѣмъ волками и даже можетъ быть тиграми-людододами. Три провинціи обозначили за три года свои потери людей отъ шакаловъ; цифры оказываются внушительными: именно, 527 человѣкъ, въ одной Бенгаліи въ 1882 году—359 человѣкъ. Если эти цифры вѣрны, то какъ велико должно быть во всей Индіи количество людей, умерщвленныхъ шакалами?

Въ сѣверныхъ частяхъ Цейлона, гдѣ песчаная почва только скудно усыяна кустарниками и небольшими группами деревьевъ, шакалы, по показаніямъ Теннента, очень обыкновенны. Они охотятся здѣсь постоянно стаями подъ предводительствомъ одного вожака и выказываютъ при этомъ большую смѣлость. Они гоняются не только за зайцами и другими грызунами, но также и за крупными животными, напримѣръ оленями. Если подъ вечеръ или при наступленіи темноты они замѣтятъ, что заяць или другое животное спрячется въ чащу кустарника, то они устраиваютъ правильную облаву. Шакалы окружаютъ кустарникъ со всѣхъ сторонъ, не забывая занять всѣ тропинки; вожакъ продолжительнымъ воемъ даетъ сигналъ къ наступленію, товарищи ему вторятъ и всѣ разомъ бросаются въ чащу, чтобы выгнать животное на тропинку, гдѣ подкарауливающіе шакалы его и схватываютъ. Теннентъ говоритъ со словъ лично наблюдавшаго это, что первая забота шакаловъ, умертвившихъ какую-нибудь дичь, состоитъ въ томъ, чтобы ее стащить куда-нибудь въ кусты, откуда они сейчасъ-же выходятъ, чтобы осмотрѣть окрестности и убѣдиться въ томъ, что никакой другой крупный хищникъ не можетъ у нихъ отнять добычу. Если никакой опасности не предвидится, то они возвращаются къ убитому животному и куда-нибудь его стаскиваютъ или пожираютъ на мѣстѣ. Сообщавшій вышеизложенное Тенненту увѣряетъ, что шакалы употребляютъ слѣдующую хитрость, чтобы отвлечь вниманіе человѣка или крупнаго хищника: они схватываютъ какой-нибудь предметъ въ пасть и съ нимъ убѣгаютъ, какъ будто хотятъ спасти добычу отъ преслѣдователей, а когда за ними гонятся, то они бросаютъ этотъ предметъ и тайкомъ возвращаются къ настоящей добычѣ. Во всякомъ случаѣ шакалы у сингалезцевъ считаются олицетвореніемъ хитрости и притворства и потому о нихъ существуетъ тамъ цѣлая масса басенъ и разсказовъ.

На черепѣ нѣкоторыхъ шакаловъ встрѣчается иногда костяной наростъ, который снаружи обозначенъ пучкомъ длинныхъ волосъ; наростъ этотъ называется шакаловымъ рогомъ и индусы и сингалезцы приписываютъ ему чудодѣйственную силу. Говорятъ, что этотъ наростъ можно найти только на черепѣ вожака и потому его не легко достать, но счастливый обладатель его получаетъ исполненіе всѣхъ своихъ желаній; вообще этотъ рогъ есть самый лучший талисманъ, который самъ собою возвращается къ обладателю, если послѣдній какъ-нибудь его потеряетъ. Издревле существуетъ еще преданіе, что шакалъ служитъ проводникомъ и развѣдчикомъ тигру и льву, что онъ ихъ предостерегаетъ объ опасности, ведетъ къ жертвѣ и въ награду за это получаетъ часть добычи. Въ Индіи утверждаютъ, что шакалы только въ присутствіи тигра или леопарда издаютъ своеобразный крикъ, который въ другое время никогда не слышенъ. Этотъ крикъ очень хорошо извѣстенъ охотникамъ и дѣйствительно всегда обозначаетъ близость тигра или леопарда, но гораздо вѣрнѣе считать его крикомъ, предостерегающимъ другихъ шакаловъ, такъ какъ голодный тигръ или леопардъ конечно не задумается напасть и на ша-

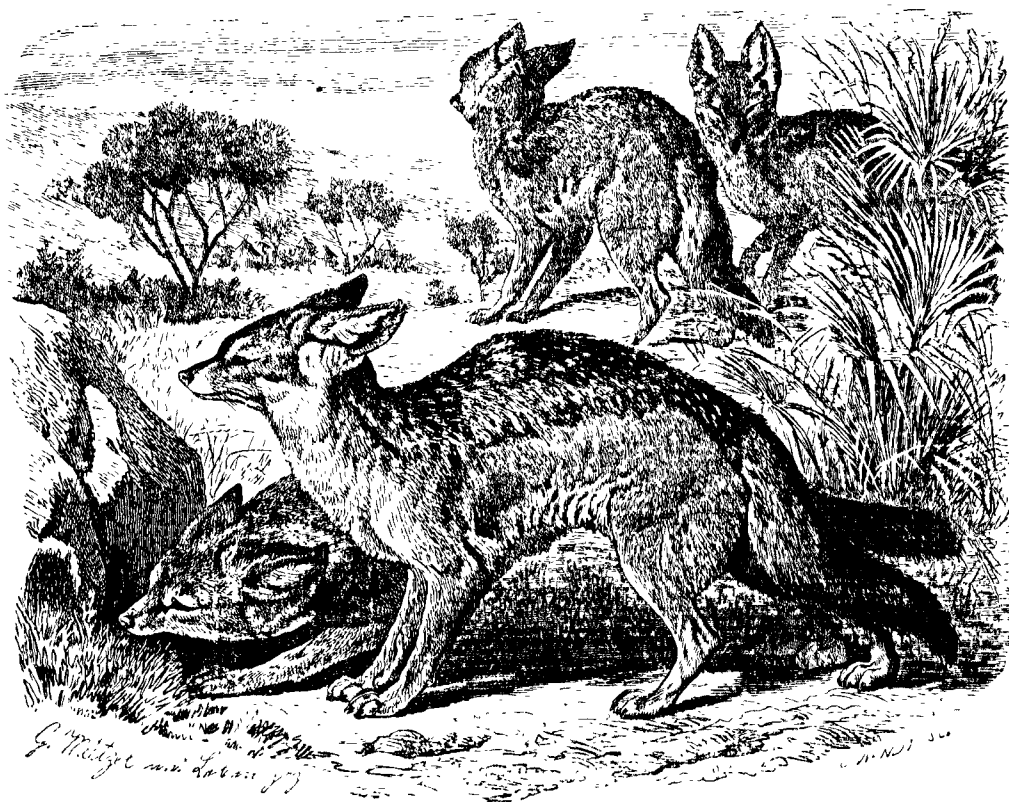
каловъ. Болѣе достовѣрные наблюдатели утверждаютъ, что голодные шакалы не предшествуютъ тигру, а слѣдуютъ за нимъ, чтобы воспользоваться остатками его добычи, но при этомъ старательно избѣгаютъ слишкомъ близко подойти къ опасному сотоварищу по охотѣ.

Сандерсонъ имѣлъ разъ случай наблюдать шакаловъ. Онъ спрятался однажды около заѣденной тигромъ скотины, чтобы подкараулить этого хищника, когда онъ вторично вернется къ своей добычѣ, но до появленія тигра онъ имѣлъ возможность видѣть продѣлки трехъ шакаловъ. «Двое изъ нихъ», рассказываетъ Сандерсонъ, «еще до заката солнца бродили около мертвой скотины и забавно было видѣть, съ какою преувеличенною осторожностью они приближались къ лакомой добычѣ, хотя должны были знать, что тигра вблизи нѣтъ. Подошедши наконецъ къ падали, они вдругъ, какъ-бы испуганно, отскакивали назадъ, очевидно съ намѣреніемъ вызвать движеніе тигра, если онъ находился по близости. Наконецъ у нихъ хватило смѣлости подойти къ мертвой скотинѣ. Одинъ изъ шакаловъ сталъ жадно ѣсть и шумно откусывалъ куски то съ одной стороны, то съ другой, а другой вовсе не ѣлъ, а стоялъ на часахъ. Вдругъ караульщикъ весь съежился, взъерошилъ шерсть, опустилъ хвостъ и принялъ позицію защищающейся собаки, причемъ маленькими шагами, ворча, подвигался впередъ какъ индюкъ. Я подумалъ, что приближается тигръ, но оказалось, что это былъ третій шакалъ, котораго его родичи не хотѣли допустить къ своей добычѣ. Вновь приходшій, видя, что мѣсто занято, спокойно улегся въ нѣкоторомъ отдаленіи и ждалъ своей очереди. Между тѣмъ первый шакалъ уже цѣлые полчаса обжирался, а его товарищъ не съѣлъ еще ни одного куска; вдругъ оба вскочили и стали пристально смотрѣть на одно мѣсто почти подъ тѣмъ деревомъ, на которомъ я сидѣлъ; послѣ этого они стали издавать очень странное хрюканье, безъ устали скакали взадъ и впередъ, но все смотрѣли на то-же самое мѣсто. Я теперь убѣдился въ томъ, что они увидели тигра; хотя мнѣ ни разу не случилось присутствовать при такой встрѣчѣ, но движенія шакаловъ были такъ характерны, что иного значенія имъ было дать невозможно. Я, понятно, былъ въ очень возбужденномъ состояніи, такъ какъ не могъ повернуться, чтобы осмотрѣть то мѣсто, откуда долженъ былъ появиться тигръ. Внезапно шакалы прекратили свое ворчанье и стали громко визжать, имѣя, безъ сомнѣнія, намѣреніе разжалобить крупнаго хищника, а затѣмъ убѣжали, и я почти подъ собой услышалъ шаги тихо приближающагося тигра. Вскорѣ я увидѣлъ, при свѣтѣ яркой луны, полосатую голову и плечи; тигръ немного остановился, а затѣмъ подошелъ къ добычѣ и сталъ смотрѣть вслѣдъ за шакалами. Я могъ въ него прицѣлиться и выстрѣлить, не теряя времени: съ громкимъ яростнымъ воемъ пробѣжалъ раненый тигръ еще шаговъ 80, а затѣмъ среди тихой ночи раздался характерный предсмертный стонъ убитаго мною животнаго».

Течка у шакаловъ бываетъ весною и служитъ причиною самаго усиленнаго воя влюбленныхъ самцовъ. По прошествіи 9 недѣль самка шакала шенится 5—8 дѣтенышами, которыхъ она вскармливаетъ въ скрытомъ отъ людскихъ взоровъ логовищѣ. Мать храбро защищаетъ своихъ дѣтенышей и точно такъ же, какъ волчица и лиса, обучаетъ ихъ своему ремеслу, а по прошествіи 2-хъ мѣсяцевъ начинаетъ вмѣстѣ съ ними странствовать. Молодые шакалы къ этому времени приобрѣтаютъ уже всѣ привычки старшихъ: умѣютъ отлично выть и скоро научаются воровать. Въ Индіи число дѣтенышей бываетъ среднимъ числомъ четыре; мать ихъ рождаетъ въ норѣ, а иногда въ сухомъ рвѣ подъ нависшимъ берегомъ.

Когда шакалы пойманы молодыми, они дѣлаются ручными гораздо легче, чѣмъ лисицы. Они совершенно привыкаютъ къ своему господину, слѣдуютъ

за нимъ, позволяютъ себя ласкать и даже требуютъ ласки, идутъ на зовъ, виляютъ хвостомъ, когда ихъ гладятъ, однимъ словомъ принимаютъ всё привычки домашней собаки. Даже старые шакалы въ неволѣ постепенно привыкаютъ къ человѣку, хотя вначалѣ и пробуютъ кусаться. Шакалы довольно легко размножаются и въ неволѣ, а также безъ труда спариваются съ подходящими по величинѣ домашними собаками. Адамсъ видалъ въ Индіи домашнихъ собакъ, которыя очень походили на шакаловъ, и полагаетъ, что онѣ произошли отъ скрещиванія шакаловъ съ домашними псами; Блэвфордъ считаетъ также подобное скрещиваніе возможнымъ. Мѣхъ мало-азіатскаго шакала стоитъ не дорого, именно около двухъ марокъ.

Чапрачный шакалъ. *Canis mesomelas*. $\frac{3}{4}$ наст. вел.

Шакалы подвержены самой страшной болѣзни собакъ, именно — бѣшенству. Въ Индіи и на Цейлонѣ нѣсколько разъ случалось, что бѣшеные шакалы врвались въ деревни и кусали домашнихъ животныхъ и человѣка.

* * *

Во внутренней и южной Африкѣ живетъ одинъ видъ шакала, котораго можно часто видѣть въ большихъ зоологическихъ садахъ и музеяхъ; многіе считаютъ его только за разновидность шакала, хотя онъ на него похожъ столько-же, сколько и на лисицу.

Чапрачный шакалъ. (*Canis* [*Lupus*] *mesomelas*, *Vulpes mesomelas*, *Canis variegatus*, *Schabracken-schakal*, Tenlie) отличается отъ обыкновеннаго шакала тѣмъ,

что гораздо ниже на ногахъ и имѣеть особое строеніе головы. Голова сильно напоминаетъ голову лисицы, а уши имѣють нѣкоторое сходство съ ушами феннека: они очень велики, у основанія широки и кверху заострены, такъ что образуютъ равно-сторонніе, книзу нѣсколько сѣуженные треугольники; оба уха сидятъ совѣмъ близко одно отъ другаго. Большіе коричневые глаза имѣють круглый зрачекъ; хвостъ виситъ до земли. Мѣхъ густой и мягкій. Основной цвѣтъ желтовато или рыжевато-сѣрый, переходящій на нижней части тѣла въ желтовато-бѣлый. Вся спина покрыта какъ-бы чапраккомъ чернаго цвѣта, который сбоку ясно отдѣляется отъ прочаго мѣха и по серединѣ имѣеть бѣлый поперечный рисунокъ. На шеѣ этотъ чапракъ окаймленъ неясною, бѣлою полоскою. Свѣтлый рисунокъ на чапракѣ имѣеть разнообразныя очертанія и происходитъ отъ множества бѣлыхъ кончиковъ волосъ Горло, грудь и животъ бѣловатаго или желтовато-бѣлаго цвѣта. На внутренней сторонѣ конечностей цвѣтъ темнѣе и между передними ногами переходитъ въ сѣрый. Подбородокъ свѣтло-рыжій и мало отличается отъ свѣтлаго горла. На головѣ замѣтно смѣшеніе сѣраго и ржаво-бураго цвѣтовъ. Верхняя часть острой морды имѣеть черной цвѣтъ, а губы очень свѣтлыя, почти бѣлыя. Уши снаружи и по краямъ рыжія, внутри-же покрыты свѣтлыми волосами; передъ каждымъ ухомъ находится желтое пятно. Глазъ также окруженъ желтымъ кольцомъ, которое снизу окаймлено темной полоской. Темнаго ошейника, какъ у большинства другихъ собакъ, а особенно шакаловъ, у этого вида нѣтъ. Хвостъ у основанія рыжій, а послѣднія двѣ трети его чернаго цвѣта. По длинѣ чапрачный шакалъ превосходитъ обыкновеннаго, а по вышины меньше его.

По моимъ наблюденіямъ область распространенія этого шакала начинается съ средней Нубіи, отсюда она доходить до мыса Доброй Надежды по восточному берегу Африки, гдѣ, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чапрачнаго шакала нѣтъ. Вся южная Африка и часть западнаго берега, по крайней мѣрѣ до Моссамеда, входятъ въ область распространенія этого животнаго. Въ другихъ частяхъ западной Африки и во всей области Конго его до сихъ поръ не замѣчали. Этотъ шакалъ встрѣчается какъ въ степяхъ, такъ и въ лѣсахъ, но чаще всего въ гористыхъ мѣстностяхъ. Въ южной Африкѣ и въ Абиссиніи онъ очень обыкновененъ. На восточномъ берегу Краснаго моря находится узкая пустынная полоса, называемая Самхара; по ней проходитъ много овраговъ, по которымъ въ дождливое время стекаетъ вода съ горъ, а берега этихъ овраговъ покрыты густымъ кустарникомъ. Здѣсь всегда много водится шакаловъ, такъ какъ они находятъ въ кустахъ богатую добычу, состоящую изъ зайцевъ и степныхъ куропатокъ. Онъ чаще охотится ночью, но можно его видѣть и днемъ, иногда даже вблизи деревень. Рано утромъ онъ попадаетъ вездѣ, какъ въ кустахъ, такъ и въ пустынѣ; въ свое логовище онъ возвращается только когда солнце уже довольно высоко. Ночью онъ является постояннымъ и непрощеннымъ гостемъ въ деревняхъ и на стоянкахъ каравановъ, гдѣ даже огонь не мѣшаетъ его воровскимъ нападеніямъ. Я его часто видѣлъ рыскающимъ между тюками и лежащими верблюдами нашего лагеря, и однажды, когда наша барка стояла на берегу Нила, шакалъ пробрался ко мнѣ по доскѣ, соединявшей судно съ берегомъ. Туземцы его ненавидятъ, такъ какъ онъ таскаетъ все сѣдобное изъ ихъ хижинъ, часто похищаетъ домашнихъ птицъ и даже нападаетъ на мелкій скотъ. Сомали утверждаютъ, что онъ объѣдаетъ курдюки у ихъ овецъ: въ Суданѣ въ этомъ его не обвиняютъ, но говорятъ, что онъ усердно охотится за маленькими антилопами, мышами, сусликами и другими грызунами. Падаль сильно привлекаетъ его, и онъ, кажется, предпочитаетъ эту пищу всякой другой. Буртонъ говоритъ, что сомали считаютъ лай чапрачнаго шакала за предвѣстника восхода солнца и по немъ предсказываютъ

хорошую и дурную погоду; въ Абиссиніи и Суданѣ не обращаютъ вниманія на эту музыку, хотя она тамъ часто раздается. Я долженъ признаться, что вой шакаловъ меня никогда не беспокоилъ и даже служилъ мнѣ развлеченіемъ во время бессонныхъ ночей.

О размноженіи этого животнаго мы пока почти ничего не знаемъ. Мнѣ рассказывали, что у нихъ бываетъ отъ 4—5 дѣтенышей, которые рождаются вначалѣ дождливаго времени. Въ Африкѣ никому не приходитъ въ голову приручить это очень миловидное животное и потому мы только изрѣдка получаемъ изъ Капской колоніи живые экземпляры этого шакала. Если заняться воспитаніемъ этихъ плѣнниковъ, то можно скоро пріобрѣсти ихъ довѣріе. По природѣ своей чапрачный шакалъ есть добродушное, безпритязательное животное, которое во всякомъ случаѣ болѣе склонно къ прирученію, чѣмъ лисица. Вначалѣ, конечно, онъ дикъ и пугливъ, но скоро привыкаетъ къ человѣку и бываетъ благодаренъ за хорошее обращеніе. Купленный мною въ Лондонѣ почти взрослый самецъ вначалѣ былъ въ высшей степени боязливъ и пробовалъ кусаться; при появленіи сторожа онъ безумно метался по клѣткѣ, дѣлалъ прыжки въ 1—2 метра вышины и старался куда-нибудь спрятаться отъ человѣка, или убѣжать. Этотъ шакалъ боялся и другихъ животныхъ того-же вида, запертыхъ съ нимъ въ одной клѣткѣ, и эта боязнь служила причиной сильныхъ дракъ между членами довольно пестраго общества, состоявшаго изъ волковъ и шакаловъ. Неуживчивость эта скоро уничтожилась. Шакалъ убѣдился въ бесполезности борьбы и поведеніе его стало болѣе благоразумно. Уже черезъ нѣсколько недѣль, можетъ быть по примѣру своихъ сожителей, онъ бралъ мясо и хлѣбъ изъ рукъ сторожа, а черезъ мѣсяць уже настолько сталъ довѣрчивъ, что шелъ на его зовъ и лизалъ ему руку. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понемногу пріучался жить въ мирѣ со своими товарищами и даже завелъ съ ними дружбу, которая только иногда прорывалась небольшою ссорой изъ за лакомаго кусочка.

Во время линянья, которое происходитъ въ сентябрѣ, нашъ шакалъ имѣлъ нѣкоторое время очень странный видъ: его черный чапракъ почти совсѣмъ вылѣзъ, но новые волосы выростали довольно скоро и черезъ четыре недѣли у него образовался новый, еще болѣе красивый мѣхъ. Чапрачные шакалы довольно легко размножаются въ клѣткахъ. Отличается-ли у нихъ продолжительность беременности отъ другихъ волковъ, я сказать не могу. Цара, которая нѣсколько лѣтъ содержалась Кварбеллингомъ, много разъ приносила дѣтенышей; шакалы спарились однажды 16-го января, несмотря на 12-тиградусный морозъ; весною, но неизвѣстно когда, родилось 4 дѣтеныша, которые прекрасно выросли. Два слѣдующіе года самка снова щенилась, однажды четвертаго марта и, хотя вообще хорошо обращалась со своими щенятами, во одного изъ нихъ сожрала. Въ южной Африкѣ очень любятъ мягкій мѣхъ чапрачнаго шакала; шкурки его шиваютъ по 10—20 вмѣстѣ въ одинъ большой коверъ (кароссъ), который охотно покупается туземцами и служитъ имъ покрывкою для постели. При хорошемъ выборѣ и расположеніи разнообразныхъ шкурокъ этого животнаго ковры выходятъ очень красивыми.

* * *

Если мы теперь обратимся къ американскимъ видамъ этихъ собакъ, то прежде всего должны упомянуть о двухъ видахъ, отличающихся очень длинной головой съ тонкой мордой и короткимъ хвостомъ. По другимъ признакамъ, впрочемъ, эти виды другъ отъ друга значительно различаются.

Гуаръ или **Красный волкъ**, гривистый волкъ (*Canis [Lupus] jubatus*, *Chrysocyon jubatus*, *Canis campestris*. *Mähnenwolf*. *Loup rouge*) похожъ, по словамъ Бурмейстера, на нашего волка, но имѣетъ болѣе тонкое туловище, ноги у него выше,

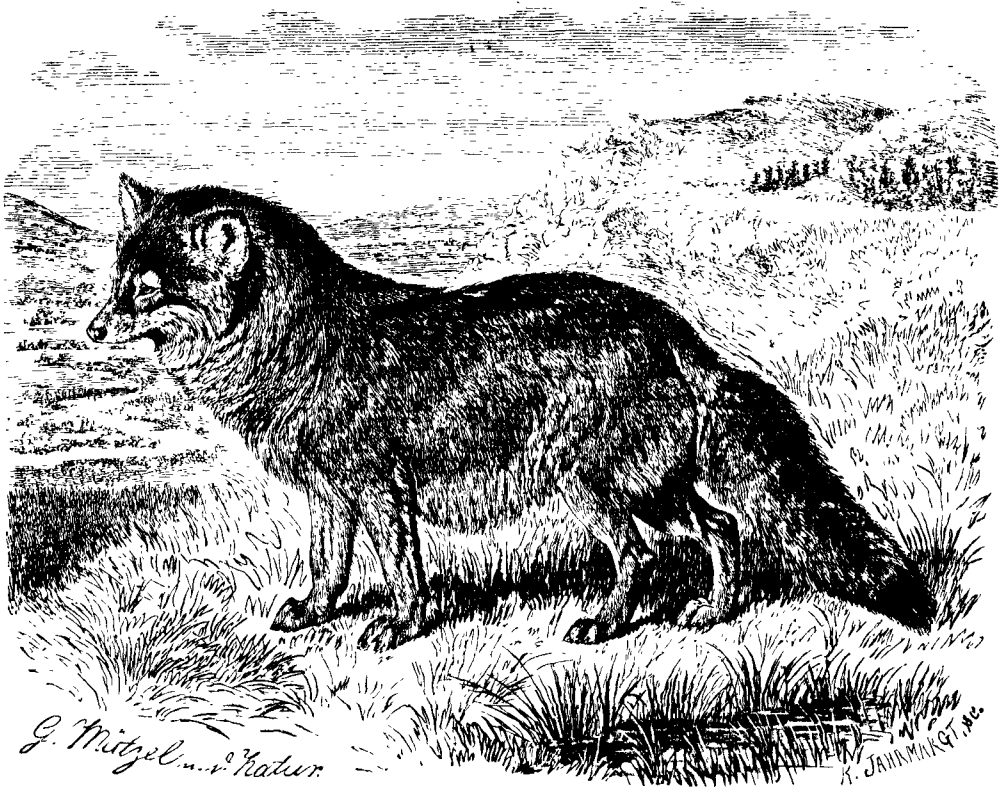
морда тоньше, грудь уже и хвостъ короче. По словамъ Гензеля животное это довольно уродливо: туловище его кажется несоответственно короткимъ, а ноги, вслѣдствіе удлиненія костей кисти и ступни, кажутся намъ безобразно длинными. Мѣхъ у него также своеобразный. На мордѣ и на лапахъ, по описанію Бурмейстера, шерсть очень короткая, но длина волосъ постепенно увеличивается, и на затылкѣ и спинѣ они достигаютъ наибольшей величины, (около 13 см.) образуя настоящую гриву, которая во время гнѣва или возбужденія приподнимается. Грива эта ярко коричневаго цвѣта, къ серединѣ спины дѣлается нѣсколько темнѣе, а къ животу свѣтлѣе и желтѣе, морда имѣетъ бурый цвѣтъ, голый носъ черный, верхняя часть головы свѣтлѣе, уши снаружи рыжевато-бурая, а внутри желтовато-бѣлая; на затылкѣ замѣтно большое темно-бурое пятно, продолженное до спины, лапы спереди черныя, а сзади бурая, а внутреннія части конечностей почти бѣлая; хвостъ сверху красновато-бурый, а снизу желтоватый. Длина туловища и головы 1,25 — 1,3 метра, хвостъ—40 см., а высота въ плечахъ 70 см.

До сихъ поръ намъ очень мало извѣстно объ образѣ жизни этого животнаго, которое и въ музеяхъ встрѣчается довольно рѣдко. Хотя гуаръ имѣетъ довольно большое распространеніе въ Южной Америкѣ и по одиночкѣ встрѣчается во многихъ мѣстностяхъ Бразиліи, Парагвая и Аргентинской республики, но вслѣдствіе своей осторожности и боязливости онъ держится далеко отъ человѣческихъ жилищъ и потому его можно рѣдко видѣть и еще рѣже — убить. Бурмейстеръ считаетъ особымъ счастливымъ случаемъ, что во время его пребыванія въ Лагоасанта ему принесли убитаго гуара, такъ что онъ могъ его описать. Издали этотъ волкъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ смотритъ на человѣка, но скоро бѣжитъ отъ него и никогда не бываетъ навязчивъ; онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ нападаетъ на домашнюю скотину и никогда—на человѣка, а питается небольшими млекопитающими и разными плодами. Гензель говоритъ, что онъ ничего не узналъ положительнаго объ образѣ жизни этого животнаго, но чаще всего о немъ слыхалъ на плоскогорьи Серра-Гераль, гдѣ онъ нападаетъ на стада овецъ и могъ-бы считаться вреднымъ, если-бы чаще встрѣчался. По показаніямъ принца фонъ-Видъ, гуаръ днемъ прячется въ мелкихъ кустарникахъ стенихъ мѣстностей внутри страны; ночью-же, а въ не населенныхъ мѣстностяхъ даже вечеромъ, онъ рыщетъ за добычей и издаетъ свой громкій, далеко раздающійся вой. Вечеромъ онъ охотится въ болотистыхъ мѣстахъ за дикими морскими свинками, которыя съ такою быстротою рыщутъ въ высокой травѣ, что ни одна охотничья собака не можетъ ихъ словить, но гуаръ ихъ легко догоняетъ. Его высокія ноги даютъ ему возможность обозрѣвать большое пространство и дѣлать такіе большіе прыжки, что мелкимъ животнымъ отъ него спастись трудно. Гензель не могъ узнать способенъ-ли этотъ волкъ къ продолжительному бѣгу, но это слѣдуетъ предполагать, хотя говорятъ, что его иногда догоняютъ собаки. Въ Бразиліи не пренебрегаютъ мясомъ гуара и Бурмейстера разъ угостили подобнымъ жаркимъ, подъ видомъ оленины. Онъ нашелъ это мясо довольно вкуснымъ, но жесткимъ и только послѣ ѣды узналъ, что онъ ѣлъ волчатину вмѣсто оленины.

* *

Второй видъ, свойственный Америкѣ, **Луговой Волкъ** иначе **Койотъ** (*Canis latrans*, *Chrysocyon latrans*, *Lyciscus cayotis*, *Canis frustor*, *Steppenwolf*. *Loup des prairies*) занимаетъ также середину между волкомъ и лисицею, хотя все-таки на волка болѣе похожъ. По туловищу и хвосту, а также по сильнымъ конечностямъ онъ болѣе похожъ на волка, а отъ лисицы заимствовалъ очень острую морду. Коренастое туловище его, вслѣдствіе длиннаго, густого мѣха, кажется еще толще. Шея короткая

и толстая. Голова болѣе вытянута, чѣмъ у волка, сверху широкая, а морда острая. Уши довольно большія, снизу широкія съ незакругленными кончиками. Свѣтло-бурый глазъ имѣеть круглый зрачекъ. Шерсть имѣеть грязный желтовато-сѣрый цвѣтъ, переходящій на ухахъ и на носу въ ржаво-бурый, а на верхней части шеи и спины въ черноватый, потому что здѣсь всѣ волоса имѣють черные кончики: стороны шеи, переднія лопатки, бедра и наружныя стороны лапъ—свѣтло-рыжія или свѣтло-желтыя, а брюхо и внутреннія стороны конечностей бѣловатаго цвѣта: уши ржаво-бурого цвѣта, испещреннаго кое-гдѣ черными волосками. Края губъ бѣлые; окружность глазъ буровато-сѣраго цвѣта, при чемъ каждый волосокъ имѣеть бѣлый кон-

Луговой волкъ. *Canis latrans*. $\frac{1}{9}$ наст. вел.

чикъ. Хвостъ у основанія сѣровато-желтаго цвѣта съ примѣсью черныхъ волосъ, а на концѣ совсѣмъ черный. Зимой волоса на спинѣ дѣлаются очень длинными, именно до 10 см. У основанія они пепельно-сѣраго цвѣта, затѣмъ рыжіе, выше идутъ черно-бурья колечки, потомъ они бѣлые и на самомъ концѣ снова черно-бурые. Встрѣчаются нѣкоторыя видоизмѣненія въ цвѣтѣ. Взрослые луговые волки имѣють около 1,4 метра длины, изъ которыхъ хвостъ занимаетъ 40 см.; вышина въ плечахъ 55 см.

Луговой волкъ имѣеть въ Сѣверной Америкѣ обширную область распространенія, именно отъ Миссисипи на востокъ и отъ британскихъ владѣній на сѣверъ почти до Панамскаго перешейка; особенно часто онъ встрѣчается около рѣки Миссури, въ Калифорніи и въ Колумбіи. Англійскіе естествоиспытатели говорятъ, что онъ живетъ большими стаями и гоняется за крупными животными, именно, слѣдуетъ за стадами бизоповъ, при чемъ съ большою смѣлостью нападетъ на большихъ, изму-

ченыхъ или раненыхъ быковъ Принцъ фонъ-Видъ и Одюбонъ, напротивъ, утверждаютъ, что онъ живетъ по одиночкѣ или парами и по образу жизни не отличается отъ нашего волка. Онъ хватаетъ все, до чего можетъ достигнуть, и по хитрости своей походитъ на нашихъ волковъ и лисицъ. Ночью онъ вбѣгаетъ въ индѣйскія деревни и зимою рыщетъ около жилищъ даже днемъ, точно такъ, какъ волкъ въ снѣжную зиму, во время морозовъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ лугового волчицы живутъ въ вырытыхъ ими самими норахъ или въ естественныхъ пещерахъ, и тамъ у нихъ родится отъ 6—10 дѣтенышей. Течка бываетъ въ январѣ и февралѣ, и въ это время койоты, какъ и всѣ собаки, бываютъ сильно возбуждены. Тогда слышенъ ихъ голосъ въ преріяхъ: своеобразный, въ концѣ нѣсколько протяжный лай, который напоминаетъ вой нашихъ лисицъ. Многія индѣйскія собаки по своему вѣшнему виду очень похожи на лугового волка, поэтому слѣдуетъ предположить, что онѣ произошли отъ скрещиванія лугового волка съ собакой. «Волки», говоритъ Тильманъ, «встрѣчаются вездѣ въ преріяхъ, но луговой волкъ или койотъ попадаетъ гораздо чаще, чѣмъ крупный сѣрый волкъ. Днемъ койоты бѣгаютъ по одиночкѣ или попарно по преріи, около падали или раненаго животнаго ихъ собирается большое количество, а ночью пѣлыя стаи задаютъ концерты около путешественниковъ. Я не могу сказать, чтобы этотъ вой былъ очень непріятенъ; часто, лежа въ палаткѣ и слушая его, я находилъ въ немъ нѣкоторое сходство съ отдаленнымъ пѣніемъ, точно такъ, какъ крикъ дикихъ гусей издали напоминаетъ колокольный звонъ. Койотъ вмѣстѣ съ грифомъ истребляетъ падаль въ пустынѣ, но сильно разложившіеся трупы онъ не ѣстъ. Самою вѣрною добычею койота слѣдуетъ считать пристрѣленнаго или раненаго въ борьбѣ съ товарищами бизона. Какъ только такой бизонъ ложится измученный отъ ранъ, то острые зубы стаи койотовъ скоро оканчиваютъ его жизнь. Для человѣка койотъ точно такъ-же безопасенъ, какъ и большой сѣрый волкъ, но нахальство его такъ велико, что при стоянкахъ въ пустынѣ нужно хорошо прятать всякій кусокъ мяса и даже намазанные саломъ сапоги. Только однажды днемъ я близко видалъ койота; онъ былъ такъ увлеченъ охотой за зайцемъ, что замѣтилъ меня только тогда, когда очутился почти подъ копытами моей лошади».

О жизни этого животнаго въ неволѣ я могу сообщить изъ собственнаго опыта. Я нѣкоторое время воспитывалъ лугового волка, который жилъ у меня въ комнатѣ и велъ себя такъ-же хорошо, какъ добродушная собака, но только со знакомыми. Онъ во всемъ походилъ на домашнюю собаку. При видѣ своего пріятеля онъ прыгалъ отъ радости, вилялъ хвостомъ и подходилъ, чтобы его поласкали; однако онъ никогда не лизалъ руки гладившаго его, и только развѣ обнюхивалъ его. Когда его оставляли одного, то онъ скучалъ и начиналъ жалобно выть. Когда онъ былъ помѣщенъ въ зоологическій садъ и въ его клѣтку впускали другое животное, то онъ начиналъ его трепать, если только это животное не было сильнѣе его самого. По недостатку помѣщенія его пришлось посадить въ одну клѣтку съ волкодавомъ, чапранымъ шакаломъ и индѣйскимъ шакаломъ. Вначалѣ происходили сильныя драки между этими животными, потомъ они стали жить спокойнѣе, но койотъ относился все-таки недовѣрчиво къ своимъ товарищамъ и держался поодаль отъ нихъ. Въ сосѣдней клѣткѣ жилъ носатикъ и койотъ успѣлъ захватить черезъ рѣшетку его хвостъ, откусилъ его посрединѣ и сожралъ. За живыми животными, проходящими мимо его клѣтки, онъ слѣдилъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ; особенно возбуждали его алчность домашнія куры, которыхъ онъ долго провожалъ глазами. Онъ былъ пріученъ къ человѣческой пищѣ и предпочиталъ хлѣбъ мясу, но ѣлъ и его. Маленькихъ млекопитающихъ и птицъ онъ пожиралъ съ кожей, волосами и перьями,

привязанъ, несмотря на то, что я ему рѣдко давалъ ѣсть; я имъ ни разу не былъ укушенъ. Прежняго своего хозяина онъ очень любилъ, хотя тотъ посѣщалъ его рѣдко. Меня онъ узнавалъ издали и постоянно встрѣчалъ съ веселымъ видомъ и ласковымъ виляньемъ хвоста. Когда я его ласкалъ рукой, онъ часто ложился на спину какъ собака, и тогда я могъ спокойно съ нимъ играть, дергать его за шерсть и даже класть руку между зубами, причемъ онъ никогда на это не сердился.

Мѣхъ лугового волка находитъ такое-же примѣненіе, какъ и шкуры другихъ волковъ. По Ломеру, смотря по величинѣ и качеству шерсти, за шкуру платятъ отъ 3—8 марокъ; слѣдовательно по цѣнѣ этотъ мѣхъ равняется низшимъ сортамъ европейскихъ волчьихъ шкуръ.

* * *

Самымъ низкимъ представителемъ волковъ въ сѣверномъ полушаріи слѣдуетъ считать виверровую или енотовую собаку. У нея 42 мелкихъ зуба, при чемъ на коренныхъ зубахъ сильно развиты плоскіе бугорки. Она отличается по числу позвонковъ отдѣльныхъ частей хребетнаго столба: именно, у ней больше грудныхъ позвонковъ, чѣмъ у другихъ собакъ, за исключеніемъ широконосой собаки (*Otocyon caffer*), за то меньше хвостовыхъ позвонковъ, и кромѣ того есть нѣкоторыя другія особенности въ скелетѣ.

Виверровая или Енотовая собака называется у японцевъ **Тануки**, у китайцевъ **Хаузе** у южныхъ тунгузовъ **Ильбигае**, у гольдовъ **Ендако**, у манджуровъ **Наото** (*Canis [Lupus] procyonoides*, *Nyctereutes procyonoides* и *viverrinus*. *Schleichkatzenhund*. *Chien—civette*); она болѣе напоминаетъ куницу, чѣмъ собаку. Удлиненное, сзади расширенное тѣло покоится на слабыхъ низкихъ ногахъ, голова коротка, узка, морда острая, хвостъ очень короткій и пушистый, уши также короткія, широкія, съ округленными верхушками и почти спрятаны въ очень длинномъ мѣхѣ. Окраска шерсти скорѣе напоминаетъ куницу, чѣмъ собаку и довольно измѣнчива, то свѣтлѣе, то темнѣе, но по плечамъ и переднимъ ногамъ проходитъ постоянно темно-бурая полоса; лапы того-же цвѣта. Голова и стороны шеи обыкновенно свѣтло-чалалаго цвѣта, прочія части тѣла бурья. Щеки и края ушей бурого цвѣта; нижняя часть тѣла свѣтло-бурая; хвостъ, начиная съ половины до конца, черно-бурый, а на шеѣ и на бокахъ замѣчаются свѣтлыя, желтовато-сѣрыя пятна. Каждый волосъ на этихъ пятнахъ у основанія бурый, а на концѣ сѣровато-желтый. Подшерстокъ, по словамъ Раде, сильнѣе развитъ, чѣмъ у всѣхъ другихъ собакъ и поэтому мѣхъ этотъ имѣлъ-бы большую цѣнность, если-бы остевые волосы не были взъерошены, какъ у барсука и разнообразіе окраски не затрудняло-бы составленія цѣльнаго красиваго мѣха изъ отдѣльныхъ шкурокъ. Лѣтомъ окраска шерсти замѣтно темнѣе, такъ какъ кончики волосъ послѣ линянья не успѣваютъ еще выцвѣсти. Длина животнаго, включая сюда и хвостъ въ 10 см. — 75 — 80 см., а высота въ плечахъ всего 20 см.

Грей описалъ виверровую собаку по шкурѣ, доставленной ему, вѣроятно, изъ Китая; Теммингъ, два года спустя, описалъ то-же животное подъ названіемъ енотовой собаки по чучеламъ, привезеннымъ Зибольдомъ изъ Японіи. Теперь намъ извѣстно, что этотъ видъ собакъ встрѣчается не только въ Японіи и Китаѣ отъ города Кантона до рѣки Амура, но по всей вѣроятности живетъ во всей умѣренной полосѣ восточной Азіи, причемъ на сѣверо-востокъ доходитъ до 51° с. ш.

Въ верхнихъ частяхъ бассейна Амура и его притокахъ виверровая собака встрѣчается особенно часто, причемъ она предпочитаетъ мѣстности съ богатыми рыбою рѣками и озерами, и потому держится чаще всего въ долинахъ рѣкъ. Однако Раде, который доставилъ намъ единственное хорошее описаніе образа

жизни этого животного, встрѣчалъ его на отлогихъ покатосяхъ Малаго Хингана, покрытыхъ рѣдкимъ лѣсомъ.

По наблюдениямъ, сдѣланнымъ Радде надъ свободно живущими и плѣнными экземплярами, объ образѣ жизни виверровой собаки мы можемъ сообщить слѣдующее: какъ волкъ, шакалъ и корсакъ собака эта не имѣетъ постоянного мѣстопробыванія; лѣтомъ встрѣчается повсюду, а зимою держится чаще всего около рѣкъ и ручьевъ. Днемъ она спитъ свернувшись въ клубокъ, и спрятавши голову и лапки между длинными волосами своего туловища. Въ высокихъ камышахъ, которые покрываютъ берега рѣчекъ, въ тѣхъ долинахъ, гдѣ чаще всего ее можно встрѣтить, иногда

Майконгъ. *Canis cancrivorus*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

она для сна забиралась въ пустыя норы лисицъ и другихъ животныхъ, ночью-же отправляется за добычей. Она не скоро бѣгаетъ и по своимъ движеніямъ напоминаетъ виверру. Точно такъ, какъ это животное, сгибаетъ спину дугою и внезапно дѣлаетъ прыжки въ бокъ. Какъ лисица, она охотно ночью ходитъ по льду, старается держаться стараго слѣда, шаги у ней маленькіе, какъ у лисицы; слѣды показываютъ, что она при ходьбѣ переваливается изъ стороны въ сторону, и чаще двигается прыжками, чѣмъ рысью. Голосъ ея состоитъ изъ тихаго мяуканья, а въ гнѣвѣ она своеобразно ворчитъ, оканчивая этотъ звукъ протяжнымъ жалобнымъ визгомъ. Днемъ она очень пуглива, а ночью храбро защищается даже противъ очень сильныхъ собакъ; осторожности у ней мало, а прожорливость очень значительна, почему она легко попадается въ ловушки и съѣдаетъ отравленныя приманки. Добчей ей чаще всего служатъ мыши и рыбы. Первыхъ она преслѣдуетъ

лѣтомъ на равнинахъ и плоскогоріяхъ, причемъ чаще всего для этой охоты собирается нѣсколько виверровыхъ собакъ, вѣроятно, цѣлая семья; собаки разбѣгаются отъ одного пункта въ разныя стороны и, встрѣтившись въ другомъ мѣстѣ, снова расходятся, продолжая охоту дальше. Виверровая собака, какъ лисица, очень охотно ловить рыбу, и потому по долгу караулить ихъ на берегу всѣхъ рѣкъ и ручьевъ, и вообще какъ любитъ рыбу, что, пока ихъ можетъ добыть, пренебрегаетъ мясомъ всѣхъ прочихъ животныхъ. Она съѣдаетъ заразъ отъ 8—10 рыбъ въ ладонь величиной и не бываетъ еще, повидимому, сыта, и, если ей еще предложить этотъ любимый кормъ, то она кажется ненасытной. Живыхъ рыбъ она сразу загрызаетъ, раскусивши имъ голову. Впрочемъ виверровая собака ѣсть и растительныя вещества напр. ягоды, плоды дикой яблони и, по увѣренію тунгузовъ, и желуди: она болѣе всеядна, чѣмъ прочія собаки. Зимой она охотится только тогда, когда осенью не имѣла возможности хорошенько отѣсться; если-же она достаточно жирна, то собираетъ себѣ запасы лѣсныхъ яблоковъ и залегаетъ въ пустой лисьей норѣ или другой ямѣ на короткую зимнюю спячку; въ этомъ отношеніи она болѣе походитъ на медвѣдя, барсука и нѣкоторыхъ куницъ, чѣмъ на собакъ. Радде находилъ ее зимою въ горахъ очень рѣдко, и о зимней спячкѣ этого животнаго узналъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ отъ тунгузовъ, которые, какъ всѣ охотничьи народы, очень наблюдательны относительно образа жизни животныхъ; тунгузы, кромѣ того, ему сообщили, что эта собака зимуетъ только въ такихъ норахъ, куда морозъ не проникаетъ.

Енотовую собаку довольно легко отравить мясными катышками со стрихниномъ, но околѣвшее животное не такъ легко найти, такъ какъ оно проглатываетъ приманку цѣликомъ и успѣваетъ довольно далеко уйги раньше, чѣмъ ядъ подѣйствуетъ; Радде находилъ околѣвшихъ отъ яда животныхъ около прорубей въ рѣкѣ, куда они ходили передъ смертью пить. Рѣзвыя охотничьи собаки скоро догоняютъ это животное и справляются съ нимъ безъ труда. Туземцы Сибири, китайцы и японцы ѣдятъ ея мясо, а изъ мѣха ея чаще всего дѣлаютъ шапки. Пойманныя виверровыя собаки скоро привыкаютъ къ человѣку, теряютъ свою дикость, но все-таки остаются боязливыми. Сначала онѣ ѣдятъ только тогда, когда на нихъ не смотрятъ, но затѣмъ привыкаютъ и начинаютъ ѣсть безъ опаски, особенно, если имъ предлагается рыба. Послѣ обильной ѣды, онѣ всегда долго спятъ. Онѣ очень чистооплотны, выбираютъ себѣ для логовища сухой уголокъ и пометъ свой кладутъ въ определенное мѣсто.

* * *

По мнѣнію новѣйшихъ зоологовъ самыми послѣдними представителями волковъ слѣдуетъ считать нѣкоторыхъ южно-американскихъ животныхъ, похожихъ на виверровую собаку, и имѣющихъ иногда до 46 зубовъ. Къ нимъ принадлежитъ **Майконгъ** или **Каразиси**, которую колонисты называютъ саванновой собакой. (*Canis (Lupus) cancrivorus*, *C. brasiliensis*, Thous и *Lycalopex cancrivorus*. Savannenhund. Chien grabier). Судя по видѣнному мною живому экземпляру, это животное похоже на шакала, имѣетъ стройное тѣло, длинныя ноги, короткую, широкую голову съ тупой мордой; уши средней величины далеко отстоятъ одно отъ другого, и на верху закруглены; глаза красно-бурого цвѣта, расположены нѣсколько наклонно и имѣютъ овальный зрачекъ; хвостъ виситъ почти до земли; длина тѣла 65 см., хвостъ—28 см., а вышина въ плечахъ 55 см. Мѣхъ состоитъ изъ не очень длинныхъ, жесткихъ волосъ, прикрывающихъ рѣдкій подшерстокъ. Цвѣтъ шерсти почти вездѣ рыжеватосѣрый, на спинѣ, а иногда и на плечахъ онъ темнѣе, вслѣдствіе того, что кончики волосъ черные, а нижняя часть тѣла изъ сѣраго цвѣта переходитъ въ желтовато-бѣлый и чисто-бѣлый. Окружность глазъ свѣтлѣе, —желтовато-бѣлаго цвѣта; уши сна-

ружи рыжевато-сѣрыя съ темно-бурыми кончиками и свѣтлой каемкой. Внутренность ихъ усажена желтовато-бѣлыми волосами. Губы, конецъ морды, пятно на подбородкѣ и кончики лапъ до перваго сустава имѣютъ темную окраску; на груди замѣтно желтовато-бѣлое большое пятно крестообразной формы. Продольная вѣтвь идетъ отъ горла до верхней части груди, а поперечная проходитъ широкой полосой отъ плеча къ плечу. Отдѣльные волоса у корня желтоватаго или бѣловатаго цвѣта, посреднѣе сѣрые, а на концѣ черные.

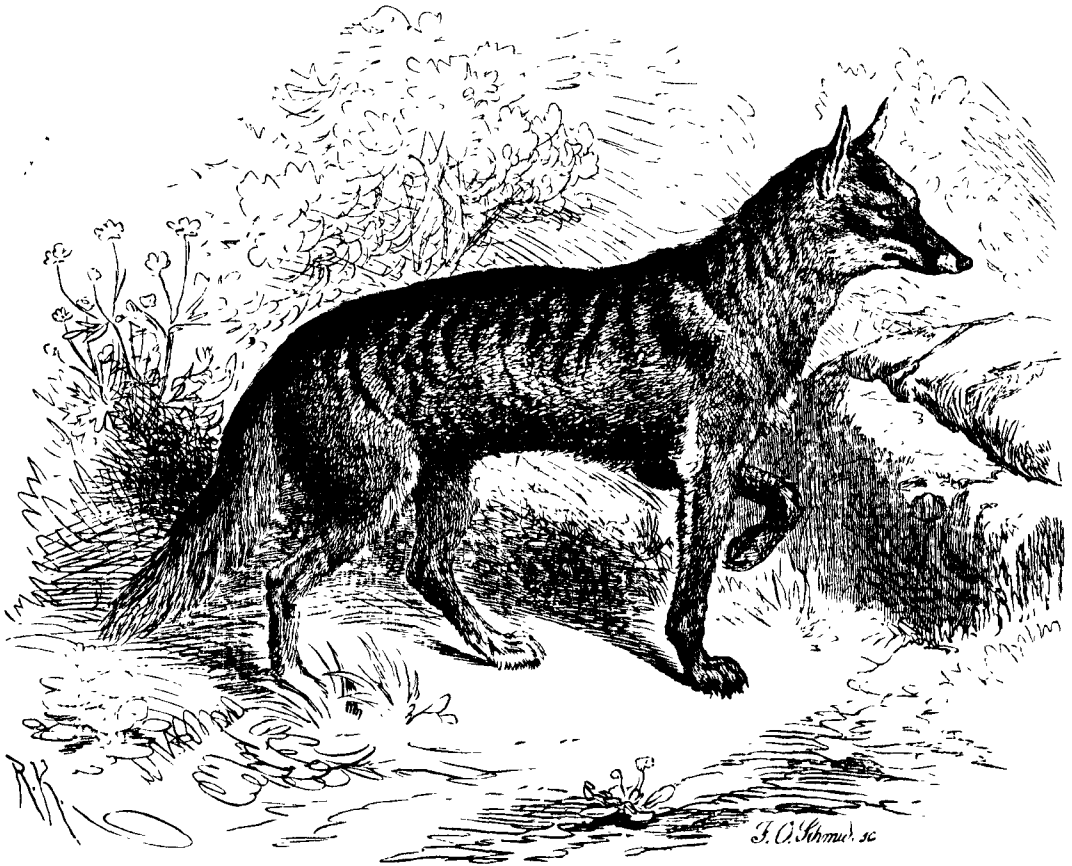
Говорятъ, уже испанцы нашли эту собаку на Антильскихъ островахъ въ видѣ домашняго животнаго. Съ тѣхъ поръ она тамъ истреблена, но, по показаніямъ Шомбургка, многіе индѣйскія племена Южной Америки держать ее и до сихъ поръ въ полуручномъ состояніи. «Гористыя мѣстности», говоритъ этотъ естествоиспытатель, «перерѣзанныя лѣсистыми долинами, и берега рѣкъ въ саваннахъ, должны считаться, повидимому, любимымъ мѣстопребываніемъ этого хитраго и умнаго животнаго. Оно тамъ живетъ и собирается цѣлыми стаями. Въ открытыхъ мѣстностяхъ майконги выслѣживаютъ добычу болѣе глазами, чѣмъ носомъ; въ лѣсу — на оборотъ: тамъ они очевидно бѣгутъ по слѣдамъ добычи и сопровождаютъ свою охоту громкимъ лаемъ. Если стаѣ удастся забраться незамѣченной въ человѣческое поселеніе, то отъ нихъ спасутся развѣ только немногія куры и попугаи, спящіе на деревьяхъ и крышахъ. Хищники эти никогда не поѣдаютъ добычу тутъ-же, на мѣстѣ, но всегда уносятъ ее въ лѣсъ, или въ другой скрытый уголокъ. Индѣйцы увѣряютъ, что майконги гоняются за маленькими оленями и за стадами водосвинокъ, причемъ хватаютъ отстающихъ животныхъ. Индѣйцы дорожатъ майконгомъ потому, что отъ скрещиванія его съ домашней собакой происходятъ отличныя охотничьи собаки, которыя, по наружности, болѣе походять на собакъ, чѣмъ на майконговъ. У нихъ очень тонкое тѣло, уши стоячія, а по выносливости, ловкости и проворству въ выслѣживаніи и преслѣдованіи дичи, онѣ превосходятъ всѣхъ другихъ собакъ. За такихъ ублюдковъ, дрессированныхъ для охоты за оленями, водосвианками и тапирами, платятъ въ колоніяхъ отъ 10—12 талеровъ. Поэтому ручные майконги считаются у индѣйцевъ цѣннымъ имуществомъ. Однако это животное слѣдуетъ держать постоянно на привязи, такъ какъ его нельзя отучить отъ хищническихъ замашекъ. Если, по небрежности хозяина, майконгъ успѣетъ освободиться отъ веревки, то онъ производитъ страшное смятеніе между домашними птицами фермы. Индѣйцы кормятъ ихъ варенымъ мясомъ, рыбой и плодами». Гензель сомнѣвается въ показаніяхъ Шомбургка, что эти собаки происходятъ отъ скрещиванія майконга и домашней собаки. «Такое предположеніе», говоритъ онъ, «въ высшей степени неправдоподобно. Собаки индѣйцевъ Гвіаны очевидно принадлежатъ къ той-же породѣ, какъ и собаки, которыя въ Бразиліи употребляются для охоты за оленями. Если-бы эти собаки происходили отъ скрещиванія, то это сейчасъ можно было-бы замѣтить по черепу, такъ какъ у майконга черепъ и зубы отличаются отъ черепа и зубовъ лисицъ и домашнихъ собакъ». Поэтому съ научной точки зрѣнія нельзя еще считать достовѣрнымъ мнѣніе Шомбургка, пока оно не будетъ доказано фактами. Майконгъ, котораго я воспитывалъ, былъ такъ похожъ по своему нраву и привычкамъ на шакала Стараго Свѣта, что я, по крайней мѣрѣ, не могъ найти между ними никакой разницы. Онъ, какъ всѣ собаки, ѣстъ самую разнообразную нищу, хотя мясо предпочитаетъ всему другому; однако, онъ охотно ѣлъ плоды и булку съ молокомъ. Къ намъ онъ относился сначала очень недовѣрчиво, какъ и чапачный шакалъ, но впоследствии сдѣлался привѣтливѣе и добродушнѣе, по мѣрѣ того, какъ приобрѣталъ къ намъ довѣріе.

Второй представитель низкостоящихъ южно-американскихъ собакъ — это **Агуарачай** или **Атой**, называемый также «бразильской лисицей» (*Canis* [*Lupus*] *vetulus*, *C. azarae*, *melanostomus* и *melampus*, *Vulpes*, *Pseudalopex* и *Lycalopex azarae*), котораго можно считать переходной формой между шакаломъ и лисицею. Длина тѣла около 90—100 см., изъ которыхъ 35 см. приходится на довольно длинный хвостъ. Окраска шерсти очень разнообразна: затылокъ и спина обыкновенно чернаго цвѣта, темя и стороны головы сѣраго цвѣта, бока темно-сѣрые, грудь и животъ грязновато-желтые, конечности спереди бурья, а сзади черныя, а лапы бурья. На головѣ ярко выдѣляются: бѣлое пятно на мордѣ, свѣтло-желтое кольцо кругомъ глазъ, буровато-желтое пятно около ушей и такого-же цвѣта пятно на горлѣ. Длинные усы, черточка за глазами и всѣ, непокрытыя волосами части тѣла — чернаго цвѣта. Шерсть состоитъ изъ довольно мягкаго подшерстка и нѣсколько волнистыхъ и жесткихъ волосъ ости, которые имѣють разноцвѣтныя кольца и обуславливають цвѣтъ различныхъ частей тѣла своими темными или свѣтлыми кончиками. Различныя измѣненія въ цвѣтѣ и рисунокѣ шерсти очень затрудняютъ опредѣленіе этого вида и до сихъ поръ многіе натуралисты склонны принимать, что существуетъ нѣсколько разновидностей этого животнаго.

Отечество агуарачая вся Южная Америка отъ Тихаго до Атлантическаго океана и отъ экватора до южнаго конца Патагоніи. Онъ встрѣчается какъ на высотахъ, такъ и на равнинахъ, но, кажется, предпочитаетъ умѣренныя страны жаркимъ. На Андахъ онъ подымается до 5000 метровъ надъ поверхностью моря; Въ Парагваѣ онъ живетъ въ мелкомъ кустарникѣ и избѣгаетъ большіе лѣса и безлѣсныя равнины, хотя и заходитъ туда во время своихъ охотничьихъ странствованій. Онъ повсюду довольно обыкновененъ, держится извѣстной мѣстности, лѣтомъ и зимою живетъ одинъ, зимою и весною попарно, цѣлый день спитъ, а по вечерамъ ищетъ добычу, которая состоитъ изъ агути, пака, кроликовъ, молодыхъ оленей, дикихъ и домашнихъ птицъ. Говорятъ, что онъ слѣдуетъ за ягуаромъ и поѣдаетъ за нимъ остатки; не пренебрегаетъ лягушками и ящерицами, ловитъ раковъ и краббовъ и вслѣдствіе своей многочисленности, хищничества и vorоватости считается очень вреднымъ животнымъ.

Азара, Ренггеръ и Чуди доставили намъ обстоятельныя описанія образа жизни агуарачая, но лучшее описаніе принадлежитъ Ренггеру. «Мнѣ случилось во время моихъ путешествій, ночью подъ открытымъ небомъ, наблюдать иногда это животное при лунномъ свѣтѣ. Если случилось ночевать около хижины, гдѣ держали утокъ, то агуарачай осторожно приближался, держась противъ вѣтра, чтобы издали почувать людей и собакъ. Тихими, едва слышными шагами крался онъ вдоль забора или по травѣ, дѣлая иногда большіе обходы, пока не приближался къ уткамъ, затѣмъ внезапно бросался на одну изъ нихъ, схватывалъ ее за шею, такъ что она не могла и вскрикнуть, и быстро удалялся съ добычей, высоко поднявши морду, чтобы добыча не мѣшала ему при бѣгствѣ. Онъ поѣдалъ свою жертву только въ нѣкоторомъ отдаленіи, гдѣ чувствовалъ себя въ безопасности, какъ это можно было видѣть по оставшимся костямъ и перьямъ. Если во время набѣга онъ былъ испуганъ какимъ-нибудь шумомъ, то тотчасъ-же спасался въ самую густую чащу кустарника, но черезъ нѣсколько времени появлялся съ другой стороны и возобновлялъ нападеніе. Случалось, что онъ пять или шесть разъ появлялся около хижины, пока не удачалъ удобной минуты, чтобы поймать утку. Если ему охота не удавалась въ одну ночь, то онъ являлся въ слѣдующую. Разъ я приказалъ сторожить нѣсколько почей сряду одного агуарачая, утащившаго у меня утку; онъ однако не показывался, хотя каждое утро мы находили его свѣжіе слѣды по близости. Но въ

первую-же ночь, когда никто не сторожилъ, агуарачай забрался въ птичникъ. Въ лѣсу или открытой мѣстности агуарачай не такъ остороженъ въ преслѣдованіи добычи, такъ какъ здѣсь у него менѣе враговъ и ему легко догнать маленькихъ млекопитающихъ, на которыхъ ему не удается напасть неожиданно. Преслѣдуя добычу, онъ какъ собака опускаетъ морду къ землѣ, отыскивая слѣдъ, и отъ времени до времени подымаетъ носъ и обнюхиваетъ воздухъ. Агуарачай часто посѣщаетъ плантаціи во время созрѣванія сахарнаго тростника не только изъ за множества грызуновъ, живущихъ тамъ, но и изъ за самаго тростника, который онъ грызетъ съ удо-

Агуарачай. *Canis vetulus*. 1/2, наст. вел.

вольствіемъ. Онъ ѣстъ только небольшую часть растенія, находящуюся около корня и которая содержитъ больше всего сладкаго сока, но такимъ образомъ портитъ до десяти или болѣе кустовъ и приноситъ этимъ значительный вредъ».

Въ менѣе населенныхъ мѣстностяхъ агуарачай или «цорра», какъ его называютъ южные американцы, дѣлается иногда очень нахальнымъ. Герингъ мнѣ рассказывалъ, что не разъ видалъ это животное днемъ около птичьихъ дворовъ. У него отличная память, и онъ никогда не забываетъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ однажды удачно поохотился. Если цорра побывалъ на птичьемъ дворѣ, то нужно его хорошенько сторожить, такъ какъ онъ будетъ возвращаться туда до тѣхъ поръ, пока не стащитъ послѣднюю птицу. Тамъ, гдѣ чувствуетъ себя въ безопасности, онъ рыщетъ какъ

днемъ, такъ и ночью. Онъ очень искусно умѣетъ находить тропинки и въ болотахъ. Тутъ онъ дѣятельно охотится за водяными и болотными птицами, именно за утками, куликами, лысухами и камиши (Palamedea), причѣмъ усежда ему удается добыть или неопытнаго птенца, или даже взрослую птицу. Гаучосы, которые его отлично знаютъ, рассказывали Герингу, что цорра отправляется въ болото тотчасъ послѣ охотниковъ, зная навѣрно, что найдетъ тамъ нѣсколькихъ птицъ, застрѣленныхъ, но не найденныхъ ими.

Къ одинокимъ всадникамъ агуарачай относится съ большимъ любопытствомъ: услышавъ лошадиный топотъ, онъ выходитъ изъ кустовъ, становится иногда по самой серединѣ дороги и смѣло осматриваетъ коня и всадника, причѣмъ подпускаетъ ихъ шаговъ на пятьдесятъ и даже ближе, прежде чѣмъ удалиться. Уходитъ онъ не спѣша, а тихонько, шагъ за шагомъ, оглядываясь много разъ на интересующее его явленіе и какъ-бы смѣясь надъ всадникомъ и его лошадью. Однако, если собируются его преслѣдовать, то онъ быстро убѣгаетъ и мгновенно скрывается въ густомъ кустарникѣ. «Зимою, во время тѣчки», продолжаетъ Ренггеръ, «самцы и самки отыскиваютъ другъ друга, и тогда часто вечеромъ и ночью слышится ихъ вой, который можно передать слогами: «а-гуа-а», между тѣмъ какъ въ другое время этотъ звукъ слышенъ только передъ переменной погоды. Самка и самецъ устраиваютъ себѣ общее логовище въ кустарникѣ, подъ высокими корнями деревьевъ, въ оставленныхъ норахъ броненосцевъ и т. п., сами же никогда не роютъ себѣ норы. Весною южнаго полушарія, т. е. въ октябрѣ, самка мечетъ въ этомъ логовищѣ отъ 3 — 5 дѣтенышей, которыхъ въ первые мѣсяцы рѣдко оставляетъ. Самецъ въ это время таскаетъ имъ добычу. Когда дѣтеныши уже могутъ ѣсть сами, то оба родителя уходятъ на охоту и общими силами заботятся объ ихъ пропитаніи. Въ концѣ декабря уже можно встрѣтить молодыхъ агуарачаевъ, которые охотятся вмѣстѣ съ матерью. Въ это время самецъ бросаетъ свое семейство, а нѣсколько позже и самка оставляетъ дѣтенышей. Въ Парагваѣ часто берутъ очень молодыхъ дѣтенышей агуарачай и приручаютъ ихъ. Если воспитывать ихъ съ нѣкоторымъ стараніемъ, то они дѣлаются вполне домашними животными. Я видѣлъ двоихъ такихъ дѣтенышей, которые были ручные какъ собаки, но не такъ послушны. Они были взяты еще сосунами и отданы на воспитаніе домашней собакѣ, которая ихъ вскормила вмѣстѣ со своими щенятами. Они скоро стали узнавать своего хозяина, шли къ нему на зовъ, иногда сами его отыскивали, играли съ нимъ и лизали ему руки. Къ незнакомымъ особамъ они были равнодушны; къ своимъ молочнымъ братьямъ, щенятамъ, они относились вполне хорошо, а при появленіи чужихъ собакъ щетинились и начинали лаять. Имъ была дана полная свобода и они никогда не старались убѣжать, хоть иногда проводили цѣлыя ночи внѣ дома. Побоями ихъ еще можно было удерживать отъ какого-нибудь проступка, но принудить сдѣлать что-нибудь не было возможности ни лаской, ни силой. Неволя мало измѣнила ихъ образъ жизни: они спали большую часть дня, къ вечеру просыпались, бѣгали нѣкоторое время по дому, ища себѣ пищи, или играли съ хозяиномъ. Съ наступленіемъ ночи они выбѣгали изъ дому и охотились какъ дикіе агуарачай въ лѣсу и по полямъ или таскали куръ и утокъ на соседнихъ дворахъ; къ утру же возвращались домой. Но и здѣсь домашнія птицы не были совсѣмъ безопасны отъ нихъ: они загрызали ихъ, если могли это сдѣлать незамѣтно; когда за ними наблюдали, то они не только не трогали куръ, но даже и не смотрѣли на нихъ».

«Такъ какъ оба ручныхъ агуарачай жили очень дружно съ названными братьями своими, то я часто бралъ ихъ съ собой на охоту вмѣстѣ съ собаками и тогда они помогали отыскивать и преслѣдовать дичь. Я самъ нѣсколько разъ охотился съ этими

животными и всегда поражался ихъ тонкому чутью: въ выслѣживаніи и преслѣдованіи дичи они превосходили самыхъ лучшихъ собакъ. Когда дичь убѣгала, то они никогда не теряли ея слѣда, какъ-бы онъ не былъ запутанъ. Охотнѣе всего они гонялись за куропатками, агутти, броненосцами и молодыми оленями, то есть за такими животными, которыхъ они преслѣдовали во время своихъ ночныхъ странствованій. Они участвовали также въ охотѣ и за большими животными, напимѣръ взрослыми оленями, пекари и ягуаромъ. Но если охота продолжалась очень долго, то они уставали раньше собакъ и убѣгали домой, не обращая вниманія на зовъ хозяина. Во время этихъ охотъ я замѣтилъ особую привычку агуарачая, о которой уже раньше мнѣ говорили многіе охотники. Если онъ найдетъ на дорогѣ кусокъ кожи, лоскутъ сукна или какой-нибудь другой неизвѣстный предметъ, то обыкновенно хватаетъ его зубами, тащитъ въ какое-нибудь время съ собою, а затѣмъ прячетъ въ кустахъ или высокой травѣ и продолжаетъ свой бѣгъ, не возвращаясь къ этому мѣсту; поэтому путешественники, которые должны въ этихъ странахъ проводить ночь подъ открытымъ небомъ, принуждены хорошенько беречь свои сѣдла, поводья и кушаки, иначе ихъ легко можетъ утащить агуарачай, но не съѣсть ихъ, какъ думаетъ Азара. У меня во время путешествія разъ пропала узда, а у моего спутника - носовой платокъ: мы нашли на слѣдующее утро обѣ вещи цѣлыми и нетронутыми въ густомъ кустарникѣ, около нашего лагеря». Чуди нашелъ однажды въ норѣ этого животного кусокъ стремени, шпору и ножъ, которые были туда затащены агуарачаемъ.

Шкура агуарачая въ дѣлю употребляется рѣдко, а мясо его, вслѣдствіе противнаго запаха и вкуса, никогда не употребляется въ пищу жителями Парагвая. Но вслѣдствіе причиняемаго имъ вреда, за нимъ часто охотятся, ловятъ его въ капканы, стрѣляютъ вечеромъ, когда онъ приближается къ жилищамъ, или травятъ собаками. При этой послѣдней охотѣ прежде всего стараются выгнать его изъ кустовъ, гдѣ онъ прячется, для того, чтобы охотники на коняхъ могли его преслѣдовать вмѣстѣ съ собакой. Сначала онъ бѣжитъ очень скоро, такъ что всадники почти теряютъ его изъ виду, но черезъ четверть часа начинаетъ уставать и тогда его легко догнать. Онъ пробуетъ защищаться отъ собакъ, но онѣ всегда его скоро одолаваютъ. Впрочемъ выгнать агуарачая изъ кустовъ не очень легко, такъ какъ собаки въ значительной степени уступаютъ ему въ искусствѣ пробираться сквозь перепутанныя вѣтви и колочія бромелии. Въ Перу землевладѣльцы платятъ за каждаго убитаго агуарачая по овицѣ. Поэтому индѣйцы усердно охотятся за этимъ звѣремъ, и владѣльцы стадъ считаютъ особенною честью украсить свои зданія возможно большимъ числомъ чучель агуарачая. У него нѣтъ однако другихъ враговъ, кромѣ человека. Тонкій слухъ и чрезвычайно хорошо развитое чутье защищаютъ его отъ всякаго нечаяннаго нападенія, а быстрота бѣга спасаетъ его отъ преслѣдованія.

* *
*

Гіеновая собака (Lusaon) образуетъ второй подродъ волковъ и можетъ считаться очень замѣчательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ красивымъ животнымъ. По изслѣдованьямъ Пагенштехера зубная система этого животного отличается отъ волчьей только тѣмъ, что у волковъ верхній плоскобугорчатый коренной зубъ очень небольшой и имѣетъ треугольную форму, между тѣмъ какъ у описываемаго животного этотъ зубъ довольно великъ и четырехугольной формы, ложнокоренные зубы, которые у другихъ собакъ небольшой величины, у гіеновой собаки велики и на заднихъ изъ нихъ замѣтны два зубца. Черепъ похожъ на небольшой, короткій и широкій собачій черепъ, у котораго носовые каналы очень длинны, имѣютъ боковыя полости и своею шириной способствуютъ усиленному дыханію воздуха. Слу-

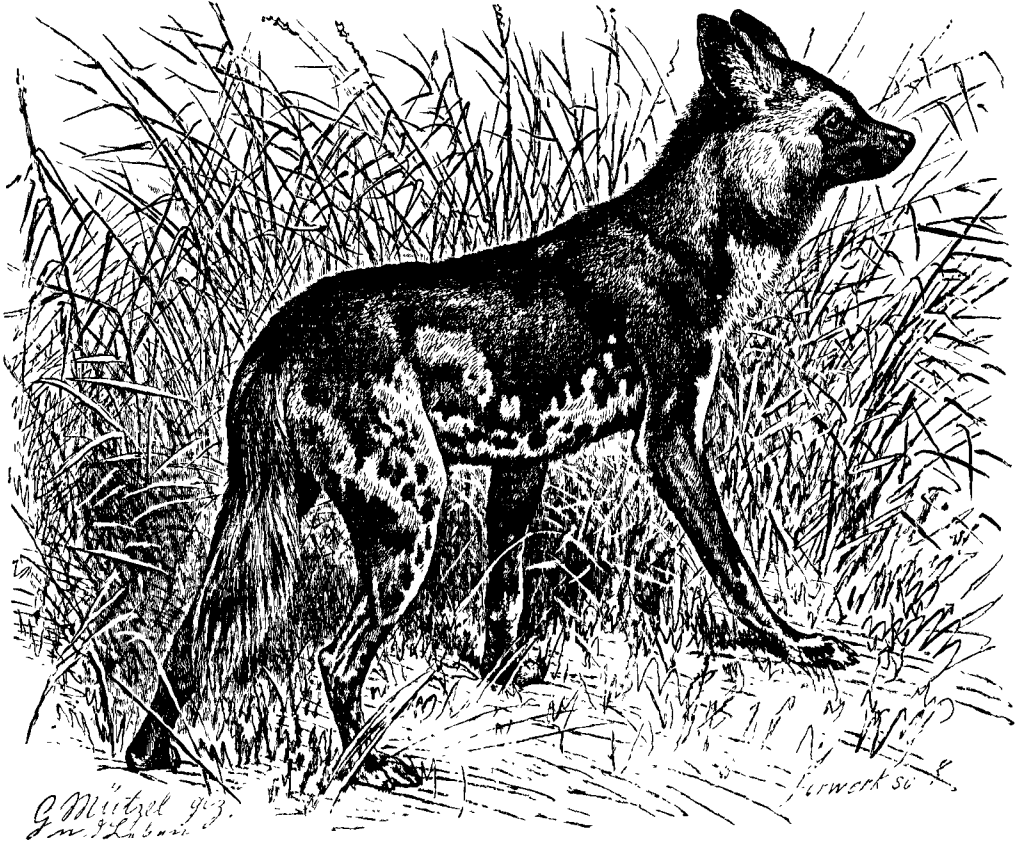
ховые бугры височной кости своимъ сильнымъ развитіемъ указываютъ на тонкій слухъ, а широкія скуловые дуги и развитые гребни на черепѣ обозначаютъ сильное развитіе жевательныхъ мускуловъ. По числу и расположенію позвонковъ это животное походитъ на другихъ собакъ. Туловище его стройно, но довольно сильно; голова скорѣе мала; морда тупая; слухъ и зрѣніе чрезвычайно развиты, уши велики, широки и почти голыя; глаза имѣютъ круглый зрачекъ и также довольно велики. Ноги не очень высоки; на сильныхъ лапахъ и спереди только четыре пальца, между тѣмъ какъ у другихъ собакъ ихъ бываетъ пять; хвостъ средней величины, не очень пушистъ, а шерсть короткая гладкая, и совершенно своеобразно окрашена.

* * *

Гіеновая собака или пестрый волкъ, называемая арабами **Симръ**, а у абиссинцевъ **Текуела** (*Canis [Lycaon] pictus, L. venaticus, typicus, tricolor, Nyaeua picta* и *venatica, Canis tricolor, Kynos pictus. Nyaeuenhund. Loup tricolore*), достигаетъ величины 1,35—1,5 метровъ, изъ которыхъ 35—40 см. приходится на хвостъ, высота въ плечахъ 70—75 см., а вѣсъ животнаго 30—35 килограммовъ, слѣдовательно по величинѣ она равняется небольшому волку или крупной овчаркѣ, а по виду своему больше напоминаетъ послѣднюю. При всей стройности и легкости своего тѣла она однако производитъ впечатлѣніе сильнаго животнаго. Едва можно найти двухъ животныхъ этого вида, шерсть которыхъ имѣла-бы совершенно одинаковую окраску: только на головѣ и на затылкѣ рисунокъ бываетъ болѣе постоянный. Окраска шерсти состоитъ изъ соединенія бѣлаго, чернаго и буровато-желтаго цвѣтовъ. У однихъ преобладаетъ бѣлый цвѣтъ, у иныхъ—черный и образуетъ такимъ образомъ основную окраску, на которой ярко выдѣляются болѣе темныя или болѣе свѣтлыя пятна. Пятна бываютъ очень неправильной формы, то меньше, то больше и часто распространены по всему тѣлу; бѣлыя и желтыя пятна всегда окаймлены желтымъ. Морда до глазъ всегда черная, и этотъ цвѣтъ продолжается длинными полосами между глазами и ушами по темени, затылку и спинѣ. Уши черныя, глаза имѣютъ бурый цвѣтъ. Основаніе хвоста буровато-желтаго цвѣта, середина черная, а кончикъ бѣлый и желтый.

Гіеновая собака живетъ въ Африкѣ, но область распространенія ея въ этой части свѣта еще не опредѣлена въ точности. Она встрѣчается въ южной Африкѣ; въ восточной Африкѣ Бемъ ее видалъ на востокѣ и на западѣ озера Танганьика, Рюппель нашель ее въ Нубіи, по словамъ Швейнфурта она очень обыкновенна въ странѣ Конго, Нахтигаль говорить то-же объ окрестностяхъ озера Чадъ, но сѣверяѣе, кажется, она не встрѣчается. Въ странахъ, лежащихъ на самомъ экваторѣ, напримѣръ въ Конго, кажется ея совсѣмъ нѣтъ. По указаніямъ Цукелли можно заключить, что въ концѣ XVII столѣтія эта собака встрѣчалась во внутренней части береговой полосы, южнѣе рѣки Конго, но новѣйшіе путешественники ея тамъ не замѣчали, и даже тамошнимъ туземцамъ она неизвѣстна. Ее встрѣчали только въ южной части Бенгуэлы, въ нѣмецкихъ африканскихъ юго-западныхъ колоніяхъ, въ области Нгами и въ восточной части бассейна Замбези. Извѣстія о ней доходятъ до насъ однако очень рѣдко, что тѣмъ болѣе странно, что это животное должно было-бы обратить вниманіе всѣхъ наблюдателей какъ по своей подвижности и крикливости, такъ и по окраскѣ, которая своею нестротою отличаетъ его отъ всѣхъ дикихъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ гіеновая собака очень обыкновенна, между тѣмъ какъ въ другихъ соседнихъ она встрѣчается рѣдко, что можно объяснить ея непостояннымъ образомъ жизни, такъ какъ она слѣдуетъ за странствующими животными и собирается въ стаи то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ. Она безъ всякаго сомнѣнія уходитъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дичь становится рѣдкою и выгоняетъ

многихъ животныхъ изъ той страны, гдѣ живетъ въ довольно большомъ количествѣ. Это—настоящее степное животное, съ пестрымъ тѣломъ и живымъ нравомъ: собачья природа высказывается въ немъ съ большою ясностью. Гіеновая собака отыскиваетъ себѣ добычу и днемъ и ночью и любитъ многочисленное общество себѣ подобныхъ, почему часто встрѣчается въ стаяхъ отъ 30—40 штукъ. Въ прежнее время она въ большомъ количествѣ встрѣчалась въ Канской колоніи и многіе путешественники о ней упоминаютъ. При этомъ конечно встрѣчаются различныя преувеличенія при описаніи ея образа жизни, и до сихъ поръ намъ очень трудно отдѣлить въ этихъ разказахъ вѣрное отъ невѣрнаго.

Гіеновая собака. *Canis pictus*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

Католическій монахъ Цукелли въ своемъ «Описаніи путешествія миссіонера въ Конго», которое явилось въ началѣ прошлаго столѣтія, даетъ довольно подробное описаніе гіеновой собаки. «Не лишнимъ будетъ упомянуть», говоритъ онъ, «о томъ животномъ, которое питаетъ инстинктивную ненависть ко всѣмъ другимъ лѣснымъ животнымъ и всѣхъ ихъ преслѣдуетъ, именно о «Меббін». Это особый видъ дикихъ собакъ, которыя гоняются за дичью, но отъ нашихъ волковъ сильно отличаются. Онѣ скорѣе имѣютъ свойства охотничьихъ собакъ и, повидному, природой назначены къ тому, чтобы прогонять другихъ вредныхъ животныхъ. Если онѣ находятся въ какомъ-нибудь лѣсу, то путникъ не долженъ бояться здѣсь встрѣтить другихъ хищныхъ животныхъ. Когда одинъ изъ нашихъ братьевъ собирался изъ Вамбы

предпринять путешествіе черезъ пустыню, то онъ сначала спросилъ князя не слѣдуетъ-ли въ этой мѣстности опасаться нападений львовъ и пантеръ? Князь же ему отвѣтилъ, что онъ можетъ отправиться въ путь безъ всякаго опасенія, такъ какъ нѣсколько дней тому назадъ въ этой мѣстности видѣли много меббій, которыя навѣрно очистили путь отъ всѣхъ большихъ хищниковъ. Слѣдовательно онѣ прогоняютъ дикихъ звѣрей, хотя сами къ нимъ принадлежатъ; къ человѣку же онѣ относятся дружелюбно и не наносятъ ему никакого вреда, почему ихъ спокойно допускаютъ въ деревни и даже на дворы. Ихъ ненависть къ хищнымъ звѣрямъ такъ велика, что онѣ нападаютъ даже на самыхъ большихъ изъ нихъ, на примѣръ, на львовъ и пантеръ, и побѣждаютъ ихъ своею многочисленностью. Убитую днемъ добычу онѣ вечеромъ дѣлятъ между собой, а если отъ нея что-нибудь остается, то онѣ тащатъ это въ деревни, чтобы и людямъ отъ нихъ что-нибудь досталось. Онѣ продолжаютъ свою дѣятельность въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока совершенно не очистятъ извѣстную мѣстность отъ дикихъ звѣрей; тогда онѣ отправляются дальше и тамъ продолжаютъ свою охоту».

По этому описанію видно, что оно составлено уже много лѣтъ тому назадъ и что наблюденія поэтому не очень точны. Кольбе уже иначе описываетъ этихъ животныхъ, которыхъ встрѣчалъ въ Капской колоніи. Они тамъ называются дикими собаками и часто забѣгаютъ въ тотентотскія деревни и даже въ дома европейцевъ. На человѣка онѣ не нападаютъ, но причиняютъ большой вредъ стадамъ овецъ, если ихъ во время не прогнать; онѣ часто загрызаютъ 60—100 овецъ, прокусываютъ имъ животы, съѣдаютъ внутренности и затѣмъ убѣгаютъ. Слѣдующія наблюденія уже производились болѣе ста лѣтъ спустя. Бурчель видаль это животное въ южной Африкѣ и привезъ даже живой экземпляръ съ собой въ Англію. Этотъ наблюдатель называетъ животное охотничьей геной и подтверждаетъ, что оно охотится днемъ стаями и лаемъ своимъ напоминаетъ собакъ. Онъ указываетъ на смѣлость этой собаки въ сравненіи съ геной, которая рыщетъ только ночью, какъ трусливый воръ. Рюшель привезъ изъ своего перваго африканскаго путешествія въ Европу семь геновыхъ собакъ, которыхъ поймалъ въ пустынѣ Бауда въ Нубіи. Онѣ извѣстны подъ именемъ «Симръ» и считаются очень вредными животными. Тамъ даже говорили, что онѣ нападаютъ на человѣка, но обыкновенно онѣ прячутся около источниковъ, чтобы подкараулить антилопъ и другихъ небольшихъ животныхъ.

Гордонъ Кеммингъ также описываетъ геновыхъ собакъ, живущихъ въ южной Африкѣ. Когда онъ однажды спрятался около ключа, чтобы подкараулить дичь, то увидѣлъ скоро бѣгущаго, окровавленнаго гну, за которымъ гнались четыре геновыя собаки. Гну бросился въ воду, обернулся и сталъ грозить собакамъ рогами. Всѣ четыре собаки были покрыты кровью, глаза ихъ блестѣли отъ кровожадности и онѣ собирались броситься на свою жертву, но Кеммингъ однимъ выстрѣломъ своей двустволки убилъ гну, а другимъ одну изъ собакъ. Три остальныхъ собаки не понимали откуда раздался выстрѣлъ и стали бѣгать кругомъ, осматривая и обнюхивая мѣстность; тогда Кеммингъ ранилъ еще одну собаку и всѣ три убѣжали. «Эти собаки», рассказываетъ онъ, «охотятся стаями до 60-ти штукъ и очень долго гонятся за добычей, такъ что онѣ утомляютъ и осиливаютъ самую большую антилопу. На буйволовъ однако онѣ нападать не осмѣливаются. Онѣ гонятся за животнымъ до тѣхъ поръ, пока оно далѣе бѣжать не можетъ, валятъ его на землю и съѣдаютъ въ нѣсколько минутъ. Человѣка онѣ боятся менѣе, чѣмъ другіе хищные звѣри. Самки воспитываютъ своихъ дѣтенышей въ большихъ норахъ, которыя онѣ вырываютъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ. Когда къ этимъ норамъ приближается человѣкъ, то мать убѣгаетъ, не защищая своего потомства. Опустошенія, которыя онѣ производятъ въ

стадахъ боеровъ, очень значительны, такъ какъ онѣ загрызаютъ и искалѣчиваютъ гораздо больше овецъ, чѣмъ сколько могутъ съѣсть. Онѣ издаютъ тройкаго рода звуки: если увидятъ внезапно какой-нибудь предметъ, который ихъ испугаетъ, то онѣ громко лаютъ; ночью, когда онѣ собираются въ стаи и чѣмъ-нибудь возбуждены, то издаютъ звуки, похожіе на говоръ людей, у которыхъ зубы стучатъ отъ холода; когда же перекликаются при сборѣ, то кричатъ довольно приятно, при чемъ звукъ этотъ похожъ на второй слогъ крика кукушки. Онѣ относятся къ домашнимъ собакамъ съ большимъ презрѣніемъ, смѣло ожидаютъ ихъ нападенія, бросаются на нихъ соединенными силами и обыкновенно раздраютъ своихъ противниковъ. Домашнія собаки съ своей стороны также враждебно къ нимъ относятся и лаютъ по цѣлымъ часамъ, когда хоть издали слышатъ голосъ дикихъ собакъ». Если оставлять упряжныхъ воловъ безъ присмотра, то гіеновыя собаки при случаѣ обѣдаютъ имъ хвосты. «Утромъ», рассказываетъ Бурчель, «прибыль Филиппъ съ нашими волами; но такъ какъ онъ не былъ предупрежденъ и не обращалъ вниманія на отдыхавшихъ воловъ, то гіеновыя собаки обѣли хвосты у трехъ изъ нихъ; у одного онѣ отѣли только кончикъ, а у двухъ другихъ были съѣдены хвосты цѣликомъ. Нужно имѣть въ виду, что потеря хвоста для воловъ очень чувствительна, такъ какъ только посредствомъ его они могутъ отгонять докучливыхъ мухъ. Овцы и крупный рогатый скотъ очень подвержены ихъ нападеніямъ; первыхъ онѣ хватаютъ открыто, а на послѣднихъ бросаются изъ какой-нибудь скрытой засады».

Повидимому племена, кочующія по степи Баюда, справедливо утверждаютъ, что гіеновыя собаки иногда нападаютъ и на человѣка. По всей вѣроятности смѣлость гіеновыхъ собакъ зависитъ отъ различныхъ мѣстныхъ условій, какъ мы это знаемъ относительно другихъ хищныхъ звѣрей. Спекъ рассказываетъ о пестрой гіенѣ, подъ именемъ которой онъ очевидно подразумѣваетъ гіеновую собаку: «По величинѣ и виѣшнему виду она похожа на большого волка, имѣетъ длинныя уши, бѣгаетъ скоро, охотится стаями и лаеетъ, какъ собака, почему ее и называютъ «лѣсной собакой». Трое такихъ животныхъ однажды выбѣжали изъ лѣсу и бросились съ громкимъ лаемъ на одного изъ нашихъ служителей, но убѣжали обратно, когда увидали, что онъ собирается въ нихъ стрѣлять». Гейглингъ считаетъ гіеновую собаку, несмотря на ея красивую окраску, за скверное, вонючее и злое животное, которое отличается коварствомъ и хитростью, и утверждаетъ, что раненыя животные этого вида смѣло нападаютъ на человѣка.

Что бы ни говорили нѣкоторые путешественники, гіеновую собаку слѣдуетъ все-таки считать привлекательнымъ хищникомъ. Должно быть очень интересно наблюдать какъ охотятся эти красивыя, ловкія и громко лающія животные. Одна изъ большихъ и сильныхъ антилопъ ими испугана; она знаетъ своихъ враговъ и послѣшно обращается въ бѣгство, пользуясь всею силой своихъ быстрыхъ ногъ. Вся стая собакъ гонится за нею съ лаемъ, воемъ, визгомъ, однимъ словомъ съ необыкновенно громкимъ крикомъ, который издали напоминаетъ звонъ колокольчиковъ. Охота продолжается долго; антилопа изъ за главной опасности забываетъ все остальныя. Не обращая вниманія на людей, которыхъ она обыкновенно избѣгаетъ, антилопа несется мимо нихъ; нисколько не отставая, слѣпится за ней вся стая собакъ. Онѣ бѣгутъ большими прыжками, галопомъ и постоянно держатся извѣстнаго порядка. Когда устаютъ переднія собаки, то ихъ мѣсто занимаютъ заднія, которыя берегли свои силы тѣмъ, что бѣжали кратчайшими путями. Такимъ образомъ собаки чередуются, пока продолжается охота. Наконецъ антилопа устаетъ и охота приближается къ концу. Надѣясь на свою силу, она оборачивается къ врагамъ и грозитъ имъ рогами. Длинные, острые рога описываютъ дуги около почвы.

Случается, что одна или нѣсколько собакъ при этомъ бывають ранены до смерти, но въ большинствѣ случаевъ черезъ нѣсколько минутъ антилопа лежитъ на землѣ, издавая послѣдніе стоны подъ острыми зубами собакъ; случается, впрочемъ, иногда, что она снова вскочить и пытается бѣжать. Тогда начинается новая травля и гіеновыя собаки съ окровавленными мордами снова бѣгутъ за измученнымъ животнымъ. Ихъ кровожадность какъ будто еще увеличивается послѣ смерти жертвы; онѣ большею частью поѣдаютъ только внутренности животнаго, бросая остальные части тѣла. Бурчель однажды нашелъ только что убитую ими крупную, такъ называемую лосевую антилопу, которая была только выпотрошена собаками, и онъ воспользовался остальными частями этого животнаго для своей собственной кухни.

Изъ описаній Селуса видно, что этотъ хищникъ не всегда охотится стаями, а иногда и по одиночкѣ нападаетъ на довольно крупныхъ животныхъ. Во время своего путешествія въ странѣ Машуна онъ замѣтилъ на семьсотъ шаговъ разстоянія большую антилопу, которая паслась около кустовъ. Вдругъ статное животное испугалось и бросилось бѣжать по степи прямо на Селуса и его спутниковъ; за ней гналась на нѣкоторомъ разстояніи одна гіеновая собака. Могучая антилопа на минуту остановилась и посмотрѣла на своего въ сравненіи съ нею небольшого врага. «Но», продолжаетъ этотъ писатель, «вмѣсто того, чтобы вступить въ борьбу, какъ я ожидалъ, она собрала всѣ свои силы и обратилась въ бѣгство, пронесясь мимо насъ. Гіеновая собака гналась за ней какъ гончая, вытянувши назадъ свой пушистый хвостъ, и скоро ее догнала. Припрыгнувъ, она укусила антилопу въ бокъ, но тотчасъ отстала на нѣсколько шаговъ. Вслѣдствіе этого укуса антилопа измѣнила направленіе, приближаясь нѣсколько къ намъ, а отъ второго укуса, произведеннаго въ то-же самое мѣсто, снова къ намъ приблизилась, такъ что оба животныхъ описали около насъ почти полукругъ, имѣющій около трехсотъ шаговъ въ радіусѣ. Когда собака третій разъ хотѣла укусить, то замѣтила насъ и остановилась, а антилопа также остановилась, пробѣжавши шаговъ сто. Оба животныхъ тогда разбѣжались въ разные стороны. Это былъ единственный случай, когда я видалъ, что гіеновая собака преслѣдовала добычу, да еще такую, какъ взрослая крупная антилопа, которая умѣетъ отлично защищаться своими сильными рогами. Если-бы гіеновая собака напала спереди, какъ гончая, то навѣрно была-бы пронизана насквозь рогами антилопы. Не могу съ увѣренностью сказать, удалось-ли бы хищнику разорвать бокъ у антилопы и вынуть внутренности, какъ очевидно онъ намѣревался, но упоминаю объ этомъ фактѣ, въ доказательство того, что гіеновая собака иногда въ одиночку отваживается охотиться за очень крупнымъ животнымъ. Послѣ того, какъ объ индійскихъ дикихъ собакахъ рассказываютъ почти то-же самое, слѣдуетъ предположить, что африканская гіеновая собака часто справляется съ довольно крупною добычею».

Гіеновая собака по всей вѣроятности принадлежитъ къ числу хищниковъ, которыхъ не трудно приручить. Изъ нея могла-бы образоваться прекрасная гончая собака; но конечно не такъ легко подчинить волѣ человѣка столь привычное къ свободѣ животное. Ливингстонъ слышалъ, что жители Калахари приручаютъ гіеновыхъ собакъ и дрессируютъ ихъ для охоты, но это свѣдѣніе не подтвердилось. Бурчель описываетъ очень вѣрно характеръ этого животнаго. Онъ, въ теченіи 13 мѣсяцевъ, держалъ въ певолѣ на своемъ дворѣ гіеновую собаку и она нисколько не поддавалась разнымъ мѣрамъ, предпринимаемымъ для ея прирученія, хотя въ теченіи времени все-таки нѣсколько привыкла къ своей обстановкѣ и даже под конецъ играла съ привязанною вмѣстѣ съ нею домашнею собакою. Сторожъ однако

никогда не могъ себѣ позволить ее ласкать или играть съ нею. Швейнфуртъ видѣлъ въ одной деревнѣ въ странѣ Бонго прирученную гіеновую собаку, которая послушно слѣдовала за своимъ хозяиномъ. Я очень обрадовался, найдя въ 1859 году въ одномъ звѣринцѣ въ Лейпцигѣ вполне здоровую и почти взрослую гіеновую собаку. Хозяинъ этого звѣринца показывалъ кромѣ того еще двухъ бегемотовъ, первыхъ, которыхъ привезли въ Германію, такъ что зоологи усердно посѣщали его звѣринецъ. Гіеновая собака удивляла всѣхъ своею живостью и подвижностью: при моихъ посѣщеніяхъ звѣринца я ее ни минуты не видалъ спокойною. Такъ какъ она была привязана на цѣпи, то движенія эти не могли быть значительны, но она не прыгала однообразно туда и сюда, какъ это часто дѣлаютъ хищныя звѣри, привязанные на цѣпи, но умѣла разнообразить свои прыжки. У нея было очень замѣтно стремленіе нападать на большихъ звѣрей: если бегемоты приближались къ ней или только оборачивались въ ея сторону, она немедленно старалась, если не укусить, такъ по крайней мѣрѣ щипнуть своихъ сосѣдей, чего, впрочемъ, толстокожія животныя почти не замѣчали. Очень забавно было видѣть, какъ гіеновая собака набрасывалась на голову бегемота. Неуклюжее чудовище добродушно и серьезно открывало свою страшную пасть, какъ-бы совѣтуя нахальной собацѣ быть поосторожнѣе, и послѣдняя дѣйствительно отстранялась отъ ужасныхъ на видъ, но въ сущности не очень опасныхъ зубовъ бегемота. Эта собака была настолько ручна, насколько это возможно для этихъ животныхъ и очень радовалась, когда сторожъ къ ней приближался и ее ласкалъ. Однако руки этого человѣка были покрыты ранами, происходившими отъ укушеній собаки, которая дѣлала это не со злости, а играя, отъ слишкомъ большого усердія.

При подробномъ разсмотрѣніи живой гіеновой собаки, сходство ея съ гіеной почти совсѣмъ пропадаетъ. Уже умное, веселое и хитрое выраженіе морды этого необыкновенно живого созданія не показывало ни малѣйшаго сходства съ мордой гіены; еще поразительнѣе было это различіе, когда можно было сравнивать легкія и красивыя движенія этой собаки съ движеніями гіены, которыя имѣютъ совершенно другой характеръ. Съ перваго взгляда можно было видѣть, что гіеновую собаку слѣдуетъ считать какъ-бы олицетвореніемъ свѣтлаго дня, между тѣмъ какъ гіена олицетворяетъ собою темную ночь. Позже я видалъ многихъ животныхъ этого вида и нѣкоторыя изъ нихъ даже жили у меня. Характерными особенностями этого животнаго слѣдуетъ считать неуклюжую живость нрава и постоянное стремленіе кусаться, можетъ быть безъ намѣренія принести вредъ, но только изъ желанія дать дѣятельность необыкновенной живости характера. Когда гіеновая собака приходитъ въ возбужденіе, то всякая жилка у нея дрожитъ и двигается. Ея невѣроятное стремленіе къ дѣятельности сначала кажется происходящимъ отъ слишкомъ большой веселости, но скоро принимаетъ характеръ дикости, хищничества и стремленія кусаться. Гранвилъ въ своихъ извѣстныхъ юмористическихъ очеркахъ различныхъ животныхъ заставляетъ волка говорить: «Тутъ лаемъ не поможешь, нужно укусить»; если-бы онъ зналъ гіеновую собаку, то навѣрно ей-бы приписалъ эти слова.

Пойманныя молодыми гіеновыми собаками привыкаютъ къ извѣстнымъ особамъ, чаще всего къ своимъ сторожамъ и къ правильному посѣщенію ихъ помѣщенія; при появленіи пріятелей онѣ выражаютъ свою радость иначе, чѣмъ другіе хищныя звѣри и совершенно своеобразно. Когда ихъ зовутъ, то онѣ поднимаются изъ своего логовища, какъ суманувшіе прыгаютъ по клеткѣ, хватаясь за стѣны, выражаютъ свое удовольствіе есорами и даже драками между собой, кусаются, валяются по полу, затѣмъ снова бѣгаютъ въ припрыжку по клеткѣ и при этомъ безъ перерыва

издаютъ звуки, для которыхъ очень трудно придумать названіе; если-бы дѣло не шло о большомъ звѣрѣ, то скорѣе всего можно было-бы назвать это щebetаньемъ. Когда человекъ, вызвавшій эту сильную веселость, войдетъ въ клѣтку, то собаки моментально окружаютъ его, прыгаютъ, привѣтствуютъ его своими странными звуками и, въ видѣ выраженія особаго уваженія, кусаютъ, или, по крайней мѣрѣ щиплютъ зубами. Необыкновенная живость свойственна этимъ животнымъ съ ранней молодости. Можетъ быть и возможно вполне приручить геновую собаку, но во всякомъ случаѣ это дѣло не легкое; если-бы этого достигли, то геновая собака могла-бы сдѣлаться очень полезною помощницею для человека на охотѣ. Какъ домашнихъ или комнатныхъ собакъ ихъ рекомендовать нельзя, во-первыхъ, какъ уже выше сказано, потому, что онѣ любятъ кусаться, а во вторыхъ, какъ это замѣтилъ еще Гейглинъ, вслѣдствіе неприятнаго запаха, который у нихъ можетъ быть еще сильнѣе, чѣмъ у гienъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что геновыя собаки въ неволѣ размножаются, и, что особенно важно, имѣютъ до десяти щенятъ заразъ; по крайней мѣрѣ въ одномъ зоологическомъ саду наблюдалось такое большое количество щенятъ. Къ сожалѣнію, животныя эти, какъ и многія другія, привезенныя изъ жаркихъ странъ, даже при очень внимательномъ уходѣ рано или поздно заболѣваютъ чахоткою, этою неизлѣчимою болѣзнію, которая уноситъ много жертвъ въ зоологическихъ садахъ точно такъ, какъ и между людьми.

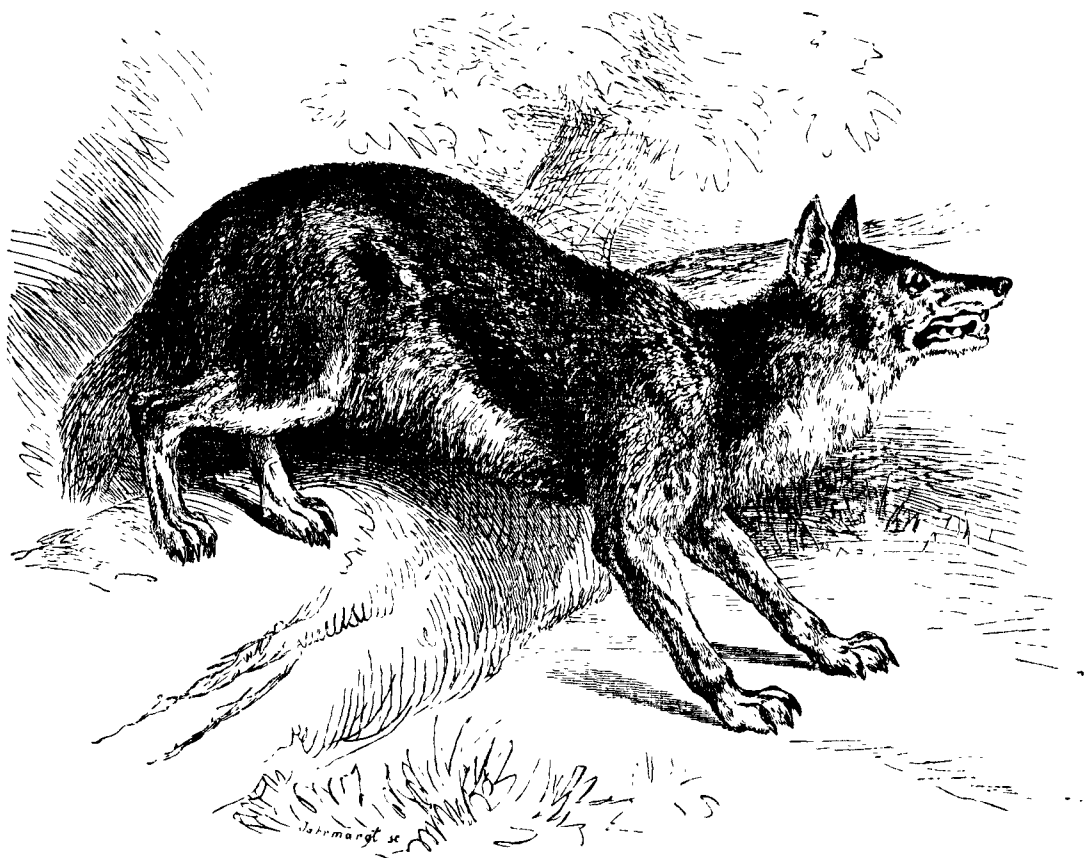
* *

Сайксъ (Sykes) описалъ одну индѣйскую дикую собаку, **Колзуна**, котораго онъ считаетъ прародителемъ нашей домашней собаки. Это животное, по его словамъ, имѣетъ болѣе сходства съ гончей собакой, чѣмъ съ волкомъ или шакаломъ и составляетъ особую группу волковъ, отличающуюся тѣмъ, что у нихъ только 40 зубовъ. (Cyon). Область распространенія этого животнаго страннымъ образомъ совпадаетъ съ областью распространенія тигра; величина его примѣрно соответствуетъ величинѣ не очень большой гончей собаки, общая длина тѣла около 1 метра, хвостъ имѣетъ собственно 20 см. длины, но вслѣдствіе длинныхъ волосъ кажется отъ 35—37 см., высота въ плечахъ отъ 45 — 50 см. Шерсть почти на всемъ тѣлѣ довольно коротка, только хвостъ покрытъ длинными волосами; цвѣтъ шерсти буровато-рыжій или рыжевато-сѣрый; нижняя часть тѣла свѣтлѣе, а морда, уши, лапы и кончикъ хвоста болѣе темнаго цвѣта. Ходжсонъ опредѣляетъ вѣсъ кобеля въ 12,3 килограммовъ.

Нѣкоторые изслѣдователи, на примѣръ Жердонъ, Влайдъ, Стерндалъ считаютъ колзуна за разновидность ниже описаннаго малайскаго волка; другіе согласны съ мнѣніемъ Ходжсона, раздѣляютъ этотъ видъ на два, составляя изъ волковъ, встрѣчающихся въ Тибетѣ и около Гиммалайскихъ горъ, особый видъ, но, по изслѣдованіямъ Блэнфорда, раздѣленіе это не можетъ считаться правильнымъ. Описываемое животное называется въ Индіи **Сонъ-Рамъ**, или **Банъ-Кута**, **Джангли**, **Колзунъ**, **Колза** въ Гиммалайскихъ горахъ **Рамъ-Гунъ**, **Сиддани**, **Баоза**, **Буанзу**, а въ Тибетѣ **Гази** и **Фара** (*Canis* [*Cyon*] *dukhunensis*, *Canis* и *Cyon* *primaevus*, также *Cyon* *grayiformis* и *rutilans*, *Canis* *himalayanus*) и живетъ въ Индіи, начиная отъ Гиммалайскихъ горъ и истоковъ Инда до Ассама, а также въ Тибетѣ, гдѣ его нашелъ Ходжсонъ; въ Индіи онъ чаще встрѣчается въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Показанія Жердона, что это животное встрѣчается на Цейлонѣ, не подтверждается Келертомъ и Теннеттомъ. Относится-ли волкъ, живущій въ Бирмѣ, къ этому виду или къ малайскому, — остается еще нерѣшеннымъ вопросомъ.

Какъ настоящій житель лѣсовъ колзунъ встрѣчается чаще всего въ обшир-

ныхъ лѣсистыхъ участкахъ, а также и въ джунгляхъ; но въ сѣверныхъ высоколежащихъ областяхъ своего распространенія, гдѣ нѣтъ лѣсовъ, онъ довольствуется голыми пустынями и скалистыми мѣстностями. Кажется, что нигдѣ онъ не встрѣчается въ очень большомъ количествѣ и такъ какъ вслѣдствіе своего способа охотиться онъ очень безножитъ и разгоняетъ дичь, то долго въ одномъ мѣстѣ оставаться не можетъ. Онъ гоняется за добычей стаями, при чемъ число животныхъ одной стаи прежде опредѣлялось отъ 50—60 штукъ, но по новымъ изслѣдованіямъ рѣдко доходитъ до 20, а чаще бываетъ отъ 2—15; при преслѣдованіи онъ голоса

Колзунъ. *Canis dukhunensis* $\frac{1}{7}$ наст. вел.

не даетъ, а только изрѣдка издаетъ звукъ, который не похожъ на лай, а скорѣе на жалобный визгъ. Всѣ наблюдатели согласны въ томъ, что это животное охотится съ большимъ искусствомъ. Вильямсонъ, который часто наблюдалъ за его охотой, говоритъ, что при продолжительномъ преслѣдованіи ни одно животное не можетъ отъ него спастись, и Сандерсонъ подтверждаетъ это. По способу охоты колзунъ походитъ на только что описанную геновую собаку. Какъ только стая выслѣдила звѣря, она гонится за нимъ безостановочно и очень долго, раздѣляясь иногда на нѣсколько частей, чтобы загородить добычѣ дорогу. Говорятъ, что даже быстроногій олень дѣлается ихъ жертвой. Они нападаютъ не спереди и не бросаются на горло, но съ боковъ, причемъ стараются укусить мягкія части живота, которыя наконецъ

бываютъ разорваны отъ быстро слѣдующихъ одно за другимъ укушеній, отчего внутренности вываливаются и преслѣдуемое животное наконецъ падаетъ въ изнеможеніи.

Такъ какъ колзуны довольно близки и избѣгаютъ сильно населенныхъ мѣстностей, то они рѣдко приносятъ вредъ домашнимъ животнымъ; однако, Жердонъ, Макъ-Мастеръ и Блэнфордъ приводятъ случаи, что даже столь хорошо вооруженное животное, какъ домашній буйволъ иногда бываетъ осилень этими волками. Чаще всего они гоняются за оленями, антилопами и свиньями, но, говорятъ, преслѣдуютъ также медвѣдей, леопардовъ и тигровъ. Хотя послѣднее извѣстие лишь изъ показаній туземцевъ, однако, опытные охотники, какъ Бальдвинъ, Стердаль и Сандерсонъ очень склонны думать, что это вѣрно. Блэнфордъ, напротивъ, полагаетъ что мнѣніе о преслѣдованіи колзунами хищныхъ звѣрей произошло отъ того, что эти животныя часто ссорятся съ тиграми и леопардами изъ за добычи, при чемъ происходятъ жестооченныя битвы, кончающіяся иногда смертью какъ однихъ, такъ и другихъ противниковъ. Очень невѣроятно мнѣніе туземцевъ, что эти дикія собаки пускаютъ свою сильно пахнущую мочу на кустарники, чтобы оттуда выгвалъ добычу, или, обмочивши мочою хвостъ, прыскаютъ ею въ глаза жертвы, чтобы ее ослѣпить.

Хотя колзунъ очень смѣль и хищень, однако о нападеніи его на человѣка никогда не бываетъ слышно. Сандерсонъ нѣсколько разъ наблюдалъ, какъ они гонятся за добычей. Онъ пишетъ: «При преслѣдованіи колзуны руководятся какъ зрѣніемъ, такъ и обоняніемъ и настойчивость ихъ такъ велика, что ихъ охота рѣдко бываетъ неудачна. Однажды утромъ два колзуна гнали оленя мимо моей палатки; одинъ изъ нихъ вернулся, увидя нашъ лагерь, но другой, который бѣжалъ около оленя, еще два раза укусилъ его за нижнюю часть живота и только тогда убѣжалъ. Олень свалился послѣ нѣсколькихъ прыжковъ съ вывалившимися наружу внутренностями. Въ другой разъ я видѣлъ, какъ оленя преслѣдовали три колзуна на полянкѣ среди лѣса. Преслѣдовавшіе волки успѣли только нѣсколько разъ виѣсниться въ бока жертвы, такъ какъ мы ихъ отогнали, но олень также очень скоро свалился и былъ заколотъ однимъ изъ моихъ людей. У него была также разорвана нижняя часть живота и на внутренней сторонѣ задней ноги былъ оторванъ кусокъ мяса около двухъ килограммовъ вѣса. Подобныя раны могли-бы бытъ нанесены и тигромъ.

Время размноженія бываетъ зимою, а продолжительность беременности точно неизвѣстна, но, по Блэнфорду, продолжается около двухъ мѣсяцевъ. Самка мечетъ въ январѣ или мартѣ, въ ямѣ или пещерѣ 6, а иногда и болѣе щенятъ, но Ходжсонъ утверждаетъ, что среднимъ числомъ ихъ бываетъ отъ 2—4. Этотъ натуралистъ сообщаетъ, что однажды ему удалось до нѣкоторой степени приручить молодого колзуна, но другіе въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ оставались въ неволѣ дикими и пугливыми. Изъ всѣхъ наблюденій видно, что эти дикія собаки совсѣмъ неспособны къ прирученію или оно удается лишь съ большимъ трудомъ.

* * *

Восточная граница области распространенія только что описаннаго колзуна предполагается въ Бирмѣ, въ мѣстностяхъ между Ассамомъ и Тенассеримомъ. Здѣсь вѣроятно находится сѣверо-западная граница распространенія второго вида южно-азиатскихъ дикихъ собакъ, который встрѣчается на Малаккскомъ полуостровѣ, въ Суматрѣ, Явѣ, а можетъ быть и на Борнео. Малайская дикая собака или **Адьягъ** (*Canis* [*Cyon*] *rutilans*, *C. sumatrensis*, *Cyon primaevus*. *Adjag*. *Loup malais*.) меньше и слабѣе индѣйскаго вида и покрытъ рыжевато-желтымъ или рыжевато-краснымъ мѣхомъ, который на нижней сторонѣ тѣла свѣтлѣе. Кончикъ хвоста черный.

По образу жизни и способу преслѣдованія добычи адьягъ, повидимому, мало отличается отъ колзуна, только большихъ и сильныхъ животныхъ онъ, кажется, не преслѣдуетъ, хотя, по словамъ Форбеса, по крайней мѣрѣ на Суматрѣ и Явѣ, о его способѣ охотиться рассказываютъ то-же самое, что и о колзунѣ. По существующимъ свѣдѣніямъ на только что названныхъ островахъ онъ живетъ повсюду, начиная отъ морского берега и кончая мѣстностями, лежащими на тысячу футовъ надъ уровнемъ моря. Юнгхунъ рассказываетъ, что на морскомъ берегу адьягъ охо-

Адьягъ. *Canis rutilans*. $\frac{1}{2}$; наст. вел.

тится за совершенно своеобразной добычей. «Когда я 14 мая 1846 года», говоритъ онъ, «изъ кустарниковъ, находящихся въ мѣстности Тандюнгъ-Содонгъ вышелъ на песчаное побережье, то увидѣлъ передъ собой точно поле битвы. Тысячи скелетовъ огромныхъ черепахъ были разбросаны на пескѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были уже выблѣнены солнцемъ и состояли изъ гладкихъ костей, другіе были еще покрыты гніющими, смрадными внутренностями, третьи наконецъ были совсѣмъ свѣжи, со слѣдами крови; но всѣ эти скелеты лежали на спинѣ. Очевидно, что на этомъ мѣстѣ адьяги нападали на черепахъ во время ихъ перехода изъ моря къ дюнамъ для кладки

яиць. Адыги являются стаями отъ 20—30 штукъ, начинаютъ грызть черепахъ во всѣхъ слабыхъ мѣстахъ покрытаго панциремъ тѣла, хватаютъ ихъ за ноги, за голову и у задняго прохода и умѣютъ перевернуть соединенными силами этихъ пресмыкающихся, несмотря на ихъ огромную величину. Тогда они начинаютъ грызть ихъ со всѣхъ сторонъ, срываютъ брюшную щитъ и ѣдятъ внутренности, мясо и яйцы, какъ въ огромномъ корытѣ. Многія черепахи спасаются отъ преслѣдованія этихъ волковъ и достигаютъ моря, часто таща за собой крѣпко вѣшавшихся адыговъ. Не всегда этимъ хищникамъ удается спокойно воспользоваться этой добычей. Иногда случается, что королевскій тигръ, властелинъ лѣсовъ, ночью выходитъ изъ чащи, на минуту останавливается, гнѣвнымъ взоромъ осматриваетъ берегъ, сначала тихо подкрадывается и наконецъ однимъ прыжкомъ со страшнымъ ревомъ очутился среди волковъ, которые тогда мгновенно разбѣгаются и скрываются въ лѣсу, издавая отрывистый крикъ, болѣе похожій на свистъ, чѣмъ на ворчанье. Для подобнаго рода охоты адыги выбираютъ пустынную и мало посѣщаемую туземцами мѣстность, но внимательный наблюдатель довольно легко отыскиваетъ эти мѣста, благодаря большому числу кружащихся надъ ними хищныхъ птицъ».

Адыгъ охотится и въ населенныхъ мѣстностяхъ, лежащихъ довольно высоко надъ уровнемъ моря. По показаніямъ Юнгхуна, который въ 1844 году путешествовалъ по острову Ява, адыги стаями отъ 10—12 штукъ появляются на обработанныхъ, высокихъ равнинахъ, до тысячи метровъ надъ поверхностью моря и тамъ нападаютъ на козъ и даже на лошадей, которыя ночью оставлены на пастбищѣ или привязаны къ дереву, недалеко отъ деревень. Волки нападаютъ на свою жертву сообща, хватаютъ ее преимущественно за мягкія части живота около заднихъ ногъ и такимъ образомъ заѣдаютъ до смерти. По увѣренію яванцевъ, этого рода нападенія повторяются въ извѣстной мѣстности только черезъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ объ адыгахъ ничего не слышно, а это доказываетъ, что адыги, какъ и другіе виды волковъ, предпринимаютъ очень дальнія странствованія. По наблюденіямъ Форбеса видно, что это животное, въ отличіе отъ своего индійскаго родича, при преслѣдованіи добычи лаетъ. «Лай адыговъ», пишетъ этотъ натуралистъ, «слышится очень часто на Явѣ по ночамъ, но все мои старанія наблюдать ихъ во время охоты были напрасны; они такъ пугливы и осторожны, что очень трудно къ нимъ подойти на разстояніе выстрѣла, и я могъ тамъ получить только одинъ и то плохой экземпляръ».

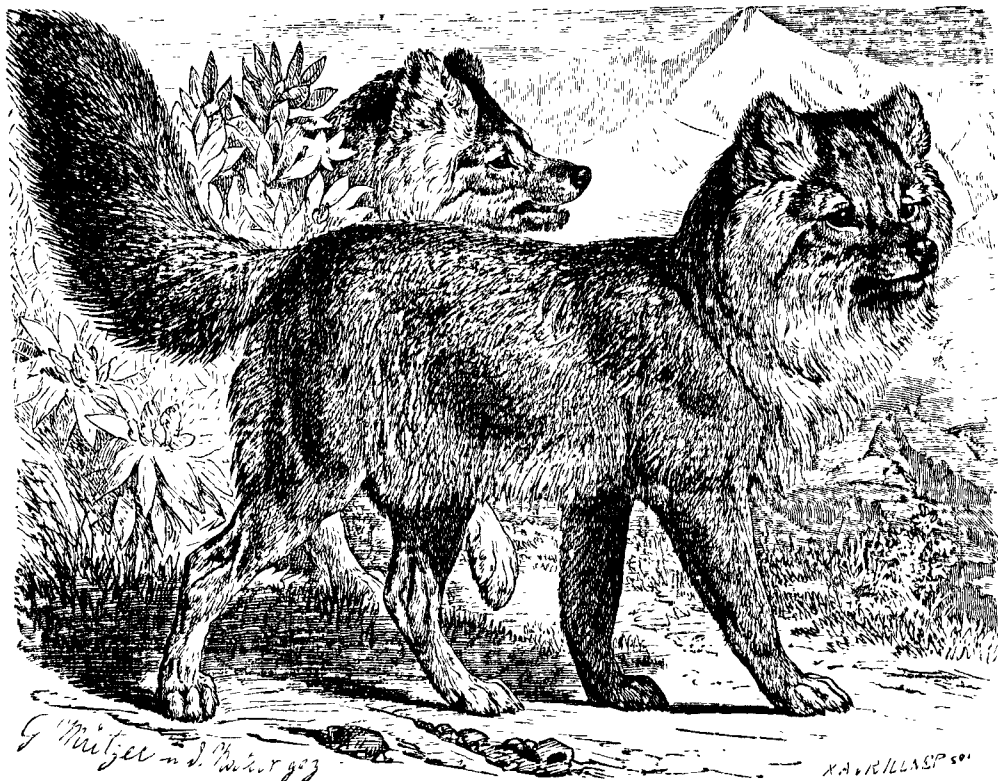
Относительно прирученія этого вида волковъ нѣтъ никакихъ указаній. Въ Амстердамскомъ зоологическомъ саду я видѣлъ адыга, привезеннаго съ острова Явы, и нашелъ, что по внѣшнему виду это животное очень похоже на домашнюю собаку. Оно бѣгаетъ, сидитъ и лежитъ совсѣмъ какъ собака, но съ перваго взгляда видно, что оно рѣзко отъ нея отличается. Конечно не такъ легко выразить, въ чемъ заключается это различіе, но опытный взглядъ натуралиста, привыкшій наблюдать живыхъ животныхъ, сразу замѣчаетъ эту разницу и, по моему мнѣнію, это иногда важнѣе, чѣмъ какое-нибудь отличіе въ ростѣ или лишній бугорокъ на одномъ изъ коренныхъ зубовъ. Въ адыгѣ такъ ясно сказывается дикое животное, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что это обитатель лѣсовъ и пустыни. Ни у одной домашней собаки нѣтъ такого выраженія морды, какъ у дикой; даже эскимосская собака, если въ нее всмотрѣться, рѣзко отличается отъ волка, адыгъ-же выглядит болѣе дикимъ, чѣмъ все сходные съ нимъ виды.

Въ Амстердамѣ содержавшагося въ неволѣ адыга кормили исключительно мясомъ; до другой пищи онъ не дотрогивался. Къ своимъ сторожамъ онъ не показывалъ никакой привязанности и вообще жилъ во враждѣ какъ съ людьми, такъ и съ животными. Днемъ онъ почти всегда спалъ, а ночью просыпался и какъ безумный

метался по клеткѣ. Другихъ подробностей я, къ сожалѣнію, о немъ узнать не могъ. Наше изображеніе нарисовано артистической рукой Мютцеля, съ двухъ экземпляровъ, которые въ 1881 году жили въ Лондонскомъ зоологическомъ саду.

* *
* *
* *

Третьимъ видомъ азіатскихъ дикихъ собакъ слѣдуетъ считать **Горнаго волка**, котораго буряты называютъ **Зубри**, а тунгузы **Джернуль** (*Canis* [*Cyoon*] *alpinus*, *Cyoon alpinus*. *Alpenwolf*.) и который водится въ восточной и средней части Азіи. Гибель считаетъ его за разновидность нашего обыкновеннаго волка, но это

Горный волкъ. *Canis alpinus* $\frac{1}{8}$ наст. вел.

мнѣніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться справедливымъ, такъ какъ горный волкъ ростомъ гораздо меньше обыкновеннаго и по окраскѣ и длинѣ шерсти значительно отъ него отличается. Грей сравнивалъ черепа горнаго волка и колзуна и нашелъ между ними большое сходство, но Скюлли указываетъ, что онъ отличается отъ колзуна болѣе крупными верхними коренными зубами. Прекрасный экземпляръ этого животнаго въ Берлинскомъ музеѣ похожъ на очень большію, мохнатую овчарку, имѣть широкую голову съ тупой мордой, не очень большіе глаза и средней величины уши, которые сверху округлены и густо обросли волосами какъ снаружи, такъ и внутри; конечности у него довольно толстыя и сильныя, хвостъ виситъ до земли, общая длина тѣла 1,3 метра, изъ которыхъ хвостъ занимаетъ 35 см., высота въ плечахъ 45 см. Шерсть у горнаго волка очень длинная и жесткая, подшерстокъ мягкій и густой. Хвостъ покрытъ длинными мягкими во-

лосами. Волоса на верхней части тѣла у основанія имѣютъ рыжевато-сѣрый, въ серединѣ ржаво-красный, а на концѣ черный или бѣлый цвѣтъ, отчего происходитъ блѣдно-рыжеватая окраска; нижняя же часть тѣла, внутреннія стороны конечностей и кончики лапъ блѣдно-чалого цвѣта. Хвостъ замѣтно темнѣе верхней части тѣла и имѣетъ желтовато-сѣрую окраску. Уши покрыты снаружи рыжими, а внутри бѣлыми волосами.

О распространеніи и образѣ жизни этого животнаго довольно подробно повѣствуетъ Раде. Въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ, въ верхнихъ частяхъ восточныхъ притоковъ Енисея горный волкъ встрѣчается довольно часто, но за нимъ правильно не охотятся ни буряты и сойоты, ни русскіе охотники; причину этого слѣдуетъ искать не столько въ низкой цѣнѣ его грубаго мѣха, сколько въ страхѣ, который онъ возбуждаетъ. Онъ, повидимому, чаще всего водится въ малонаселенныхъ горныхъ странахъ, которыя служатъ пристанищемъ и оленямъ. На востокъ отъ средняго теченія Оки въ охотничьемъ районѣ Карагашией этотъ волкъ встрѣчается еще стаями въ 10—15 штукъ и охотится тамъ за оленями, преимущественно за самками и молодыми. По теченію рѣки Чернаго Иркутка, на мѣстѣ жительства сойотовъ, горный волкъ встрѣчается единичными экземплярами и тамъ охотится за горными баранами. Въ верхнихъ частяхъ долины Иркутка горный волкъ такъ разогналъ оленей, что охоты за ними послѣдними оставались совсѣмъ безуспѣшными. Въ южныхъ частяхъ Яблонаго хребта, по показаніямъ Раде, его совсѣмъ не знаютъ, но на Даурскомъ плоскогоріи онъ иногда встрѣчается и извѣстенъ подъ именемъ джеркуля. Въ горахъ, окружающихъ нижнее теченіе Амура, онъ обыкновененъ.

Въ Амурской области охотники боятся горнаго волка. Стаи этихъ животныхъ окружаютъ свою жертву и всегда овладѣваютъ ею. Если охотникъ встрѣтитъ этихъ животныхъ въ большомъ числѣ, то ему не остается другаго средства къ спасенію, какъ влѣзть на дерево. Эти животныя часто загоняютъ оленей и горныхъ барановъ на край глубокой пропасти, куда они не рѣшаются прыгнуть; раненныхъ животныхъ они очень скоро догоняютъ и повергаютъ на землю. Во время преслѣдованія горные волки издаютъ звукъ, похожій на шипѣніе, и свистъ и съ такою жадностью бросаются на добычу, что подпускаютъ тогда къ себѣ охотниковъ очень близко. Одинъ тунгузъ, по словамъ Раде, изъ четырехъ горныхъ волковъ, которые пожирали убитаго ими оленя, застрѣлилъ одного за другимъ трехъ, при чемъ оставшіеся въ живыхъ и не думали бросать своей жертвы. Мѣстные охотники считаютъ ихъ очень хитрыми и быстрыми животными. Во главѣ стаи всегда бѣгутъ нѣсколько старыхъ сильныхъ самцовъ. Опытныя охотничьи собаки отказываются отъ преслѣдованія этихъ волковъ и возвращаются съ взъерошенной отъ страха шерстью обратно къ охотнику, точно такъ, какъ онѣ это дѣлаютъ, когда выслѣдятъ тигра. Мясо этого животнаго не ѣдятъ и шкура его не покупается русскими купцами. Отъ Раде требовали, правда, за подобную шкуру отъ 6—8 рублей, но только потому, что замѣтили, какъ усиленно онъ добивался получить цѣльную шкуру этого животнаго.

* * *

Болѣе всѣхъ другихъ отличается отъ прочихъ собакъ лѣсной волкъ бразильскихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, который составляетъ послѣдній видъ группы волковъ. Нѣкоторыми естествоиспытателями этотъ видъ отдѣляется въ особенный родъ (*Icticyon*), который отличается отъ прочихъ видовъ своею зубною системою, состоящею только изъ 36 зубовъ.

Лѣсной волкъ или **Лѣсная собака**, (*Canis* [*Icticyon*] *venaticus*, *Cynogale vena-*

tica, Synaticus melanogaster. Waldhund. Кoupapa) которую нѣкоторые писатели относятъ къ куницамъ, имѣеть толстую и короткую голову съ широкой мордой, приземистое, не очень большое туловище, короткія сильныя ноги и короткій хвостъ. Довольно длинная шерсть почти вездѣ бурога цвѣта, а темная морда напоминаетъ морду росомахи.

Это рѣдкое животное ведетъ ночной образъ жизни въ первобытныхъ лѣсахъ и потому объ образѣ жизни его очень мало извѣстно. Каплеръ о немъ пишетъ изъ Суринама: «Лѣсной волкъ живетъ внутри страны и охотится, говорятъ, стаями. Онъ ни разу мнѣ не встрѣчался, но мнѣ разъ принесли молодое животное живымъ. Оно имѣло около 2 футовъ длины и 1 фута вышины и хвостъ въ 6 дюймовъ, съ короткими волосами. Туловище было темно-сѣраго цвѣта, а голова и шея желтовато-бураго. Лѣсной волченочъ былъ очень дикъ, ничего не ѣлъ, лаялъ и ворчалъ какъ только приближались къ его клѣткѣ, почему я и долженъ былъ его убить».

Молодой лѣсной волкъ, котораго воспитывали въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, велъ себя тамъ какъ ласковая, веселая, молодая собака.

* * *

«Умомъ собаки держится міръ», такъ сказано въ Вендидадѣ, (книга законовъ), древнѣйшей и достовѣрнѣйшей части Зендъ-Авесты, одной изъ самыхъ древнихъ книгъ человѣчества.

Для низшей ступени цивилизаціи человѣчества слова эти составляли и составляютъ еще нынѣ несомнѣнную истину. Дикій, грубый и необразованный человѣкъ немислимъ безъ собаки, но трудно представить себѣ благовоспитаннаго и цивилизованнаго человѣка, живущаго въ образованныхъ частяхъ свѣта, безъ этого животного. Человѣкъ и собака дополняютъ другъ друга въ сотняхъ и тысячахъ случаевъ и потому могутъ считаться самыми вѣрными товарищами. Никакое другое животное на земномъ шарѣ не пользуется такимъ уваженіемъ, дружбою и любовью, какія заслужила себѣ издавна собака со стороны человѣка. Она такъ необходима для благосостоянія человѣка, что сама какъ-бы составляетъ часть человѣчества. «Собака», говоритъ Кьюве, «составляетъ самое замѣчательное, совершенное и полезное изъ вѣхъ приобрѣтеній, какія когда-либо сдѣлалъ человѣкъ. Вся порода собакъ сдѣлалась нашей собственностью, а каждая отдѣльная собака вполне принадлежитъ своему хозяину, человѣку, соображается съ его привычками, знаетъ и защищаетъ его имущество и остается ему вѣрной до самой смерти. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что эти качества собакъ зависятъ не отъ принужденія и боязни, а отъ чистой любви и привязанности. Быстрота ея движеній и тонкость обонянія сдѣлали изъ собаки прекраснаго помощника человѣка и можно сказать, что нынѣ животное это необходимо для благоустройства человѣческаго общества. Собака есть единственное животное, которое вмѣстѣ съ человѣкомъ расселилось по всему земному шару. Хотя, повидимому, собака извѣстна каждому, но ее стоитъ описать подробно, что мы и сдѣлаемъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Ее находятъ повсюду, гдѣ только поселился человѣкъ. Она встрѣчается даже у самыхъ жалкихъ, дикихъ и необразованныхъ народовъ и сдѣлалась ихъ другомъ, товарищемъ и защитникомъ. Но ни преданіе, ни изслѣдованіе не могутъ намъ дать до сихъ поръ точныхъ указаній о прародителяхъ этого домашняго животного: мнѣнія о происхожденіи домашней собаки до сихъ поръ еще очень разнорѣчивы. Нѣтъ ни одного животнаго, относительно котораго сдѣлано-бы было столько предположеній и догадокъ, какъ о собакѣ.

«Лучшимъ признакомъ отличія домашней собаки», говоритъ Блазіусъ, «до сихъ

поръ остается, какъ еще замѣтилъ Линней, нѣсколько налѣво свернутой хвостъ. Естественнo-историческая судьба собаки очень похожа на судьбу человѣка. Полное подчиненіе собаки человѣку имѣло для нея такія послѣдствія, какія мы не встрѣчаемъ ни у какого другаго животнаго. Жизнь собаки на землѣ такъ тѣсно связана съ жизнью человѣка, она должна была вмѣстѣ съ человѣкомъ, подвергнуться столь разнообразнымъ и противоположнымъ мѣстнымъ условіямъ, что о первобытномъ ея состояніи, точно такъ, какъ о первобытномъ состояніи человѣка, могутъ существовать лишь довольно произвольныя предположенія. Впрочемъ, все это относится только къ ея физическимъ свойствамъ, такъ какъ о душевныхъ ея качествахъ всѣ судятъ одинаково. По своему скелету, черепу и зубной системѣ собака очевидно принадлежитъ къ волкамъ, однако ни по черепу, ни по зубамъ ее нельзя причислить ни къ одному изъ нынѣ существующихъ видовъ волка, точно такъ, какъ и нельзя найти и рѣзкихъ различій между домашней собакой и ея дикими родичами. Наши европейскія собаки по особенностямъ своего черепа занимаютъ середину между волками и шакалами, но особенности эти въ высшей степени разнообразны у различныхъ породъ. Однако несмотря на сходство между черепами собаки, волка, шакала, а отчасти и лисицы, черепъ собаки имѣетъ все-таки свои особенности. Лобныя кости собаки въ большинствѣ случаевъ нѣсколько болѣе распространены какъ къ темени, такъ и къ носовымъ костямъ, чѣмъ у волка и шакала, но здѣсь мы встрѣчаемъ различныя видоизмѣненія у разныхъ породъ домашнихъ собакъ. Само собой разумѣется, что эти особенности черепа могутъ быть сравниваемы только у животныхъ одинаковаго возраста».

«Американцы уже имѣли домашнихъ собакъ до того времени, когда испанцы привезли туда европейскую породу. Въ Мексикѣ испанцы нашли нѣмыхъ собакъ. А. Гумбольдтъ сообщаетъ, что у индѣйцевъ въ Юуха и Хуанка собакамъ воздавали божескія почести, пока инка Пачакутекъ не обратилъ этихъ индѣйцевъ къ почитанію солнца. Ихъ жрецы во время жертвоприношеній дули въ собачьи черепа и въ древнѣйшихъ перуанскихъ могилахъ находили собачьи муміи. Чуди изслѣдоваль черепа этихъ мумій, и считаетъ, что они принадлежатъ особому виду собакъ, отличающемуся отъ европейскихъ и который онъ назвалъ *Canis ingae*; на перуанскомъ языкѣ существуетъ особое названіе для мѣстныхъ собакъ, чтобы ихъ отличить отъ привозныхъ европейскихъ, которыя въ Южной Америкѣ встрѣчаются въ одичаломъ состояніи. Перуанскія собаки, говорятъ, особенно враждебно относятся къ европейцамъ».

«Довольно замѣчательно, что мѣстныя породы собакъ по строенію черепа всегда приближаются къ волкамъ, но еще замѣчательнѣе, что одичалыя собаки и по внѣшнему своему виду понемногу возвращаются къ первобытнымъ формамъ. Это относится не только къ окраскѣ, но и ко всему строенію животнаго, напримѣръ къ ушамъ, которыя постепенно дѣлаются прямо стоящими и остроконечными, а также и къ свойству шерсти. Уже Оливье замѣтилъ, что собаки въ окрестностяхъ Константинополя очень похожи на шакаловъ. На югѣ и востокѣ Россіи встрѣчается большое количество полудичалыхъ собакъ, которыя странствуютъ цѣлыми стаями, и по цвѣту шерсти и внѣшнему виду туловища и ушей сильно напоминаютъ шакаловъ. Наблюденія Палласа, что собаки часто живутъ въ дружбѣ съ шакалами, дѣлаются совершенно понятными при такомъ сходствѣ внѣшняго вида. Положительно доказано, что волкъ и собака между собою спариваются и производятъ живучихъ ублюдковъ. То-же замѣчается относительно скрещиванія собаки и шакала. Палласъ даже сообщаетъ, что въ Россіи встрѣчаются довольно часто ублюдки собаки и лисицы, но очевидно онъ это утверждаетъ, не основываясь на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ».

«Вопросъ о томъ, составляетъ-ли собака самостоятельный и отдѣльный видъ, какъ волкъ, шакалъ и лисица, трудно разрѣшимъ, и на него едва-ли можно отвѣчать утвердительно. Ни одно дикое животное не представляетъ столькихъ различій въ строеніи черепа, устройствѣ тѣла и величинѣ, какъ разныя породы собакъ. Даже домашнія животныя, которыхъ нужно считать отдѣльными видами, только измѣненнымъ прирученіемъ и подборомъ, напримѣръ лошадь, осель, быкъ, коза и свинья, не представляютъ такого разнообразія формъ. Однако еще менѣе было-бы справедливо считать разныя породы собакъ за отдѣльные виды. Несомнѣнно, что нельзя считать ни одного изъ извѣстныхъ намъ дикихъ видовъ этого рода за прародители домашней собаки и точно также едва-ли можно предположить, что первобытная форма существуетъ на земномъ шарѣ, но еще не открыта или не замѣчена натуралистами».

«Поэтому если хотятъ настаивать на рѣшеніи вышеприведеннаго вопроса, приходится держаться мнѣнія Палласа, что происхожденіе домашней собаки слѣдуетъ объяснить прирученіемъ и скрещиваніемъ мѣстныхъ дикихъ видовъ этого рода. Взглядъ этотъ конечно, какъ и всякій другой, относящійся къ происхожденію домашнихъ животныхъ, слѣдуетъ считать гипотезой, но въ справедливости этого взгляда можно убѣдиться сравненіемъ череповъ собакъ съ черепами различныхъ видовъ волка. Теперь нѣтъ никакого основанія руководствоваться въ этомъ вопросѣ предположеніями и мнѣніями Бюффона. Вышеизложенное предположеніе Палласа вполне объясняетъ безпренятственное скрещиваніе домашней собаки съ волкомъ и шакаломъ. Гипотеза эта находитъ нѣкоторое подтвержденіе въ другихъ фактахъ изъ животнаго и растительнаго царства, напримѣръ въ строеніи нѣкоторыхъ растений, происходящихъ отъ скрещиванія сходныхъ видовъ, а также въ разнообразіи нѣкоторыхъ породъ куриныхъ птицъ. Сходство одичалыхъ собакъ и дружба ихъ съ шакалами имѣетъ здѣсь также большое значеніе. Мы знаемъ, что одичалыя лошади дѣлаются похожими на дикихъ. Козы, которыя большую часть года скитаются по горамъ безъ всякаго присмотра, какъ напримѣръ въ Далмаціи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи, дѣлаются очень похожими на дикихъ, такъ называемыхъ безаровыхъ козъ; пестрые кролики, пущенные на свободу, черезъ нѣсколько лѣтъ рождаютъ дѣтенышей, которые по цвѣту ничѣмъ не отличаются отъ дикихъ».

Дарвинъ приходитъ къ тѣмъ-же предположеніямъ, какъ и Блазиусъ. «Нѣкоторые зоологи», говоритъ онъ. «полагаютъ, что всѣ породы домашнихъ собакъ происходятъ отъ волка, шакала или какого-то неизвѣстнаго вымершаго вида; другіе думаютъ, что собаки происходятъ отъ скрещиванія многихъ нынѣ живущихъ и вымершихъ видовъ. По всей вѣроятности намъ никогда не удастся съ достовѣрностью выяснить родословную нашихъ домашнихъ собакъ. Палеонтологія не даетъ разъясненій по этому вопросу, что происходитъ съ одной стороны отъ большого сходства череповъ вымершихъ и живыхъ шакаловъ и волковъ, съ другой стороны отъ большого различія череповъ нынѣ живущихъ породъ собакъ. Въ пластахъ третичной формаціи найдены, кажется, черепа, которые болѣе похожи на собачьи, чѣмъ на волчьи, что можетъ быть поддерживаетъ мнѣніе Блэнвилля, что домашнюю собаку слѣдуетъ считать потомкомъ одного вымершаго вида. Нѣкоторые натуралисты доходятъ до предположенія, что каждая изъ нынѣ существующихъ породъ собакъ имѣла уже вымершаго отдѣльнаго представителя; но это послѣднее мнѣніе въ высшей степени невѣроятно. Если остановиться на послѣднемъ предположеніи, то трудно объяснить большое разнообразіе породъ и почти уродливый видъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что очевидно указываетъ на видоизмѣненіе отъ подбора; кромѣ того, тогда нужно предположить, что многіе виды дикихъ собакъ вымерли

послѣ того, какъ человѣкъ уже приручилъ домашнюю собаку, а подобное вымираніе довольно крупныхъ хищныхъ животныхъ мало вѣроятно, при чемъ слѣдуетъ вспомнить, что еще въ 1710 году на такомъ относительно маленькомъ островѣ какъ Ирландія волкъ еще не былъ истребленъ.

Причины, по которымъ многіе писатели пришли къ предположенію, что домашнія собаки происходятъ отъ нѣсколькихъ различныхъ дикихъ видовъ, состоятъ, во-первыхъ, въ большомъ разнообразіи внѣшняго вида отдѣльныхъ породъ, а во-вторыхъ въ томъ, что уже въ самыя древнія историческія времена существовало нѣсколько разновидностей домашней собаки, которыя между собой были мало сходны, но очень похожи на нынѣ существующія породы. Начиная отъ Рождества Христова до XIV столѣтія осталось очень мало свѣдѣній о породахъ домашнихъ собакъ, но намъ извѣстно, что въ болѣе древнія времена уже существовало нѣсколько породъ домашнихъ собакъ, при чемъ однако невозможно съ точностью опредѣлить ихъ и сравнить съ нынѣшними. На одномъ рисункѣ, изображающемъ виллу императора Антонія, мы находимъ рисунокъ двухъ молодыхъ борзыхъ. На одномъ ассирійскомъ памятникѣ, относящемся къ VII вѣку до Р. Х. изображенъ очень большой догъ, порода котораго, по Раулинсону, и по нынѣ тамъ сохранилась. На египетскихъ памятникахъ 4—12 династіи, т. е. отъ 3400—2100 года до Р. Х., какъ видно по прекраснымъ рисункамъ сочиненій Лепсіуса и Розеллини, изображено нѣсколько породъ собакъ, изъ которыхъ большинство также похоже на борзыхъ. На болѣе позднихъ памятникахъ мы находимъ собаку, похожую на гончую, съ висячими ушами, но очень длинной спиной и острой мордой, а также маленькую собачку съ кривыми ногами, которая напоминаетъ нашихъ таксъ. Было-бы однако совершенно ошибочно думать, что наши таксы происходятъ отъ этой кривоногой собаки, изображенной на древнихъ египетскихъ памятникахъ; искривленіе ногъ есть уродливость, встрѣчающаяся у многихъ различныхъ животныхъ, и Сейксъ выдалъ индійскую бродячую собаку, у которой замѣчалъ тотъ-же недостатокъ. Самое древнее изображеніе собаки на египетскихъ памятникахъ имѣетъ очень странный видъ: она похожа на борзую, но съ длинными острыми ушами и короткимъ крючковатымъ хвостомъ. Сходная съ этой собакой разновидность живетъ и нынѣ въ сѣверной Африкѣ, именно арабская кабанья собака, считаемая Гаркуртомъ очень древней, такъ сказать іероглифической породой, съ которой охотился еще Хеопсъ; она нѣсколько похожа на шотландскую мохнатую оленью собаку. вмѣстѣ съ этой древнѣйшей породой жила въ Египтѣ еще другая собака, по наружности похожая на нынѣшнюю индійскую бродячую собаку. Изъ вышесказаннаго мы видимъ, что уже четыре или пять тысячъ лѣтъ тому назадъ существовало нѣсколько породъ собакъ, именно: борзья, гончія, доги, таксы и дворняжки, которыя болѣе или менѣе были сходны съ нынѣшними разновидностями. Однако, мы не имѣемъ возможности съ полною достовѣрностью доказать, что эти древнія породы были вполнѣ тождественны съ нынѣшними. До тѣхъ поръ, пока думали, что человѣкъ живетъ на землѣ около шести тысячъ лѣтъ, это различіе породъ въ столь раннее время могло служить доказательствомъ, что у каждой изъ нихъ былъ свой отдѣльный прародитель, но такъ какъ теперь извѣстно, что люди появились на земномъ шарѣ гораздо раньше и, принимая во вниманіе, что даже совѣтъ необразованные народы имѣютъ домашнихъ собакъ, доказательство это значительно потеряло свою силу».

«Ручныя собаки встрѣчались въ Европѣ гораздо раньше начала историческихъ временъ. Въ датскихъ кухонныхъ остаткахъ каменнаго періода нашли кости собаки, которая по Стэнструпу была уже по всей вѣроятности домашней. Во время бронзоваго періода люди имѣли болѣе крупныхъ собакъ, а въ желѣзный вѣкъ попадаются

собаки еще гораздо крупнѣе. Жившая въ концѣ каменнаго періода въ Швейцаріи домашняя собака средней величины, по мнѣнію Рютимейера, отличалась какъ отъ волка, такъ и отъ шакала по своему черепу, а по нѣкоторымъ признакамъ приближалась къ нашимъ охотничьимъ и легавымъ собакамъ. Во время бронзоваго періода появилась большая собака, которая, судя по челюстямъ, походила на датскую. Въ одной древней пещерѣ Шерлингъ нашелъ остатки двухъ породъ собакъ, возрастъ которыхъ невозможно было опредѣлить».

«Слѣдуетъ предположить, что послѣдовательное появленіе различныхъ породъ собакъ въ Швейцаріи и Даніи объясняется переселеніемъ племенъ завоевателей, изъ которыхъ каждое приводило съ собой особую породу собакъ, что также соотвѣтствуетъ мнѣнію, что въ различныхъ странахъ приручали мѣстные, разнообразныя виды волковъ. По широкому распространенію издѣлій изъ бронзы можно судить, что и въ тѣ времена существовала мѣновая торговля, и домашнія собаки могли появиться въ странѣ въ видѣ привозныхъ животныхъ, промѣненныхъ на какіе-нибудь другіе товары. И въ настоящее время въ Гвіанѣ индѣйцы племени Тарума считаются за лучшихъ воспитателей собакъ: у нихъ разведена крупная порода собакъ, которыхъ они за хорошую цѣну продаютъ другимъ племенамъ».

«Самымъ главнымъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія, что различныя породы собакъ происходятъ отъ мѣстныхъ, нынѣ живущихъ дикихъ видовъ, служитъ сходство домашнихъ собакъ съ дикими видами своей родины. Хотя слѣдуетъ признать, что сравненіе между дикими и домашними собаками извѣстной мѣстности еще не произведено съ достаточною научною точностью, но все-же не трудно предположить, что прирученію подверглись многіе виды волковъ и шакаловъ. Виды собачьяго рода живутъ почти во всѣхъ странахъ земнаго шара, и многіе изъ нихъ по строенію тѣла и образу жизни очень похожи на нѣкоторыя разновидности домашнихъ собакъ. Дикіе народы содержатъ у себя при домѣ и приручаютъ всевозможныхъ животныхъ, при чемъ легче всего поддаются воспитанію звѣри, живущіе обществами, къ которымъ принадлежатъ и собаки. Когда къ Фалкландскимъ островамъ впервые пристали англійскіе корабли, то мѣстные большіе волки (*Canis antarcticus*) безбоязненно подходили къ матросамъ, которые это любопытство приняли за свирѣность и бѣжали. И теперь еще человѣкъ, который въ одной рукѣ держитъ кусокъ мяса, а въ другой ножъ, можетъ иногда зарѣзать смѣло подходящаго къ нему волка на вышеупомянутыхъ островахъ. На Черепашьихъ островахъ я самъ столкнулъ концемъ своего ружья сокола, который спокойно сидѣлъ на вѣткѣ дерева; тамъ-же я держалъ въ рукахъ ведро воды, на которое различныя птицы безбоязненно садились и пили. Большое значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что всѣ дикія собаки въ неволѣ легко размножаются, а неспособность размножаться въ неволѣ есть одно изъ самыхъ большихъ препятствій къ прирученію животнаго. Дикіе народы очень цѣнятъ своихъ собакъ и извлекаютъ пользу даже изъ наполовину прирученныхъ животныхъ. Сѣверо-американскіе индѣйцы нарочно скрещиваютъ полудикихъ собакъ съ волками, чтобы получить потомство, состоящее изъ еще болѣе дикихъ, но зато и болѣе смѣлыхъ собакъ. Гвіанскіе индѣйцы ловятъ молодыхъ собакъ двухъ мѣстныхъ дикихъ видовъ, чтобы ихъ приручить и пользоваться ими на охотѣ, а австралійскіе туземцы дѣлаютъ тоже самое съ одичалыми динго. Книгъ мнѣ сообщаетъ, что онъ однажды приучилъ молодого динго стеречь стадо, и животное исполняло это вполне удовлетворительно».

«Изъ всего вышесказаннаго ясно, что можно съ большою достовѣрностью сдѣлать слѣдующее предположеніе: человѣкъ въ различныхъ странахъ обратилъ въ домашнее состояніе различныя виды дикихъ собакъ. Довольно странно даже было-бы

допустить, что по всему земному шару распространились потомки одного первоначально дикого вида собаки».

«Обратимся теперь къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ фактамъ. Остроумный и точный наблюдатель Ричардсонъ замѣчаетъ, что сходство между домашними собаками индѣйцевъ Сѣверной Америки и мѣстнымъ волкомъ очень велико и различіе заключается главнымъ образомъ лишь въ томъ, что волкъ больше ростомъ и сильнѣе. «Много разъ», говоритъ онъ, «принималъ я стаю волковъ за индѣйскихъ собакъ, такъ какъ эти собаки и воютъ почти такъ-же, какъ волки, и даже опытное ухо индѣйцевъ часто ошибается, смѣшивая вой волковъ и собакъ». Ричардсонъ прибавляетъ, что собаки эскимосовъ, живущихъ на крайнемъ сѣверѣ, не только по строенію тѣла и по цвѣту похожи на сѣраго полярнаго волка, но и по росту отъ него не отличаются. Кѣнь, во время своего путешествія по Гренландіи, часто замѣчалъ у нѣкоторыхъ собакъ, которыхъ впрягали въ его санки, всякій хвостъ и косележащіе глаза, что нѣкоторые зоологами считается за одинъ изъ главныхъ признаковъ волковъ. Гейесъ сообщаетъ, что эскимосскія собаки мало отличаются отъ волковъ, вовсе не показываютъ привязанности къ человѣку и такъ свирѣпы, что въ случаѣ сильнаго голода нападаютъ даже на своего хозяина. Собаки эти легко дичаютъ и ихъ сходство съ волками такъ велико, что онѣ часто съ ними скрещиваются; индѣйцы берутъ также иногда молодыхъ волковъ, чтобы улучшить породу своихъ собакъ, причемъ эти волки иногда, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, дѣлаются довольно ручными, что впрочемъ замѣчается только во второмъ или третьемъ поколѣніи. Гейесъ не сомнѣвается въ томъ, что эскимосскія собаки ничто иное, какъ прирученные мѣстные волки. Вышеприведенные факты доказываютъ, что отъ скрещиванія эскимосскихъ собакъ съ волками происходитъ способное къ размноженію потомство, иначе иначе было-бы брать волковъ для улучшенія породы собакъ».

«Собаки индѣйцевъ, живущихъ нѣсколько южнѣе, значительно отличаются отъ эскимосскихъ собакъ и, по наблюденіямъ Ричардсона, стоятъ въ томъ-же отношеніи къ койоту, какъ эскимосская собака къ сѣверному волку. Обѣ эти породы собакъ легко скрещиваются между собою, равно какъ съ волками и съ европейскими собаками. Черная собака индѣйцевъ Флориды, по показаніямъ Бертрама, отличается отъ мѣстныхъ волковъ только тѣмъ, что лаеетъ. Христофоръ Колумбъ нашелъ въ Вестъ-Индіи двѣ породы собакъ, а Фернандецъ описываетъ три породы домашнихъ псовъ, водившихся въ Мексикѣ при ея открытіи. Нѣкоторыя изъ этихъ породъ были нѣмыя, т. е. не лаiali. Уже со времени Бюффона извѣстно, что жители Гвіаны скрещиваютъ своихъ домашнихъ собакъ съ однимъ дикимъ видомъ, именно съ майконгомъ. Шомбургкъ, который основательно изучилъ эту страну, мнѣ пишетъ объ этомъ: «Индѣйцы-Араваки, которые живутъ близъ берега моря, мнѣ нѣсколько разъ говорили, что они скрещиваютъ своихъ собакъ съ майконгами для улучшенія породы, и я видалъ многихъ собакъ, которыя были гораздо болѣе похожи на это дикое животное, чѣмъ на обыкновенную породу домашнихъ псовъ; однако эти ублюдки рѣдко годятся для того, чтобы стеречь домъ, а употребляются лишь для охоты». Индѣйцы-Арекуны держатъ для охоты другой видъ дикихъ собакъ, которыхъ они называютъ «Ай» (вѣроятно *Canis silvestris*), но теперь этотъ обычай дѣлается все рѣже и рѣже. Собаки индѣйцевъ племени Тарума совершенно другой породы и похожи на гончихъ изъ С. Доминго, описанныхъ Бюффономъ. И такъ слѣдуетъ предположить, что жители Гвіаны приручили два вида дикихъ собакъ и теперь еще скрещиваютъ съ ними своихъ домашнихъ псовъ. Оба эти вида свойственны только южной Америкѣ и отличаются, какъ отъ сѣверо-американскихъ, такъ и отъ европейскихъ собакъ. Ренггеръ доказываетъ, что когда европейцы

открыли Америку, тамъ держали въ ручномъ состояніи только безшерстныхъ и нѣмыхъ собакъ, о которыхъ Чуди говоритъ, что онѣ страдаютъ отъ холода въ Кордильерахъ. Но эта голая собака отличается отъ той, которую Чуди описываетъ подъ именемъ «собаки Инковъ» и которая, по его словамъ, лаеетъ и хорошо переноситъ холодъ. Неизвѣстно могутъ-ли эти двѣ породы собакъ считаться потомками мѣстныхъ дикихъ видовъ и не слѣдуетъ-ли предположить, что въ первобытныя времена люди, переселившіеся въ Америку изъ Азіи, привели съ собою домашнихъ собакъ, которыя не лаiali; но и это мало вѣроятно, потому что переселеніе шло очевидно съ сѣвера на югъ и во время пути люди привели въ домашнее состояніе по крайней мѣрѣ два вида сѣверо-американскихъ волковъ».

«Если мы обратимся къ Старому Свѣту, то найдемъ, что здѣсь многія собаки очень похожи на волка, напр. у венгерской овчарки это сходство такъ велико, что венгерцы часто могутъ ошибиться, принявъ волка за свою собаку. Въ Италіи собаки пастуховъ въ прежнее время, должно быть, очень походили на волковъ, такъ какъ Колумелла даетъ совѣтъ держать при стадахъ бѣлыхъ собакъ и прибавляетъ: «*Pastor album probat, ne pro lupo canem feriat*» *). Что собаки часто добровольно спариваются съ волками, было уже извѣстно древнимъ, и Плиніи даже говоритъ, что Галлы привязывали своихъ сукъ въ лѣсу, чтобы онѣ спаривались съ волками».

Сообщаю здѣсь при случаѣ замѣтку Радде, которую Дарвинъ, повидимому, не имѣлъ въ виду, но которая вполне соответствуетъ его мнѣніямъ. «У многихъ домашнихъ собакъ гористыхъ странъ восточной Азіи очень замѣтно сходство съ волками и лисицами; особенно часто встрѣчаются собаки, которыя во всемъ, даже по росту похожи на волковъ. У меня самого была такая охотничья собака, которая была родомъ изъ горъ Хингана, прибыла со мною въ мѣстности по среднему теченію Амура и сдѣлалась извѣстна, какъ у туземцевъ, такъ и у русскихъ, своими превосходными качествами на охотѣ. Такія волкообразныя собаки, которые, можетъ быть, происходятъ отъ скрещиванія, имѣютъ болѣе короткое туловище и болѣе короткую морду, чѣмъ волкъ, но по цвѣту, жесткости и густотѣ шерсти и по хвосту онѣ совсѣмъ на него похожи. Къ тому-же онѣ при бѣгѣ не приподымаютъ хвоста, а держатъ его въ висающемъ положеніи. Онѣ держатъ его кверху только при стойкѣ передъ дичью, когда мочатся или когда привѣтствуютъ хозяина виляніемъ хвоста. Собаки эти вовсе не дрессируются, между тѣмъ ихъ употребляютъ на всѣхъ даже опасныхъ охотахъ, требующихъ терпѣнія и злобности. Значительно отличаются отъ нихъ собаки кочующихъ монгольскихъ племенъ на плоскогорьѣ Гоби; собаки эти иногда встрѣчаются у бурятовъ Забайкальской области и ими употребляютъ какъ для охоты, такъ и для того, чтобы сторожить юрты. По длинѣ тѣла онѣ похожи на волковъ, но не такъ высоки. Все тѣло ихъ покрыто длинною блестяще-черною шерстью, которая на спинѣ и на бокахъ немного курчава. Длинные черные волосы находятся также на внутренней сторонѣ переднихъ конечностей, на колѣняхъ заднихъ и на головѣ, а короткій хвостъ и верхняя часть морды покрыты короткою черною шерстью. Верхняя губа свѣшивается надъ нижнею и кругомъ глаза всегда замѣтно бурое или рыжее пятно. Голова болѣе широка, чѣмъ длинна, уши на половину висающія, а хвостъ некрасивъ, такъ какъ покрытъ длинными волосами только съ боковъ. Собаки эти рѣдко лаютъ, но очень злы и служатъ монголамъ сторожами при юртахъ. Пограничные казаки охотно покупаютъ ихъ, такъ что ихъ можно встрѣтить и въ Амурской области. Здѣсь порода эта, вслѣдствіе присутствія другихъ собакъ волчьего и лисьего тина, а также обыкновенныхъ дворняшекъ, въ

*) Пастуху удобенъ бѣлый цвѣтъ, чтобы не принять волка за собаку.

чистотѣ не сохраняется, и приходится постоянно вымѣнивать новыхъ собакъ у монголовъ».

Дарвинъ далѣе продолжаетъ: «Европейскій волкъ мало отличается отъ сѣверо-американскаго, но многими натуралистами считается за отдѣльный видъ; волкъ, живущій въ восточной Индіи, также, повидимому, составляетъ отдѣльный видъ, и многія бродячія собаки этой страны очень сходны съ индѣйскимъ волкомъ. Жофруа Сентъ-Илеръ говоритъ, что часто нельзя найти никакихъ существенныхъ различій между шакаломъ и нѣкоторыми мелкими породами бродячихъ собакъ; животныя эти даже похожи между собою по образу жизни. Эренбергъ утверждаетъ, что домашнія собаки нижняго Египта и нѣкоторыя древнія собачьи муміи сильно напоминаютъ африканскую волчью собаку (*C. anthus*), а домашнія собаки Нубіи и другія древнія собачьи муміи чрезвычайно похожи на шакала. Палласъ полагаетъ, что на востокѣ шакалы часто скрещиваются съ домашними псами и подобный случай наблюдался въ недавнее время въ Алжирѣ. Собаки на Гвинейскомъ берегу имѣютъ видъ лисицъ и не лаютъ; на восточномъ берегу Африки, между 4 и 6° с. ш., въ мѣстности, лежащей на десять дней пути внутрь страны, по словамъ Эргардта, держать въ полудомашнемъ состояніи собаку, которая, по словамъ туземцевъ, происходитъ отъ нынѣ еще живущаго въ тѣхъ мѣстахъ дикаго вида. Лихтенштейнъ говоритъ, что домашнія собаки бушменовъ имѣютъ большое сходство съ чапранымъ шакаломъ, а Лайардъ мнѣ сообщаетъ, что видалъ у кафровъ домашнюю собаку, сходную съ эскимосскою. Въ Австраліи динго встрѣчается какъ въ дикомъ, такъ и въ домашнемъ состояніи, и даже, если считать его за одичалое животное, слѣдуетъ все-таки признать въ немъ мѣстную породу, которую ввезли въ эту страну очень давно, такъ какъ остатки очень сходнаго съ нимъ животнаго были найдены въ древнихъ наносахъ Австраліи. Вышеприведенные примѣры домашнихъ и полудомашнихъ собакъ, очень сходныхъ съ мѣстными дикими видами, легкость, съ которою эти животныя между собою скрещиваются, большое значеніе, придаваемое дикими народами даже на половину домашнимъ собакамъ, и разныя другія указанныя условія, облегчающія прирученіе собакъ, приводятъ къ заключенію, что домашнія собаки, по всей вѣроятности, происходятъ отъ различныхъ дикихъ видовъ. Можно предположить, что при образованіи породы домашнихъ собакъ принимали участіе: волкъ, въ трехъ своихъ разновидностяхъ, именно—европейскій, сѣверо-американскій и индѣйскій, койотъ, по крайней мѣрѣ два южно-американскихъ вида дикихъ псовъ, нѣсколько видовъ шакаловъ и можетъ быть одинъ или два вымершихъ вида. Тѣ писатели, которые придаютъ большое значеніе вліянію климата, могутъ конечно объяснять сходство домашнихъ собакъ съ мѣстными дикими тѣмъ, что животныя эти жили и живутъ подѣ вліяніемъ одинаковыхъ климатическихъ условій; но мнѣ лично неизвѣстны факты, подтверждающіе столь могущественное воздѣйствіе климата на строеніе животныхъ.

Противъ вѣроятности предположенія, что въ прежнія времена было приручено нѣсколько видовъ дикихъ собакъ, нельзя возразить, что этихъ животныхъ трудно сдѣлать домашними. Молодые колзуны, воспитанные Ходжсономъ, были такъ-же попятливы и ласковы, какъ и домашнія собаки. Какъ выше сказано, не замѣчается большой разности между собаками сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и волками этой страны, или между бродячими псами востока и шакалами, или вообще между одичалыми и дикими видами этого семейства, встрѣчающимися въ разныхъ странахъ. Однако привычка лаять, присущая почти всѣмъ домашнимъ собакамъ, составляетъ, повидимому, исключеніе, хотя эта привычка легко теряется, но и легко приобретается вновь. Выше уже сказано, что одичалыя собаки на островѣ Хуанъ Фернандецъ сдѣ-

лались нѣмыми, и есть основаніе думать, что это измѣненіе произошло въ теченіи 33 лѣтъ; съ другой стороны собаки, которыя были привезены Улоа съ этого острова, постепенно опять научились лаять. Сходныя съ койотами домашнія собаки съ береговъ рѣки Мэкензи, переселенныя въ Англію, никогда не научились хорошенько лаять; но рожденный отъ нихъ въ Лондонскомъ зоологическомъ саду щенокъ лаялъ, какъ и всякая другая собака его возраста и величины. Жившіи у Нильсона и воспитанныи сукою волченокъ и молодой шакалъ, о которомъ сообщаетъ Жоффуа Сентъ-Илеръ, лаiali какъ домашнія собаки. Клэркъ сообщаетъ съ другой стороны, что одичалыя собаки на островѣ Хуанъ де-Нова въ Индѣйскомъ океанѣ разучились лаять и не приобрѣли этой привычки въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ неволи. Онѣ не сблизались съ другими псами, собирались въ большія стаи и ловили птицъ съ такимъ же искусствомъ, какъ лисицы. Одичалыя собаки въ Ла-Плата, напротивъ того, не сдѣлались нѣмыми; онѣ очень крупнаго роста, охотятся поодиночкѣ и стаями и роютъ норы для своихъ дѣтенышей, значить въ этомъ отношеніи похожи на волковъ и шакаловъ».

Нѣкоторые утверждали, что происхожденіе домашнихъ собакъ отъ волковъ и шакаловъ потому мало вѣроятно, что время беременности этихъ животныхъ различно, но это мнѣніе основано на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Бюффономъ, Жильбертомъ, Бехштейномъ и другими. Новѣйшія изысканія показали, что время беременности собакъ, волковъ и шакаловъ почти одинаково; если и замѣчаются незначительныя измѣненія въ продолжительности беременности, то они большаго значенія не имѣютъ, такъ какъ даже у домашнихъ собакъ беременность бываетъ или дольше или короче на 3—4 дня. Кювье полагалъ, что шакала не приручаютъ изъ за его противнаго запаха; но дикіе народы къ этому мало чувствительны, да и запахъ шакаловъ въ различныхъ странахъ бываетъ не одинаково силенъ, ктому же у домашнихъ собакъ онъ также иногда очень неприятенъ. Жоффуа Сентъ-Илеръ кормилъ одну домашнюю собаку только сырымъ мясомъ и довелъ до того, что отъ нея воняло, какъ отъ шакала.

Болѣе значенія имѣетъ тотъ фактъ, что дикія животныя въ домашнемъ состояніи до извѣстной степени бываютъ безплодны, между тѣмъ, какъ извѣстно, что всѣ породы домашнихъ собакъ при скрещиваніи даютъ потомство. Но Брока справедливо уже замѣтилъ, что размноженіе нѣсколькихъ послѣдующихъ поколѣній ублюдковъ отъ дикихъ и домашнихъ собакъ никогда не подвергалось достаточно точнымъ наблюденіямъ, которыя въ этомъ случаѣ *особенно важны*. Несомнѣнно, что и у домашнихъ собакъ половыя отношенія между различными породами и способность вскармливать щенятъ, происшедшихъ отъ скрещиванія, не всегда одинаковы. Такъ, на примѣръ, мексиканская собака очевидно не любитъ другихъ породъ; безшерстная парагвайская собака, по Ренггеру, рѣдко скрещивается съ европейскими породами; нѣмецкій шпицъ, говорятъ, легче другихъ собакъ скрещивается съ лисицами; самки динго привлекаютъ къ себѣ самцовъ лисицъ. Вышеприведенные факты свидѣтельствуютъ о различіи половыхъ отношеній между разными породами собакъ. Но съ другой стороны, домашнія собаки, очень различныя между собою по росту и внѣшнему виду, при скрещиваніи оказываются еще болѣе плодовитыми, чѣмъ дикіе виды. Палласъ полагаетъ, что безплодіе уничтожается постепенно, если животное долгое время находится въ домашнемъ состояніи и хотя нѣтъ фактовъ, которые-бы несомнѣнно подтверждали это предположеніе Палласа, однако я, по многимъ причинамъ, склоненъ считать его вѣрнымъ. Безспорно, что наши домашнія собаки, при скрещиваніи съ волкомъ и шакаломъ, не такъ легко цодятся, какъ между собою, но еще разъ слѣдуетъ указать, что научныхъ опытовъ подобнаго рода не произво-

дили. Слѣдовало-бы намѣренно спарить между собою венгерскую собаку, которая такъ похожа на волка, съ симъ послѣднимъ, а индѣйскую бродячую собаку съ тамошнимъ волкомъ и шакаломъ, а затѣмъ подвергнуть потомство, происшедшее отъ этого скрещиванія, тщательному наблюденію. Что подобное скрещиваніе не всегда безплодно, доказываютъ дикари, которые, какъ уже сказано, часто скрещиваютъ своихъ собакъ съ дикими видами для улучшенія породы. Бюффонъ наблюдалъ четыре послѣдующихъ поколѣнія ублюдковъ между волкомъ и собакою, и всѣ они при скрещиваніи между собою были плодовиты. Флурансъ-же сообщаетъ, что по его наблюденіямъ ублюдки волка и собаки, при спариваніи между собою, дѣлаются безплодными въ третьемъ, а ублюдки между собакой и шакаломъ въ четвертомъ поколѣніи. Слѣдуетъ однако замѣтить, что эти животныя содержались въ клѣткахъ, а подобное условіе само по себѣ часто служитъ препятствіемъ къ размноженію у многихъ дикихъ животныхъ. Австралійскіе динго, которые въ своемъ отечествѣ очень легко скрещиваются и даютъ потомство съ домашними собаками, въ Парижскомъ зоологическомъ саду, несмотря на повторенное спариваніе съ собаками, оставались безплодными. Кромѣ того слѣдуетъ имѣть въ виду, что при только что упомянутыхъ опытахъ Флуранса ублюдки скрещивались съ экземплярами своей тѣсной семьи, что всегда ведетъ къ извѣстной степени безплодія, даже въ очень отдаленномъ потомствѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣлъ въ Лондонскомъ зоологическомъ саду суку, происшедшую отъ скрещиванія англійской собаки и шакала, у которой половое развитіе было такъ слабо, что у нея даже течка являлась неправильно; однако это слѣдуетъ считать исключеніемъ, такъ какъ часто наблюдается противное. При опытахъ скрещиванія животныхъ еще встрѣчается такъ много неразъясненныхъ вопросовъ, что въ высшей степени трудно придти къ какому-либо опредѣленному заключенію. Однако повидимому тѣ, которые полагаютъ, что наши домашнія собаки происходятъ отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ, не только должны допустить, что потомство этихъ дикихъ видовъ вслѣдствіе прирученія потеряло свойство всѣхъ вообще ублюдковъ, т. е. безплодіе, но также, что между домашними собаками и дикими животными, отъ которыхъ они происходятъ, сохранилось, а можетъ быть вновь произошло, нѣкоторое взаимное отчужденіе, которое мѣшаетъ имъ производить при скрещиваніи плодовитое потомство».

«Несмотря на вышеприведенныя затрудненія при рѣшеніи вопроса о размноженіи ублюдковъ, большинство фактовъ заставляетъ насъ склониться въ пользу предположенія о происхожденіи домашнихъ собакъ отъ многихъ дикихъ видовъ. Трудно предположить, чтобы люди, распространившись по всей землѣ, ограничились-бы прирученіемъ лишь одного вида столь легко воспитываемыхъ и столь полезныхъ для него животныхъ, какъ разные виды дикихъ собакъ. Кромѣ того не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, что различіе породъ собакъ произошло уже очень давно и что домашнія собаки разныхъ странъ показываютъ большое сходство съ мѣстными дикими видами.

И такъ, можно сказать, что домашняя собака, повидимому, есть искусственный продуктъ челоуѣка.

* * *

Прекраснымъ примѣромъ въ пользу только что высказаннаго предположенія, что домашнія собаки могутъ воишѣ одичать, служитъ **Динго** или **Варрагалъ** (*Canis dingo*, *C. australasiae*), живущій въ дикомъ состояніи въ Австраліи. Въ виду этого я самъ сначала считалъ его особымъ видомъ дикихъ собакъ, но влишѣ, по внимательномъ разсмотрѣніи многихъ экземпляровъ этого животнаго, долженъ признать въ немъ только одичалую домашнюю собаку. Подтвержденіемъ только что высказаннаго мнѣнія можетъ служить тотъ фактъ, что, за исключеніемъ

нѣкоторыхъ рукокрылыхъ и мелкихъ грызуновъ, динго есть единственное австралийское млекопитающее, не принадлежащее къ отрядамъ сумчатыхъ и птицезвѣрей. Противъ того мнѣнія, что динго есть одичалая домашняя собака нельзя привести ни одного доказательства, кромѣ развѣ того, что въ дилювиальной формации Австраліи найдены были кости динго; но можно-ли считать эти кости дѣйствительно принадлежащими динго,—это еще вопросъ. Когда и какимъ образомъ онъ одичалъ, нельзя опредѣлить съ точностью, что, впрочемъ, довольно безразлично для рѣшенія главнаго вопроса о происхожденіи этого животнаго. Общій видъ, или, какъ натуралисты выражаются, habitus динго, несомнѣнно указываетъ въ немъ домашнюю, а не дикую собаку.

Динго достигаетъ величины овчарки средняго роста. Все тѣло его довольно

Динго. *Canis dingo* $\frac{1}{8}$ наст. вел.

приземисто, голова велика и довольно толста, морда на концѣ тупая и широкая, стоячія уши у основанія широки, а на концѣ закруглены, пушистый хвостъ достаетъ до пятокъ, конечности довольно коротки. Не очень густой, но и не очень рѣдкій мѣхъ почти на всемъ тѣлѣ одинаковой длины. Почти все экземпляры, которыхъ я видалъ, были блѣдно-желтовато-рыжаго цвѣта, переходящаго болѣе или менѣе въ сѣрый и даже иногда въ черный. Подбородокъ, горло, нижняя часть тѣла и хвостъ болѣе свѣтлаго цвѣта, а спина темнѣе, такъ какъ здѣсь кончики волосъ черныя. Хотя вышеуказанная окраска встрѣчается чаще всего, но попадаются и совсѣмъ черныя динго, нѣкоторые имѣютъ бѣлыя лапы и т. д.

Еще нынѣ динго живетъ во всѣхъ густыхъ лѣсахъ Австраліи, въ ущельяхъ, покрытыхъ кустарникомъ, въ росяхъ, разбѣянныхъ по тамошнимъ степямъ, и даже

въ самихъ степяхъ. Онъ встрѣчается на всемъ материкѣ и вездѣ довольно обыкновененъ. Его тамъ считаютъ за очень вредное животное для стадъ и потому усердно преслѣдуютъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по показаніямъ Ленденфельда, платятъ по 20 марокъ преміи за убіеніе его, а въ Новомъ Южномъ Валлисѣ ежегодно употребляютъ, говорятъ, нѣсколько бочекъ стрихнину для его отравленія.

По своему образу жизни и привычкамъ динго болѣе напоминаетъ лисицу, чѣмъ волка. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ не вполне безопасенъ, динго прячется цѣлый день въ своемъ логовищѣ и рыскаетъ за добычей только ночью, охотясь почти за всеми мѣстными, сухопутными животными. Онъ напоминаетъ лисицу еще тѣмъ, что рѣдко собирается въ большія стаи, а чаще встрѣчается сворами въ пять, шесть штукъ, состоящими вѣроятно изъ матери и дѣтенышей. Случается однако иногда, что около какой-нибудь падали собирается большое количество этихъ животныхъ: нѣкоторые колонисты увѣряютъ, что въ этомъ случаѣ имъ приходилось видѣть вмѣстѣ отъ 80—100 динго. Предполагаютъ, что семьи держатся долго вмѣстѣ, имѣютъ каждая свою отдѣльную область, не предпринимаютъ походовъ въ чужіе участки, но постороннихъ собакъ къ себѣ не допускаютъ.

Прежде чѣмъ колонисты начали правильную охоту на этого врага ихъ стадъ, они теряли, вслѣдствіе хищничества динго, необыкновенно много овецъ. Увѣряютъ, что въ одной большой овчарнѣ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ было похищено этими животными не менѣе 1,200 овецъ. Еще сильнѣе прямой потери отъ хищничества динго тотъ вредъ, который эти животныя приносятъ, наводя на овецъ ланической страхъ: при появленіи динго овцы, какъ безумныя, бросаются бѣжать въ пустыню, гдѣ дѣлаются жертвами другихъ динго или погибаютъ отъ жажды. Взрослые коровы и быки, по показаніямъ Ленденфельда, не подвергаются нападеніямъ динго, но отдѣльные телята часто дѣлаются ихъ жертвами. Они пожираютъ также кенгуру всѣхъ видовъ и разныхъ другихъ большихъ и маленькихъ лѣсныхъ животныхъ. Динго нападаютъ на всѣхъ туземныхъ животныхъ и боятся только домашнихъ собакъ. Съ пастушьими и охотничьими собаками динго живутъ въ вѣчной враждѣ и яростно преслѣдуютъ другъ друга. Когда нѣсколько домашнихъ собакъ увидятъ динго, то онъ разомъ на него бросаются и рвутъ на куски; то-же случается, если стаѣ динго попадаетъ одинокая домашняя собака.

Самка динго приноситъ отъ 6—8 дѣтенышей и держитъ ихъ обыкновенно въ норѣ или подъ корнями деревьевъ. При опасности она переноситъ своихъ щенятъ въ болѣе скрытое мѣсто. Одинъ колонистъ нашелъ цѣлый помѣтъ динго въ расщелинѣ скалы; такъ какъ матери не было, то онъ замѣтилъ себѣ мѣсто, съ намѣреніемъ въ скоромъ времени вернуться и уничтожить разомъ все семейство, но когда онъ вернулся, то къ великой досадѣ нашелъ нору пустой: мать почувала, что посторонній приближался въ ея отсутствіи къ гнѣзду и стащила дѣтенышей въ другое мѣсто. Когда динго размножились въ неволѣ, то можно было замѣтить, что какъ мать, такъ и дѣтеныши ведутъ себя совершенно какъ домашнія собаки. Въ Бреславльскомъ зоологическомъ саду, гдѣ самка динго родила пять дѣтенышей, изъ которыхъ трое прекрасно выросли и сдѣлались очень ручными, можно было оставить и кобеля въ той-же клеткѣ, такъ какъ онъ не выказывалъ никакихъ дурныхъ замысловъ противъ щенятъ и ихъ матери. Изъ пяти дѣтенышей четверо были по цвѣту похожи на родителей, а пятый былъ совсѣмъ черный.

Отъ человека динго обыкновенно бѣжитъ, если во время замѣтитъ его. При бѣгствѣ онъ выказываетъ хитрость и лукавство лисицы и прекрасно умѣетъ пользоваться всякими средствами для спасенія. Если его наступаютъ и онъ видитъ, что убѣжать не можетъ, то оборачивается и яростно защищается отъ своихъ вра-

говъ, однако и при этомъ старается, если только возможно, улизнуть. О его живучести Беннетъ рассказываетъ невѣроятныя вещи. Динго былъ настигнутъ своими врагами и до того избитъ, что у него, повидимому, всѣ кости были раздроблены, почему его и оставили лежать на мѣстѣ. Но какъ только люди удалились отъ бездыханнаго по ихъ мнѣнію трупа, какъ къ общему удивленію животное вскочило, отряхнулось и поспѣшно побѣжало въ лѣсъ. Другой, повидимому, мертвый динго былъ уже снесенъ въ хижину, гдѣ собирались съ него содрать шкуру, и работникъ уже отдѣлилъ кожу съ половины головы, какъ вдругъ динго вскочилъ и сталъ кусаться. Нынѣ употребляютъ всякія средства, чтобы истребить динго, и всѣ безъ исключенія принимаютъ въ этомъ участіе: его убиваютъ выстрѣлами, ловятъ въ западни и отравляютъ стрихниномъ. Однако рѣдко удается убить его выстрѣломъ изъ ружья, такъ какъ онъ пугливъ и очень хитеръ и потому всегда во время успѣваетъ бѣжать отъ охотника. Когда за нимъ гонятся съ собаками, то ему часто удается ихъ перехитрить и спастись куда-нибудь въ сторону.

Обыкновенно считаютъ, что динго нельзя сдѣлать ручнымъ. Но у туземцевъ Австраліи встрѣчаются динго, которые живутъ въ полудомашнемъ состояніи. Многіе динго, которыхъ держали въ неволѣ въ Германіи, оставались все время дикими и злыми; ихъ волчья натура выказывалась при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ что сторожа должны были съ ними обращаться очень осторожно. Они относились недружелюбно и нетерпимо и къ животнымъ, которыхъ къ нимъ сажали. Въ Англии только съ трудомъ удалось вырвать изъ зубовъ динго несчастнаго осла, котораго онъ случайно успѣлъ схватить, а въ Парижскомъ зоологическомъ саду динго яростно прыгало на рѣшетку клѣтокъ, гдѣ сидѣли медвѣди, ягуары и леопарды. Рожденный въ Англии динго жилъ на свободѣ, но съ ранней юности былъ боязливъ и недовѣрчивъ; онъ прятался въ темномъ углу комнаты, когда тамъ были люди, при чемъ одинаково относился какъ къ знакомымъ, такъ и къ незнакомымъ; если же онъ оставался одинъ, то жалобно вылъ. Своего сторожа онъ, однако, пріучился узнавать, но не выказывалъ относительно его дружелюбія домашней собаки. Чужихъ онъ боялся, на нихъ ворчалъ и часто изподтишка кусалъ мимо проходящихъ. Послѣ такого нападенія онъ прятался въ углу клѣтки и оттуда смотрѣлъ на свою жертву злобно сверкающими глазами. При хорошемъ расположеніи духа, онъ любилъ различными движеніями выказывать свою ловкость и силу. Къ домашнимъ собакамъ онъ относился въ высшей степени недружелюбно и никогда не выказывалъ ни малѣйшаго желанія съ ними какимъ-либо способомъ сблизиться.

По моему мнѣнію не слѣдуетъ придавать большого значенія вышеприведеннымъ фактамъ. Какъ уже часто приходилось повторять, поведеніе животного совершенно зависитъ отъ того, какъ съ нимъ обращались въ ранней юности. Динго несомнѣнно умное животное и приручить его конечно можно, если не въ первомъ, то во второмъ и третьемъ поколѣніи. Если-бы динго былъ нѣсколько красивѣе, то его давно-бы постарались сдѣлать домашнимъ животнымъ, чтобы воспользоваться его прекраснымъ чутьемъ при охотѣ. Какъ несправедливо по одному или нѣсколькимъ экземплярамъ судить о цѣломъ видѣ, очень хорошо доказываютъ динго, родившіеся въ Бреславльскомъ зоологическомъ саду. Одинъ изъ нихъ сдѣлался ручнымъ, какъ собака, другой остался дикимъ; одинъ динго, что очень замѣчательно, научился лаять и правильно пользовался этимъ собачьимъ голосомъ, какъ и домашнія собаки, напимѣръ, когда отворяли двери въблизи его клѣтки. Другой умѣлъ только протяжно выть и издавать звукъ въ родѣ хохота, какъ шакалы, при чемъ всегда вылъ и его товарищъ, который умѣлъ лаять. Шлегель, который сообщилъ мнѣ эти свѣдѣнія, былъ со мной согласенъ въ томъ, что потомки этихъ динго могли-бы сдѣлаться очень полезными помощниками человѣка.

Кингу дѣйствительно и удалось такъ воспитать молодого динго, что онъ очень хорошо исполнялъ должность сторожа при стадѣ коровъ, а Пехуаль-Леше на англійскомъ броненосцѣ Дифенсъ видалъ крупнаго динго, который свободно бѣгалъ по кораблю, умѣлъ подниматься и спускаться по крутымъ лѣстницамъ и дружелюбно относился ко всему экипажу. На Сандвичевыхъ островахъ этотъ натуралистъ познакомился съ американскимъ капитаномъ корабля, у котораго динго сдѣлался совершенно домашнимъ животнымъ, пользовался полной свободой и жилъ въ семьѣ, какъ обыкновенно у насъ живутъ собаки.

* * *

Отъ одичалыхъ собакъ теперь слѣдуетъ перейти къ такимъ, у которыхъ хотя нѣтъ хозяевъ, но которыя все-таки живутъ въ нѣкоторой зависимости отъ человѣка. Англичане назвали ихъ «собаки паріи» (Pariahund), и это названіе къ нимъ очень хорошо подходитъ, такъ какъ онѣ, подобно индѣйскимъ паріямъ, существа изгнанныя изъ общества себѣ подобныхъ, пользующіяся, правда, свободой, но влачащія жалкое существованіе вблизи человѣческихъ поселеній. Эти несчастные псы съ благодарностью лижутъ руки тѣмъ, кто пожелаетъ наложить на нихъ ярмо рабства и очень счастливы, когда человѣкъ считаетъ ихъ достойными ему служить и не прогоняетъ ихъ отъ себя. Мы будемъ называть ихъ **бродячими собаками**.

Уже на югѣ Европы собаки живутъ совсѣмъ иначе, чѣмъ у насъ. Въ Турціи и другихъ странахъ Балканскаго полуострова огромныя стаи бродячихъ собакъ живутъ около городовъ и деревень, заходятъ даже иногда на улицы, но не рѣшаются входить во дворы, откуда ихъ сейчасъ-бы прогнали домашнія собаки. Онѣ питаются преимущественно падалью, а при случаѣ ловятъ и разныхъ мелкихъ животныхъ, крысъ, мышей и тому подобное. Собаки крестьянъ южной Испаніи также рѣдко получаютъ кормъ отъ хозяина, рыскаютъ ночью по окрестностямъ и сами себѣ отыскиваютъ пропитаніе. Болле пишетъ, что на Канарскихъ островахъ еще недавно случилось, что нѣкоторыя собаки одичали и приносили большой вредъ стадамъ овецъ. Бродячія собаки, живущія на Востокѣ, до такой смѣлости не доходятъ, но люди о нихъ вовсе не заботятся, и онѣ должны сами находить себѣ кормъ.

Я наблюдалъ этихъ собакъ въ Египтѣ и хочу вкратцѣ передать, чтѣ мнѣ показалось особенно замѣчательнымъ въ ихъ образѣ жизни. Всѣ египетскіе города выстроены отчасти на развалинахъ и потому тамъ находится огромное количество мусора. Цѣлыя горы этого мусора лежатъ кругомъ большинства даже большихъ городовъ, наиримѣръ, Александріи и Каира, и онѣ-то и служатъ мѣстопробываніемъ бродячихъ собакъ. Всѣ эти животныя принадлежатъ къ одной породѣ. Онѣ бываютъ ростомъ съ овчарку, наружность ихъ неуклюжа, а выраженіе морды отталкивающее. Длинный и довольно пушистый хвостъ обыкновенно опущенъ. Окраска жесткой и растрепанной шерсти представляетъ смѣсь буровато-рыжаго съ сѣрымъ или желтымъ цвѣтомъ, изрѣдка попадаются экземпляры черные или свѣтло-рыжіе. Они живутъ вполне самостоятельно на вышеуказанныхъ мѣстахъ, большую часть дня спятъ, а ночью бродятъ по окрестностямъ. Каждая собака имѣетъ обыкновенно двѣ норки; одна изъ нихъ обращена къ востоку, другая къ западу. Если-же кучи мусора расположены такъ, что онѣ съ обѣихъ сторонъ подвержены вліянію сѣвернаго вѣтра, то животныя вырываютъ себѣ на южномъ склонѣ еще третью норку, куда они прячутся только тогда, когда сѣверный вѣтеръ дѣлается чувствительнымъ въ другихъ двухъ норкахъ. Утромъ до 10 часовъ собаки большую частью лежатъ въ восточной норѣ; тамъ онѣ послѣ утренняго холода ждутъ солнечныхъ лучей, чтобы согрѣться; но наконецъ солнце начинаетъ слишкомъ сильно печь и тогда собаки ищутъ лѣви. Одна за другой перелѣзаютъ онѣ черезъ кучи и прячутся въ западной норѣ, гдѣ

продолжают прерванный сонъ. Когда послѣ полудня солнечные лучи попадаютъ и въ эту яму, то собаки возвращаются снова въ другую и тамъ ожидаютъ заката солнца.

Вечеромъ эти кучи мусора оживляются, образуются маленькія и большія группы собакъ, иногда даже цѣлыя стаи. Слышится лай, вой, ссоры, смотря по обстоятельствамъ, и драки. Около крупной падали онѣ собираются всегда въ большомъ количествѣ; голодныя стаи въ одну ночь съѣдаютъ до большихъ костей трупъ осла или мула. Если онѣ очень голодны, то собираются къ падали и днемъ, особенно въ томъ случаѣ, когда ихъ конкуренты грифы уничтожаютъ добычу, которую собаки считаютъ своею. Онѣ въ высшей степени жадны и яростно нападаютъ на всякаго непрошеннаго гостя. Но грифовъ не такъ-то легко прогнать и изъ вѣхъ животныхъ, питающихся падалью, они защищаются храбрѣ другихъ, такъ что собакамъ отъ нихъ сильно достается. Главною пищею собакъ остается падаль, однако онѣ, какъ кошки, сторожатъ выходъ песчанокъ изъ ихъ норокъ или, какъ лисицы, подкарауливаютъ нѣкоторыхъ птицъ. Если не окажется падали, то онѣ предпринимаютъ довольно далекія странствованія, входятъ тогда и въ города и рыщутъ по улицамъ. Ихъ тамъ терпятъ, такъ какъ онѣ съѣдаютъ всякія нечистоты. Однако этихъ собакъ все-таки считаютъ непрошенными гостями и теперь уже не случается какъ прежде, что богатые и благочестивые магометане упоминали-бы о бродячихъ собакахъ въ своихъ завѣщаніяхъ и оставляли-бы средства для ихъ пропитанія.

Собака устраиваетъ себѣ нѣздо въ одной изъ своихъ норъ, которую она для этого вырываетъ поглубже и черезъ нѣсколько времени уже можно видѣть, какъ щенята тамъ весело копошатся вмѣстѣ со своею матерью. Рѣдко случается, что сука устраиваетъ себѣ логовище въ городѣ, иногда посреди улицы, а иногда въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ и тамъ воспитываетъ свое потомство. Собака въ этомъ случаѣ какъ-бы увѣрена, что можетъ рассчитывать на гостепріимство и состраданіе магометанскаго населенія и дѣйствительно трогательно видѣть, какъ жители Востока добродушно относятся къ такой собакѣ съ ея юнымъ потомствомъ. Мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть, что даже знатные турки и арабы, проѣзжавшіе верхомъ по улицѣ, гдѣ лежала собака со своими щенятами, осторожно поворачивали свою лошадь, чтобы она не раздавила щенятъ. Рѣдко случается, чтобы египтянинъ, проходя мимо кормящей собаки, не бросилъ ей куса хлѣба, вареныхъ бобовъ, кости или чего-нибудь *подобнаго*. Магометане скупаютъ грѣхомъ безъ нужды убивать или обижать животное, но милосердіе ихъ иногда заходитъ слишкомъ далеко. На улицахъ восточныхъ городовъ часто видишь паршивыхъ и больныхъ собакъ, мучающихся отъ своей болѣзни, и никто не рѣшается облегчить ихъ участь нанесеніемъ смертельнаго удара. Если словить молодую бродячую собаку и хорошо содержать ее въ неволѣ, то она дѣлается совершенно домашней, очень вѣрна своему хозяину и хорошо сторожитъ домъ. Но огромное большинство молодыхъ собакъ, рожденных на улицахъ городовъ, не находятъ себѣ хозяевъ и отправляются, когда подростутъ, вмѣстѣ съ матерью за городъ, гдѣ живутъ такъ, какъ ихъ родители.

Въ своемъ мѣстожителствѣ бродячія собаки довольно пугливы и осторожны и особенно боятся людей, одѣтыхъ по-европейски, при видѣ которыхъ всегда бѣгутъ. Если тронуть какую-нибудь собаку, то всѣ прочія приходятъ въ сильное безпокойство: изъ каждой норы показывается морда, и черезъ нѣсколько минутъ вершины кучъ покрываются собаками, которыя поднимаютъ страшный гамъ. Мнѣ часто случалось устраивать правильныя охоты на этихъ собакъ, отчасти, чтобы ихъ наблюдать, а отчасти ради ихъ мяса, которое мнѣ служило приманкою для грифовъ или кормомъ для жившихъ у меня хищныхъ птицъ и гienъ. Во время подобныхъ охотъ я достаточно убѣдился въ томъ, что эти собаки живутъ тѣснымъ обществомъ и

заступаются другъ за друга, и сверхъ того я замѣтилъ, что уже черезъ нѣкоторое время онѣ стали узнавать и бояться меня. Въ Хартумѣ, напримѣръ, наконецъ стало невозможно въ нихъ стрѣлять, такъ какъ онѣ меня не подпускали даже на четырехста шаговъ. Къ чужестранцамъ вообще онѣ относятся очень недружелюбно и постоянно на нихъ лаютъ, какъ только тѣ покажутся, но стоитъ къ нимъ обернуться, чтобы онѣ посѣбно убѣжали. Случается однако иногда, что цѣлая стая бродячихъ собакъ бросается на одинокаго человѣка и тогда приходится защищаться отъ нихъ выстрѣлами. Къ магометанамъ и вообще къ людямъ, одѣтымъ по восточному, бродячія собаки относятся дружелюбно и часто къ нимъ подходятъ такъ-же близко, какъ и домашнія, но съ этими послѣдними онѣ въ вѣчной ссорѣ, и когда ручная собака попадаетъ въ ихъ поселеніе, то бываетъ обыкновенно сильно искутана. Собаки, живущія на одномъ холмѣ мусора, относятся враждебно къ собакамъ, живущимъ на сосѣднемъ холмѣ, и вступаютъ въ драку со всѣми, которыя не принадлежатъ къ ихъ тѣсному обществу.

Иногда собаки эти размножаются до невѣроятности и дѣлаются настоящимъ бичемъ страны. Мэхмедъ-Али однажды, чтобы отъ нихъ избавиться, приказалъ нагрузить цѣлый корабль бродячими собаками и выбросить ихъ за бортъ въ открытомъ морѣ. Къ счастью эти собаки очень рѣдко подвергаются водобоязни, такъ что на Востокѣ почти не слышно случаевъ укушенія бѣшеной собакой. Магометане считаютъ бродячихъ собакъ нечистыми, такъ какъ онѣ питаются падалью; если-же собака сдѣлалась домашнею, то дѣло измѣняется и нечистымъ считается только ея влажный носъ.

Въ Константинополѣ, какъ слышно, отношеніе человѣка къ собакамъ совершенно подобное. «Представленіе объ улицахъ главнаго города Турціи», говоритъ Гаклендеръ, «неразлучно связано съ мыслью объ ихъ постоянныхъ обитателяхъ—бездомныхъ собакахъ, которыя въ безчисленномъ множествѣ встрѣчаются на нихъ. Обыкновенно составляешь слишкомъ высокое мнѣніе о предметахъ, о которыхъ много читалъ, и часто разочаровываешься. Нельзя этого сказать относительно этихъ собакъ. Несмотря на то, что всѣ путешественники единогласно старались представить ихъ бичемъ человѣчества, большинство изъ нихъ при описаніи этихъ собакъ смягчили свое мнѣніе. Животныя эти совсѣмъ особенной породы. По наружности они кажутся болѣе всего похожими на овчарку, хотя хвостъ ихъ не изогнутъ и короткая шерсть грязновато-желтаго цвѣта. Когда они лѣниво скитаются или лежатъ на солнцѣ, то надо сознаться, что ни одно животное не имѣетъ такого отвратительнаго, и даже можно сказать, грубаго вида. Всѣ улицы и площади полны собаками; онѣ или стоятъ вдоль стѣнъ домовъ, выжидая подачки, которая имъ случайно перепадетъ, или лежатъ среди улицъ, и турокъ, который всячески опасается причинить вредъ живому существу, обходитъ ихъ. Поэтому я никогда не видалъ, чтобы мусульманинъ раздавилъ или побилъ подобное животное, чаще торговецъ броситъ имъ изъ лавки остатки своего обѣда. Только турецкіе канкни (лодочники) и матросы не питаютъ къ нимъ подобной нѣжности, вслѣдствіе чего многія собаки оканчиваютъ свою жизнь въ Золотомъ Рогѣ.

«Каждая улица имѣетъ своихъ собакъ, которыя ее не покидаютъ, подобно тому, какъ въ нашихъ большихъ городахъ многіе нищія имѣютъ свои опредѣленные мѣстопробыванія, и бѣда той собакѣ, которая осмѣлится посѣтить чужое владѣніе. Я часто видалъ, какъ на подобную несчастную набрасывались всѣ остальные и буквально раздирали ее, если она не умѣла спастись быстрымъ бѣгствомъ. Ихъ можно бы сравнить съ уличными мальчишками цивилизованныхъ странъ. Стоило намъ купить что-либо съѣстное на базарѣ, какъ всѣ собаки, мимо которыхъ мы проходили,

пускались вслѣдъ за нами и покидали насъ только тогда, когда мы входили въ слѣдующую улицу, гдѣ на нашу долю доставалась новая, подобная-же стая провожатыхъ. Много лѣтъ тому назадъ султанъ Махмудъ отправилъ на голую скалу, лежащую близъ Принцевыхъ острововъ, нѣсколько тысячъ бездомныхъ собакъ, гдѣ онѣ другъ друга пожрали. Однако, уничтоженіе это не привело ни къ чему, такъ какъ плодovitость этихъ животныхъ поразительна; почти на каждомъ шагу можно встрѣтить круглыя дырки, вырытыя въ грязи; въ каждой лежитъ маленькое собачье семейство, которое, голодая, выжидаетъ момента самостоятельности, чтобы, подобно своимъ предкамъ, дѣлать улицы Стамбула неприятными и небезопасными».

Купецъ Трей, постоянный житель Константинополя, сообщалъ мнѣ слѣдующее объ этихъ собакахъ. «По улицамъ, обитаемымъ европейцами, наши собаки могутъ ходить безирепетственно, въ отдаленныхъ же частяхъ города бродячія собаки нападаютъ не только на нихъ, но при случаѣ даже на ихъ господъ, если послѣдніе идутъ спокойно или дразнятъ ихъ. Обжившіеся иностранцы оставляютъ въ покоѣ эти существа, къ которымъ новички относятся болѣе, чѣмъ съ презрѣніемъ, такъ какъ убѣдились, что въ городахъ, гдѣ на санитарныя условія не обращаютъ вниманія и гдѣ всевозможные отбросы выкидываются на улицу, а трупы животныхъ валяются на площадяхъ, онѣ даже необходимы. Каждый, кто такъ-же человѣчно обращается съ собаками, какъ турки, получаетъ со стороны этихъ несчастныхъ, отвергнутыхъ существъ выраженіе искренней благодарности, что заставляетъ отказываться отъ нѣкоторыхъ противъ нихъ предубѣждений. Онѣ же съ своей стороны буквально стараются войти въ хорошія отношенія и кажутся осчастливленными, когда ихъ приласкаешь. Тонкой наблюдательности въ нихъ никто не можетъ отрицать. Онѣ очень вѣрно умѣютъ отличить добрыхъ отъ жестокосердныхъ, которые къ нимъ хорошо или дурно относятся. Служанка одного моего знакомаго, которая часто бросала бродячимъ собакамъ кости и другіе кухонные остатки, при наступившихъ холодахъ была нѣсколько разъ встревожена ударами двернаго молотка, пока она наконецъ не узнала отъ сосѣда, живущаго напротивъ, что молотокъ вводится въ движеніе однимъ изъ четвероногихъ нищихъ, нерѣдко пользовавшимся ея заботами, вѣроятно съ намѣреніемъ напомнить ей о себѣ. Открывая дверь, она конечно видала, но не обращала вниманія на его привѣтливое вилянье хвостомъ. Однажды, когда было рѣшено уничтожить часть бродячихъ собакъ отравленною пищею, въ лавку одного изъ моихъ друзей пришла беременная собака, которая съѣла яду слишкомъ мало, чтобы околѣть, но, мучимая ужасною болью, корчилась и выла. Мой другъ обѣщалъ награду своимъ служителямъ, если они вольютъ собакѣ молока съ масломъ; трюмъ изъ нихъ удалось держать собаку такъ крѣпко, что ей можно было дать жидкость; ее вырвало и на слѣдующій день она была внѣ опасности. Черезъ нѣсколько времени, когда у нея родилось нѣсколько щенятъ въ сосѣднемъ съ лавкой помѣщеніи, она сердито скалила зубы на каждого приближающагося, исключая тѣхъ трехъ служителей, слушалась ихъ приказаній, оберегала и караулила лавку днемъ и ночью и никогда болѣе не покидала ни той улицы, ни того дома. Въ Перѣ, въ улицѣ дервишей, жилъ нѣсколько недѣль прикащикъ, который, уходя изъ дому и возвращаясь, имѣлъ обыкновение давать подаваніе одной бродячей собакѣ. При его отъѣздѣ собака слѣдовала за нимъ до самой пристани, несмотря на многократныя попытки прогнать ее и, увидя, что ея великодушный другъ сѣлъ въ лодку, а затѣмъ на пароходъ, казалось, поняла, что теряетъ его навсегда, бросилась за нимъ въ море и поплыла къ судну. Капитанъ послалъ на встрѣчу ей лодку и велѣлъ взять ее на бортъ. Мгновенно бросилась она къ своему благодѣтелю и шумно выражала свою радость. Путешественникъ оцѣнилъ эту привязан-

ность и взялъ съ собой это вѣрное животное. Подобные примѣры достаточно доказываютъ, что даже самыя отверженныя собаки дѣлаются преданными и вѣрными слугами людей, въ расположеніи которыхъ онѣ убѣдились.

У Азовскаго моря, по показаніямъ Шлаттера, собаки живутъ въ такихъ-же условіяхъ, какъ въ Египтѣ и Турціи. Ногайскіе татары цѣнятъ собаку гораздо меньше, чѣмъ кошку, которая имѣетъ право жить въ домѣ, всѣмъ лакомится, ѣсть изъ одной чашки съ дѣтьми и взрослыми и даже спитъ на одномъ тюфякѣ съ человекомъ. Она считается чистымъ животнымъ и, какъ любимица великаго пророка Магомета, татаринъ старается доставить ей все необходимое. Собака же, напротивъ, не смѣетъ показываться въ домѣ. Такъ какъ ни одну молодую собаку не убиваютъ, то онѣ въ огромномъ количествѣ населяютъ деревни. Отъ времени до времени, когда бьютъ скотину или случается падалъ, онѣ наѣдаются досыта, но потомъ опять должны долго голодать. Очень часто онѣ ѣдятъ человѣческія испраженія и даже ихъ призываютъ очистить отъ нихъ извѣстное мѣсто. Эти непріятныя животныя составляютъ тяжелый бичъ не только для постороннихъ, но и для самихъ татаръ. Въ чужестранной одеждѣ едва ли можно пройти безъ провожатаго татарина, даже проѣхать на лошади затруднительно. Если ударить собаку палкой, то на жалобный вой побитой сбѣгаютъ всѣ остальные собаки деревни и дѣло принимаетъ болѣе серьезный оборотъ. То-же самое случается, если идешь скоро или пытаешься спастись бѣгствомъ. Мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ, когда люди были повалены и очень тяжело изранены ими. Эти собаки болѣе всего боятся звука огнестрѣльнаго оружія: онѣ къ нему не привыкли и онѣ ихъ оглушаетъ. Если оружія съ собой нѣтъ и ничто другое не дѣйствуетъ, то самое лучшее тотчасъ спокойно сѣсть. Это обыкновенно помогаетъ: собаки останавливаются. Удивленныя онѣ кругомъ обступаютъ сидищаго, не нападаютъ и наконецъ расходятся. Для охраненія стадъ ими не пользуются, и онѣ даже при случаѣ нападаютъ на скотъ въ стени.

Коль разсказываетъ о собакахъ южной Россіи слѣдующее: зимою собаки собираются цѣлыми стаями въ городахъ, роются въ кучахъ сора и нападаютъ даже на большую скотину. Въ нѣкоторыхъ городахъ, наиримѣръ въ Одессѣ, сторожа убиваютъ многихъ бездомныхъ собакъ каждую ночь, но это мало помогаетъ, такъ какъ логовища ихъ, гдѣ онѣ нарождаются и вырастаютъ, находятся внѣ городовъ и деревень. Эти собаки составляютъ тоже настоящій бичъ, всѣмъ надѣдаются и въ садахъ пожираютъ даже плоды и виноградъ.

Нѣсколько въ лучшихъ условіяхъ живутъ Бразильскія бродячія собаки, жизнь которыхъ обстоятельно описана Гензелемъ. «Онѣ не принадлежатъ» говоритъ онъ, «ни къ какой опредѣленной породѣ. Вслѣдствіе вырожденія и разнообразнаго скрещиванія собаки эти потеряли качества, свойственныя извѣстнымъ породамъ собакъ, и сдѣлались похожими на дикихъ своихъ родичей, у которыхъ преобладаютъ главнымъ образомъ качества, необходимыя въ борьбѣ за существованіе. Этими собакамъ приходится и дѣйствительно вести подобную борьбу, такъ какъ жители Бразиліи, которые настоящее дѣяны, что и о своемъ пропитаніи мало заботятся, приняли за правило вовсе не кормить живущихъ въ деревняхъ собакъ, считая, что такимъ образомъ лучше поддерживаются ихъ охотническія способности. Собаки эти съ юности привыкаютъ къ всевозможнымъ лишениямъ, но также и къ воровству и разбою. Онѣ рыщутъ по окрестнымъ полямъ, издали чувуютъ падалъ и ослариваютъ ее у грифовъ и лисицъ. Поэтому у нихъ нѣтъ никакой привязанности къ своимъ хозяевамъ, о вѣрности и послушаніи не можетъ быть и рѣчи. Если онѣ потеряютъ хозяина, то легко пристають къ кому-нибудь другому и каждый можетъ привлечь ихъ къ себѣ небольшимъ количествомъ корма. Понадаются и настоящія бродячія

собаки, которыя слѣдуютъ за какимъ-нибудь человѣкомъ только пока это имъ нравится и безпрестанно перебѣгаютъ отъ одного къ другому. Однако, вопли одичалыя собаки повидимому не встрѣчаются.

«Внѣшній видъ и цвѣтъ этихъ собакъ очень разнообразны и никакой породы въ нихъ узнать нельзя. Ихъ можно-бы было назвать дворняжками, если-бы онѣ не были такъ велики ростомъ. Это очевидно потомки большихъ пастушьихъ собакъ, которыхъ переселенцы перевезли изъ Европы для охраненія стадъ и которыя выродились вслѣдствіе голода и плохого ухода. Онѣ и теперь хорошо исполняютъ сторожевую службу. Каждый всадникъ, который подѣзжаетъ къ одинокой фермѣ, бываетъ окруженъ стаей лающихъ и кусающихся собакъ, которыя не боятся лошади и стараются схватить зубами даже всадника. Главная служба ихъ состоитъ преимущественно въ томъ, чтобы стогать къ фермѣ скотъ, что обыкновенно дѣлается только разъ въ недѣлю. Слуги землевладѣльца утромъ выѣзжаютъ верхомъ въ степь съ цѣлой стаей собакъ. Своеобразный протяжный крикъ этихъ пастуховъ далеко раздастся по степи и, услышавъ его, скотъ по привычкѣ сбѣгается на сборное мѣсто. Но въ отдаленныхъ частяхъ саванны, особенно въ маленькихъ рощахъ, которыя разбѣяны по всей странѣ, остаются еще отдѣльные быки, которые, по лѣности или изъ боязни, не выходятъ на этотъ обычный зовъ. Въ этихъ случаяхъ собаки оказываются очень полезными: онѣ обѣгаютъ все рощи и кусты и своимъ яростнымъ лаемъ выгоняютъ спрятавшихся животныхъ.»

«При случаѣ онѣ охотятся, но въ свою собственную пользу. Всякое живое теплокровное животное, которое онѣ могутъ захватить, дѣлается ихъ добычею. Чутье у нихъ почти всегда плохое, и онѣ легко теряютъ слѣдъ дичи. Однако между многими нигуда негодными собаками встрѣчаются изрѣдка особенно хорошія, которыя конечно и цѣнятся очень высоко. Въ лѣсахъ, гдѣ человѣкъ дѣлается почти по неволѣ охотникомъ и часто только этимъ промысломъ и можетъ снискать себѣ пропитаніе, особенно цѣнятся собаки съ тонкимъ чутьемъ и поджарымъ строеніемъ тѣла, и подобныхъ собакъ тамъ болѣе старательно воспитываютъ, при чемъ часто вырастаютъ прекрасные экземпляры. Нѣкоторыя изъ этихъ собакъ отлично умѣютъ громкимъ лаемъ загонять дичь на деревья, другія охотнѣе всего гоняются за пекари и тапирами. Преимущество подобныхъ собакъ заключается въ томъ, что онѣ не остаются вблизи охотника, а самостоятельно обыскиваютъ лѣсъ; когда же дичь выслѣжена, то собака иногда по цѣлымъ часамъ ее задерживаетъ лаемъ на деревѣ или въ норѣ, пока не подойдетъ охотникъ, что случается иногда черезъ нѣсколько часовъ. Въ этихъ случаяхъ собаки дѣйствуютъ сообща съ человѣкомъ и часто вся стая лезетъ, высунувши языки отъ усталости, подъ деревомъ, куда спасся оцелоть. Собаки тяжело дышатъ, лаютъ только изрѣдка хриплымъ голосомъ и внимательно смотрятъ въ ту сторону, откуда долженъ показаться охотникъ. Вотъ съ горъ раздается далекій, едва слышный призывный крикъ. Собаки все-таки услышали его и, яростно лая, снова бросились къ дереву, гдѣ сидитъ звѣрь. Крикъ охотника повторяется, все болѣе и болѣе приближаясь, и стая всякій разъ отвѣчаетъ охотнику, чтобы указать ему дорогу. Наконецъ слышенъ трескъ сухихъ вѣтвей, и хозяинъ стаи приближается; яростъ собакъ достигаетъ высшей степени, онѣ бросаются на раненаго охотникомъ звѣря, который, несмотря на раны, храбро защищается.»

Для путешественниковъ присутствіе собакъ необходимо. При закатѣ солнца путники устраиваютъ себѣ стоянку въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно найти тепло и воду. Собаки ложатся вокругъ стоянки, по возможности около кустовъ или высокой травы, чтобы защитить себя отъ ночного холода или нападенія комаровъ. Путешественники снимаютъ сѣдла и тюки съ лошадей и пускаютъ ихъ на ночь пас-

тись по окрестностямъ, а затѣмъ они могутъ совершенно спокойно предаваться сну. Чуткія сторожевыя собаки громкимъ лаемъ своевременно указываютъ на приближающуюся опасность отъ людей или дикихъ звѣрей. Только ядовитыя змѣи и хитрые воры, которые уводятъ ночью лошадей и муловъ, остаются ими незамѣченными. Для подобной сторожевой службы пригодны обыкновенныя, вездѣ встрѣчающіяся толсто-мордыя собаки, которыми пренебрегаютъ охотники. Путешествующій натуралистъ, которому собаки должны помогать при отыскиваніи животныхъ, предпочитаетъ охотничью породу. Однако во время путешествія по лѣсамъ этихъ собакъ слѣдуетъ всегда связывать попарно, такъ какъ иначе онѣ далеко убѣгаютъ по всякому свѣжему слѣду и хозяину приходится въ такомъ случаѣ или прерывать путешествіе и ждать возвращенія собакъ или бросать ихъ на произволъ судьбы. Такимъ образомъ пропадаютъ многія хорошія собаки, такъ какъ онѣ не могутъ найти слѣда своего хозяина, который ѣдетъ верхомъ. Собаки, которыхъ употребляютъ на охотѣ за оленями, при путешествіи оказываются очень неудобными: страсть къ охотѣ у нихъ такъ сильно развита, что даже связанные попарно онѣ забѣгаютъ иногда такъ далеко, что путешественникъ сильно задерживается ими въ дорогѣ. Тѣсное общеніе путешественника и охотника со своими собаками во время путешествія и постоянная внимательность другъ къ другу служатъ причиною взаимной привязанности между человѣкомъ и собакою, такъ что только жестокая необходимость заставляетъ охотника разстаться со своимъ вѣрнымъ песомъ. Значительная часть предметовъ моихъ коллекцій тѣсно связана съ воспоминаніемъ о той или другой собакѣ и, разсматривая черепа носатиковъ и скелеты оцелотовъ, я невольно вспоминаю сцены яростнаго нападенія своихъ собакъ и отчаянной защиты затравленныхъ ими звѣрей».

Въ Фессанѣ, гдѣ, по словамъ Нахтигала, собаки довольно рѣдки, онѣ принадлежатъ къ породѣ длинношерстныхъ гончигъ, большею частью бѣлаго цвѣта, которыхъ любятъ арабы сѣвернаго берега Африки, или это довольно красивыя борзыя собаки, не очень большого роста, чистая порода которыхъ часто встрѣчается въ Тунисѣ и Триполисѣ. Въ Тибести встрѣчается та-же выродившаяся порода борзыхъ, какъ и въ Фессанѣ, при чемъ недоброкачественность породы и плохое питаніе не соответствуютъ главному назначенію этихъ собакъ, именно охотѣ за газелями, антилопами и страусами. Онѣ встрѣчаются не очень часто, но все-таки чаще, чѣмъ кошки.

О породѣ, внѣшнемъ видѣ и образѣ жизни собакъ дикарей говорятъ довольно обстоятельно многіе писатели. Швейнфуртъ слѣдующимъ образомъ описываетъ собакъ, живущихъ у негровъ племени Шиллукъ. «Во всей этой странѣ можно встрѣтить большое количество этихъ собакъ, которыя по внѣшнему виду похожи на довольно приземистыхъ борзыхъ, но по величинѣ не больше нашихъ легавыхъ. Онѣ почти всѣ безъ исключенія ярко-рыжаго цвѣта и имѣютъ удлиненную черную морду; шерсть у нихъ короткая и гладкая, хвостъ длинный, короткошерстный, какъ у крысъ; довольно длинныя уши на концѣ мягкія и потому на половину свѣшены внизъ. Собаки эти необыкновенно хорошо бѣгаютъ и прыгаютъ: онѣ легко догоняютъ газелей, а потому съ большимъ успѣхомъ употребляются для охоты за ними. Онѣ съ легкостью кошекъ вскакиваютъ на валы и термитныя постройки, имѣющія до 3 метровъ вышины, при чемъ дѣлаютъ прыжки, превосходящіе въ три и четыре раза длину ихъ вытянутого тѣла. У меня жило нѣсколько подобныхъ настоящихъ шиллукскихъ собакъ, которыхъ я взялъ съ собою во время своего путешествія во внутренность Африки: онѣ оказались тамъ очень полезными и сильно размножились. У этихъ собакъ нѣтъ на заднихъ ногахъ большого, недоразвитаго пальца, который встрѣчается у всѣхъ нашихъ европейскихъ собакъ, но отсутствуетъ у всѣхъ собакъ Нильской

области, начиная от египетской бродячей собаки до дворняжки Судана. Шиллукская собака, впрочемъ, мало отличается отъ породъ, встрѣчающихся у бедуиновъ Кордофана и Сеннаара.»

«Собаки въ странѣ Бонго по росту занимаютъ середину между маленькой породой страны Ньямъ-Ньямъ и египетской бродячей собакой. Настоящая порода Бонго, вслѣдствіе скрещиванія, рѣдко встрѣчается въ чистомъ видѣ; она отличается желтовато-рыжимъ цвѣтомъ, прямо стоящими, крѣпкими ушами и мохнатымъ лисьимъ хвостомъ. Мнѣ бросилась въ глаза одна странная особенность этихъ собакъ, именно способность взъерошивать шерсть на спинѣ. При нападеніи жесткіе волосы на всей спинѣ приподнимаются до самаго затылка, что можно замѣтить иногда у приведенныхъ въ ярость кошекъ. Мохнатый хвостъ ясно отличаетъ этихъ собакъ отъ породы собакъ племени Динка, у которыхъ хвостъ покрытъ короткими волосами, и отъ собакъ страны Ньямъ-Ньямъ, у которыхъ хвостъ завернуть спирально, какъ у поросятъ. Хотя собаки Бонго очень неразборчивы насчетъ пищи, но постоянно отказываются отъ собачьяго мяса, которое охотно ѣдятъ породы, живущія на югѣ или юго-востокѣ этой страны. Отвращеніе отъ этой пищи у этихъ собакъ точно такъ же сильно, какъ отвращеніе и отъ человѣческаго мяса. Очень странное суевѣріе соединено тамъ съ зарываніемъ околѣвшихъ собакъ. Когда я приказалъ зарыть мою околѣвшую собаку, то туземцы пришли и умоляли меня этого не дѣлать, такъ какъ тогда навѣрно не будетъ дождя, необходимаго для ихъ посѣвовъ. Поэтому въ этой странѣ всегда бросаютъ околѣвшихъ собакъ прямо на поле». Здѣсь, во внутренности Африки, мы встрѣчаемъ то-же суевѣріе, которое существуетъ въ Индіи относительно тамошнихъ волковъ.

О собакахъ Ньямъ-Ньямовъ Швейнфуртъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ слѣдующее: «Собаки эти нѣсколько похожи на шницовъ, маленькаго роста, съ короткою и гладкою шерстью, большими, прямо стоящими ушами и короткимъ тонкимъ спиральнымъ хвостомъ, какъ у поросенка. Цвѣтъ шерсти желтовато-бурый, въ родѣ цвѣта дубленой кожи, на затылкѣ бѣлая полоска. Очень острая морда рѣзко отдѣляется отъ довольно выпуклаго лба. Лапы довольно высоки и прямы; слѣдовательно порода эта не имѣетъ ничего общаго съ таксами, изображенными на древнихъ египетскихъ памятникахъ, африканское происхожденіе которыхъ подвержено сильному сомнѣнію. И у нихъ, какъ у всѣхъ другихъ собакъ Нильскаго бассейна, нѣтъ большого пальца на заднихъ лапахъ. Этимъ собакамъ вѣшаютъ на шею деревянные колокольчики, вѣроятно для того, чтобы онѣ не потерялись въ высокой травѣ въ степи. Животныя эти, точно такъ, какъ ихъ хозяева, очень склонны къ ожирѣнію, что очень цѣнится въ собакахъ, такъ какъ ихъ мясо считается лакомствомъ у туземцевъ. За нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ страны Ньямъ-Ньямъ, я сталъ искать собаку этой удивительной мѣстной породы, чтобы привезти ее какъ новость европейскимъ любителямъ собакъ. За два мѣдныхъ кольца выторговать я себя сучку, которая казалась мнѣ очень породистой и которая довольно скоро ко мнѣ привязалась. Къ сожалѣнію мое намѣреніе обогатить Европу новой породой собакъ не могло быть исполнено. Я счастливо довезъ свою собачку до Александріи, но тамъ она выскочила изъ окна второго этажа гостиницы на улицу и убила на мѣстѣ».

Въ западной Африкѣ встрѣчаются собаки другого рода, у которыхъ едва-ли можно замѣтить чистую породу, такъ какъ онѣ по всей вѣроятности происходятъ отъ скрещиванія съ разными европейскими псами. Пехуэль-Леше описываетъ слѣдующимъ образомъ собакъ въ Лоанго, въ западной части Конго: «Собаки этой мѣстности, называемыя туземцами **Мбуа** и **Симбуа**, большею частію бездомныя и

принадлежать цѣлой деревнѣ, такъ что рѣдко имѣютъ особыя клички. Это настоящія бродячія собаки, жалкія и худыя, сами себѣ отыскивающія пропитаніе, недобѣрчивыя и трусливыя, вороватыя и злыя; сучки имѣютъ болѣе пріятный характеръ. Никто, правда, ихъ не обижаетъ, но зато никто и не принимаетъ участія въ нихъ; корму имъ никто не даетъ. Онѣ питаются разными отбросами, ѣдятъ, какъ всѣ собаки, человѣческія испраженія, грызутъ жирные плоды масличной пальмы, ловятъ иногда мелкихъ животныхъ, но за большими никогда стаями не охотится. Онѣ обыкновенно не лаютъ, но иногда этому выучиваются въ сообществѣ съ болѣе воспитанными собаками. Выпенствомъ онѣ не страдаютъ. Определенной породы въ нихъ нельзя замѣтить и внѣшній видъ ихъ бываетъ, смотря по мѣстности, очень разнообразный. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ ихъ бываетъ довольно много, а въ другихъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. На мѣстнаго полосатаго волка онѣ совсѣмъ не похожи, и происхожденіе ихъ слѣдуетъ объяснить случайнымъ скрещиваніемъ многихъ привезенныхъ сюда собакъ, такъ какъ уже болѣе ста лѣтъ береговые жители покупали у торговцевъ неграми за дорогую цѣну собакъ, которыя умѣли лаять. Нынѣ торговля эта уже прекратилась. Собаки эти средняго роста, худощавы; длинный и немного согнутый хвостъ виситъ у нихъ внизъ; большія острые уши торчатъ вверху, выраженіе морды не имѣетъ ничего отвратительнаго и онѣ держатъ себя довольно чисто, однако покрыты разными паразитами. При хорошемъ уходѣ и достаточной пищѣ онѣ черезъ нѣсколько недѣль превращаются въ довольно красивыхъ животныхъ, у которыхъ характеръ улучшается; такія собаки жили нѣкоторое время въ Берлинскомъ зоологическомъ саду. Шерсть у нихъ короткая и гладкая, почти всегда желтовато-бураго цвѣта съ бѣлыми пятнами, рѣже однообразно-бураго цвѣта или желтаго и въ такомъ случаѣ безъ всякихъ пятенъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ живутъ начальники, встрѣчаются собаки серебристо-сѣрыя или тигровой масти, очевидно лучшей породы съ умными и выразительными мордами; изъ нихъ образуютъ охотничьи своры и такъ высоко цѣнятъ, что намъ не удалось купить ни одной изъ нихъ. Ихъ не дрессируютъ для охоты, но лучше ухаживаютъ, чѣмъ за другими собаками, почему онѣ привязываются къ своему хозяину и слушаютъ его зова.

«У нашего сосѣда и друга, Мубома въ Енга, была свора въ четырнадцать собакъ, которую я наблюдалъ во время охоты. У большинства этихъ животныхъ на шеѣ были надѣты вырѣзанныя изъ дерева колотушки или бубенчики, которые должны своимъ, правда не громкимъ, звукомъ пугать дичь, а также помогать охотнику слѣдить за молчаливыми собаками въ густой чащѣ кустарника. Когда собаки найдутъ слѣдъ, то онѣ издаютъ лишь тихій, короткій визгъ и громко лаютъ только тогда, когда видятъ дичь: онѣ тогда «говорятъ», какъ выражаются мѣстные охотники. Вначалѣ охоты стая беспокойно бѣгаетъ туда и сюда, ищетъ верхнимъ и нижнемъ чутьемъ и скоро отыскиваетъ слѣдъ; ведутъ охоту почти всегда сучки. Онѣ бѣгутъ треугольникомъ, какъ англійскіе лисогоны, очень быстро пробѣгаютъ открытыя полянки и разсѣиваются въ чащахъ; въ воду онѣ идутъ неохотно. Сопровождающія эту стаю прочія собаки бѣгутъ совершенно случайно туда и сюда, хотя и между ними встрѣчаются хорошія ищейки. У нихъ есть привычка послѣ каждаго гона собираться гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ охотниковъ; тамъ онѣ усаживаются въ кружокъ, поднимаютъ морды и нѣсколько минутъ сряду издаютъ жалобный вой, который тянется равномерно довольно долгое время. Вблизи вой этотъ почти слышимъ, но издали онъ вполне соответствуетъ грустной обстановкѣ пустыни, наводитъ на европейскаго охотника отчасти страхъ, отчасти грусть и постояннымъ переходомъ отъ высокихъ воевъ къ низкимъ кажется болѣе нѣвучимъ, чѣмъ вой волковъ. Когда на охотѣ за буйволами Линднеръ былъ предательски раненъ выстрѣломъ, и я

изстѣдовалъ и перевязывалъ его рану, то нѣсколько десятковъ собакъ окружили насъ и подняли ужасный вой, который казался еще печальнѣе, вслѣдствіе тяжелаго случая съ нашимъ товарищемъ; ихъ никакъ нельзя было увячь, и вой этотъ продолжался около часу, пока мы не унесли раненаго. Въ деревняхъ эти собаки рѣдко воютъ, однако случалось, что три или четыре собаки, прогнанныя съ нашего двора, останавливались около забора и затягивали протяжный вой; одинокія собаки всегда молчаливы. Громкій, дружный лай многочисленной стаи передъ загнаннымъ звѣремъ далеко раздастся по горамъ и лѣсамъ и всегда радостно дѣйствуетъ на охотника; мнѣ не случалось слышать столь возбуждающихъ звуковъ отъ стаи другихъ породъ собакъ.»

«Далѣе въ глубь страны встрѣчаются въ Конго собаки, у которыхъ вышеуказанные признаки породы выражены гораздо яснѣе; съ ними и обращаются лучше, и хозяева даже иногда носятъ ихъ на рукахъ или подъ мышкой. Въ южныхъ частяхъ западнаго африканскаго берега, а также и на сѣверѣ, въ Юмба, Габунѣ, Камерунѣ, около Нигера и вообще въ Верхней Гвинееѣ порода собакъ очевидно очень смѣшена отъ скрещиванія съ завезенными сюда европейскими собаками; здѣсь можно встрѣтить совсѣмъ висячія или полувисячія уши, довольно длинную и грубую шерсть и мохнатый хвостъ.»

«Я не могъ найти никакихъ доказательствъ того мнѣнія, что завезенныя изъ Европы собаки теряютъ въ тропическихъ странахъ свое чутье. Наши овчарки, которыя три года прожили на западномъ берегу Африки, доказывали совершенно противное, и щенки отъ нихъ также отличались хорошимъ чутьемъ. Я полагаю, что это мнѣніе произошло вслѣдствіе неточнаго наблюденія: европеецъ подъ тропиками мало заботится о своихъ собакахъ, онъ не поддерживаетъ въ нихъ строгой охотничьей дрессировки, почему собаки сильно балуются, измѣняютъ свои привычки подъ вліяніемъ климата и неподходящей пищи, дѣлаются равнодушными и лѣнивыми или сердитыми и злыми, иногда очень дружатся съ туземцами, иногда же, напротивъ, относятся къ нимъ враждебно. Имъ гораздо труднѣе чѣмъ охотнику привыкнуть къ новымъ условіямъ, къ новой обстановкѣ, къ необычному сорту дичи; поэтому можно вообще жаловаться на ослабленіе охотничьихъ способностей нашихъ собакъ подъ тропиками, но специально потери чутья замѣтить нельзя. Говорятъ, что наши собаки часто околѣваютъ подъ тропиками отъ солнечнаго удара, но я самъ ни разу этого не наблюдалъ.»

О собакахъ въ Новой Гвинееѣ Финншъ говоритъ слѣдующее: «Происхожденіе пануасской собаки очень загадочно, такъ какъ на всемъ островѣ вовсе не встрѣчается хищныхъ звѣрей; по всей вѣроятности присутствіе ея связано съ переселеніемъ сюда первыхъ людей. Пануасская собака скорѣе всего напоминаетъ маленькаго динго. Она небольшого роста, съ виду некрасивая, имѣетъ гладкую шерсть, лисью голову, но съ тупой мордой, и стоячія, острые и на верхушкѣ закругленные уши. Хвостъ сильно отклоненъ влѣво и при видѣ чужестранца, вслѣдствіе страха, почти всегда опускается внизъ. Цвѣтъ шерсти очень разнообразенъ, что говоритъ въ пользу давности домашняго состоянія этой собаки. Вообще преобладаетъ ржаво-чалый цвѣтъ съ бѣлыми мордой, лбомъ, горломъ, брюхомъ и кончикомъ хвоста; но встрѣчаются и темно-бурые экземпляры, другіе съ черными пятнами по всему тѣлу, у иныхъ вся голова бѣлая, однимъ словомъ нѣтъ двухъ собакъ, совершенно другъ на друга похожихъ. Особенность этой собаки состоитъ въ томъ, что она не лаетъ, а только воеетъ. Она очень труслива, воровата и для охоты не годна вслѣдствіе своего маленькаго роста; да и сторожевую службу она исполняетъ плохо. При приближеніи чужого къ деревнѣ собаки большею частью молча убѣ-

гають. Папуасская собака подтверждает поговорку: «каковъ хозяинъ, такова и собака», такъ какъ ни папуасъ, ни его собака не любятъ охоты, а питаются преимущественно растительными веществами. Собаки эти, напримѣръ, охотно ѣдятъ внутренность кокосовыхъ орѣховъ, и вѣроятно потому мясо ихъ довольно вкусно. Папуасы охотно ѣдятъ мясо собакъ и главнымъ образомъ для этого ихъ у себя и держатъ.

Статью о домашнихъ собакахъ лучше всего начать съ краткаго, но очень обстоятельнаго описанія этого животнаго, сдѣланнаго праотцемъ зоологiи Линнеемъ. Я старался какъ можно вѣрнѣе перевести это описанiе на нѣмецкiй языкъ, хотя это не легкая задача, и многія мѣста совѣмъ мало понятны. Главные признаки домашней собаки, приводимые Линнеемъ, состоятъ въ слѣдующемъ: «ѣсть мясо, падаль, мучнистыя вещества, травы не ѣсть, перевариваетъ кости, отъ травы ее рветъ, испражняется охотнѣе всего на камни (высохшiй собачiй калъ называется *Album graecum* и очень ѣдокъ), пьетъ лакая, мочится въ сторону, въ обществѣ другихъ собакъ часто сто разъ сряду, обнюхиваетъ заднiй проходъ у другихъ собакъ; носъ у нея влажный, чутье превосходное, бѣгаетъ нанаскосъ, ступаетъ на пальцы, потѣеть рѣдко; когда жарко, то высовываетъ языкъ; передъ спаньемъ кружится около логоща; во снѣ слышитъ довольно хорошо; видитъ сны. Сука жестоко обращается съ голяющимися за ней кобелями; во время течки сходится съ нѣсколькими самцами; послѣ совокупленiя животныя долго склеены; беременность продолжается 9 недѣль; число щенковъ бываетъ отъ 4 до 8, сучки похожи на мать, а кобельки на отца. Вѣрность хозяину у собаки замѣчательная; она товарищъ человѣка; виляетъ хвостомъ при приближенiи хозяина, не дастъ его бить, во время прогулки бѣжитъ впередъ, на перекресткахъ оглядывается на хозяина; очень понятлива, отыскиваетъ потерянное, ночью ходитъ вокругъ дома, лаетъ, когда кто-либо приближается, охраняетъ имущество, отгоняетъ скотъ отъ засѣянныхъ полей, стоитъ въ стада сѣверныхъ оленей, защищаетъ овецъ и коровъ отъ дикихъ звѣрей, задерживаетъ даже льва, слугиваетъ дичь, подкарауливаетъ утокъ, прыжками бѣгаетъ охотничьи сѣти, приноситъ охотнику убитую дичь, не трогая ея; во Францiи вертитъ вертелъ, въ Сибири возитъ сани. Во время ѣды хозяевъ проситъ о подачкѣ; когда что-либо своровала, то со страха поджимаетъ хвостъ; жретъ съ жадностью. Дома она хозяинъ между другими домашними животными, врагъ нищихъ, безъ причины бросается на незнакомыхъ. Лизанiе ея вылѣчиваетъ раны, подагру и ракъ. Во время музыки—воетъ, кусаетъ все, даже брошенный ей камень; при приближенiи грозы ей нездоровится и отъ нея воняетъ. Часто страдаетъ отъ солитера и распространяетъ бѣшенство; подъ старость слѣпнетъ и сама себя грызетъ. Американскiя собаки разучаются лаять. Магометане ее презираютъ; она служитъ жертвою анатомамъ, для изученiя кровообращенiя, и проч. и проч.»

Намъ остается только нѣсколько расширить это описанiе. Всѣ домашнiя собаки сходны между собою по образу жизни и привычкамъ, если только обычаи и навыки людей, съ которыми онѣ живутъ, не заставляютъ ихъ измѣнить свой образъ жизни.

Собаки могутъ быть одинаково причислены какъ къ дневнымъ, такъ и къ ночнымъ животнымъ и строенiе ихъ тѣла одинаково приспособлено, какъ къ той, такъ и къ другой жизни; онѣ могутъ быть одинаково бодры и оживленны какъ днемъ, такъ и ночью. Онѣ охотятся, когда это имъ дозволяютъ, и днемъ и ночью и любятъ для этого собираться въ большiя стаи. Стремленiе къ обществу составляетъ

вообще основную черту ихъ характера и имѣть очевидное вліяніе на ихъ привычки. Онѣ ѣдятъ все то, что и человѣкъ, животную пищу точно такъ же охотно, какъ и растительную, какъ въ сыромъ видѣ, такъ и вареную. Все-таки больше всего онѣ любятъ мясо и нѣсколько тухлое предпочитаютъ свѣжему. Онѣ съ жадностью ѣдятъ падаля, если только могутъ ее достать, и даже самыя благовоспитанныя и сытыя собаки очень охотно пожираютъ человѣческія испражнения. Нѣкоторыя породы предпочитаютъ мясо всякой другой пищѣ, другія не особенно любятъ его. Изъ вареныхъ кушаній онѣ лучше всего ѣдятъ мучныя, особенно сладкія и, если ѣдятъ плоды, то скорѣе сладкіе, чѣмъ кислые. Кости, хорошей мясной отваръ, хлѣбъ, овощи и молоко составляютъ наилучшую пищу для собаки; жирное и очень соленое имъ вредно. Собаку можно также кормить однимъ хлѣбомъ и она будетъ здорова, если только получаетъ пищу въ определенное время. Не слѣдуетъ давать собакамъ горячаго корма; лучше всего, чтобы онѣ были чуть теплыя, а посуда для пищи должна быть всегда тщательно вычищаема. Взрослую собаку достаточно кормить одинъ разъ въ день, но до сыта; однако лучше кормить два раза въ день; если сторожевой собакѣ дать вечеромъ обильно поѣсть, то она лучше сторожить, чѣмъ голодная, которую чужой можетъ легко подкупить подачкою. Собаки пьютъ часто и по многу; онѣ лакаютъ жидкость языкомъ, образуя изъ него родъ ложки и загигая кончикъ нѣсколько назадъ; обильное питье необходимо для ихъ здоровья.

Въ нѣкоторыхъ странахъ собаки своеобразно питаются. На Камчаткѣ и въ большей части Норвегіи ихъ кормятъ исключительно рыбой, а тамъ, гдѣ много винограда, онѣ легко привыкаютъ питаться имъ и приносятъ тогда значительный вредъ. Ленцъ говоритъ, что около Бордо владѣльцы виноградниковъ имѣютъ право убивать всякую собаку, которую они найдутъ безъ намордника въ виноградникахъ, почему тамъ можно встрѣтить много висѣлицъ, на которыхъ повѣшены вороватыя собаки. Въ венгерскихъ виноградникахъ домашнія собаки причиняютъ, говорятъ, также много вреда, и между нашими таксами встрѣчаются такія, которыя очень ловко лазаютъ, чтобы добыть себѣ сладкаго винограда. Собаки зарываютъ излишнюю пищу, ревниво оберегаютъ свой кладъ, при случаѣ снова вырываютъ его, но иногда забываютъ мѣсто, гдѣ зарыли пищу. Чтобы удалить изъ желудка кусочки костей, онѣ жрутъ траву, особенно пырей, а какъ слабительное употребляютъ воловью траву.

Собака прекрасно бѣгаетъ и плаваетъ, до нѣкоторой степени можетъ и лазать, но у ней кружится голова, если ей приходится идти по узкой тропинкѣ около обрыва. Собака идетъ шагомъ и бѣжитъ рысью по очень своеобразному косому направленію. При поспѣшномъ бѣгѣ она дѣлаетъ большіе прыжки, но не можетъ на бѣгу круто поворачивать назадъ. Нѣкоторыя собаки очень любятъ лазать въ воду, а избалованныя сильно ее боятся. Лазанье собакъ я наблюдалъ главнымъ образомъ въ Африкѣ. Здѣсь онѣ взлѣзаютъ съ большою ловкостью на стѣны и довольно крутыя крыши домовъ и съ удивительною увѣренностью, какъ кошки, бѣгаютъ по узкимъ карнизамъ. Во время отдыха собака или садится на заднія ноги, или ложится на бокъ, или на брюхо, причемъ заднія ноги вытягиваетъ въ сторону, а переднія впередъ и кладетъ между ними голову; гораздо рѣже вытягиваетъ она заднія ноги назадъ. Большія, полныя собаки лѣтотъ любятъ лежать въ тѣни и иногда ложатся на спину. Когда холодно, онѣ прячутъ ноги подъ себя и морду суютъ между задними ногами. Всѣ собаки очень любятъ тепло и мягкую подстилку, но одѣяль не выносятъ; во всякомъ случаѣ кончикъ носа не долженъ быть закрытъ. Передъ сномъ собака нѣсколько разъ кружится на мѣстѣ и скребетъ свою постель.

Вообще собаки охотно скребутъ землю и часто безъ нужды царапаютъ ее или полъ передними и задними ногами.

Всѣ породы собакъ спятъ часто, но понемногу, и сонъ ихъ очень чутокъ и безпокоенъ; онѣ часто видятъ сны, что замѣтно по вилянью хвостомъ, вздрагиванью, ворчанью и негромкому лаю. Онѣ очень любятъ чистоту: тамъ, гдѣ ихъ содержать, и въ особенности мѣсто, гдѣ онѣ спятъ, должно быть всегда опрятно. Онѣ любятъ испражняться на голыя мѣста, особенно на камни и часто зарываютъ свой калъ, набрасывая на него задними лапами землю или навозъ. Кобели рѣдко проходятъ мимо кучи, камня, столба или куста, не помочившись, своеобразно приподнявъ заднюю ногу; по наблюдениямъ Линнея они начинаютъ это дѣлать, достигнувши 9-ти мѣсячнаго возраста. Собаки мало потѣютъ, даже при продолжительномъ и усиленномъ бѣгѣ, слюна у нихъ замѣняетъ потъ и капаетъ съ языка, который высовывается изъ рта, когда собаки очень разгорячены.

Внѣшнія чувства у собакъ очень развиты, но не одинаково сильны у различныхъ породъ. Обоняніе, слухъ и зрѣніе, повидимому, сильнѣе другихъ чувствъ, и нѣкоторыя породы отличаются болѣе тонкимъ слухомъ, а иныя особенно развитымъ обоняніемъ. Нельзя отрицать у нихъ и присутствія вкуса, хотя онъ выказывается своеобразнымъ способомъ. Онѣ не терпятъ никакихъ раздраженій, слишкомъ сильно дѣйствующихъ на ихъ органы чувствъ. Къ сильному свѣту онѣ менѣе чувствительны, но громкихъ и рѣзкихъ звуковъ и острыхъ запаховъ онѣ переносить не могутъ. При колокольномъ звонѣ и музыкѣ онѣ начинаютъ выть. Одеколонъ, нашатырный спиртъ и эфиръ приводятъ ихъ въ неистовство, если эти пахучія вещества поднести имъ къ носу. Обоняніе у собакъ развито такъ необыкновенно сильно, что намъ трудно получить о немъ ясное представленіе. Какъ это чувство важно для жизни собакъ ясно доказываютъ опыты, произведенные Биффи, а послѣ него Шиффомъ. Они вырѣзывали у новорожденныхъ щенковъ обонятельный нервъ и обонятельное раздудіе. Послѣ этого щенки ползали какъ здоровые, но не могли найти сосцовъ матери и ихъ пришлось кормить изъ спринцовки. Они пробовали сосать нагрѣтую овечью шкуру и замѣчали мать только тогда, когда къ ней прикасались. Когда эти щенки начали бѣгать, то, немного удалившись, не могли отыскать своего жилища. Если имъ давали мясо и хлѣбъ въ молокѣ, то они лакали только молоко, не предпочитали мясо хлѣбу и различали пищу только посредствомъ зрѣнія, отчего происходили иногда самыя странныя ошибки. Руководствуясь только влажностью и теплотою пиши, они не ѣли, напримѣръ, сухого мяса, а лизали собственную мочу и калъ. Сѣрнистая кислота и другіе сильные запахи на нихъ не дѣйствовали, нашатырный спиртъ и эфиръ заставляли ихъ чихать гораздо позже, чѣмъ это бываетъ у другихъ собакъ. Когда они сдѣлались взрослыми, то не выказывали никакой привязанности къ человѣку.

О душевныхъ способностяхъ собакъ можно написать цѣлая книга, а въ короткихъ словахъ выразить это очень трудно. Лучшее описаніе собачьихъ нравовъ сдѣлалъ Шейтлинъ, и потому я приведу здѣсь выписку изъ этого писателя. «Какъ ни значительно внѣшнее различіе породъ собакъ, но еще болѣе разнообразны ихъ душевныя способности: нѣкоторыя породы вовсе непонятливы, другія научаются всему замѣчательно быстро. Иныхъ приручить къ себѣ очень легко, другихъ трудно, что однѣ любятъ, то другія ненавидятъ. Пудель самъ идетъ въ воду, а шицицъ любить сидѣть дома. Дога легко натравить на человѣка, а пуделя къ этому не приучишь. Только охотничьи собаки могутъ отыскивать слѣдъ дичи. Одна медвѣжья собака хватается медвѣдя между задними ногами; только хорошая такса, у которой туловище такъ вытянуто, что ей, казалось-бы, нужна третья пара лапъ посрединѣ.

имѣть столь короткія и кривыя ноги, что можетъ влѣзть въ барсучьи норы и исполняетъ это съ такимъ-же удовольствіемъ, съ какимъ собаки мясниковъ загоняють домой телятъ и быковъ.

«Ньюфаундленская собака не боится волка, поэтому прекрасно сторожить стада и кромѣ того отлично плаваетъ, ныряетъ и вытаскиваетъ изъ воды людей. Мясницкая собака также вступаетъ въ борьбу съ волкомъ и хорошо оберегаетъ стада, годится для охоты на дикихъ кабановъ и всякаго другаго большого звѣря, понятлива и очень предана своему хозяину, но сама въ воду не идетъ, если ее къ этому не принуждаютъ. Ее употребляютъ часто для травли и этимъ сильно злоупотребляютъ, почему она дѣлается очень свирѣпой и особенно обижаетъ телятъ, такъ какъ они не могутъ защищаться; наконецъ она превращается въ лютаго звѣря. Кровожадность ея дѣлается противной и у ней развиваются разныя скверныя качества, напримѣръ страсть всѣхъ кусать, пить кровь и обжираться внутренностями убитыхъ животныхъ. Борзая собака считается совершенно непонятливой, неподатливой къ воспитанію и не привязывающейся къ своему господину, но она любитъ, чтобы ее ласкали даже незнакомые; однако эту собаку можно приучить къ охотѣ за зайцами. Легавая собака годится только для извѣстнаго рода охоты и этому легко научается, и вообще нужно имѣть въ виду, что въ собакъ можно легко воспитать только тѣ качества, къ которымъ она имѣетъ нѣкоторую способность отъ природы. Болонка и кингчарльсъ годятся только для того, чтобы ихъ таскали на рукахъ, чтобы спать на диванахъ въ дамскомъ будуарѣ или на колѣняхъ; онѣ сидятъ всегда въ комнатахъ, ворчатъ на незнакомыхъ, пьютъ изъ одного стакана и ѣдятъ изъ одной тарелки со своей госпожей, которая ихъ балуетъ и цѣлуетъ. У охотничьей собаки особенно цѣнятся хорошее чутье, понятливость и вѣрную привязанность къ своему господину. Сторожевыя и пастушьи собаки точно также понятливы и хорошо охраняють домъ. Про шницца говорятъ, что онъ очень уменъ, понятливъ, дѣятеленъ и ловокъ, любитъ кусаться и очень хорошій сторожъ, а нѣкоторыя разновидности этой породы очень злы и коварны. Полярная собака предана человѣку, но хозяйина своего не знаетъ, не боится побоевъ, ненасытна, но при случаѣ можетъ долго переносить голодь. Догги отличаются вѣрностью, но не умны; они хорошіе сторожа, храбро нападаютъ на кабановъ, львовъ, тигровъ и леопардовъ; они очень самоотвержены, слушаются не только слова, но даже взгляда своего господина, ихъ легко приучить бросаться на людей, причемъ они не боятся трехъ, даже четырехъ человѣкъ и не обращаютъ вниманія на выстрѣлы и даже раны; съ другими собаками они затѣваютъ страшныя драки. Они очень сильны, могутъ повалить на землю даже самаго сильнаго человѣка, могутъ и загрызть его, или удержать въ лежачемъ положеніи до тѣхъ поръ, пока придетъ хозяинъ; дикихъ кабановъ они удерживаютъ на мѣстѣ, хватая ихъ за уши. Вообще это очень послушныя собаки и онѣ умнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Ниже всѣхъ по душевнымъ способностямъ, безъ сомнѣнія, стоитъ монсъ; это выродокъ собачьихъ породъ и конечно самъ по себѣ поумнѣть не можетъ. Онъ очень непонятливъ, да и люди мало заботятся о его развитіи.

«Душевные способности играютъ такую важную роль въ жизни собаки, что фізіономію ея трудно передать на рисунокъ, а тѣмъ болѣе сдѣлать изъ нея хорошее чучело. У ней, безъ сомнѣнія, самыя совершенныя душевныя способности, какія только могутъ быть у животнаго. Ни про одно животное нельзя съ такою достовѣрностью сказать, что у него недостаетъ только рѣчи, чтобы быть похожимъ на человѣка, ни про одно млекопитающее не существуетъ столько разнообразныхъ и многочисленныхъ разказовъ, доказывающихъ понятливость, память, извѣстную долю разсудительности и воображенія; чаще, чѣмъ другимъ животнымъ, собакъ приписываютъ

и нравственные качества, именно: вѣрность, нѣжную привязанность, благодарность, бдительность, любовь къ хозяину, терпѣливое отношеніе къ шалостямъ его дѣтей, яростную ненависть къ его врагамъ. Вотъ почему собаку часто ставятъ въ примѣръ человѣку. И чему собака не можетъ выучиться! Она танцуетъ, барабанитъ, ходитъ по канату, стоитъ на часахъ, защищаетъ и беретъ крѣпости, стрѣляетъ изъ пистолета; она двигаетъ вертелъ, таскаетъ тѣлѣжки, научается узнавать ноты, цифры, карты, буквы, снимаетъ шапку съ головы человѣка, приноситъ туфли, пробуетъ снимать сапоги какъ слуга, отлично понимаетъ мимику человѣка и научается еще многому другому.

«Даже недостатки собаки приближаютъ ее къ человѣку: точно такъ, какъ нѣкоторые люди, она можетъ быть лукава, завистлива, фальшива, сердита, скупа, легкомысленна и сварлива; она можетъ быть склонна къ воровству и одинаково ласкова ко всѣмъ, кто съ ней хорошо обходится. Рыбъ, жуковъ и червяковъ нельзя ни хвалить, ни порицать, но къ собакѣ мы не можемъ относиться столь равнодушно. Всякій понимаетъ, что она можетъ заслужить и награду, и наказаніе. Говоря о качествахъ собаки, употребляютъ тѣ-же выраженія, какъ и о человѣкѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ хорошихъ качествъ, человѣкъ дѣлаетъ изъ собаки товарища въ путешествіи и домашней жизни и любимаго сожителя и друга; на ея любовь и привязанность человѣкъ отвѣчаетъ такою-же любовью и такою-же привязанностью: ее сажаютъ за столъ, удѣляютъ мѣсто на своей постели, внимательно ухаживаютъ за ней и хорошо кормятъ, лѣчатъ ее, если она хвораетъ, оплакиваютъ ея смерть и даже ставятъ собакамъ надгробные памятники.

«Ни одна собака не похожа на другую, какъ по внѣшнимъ признакамъ, такъ и по душевнымъ способностямъ: каждая изъ нихъ имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны. Качества эти до того разнообразны, что владѣтели собакъ могутъ приводить безконечные рассказы о свойствахъ и особенностяхъ своихъ псовъ. Каждый старается доказать, что его собака самая умная. Случается, что рассказываютъ и про глупыя выходки собакъ, но во всякомъ случаѣ каждая изъ нихъ даетъ матеріалъ къ характеристикѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже къ цѣлому жизнеописанію. Даже и умираютъ собаки не всѣ одинаково.

«Только невнимательный человѣкъ не замѣчаетъ природныхъ и пріобрѣтенныхъ качествъ своей собаки; а какъ разнообразны характеры этихъ животныхъ! Каждый пудель, напримѣръ, имѣетъ свои особенности и необъяснимыя странности; онъ и безъ обученія уже своеобразенъ. Онъ научается многому самостоятельно, подражаетъ человѣку, напрашивается на обученіе, любитъ играть, но часто капризничаетъ, забываетъ себя въ голову ничему не учиться и представляетъ изъ себя дурака, иногда скучаетъ, иногда-же выказываетъ лихорадочную дѣятельность, то любопытенъ, то равнодушенъ. Нѣкоторыя собаки неспособны къ ненависти, другія—къ любви, нѣкоторыя легко прощаютъ обиды, другія—нѣтъ; онѣ могутъ помогать одна другой во время опасности или игры, слѣзничать на помощь, чувствовать состраданіе, смѣяться и плакать, проливая слезы, выражать радость своеобразнымъ лаемъ, грустить о потерянномъ хозяинѣ и при этомъ даже уморить себя голодомъ, не обращать вниманія на раны, полученные при защитѣ его, гораздо болѣе любить человѣка, чѣмъ другихъ собакъ, и передъ глазами хозяина воздерживаться отъ своихъ желаній и, когда нужно, молчать. Пудель можетъ чувствовать стыдъ, прекрасно различаетъ время и пространство, узнаетъ знакомые голоса, звукъ колокольчика, шаги своего господина, его манеру звонить, короче сказать—это на половину или даже на двѣ трети человѣкъ. Онъ точно такъ же, какъ и человѣкъ, прекрасно пользуется какъ всѣми органами своего тѣла, такъ и дарованными ему душевными способностями; но именно вслѣдствіе этого

совершенства еще яснѣе высказывается то, чего ему не достаетъ, чтобы сдѣлаться вполне похожимъ на человѣка.

«Мы должны признать, что между собаками встрѣчаются различные характеры, которые не могутъ быть по произволу измѣнены человѣкомъ. Характеръ шица другой, чѣмъ у пуделя, и мопсъ имѣетъ другія стремленія и желанія, чѣмъ такса. Мопсъ глупъ, неповоротливъ и флегматиченъ; мясницкая собака меланхолична, желчна и кровожадна; шица склоненъ къ гнѣву и эгоизму и до смерти не забываетъ обиду. Пудель всегда веселъ, для всѣхъ другъ и пріятный собесѣдникъ, вѣренъ, но легкомысленъ, любить удовольствія, переимчивъ какъ дитя, всегда склоненъ къ шалостямъ и шуткамъ, это—пріятель всѣхъ людей, между тѣмъ какъ шица привязанъ только къ своему дому. Мясницкая собака знаетъ только своихъ звѣрей, такса больше всего любитъ лазать въ норы, борзая же—бѣгать, а легавая—выслѣживать куропадокъ, бульдогъ привязанъ только къ своему господину. Одинъ только пудель относится одинаково хорошо ко всему окружающему: онъ дружится со своей соперницей кошкой, со своимъ товарищемъ по дому—конемъ и съ человѣкомъ, своимъ хозяиномъ, любитъ домъ, который сторожитъ, охотно бросается въ воду, чтобы доставать оттуда брошенные вещи; ему нравится и птица, за которой онъ прыгаетъ, чтобы ее схватить, и коляска, и телѣга, подъ которыми онъ прячется во время пути. Догги замѣняютъ сторожей, солдатъ, даже убійцъ; они схватываютъ и загрызаютъ людей. Борзая, гончая и легавая замѣняютъ охотниковъ, и у нихъ замѣчаются природныя къ этому способности. Какъ онѣ легко привыкаютъ къ звуку рожка, какъ внимательны къ каждому выстрѣлу и голосу царей! Какъ хорошо онѣ различаютъ голосъ и движеніе дичи; какъ ловко легавая выучивается дѣлать во время стойку и подымать ту или другую лапу, смотря по дичи! Многому она научается отъ природы, и человѣкъ только улучшаетъ эти совершенныя способности. Пудель научается многому самъ по себѣ; у него очевидно преобладаютъ душевныя способности, глупостей онъ никогда не дѣлаетъ, развѣ самъ пожелаетъ ихъ совершить. У другихъ собакъ болѣе инстинкта, а у него больше ума. Какъ бѣшено бѣжитъ гончая во время охоты, какъ она яростно заливается при видѣ спасающейся дичи! Какъ злобно бросается догъ на врага, какъ коварно кружится мясницкая собака, высунувъ языкъ, и искоса поглядывая, около бѣгущихъ отъ нея телятъ! Какъ она грубо хватается ихъ, когда они удалятся въ сторону, какъ равнодушна къ ихъ страданіямъ, которыя какъ будто нравятся ей! Какъ неустово кидается легавая собака на убитую дичь, какъ-бы желая ее задушить. Ни одного изъ этихъ дурныхъ качествъ мы не замѣчаемъ въ пуделѣ, если только онъ не испорченъ воспитаніемъ, если его предоставили его естественнымъ наклонностямъ. Пудель отъ природы добръ и, если въ немъ что-нибудь худое, то оно привито человѣкомъ».

Можно было-бы сказать еще многое о понятливости собаки и согласиться съ Зоростромъ, который въ собакѣ видитъ самое благородное и совершенное животное. Мы должны признать въ собакѣ нашего лучшаго друга и самаго пріятнаго товарища изъ всѣхъ животныхъ; вѣдь мы дѣйствительно можемъ разговаривать съ нею.

«Я зналъ собакъ», говоритъ Ленцъ, «которыя, повидимому, понимали всякое слово своего господина: онѣ по приказанію запирали и отпирали двери, придвигали стулъ, столъ и скамейку, снимали съ головы хозяина шляпу или приносили ее, отыскивали спрятанный носовой платокъ или шляпу одного изъ гостей между многими другими шляпами. Въ высшей степени интересно наблюдать умную собаку. Какъ она глядитъ и прислушивается, ожидая приказаній своего господина, какъ радуется, когда можетъ исполнить ихъ, какое грустное выраженіе является у

ней, когда ее не берутъ на прогулку, какъ умно она оглядывается, когда забѣжала впередъ и остановилась на перекресткѣ, не зная, куда слѣдуетъ идти дальше, какъ она счастлива, когда исполнить толково какое-нибудь порученіе и какъ ей стыдно, когда она сдѣлаетъ какую-нибудь глупость! Если собака совершитъ какую-нибудь продѣлку, за которую ей можетъ достаться, и не знаетъ, замѣтитъ-ли это ей хозяинъ, то она часто ложится, зѣваетъ, прикидывается полуснипцей и равнодушной, чтобы отдалить отъ себя всякое подозрѣніе, при этомъ, однако, отъ времени до времени бросаетъ на хозяина боязливый взглядъ. Собаки очень скоро научаются узнавать друзей дома, распознавать между чужими тѣхъ, съ которыми нужно обращаться хорошо, и постоянно худо относится къ нищимъ. Интересно также наблюдать, какъ собака въ угоду хозяину нищетъ трюфелей, которыхъ она сама по себѣ вовсе не любитъ, а также, какъ она усердно тащить тетѣжку и тѣмъ болѣе старается, чѣмъ болѣе хозяинъ ей помогаетъ».

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что породы собакъ настолько различны въ душевномъ отношеніи, насколько не похожи другъ на друга по вѣншему виду. Основными чертами собачьяго характера слѣдуетъ считать: непоколебимую вѣрность и привязанность къ своему хозяину, полную преданность и совершенное послушаніе, большую бдительность, кротость, услужливость и ласковое обращеніе. Однако, ни одна собака не соединяетъ всѣхъ этихъ хорошихъ качествъ въ полной степени: у однѣхъ яснѣе выказывается одно качество, у другихъ другое, при чемъ воспитаніе играетъ гораздо большую роль, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Только хорошіе люди могутъ хорошо воспитывать собакъ. Онѣ дѣлаются вѣрнымъ отраженіемъ своихъ господъ: чѣмъ дружественнѣе и внимательнѣе съ ними обращаются, чѣмъ опрятнѣе и лучше содержатъ ихъ, чѣмъ болѣе и толковѣе съ ними занимаютъ, тѣмъ умнѣе и преданнѣе становятся онѣ; напротивъ того, собака очень портится, если съ нею худо обращаются. Собака крестьянина груба, неуклюжа, но не коварна, пастушья собака сама дѣлается хорошимъ пастухомъ, охотничья собака пріобрѣтаетъ настолько качества охотника, что занимается своимъ дѣломъ самостоятельно, безъ всякаго принужденія; собака бездѣтельнаго знатнаго барина сама дѣлается лѣнливой и оказывается еще менѣе воспитанной, чѣмъ простая дворняшка. Любимица избѣженной дамы превращается въ балованную, капризную, а иногда и коварную собачку. Каждая собака принимаетъ тонъ того дома, гдѣ она живетъ: она толкова у умныхъ людей и глупа у глупыхъ, съ каждымъ ласкова, если въ домѣ принимаютъ много гостей, и ворчлива, если живетъ у холостяка или у старой дѣвы, къ которымъ никто не ходитъ. При всякихъ обстоятельствахъ она подчиняется мѣстнымъ условіямъ, но людямъ предана постоянно всей душой. Эта высокая добродѣтель собакъ, къ сожалѣнію, мало цѣнится, и выраженіе «собака» сдѣлалось браннымъ словомъ, между тѣмъ, какъ, собственно говоря, должно было-бы означать похвалу. Многосторонность способностей возвышаетъ собаку надъ всѣми животными, а вѣрность дѣлаетъ ее незамѣнимымъ товарищемъ чловѣка. Она совершенно принадлежитъ своему господину и для него даже жертвуетъ собой. Достоинство собаки и ея слава заключается въ послушаніи, съ которымъ она исполняетъ всѣ приказанія своего властелина, въ готовности, съ которой она совершаетъ самыя трудныя работы и подвергаетъ даже свою жизнь опасности, однимъ словомъ—въ постоянномъ стремленіи служить и приносить пользу своему господину. Если собаку называютъ лизоблюдомъ и льстецомъ, то не слѣдуетъ забывать, что она подобострастно и льстиво относится только къ своему благодѣтелю и господину, на чужихъ же очень часто скалитъ зубы и во всякомъ случаѣ сохраняетъ съ ними собственное достоинство.

Нѣкоторые обычай свойственны одинаково всѣмъ породамъ собакъ. Всѣ онѣ,

напримѣръ, воютъ и лаютъ на луну, хотя мы не можемъ объяснить причину этого явленія. Собаки легко возбуждаются всякимъ движеніемъ, бѣгутъ за всякимъ быстро-двигающимся существомъ или предметомъ, напримѣръ людьми, животными, экипажами, шарами, камнями и такъ далѣе, при чемъ стараются схватить и удержать небольшие предметы, даже тогда, когда онѣ хорошо знаютъ, что эти предметы имъ вовсе не нужны. Къ нѣкоторымъ животнымъ онѣ по природѣ относятся въ высшей степени враждебно, хотя разумнаго повода къ этому найти нельзя. Всѣ собаки, напримѣръ, ненавидятъ кошекъ и ежей; онѣ какъ-бы доставляютъ себѣ удовольствіе, сами себя мучая нападеніемъ на ежа, колючую оболочку котораго онѣ яростно кусаютъ, хотя имъ по опыту извѣстно, что это ни къ чему не ведетъ, и онѣ только напрасно себѣ пораняютъ носъ и морду.

Собаки замѣчательно хорошо предчувствуютъ измѣненіе погоды и даже указываютъ человѣку на предстоящій дождь неприятнымъ запахомъ, который тогда изъ себя издаютъ.

Въ обращеніи съ людьми собаки выказываютъ понятливость, которая приводитъ насъ въ удивленіе. Онѣ тотчасъ узнаютъ людей, истребляющихъ бродячихъ собакъ, и яростно ихъ преслѣдуютъ. Точно также почти мгновенно догадываются онѣ, дружелюбно-ли относится къ нимъ какой-нибудь человѣкъ, или враждебно. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что запахъ нѣкоторыхъ людей приятенъ, а запахъ другихъ неприятенъ, однако этимъ нельзя объяснить всѣхъ случаевъ дружелюбнаго или враждебнаго отношенія собакъ къ людямъ. Нѣкоторые люди бываютъ сразу радушно встрѣчены всѣми собаками, какъ только они войдутъ въ домъ, хотя-бы они пришли въ первый разъ, и собаки имъ были совсѣмъ незнакомы. Я знаю дамъ, которыя нигуда не могутъ явиться безъ того, чтобы ихъ въ нѣсколько минутъ не окружили всѣмѣстныя собаки. При обращеніи собаки съ человѣкомъ очень замѣтно у нея измѣненіе фізіономіи. Высокія душевныя способности этого животнаго ясно выражаются въ его лицѣ, и никто не можетъ отрицать того, что каждая собака имѣетъ свое особенное выраженіе, и двѣ собачьи морды нельзя смѣшать, такъ же, какъ и два человѣческихъ лица.

Между собою собаки живутъ обыкновенно не особенно дружно. Когда двѣ незнакомыя собаки встрѣтятся, то онѣ сначала другъ друга обнюхиваютъ, а затѣмъ почти всегда начинаютъ скалить зубы и кусаться, если только не предполагаются болѣе нѣжныя отношенія. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно замѣтить самыя искреннія, дружескія отношенія между собаками одного и того-же пола. Такіе друзья никогда не ссорятся, отыскиваютъ другъ друга и помогаютъ одинъ другому въ бѣдѣ. Случается, что собаки дружатся и съ другими животными, даже поговорка «они живутъ какъ кошка съ собакой» бываетъ иногда не вѣрна, и собаки иногда очень дружно живутъ со своимъ природнымъ врагомъ.

Половые потребности проявляются у собакъ въ очень сильной степени и у всѣхъ породъ принимаютъ такой страстный характеръ, что имѣютъ видъ опьяненія, при чемъ собаки болѣе или менѣе глупѣютъ. Если половая потребность не удовлетворена, то собака можетъ захворать. Самцы возбуждены въ это время точно такъ, какъ и самки, хотя у обоихъ половъ возбужденіе это выражается различнымъ образомъ. У суки течка появляется два раза въ году, большею частью въ августѣ и въ февралѣ, и это состояніе продолжается у ней отъ 9 до 14 дней. Въ это время около нея собираются всѣ самцы, не только изъ ближайшей окрестности, но и такіе, которые живутъ обыкновенно за версту и болѣе. Какъ кобели узнаютъ на большомъ разстояніи о присутствіи суки, у которой появилась течка, трудно себѣ объяснить. Едва-ли можно предположить, чтобы они при этомъ руководились обоняніемъ, а

между тѣмъ иначе объяснить себѣ это явленіе также почти невозможно. Поведеніе сближающихся собакъ очень интересно, но имѣеть и отталкивающую сторону; оно возбуждаетъ у людей смѣхъ, но имѣеть съ тѣмъ кажется противнымъ. Кобель слѣдуетъ за сукою шагъ за шагомъ и всякими средствами старается приобрѣсти ея расположеніе. Каждое его движеніе своеобразно и гордо, и онъ всячески силится выказать свое мужество; при этомъ онъ не пренебрегаетъ никакими средствами, чтобы возбудить вниманіе суки. Онъ обнюхиваетъ ее, ласково на нее поглядываетъ, какъ то странно поднимаетъ голову, заискивающимъ образомъ лаеетъ и т. п. Къ другимъ собакамъ онъ относится ворчливо и ревниво. Если встрѣтятся два одинаково сильныхъ кобеля около одной суки, то они начинаютъ между собою драку; если ихъ много, то этого не случается, потому что тогда всѣ прочія собаки бросаются на дерущихся и такъ яростно начинаютъ ихъ кусать, что бойцы поневолѣ должны разойтись. Къ сукѣ всѣ сопровождающіе ее кобели относятся одинаково любезно, но между собою они постоянно ссорятся, такъ что въ толпѣ кобелей всегда слышны ворчаніе, лай и жалобный визгъ укушенныхъ. Сука всегда очень не любезна: она скалитъ зубы и даже кусаетъ своихъ почитателей, но они отъ нея все-таки не отстаютъ. Наконецъ она повидимому примиряется съ своей судьбой и отдается одному изъ кобелей. Она во время течки часто случается со многими кобелями. Послѣ течки собаки дѣлаются совершенно равнодушными къ предмету своей страсти и не обращаютъ на него вниманія. Бываетъ однако, что собаки опять вспоминаютъ свои нѣжныя отношенія, что часто случается относительно тѣхъ, съ которыми онѣ сошлись въ первый разъ въ жизни. Иногда суки въ зрѣломъ возрастѣ приносятъ щенятъ очень похожихъ на первыхъ самцовъ, съ которыми они были случены. Англійскіе владѣтели собакъ замѣтили это и потому тщательно избѣгаютъ случить молодую суку съ кобелемъ, неравнымъ ей по качеству породы.

Мать нѣжно любитъ своихъ щенятъ, кормитъ и бережетъ ихъ, облизываетъ и согрѣваетъ, защищаетъ ихъ отъ враговъ и переноситъ ихъ съ мѣста на мѣсто, осторожно схвативъ зубами за мягкую кожу затылка. Любовь ея къ своему потомству иногда очень трогательна и нѣкоторые рассказы объ отношеніи собаки къ своимъ дѣтенышамъ заслуживаютъ не только удивленія, но даже уваженія. Бехштейнъ, напримѣръ, рассказываетъ фактъ, который даже кажется мало вѣроятнымъ. «Одинъ пастухъ изъ Вальтерсхаузена ежегодно весной покупалъ овецъ въ Эйхсфельдѣ, расположенномъ за восемнадцать миль отъ его родины, и сука постоянно сопровождала его въ этомъ путешествіи. Однажды она въ Эйхсфельдѣ ошенилась семью дѣтенышами и пастухъ долженъ былъ по необходимости ее тамъ оставить. Но къ его величайшему удивленію черезъ полтора дня послѣ его возвращенія онъ нашелъ на своемъ дворѣ свою собаку со всѣми семью щенятами. Она переносила ихъ каждаго особенно на небольшое разстояніе и такимъ образомъ въ эти полтора дня, при своей слабости, тринадцать разъ пробѣжала разстояніе въ восемнадцать миль».

Говорятъ, что у всякой собаки бываютъ любимцы между ея щенятами и, если хотять узнать самага лучшаго щенка изъ всего помета, то слѣдуетъ унести щенятъ и наблюдать, какого щенка собака прежде схватитъ, чтобы снести обратно въ свое логовище. Утверждаютъ, что она беретъ всегда самага лучшаго. По всей вѣроятности это несправедливо, такъ какъ она всѣхъ своихъ дѣтенышей любитъ одинаково нѣжно.

Сукѣ оставляютъ большую часть лишь двухъ — трехъ, а въ крайнемъ случаѣ четырехъ щенятъ, чтобы не слишкомъ ослабить ее. Щенята требуютъ много пищи и мать едва въ состояніи ихъ всѣхъ хорошо выкормить. Понятно, что хозяинъ

кормящей собаки долженъ особенно хорошо ее кормить, что необходимо какъ для самой собаки, такъ и для того, чтобы щенята хорошо выросли. Внимательный владелец собаки устраниваетъ для нея въ тихомъ и тепломъ уголѣ мягкую постель и долженъ всячески стараться ей помочь хорошо воспитать щенятъ. Пока собака кормитъ, сердце ея преисполнено любви, и потому она охотно допускаетъ, чтобы къ ней подложили чужихъ щенятъ, даже другихъ звѣрковъ, напримѣръ котятъ и кроликовъ. Я часто дѣлалъ подобнаго рода опыты и замѣтилъ, что кормилица кошки относится все-таки дружелюбнѣе къ чужимъ дѣтенышамъ, чѣмъ собаки, которыя, при всей своей добротѣ, все-таки морщатъ носъ, обнюхивая пріемышей. Однако суки оказываются прекрасными кормилицами для молодыхъ львовъ и тигровъ.

Обыкновенно щенятамъ даютъ сосать шесть недѣль, но если мать сильна и не очень похудѣла, то хорошо дать щенятамъ еще пососать недѣльки двѣ; это имъ можетъ принести только пользу. Когда хотятъ отучить щенятъ отъ молока, то матери нѣкоторое время даютъ жидкій и мало питательный кормъ, чтобы молоко у нея пропало; тогда она сама отгоняетъ щенятъ, которыхъ понемногу приучаютъ къ легкому корму и особенно заботятся объ опрятномъ содержаніи ихъ. На третьемъ и на четвертомъ мѣсяцѣ у нихъ выпадаютъ молочные зубы, а на шестомъ мѣсяцѣ они уже почти вове отучаются отъ матери, а черезъ девять или десять мѣсяцевъ они сами способны къ размноженію. Если нужно собакъ дрессировать, то не слѣдуетъ терять времени. Мнѣніе старыхъ охотниковъ и собачниковъ, что молодая собака до году слишкомъ слаба для дрессировки—не вѣрно. Адольфъ и Карлъ Мюллеръ, два очень хорошіе наблюдателя и охотника начинаютъ дрессировать щенятъ какъ только они могутъ хорошо бѣгать, и достигаютъ блестящихъ результатовъ. Воспитываемыхъ собакъ они почти никогда не бьютъ, даже не бранятъ, а между тѣмъ онѣ дѣлаются прекрасными товарищами и помощниками на охотѣ. Съ молодыми собаками слѣдуетъ обращаться, какъ съ дѣтьми, а не какъ съ упрямыми рабами: это необыкновенно усердные и внимательные ученики, которые очень скоро научаются толково понимать всякое слово своего воспитателя и исполняютъ гораздо большее изъ любви, чѣмъ изъ страха. Тѣ дрессировщики молодыхъ собакъ, которые не могутъ обойтись безъ плети и колючаго ошейника, не воспитатели, а только мучители собакъ. Здѣсь не мѣсто говорить подробнѣе о способахъ дрессировки собакъ, но тотъ, кто съ молодю не присмотрѣлся и не приучился къ этому дѣлу, пусть лучше и не беретъ за воспитаніе собакъ, а предоставитъ это дѣло опытному человѣку.

На двѣнадцатомъ году наступаетъ для собаки уже старческой возрастъ, что замѣтно какъ по внѣшнему виду, такъ и по образу жизни ея. На лбу и на мордѣ волосы сѣдѣютъ, шерсть теряетъ глянецъ и красоту, зубы дѣлаются тупыми и вываливаются; животное становится неповоротливымъ, лѣнливымъ и равнодушнымъ ко всему тому, что прежде радовало или возмущало его. Нѣкоторыя старыя собаки почти совсѣмъ теряютъ голосъ и слѣпаютъ. Однако бываютъ случаи, что собаки достигаютъ 20, 26 и даже 30-ти лѣтняго возраста, но это рѣдкія исключенія. Если онѣ не околѣваютъ отъ старческой слабости, то умираютъ отъ многихъ болѣзней, которымъ подвержены всѣ собаки точно такъ, какъ и люди.

Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ собачьихъ болѣзней—чесотка, которая происходитъ отъ извѣстныхъ паразитовъ, а не является, какъ прежде думали, вслѣдствіе недостаточности питанія, движенія и отъ нечистоплотности. Молодыя собаки страдаютъ также очень часто отъ собачьей чумы, которая состоитъ въ приличивомъ воспаленіи слизистыхъ оболочекъ и случается чаще всего между четвертымъ и девятымъ мѣсяцемъ жизни. Большая половина европейскихъ собакъ околѣваетъ отъ этой болѣзни или по крайней мѣрѣ теряетъ многія свои хорошія качества.

Кромѣ того собакъ мучаютъ очень многіе паразиты, изъ которыхъ намъ извѣстно болѣе дюжины. Собаки сильно страдаютъ отъ блохъ и вшей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и отъ клещей. Первыя, т. е. блохи и вши лучше всего уничтожаются, если подѣ солому, гдѣ спятъ собаки, насыпать слой золы, а шерсть собакъ часто обсыпать персидскимъ порошкомъ. Клещей, которые сильно мучаютъ собакъ, лучше всего удалить, капая на нихъ водкой, очень соленой водой или табачнымъ растворомъ. Не слѣдуетъ ихъ вытаскивать насильно, такъ какъ голова клеща легко остается въ ранѣ и производитъ опухоль и нарывъ.

«Гораздо хуже клещей», пишетъ Полль, «мелкія, простому глазу почти незамѣтныя животныя, именно два вида зудней, которые у человѣка и у различныхъ животныхъ производятъ накожные болѣзни. Собачья чесотка происходитъ отъ зудня особаго вида (*Sarcoptes squamiferus*), длина котораго менѣе половины миллиметра и который роетъ подѣ кожей собаки ходы, точно такъ, какъ чесоточный зудень на рукахъ человѣка. Чесотка у собакъ начинается на головѣ, на животѣ, у основанія хвоста и на суставахъ лапъ, но понемногу распространяется по всему тѣлу. На кожѣ появляются маленькіе пузырьки, изъ которыхъ сочится жидкость, а затѣмъ образуются желтовато-сѣрые струпи. Собакѣ очевидно доставляетъ облегченіе, когда она скребетъ и царапаетъ больныя мѣста. Зудни болѣе дѣятельны и оживленны, когда собака находится въ тепломъ мѣстѣ, напримѣръ въ комнатѣ; они часто попадаютъ на ковры и мебель, когда собаки валяются по нимъ; такимъ образомъ, а еще чаще, когда гладятъ собаку рукой, зудни эти попадаютъ и на человѣка и поэтому случается, особенно у женщинъ и дѣтей, что собачьей чесоткой заражаются и люди. Впрочемъ эта болѣзнь излѣчивается еще легче настоящей человѣческой чесотки.

«Отъ чесотки отличается другая сыпь, которая происходитъ отъ маленькаго паучка, живущаго въ салныхъ железкахъ (*Demodex folliculorum canis*). Этотъ паучекъ еще меньше чесоточнаго зудня и вѣдряется въ луковицы волосъ и салныя железы собачьей кожи, причемъ почти всегда начинается съ головы, а потомъ сыпь распространяется на брюхо и на крестецъ. Сначала появляются на кожѣ красныя пятна, которыя распухаютъ, иногда изъ кожи сочится кровь, собака сильно чешется и трется о разные предметы, но это ей доставляетъ мало облегченія: она худѣетъ, несмотря на хорошій аппетитъ, и распространяетъ непріятный приторный запахъ. И этотъ видъ чесотки легко переносится съ собаки на человѣка и производитъ сильный зудъ и пузырчатую сыпь на рукахъ и ногахъ. Однако, повидимому, паучекъ этотъ развивается не у всякаго человѣка одинаково, и болѣзнь эту также не трудно вылѣчить.

«У людей, особенно у нечистоплотныхъ дѣтей, встрѣчается иногда лишай, который называется «паршеобразнымъ лишаемъ» (*Favus*). На кожѣ, особенно на головѣ, появляются желтовато-бурые струпи, нѣсколько похожіе на засохшее пшеничное тѣсто. Они распространяютъ непріятный запахъ и производятъ болѣе или менѣе сильный зудъ. Микроскопическія изслѣдованія указали, что въ кожѣ подѣ этими струпиями распространяется грибница особаго грибка, состоящая изъ большого количества тонкихъ нитей; отъ этой грибницы въ струпи проникаютъ шарообразныя органы размноженія грибка (споридіи), заключающіе въ себѣ споры. Многочисленными опытами доказано, что этотъ грибокъ и составляетъ причину сыни и легко переносится отъ одного человѣка на другого. Этотъ лишай встрѣчается также у куръ, собакъ, кроликовъ, кошекъ, а рѣже и у лошадей. Животныя легко передаютъ другъ другу эту болѣзнь, и отъ нихъ она переносится и на человѣка. У собакъ она появляется чаще всего на головѣ, на брюхѣ и на вѣшной сторонѣ заднихъ ногъ, но можетъ распространиться и на все тѣло. Грибница этого грибка

(Achorionschönleinii) проникаетъ въ луковицы волосъ, приподнимаетъ волосы, которые вываливаются, и такимъ образомъ происходитъ на тѣлѣ остающіяся плѣшивыя мѣста.

«На предыдущую болѣзнь очень похожа другая сыпь (Herpes tonsurans), развитіе которой находится, можетъ быть, въ связи съ шарнеобразнымъ лишаемъ. Она образуетъ сначала небольшія пятна, состоящія изъ слившихся пузырьковъ, которые выдѣляютъ красноватую жидкость: пятна эти расширяются, достигаютъ величины нѣсколько больше серебрянаго рубля, съ рѣзко ограниченными краями; мѣста эти покрыты бѣлыми чешуйками и вылѣзшими волосами. Причина этого лишаа заключается такъ-же въ грибокѣ (Trichophyton tonsurans), состоящемъ изъ нитей, а часто изъ однихъ конидій (шариковъ); грибокъ этотъ появляется сначала на головѣ и шеѣ собаки, а также у коровъ, и точно также можетъ распространиться по всему тѣлу. Лишаа этотъ наблюдали и у человѣка и онъ переносится отъ животныхъ на людей и наоборотъ. Въ 1840 году въ Швейцаріи большая часть жителей одной деревни была заражена этимъ стригущимъ лишаемъ, который на нихъ перешелъ отъ больного скота. Собака также участвуетъ въ распространеніи этой болѣзни.

«Хотя эти болѣзни и не представляютъ опасности для жизни, но онѣ очень неприятны и служатъ причиной удаленія больныхъ отъ здоровыхъ людей. Оба вида чесотки переносятся на людей только отъ собакъ, а также и лишаа чаще всего переходятъ на человѣка отъ этихъ животныхъ, поэтому нужно съ особенной заботливостью относиться къ опрятному содержанію своихъ домашнихъ собакъ; между тѣмъ какъ рѣдко случается, чтобы хозяева еженедѣльно мыли теплой водой и мыломъ своихъ любимыхъ собакъ! Собаку начинаютъ лѣчить большею частью только тогда, когда кожная болѣзнь сильно развилась, но зараженіе ею человѣка почти всегда уже послѣдовало, такъ какъ пока сыпь мало замѣтна, собаку продолжаютъ гладить, берутъ на руки, даже кладутъ съ собой въ постель и не остерегаются ковровъ и одеялъ, на которыхъ собака спитъ. Изъ этого слѣдуетъ, что не нужно поручать уходъ за собаками слугамъ, которые сами страдаютъ лишаемъ, такъ какъ сыпи легко переходятъ на собакъ, а отъ собакъ на другихъ людей».

Гораздо опаснѣе этихъ вѣшнихъ паразитовъ глисты, живущіе во внутренностяхъ собаки, особенно ленточные глисты, которые встрѣчаются и у охотничьихъ собакъ. Нынѣ извѣстны пять сортовъ ленточныхъ глистовъ, живущихъ во внутренности собаки; чтобы ихъ прогнать рекомендуютъ настой Абиссинскаго растенія куссо, а также плоды пиповника, которые даютъ собакѣ глотать вмѣстѣ съ сѣменами и волосами. «Изъ пяти видовъ ленточныхъ глистовъ, живущихъ въ собакѣ», говоритъ Нолль, «самый опасный это—скребень (эхинкоккъ); онъ самый маленькій изъ этихъ пяти глистовъ, имѣетъ всего четыре миллиметра длины и состоитъ изъ головки и трехъ члениковъ, при чемъ въ послѣднемъ изъ нихъ заключается до пятидесяти яичекъ; послѣ созрѣванія ихъ членикъ этотъ отваливается, проходитъ весь кишечный каналъ собаки и черезъ задній проходъ выходитъ наружу. Этотъ членикъ бѣловатаго цвѣта, имѣетъ не болѣе двухъ миллиметровъ длины и одного ширины и по своей малой величинѣ едва замѣтенъ. Если принять во вниманіе, что этотъ глисть во время своей жизни можетъ отдѣлать до 12 члениковъ, заключающихъ въ себѣ среднимъ числомъ до 350 яичекъ, то окажется, что одинъ глисть можетъ образовать отъ 4 до 5 тысячъ зародышей новыхъ глистовъ, между тѣмъ въ кишкахъ одной собаки могутъ жить сотни, даже тысячи такихъ скребней, такъ что каждая собака доставляетъ миллионы подобныхъ яичекъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что не у всѣхъ собакъ встрѣчается этотъ глисть, и что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта болѣзнь чаще встрѣчается, чѣмъ въ другихъ; однако глисты эти появляются спорадически вездѣ, гдѣ живетъ много собакъ, и къ сожалѣнію также въ Германіи.

«Чтобы яички могли развиваться, членикъ глиста долженъ попасть въ желудокъ другого существа, котораго называютъ промежуточнымъ хозяиномъ. Для эхинокока такимъ бываетъ свинья, корова и человекъ. Человекъ во многихъ случаяхъ подвергается опасности проглотить членикъ солитера. Какъ часто берутъ маленькихъ собачекъ на руки, держать ихъ по цѣлымъ часамъ на колѣняхъ, дѣти кладутъ ихъ съ собою на постель, онѣ лизуютъ лицо и руки своихъ хозяевъ и люди учатъ собачекъ даже цѣловаться. Высохши, незамѣтный членикъ очень легко пристаеъ къ мордѣ собачки, и она совершенно незамѣтно, ласкаясь, переноситъ его на губы и въ ротъ своего хозяина. Подобный членикъ можетъ легко остаться на платѣ госпожи, у которой долго лежала собачка, и оттуда попасть къ ней на руки, на кусокъ хлѣба, который потомъ безъ всякаго опасенія проглатывается. Когда членикъ попадетъ въ желудокъ человека, то оболочка его растворяется, яички развиваются въ маленькіе зародыши, которые въ скоромъ времени пробуравливаютъ кишечный каналъ человека шестью щетинками, находящимися на передней части ихъ тѣла, и такимъ образомъ проникаютъ во внутренніе органы своего хозяина. Зародыши забираются чаще всего въ печень или почки, а также въ легкія и брюшную полость, даже въ головной и спинной мозгъ и тамъ превращаются въ маленькіе пузырьки, наполненные воднистою жидкостью; въ такомъ видѣ они называются пузырьчатыми глистами или финнами (цистицерки). Пузырекъ этотъ растетъ тихо, но постоянно, въ теченіи многихъ лѣтъ (отъ 4—5) и можетъ достигнуть значительной величины, на примѣръ объема головы ребенка или еще больше, причеъ весь пузырь достигаетъ 6—9, а въ исключительныхъ случаяхъ даже 15 килограммовъ. На внутренней сторонѣ этого глиста вырастаетъ множество головокъ съ отдѣльными маленькими пузырьками. Нѣкоторыя изъ нихъ отдѣляются и свободно плаваютъ въ жидкости, наполняющей пузырь; такимъ образомъ пузырь эхинокока представляетъ замѣчательное явленіе: онъ почти весь наполненъ огромнымъ количествомъ зародышей глистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые свободно плаваютъ въ жидкости, другіе прикрѣплены къ внутренней оболочкѣ пузыря. Если собакамъ случится поѣсть сырыхъ внутренностей рогатаго скота или свиней, между которыми очень часто встрѣчаются подобныя пузыри или, если онѣ съѣдятъ кусокъ мяса съ мелкими финнами, то у нихъ въ кишкахъ зародыши солитера въ нѣсколько недѣль вырастаютъ въ большіе ленточные глисты, которые въ скоромъ времени самц начинаютъ отдѣлять отъ себя членики.

«Само собою разумѣется, что присутствіе такихъ большихъ пузырьчатыхъ глистовъ въ тѣлѣ человека соединено съ большою опасностью для жизни, и почти все больные отъ нихъ умираютъ, если нѣтъ возможности сдѣлать операцию, а она возможна только въ томъ случаѣ, если финна находится въ печени. Сначала незамѣтный глестъ, при постепенномъ своемъ разрастаніи разрываетъ и уничтожаетъ органъ, въ которомъ живетъ, и этимъ причиняетъ смерть. Случается, что при сильномъ движеніи сама пузырьчатка лопается, содержимое ея выливается во внутренніе органы и причиняетъ смерть отъ задушенія или гангрены. Если этотъ глестъ поселится въ костяхъ, то скоро ихъ разрываетъ. Внутреннія лѣкарства вовсе не дѣйствуютъ. Болѣзнь эта встрѣчается чаще всего въ Исландіи, гдѣ въ прежнее время отъ нея погибала пятая часть населенія. Каждый крестьянинъ держитъ тамъ для ѣзды на саняхъ дюжину или болѣе собакъ, которыя спятъ въ одномъ помѣщеніи съ людьми, облизываютъ посуду, въ которой люди ѣдятъ, играютъ съ дѣтьми и такимъ образомъ легко переносятъ болѣзнь. Въ Германіи глисты эти рѣдко встрѣчаются, но все-таки иногда бывають случаи зараженія этой болѣзью; такъ, на примѣръ, во Франкфуртѣ извѣстны нѣсколько случаевъ клиническаго лѣченія этой болѣзни. Поваръ одного Франкфурт-

скаго отеля умеръ отъ эхинокока въ тамошнемъ госпиталѣ, заразившись отъ своей любимой комнатной собачки».

«Чтобы предотвратить зараженіе, надо тщательно наблюдать за пищей домашней собаки и ни въ какомъ случаѣ не давать ей сырого мяса. Если заводишь себѣ собаку, особенно комнатную, то очень полезно предварительно отдать ее ветеринару на лѣченіе противъ глистовъ. Вообще-же не слѣдуетъ слишкомъ много ласкать и тѣмъ болѣе цѣловать собакъ. Никогда не должно позволить собакъ лизать лицо и руки, долго ее держать на колѣняхъ и брать къ себѣ въ постель. Дѣтей нужно особенно предостерегать отъ слишкомъ довѣрчиваго ласканія домашнихъ собакъ».

Въ средней Германіи у собакъ часто встрѣчается еще другой ленточный глистъ, **огуречный лентецъ** (*Taenia cucumerina*), котораго наблюдали иногда у людей, особенно у маленькихъ дѣтей. Во Франкфуртѣ на Майнѣ нѣсколько разъ было доказано его присутствіе у дѣтей, при чемъ несомнѣнно, что причиной зараженія были также собаки. Вышеназванный глистъ, встрѣчающійся въ кишкахъ собаки, имѣетъ около 21 см. длины и выдѣляетъ блѣдно-красные членики, въ 2 миллиметра ширины, которые сами выходятъ изъ тѣла собаки черезъ задній проходъ. Членики эти часто приплюсциваются валяющеюся по полу собакою и прилипаютъ къ ея шерсти. Здѣсь они служатъ пищею паразитнаго насѣкомаго, **собачьяго власоѣда** (*Trichodectes canis*), который питается не кровью, а волосами и перхотью собаки. Въ тѣлѣ этого насѣкомаго образуются почти микроскопически маленькіе пузырчатые глисты (цистицерки), такъ что власоѣда нужно разсматривать какъ промежуточнаго хозяина, необходимаго для развитія огуречнаго лентца. Когда собака зубами чешется и лижетъ себѣ шерсть, то она часто проглатываетъ паразита и пузырчатки у нея превращаются въ лентецовъ. Какъ часто видишь, что мамани и няньки позволяютъ маленькимъ дѣтямъ руками ласкать собачекъ, даже иногда сами водятъ ручкой ребенка по шерсти любимаго животнаго. Онѣ и не подозреваютъ, какъ легко маленькое насѣкомое можетъ прилипнуть къ потной ручкѣ ребенка, а затѣмъ и попасть къ нему въ ротъ. Насѣкомое тогда переваривается въ желудкѣ дитяти, а пузырчатки, въ немъ гнѣздящіяся, превращаются въ кишкахъ ребенка въ лентецовъ.

Но самая страшная собачья болѣзнь, безъ сомнѣнія, бѣшенство или водобоязнь, которая въ высшей степени опасна не только для собакъ и другихъ домашнихъ животныхъ, но и для человѣка. Эта страшная болѣзнь является обыкновенно только у взрослыхъ собакъ, чаще всего лѣтомъ, во время большой жары или зимою въ сильные морозы. Первые признаки этой болѣзни выражаются въ томъ, что собака измѣняетъ свое поведеніе, дѣлается коварно-ласковою, ворчитъ на своего господина, становится необыкновенно сонной и скучной, отыскиваетъ теплыя мѣста, часто приходитъ обнюхивать кормъ, но не ѣстъ, жадно пьетъ воду, но въ очень небольшомъ количествѣ и, вообще, кажется безпокойной и испуганной. Дальнѣйшее развитіе болѣзни можно узнать потому, что у собаки мѣняется голосъ и вмѣсто лая является грубый, хриплый вой, она совершенно теряетъ аппетитъ, глотаетъ съ трудомъ, глаза у нея дѣлаются мутными; собака часто выбѣгаетъ изъ дома, лижетъ и даже проглатываетъ несъѣдобные предметы, а затѣмъ начинаетъ ласкать зубами и безъ причины кусается. Во время болѣзни является обыкновенно запоръ, уши свѣшиваются внизъ, хвостъ бываетъ опущенъ, глаза тускнѣютъ и сканиваются, а еще позднѣе они краснѣютъ и воспаляются. Собака становится нечувствительной къ ласкамъ, не слушается приказаній хозяина, дѣлается все безпокойнѣе и боязливѣе, дико и пристально глядитъ и низко опускаетъ голову; морда около глазъ и челюстей распухаетъ, языкъ дѣлается краснымъ и виситъ изъ пасти, откуда течетъ густая слюна. Скоро она совсѣмъ перестаетъ

лаять, а только ворчитъ и не узнаетъ знакомыхъ людей и даже хозяина. Она жадно стремится къ питью, но не можетъ его проглотить и даже, если силою влить ей жидкость въ горло, то она производитъ у ней судорожное сжатіе мускуловъ глотки. Тогда начинается настоящая водобоязнь и отвращеніе отъ всякихъ жидкостей. Собака не ложится, но начинаетъ бѣгать кругомъ съ опущеннымъ хвостомъ и помутившимся взоромъ.

Въ этомъ періодѣ болѣзнь можетъ развиваться въ тихое или ярое бѣшенство. При тихомъ бѣшенствѣ глаза воспалены, но мутны и неподвижны, языкъ дѣлается синеватымъ и далеко вывѣшивается изъ пасти. По угламъ рта показывается бѣлая пѣна, пасть всегда открыта, нижняя челюсть неподвижна и свѣшивается внизъ. Собака, шатаясь и невѣрными шагами бѣжитъ, сама не зная куда, иногда за нѣсколько верстъ, хвостъ у ней поджатъ и голова опущена, и она кусаетъ всѣхъ, кого встрѣтитъ, но преимущественно собакъ. Если она встрѣтитъ препятствіе, недозволяющее ей бѣжать дальше, то она кружится на одномъ мѣстѣ, часто падаетъ и тяжело дышетъ.

При яромъ бѣшенствѣ глаза у собаки блестятъ, зрачекъ расширенъ, пасть открыта, но почти совѣтъ не смочена слюной, синеватый языкъ виситъ изъ рта. Уже въ началѣ развитія этого вида болѣзни, собака выказываетъ высшую степень злобности и коварства, даже относительно своего господина. Какъ-бы непроизвольно хватаетъ она всякіе близкіе предметы, на примѣръ, мимолетающихъ мухъ, нападаетъ на домашнихъ птицъ и разрываетъ ихъ, но не ѣстъ, приманиваетъ къ себѣ другихъ собакъ и затѣмъ яростно на нихъ бросается, скалитъ зубы, морщитъ всю морду, визжитъ, облизываетъ воспаленнымъ языкомъ свои губы и щелкаетъ имъ, причемъ изъ рта течетъ водянистая слюна. Отъ воды она отворачивается, переплываетъ, однако, иногда рѣчки и пруды. Она кусаетъ все, что ни встрѣтится, даже безжизненные предметы: цѣпныя собаки яростно кусаютъ свою цѣпь. По показаніямъ Гагенбарта бѣшеная собака пробѣжала въ три часа двадцать четыре километра, забѣгала по дорогѣ въ шесть деревень и множество фермъ и перекусила всѣхъ встрѣтившихся собакъ и свиней, а также двухъ человѣкъ.

Древніе греки уже знали о бѣшенствѣ собакъ, хотя въ южной Европѣ оно встрѣчается рѣже, чѣмъ въ средней. Въ странахъ холоднаго и жаркаго пояса эта болѣзнь встрѣчается рѣже или даже вовсе не появляется. Въ центральной Азіи, на примѣръ, по словамъ Вальтера и во всей Австраліи, по показаніямъ Ленденфельда, бѣшенство вовсе неизвѣстно; оно не замѣчается также у собакъ дикихъ народовъ, которые однако плохо ухаживаютъ за своими домашними животными. Часто высказывалось мнѣніе, что водобоязнь у человѣка не встрѣчается и что въ тѣхъ случаяхъ, когда ее наблюдали, эту болѣзнь смѣшивали съ какими-нибудь другими недугами. Мнѣніе это основывается на томъ, что отдѣльные признаки водобоязни встрѣчаются и при другихъ болѣзняхъ, но соединеніе всѣхъ признаковъ обособляетъ эту болѣзнь отъ всѣхъ другихъ. Лучшее всего бѣшенство у людей доказано тѣмъ, что удалось отъ людей, страдающихъ этой болѣзью, привить ее собакамъ и другимъ животнымъ. Точно также доказано, что не только собаки, но и другія животныя, на примѣръ, волки, лисы, кошки, лошади, коровы, козы и овцы заражаются этимъ ужаснымъ недугомъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ричмондскомъ паркѣ, около Лондона, бѣшенствомъ хворали даже олени, которыхъ покусали бѣшенныя собаки, проникшія въ паркъ изъ Лондона.

Къ счастью, не всякій человѣкъ, даже укушенный дѣйствительно бѣшеной собакой, а не такой, въ которой эта болѣзнь только предполагалась, заболѣваетъ водобоязью. Степень опасности укушенія, по Вольфбергу, зависитъ отъ періода

развитія болѣзни въ собакѣ, отъ количества проникшаго въ рану яда, который можетъ быть совсѣмъ задержанъ одеждой, глубиною раны, а также и отъ укушенной части тѣла. Изъ 59 человекъ, которые были укушены бѣшеными волками черезъ одежду, умеръ только одинъ, между тѣмъ изъ 85 человекъ, укушенныхъ въ голову, руки и другія непокрытыя части тѣла, умерло 66 человекъ. Значеніе отдѣльныхъ частей тѣла при укушеніи бѣшеными собаками ясно видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ, приводимыхъ Боллингеромъ: изъ 100 человекъ, укушенныхъ дѣйствительно бѣшеными собаками въ лицо, умерло 90, въ руки—63, въ туловище—63, въ нижнія конечности—28 и въ верхнія—20. Заболѣваніе бѣшенствомъ у человека происходитъ не всегда черезъ опредѣленное время, причѣмъ имѣетъ значеніе не только качество раны, но также и животное, укушившее человека. По словамъ Бауера изъ 510 несомнѣнныхъ случаевъ бѣшенства болѣзнь появилась: при 49 случаяхъ укушенія волками среднимъ числомъ черезъ 39 дней, при 293 случаяхъ укушенія собаками—черезъ 73 дня, при 31 случаѣ укушенія кошками черезъ 80 дней. Ланглей Мильсъ сообщаетъ, что человекъ, укушенный бѣшеной обезьяной, захворалъ только черезъ 21 мѣсяць (?).

Представить хорошія статистическія таблицы о распространеніи собачьяго бѣшенства очень трудно, такъ какъ имѣющіеся данныя не многочисленны и не однообразно составлены. Въ Германіи бѣшенство встрѣчается чаще всего въ восточныхъ провинціяхъ, куда оно заносится изъ Россіи бѣшеными собаками и волками. Распространеніе этой болѣзни, однако, значительно ослаблено существующими въ Германіи довольно строгими законоположеніями; такимъ образомъ, въ три года, отъ 1881—1884 въ Пруссіи, Баваріи, Саксоніи и Баденѣ умерло отъ бѣшенства меньше людей, чѣмъ умираетъ ихъ отъ этой болѣзни въ одинъ годъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что законъ объ обязательныхъ намордникахъ хотя и представляетъ много неудобствъ для владѣтелей собакъ и самихъ животныхъ, имѣетъ очень хорошее вліяніе на уменьшеніе случаевъ зараженія бѣшенствомъ; точно также благоприятно повліяло истребленіе бездомныхъ собакъ и довольно высокій налогъ на нихъ, вслѣдствіе чего число ненужныхъ собакъ значительно уменьшилось. Законъ предписываетъ также не просто убивать, а запираетъ и подвергать наблюденію тѣхъ подозрительныхъ собакъ, которыя кого-нибудь укусили. Во всей Пруссіи умерло отъ бѣшенства въ 1880 году—10 человекъ, въ 1881—6, въ 1882—4, въ 1883—1, въ 1884—0, что ясно доказываетъ цѣлесообразность принятыхъ мѣръ; во всѣхъ госпиталяхъ Германской имперіи за послѣдніе три года умерло отъ водобоязни лишь пять человекъ.

Уже издавна предлагались многія средства противъ этой ужасной болѣзни, но ни одно изъ нихъ не оказалось вполне цѣлесообразнымъ; судить о дѣйствіи этихъ средствъ уже потому трудно, что очень рѣдко можно съ достовѣрностью узнать, дѣйствительно-ли укушившая собака была бѣшеная. Единственное безусловно вѣрное средство есть немедленное выжиганіе раны, но только въ очень рѣдкихъ случаяхъ можно его примѣнить тотчасъ-же послѣ укушенія. При небольшомъ промедленіи ядъ успѣваетъ проникнуть въ тѣло человека и вліяніе его тогда уже зависитъ отъ такихъ условій, на которыя человекъ не можетъ вліять; въ такихъ случаяхъ укушеніе иногда проходитъ безслѣдно, а иногда ведетъ къ вѣрной смерти. Въ послѣднее время французскій ученый Пастеръ изобрѣлъ способъ лѣченія, который, по его мнѣнію, предохраняетъ человека отъ водобоязни. Способъ этотъ основывается на томъ, что болѣзнь можно предотвратить прививаніемъ, точно такъ, какъ дѣтей предохраняютъ отъ оспы, прививая имъ телячью. Пастеръ высушиваетъ хребтовой мозгъ животныхъ, больныхъ водобоязнью, растираетъ его въ мясномъ отварѣ и нѣсколько разъ вырыскиваетъ эту

смѣсь подъ кожу челоѣка. Дѣйствіе яда слабѣетъ, вслѣдствіе высушиванія хребетного мозга и потому онъ превращается въ вещество, которое можетъ быть привито челоѣку безъ вреда для здоровья. Съ 1885 года у Пастера лѣчилося нѣсколько тысячъ челоѣкъ, укушенныхъ бѣшенными животными. Очень многіе изъ этихъ людей были укушены собаками, въ которыхъ бѣшенство только предполагалось, но значительное число, однако, получили раны отъ животныхъ, у которыхъ водобоязнь была несомнѣнно доказана. Нѣкоторые изъ больныхъ все-таки умерли, несмотря на пастеровское привитіе, а можетъ быть и вслѣдствіе его; большинство-же остальныхъ было спасено этимъ средствомъ отъ вѣрной смерти.

Несомнѣннымъ признакомъ здоровья собаки служить влажный и холодный носъ. Если носъ сухой и горячій, глаза нѣсколько помутившіеся и собака терять аппетитъ, то она навѣрно больна. Если она не поправится скоро и если средства, предписанныя хорошимъ ветеринаромъ, не дѣйствуютъ тотчасъ-же, то мало надежды на сохраніе жизни собаки, такъ какъ онѣ рѣдко выздоравливаютъ отъ продолжительныхъ болѣзней. Вѣшнія пораненія вылѣчиваются у собакъ скоро и легко, часто даже безъ врачебной помощи; противъ внутреннихъ-же болѣзней даже опытные ветеринары, неговоря уже о деревенскихъ знахаряхъ, не знаютъ никакихъ вѣрныхъ средствъ, такъ какъ эти болѣзни у собакъ имѣютъ всегда очень острый характеръ и скоро ведутъ къ смерти.

Польза, приносимая собакой челоѣку, неисчислима. Значеніе этого домашняго животнаго для образованныхъ народовъ извѣстна нашимъ читателямъ изъ собственнаго опыта, но польза, приносимая ею дикимъ и необразованнымъ народамъ, можетъ быть еще больше. Мясо собаки ѣдятъ жители острововъ Полинезіи, а также многіе африканскіе народы, тунгузы, китайцы, эскимосы и индѣйцы Сѣверной Америки. Въ Китаѣ можно часто видѣть мясниковъ, предлагающихъ на продажу собачье мясо; мясники эти всегда окружены стаями живыхъ собакъ, которыя на нихъ яростно нападаютъ. Особенно удобной для откармливанія породой считается собака средней величины, плотнаго тѣлосложенія, нѣсколько напоминающая нашего шпица и которая разводится на границахъ степи Тибета специально какъ съѣдобное животное. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ шара такихъ собакъ была привезена на собачью выставку въ Лондонъ; ими очень восхищались, и герцогъ Норфолькскій, говорятъ, купилъ ихъ на заводъ за 500 гиней (около 5 тысячъ рублей). Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ отношеніи между челоѣкомъ и собакой, которое многими можетъ показаться нѣсколько страннымъ и непріятнымъ: уже Вернардень де Сентъ-Пьеръ выразилъ мысль, что питаніе собачьимъ мясомъ есть первый шагъ къ людоедству. Этнографическія изысканія, сдѣланныя съ тѣхъ поръ, указали на нѣкоторую правдоподобность этого взгляда, такъ что можно предположить, что обычай ѣсть собачье мясо служить или предвѣстникомъ, или спутникомъ, или остаткомъ людоедства.

Но даже тамъ, гдѣ собакъ ѣдятъ постоянно или только случайно она все-таки остается товарищемъ и помощникомъ челоѣка; даже у самыхъ низко стоящихъ по образованію людей, которые не даютъ собакамъ и клѣчекъ, она приносить пользу. У дикихъ народовъ тропическихъ странъ собака служитъ сторожемъ и спутникомъ на охотѣ, а у сѣверныхъ народовъ, которые безъ собаки были-бы совсѣмъ безпомощны, она возитъ санки по ледянымъ и снѣговымъ пустынямъ этихъ печальныхъ странъ или несетъ на спинѣ багажъ охотника. Въ Сѣверной Азии изъ собачьихъ шкуръ приготовляютъ одежду и даже въ Германіи собачій мѣхъ идетъ на шапки, сумки и муфты. Изъ костей и сухожилій приготовляютъ клей; тонкая, но очень крѣпкая кожа въ дубленномъ видѣ употребляется на башмаки, а при-

готовленная какъ замша—на перчатки. Шерсть идетъ на набивку мебели. Собачій жиръ служитъ для смазыванія машинъ, а прежде служилъ домашнимъ средствомъ противъ чохотки. Даже собачій калъ, такъ называемый *Album gresum*, потому, что греки прежде всего обратили на него вниманіе, находилъ употребленіе какъ лѣкарство. Собаками пользовались также и на войнѣ, не такъ, какъ предполагаютъ въ наше время, именно въ видѣ хорошо дрессированныхъ аванпостныхъ сторожей или быстроногихъ и малозамѣтныхъ гонцовъ, но какъ настоящихъ ратниковъ, сражающихся рядомъ съ воинами. Когда испанцы подчиняли себѣ страны Новаго Свѣта, то большія, такъ называемыя кровяныя собаки, принимали большое участіе въ сраженіяхъ съ туземцами и многіе изъ этихъ животныхъ по своей храбрости и доблестнымъ поступкамъ заслужили такую-же похвалу, какъ и нѣкоторые герои этихъ кровавыхъ походовъ. Собаки эти, или лучше сказать за нихъ ихъ хозяева, получали соответствующую часть добычи. Позднѣе и даже до повѣйнаго времени, особенно въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки, употребляли кровяныхъ собакъ для отысканія бѣжавшихъ въ лѣса черныхъ рабовъ.

Уже съ давнѣйшихъ временъ люди цѣнили пользу, приносимую собаками, но обращались съ ними и любили ихъ не вездѣ одинаково. Сократъ имѣлъ обыкновеніе клясться собакою; Александръ Македонскій былъ такъ опечаленъ неожиданной смертью своей собаки, что въ честь ея выстроилъ городъ съ храмами; Гомеръ воспѣлъ Аргуса, пса Одиссея, самымъ трогательнымъ образомъ; Плутархъ восхваляетъ Меламписеа, собаку коринфскаго куница, которая переплыла море, чтобы вернуться къ своему господину; вѣрный Филеръ увѣковѣченъ надписью на греческихъ надгробныхъ памятникахъ; у римскихъ писателей говорится о собакѣ одного казеннаго преступника, которая съ воемъ плыла по Тибру за трупомъ своего господина; Сотеръ, единственный оставшійся въ живыхъ пестъ изъ тѣхъ, которые защищали Коринѣ, получилъ отъ гражданъ этого города серебряныи ошейникъ съ надписью «защитникъ и спаситель Коринѣа». Плиній ставитъ собакъ очень высоко и рассказываетъ о нихъ много удивительнаго. Мы, напримѣръ, узнаемъ отъ него, что Колофонійцы, влѣдствіе своихъ безпрестанныхъ войнъ, содержали большія стаи собакъ, и что эти собаки въ самомъ началѣ битвы нападали уже на враговъ и оказывались очень полезными. Когда Александръ Македонскій предпринялъ походъ въ Индію, то Албанскій царь подарилъ ему собаку огромнаго роста, которая очень понравилась Александру. Онъ хотѣлъ устроить борьбу между этой собакой и медвѣдами, кабанами и другими подобными животными, но собака лежала смирно и не хотѣла бороться съ ними. Александръ подумалъ, что она лѣнива и робка и велѣлъ ее убить. Когда это узналъ Албанскій царь, то онъ прислалъ ему вторую собаку той-же породы и велѣлъ сказать, чтобы Александръ не давалъ этому псу бороться со слабыми животными, но со львами и слонами, и что если Александръ и эту собаку велитъ убить, то подобной ему уже не достать. Александръ натравилъ этого пса на льва и на слона и она загрызла ихъ обоихъ. Густинъ рассказываетъ, что Киръ въ молодости былъ вскормленъ собакою. Очень многіе древніе писатели восхваляютъ вѣрность собакъ. Спартанцы жертвовали богу войны между прочими животными также и собаку, и молодыхъ кормицкихъ сукъ кормили мясомъ этой жертвы. Греки воздвигали собакамъ памятники, но слово собака считалось у нихъ браннымъ. Древніе египтяне пользовались собаками при охотѣ и, какъ видно по изображеніямъ на памятникахъ, очень цѣнили. Евреи-же считали собаку нечистымъ животнымъ и презирали ее, что видно изъ многихъ мѣстъ Библии; почти точно также относится къ собакамъ и нынѣшніе арабы. Древніе германцы, напротивъ, собакъ очень уважали. Когда римляне въ 108 году до Р. X. побѣдили кимвровъ, то они должны

были вынести жестокой бой съ псами, охранявшими повозки этихъ германцевъ. Хорошій песь въ Германіи цѣнился въ 12 шиллинговъ, а конь только въ 6 шиллинговъ. Если у древнихъ бургундцевъ кто-нибудь красть хорошую охотничью или борзую собаку, то онъ долженъ былъ всенародно поцѣловать задъ собаки или заплатить семь шиллинговъ. Канарскіе острова получили названіе, по словамъ Плинія, отъ собакъ. Въ Перу, говоритъ Гумбольдтъ, при лунномъ затмѣніи собаку били до тѣхъ поръ, пока продолжалось затмѣніе.

Въ высшей степени интересно передать все, заимствованныя отъ собакъ врачебныя средства, о которыхъ говорятъ древніе писатели. Какъ цѣлая собака, такъ и все составныя части ея служили для врачебныхъ цѣлей. О медицинскомъ употребленіи собакъ много говоритъ Плиній, но кромѣ него объ этомъ упоминаютъ Секстъ, Гишнократъ, Галенъ, Фавентій, Марцеллъ, Бонтій, Эскулапъ и Амагосъ. Если живую собаку положить на грудь больного, то отъ этого утихаетъ боль въ груди. Если вскрытую собаку привязать къ головѣ женщины, страдающей меланхолей, то она освобождаетъ ее отъ этой болѣзни. По словамъ Секста припарка изъ вскрытой собаки оказывается очень полезной и при болѣзни селезенки. Если мясо кормящей собаки сварить съ виномъ, миррой и разными пряностями, то подобное кушанье очень полезно при падучей болѣзни. Молодая охотничья собака помогаетъ отъ болѣзни печени. Если женщина, имѣвшая уже дѣтей, дѣлается безплодной, то ей стоитъ только досыта наѣсться собачьяго мяса, чтобы избавиться отъ этого недуга. Употребленіе жилистаго собачьяго мяса предохраняетъ отъ укушенія этихъ животныхъ. Зола сожженной собаки составляетъ прекрасное средство противъ глазныхъ болѣзней, а если ею потереть брови, то онѣ получаютъ прекрасный чернѣйшій цвѣтъ. Соленое мясо бѣшеной собаки считалось хорошимъ средствомъ противъ водобоязни. Пепель отъ сожженнаго черепа здоровой собаки уничтожаетъ дикое мясо, излѣчиваетъ ракъ, предохраняетъ отъ водобоязни, уменьшаетъ, если его принять съ водой, боль въ боку и всякаго рода опухоли. Пепель черепа бѣшеной собаки полезенъ противъ желтухи и зубной боли. Кровь собаки употреблялась также во многихъ случаяхъ: она очень полезна противъ чесотки и уничтожаетъ кашель лошадей; если ее пить въ большомъ количествѣ, то она служитъ прекраснымъ противоядіемъ; если ею намазать домъ, то онъ предохраняется отъ разныхъ болѣзней. Собачій жиръ употреблялся для уничтоженія родимыхъ пятенъ и угрей на лицѣ; онъ излѣчиваетъ также безплодныхъ женщинъ, но для этого надо собаку сварить цѣлкомъ и снять жиръ съ этого бульона; изъ жира молодыхъ собакъ дѣлали мазь противъ паралича, а смѣшенный съ полынью онъ считался средствомъ отъ глухоты. Мозгъ собаки, намазанный на тряпку, очень полезенъ отъ переломовъ костей, но употреблялся также отъ слабости глазъ. Собачья селезенка хороша противъ воспаленій селезенки и другихъ болѣзней этого органа, причемъ лучше всего она дѣйствуетъ, если вырѣзана изъ живой собаки. Употребленіе въ пищу сырой печени считалось хорошимъ лѣкарствомъ противъ водобоязни, но ее нужно вырѣзать изъ собаки того-же пола, какъ и укушенный человекъ. Противъ этой-же болѣзни употреблялись черви изъ трупа бѣшеной собаки. Собачья кожа уменьшаетъ потѣніе ногъ. Тройной ошейникъ изъ такой кожи предохраняетъ отъ жабы, а поясъ изъ собачьей кожи уничтожаетъ рѣзь въ животѣ. Шерсть собаки, завернутая въ платокъ и приложенная къ головѣ, помогаетъ при головной боли, а также предохраняетъ отъ водобоязни и даже излѣчиваетъ ее, если шерсть положить непосредственно на рану. Желчь, смѣшанная съ медомъ, служитъ хорошею мазью для глазъ и помогаетъ отъ лишаевъ, а если ее намазать перомъ, а не рукой, то она помогаетъ отъ подагры. Пить собачье молоко очень здорово; смѣшанное съ селитрой оно служитъ

лѣкарствомъ противъ проказы, а смѣшанное съ золой помогаетъ росту волосъ и полезно при трудныхъ родахъ. Очищенная моча молодыхъ собакъ умѣряетъ слишкомъ сильный ростъ волосъ. Собачими клыками трутъ маленькимъ дѣтямъ челюсти, чтобы у нихъ легче прорѣзывались зубы. Если бросить лѣвый верхній клыкъ въ огонь, то проходитъ зубная боль, какъ только дымъ отъ горячаго зуба разсѣется; превращенный въ порошокъ и смѣшанный съ солью, онъ также служитъ хорошимъ средствомъ отъ зубной боли. Изъ кала приготавливаютъ хорошій пластырь противъ опухоли, который употребляется также противъ жабы и кроваваго поноса. Возможно-ли, впрочемъ, перечислить все лѣчебныя средства, заимствованныя отъ собакъ! Многія изъ нихъ и до сихъ поръ употребляются деревенскими людьми.

Несмотря на все вышеизложенныя достоинства домашнихъ собакъ, я однако не берусь подробно описывать почти безконечное количество породъ ихъ. обстоятельное знакомство со всеми этими породами, а особенно предположенія о происхожденіи ихъ не могутъ быть помѣщены въ этомъ изданіи. Поэтому я ограничусь описаніемъ наиболее выдающихся сортовъ собакъ и воздержусь отъ всякихъ разсужденій объ ихъ происхожденіи *).

* * *

Борзые собаки (*Canis familiaris grajus*, *C. f. leporarius*. Windhund. Levrier) отличаются слѣдующими признаками: туловище ихъ худощаво и граціозно, грудь широка, а въ пахахъ тѣло поджато, голова острая и вытянутая, конечности тонкія и высокія и шерсть почти всегда короткая и гладкая. Тонкая морда, довольно длинная, острая, полустоячая, лишь на концѣ только свѣшивающіяся уши и короткія губы придаютъ головѣ борзыхъ граціозную форму и вмѣстѣ съ тѣмъ обуславливаютъ свособразное развитіе органовъ чувствъ. Борзая слышитъ и видитъ отлично, но чутье у нея плохо развито, потому что носовыя раковины не могутъ получить большого распространенія при острой мордѣ и слѣдовательно и обонятельные нервы не такъ сильно развиты, какъ у другихъ собакъ. Удлиненное туловище отличается очень широкою и обширною грудью, въ которой помѣщаются относительно очень объемистыя легкія, успѣвающія доставлять крови необходимое количество кислорода даже при усиленномъ кровообращеніи, происходящемъ отъ быстрого бѣга. Пахи, напротивъ того, сильно втиснуты какъ-бы для того, чтобы облегчить туловищу, передняя часть котораго довольно тяжела. Подобное тѣлосложеніе можно замѣтить у гибоновъ и гепарда и вообще у многихъ другихъ животныхъ, которыя способны къ быстрымъ и продолжительнымъ движеніямъ. Конечности борзыхъ очень тонкія и худощавы: подъ кожей ихъ замѣтны все мускулы и сухожилия, которыми они кончаются. Но и на груди подъ кожей видны даже междуреберные мускулы. У нѣкоторыхъ борзыхъ они такъ ясны, что походятъ на хорошій анатомическій препаратъ. Хвостъ очень тонокъ, длиненъ, свѣшивается гораздо ниже пяточного сустава и виситъ внизъ или вытянутъ назадъ съ приподнятымъ наверхъ кончикомъ. Шерсть въ большинствѣ случаевъ короткая, гладкая и шелковистая и чаще всего окрашена въ красивый рыжевато-желтый цвѣтъ; но у нѣкоторыхъ сортовъ она мѣстами удлиняется и тогда принимаетъ другой цвѣтъ. Самыя породистыя борзые, именно персидскія и центрально-африканскія, почти все однообразно рыжаго цвѣта; пѣгіе экземпляры встрѣчаются рѣже и всегда слабѣе одноцвѣтныхъ.

*) При описаніи собакъ не было возможности обратить вниманіе на русскія породы охотничьихъ псовъ, такъ какъ и заграничныя породы описаны у Брэма слишкомъ поверхностно. Мы старались также избѣгать спеціально охотничьихъ терминовъ, чтобы переводъ былъ понятенъ и для неспеціалистовъ. *Прим. редакт.*

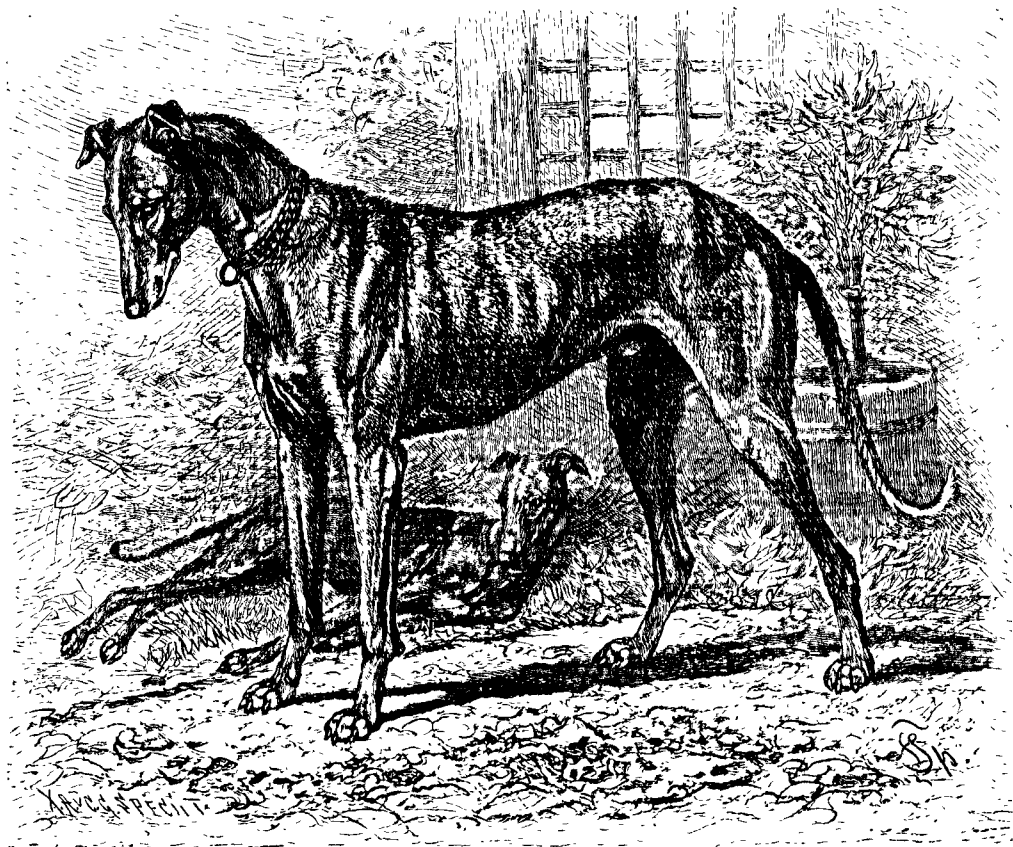
По своимъ душевнымъ качествамъ борзая отличается отъ другихъ собакъ. Въ ней замѣчается значительная доля эгоизма, она не особенно вѣрна своему хозяину, позволяетъ каждому себя ласкать и расположена ко всѣмъ, кто къ ней дружественно относится. Она очень любитъ, чтобы ее ласкали, но легко раздражается и скалитъ зубы лишь только ее начинаютъ дразнить. Въ ней очень замѣтно тщеславіе и даже нѣкоторая степень гордости; она не легко переноситъ худое обращеніе. При сильномъ возбужденіи сердце у ней начинаетъ биться необыкновенно быстро и даже неправильно, причѣмъ все тѣло ея дрожить. Вслѣдствіе всѣхъ вышеуказанныхъ качествъ она только въ извѣстной степени годится въ товарищи человѣку. Если она живетъ у хозяина, который ее постоянно ласкаетъ, то она чувствуетъ себя хорошо и выказываетъ ему нѣкоторую привязанность; но какъ только найдется человѣкъ, который съ ней еще лучше обращается, чѣмъ ея хозяинъ, то она легко измѣняетъ ему. Эта невѣрность даже доказана исторически. Когда умеръ англійскій король Эдуардъ III, то его любовница сейчасъ-же стащила драгоцѣнный перстень съ его руки, а его борзая собака покинула его въ минуту смерти и стала ласкаться къ его врагу. Однако и между борзыми встрѣчаются похвальные исключенія и нѣкоторые экземпляры этой породы выказываютъ такую-же привязанность и вѣрность къ своему хозяину, какъ и прочія собаки, что должно насъ примирить со всей породой. Во всякомъ случаѣ у борзыхъ слѣдуетъ извинить ихъ нѣсколько легкомысленное отношеніе къ человѣку, такъ какъ существуютъ нѣскія доказательства въ пользу того мнѣнія, что привязанность собаки къ человѣку находится въ зависимости отъ степени развитія ея обонянія.

Къ другимъ собакамъ борзая относится точно такъ, какъ и къ человѣку. Она ихъ не любитъ и почти равнодушна къ нимъ, но если дѣло дойдетъ до драки между собаками, то она первая принимаетъ въ ней участіе и тогда можетъ быть опасна. Несмотря на свое худощавое строеніе, она очень сильна и очень хорошо умѣетъ пользоваться своимъ большимъ ростомъ: она прижимаетъ меньшую собаку къ землѣ, хватаетъ ее своей тонкой мордой за затылокъ, приподнимаетъ и такъ сильно трясетъ, что противникъ часто теряетъ сознаніе. Во время подобныхъ дракъ борзая часто выказываетъ подлость своего характера: въ то время какъ другія, болѣе благородныя, крупныя собаки относятся всегда нѣсколько снисходительно къ слабымъ противникамъ и рѣдко ихъ серьезно кусаютъ, борзая пользуется всѣми своими преимуществами и часто до смерти загрызаетъ маленькихъ собакъ. Однако всѣ эти несимпатичныя качества борзой не могутъ уменьшить ея достоинствъ. Многимъ народамъ она также необходима, какъ легавая собака европейскимъ охотникамъ и какъ овчарка пастухамъ. Она гораздо чаще разводится на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ и именно въ степныхъ странахъ. Татары, персы, жители Малой Азіи, бедуины, кабилы, жители Судана, индусы и другіе средне-африканскіе и азіатскіе народы ее очень уважаютъ и цѣнятъ часто наравнѣ съ хорошей лошадыю. Между арабскими племенами пустыни и еще больше въ пустынныхъ степяхъ, окружающихъ Сахару, распространена поговорка: «хорошій соколъ, быстрая собака, благородный конь болѣе цѣнны, чѣмъ двадцать женъ». Понятна эта пословица только тогда, когда поживешь съ этими людьми.

Въ Германіи, конечно, теперь борзыми рѣдко пользуются. Охота съ ними очень вредна для дичи, живущей въ ограниченномъ пространствѣ, и потому во многихъ мѣстахъ даже запрещена. Только помѣщики, владѣющіе очень большими имѣніями, доставляютъ себѣ удовольствіе охотиться съ борзыми. Къ охотѣ ее не трудно приучить. Когда ей минетъ полтора года, то ее держатъ на привязи и приучаютъ сначала спокойно бѣгать такимъ образомъ, затѣмъ приводятъ ее вмѣ-

стѣ съ другой, уже взрослой борзой въ такой участокъ, гдѣ встрѣчаются зайцы, и сначала травить только молодыхъ зайцевъ и то на довольно близкомъ разстояніи. Мѣстность должна быть по возможности ровная и безлѣсная, такъ чтобы можно было повсюду проѣхать верхомъ и такимъ образомъ поспѣть во время, когда молодая собака схватитъ зайца.

Подобная охота очень красива. Заяцъ вовсе не такъ глупъ, какъ кажется и умѣетъ различнымъ образомъ обмануть неопытную собаку. Борзая гонится за дичью съ необыкновенною быстротою, дѣлая невѣроятно большіе прыжки въ два, три, четыре метра длины, такъ что въ искусствѣ прыгать она можетъ сравниться

Борзая собака. *Canis familiaris grajus*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

съ крупными кошками; вслѣдствіе этого она скоро догоняетъ зайца. Вотъ она уже къ нему приблизилась, готова его схватить, но заяцъ внезапно обернулся и побѣжалъ назадъ; собака съ разбѣга не можетъ сразу остановиться, бѣжитъ еще нѣкоторое время, затѣмъ почти падаетъ на землю, яростно оглядывается, ницетъ и наконецъ видитъ зайца, который успѣлъ убѣжать на разстояніе полутора шаговъ; тогда и собака оборачивается, бѣжитъ за нимъ и готова снова его схватить, но заяцъ опять дѣлаетъ крутой поворотъ и такимъ образомъ въ другой разъ обманываетъ собаку. Это могло-бы продолжаться безъ конца, если-бы не имѣть при этомъ другой собаки, которая гонится за зайцемъ по сокращенному пути и перерѣзываетъ ему дорогу. Охотникъ долженъ какъ можно скорѣе поспѣть къ тому

мѣсту, гдѣ собака схватила зайца, такъ какъ борзья большею частью не щадятъ дичи и часто пожираютъ ее раньше, чѣмъ охотникъ успѣетъ подѣхать. Борзая, которая удерживаетъ другихъ отъ пожирания дичи, и такая, которая одна въ состояніи изловить зайца, цѣнится очень дорого. Вышина борзой въ плечахъ бываетъ около 70—80 см.

Между тѣмъ, какъ на сѣверѣ борзья собаки значительно различаются другъ отъ друга по тѣлосложенію и шерсти, южныя борзья, повидимому, принадлежатъ всѣ къ одной породѣ, которую можно назвать степною. Всѣ эти собаки очень породисты и красивы, шерсть у нихъ шелковистая, цвѣтъ ея блѣдно-чалый, иногда переходящій въ бѣловатый, но иногда принимающій бурый оттѣнокъ. На древнихъ, египетскихъ памятникахъ встрѣчается изображеніе подобныхъ собакъ, именно пѣгой масти, изъ чего можно заключить, что человѣкъ уже издавна пользуется этимъ прекраснымъ животнымъ. Я познакомился съ этими борзыми въ Кордофанѣ.

Всѣ степные африканскіе народы, какъ осѣдлые, такъ и бродячіе, особенно высоко цѣнятъ борзыхъ собакъ. Мнѣ нигдѣ не удалось купить борзую, такъ какъ африканцы ни за что не хотятъ продавать ихъ. Цѣна этихъ животныхъ опредѣляется извѣстными обычаями, которые получили значеніе законовъ; такъ, напримеръ, въ Іеменѣ древній обычай требуетъ, чтобы тотъ, кто убилъ борзую, заплатилъ ей хозяину столько пшеницы, сколько нужно, чтобы покрыть собаку, повѣшенную за хвостъ и касающуюся мордой до земли. Принимая во вниманіе, что пшеница въ тѣхъ мѣстахъ стоитъ довольно дорого, и что для зарытія столь крупной собаки нужна очень большая куча, оказывается, что за убитую собаку требуютъ необыкновенно большую цѣну.

Въ 1848 году прожилъ я нѣсколько недѣль въ деревнѣ Мельбесъ въ Кордофанѣ и здѣсь имѣлъ возможность наблюдать центрально-африканскихъ борзыхъ. Хотя жители этой деревни и сѣютъ хлѣбъ, но преимущественно занимаются скотоводствомъ и охотой, поэтому они держатъ только овчарокъ при стадахъ и борзыхъ у себя въ деревнѣ. Передъ каждымъ домомъ можно было видѣть, если пройтись по деревнѣ, нѣсколько этихъ великолѣпныхъ животныхъ, изъ которыхъ одно превосходило другое по красотѣ. Они отличались отъ своихъ европейскихъ родичей тѣмъ, что служили прекрасными сторожевыми собаками, а также охраняли деревню отъ ночныхъ нападений гіены и леопардовъ; только съ однимъ львомъ они не вступали въ борьбу. Днемъ они лежали спокойно и оживлялись только при наступленіи ночи, тогда они лазали по всѣмъ стѣнамъ и даже взлѣзали на коническія, соломенные крыши круглыхъ хижины, чтобы съ верхушки ихъ удобнѣе осматривать окрестность, причемъ нельзя было не удивляться ихъ искусству лазать. Уже въ Египтѣ я замѣчала, что тамоннія деревенскія собаки ночью держатся болѣе на крышахъ домовъ, чѣмъ на улицахъ, но тамъ всѣ крыши плоскія, а въ Мельбесѣ подобныхъ крышъ очень мало. Вначалѣ ночи слышенъ былъ кое-гдѣ лай, но скоро онъ прекращался и наступала тишина, прерывавшаяся лишь тѣмъ шорохомъ, который происходилъ отъ лазающей по крышѣ собаки. Однако, во время моего пребыванія въ этой деревнѣ, рѣдкая ночь проходила безъ того, чтобы собаки не нашли возможность принести пользу людямъ. Гіены, леопарды, гепарды, волки и другія хищныя животныя почти каждую ночь приближались къ деревнѣ. Одна изъ собакъ замѣчала непрошеннаго гостя и начинала свой своеобразный, короткій лай. Всѣ собаки въ одно мгновеніе оживлялись: соскакивали большими прыжками съ крышъ, соединялись на улицахъ въ стаи и со всѣхъ ногъ неслись въ ту сторону, гдѣ былъ замѣченъ врагъ.

Черезъ четверть часа, обыкновенно, стая возвращалась назадъ. При видѣ стаи хищникъ обращался въ бѣгство, и собаки очень далеко никогда не преслѣдовали его. Если же онѣ чуяли льва, то трусливо прятались подъ колючую ограду, окружавшую деревню.

Каждую недѣлю устраивалось нѣсколько праздниковъ для нашихъ борзыхъ. Рано утромъ слышенъ былъ въ деревнѣ звукъ рожка и онѣ вызывалъ такое оживленіе между собаками деревни, какое трудно описать. Когда я въ первый разъ слышалъ звукъ этого рожка, то не понялъ, что онѣ означаетъ, но собаки понимали это очень хорошо. Изъ cadaго дома выбѣгало три или четыре собаки, летѣли на звукъ рожка и въ нѣсколько минутъ около горниста собиравалась стая, состоявшая, по крайней мѣрѣ, изъ 50—60 собакъ. Какъ нетерпѣливые дѣти толклись онѣ около этого человѣка, прыгали вокругъ него, выли, лаяли и визжали, бѣгали взадъ и впередъ, другъ на друга ворчали, ревниво отталкивали тѣхъ собакъ, которыя были ближе къ горнисту, однимъ словомъ, каждымъ звукомъ и каждымъ движеніемъ доказывали, какъ онѣ сильно были возбуждены. Когда я замѣтилъ, что изъ большинства домовъ выходятъ молодые люди съ коньями, арканами и веревками, то я понялъ значеніе рожка: это былъ охотничій призывъ. Тогда люди собирались около собакъ и каждый въ толпѣ разыскивалъ принадлежавшихъ ему борзыхъ. Около cadaго охотника собиравалось отъ 4—6 собакъ и имъ было очень трудно удерживать нетерпѣливыхъ животныхъ, которыя то забѣгали впередъ, то толклись около хозяина, лая и тявка безъ конца. Наконецъ, вся охотничья процессія выходила изъ деревни, представляя собою великолѣпное зрѣлище. Далеко никогда не уходили, такъ какъ ближайшіе лѣса доставляли обильную добычу для охоты, которая, благодаря искусству и усердію собакъ, оказывалась не очень трудною для людей. Приблизившись къ какой-нибудь рощѣ, ее окружали со всѣхъ сторонъ и спускали собакъ, которыя бросались въ чащу и ловили почти всю находившуюся тамъ дичь. Миѣ приносили дрохвъ, цесарокъ, франколиновъ и степныхъ куропадокъ, которыя были пойманы собаками, что прекрасно доказываетъ охотничьи способности этихъ борзыхъ. Антилопа отъ нихъ никогда не могла спастись, такъ какъ за ней разомъ гнались всегда отъ 4—6 собакъ. Обыкновенная охотничья добыча состояла изъ антилопъ, зайцевъ и разныхъ птицъ, но собаки хватили и другихъ животныхъ, на примѣръ: волковъ, шакаловъ, степныхъ лисицъ и другихъ хищныхъ; меня увѣрили, что борзые постоянно справляются съ леопардомъ, гепардомъ и гіепою.

Эти собаки составляютъ гордость степныхъ жителей и потому ихъ ревниво оберегаютъ. Подобныхъ борзыхъ нельзя встрѣтить у осѣдлыхъ арабовъ береговъ Нила, а степные арабы рѣдко приходятъ къ Нилу вмѣстѣ со своими собаками, причемъ нѣкоторые изъ нихъ послѣднихъ почти всегда пожираются крокодилами. Собаки, родившіяся на берегахъ Нила и тамъ выросшія, рѣдко дѣлаются жертвами крокодиловъ; когда онѣ хотятъ пить, то онѣ приближаются къ рѣкѣ со всевозможною осторожностью и никогда не бросаются зря въ воду, какъ незнакомыя съ тамошними условіями степныя собаки. Нильская собака подходит къ берегу недоувѣрчиво, внимательно осматриваетъ воду, подходит къ ней осторожно, постоянно глядитъ на поверхность обманчивой стихіи, пьетъ понемногу и отскакиваетъ при малѣйшемъ движеніи воды; степная-же собака, напротивъ, и не подозреваетъ, чтобы въ водѣ могла быть скрыта какая-нибудь опасность. Она беззаботно прыгаетъ въ рѣку, чтобы освѣжить себѣ грудь и животъ, и такимъ образомъ часто попадаетъ въ пасть крокодила. Служить-ли это обстоятельство главной причиною того, что около Нила не держатъ борзыхъ, или тутъ имѣютъ значеніе другія причины,—сказать я не могу.

Свѣдѣнія о гончихъ западной части Сахары мы заимствуемъ у генерала Дома (Daumas):

«Въ Сахарѣ также, какъ и въ другихъ странахъ, населенныхъ арабами, собака считается презираемымъ, докучливымъ животнымъ, котораго всѣ гонять, несмотря на приносимую имъ пользу какъ сторожа при домѣ и какъ охранителя стады; одна только борзая пользуется расположеніемъ, уваженіемъ и даже нѣжностью своего хозяина. Богатые, равно какъ и бѣдные, смотрятъ на нее какъ на неразлучную участницу всѣхъ воинственныхъ упражненій, до которыхъ бедуины такіе охотники. Они оберегаютъ эту собаку, какъ зеницу ока, даютъ ей особенную пищу, позволяютъ ей ѣсть изъ одной чашки съ собою и обращаютъ большое вниманіе на чистоту породы.

Бедуинъ не полѣнится пробыть нѣсколько дней въ дорогѣ, чтобы для своей породистой суки отыскать достойнаго ее кобеля. Если случится, что борзая сойдется съ простой собакой и забеременѣетъ, то арабы умерщвляютъ щенятъ еще въ утробѣ матери, какъ только беременность дѣлается замѣтною. Такой участи подвергаются иногда не только щенята, но и сама недостойная сука, которую въ такомъ случаѣ хозяинъ безъ всякой жалости приказываетъ лишить жизни: «Какъ!» восклицаетъ онъ, «ты, благовоспитанная собака, благородной породы, позволила себѣ сойтись съ подлой дворнишкой! Это неслыханная низость! околѣвай-же вмѣстѣ съ плодомъ твоего преступленія!»

Къ только что родившимся щенятамъ своей любимой борзой арабы относятся чрезвычайно внимательно и ласково; жены арабовъ нерѣдко даютъ имъ сосать свою собственную грудь; чѣмъ большей славой пользуется сука, тѣмъ болѣе почителей является къ ней когда она ощенится, и всѣ приносятъ ей гостинца, одни молоко, другіе кашу. Чтобы получить хорошаго, породистаго щенка владѣтелю его всячески льстятъ и не скупятся на различныя обѣщанія. «Я вѣдь твой другъ, братъ мой, сдѣлай мнѣ удовольствіе, дай мнѣ то, чего я у тебя прошу, я буду сопровождать тебя на охоту, буду служить и всячески угождать тебѣ». На всѣ подобныя просьбы хозяинъ обыкновенно отвѣчаетъ, что онъ еще себѣ не выбралъ ни одного щенка изъ всего помета и раньше семи дней отвѣта дать не можетъ. Отвѣтъ этотъ зависитъ отъ наблюденія, которое арабы считаютъ вполне достовѣрнымъ. Они увѣряютъ, что въ каждомъ пометѣ есть щенокъ, который всегда лежитъ на другихъ, случайно или вслѣдствіе собственныхъ усилій. Чтобы убѣдиться въ доброкачественности этого щенка, его въ теченіи первыхъ семи дней часто кладутъ въ сторону и смотрятъ: приметъ-ли онъ снова свое первое положеніе, т. е. ляжетъ-ли онъ надъ другими щенятами. Если это случится, то хозяинъ увѣренъ, что изъ этого щенка выйдетъ отличная собака и онъ ни за что не продастъ его, даже если за собачку предлагаютъ взрослому раба-негра. По другому наблюденію лучшими щенками считаются тѣ, которые родились первыми, третьими и пятыми. Черезъ 40 дней щенятъ отнимаютъ отъ матери, но кормятъ ихъ вволю козьимъ или верблюжьимъ молокомъ, а кромѣ того даютъ имъ въ пищу финики и кашу изъ муки. Арабы часто держатъ козъ специально для кормленія щенятъ своихъ борзыхъ».

«Когда борзому щенку минетъ 3 или 4 мѣсяца, то начинаютъ заботиться объ его воспитаніи: мальчики пускаютъ передъ нимъ тушканчиковъ и мышей и травливаютъ собачекъ на этихъ животныхъ. Собакѣ скоро очень нравится эта охота и черезъ нѣсколько недѣль щенокъ уже годится для травли болѣе крупныхъ грызуновъ. Въ возрастѣ 5 или 6 мѣсяцевъ щенка приучаютъ къ травлѣ зайцевъ, что уже гораздо труднѣе. Служители держатъ молодую собаку на привязи, идутъ къ такому мѣсту, гдѣ навѣрно можно найти зайцевъ, спугиваютъ одного изъ нихъ

и тогда пускають борзую, приободривъ ее крикомъ и словами; подобныя упражненія продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока собака не научится хорошо ловить зайцевъ. Затѣмъ учатъ собакъ ловить молодыхъ газелей. Осторожно приближаются къ стаду, гдѣ есть молодые газели, показываютъ ихъ собакамъ, возбуждаютъ въ нихъ ревность къ охотѣ, нѣкоторое время удерживая ихъ, а затѣмъ пускають въ погоню за стадомъ. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ собака сама научается отлично ловить и взрослыхъ газелей».

«Упражняясь такимъ образомъ въ охотѣ, борзая достигаетъ одного года и по росту мало отличается отъ взрослой собаки. Ее однако не берутъ еще на настоящую охоту и считаютъ вполне годной для этого только тогда, когда ей минетъ только пятнадцать или шестнадцать мѣсяцевъ. Но тогда она годится уже для всякаго рода охоты, и дѣйствительно арабская борзая въ этомъ отношеніи совершаетъ почти невѣроятное. Въ сопровожденіи своего хозяина, который ѣдетъ верхомъ, собака эта отправляется въ степь и, при видѣ стада антилопъ, дрожитъ отъ возбужденія и радости и просительно поглядываетъ на своего господина, который снимаетъ свой бурдюкъ съ водой и смачиваетъ собакѣ спину и весь животъ въ увѣренности, что это въ высшей степени подкрѣпляетъ собаку. Наконецъ ее отвязываютъ и она, чувствуя себя свободной, радостно лаетъ и какъ стрѣла бросается на свою добычу, выбирая при этомъ всегда изъ стада самое большое и красивое животное. Когда собака словитъ газель или другую антилопу, то въ награду получаетъ мясо, покрывающее ребра; отъ внутренностей породистая борзая отказывается съ отвращеніемъ.

«Арабская борзая очень умна и самолюбива. Если ей передъ травлей покажутъ большую антилопу, но ей не удастся ее словить, а вмѣсто нея она поймаетъ другую похуже, то арабъ-охотникъ обращается къ ней съ упреками, а собака отъ стыда куда-нибудь прячется и даже отказывается отъ мяса, которое она заслужила. Отъ получаемого воспитанія борзая собака дѣлается очень избалованной: она не хочетъ ѣсть изъ грязной тарелки и не пьетъ молока, которое человѣкъ помѣшалъ рукой и вообще требуетъ самаго лучшаго ухода. Между тѣмъ какъ другихъ собакъ едва кормятъ и онѣ должны довольствоваться падалью и костями, оставшимися отъ борзыхъ, причѣмъ ихъ даже близко не подпускають къ палаткамъ, борзая спитъ въ шатрѣ, на коврѣ, а иногда даже на одной постели со своимъ господиномъ. Ей одѣвають попону, чтобы она не страдала отъ холода, на ночь закрываютъ одѣлами, какъ хорошую лошадь, ее забавляютъ, когда она скучаетъ, и считаютъ ея капризы за признакъ благородной породы. Арабъ любитъ украшать своихъ борзыхъ, одѣваетъ имъ дорогіе ошейники изъ раковинъ и другихъ предметовъ, привѣшиваетъ на нихъ талисманы, чтобы собакъ не сглазили, и кормитъ только тѣмъ, что люди считаютъ лакомствомъ. Борзая сопровождаетъ даже своего господина, когда онъ дѣлаетъ визиты и ее вездѣ принимаютъ, какъ почетнаго гостя и подчуютъ тѣмъ же, чѣмъ угощаютъ и ея господина.

«Борзая охотится только со своимъ господиномъ и вознаграждаетъ его заботы сильною привязанностью. Когда хозяинъ послѣ нѣсколькихъ дней отсутствія возвращается домой, то борзая съ радостнымъ лаемъ выбѣгаетъ изъ палатки, вскакиваетъ на сѣдло, и всячески ласкается къ своему хозяину. Арабъ-же ей говоритъ: «Милый другъ, извини, что я тебя оставилъ одного, но это было необходимо; мы сейчасъ-же съ тобой поѣдемъ на охоту; финики дорогой мнѣ надобны, и ты мнѣ поможешь добыть мяса, отъ котораго и ты получишь свою часть». Собака какъ-бы понимаетъ эти слова и на ласки отвѣчаетъ новыми ласками. Когда борзая околѣваетъ, то это считается большимъ горемъ для всей семьи: женщины и дѣти плачутъ,

точно потеряли родственника. И дѣйствительно арабъ много теряетъ, когда умереть его собака, такъ какъ она въ значительной степени помогаетъ ему содержать всю семью. Хорошую борзую, которая охотится для бѣднаго бедуина, никогда не продаютъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшаются подарить ее родственнику или высокоуважаемому духовному лицу. Хорошую борзую, которая ловитъ большихъ газелей, цѣнятъ наравнѣ съ верблюдомъ, а за такую, которая охотится за крупными антилопами, нужно заплатить столько-же, сколько за хорошую лошадь».

Персы пользуются своими борзыми, которыя очень похожи на африканскихъ, также главнымъ образомъ для охоты за антилопами, но при этомъ прекрасными помощниками имъ служатъ охотничьи соколы. Всѣ знатные персы страстные охотники до подобныхъ смѣшанныхъ travels и часто рискуютъ жизнью при бѣшеной скачкѣ за борзыми и соколами. Какъ только они увидятъ антилопу, то сейчасъ-же спускаютъ своихъ соколовъ, которые очень скоро догоняютъ бѣгущее животное. Соколы осторожно спускаются на затылокъ антилопы, чтобы не наткнуться на острые рога ея, вцѣпляются острыми когтями въ ея кожу и могучими ударами крыльевъ и клюва совсѣмъ сбиваетъ съ толку бѣдное животное, которое кружится на одномъ мѣстѣ, пока борзые не подоспѣютъ и не покончатъ съ нимъ. Этихъ собакъ употребляютъ также для охоты за кабанамъ и куланамъ (дикими ослами), за которыми, говорятъ, особенно трудно охотиться. Загнанный куланъ старается какъ можно скорѣе добраться до скалистыхъ крутыхъ откосовъ горъ, гдѣ онъ очень искусно лазаетъ, между тѣмъ какъ персидскіе кони охотниковъ двигаются по крутизнѣ съ трудомъ. Только ловкія борзые могутъ тамъ съ успѣхомъ гнаться за куланомъ, но и имъ не всегда удается эта охота, хотя часто смѣняютъ нѣсколько своръ собакъ, чтобы загнать быстрого и отважного кулана.

* *
*

Самой красивой собакой изъ породы борзыхъ слѣдуетъ считать **Итальянскую собачку** или **Левретку** (*Canis familiaris grajus italicus*, Italienischer Hund. Levrette), которую можно назвать карликомъ между борзыми, но очень красивымъ и прекрасно сложеннымъ карликомъ. Левретка рѣдко вѣситъ болѣе 3—3,5 килограммовъ, и самыя лучшія даже лишь 2 килогр., несмотря на свою вышину въ 40 см. По формѣ тѣла и окраскѣ левретка совершенно сходна съ большими борзыми.

Это милое созданіе пробовали дрессировать для охоты за кроликами, но для этого оно не такъ пригодно, какъ для роли дамской комнатной собачки; она какъ бы создана для того, чтобы ее баловали и ласкали. Женское сердце, желающее полюбить и побаловать какое-нибудь животное, находитъ въ левреткѣ существо, которое по изнѣженности, чувствительности и капризамъ въ скоромъ времени превосходитъ свою хозяйку. Несмотря на такіе недостатки, эта красивая и стройная собачка дѣйствительно прелестное созданіе: каждая часть ея тѣла прекрасно сложена, каждое движеніе легко и граціозно. Объ одной изъ этихъ собачекъ, которую и я зналъ и любилъ, пишетъ мнѣ ея молодая хозяйка, г-жа Дригальская, слѣдующее. «Хотя «Ажилъ» (кличка левретки: Agile) довольно изнѣженъ, но забываетъ свои прихоти, если нужно доказать привязанность своему господину. Привыкшая къ комнатѣ балованная собачка не боится мороза, дождя и вѣтра, когда ей приходится выходить со своимъ хозяиномъ. По цѣлымъ часамъ при самой отвратительной погодѣ, дрожа отъ холода, Ажилъ бѣгаетъ за нами и ни за что не хочетъ насъ оставить. Даже когда ему приказываютъ идти домой, онъ не рѣшается исполнить это приказаніе: онъ немного удаляется, ложится, съезжившись отъ холода, жалобно поглядываетъ на своего господина, бросается къ нему, не дожидаясь позволенія, вопросительно гля-

дѣть на него своими умными глазами и стремительно мчится впередъ, а затѣмъ возвращается назадъ, чтобы согрѣться. Однако, если его не берутъ съ собой на прогулку, то онъ обижается на своего хозяина и нѣкоторое время дуется на него: прячется, когда онъ вернется, не хочетъ на него смотрѣть и только постѣ многихъ ласкъ и дружественныхъ словъ снова дѣлается ласковымъ. Вообще Ажилъ любитъ, чтобы всѣ друзья и знакомые его ласкали, но стоитъ хозяину позвать его, какъ онъ тотчасъ-же бросаетъ балующаго его человѣка и стремится къ своему господину. Наша левретка не только вѣрна, но умна и хитра, а при случаѣ выказываетъ смѣлость и храбрость. Ажилъ хорошо помнитъ время и мѣсто, сидитъ на окнѣ, своевременно ожидая нашего возвращенія, знаетъ, когда ему нужно готовиться къ прогулкѣ, и ста-

Левретка. *Canis familiaris grajus italicus*. $\frac{1}{9}$ наст. вел.

рается хитростью достигнуть того, чего не можетъ выпросить себѣ ласками. Онъ обыкновенно спитъ на моей постели, несмотря на запрещеніе, но какъ только слышитъ приближеніе моей матери, то потихоньку соскакиваетъ съ постели и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, забирается въ свою корзинку. Онъ очень хорошо умѣетъ отличать старыхъ знакомыхъ отъ постороннихъ, хотя и позволяетъ симъ послѣднимъ ласкать себя. Въ гостинницѣ, гдѣ чувствуетъ себя постояннымъ гостемъ, онъ хорошо знаетъ хозяина и кельнеровъ и очень понятнымъ образомъ заказываетъ себѣ ѣду и питье; смѣло задѣваетъ большихъ и маленькихъ собакъ и храбро заставляетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ обращаться въ бѣгство. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ у насъ, мы болѣе не вѣримъ въ ограниченныя способности и воображаемую невѣрность всѣхъ борзыхъ вообще. Ажилъ очевидно болѣе руководствуется зрѣніемъ, чѣмъ чутьемъ; на это указываетъ то, что въ толпѣ людей онъ всячески ста-

растает не отстать отъ своего господина, между тѣмъ, какъ въ остальное время, когда не преграждено его поле зрѣнія, онъ большими скачками прыгаетъ около своего спутника. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ можетъ, пожалуй, казаться глупымъ, но въ иныхъ было-бы несправедливо считать его таковымъ; что-же касается до невѣрности, то наша левретка постоянно доказывала только противоположное.»

* * *

Первоначальною родиною борзыхъ собакъ слѣдуетъ очевидно считать степи и пустыни жаркихъ странъ, что доказывается какъ тонкою и гладкою шерстью этихъ животныхъ и связанною съ этимъ зябкостью, такъ и большимъ распространениемъ ихъ въ Африкѣ и Азій. Большинство породъ борзыхъ сохранили и на сѣверѣ всѣ свои особенности, но нѣкоторыя изъ нихъ принаровились къ нашему климату и нѣсколько измѣнили свой внѣшній видъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ **Шотландская или Волчья борзая** (*Canis familiaris grajus [leporarius] hibernicus*), очень красивое животное, которое по изящному тѣлосложенію и росту совершенно походить на обыкновенныхъ борзыхъ, но отличается отъ нихъ длиною и густою шерстью. Общая величина тѣла достигаетъ 1,5 метра, изъ которыхъ 40 см. приходится на хвостъ; вышина въ плечахъ около 75 см. Шерсть этой собаки не слишкомъ длинная, однако, раза въ три длиннѣ шерсти южной борзой; она вездѣ одинаково густа и представляетъ собою хорошии мѣхъ для защиты отъ холодовъ въ сѣверныхъ странахъ; хвостъ длинный и довольно пушистый, окраска-же тѣла разнообразная: черно или буро-пѣгая, рыжая или сѣрая съ темными полосами.

Чистая порода шотландскихъ собакъ нынѣ встрѣчается очень рѣдко, можетъ быть даже ее слѣдуетъ считать совсѣмъ вымершей. Въ прежнее время собакъ этихъ употребляли главнымъ образомъ на волчьей охотѣ и высоко цѣнили за ихъ храбрость и злобность. По увѣренію англійскихъ писателей, борзая эти еще въ прошломъ столѣтіи были гораздо больше ростомъ, чѣмъ нынѣ, хотя и теперь ихъ слѣдуетъ причислить къ крупнымъ породамъ.

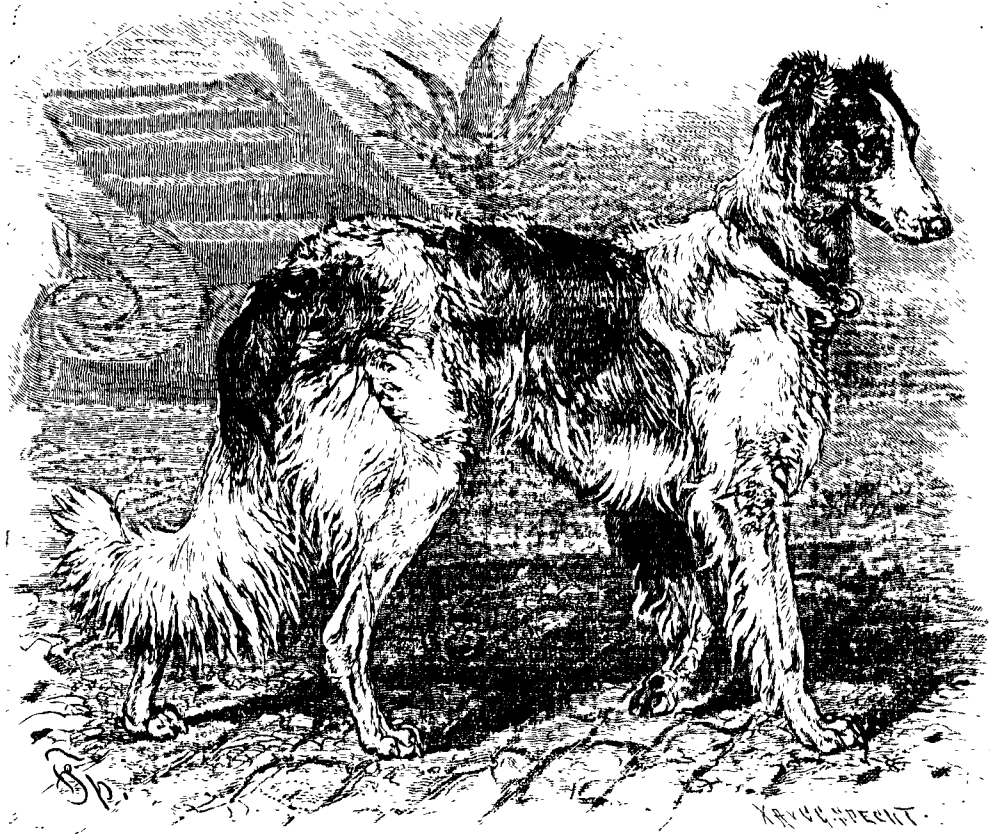
Онѣ довольно добродушны, къ хозяевамъ привязаны, не такъ довърчивы къ чужимъ, какъ другія борзая, на которыхъ онѣ, впрочемъ, похожи по всѣмъ другимъ качествамъ. Прочія собаки должны опасаться шотландскихъ борзыхъ, такъ какъ онѣ легко приходятъ въ ярость и тогда больно кусаются.

* * *

Самымъ некрасивымъ вырожденіемъ борзыхъ слѣдуетъ считать **Голую собаку**, встрѣчающуюся во внутренности Африки (*Canis familiaris africanus*). Туловище у нея выгнутое, тонкое, въ пахахъ сильно втянутое; спина выгнута, грудь узкая, шея средней длины, но тонкая, голова продолговатая, лобъ сильно выпуклый, морда довольно длинная, къ концу суживающаяся и заостренная, уши средней величины, довольно широкия, заостренные и стоячія: они, также какъ и все тѣло, не покрыты шерстью и къ концу немного загнуты, губы коротки и прямы. Высокія, довольно стройныя и тонкія ноги, очень тонкій и длинный хвостъ и недостатокъ пятого пальца на заднихъ ногахъ составляютъ ея остальные отличительные признаки. Только около хвоста, вокругъ рта и на ногахъ находится небольшое количество волосъ, вся остальная кожа совершенно голая, что придаетъ собакѣ очень безобразный видъ. Черная окраска кожи, получающая у насъ по происшествіи нѣкотораго времени сѣроватый оттѣнокъ съ пятнами тѣлеснаго цвѣта, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа красивой. Длина тѣла достигаетъ 65 см., хвостъ 25 см., а высота въ плечахъ 35 см. Кромѣ голыхъ собакъ, имѣющихъ строеніе

тѣла борзыхъ, встрѣчаются и собаки другихъ породъ, не имѣющія шерсти; нѣкоторыя изъ этихъ отвратительныхъ созданій украшены пучкомъ выпѣвшихъ волосъ на головѣ. Голыя собаки встрѣчаются въ Китаѣ, средней и Южной Америкѣ, на Маниллѣ, Антильскихъ и Багамскихъ островахъ.

Говорятъ, что въ Африкѣ голыми собаками пользуются при охотѣ за антилопами, и что онѣ очень хороши для этого. Онѣ обыкновенно легки и подвижны; бѣгутъ быстро, продолжительно и неутомимо, не теряя разъ отысканнаго слѣда, и отлично умѣютъ находить ближайшіе пути, чтобы скорѣе догнать дичь. Душевные

Шотландская борзая. *Canis familiaris grajus hibernicus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

способности ихъ цѣнятся туземцами не высоко, однако все признають въ нихъ добродушіе, привязанность къ хозяину и бдительность. Говорятъ, что у этихъ собакъ особенно хорошо развито чутье и слухъ, потому-то и понятно, что онѣ годны для отыскиванія слѣдовъ на охотѣ. Я передаю эти свидѣнія, но не ручаюсь за ихъ достоверность и долженъ признаться, что даже самъ сомнѣваюсь въ ихъ справедливости. Мои личныя наблюденія навели меня на мысль, что эти собаки къ дѣлу вовсе не годятся, а возбуждаютъ лишь только отвращеніе къ себѣ. Определенныхъ свидѣній о той странѣ, гдѣ онѣ охотятся на антилопу, собрать не могъ.

Въ нашемъ климатѣ голыя собаки могутъ жить только въ комнатахъ, вслѣдствіе своей изнѣженности и чувствительности къ холоду, и даже при этихъ условіяхъ не долговѣчны; чувствительность эта такъ велика, что онѣ въ самые жаркіе дни

зибнуть и дрожать и, несмотря на заботливый уходъ и разные искусственныя мѣры для предохраненія ихъ отъ холода, онѣ погибають отъ болѣзней, происшедшихъ отъ простуды.

* * *

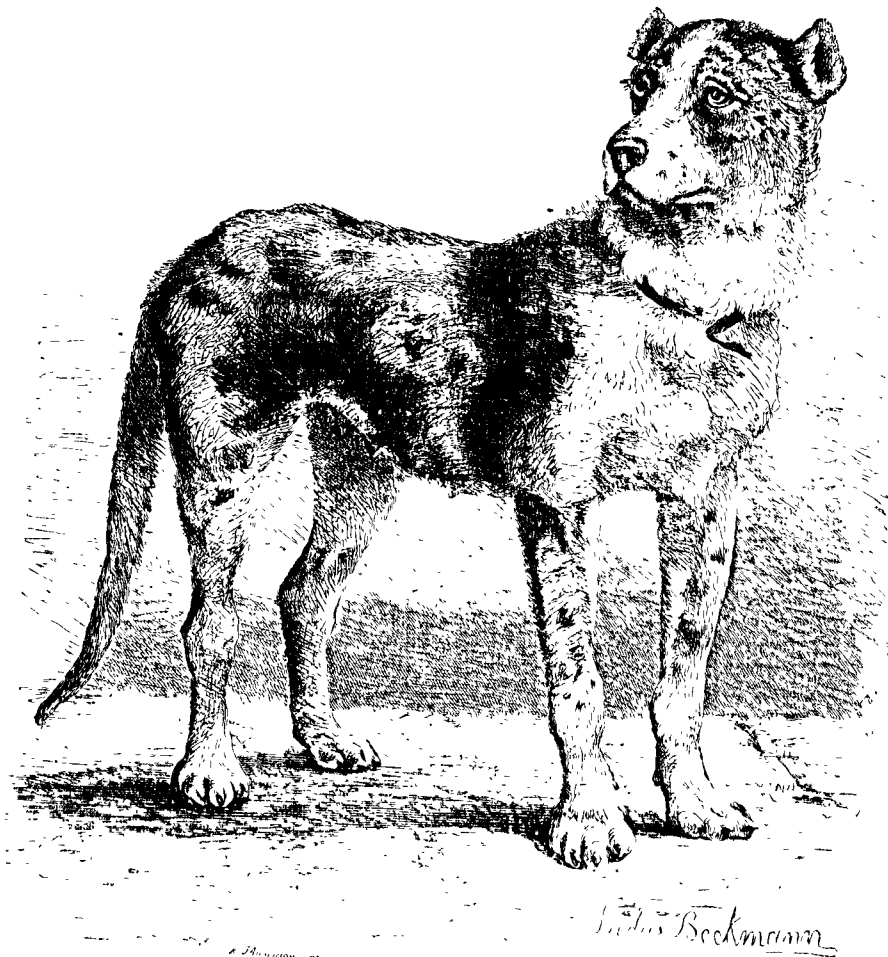
Можетъ быть здѣсь будетъ кстати привести описаніе собаки, о которой повѣствуетъ Гензель. «Даже лучшія европейскія собаки не годятся въ Бразиліи для охоты за косулей, этой любимой дичью бразильцевъ, а потому явилась необходимость создать для этого особую породу, которая для этой цѣли и оказалась превосходною. Эта бразильская порода собакъ принадлежитъ къ числу лучшихъ мнѣ извѣстныхъ породъ. Она средняго роста, примѣрно съ овчарку, но съ болѣе высокими ногами, морда острая, уши очень большія, острые и стоячія, шея толстая, грудь объемистая, животъ высоко подтянутъ, бедра мускулисты и очень толсты, хвостъ длинный и тонкій, окраска—разнообразная, чаще всего бурая на подобіе оленя. Внешность этой собаки сильно напоминаетъ борзую, и я слышалъ, какъ нѣмецкій колонистъ, показывая своимъ дѣтямъ одну изъ моихъ собакъ, называлъ ее борзю. Несмотря на это сходство, чутье у нихъ развито необыкновенно хорошо и нѣкоторые изъ нихъ могутъ отыскать слѣдъ звѣря даже часъ спустя послѣ того, какъ онъ пробѣжалъ. Этимъ свойствомъ бразильская собака существенно отличается отъ борзой, на которую похожа только по стройному тѣлосложенію, по злобности и способности къ продолжительному бѣгу.»

«При всей своей неумоимости она гонитъ дичь довольно тихо, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ первобытнаго лѣса. На охоту берутъ обыкновенно двухъ собакъ, которыя, горячася, другъ другу помогаютъ; нѣсколько собакъ на охотѣ мѣшajú одна другой, а одна скоро устаетъ и не гонитъ звѣря. Бразильскія собаки часто охотятся для себя. Спущенныя со своры, онѣ тотчасъ исчезаютъ и охотникъ видитъ ихъ только по окончаніи травли; нерѣдко онѣ прибѣгаютъ домой послѣ хозяина, а иногда даже и на слѣдующій день. Когда собаки выпущены, то онѣ тотчасъ-же бѣгутъ на возвышенности и очень скоро выгоняють оттуда косулю, которая почти всегда спасается внизъ къ водѣ, гдѣ ее ожидаютъ стрѣлки и почти всегда убиваютъ. Если дичь не убиваютъ сразу, то охота продолжается до тѣхъ поръ, пока косуля не утомится и не будетъ схвачена собаками. Въ послѣднемъ случаѣ собаки преспокойно ее пожирають и возвращаются домой, вовсе не заботясь объ охотникѣ и, если на пути находится много ущелій и непроницаемыхъ лѣсныхъ чащъ, то охота продолжается по нѣсколько часовъ, такъ какъ косуля тогда находитъ время отдохнуть. Если косуля не будетъ застрѣлена, то она для охотника потеряна, даже если ее захватитъ собаки, но истый охотникъ не считаетъ это неудачей, такъ какъ для него всего важнѣе травля собакъ. Притаивъ дыханіе и нѣсколько нагнувшись впередъ, прилущивается онъ къ ихъ лаю, который раздается по долинь, какъ звукъ колокольчиковъ. Травля идетъ не очень скоро, но безъ перерывовъ: хорошая собака не должна слишкомъ горячиться, такъ какъ она легко можетъ ранить себя колючими растеніями, изобильно растущими въ чащахъ, и легко потерять слѣдъ. Европейская собака оказалась-бы при этой охотѣ совсѣмъ негодной; она-бы вълѣдствіе горячности скоро утомилась, испаряла-бы себя о колючіе кустарники и должна была-бы прекратить охоту. Бразильской собакѣ помогаютъ при охотѣ ея легкость и ловкость, однако и она избѣгаетъ воды, какъ и наши борзые. Хотя бразильская собака гонитъ дичь съ большою злобностью, но она вовсе не умѣетъ удерживать ее на мѣстѣ до прихода охотника; если ей не удастся повалить косулю, то она позволяетъ ей убѣжать. Для охоты на мускусныхъ свиней (пекари) и на тапировъ бразильская собака не столь пригодна, такъ какъ первыя спасаются подъ скалы и въ дупла деревьевъ, а тапиры забираются въ воду. Отъ скрещиванія бразильскихъ собакъ съ

обыкновенными охотничьими получают превосходные псы для охоты за крупной дичью.

* * *

Вторую группу собак образуют **Доги** (*Canis familiaris molossus Doggen. Dogues*). Сюда мы прежде всего причисляем **Датского дога** (*Canis familiaris molossus danicus*), хотя его и считают помесью борзой собаки съ бульдогомъ. Это прекрасное, красивое животное, страннаго тѣлосложенія, съ тонкими ногами, гладкимъ

Датскій догъ. *Canis familiaris molossus danicus*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

хвостомъ и большими выразительными глазами, морда нѣсколько заострена, но, какъ и все тѣло животного, гораздо толще, чѣмъ у борзыхъ.

Датскій догъ считается вѣрнымъ и бдительнымъ животнымъ, но ипедѣ въ Германіи не распространенъ въ большомъ числѣ и попадается только единичными экземплярами; даже въ Даніи онъ встрѣчается не часто. Въ настоящее время его разводятъ только въ двухъ помѣстьяхъ, именно въ небольшомъ имѣніи Брохольмъ болѣе породистыхъ желтыхъ собакъ съ черной мордой, а въ большомъ имѣніи Вроликке — совершенно желтыхъ. Датскія собаки иного цвѣта считаются не чисто породистыми. Въ прежнія времена эту собаку употребляли для охоты на оленей и

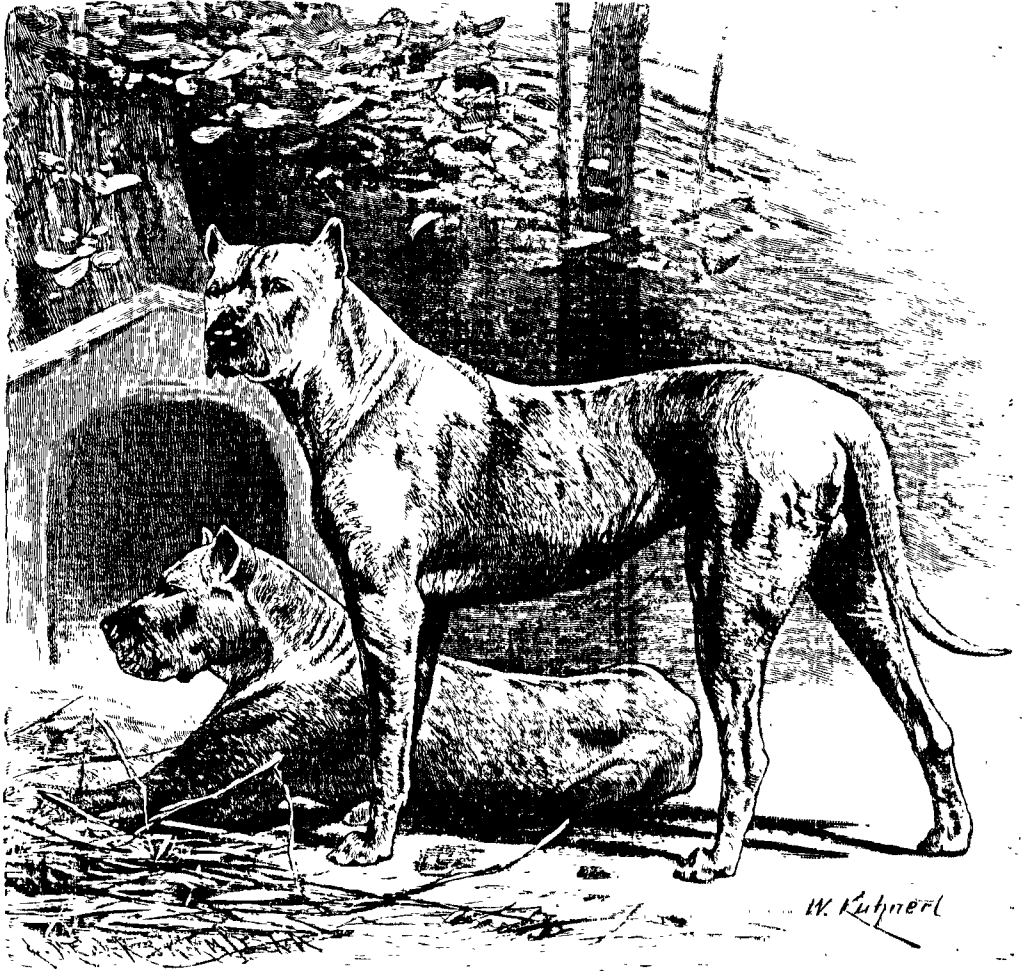
разводили въ большомъ числѣ, не обращая вниманія на масть, поэтому тогда можно было чаще встрѣтить пѣрихъ собакъ; нынѣ же датскую собаку держать только ради ея красоты.

Гораздо чаще датскаго дога встрѣчается нынѣ въ Германіи близкій его родичъ и потомокъ, **Нѣмецкій догъ**. (*Canis familiaris molossus germanicus*), который отличается какъ красотой, такъ и другими хорошими качествами и потому теперь вошелъ въ моду. Къ этой породѣ принадлежитъ извѣстная всѣмъ нѣмцамъ собака Бисмарка. Въ прежнее время собаку эту называли Ульмскимъ догомъ, такъ какъ ее раньше всего разводили близъ города Ульма, но теперь ее разводятъ по всей Германіи, и потому она вполне заслуживаетъ названіе нѣмецкаго дога.

Шерсть у нѣмецкаго дога коротка и густа, даже на довольно длинномъ и тонкомъ хвостѣ. Цвѣтъ шерсти черный, свѣтло или темно-сѣрый, бурый или свѣтло-желтый; въ случаѣ свѣтлой окраски часто встрѣчаются волнистыя темныя полосы, а на свѣтло-сѣрой—въ большинствѣ случаевъ неправильныя темныя пятна; у одноцвѣтныхъ экземпляровъ замѣчаются бѣлыя мѣста на груди и пальцахъ. Довольно большія, высоко сидяція уши въ большинствѣ случаевъ обрѣзаются. Собака этой породы, о качествахъ и дѣяніяхъ которой мы помѣщаемъ ниже повѣствованіе Греснера, на третьемъ году своей жизни имѣла вышину въ плечахъ въ 94 см., общую длину тѣла въ 175 см. и вѣсила 61 килограммъ. Греснеръ, какъ директоръ большой школы, имѣлъ казенную квартиру въ предмѣстьи большого промышленнаго нѣмецкаго города и считалъ нужнымъ завести себѣ хорошую собаку для защиты своей семьи и жилища. «Я выбралъ себѣ», рассказываетъ Греснеръ, «5-ти мѣсячнаго дога, родители котораго были извѣстны въ окрестности у всѣхъ любителей собакъ по своему большому росту, вѣрности и понятливости, а также по своей злости къ чужимъ. Когда я принесъ щенка къ себѣ домой, то моимъ домашнимъ онъ не очень понравился, влѣдствіе своей кажущейся неповоротливости и сердитому взгляду. Щенокъ съ рожденія жилъ на отдаленномъ дворѣ, мало видалъ людей, никогда не бывалъ въ жилой комнатѣ и потому онъ былъ очень озадаченъ, когда я его привелъ въ нашу гостиную; разставивъ для большей устойчивости свои четыре лапы на манеръ рогатокъ, онъ ни за что не хотѣлъ двинуться съ мѣста. Однако послѣ нѣсколькихъ часовъ онъ немного освоился съ новой обстановкою и сталъ вести себя менѣе принужденно. Несмотря на то, что нашъ щенокъ выросъ на дворѣ, онъ ни разу не позволилъ себѣ въ комнатѣ никакой непристойности. Въ то время много читали «Хижину дяди Тома» и въ честь героя этого романа мы его называли «Томомъ», что вполне соответствовало его бархатисто-черной шерсти, на которой видѣлись лишь небольшія бѣлыя пятна на груди и лапахъ. Само собою разумѣется, что Томъ сталъ моимъ постояннымъ спутникомъ на ежедневныхъ прогулкахъ. При этомъ онъ выказывалъ необыкновенную живость и подвижность своего характера. Такъ какъ я лично съ нимъ мало занимался, то онъ самъ себѣ придумывалъ развлечения и занятія, очень внимательно слѣдилъ, напримѣръ, за дѣйствіями всѣхъ встрѣчавшихся людей и безъ церемоніи вмѣшивался въ ихъ дѣла, если что-либо ему не нравилось. Онъ, между прочимъ, терпѣть не могъ ссоръ и брани и если издали видѣлъ двухъ людей, которые, сильно жестикулируя, разговаривали между собой, то мгновенно бросался туда, становился между ними, ворчалъ, скалилъ зубы и заставлялъ ихъ такимъ образомъ разойтись. Больше всего сердился онъ на извозчиковъ, которые жестоко обращались со своими лошадьми. Онъ тогда съ грознымъ видомъ становился рядомъ съ мучимую лошадью, и если извозчикъ еще разъ ударялъ ее, то Томъ яростно на него бросался и съ такой силой валилъ его на землю, что у него въ глазахъ темнѣло. Если-же онъ замѣчалъ, что человѣку трудно взйти

ручную тельжку, то схватывалъ передокъ ея зубами и, пятась назадъ, тащилъ изъ всей силы.

«Сила его соответствовала его огромному росту. Онъ, напримѣръ, безъ труда несъ на довольно далекое разстояніе корзину, вѣсомъ болѣе пуда. Крупный баранъ, который его мимоходомъ боднулъ, былъ схваченъ зубами и перенесенъ безъ особаго напряженія черезъ двѣ изгороди, окаймляющія желѣзную дорогу, причемъ

Нѣмецкій догъ. *Canis familiaris molossus germanicus*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

Томъ не нанесъ барану вреда, а только притащилъ его ко мнѣ, какъ-бы въ наказаніе за его проступокъ. Однажды случилось, что на прогулкѣ мы встрѣтили стадо, возвращающееся съ поля; сердитый быкъ сталъ грозно наступать на меня, но Томъ его такъ сильно захватилъ за шею зубами, что онъ замычалъ отъ боли и убрался, когда освободился отъ пса. Когда разъ пришлось переправлять Тома въ другое мѣсто по желѣзной дорогѣ, то для него была заказана клетка изъ новыхъ досокъ, которая, по мнѣнію изготовившаго ее плотника, была достаточно крѣпка для перевозки тигра; но Томъ разнесъ ее въ щепки еще не доѣзжая до станціи желѣзной

дороги. Если нашъ несь въ ярости бросался на кого-нибудь, то самый сильный человекъ его не могъ удержать и собака его сейчасъ-же валяла на землю».

«Въ нашихъ семейныхъ дѣлахъ онъ принималъ участіе, какъ человекъ. Если кто-нибудь изъ насъ хворалъ и лежалъ въ постели, то Томъ сидѣлъ по дѣлымъ часамъ около него, глядя ему въ лице, клалъ свою лапу или морду на протянутую руку и всячески старался выразить свое соболѣзнованіе. Когда отъ отсутствующаго члена семейства получалась по почтѣ посылка, то Томъ едва могъ отъ радости дожидаться, чтобы ее раскрыли; затѣмъ схватывалъ первый попавшійся предметъ, въ ней заключавшійся, и бросался его показывать всеѣмъ членамъ семьи, которые не присутствовали при раскупориваніи посылки, чтобы подѣлиться съ ними своею радостью. Въ случаѣ возвращенія домой долго отсутствующаго члена семьи, Томъ обѣжалъ въ школу, куда въ другое время онъ не смѣлъ заглядывать, хваталъ мою шляпу и палку и приносилъ ихъ мнѣ даже въ классъ, причемъ своими прыжками и своимъ лаемъ давалъ мнѣ знать, чтобы я скорѣе шелъ домой. Если это ему не удавалось, то онъ со всеѣхъ ногъ несся домой и приносилъ шапку или другой предметъ новоприбывшаго, чтобы объяснить причину моего вызова домой. Напротивъ того, когда кто-либо изъ его любимцевъ уѣжалъ, то онъ всячески старался удержать его, тащилъ изъ вагона вещи обратно на платформу и съ восемъ и лаемъ провожалъ нѣкоторое время поѣздъ желѣзной дороги, увозившій милаго ему человекъ. Онъ былъ всегда готовъ помочь при трудныхъ работахъ въ домѣ, напримѣръ онъ носилъ картофель и каменный уголь въ корзинкѣ изъ погреба, возилъ корзины съ бѣльемъ на рѣчку и на сушильню и т. д., вообще старался каждому сдѣлать жизнь пріятною. Неудивительно поэтому, что онъ сдѣлался скоро всеобщимъ любимцемъ, особенно нашихъ дамъ, которые его стали подкармливать и забавлялись его проказами, а эти проказы впоследствии превратились въ недостатки и были причиною многихъ хлопотъ. Ему часто, напримѣръ, не нравились соломенный тюфякъ, назначенный ему для сна, и онъ ложился на диванъ въ моемъ кабинетѣ; если на диванѣ были нарочно положены разные твердые предметы, чтобы онъ туда не ложился, то онъ укладывался на болѣе жесткій диванъ въ дѣтской. Когда вначалѣ своего пребыванія въ нашей семьѣ онъ былъ боленъ обыкновенной болѣзью собакъ—чумой, то ему позволено было лежать на этомъ диванѣ, но по выздоровленіи его оттуда прогоняли. Если кто-нибудь нечаянно заставалъ его тамъ и спрашивалъ: «Томъ! развѣ ты боленъ?» то онъ продолжалъ лежать, закрывалъ глаза, громко стоналъ, такъ что посторонній человекъ, незнакомый съ его притворствомъ, могъ подумать, что онъ серьезно нездоровъ. Чаще же случалось, что, услыхавъ приближеніе кого-нибудь къ двери, онъ быстро соскакивалъ съ дивана, ложился на полъ, какъ ни въ чемъ не бывало и старался доказать свою невинность позыываемымъ и потягиваемымъ; если при этомъ его не бранили, то онъ былъ убѣжденъ, что хитрость его удалась. Само собой разумѣется, что какъ только онъ оставался одинъ въ комнатѣ, то снова ложился на диванъ. Если ему не удавалось завоевать дивана, то онъ довольствовался мягкой подушкой для головы, для чего стакивалъ подушку съ дивана или нѣсколько чулокъ изъ корзинки съ грязнымъ бѣльемъ, стоявшей въ соседней комнатѣ. Онъ старательно нѣсколько разъ въ день разлаживалъ мордой и лапами шерстяное одеяло, положенное на его тюфякъ, и не допускалъ на немъ ни одной складочки; отъ времени до времени, захвативъ одеяло зубами, онъ вытряхивалъ изъ него пыль.

«Забавнѣе всего было видѣть его, когда ему удавалось стащить какую-нибудь вещь у моихъ дочерей, занимающихся рукодѣльемъ; онъ воображалъ себѣ, что никто не замѣчаетъ его проделки и забираетъ въ свою огромную пасть клубокъ шерсти или пару свернутыхъ чулокъ. Если мои дочери дѣлали видъ, что стара-

тельно щупать похищенный предмет, то онъ былъ вполне доволенъ: онъ принималъ самую непринужденную позу, чтобы показать, что не имѣеть понятія о томъ, чего щупать и отдавать захваченную вещь, хитро подмигивая, только тогда, когда прямо къ нему обращались съ вопросомъ: «Томъ! не знаешь-ли куда дѣлся клубокъ или чулки?» Если я случайно присутствовалъ при подобной выходкѣ, то онъ незамѣтно отъ дѣвочекъ приближался ко мнѣ, раскрывалъ ротъ, чтобы я могъ видѣть находящійся въ немъ предметъ, хитро на меня поглядывалъ, а затѣмъ опять поворачивался къ дочерямъ и принималъ прежнее невинное выраженіе лица, думая этимъ ихъ обмануть. Томъ необыкновенно быстро угадывалъ наши желанія и приказанія. Позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ его догадливости. Однажды онъ наслѣдилъ грязными лапами только что вымытый полъ нашей гостиной; его сильно поборанили, выгнали изъ комнаты и показали, какъ онъ долженъ вытирать лапы о лежачіи передъ дверью соломенный матъ. Съ тѣхъ поръ онъ ни разу не позволилъ себѣ войти въ комнату, не вычистивши предварительно ноги. Если случайно передъ дверью не было мата, то онъ громко лаялъ, стоя передъ дверью, пока кто-нибудь не выходилъ и не вытиралъ ему лапы тряпкой. По окончаніи классовъ ему дозволено было входить въ школьное зданіе, гдѣ сторожъ ему отдавалъ брошенные учениками остатки завтраковъ, но въ классное время ему строго было запрещено туда являться. Если же дома ему говорили: «Томъ! бѣги скорѣе въ школу и зови домой панашу», то онъ со всѣхъ ногъ бросался въ мою комнату, и если меня тамъ не находилъ, то хваталъ мою шляпу и отыскивалъ меня въ классѣ или въ другомъ мѣстѣ школьнаго зданія.

«Невозможно передать всѣхъ фактовъ, доказывающихъ необыкновенную понятливость этой собаки, понятливость, которую приписываютъ обыкновенно только извѣстнымъ породамъ собакъ; я приведу здѣсь лишь два случая, ясно указывающихъ на смысленность нашего Тома. Однажды, во время прогулки около станціи желѣзной дороги, мимо насъ проѣхалъ поѣздъ, который долженъ былъ остановиться на нашей станціи. Я остановился и сталъ смотрѣть на окна вагоновъ, надѣясь увидѣть кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. При этомъ я замѣтилъ, что Томъ поглядывалъ то на меня, то на поѣздъ, догадываясь, что я кого-нибудь жду. Чтобы убѣдиться въ вѣрности моего предположенія, я ему скомандовалъ: «бѣги, Томъ, посмотри!» Онъ быстро побѣжалъ за поѣздомъ къ станціи, куда поѣхалъ и я. Поѣздъ уже остановился, и я видѣлъ, какъ Томъ бѣгалъ взадъ и впередъ по платформѣ, мимо вагоновъ и осматривалъ всѣхъ пріѣзжающихъ; не найдя никого знакомаго, онъ, грустно опустивъ голову, вернулся ко мнѣ. Съ тѣхъ поръ мы часто посылали собаку одну на станцію для встрѣчи ожидаемыхъ родственниковъ или близкихъ знакомыхъ, что было особенно удобно въ ночное время. Какъ только подъѣзжалъ поѣздъ, Томъ пробирался сквозь толпу къ вагонамъ, тотчасъ отыскивалъ ожидаемую особу, радостно лаялъ и вилялъ хвостомъ, схватывалъ часть багажа и гордо пробирался впередъ, расчищая дорогу нашему гостю.

«Къ сожалѣнію, рядомъ съ такими крупными достоинствами у Тома было много и дурныхъ привычекъ; мало замѣтные въ юности, съ годами недостатки эти такъ усилились, что присутствіе его въ нашемъ домѣ дѣлалось все болѣе и болѣе невыносимымъ. Напримѣръ, несмотря на то, что онъ дома получалъ обильную мясную пищу, онъ все-таки съ жадностью набрасывался на падаля, которая часто валялась на поляхъ и въ навозѣ, отчего прогулки съ нимъ становились очень неприятны. Во время его юности мои дочери иногда въ шутку уселенно ласкали человека или какое-нибудь животное, чтобы подразнить его; онъ громко ворчалъ

на это и лаять, но своими смѣшными гримасами показывалъ, что гнѣвъ его не имѣетъ серьезнаго значенія; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сталъ приходить въ такую ярость при этихъ шуткахъ, особенно относительно людей, которыхъ при немъ ласкали, что пришлось прекратить подобныя опыты, чтобы предотвратить какое-нибудь несчастіе. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сталъ сердито ворчать и очень недружелюбно относиться къ дѣтямъ и слишкомъ смѣло наступать на взрослыхъ. Въ началѣ его пребывания у насъ онъ старался ласками побудить школьнаго сторожа отворить ящикъ, куда онъ собиралъ остатки завтраковъ учениковъ, но впоследствии онъ сердито схватывалъ его за руку зубами и насильно тащилъ къ этому ящику.»

«Въ юности Томъ принималъ къ сердцу всякое строгое замѣчаніе отъ членовъ нашей семьи, но съ годами онъ сталъ совершенно равнодушно относиться не только къ брани, но даже къ побоямъ, отвѣчая иногда на нихъ гнѣвнымъ ворчаніемъ. Только мнѣ повиновался онъ безпрекословно и смиренно принимать отъ меня заслуженныя наказанія; казалось даже, что его привязанность ко мнѣ все болѣе и болѣе увеличивалась.»

«Тому минуло шесть лѣтъ и съ нимъ случилось то, что давно мнѣ было предсказано хорошимъ знатокомъ этой породы собакъ. Злобный характеръ его родителей, въ продолженіи многихъ лѣтъ подавленный ласковымъ и дружественнымъ обращеніемъ окружавшихъ его людей, сталъ проявляться все янѣе и янѣе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ доходилъ до страшной ярости. Въ это время въ газетахъ появились описанія двухъ ужасныхъ случаевъ звѣрскаго отношенія нѣмецкихъ договъ къ своимъ хозяевамъ, и меня днемъ и ночью мучила мысль, что присутствіе Тома въ домѣ можетъ послужить причиною большого несчастія для членовъ моей семьи. Хотя я такъ къ нему привыкъ, что онъ сдѣлался для меня незамѣнимымъ спутникомъ, однако все болѣе и болѣе я убѣждался въ необходимости съ нимъ разстаться. Ни за что я не рѣшился-бы продать своего друга, не зная какъ съ нимъ будутъ обращаться, и потому остановился на мысли подарить Тома близкому знакомому, въ домѣ котораго онъ могъ пользоваться такимъ-же хорошимъ уходомъ, какъ у меня. Такъ и случилось! Я подарилъ его своему пріятелю, жившему далеко отъ насъ, но часто посѣщавшему нашъ домъ; господинъ этотъ очень любилъ нашего вѣрнаго Тома, который къ нему былъ почти такъ-же привязанъ, какъ и къ моимъ домашнимъ. Поэтому мы твердо надѣялись, что онъ скоро привыкнетъ къ новому дому и хозяину, но жестоко ошиблись: вѣрное животное не могло перенести разлуки съ нами. Несмотря на хорошій уходъ и ласковое обращеніе новаго хозяина, Томъ относился къ нему совершенно равнодушно; если онъ долженъ былъ его сопровождать на прогулку, то плелся за нимъ, печально опустивъ голову и не обращая вниманія ни на что окружающее; когда онъ оставался одинъ, то выражалъ свою печаль жалобнымъ воемъ; ничего его не радовало, онъ потерялъ любовь къ жизни, все болѣе и болѣе худѣлъ и даже утратилъ свою понятливость. Мы рѣшились взять его обратно, но при возвращеніи онъ насъ совсѣмъ разочаровалъ. вмѣсто того, чтобы, какъ мы ожидали, радостно выскочить изъ собачьяго вагона и броситься со вѣхъ ногъ домой, онъ печально побрелъ за мною, не здоровался ни съ кѣмъ изъ домашнихъ, не дотронулся до предложенныхъ лакомствъ и улегся на свой старый тюфякъ. Такимъ онъ оставался постоянно, и прежняя живость никогда болѣе не возвращалась къ нему. Пришлось рѣшиться на послѣднее средство: я его собственноручно застрѣлилъ. Всѣ тѣ, которые имѣли случай привязаться къ хорошей собакѣ, поймутъ какую тяжелую борьбу я вынесъ, прежде чѣмъ рѣшился убить своего вѣрнаго пса.»

У Ирландскаго дога или **Мастифа** (*Canis familiaris molossus hibernicus*. Bullenbeisser. Mastifanglais.) туловище коренастое, толстое, въ пахахъ мало поджато, спина прямая, грудь широкая и объемистая, шея довольно короткая и толстая, голова округленная, лобъ выпуклый, морда короткая, спереди нѣсколько суженная и очень тупая. Губы по сторонамъ морды отвисли и съ нихъ постоянно капаетъ слюна; на передней части морды зубы прикрыты губами. Довольно длинныя и широкія уши имѣють округленную форму; кончики ихъ завернуты книзу и висятіе. Довольно толстыя ноги имѣють среднюю величину. Хвостъ у основанія толстый, къ концу суживается; онъ довольно длинный и достигаетъ до пяточного сустава; собака почти всегда держитъ его приподнятымъ кверху съ загнутымъ впе-

Мастифъ. *Canis familiaris molossus hibernicus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

редъ кончикомъ. Окраска шерсти чалая или буровато-желтая, иногда съ чернымъ налетомъ, морда, губы и наружный край ушей чернаго цвѣта; окраска эта однако, у многихъ собакъ видоизмѣняется. По росту эти собаки принадлежатъ къ крупнымъ породамъ.

Вѣроятною родиною мастифа слѣдуетъ считать Ирландію; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ тамъ встрѣчаются самыя породистыя собаки этого сорта. Велѣдствіе своей тяжеловѣсности и короткихъ конечностей, мастифы не могутъ бѣжать ни быстро, ни продолжительно; за то они очень сильны, смѣлы и необыкновенно храбро наступаютъ на противниковъ; можно даже сказать, что за немногими исключеніями это самыя храбрыя изъ всѣхъ животныхъ. Качества эти дѣлають этихъ собакъ очень полезными при опасныхъ охотахъ и борьбѣ съ большими дикими животными. Душевныя ихъ способности не такъ хорошо развиты, какъ у другихъ

умныхъ собакъ, но вовсе не такъ незначительны, какъ обыкновенно думаютъ. Мы привыкли въ догъ олицетворять грубую физическую силу и соответственно этому полагаемъ, что онъ почти вовсе лишенъ понятливости, но это совершенно невѣрно, такъ какъ мастифъ сильно привязывается къ людямъ и охотно жертвуетъ для нихъ даже жизнью. Онъ прекрасно сторожитъ и охраняетъ домъ и защищаетъ порученное ему имущество съ необыкновеннымъ мужествомъ. Этотъ догъ служитъ также незамѣняемымъ спутникомъ въ такихъ странахъ, гдѣ безопасность путешествующаго не вполне обезпечена. Рассказываютъ, что мастифы иногда успѣшно защищали своего хозяина отъ пяти или шести разбойниковъ и даже оказывались побѣдителями при этой борьбѣ, несмотря на множество полученныхъ ранъ. Онъ служитъ также прекраснымъ сторожемъ при стадахъ и можетъ справиться съ самымъ свирѣпымъ быкомъ; при борьбѣ съ этимъ животнымъ онъ крѣпко впивается зубами въ морду противника и виситъ на ней до тѣхъ поръ, пока быкъ не усмирится и не пойдетъ туда, куда его гонитъ собака. Этого дога очень легко дрессировать для охоты на медвѣдей, волковъ и кабановъ и потому эта порода собакъ пользуется большимъ уваженіемъ у тѣхъ народовъ, которымъ часто приходится имѣть дѣло съ этими дикими звѣрями. Въ прежнія времена его часто употребляли для борьбы съ зубрами и другими крупными лѣсными животными. Съ другими собаками онъ живетъ сносно; рѣдко съ ними ссорится и даже терпѣливо переноситъ, когда его задираютъ маленькія собачки. Когда его дразнятъ люди, то онъ также долго терпитъ, но наконецъ, совершенно нечаянно, безъ всякаго лая и не приобѣгая ни къ какой хитрости, прямо бросается на своего мучителя, причѣмъ однако почти всегда довольствуется тѣмъ, что повалить его на землю и придержать въ такомъ положеніи; онъ кусается въ такихъ случаяхъ лишь тогда, когда человѣкъ вздумаетъ защищаться. Къ своему хозяину онъ очень привязанъ и вѣренъ, къ чужимъ почти всегда относится враждебно и опасенъ даже тогда, когда его держатъ на цѣпи. Если его натравить на человѣка, то онъ можетъ нанести страшныя раны.

* * *

Къ мастифу очень близки **Молосскіе доги** (*Canis familiaris molossus typicus*), очень большія и сильныя животныя съ короткой, толстой и тупой мордой; верхняя губа у нихъ по сторонамъ виситъ, какъ у предыдущей породы, но спереди такъ коротка, что зубовъ не прикрываетъ. Носъ бываетъ часто раздвоенъ, шерсть короткая и чаще всего рыжая или пестрая. Въ прежнее время, когда люди жили не въ такой безопасности, какъ теперь, держали довольно много подобныхъ договъ, нынѣ же они встрѣчаются только у любителей. Флеммингъ въ своемъ, нынѣ устарѣвшемъ, сочиненіи о пѣмецкой охотѣ говоритъ объ этихъ собакахъ слѣдующее: «Англійскіе доги, которыхъ прежде знатные господа за дорогую цѣну вывозили изъ Англіи и Ирландіи, нынѣ воспитываются и въ Германіи. Самый большіе и красивыя договъ называютъ «комнатными собаками», такъ какъ онѣ проводятъ ночь въ спальнѣ своего господина, чтобы защищать его и нападать на убійцъ и другихъ злодѣевъ, если таковые проникнутъ въ комнату. Англійскихъ договъ дрессируютъ также для охоты на оленей, кабановъ и волковъ, при чемъ они должны быть приучены не хватать звѣря за морду, а нападать на него сбоку и держать крѣпко за уши. Въ противномъ случаѣ медвѣдь можетъ лапами растерзать собакъ, олень забодаетъ ихъ рогами, кабанъ можетъ ранить бивнями, а волкъ загрызетъ зубами. Ихъ держатъ въ особыхъ стойлахъ на цѣпяхъ и каждому отдѣльно подаютъ кормъ. Особымъ видомъ договъ считается медвѣжья дога, которые очень толсты и тяжелы, но съ необыкновенною яростью нападаютъ на медвѣдей. Собаки эти съ виду чрез-

вычайно злы и коварны и въ Подоліи и Венгріи ихъ употребляютъ для охоты на буйволовъ, а также и на медвѣдей. Сначала ихъ приучаютъ хватать полувзрослыхъ кабановъ, а потомъ небольшихъ медвѣдей. Когда эти собаки крѣпко схватятъ животное зубами, и не отпускаютъ его, то имъ нужно пощекотать горло жесткимъ гусинымъ перомъ; тогда онѣ разожмутъ зубы. Когда доги хватаютъ медвѣди, онѣ сильно защищаются передними лапами; охотники забавляются этимъ зрѣлищемъ, а когда оно имъ надоѣсть, они отзываютъ собакъ и убиваютъ медвѣди, или запираютъ его въ ящикъ: охота считается оконченной и велятъ трубить въ рога». Предыдущими словами молосскіе доги описаны почти вполне достаточно. Въ Германіи теперь встрѣчаются только доги среднего роста, величиною съ легавую собаку и даже значительно меньше. Окраска ихъ почти всегда блѣдно-желтая, но изрѣдка попадаются и болѣе темные экземпляры. Породу эту легко узнать по толстымъ костямъ, широкой груди, а главнымъ образомъ по своеобразному строенію головы. Задняя часть головы у нихъ широка и толста, морда коротка, носъ довольно безобразенъ, вдавленъ или раздвоенъ, такъ что каждая ноздря торчитъ отдѣльно; рѣзцы часто расположены неправильно, на примѣръ, нѣкоторые впереди, а другіе назадъ, нижняя челюсть выступаетъ болѣе впередъ, чѣмъ верхняя, клыки и коренные зубы очень велики, а большіе глаза имѣютъ злое выраженіе.

* *
*

Бульдогами или боксерами (*Canis familiaris molossus gladiator*) называютъ молосскихъ договъ меньшаго роста и обыкновенно тигровой масти, которыхъ теперь часто держатъ въ Англіи. Ихъ еще болѣе, чѣмъ другихъ договъ, считаютъ яростными, непривычными и мало понятливыми животными, но это справедливо лишь отчасти. Бульдогъ бываетъ очень вѣренъ и привязанъ къ своему господину; но онъ долженъ вполне приучиться къ нему и убѣдиться въ томъ, что умственные силы человѣка во всякомъ случаѣ могутъ побѣдить его физическую силу; иначе бульдогу можетъ придти на умъ продѣлать съ человѣкомъ то, что онъ обыкновенно позволяетъ себѣ относительно животныхъ. Онъ очень злой и свирѣпъ, а потому съ особенною радостью загрызаетъ другое животное до смерти. При этомъ онъ выказываетъ мужество и смѣлость, которыя еще превосходятъ его очень значительную физическую силу. Вы находимъ у Ленца нѣсколько интересныхъ разсказовъ о бульдогахъ; изъ нихъ я передамъ здѣсь только одинъ. «Въ 1850 году я видѣлъ въ Готѣ звѣринецъ, въ которомъ находился между прочимъ очень большой и сильный волкъ. Однажды волкъ этотъ выскользнулъ изъ клѣтки и распространить ужасъ между многочисленными зрителями. Бульдогъ содержателя звѣринца, спокойно лежавшій въ углу, увидѣвъ волка, по собственному побужденію бросился на него и впился въ шею. Содержатель звѣринца воспользовался этимъ временемъ, сбѣлалъ изъ веревки петлю и набросилъ ее на шею волку и съ помощью собаки стащилъ обратно въ клѣтку; волкъ оказался мертвымъ: бульдогъ загрызъ его до смерти».

Бульдогъ не легко выпускаетъ тѣ предметы, въ которые впился зубами. Можно дать ему захватить палку или платокъ и вмѣстѣ съ этими предметами приподнять на воздухъ, бросить на спину, или сильно встряхивать—собака не разниметъ зубовъ.

Хорошія свойства бульдоговъ были извѣстны уже римлянамъ; они цѣнили ихъ потому, что эти собаки были пригодны для борьбы съ дикими звѣрами въ циркѣ. Когда Англія сбѣлалась римскою провинціей, то туда назначали особыхъ чиновниковъ, на которыхъ возлагалось воспитаніе и выборъ бульдоговъ, предназначенныхъ для посылки въ Римъ. Тамъ они, для потѣхи народа, боролись съ многочисленными дикими звѣрами; это римское увеселеніе продолжалось и въ позднѣйшія времена,

такъ, еще и въ царствованіе Елизаветы и Иакова 1-го въ Англіи устраивались по-боища звѣрей съ бульдогами. Стау описываетъ бой льва съ тремя бульдогами. Первую собаку левъ схватилъ за загривокъ и сразу задушилъ, вторую постигла та-же участь, но третій бульдогъ вился зубами въ губу льва, долго висѣлъ на ней и отвалился только вслѣдствіе страшныхъ ранъ, нанесенныхъ ему когтями льва. Послѣ этого левъ оказался неспособнымъ къ дальнѣйшей борьбѣ и въ изнеможеніи спрятался въ самый темный уголокъ своей клѣтки; собака, хотя и сильно израненная, осталась жива, а потому ее слѣдуетъ признать побѣдительницей въ этомъ бою.

Не все доги бываютъ приятными товарищами человѣка. Бывали случаи, что они объявляли своихъ новыхъ хозяевъ въ осадномъ положеніи и не пускали ихъ съ мѣста. Понятно, почему теперь мало держатъ бульдоговъ. Однако, они вовсе не такъ непонятливы, какъ обыкновенно думаютъ и встрѣчаются отдѣльные экземпляры, которые такъ-же смыслены, какъ пудели. Я зналъ такого бульдога, который всехъ забавлялъ своею понятливостью: онъ былъ прекрасно дрессированъ и понималъ почти каждое слово. Хозяинъ посылалъ его за разными вещами и онъ ихъ всегда приносилъ. Когда хозяинъ говорилъ: «приведи извощика» то бульдогъ бѣжалъ на извожничью биржу, вскакивалъ въ экипажъ и лаялъ до тѣхъ поръ, пока кучеръ не трогался съ мѣста; когда кучеръ ѣхалъ не туда, куда слѣдуетъ, собака опять лаяла, или выскакивала изъ экипажа и бѣжала впередъ, показывая дорогу. Этотъ бульдогъ страстно любилъ баварское пиво и прекрасно отличалъ его отъ другихъ сортовъ этого напитка. Когда онъ выпивалъ порядочное количество его, то бывалъ на-веселѣ и забавлялъ всехъ разными смѣшными выходками. Другой, мнѣ извѣстный бульдогъ былъ не только любимцемъ своего господина, но и любимой комнатной собакой его жены, къ которой онъ былъ сильно привязанъ. Онъ велъ также большую дружбу съ лошадьми своего хозяина. Повидимому необыкновенно серьезный, онъ однако очень любилъ игру и шутки, не сердился, когда его дразнили, но былъ нѣсколько неудобенъ грубостью своихъ шутокъ. Онъ усердно и добросовѣстно сторожилъ порученное ему имущество, днемъ охотно ходилъ гулять со своимъ господиномъ, ночью же ни въ какомъ случаѣ не покидалъ своей госпожи, считая себя ея тѣлохранителемъ, очень хорошо игралъ съ маленькими дѣтьми и, по приказанію господъ, носилъ въ конюшню лошадямъ разные лакомства, напимѣръ, сахаръ и сухари; вообще этотъ бульдогъ показывалъ много очень хорошихъ качествъ. Изъ вышесказаннаго, по моему мнѣнію, слѣдуетъ, что эта порода собакъ, которую обыкновенно считаютъ столь злобною по природѣ своей, имѣетъ иногда добродушный характеръ и что воспитаніе можетъ сдѣлать изъ бульдога или прекраснаго товарища, или опаснаго сотрудника человѣка.

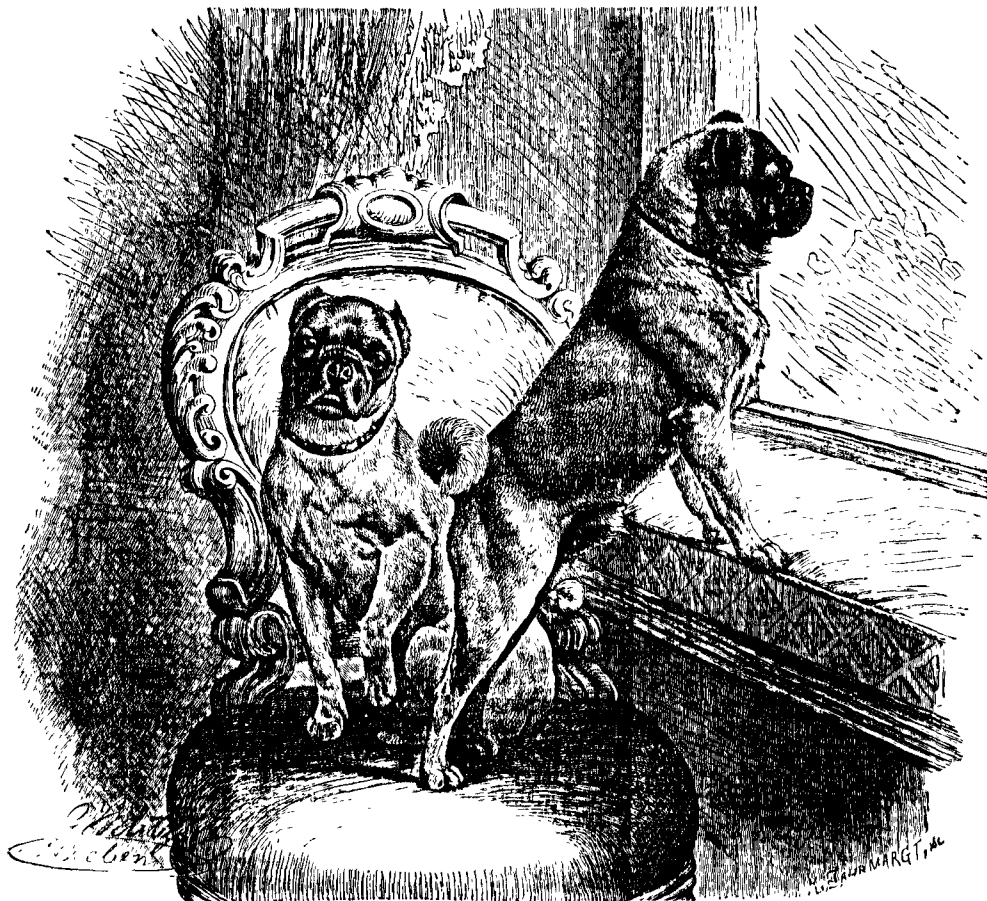
* * *

Къ догамъ слѣдуетъ причислить и самую каррикатурную форму всехъ собакъ, **Мопса** (*Canis familiaris molossus fricator*), котораго можно считать бульдогомъ въ миниатюрѣ, съ своеобразно притупленной мордой и винтообразно свернутымъ хвостикомъ. Его коренастое, приземистое тѣлосложеніе и недовѣрчивый, ворчливый характеръ дѣлаютъ мопса еще болѣе похожимъ на бульдога. Въ прежнее время мопсы были очень распространены, затѣмъ почти перевелись, а въ наше время снова принадлежатъ къ числу любимыхъ собакъ. Люди очень часто слишкомъ балуютъ и избѣживаютъ этихъ собачекъ; онѣ дѣлаются капризными и непослушными, вслѣдствіе чего многіе ихъ ненавидятъ.

* * *

Нѣсколько вѣковъ тому назадъ большими бульдогами пользовались самымъ отвратительнымъ образомъ: ихъ приучали бросаться на людей, валить ихъ на землю

и даже загрызать. При завоеваніи Мексики испанцы пользовались подобными собаками, чтобы выславивать индѣйцевъ и бороться съ ними, причемъ одна изъ этихъ собакъ, по имени «Бесерильо», такъ добросовѣстно исполняла приказанія испанцевъ, что получила печальную извѣстность. Нельзя съ достовѣрностью опредѣлить, принадлежалъ-ли Бесерильо къ породѣ кубекскихъ договъ, которыхъ считаютъ помѣсью буль-договъ съ кровяными собаками. По сохранившемуся описанію онъ былъ средняго роста, рыжаго цвѣта и съ черной до глазъ мордой. Его мужество и смѣлленность были одинаково удивительны и онъ пользовался большимъ почетомъ, чѣмъ другіи

Моносъ. *Canis familiaris molossus fricator.*

собаки, что выражалось между прочимъ въ томъ, что ему давали вдвое больше корма. При сраженіи съ индѣйцами онъ имѣлъ обыкновеніе бросаться въ самую середину толпы враговъ, схватывать какого-нибудь индѣйца за руку и тащить его въ пльнъ къ испанцамъ. Если индѣецъ безпрекословно слѣдовалъ за догомъ, то онъ не дѣлалъ ему никакого вреда; въ случаѣ-же сопротивленія онъ бросался на индѣйца и загрызалъ его. Союзныхъ съ испанцами индѣйцевъ онъ хорошо отличалъ отъ враговъ и никогда ихъ не трогалъ. При всей своей ярости и жестокости Бесерильо былъ иногда болѣе человѣколюбивъ, чѣмъ его господа. Разсказываютъ, что однажды капитанъ Яго-де-Сонадза вздумалъ воспользоваться свирѣпостью этого дога, чтобы умертвить старую пльнную индианку. Онъ далъ ей записку съ приказаніемъ снести ее губерна-

тору острова. а векорѣ послѣ ухода этой женщины онъ выпустилъ собаку въ надеждѣ, что она догонитъ индианку и загрызетъ ее. Когда бѣдная слабая женщина увидала догоняющую ее страшную собаку, то въ ужасѣ съела на землю и стала трогательными словами просить ее о пощаду, при чемъ показывала ей записку и повторяла нѣсколько разъ, что ей приказано доставить ее губернатору и просила собаку не препятствовать исполненію этого порученія. Грозный песъ остановился при этихъ словахъ, нѣкоторое время какъ-бы обдумывать, а затѣмъ сталъ ласкаться къ старухѣ. Этотъ случай привелъ испанцевъ въ изумленіе, и они приписывали это сверхъ-естественной силѣ, почему губернаторъ счелъ долгомъ отпустить на волю старую индианку. Бесерильо былъ убитъ стрѣлою во время сраженія съ караибми при завоеваніи Порто-Рико въ 1514 году. Понятно, что несчастные индѣйцы считали этихъ собакъ помощниками адекихъ существъ, посланныхъ злымъ духомъ для уничтоженія краснокожихъ.

Еще въ 1798 году этими собаками пользовались для такой-же цѣли; но не испанцы, а англичане употребляли ихъ для охоты на людей. Ямайскіе негры возстали и ихъ трудно было побѣдить обыкновенными средствами; возстаніе все разрослось и помѣщики не знали, что дѣлать. Тогда англійское правительство перевезло съ острова Кубы нѣсколько собакъ, привыкшихъ гоняться за бѣлыми рабами. При появленіи этихъ собакъ негры такъ испугались, что тотчасъ покорились и вернулись къ своимъ хозяевамъ. На Кубѣ до сихъ поръ пользуются этими страшными собаками для преслѣдованія въ лѣсахъ бѣглыхъ негровъ или разбойниковъ, а также для усмиренія одичавшихъ быковъ и при боѣ быковъ въ циркѣ. Тамъ очень заботятся о сохраненіи породы этихъ собакъ, и за особенно хорошіе экземпляры платятъ дорогую цѣну. Доги эти желтовато-бураго цвѣта съ черной мордой.

* * *

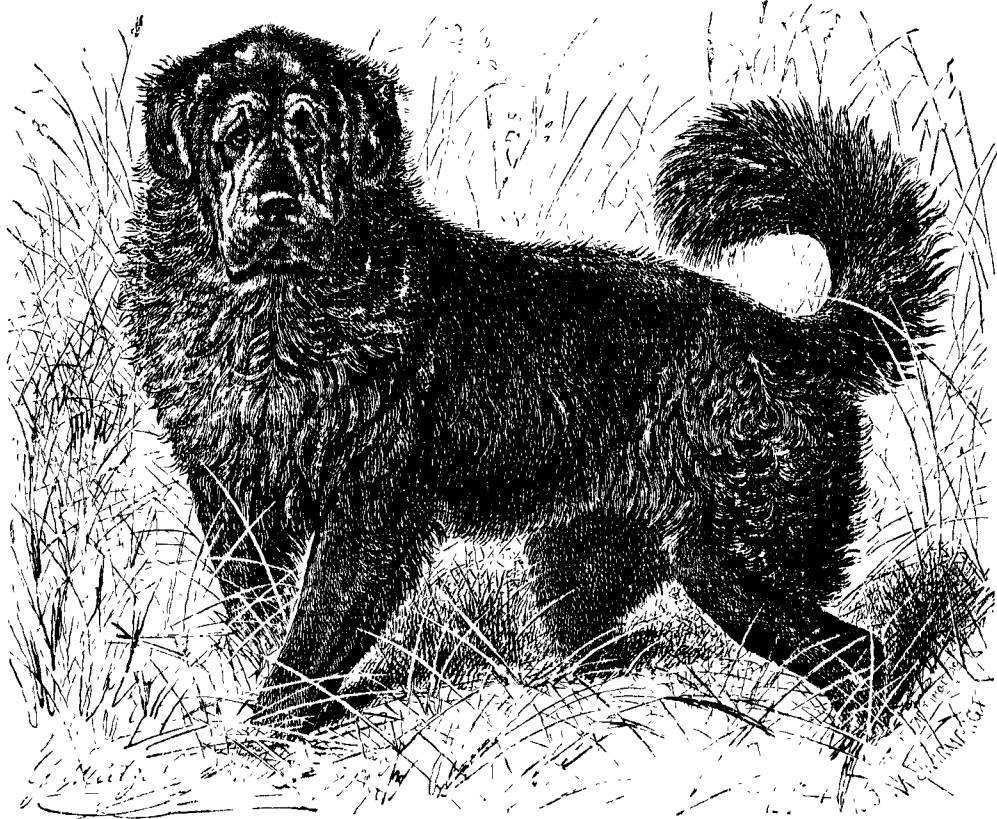
Тибетскій догъ (*Canis familiaris molossus tibetanus*) былъ также извѣстенъ еще римлянамъ. Это прекрасная большая собака, очень внушительнаго вида: туловище и конечности толсты и сильны, хвостъ пушистый и почти всегда приподнятъ кверху, уши висячія, губы по сторонамъ морды сильно отвисли, но спереди не закрываютъ рта. Отъ угловъ рта поднимаются съ каждой стороны морды глубокія складки, которыя соединяются съ другими, расположенными вкось надъ бровями, что придаетъ мордѣ грозное выраженіе.

Греки и римляне подробно описываютъ эту собаку и рассказываютъ удивительные случаи ея борьбы съ зубромъ, кабаномъ и даже львомъ. Доги эти могутъ считаться великанами между всеми собаками и отличаются какъ красотою формъ, такъ и красивою окраской. Они бываютъ чаще всего чернаго цвѣта съ желтоватою мордой и такими-же пятнами надъ бровями. Шерсть длинная и жесткая. На своей родинѣ это прекрасное животное считается очень послушнымъ и понятливымъ; его можно найти во всѣхъ горныхъ странахъ Тибета, гдѣ онъ сторожитъ дома и охраняетъ стада. Часто случается, что все мужское население деревни отправляется на поля или на охоту, а женщины и дѣти остаются подъ защитою однихъ собакъ, которыя храбро защищаютъ деревню отъ всѣхъ враговъ. Нѣкоторые новые изслѣдователи полагаютъ, что мужество этихъ договъ не соответствуетъ ихъ силѣ, но другіе утверждаютъ, что тибетскіе доги, какъ умныя животныя, не бросаются зря на всякаго противника, а пользуются своей страшной силой только для борьбы съ дѣйствительно опаснымъ врагомъ.

* * *

Группу, вовсе непохожую на договъ, представляютъ **Таксы** (*Canis familiaris verta-*

gus.Dächsel Basset); строение ихъ несомнѣнно имѣетъ много своеобразнаго и необыкновеннаго. Туловище ихъ длинное, цилиндрическое, животъ выпуклый, спина вогнутая, ноги кривыя и короткія, голова большая, морда длинная, на концѣ острая, зубы крупныя и острые, уши длинныя и висячія, лапы большія съ острыми когтями и шерсть короткая и гладкая. Несмотря на то, что конечности очень коротки, онѣ мускулисты и сильны; кистевые суставы переднихъ конечностей сильно вогнуты внутрь, такъ что почти касаются другъ друга, а нижнія части ногъ круто вывернуты кнаружи; на заднихъ конечностяхъ довольно высоко находится неразвитый пятый палецъ съ когтемъ. Хвостъ у основанія очень толстый, къ концу значи-

Тибетскій догъ. *Canis familiaris mollo sus tibetanus*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

тельно утончается и достигаетъ почти до пяточного сустава; обыкновенно онъ загнутъ кверху и рѣдко вытянутъ назадъ. Короткая шерсть—довольно жесткая, но гладкая; цвѣтъ ея разнообразенъ: чаще всего такыя бывають чернаго и темно-рыжаго цвѣта съ рыжимъ брюхомъ или одноцвѣтно-бурыя и рыжеватыя; рѣже встрѣчаются сѣрыя и пегія. Почти всегда надъ глазами бывають два ярко-рыжихъ пятна, которыя впрочемъ встрѣчаются и у другихъ породъ собакъ.

О происхожденіи такъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Повидимому онѣ были извѣстны уже Ксенофонту, а также онѣ изображены на древне-египетскихъ памятникахъ. При своемъ незначительномъ ростѣ, такыя отличаются большою силою и, соответственно этой силѣ, необыкновенною злобностью. Почти ни у какой другой породы собакъ не замѣчается такихъ прекрасныхъ врожденныхъ способностей къ охотѣ, какъ у такъ и ихъ можно-бы употреблять для всякаго рода охоты, если-бы не

два крупных недостатка: увлекшись охотой, онъ не слушаются охотника и пойманную дичь обыкновенно раздражаютъ на части. Всѣ таксы имѣютъ прекрасное чутье и очень хорошо развитый слухъ; онѣ въ высшей степени мужественны и мысленны, преслѣдуютъ дичь съ необыкновеннымъ упорствомъ и потому годятся для всякаго рода охоты; эти небольшие собаки смѣло нападаютъ даже на большого кабана и очень хорошо умѣютъ защищаться отъ этого дикаго звѣря, которому не такъ легко ихъ ранить, вслѣдствіе ихъ небольшого роста. Онѣ очень умны, внимательны, вѣрны, веселы и пріятны въ обращеніи, хорошо сторожатъ домъ и не легко поддаются ласкамъ постороннихъ людей, при всемъ этомъ онѣ, къ сожалѣнію, хитры и вороваты, въ старости угрюмы, злы и даже коварны: онѣ ворчатъ и скалятъ зубы и на своего господина. Онѣ любятъ заводить ссоры и драки съ другими собаками и рѣдко упускаютъ случай сѣлиться даже съ большими собаками, если тѣ къ нимъ приближаются.

На охотѣ такса доставляетъ много хлопотъ. Она отыскиваетъ слѣдъ дичи очень усердно, обыскиваетъ самыя густыя чащи и, благодаря своему тонкому чутью, обыкновенно скоро находитъ этотъ слѣдъ: тогда такса забываетъ все на свѣтѣ. Охотникъ напрасно свиститъ, зоветъ, ищетъ собаку — ничего не помогаетъ, даже если такса нѣсколько разъ была сильно наказана за свое непослушаніе. Пока она видитъ дичь или чувствуетъ ея слѣдъ, то бѣжитъ за нею, ничего не слышитъ и выказываетъ такую злобность, которая рѣдко встрѣчается у другихъ собакъ. По цѣлымъ часамъ гонитъ она поднятаго зайца или разрываетъ норку, куда спрятался кроликъ, безъ усталости бѣжитъ за спасающеюся косулей и при этомъ забываетъ время и пространство. Въ случаѣ усталости она ложится, отдыхаетъ, а затѣмъ снова продолжаетъ охоту. Если ей удается схватить какую-нибудь дичь, напримѣръ кролика, то она растерзываетъ его и сѣдаетъ внутренности, а если очень голодна, такъ и все животное. Она знаетъ, что за это ее побьютъ, и понимаетъ, что такъ поступать охотничьей собакѣ не слѣдуетъ, но ко всему этому она равнодушна: охотничья страсть превозмогаетъ страхъ наказанія и чувство долга; вотъ почему таксами пользуются только для одного рода охоты, именно, чтобы выгонять изъ норъ животныхъ, живущихъ подъ землей. Низкое тѣлосложеніе таксы, ея кривыя ноги и сильныя лапы съ острыми когтями уже указываютъ на то, что собаки эти особенно удобны для разрыванія земли и залѣзанія въ подземныя норы, а ихъ сила, постоянство и злобность въ значительной степени обезпечиваютъ успѣхъ подобнаго рода охоты. По величинѣ и тѣлосложенію различаютъ нѣсколько сортовъ таксъ: маленькихъ, среднихъ и большихъ, а также таксъ съ прямыми ногами, происшедшихъ отъ скрещиванія съ легавыми, эти послѣднія не годятся для подземной, а только для наземной охоты.

Таксы не требуютъ дрессировки. Охотники выбираютъ себѣ щенятъ отъ хорошей матки и держатъ ихъ лѣтомъ въ загородкѣ, а зимою въ тепломъ хлѣвѣ и стараются ни коимъ образомъ ихъ не запугивать, такъ какъ природную смѣлость этихъ собакъ нужно поддерживать, и, если возможно, даже развивать.

Барсуки и лисцы часто сильно кусаютъ таксу, но это ей нипочемъ: она слишкомъ мужественна, чтобы обращать вниманіе на раны, полученные въ честномъ бою, и послѣ этого она еще съ большимъ ожесточеніемъ преслѣдуетъ этихъ животныхъ. Нужно самому видѣть съ какою страстностью она предается подземной охотѣ на лисецъ и барсуковъ, чтобы отъ души полюбить эту собаку, несмотря на нѣкоторыя неспосныя ея качества. Какое нетерпѣніе, когда ее не сразу пускаютъ въ нору, какъ жалобно она визжитъ, когда видитъ, что вмѣсто нея въ нору вошла другая собака! При этомъ она вся дрожитъ отъ страстнаго желанія принять участіе въ охотѣ, жалобно, но тихо лаетъ, ласкается къ охотнику и бросаетъ на

него умоляющіе взгляды, выпрашивая позволеніе по крайней мѣрѣ убѣдиться въ присутствіи врага въ норѣ. Она какъ будто обѣщаетъ охотнику храбро напасть на барсука, злобно вѣсться въ него зубами, забраться въ самую глубь норы и оттуда его выгнать. Когда она наконецъ достигнетъ цѣли, то на-скоро, въ видѣ благодарности, лизнетъ руку своего повелителя, а затѣмъ быстро влѣзаетъ въ нору и тамъ, лая, роетъ и царапаетъ съ такимъ ожесточеніемъ, что у ней занимается духъ. Отъ времени до времени она появляется у отверстія норы, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, причѣмъ лоснящаяся, гладкая шерсть ея вся запылена, глаза, ноздри и губы окаймлены грязной оторочкой, сухой языкъ виситъ изъ рта; нѣсколько разъдохнувши, она снова возвращается въ подземный ходъ и лай ея раздастся все глуше и глуше, по мѣрѣ того, какъ она углубляется въ землю. Когда она наконецъ доберется до спрятавшихся въ норѣ барсука или лисенца, то этимъ животнымъ почти невозможно защищаться отъ грозной собаки. Какъ ни дерется барсукъ своими лапами, какъ ни кусается лиса, но они не могутъ противостоять яростному

Таксы. *Canis familiaris vertagus*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

нападению таксы и бываютъ принуждены вылѣзти изъ норы, а тамъ ихъ убиваетъ охотникъ.

Не менѣе усердно таксы охотятся также и въ лѣсахъ. Какъ истый любитель вепомінаю и частая охоты въ Гессенскихъ горахъ. Звучно раздается лай охотницей своры таксъ; то приближаясь, то удаляясь, онѣ то вовсе затихаютъ, то снова заливаются, смотря по тому, какое направленіе и повороты принимаетъ трусливый заяцъ, хитрая лисенца или спасающійся отъ маленькихъ мучителей, преслѣдуемый олень. Съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваешься къ гону собакъ и къ первому выстрѣлу; съ истиннымъ удовольствіемъ слушаешь лай и смотришь на храбрыхъ, маленькихъ, кривоногихъ помощниковъ, которые рыщутъ вокругъ всякаго кустика и забора, десять разъ возвращаются на прежній слѣдъ, чтобы ничего не прозвѣнать. Когда вѣтъ таксы, по окончаніи охоты, какъ водится, возвращаются къ царю или охотнику и спокойно даютъ себя прикрѣпить къ сворѣ, тогда охотно простятъ имъ много провинностей, напримѣръ: задущенную, израненную или отчасти пожранную ими дичь, въ клочки изорванную дорожную лисью шкуру; забудешь разныя ихъ худыя качества, ихъ злобичество, ихъ недружелюбіе и зависть къ другимъ собакамъ, и многое другое. Не слѣдуетъ забывать, что большинство этихъ не-

достатковъ происходитъ отъ неукротимой страсти къ охотѣ и необыкновенной любви къ травлѣ.

И имѣлъ случай наблюдать за такою, принадлежавшею моему отцу и по ней я могу судить насколько эти собаки завистливы. Она была въ постоянной враждѣ со всѣми прочими обитателями нашего двора. Въ мирѣ она не жила ни съ однимъ животнымъ, чаще же всего ссорилась съ однимъ пинчеромъ, трусость котораго постоянно обеспечивала за ней побѣду. Иногда случалось, что обѣ собаки вивались другъ въ друга; пинчеръ выдерживалъ характеръ и не уступалъ и тогда обѣ свивались буквально клубкомъ и скатывались не только съ лѣтницы, но даже перелетали черезъ садовую стѣну, продолжали борьбу на грядахъ и кувыркомъ валились внизъ. Въ благополучномъ случаѣ онѣ прекращали драку, наткнувшись на заборъ, а что бывало хуже — попадали въ рѣчку, гдѣ холодная вода сразу охлаждала ихъ пылъ. И этому-то смертельному врагу суждено было быть случайной причиною выздоровленія заболѣвшей таксы. Она уже нѣсколько дней лежала и отказывалась отъ всякой пищи. Никакія домашнія средства не помогали и, казалось, конецъ ея приближался. Несмотря на многіе недостатки этой собачки, всѣ домашніе наши были очень опечалены, а матери моей мысль о возможности смерти таксы причиняла даже горе. Вдругъ матушкѣ моей пришло въ голову испробовать еще одно средство; она принесла собакѣ тарелку самаго лакомаго кушанья. Большая приподнялась, страдальчески посмотрѣла на вкусныя цыплячьи косточки, на кусочки мяса, но была настолько слаба и больна, что не прикаснулась ни къ чему. Тогда мы призвали другую собаку и приказали ѣсть. Такса моментально приподнялась, сначала пошатывалась, но потомъ стала тверже, вдругъ ожила и, какъ безумная, бросилась на пинчера, ворчала, лаяла и съ пѣной у рта вивилась въ своего врага; послѣ того, какъ пинчеръ ее сильно потренилъ и даже искусалъ до крови, она была такъ взволнована, разсержена и потрясена, что унала за-мертво, но потомъ стала мало по малу оправляться и вскорѣ совсемъ выздоровѣла.

* * *

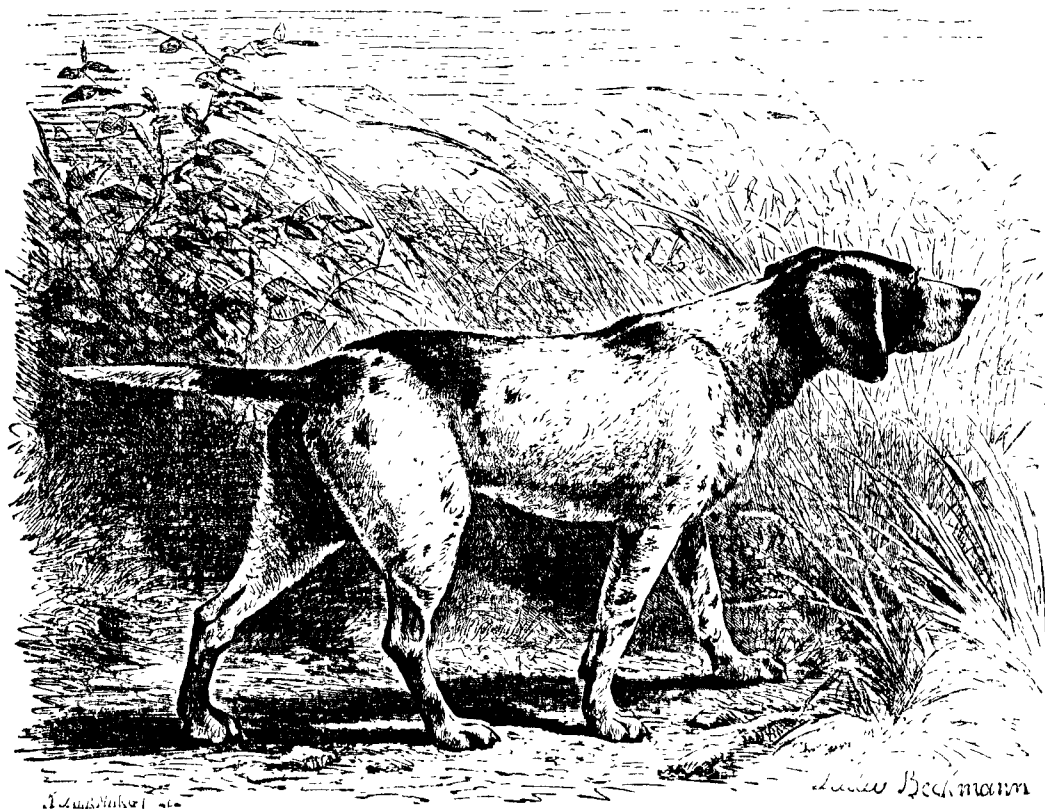
Во Франціи и Англии приучаютъ иногда особую породу собакъ вертѣть вертелъ въ кухнѣ; англичане ихъ называютъ **Turnspit** (*Canis familiaris vertagus rectipes*). Собаки эти отличаются отъ таксъ главнымъ образомъ болѣе короткимъ туловищемъ, болышой головой, короткой мордой, прямыми передними ногами и длиннымъ тонкимъ хвостомъ. По характеру своему онѣ очень похожи на таксъ; онѣ живы, усердны, а также склонны къ гнѣву и ссорамъ. Ихъ рѣдко употребляютъ для охоты, но онѣ годятся, чтобы сторожить домъ и, какъ уже сказано выше, чтобы вертѣть вертелъ. Для этой цѣли прицѣпляютъ къ вертелу колесо, въ родѣ того, какое бываетъ въ бѣлицыи вѣткѣ, и туда запрягаютъ собаку, которая, бѣгая, приводитъ вертелъ въ движеніе. Во Франціи можно часто видѣть этихъ собакъ за работой въ кухняхъ. Говорятъ, что онѣ безроотно и усердно исполняютъ это дѣло въ продолженіи опредѣленнаго времени, но очень хорошо знаютъ, когда ихъ должна смѣнить другая собака. Если ихъ заставляютъ работать дольше, то онѣ ложатся и никакими побоями нельзя заставить ихъ снова приняться за дѣло.

* * *

Такъ называемая **Выдровая собака** (*Canis familiaris vertagus scoticus*. Otterhund) теперь рѣдко встрѣчается въ Германіи. Нѣкоторые ее считаютъ помѣсью вышеописанной породы съ пинчеромъ, но она болѣе похожа на первую, чѣмъ на пинчера, довольно большого роста, имѣетъ большую голову съ острой мордой, длин-

ныя, висячія уши, вытянутое туловище, прямыя ноги и не очень длинную, взъерошенную шерсть разной масти.

Теперь ее чаще всего употребляют для охоты на выдръ, но въ прежнес время ею гоняли и зайца. Выдровая собака очень рѣзва и смѣла и только благодаря этимъ качествамъ она и годится для охоты на выдръ. При преслѣдованіи этихъ животныхъ собака часто должна идти въ воду и умѣть хорошо плавать и нырять; при этомъ нужна большая смѣлость, такъ какъ выдра храбро защищается своими острыми зубами и наноситъ собакѣ часто сильныя раны. Кромѣ того выдра имѣетъ очень гладкую шерсть и ловко извивается, почему ускользаетъ отъ собаки

Легавая собака, короткошерстная. *Canis familiaris sagax avicularius*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

даже тогда, когда та ее схватитъ зубами. Но эта прекрасная собака обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для успѣха подобной охоты. Говорятъ, что ни одна собака, за исключеніемъ бульдога, не нападетъ съ такою злобною на животныхъ, какъ выдровая. Увѣряютъ даже, что ея нападенія, несмотря на маленькій ростъ, даже болѣе опасны, чѣмъ нападенія бульдога. Последний дѣйствительно, разъ видѣвшись, не легко отпускаетъ свою добычу; выдровая же собака кусаетъ въ короткое время нѣсколько разъ и потому раны, наносимыя ею, хотя не такъ глубоки, но опаснѣе, чѣмъ укушенія бульдога.

Выдровая собака легко переноситъ холодъ и быстрыя перемены погоды и даже зимою безъ вреда для своего здоровья лазаетъ въ воду. Жесткій войлокообразный мѣхъ служитъ ей очень хорошей защитой отъ холода и кромѣ того она легко привыкаетъ къ переменамъ температуры. О происхожденіи этой собаки до сихъ

поръ еще спорять и трудно рѣшить, можно ли ее относить къ таксамъ. Большой ростъ собаки противорѣчить, повидимому, вышеуказанному предположенію: вышина ея въ плечахъ доходить до 60 см.

* *
*

Собственно **Охотничьи собаки** (*Canis familiaris sagax*) представляютъ большое разнообразіе породъ и гораздо болѣе доступны хорошему воспитанію, чѣмъ таксы: онѣ занимаютъ несомнѣнно высшее мѣсто между всѣми домашними собаками. По смысленности своей онѣ не уступаютъ умному пуделю, граціозной борзой и красивой болонкѣ; совмѣщаютъ красоту съ другими хорошими качествами и смѣло могутъ быть причислены къ благороднѣйшимъ собакамъ. Порода эта въ извѣстномъ смыслѣ создана человѣкомъ, онѣ привилъ имъ нѣкоторыя свои собственные способности и примѣнилъ различные виды этой породы ко всевозможнымъ родамъ охоты. Въ Германіи существуетъ уже множество породъ охотничьихъ собакъ, но еще большее количество ихъ мы встрѣчаемъ въ Великобританіи, гдѣ уже давно обращаютъ особенное вниманіе на воспитаніе этихъ полезныхъ животныхъ.

Хотя очень трудно указать общіе признаки различныхъ породъ охотничьихъ собакъ, но можно о нихъ всехъ сказать слѣдующее. Собаки эти средняго роста и красиваго тѣлосложенія. Туловище ихъ вытянуто и скорѣе худощаво, чѣмъ толсто, голова удлинненная и лобъ умѣренно выпуклый, не очень длинная морда, спереди суживается, а на концѣ тупая, глаза большіе и умные, уши широкія и висячія, довольно длинная, но не узкая шея, широкая грудь, животъ не слишкомъ подтянутый въ пахахъ, ноги средней величины и толщины, на заднихъ лапахъ замѣчается пятый, недоразвитый палецъ съ когтемъ, и довольно длинный хвостъ. Шерсть бываетъ иногда короткая и гладкая, иногда длинная и жесткая, хвостъ покрытъ короткими волосами или пушистый, окраска очень разнообразная, одноцвѣтная или пятнистая. Надъ глазами почти всегда имѣется два небольшихъ круглыхъ свѣтлыхъ пятна.

У всехъ охотничьихъ собакъ замѣчается природная способность къ охотѣ, а если этого качества у нихъ нѣтъ, то онѣ никуда не годятся. У этихъ собакъ болѣе, чѣмъ у всехъ другихъ, играетъ роль порода и у нихъ легче всего замѣтить, что отъ хорошей матки или вообще отъ хорошихъ родителей происходятъ превосходные щенки. Всѣ эти собаки сильны, быстро бѣгаютъ и имѣютъ очень хорошо развитыя внѣшнія чувства, въ особенности же отличное чутье, которое и дѣлаетъ ихъ необыкновенно способными къ охотѣ. Обоняніе у нихъ такъ сильно развито, что онѣ могутъ отыскивать слѣдъ дичи нѣсколько часовъ, даже нѣсколько дней послѣ прохождения ея. Вслѣдствіе этого этихъ собакъ преимущественно употребляютъ для выслѣживанья и отысканія дичи, для чего ихъ особо дрессируютъ. Здѣсь не мѣсто приходить въ подробности о внѣшнихъ особенностяхъ различныхъ породъ, объ ихъ дрессировкѣ и о примѣненіи ихъ при охотѣ: все это можно найти въ спеціально-охотничьихъ сочиненіяхъ.

Прежде всего обратимъ вниманіе на болѣе извѣстную породу **легавыхъ** собакъ (*Canis familiaris sagax avicularius. Vorstehhund Braque*). Онѣ средняго роста и не очень худощавы, голова у нихъ длинная и довольно толстая, носъ иногда раздвоенный, уши широкія, длинныя и висячія, шерсть иногда длинная, иногда короткая, мягкая или жесткая, окраска чаще всего буро-пѣгая, рѣже-же черно-пѣгая; впрочемъ, встрѣчаются одноцвѣтныя: бѣлая, бурья, черныя и свѣтло-рыжія легавыя. Хвостъ прежде часто обрубали, нынѣ-же обыкновенно оставляютъ въ естественной величинѣ.

Легавыя собаки умны, смыслены, послушны, относятся съ любовью къ сво-

ему дѣлу и нынѣ стали необходимы для охоты за всевозможною дичью. У нихъ прекрасно развито какъ нижнее, такъ и верхнее чутье и при благоприятныхъ условіяхъ онѣ чуютъ мелкую дичь уже на разстояніи 30 и даже 50 шаговъ.

«Я много лѣтъ занимался», говоритъ Дицель, «сравненіемъ душевныхъ способностей всевозможныхъ, встрѣчающихся у насъ животныхъ и все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что легавая собака по смысленности своей превосходить всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ животныхъ.

«Мнѣніе мое, впрочемъ, только въ такомъ случаѣ справедливо, если оно относится къ собакамъ совершенно чистой породы, у которой всѣ природныя способности,

Легавая собака, длинношерстная. *Canis familiaris sagax avicularias*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

а особенно обоняніе, хорошо развиты. Собака эта должна быть воспитана не въ одиночествѣ, а вырасти на глазахъ своего господина, чтобы она съ юности привыкала понимать каждое слово и каждый жестъ его. Наконецъ самъ хозяинъ долженъ обладать всѣми качествами хорошаго воспитателя, между прочимъ значительною долею терпѣнія, которое очень важно и для воспитанія собаки. Кромѣ того онъ долженъ быть также хорошимъ стрѣлкомъ. Только благодаря соединенію всѣхъ этихъ благоприятныхъ условій, воспитываемая собака можетъ достигнуть той удивительной степени послушанія, самообладанія и ловкости, которую въ краткихъ словахъ я и хочу описать. Хорошо дрессированная и вполнѣ воспитанная легавая собака въ возрастѣ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ инстинктивно ищетъ дичь, держа носъ противъ вѣтра и поворачивая голову то направо, то налѣво. Отъ времени до времени она останавливается и оглядывается на охотника, который рукою

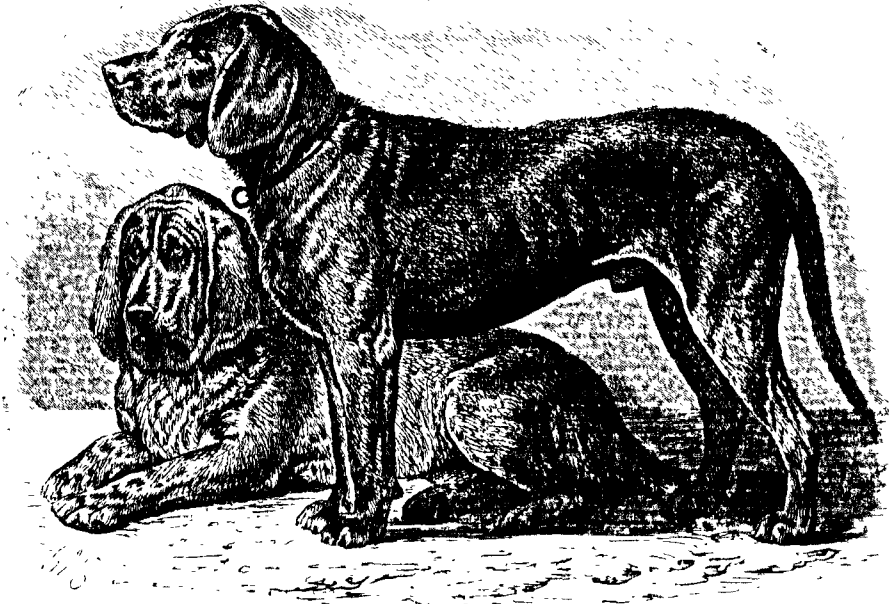
показываетъ ей направленіе, гдѣ она должна искать. Собака самымъ точнымъ образомъ слѣдуетъ этому указанію. Когда она наконецъ найдетъ слѣдъ настоящей дичи, то перестаетъ шевелить хвостомъ, который до этого постоянно находился въ движеніи. Все тѣло собаки тогда превращается какъ-бы въ живое изваяніе, иногда, впрочемъ, она по-копачьи, тихими шагами приближается къ дичи и на небольшомъ разстояніи отъ нея останавливается, затѣмъ поворачиваетъ голову къ охотнику, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ ее видитъ, а также, чтобы узнать, какъ близко онъ къ ней подошелъ. Если мѣстныя условія не позволяютъ охотнику видѣть собаку, напримѣръ въ густомъ лѣсу или высокой травѣ, то нѣкоторыя легавыя на время бросаютъ дичь, чтобы отыскать хозяина и привести его къ мѣсту стойки. Но изъ очень большого числа принадлежавшихъ мнѣ и видѣнныхъ мною легавыхъ собакъ только немногія аккуратно исполняли это и то научались подобному искусству лишь въ зрѣломъ возрастѣ. Если молодая и горячая собака не хватается подстрѣленную охотникомъ, падающую передъ ея глазами дичь, то можно быть увѣреннымъ въ ея хорошей дрессировкѣ. Умная собака скоро научается противустоять этому искушенію и только тогда бросается на убитую птицу, когда хозяинъ дастъ ей на это позволеніе словомъ «пиль!» Соблазнъ въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе силенъ, что инстинктъ безъ сомнѣнія влечетъ ее къ преслѣдованію и схватыванію животныхъ, такъ что здѣсь собака борется со своимъ естественнымъ стремленіемъ и дѣйствительно превозмогаетъ его. Она четверть часа и даже дольше дѣлаетъ стойку надъ зайцемъ и не смѣетъ его преслѣдовать, если онъ векочитъ и побѣжитъ, тѣмъ болѣе не осмѣливается она хватать зайца сразу, не дожидаясь охотника. Если даже звѣрь, во время своего бѣгства, пронесется такъ близко отъ нея, что собакѣ стоитъ только открыть пасть, чтобы его схватить, то и тогда она не должна его трогать.

«Несвѣдущій человѣкъ, которому приходится наблюдать подобное поведение собаки, долженъ придти къ заключенію, что она вовсе не любитъ охоты и что заяцъ ее несколько не прельщаетъ. Но подобное сужденіе совершенно несправедливо. Причину такого поведения собаки слѣдуетъ искать не въ равнодушіи и нежеланіи охотиться, но въ послушаніи, боязни наказанія и чувствѣ долга. Природа здѣсь совершенно подчинилась вліянію воспитанія, но исполнѣе ее уничтожить нельзя: естественныя способности въ этомъ случаѣ только дремлютъ или, если можно такъ выразиться, молчатъ, потому что послушаніе не позволяетъ имъ выказаться. Если собака, которая передъ глазами своего господина обнаруживаетъ полное послушаніе, предоставлена самой себѣ или охотится съ человѣкомъ, котораго не боится, то поведение ея совершенно другое: она тогда бросается на дичь, какъ всякая недрессированная собака. Поэтому часто случается, что въ началѣ дрессировки легавыя собаки, которыя при охотникѣ уже хорошо дѣлаютъ стойку, начинаютъ очень дурно вести себя, какъ только далеко убѣгутъ отъ него.

«Даже человѣку, мало знакомому съ охотою, въ высшей степени интересно наблюдать ту осторожность, съ которой легавая собака приближается къ выслѣженной дичи. Если, напримѣръ, она вслѣдствіе неблагоприятнаго вѣтра не знаетъ въ какую сторону убѣжали куропатки, то она возвращается назадъ, описываетъ очень большую дугу по одному и по другому направленію, приближается къ птицамъ только съ той стороны, гдѣ онѣ труднѣе всего могутъ ее замѣтить, и тамъ дѣлаетъ стойку. Когда приходится обыскивать поле ржи или овса, то опытная собака не кидается зря внутрь его, но идетъ по межѣ, отыскивая направленіе, по которому вѣтеръ принесетъ ей испаренія спрятавшейся дичи; она хорошо понимаетъ, что только чутьемъ можетъ отыскать дичь въ поросшемъ хлѣбомъ полѣ.

«Мнѣ нѣсколько разъ приходилось видѣть, что мои собаки, отыскивая дичь и бѣгая взадъ и впередъ, внезапно останавливались, ложились на землю и нѣкоторое время оставались въ такомъ положеніи. Если я, слѣдя за направлениемъ ихъ взгляда, старался узнать причину этого явленія, то я каждый разъ замѣчалъ какое-нибудь животное, чаще всего зайца, который издали бѣжалъ прямо на насъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что собаки ложились только въ томъ случаѣ, когда заяцъ бѣжалъ не мимо ихъ, а прямо на нихъ. Въ данномъ случаѣ собаки подражали хищнымъ животнымъ, которыя подстерегаютъ свою жертву и прячутся, чтобы подпустить ее какъ можно ближе».

Собака научается конечно вѣмъ этимъ хитростямъ только послѣ долгой дрессировки, но ни у одного животного нельзя замѣтить такой способности многому научиться, какъ у легавой собаки, когда человекъ искусно ее дрессируетъ и

Кровяная собака. *Canis familiaris sagax sanguinarius*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

хорошо съ нею обращается. Опытная охотничья собака дѣйствительно удивительное созданіе и въ полномъ смыслѣ заслуживаетъ свое латинское названіе *sagax* (умная). У ней, по словамъ Шейтлина, замѣчается почти человѣческая понятливость. Она очень хорошо знаетъ, что ей слѣдуетъ дѣлать, и хорошо дрессированная легавая, сопровождая плохого охотника, очень часто ясно показываетъ ему свое недовольство. Я зналъ одну собаку по имени Баско; она была такъ умна и понятлива, какъ только возможно быть понятливой собакой. Хозяинъ ея, лѣсничій, стрѣлялъ очень мѣтко: если онъ цѣлился въ птицу на-лету, то попадалъ каждый разъ, или изъ двадцати выстрѣловъ дѣлалъ одинъ промахъ. Однажды къ нему пришелъ сынъ его пріятеля, молодой юристъ, который, конечно, владѣлъ лучше перомъ, чѣмъ ружьемъ, и просилъ позволенія поохотиться съ его собакой. Лѣсничій позволилъ ему, но прибавилъ: «идите, но стрѣляйте хорошенько, иначе Баско очень разсердится». Началась охота; немного времени спустя Баско выслѣдилъ цѣлый выводокъ тетеревовъ и остановился передъ нимъ, какъ вкопанный. Собака получила приказаніе поднять дичь. Тетерева взлетѣли, раздался

выстрѣлы, но ни одна птица не упала. Баско очень удивленно оглянулся и довольно ясно выказалъ, что расположеніе духа его испорчено; однако продолжалъ искать, выслѣдилъ еще выводокъ и опять случилось то-же, что и въ первый разъ; тогда собака подошла къ охотнику, съ презрѣніемъ на него взглянула и стремглавъ бросилась бѣжать домой. Этому охотнику съ тѣхъ поръ никогда болѣе не удавалось заманить ее въ лѣсъ, несмотря на всю ея страсть къ охотѣ: презрѣніе къ плохому стрѣлку слишкомъ укоренилось въ ея памяти. Само собой разумѣется, что для того, чтобы изъ способной собаки выработать что-нибудь хорошее, нуженъ прекрасный воспитатель. Дрессировка вещь очень трудная. Главныя необходимыя качества въ воспитателѣ: терпѣніе, строгость и любовь къ животнымъ. Прежде прибѣгали къ наказаніямъ, употребляли плеть и парфорсъ (особаго устройства ошейникъ съ гвоздями); этому приему слѣдуютъ еще и теперь нѣкоторые дрессировщики, другіе-же держатся лучшихъ принциповъ. На своего воспитанника послѣдніе не смотрятъ какъ на раба, но какъ на разумнаго помощника, и съ самой ранней юности обращаются съ собакой соответственно этому взгляду *).

* * *

Кровяная собака нѣмецкихъ охотниковъ (*Canis familiaris sagax sanguinarius*. Schweisshund) по величинѣ и строенію тѣла похожа на гладкошерстную легавую собаку. Знайки отличаютъ три сорта этихъ собакъ: ганверскія, солингенскія и гарцскія. Въ горныхъ странахъ чаще держать болѣе мелкую породу—баварскую горную кровяную собаку. О происхожденіи этой породы ничего достовѣрнаго неизвѣстно. Кровяныя собаки имѣютъ крѣпкое тѣлосложеніе: цвѣтъ шерсти бываетъ блѣдно-бурый, рыжій или чалый съ чернымъ налетомъ на мордѣ и ушахъ и часто съ темной полосой на спинѣ. Голова широкая, не очень выпуклая; носъ значительно шире, чѣмъ у другихъ охотничьихъ собакъ и черного или мясного цвѣта; морда тупая и верхняя губа свѣшивается внизъ, а около угловъ рта образуетъ большія складки; широкія уши средней величины и внизу округлены; морда имѣетъ угрюмое и умное выраженіе; хвостъ понемногу утончается къ кончику. Голосъ ихъ громокъ и низокъ; онѣ лаютъ съ такимъ своеобразнымъ продолженнымъ завываніемъ, что, услышавши разъ, легко узнаешь ихъ потомъ по голосу.

Кровяная собака почти необходимый помощникъ на охотѣ за оленями и другими большими животными: она помогаетъ отыскивать слѣды раненой дичи. Если ее держать на привязи, то она молча ведетъ охотника по слѣдамъ до того мѣста, гдѣ животное упало; если она на свободѣ, то, отыскавши убитую дичь, лаетъ особеннымъ образомъ и этимъ зоветъ къ себѣ охотника; если-же дичь убѣжала, то она гонитъ ее съ громкимъ воемъ и задерживаетъ до тѣхъ поръ, пока охотникъ не подойдетъ и не застрѣлитъ ее. Хорошая кровяная собака не должна терзать дичи, но когда ее потрошатъ, то она получаетъ свою часть; точно также не должна она гнать не подстрѣленную дичь, а, отыскавши слѣды, только указать его охотнику.

Дрессировка кровяной собаки очень хлопотлива, требуетъ терпѣнія и затруднена еще тѣмъ, что не очень часто встрѣчаются случаи упражнять ее въ искусствѣ отыскивать подстрѣленныхъ оленей; поэтому опытная собака этой породы составляетъ гордость настоящаго охотника. Она исполняетъ свои обязанности на охотѣ впрочемъ съ удивительнымъ умѣньемъ: напримѣръ, она можетъ отыскать слѣды подстрѣ-

* У Брэма, къ сожалѣнію, вовсе не описаны отдѣльныя породы легавыхъ собакъ, которыхъ очень много. Не рѣшаясь пополнить этотъ пробѣлъ, такъ какъ это значительно-бы увеличило объемъ книги.

леннаго оленя сутки спустя послѣ первой охоты. Слѣдуетъ замѣтить, что опытные таксы и нѣкоторыя легавыя также очень порядочно исполняютъ обязанности кровяныхъ собакъ.

* * *

Не слѣдуетъ смѣшивать вышеописанную собаку съ **Оленьей собакою** (*Canis familiaris sagax acceptorius*, Hirschhund), которая, говорятъ, происходитъ отъ скрещиванія кровяной собаки съ борзою—и соединяетъ качества какъ той, такъ и другой. Эта собака отличается прекраснымъ чутьемъ и быстротою бѣга. Нынѣ ихъ уже

Оленья собака. *Canis familiaris sagax acceptorius*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

очень немного и онѣ содержатся только въ царствѣ англійской королевы, но прежде онѣ были болѣе распространены. Георгъ III, англійскій король, былъ страстнымъ охотникомъ травли оленей и самъ принималъ въ нихъ участіе. Часто травля велась съ такою безумною отвагою, что изъ ста охотниковъ, которые гнались за оленемъ вначалѣ охоты, только 20 или 10 присутствовали при окончаніи травли, когда собаки хватили звѣря. Съ быстротою вихря неслись охотники за дичью, пробѣгая огромныя разстоянія, и травля продолжалась такъ долго, что многіе лошади и даже собаки околѣвали отъ утомленія. Ничего подобнаго охоты въ западной Европѣ невозможны, потому что населеніе вездѣ гораздо гуще и земля почти вся обрабатывается.

* * *

Гораздо важнѣе оленьихъ собакъ для нынѣшнихъ охотниковъ **Лисогоны** (*Canis*

familiaris sagax vulpicapus. Foxhound, Fuchshund). Знатные люди занимались иногда этими собаками, болѣе, чѣмъ всѣми другими дѣлами, о нихъ писали большія сочиненія и нынѣ многіе англійскіе вельможи интересуются этими псами гораздо болѣе, чѣмъ судьбою народовъ, находящихся подъ англійскимъ владычествомъ. На воспитаніе, улучшеніе породы и содержаніе этихъ собакъ въ Великобританіи тратятся суммы, которыя были-бы достаточны для поддержанія тысячъ обѣдѣвшихъ семействъ. Содержаніе въ хорошемъ видѣ стаи лисогоновъ, несмотря на большіе расходы, считается обязанностью богатыхъ землевладѣльцевъ или обществъ, которыя приобрѣли право охоты на лисицу въ извѣстной мѣстности. Хлѣва для собакъ—настоящіе дворцы: помѣщенія высокія, просторныя, теплыя и чистыя, какъ жилыя комнаты; около хлѣвовъ всегда находятся: хорошо огороженные и чистые дворы, гдѣ собаки прогуливаются подъ наблюденіемъ псарей, особо приспособленныя кухни для варки корма и, наконецъ, помѣщенія для многочисленной прислуги. Полъ хлѣвовъ покрытъ изразцами, по которымъ стекаютъ всѣ нечистоты и которые легко содержатся въ должной опрятности; постели собакъ помѣщаются на возвышенныхъ нарахъ, устланныхъ всегда свѣжею соломой, въ каждомъ хлѣвѣ и на дворѣ устроены водою съ проточною водою; на дворѣ посажены деревья, чтобы собакъ не слишкомъ беспокоило солнце. Однимъ словомъ, все устроено для наилучшаго содержанія собакъ.

Хотя лисогоны уже давно воспитываются самымъ тщательнымъ образомъ, но до сихъ поръ еще заботятся объ улучшеніи этой породы. Для полученія хорошаго приплода выбираютъ самыхъ лучшихъ собакъ, отъ времени до времени покупаютъ новыхъ производителей и такимъ образомъ избѣгаютъ дурныхъ послѣдствій отъ скрещиванія собакъ, принадлежащихъ къ одной стаѣ.

Лисогоны среднего роста и красиваго тѣлосложенія; высота въ плечахъ около 55 или 60 см., голова небольшая, уши, которыя часто обрѣзываются, длинны, широки и тонки; шея узкая, лопатки откинута назадъ, грудь и спина широки; ноги у чистокровныхъ собакъ должны быть прямы «какъ стрѣлы», а довольно густо обросшія волосами хвостъ нѣсколько приподнятъ. Окраска этихъ собакъ разнообразна: охотники предпочитаютъ бѣлыхъ собакъ съ большими темно-бурыми пятнами, при чемъ уши и окружающія ихъ части головы должны имѣть темную окраску. Происхожденіе лисогоновъ въ точности неизвѣстно. Говорятъ, что они происходятъ отъ охотничьихъ собакъ, встрѣчавшихся въ Англии еще въ древности, но что порода доведена до нынѣшняго совершенства скрещиваніемъ со многими другими сортами собакъ. Лисогоны соединяютъ въ себѣ быстроту борзыхъ, мужество бульдоговъ, тонкое чутье кровяныхъ собакъ и поизтливость пуделей,—однимъ словомъ всѣ совершенства различныхъ породъ псовъ. Быстрота и продолжительность ихъ бѣга замѣчательны. Хорошая стая лисогоновъ травитъ лисицу въ теченіи нѣсколькихъ часовъ и все съ тѣмъ-же рвеніемъ: собаки герцога Ричмондскаго, наиримѣръ, по показаніямъ Белля, выгнали лисицу въ 7³/₄ часа утра и схватили ее лишь послѣ десяти-часовой, очень трудной травли въ 6-мъ часу вечера. Многіе изъ охотниковъ три раза мѣняли своихъ лошадей, изъ которыхъ нѣкоторыя издохли отъ усталости: изъ собакъ-же 23 были на лицо въ концѣ травли.

До начала охоты опытные и хорошо знакомые съ мѣстностью люди закапываютъ всѣ отверстія лисинихъ норъ и такимъ образомъ принуждаютъ лису спрятаться гдѣ-нибудь въ чащѣ. Собакъ спускаютъ около тѣхъ мѣсть, гдѣ предполагаютъ присутствіе лисицы и онѣ обыскиваютъ всѣ кусты и чащи и дѣлаютъ это молча, такъ какъ хорошія собаки должны лаять только тогда, когда что-нибудь нашли. Наконецъ, залаяла одна изъ собакъ, другія ей вторятъ: лиса найдена! Борзятникъ тогда кричитъ «улю-лю, улю-лю», а добзжачій трубитъ въ рогъ, охотники

собираются и травля начинается и представляет собою очень красивое зрѣлище. Вся охота несется вихремъ по кустамъ и черезъ изгороди, рвы и низкія стѣны, собаки бѣгутъ тѣсною кучей и натравливаются борзятникомъ улюлюканьемъ, при чемъ онъ выкрикиваетъ клички то одной, то другой собаки, чтобы лучше бѣжали. Онѣ близко слѣдуютъ за лисой, которая, чтобы спастись, выказываетъ возможную быстроту, ловкость въ поворотахъ и хитрость, свойственныя ей породѣ; она не

Лисогоны. *Canis familiaris sagax vulpiscapus*. $\frac{1}{9}$ наст. вел.

останавливается ни передъ какимъ препятствіемъ и преодолеваетъ все преграды, пока хватаетъ силъ; но рѣдко удается звѣрю снасти свою шкуру!

* *
*

Англійскія **Бигли** (*Canis familiaris irritans*. Stöberhund. Beagle) очень красивыя собачки; онѣ по многимъ признакамъ сходны съ гладкошерстными легавыми, но высота ихъ въ плечахъ не болѣе 35 см. По формѣ тѣла, ушамъ и шерсти онѣ похожи на лисогоновъ, но уши у нихъ не обрѣзываютъ и потому они очень длинны и мягки. Ноги ниже и толще, чѣмъ у лисогоновъ и потому предположеніе, что бигли произошли отъ скрещиванія лисогоновъ съ таксами имѣетъ нѣкоторое основаніе.

Биглей употребляютъ стаями при охотѣ на зайцевъ, при чемъ особенно радуются ихъ звонкому голосу, который очень благозвученъ. Чутье у этихъ собакъ такъ тонко, что онѣ всегда находятъ подбитаго ими зайца, какъ-бы онъ ни прятался,

и преслѣдуютъ звѣря съ такою настойчивостью, что всегда догоняютъ зайца, не смотря на его быстроту, прыжки и увертки, къ которымъ онъ прибѣгаетъ.

* *
* *
* *

Подъ именемъ **Шелковистыхъ собакъ** или **Болонокъ** (*Canis familiaris extrarius. Seidenhund. Eragneul.*) соединяютъ въ одну группу много разнообразныхъ породъ. Болонки вообще очень красивы: туловище нѣсколько поджарое и животъ подтянутъ въ пахахъ, спина прямая, грудь широкая, шея короткая и толстая, голова удлинённая и довольно высокая, морда не очень длинная, спереди суженная и на концѣ довольно острая. Уши очень длинныя и широкія, на концѣ округленныя, совершенно висячія и покрыты очень длинными волосами, губы короткія и не висячія, ноги средней величины, не слишкомъ толстыя, но сильныя; переднія ноги совершенно прямыя, а заднія безъ пятого недоразвитаго пальца. Хвостъ средней величины и толщины достигаетъ ниже пяточного сустава, у основанія чаще всего прижатъ къ тѣлу, а кончикъ приподнятъ кверху. Шерсть у этихъ собакъ очень длинная, волнистая и шелковистая, морда и переднія части ногъ покрыты короткими волосами, а на задней части ногъ, головѣ, животѣ и хвостѣ, особенно на нижней его части растутъ длинные волосы. Верхняя часть тѣла большею частью чернаго цвѣта, грудь, животъ, ноги, губы и щеки—желтовато-бурые; надъ глазами обыкновенно желтоватая подпалина. Иногда встрѣчается рыжевато-бурый окраска, а также нѣгая съ бѣлыми, черными, темно и свѣтло-бурыми пятнами.

Всѣ болонки бѣгаютъ легко и скоро, но непродолжительно; у нихъ тонкое чутье и онѣ довольно понятливы, но научить ихъ чему-нибудь не такъ легко, какъ охотничьихъ собакъ. Для охоты на мелкую дичь, преимущественно на птицъ, годятся нѣкоторыя изъ этихъ собакъ, особенно сеттеры; но дрессировка ихъ требуетъ большого терпѣнія, потому что страсть къ охотѣ у этихъ животныхъ слишкомъ сильна. Даже хорошо дрессированныя болонки дрожатъ отъ возбужденія, когда отыщутъ слѣдъ дичи, не могутъ скрыть своей радости и страсти къ охотѣ и потому лаютъ или тявкаютъ почти безъ перерыва. Поэтому большинство сортовъ болонокъ содержатся лишь какъ комнатныя собачки. Впрочемъ, онѣ очень отважны и не теряютъ этого свойства даже въ жаркомъ климатѣ, напр. въ Индіи, гдѣ портятся лучшія породы сѣверныхъ собакъ. Капитанъ Вильямсонъ рассказываетъ, что однажды храбрая маленькая болонка бросилась въ Индіи на огромнаго тигра. Страшный хищный звѣрь сначала удивленно посмотрѣлъ на своего крошечнаго противника, затѣмъ всталъ и, испуганный усиленнымъ лаемъ собачки, убѣжалъ. Разскащикъ прибавляетъ, что видѣнное имъ зрѣлище было въ высшей степени замѣчательно: огромный хищникъ бѣжалъ впереди, приподнявъ хвостъ, а задорная маленькая собаченка гналась за нимъ съ пронзительнымъ лаемъ и старалась даже зубами схватить заднія лапы тигра.

Маленькія болонки называются **Кингсчарлсами**, а самыя крошечныя—**Бленгеймскими** собачками; первыя получили свое названіе вслѣдствіе того, что король Карль II Англійскій ихъ очень любилъ и постоянно держалъ около себя. Кингсчарлсы отличаются темной окраской шерсти, имѣющей иногда бурый оттѣнокъ; передняя часть груди у нихъ большею частью бѣлая, все тѣло покрыто длинными шелковистыми волосами и уши также длинныя, широкія и мохнатые. Самыя дорогія собачки этой породы вѣсятъ всего 2,5 киллограмма, крупныя не больше 3,5. Онѣ очень любимы, какъ комнатныя собачки, потому что чрезвычайно красивы, веселаго нрава, понятливы и дѣлаются очень пріятными товарищами одинокихъ людей, если съ ними хорошо обрацаются. Онѣ всегда готовы играть, возиться и легко научаются разнымъ штукамъ. У нихъ только одно непріятное свойство: глаза

болѣе мелкими—на суставахъ лапъ. Рѣже встрѣчаются черно-пѣгіе, буро-пѣгіе или одноцвѣтно-бѣлые и бурые экземпляры».

Въ Германіи, въ противоположность англійскимъ воззрѣніямъ, различаютъ два сорта водолазовъ: у однихъ шерсть просто волнистая, а у другихъ—кудрявая.

Ньюфаундлендскую собаку по всей справедливости считаютъ одной изъ самыхъ красивыхъ породъ этихъ животныхъ и потому она довольно часто встрѣчается; душевныя качества ея соотвѣтствуютъ ея внѣшней красотѣ и указываютъ на хорошую породу, отъ которой эти собаки происходятъ. Водолазъ очень вѣренъ своему господину, въ высшей степени привязанъ къ нему, понятливъ и перемчивъ. Само собой разумѣется, что при дрессировкѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на его природныя качества, чтобы воспитывать его соотвѣтственно съ ними послѣдними. Водолазъ плаваетъ лучше всѣхъ другихъ собакъ и въ водѣ чувствуетъ себя, какъ дома. Онъ очень охотно идетъ въ воду, плаваетъ быстро и легко, ныряетъ, какъ водный звѣрь и можетъ по цѣлымъ часамъ оставаться въ водѣ. Однажды встрѣтили одну изъ этихъ собакъ въ большомъ морскомъ заливѣ, за нѣсколько миль отъ берега, изъ чего можно было заключить, что она плыла уже нѣсколько часовъ сряду. Водолазъ одинаково хорошо плыветъ по теченію, какъ и противъ него. Даже безъ всякой дрессировки онъ много разъ сряду приноситъ своему хозяину брошенный въ воду предметъ и лучшимъ удовольствіемъ считаетъ пребываніе въ водѣ. Если хозяинъ самъ съ нимъ купается, то это увеличиваетъ удовольствіе собаки. Она тогда необыкновенно радуется и всѣми силами старается выказать это; то она плаваетъ передъ хозяиномъ, то за нимъ, ныряетъ подъ него, старается его поддержать въ водѣ, однимъ словомъ велически играетъ. Когда наконецъ усталый хозяинъ направляется къ берегу, то водолазъ старается его задержать и заставить его еще съ нимъ поплавать.

Велѣдствіе этой любви къ водѣ *ньюфаундлендская собака* очень полезна; можно указать много примѣровъ, когда она спасала тонувшихъ людей. На берегахъ глубокихъ рѣкъ и озеръ водолазъ очень полезенъ для присмотра за играющими около воды дѣтьми. Ему смѣло можно поручить самаго маленькаго ребенка и быть увѣреннымъ, что съ нимъ ничего дурного не случится, если собака останется при немъ. Къ этимъ прекраснымъ качествамъ слѣдуетъ еще прибавить добродушіе и кротость этихъ большихъ собакъ, которыя выказываютъ большую благодарность за хорошее обращеніе, но за то долго помнятъ и обиды, и потому онѣ могутъ быть опасны для людей, которые ихъ дразнятъ и мучаютъ.

На Ньюфаундлендѣ не всегда хорошо обращаются съ водолазами. Ихъ часто запрягаютъ въ тележки или сани, заставляють возить дрова, кладутъ имъ на спину мѣшки съ мукой и часто кормятъ самою дурною пищею, напимѣръ полусгнившими рыбами или рыбными остатками. Поэтому неудивительно, что тамъ эти прекрасныя животныя иногда пускаются на грабежъ, нападаютъ на стада и на мелкихъ домашнихъ животныхъ. Кромѣ того на Ньюфаундлендѣ часто пользуются водолазомъ для борьбы съ волкомъ и очень успѣшно, такъ какъ сильная собака легко справляется съ трусливымъ хищникомъ и обыкновенно его загрызаетъ. Къ другимъ собакамъ водолазъ относится съ нѣкоторымъ достоинствомъ и терпѣливо сноситъ заигрываніе маленькихъ собакъ, но если онѣ слишкомъ много позволяютъ себѣ, то водолазъ иногда ихъ сильно треплетъ.

Наводолаза довольно похожа **Сентъ-Бернардская собака** (*Canis familiaris extrarius St. Bernhardi*). «Сентъ-бернардская собака», говорятъ Чуди, «очень большого роста, чрезвычайно сильна, шерсть у ней длинная, морда короткая и тупая и уши также длинныя и висячія; внѣшнія чувства у ней прекрасно развиты и она отличается

большою вѣрностью хозяевамъ. Только четыре поколѣнія этихъ собакъ могли быть сохранены во всей чистотѣ породы, но ихъ такъ много погибло отъ лавинъ и морозовъ, что нынѣ чистыя породы ужъ болѣе не существуютъ. Теперь воспитываютъ другую сходную породу, но все-таки настоящей сентъ-бернардскій щенокъ и нынѣ стоитъ очень дорого. Собакъ этихъ разводятъ въ монастырѣ св. Бернарда, который находится на Альпахъ въ 2472 метра надъ поверхностью моря, на извѣстномъ горномъ проходѣ, гдѣ зима продолжается отъ восьми до девяти мѣсяцевъ. Тамъ только лѣтомъ снѣгъ падаетъ большими хлопьями, зимою-же онъ имѣетъ видъ очень мелкихъ, сухихъ и хрупкихъ ледяныхъ кристалловъ, которые такъ тонки, что заносится вѣтромъ въ

Ньюфаундлендская собака. *Canis familiaris extrarius terrae novae.* $\frac{1}{12}$ наст. вел.

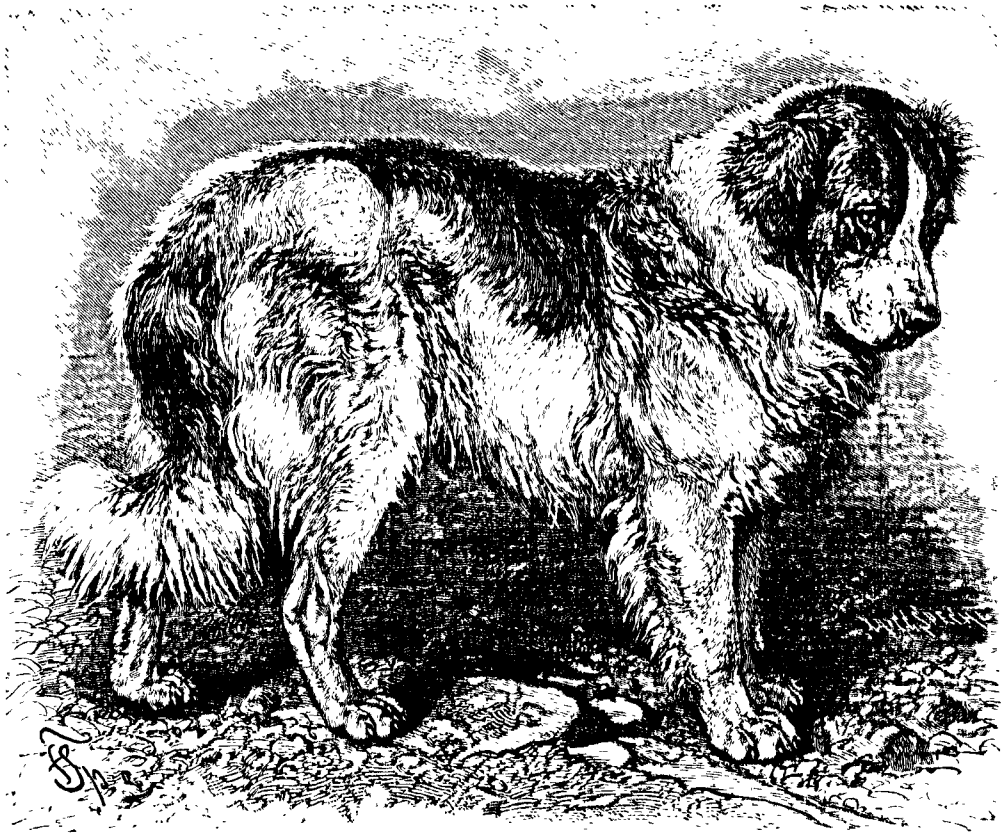
комнаты черезъ щели оконъ и дверей. Вѣтеръ образуетъ часто, особенно вблизи монастыря, суметы этого снѣга въ 30—40 футовъ вышины и эти легко подвижныя массы сравниваютъ всѣ дороги и мелкія ущелья и легко скатываются въ глубину».

«Путешествіе черезъ этотъ горный проходъ безопасно только лѣтомъ при ясной погодѣ; въ бурную-же погоду и зимою, когда всѣ дороги и обрывы замѣтены снѣгомъ, путь этотъ для непривычнаго человѣка очень труденъ и опасенъ: каждый годъ здѣсь насчитывается нѣсколько жертвъ. То путникъ провалится въ какую-нибудь пропасть, то его пришибетъ лавина, иногда онъ заблудится вслѣдствіе густого тумана и погибаетъ отъ голода и усталости, иногда-же онъ въ сильный морозъ засыпаетъ и такимъ образомъ замерзаетъ. Безъ истинно христіанской и самоотверженной дѣятельности живущихъ въ этомъ монастырѣ монаховъ сентъ-бернардскій проходъ былъ-бы

доступенъ для путешественниковъ лишь втеченіе нѣсколькихъ недѣль въ году. Уже съ VIII столѣтія посвятили они себя спасенію путешественниковъ и не требуютъ за это никакого вознагражденія. Крѣпкія каменные постройки этого монастыря могутъ въ случаѣ нужды дать пріютъ 200—300 путникамъ; тамъ постоянно поддерживается огонь для согрѣванія путешественниковъ и приготовленія для нихъ горячей пици. Всего замѣчательнѣе здѣсь ежедневные обходы для спасенія путешественниковъ, въ которыхъ всѣмъ извѣстныя собаки принимаютъ дѣятельное участіе. Ежедневно два послушника обходятъ всѣ опасныя мѣста переваловъ: одинъ изъ нихъ идетъ отъ пастушьей хижины, лежащей подъ горою, вверхъ къ монастырю, а другой поднимается на вершину перевала. Во время бури или когда падаютъ лавины, посылаютъ, вмѣсто двухъ, шесть послушниковъ и къ нимъ присоединяются нѣсколько монаховъ; они берутъ съ собой лопаты, жерди, носилки, съѣстные припасы и ихъ сопровождаютъ всегда собаки. Къ каждому подозрительному слѣду внимательно присматриваются, люди постоянно перекликаются и зорко слѣдятъ за собаками, которыя очень хорошо дрессированы для отыскиванія человѣческихъ слѣдовъ и часто добровольно по цѣлымъ днямъ обыскиваютъ всѣ ущелья и горныя тропинки; если онѣ отыщутъ оконченлаго человѣка, то по кратчайшей дорогѣ бѣгутъ въ монастырь, громко лаютъ и ведутъ всегда готовыхъ на помощь монаховъ къ несчастному путнику. Когда упала лавина, то собаки стараются отыскивать около нея человѣческіе слѣды и если ихъ найдутъ, то тотчасъ-же начинаютъ отрывать засыпаннаго снѣгомъ человѣка, при чемъ крѣпкіе когти и большая физическая сила ихъ оказываются очень полезными. Имъ обыкновенно привязываютъ на шею небольшую корзинку съ съѣстными припасами или флягу съ виномъ, а на спину иногда шерстяное одѣяло. Число людей, спасенныхъ этими собаками, очень велико, и всякій случай добросовѣстно занесенъ въ монастырскую лѣтопись. Наибольше замѣчательная собака этой породы называлась **Барри**; это неутомимое животное спасло жизнь болѣе, чѣмъ 40 людямъ.

Подвиги Барри воспѣты однимъ поэтомъ и Чуди въ своемъ сочиненіи выписываетъ это стихотвореніе; мнѣ извѣстно другое поэтическое описаніе этого достойнаго пса, хотя оно написано не стихами, именно, описаніе Шейтлина. «Самую славную изъ извѣстныхъ намъ собакъ», говоритъ онъ, «слѣдуетъ считать не ту, которая при осадѣ Коринѳа разбудила стражу Акрополя, не извѣстнаго Бесерильо, который по приказанію жестокихъ испанцевъ растерзалъ сотни голыхъ дикарей, не собаку одного палача, которая, повинувшись волѣ хозяина, провела робкаго путника черезъ большой и темный лѣсъ, не «Дракона» Драйдона, который однажды бросился на четырехъ разбойниковъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ загрызъ и такимъ образомъ спасъ жизнь своего господина, не собаку мельника, которая прибѣжала домой, чтобы дать знать, что ребенокъ упалъ въ рѣку, не Варшавскую собаку, которая съ моста бросилась въ Вислу, чтобы спасти утопающую дѣвочку, не собаку Обри, которая въ присутствіи французскаго короля чуть не истерзала убійцу своего господина, наконецъ не собаку Бенвенуто Челлини, которая разбудила мастеровъ, когда хотѣли украсть драгоценности, находящіяся въ мастерской. Нѣтъ! выше всѣхъ этихъ собакъ была Барри, благодѣтельная собака Ст.-Бернардскаго монастыря. Да, Барри! ты была лучшей изъ собакъ, лучшимъ изъ всѣхъ животныхъ. Ты была челоѣколюбовной собакой и имѣла состраданіе къ несчастнымъ. Ты спасла жизнь болѣе, чѣмъ 40 челоѣкамъ. Съ корзинкой, гдѣ былъ хлѣбъ и стеклянка съ сладкимъ виномъ, ты ежедневно выходила изъ монастыря въ мятель и оттепель, чтобы искать занесенныхъ снѣгомъ и засыпанныхъ лавинами, если возможно оттапывала ихъ, а то бѣжала въ монастырь звать на помощь монаховъ, которые, по твоимъ указаніямъ, отрывали несчастнаго

лопатами. Ты не рыла могилъ для мертвыхъ, а напротивъ полумертвыхъ вырывала изъ могилъ. Ты умѣла, какъ человѣкъ, молча выразить свое участіе: иначе маленькій мальчикъ, вырытый тобою, не смѣлъ-бы забраться тебѣ на спину и дать снести въ гостепріимный монастырь. Прибѣжавши къ воротамъ, ты позвонила въ колоколь, чтобы скорѣй передать доброй братіи полузамерзшаго ребенка. И лишь только освободили тебя отъ драгоцѣнной ноши, ты, не теряя ни минуты, снова побѣжала на новые поиски. Каждое удачное спасеніе радовало тебя, и ты дѣлалась все веселѣе и добрѣе. Но какъ могли понимать тебя спасенные, какъ умѣла ты обод-

Ст.-Бернардская собака. *Canis familiaris extrarius St. Bernhardi.* $\frac{1}{10}$ наст. вел.

рить и утѣшить ихъ? Жаль, что ты не умѣла говорить, а то люди могли-бы отъ тебя поучиться. Ты не ждала приказаній, а сама помнила всегда свои обязанности, какъ добросовѣтнѣйшій человѣкъ. Какъ только ты издали замѣчала приближеніе тумана и снѣжной мятели, тотчасъ бѣжала обыскивать окрестности. Ты продолжала свою неутомимую дѣятельность, не требуя награды цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Мнѣ выпала честь съ тобою лично познакомиться на Ст.-Бернардѣ. Ты играла съ другими собаками и, когда я хотѣлъ тебя поласкать, ты на меня заворчала, такъ какъ не знала меня. Я же зналъ тебя уже давно, и слава твоя проникла за предѣлы твоего отечества. Если-бъ меня застигла мятель, ты бы спасла меня, а не стала-бы ворчать. Тенерь ты умерла, и чучело твое стоитъ въ Бернскомъ музеѣ. Когда ты стала стара и слаба и не могла болѣе служить людямъ, то городъ Бернъ на об-

щественный счет кормить тебя до самой смерти, что конечно было совершенно справедливо. Я-бы советовалъ всякому посетителю Бернскаго музея низко поклониться этому чудель и купить твое изображение съ мальчикомъ на спинѣ, когда ты стоишь у воротъ монастыря и звонишь въ колоколь. Изображеніе это слѣдуетъ повѣсить въ дѣтской или въ школѣ и говорить дѣтямъ и ученикамъ: дѣлайте то, что дѣлала эта человѣколюбивая собака!»

На Ст.-Готардѣ, Симплонѣ, Гримзелѣ, Фуркѣ и на другихъ горныхъ проходахъ, гдѣ есть пріюты для путешественниковъ, держатъ, по словамъ Чуди, также очень хорошихъ собакъ съ чрезвычайно тонкимъ чутьемъ на человѣческіе слѣды; чаще всего это — водолазы или помѣси этихъ собакъ съ другими. Живущіе въ этихъ пріютахъ люди увѣряютъ, что собаки за часъ до начала бури предчувствуютъ ее и начинаютъ безпокойно бѣгать. Ни одна изъ этихъ собакъ однако не достигла такой славы, какъ Барри.

* * *

Къ болонкамъ слѣдуетъ отнести и **Пуделя** (*Canis fami iaris extrarius genuinus. Pudel. Caniche*), котораго почти не стоитъ описывать, такъ какъ онъ всеѣмъ извѣстенъ. Онъ отличается отъ другихъ собакъ короткимъ туловищемъ, покрытымъ длинною, косматою, кудрявою шерстью, которая мѣстами завита въ настоящіе локоны и на всеѣмъ тѣлѣ одинаково густа, а также длинными, широкими и висячими ушами. Хорошій пудель долженъ быть или всеѣмъ бѣлымъ или всеѣмъ чернымъ, при чемъ у черныхъ пуделей иногда бываютъ бѣлыя пятна на лбу и на груди.

Пудель указываетъ свое сродство съ другими болонками любовью къ водѣ; онъ очень охотно и искусно плавать и можетъ также быть приученъ къ охотѣ. Но еще болѣе годится онъ какъ хорошій пріятный сожитель человѣка и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше всеѣхъ другихъ животныхъ. Чтобы лучше описать эту собаку воспользуемся словами Шейтлина, который цѣнитъ пуделя очень высоко. «Пудель сложенъ лучше другихъ собакъ. Голова у него очень красивой формы, тѣло стройное, грудь полная и широкая, ноги не очень длинныя, но сильныя; ростъ его средний, туловище не слишкомъ длинно и не слишкомъ коротко, однимъ словомъ онъ во всеѣмъ пропорціоналенъ. Уже по строенію тѣла онъ болѣе другихъ собакъ способенъ къ выдѣлыванію разныхъ фокусовъ. Онъ самъ собою выучивается служить и ходить на однихъ заднихъ ногахъ; его переимчивость влечетъ его къ подражанію человѣческой походки. Скоро онъ замѣчаетъ, что можетъ это исполнить и начинаетъ самъ собою ходить на заднихъ лапахъ, когда ему вздумается. У него тонкій вкусъ: онъ отлично распознаетъ кушанья и вообще большой лакомка. Обоняніе развито у пуделя также прекрасно: если ему дать понюхать баннакъ или другую вещь потерявшагося ребенка, то по впечатлѣнію этого запаха, сохранившагося въ его памяти, онъ отыщетъ слѣдъ. При этомъ онъ рѣдко ошибается, такъ какъ чутье его руководитъ въ поискахъ. Осязаніе у него также хорошее: онъ очень чувствителенъ къ физическимъ страданіямъ и громко выражаетъ это, когда ему больно. Слухъ у пуделя отличный. Издали узнаетъ онъ знакомый голосъ и даже смыслъ словъ, отличаетъ звукъ разныхъ колокольчиковъ и звонковъ и по слуху распознаетъ шаги всеѣхъ домашнихъ. Но зрѣніе у него слабое: онъ видитъ плохо и только вблизи узнаетъ своего хозяина. Память мѣста у пуделя удивительная: онъ находитъ дорогу домой за нѣсколько верстъ и даже десятковъ верстъ. Часто бѣгаетъ онъ по городу или по деревнямъ и забѣгаетъ въ дома, гдѣ только однажды былъ съ хозяиномъ и гдѣ ихъ хорошо принимали. Поэтому пуделя легко научить приносить хлѣбъ изъ булочной или говядину отъ мясника. Онъ также хорошо помнитъ время: напр., заранѣе знаетъ, когда бываетъ воскресенье, какъ голодный человѣкъ

чувствует приближеніе обѣденнаго часа и помнитъ въ какой день недѣли мясникъ бьетъ скотину. Цвѣта онъ различаетъ хорошо и по нимъ узнаетъ вещи. Очень любопытно наблюдать впечатлѣніе, производимое на него музыкаю: нѣкоторые музыкальные инструменты ему нравятся, другіе, повидимому, въ высшей степени противны. Внимательность и смѣтливость пуделя также изумительны: онъ замѣчаетъ все, что происходитъ вокругъ него, объясняетъ себѣ значеніе этихъ явленій и потому вѣрно понимаетъ не только слова, но также жесты и выраженіе лица своего господина. Онъ долго помнитъ усвоенное: по цѣлымъ годамъ сохраняетъ въ памяти цвѣтъ и покрой платья хозяина, а также и какую-нибудь дорогу. Мы считаемъ собаку умной уже по

Пудель. *Canis familiaris extrarius genuinus*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

удивительному обонянію ея, но гораздо болѣе замѣчательна ея память; ребенка, отличающагося хорошою памятью, мы называемъ умнымъ и удивляемся даже памяти мало способнаго ученаго, помнящаго много фактовъ. У животнаго это качество еще болѣе заслуживаетъ удивленія; эта память и служитъ главною причиною смѣтливости пуделя. Но, кромѣ того, онъ въ высшей степени терпѣливъ, добродушенъ и послушенъ; вотъ почему его выучиваютъ барабанитъ, стрѣлять изъ пистолета, лазать по гимнастической лѣстницѣ, брать штурмомъ укрѣпленіе, защищаемое другими собаками, и даже участвовать въ театральныхъ представленіяхъ. Однако слѣдуетъ замѣтить, что лошади и слоны также усваиваютъ себѣ эти искусства».

«У пуделя при этомъ замѣчаются еще слѣдующія качества: переимчивость и нѣкоторая доля тщеславія. Онъ постоянно слѣдитъ за своимъ хозяиномъ, смотритъ ему въ глаза, наблюдаетъ за его дѣйствіями и пытается ему помочь. Какъ ребенокъ

подражаетъ отцу, такъ пудель старается перенять дѣйствія хозяина, считая, что все его поступки похвально и достойны подражанія. Если хозяинъ во время игры въ кегли беретъ въ руки шаръ, то пудель схватываетъ другой лапами, кусаетъ его и возится съ нимъ, воображая, что онъ дѣло дѣлаетъ. Если хозяинъ интересуется минералогіей и собираетъ камни или окаменѣлости, то пудель также глубокомысленно осматриваетъ все камни на пути. Если господинъ беретъ лопату и начинаетъ копать землю, то и собака роетъ землю лапами. Когда хозяинъ сидитъ у окна и смотритъ на улицу, пудель также вскакиваетъ на сосѣдній стулъ, кладетъ лапы на подоконникъ и любитъ ландшафтомъ. Во время прогулки съ хозяиномъ или кухаркой, которые несутъ палку или корзину, нашъ забавникъ и себѣ требуетъ тѣ-же предметы и очень доволенъ, когда держитъ въ зубахъ корзиночку или тросточку. Онъ несетъ ихъ старательно, подходитъ то къ одному, то къ другому спутнику, чтобы его похвалили за искусство, и самодовольно вертитъ хвостомъ. Въ это время онъ не обращаетъ вниманія на встрѣчающихся собакъ, не продѣлываетъ обычныхъ собачьихъ привѣтствій, показывая видъ, что относится съ презрѣніемъ къ псамъ, не работающимъ для человѣка, какъ онъ; однимъ словомъ онъ считаетъ себя важной персоной и замѣчательно то, что другія собаки относятся тогда къ пуделю съ нѣкоторымъ уваженіемъ».

«Пудели любятъ (но не боятся) больше другихъ собакъ, потому что онъ очень добродушенъ. Дѣти считаютъ его лучшимъ своимъ пріятелемъ: его можно дразнить, ѣздить на немъ верхомъ, трепать и таскать его, какъ угодно, и онъ все это дозволяетъ, не ворча, не кусаясь и не выказывая своего недовольства. Хотя онъ и обжорливъ, но у него часто можно вынуть изъ пасти кусокъ лакомой нищи, что дозволяютъ только немногія собаки. Человѣка, который его остригъ, онъ узнаетъ сразу, и если онъ вторично приходитъ въ домъ, то пудель бѣжитъ прочь со всехъ ногъ и куда-нибудь прячется: онъ стрижки не любитъ. Но когда его силою вытаскиваютъ изъ его убіжища, чтобы выстричь, онъ безъ сопротивленія покоряется необходимости. Если его укуситъ бѣшеная собака и приходится убить пуделя, то онъ тотчасъ узнаетъ человѣка, которому поручено это сдѣлать: онъ старается спрятаться, выражаетъ испугъ, глаза у него дѣлаются мутными, но и тутъ онъ не сопротивляется и ждетъ выстрѣла или удара, какъ лошадь, повидимому, спокойно. Когда онъ боленъ и его лѣчитъ ветеринаръ, онъ охотно подчиняется его требованіямъ и, какъ брангъ-утанъ, скоро узнаетъ, что ему помогаетъ. Никакое другое животное не замѣчаетъ такъ скоро превосходства надъ собою человѣка и не научается ему повиноваться, понимая, что это выгодно для самой собаки. Интересно наблюдать, какъ онъ ищетъ своего хозяина: онъ бѣгаетъ по улицѣ, опустивши голову, останавливается, обдумываетъ, ворочается назадъ, останавливается на углу улицы, опять задумывается и нюхаетъ вокругъ, бѣжитъ по діагонали, чтобы сократить путь и т. п. Забавны также его хитрости, когда ему хочется убѣжать изъ дому, а его не пускаютъ; онъ старается перехитрить своего господина, дѣлаетъ видъ, что вовсе и не думаетъ о прогулкѣ, а когда на него не обращаютъ вниманія, то опростетью удираетъ, или лукавитъ, какъ лиса: подымаетъ у стѣны ногу, будто хочетъ мочиться, а когда его съ негодованіемъ выгоняютъ изъ комнаты, то убѣгаетъ и, не мочившись на улицѣ, бѣжитъ къ мяснику, который его угощаетъ печенкой, или гоняется за сукою съ другими собаками. Если его хитростямъ не вѣрятъ и не пускаютъ на улицу, то пудель, убѣдившись что все старанія напрасны, покоряется своей судьбѣ, не повторяетъ своихъ выходовъ и спокойно лежитъ около своего хозяина; въ этихъ случаяхъ онъ совершенно по-человѣчески старается обмануть окружающихъ».

«Не слѣдуетъ удивляться, что многіе наблюдатели приписывали пуделю человѣческую понятливость. Онъ почти по-человѣчески наблюдателенъ и ясно выражаетъ свое недовольство, когда на него не обращаютъ вниманія. Всякое свое дѣйствіе онъ сначала обдумываетъ, чтобы не ошибиться, и не хочетъ, чтобы надъ нимъ смѣялись. Побой плохо дѣйствуютъ на пуделя: онъ терится, становится пугливымъ и мало понятливымъ, не хорошо запоминаетъ и очень похожъ тогда на ребенка, котораго силою заставляютъ что-либо сдѣлать. Иногда впрочемъ онъ нарочно притворяется глупымъ. Добрымъ обращеніемъ можно отъ него почти всего добиться, даже научить его ѣсть и пить то, что ему противно. Пѣкоторые пудели въ обществѣ старыхъ женщинъ такъ хорошо выучиваются пить кофе, что предпочитаютъ его всѣмъ другимъ напиткамъ».

«Замѣчательно, что чѣмъ понятливѣе и добродушнѣе пудель, тѣмъ онъ хуже умѣетъ сторожить домъ и его нельзя натравить на человѣка. Онъ любитъ и уважаетъ всѣхъ людей: если его усыкаютъ на человѣка, то онъ удивленно поглядываетъ то на хозяина, то на его противника, какъ будто удивляется, что одинъ человѣкъ заставляеть его бросаться на себѣ подобнаго. Даже если нападаютъ на его хозяина, онъ не защищаетъ его. Однако онъ очень преданъ хозяину, боится не только побоевъ, но даже брани, недовольной мины и угрозы пальцемъ».

«Лошади и собаки, кажется, выражаютъ свой страхъ яснѣе, чѣмъ другія животныя; пудель не только пугается, но также изумляется до того, что на минуту теряетъ сознаніе. Однажды пудель гонялся на дугу за ворономъ; тотъ вдругъ обернулся и закричалъ: «мошеникъ, мошеникъ!». Собака въ ужасѣ остановилась и отскочила назадъ, она была совершенно озадачена: «какъ! животное, птица, и вдругъ человѣческой голосъ!» Неохотно остается пудель одинъ и всегда ищетъ общества людей, при чемъ довольствуется первымъ попавшимся человѣкомъ. Съ собаками другой породы онъ рѣдко знакомится и играетъ почти исключительно только съ другими пуделями; за то съ ними онъ возится отъ души. Другихъ собакъ онъ не любитъ, и тѣ также его не жалуютъ, завидуя ему вѣроятно, какъ особенному любимцу человѣка или какъ собакѣ, умственное превосходство которой надъ собою онѣ признаютъ. Пудель необыкновенно любитъ свободу и уходитъ изъ дому и возвращается, когда ему вздумается. Конечно ни одна собака не любитъ быть на цѣпи, но пудель въ особенности этого терпѣть не можетъ; онъ всѣчески старается освободиться и употребляетъ всевозможныя хитрости, чтобы перегрызть веревку или ускользнуть изъ ошейника, при чемъ очень ловко освобождается изъ петель. Онъ какъ человѣкъ, громко выражаетъ свою радость, когда снова получить свободу».

Гибель рассказываетъ очень интересный анекдотъ объ изобрѣтательности пуделя, который хотѣлъ вырваться на свободу. «Въ одномъ большомъ городѣ, гдѣ всѣ собаки были обложены податью, фурманчикъ ловилъ всѣхъ собакъ безъ ошейниковъ и сажалъ ихъ безъ разбора въ сарай, гдѣ онѣ жалобно выли, оплакивая свою судьбу. Одинъ только умный пудель сидѣлъ молча въ углу сарая и, повидимому, покорялся своей участи, а самъ между тѣмъ разсматривалъ, какимъ способомъ открывається дверь и тотчасъ сообразилъ, какъ можетъ освободиться: лишь только вышелъ надсмотрщикъ, пудель бросился къ двери, придавилъ лапой ручку, дверь отворилась, и онъ опрометью бросился бѣжать; его примѣру послѣдовала вся стая заключенныхъ, съ громкимъ лаемъ бросилась къ городу, разбудила стражу у воротъ, и всѣ собаки разбѣжались по домамъ».

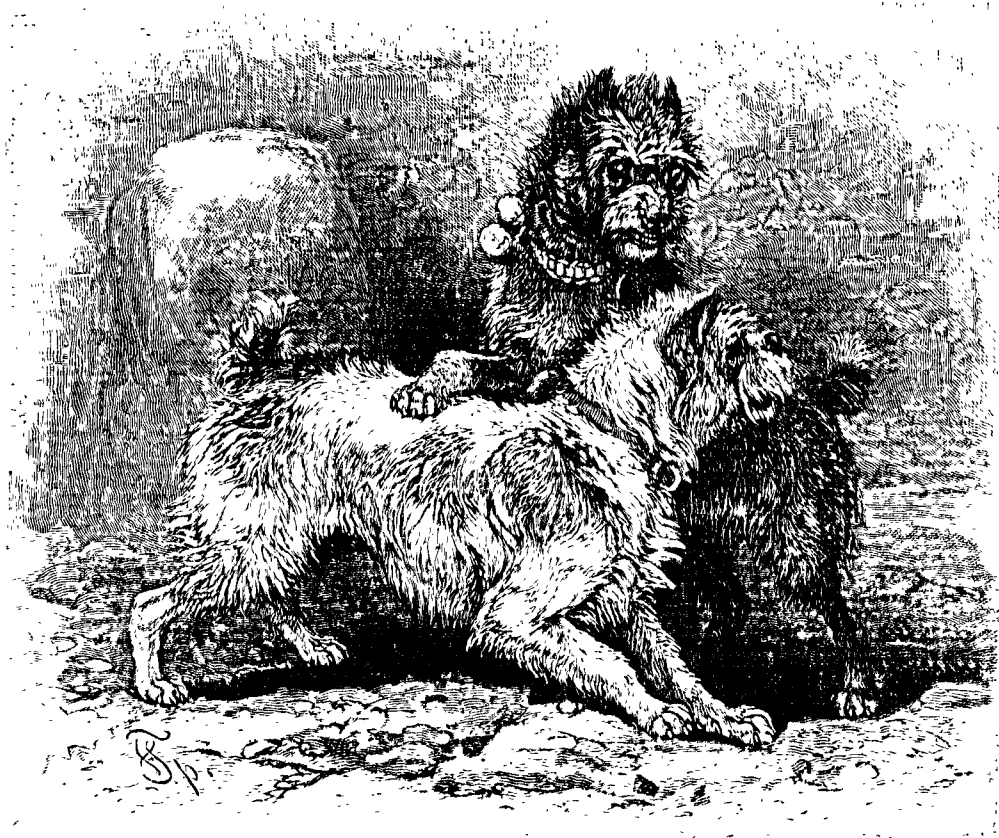
Не мало можно-бы еще привести рассказовъ о смѣливости пуделя; изъ нихъ можно-бы составить даже цѣлую книгу. Въ Ломбардіи, а также и въ Германіи пуделя, какъ и другихъ собакъ, выучиваютъ отыскивать трюфели.

Обратимъ теперь вниманіе на другую очень интересную группу собакъ, именно на **Пинчеровъ** (*Canis familiaris gryphus*. Pintscher. Griffon). Многие натуралисты причисляютъ ихъ къ предыдущей группѣ, и дѣйствительно нѣкоторые изъ нихъ по шерсти, устройству морды, ушей и хвоста похожи на пуделя: они сходны съ нимъ также по характеру своему: добродушію, привязанности къ человѣку, веселости и игривости. Однако строеніе черепа и скелета у пинчеровъ значительно отличается отъ черепа и скелета болонокъ, и потому вѣрнѣе ихъ считать за особую группу. Различаютъ два сорта пинчеровъ: гладкошерстныхъ или **крысодавовъ** и мохнатыхъ или **пинчеровъ-обезьянъ**. Первые по строенію тѣла походятъ на таксъ, но имѣютъ довольно высокія прямыя ноги и стоячія или только на концѣ свѣшивающіяся уши. Большинство изъ нихъ темнаго цвѣта и нѣгіе экземпляры встрѣчаются рѣдко. Туловище у нихъ довольно стройное, голова большаа, морда длинная и на концѣ приплюснутая, хвостъ гладкій и чаще всего завороченъ наверхъ, ноги прямыя и высокія. Щенкамъ этой породы обыкновенно обстригаютъ уши и хвостъ, что дѣлаетъ ихъ еще болѣе безобразными.

Пинчеры чрезвычайно понятливы, имѣютъ веселый нравъ и страстно любятъ охоту. Особенно охотно ловятъ они крысъ, мышей, кротовъ и вообще роющихъ мелкихъ млекопитающихъ и неутомимо занимаются этой ловлей. Какъ комнатныхъ собачекъ ихъ нельзя рекомендовать, такъ какъ ихъ беспокойный и суетливый нравъ мало доставляетъ удовольствія человѣку и часто надоедаетъ ему; но какъ товарищъ при верховой ѣздѣ или ѣздѣ въ экипажѣ пинчеръ очень пріятенъ, какъ такъ онъ любитъ скоро бѣгать. Однако даже во время самаго быстрого бѣга пинчеръ найдетъ время осмотрѣть все встрѣчающіяся на пути мышиныя норки и разрыть кучки земли, накиданныя кротомъ. Онъ обыкновенно бѣжитъ съ приподнятой мордой, осматривается во все стороны, прислушивается, и если что-нибудь замечетъ въ травѣ, то онъ приближается тихо и осторожно, нѣсколько секундъ стоитъ смирно, а затѣмъ дѣлаетъ прыжокъ, передними лапами пороется въ землѣ и, глядясь, у него въ зубахъ полевая мышь. Подобнымъ-же образомъ ловитъ онъ кротовъ и съ такимъ рвениемъ, что, по словамъ Ленца, во время довольно продолжительной прогулки придушитъ 4—5, а иногда и 14 кротовъ. Онъ ихъ, впрочемъ, не ѣсть, а зарываетъ трупы въ землю; мышей-же ѣсть до тѣхъ поръ, пока не насытится, а остальныхъ бросаетъ.

На способность пинчеровъ къ ловлѣ крысъ уже давно обратили вниманіе англичане, которые придумали устраивать крысиныя бои, гдѣ-бы пинчеры могли показать свое искусство. Для большаго интереса при этомъ держать большіе пари, и такимъ образомъ эта забава получаетъ видъ азартной игры. Въ нѣкоторыхъ грязныхъ кварталахъ Лондона устроены даже особые цирки для этихъ боевъ: площадки, осыпанныя пескомъ и огороженныя досками, за которыми становятся зрители. Владѣльцы этихъ цирковъ принадлежатъ къ самому низшему слою общества и кромѣ платы за входъ съ каждаго посетителя получаютъ еще извѣстную премію за всякую убитую крысу. Когда соберется достаточное число зрителей, то приносятъ клѣтки съ крысами и ихъ выпускаютъ на арену. Начинается страшное смятеніе: несчастныя крысы рыщутъ вдоль загородки, надѣясь найти выходъ, толпятся, другъ друга давятъ и держатъ себя такъ, какъ будто предчувствуютъ свою судьбу. Когда крысы немного успокоятся, то хозяинъ цирка приноситъ крысодавовъ и пускаетъ ихъ также на арену; тогда начинается невообразимая бойня. Вудъ рассказываетъ, что зналъ пинчера по имени «Тини» (Tini), который былъ извѣстенъ какъ самый ярый крысодавъ. Онъ всѣмъ всего 2,5 килограмма, но, несмотря на свой малый ростъ, былъ самымъ ожесточеннымъ врагомъ крысъ. Въ промежутокъ времени въ

28 минутъ 5 секундъ (съ какою точностью зрители измѣряютъ продолжительность этой отвратительной бойни!) онъ придушилъ 50 крысъ! Расчетали, что въ теченіи своей жизни эта замѣчательная собака загрызла 50,000 этихъ грызуновъ. Ее не страшило ни число, ни величина ея враговъ, и она особенно была довольна, когда одолѣвала самыхъ крупныхъ крысъ. Она охотилась очень правильно и толково. Прежде всего она бросалась на самыхъ большихъ и сильныхъ крысъ, чтобы со свѣжими силами исполнить труднѣйшую часть работы; тогда ей было легко справиться съ остальными даже при нѣкоторой усталости. Въ молодости Тайни, говорятъ,

Косматый пинчеръ. *Canis familiaris gryphus hirsutus*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

такъ быстро бѣгала по аренѣ, что нельзя было отличить гдѣ у нея голова, гдѣ хвостъ, а когда наступила старость, то она все-таки ежедневно сидѣла около крысиныхъ норъ и прилежно караулила выходъ своихъ враговъ, чтобы придушить хоть нѣсколько крысъ.

Душевные качества всѣхъ пинчеровъ довольно хорошо развиты: они очень смѣливы, ловки, умѣютъ пользоваться обстоятельствами и находить выходъ въ затруднительныхъ случаяхъ. Были примѣры, что собаки этой породы усваивали понятіе о стоимости монетъ и выпрашивали себѣ денегъ для покупки съѣстнаго.

* * *

Отъ обыкновеннаго пинчера значительно отличается одна изъ самыхъ стран-

ных по вѣшнему виду собакъ, именно **Косматый пинчеръ** или **Пинчеръ-обезьяна** (*Canis familiaris gryphus hirsutus*. Affenpinscher Petit griffon). Безобразіе его считается за красоту и потому многіе любители очень цѣнятъ его и платятъ за него большія деньги. У породистаго косматаго пинчера туловище, въ сравненіи съ конечностями, длинно, шея толстая, все туловище и даже морда покрыта длинной, жесткой, косматою шерстью, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снугана точно войлокъ. У нѣкоторыхъ пинчеровъ она мягче, но все-таки косматая и неравномѣрной длины. Такъ какъ вокругъ глазъ волоса часто расположены лучеобразно, то выраженіе морды нѣсколько напоминаетъ сову. Въ Германіи рѣдко встрѣчаются чистокровныя косматыя пинчеры; почти всегда ноги у нихъ такія-же высокія, какъ у обыкновенныхъ пинчеровъ, но шерсть все-таки сильно косматая.

Говоря о безобразіи этой породы, я имѣлъ въ виду только вѣшность, такъ какъ по душевнымъ свойствамъ косматый пинчеръ долженъ быть поставленъ очень высоко. Это — веселая и забавная собачка, очень вѣрная своему господину, ласковая къ друзьямъ и очень задорная въ борьбѣ съ другими псами. Она также хорошо ловитъ крысъ и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляется для охоты на кроликовъ и перепелокъ.

* * *

Последняя группа собакъ, которую мы будемъ описывать, наиболѣе близка къ человѣку, который совершенно подчинилъ этихъ животныхъ и всегда держитъ ихъ при себѣ: это такъ называемыя **Дворовыя собаки** (дворняшки) (*Canis familiaris domesticus*. Haushunde. Chiens de basse-cour). Къ этой группѣ относятся: пиринейская собака, шпицъ, лайка, венгерскій волкодавъ, овчарка, собаки лапландцевъ, камчадаловъ и другихъ сѣверныхъ народовъ, цыганская, китайская и другія собаки. Общими признаками этой породы можно считать слѣдующія примѣты: туловище довольно короткое и толстое, немного втянуто въ пахахъ, спина нѣсколько вышукла, грудь узкая, шея короткая и толстая, голова удлиненная, не высокая, лобъ мало выпуклый, морда не очень длинная, къ концу суживается и довольно сильно заостряется. Ноги высокія, толстыя и переднія совершенно прямыя, хвостъ довольно длинный, часто пушистый и или вытянутъ назадъ, или закрученъ влѣво завитушкой и приподнятъ; уши короткія, довольно широкія, на концѣ острые и стоячія; они покрыты не очень длинными волосами. На заднихъ лапахъ нѣтъ пятаго неразвитаго пальца. Всѣ эти собаки покрыты грубою, косматою и длинною шерстью, которая бываетъ только болѣе короткой на мордѣ и переднихъ сторонахъ конечностей. Окраска самая разнообразная, но у темныхъ собакъ этой породы надъ глазами всегда замѣчаются круглыя рыжеваго-желтыя пятна.

Дворовыя собаки, безъ сомнѣнія, составляютъ одну изъ самыхъ древнихъ породъ этихъ животныхъ. Это — сильныя, но не тяжеловѣсныя животные, у которыхъ бѣгъ быстрый и продолжительный; онѣ очень смыслены и отличаются какъ понятливостью, такъ и вѣрностью, бдительностью, привязанностью къ человѣку и храбростью при борьбѣ съ другими животными. Качества эти и опредѣляютъ вполнѣ ихъ характеръ и пользу, ими приносимую. Дворовыя собаки служатъ хорошими сторожами при домѣ и оберегаютъ стада, но ихъ употребляютъ также для возки тяжестей и какъ упряжныхъ животныхъ, и всѣ эти услуги исполняются этими животными самымъ добросовѣтнымъ образомъ. Многіе народы не могутъ обойтись безъ этихъ собакъ, которыя замѣняютъ собою различныхъ домашнихъ животныхъ. Нѣкоторыя племена берегутъ этихъ собакъ, какъ дѣтей, другія, напротивъ, обращаются съ ними въ высшей степени безжалостно, и, несмотря на это, собаки все-таки вѣрны своимъ хозяевамъ и исполняютъ все, что отъ нихъ требуютъ. Онѣ дрессируются сами со-

бою, не требуя отъ своего господина особыхъ заботъ и при выучкѣ выказываютъ много терпѣнія, выносливости и желанія какъ можно лучше исполнить работу.

Изъ этой породы особаго вниманія заслуживаетъ **Овчарка** (*Canis familiaris domesticus pecuarius*. Schäferhund. Chien de berger). Она отличается отъ другихъ дворовыхъ собакъ своими ушами, кончики которыхъ свѣшиваются внизъ; туловище у нея довольно стройное, скорѣе худощавое, ноги высокія и мускулистыя, какъ у волка; но по росту она гораздо меньше этого хищника. Голова у нея удлиненная съ острой мордой, хвостъ средней величины, обыкновенно нѣсколько поджатъ, шерсть длинная, косматая или волнистая, чаще всего сѣровато-бураго цвѣта.

Адольфъ Мюллеръ очень вѣрно говоритъ объ овчаркѣ слѣдующее: «Ни одна

Овчарка. *Canis familiaris domesticus pecuarius*. $\frac{1}{30}$ наст. вел.

порода собакъ не заслуживаетъ такой признательности и любви со стороны человека, какъ бдительная, умная, вѣрная и неутомимая овчарка. Буффонъ не безъ нѣкотораго основанія считаетъ ее за первобытную, типическую породу собакъ, которая въ нѣкоторомъ смыслѣ должна считаться образцомъ для всѣхъ прочихъ псовъ. Всѣ другія породы, несмотря на свойственную имъ выносливость, теряютъ многія свои качества при перемѣнѣ климата и измѣненіи мѣстныхъ условій; одна овчарка вездѣ и при всякихъ условіяхъ сохраняетъ всѣ свои внѣшніе признаки и превосходныя душевныя качества и остается вѣрнымъ охранителемъ нашихъ стадъ. Даже при неудачномъ скрещиваніи съ другими породами основныя внѣшнія и внутреннія свойства этихъ замѣчательныхъ собакъ сохраняются съ удивительнымъ постоянствомъ, и въ потомствѣ замѣчается стремленіе возвратиться къ основному типу. Бдительность овчарки, какъ и шпица, не поддается описанію. Она слышитъ са-

мые тихіе шаги прохожаго на мягкой деревенской дорогѣ,—легкій вѣтерокъ уже достаточенъ, чтобы она почувяла приближеніе съ подвѣтренной стороны чело-вѣка или звѣря къ стаду, - и она издали узнаеть незнакомый голосъ или непри-вычный звукъ. Кромѣ того овчарка отличается нѣсколько суровымъ, не игривымъ нравомъ, большимъ мужествомъ, но никогда не позволяетъ себѣ дойти до грабежа и хищничества. Она очень вынослива и терпитъ холодъ, сырость или удушливый жаръ точно такъ-же хорошо, какъ и пастухи. Она всегда внимательна, понятлива и съ утра до вечера неутомимо исполняетъ свою сторожевую службу. При этомъ она имѣеть спокойный, серьезный нравъ, не любитъ лаять долго и безъ толку и очень вѣрна и привязана къ своему господину». Безъ этой собаки почти не было-бы воз-можности сторожить стада: одинъ пастухъ съ овчаркой дѣлаетъ то, на что понадоби-лось-бы двадцать пастуховъ безъ собаки. Лучшая изъ овчарокъ, шотландская **колли**, доходить до такого искусства, что не требуетъ даже и присутствія пастуха: она одна своевременно и аккуратно выгоняетъ, пасетъ и загоняетъ стадо домой.

Овчарку уже на первомъ году ея жизни заставляютъ сторожить стада, и она постепенно совершенствуется въ этомъ дѣлѣ и въ послѣдствіи исполняетъ его пре-восходно. Обученіе собаки различно, смотря по тому, какой скоть она должна пасти, такъ какъ каждая скотина требуетъ особаго рода обращенія. Если овчарка нахо-дится при стадѣ коровъ, то она должна постоянно наблюдать за пастухомъ и ждать его приказанія, а въ случаѣ нужды кусать неповинующихся коровъ и быковъ; иначе они ея бояться не будутъ. Когда она гонитъ корову, то можетъ кусать ей только ноги, но не хвостъ и не бока, и ни въ какомъ случаѣ не смѣетъ касаться вымени. Если корова лягается, то овчарка ловко избѣгаетъ удара и непременно укуситъ корову, чтобы отучить ее отъ дурной привычки. Когда рогатый скоть бодается, то хоро-шая овчарка все-таки съ нимъ справляется, вѣдшииись зубами въ морду и такимъ образомъ заставляетъ скотину повиноваться. Испанскіе пастухи пользуются при ис-полненіи своихъ обязанностей еще пращемъ и очень мѣтко попадаютъ камнями въ зазѣвавшихся или непослушныхъ быковъ. Овчарка замѣчаетъ быка, котораго пас-тухъ нѣсколько разъ наказалъ, пустивши ему камень въ голову, и зорко наблюдаетъ за нимъ, не позволяя ему удалиться далеко въ сторону. Сильныхъ и сердитыхъ ба-рановъ овчарка также кусаетъ, но только за заднія ноги, а ягнятъ и овецъ, осо-бенно беременныхъ, она трогать не должна, а только пугать, какъ будто хочеть укусить.

Какъ почти все собаки, овчарка по праву своему ходитъ на своего хо-зяина: въ Испаніи она горячится и злобствуетъ, какъ тамошніе пастухи, въ Гер-маніи она тиха и спокойна, какъ нѣмецкіе пастухи. Если пастухъ при случаѣ за-нимается браконьерствомъ, т. е. тайной недозволенной охотой, то овчарка отлично замѣняетъ легавую собаку; если хозяйитъ, чтобы добыть себѣ нѣсколько лишнихъ копѣекъ, собираетъ грибы, то овчарка помогаетъ ему и въ этомъ. Когда пастуху приходится вступать въ борьбу съ хищными звѣрями или злоумышленниками, тогда овчарка принимаетъ самое дѣятельное участіе въ этихъ бояхъ, а въ тихое, спокой-ное время она благодушествуетъ, дѣлается совсемъ смирной и со всеми ласкова. Нѣкоторыя овчарки понимаютъ каждое слово своего хозяина. Одинъ достовѣрный наблюдатель мнѣ сообщилъ слѣдующее: пастухъ приказалъ овчаркѣ наблюдать, чтобы скотина не забралась въ поле, засеянное рансомъ (сурѣницей). Собака задумалась: слово это ей было незнакомо: она знала рожь и пшеницу, овесъ и ячмень, поле и лугъ, но о рансѣ вѣроятно никогда не слыхала. Послѣ минутнаго раздумья она стала медленно обходить все окрестныя поля около луга, гдѣ паслось стадо, и наконецъ остановилась передъ полемъ, гдѣ было посеяно неизвѣстное ей растеніе. «Вотъ должно

СОБАКИ ЭСКИМОСОВЪ.

быть рапсъ», подумала она, и дѣйствительно угадала! Разсказъ этотъ не основанъ на воображеніи, а буквально вѣренъ; нужно внимательно наблюдать овчарку, чтобы убѣдиться, что подобный фактъ возможенъ. «Часто мнѣ вспоминаются», говоритъ Мюллеръ, «примѣры бдительности, обдуманности и настойчивости этой самой лучшей породы собакъ! Какъ теперь вижу я стадо овецъ, проходящее по полямъ подъ наблюденіемъ овчарки. Она останавливается передъ каждой стоянкой сжатой ржи, чтобы не допустить до нея стада, внимательно караулитъ всѣ поля, гдѣ растеть еще кака-либо овощъ. Замѣтно, что овцы понимаютъ, подъ какимъ строгимъ надзоромъ онѣ находятся. Ни одна предприимчивая овца не дозволяетъ себѣ отдѣлиться отъ стада, рѣдкая лакомка поживится запрещеннымъ плодомъ, наскоро хватая его на ходу. Все стадо идетъ спокойно и тихо, какъ дисциплинированное войско, мимо всѣхъ соблазнительныхъ полей, и овчарка исполняетъ свою обязанность молча, безъ лая и бѣготни. Когда стадо остановится, то овцы окружаютъ собаку, какъ-бы признавая въ ней своего предводителя».

Овчарку, какъ и пуделя, приучаютъ нескать трюфели, особенно во Франціи, но теперь часто и въ Германіи.

* * *

Для дома **Шпицъ** (*Canis familiaris domesticus pomeranus. Spitz. Roquet*) имѣетъ такое-же значеніе, какъ овчарка для стада. Онъ бываетъ ростомъ не великъ, туловище у него приземистое и довольно толстое, голова и морда острые, такъ что по неволѣ думается, не происходитъ-ли онъ отъ помѣси собаки съ лисицею; лапы короткія, хвостъ длинный, уши не слишкомъ большія, стоячія и острые, глаза живые и умные; шерсть бываетъ у шпица иногда длинная и довольно грубая, иногда короткая и мягкая. Окраска ея разнообразная: бѣлая, желтоватая, ярко-рыжая, сѣрая, рѣдко совсѣмъ черная; у темныхъ собакъ этой породы на лбу и лапахъ встрѣчаются часто свѣтлыя отмѣтины. Этими признаками онѣ рѣзко отличаются отъ прочихъ собакъ.

Въ Германіи эту очень полезную собаку держатъ большею частію въ деревняхъ, чтобы сторожить домъ, а также извозчики, везущіе какую-нибудь кладь, берутъ ее съ собою въ дорогу, чтобы она сторожила ихъ возы, когда они отлучаются. Извозчики въ дорогѣ рѣдко обходятся безъ шпица, и онъ не только охраняетъ ихъ возы, но и служитъ во время скучной дороги занятнымъ и веселымъ товарищемъ. Шпицъ особенно цѣнится потому, что очень вѣренъ и привязанъ къ своему господину, въ высшей степени внимателенъ и бдителенъ и не боится ни холода, ни дождя; замѣчено даже, что въ домѣ или на дворѣ онъ любитъ сидѣть именно тамъ, гдѣ больше всего сквозного вѣтра. Однако всѣ шпицы очень любятъ свободу и не выдерживаютъ сажанія на цѣпь; если-же они могутъ свободно бѣгать по дому и около него, то услуги ихъ незамѣнимы. По своему характеру шпицъ сильно отличается отъ овчарки. Общими чертами ихъ можно считать неутомимую бдительность во время сторожевой службы, а также ихъ любовь къ другимъ домашнимъ животнымъ; но въ другихъ отношеніяхъ шпицъ представляетъ противоположность овчаркѣ. Онъ очень суетливъ, любитъ безъ толку лаять, раздражителенъ, сердитъ и часто кусается. Онъ не можетъ сидѣть спокойно ни въ домѣ, ни на возу. Онъ встрѣчаетъ лаемъ каждаго прохожаго и бѣжитъ на задній дворъ изъ-за всякаго шума, напр. когда хлощетъ курица; на возу онъ вѣчно скачетъ съ козелъ на кузовъ и обратно, на спину лошади, спрыгиваетъ на дорогу, побѣгаетъ тамъ и снова просится на возъ. Онъ точно такъ, какъ и овчарка, очень любитъ домашнихъ животныхъ, особенно лошадей, съ которыми часто у него бываетъ тѣсная дружба. Вообще онъ очень заботится обо всѣхъ животныхъ, которыя поручены его надзору, даже о домашнихъ

птицахъ, которыхъ другія собаки вообще не любятъ. Овчарка исполняетъ свои обязанности тихо и спокойно, шилицъ-же, напротивъ, неутомимо бѣгаетъ по дому и по двору и ласть безостановочно, отчего кажется, что онъ постоянно не въ духѣ. На самомъ-же дѣлѣ онъ вовсе не сердитъ, а только черезчуръ усерденъ и суетливъ. Недовѣріе, съ которымъ онъ встрѣчается всѣхъ чужихъ, прореходитъ единственно отъ желанія какъ можно лучше служить своему господину.

Въ каждомъ существѣ, которое приближается къ дому, шилицъ видитъ прежде всего вора или, по крайней мѣрѣ, нарушителя домашняго спокойствія, и потому считаетъ себя обязаннымъ защищать отъ него домъ и дворъ, скотъ и домашній скарбъ. Всякаго гостя онъ встрѣчаетъ ворчаніемъ, на мимо проходящаго рабочаго сердито ласть, и точно также встрѣчаетъ и нищихъ; но какъ только гости вошли въ комнату и ласково приняты его господиномъ, то шилицъ перестаетъ ворчать и относится къ нимъ дружелюбно; на рабочихъ ворчитъ даже тогда, когда они уже прошли мимо, а нищихъ чаще всего преслѣдуетъ съ лаемъ и выгоняетъ со двора. Хищныя млекопитающія и птицы, которыя стараются напасть на домашнихъ животныхъ, должны очень опасаться шилица: относительно ихъ онъ въ высшей степени золь, задоренъ и неутомимъ; онъ не боится даже человѣка и часто съ опасностію жизни вливается зубами въ ноги тихо-крадущагося вора; съ лисицей онъ смѣло вступать въ борьбу, не отступаетъ даже отъ волка и загрызаетъ ястреба, который налетѣлъ на курицу, если только хищная птица не успѣетъ улетѣть.

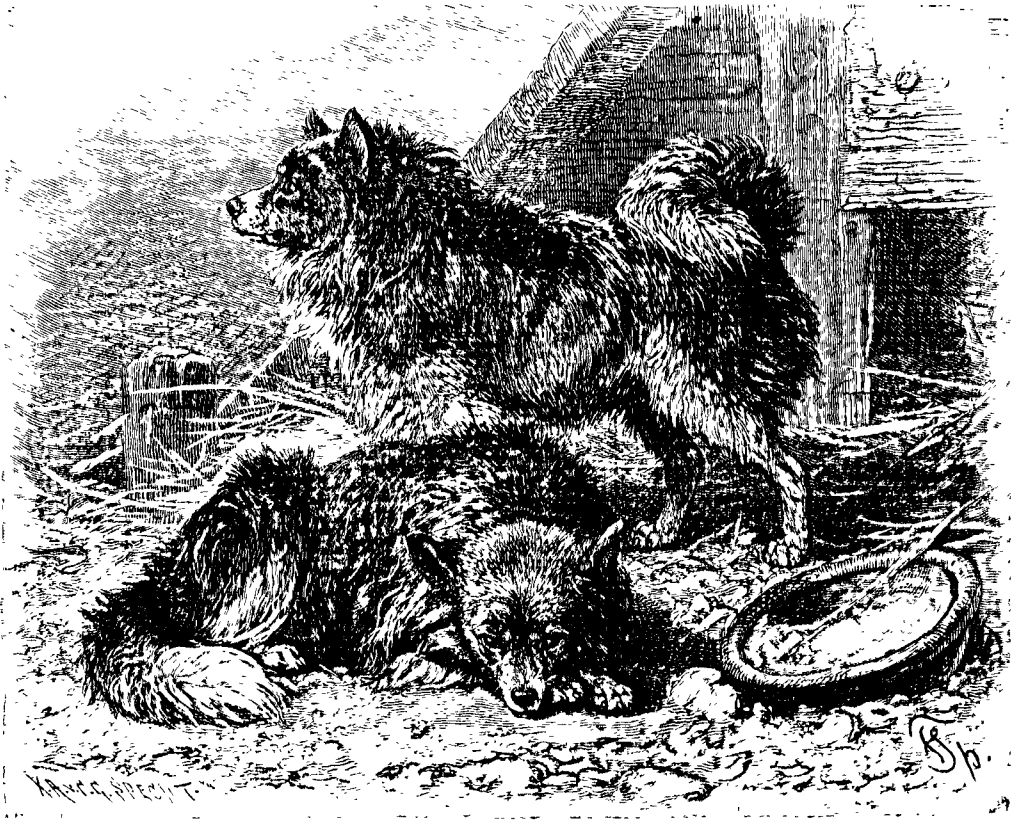
Шилицъ считаетъ цѣлью своей жизни охранять и держать въ порядкѣ все, что поручено его надзору, и онъ это исполняетъ въ высшей степени добросовѣстно и неподкушно.

«Вблизи многолюднаго курорта, расположеннаго въ красивой мѣстности», разсказывала мнѣ знакомая дама, «я познакомилась съ самымъ смышленнымъ шилицемъ, котораго когда-либо мнѣ случалось встрѣчать. Намъ хотѣлось посѣтить нѣкоторыя близъ лежащія высоты, откуда открывается прекрасный видъ, и мы попросили хозяина гостиницы дать намъ проводника или указать дорогу». — «Я вамъ дамъ проводника, на котораго вы можете положиться», отвѣтилъ трактирщикъ и позвалъ свою собаку. «Шилицъ», сказалъ онъ, «сведи этихъ дамъ на гору и покажи имъ все, что нужно, слышишь-ли? все!» «Въ отвѣтъ на это шилицъ повергъ хвостомъ, внимательно осмотрѣлъ всѣхъ членовъ порученнаго ему общества и побѣжалъ впередъ. Мы стали за нимъ подниматься въ гору, но нѣкоторые изъ нашей компаніи отстали; шилицъ терпѣливо подождалъ, чтобы они подошли, и тогда только пошелъ дальше. По дорогѣ намъ встрѣтилось другое общество, спускавшееся съ горы, и которое наканунѣ въ первый разъ побывало на горѣ, причемъ тотъ-же шилицъ имъ служилъ проводникомъ. Особы эти узнали собаку и стали ее звать къ себѣ: шилицъ съ благодарностью помахалъ хвостомъ, но, понимая свои обязанности, не оставилъ новыхъ знакомыхъ. Съ большою увѣренностію велъ онъ насъ по занутаннымъ дорожкамъ горы и сѣдился въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ открывался красивый видъ на окружающую мѣстность; когда на видъ достаточно насмотрѣлись, онъ велъ насъ дальше и наконецъ сталъ спускаться внизъ, указывая этимъ, что все достопримѣчательное осмотрѣно. Такимъ образомъ онъ исполнилъ порученіе самымъ добросовѣстнымъ образомъ: показалъ все, что нужно, ничего не упустилъ и привелъ все общество цѣликомъ къ дому обратно. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ выслушалъ похвалы хозяина и былъ очень радъ, что мы всѣ его ласкали и угощали.»

* * *

Не менѣе двухъ вышеописанныхъ породъ полезна **Эскимосская** или вѣрнѣе

Полярная собака (*Canis familiaris domesticus borealis*), которую можно причислить къ шпицамъ; для полудикихъ народовъ, живущихъ въ сѣверныхъ странахъ, она составляетъ самое необходимое домашнее животное. Вышина ея въ плечахъ отъ 50 до 60 см., но въ нѣкоторыхъ странахъ она бываетъ больше ростомъ. Отъ овчарки полярная собака отличается тѣмъ, что болѣе похожа на волка, а также виолнѣ стоячими ушами, густою шерстью, которая зимою дѣлается почти войлокообразной, и хитрымъ выраженіемъ морды. Она выказываетъ большую долю самостоятельности и очень любитъ свободу, хотя не особенно часто можетъ ею пользоваться. Всѣ породы полярныхъ собакъ Стараго и Новаго Свѣта очень сходны между собою и ими

Шпиць. *Canis familiaris domesticus pomeranus*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

пользуются какъ сторожами при стадахъ оленей, а также какъ упряжными и вьючными животными. Ихъ сторожевая служба при стадахъ не представляетъ ничего своеобразнаго и потому мы будемъ говорить преимущественно о другой ихъ работѣ.

У эскимосовъ собака почти всю жизнь проводитъ подъ ярмомъ: она должна или возить сани, или носить тяжести. На сѣверѣ Америки и на близъ лежащихъ островахъ это единственное домашнее животное, которое можетъ быть употреблено для возки тяжестей. Только развѣ лѣтомъ эскимось даетъ своимъ собакамъ нѣкоторую долю свободы; всю-же зиму эти животныя проводятъ въ тяжелой работѣ. Если эскимосскую собаку хорошо кормить, то она дѣлается довольно красивой; къ сожалѣнію хозяева такъ плохо ихъ кормятъ, что если само животное

не сумѣетъ себѣ добыть пищи, то большую часть года оно болѣе похоже на живой скелетъ, чѣмъ на хорошую собаку. Ея отношеніе къ человѣку очень своеобразно: она знаетъ, что должна рабски ему повиноваться, но пытается освободиться отъ этого гнета. Въ ней проявляется довольно ясно волчья натура, какъ во вѣншемъ видѣ, такъ и въ душевныхъ качествахъ. Собака эта такъ похожа на полярнаго волка густою шерстью, стоячими ушами и широкою головою съ очень острой мордой, что на нѣкоторомъ разстояніи ихъ нельзя отличить другъ отъ друга. Во время второго полярнаго путешествія Парри европейскіе охотники однажды увидали, что штукъ двѣнадцать волковъ окружили нѣсколькихъ эскимосовъ; но европейцы не рѣшались стрѣлять, боясь убить собакъ, которыя составляютъ единственное цѣнное имущество этихъ добродушныхъ инородцевъ. Эскимосская собака разбойничаетъ и воруетъ, какъ хищный звѣрь, но съ другой стороны терпѣлива и покорна человѣку, какъ вѣрный рабъ. Въ сани запрягаютъ довольно много собакъ, которыя бѣгутъ подъ управленіемъ стараго и опытнаго пса; править ими, какъ у насъ править лошадьми, почти невозможно. Каждая собака привязана къ санямъ посредствомъ ремня, который прикрѣпленъ къ хомуту очень простаго устройства. Въ странахъ около Гудзонова залива запрягаютъ собакъ иногда цугомъ; часто случается, что во время ѣзды собаки начинаютъ драку между собою: всѣ лаютъ, ворчатъ, кусаются и спутываются въ невообразимый клубокъ, причемъ удары кнута погонщика не могутъ остановить этой драки. Наконецъ путаница доходитъ до того, что ни одна собака не можетъ шевельнуться, и хозяину саней остается или распутывать собакъ, или распречь ихъ и снова запрячь.

Безъ этого домашняго животнаго жизнь сѣверныхъ инородцевъ сдѣлалась-бы невозможною: собаки оказываютъ имъ всевозможныя услуги. Во время далекихъ охотничьихъ странствованій эскимосовъ собаки сопровождаютъ ихъ, причемъ каждая несетъ на спинѣ отъ 10 до 15 килограммовъ багажа. Въ сани запрягаютъ отъ 6 до 10 собакъ, которыя везутъ грузъ въ 300 или 400 килограммовъ и въ одинъ день могутъ пробѣжать большія разстоянія, на примѣръ отъ 40 до 50 километровъ, а при легкомъ грузѣ даже, говорить, 80 километровъ. Если по дорогѣ онѣ почуютъ дичь, то часто гонятся за нею какъ бѣшенныя; кромѣ того эти собаки помогаютъ при охотѣ, хорошо сторожатъ имущество своихъ хозяевъ, защищаютъ его отъ враговъ и оказываютъ человѣку еще множество другихъ услугъ.

Уже Стеллеръ очень хорошо охарактеризовалъ пользу, приносимую полярными собаками. «Съ древнихъ временъ собака была единственнымъ и въ высшей степени полезнымъ домашнимъ животнымъ въ Камчаткѣ. Камчадалы полагаютъ, что первый человѣкъ, называемый ими «Кутка», не пользовался еще услугами собакъ и самъ таскалъ свои сани. Собаки тогда говорили какъ люди. Разъ случилось, что потомки «Кутки» ѣхали въ челнокѣ внизъ по рѣкѣ и увидали на берегу мохнатыхъ собакъ, которыя имъ закричали: «Что вы за люди и откуда вы ѣдете?» Люди же имъ не отвѣчали, а поспѣшно проѣхали мимо. Собаки на это такъ разсердились, что рѣшили съ этихъ поръ не произносить ни одного понятнаго слова, что онѣ до сихъ поръ и исполняютъ. Однако, вслѣдствіе сильнаго любопытства, онѣ лаютъ на каждого чужого, какъ-бы желая узнать, что это за человѣкъ и откуда онъ пришелъ».

«Безъ этихъ собакъ въ Камчаткѣ нельзя жить, точно такъ, какъ въ другихъ странахъ безъ лошади и рогатаго скота. Камчатскія собаки бываютъ различнаго цвѣта, чаще всего чернаго, бѣлаго и сѣраго или пѣгивы; онѣ довольно толстыя и покрыты длинною шерстью. Питаются онѣ рыбою и чаще всего уже нѣсколько

гнилою. Съ весны до поздней осени о нихъ вовсе не заботятся; онѣ свободно бѣгають и по цѣлымъ днямъ сидятъ на берегахъ рѣкъ и очень проворно и ловко тамъ ловятъ рыбу. Когда ловъ изобилентъ, то онѣ, какъ медвѣди, ѣдятъ только головы рыбъ, а остальное бросаютъ. Въ октябрѣ камчадалы собираютъ своихъ собакъ и привязываютъ ихъ къ кольямъ своихъ юртъ. Ихъ заставляютъ порядочно голодать, чтобы онѣ избавились отъ жира и вслѣдствіе этого могли-бы лучше бѣгать и не страдать одышкою; какъ только выпадетъ первый снѣгъ начинается для собакъ тяжелая работа, и жалобный вой ихъ раздается по цѣлымъ днямъ и ночамъ. Зимомъ имъ даютъ двоякаго рода пищу. Самымъ питательнымъ кормомъ можно считать рыбу, которую сохраняютъ въ ямахъ, пока она не скиснетъ. Въ Камчаткѣ не признають, чтобы такая рыба могла вонять: инородцы и даже казаки ѣдятъ подобную рыбу съ большимъ апетитомъ, между тѣмъ европеецъ упаль-бы въ обморокъ отъ ея запаха и считалъ-бы подобную пищу зачумленной; камчадалы же увѣряють, что не слышатъ этого дурного запаха. Эту рыбу варятъ въ деревянныхъ корытахъ, кидая туда раскаленные камни, и она служитъ пищею, какъ для людей, такъ и для собакъ. Дома или во время путешествія вечеромъ, передъ сномъ, собакъ кормятъ только этой гнилой рыбой; утромъ же никогда имъ подобнаго корма не даютъ, потому что онѣ такъ нажрутся этого лакомства, что дѣлаются лѣнивыми и идутъ только шагомъ. Утромъ ихъ кормятъ сушеной и залеснѣвшей рыбой, чтобы поддержать ихъ силы, но такъ какъ въ кормѣ этомъ преобладають кости и крѣпкая чешуя, то собаки часто оканчивають свой пиръ съ окровавленными мордами. Впрочемъ собаки ищутъ и сами себѣ пища, грызутъ ремни и домашнюю провизію своихъ хозяевъ, если могутъ до нея добраться, для чего, какъ люди, лазають по жердянымъ лѣстницамъ въ избы и на чердаки. Смѣшнѣе всего то, что когда люди тамъ ходятъ за большою нуждою, то должны отгонять отъ себя собакъ палками, такъ какъ онѣ стоятъ кругомъ толпою и какъ только человекъ встанетъ, то кидаются съ жадностью на его испражненія. Хлѣба между тѣмъ не станеть ѣсть ни одна камчатская собака, какъ-бы она голодна ни была. При этомъ собаки эти трусливы и не ласковы, но никогда не нападаютъ на людей; о хозяйскомъ добрѣ онѣ вовсе не заботятся, не умѣють гнаться за дичью, а воруячь что могутъ. Правъ у нихъ необщительный и недоувѣрчивый, и онѣ постоянно оглядываются по сторонамъ и дома, и въ дорогѣ. Къ своему хозяину у нихъ не замѣчается ни малѣйшей привязанности, и онѣ, напротивъ, всегда готовы ему нанести вредъ; въ сани ихъ запрягають обманомъ. Если на дорогѣ встрѣтится опасное мѣсто, напр., крутой спускъ или рѣка, то собаки ни за что не остановятся и несутся во весь опоръ, такъ что путешественникъ для спасенія жизни часто принужденъ бываетъ бросить сани; при этомъ онѣ не должны мечтать о томъ, что собаки остановятся раньше обычнаго привала. Если сани во время подобной бѣшеной ѣзды застрянутъ между двумя деревьями, то собаки попытаются перегрызть ремни, разломать сани и убѣжать. Изъ вышесказаннаго видно, какъ образъ жизни измѣняетъ нравъ неразумныхъ животныхъ и какое большое вліяніе онѣ имѣетъ на душевныя способности собакъ».

«Слѣдуетъ удивляться силѣ камчатскихъ собакъ. Обыкновенно въ сани запрягають четырехъ собакъ, и онѣ иногда легко везутъ трехъ человекъ и 1½ пуда (24,5 килограм.) клади. На четырехъ собакъ считаютъ среднимъ числомъ 5—6 пудовъ клади, не считая погонщика. Ѣзда на собакахъ чрезвычайно затруднительна и опасна: путешественникъ отъ нея утомляется не менѣе, чѣмъ еслибы шель иѣшкомъ, и подъ конецъ устаеть почти такъ же, какъ и упряжные собаки. Несмотря на это въ Камчаткѣ это единственный возможный способъ быстраго передвиженія, потому что ни на лошадяхъ, ни иѣшкомъ невозможно проѣхать или пройти по тѣмъ

мѣстамъ, по которымъ возятъ собаки. Онѣ не только везутъ сани, но указываютъ и дорогу; даже во время снѣжныхъ мятелей, когда кругомъ зги не видать, собаки смѣло бѣгутъ впередъ и всегда найдутъ путь къ ближайшему селенію. Если мятель такъ сильна, что приходится остановиться, что случается довольно часто, то собаки спокойно лежатъ около человѣка и согрѣваютъ его; тогда слѣдуетъ только заботиться о томъ, чтобы не быть слишкомъ глубоко зарытымъ въ снѣгу и не задохнуться. Таки мятели продолжаются иногда нѣсколько дней, даже цѣлую недѣлю. Собаки лежатъ все время тихо, но когда ихъ станетъ сильно мучить голодъ, то онѣ грызутъ упряжные ремни и даже шубы путешественниковъ; при этомъ должно удивляться ихъ выносливости. въ чемъ онѣ значительно превосходятъ лошадей. Собаки указываютъ также приближающуюся бурю и мятель: когда онѣ начинаютъ конать снѣгъ и укладываются спать въ эти ямы, то можно быть увѣреннымъ, что скоро будетъ мятель, и если вблизи нѣтъ поселенія, то нужно въ окрестностяхъ отыскать удобное мѣсто, чтобы переждать бурю».

«Камчатскія сани такъ хорошо приспособлены къ силамъ собакъ и тамошнимъ дорогамъ, что самый искусный механикъ лучше-бы не придумалъ. При устройствѣ ихъ имѣлось какъ-будто въ виду подражать строенію человѣческаго скелета. Сани эти состоятъ изъ продолговатаго вогнутаго кузова, сдѣланнаго изъ согнутыхъ деревянныхъ пластинокъ, которыя ремнями прикрѣплены къ двумъ длиннымъ жердямъ. Всѣ сани кромѣ того обвязаны ремнями, и потому всѣ части очень упруги и не легко ломаются; если даже одна изъ пластинокъ сломается, то ремни не дадутъ санямъ развалиться. На нихъ садятся чаще всего бокомъ, чтобы можно было при опасномъ мѣстѣ легко выскочить; иногда же садятся на сани верхомъ. Если во время ѣзды хотятъ своротить направо, то бьютъ палкой по землѣ или по санямъ на правой сторонѣ, если направо, то колотятъ съ лѣвой стороны. Чтобы остановить собакъ втыкаютъ палку передъ санями въ снѣгъ; такимъ-же образомъ тормозятъ сани во время крутого спуска съ горы. Несмотря на то, что ѣдешь, при этомъ устаешь, точно нѣшкомъ идешь, потому что нужно почти постоянно сдерживать собакъ, въ опасныхъ мѣстахъ сыривать съ саней и бѣгать около, придерживаясь за сани, а подымаясь на гору идти нѣшкомъ, такъ какъ собаки не везутъ тяжесть въ гору. Большое затрудненіе составляютъ густые лѣса, встрѣчающіеся на пути. Въ нихъ очень рѣдко можно найти прямую просѣку или дорогу, а потому почти всегда приходится ѣхать въ чащѣ кустарниковъ и между тѣсно стоящими деревьями, такъ что при быстрой ѣздѣ на собакахъ вѣчно рискуешь сломать себѣ ногу или руку о толстый сукъ дерева или выколотъ глазъ въ кустахъ. При этомъ собаки имѣютъ коварную привычку всего шибче бѣгать по опаснымъ мѣстамъ, напримѣръ, въ густомъ лѣсу, по крутому спуску или по берегу рѣки; онѣ понимаютъ, что такимъ образомъ имъ легко сбросить хозяина, разломать сани, разорвать упряжь и освободиться отъ тяжелой работы».

«Камчатскія собаки приносятъ еще пользу тѣмъ, что изъ шкуръ околѣвшихъ упряжныхъ псовъ и такихъ, которые на ѣзду не годятся, инородцы дѣлаютъ себѣ платье, шивая шкуры такъ, что одна приходится мѣхомъ кнаружи, а другая—внутри. Шубы эти во всемъ краѣ очень цѣнятся и въ высшей степени удобны. Собачьи мѣхъ имѣетъ слѣдующія преимущества передъ другими мѣхами: во-первыхъ, шубы изъ этихъ шкуръ издавна считаются на Камчаткѣ самымъ параднымъ и дорогимъ платьемъ; во-вторыхъ, онѣ очень теплы; въ-третьихъ—очень прочны, такъ что шуба выдерживаетъ не менѣе четырехъ лѣтъ постоянной носки; въ четвертыхъ, о нихъ не нужно особо заботиться; собачьи мѣхъ почти вовсе не лѣзетъ и хорошо выдерживаетъ сырость».

«Чѣмъ длиннѣе и гуще мѣхъ у собаки, тѣмъ она дороже цѣнится. Тѣхъ собакъ, у которыхъ высокія ноги съ широкими ступнями, длинныя уши, острая морда, широкая спина и которыя много жрутъ и всегда бодры, съ молоду приучаютъ къ упряжи слѣдующимъ образомъ. Какъ только у щенятъ откроются глаза, ихъ помѣщаютъ вмѣстѣ съ матерью въ глубокую яму, гдѣ они не видятъ ни людей, ни животныхъ и тамъ прокармливаются пока сосутъ молоко. Когда щенята отважены отъ молока, то ихъ все-таки оставляютъ однихъ въ ямѣ, пока они вполне не подрастутъ. Въ шестимѣсячномъ возрастѣ ихъ въ первый разъ запрягаютъ въ сани вмѣстѣ съ другими, уже дрессированными собаками и пробѣгаютъ небольшое расстояние. Такъ какъ молодія собаки, воспитанныя въ одиночество, боятся людей и собакъ, то онѣ бѣгутъ со страху изъ всѣхъ силъ. По возвращеніи домой ихъ снова сажаютъ въ яму, гдѣ онѣ остаются до тѣхъ поръ, пока вполне приучатся къ ѣздѣ и побываютъ въ длинномъ путешествіи. Тогда только ихъ привизываютъ вмѣстѣ съ другими упряжными собаками къ бревнамъ, поддерживающимъ жилища инородцевъ, а лѣтомъ дозволяютъ бѣгать на свободѣ. Правъ камчатскихъ собакъ является слѣдствіемъ подобнаго воспитанія. Собаки такъ не любятъ ѣзды, что какъ только ихъ запрягаютъ, онѣ поднимаютъ морду кверху и начинаютъ страшнѣйшимъ образомъ выть, какъ-бы жалуйся небу на свою судьбу. Но какъ только пустятся бѣжать, то всѣ разомъ замолчатъ. Во время пути онѣ досаждаютъ путешественнику еще тѣмъ, что то одна, то другая собака останавливаются, чтобы помочиться или испражниться, а такъ какъ въ это время всѣ собаки отдыхаютъ, то онѣ на столько хитры, что дѣлаютъ это по-очереди, иногда даже испражняются лишь на половину, чтобы скоро опять остановиться, или только дѣлаютъ видъ, что нуждаются въ остановкѣ. Какъ только онѣ добѣгутъ до мѣста привала, то валятся на землю въ изнеможеніи и лежатъ точно мертвыя».

«Камчадалы употребляютъ своихъ собакъ также для охоты на зайцевъ, лисицъ, соболей и дикихъ барановъ; этихъ собакъ кормятъ воронами, которыхъ тамъ множество, и отъ этой нищи, говорятъ, у нихъ развивается чутье, и онѣ приучаются ловить птицъ и звѣрей. Съ этими собаками камчадалы въ іюлѣ мѣсяцѣ охотятся на утокъ, гусей и лебедей, когда эти птицы появляются въ большомъ числѣ на поляхъ и прибрежныхъ островахъ».

Въ другихъ мѣстахъ Сибири съ собаками обращаются нѣсколько лучше. «Сибирская собака», говоритъ Врангель, «очень похожа на волка по наружности и востъ почти такъ, какъ волкъ. Лѣтомъ она проводитъ значительную часть дня въ водѣ, чтобы избавиться отъ укушенія комаровъ и мошекъ, а зимою устраиваетъ себѣ логовище въ снѣгу. Для полной упряжки однихъ саней нужно 12 собакъ, причемъ впереди запрягается опытная старая собака, которая указываетъ путь остальнымъ. Если она хоть разъ пробѣжала по извѣстной дорогѣ, то не только сразу узнаетъ самымъ точнымъ образомъ куда слѣдуетъ ѣхать, но помнить и привалы, встрѣчающіеся на пути даже тогда, когда хижинны глубоко занесены снѣгомъ. Она вдругъ останавливается среди снѣжной пустыни, машетъ хвостомъ и какъ-бы приглашаетъ хозяина взять лопату и очистить входъ въ юрту, гдѣ слѣдуетъ отдохнуть.»

«Лѣтомъ собаки должны везти вверхъ по теченію лодки; если на берегу встрѣтится скала и не дозволить собакѣ бѣжать по одному берегу, то она бросается въ воду, переплываетъ рѣку и продолжаетъ путь по другому берегу. Въ вознагражденіе за всѣ эти услуги каждому изъ этихъ псовъ ежедневно дается около десяти полусгнившихъ рыбъ».

«Безъ собакъ въ Сибири обойтись нельзя. Когда въ 1821 году между соба-

ками свирѣствовала повальная болѣзнь, и одно юкагирское семейство потеряло всѣхъ своихъ собакъ за исключеніемъ двухъ еще слѣпыхъ щенятъ, то хозяйка выкормила ихъ собственною грудью вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ, и впоследствии отъ этихъ животныхъ произошло новое поколѣніе здоровыхъ собакъ. Послѣ этой повальной болѣзни въ 1822 году инородцы, живущіе на берегахъ Колыма, которые потеряли всѣхъ своихъ собакъ, были въ самомъ жалкомъ положеніи: они должны были сами таскать дрова изъ лѣса и у нихъ не хватало силъ привозить домой рыбу, которую они ловили на отдаленныхъ берегахъ рѣки. Работа эта была такъ тяжела, что инородцы должны были прекратить охоту на птицъ и пушныхъ звѣрей, отчего явился недостатокъ въ деньгахъ, нельзя было купить хлѣба, и въ странѣ сдѣлался страшный голодъ. Замѣнить этихъ собакъ лошадьми нѣтъ никакой возможности, потому что, во-первыхъ, вслѣдствіе суроваго климата и короткаго лѣта нельзя собрать достаточно сѣна, чтобы прокормить лошадей зимою, а во-вторыхъ, лошадь проваливается въ снѣгу тамъ, гдѣ можетъ легко пройти собака».

Сѣверо-американскіе охотники пользуются также услугами собакъ и охотѣе всего держать собакъ эскимосской породы; они высоко цѣнятъ этихъ животныхъ и обращаются съ ними очень хорошо. Ихъ обыкновенно запрягаютъ по четыре штуки въ сани цугомъ, и онѣ везутъ пушной товаръ, купленный у инородцевъ или добытый самими охотниками. Часто случается, что при ѣздѣ по крѣпкому снѣгу у собакъ на лапахъ являются раны; для предупрежденія этого имъ одѣваютъ на ноги родъ башмаковъ изъ мѣха. Предосторожность эта, впрочемъ, излишня у старыхъ опытныхъ собакъ, такъ какъ онѣ сами слизываютъ льдинки, которыя образуются у нихъ между пальцами; но молодыя собаки еще неопытны, не умѣютъ освободиться отъ этихъ льдинокъ, и потому человѣкъ долженъ о нихъ позаботиться и надѣвать имъ, какъ выше сказано, на лапы башмаки. При хорошемъ обращеніи собаки эти прекрасно служатъ человѣку, исполняютъ свои обязанности охотно, очень привязаны къ хозяину и дѣлаются самыми вѣрными и приятными спутниками во время труднаго пути. Бутлеръ нарисовалъ портретъ и воспѣлъ въ стихахъ свою вѣрную эскимосскую собаку «Серфола», которая служила ему въ продолженіи двухъ путешествій по пустыннымъ полярнымъ странамъ Сѣверной Америки; собака эта два раза прошла черезъ весь материкъ, что составляетъ нѣсколько тысячъ километровъ.

Кончая статью о собакахъ, приходится снова повторить слова Зороастра: «Умомъ собаки держитея міръ!»

* * *

Лисицы (*Vulpes*) имѣютъ почти такіе же зубы, какъ собаки и волки, но отличаются отъ нихъ болѣе длиннымъ туловищемъ, удлиненной головой, очень острой мордой, немного вкось расположенными глазами съ продолговатымъ зрачкомъ; ноги у нихъ короткія, а хвостъ очень длинный и пушистый. На черепѣ лисицы нѣтъ столь высокихъ гребней для прикрѣпленія мускуловъ, какъ у собакъ, и надбровныя возвышенія лобной кости расположены почти вертикально, немного изогнуты и лежатъ въ небольшомъ углубленіи. По образу жизни и привычкамъ лисицы имѣютъ нѣкоторое сходство съ собаками, но во многомъ отъ нихъ отличаются и потому должны быть описаны отдѣльно.

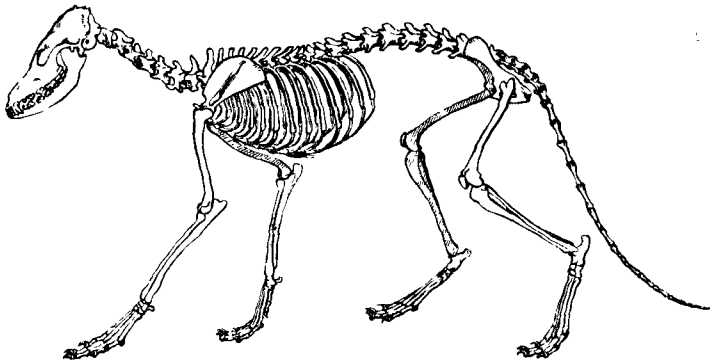
Обыкновенная лисица (*Vulpes vulgaris*, *Canis alopec u vulpes*, Fuchs, Renard) безъ всякаго сомнѣнія одно изъ самыхъ извѣстныхъ дикихъ млекопитающихъ, живущихъ у насъ въ Европѣ. Едва-ли какое-нибудь животное, развѣ только шакалъ, можетъ похвалиться такой извѣстностью и даже дурною славою, какъ

ЛИСИЦА.

(v)

лиса, которую обыкновенно считают олицетворением лукавства, хитрости, коварства и даже некотораго удалства. О ней упоминается въ поговорахъ и пословицахъ, народъ про нее сочинилъ много сказокъ. Лучшіе баснописцы описываютъ ея прѣдѣлки въ басняхъ, и великій нѣмецкій поэтъ Гёте написалъ о ней цѣлую поэму. Достояна-ли дѣйствительно лисица этой славы, это другой вопросъ. Пехуэль-Лёше говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Образъ лисицы, встрѣчающійся въ народныхъ сказаніяхъ и поэзіи, рѣзко отличается отъ дѣйствительности. Безпристрастный наблюдатель не можетъ найти у этого животнаго въ той сильной степени развитыхъ понятливости, хитрости и находчивости, которыя ей приписываетъ народная молва; у ней даже не замѣчается особенно хорошаго развитія высшихъ чувствъ. По моему мнѣнію, лисица по своей смѣтливости мало отличается отъ другихъ хищныхъ звѣрей, напримѣръ, отъ волка; развѣ только можно признать, что это животное, которое подвергается сильному преслѣдованію, отлично умѣетъ пользоваться мѣстными условіями, чтобы спастись отъ своихъ враговъ, но у другихъ, не особенно умныхъ животныхъ, замѣчается то же качество. Многія изъ нихъ послѣднихъ, даже такихъ, которыя не принадлежатъ къ числу хищныхъ,

Скелетъ лисицы. *Vulpes vulgaris*.

научаются точно такъ же хитрить и увертываться, какъ и старая лисица. Каждый опытный охотникъ, которому часто приходилось имѣть дѣло съ лисицами, очень хорошо знаетъ, что далеко не всѣ лисицы отличаются смѣтливостью и увертливостью, и что даже не только между молодыми, но и между старыми лисицами встрѣчаются иногда простоватые и даже просто глупые экземпляры. Слѣдуетъ только вспомнить, какъ другія преслѣдуемыя животныя умѣютъ избѣгать опасности и сколько при этомъ выказываютъ осторожности и искусства,—тогда мы должны будемъ отказаться отъ слишкомъ высокаго мнѣнія о смѣтливости и хитрости нашей лисы. Я положительно не могу найти разницы между смѣтливостью обыкновенной лисицы и смѣтливостью другихъ хищниковъ при тѣхъ же условіяхъ. Лисица представляетъ типъ живущаго на свободѣ хищника и хорошо знаетъ свое ремесло, такъ какъ должна питаться имъ; она нахальна, но только тогда, когда голодна или должна кормить своихъ дѣтенышей; во время опасности она не выказываетъ ни обдуманности, ни присутвія духа и почти всегда теряетъ голову. Лиса попадается даже нѣсколько разъ сряду въ однѣ и тѣ-же ловушки и вообще ее легко обмануть; она бѣгнетъ чучель и трюнокъ, которыя ставятся и вѣшаются въ дѣсу во время облавы, и не рѣшается мимо нихъ пробѣжать, несмотря на крики погонщиковъ и выстрѣлы стрѣлковъ; она бѣжитъ по обычнымъ тропинкамъ даже тогда, когда въ нее на этихъ мѣстахъ стрѣляли и такимъ

образомъ при облавѣ всегда попадаетъ подъ выстрѣлы, между тѣмъ какъ ей было-бы гораздо легче прорвать цѣпь загонщиковъ. Если охотникъ стоитъ смирно, то лиса не скоро узнаетъ о его присутствіи, она очень долго не чувствуетъ его, когда онъ приближается къ ней съ подвѣтренной стороны, что несомнѣнно указываетъ на слабое развитіе у ней внѣшнихъ чувствъ. Слѣдовательно, это животное, которое преслѣдуется болѣе всѣхъ другихъ въ нашихъ странахъ, не научается распознавать охотничьи уловки человѣка и не умѣетъ спастись отъ его преслѣдованій. Очевидно, что лиса басень и сказокъ и настоящая лисица—два совершенно различныхъ животныхъ: послѣдняя ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа существомъ, одареннымъ высокими душевными качествами».

Лису такъ много разъ описывали и изображали, что она извѣстна всякому. Однако для тѣхъ, кто мало знакомъ съ нею, необходимо сказать нѣсколько словъ объ ея внѣшности. Длина тѣла ея достигаетъ 1,4 метра, изъ которыхъ 50 см. занимаетъ хвостъ, высота въ плечахъ 35, рѣдко 38 см., вѣсъ тѣла 6, 5—8 и только иногда 9 килограммовъ. Голова у нея широкая, лобъ плоскій, морда круто суживается, очень длинна и на концѣ острая. Глаза стоятъ косо, а уши, внизу широки и на концѣ острые, всегда торчатъ вверхъ. Туловище отъ густого мѣха кажется толстымъ, но на самомъ дѣлѣ довольно тонко, однако мускулисто и способно къ разнообразнымъ движеніямъ. Лапы коротки и тонки, хвостъ длинный и очень пушистый, мѣхъ мягкій и густой. Всѣ виды лисицъ по цвѣту шерсти очень хорошо приспособлены къ своей хищнической жизни. Наша лисица покрыта сѣровато-рыжимъ, нѣсколько впадающимъ въ чалый цвѣтъ мѣхомъ, и онъ прекрасно подходитъ къ разнообразнымъ мѣстностямъ, гдѣ живетъ животное: лиственному и хвойному лѣсу, кустарникамъ, вересковымъ полянамъ, камнямъ, скаламъ и хлѣбнымъ полямъ. Приспособленіе къ мѣстности замѣтно у лисицы лучше, чѣмъ у другихъ животныхъ, потому что сѣверныя разновидности ея по цвѣту отличаются отъ южныхъ и горныя отъ тѣхъ, которыя живутъ въ равнинахъ. У тѣхъ видовъ лисицъ, которые встрѣчаются въ степяхъ и пустыняхъ, какъ мы увидимъ, еще болѣе замѣтно приспособленіе цвѣта шерсти къ цвѣту окружающей мѣстности. Если подробнѣе рассмотримъ окраску нашей обыкновенной лисицы, то окажется слѣдующее: на верхней части тѣла мѣхъ бываетъ ржаво или желтовато-рыжаго цвѣта, на лбу, плечахъ и задней части спины до основанія хвоста замѣтенъ бѣлый налетъ, зависящій отъ того, что кончики волосъ въ этихъ мѣстахъ бѣлые; губы, щеки и горло—бѣлаго цвѣта. По ногамъ проходитъ также бѣлая полоска, грудь и брюхо пепельно-сѣраго цвѣта, который въ пахахъ переходитъ въ свѣтло-сѣрый; переднія лапы рыжія, а кончики лапъ и уши черныя. Хвостъ ржаво-рыжаго или желтовато-рыжаго цвѣта съ чернымъ налетомъ, а на концѣ иногда бѣловатый. Всѣ эти оттѣнки постепенно переходятъ одинъ въ другой, и никакая часть тѣла не выделяется рѣзко по цвѣту, что очень способствуетъ приспособленію этой окраски къ окружающей мѣстности.

Однако, лисицы замѣтно отличаются одна отъ другой по цвѣту. Самый красивый рыжія мѣхъ имѣютъ сѣверныя лисицы, но и онѣ не всѣ одинаковы. Чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ лисицы дѣлаются мельче, слабѣе, и ярко-рыжія цвѣта постепенно исчезаютъ. Хуже всего мѣхъ у лисицъ, живущихъ въ болотистыхъ, низменныхъ мѣстахъ, горныя же лисицы, даже въ южныхъ странахъ, отличаются нѣсколько лучшимъ мѣхомъ. Швецкіе охотники различаютъ два сорта лисицъ: **гортьлыхъ** (мышанки) (*Brandfuchse*) съ темной окраской шерсти, сѣрымъ горломъ и чернымъ концомъ хвоста; мѣхъ ихъ точно обожженъ или осыпанъ сажой, и **березовонъ** (огнеки) (*Birkfuchs, Goldfuchs*) съ ярко-рыжимъ мѣхомъ, бѣлымъ кон-

чиномъ хвоста и бѣлымъ горломъ; у обоихъ сортовъ замѣчается, впрочемъ, большое разнообразіе окраски. Изъ средне-европейскихъ лисицъ лучше другихъ, говорятъ, тирольскія, изъ сѣвернаго Тироля; въ южномъ Тироли и Швейцаріи онѣ все еще довольно велики и съ густою шерстью, но съ сѣрымъ отливомъ; въ Ломбардіи лисицы уже другаго сорта: онѣ меньше ростомъ и мѣхъ у нихъ бѣдѣе. Почти такія же лисицы водятся въ южной Франціи, а въ Испаніи онѣ уже совсемъ мелки и чалаго цвѣта. Этими южныхъ лисицъ многіе считаютъ даже за особый видъ, но нельзя съ увѣренностью сказать, что это мнѣніе вѣрно. Различіе сѣверныхъ лисицъ отъ южныхъ во всякомъ случаѣ довольно замѣтно и даже ростъ ихъ не одинаковъ. Особенно высоко цѣнятся мѣха **черныхъ** и **чернобурыхъ** лисицъ (Schwarzfuchs, Silberfuchs), у которыхъ мѣхъ черный или темнобурый съ сѣдной; онѣ водятся на высокихъ горахъ Кавказа, въ Сибири и въ Сѣверной Америкѣ. Очень хороши также мѣха **крестовокъ** (Kreuzfuchs); онѣ рыжаго или темно-рыжаго цвѣта съ чернымъ крестомъ на спинѣ и чернымъ брюхомъ и горломъ; цвѣтъ этихъ лисицъ, впрочемъ, сильно измѣняется, и ихъ многіе разсматриваютъ, какъ помѣсь черныхъ лисицъ съ рыжими.

Стоило-бы сдѣлать опыты скрещиванія обыкновенныхъ лисицъ съ такими, у которыхъ мѣхъ особенно цѣнный, чтобы увеличить цѣнность шкурокъ этихъ животныхъ. Левисъ писалъ объ этомъ предметѣ въ 1888 году слѣдующее: «опыты скрещиванія, произведенный въ Лифляндіи, указываютъ, что улучшеніе породы лисицъ возможно. Лѣтъ 40 тому назадъ покойный академикъ Гофманъ (минералогъ) привезъ изъ Сибири ручного самца чернобурой лисицы и подарилъ его г-ну фонъ-Анрену, съ просьбою произвести опыты скрещиванія съ обыкновенными лисицами. Въ имѣніи Лауенгофъ нашли подходящее мѣсто съ прудомъ, окружили его частоколомъ, глубоко опущеннымъ въ землю, и туда помѣстили чернаго самца съ нѣсколькими рыжими лисицами-самками. Лисицы довольно скоро освоились съ новымъ мѣстомъ, жили мирно и вырыли себѣ норки. Скоро явилось и потомство, и черезъ нѣсколько лѣтъ въ Лауенгофъ оказался заводъ прекрасныхъ ублюдковъ чернобурой лисы съ обыкновенной. Брюхо у нихъ отъ горла до задняго прохода было болѣе или менѣе черное, бока дымчато-сѣрые, съ рыжими, черными и сѣдыми волосами; спина также была дымчато-сѣрая, но съ бурымъ отливомъ. Болѣе свѣтлый крестъ на спинѣ былъ рыжеватый, хвостъ и ноги черныя. Къ сожалѣнію, однажды, въ концѣ лѣта, когда ночи были уже темныя, лисицамъ удалось прорыть проходъ подъ частоколомъ, и всѣ онѣ убѣжали; только ручной черный самецъ вернулся добровольно въ ограду. Десять лѣтъ спустя, когда я былъ студентомъ Дерптскаго университета, у одного мѣховщика этого города продавалась прекрасная дамская шуба, сшитая изъ дымчатыхъ чернобурыхъ лисицъ. Мѣховщикъ признался, что купилъ эти шкурки въ окрестностяхъ Лауенгофа, и требовалъ за шубу не болѣе и не менѣе, какъ 400 рублей. Мѣхъ этотъ, очевидно, былъ сдѣланъ изъ шкурокъ лауенгофскихъ ублюдковъ, и я еще тверже въ этомъ убѣдился, сравнивъ его съ чучеломъ лисицы, находящимся въ университетскомъ музеѣ и пожертвованнымъ прямо изъ своего парка г-номъ Анреномъ. Было-бы въ высшей степени желательно, чтобы подобныя опыты скрещиванія лисицъ были-бы еще разъ произведены, чтобы улучшить мѣха нашихъ обыкновенныхъ лисицъ. Охотники получали-бы тогда по 20 - 30 рублей за шкуру вмѣсто 3 - 4 рублей, какъ теперь, и наши дамы, безъ сомнѣнія, не стали-бы жаловаться на то, что въ продажѣ явился-бы темныя лисы мѣха вмѣсто рыжихъ».

Охотники, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, пользуются

особыми терминами для обозначенія частей тѣла лисицы. Мы не станемъ приводить здѣсь этой терминологіи, но упомянемъ лишь о томъ, что нѣмецкіе охотники называютъ железу, находящуюся у этого животнаго около задняго прохода «фіалкою» (Viole); это названіе дается иногда и особому мѣсту на хвостѣ лисицы. Оно находится недалеко отъ основанія хвоста и отличается тѣмъ, что на немъ волоса жесткіе и щетинистые. Увѣряютъ, что на этомъ мѣстѣ находится железа, выделяющая жидкость, которая пахнетъ довольно пріятно фіалкою и что этотъ запахъ особенно замѣтенъ во время течки. Прежде также думали, что раненныя лисицы кусаютъ это мѣсто и вылѣчиваются выделяемой жидкостью. Не у всѣхъ лисицъ железа эта замѣтна и по запаху ее найти довольно трудно.

Лисица живетъ въ большинствѣ странъ сѣвернаго полушарія, именно: во всей Европѣ, сѣверной Африкѣ и западной и сѣверной Азіи; Афганистанъ, западный склонъ Гиммалайскаго хребта и Тибетъ слѣдуетъ также причислить, сюда такъ какъ встрѣчающіяся тамъ разновидности лисицы (*V. flavescens* и *V. montana*) едва-ли можно считать отдѣльными видами. Только въ рѣдкихъ мѣстахъ лисица вовсе не встрѣчается, а во многихъ странахъ попадаетъ очень часто. Всестороннее развитіе ея хищническихъ способностей позволяетъ ей жить въ такихъ мѣстахъ, гдѣ другіе звѣри не ужились-бы, а ея хитрость и ловкость заставляютъ ее не покидать своего мѣстожительства съ удивительнымъ упорствомъ. Такъ какъ волкъ принадлежитъ къ числу ея враговъ, то лисицы никогда не размножаются очень сильно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствуютъ эти хищники, и по мѣрѣ истребленія волковъ болѣею частью увеличивается число лисицъ въ странѣ.

Лисица устраиваетъ свое логовище съ замѣчательной осторожностью. Оно состоитъ изъ глубокой норы съ нѣсколькими выходами, которая помѣщается подъ камнями, между корнями большихъ деревьевъ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ; въ глубинѣ норы всегда находится довольно просторная котловина. Если только возможно, то лисица не копаетъ сама себѣ норы, а пользуется оставленнымъ логовищемъ барсука и даже живетъ съ нимъ иногда въ одной норѣ, несмотря на то, что барсукъ, какъ извѣстно, очень не любитъ общества другихъ животныхъ. Почти всѣ большія лисьи норы первоначально выкопаны барсукомъ. Лисица любитъ такія норки, которыя расположены на склонѣ холмовъ, такъ что ходы направляются наклонно кверху и постепенно отдаляются отъ поверхности земли. Въ совершенно плоскихъ мѣстностяхъ котловина бываетъ иногда расположена очень близко отъ поверхности земли.

Осенью и зимою, особенно въ плоскихъ мѣстностяхъ, лисица часто живетъ подъ кучей хвороста или подъ камнями, а иногда устраиваетъ свое логовище въ дулѣ старой ивы или просто въ ямкѣ подъ густыми кустами. Во время морозовъ, бурь, проливныхъ дождей, а лѣтомъ во время сильныхъ жаровъ, лисица почти все время лежитъ въ своей норѣ; она не покидаетъ ея, разумеется, также и тогда, когда у нея маленькіе дѣтеныши. Въ хорошую-же погоду она болѣею частью рыскаетъ за добычей по окрестностямъ и засыпаетъ тамъ, гдѣ ее застала ночь. Въ теплыхъ и пустынныхъ странахъ, гдѣ мало лѣсу, напримѣръ въ плодородной части Нижняго Египта, лисицы роютъ норы только для своихъ дѣтенышей; въ остальное же время всѣ лисицы живутъ на поверхности земли подъ открытымъ небомъ.

Лисица охотѣе всего отправляется за добычей по ночамъ, но въ ненаселенныхъ и спокойныхъ мѣстахъ охотится и днемъ. Во время длинныхъ дней лѣтнихъ мѣсяцевъ можно встрѣтить въ лѣсу лисицу съ лисенятами за нѣсколько

часовъ передъ заходомъ солнца, а во время морозовъ и когда землю покрываетъ глубокой снѣгъ, она, повидимому, спитъ только рано утромъ, такъ какъ уже съ десяти часовъ утра рыскаетъ по полямъ за добычей. Точно такъ, какъ собака, лисица очень любитъ тепло: въ хорошую погоду она часто ложится на толстый стволъ дерева или на камень, чтобы погрѣться на солнцѣ и заснуть часокъ другой подъ его палящими лучами. Тамъ, гдѣ она считаетъ себя въ безопасности, лисица беззаботно засыпаетъ и на открытыхъ мѣстахъ, при чемъ, какъ собака, громко храпитъ; сонъ ея такъ крѣпокъ, что она иногда не замѣчаетъ, какъ, хорошая легавая собака дѣлаетъ надъ нею стойку, и охотнику тогда удается застать ее въ этомъ положеніи. Съ наступленіемъ сумерекъ, или даже въ вечерніе часы лисица постоянно отправляется за добычей. Она крадется въ вышней степени тихо и осторожно, отъ времени до времени осматривается, обнюхиваетъ воздухъ, старается какъ можно лучше прятаться и потому выбираетъ себѣ путь между кустами, камнями и въ высокой травѣ. Она по возможности не покидаетъ чаши лѣса и, если обжить черезъ полянку, то только въ томъ случаѣ, когда отдѣльные кустарники или большіе камни даютъ ей возможность спрятаться и на открытомъ мѣстѣ. Опытные охотники очень хорошо знаютъ привычки лисицы и потому почти всегда угадываютъ по какимъ тропинкамъ (лазамъ) она должна пробѣгатьъ изъ одной части лѣса въ другую, при чемъ, однако, слѣдуетъ имѣть въ виду, что вечеромъ она избираетъ себѣ другой путь, чѣмъ днемъ и въ свѣтлый день бываетъ осторожнѣе, чѣмъ при облачномъ небѣ.

Добыча лисицы состоитъ изъ всевозможныхъ животныхъ, начиная отъ молодой косули и кончая майскимъ жукомъ; но чаще всего она ѣсть различныхъ мышей, которыя составляютъ главную составную часть ея пищи. Она никого не щадитъ, усердно гоняется за зайцами и кроликами и даже нападаетъ на маленькихъ косуль и оленей. Она не только съѣдаетъ яйца и птенцовъ тѣхъ птицъ, которыя гнѣздятся на землѣ, но ухитряется иногда схватить и самую птицу, заставши ее гдѣ-нибудь врасплохъ. Для того, чтобы добраться до птицъ, гнѣздящихся около воды, лисица переплываетъ на острова и ходитъ по топкимъ болотамъ: извѣстны случаи, что она загрызала лебедей, сидящихъ на яйцахъ. Очень часто нападаетъ она на домашнихъ птицъ, особенно въ ночное время и около крестьянскихъ домовъ, стоящихъ отдѣльно отъ другихъ; если вблизи дома у нея есть удобное мѣсто, чтобы спрятаться, то она таскаетъ куръ даже и днемъ. Особенно сильно разбойничаетъ лисица, которая должна прокормить своихъ дѣтенышей. Мышами ихъ до сыта не накормишь, и потому лисица въ это время охотится за болѣе крупными животными. «Мой охотникъ», пишетъ мнѣ Гомейеръ, «убилъ однажды лисицу, которая тащила своимъ дѣтенышамъ цѣлый выводокъ почти взрослыхъ чибисовъ, а у нея самой въ желудкѣ мы нашли только одну мышъ. Сама мать питается почти исключительно одними мышами, а дѣтенышамъ таскаетъ болѣе крупную дичь. Въ одной лисьей норѣ, гдѣ жили лисенята, я нашелъ двухъ зайцевъ, только что убитую молодую косулю, дикую утку и утиное яйцо. Около норы валялось до двадцати заячьихъ скелетовъ».

Но такія излишества лисица-самецъ позволяетъ себѣ рѣдко; напротивъ, онъ предпочитаетъ всевозможную мелкую дичь и любитъ при этомъ нѣкоторое разнообразіе въ пищѣ. Въ большихъ садахъ и виноградникахъ лиса навѣрно является болѣе частымъ гостемъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Тамъ она ловитъ кузнечиковъ, майскихъ жуковъ и ихъ личинки, дождевыхъ червей и т. п., или лакомится сладкими грушами, сливами, виноградомъ и другими ягодами. Около рѣки она бродитъ

для того, чтобы словить врасплох форель или неосторожного рака; по берегамъ моря она промышленяеть насчетъ добычи рыбаковъ и воровски опустошаетъ ихъ сѣти, точно такъ-же, какъ въ лѣсу—силки охотниковъ. Лѣтомъ ея обычный обѣдъ пополняется всевозможными видами насѣкомыхъ: жуками, осами, личинками пчелъ, мухами и многими другими. Такимъ образомъ лисица всегда имѣетъ хорошій столъ, который оскудѣваетъ только тогда, когда глубокии снѣгъ черезчуръ затрудняетъ ей охоту. Въ такое плачевное время она рада всякому съѣдобному кусочку, въ родѣ, наиримѣръ, завалившихся высохшихъ костей или даже кусковъ полусгнившей кожи, не говоря уже о падали, которою она и въ сытое-то время года не только не пренебрегаетъ, но, какъ и многія собаки, жретъ съ большимъ удовольствіемъ. Кромѣ того лисица частенько забѣгаетъ въ стоянки дровосѣковъ и ихъ бивуаки, чтобы подобрать остатки обѣда. Если она мало-мальски сыта, то не набрасывается сразу на добычу, а предварительно забавляется ею, долго и безпощадно потѣшаясь надъ нею, пока наконецъ не задушитъ несчастную жертву.

Если-бъ я вздумалъ рассказывать здѣсь о всѣхъ хитростяхъ и искусныхъ притворствахъ, къ которымъ прибѣгаетъ лисица во время своихъ охотничьихъ походовъ, то объемъ нашей книги пришлось-бы значительно увеличить; о тѣхъ-же ея уловкахъ, безъ которыхъ она шагу не можетъ сдѣлать, нечего и говорить. Не только басни, но даже и естественная исторія приводитъ множество примѣровъ лисей хитрости, не утратившихъ своего значенія и въ настоящее время, несмотря на всю ихъ кажущуюся неправдоподобность. «Лисица — хитрое, злое, осторожное и воющее животное», говоритъ старикъ Геснеръ, «она хитро и неторопливо сваливаетъ ежа и мочится ему на голову, отчего тотъ сразу задыхается. Съ зайцемъ она долго хитритъ, чтобы вдоволь позабавиться надъ нимъ. Птицъ-же лисица проводитъ слѣдующимъ образомъ: она притворяется мертвой и растягивается въ такомъ видѣ на травѣ, а когда пернатая слетится къ ней, какъ къ трупу, она ловко и быстро схватываетъ ихъ, словно клещами; поэтому она является заклятымъ врагомъ всѣхъ птицъ. Маленькихъ рыбокъ она ловитъ хвостомъ, который спускаетъ для этого въ воду; рыбки запутываются въ его длинныхъ волосахъ, тогда лисица вытаскиваетъ ихъ на берегъ и тутъ отряхиваетъ хвостъ, который вполне замѣняетъ ей рыбацкія верши и тенета. Такимъ образомъ хитрой кумѣ вездѣ живется привольно и сытно. Съ такою-же хитростью она подступаетъ и къ сотамъ, чтобы разогнать оттуда пчелы и поживиться сладкимъ медомъ». Подобныя этимъ исторіи рассказываются про лисицу и въ настоящее время и въ большинствѣ случаевъ принимаются за чистую монету. Частицу правды, конечно, въ нихъ не трудно найти. Извѣстно, что лисица обойдетъ свою хитростью хоть кого, и вълѣдствіе этого ей удается ловить такихъ животныхъ, которые легко могли-бы спастись отъ нея бѣгствомъ, не говоря уже про неповоротливыхъ, тяжелыхъ на подъемъ звѣрей. «Что нашъ разбойникъ», пишетъ далѣе Гомейеръ, «ловить старыхъ птицъ — не подлежитъ никакому сомнѣнію; мнѣ кажется даже весьма вѣроятнымъ, что онъ примѣняетъ при этомъ тѣ самые способы, которые были описаны въ старину, а теперь почему-то считаются баснями. Когда лиса, желая погрѣться на солнышкѣ, ложится въ растяжку на лугу, къ ней слетаются цѣлыя стаи воронъ, которыя суетятся и лѣзутъ къ самой головѣ мертваго, по ихъ мнѣнію, животнаго. Неподвижно лежащая лиса подуетитъ ихъ сколь возможно близко, затѣмъ вдругъ, смѣлымъ прыжкомъ, бросается на птицъ, и одинъ изъ каркуновъ неизмѣнно дѣлается жертвой ловкой притворицы. Однажды въ маѣ, когда еще не было новорожденныхъ воронятъ, мой отецъ услышалъ раздававшійся издали неистовый крикъ воронъ и приписалъ причину его нападенію какой-нибудь хищной птицы. Только подойдя ближе, онъ убѣдился, что возня происходила тутъ-же,

и вскорѣ мимо него прошмыгнула лисица съ вороной во рту, преслѣдуемая цѣлой стаей каркавшихъ сотоварищей несчастной жертвы. Стало ясно, что отчаянный крикъ, слышанный отцомъ, относился къ тому моменту, когда лисица схватила одну изъ птицъ».

Во время своихъ охотничьихъ походовъ первымъ условіемъ лисица ставитъ собственную безопасность. Всякая неизвѣстность возбуждаетъ въ ней подозрѣніе, а разъ она чему-нибудь не довѣряетъ, то развѣ только мучительный голодъ заставитъ ее сдѣлать какой-нибудь рискованный шагъ. Но тогда она проявляетъ прямо-таки безстыдное нахальство. Среди бѣлаго дня она появляется на какомъ-нибудь дворѣ, уноситъ на глазахъ людей курицу или гуся и вмѣстѣ со своей добычей быстро убѣгаетъ. Только вынужденная крайнею необходимостью она бросаетъ захваченную добычу, да и то черезъ нѣкоторое время снова возвращается на дворъ, чтобы посмотреть, нельзя-ли теперь съ большею удачею стащить что-либо. Подобное нахальство она выказываетъ иногда даже и при такихъ обстоятельствахъ, которые вынуждаютъ ее на быстрое бѣгство. Такъ, одна лисица, преслѣдуемая собаками и выстрѣлами, изъ которыхъ два уже просвистѣли надъ самой ей головой, на всемъ бѣгу схватила подвернувагося хилого зайца и пронесла его довольно далеко. Другая, тоже во время травли, поднялась съ окруженной охотниками поляны, схватила раненаго зайца, задушила его на глазахъ всѣхъ, успѣла еще на-скоро зарыть его въ снѣгъ и проскользнула сквозь самый центръ линіи загонщиковъ и стрѣлковъ. Про третью рассказываетъ Крюкебергъ, что когда охотники загоняли ее изъ чащи къ тому мѣсту, гдѣ лежала другая подстрѣленная и истекавшая кровью лисица, то она тотчасъ-же пустилась бѣжать по кровавому слѣду, нашла лежавшаго сотоварища, придушила его, несмотря на шумъ погони, и такъ нахально стала, въ виду всѣхъ, теревить трунъ, что одинъ изъ охотниковъ успѣлъ подкрасться и тутъ-же уложить ее на мѣстѣ хорошо направленнымъ выстрѣломъ. «Однажды на стойкѣ», рассказываетъ Гомейеръ, «я услышалъ жалобные стоны зайца, незадолго передъ тѣмъ видѣннаго мною; я тотчасъ-же послѣдшилъ на этотъ крикъ, пробираясь съ возможною осторожностью, и скоро замѣтилъ лисицу, душившую бѣднаго зайца. Ея кровожадность была такъ велика, что я могъ убить ее, прежде чѣмъ она увидѣла меня». Всѣ эти примѣры свидѣтельствуютъ о томъ, что пробудившаяся въ лисицѣ и неудовлетворенная кровожадность или сильный голодъ способны это вообще осторожное животное сдѣлать и глухимъ, и слѣпымъ по отношенію грозящей ему опасности, такъ какъ умными и расчетливыми подобныя съ ея стороны дѣйствія назвать нельзя. Лѣсничій Либихъ рассказываетъ, что одна лисица въ Моравіи забралась на дворъ къ крестьянину, чтобы задушить куръ, но была прогнана палкою; скоро она снова явилась и вторично была прогнана, но несмотря на это, вернулась въ третій разъ, однако при этомъ ей пришлось плохо, и она лишилась жизни.

Такія похождения лисицы могутъ доставить непричастному къ дѣлу наблюдателю одно лишь удовольствіе; за то люди, сколько-нибудь заинтересованные въ хищничествѣ лисы, не могутъ помянуть ее добромъ, такъ какъ опытъ показалъ, что этотъ хищникъ умерщвляетъ гораздо больше того, что можетъ съѣсть, и еслибъ ему не оказывали дѣятельнаго сопротивленія, то онъ передумилъ-бы на любомъ дворѣ всѣхъ птицъ; притомъ это такой хищникъ, который не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о правахъ собственности, а борьбу за существованіе долженъ выдерживать съ такой-же энергіей, какъ человѣкъ и всякое другое созданіе. Не берусь судить, входитъ-ли въ требованія этой борьбы уничтоженіе собѣ подобнаго; во всякомъ случаѣ факты подтверждаютъ, что лисица не прочь доканать своего раненаго собрата, и при этомъ не всегда ей можетъ служить оправданіемъ мучительный голодъ. Однажды

знакомому Винкеля случилось застать лисицу въ то время, какъ она ѣла другую лисицу, только-что ночью попавшую въ капканъ; она съ такою жадностью предлагалась ѣдѣ, что охотникъ легко могъ подойти къ ней и вознаградить себя за разорванную шкуру первой убіеніемъ хищника. Лѣсничій Мюллеръ былъ очевидцемъ, какъ шестеро лисенятъ сначала весело играли другъ съ другомъ, потомъ изъ-за чего-то поссорились, и до крови искусади одного; раненый звѣрекъ собрался-было бѣжать, но былъ въ одно мгновеніе настигнуть, злодѣйски умерщвленъ и тутъ-же съѣденъ. Такая-же участь постигла одну молодую лисичку, которая была подстрѣлена, но настолько еще имѣла силы, что могла дотащиться до своей норы; когда черезъ нѣкоторое время раскопали нору, то раненую тамъ больше не нашли, такъ какъ братцы успѣли уже пообѣдать ею. Лѣсничій Эйлеръ подстрѣлилъ кормящую самку и положилъ ее въ яму, подлѣ ея норы; на другое утро онъ нашелъ тамъ только шкуру да кости; остальное было поѣдено дѣтенышами. Точно также бывали примѣры, что содержащійся въ неволѣ самки-лисицы поѣдали своихъ полувзрослыхъ дѣтенышей.

Лисица бѣгаетъ скоро, неутомимо, ловко и въ высшей степени искусно; она умѣетъ ползать, неслышно скользить по землѣ, нестись во весь духъ, скакать и при этомъ дѣлать необыкновенно большіе прыжки. Даже хорошія охотничьи собаки рѣдко бываютъ въ состояніи догнать ее. При быстромъ бѣгѣ она держитъ свой хвостъ (по охотничьи—трубу) на-вытяжку, откинувъ его назадъ, при ходьбѣ-же волочить его по землѣ. Когда лисица подстерегаетъ добычу, то ложится плотно брюхомъ къ землѣ; когда-же отдыхаетъ, то нерѣдко, подобно собакамъ, укладывается, свернувшись, на бокъ или даже на спину; очень часто она сидитъ совершенно какъ собака на заднихъ ногахъ и при этомъ забрасываетъ свой пушистый хвостъ къ переднимъ ногамъ. Воды она нисколько не боится, напротивъ того, плаваетъ очень легко и быстро; лазать она тоже мастерица, такъ какъ не разъ видѣли лисицу, сидящую очень высоко на удобно расположенныхъ деревьяхъ. «Мнѣ извѣстно много примѣровъ», замѣчаетъ Гомейеръ, «когда лисица взбиралась на высокія деревья не только вынуждаемая къ тому преслѣдованіями, но и по доброй волѣ; но для лазанья она избираетъ всегда такія деревья, которыя были нѣкогда сломлены бурей и теперь растутъ подъ угломъ, уклонъ котораго имѣетъ 45—50 градусовъ; иногда она лазаетъ по кустарникамъ въ 3—4 метра высоты, чтобы выкрадывать изъ гнѣздъ итенцовъ.» Фонъ-Унругъ сообщаетъ объ одной лисицѣ, которую онъ видѣлъ сидящею на вѣтви рѣскаго дуба, на высотѣ 15 метровъ отъ земли.

Голосъ лисицы состоитъ изъ отрывистаго лая, который переходитъ въ звонкій, высокій визгъ. Взрослыя лисицы лаютъ только передъ грозой, въ непогоду, при большихъ морозахъ и во время спариванія; маленькія-же кричатъ и тявкаютъ всякій разъ, какъ голодны или начинаютъ скучать. Въ гнѣздѣ или при опасности лисица издаетъ громкое ворчаніе; болѣзненные стоны вырываются у ней только тогда, когда ее поразитъ нуля или когда выстрѣлъ раздробитъ ей кость; при всякомъ же другомъ пораненіи она упорно, стойчески молчитъ. Зимой, при глубокихъ снѣгахъ и морозахъ, особенно часто раздается ея громкій, жалобный крикъ; но главнымъ образомъ ее можно слышать во время спариванія, когда она издаетъ особенныя, своеобразныя звуки, напоминающіе отчасти призывный крикъ ворона или крикъ навлина.

Лисица не можетъ быть причислена къ общительнымъ животнымъ, и этимъ она отличается отъ волковъ. Хотя нерѣдко можно встрѣтить нѣсколькихъ лисицъ въ одной и той-же роцѣ, даже въ общей норѣ, но въ большинствѣ случаевъ ихъ соединяетъ только мѣстность, а вовсе не желаніе жить и дѣйствовать сообща. При

нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, особенно въ голодовку, часто случается, что лисицы охотятся цѣлымъ обществомъ, но еще не опредѣлено, въ общихъ-ли интересахъ онѣ работаютъ въ это время. Обыкновенно каждая лисица идетъ своей дорогой и о своемъ собратѣ безнокоится только въ той мѣрѣ, въ какой это касается ея личныхъ выгодъ. Даже въ пору любви онѣ живутъ вмѣстѣ только до тѣхъ поръ, пока продолжается страсть, и тотчасъ-же послѣ этого снова разлучаются. Дружеское влеченіе къ другимъ животнымъ такъ-же мало присуще лисицѣ, какъ и общительность. Приходилось, правда, не разъ наблюдать, что она въ неволѣ товарищески относится даже къ своему заклятому врагу — собацѣ; но во всякомъ случаѣ это надо считать исключительнымъ явленіемъ. Отношенія Рейнеке-Лисъ къ Гримбарту (лисица и барсуку), воистыня въ произведеніи Гёте, еще не доказываютъ ея симпатій къ барсуку, такъ какъ въ данномъ случаѣ хитрую кумушку больше привлекало жилище куманька, чѣмъ онъ самъ. Однако, чтобы выпроводить барсука, она вовсе не предпринимаетъ особенныхъ уловокъ и хитростей, и надо считать познѣйшимъ вымысломъ разсказъ о томъ, что: «когда барсуку выходитъ изъ своей норы, лисица прокрадывается туда и пачкаетъ отверстіе входа своимъ каломъ, такъ что вернувшійся хозяинъ норы не только не входитъ туда, но навсегда покидаетъ свое гнѣздо, оставляя его въ полное распоряженіе любительницы чужой собственности.» Ловкая кумушка овладѣваетъ намѣченнымъ ею жилищемъ вполне открыто и безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей водворяется въ барсучьей норѣ, отвоевывая себѣ свободный уголокъ и предоставляя своему угрюмому сожителю убраться вонъ, если ему не придется по вкусу ея хозяйничанье. О дружескомъ-же, совмѣстномъ сожительствѣ этихъ столь различныхъ по характеру компаньоновъ и помину нѣтъ; скорѣе можно сказать слово за противоположное. Такъ, однажды, по разсказамъ главнаго лѣсничаго Гофмана, затравленная лисица скрылась въ норѣ барсука, откуда ее надо было выкопать. Такъ какъ наступила ночь, то около норы развели огонь, а раскопку стали продолжать на другой день. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ нора была вскрыта, но вмѣсто лисицы тамъ нашли одну только ея голову, куски растрепаннаго мѣха и слѣды свѣжей крови, смѣшанной съ пескомъ. Хозяева норы, потревоженные въ своей зимней спячкѣ, варварскимъ образомъ расправились съ нарушителемъ ихъ покоя и отстояли свое право собственности, пожравъ дерзновенную, которая съ перепугу не могла найти себѣ выхода для бѣгства.

Пора любви у лисицъ наступаетъ въ половинѣ февраля и продолжается всего нѣсколько недѣль. Въ это время около одной самки собираются нѣсколько самцовъ, всюду слѣдуютъ по ея пятамъ и ухаживаютъ за нею подобно собакамъ. Въ этотъ періодъ особенно силенъ бываетъ запахъ ихъ выдѣленій, и чаще обыкновеннаго слышится ихъ лай. Дѣло не обходится, конечно, безъ дракъ между соперниками; случается, что два самца до крови искусываютъ другъ друга изъ-за обладанія самкою. Въ Египтѣ, гдѣ лисицы далеко не такъ осторожны, какъ у насъ, спариваніе производится открыто, въ чистомъ полѣ, и онѣ такъ забываются во время своего любовнаго возбужденія, что допускаютъ человека подойти къ нимъ совсѣмъ близко. Мнѣ самому пришлось однажды, при такихъ-же обстоятельствахъ, подстрѣлить увлекшуюся любовью лисицу, и то-же самое видѣлъ одинъ изъ моихъ со товарищей по охотѣ. Въ Германіи спариваніе также происходитъ на открытомъ полѣ или, какъ выражается Адольфъ Мюллеръ, «въ привольной степи», но въ большинствѣ случаевъ оно совершается въ норахъ; по крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуетъ Вишофгаузенъ, лично наблюдавшій лисицъ въ пору ихъ любви. Снаружи можно слышать пронесившую въ норѣ подъ землею возню, безцрерывную бѣготню, сопровождаемую шумомъ, ворчаніемъ и воемъ, словно тамъ за лисицей гоняется такса.

Объ норы, выкопанныя по приказанію Бишофсгаузена, были смежныя, съ двумя круговыми подковообразными ходами; въ нихъ помѣщались самецъ и самка. Когда самка чувствуетъ себя беременною, она удаляется изъ норы и поселяется въ защищенныхъ чащахъ, расположенныхъ по близости выбранныхъ для родового періода норъ. Въ это время, по Бекману, она посѣщаетъ и расширяетъ различныя норы своего мѣстожителства и наконецъ, втихомолку, располагается въ такой мѣстности, которая въ послѣднее время меньше всего посѣщалась людьми и собаками. Расположена-ли эта нора въ укромномъ мѣстѣ или лежитъ открыто,—на это не обращается вниманія.

Въ случаѣ если подходящей норы не найдется, лисица сама выкапываетъ ее или устраиваетъ себѣ гнѣздо въ дуплѣ дерева, подъ кучею камней, хвороста или-же прямо въ кустарниковой чащѣ, и мягко выстилаетъ его шерстью. «Мнѣ извѣстны два случая», сообщаетъ оберъ-егермейстеръ фонъ-Мейеринкъ, «когда лисица родила въ дуплистыхъ дубахъ. Въ главномъ лѣсничествѣ Гарте близъ Науендорфа, одинъ лѣсничій вытащилъ изъ такого дуба семерыхъ лисенятъ вмѣстѣ съ ихъ матерью. Дубъ былъ сверху подгнивши, и дупло его въ глубину имѣло не больше одного метра. Возвращаясь въ одно майское утро съ охоты, я самъ видѣлъ въ 300 шагахъ отъ себя, какъ по дубу спокойно и медленно пробиралось что-то бѣлое; и подбѣжалъ къ дубу и увидать лисицу, которая тащила въ зубахъ домашняго гуся; она только-что собиралась влѣзть на дубокъ въ 5 метровъ вышины, пользуясь для этого сучками, отстоявшими одинъ отъ другого приблизительно на 1,5 метра разстоянія; но я успѣлъ приблизиться шаговъ на 70 и уже готовился спустить курокъ, какъ вдругъ лисица выронила гуся, а сама быстрыми прыжками стала перескакивать съ вѣтки на вѣтку и наконецъ скрылась изъ виду. Обсыпавъ мѣсто, гдѣ находился этотъ дубъ, бумажными обрѣзками и порохомъ, я взялъ раненаго гуся и понесъ его домой, чтобы пригласить себѣ помощниковъ. Черезъ два часа я былъ снова на мѣстѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ охотниковъ, вооруженныхъ топорами и лѣтницами; по моему приказанію они стали стучать топорами по дереву до тѣхъ норъ, пока не выгнали наконецъ оттуда лисицу, которая тутъ-же была убитая; по разслѣдованію она оказалась самкою, а сосцы ея указывали на то, что у нея были маленькіе дѣтеныши. Тогда охотники взлѣзли на верхъ дерева и палкою стали изслѣдовать дупло, оказавшееся въ 1,5 метра глубиною. Оттуда тотчасъ-же полѣзли маленькіе лисенята; мы выдолбили дерево снизу и такимъ образомъ достали весь выводокъ, состоявшій изъ четырехъ дѣтенышей одномѣсячнаго возраста». Изрѣдка случается, какъ сообщаетъ Швабъ, что двѣ самки рожаютъ въ одномъ общемъ гнѣздѣ. Одинъ изъ подчиненныхъ Шваба вырылъ однажды гнѣздо съ 14 лисенятами и одною самкою. Оба потомства были найдены въ различныхъ отдѣленіяхъ норы и существенно различались своею величиною: шестеро изъ нихъ были еще совсѣмъ маленькіе, а другіе восемь уже значительно подросли. Повидимому, оба многочисленныя потомства жили въ ладу между собою. Адольфу Мюллеру недавно пришлось видѣть то-же самое.

Еще во время беременности самка начинаетъ понемногу выпщивать себѣ волоса по всему брюху, начиная съ пупка до самаго горла; она это дѣлаетъ съ двойною цѣлю: во первыхъ, и главнымъ образомъ для того, чтобы открыть сосцы для ожидаемаго потомства, а во вторыхъ, чтобы выдерганные волосы употребить на тепленькую и мягкую подстилку будущимъ дѣткамъ. Роды происходятъ спустя девять недѣль или 60—63 дней послѣ спариванія, обыкновенно въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Количество дѣтенышей колеблется между 3 и 12-ю; чаще всего въ гнѣздѣ находятъ 4—7 лисенятъ. По изслѣдованіямъ Пагенштехера они появляются на свѣтъ, слѣпыми и съ закрытыми ушами, имѣютъ въ высшей степени гладкую, короткую,

бурую шерстку, перемѣшанную съ желтоватыми и сѣроватыми на кончикахъ волосками, чалую, рѣзко выдѣляющуюся на лбу полосу, бѣлый кончикъ хвоста и маленькое, бѣлое, неясное пятнышко на груди; выглядятъ они крайне неуклюжими, неповоротливыми и вначалѣ развиваются очень медленно. Глаза у нихъ открываются только черезъ двѣ недѣли, но зато къ этому-же времени прорѣзываются уже все зубы. Мать обходится съ ними съ большою нѣжностью, первые дни не оставляетъ ихъ ни на минуту, а впоследствии если и уходитъ, то лишь въ позднія сумерки, весьма ненадолго и предварительно принявъ всевозможныя мѣры, чтобы скрыть ихъ присутствіе.

Черезъ мѣсяцъ или полтора послѣ своего рожденія хорошенькіе маленькіе хищники, покрытые красновато-сѣрою шерсткою, отваживаются въ тихое время выходить изъ норы, чтобы погрѣться на солнышкѣ и поиграть на просторѣ другъ съ дружкой или съ матерью, всегда готовой къ ихъ услугамъ. Эта послѣдняя въ избыткѣ приноситъ имъ пищу и уже съ самаго начала приучаетъ ихъ къ живности, заставляя ѣсть и даже ловить мышей, птичекъ, лягушекъ и жуковъ. Въ это время лисица дѣлается еще осторожнѣе; во всякой бездѣлицѣ она готова видѣть опасность для своихъ дѣтенышей и при малѣйшемъ шумѣ уводитъ ихъ назадъ въ нору, а если чувствуетъ преслѣдованіе, то тащитъ ихъ во рту въ другую нору; даже въ моментъ самой серьезной опасности она торопится схватить дѣтеныша, чтобы донести его до безопаснаго мѣста. Исследователю нѣрѣдко удается наблюдать играющее семейство. Когда лисенята немного подрастутъ, они любятъ въ хорошую погоду утромъ и вечеромъ лежать у входа въ нору и поджидать здѣсь возвращенія матери: если сей послѣдней случится замедлить, дѣтки начинаютъ лаять и этимъ, конечно, выдаютъ охотникамъ свое присутствіе. Въ концѣ іюля юныя лисенки становятся способными принимать участіе въ материнской охотѣ, а иногда и самостоятельно отправляются на ловлю зайчатъ, маленькихъ мышей, птичекъ или чего-нибудь другого, не пренебрегая и жукомъ. Въ концѣ іюля дѣтеныши совѣмъ покидаютъ нору и отправляются вмѣстѣ съ матерью на хлѣбныя поля, которыя сулятъ имъ богатую добычу и обезпечиваютъ полнѣйшую безопасность. Когда жатва опустошитъ поля, они перемѣщаются въ густые кустарники, въ степи, въ тростниковыя чащи и упражняются здѣсь уже въ настоящихъ разбояхъ; позднюю осенью они, наконецъ, окончательно отдѣляются отъ матери и начинаютъ свою самостоятельную жизнь.

Ленцъ сообщаетъ наблюденія, блестящимъ образомъ доказывающія материнскую любовь старыхъ лисицъ. «19 апрѣля 1830 г. егеръ г-на фонъ-Мергенбаума изъ Нильстейма, въ сообществѣ съ капитаномъ Деслохъ, съ придворнымъ садовникомъ Рессердемъ и нѣкоторыми другими, раскопалъ нору съ маленькими лисенятами. Послѣ того, какъ чуткая такса открыла эту нору, а стрѣлки заняли мѣста у входа въ нее, охотники принялись сильно стучать по тому мѣсту, гдѣ засѣла лисица и тѣмъ заставили ее рѣшиться выдти изъ норы, чтобы спастись бѣгствомъ. Несмотря на опасность, лисица не забыла о своихъ маленькихъ, одного изъ нихъ взяла въ зубы, проскочила мимо сторожившей входъ собаки, выскочила изъ норы и даже тутъ не выронила своего дѣтеныша, хотя надъ ея головой просвистѣло сразу нѣсколько выстрѣловъ, впрочемъ не попавшихъ въ цѣль». Экитремъ, шведскій натуралистъ, приводитъ другой примѣръ материнской любви у лисицъ. «Вблизи одного имѣнія находилось гнѣздо лисицы, у которой были дѣтеныши. Управляющій устроилъ было охоту на старыхъ лисицъ, но она не удалась; тогда онъ собралъ работниковъ, чтобы раскопать нору. Двое дѣтенышей были при этомъ убиты, а третьяго управляющій взялъ во дворъ, надѣлъ ему ошейникъ и привязалъ къ дереву, подъ окномъ своей комнаты. Дѣло это происходило вечеромъ. Утромъ

слѣдующаго дня, какъ только работники встали, одинъ изъ нихъ былъ посланъ посмотрѣть, въ какомъ положеніи находится привязанная лисичка. Оказалось, что она стояла на прежнемъ мѣстѣ съ печально понуренной головой, только передъ самымъ ея носомъ лежалъ жирный индюкъ съ отъѣденной головой. Позвали для объясненія птичницу, и та со слезами на глазахъ призналась, что забыла съ вечера загнать индюковъ. Разслѣдованіе дѣла показало, что въ продолженіи ночи старая лисица задушила 14 индюковъ, растерзанные трупы которыхъ валялись по всему двору и вокругъ дома; одного-же изъ нихъ она снесла на обѣдъ своему прикованному дѣтенышу».

Пока жива самка, самецъ нисколько не тревожится объ участи своего потомства, происхожденіе котораго, принимая во вниманіе полигамію, господствующую въ ихъ родѣ, онъ не можетъ взять исключительно на себя. Въ то время какъ самка всецѣло поглощена заботами о прокормленіи своего многочисленнаго потомства и доходитъ до безразсудной наглости, нападая среди бѣлаго дня и на глазахъ взбѣшеннаго хозяина на мирно плавающихъ въ прудѣ утокъ, вырывая изъ подъ носа собаки куропатку или изъ подъ самага дула охотничьяго ружья преслѣдуемаго зайца, или-же выкрадывая въ присутствіи самой матери молодю косялю,—въ это время самецъ преспокойно себѣ рыскаетъ по лѣсамъ и полямъ и только тогда, по свидѣтельству Адольфа Мюллера, появляется у норы, когда устроенная тамъ самкою бойня слишкомъ ужъ соблазнительно дразнить его обоняніе своими лакомыми явствами, которыя онъ безъ всякой церемоніи крадетъ. Такимъ образомъ о помощи его въ хлонатливомъ дѣлѣ воспитанія дѣтенышей и рѣчи быть не можетъ, если не считать его игръ съ маленькими, въ которыя онъ иногда пускается, чувствуя себя въ хорошемъ расположеніи духа. Напротивъ, другія наблюденія, въ достовѣрности которыхъ нельзя сомнѣваться, указываютъ, что лисица—самецъ такъ-же заботливо относится къ осиротѣлымъ дѣтенышамъ, какъ и самка и, слыша жалобный лай голодныхъ звѣрковъ, участливо приноситъ имъ пищу.

Въ доброжелательствѣ, съ которымъ старыя лисицы обонхъ половъ относятся къ молодымъ, осиротѣлымъ и—что важно отмѣтить къ здоровымъ лисенятамъ, проявляется благородная черта характера этихъ животныхъ, которыхъ не безъ основанія считаютъ обыкновенно въ высшей степени эгоистичными. «Къ одной старой, совершенно ручной самкѣ», рассказываетъ Бекманъ, «которая была посажена въ башнѣ, я принесъ въ проволочной клѣткѣ трехъ маленькихъ лисенятъ. Лишь только лисица замѣтила ихъ, какъ стала возбужденно помахать хвостомъ, забѣгала взадъ и впередъ и всячески старалась достать клѣтку. Такъ какъ я не совсѣмъ довѣрялъ ей, то велѣлъ клѣтку отодвинуть дальше. Придя къ нимъ вечеромъ во время кормленія, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что лисица бѣгаетъ взадъ и впередъ съ кускомъ лошадинаго мяса во рту, визжитъ, но не ѣстъ своего корма. Когда я спустилъ ее съ цѣпи и затѣмъ растворилъ клѣтку, то она моментально проскользнула туда, выронивъ второняхъ кусокъ изо рта. Первая минута встрѣчи прошла въ недоумѣвающимъ созерцаніи другъ друга, при чемъ звѣрки усталились одинъ на другого съ разинутыми ртами, затѣмъ началось болѣе близкое ознакомленіе посредствомъ взаимнаго обнюхиванія, послѣ котораго вдругъ поднялась веселая возня, сопровождавшаяся непрерывнымъ помахиваніемъ хвоста. Конца этому бурному веселью, кажется, не предвидѣлось скоро, но вотъ маленькіе лисенята, почувшій въ лисицѣ мать, стали такъ назойливо теревить ее, разыскивая своими остренькими зубками соски, что она разсердилась и начала сильно скрестись въ дверь, чтобы выйти изъ клѣтки. Съ этихъ поръ она уже не выказывала больше

желанія входить во внутренность клѣтки; тѣмъ не менѣе, когда ей приносили вечернюю порцію корма, она сѣдала только малую часть его, а съ большимъ кускомъ начинала возбужденно расхаживать по цѣпи кругомъ. Стоило только спустить ее съ цѣпи, какъ она въ два прыжка была уже у клѣтки маленькихъ лисицъ, клала какъ можно ближе къ рѣшеткѣ свой кусокъ мяса и, успокоенная, возвращалась на свое мѣсто. Но мѣръ того, какъ лисенята выростали, вниманіе ся къ нимъ ослабѣвало».

«У одного моего друга сѣждала только-что пойманная маленькая лисичка и въ продолженіи цѣлой недѣли безслѣдно пропадала. Нашлась она совершенно случайно, въ обществѣ другой взрослой лисицы: въ дальнемъ, глухомъ углу довольно большого сада держали на цѣпи ручного самца — лисицу, котораго однажды вечеромъ застали играющимъ съ маленькою лисичкою; это и былъ пропавшій звѣрекъ. Пугливая лисичка, завидя приближавшагося человѣка, моментально ныгнула въ будочку, служившую убѣжищемъ старой лисицы, а эта послѣдняя заняла позицію у самаго входа и не допускала подойти близко къ будкѣ. Двѣ недѣли обѣ лисицы прожили въ большой дружбѣ, но затѣмъ маленькая лисичка вдругъ куда-то исчезла и больше ужъ не возвращалась къ своему нѣжному воспитателю».

Пойманныя молодыми лисички не представляютъ затрудненія въ ихъ воспитаніи, такъ какъ онѣ довольствуются обыкновеннымъ кормомъ ценятъ и охотно идутъ подъ покровительство добродушной суки, которая безрешительно подпускаетъ ихъ къ своимъ соскамъ. Если съ ними часто заниматься, то онѣ скоро ручнѣютъ и забавляютъ своею ловкостью и подвижностью.

«Изъ многихъ лисицъ, воспитанныхъ мною», рассказываетъ Ленцъ, «послѣдняя, самка, была самою ручною, потому что я взялъ ее къ себѣ очень маленькою: она только-что еще начинала ѣсть сама. Но и въ то уже время она отличалась особеннымъ задоромъ и горячностью, такъ что, когда ей давали какое-нибудь любимое кушанье, она начинала злобно ворчать, даже если никто не трогалъ ее, и съ остервенѣніемъ грызть дерево и солому вокругъ себя. Однако дружеское и ласковое обращеніе очень скоро сдѣлало ее настолько ручною, что она спокойно переносила, когда я вырывалъ изъ ея окровавленной пасти только-что загрызаннаго ею кролика и вмѣсто него совалъ ей въ ротъ свой палецъ. Она всегда съ большимъ удовольствіемъ играла со мною, даже когда сдѣлалась взрослою, сидно радовалась, когда я приходилъ къ ней, виляла хвостомъ, какъ собака, и съ визгомъ прыгала вокругъ меня. Не менѣе привѣтливо относилась она и къ постороннимъ: еще за 50 шаговъ она различала человѣка и, если тотъ заворачивалъ за уголъ, она громкимъ визгомъ звала его къ себѣ; этой чести не удаивался ни я, ни мой братъ, обыкновенно кормившіе ее, можетъ быть потому, что она хорошо знала, что мы и безъ этого придемъ къ ней. Если мимо проходила собака, будь-то большой песь или маленькая собачка, моя лисичка принималась прыгать съ возбужденно горѣвшимъ взоромъ и оскаленными зубами. Днемъ она была такою-же бодрою, какъ и ночью. Излюбленнымъ ея занятіемъ было грызть намазанные саломъ сапоги или валяться на нихъ. Вначалѣ я держалъ ее на свободѣ въ специально для нея устроенномъ хлѣвѣ. Когда я выпускалъ къ ней туда большого, задорнаго хомяка, она, сверкая глазами, тихо подкрадывалась къ нему и притаивалась, лежа на землѣ. Хомякъ нхтѣлъ, скалилъ зубы и со злобою набрасывался на лисицу; та ловко увертывалась, извиваясь скакала вокругъ хомяка или черезъ него и пользовалась всякимъ удобнымъ моментомъ, чтобы уцѣпнуть его то когтями, то зубами. Хомяку приходилось безпрестанно переворачиваться, накопецъ, вдоволь навоевавшись, онъ валялся на спину, чтобы имѣть возможность дѣйстви-

вать и когтями, и зубами. Лисица знала, что теперь ему не повернуться и обходить его кругом совсем близко; этот маневр заставлял хомяка вскочить, а хитрая лиса пользовалась моментом, схватывала его за шею и смертельно кусала. Если хомяку удастся забиться куда-нибудь в уголь, тогда лисице трудно добраться до него, но и тут она умѣет найти, чтобы достигнуть своей цѣли: она принимается дразнить хомяка и не отстает от него до тѣх поръ, пока онъ со злости не дѣлаетъ прыжка; тогда она набрасывается на него и схватываетъ какъ разъ въ то время, когда онъ касается земли.

«Однажды, когда моя лисичка выросла уже до половины своего настоящаго роста, но еще ни разу до того не извѣдала полной свободы, я воспользовался однимъ праздникомъ, когда собралось до 80-ти человекъ народу, и вывелъ ее на показъ публикѣ, посадивъ ее на край круглаго небольшого пруда, огороженнаго рѣшеткой. Заинтересованное общество тотчасъ-же обступило перила, окружающаго прудъ, и стало слѣдить за звѣркомъ; пораженная видомъ многочисленной толпы и незнакомой мѣстности, лисичка осторожно пробиралась по краю пруда, тревожнымъ взглядомъ выискивая себѣ для бѣгства свободное отъ публики мѣстечко; но всѣ перила были обставлены въ плотную; свободно оставалась только вода. Тогда ей пришло въ голову искать спасенія въ водѣ, и она храбро прыгнула съ берега, около 1 фута вышиною, на средину пруда, не вѣдая, что заманчивая стихія можетъ ее обмануть. Впрочемъ лисица нисколько не испугалась, когда вдругъ погрузилась въ воду, и тотчасъ-же стала дѣйствовать ногами, чтобы удержаться на водѣ до тѣх поръ, пока я ее оттуда не вытащилъ, послѣ чего она ловко отрянула свой мѣхъ отъ воды. Однажды, въ туманную ночь ей удалось выбѣжать изъ своего сарая, пробраться въ лѣсъ и къ слѣдующему дню очутиться въ Рейнгардсбрунненѣ; но здѣсь ее поймали, взяли и снова принесли ко мнѣ. Въ другой разъ, отправившись безъ позволенія гулять, она встрѣтилась въ лѣсу со мною и съ радостью прыгнула ко мнѣ на руки, такъ что я тутъ-же могъ унести ее домой. Въ третій разъ мнѣ пришлось разыскивать ее съ 16-ю мальчиками въ горныхъ садахъ Ибенхайнера. Когда мы окружили ее всей гурьбой, она не только не проявила никакого желанія послѣдовать за нами, но усѣлась на заборѣ съ подозрительной миной и смотрѣла оттуда на насъ съ полнымъ недоверьемъ. Я осторожно сталъ подходить къ ней, ласково разговаривая съ нею; но она пыталась отъ меня, какъ отъ чужого, въ уголь забора, гдѣ я и надѣялся подцѣпить ее. Я протянулъ уже руку и наклонился, чтобы взять ее, какъ вдругъ она перепрыгнула черезъ мою голову и удрала; однако, на разстояніи приблизительно 50-ти шаговъ, она остановилась и стала всматриваться въ меня. Тогда я разогналъ мальчиковъ, вступилъ съ нею въ переговоры, и черезъ нѣсколько минутъ лисица снова была въ моихъ рукахъ. Когда я въ первый разъ одѣлъ ей ошейникъ, она съ досады высоко подскочила, а когда онъ былъ совсемъ уже укрѣпленъ, моя лисица болѣзненно застонала и отчаянно завертѣлась на одномъ мѣстѣ, все изгибаясь, словно отъ мучительной боли въ животѣ; и послѣ того цѣлые дни ничего не ѣла и не пила. Разъ какъ-то я выпустилъ къ ней въ сарай большого кота; при видѣ его лисица совсемъ обезумѣла отъ страха: запыхтѣла, зафыркала, вся оцѣпилась и высоко подпрыгивала на мѣстѣ,—однимъ словомъ, держала себя какъ отчаянная трусиха. За то со мною лично она замѣтно храбрилась и когда я ее, разъ, слишкомъ раздражилъ, она хватила меня за руку, за что и получила оплеуху; разозлившись, она укусила вторично, опять жъ ей далъ затрещину, а когда она въ третій разъ пустилась на то-же, я уже схватилъ ее за ошейникъ и вывелъ пруткомъ. Это ее окончательно взбѣсило и, видѣ себя отъ ярости, она готова была истерзать меня. Впрочемъ это

былъ всего единственный и исключительный разъ, когда она укусила преднамѣренно» *).

Интересную исторію о лисицѣ рассказываетъ Егерь, бывшій смотритель Финскаго зоологическаго сада. «Кума-лиса, героиня старинныхъ басенъ и сказокъ и злѣйшій врагъ всего, что летаетъ и ползаетъ, въ зоологическихъ садахъ играетъ собственно жалкую роль. Такъ какъ этотъ хищникъ не легко поддается правильному воспитанію и ему невозможно предоставить извѣстнаго простора, то лисѣ обыкновенно запраютъ въ подходящую для нея клетку, и результаты этого одиночества бывають такіе-же пагубные, какъ когда преступника сажаютъ въ одиночное заключеніе. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ вырваться на свободу, лисица равнодушно мирится со своей судьбой. Душевныя ея способности мало-помалу теряють свою воспримчивость и она цѣлые дни готова сидѣть погружившись въ тихую задумчивость, безучастно смотрѣть на всякаго ротозѣя, подходящаго къ ея клеткѣ, и съ примѣрною покорностью, какъ истый философъ, переносить свою неволю. Это хитрое, изобрѣтательное по части выдумокъ и даже остроумное созданіе представляетъ собою вѣрнѣйшее олицетвореніе осужденнаго на одиночное заключеніе преступника, который слишкомъ гордъ для того, чтобы раскрывать свои душевныя страданія передъ посторонними. Поэтому я испытываю всегда тяжелое чувство, когда мнѣ въ садъ приносятъ это созданное для свободы существо съ просьбою взять его подъ надлежащій надзоръ. Мнѣ кажется тогда, что я становлюсь въ положеніе тюремщика и много разъ я предпочиталъ всадить бѣднягѣ пулю въ голову, чѣмъ ежедневно читать въ его взорѣ упрекъ въ томъ, что тяжелымъ плѣномъ я гублю смысленность рожденнаго для свободы существа.

«Наплывъ такихъ горестныхъ ощущеній побудилъ меня однажды бросить бѣднягу-лису въ помѣщеніе медвѣдей. Я не могъ больше переносить ея укоризненнаго безучастнаго взора и рѣшилъ вырвать ее изъ одиночнаго заключенія хотя-бы цѣною ея жизни. Если она дѣйствительно была такою, какою характеризовали ее,

*) Въ дополненіе къ рассказамъ о содержаніи лисицъ въ неволѣ, помѣщеннымъ у Брэма, позволяю себѣ рассказать о продѣлкахъ лисицы, жившей у меня въ 1874 году. Лѣтомъ, живя въ Финляндіи, мы купили трехъ лисенятъ, и воспитаніе ихъ было поручено моему сыну, тогда 10-ти лѣтнему мальчику. Звѣрки жили въ чужахъ, но ихъ иногда водили гулять на цѣпочкѣ, и сынъ мой часто ихъ купалъ въ озерѣ. Одну лисицу мы подарили, другая убѣжала, и изъ городъ съ нами переѣхала только одна лиса, которая уже порядочно подросла. Я тогда жилъ на Петербургской сторонѣ, въ домѣ, принадлежащемъ 2-ой воспитной гимназіи, и имѣлъ тамъ просторную квартиру. За моимъ кабинетомъ была небольшая комната, гдѣ стояли шкафы: мы туда и помѣстили лисицу, но долго ее держать тамъ оказалось невозможнымъ. Думалъ найти себѣ выходъ, она изгрызла дверь платянаго шкафа, ободрала внизу всѣ обои, а затѣмъ стала грызть и дверь комнаты; кромѣ того запахъ отъ нея былъ очень сильный. Скоро мы ее перевели на чердакъ и туда носили ей кормъ. Двухъ-этажный небольшой домъ нашъ стоялъ совсѣмъ отдѣльно и къ нему не примыкали никакія другія зданія. Лиса скоро нашла себѣ выходъ изъ чердака на крышу черезъ слуховое окно и, когда вышалъ свѣтъ, то большую часть дня проводила на крышѣ, устроила себѣ тамъ ходы подъ свѣгомъ и ловила воронъ и голубей. Охота эта велась удачно, что было видно по множеству перьевъ и костей. Служитель, носившій ей кормъ, убѣждалъ меня, что лисица нарочно кладетъ около слухового окна куски мяса изъ своего собственнаго корма, чтобы привлечь воронъ, а сама прячется на чердакѣ и бросается изъ своей засады на птицъ; самъ я, впрочемъ, этого не видалъ. Весною, когда свѣтъ сталъ, лисица продолжала прогуливаться по крышѣ и прохожіе могли на нее любоваться. Но въ дѣло вмѣшалась полиція: мнѣ было заявлено, что такой звѣрь можетъ спрыгнуть съ крыши и броситься на людей, и потому просили запереть лису. Не желая держать ее въ клеткѣ, я ее отдалъ въ С.-Петербургскій зоологическій садъ. Могу добавить, что во время пребыванія у насъ лисица нисколько не сдѣлалась ручною.

т. е. умѣющею принаравливаясь ко всякимъ обстоятельствамъ и находить себя выходъ изъ всевозможныхъ затрудненій, то и здѣсь, въ обществѣ грубыхъ медвѣдей, я думала, что она найдетъ себя соответствующее положеніе; если-же ей это не удастся, то не все-ли равно отчего умереть — отъ пули-ли револьвера или отъ зубовъ медвѣдя. Такимъ-то образомъ въ одинъ прекрасный день моя лисица, послѣ долгаго одиночнаго заключенія, очутилась въ просторной клѣткѣ съ медвѣдами. Въ первыя минуты она, по всей вѣроятности, чувствовала себя здѣсь такъ-же неловко, какъ изысканный городской франтъ среди непритязательныхъ гостей деревенской свадьбы. Но рѣшивъ про себя, что «трусить тутъ нечего», она, съ кокетствомъ франта, оправляющаго галстухъ, отряхнула свой пушистый мѣхъ и, за неимѣніемъ монокля, уставилась собственными глазами на четырехъ неуклюжихъ пентюховъ, въ обществѣ которыхъ неожиданно очутилась. Известно, что всѣ женщины вообще отличаются безмѣрнымъ любопытствомъ, а дурнушки притомъ еще являются настрояжайшими судьями и критиками всякой новой личности. Такъ и наша косоплая медвѣдица; не желая отставать отъ особъ своего пола въ присутствіи имъ отъ рожденія порока, она первая выдвинулась поближе осмотрѣть и обнюхать своего новаго красиваго гостя. Лисица съ невозмутимымъ спокойствіемъ выдержала этотъ осмотръ. Но когда та пошла дальше и съ подозрительнымъ видомъ приблизилась къ самой ей мордѣ, лисица провела ей зубами по лицу и выразительнымъ образомъ дала ей понять, что съ нею шутить нельзя. Медвѣдица смущенно обтерла себя морду лапой и продолжала стоять въ почтительномъ отдаленіи. Лиса между тѣмъ, не двигаясь съ мѣста, внимательно разслѣдовала мѣстность, намѣтила себя въ уголкѣ уютное мѣстечко и граціознымъ прыжкомъ сразу очутилась тамъ.

«Черезъ весьма короткое время все медвѣжье общество предстало передъ лисцей, чтобы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе. Очень комично было видѣть какъ четверо косматыхъ мишекъ, сомкнувшись полукругомъ, недоорымъ взоромъ осматривали прижавшагося въ уголъ тщедушнаго пришельца и все ближе и ближе надвигались на него. Въ лисицѣ не обнаруживалось ни малѣйшаго внутренняго волненія. Она спокойно смотрѣла въ лице своимъ противникамъ, и когда одинъ изъ нихъ вздумалъ было поближе придвинуть свою морду, то на носу его не замедлила появиться кровавая царапина. Тутъ косопалые мишки еще разъ доказали, что только бѣда научаешь мудрости: для того, чтобы убѣдиться, насколько ловкій пришелецъ обладаетъ умѣніемъ ужиться съ медвѣдами, всѣмъ четыремъ пришлось уйти съ расцарапанными носами. Но за то къ чести ихъ надо сказать, что такой урокъ скоро вразумилъ ихъ. Сердито ворча, они постепенно удалялись одинъ за другимъ, и лисица такимъ образомъ отвоевала себя полную свободу. Она беззаботно стала рыскать по всему помѣщенію, съ замѣчательнымъ спокойствіемъ изслѣдовала свое новое мѣстожительство и, остановивъ вниманіе на укромномъ мѣстечкѣ между двумя большими камнями, избрала его для своего дневнаго отдохновенія. Медвѣди, проученные опытомъ, оставили своего гостя въ покоѣ и предались другимъ занятіямъ, пока лиса приводила въ порядокъ свой мѣхъ.

«Черезъ нѣсколько дней она вполне освоилась со своимъ новымъ помѣщеніемъ и чувствовала себя тамъ совершенно какъ дома. При своей степенности она не находила нужнымъ вступать съ медвѣдами въ болѣе близкое сношеніе, а эти послѣдніе и подавно заблагодарасудили вполне предоставить чудака самому себѣ, вмѣсто того, чтобы снова ходить съ расцарапанными носами. Какъ мало беспокоилась лисица ихъ присутствіемъ, видно изъ того, что она нисколько не измѣнила своего образа жизни. Въ то время, какъ медвѣди цѣлый день находились въ хлопотахъ, она съ горделивымъ спокойствіемъ оставалась въ своемъ углу; ночью-же.

напротивъ, когда сожители ея спали глубокимъ сномъ, она ходила дозоромъ. Вообще она ни съ кѣмъ не сходилась и держала себя какъ какал-нибудь знатная персона, очутившаяся случайно среди мужичья. Такъ какъ она умѣла извлекать для себя пользу рѣшительно изъ всего, то и тутъ скоро овладѣла поставленнымъ въ помѣщеніи медвѣдей деревомъ, изъ котораго и сдѣлала себѣ мѣсто для отдохновенія. Несмотря на то, что природа не создала ее для лазанья, она все-таки ловко умѣла вспрыгивать на первый сучекъ и спала тамъ съ такою беззаботностью, какъ будто была полновластнымъ и исключительнымъ хозяиномъ кѣтви. Если случайно медвѣдю приходило желаніе подняться на дерево, лисица взбиралась выше, а когда медвѣдь доставалъ первый сукъ, то она съ поразительнымъ хладнокровіемъ прыгала ему на спину, а оттуда на полъ. Наступившіе зимніе морозы, проникшіе даже черезъ теплую шубу лисицы, еще разъ доказали, какъ это животное умѣетъ приспособливаться ко всякаго рода обстоятельствамъ. Такъ какъ медвѣди нисколько не способствовали удовлетворенію душевныхъ потребностей лисицы, то она постаралась извлечь изъ своихъ косматыхъ хозяевъ по крайней мѣрѣ хоть матеріальныя выгоды, и ночью, когда холодъ ужъ очень дожималъ ее, она пробиралась къ медвѣдямъ и съ полнымъ спокойствіемъ укладывалась среди храпѣвшихъ мишекъ, забираясь какъ можно глубже въ ихъ мѣхъ, словно это были не грозныя звѣри, а просто мѣховые мѣшки. Нахальство Лисы-Патриксѣвны до такой степени поражало флегматичныхъ господъ Топтыгинныхъ, что они, не желая заводить ссоры съ безстыдницей, покорно предавались неизбежной судьбѣ и безпрекословно изображали изъ себя подушки и матрацы для ловкой прониры. Всего интереснѣе было то, что во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ разнохарактерныхъ животныхъ, основанныхъ исключительно на выгодѣ, не составилось дружественнаго союза, какъ это принято понимать. Удовлетворившись доставленнымъ ей тепломъ, лисица нимало не интересовалась болѣе своими живыми грѣлками, и преспокойно возвращалась на свое постоянное мѣсто, гдѣ и проводила весь день какъ настоящій отшельникъ».

Лисица страшно ненавидитъ охотникамъ, почему ее преслѣдуютъ круглый годъ; для нея не существуетъ отдыха, такъ какъ ей не бываетъ никогда пощады. Ее убиваютъ изъ ружья, ловятъ въ капканъ, отравляютъ, выкапываютъ изъ ея скрытыхъ норъ и бьютъ дубинами, травятъ ее собаками, вытаскиваютъ изъ норъ скребаками и кленцами, однимъ словомъ стараются извести ее всякими средствами. У всѣхъ охотниковъ считается почему-то доказаннымъ, что лисица принадлежитъ къ самымъ вреднымъ животнымъ земного шара и потому должна быть стерта съ лица земли со всѣмъ своимъ потомствомъ. Вслѣдствіе этого самый честный охотникъ не остановится ни передъ какими средствами, какъ бы отвратительны они ни были въ принципѣ, если дѣло идетъ объ истребленіи лисицы. Съ точки зрѣнія охотниковъ, въ глазахъ которыхъ лѣса и поля представляютъ собою интересъ исключительно благодаря находящейся тамъ дичи, такое неумолимое, даже безчеловѣчное преслѣдованіе лисицы находитъ себѣ полное оправданіе; съ болѣе-же широкой точки зрѣнія дѣло является совсѣмъ другимъ. Такъ какъ лѣса и поля предназначены и поддерживаются не для однихъ косуль, зайцевъ, тетеревовъ, рябчиковъ, куропатокъ и фазановъ, но служатъ различнымъ болѣе важнымъ цѣлямъ, то вслѣдствіе этого лѣсоводамъ и агрономамъ должно быть вмѣнено въ обязанность по мѣрѣ возможности удалять въ своихъ округахъ все, что способствуетъ уменьшенію ихъ продуктивности и вообще приноситъ какой-нибудь вредъ. Никто, конечно, не станетъ серьезно утверждать, что одинъ изъ названныхъ видовъ дичи, населяющей наши поля и лѣса, могъ-бы приносить пользу: напротивъ того, всѣ они безъ исключенія причисляются

къ вреднымъ животнымъ. Правда, этотъ вредъ можно извинить имъ, не обративъ на него должнаго вниманія, но отрицать его ни въ какомъ случаѣ нельзя. Ктому-же причиняемыя лисицею ущербы среди лѣсной дичи весьма незначительны; несравненно выше слѣдуетъ ставить ея заслуги по истребленію мышей. Эти въ высшей степени вредныя грызуны служатъ, какъ уже раньше было замѣчено, ея главной пищей: она ловитъ ихъ не только для питанія, что ограничивалось-бы лишь 20—30 штуками въ день, вполне достаточными ей на обѣдъ, но больше для личнаго своего удовольствія, причеъ до смерти загрызаетъ ихъ и бросаетъ. Польза ея въ этомъ случаѣ неоспорима. Я-бы слишкомъ удалился отъ своего разсказа, если-бы сталъ оправдывать лисицу во всѣхъ тѣхъ погрѣшностяхъ, въ которыхъ она часто обвиняется, такъ какъ я знаю очень хорошо, что она не щадитъ ни одного слабого существа, съѣдаетъ многихъ полезныхъ птицъ, разграбляетъ ихъ гнѣзда, душитъ ихъ въ птичникахъ подобно кунѣ и учиняетъ много другихъ безчинствъ; но все это вполне искупается доставляемою ею пользою. Въ охотничьемъ районѣ она бываетъ дѣйствительно вредна, но въ лѣсахъ, нивахъ и поляхъ она приноситъ больше пользы, чѣмъ вреда; поэтому понятно, что охотникъ ненавидитъ ее и преслѣдуетъ, а сельскій хозяинъ заступаеся за нее.

Охота на лисицу доставляетъ охотнику необыкновенное удовольствіе. Чаще всего травятъ лисицу, дѣлая на нихъ облаву или стрѣляютъ въ нихъ на стойкѣ, приманивая ихъ подражаніемъ голосу молодого зайца или мыши, или убиваютъ въ свѣтлыя лунныя ночи изъ засады, выставляя приманкою падалъ. Иногда во время своихъ зимнихъ хищническихъ походовъ по занесеннымъ снѣгомъ полямъ лисица даетъ возможность къ необыкновенно заманчивой охотѣ. «Извѣстно», замѣчаетъ Гомейеръ, «что въ экинажѣ къ ней можно подѣхать на столько близко, чтобы успѣшно натравить на нее борзыхъ собакъ; но случаи, когда ее убиваютъ прямо изъ саней, бывають очень рѣдки и поэтому интересны. Лисицу обѣзжаютъ сначала широкими, а потомъ все болѣе болѣе суживающимися кругами; хитрый разбойникъ ложится наконецъ плашмя на землю и подпускаетъ подѣхать къ нему на ружейный выстрѣлъ, въ надеждѣ, что его не увидятъ. Мнѣ лично удалось однажды убить лисицу при такихъ-же обстоятельствахъ: она была уже ранена, но все-таки отлично могла бѣжать, я обѣхалъ ее въ саняхъ во второй разъ; она легла тогда на землю и лежала такъ долго, что я могъ зарядить ружье и такимъ образомъ убить ее». Охотятся также на лисицу въ лѣсу съ собаками, причеъ загонщиковъ вообще не употребляютъ, и на главныя тропинки ставятъ хорошихъ стрѣлковъ. Раненая выстрѣломъ лисица рѣдко подаетъ голосъ; напротивъ, въ это время случается иногда видѣть съ ея стороны чисто героическіе поступки. Разъ Винкель раздробилъ пулей лисицѣ переднюю ногу подъ самой лопаткой. Когда она бѣжала, эта нога все время была ее по головѣ; выведенная изъ терпѣнія, она обвела мордой вокругъ ся, быстро откусила ногу и умчалась впередъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Вообще лисица отличается замѣчательною живучестью. Извѣстно много примѣровъ, когда лисицы, считавшіяся мертвыми, внезапно снова вскакивали и убѣгали, или кусали людей, несшихъ ихъ долгое время, какъ убитыхъ. Виндунгенъ видѣлъ, какъ одна лисица, съ которой содрали шкуру уже до самыхъ ушей, сильно укусила за палецъ того, кто производилъ на нея эту операцію. На трехъ ногахъ раненая лисица бѣгаетъ такъ-же скоро, какъ и на четырехъ; случалось, что онѣ убѣгали даже тогда, когда были приторочены за заднія ноги, какъ это обыкновенно дѣлають съ подстрѣленными зайцами.

Живые лисицы ловятъ всевозможнаго рода ловушками, но чаще всего въ желѣзные капканы, быстро захлопывающіеся, какъ только звѣрь схватитъ висящій кусокъ приманки. Уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ ставить капканы,

нужно класть на определенное мѣсто приманку, чтобы лисицу приучить къ этому. Если она въ продолженіи нѣсколькихъ ночей брала приманку, то капканъ можно ставить, вычитивъ его предварительно и смазавъ чѣмъ-нибудь обладающимъ соблазнительнымъ для лисицъ запахомъ: въ капканъ кладутъ свѣжую приманку, подвѣшиваютъ висящій кусокъ и старательно закрываютъ его. «Певѣроитно», говоритъ Винкель, «съ какой осторожностью идетъ лисица къ тому мѣсту, гдѣ разставлены для нея ловушки. Я имѣлъ удовольствіе быть свидѣтелемъ, какъ однажды въ зимній морозный день ловили капканомъ лисицу. Только что начало смеркаться, когда голодная лисица приближалась къ капкану. Старательно и не подозрѣвая ничего дурного, брала она самыя дальніе куски приманки, удобно располагалась для ѣды ихъ и помахивала хвостомъ. Но чѣмъ ближе подходила она къ мѣсту, гдѣ былъ капканъ, тѣмъ становилась все осмотрительнѣе; прежде чѣмъ взять кусокъ, она долго размышляла и нѣсколько разъ обходила кругомъ это мѣсто. Когда она добралась до послѣдняго куска, висящаго у самаго капкана, то сидѣла надъ нимъ по крайней мѣрѣ минутъ десять, жадно пожирая его глазами, но не рѣшалась схватить, прежде чѣмъ нѣсколько разъ не объѣгала все пространство кругомъ. Наконецъ, убѣдившись, невидимому, въ кажущейся безопасности, она снова подошла къ капкану, протянула за кускомъ переднюю лапу, но не могла его достать. Снова остановка, въ продолженіи которой она, какъ и раньше, не сводя глазъ, смотрѣла на оставившійся кусокъ. Наконецъ, какъ-бы съ отчаянія, она стремительно бросилась и въ одинъ моментъ желѣзное ожерелье охватило ея шею». Ко многимъ употребляющимся съ древнихъ временъ средствамъ истребленія лисицъ недавно присоединился еще ядъ. Имъ пропитываютъ падали или куски мяса, которые разбрасываютъ для голодной лисицы въ суровое зимнее время, и средство это въ большинствѣ случаевъ даетъ отличные результаты. Бѣдная кумушка, изморенная голодомъ, безъ всякихъ размышленій хватается кусокъ и тутъ-же вскорѣ умираетъ отъ яда.

Въ Англіи, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ удобно ѣздить верхомъ, не дозволено ловить, убивать или выкапывать лисицу изъ ея норы. Тамъ уже съ конца прошлаго столѣтія травля лисицъ сдѣлалась національнымъ спортомъ, — причѣмъ выслѣживание и охота ведется при участіи особенныхъ породистыхъ и выдрессированныхъ собакъ; во время травли намѣченное поле объѣзжаютъ вдоль и поперекъ и если встрѣтятся на пути препятствія, то ихъ, смотря по ловкости ѣздока и лошади, или прямо берутъ, или объѣзжаютъ. Задача травли — первому подкакавать къ убитой лисицѣ, причѣмъ триумфаторъ получаетъ въ качествѣ трофея хвостъ затравленного звѣря. Въ прежнія времена богатые помѣщики интересовались охотою гораздо болѣе, чѣмъ теперь, и поэтому не останавливались передъ издержками, чтобы содержать большія, дорого стоящія, хорошо выдрессированныя для охоты своры собакъ; въ настоящее-же время организаціей этого дѣла заведуютъ не отдѣльныя лица, а цѣлыя общества, которые и несутъ на себѣ все издержки по охотѣ. Велѣдствіе этого своры собакъ значительно увеличилось, но отведенныя въ распоряженіе охотничьяго общества участки земли становятся годъ отъ году меньше.

Лучшимъ временемъ для травли лисицъ считается зима, съ ноября мѣсяца до февраля. Смотра по ретивости собачьихъ своръ, поле обходятся отъ трехъ до пяти разъ въ каждую недѣлю, и участники охоты, какъ мужчины, такъ и женщины, собираются въ назначенномъ мѣстѣ, гдѣ выслѣжена лисица. Несмотря на все искусство охотниковъ и умное веденіе дѣла, случаются иногда и неудачи на травлѣ, но тѣмъ не менѣе главная цѣль охоты — удовольствіе — достигается рѣшительно всегда: возбужденная быстрою ѣздою кавалькада весело несется по полямъ, и маленькія несчастія, случающіяся при этомъ, служатъ только къ усилению веселаго настроенія

въ обществѣ; серьезныя-же бѣды почти всегда предотвращаются. Не только у себя, на родинѣ, но и вездѣ, гдѣ встрѣчается къ тому возможность, даже, напр. въ Индіи, англичане съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ вводятъ травлю лисицъ. Занятіе это распространено также въ Америкѣ и по всей Европѣ.

Оскаръ фонъ-Левисъ сообщаетъ слѣдующую интересную исторію о травлѣ лисицы, которая была ему разсказана графомъ Бергомъ, племянникомъ и наследникомъ покойнаго намѣстника Царства Польскаго: «Однажды осенью 187... г., живя подъ Варшавою въ прекрасномъ имѣніи нашего дяди, мы, т. е. мои два брата и я, затравили, при участіи образцовой своры дядиныхъ собакъ, лисицу и взяла ее живьемъ, такъ какъ намъ удалось, быстро спрыгнувъ съ лошадей, спасти ее отъ зубовъ разъяренныхъ собакъ. Лисица была заключена въ подвалѣ замка. Когда мы на слѣдующій день сидѣли за завтракомъ, въ столовую вбѣжалъ запыхавшійся лакей и доложилъ, что лисица сейчасъ выскочила изъ подвального окна и стремглавъ побѣжала по направленію къ городу. Мы бросились въ конюшни, вскочили на неосѣданныхъ лошадей и понеслись, предшествуемые сворою собакъ, которыхъ выпустили изъ сарая. Съ шумомъ ворвались мы въ городъ, имѣя уже въ виду скачущую впереди насъ лисицу. Такимъ образомъ мы пронеслись по нѣсколькимъ улицамъ; наконецъ лисица съ отчаяніемъ бросилась въ открытое окно нижняго этажа женскаго монастыря. Послѣ нѣкотораго колебанія со стороны монахинь, крѣпкіе ворота монастырской ограды растворились передо мною, какъ передъ племянникомъ намѣстника. Въ скоромъ времени обнаружилось, что лисица заползла въ каминную трубу; но хоть мы и ввели туда длинный хлыстъ, однако не могли достать ее и вынуждены были послать казака за трубочистами, которые только послѣ долгаго разыскиванія отыскали лисицу забившуюся за второе колѣно стѣнной трубы; достать ее оттуда можно было не иначе, какъ взломавъ стѣну въ кельѣ монахини. Послѣ короткаго любезнаго переговора съ настоятельницею монастыря, наши неугомонные охотники проникли въ келью, заставили камельщиковъ разломать стѣну, и смущенная лиса, вся черная отъ сажи, была съ триумфомъ вытащена, помолована, благодаря просьбамъ благочестивыхъ монахинь, и выпущена въ ближайшемъ лѣсу на желанную свободу».

Въ прежнія времена выкапывали лисицъ изъ норъ, чтобы доставить высокопоставленнымъ особамъ забаву подбрасыванія этого звѣря на воздухъ. Для этого лисицъ приносили въ закрытый со всѣхъ сторонъ дворъ; здѣсь ихъ гоняли черезъ узкія и длинныя сѣти, которыя съ одной стороны держалъ мужчина, а съ другой дама. Середина сѣтей лежала на землѣ, и черезъ нихъ лисицы должны были пробѣгать. Какъ только одна изъ нихъ попадала сюда, сѣти быстро натягивали, животное летѣло вверхъ и со всего размаху падало на землю, а то такъ и на господина или на даму, или-же на другія сѣти, и т. д. Когда игра въ подбрасываніе лисицы происходила на открытомъ мѣстѣ, то его огораживали натянутымъ полотномъ и дѣлали нѣсколько проходовъ, черезъ которые гнали лисицъ въ сѣти. «Почтенные господа», говоритъ Флеммингъ, «съ удовольствіемъ смотрятъ на подбрасываніе, забавляясь разнообразными воздушными прыжками и пируэттами лисицъ и зайцевъ, а также паденіемъ и спотыканіемъ самихъ кавалеровъ и дамъ, которые все являются разодѣтыми въ зеленныя, шитыя золотомъ и серебромъ платья. Лисицъ и зайцевъ подбрасываютъ различнымъ способомъ, такъ, чтобы они описывали въ воздухѣ самыя удивительныя фигуры, что доставляетъ господамъ безмѣрное удовольствіе. Когда забава приходитъ къ концу, выпускаютъ поросятъ, которые производятъ у дамъ подъ фижками такую суматоху, что нельзя и описать».

«Когда умирает лисица, то остается мѣхъ», говорит старинная нѣмецкая охотничья поговорка, которая и по настоящее время имѣетъ свой смыслъ. Мѣхъ обыкновенной лисицы въ Германіи рѣдко употребляется на шубы; онъ больше расходуется въ Польшѣ, Россіи, Турціи и по всей Сибири. Шкура нѣмецкой лисицы, по Ломеру, цѣнится въ 4—7 марокъ, и Германія ежегодно доставляетъ ихъ больше 100,000 штукъ. Выше цѣнятся мѣхъ сѣверныхъ, такъ называемыхъ красныхъ лисицъ, которыя славятся своею красотою: въ Старомъ Свѣтѣ такія шкурки стоятъ 15—20 марокъ, а въ Новомъ—8—15 марокъ. Крестовки, вѣроятно ублюдки красной и черно-бурой лисицъ, имѣющія темно-рыжій мѣхъ съ болѣе или менѣе ясно отмѣченнымъ темнымъ крестомъ на спинѣ, стоятъ даже 30—50 марокъ; но въ самой высокой цѣнѣ стоятъ лисицы, извѣстныя подъ именемъ черно-бурыхъ: онѣ стоятъ 500—1000 марокъ, а иногда и еще дороже. Лучшіе мѣха доставляются изъ мѣстностей, прилегающихъ къ Гудзонову заливу, и изъ Лабрадора, самые-же дешевые—изъ Сибири и Верхняго Кавказа.

Въ настоящее время крайне рѣдкій экземпляръ черно-бурой лисицы находится въ зоологическомъ саду Пинкертъ въ Лейпцигѣ.

Мы пользуемся отъ лисицы только ея мѣхомъ; предки-же наши утилизировали все животное со всѣми его отдѣльными частями, приписывая ему всякія цѣлебныя свойства. Я считаю совершенно бесполезнымъ распространяться здѣсь еще разъ о тѣхъ шарлатанствахъ, которыя практиковались въ XVII столѣтіи; скажу только, что трупъ лисицы, по мнѣнію знахарей того вѣка, могъ замѣнить всѣ употребляющіяся въ настоящее время лѣкарственныя средства.

Кромѣ человѣка лисица имѣетъ еще много другихъ враговъ. Не только волкъ ловитъ и съѣдаетъ ее, но также сильно ненавидятъ ее собаки и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы растерзать ее. Замѣчательно, что беременная или кормящая лисица часто щадится самцами-собаками и совѣмъ не преслѣдуются ими. Другія мелкокопитающія не могутъ вредить лисѣ; но между птицами она имѣетъ много очень опасныхъ враговъ. Ястребъ похищаетъ маленькихъ лисенятъ, холзанъ (*Aquila chrysaetos*) даже взрослыхъ, хотя ему отъ этого иногда плохо приходится. Чуди сообщаетъ такой случай: «одна лисица, пробѣгая черезъ глетчеръ, была съ быстротой молніи схвачена холзаномъ и поднята высоко на воздухъ. Но скоро хищникъ какъ-то странно хлопалъ крыльями и скрылся за скалой. Наблюдавшій поднялся вслѣдъ за нимъ и къ удивленію своему увидѣлъ, какъ мимо него стремглавъ промчалась лисица; по другую-же сторону онъ нашелъ умирающаго орла съ растерзанною грудью. Лисицѣ удалось вытянуть шею, схватить своего похитителя за горло и перегрызть его. Весело побѣжала она оттуда, но навѣрно во всю свою жизнь не могла забыть этого невольнаго воздушнаго путешествія». Среди другихъ классовъ животныхъ у лисицы нѣтъ враговъ, которые были-бы ей опасны; но зато есть такіе, которые страшно надѣждаютъ, какъ напримѣръ, блохи. Говорятъ, будто она избавляется отъ нихъ посредствомъ хорошаго кунанья, при чемъ въ ротъ себѣ беретъ пучекъ мха и стоняетъ туда блохъ, а затѣмъ мохъ этотъ выбрасываетъ; но подобную басню надо считать полнѣйшимъ вымысломъ.

Доказано, что лисицѣ свойственны почти всѣ болѣзни, которыми хвораютъ собаки, также и ужасная болѣзнь—бѣшенство. Извѣстны даже примѣры, что бѣшенная лисица среди бѣлаго дня являлась въ деревню и кусала тамъ всѣхъ, кто попадался ей по дорогѣ. По Ноллю болѣзнь эта является страшнымъ бичемъ и среди лисицъ, такъ какъ она охватываетъ громадныя пространства: такое бѣдствіе было въ Нассау въ 1823—66 годахъ и 1847—48 г., въ одномъ округѣ, простирающемся почти на 500 квадратныхъ километровъ; въ герцогствѣ Баденѣ, въ 1807 г. совершенно вы-

мерли всѣ лисицы, а съ 1866 г. стали все болѣе и болѣе учащаться случаи бѣшенства лисицъ въ Каринтіи.

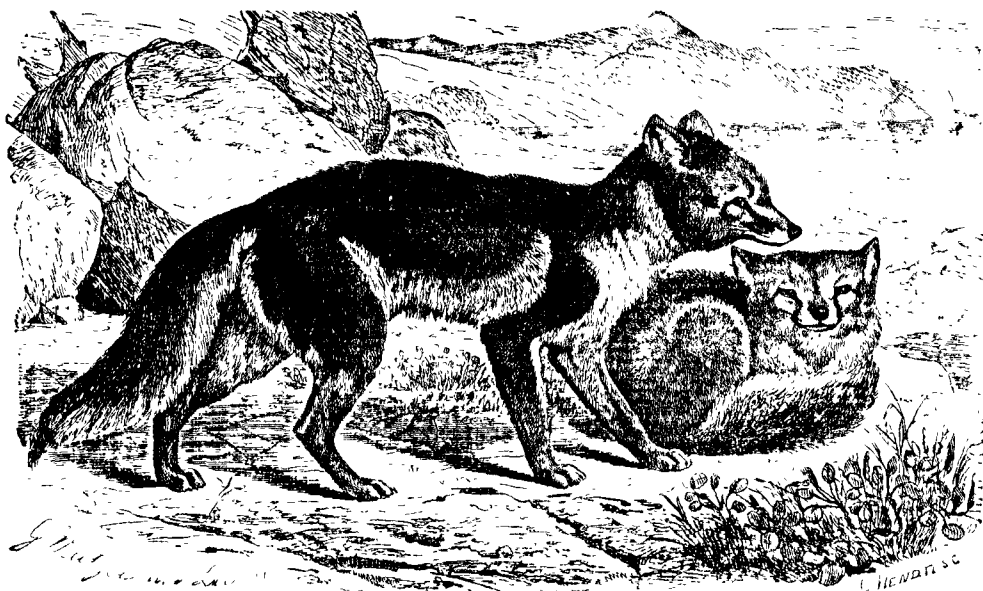
* * *

Въ животномъ царствѣ иногда попадаются родственные виды, которые чрезвычайно близко стоятъ другъ къ другу въ физическомъ отношеніи, въ духовномъ же рѣзко отличаются между собою. Однимъ изъ подобныхъ выродковъ является **полярная лисица** или **песець**, хотя состоящій въ близкомъ родствѣ съ лисицею, но рѣзко отличающійся отъ нея своимъ нравомъ и образомъ жизни; это одинъ изъ самыхъ простоватыхъ, назойливыхъ и глухихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хитрѣйшихъ членовъ лисьяго семейства.

Песець, **Полярная** или **Каменная лисица** (*Vulpes lagopus*, *Canis* и *Leucocyon lagopus*, *Vulpes fuliginosus*, *Canis isatis*. Polarfuchs. Isatis) отличается короткими кругловатыми ушами, низкими ногами, у которыхъ нижняя часть ступни, какъ и все остальное туловище, густо покрыты волосами, очень пушистымъ, густымъ хвостомъ и, наконецъ, особенною окраскою мѣха; peseць значительно меньше нашей лисицы, имѣетъ приблизительно 95 см. длины, изъ которыхъ добрая треть отходитъ на хвостъ. Лѣтомъ мѣхъ его бываетъ землисто-сѣраго цвѣта, а зимою—чисто бѣлосѣбнаго; попадаютъ, впрочемъ, песцы и съ темнымъ мѣхомъ. Вскорѣ послѣ линіянія, которое, смотря по родинѣ и мѣстожительству песца, происходитъ то въ началѣ, то въ концѣ лѣта, чаще-же въ іюнѣ мѣсяцѣ, вырастаютъ на верхней и наружной сторонахъ мѣха сѣровато-бурые волосы съ сѣрымъ, свинцовымъ и голубоватымъ оттѣнкомъ, на лицѣ-же и на нижней сторонѣ волосы совершенно бѣлые, и вмѣстѣ съ постепенно вырастающимъ такой-же окраски подшерсткомъ, составляютъ лѣтнее одѣяніе песца. Съ теченіемъ времени мѣхъ удлиняется и дѣлается гораздо гуще, соответственно постоянному росту волосъ, и къ началу осени становится очень густымъ. Тогда у бѣлой лисицы начинается постепенное перекрашиваніе этихъ волосъ. Отдѣльные кончики выцвѣтаютъ и становятся бѣлыми, но ихъ еще не такъ много, чтобы покрыть темную основную окраску, вслѣдствіе чего мѣхъ выглядитъ какъ-бы окрашеннымъ сѣрымъ цвѣтомъ. Линіяніе и перекрашиваніе между тѣмъ распространяется все дальше и дальше; мало-по-малу бѣлый цвѣтъ становится преобладающимъ, а затѣмъ и все одѣяніе дѣлается совершенно бѣлымъ, и только кое-гдѣ просвѣчиваетъ темный подшерстокъ. Постепенно и онъ линяетъ вмѣстѣ съ корнями ости, и къ началу зимы весь мѣхъ песца получаетъ бѣлосѣбную окраску. Ростъ и линіяніе волосъ у песцовъ, какъ и вообще у всѣхъ извѣстныхъ мнѣ дикихъ собакъ и хищныхъ животныхъ, стоитъ въ полной зависимости отъ погоды, замѣтно ускоряясь при рано наступающихъ холодахъ; однако для двойной мѣны волосъ, т. е. для двойного сбрасыванія и новаго выростанія ихъ, нѣтъ опредѣленнаго срока, какъ это показали мои внимательныя наблюденія надъ плѣнными песцами. Замѣчательно еще то, что одна полярная лисица, содержавшаяся въ неволѣ въ С.-Петербургѣ и жившая въ теплой комнатѣ, вылиняла и одѣлась въ свой бѣлосѣбный зимній нарядъ какъ разъ къ тому-же времени, когда его одѣваютъ и живущіе на свободѣ песцы.

Однако встрѣчаются и такіе песцы, которые не носятъ зимой блага одѣянія, но остаются въ томъ-же свинцово-сѣромъ мѣхѣ, какъ и лѣтомъ. Полагали, что ихъ слѣдуетъ отдѣлять въ особый видъ, основываясь при этомъ на нѣкоторыхъ другихъ отличительныхъ признакахъ, но эти примѣты такъ незначительны, что о строгомъ раздѣленіи ихъ на отдѣльные виды не можетъ быть и рѣчи, подобно тому, какъ не считаютъ за особые виды различныя разновидности лисицъ. Поэтому мы будемъ говорить о песцѣ, подразумѣвая при этомъ весь родъ полярныхъ лисицъ. Гренланд-

скіе эскимосы были совершенно правы, увѣряя Броуна, что часто находятъ бѣлыхъ самокъ съ голубоватыми и бѣлыми дѣтенышами, такъ какъ у маленькихъ песцовъ верхніе волоса еще не выросли, и поэтому окраска ихъ, по Ломеру, опредѣляется исключительно только подшерсткомъ, который можетъ быть какъ темнымъ, такъ и бѣлымъ; однако, никогда не случается находить голубыхъ самокъ съ бѣлыми дѣтенышами. Такъ какъ многія бѣлыя лисицы по крайней мѣрѣ на спицѣ сохраняютъ темный подшерстокъ, то лѣтомъ, когда не бываетъ бѣлыхъ верхнихъ волосъ, онѣ только немногимъ отличаются отъ голубыхъ лисицъ, при одинаковой степени линянія. Доказательство того, что бѣлыя и голубыя лисицы составляютъ особыя постоянныя разновидности, Ломерь видитъ въ томъ, что на Аляскѣ, откуда ежегодно доставляется почти 4000 шкуръ голубыхъ и почти столько-же бѣлыхъ лисицъ, голубые

Полярная лисица лѣтомъ, *Vulpes lagopus*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

мѣха бываютъ почти на ширину ладони больше и при томъ съ болѣе короткими и грубыми волосами, чѣмъ бѣлые.

Съ береговъ Гудзонова залива получается также ежегодно 10—12,000 бѣлыхъ лисицъ, но всего только 200 голубыхъ. Во всякомъ случаѣ надо считать ошибочнымъ то распространенное мнѣніе, что песцы лѣтомъ носятъ темное одѣяніе и называются тогда голубыми лисицами, а зимою представляютъ собою бѣлыхъ лисицъ. Стоитъ только припомнить ласку и горностаю, изъ которыхъ первая и зимою бываетъ рыжая, между тѣмъ, какъ второй весь бѣлѣетъ, чтобы видѣть въ нихъ наглядный примѣръ подобнаго-же явленія. Ошибочно также предположеніе Ньютона, что въ Исландіи водятся только голубыя лисицы; равнымъ образомъ не точны и сообщенія Мальмгрена о томъ, что на Шницбергѣ встрѣчаются исключительно бѣлыя лисицы. Лѣтомъ 1889 года эту область изслѣдовали Кюкенталь и А. Вальтеръ; къ сожалѣнію, какъ пишетъ Вальтеръ, имъ представилось очень мало случаевъ дѣлать наблюденія надъ песцами: «Мы тамъ видѣли только двухъ голубовато-черныхъ песцовъ, въ августѣ мѣсяцѣ. Въ началѣ іюня намъ пришлось наблюдать одного песца во время линянія: у него совершенно бѣлая шкура имѣла надъ крестцомъ черно-голубое сѣдло.

Къ сожалѣнiю мы не убили этой лисицы и потому не могли точно опредѣлить, была-ли это совершенная смѣна волосъ или только выпцвѣтанiе. Я слыхалъ, что на Шпицбергенѣ ловятся зимою также и голубыя лисицы, но ручаться за это не могу. За мое предположенiе говоритъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ въ началѣ iюня на юго-восточной странѣ острова мы встрѣтили еще совсѣмъ бѣлую лисицу только съ темнымъ крестомъ, въ маѣ, выше на сѣверѣ, именно въ Магдалиновомъ заливѣ, намъ попалась одноцвѣтная голубовато-сѣрая лисица, между тѣмъ линiяиe происходитъ на Шпицбергенѣ, въ чемъ согласны всѣ изслѣдователи, въ iюнѣ и въ iюльѣ». О встрѣчающихся въ восточной Гренландiи полярныхъ лисицахъ члены второй германской экспедиции въ сѣверныя полярныя страны говорятъ, что «полярныя лисицы (независимо отъ времени года) бываютъ въ большинствѣ случаевъ голубоватыми или сѣрыми, и замѣчаютъ при этомъ, что эти породы скрещиваются между собою», а въ другомъ мѣстѣ они сообщаютъ, что «въ началѣ ноябрю была доставлена первая черная лисица; этотъ великолѣпный звѣрь съ хитрой физиономiей былъ пойманъ въ ловушку». Подъ «черной лисицей» по всей вѣроятности они подразумѣваютъ темнаго песца.

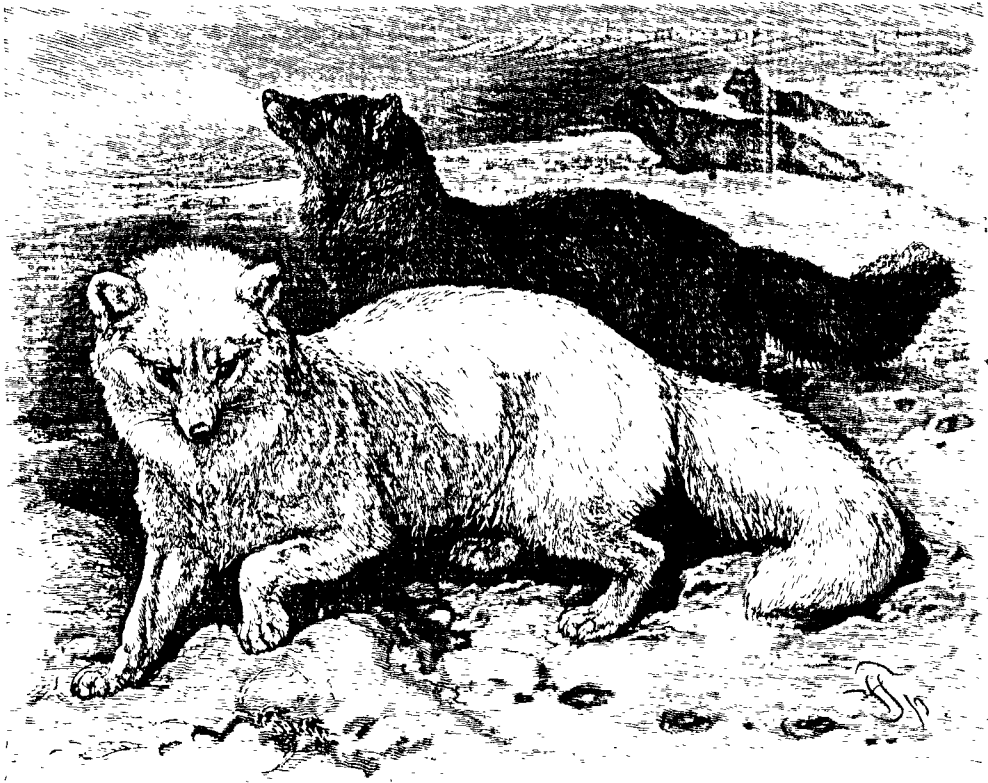
Мѣховщиками, по словамъ Ломера, рѣзко различаются шкуры голубыхъ и бѣлыхъ лисицъ и притомъ зимнiя отъ лѣтнихъ. Мѣхъ голубой лисицы пѣнится очень высоко: зимнiя шкурки стоятъ 100—200 марокъ, а лѣтнiя 20—40 марокъ, тогда какъ бѣлыя лисицы не превышаютъ стоимости 15—25 марокъ за зимнюю шкурку и 3—4 марки за лѣтнюю.

Какъ показываетъ само названiе ея, полярная лисица живетъ на крайнемъ сѣверѣ какъ въ Старомъ, такъ и Новомъ Свѣтѣ, встрѣчается одинаково часто и на островахъ, и на материкѣ. Предполагаютъ, что она распространена по всей сѣверной части земнаго шара, занесенная въ разныя полярныя страны льдинами; по крайней мѣрѣ полярныхъ лисицъ часто видѣли плавающими въ морѣ на подобныхъ естественныхъ плотахъ или-же находили ихъ въ поражающемъ множествѣ, какъ единственныхъ сухопутныхъ млекопитающихъ на островахъ Ледовитаго океана, значительно удаленныхъ отъ другихъ; поэтому можно допустить, что онѣ когда-нибудь были перенесены на льдинахъ. По доброй волѣ песецъ неохотно заходитъ на югъ дальне 60° сѣверной широты; только въ Сибири, въ видѣ исключенiя, его можно встрѣтить южнѣ этой широты. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ водится песецъ, онъ многочисленъ, но всего болѣе его на островахъ, откуда онъ не можетъ такъ легко переселиться. Поэтому всѣмъ сѣвернымъ народамъ онъ знакомъ очень хорошо.

Только при дурной погодѣ или когда онъ не считаетъ себя вполне безопаснымъ, песецъ удаляется въ ущелья скалъ или въ выкопанныя самимъ норы, откуда отваживается выходить только ночью, чтобы достать себѣ добычу; въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ ему и днемъ не приходится прятаться отъ человѣка, онъ не даетъ себѣ труда выкапывать норы и пещеры, а просто прячется между камнями, кустами и въ другихъ какихъ-либо скрытыхъ убѣжищахъ, откуда и подстерегаетъ себѣ добычу. Это—совсѣмъ неразборчивое въ пищѣ животное, могущее довольствоваться всѣмъ, что ни попадется; впрочемъ больше всего онъ любитъ охотиться за мышами, а стаи пеструшекъ способны преслѣдовать на самыя дальнiя разстоянiя, не останавливаясь ни рѣками, ни морскими проливами. Изъ пернатыхъ онъ ловитъ бѣлыхъ куропатокъ, зуйковъ, вообще береговыхъ и морскихъ птицъ и особенно бываетъ губителемъ для ихъ выводковъ. Кромѣ того песецъ поглощаетъ всѣхъ животныхъ, которыхъ выбрасываетъ море, къ какому-бы классу они ни принадлежали. Въ случаѣ нужды онъ ѣстъ даже изверженiя животныхъ, и т. п.,

или забирается въ людскія жилища и крадетъ тамъ все, что въ силахъ унести, даже совсѣмъ бесполезныя для него вещи. Если у него является избытокъ въ пищѣ, то часть ея онъ зарываетъ въ землю и по мѣрѣ надобности снова оттуда вытаскиваетъ; такимъ же образомъ онъ поступаетъ и тогда, когда боится быть застигнутымъ людьми. Наполнивъ свои кладовыя, онъ снова зарываетъ ихъ и такъ гладко выравниваетъ мордой, что ихъ почти невозможно замѣтить.

На Шницбергенѣ, по Ньютону, песецъ очень распространенъ. «Мы не только видѣли его много разъ», говоритъ упомянутый наблюдатель. «по близости скаль, на которыхъ гнѣздятся чистики, но и слышали также часто его тивкающій лай.

Полярная лисица зимою. *Vulpes lagopus*. 1/8 наст. вел.

Это самый опасный врагъ всѣхъ птицъ, населяющихъ островъ, и страхъ къ нему существенно вліяетъ на выборъ птицами мѣста для высидыванія яицъ. Чѣмъ продовольствуется песецъ, когда морскія птицы покидаютъ Шницбергенъ и остается только бѣлая куропатка,—это вопросъ, который кажется мнѣ однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ для опредѣленнаго отвѣта. Большая часть полярныхъ лисицъ живетъ на землѣ и проявляетъ свою дѣятельность одинаково какъ зимою, такъ и лѣтомъ, но на Шницбергенѣ не растетъ никакихъ ягодъ, которыя могли-бы поддерживать питаніе псаца, а въ открытомъ морѣ онъ тоже не много чѣмъ можетъ поживиться. Такимъ образомъ остается предположить, что онъ устраиваетъ себѣ запасы. Возможно, что множество раковинъ, которыхъ я нашелъ на моренѣ одного глетчера, въ скрытомъ углубленіи, составляли остатки подобнаго зимняго запаса псаца».

О псацахъ восточной Гренландіи даютъ сообщенія Конеландъ и Пайеръ:

«Полярная лисица, за рѣдкимъ исключеніемъ, не обладаетъ тою хитростью, которою такъ прославилась наша обыкновенная лисица, но крайней мѣрѣ на нашей памяти это животное оставило впечатлѣніе полнѣйшей безвредности, если не считать рѣдкихъ исключеній. Для молодыхъ утокъ, къ которымъ песецъ питается большую слабость, онъ весьма опасный врагъ. Полярная лисица живетъ всѣмъ тѣмъ, что можетъ достать, а зимою питается также мягкотѣлыми и другими морскими животными, которыя доставляются приливами и плавающими льдинами, разламывающимися у береговъ. Лѣтомъ пеструшки, повидимому, составляютъ ея главную пищу. Европейскій песецъ чуждается человѣка, гренландскій-же, напротивъ, доверчиво и простоудушно ищетъ его общества, такъ какъ всюду умѣетъ поживиться на счетъ людской простоты. Онъ первый сѣбнитъ поздравить охотника съ удачнымъ ловомъ и тутъ-же не преминетъ урвать кусочекъ въ свою пользу, стаивъ ночью съ саней окорокъ оленя. Онъ съ удовольствіемъ сопровождаетъ человѣка на охоту и въ почтительномъ отдаленіи бѣжитъ за его санями для того, чтобы потомъ, воспользовавшись его сномъ, разслѣдовать результаты охоты и нагло разграбить везомую добычу. Онъ съ умиленіемъ смотритъ на затертое льдомъ судно, потому что тамъ есть чѣмъ поживиться. Онъ настолько освоился съ ролью лизоблюда, что доходитъ до полнѣйшаго нахальства, отъ котораго трудно отдѣлаться. Онъ по цѣлымъ часамъ иногда гложетъ что-нибудь около раскинутой палатки, а когда песцовъ нѣсколько, то они ворчатъ другъ на друга отъ зависти и злости; когда человѣку это наконецъ надоѣстъ, и онъ выходитъ изъ палатки съ цѣлью разогнать докучныхъ животныхъ, то они и не думаютъ добромъ расходиться, напротивъ того, дерзко смотрятъ прямо въ глаза вышедшему, злобно лаютъ, когда въ нихъ стрѣляютъ и только нехотя удаляются, и то медленно и съ ропотомъ негодованія. Случается, что, побуждаемые любопытствомъ и какимъ-нибудь аппетитнымъ запахомъ, песцы, несмотря на выстрѣлы, бѣгутъ за бѣдущими санями по нѣсколько миль. Направленіе вѣтра значительно при этомъ вліяетъ на поведеніе лисицъ, какъ и медвѣдей, и т. п. Если погода тихая, безвѣтренная, то они упорно преслѣдуютъ свои планы и намѣренія, не боясь замерзнуть».

Песцовъ часто встрѣчаютъ цѣлыми обществами, но между ними однако нѣтъ большого согласія; напротивъ того, часто происходятъ кровавыя драки, представляющія довольно забавное зрѣлище. Во время этихъ схватокъ одинъ изъ песцовъ валитъ другого на землю, топчетъ его ногами и не выпускаетъ до тѣхъ поръ, пока вдоволь не натѣшится надъ нимъ. При этомъ дерущіеся кричатъ какъ кошки, при возбужденномъ-же состояніи издаютъ чистые, звонкіе звуки.

Душевные способности песца вовсе не ничтожны: но при наблюденіи ихъ образа жизни и нравовъ можно натолкнуться на такія противорѣчія, которыя приводятъ въ недоумѣніе относительно того, какъ объяснить тотъ или другой поступокъ животнаго. Съ одной стороны постоянно проявляемая хитрость, пронырство, ловкость обнаруживаютъ несомнѣнную смысленность, съ другой-же стороны песцы поражаютъ иногда такими безсмысленно-отважными выходками, какихъ не встрѣтить ни у какого другого животнаго. Въ этомъ я лично успѣлъ убѣдиться. Однажды вечеромъ мы встрѣтили одну изъ этихъ лисицъ въ Доврефельдѣ, въ Норвегіи, и семь разъ стрѣляли по ней изъ ружья, но не попали. Въмѣсто того, чтобы пуститься въ бѣгство, лисица слѣдовала за нами-же и шла позади въ продолженіи 20-ти минутъ, подобно тому, какъ ходятъ за своими господами хорошо пріученныя собаки, и отстала отъ насъ только тогда, когда кончились скалы. Ее не могли отогнать даже мѣтко брошенные въ нее камни, къ которымъ она отнеслась такъ-же равнодушно, какъ и къ просвѣтлѣвшимъ надъ ея головой пулямъ. Мой охотникъ рассказывалъ мнѣ, что онъ не разъ

ловить это животное прямо руками, потому что песецъ безъ всякаго стѣсненія подбѣгалъ къ нему и, съ любопытствомъ разсматривая, садился передъ нимъ. Разъ песцы съѣли у него оленью шкуру, подъ которой онъ лежалъ. Хижина его, стоявшая уединенно на горѣ, зимою часто подвергалась нападѣніямъ этихъ животныхъ, такъ что онъ долженъ былъ принять серьезныя мѣры предосторожности, чтобы избавиться отъ этихъ назойливыхъ гостей. Я упоминаю мелькомъ объ этихъ фактахъ главнымъ образомъ для того, чтобы доказать, что песецъ всюду остается вѣрнымъ самому себѣ.

Самое подробное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое интересное описаніе этого животного еще въ прошломъ столѣтіи сдѣлано Стеллеромъ. «На Беринговомъ островѣ изъ четвероногихъ животныхъ, живущихъ на сушѣ, попадаются одни только песцы, занесенные сюда, безъ сомнѣнія, плавающими льдинами; питаются они всѣмъ, что оставляетъ имъ море послѣ приливовъ, и размножились здѣсь въ несмѣтномъ количествѣ. Въ продолженіи нашего несчастнаго пребыванія на островѣ я имѣлъ случай основательно изучить нравъ этихъ животныхъ, въ наглости, хитрости и пронырствѣ значительно превосходящихъ обыкновенную лисицу. Они забирались въ наши жилища и днемъ, и ночью и таскали оттуда все, что могли увести, даже совсѣмъ безполезныя для нихъ вещи, какъ напр. ножи, палки, мѣшки, сапоги, чулки, шапки и т. п. Они съ такимъ невѣроятнымъ искусствомъ умѣли откатывать бочки съ мясомъ въ нѣсколько пудовъ изъ нашихъ запасовъ и вытаскивать оттуда содержимое, что вначалѣ намъ и въ голову не приходило считать ихъ виновниками пропажи. Когда мы сдирали шкуру съ какого-нибудь животного, то при этомъ приходилось почти всегда убить двухъ—трехъ песцовъ, потому что они рвали мясо изъ нашихъ рукъ. Какъ-бы старательно мы ни зарывали что-нибудь и хотя-бы при этомъ закладывали мѣсто камнями, песцы все-таки не только находили спрятанное, но даже сдвигали камни, наваливаясь на нихъ плечами, какъ это дѣлаютъ люди, и всѣми силами помогая другъ другу. Если, желая припрятать отъ нихъ, мы вѣшали какую-нибудь вещь высоко на столбѣ, то они подкапывали его, чтобы онъ упалъ, или-же одинъ изъ нихъ, подобно обезьянѣ или кошкѣ, взлѣзалъ на столбъ и сбрасывалъ оттуда съ необычайною ловкостью все, что тамъ было. Они слѣдили за всякими нашими поступками и всюду сопровождали насъ, мѣшая нашимъ занятіямъ. Когда море выбрасывало какое-нибудь животное, то они съѣдали его, прежде чѣмъ подойдетъ кто-нибудь изъ людей, нанося намъ этимъ большой ущербъ. Если всего сразу они не могли съѣсть, то остатки перетаскивали по частямъ на гору, тамъ зарывали на нашихъ глазахъ подъ камнями и бѣжали назадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока все не было перетаскано. При этомъ другіе песцы стояли на стражѣ и слѣдили, чтобы не подошелъ кто-нибудь; если они издали замѣчали приближавшагося человѣка, то вся стая соединялась въ кучу, и всѣ вмѣстѣ начинали рыть песокъ и закапывать въ него какого-нибудь калана или морского кота до тѣхъ поръ, пока и слѣда отъ животного не оставалось. Когда ночью мы спали въ полѣ, они стаскивали съ насъ шапки и крали перчатки изъ-подъ изголовья, а также бровья шкуры и кожи, служившія намъ одѣялами и подстилками. Если мы ложились прямо на только-что убитаго калана, чтобы они у насъ его не стащили, то это не удерживало песцовъ: они все-таки подходили и съѣдали изъ-подъ насъ все мясо и внутренности убитаго животного. Поэтому мы спали всегда съ палками въ рукахъ, чтобы отогнать ихъ и побить, когда они безпокоили насъ.

«Когда мы усаживались гдѣ-нибудь на дорогѣ, песцы поджидали насъ и въ это время выдѣлывали въ нашемъ присутствіи разныя штуки, становясь при этомъ

все болѣе и болѣе нахальными; пользуясь тѣмъ, что мы сидѣли спокойно, они подходили къ намъ такъ близко, что принимались грызть ремни, которыми были стянуты наши неуклюжіе самодѣльные сапоги, а иногда добирались и до самыхъ сапоговъ. Если мы притворялись спящими, они обнюхивали насъ, чтобы убѣдиться, живы мы или умерли; иногда мы нарочно задерживали дыханіе, тогда они хватили насъ за носъ и готовы были укусить. Когда мы только пріѣхали сюда и пока рыли могилы для нашихъ покойниковъ, песцы успѣли отѣсть имъ носы и пальцы на ногахъ и на рукахъ; то-же самое они намѣревались сдѣлать съ больными и слабыми, такъ что мы едва успѣли отогнать ихъ. Разъ одинъ матросъ всталъ на колѣни на порогѣ хижины и началъ мочиться; песцы стали кусать обнаженные части его тѣла. Никто не могъ ходить за большой нуждой, не запасшись палкою, и песцы съ жадностью пожирали испражнения, какъ свиньи и голодные собаки. Каждое утро мы видѣли, какъ эти безстыдные животныя бѣгали вокругъ лежащихъ на берегу тюленей и морскихъ котовъ и обнюхивали спящихъ, желая убѣдиться не мертвы-ли они; если-же находили между ними мертвого, тотчасъ-же принимались рвать его, волоча изъ стороны въ сторону. Такъ какъ тюлени часто душать во снѣ своихъ дѣтенышей, то песцы, какъ-бы зная это, каждое утро изслѣдовали всѣхъ тюленей и, словно живодеры, вытаскивали мертвыхъ дѣтенышей.

«Вслѣдствіе того, что песцы не давали намъ покоя ни днемъ, ни ночью, мы такъ были озлоблены противъ нихъ, что не только убивали какъ старыхъ, такъ и малыхъ, но и безъ всякой жалости мучили ихъ самымъ жестокимъ образомъ. Когда мы вставали утромъ, подъ ногами у насъ всегда валялось два или три убитыхъ песца; одинъ-я, за время моего пребыванія на островѣ, перебилъ ихъ свыше двухъ-сотъ штукъ. На третій-же день послѣ своего пріѣзда сюда, я однимъ топоромъ, въ продолженіи трехъ часовъ, убилъ слишкомъ 70 песцовъ, изъ шкуръ которыхъ была сдѣлана потомъ крыша на нашей хижинѣ. Эти животныя до такой степени жадны до фды, что, держа въ одной рукѣ кусокъ мяса, а въ другой топоръ или палку, можно приманить ихъ совсѣмъ близко къ себѣ и тутъ-же убить. Однажды мы положили трупъ тюленя, а сами стали въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ и закрыли глаза, чтобы показать песцамъ, что мы не смотримъ на нихъ; скоро къ трупу сбѣжалось нѣсколько песцовъ и тотчасъ-же принялись ѣсть его, но мы всѣхъ ихъ перебили на мѣстѣ, и пока били однихъ, другіе все-таки не бросали трупа. Мы вырыли яму и побросали въ нее убитыхъ животныхъ; скорѣе, чѣмъ мы могли этого ожидать, яма переполнилась песцами, которыхъ мы свободно перебили палками. Хотя мы и не пользовались ихъ прекрасными шкурами, но крайней мѣрѣ третью часть которыхъ принадлежала голубымъ лисицамъ, даже и не сдирали ихъ, но тѣмъ не менѣе мы постоянно убивали песцовъ, какъ своихъ заклятыхъ враговъ. Каждое утро мы притягивали къ суду тѣхъ изъ нихъ, которыхъ забирали живьемъ, и учиняли надъ ними расправу, приволакивая ихъ за хвосты на мѣсто казни передъ нашею хижиной. Всего забавнѣе бываетъ, когда ихъ крѣпко держатъ за хвостъ, а въ то время, какъ они изъ всѣхъ силъ вырываются, отрубая хвостъ; тогда они отбѣгаютъ на нѣсколько шаговъ и начинаютъ бѣшено вертѣться. Но все это нисколько не удерживаетъ ихъ отъ дальнѣйшаго посѣщенія нашихъ хижинъ, и въ концѣ концовъ безчисленное множество ихъ бѣгаетъ по острову безъ хвостовъ или о двухъ и трехъ ногахъ. Если этимъ дѣятельнымъ животнымъ попадалась какая-нибудь вещь, изъ которой они не могли сдѣлать себѣ употребленія, напр. снятое нами платье, то ни одинъ изъ нихъ не проходилъ мимо безъ того, чтобы не изгадить вещи своими испражнениями или мочей. Изъ всего этого можно заключить, что песцы до насъ никогда здѣсь не видали человѣка, и что страхъ животнаго передъ человѣкомъ не есть врож-

денное ему чувство, а основывается на продолжительномъ опытѣ общенія его съ людьми».

Такой взглядъ Стеллера нѣсколько одностороненъ, такъ какъ, если-бы опытъ вообще научалъ песцовъ страху, то въ Норвегіи они должны-бы были быть совѣмъ другими, чѣмъ на Беринговомъ островѣ. Между тѣмъ они всюду совершенно одинаковаго нрава. Однако въ настоящее время въ вышеупомянутыхъ сѣверо-западныхъ областяхъ песецъ ведетъ себя совѣмъ уже не такъ, какъ описываетъ Стеллеръ; стало быть, онъ сумѣлъ принаровиться къ измѣнившимся условіямъ. Пехуаль-Леше, объѣздившій въ шестидесятыхъ годахъ нашего столѣтія эти области, ни на островахъ Берингова моря, ни на материкѣ, ни по обѣимъ сторонамъ Берингова пролива, нигдѣ не находилъ песцовъ въ томъ несмѣтномъ количествѣ, про которое пишетъ Стеллеръ, и притомъ, по сдѣланнымъ имъ наблюденіямъ, онъ не можетъ называть этихъ животныхъ нахальными и глупо-простоватыми. Напротивъ того, ему было очень трудно застрѣлить даже одинъ экземпляръ хорошей окраски, такъ какъ преслѣдуемые песцы ловко увертывались и умѣли хорошо прятаться. Хотя самъ Пехуаль-Леше на Беринговомъ островѣ собственно не былъ, но онъ слышалъ отъ охотниковъ, что и тамъ положеніе песцовъ было такое-же. Вслѣдствіе усердныхъ преслѣдованій они сдѣлались тамъ очень рѣдкими и вовсе не проявляли того нахальства, какимъ отличались 120 лѣтъ тому назадъ. Драгоцѣнная голубая лисица, которая тамъ очень хороша, почти совершенно вывелась. Позднѣйшая экспедиція Вега также вполне согласна съ этими послѣдними сообщеніями даже относительно Берингова острова; Норденшильдъ увѣряетъ, что, какъ онъ, такъ и его спутники, не видѣли на этомъ островѣ ни одного песца.

Г. Эллиотъ, изслѣдовавшій въ предпоследнее десятилѣтіе упомянутыя мѣстности и особенно водящихся тамъ пушныхъ звѣрей, какъ равно и охоту на нихъ, также не даетъ о песцѣ никакихъ свѣдѣній, которыя были-бы согласны съ описаніемъ Стеллера, напротивъ, скорѣе расходится съ нимъ. Такъ, напримѣръ, мы узнаемъ отъ него, что жители Атту, самаго западнаго изъ Алеутскихъ острововъ, нарочно привезли въ свое отечество голубыхъ лисицъ и занялись разведеніемъ ихъ на свободѣ, сохраняя всю безупречную чистоту ея породы. Достичь этого имъ удалось тѣмъ легче, что обыкновенная красная лисица уже вывелась на Атту къ тому времени, когда жители привезли себѣ съ Прибыловыхъ острововъ прекрасныхъ голубыхъ лисицъ; другіе-же низшіе сорта лисицъ не могутъ добраться до отдаленнаго острова, такъ какъ для ихъ переправы ледъ не можетъ служить мостомъ. Такимъ образомъ тамъ не бываетъ никакихъ скрещиваній, портящихъ породу, и прославленная красота мѣха ихъ голубыхъ лисицъ, которыхъ жители Атту продаютъ ежегодно 200—300 штукъ, сохраняется во всей своей неприкосновенности. Нельзя того-же сказать про лисицъ, живущихъ на Прибыловыхъ островахъ. «Про тамошнихъ лисицъ», рассказываетъ Эллиотъ, «туземцы говорятъ, что первые поселенцы острова, т. е. ихъ предки, явившіеся сюда въ 17^{мъ} г. г. встрѣчали здѣсь исключительно голубыхъ лисицъ и что постепенное и очень значительное ухудшеніе мѣха, какъ по качеству, такъ и по цвѣту, объясняется скрещиваніемъ мѣстной породы съ бѣлыми лисицами, переселившимися сюда по льду съ восточнаго материка. Въ настоящее время бѣлыя лисицы на островѣ слишкомъ многочисленны и образуютъ, по моему мнѣнію, почти пятую часть всего лисьяго населенія этого острова; притомъ онѣ не держатся особнякомъ отъ голубыхъ, но открыто смѣшиваются съ ними. Уже Вепіамновъ (1842), — безъ сомнѣнія ошибочно указывающій вмѣсто бѣлой лисицы на обыкновенную красную, — сообщаетъ о нежелательномъ вторженіи этихъ лисицъ, занесенныхъ сюда плавающими льдинами, и прибавляетъ, что островитяне усердно стара-

лись предотвратить могущій произойти вредъ отъ этихъ непрошенныхъ гостей, отъ скрещиванія съ которыми должно было ухудшиться какъ качество мѣха, такъ и послѣдующее потомство. На этомъ островѣ лисицы ведутъ очень пріятную жизнь. Разсѣлины базальтовыхъ скалъ служатъ имъ отличными убожищами, а нища для нихъ имѣется всегда въ избыткѣ въ видѣ маленькихъ или старыхъ и слабыхъ тюленей, а также ихъ труповъ, благодаря чему лисицы здѣсь отличаются своею откормленностью. Во время высиживания водяными птицами яицъ, лисицы для разнообразія питаются янцами и птенцами. Среди такихъ благопріятныхъ условій жизни онѣ могли-бы сильно размножаться, если-бы за ними не охотились такъ усердно, начиная съ декабря до апрѣля мѣсяца, когда ихъ мѣхъ бываетъ всего лучше. Очень интересно наблюдать, когда лисица пробирается къ гнѣздищамъ въ ущельяхъ скалъ водянымъ птицамъ; тутъ ей приходится пустить въ дѣло всю свою природную ловкость, чтобы благополучно пробѣжать или осторожно прокрасться по трудно доступнымъ утесамъ. Добытое яйцо, представляющее столько соблазна для лисицы, она несетъ во рту на какое-нибудь безопасное мѣсто на краю пропасти и тамъ, расположившись съ полнымъ удобствомъ, съѣдаетъ его, осторожно открывая съ широкаго конца и выѣдая все содержимое. Но всего интереснѣе лисица для наблюдений въ то время, когда она изоцриается во всей своей хитрости, чтобы поймать птицу. Ловкая шельма ложится на спину и притворяется мертвою, не подавая никакихъ признаковъ жизни; по временамъ только она тихо пошевеливаетъ своимъ пушистымъ хвостомъ. Тогда многія тупоумныя и любопытныя птицы, между которыми бываютъ также и большіе бакланы, не могутъ устоять отъ соблазна, чтобы не взглянуть поближе, что тамъ такое происходитъ. Онѣ подлетаютъ все ближе и ближе и окружаютъ лежащую лису тѣснымъ кольцомъ. А той только этого и нужно: однимъ быстрымъ прыжкомъ она схватываетъ разиню и крѣпко держитъ ее въ когтяхъ, пока другія съ крикомъ разлетаются.

«Песцы составляютъ главную причину благоденствія жителей Прибыловыхъ острововъ. Милостивые лисенята являются прекрасными товарищами въ играхъ для дѣтей, тогда какъ охота на старыхъ лисецъ представляетъ собою столь-же занимательное, сколько и прибыльное занятіе для взрослыхъ. Большая часть разсказовъ и преданій туземныхъ жителей сосредоточивается на лисицахъ, что показываетъ, насколько это животное стоитъ близко къ ихъ жизни».

Время спариванія полярныхъ лисецъ сообразно съ условіями мѣстности бываетъ немного позже, чѣмъ у красныхъ лисецъ, именно въ апрѣлѣ или въ маѣ. Песцы спариваются, подобно кошкамъ, съ большимъ шумомъ, что происходитъ днемъ и ночью, а при возбужденной ревности свирѣпо кусаются, какъ собаки. Въ половинѣ или въ концѣ іюня самка мечетъ въ ущельяхъ или расщелинахъ скалъ 9 — 10, а иногда даже 12 дѣтенышей. Гнѣзда свои самки больше всего любятъ устраивать на самомъ верху скалы или на обрывѣ утеса. Онѣ необыкновенно, даже можно сказать чрезмѣрно, любятъ своихъ дѣтенышей и, желая спасти ихъ отъ нападеныя, въ сущности вредятъ имъ, такъ какъ выдаютъ ихъ присутствіе громкимъ ласкамъ, которымъ встрѣчаютъ всякаго подходящаго человѣка. Когда онѣ замѣтятъ, что ихъ нора открыта, онѣ тотчасъ-же переносятъ дѣтенышей во рту на какое-нибудь другое, болѣе безопасное мѣсто.

На песцовъ охотятся и ловятъ ихъ всевозможными способами: стрѣляютъ, ставятъ сѣти и силки и устраняютъ даже капканы. Одинъ изъ способовъ ихъ ловли очень любопытенъ. При глубокомъ снѣгѣ песцы выкапываютъ себѣ въ вѣтъ норы и пользуются ими, какъ жилищами. Это бываетъ какъ разъ въ то время, когда ихъ больше всего преслѣдуютъ остяки и самоѣды; ихъ выкапываютъ широ-

кимъ заступомъ, сдѣланнымъ изъ оленьяго рога, безъ дальнѣйшихъ разсужденій хватаютъ за хвостъ и со всего маху бросаютъ о землю головой, чтобы убить ихъ такимъ образомъ. Охотникъ сейчасъ-же узнаетъ, есть-ли въ снѣжной норѣ песецъ или нѣтъ: онъ прикладываетъ ухо къ отверстию и начинаетъ разгребать лопатой снѣгъ; отъ этого шума спящій песецъ пробуждается и обнаруживаетъ свое присутствие зѣвотою и чиханьемъ. Помимо людей песцы имѣютъ еще опасныхъ враговъ въ бѣлыхъ медвѣдяхъ; кромѣ того ихъ преслѣдуютъ также морскіе орлы. Стеллеръ видѣлъ однажды, какъ морскою орель схватилъ когтями песца, поднялъ его на воздухъ и затѣмъ бросилъ, чтобы раздробить о землю. Главную и почти исключительную цѣль лова лисицы составляетъ ей мѣхъ, цѣнность котораго была уже опредѣлена нами. Путешественники полярныхъ странъ при необходимости ѣли также и мясо лисицы, но оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться лакомымъ блюдомъ.

Песцы, пойманные молодыми, легко приручаются и такъ привыкаютъ къ человѣку, что ходятъ за своимъ господиномъ какъ собаки. Но они все-таки не утрачиваютъ своей раздражительности, злобно ворчатъ, какъ собаки, когда ихъ трогаютъ, и зеленые блестящіе глаза ихъ сверкаютъ. Съ другими животными своего вида они не могутъ уживаться въ одной клѣткѣ. Двое песцовъ, которыхъ я воспитывалъ, напали на третьяго и до смерти закусали его, причемъ родной братъ загрызаннаго усердно помогалъ имъ въ этомъ. Члены второй нѣмецкой экспедиціи въ сѣверныя полярныя страны много разъ на востокѣ Гренландіи держали въ неволѣ песцовъ. Двое песцовъ, помѣщенныхъ въ машинное отдѣленіе парохода, умерли отъ чахотки легкихъ; третій, жившій въ каютѣ, былъ убитъ за его упрямство, наконецъ, четвертый спасся бѣгствомъ изъ клѣтки, которая стояла на льду подлѣ судна.

«Это бѣгство, на которое мы смотрѣли съ палубы, было очень забавно (произошло оно вслѣдствіе того, что льдина, на которой стояла клѣтка, подтаяла и распалась). Песецъ, похожій на покрытый волосами скелетъ, началъ потягиваться, вытянулъ, какъ метлу, свой пушистый хвостъ, юркнулъ толстымъ тѣломъ въ образовавшуюся подъ нимъ лужу и, съ граціей и ловкостью балетмейстера, весело подскокилъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, радуясь, что очутился на свободѣ; на судно-же наше онъ не удостоилъ бросить ни одного взгляда.

* * *

Изъ остальныхъ видовъ лисицъ я упомяну здѣсь только о такихъ, которые обладаютъ какими-нибудь существенными отличіями или въ образѣ жизни, или въ окраскѣ. Къ одному изъ самыхъ маленькихъ видовъ лисицъ принадлежатъ сосѣди нашей обыкновенной лисицы въ Азіи—**Степная лисица, Корсакъ**, какъ его называемъ мы, русскіе, или **Кирса, Кирассу** на языкѣ монголовъ (*Vulpes corsac, Canis corsac, Steppenfuchs*). По величинѣ корсакъ значительно уступаетъ нашей лисицѣ, такъ какъ туловище его не превышаетъ въ длину 55—60 см., а хвостъ 35 см. По вѣшнему своему виду и по характеру онъ очень похожъ на своего родича, только немного выше его и имѣетъ болѣе короткій хвостъ и кругловатые зрачки глазъ. Окраска густого мѣха мѣняется смотря по времени года, хотя и меньше, чѣмъ у волка или лисицы. Вновь вырастающіе лѣтніе волосы имѣютъ рыжеватую окраску; по мѣрѣ того какъ вырастаютъ, они, вмѣстѣ съ подшерсткомъ, образуютъ зимніе волосы съ широкимъ серебристо-бѣлымъ кольцомъ передъ болѣе темными кончиками, отчего зависятъ болѣе рыжій или болѣе чалый цвѣтъ общей окраски. Горло, нижняя часть туловища и внутренняя сторона ногъ—желтовато-бѣлыя; находящееся на щекѣ подъ глазомъ треугольное пятно—темно-сѣрое; на груди рыжеватая перевязка; ноги блѣдно-рыжеватыя; хвостъ въ корнѣ—блѣдно-бурыи, на верхней сторонѣ его волосы сѣ-

шаны—блѣдно-желтые съ черными; на нижней сторонѣ въ послѣдней трети своей и на концѣ онъ черный; уши снаружи одноцвѣтны, чало-сѣро-желтыя; окрѣжность глазъ мѣдно-желтаго цвѣта.

Область распространѣнія корсака простирается отъ степей, окружающихъ Каспійское море до Монголіи; онъ держится исключительно въ степныхъ мѣстностяхъ; въ лѣсахъ и въ горахъ его вовсе нѣтъ. Зимой онъ ежегодно въ значительномъ количествѣ выселяется изъ сѣверныхъ областей, а съ наступленіемъ весны снова возвращается обратно. Постояннаго жилища онъ не имѣетъ, такъ какъ не выкапываетъ собственныхъ норъ, но въ большинствѣ случаевъ ведетъ бродячій образъ жизни и безъ всякихъ претензій спитъ подъ открытымъ небомъ, или-же въ крайнемъ случаѣ пользуется случайно найденной норой байбака, предварительно расширивъ ее немного. Въ такихъ байбачьихъ норахъ часто можно встрѣтить по двое или даже по нѣсколько корсаковъ, что указываетъ на большую ихъ любовь къ общежителству, чѣмъ какую

Корсакъ. *Vulpes corsac*. 1/2 наст. вел.

проявляетъ обыкновенная лисица. Главную его пищу составляютъ зайцы и полевые мыши; кромѣ того онъ ловитъ птицъ, ящерицъ и лягушекъ и вѣроятно также крупныхъ насѣкомыхъ, особенно саранчу. Относительно его размноженія нѣтъ обстоятельныхъ свѣдѣній.

Ради его мягкаго, густаго, теплаго и красиваго мѣха за корсакомъ усердно охотятся, особенно киргизы. Кромѣ ловушекъ и силковъ, которые ставятъ передъ выходомъ изъ норъ, корсака травятъ также собаками, выкуривая его изъ норы. По Радде, его высѣлживаютъ тамъ, гдѣ живетъ байбакъ, и рѣдко днемъ, потому что тогда онъ спитъ въ покинутыхъ сурками норахъ; всего удачнѣе его можно высѣлдить по пороху и по слѣдамъ дойти до его норы, гдѣ и ставить канканъ. Старые корсаки, знакомые съ губительными аппаратами, при видѣ ихъ часто уходятъ назадъ въ нору и только черезъ 6—9 сутокъ рѣшаются показаться вновь и то лишь подъ влияніемъ сильнаго голода; большою-же частью они высѣлживаютъ въ норѣ, предпочитая умереть съ голоду, чѣмъ попасть въ ловушку. Труны ихъ выкапываютъ весной, послѣ

того, какъ оттааетъ промерзлая земля. Наряду съ собаками татары приучаютъ къ охотѣ за корсакомъ и другихъ, болѣе опасныхъ, охотничьихъ животныхъ; для этой цѣли они пользуются приученными орлами и кречетами. Не мудрено, что отъ такихъ пернатыхъ хищниковъ несчастный корсакъ не можетъ улизнуть.

Одни эти народы доставляютъ ежегодно на рынокъ до 50,000 шкуръ корсака, не считая тѣхъ, которыя идутъ на ихъ личное употребленіе. Въ Россіи мѣхъ корсака не особенно употребителенъ; гораздо больше его идетъ въ Китай, куда онъ доставляется черезъ Кяхту. По Ломеру, за шкуру корсака платятъ отъ двухъ до четырехъ марокъ и она стоитъ въ такой-же цѣнѣ, какъ шкура родственной ему **луговой лисицы**, которая живетъ на крайнемъ сѣверо-западѣ Соединенныхъ Штатовъ и въ пограничныхъ британскихъ областяхъ Сѣверной Америки. Въ былое время въ продажу шло ежегодно до 10,000 шкуръ луговой лисицы, но мало-по-малу число это стало убавляться и теперь въ Европу привозится не больше 1500 штукъ.

Я долгое время держалъ у себя живого корсака и кромѣ того часто наблюдалъ плѣнныхъ животныхъ, но не замѣчалъ важнаго различія въ его образѣ жизни сравнительно съ обыкновенною лисицею. При извѣстныхъ обстоятельствахъ онъ поступалъ если и не совсѣмъ такъ, какъ эта послѣдняя, то все-таки очень схоже съ нею. Онъ принадлежитъ къ болѣе счастливымъ обитателямъ зоологическаго сада, скоро осваивается съ отведенною ему клеткою, не боится ни лѣтней жары, ни зимняго холода, съ одинаковымъ равнодушіемъ выдерживая какъ солнечное пекло, такъ и жестокіе морозы. Со своими товарищами по плѣну онъ уживается не хуже и не лучше, чѣмъ лисица, иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ живетъ съ ними въ дружбѣ, а то вдругъ разсвирѣбеть, начнетъ ссориться, жестоко кусать ихъ, зачастую до-смерти, и послѣ того съѣдаетъ ихъ безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, особенно если очень голоденъ. Несмотря на это размножается онъ въ въ клеткѣ безъ всякихъ препятствій, такъ какъ между разными полами все-таки преобладаетъ миръ; къ дѣтенямъ относится любовно и нѣжно воспитываетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они благополучно выростутъ. Юныя самки нерѣдко, впрочемъ, съѣдаютъ своихъ маленькихъ, какъ это дѣлаетъ большинство хищниковъ. Отцу тоже не слѣдуетъ особенно довѣрять, хотя во всякомъ случаѣ чаще слышно о счастливо проходящемъ воспитаніи нашихъ животныхъ, чѣмъ о несчастныхъ случаяхъ.

* * *

Въ Африкѣ и юго-западной части Азіи живутъ прехорошенькія лисички, которыхъ можно считать карликами собачьяго семейства; животныя эти имѣютъ очень красивое тѣлосложеніе и покрыты сѣровато-желтымъ мѣхомъ, но отъ другихъ лисицъ главнымъ образомъ отличаются огромными ушами, которыя гораздо больше, чѣмъ у всѣхъ другихъ лисицъ, а у двухъ видовъ достигаютъ непомѣрной величины. Ихъ называютъ **Большеухія лисицы** или **Фенекі**; по зубамъ онѣ не отличаются отъ своихъ сородичей.

Всѣ фенекі по устройству тѣла очень хорошо приурочены къ условіямъ жизни своей родины. Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ тѣми странами, гдѣ они живутъ, въ нихъ должно сейчасъ-же признать жителей пустыни и причислить ихъ къ стениой фаунѣ, какъ только размотришь ихъ внѣшній видъ. Окраска ихъ мѣха болѣе или менѣе подходитъ къ цвѣту песка, и незначительныя отклоненія отъ этой окраски не измѣняютъ общаго впечатлѣнія. Туловище фенековъ сравнительно невелико, но очень легко и граціозно; оно хорошо приспособлено къ быстрымъ движеніямъ и продолжительному бѣгу. Огромныя уши даютъ этимъ лисицамъ возможность слышать малѣйшій шумъ, зоркіе глаза ихъ видятъ далеко во всѣ

стороны, а чуткий носъ на далекое разстояніе чувствуетъ всякій запахъ. Велѣдствіе своей своеобразной окраски животныя эти мало замѣтны даже на голыхъ мѣстахъ пустыни и такимъ образомъ прекрасно приспособлены къ хищнической жизни въ степи, такъ что они никогда не терпятъ недостатка въ добычѣ.

* *
* *

Одна изъ этихъ лисицъ — **Кама** (*Vulpes chama*) которая живетъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ юго-западной Африки, часто нападаетъ на страусовыя яйца и, по словамъ туземцевъ, можетъ заразъ съѣсть цѣлое яйцо этой огромной птицы. Но это мнѣніе основывается болѣе на увѣреніяхъ туземцевъ относительно обжорства этого существа, а не на собственныхъ опытахъ, такъ какъ извѣстно, что такое яйцо достаточно, чтобы насытить четырехъ людей, и нельзя повѣрить, чтобы лисичка, которая почти вполнину меньше нашей обыкновенной лисы, могла-бы съѣсть столько, сколько четыре человѣка. Это маленькое животное не въ состояніи нести страусовое яйцо, но все-таки съ нимъ справляется: оно, говорятъ, катитъ яйцо отъ гнѣзда до безопаснаго мѣста, и тамъ вскрываетъ его очень остроумнымъ образомъ. Зубы камы слишкомъ слабы, чтобы разгрызть толстую скорлупу, которая притомъ такая гладкая, что даже острые зубы скользятъ по ней. Поэтому кама открываетъ яйцо инымъ способомъ: она катитъ его съ горки на камни, такъ что скорлупа разбивается и лисичка снѣштитъ полакомиться его содержимымъ.

Когда горячее тропическое солнце склоняется къ западу и многія животныя, которыя днемъ прятались, выходятъ изъ своихъ убожищъ, чтобы насладиться вечернею свѣжестью, въ пустынѣ можно встрѣтить цѣлыя стаи прячущихся, но очень красивыхъ животныхъ, которыя рыскаютъ по степи, чтобы найти себѣ пропитаніе. Я не имѣю здѣсь въ виду отвратительныхъ гнѣвъ, воющихъ шакаловъ и степныхъ рысей, но красивыхъ, маленькихъ **Степныхъ лисицъ** или настоящихъ **Фенеконъ** (*Vulpes zerda*, *Canis*, *Megalotis* и *Feneus zerda s. zerda*, *F. arabicus* и *brucei*, *Vulpes zaarensis* и *minus*, *Viverra aurita*), животное, которое характеризуетъ пустыню еще лучше, чѣмъ газель. Представьте себѣ лисью мордочку, но маленькую и тонкую съ хитрымъ, лукавымъ выраженіемъ, какъ у обыкновенной лисицы, но надъ этой мордой замѣтны необыкновенно большіе глаза, а по сторонамъ головы торчатъ такіа огромныя уши, которыхъ нельзя встрѣтить не только у лисицъ, но даже ни у какого другого животнаго собачьяго семейства. Туловище покоится на тонкихъ, хорошенеккихъ лапкахъ и оканчивается сзади длиннымъ и очень пушистымъ хвостомъ. Животное это съ перваго раза выказываетъ свою подвижность и ловкость и легко замѣтить, что все его внѣшнія чувства очень хорошо развиты.

Въ сумерки въ степи слышишь иногда тихій визгъ, который трудно описать, а при счастливыхъ обстоятельствахъ можно и видѣть между несчаными холмами и скалами или въ густой травѣ, какъ фенекъ подкрадывается къ добычѣ; онъ ползетъ въ высшей степени осторожно, прислушиваясь, оглядываясь и обнюхивая окрестность со всѣхъ сторонъ. Ничего не ускользаетъ отъ вниманія опытнаго маленькаго разбойника. Большия уши фенека улавливали тихое шуршаніе кузнечика, который прячется въ травѣ, и животное направляется туда болѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ жадности. такъ какъ кузнечикъ составляетъ для него жалкую добычу. Ловкая ящерица зашелестела, бѣгая по песку: фенекъ и ее услышалъ и сразу бросился, чтобы узнать причину этого шума. Главная добыча фенека состоитъ однако

изъ другихъ животныхъ, особенно изъ птицъ. Горе жаворонку, который случайно опустится на землю недалеко отъ тропинки, гдѣ крадется фенекъ! Онъ погибъ, если хоть разъ шевельнулъ крыльями, или въ забытѣ, вспоминая свою воздушную лѣсню, издастъ вѣсколько звуковъ! Горе и степному рябку (*Pterocles*); за нимъ фенекъ крадется особенно охотно! Ему не нужно гнаться за многими птицами: одного рябка совершенно достаточно, чтобы быть сытымъ ему самому и даже его голоднымъ дѣтенышамъ. Надо видѣть фенека, когда онъ своимъ тонкимъ чутьемъ выслѣдилъ выводокъ рябковъ! Можетъ быть только одна изъ этихъ птицъ пересѣкла охотничью тропинку фенека, но и этого достаточно: онъ тотчасъ отыскиваетъ слѣдъ, низко опустивши голову обнюхиваетъ землю и крадется, не подавая никакого звука, неслышимый и невидимый. Фенекъ очень хорошо знаетъ этихъ птицъ и глазъ его болѣе зорокъ, чѣмъ у большинства путешественниковъ. Его не обмануть камни и кучи песку, издали похожіе на рябковъ: острое обоняніе и хороший слухъ ему тотчасъ укажутъ настоящей слѣдъ. Какъ ни ничтоженъ шумъ, который производитъ рябокъ, усаживаясь въ гнѣздѣ для ночного покоя, какъ ни мало замѣтно движеніе оглядывающейся въ полуснѣ птицы, какъ ни незначителенъ вовсе неощутимый для насъ запахъ, оставляемый рябкомъ на землѣ, но отъ фенека ничего не скроется. Вотъ онъ удостовѣрился въ присутствіи добычи и крадется къ ней, почти ползя на животъ, незамѣтный для глазъ и неслышимый для уха. За послѣднимъ кустикомъ онъ останавливается. Какъ блестятъ его глаза, какъ широко растопырились его уши, какъ жадно смотритъ онъ на дремлющую усталую птичку! Вся фигура его оживлена, хотя незамѣтно ни малѣйшаго движенія. Вся жизнь этой лисицы какъ-бы сосредоточилась въ выраженіи ея глазъ и морды, а туловище точно окаменѣло и кажется извалишемъ, сдѣланнымъ изъ песка пустыни. Но вотъ послѣдній прыжокъ, рябокъ замахалъ крыльями и уже очутился въ зубахъ фенека! Всѣ сосѣднія птицы послѣшно взлетаютъ, громко хлопая крыльями, немного летаютъ туда и сюда и снова спускаются на землю, не зная вѣроятно о томъ, кто прервалъ ихъ сонъ.

Фенекъ—самая маленькая изъ всѣхъ лисицъ; длина его тѣла вмѣстѣ съ хвостомъ не превышаетъ 65 см., хвостъ бываетъ длиною около 20 см., а высота въ плечахъ также около 20 см. Тѣлосложеніе у него очень стройное, морда чрезвычайно острая, большіе глаза имѣютъ округленный зрачекъ, который окруженъ коричневымъ райкомъ. Наиболѣе замѣчательною частью тѣла этого животнаго слѣдуетъ считать его уши: они почти такой-же длины, какъ голова, и ширина ихъ равняется половинѣ высоты. Уши эти придаютъ животному совсѣмъ странный видъ и голова фенека отчасти напоминаетъ голову летучей мыши. Внутренняя сторона этихъ ушей покрыта бѣлыми волосами; волоса эти растутъ двумя пучками, расходящимися отъ ушного отверстия, и подымаются кверху, имѣя видъ бороды. На верхнемъ концѣ, впрочемъ, волоса короче и рѣже. На маленькой мордочкѣ торчатъ длинные щетинистые усы, которые также составляютъ отличительный признакъ этого звѣрка. Мѣхъ его мягокъ и шелковистъ, а зимою вырастаетъ густой подшерстокъ, который весною при линяніи виситъ хлопьями на кустахъ и камняхъ, такъ какъ фенекъ въ это время чешется объ эти предметы, чтобы освободиться отъ излишняго подшерстка. Казалось-бы, что фенеку въ его жаркой родинѣ вовсе не нуженъ теплый мѣхъ, но звѣрекъ этотъ, повидимому очень чувствителенъ къ холоду и хорошая шуба ему зимой необходима. Верхняя часть тѣла фенека окрашена, какъ уже выше сказано, подъ цвѣтъ песка, брюшко у него бѣлое и надъ глазами также замѣтны два бѣлыхъ пятна, окаймленныхъ спереди темными полосками. Длинный и пушистый хвостъ—желтаго цвѣта съ чернымъ пятномъ у основанія и чернымъ

кончикомъ. У самки мѣхъ болѣе свѣтлый, соломенно-желтаго цвѣта, а въ старости у всѣхъ фенековъ мѣхъ дѣлается еще свѣтлѣе.

Это замѣчательное животное впервые было описано Шельдебрандомъ—шведскимъ консуломъ въ Алжирѣ, а позже его наблюдалъ и срисовалъ Брюсъ. Мавры называютъ его **Церда**, а арабы—фенекъ; подъ этимъ именемъ онъ извѣстенъ и въ Нильской долинѣ. Онъ живетъ на всемъ сѣверѣ Африки, но встрѣчается только въ пустыняхъ, однако въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имѣютъ характеръ низменностей и богаты водою и гдѣ есть стенная растительность, хотя не очень богатая. Въ этихъ мѣстностяхъ фенекъ встрѣчается довольно часто, но ловятъ его рѣдко, такъ какъ онъ очень остороженъ и легко ускользаетъ отъ охотниковъ. Въ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ его можно видѣть довольно рѣдко и даже въ зоологическихъ музеяхъ онъ не очень обыкновененъ.

Естественная исторія фенека до послѣдняго времени была довольно темна и о немъ рассказывали удивительныя вещи. Говорили, напримѣръ, что онъ живетъ не въ норахъ, какъ лисицы, а на деревьяхъ, подобно кошкамъ, утверждали также, что онъ питается не птицами, а больше финиками и другими плодами, и проч. Рюппель первый опровергнулъ эти ошибочныя мнѣнія и описалъ фенека, какъ настоящую лисицу, но описаніе это все-таки коротко и недостаточно обстоятельно. Очень хорошее и подробное описаніе фенека составлено нарочно для этого сочиненія моимъ спутникомъ по путешествію, Буври, который наблюдалъ фенека, какъ на свободѣ, такъ и въ неволѣ. Многие изъ вышесказаннаго уже заимствовано изъ этого описанія; сообщаю здѣсь и остальное.

«Натура фенека ясно выражена своеобразнымъ строеніемъ его тѣла: тонкія, нѣжныя ноги съ перваго раза показываютъ его ловкость и быстроту. Выраженіе же морды такъ ясно выражаетъ зоркость, тонкость слуха, сметливость и хитрость, что въ характерѣ этого животнаго трудно ошибиться. Можно смѣло сказать, что этотъ степной звѣрекъ самый совершенный представитель рода лисицъ.

«Фенекъ, подобно лисицѣ, устраиваетъ себѣ норку подъ землей, охотнѣе всего въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растетъ хвощевидная ковылка (*Stipa capellata*), которая характерна для скудной растительности алжирскихъ пустынь. Предпочтеніе это происходитъ вѣроятно вслѣдствіе того, что почва около этого растенія плотнѣе и поэтому гораздо легче тамъ можно устроить многочисленные ходы, которые ведутъ въ главную нору фенека. Ходы эти обыкновенно бываютъ почти горизонтальны и котловина норы большею частью расположена не глубоко подъ землею. Нора обыкновенно бываетъ устлана пальмовыми волокнами, перьями и волосами и отличается большою опрятностью. Фенекъ роетъ землю мастерски: передними лапами онъ такъ быстро скребетъ ее, что трудно слѣдить глазами за ихъ движеніемъ. Эта ловкость часто спасаетъ жизнь животному, такъ какъ при преслѣдованіи фенекъ быстро зарывается въ землю, какъ броненосецъ или ящеръ. Однажды, въ сопровожденіи нѣсколькихъ конныхъ арабовъ, я преслѣдовалъ по пустынѣ фенека, который бѣжалъ очень недалеко отъ насъ, но вдругъ исчезъ изъ нашихъ глазъ. Но и попытка его уловки и на этотъ разъ она ему не помогла: я слѣзъ съ лошади, разрылъ песокъ и вытащилъ оттуда живымъ озадаченное животное, къ великой радости моихъ спутниковъ.

«Днемъ фенекъ спитъ въ своей норѣ. При этомъ онъ свертывается клубкомъ и прячетъ почти совсѣмъ свою тонкую голову подъ свой пушистый хвостъ, только уши его остаются открытыми. При малѣйшемъ шумѣ спящая лисица просыпается и вскакиваетъ въ испугѣ. Если ее застигнуть врасплохъ, то она начинаетъ визжать, какъ маленькое дитя и этимъ какъ-бы подтверждаетъ, что разбудившій произвелъ на нее непріятное впечатлѣніе. Съ закатомъ солнца фенекъ оставляетъ свою нору и

Ф Е Н Е К Ъ .

отправляется сначала пить воду; при этомъ замѣтили, что онъ никогда не идетъ прямо черезъ песчанья дюны, но всегда отыскиваетъ въ нихъ углубленія и пробирается украдкой, стараясь по возможности скрыться. Колодцы въ низменныхъ мѣстахъ состоятъ большею частью изъ простыхъ воронкообразныхъ ямъ, такъ какъ песчаная, смѣшанная съ глиной почва не допускаетъ вырывать отвѣсныя ямы. Вокругъ этихъ ямъ земля большею частью бываетъ немного влажная и потому слѣды фенека отпечатываются здѣсь такъ ясно, что можно даже замѣтить своеобразное строеніе его тѣсно соединенныхъ пальцевъ съ выдающимися, особенно сильно выступающими на заднихъ лапахъ когтями.

«Отправляющійся на охоту фенека идетъ сначала къ колодцу и пьетъ долго и жадно, пока не напьется до сыта. Послѣ того онъ начинаетъ искать, чѣмъ-бы утолить свой голодъ и вотъ тутъ-то ему годится его чуткое обоняніе. Здѣсь онъ поймаетъ большого стеного жаворонка, тамъ другую птицу, а если она даже и улетитъ, то онъ съумѣетъ ее снова подкараулить и въ концѣ концовъ непременно схватить..»

«Маленькія птички составляютъ самую любимую его пищу, поэтому онъ не щадитъ ни одного гнѣзда, находятся-ли въ немъ яйца, или птенчики. Если-же нѣтъ птицъ и яицъ, то онъ ѣстъ ящерицъ, жуковъ, стрекозъ, и даже не пренебрегаетъ тушканчиками и песчанками, хотя поймать ихъ ему едва-ли доставляетъ менѣе труда, чѣмъ птицу. Я часто находилъ волосы и другіе остатки этихъ грызуновъ въ норѣ фенека. При случаѣ онъ посвящаетъ также пальмовыя рощи, гдѣ финики служатъ ему лакомствомъ; вообще онъ никогда не пренебрегаетъ плодами и даже съѣдаетъ арбузы.

«По словамъ туземцевъ лисица мечетъ въ мартѣ мѣсяцѣ 3—4-хъ дѣтенышей, которые являются, какъ говорятъ, на свѣтъ слѣпыми, чрезвычайно красивыми и покрытыми желтоватой шерстью. Судя по всѣмъ показаніямъ, мать любитъ маленькія прелестныя существа такъ-же нѣжно, какъ наша лисица свое потомство.

«Фенека ловятъ силками, сдѣланными изъ волосъ, которые укрѣпляются при входѣ его норы; иногда-же его откапываютъ; но послѣдній способъ ловли часто бываетъ неудаченъ. Замѣчательно то, что, понавшись, фенека не старается перегрызть силокъ, что несомнѣнно сдѣлала-бы наша обыкновенная лисица и даже не пробуетъ этого сдѣлать тогда, когда волосяная бичевка отъ его усилій освободиться такъ крѣпко затянется, что перетретъ ему кожу ноги до самого мяса. Причина этого, вѣроятно, заключается въ томъ, что его зубы слишкомъ нѣжны и вообще не приспособлены къ тому, чтобы перегрызать твердыя тѣла, а мускульная сила челюстей чрезвычайно мала. Доказательство этому дали мнѣ три, жившіе у меня фенека, которыхъ, когда они не были на свободѣ, т. е. не могли бѣгать по комнатѣ, можно было запереть въ очень некрѣпкую клѣтку. Она запиралась только рѣшеткой, состоявшей изъ сосновыхъ прутьевъ, приблизительно въ дюймъ толщиной, и хотя лисички постоянно ночью ее грызли, но имъ ни разу не удалось убѣжать.

«Въ неволѣ фенека, особенно если онъ попалъ въ руки человѣка еще молодымъ, въ высшей степени живое, забавное существо. Онъ очень скоро становится ручнымъ и привязывается къ своему хозяину. Многіе фенеки были такъ ручны, что всюду слѣдовали за своимъ хозяиномъ, ходили и выходили изъ своей клѣтки, а вечеромъ опять возвращались въ нее. Менѣе любезными оказываются они относительно себя подобныхъ. Многіе фенеки кусаются другъ съ другомъ, а самка нередко страдаетъ отъ дурного нрава самца; у меня разъ случилось, что одинъ неделикатный и неучтивый самецъ загрызъ прелестную самку. Мои плѣнники больше всего любили тепло, и часто бывало, что они обжигали себя мѣхъ и лапы о рас-

каленную золу еще неугасшаго камина, причемъ все-таки не оставляли своего мѣста. Ихъ постоянно надо было оберегать отъ открытаго огня, потому что я много разъ наблюдалъ, что они безъ дальнѣйшихъ разсужденій прыгали въ него. Когда я ѣлъ, мой любимый фенекъ всегда сидѣлъ у моихъ ногъ и тщательно подбиралъ все, что я бросалъ со стола. Онъ предпочиталъ всему молоко и булку. Я повѣсилъ въ своей комнатѣ также клѣтки съ птицами, которыя сильно привлекали вниманіе моего звѣрка. У него была удивительная мимика: выраженіе его морды ясно показывало его страстное желаніе достать веселыхъ птицъ. При цѣлесообразномъ обращеніи и хорошемъ уходѣ фенекъ можетъ долго оставаться въ неволѣ. Мой любимецъ жилъ еще два года въ Берлинскомъ зоологическомъ саду и кончилъ свое существованіе только вслѣдствіе печальнаго недоразумѣнія: именно, онъ тихонько послѣдовалъ за сторожемъ, когда тотъ ушелъ изъ его клѣтки, и пошелъ вслѣдъ за нимъ въ клѣтку шакала; это негостепріимное животное въ одно мгновеніе задушило его, къ величайшему сожалѣнію всѣхъ, кто зналъ это милое и своеобразное существо. Особенно слѣдуетъ беречь этихъ истыхъ сыновъ палищей Сахары отъ простуды, потому что вслѣдствіе нея у нихъ дѣлается болѣзнь глазъ, которая почти всегда оканчивается смертью».

Въ послѣдніе годы я видѣлъ фенека въ различныхъ зоологическихъ садахъ. Я долженъ упомянуть здѣсь объ одномъ удивительномъ наблюденіи, сдѣланномъ мною въ Парижѣ. Въ строеніи, гдѣ помѣщаются хищные звѣри, жила пара фенекъ, которыхъ вслѣдствіе холода держали еще въ тепломъ помѣщеніи, и сторожа рѣдко посѣщали ихъ. Тѣмъ болѣе, казалось, радовались животныя, когда наконецъ кто-нибудь приходилъ. Они кривлялись, какъ безумныя, прыгали и скакали, испускали веселые звуки и наконецъ приходили въ такое возбужденіе, что спаривались! Я посѣщалъ ихъ много разъ: всегда было то-же самое, и я даже думаю, что наступившая въ концѣ концовъ случка была слѣдствіемъ этого чрезмѣрнаго возбужденія животныхъ. Несмотря на это удивительное наблюденіе, я долженъ согласиться съ вышеизложеннымъ мнѣніемъ моего друга: фенекъ самая пріятная изъ лисицъ.

* * *

За болѣе далекаго сородича нашей обыкновенной лисицы слѣдуетъ принять **Сѣрую лисицу** (*Vulpes cinereo-argentatus, anis griseus, C. cinereo-argentatus, C. vulpes, Urocyon virginianus. Graufuchs. Renard gris*). Сѣрая лисица отличается отъ обыкновенной болѣе короткими ногами, соразмѣрно длиннымъ хвостомъ и вообще болѣе нѣжнымъ строеніемъ. Ея длина простирается приблизительно до 1 метра, изъ котораго около 40 см. приходится на хвостъ; высота въ плечахъ около 30 см. Господствующій цвѣтъ ея шерсти сѣрый съ своеобразнымъ налетомъ, зависящимъ отъ серебристо-сѣрыхъ и черныхъ волосъ, образующихъ ея мѣхъ; такого цвѣта ея лобъ, темя, боковыя части морды, затылокъ и вся верхняя сторона туловища. Отдѣльные волосы у корня—бѣлые, далѣе черные, конецъ-же опять бѣлый. Щеки и горло желтовато-бѣлаго цвѣта, уши и бока шеи сѣровато-желтаго, нижняя и внутренняя части туловища свѣтло-ржаво-желтаго, или желтовато-бѣлаго цвѣта, полоса на груди—темнѣе, на переднихъ лапахъ также по черной полоскѣ, наконецъ хвостъ сверху черный, снизу ржаво-красный, а на концѣ сѣрый.

По словамъ Одюбона сѣрая лисица водится болѣе въ южныхъ, чѣмъ въ сѣверныхъ штатахъ Сѣверной Америки; сѣвернѣе штата Мэнъ она, кажется, совсѣмъ не встрѣчается. Въ Новой Англіи и Канадѣ она попадается рѣдко, а въ Пенсильваніи и Новомъ Джерсеѣ приблизительно такъ-же часто, какъ и красная лисица; въ южныхъ-же штатахъ, исключая горъ Виргиніи, это единственный

встрѣчающійся видъ лисицъ; во Флоридѣ, Миссисипи и Луизианѣ она встрѣчается необыкновенно часто. На западъ она распространяется до Калифорніи.

Довольно трудно съ нѣкоторою точностію указать, чѣмъ образъ жизни сѣрой лисицы отличается отъ обыкновенной и ея родичей въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Извѣстныя мнѣ описанія жизни этого животного, среди которыхъ выше всѣхъ стоитъ описаніе Одобона, походятъ на описаніе жизни нашей лисы такъ-же, какъ одно яйцо на другое. Сѣрая лисица, говорятъ, не можетъ бѣгать такъ быстро и долго, какъ наша, въ остальномъ-же она едва-ли существенно отличается отъ своихъ сородичей. Она устраиваетъ себѣ жилища въ трудно-проходимыхъ и даже непроницаемыхъ для большихъ хищныхъ звѣрей чащахъ и въ расщелинахъ скалъ, гдѣ встрѣчаются пещеры и трещины; область ея охоты составляютъ окрестности ея жилища, начиная отъ морского берега до дворовъ

Сѣрая лисица. *Vulpes cinereo-argentatus*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

фермеровъ. Одобонъ увѣряетъ, будто она гораздо трусливѣе, чѣмъ наша лиса, пугается и пускается въ бѣгство не только при видѣ собаки, но и когда вѣтка затрещитъ, и что совсѣмъ почти не слышно объ ея нападеніяхъ на огороженные птичьи дворы или на стада овецъ. Однако онъ ясно упоминаетъ, что это животное на югѣ такъ-же ненавидятъ и преслѣдуютъ, какъ на сѣверѣ красную лисицу. Последнюю, какъ полагаетъ свидѣтель, можно сравнить со смѣлымъ и хитрымъ разбойникомъ, первую-же съ воромъ, однако самки обоихъ этихъ видовъ бываютъ одинаково отважны, когда у нихъ есть дѣтеныши. Сѣрая лисица ловитъ, какъ и обыкновенная лиса, мышей и крысъ, полевыхъ и другихъ грызуновъ, но она не пренебрегаетъ и другою пищею. Одобонъ очень наглядно изображаетъ, какъ это животное подкрадывается, подобно прекрасной ищейкѣ, пользуясь вѣтромъ, къ выводку лѣсныхъ перепеловъ и уносить одну изъ птицъ. «Въ одинъ холодный дождливый день нашего путешествія», рассказываетъ онъ, «мы замѣтили сѣрую лисицу, которая шла подобно летавой собакѣ. Сначала она кралась противъ вѣтра по высокой травѣ, потомъ вдругъ остановилась и присѣла на заднія лапы.

Через мгновение она опять поднялась и тихо и осторожно поползла вперед, по временам нюхая воздух и двигая мордой из стороны в сторону. Наконец она, казалось, намѣтила свою добычу и двинулась уже прямо, но все еще очень осторожно, временами крадучись по землѣ, порой исчезая из нашихъ глазъ, пока наконец мы ее опять замѣтили, когда она остановилась въ послѣдній разъ. По одному движенію хвоста, какъ это наблюдается у домашней кошки, мы ничего не замѣтили; уши ея были опущены; голова всего на нѣсколько дюймовъ поднята отъ земли; въ такомъ положеніи оставалась она около полминуты и послѣ того только прыгнула на добычу. Послышался шумъ улетающихъ перепеловъ и два—три жалобныхъ крика, и вслѣдъ затѣмъ разбойникъ показался, держа перепела въ зубахъ. У насъ было съ собой ружье и мы могли-бы его убить, но къ чему? Онъ намъ показалъ, что не только принадлежитъ къ семейству собакъ, но можетъ охотиться какъ прекрасная легавая собака; кромѣ того онъ добылъ себѣ нищу законнымъ для него образомъ: для чего-же его убивать?» Болѣе строго будетъ судить его тотъ, кто найдетъ разоренныя имъ гнѣзда индѣекъ и другихъ полезныхъ птицъ, или придетъ на мѣсто, на которомъ замѣтны слѣды прошедшаго между лисой и индѣйкой боя; онъ пойметъ тогда, почему сѣрую лисицу преслѣдуютъ такъ, какъ ея родичей, хотя слѣдуетъ принять во вниманіе, что она такъ-же, какъ и тѣ приноситъ болѣе пользы, истребляя вредныхъ грызуновъ, чѣмъ вреда, поѣдая полезныхъ намъ животныхъ. Кромѣ большой дичи, особенно позвоночныхъ животныхъ всѣхъ классовъ, сѣрая лисица ловитъ также насѣкомыхъ, напримѣръ, разрываетъ полусгнившіе пни деревьевъ, чтобы достать оттуда личинокъ, а также ѣсть всевозможныя растительныя вещества. Одинъ сельскій хозяинъ въ штатѣ Нью-Йоркъ обратилъ вниманіе Одюбона на маисовое полѣ, которому какія-то неизвѣстныя животныя причинили немаловажный вредъ тѣмъ, что съѣли зрѣющіе початки. Оставшіеся слѣды показали, что это сдѣлала сѣрая лисица и предположеніе это вскорѣ подтвердилось тѣмъ, что тамъ поймали трехъ такихъ лисецъ.

Въ Каролинѣ сѣрая лисица рождается въ послѣднихъ числахъ марта или въ первыхъ апрѣля, въ сѣверныхъ-же штатахъ немного позже. Дѣтеныши остаются при матери около 3-хъ мѣсяцевъ и потомъ расходятся, какъ только станутъ самостоятельны и могутъ вести одинокую жизнь, какъ старыя лисицы. Даже когда они совсѣмъ выростутъ, ихъ можно легко узнать по ихъ сравнительно меньшей осторожности; а именно, на охотѣ съ собаками они только въ крайней необходимости ищутъ спасенія въ бѣгствѣ, въ большинствѣ—же случаевъ влѣзаютъ на деревья, тогда какъ наученныя опытомъ старыя лисицы часто успѣшно спасаются при помощи различныхъ уловокъ и хитростей отъ своихъ смертельныхъ враговъ. Одюбонъ, какъ кажется, находитъ очень удивительнымъ, что лисица влѣзаетъ на деревья; но мы не находимъ здѣсь ничего страннаго, такъ какъ и наша лиса продѣлываетъ подобныя-же штуки. Для такого ловкаго животнаго, какъ лисица не можетъ представить особенной трудности взобраться на дерево, которое обыкновенно имѣетъ спускающіяся внизъ вѣтви, боковые побѣги, наросты и другія неровности; собака-же, какъ болѣе неловкое животное, не въ состояніи этого сдѣлать.

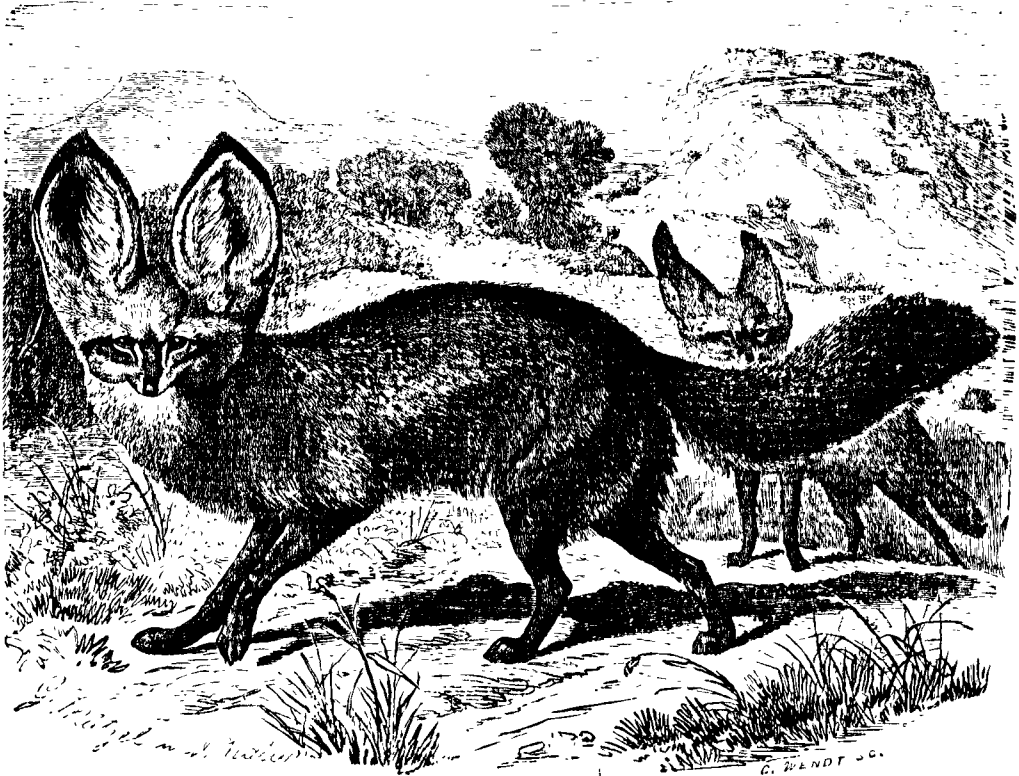
Относительно охоты на нее и другихъ способовъ истребленія сѣрой лисицы можно сказать почти то-же, что и про нашу лисицу. Въ Америкѣ употребляютъ различныя ловушки, чтобы захватить и убить этого плуга, и травятъ этихъ лисецъ такъ-же усердно, какъ въ Англіи. Пойманныя сѣрыя лисицы ведутъ себя такъ-же, какъ ихъ европейскіе сородичи, но, какъ говорятъ, онѣ никогда не дѣлаются вполне ручными и всегда сохраняютъ сильную любовь къ свободѣ. Особенно трудно, говорятъ, отучить ихъ кусаться, но крайней мѣрѣ Одюбонъ утверждаетъ, что онъ

никогда не видѣлъ пойманную лисицу этого вида, которая-бы сдѣлалась совѣтъ ручной. Въ одномъ отношеніи однако сѣрая лисица отличается отъ своихъ сородичей: она не имѣетъ ихъ непріятнаго запаха, что составляетъ ея преимущество предъ ними.

Мѣхъ сѣрой лисицы мало цѣнится, вслѣдствіе его короткихъ и жесткихъ волосъ и употребляется обыкновенно на подбивку дорожныхъ шубъ. По словамъ Ломера, на продажу идутъ каждый годъ только 25,000 шкуроекъ; каждая изъ нихъ стоитъ 4—6 марокъ.

* *

По устройству зубовъ всѣ до сихъ поръ рассмотрѣнные виды семейства собакъ

Широконосная лиса. *Otocyon caffer*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

мало другъ отъ друга отличались; животное-же, которое мы сейчасъ будемъ описывать, отличается отъ прочихъ не только внѣшними признаками, но и строеніемъ зубной системы и потому заслуживаетъ особаго вниманія. Широконосная лисица (*Otocyon caffer*, *Canis megalotis* и *lalandii*, *Megalotis*, *Agrodius* и *Otocyon lalandii*, *Löffelhund*) характеризуется слѣдующими признаками: тонкое строеніе тѣла, высокія ноги, хвостъ, равняющійся почти половинѣ длины всего тѣла, короткая голова съ острой мордочкой, очень большія, бросающіяся въ глаза уши яйцевидной формы, а еще болѣе значительное количество зубовъ, такъ какъ зубная система ея состоитъ изъ 48 зубовъ и имѣетъ по 8 коренныхъ на каждой челюсти, что представляетъ уклоненіе отъ зубныхъ системъ всѣхъ другихъ хищныхъ животныхъ; она имѣетъ наверху двумя, а внизу однимъ зубомъ болѣе, чѣмъ у собаки. Однако это

количество зубовъ встрѣчается не у всѣхъ широконосыхъ лисицъ: очень часто находятъ черена ихъ, у которыхъ только 7 коренныхъ зубовъ наверху. Длина повидимому взрослой широконосой лисы простирается до 85 — 90 см., изъ которыхъ навѣрно $\frac{1}{3}$ приходится на хвостъ; высота въ плечахъ 35 см. Мѣхъ ея обыкновенно бываетъ темнаго, сѣровато-желтаго цвѣта, имѣющаго зеленоватый оттѣнокъ, отдѣльные волоса у корня буроватые, въ срединѣ сѣровато-желтые, а на концѣ свѣтло-желтые или темно-бурые; изъ смѣшенія этихъ цвѣтовъ происходитъ зеленоватый налетъ, который придаетъ мѣху особую окраску. Наружная сторона и внутреннй, ясно обозначенный въ верхней части край уха темно-бурого цвѣта, лапы спереди и снаружи и хвостъ на верхней сторонѣ и у корня—рыжевато-темно-бурые, не особенно ясная полоса на лбу, идущая отъ одного глаза къ другому и потомъ спускающаяся внизъ, такъ-же, какъ и нижняя губа—свѣтло-бурья, горло и бока шеи—свѣтло-чалыя. Впрочемъ въ наружности широконосыхъ лисицъ замѣчаются различныя уклоненія.

Широконосая лисица водится въ южной и, по изслѣдованіямъ Кирка и Шлека, также въ нѣкоторыхъ частяхъ восточной Африки. Объ ея образѣ жизни и нравѣ очень мало извѣстно. «Широконосая лисица», говоритъ Фришъ, «названа колонистами мыса Доброй Надежды **Нья-шаналомъ** за ея жалобный, протяжный лай; въ Сечуанѣ ее называютъ **Мотлози**. Ея любимое мѣстопробываніе составляютъ заросшія кустарниками степи внутренней Африки, на сѣверъ отъ Оранжевой рѣки; въ колоніяхъ и въ верхнемъ Наталѣ она тоже встрѣчается иногда, однако въ выше-названныхъ странахъ попадается гораздо чаще, чѣмъ здѣсь. Днемъ она спитъ, спрятавшись такъ-же, какъ ея сородичи въ густомъ тернистомъ кустарникѣ или въ разрытыхъ трубокзубомъ постройкахъ термитовъ, ночью-же рыскаетъ за добычей и иногда подходитъ, испуская жалобные крики, къ лагерному огню. Она питается мелкими животными и остатками отъ добычи крупныхъ хищниковъ, но чаще всего ѣсть саранчу, за которой слѣдуетъ вмѣстѣ съ дрохвами, воронами и мелкими соколами. Мясо этого животнаго на видъ очень аппетитно, но имѣетъ приторный вкусъ, отзывающійся саранчею, и послѣ ѣды остается противная отрыжка.

«Туземецы усердно охотятся за этой лисой, потому что охотно ѣдятъ ея мясо и цѣнятъ ея мѣхъ. Изъ него дѣлаютъ у бечуановъ оторочку колпакообразной шапки, причемъ эта оторочка спереди приподнята, а сзади опущена; эти шапки носятъ замужнія женщины въ отличіе отъ дѣвушекъ, которыя ея носить не смѣютъ. За широконосой лисицей охотятся чаще всего съ собаками, которыя выслѣживаютъ ее въ норахъ и тамъ загрызаютъ; иногда ее отканиваютъ живою. Ее рѣдко стрѣляютъ и она рѣже идетъ на приманку, чѣмъ гіена и чапраный шакалъ. Менѣе хищный звѣрь, чѣмъ наша лиса и болѣе миролюбивый, чѣмъ другія дикія собаки такой-же величины, она мало защищается, когда на нее нападаютъ». Я слыхалъ, что подстрѣленные лисицы также испускаютъ жалобные стоны.

Пехуэль-Лѣше встрѣчалъ широконосую лисицу довольно часто и обыкновенно раннимъ утромъ въ высокорасположенныхъ, покрытыхъ кустарниками степяхъ земли Гереро. Въ высшей степени проворные и ловкіе звѣрки ходили обыкновенно попарно, выскакивали вдругъ совѣмъ близко изъ-за куста и смотрѣли на человека, держа голову на бокъ, какъ-бы довѣрчиво спрашивая что-то; нерѣдко они стояли, поднявъ переднюю лапу, какъ легавая собака. Побуждаемые любопытствомъ или-же надеждой на то, что имъ что-нибудь перепадетъ отъ охотника, они слѣдуютъ за нимъ иногда въ продолженіи получаса или часа и еще дольше, причемъ они ведутъ себя очень забавно, дѣлая видъ, что идутъ своей дорогой и до охотника имъ дѣла нѣтъ. Идя лѣнивымъ шагомъ, уклоняясь направо и налево,

они сопровождают наблюдателя съ удивительной настойчивостью и подходят къ нему иногда через густую траву и кустарники на разстояніи половины ружейнаго выстрѣла. Потомъ они начинаютъ выглядывать изъ своей засады или стоятъ отдѣльно, потягиваясь, или сгибаясь въ дугу и встряхивая своей мѣхъ; при болѣе долгой остановкѣ они садятся, какъ собаки, и ждутъ, что будетъ дальше. Тонкая мордочка носитъ ясный отпечатокъ хитрости, что еще усиливается непрерывными движеніями дѣйствительно гигантскихъ ушей. Если спокойно подойти къ животнымъ, то они отступаютъ, пятятся, останавливаясь сначала нѣсколько времени, и тогда только уже убѣгаютъ въ сторону, однако не особенно сѣбша. При видѣ сильныхъ угрожающихъ движеній платкомъ или шляпой, они останавливаются въ изумленіи или разбѣгаются; но если пойти далѣе своей дорогой, то они опять векорѣ начнутъ настойчиво преслѣдовать охотника. Совершенно ручную широконосую лисицу нашъ натуралистъ видѣлъ у шведскаго купца Рюдина въ Китовой губѣ. Красивое, лишнее неприятнаго запаха животное свободно бѣгало вездѣ, двѣмъ было очень подвижно и слѣдовало за своимъ хозяиномъ, какъ домашняя собака. Хотя вообще оно не было боязливо, но не охотно давало себя трогать или гладить и угрожало чужимъ, которые хотѣли это сдѣлать, открывая свою пасть, совсѣмъ такъ, какъ это дѣлаетъ полосатый волкъ; однако оно ни разу никого не укусило. Особеннымъ лакомствомъ былъ для этого животнаго крупный изюмъ, который оно брало скромно и церемонно по одной ягодкѣ съ пальцевъ или съ ладони. Вообще достоверно то, что широконосая лисица въ дикомъ состояніи очень любитъ медъ и сладкіе плоды и если этихъ послѣднихъ достаточно, то питаются ими гораздо больше, чѣмъ насекомыми; но кромѣ того онѣ считаются большими ворами яицъ. Широконосыя лисицы уже много разъ содержались въ Лондонскомъ зоологическомъ саду.

* * *

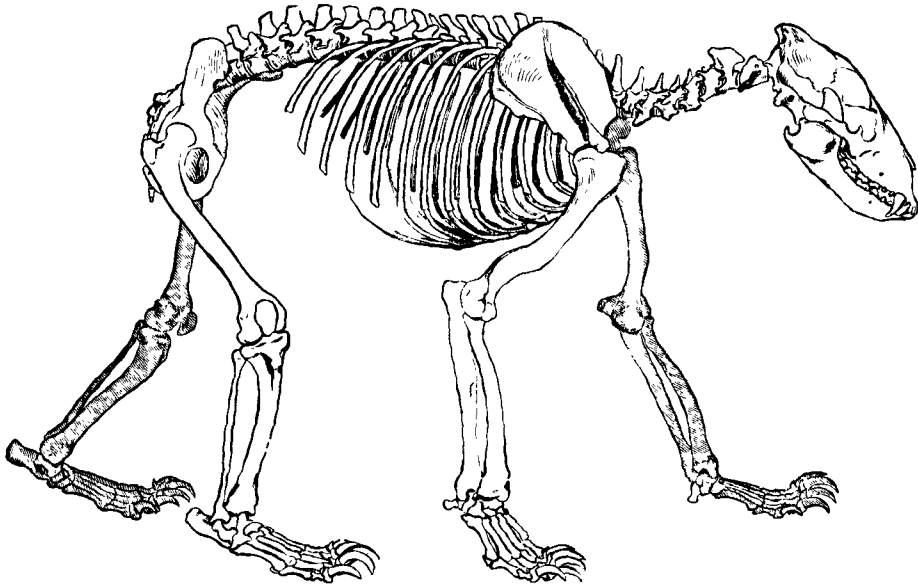
Въ послѣднемъ семействѣ этого отряда мы встрѣчаемъ животныхъ, знакомыхъ и дорогихъ намъ еще по воспоминаніямъ дѣтства.

Медвѣдь такое оригинальное животное, что всякій узнаетъ его по первому взгляду. Однако маленькіе виды медвѣдей по своимъ признакамъ настолько отличаются отъ большихъ, что причисленіе нѣкоторыхъ животныхъ къ этому семейству подлежитъ еще сомнѣнію.

У большихъ медвѣдей туловище короткое и толстое, у маленькихъ иногда стройное; голова овальная, нѣсколько вытянутая съ заостренной, но обыкновенно въ концѣ какъ-бы обрубленной мордой; шея соразмѣрно короткая и толстая; уши коротки и глаза сравнительно малы; ноги не очень длинны, ступни какъ переднихъ, такъ и заднихъ ногъ имѣютъ по пяти пальцевъ и снабжены длинными согнутыми и неподвижными, т. е. невтяжными, когтями, концы которыхъ вслѣдствіе этого бываютъ сильно притуплены. Ступни, которыя при ходьбѣ касаются земли всей своей длиной, почти совсѣмъ голыя. Зубная система состоитъ изъ 36—40 зубовъ, а именно: въ верхней и нижней челюсти по шести рѣзцовъ, по четыре клыка, отъ двухъ до четырехъ ложно-коренныхъ зубовъ, или два ложно-коренныхъ вверху и три внизу, и наконецъ два коренныхъ вверху и отъ двухъ до трехъ внизу. Рѣзцы довольно велики, часто имѣютъ лопасти вѣнчики и гармонируютъ съ сильными клыками, большею частью снабженными гранями или ребрами; ложно-коренные, напротивъ, просто конусообразны съ незначительными боковыми бугорками. Плодоядный зубъ очень слабъ и даже у нѣкоторыхъ видовъ совсѣмъ отсутствуетъ, а у другихъ замѣненъ ложно-кореннымъ зубомъ съ бугорками, обращенными во внутрь. Настоящіе коренные зубы очень тупы, а на нижней челюсти они болѣе длинны,

чѣмъ широки. Мозговая часть черепа вытянута въ длину и отличается очень сильно развитыми гребнями; шейные позвонки коротки и широки такъ-же, какъ и спинные; къ 14 или 15 позвонкамъ прикрѣпляются ребра. Крестецъ состоитъ изъ 3—5, а хвостъ изъ 7—34 позвонковъ. Языкъ у медвѣдей гладкій, желудокъ представляетъ простой мѣшокъ; толстая и тонкая кишки почти не отличаются одна отъ другой; слѣзная кишка отсутствуетъ совершенно.

Медвѣди были извѣстны уже въ самыя древнія времена. Въ настоящее время они водятся во всей Европѣ, Азій и Америкѣ, также, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверозападной Африки. Они живутъ какъ въ самыхъ холодныхъ, такъ и въ самыхъ жаркихъ странахъ, какъ на высокихъ горахъ, такъ и на берегахъ Ледовитаго океана. Почти все виды живутъ въ густыхъ, обширныхъ лѣсахъ или горныхъ мѣстностяхъ, большею частью уединенно. Одни виды предпочитаютъ сырыя, изо-

Скелетъ медвѣди.

билюкціи водою мѣстности: болота, берега рѣкъ, озеръ, морей, между тѣмъ, какъ другіе водятся въ сухихъ мѣстностяхъ. Только одинъ видъ постоянно живетъ на берегахъ морей и почти никогда не углубляется во внутрь страны. Медвѣди этого вида предпринимая далькія путешествія на большихъ льдинахъ, переплываютъ огромныя пространства, даже Сѣверный Ледовитый океанъ и перебираются изъ одной части свѣта въ другую. Все остальные виды бродятъ по менѣе обширнымъ пространствамъ. Большая часть медвѣдей живетъ одиноко, т. е. только на время случки соединяется парами, но нѣкоторые общежительны и живутъ цѣлыми обществами. Одни роютъ себѣ норы въ землѣ или въ пескѣ, гдѣ и устраиваютъ берлога; другіе прячутся въ дуплахъ деревьевъ или въ горныхъ пещерахъ. Почти все виды медвѣдей—ночные животные; они выходятъ на добычу послѣ заката солнца и большую часть дня спятъ въ своихъ берлогахъ.

Хотя медвѣдей можно, въ полномъ смыслѣ слова, назвать животными всеядными, однако-же они болѣе всехъ остальныхъ хищниковъ способны питаться одной растительной пищей. Они ѣдятъ не только плоды и ягоды, но и зерна хлѣб-

ныхъ растеній въ зрѣломъ и не зрѣломъ видѣ, корни, сочныя травы, почки деревьевъ и цвѣтовъ и т. д. Въ неволѣ ихъ долгое время кормили однимъ овсомъ безъ всякаго ущерба для ихъ благосостоянія. Въ юности они питаются почти исключительно растительной пищею, но и въ зрѣломъ возрастѣ предпочитаютъ въ большинствѣ случаевъ эту пищу мясной. Вообще медвѣдь ничѣмъ не брезгаетъ и ѣсть кромѣ вышеупомянутыхъ растеній и животныхъ, наиримѣръ: раковъ, улитокъ, червей, насѣкомыхъ и ихъ личинки, рыбъ, птицъ и ихъ яйца, млекопитающихъ и даже падалъ, если она еще довольно свѣжа и не очень тухлая. Вблизи человѣческихъ жилищъ они причиняютъ иногда большой вредъ; особенно самые большіе виды медвѣдей, мучимые голодомъ, нападаютъ даже на рогатый скотъ и производятъ большія опустошенія. Нѣкоторые между ними такъ смѣлы, что забираются въ деревни. Для человѣка даже самые большіе и сильныя медвѣди только тогда опасны, когда ихъ раздражить, испугаютъ или ранить, однимъ словомъ если чѣмъ-нибудь встревожатъ.

Движенія медвѣдей ошибочно называютъ неуклюжими и медленными. Большіе медвѣди дѣйствительно двигаются обыкновенно не особенно быстро и ловко, но за то они могутъ долго бѣжать; маленькіе-же виды чрезвычайно быстры и проворны. Медвѣди при ходьбѣ опираются на всю ступню и осторожно ставятъ одну ногу передъ другою; но стоитъ имъ чѣмъ-нибудь взволноваться, и они принимаются бѣжать очень скоро, при чемъ пускаются въ особенный ускоренный галопъ. Въ такихъ случаяхъ даже самые большіе медвѣди выказываютъ необычайную быстроту и ловкость. На заднія лапы могутъ становиться даже самые неуклюжіе медвѣди и въ такомъ положеніи, правда не особенно ловко и покачиваясь, дѣлаютъ они нѣсколько шаговъ. Лазаютъ они почти всѣ довольно хорошо, хотя вслѣдствіе своей тяжести имъ это довольно трудно; но крайній мѣръ большіе виды въ старости почти совсѣмъ не могутъ влѣзть на деревья. Нѣкоторые виды избѣгаютъ воды, другіе, напротивъ, отлично плаваютъ, могутъ нырять очень глубоко и долго оставаться подъ водою. Полярнаго медвѣдя можно часто встрѣтить плывущимъ въ далекомъ разстояніи отъ берега, среди моря; въ такихъ случаяхъ можно только удивляться его выносливости и искусству. Большая сила облегчаетъ медвѣдямъ всякое движеніе, даетъ имъ возможность преодолевать всѣ препятствія и очень помогаетъ при ихъ хищническихъ набѣгахъ: они могутъ тащить за собою крупную скотину.

Изъ внѣшнихъ чувствъ у медвѣдя больше всего развито обоняніе; слухъ вообще хорошъ, у нѣкоторыхъ даже тонокъ, зрѣніе порядочное, вкусъ не особенно развитъ, осязаніе почти совсѣмъ не развито; однако у нѣкоторыхъ видовъ кончикъ морды служитъ органомъ осязанія. Нѣкоторые виды понятливы и умны и поддаются извѣстной дрессировкѣ, но все-же не достигаютъ высокаго умственнаго развитія. Ихъ можно приручить, но они никогда не выказываютъ большой привязанности къ своему хозяину. Кромѣ того къ старости дурныя свойства ихъ природы все болѣе выступаютъ наружу: они становятся коварными, раздражительными и злыми, вслѣдствіе чего держать у себя въ домѣ взрослыхъ медвѣдей всегда опасно. Свое расположеніе духа медвѣдь выражаетъ различными интонаціями голоса, глухимъ ворчаньемъ, фырганьемъ или мурлыканьемъ, а иногда звуками, похожими на хрюканье, свистъ или даже лай.

Всѣ живущіе на сѣверѣ большіе виды медвѣдей бродятъ только въ теченіи лѣта, а съ наступленіемъ зимы удаются въ свою берлогу. Однако они вовсе не впадаютъ въ непробудный сонъ, а скорѣе дремлютъ въ полусознательномъ состояніи, изъ котораго тотчасъ-же выходятъ, почувъ что-либо подозрительное. Однако они никогда почти не выходятъ изъ берлоги и почти вовсе не ѣдятъ. Достоинно вниманія.

что только живущіе на сушѣ медвѣди впадаютъ въ зимнюю спячку, между тѣмъ какъ бѣлые медвѣди бродятъ даже въ самую сильную стужу и только въ самую страшную свѣжнюю мятежь спокойно ложатся на землю, предоставляя снѣгу устроить имъ убѣжище или, проще, засыпать ихъ совершенно.

Беременная медвѣдица удаляется въ приготовленное ею заранѣе логовище и тамъ родитъ отъ одного до шести дѣтенышей, за которыми она заботливо ходитъ, которыхъ кормитъ и защищаетъ. Когда медвѣжата начинаютъ самостоятельно двигаться, то становятся ласковыми, веселыми и игривыми звѣрками.

Вредъ, причиняемый медвѣдями, почти выкупается приносимой ими пользой, тѣмъ болѣе, что они почти всегда живутъ въ мало-населенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣютъ возможности очень вредить людямъ. Шкуры почти всѣхъ видовъ идутъ въ дѣло и цѣнятся какъ хорошіе мѣха. Кромѣ того, ихъ мясо ѣдятъ и употребляютъ въ дѣло кости, жилы и внутренности.

Семейство медвѣдей мы дѣлимъ на три подсемейства; къ первому относятся самые крупныя экземпляры всего семейства (*Ursinae*), съ длинной заостренной мордой, маленькими глазами, относительно длинными ногами, пятью пальцами на лапахъ, голыми ступнями, тупыми невяжными когтями, обрубленнымъ короткимъ хвостомъ и густой косматой шерстью. Зубная система состоитъ изъ 42 зубовъ, а именно: по шести рѣзцовъ вверху и внизу, по четыре клыка, съ обѣихъ сторонъ вверху и внизу по четыре ложкокоренныхъ зуба и, наконецъ, по два настоящихъ коренныхъ тупо-бугорчатыхъ зуба на верху и по три внизу. Это подсемейство раздѣляется на два рода: собственно медвѣдей и губачей.

* * *

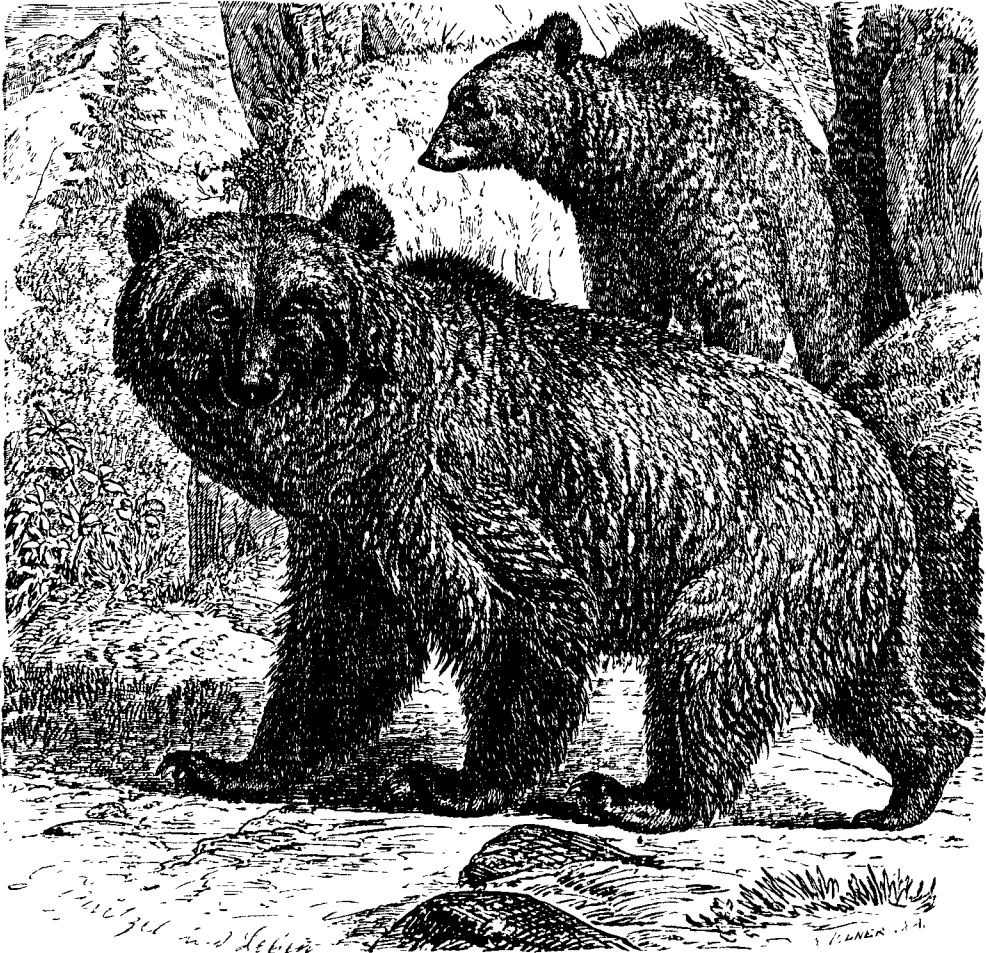
Хотя медвѣдь, повидимому, извѣстенъ каждому, однако натуралисты еще до сихъ поръ не могутъ согласиться между собою, слѣдуетъ-ли различать его разновидности соединить подъ однимъ общимъ названіемъ или раздѣлить на нѣсколько видовъ.

Даже у самаго извѣстнаго вида медвѣдей, **Обыкновеннаго бураго медвѣдя** (*Ursus arctos*. Braune Bär. Ours brun) мы замѣчаемъ большое разнообразіе не только въ цвѣтѣ и достоинствѣ шерсти, но и во внѣшнемъ видѣ и въ формѣ черепа. Его обыкновенно густая шерсть, которая на лицѣ, животѣ и задней части ногъ длиннѣе, чѣмъ на остальномъ тѣлѣ, можетъ состоять изъ короткихъ или длинныхъ, гладкихъ или курчавыхъ волосъ. Цвѣтъ ея переходитъ всѣмъ оттѣнками отъ черно-бураго, до темно-рыжаго или желто-бураго, или отъ темно-сѣраго и серебристо-сѣраго до свѣтло-рыжаго цвѣта; встрѣчающійся у молодыхъ животныхъ бѣлый ошейникъ сохраняется ими иногда до глубокой старости, иногда-же появляется въ старости вновь. Рыло бываетъ то болѣе, то менѣе вытянуто, лобъ иногда сплюснутъ, иногда—нѣтъ, туловище то очень коренастое, то нѣсколько вытянуто; лапы то длиннѣе, то короче.

Въ Европѣ различаютъ прежде всего двѣ разновидности медвѣдей: во 1-хъ—**Стервятника** (*U. arctos*, *U. cadaverinus*) съ его видовыми измѣненіями (*U. normalis*, *U. grandis*, *U. collaris*). Это—животное съ длинными высокими ногами, продолговатымъ туловищемъ, длинной головой, высокимъ лбомъ и заостренной мордой; гладкая шерсть его чалаго или сѣроватаго цвѣта; во 2-хъ—**Бураго медвѣдя** или муравейника (*U. formicarius*) съ толстыми, короткими ногами, широкимъ туловищемъ, широкой плоской головой и короткой мордой. Названія эти, впрочемъ, часто смѣшиваютъ, чѣмъ еще болѣе затрудняютъ дѣло.

Кромѣ того признають отдѣльными видами **Свѣтло-рыжаго медвѣдя** (*U. isabellinus*), живущаго въ восточной части Гиммалая и въ Афганистанѣ, **Чалаго** или **Сирийскаго медвѣдя** (*U. syriacus*), живущаго въ Малой Азіи, и **Атласскаго** (*U. crowtheri*). Очень трудно произнести окончательный приговоръ относительно этой классификаціи, такъ какъ вопросъ далеко еще не достаточно изслѣдованъ. Блэнфордъ, напр., не хочетъ признавать свѣтло-рыжаго медвѣдя особымъ видомъ.

При 1—1,25 метровъ вышины у зайчика медвѣдь достигаетъ отъ 2—2,2 мет-

Обыкновенный медвѣдь. *U. arctos*. ¹/₁, наст. вел.

ровъ длины, при чемъ 8 см. приходится на короткій хвостъ. Вѣсъ колеблется между 150—250 килограммовъ; впрочемъ, у большихъ и тучныхъ достигаетъ 350 кил. Въ сытое время одинъ жиръ вѣситъ отъ 50—100 кил.; по увѣренію Кременца въ одномъ случаѣ онъ вѣсилъ болѣе 140 кил.

Если соединить всѣ эти разновидности въ одинъ видъ, то можно допустить, что медвѣди распространены отъ Испаніи до Камчатки и отъ Лапландіи и Сибири до Атласскихъ горъ, Ливана и восточной части Гиммалая. Въ Европѣ медвѣди населяютъ еще и по нынѣ всѣ высокія горы: Пиреней, Альпы, Карпаты, Трансиль-

ванскія Альпы, Балканскія и Скандинавскія горы, Кавказъ и Уралъ, также какъ и отроги этихъ горъ и страны, къ нимъ прилежанія; всю Россію, всю сѣверную и среднюю Азію, за исключеніемъ голыхъ степей, Сирію, Палестину, Персію, Афганистанъ, отъ Гиммалая къ востоку до Непала и, наконецъ, въ Африкѣ—Атласскія горы. Медвѣдь часто встрѣчается въ Россіи, Швеціи, Норвегіи, Семиградіи, Придунайскихъ странахъ, въ Турціи, Греціи; довольно часто въ Крайнѣ и Кroatіи и на горахъ Испаніи и Италіи; почти не встрѣчается уже въ Швейцаріи, Тиролѣ, Франціи и Австріи, и, наконецъ, совершенно истребленъ въ Германіи, Бельгіи, Голландіи, Даніи и Великобританіи. Единичные экземпляры появляются отъ времени до времени въ горахъ Баваріи, въ Каринтіи, Штиріи, Моравіи и, можетъ быть, въ Богемскихъ горахъ. Непременнымъ условіемъ жизни медвѣдя служатъ высокіе, сплошные и непроходимые или мало посѣщаемые людьми лѣса, изобилующіе ягодами и другими плодами. Отъ злѣйшаго своего врага—человѣка, онъ ищетъ себѣ убѣжище и спасеніе въ норахъ, подъ корнями или въ дуплахъ деревьевъ, горныхъ пещерахъ, въ темныхъ непроходимыхъ лѣсахъ и болотахъ съ сухими островами.

Медвѣдь—самый неуклюжій и косолапый хищникъ Европы и какъ большая часть его ближайшихъ родичей, неловкое и глуповатое животное. Однако неловкость его движеній болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Онъ иноходецъ, слѣдовательно при ходьбѣ и бѣгѣ становится одновременно то на обѣ правыя, то на обѣ лѣвыя лапы; поэтому онъ все время тяжело перекачивается и переваливается со стороны на сторону; при ускоренномъ бѣгѣ онъ выпадаетъ въ очень быстрый галопъ, легко догоняетъ человѣка и во многихъ случаяхъ выказываетъ проворство и ловкость, которыхъ въ немъ едва-ли можно было подозрѣвать. На гору бѣжитъ онъ еще скорѣе, чѣмъ на ровномъ мѣстѣ, чему особенно способствуетъ длина его заднихъ ногъ; съ горы-же онъ можетъ спускаться только медленно, такъ какъ иначе легко перекувырнулся-бы черезъ голову. Ходитъ медвѣдь плохо только въ то время, когда у него линяетъ кожа на пяткахъ. Кромѣ того онъ отлично плаваетъ и искусно лазаетъ; впрочемъ въ старости, когда становится очень жирнымъ и тяжелымъ, онъ избѣгаетъ лазанія по деревьямъ, особенно если стволъ ихъ гладкій и не имѣетъ сучьевъ. Огромная сила и крѣпкіе когти необыкновенно облегчаютъ медвѣдю лазанье; онъ можетъ влѣзть даже на очень крутые склоны скалъ. Изъ пяти чувствъ у него лучше всего развиты обоняніе и слухъ; зрѣніе, напротивъ, довольно плохо, хотя глаза нельзя назвать собственно слабыми; наконецъ вкусъ, кажется, очень хорошо развитъ.

Кременецъ представилъ намъ многія наблюденія относительно тонкости чувствъ медвѣди. По его словамъ, медвѣдь слышитъ въ лѣсу при тихой погодѣ щелканье курка на разстояніи 70 шаговъ, трескъ ломающагося подъ ногами хвороста въ палець толщины за 135 и довольно тихій свистъ за 60 шаговъ. Медвѣдь, лежавшій въ зимней берлогѣ, выглянулъ изъ своего убѣжища при приближеніи охотниковъ уже за 210 шаговъ, хотя къ нему подходили очень осторожно, на лыжахъ и противъ вѣтра. Ручные медвѣди этого наблюдателя узнавали своего хозяина за 50—70 шаговъ; но на 80—100 ихъ зрѣнія уже не хватало; хлѣбъ, намазанный медомъ, чуяли они въ травѣ за 30 шаговъ, а когда это лакомство было спрятано въ кротовой норѣ—за 20 шаговъ.

О нравѣ медвѣди издавна получались самыя благоприятныя отзывы. «Ни одно хищное животное», говоритъ Чуди, «не бываетъ такимъ забавнымъ, такимъ добродушно веселымъ и любезнымъ, какъ нашъ добрый Мишка. У него честный открытый характеръ, безъ коварства и фальши. Способность лукавить и изобрѣтательность у него весьма мало развиты. Всего того, что лисица старается дости-

гнуть умомъ, орель стремительностью, медвѣдь добивается прямой, открытой силой. Похожій на волка своей неноворотливостью, онъ хватается добычу не съ такой жадностью, и не такъ безобразенъ и противенъ какъ волкъ. Онъ не подстерегаетъ долго добычу, не старается обойти охотника или напасть на него сзади, не пускаетъ тотчасъ въ ходъ свои страшные зубы, которыми можетъ все легко растерзать, но старается задуть свою добычу сильными лапами и кусаетъ только въ крайнемъ случаѣ, не выказывая при этомъ большой кровожадности, такъ какъ вообще, будучи болѣе кроткаго нрава, охотно довольствуется растительной пищей. Вся его наружность имѣетъ что-то болѣе благородное, внушающее довѣріе и болѣе дружелюбное, чѣмъ наружность уродливаго волка. Онъ не пожираетъ труповъ людей, не ѣсть себѣ подобныхъ, не бродитъ ночью по деревнѣ въ надеждѣ схватить и утащить ребенка, но остается въ лѣсу, гдѣ охотится, не принося вреда человѣку. Также весьма неправильное представленіе имѣютъ относительно его предполагаемой медленности: во время опасности его темпераментъ измѣняется и переходитъ въ сильное бѣшенство».

Съ своей стороны, я не могу согласиться съ этой характеристикой. Медвѣдь можетъ, конечно, казаться смѣшнымъ, но онъ вовсе не добродушенъ и не любезенъ; мужественъ-же онъ только тогда, когда нѣтъ другого средства къ спасенію; онъ скорѣе скупо одаренъ умственными способностями, довольно глухъ, равнодушенъ и лѣнивъ. Его добродушіе обуславливается скорѣе неумѣніемъ добывать добычу; а смѣшнымъ онъ кажется намъ по своей наружности. Кошка смѣла, собака смышлена, медвѣдь-же глупъ, грубъ и неуклюжъ. Его зубы устроены не единственно для мясной пищи, поэтому онъ рѣдко нападаетъ на животныхъ. Его мало чему можно научить и къ истинной дружбѣ съ людьми онъ не способенъ.

Осторожный наблюдатель не долженъ упустить изъ виду, что не только отдѣльные экземпляры, но и большинство населяющихъ различныя мѣстности медвѣдей можетъ обладать совершенно различными свойствами, смотря по тому, какія обстоятельства влияют на его нравъ и образъ жизни. Это подтверждается какъ отдѣльными случаями, такъ и многочисленными опытами. Недавно старшій лѣсничій Кременецъ издалъ въ отдѣльномъ и весьма поучительномъ сочиненіи плоды своихъ многолѣтнихъ наблюденій надъ медвѣдьми, живущими въ болотахъ около мѣстечка Ракитно въ Киевской губерніи, причемъ онъ оговаривается, что его наблюденія не могутъ служить полной характеристикой всѣхъ медвѣдей, живущихъ въ разныхъ мѣстностяхъ. «Вообще», говоритъ Кременецъ, «медвѣди нельзя назвать жестокимъ или кровожаднымъ. Если-бы онъ былъ кровожаденъ, то имѣлъ-бы возможность выказывать это ежедневно то тѣмъ, то другимъ образомъ, и тогда при его необыкновенной физической силѣ пришлось-бы, вѣроятно, принимать гораздо болѣе энергическія мѣры для его преслѣдованія. Мнѣ ни разу не случалось видѣть, чтобъ медвѣдь, во время своихъ странствованій и встрѣчъ съ человѣкомъ, самъ напасть-бы на него. Напротивъ того, въ подобныхъ случаяхъ онъ скорѣе обратится въ бѣгство или, въ сознаніи своей силы, не обращаетъ вниманія на жалкаго наблюдателя земли и выражаетъ свое неудовольствіе противъ него притворнымъ наступленіемъ, сопровождаемымъ отрывистыми ворчливыми звуками. По своей натурѣ медвѣдь скорѣе добродушенъ, хотя ему все-таки вполнѣ довѣрять нельзя; онъ особенно не любитъ, чтобъ его дразнили или внезапно нарушали его покой. Въ немъ кроется значительная доля флегматичности. Онъ ужасно любитъ покой, и въ его нападеніяхъ видна нѣкоторая откровенность, прямота, и рыцарство,—свойства, не имѣющія ничего общаго съ трусливой кровожадностью волка или коварствомъ рыси. Въ немъ даже замѣчаются проявленія юмора».

«Недовѣрчивость никогда не покидаетъ медвѣдя и постоянно руководить всѣми его поступками. Тотъ, кто наблюдалъ медвѣдей на свободѣ, кто воспитывалъ ихъ, долгое время занимался ими, тотъ не могъ не замѣтить, какими подозрительными взглядами медвѣди слѣдятъ за каждымъ движеніемъ и дѣйствіемъ человѣка: повидимому безучастное, животное однако недовѣрчиво сторожить каждый шагъ человѣка и при малѣйшемъ его приближеніи отступаетъ въ сторону или назадъ. Я могу еще сообщить слѣдующее: часто случается, что медвѣдь идетъ по слѣду лѣсного сторожа, который отыскиваетъ его берлогу, и только тогда возвращается въ нее, когда убѣдится, что съ этой стороны опасность прошла. Вслѣдствіе этой сильной недовѣрчивости, невозможно предвидѣть дѣйствій и поступковъ медвѣдя; въ ней заключается и невозможность совершеннаго его прирученія; поэтому также на медвѣжьей охотѣ слѣдуетъ соблюдать величайшую осторожность. Частыя встрѣчи медвѣдя съ людьми (пришедшими въ лѣсъ за ягодами или за грибами, дровосѣками и т. д.) почти всегда оканчиваются довольно миролюбиво: медвѣдь довольствуется ворчаньемъ или, въ крайнемъ случаѣ, когда его раздражаютъ нѣсколькими не совѣмъ нѣжными толчками и ударами лапъ. По большей части онъ обращается въ бѣгство. Вообще мужества у медвѣдя мало; только въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда на охотѣ онъ загнанъ людьми и собаками, рѣшается онъ для своего спасенія храбро напасть на человѣка, толкаетъ его передними лапами въ снѣгъ и старается причинить ему когтями незначительныя раны. Замѣчено, что тѣ медвѣди, которые зимою очень отоцали, весной особенно смѣло нападаютъ на домашній скотъ. Съ своей стороны я однако замѣтилъ, что эта склонность свойственна большею частью отдѣльнымъ семействамъ медвѣдей, а среди нихъ—отдѣльными экземплярами передается потомству. Такъ напр., почти всѣ коренные медвѣди главнаго ихъ мѣста распространенія, Шитинской волости, кровожадны и отличаются кромѣ того свирѣпостью на охотахъ и въ другихъ случаяхъ, между тѣмъ какъ въ другихъ округахъ, хотя, правда, пропадаетъ ежегодно нѣсколько штукъ скота, медвѣди вообще гораздо благодушнѣе и благонаравнѣе. Мнѣ удалось въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ наблюдать жизнь медвѣдей вышеупомянутаго округа и могу сказать, что единичные экземпляры этихъ животныхъ отличались необычайною кровожадностью и занимались усердно хищничествомъ даже въ тѣ времена года, когда вовсе не страдали отъ недостатка въ пищѣ. Такъ, одинъ медвѣдь, въ іюлѣ 1871 года, пробираясь съ юга на сѣверъ этой области, зарѣзалъ въ теченіи дня до 23 штукъ рогатаго скота, а въ августѣ того-же года еще 8 штукъ, причемъ не попользовался мясомъ ни одной изъ своихъ жертвъ».

Вотъ какъ описываетъ Стеллеръ, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, образъ жизни медвѣдя на самой сѣверной границѣ области его распространенія: «Въ Камчаткѣ медвѣди водятся въ безчисленномъ количествѣ; цѣлыми стадами бродятъ они по пустынямъ. Не будь они тамъ еще болѣе, чѣмъ гдѣ-либо смиренны и миролюбивы, они опустошили-бы давно всю Камчатку. Весною они толпами спускаются съ горъ, отъ истоковъ рѣкъ, куда переселились осенью для добыванія пищи и для зимовки. Они появляются у устьевъ рѣкъ, стоятъ на берегахъ, ловятъ рыбу, выбрасываютъ ее на берегъ и во время обильнаго лова слѣдаютъ, подобно собакамъ, только головы. Если находятъ поставленную кѣмъ-нибудь сѣть, то вытаскиваютъ ее изъ воды и вынимаютъ рыбу. Къ осени, когда рыба поднялась вверхъ по теченію, они вмѣстѣ съ нею постепенно направляются въ горы. Если туземецъ замѣтитъ медвѣдя, то окликаетъ его издали и уговариваетъ вступитъ съ нимъ въ дружбу. Женщины и дѣвушки не смущаются присутствіемъ медвѣдей, когда собираютъ на

торфяникъ ягоды. Если медвѣдь и нападетъ на нихъ, то развѣ для ягодъ, которыя онъ отнимаетъ и съѣдаетъ. Вообще въ тѣхъ мѣстностяхъ медвѣди нападаютъ на людей только въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ внезапно разбудятъ. Рѣдко случается, чтобъ медвѣдь напалъ на охотника даже послѣ выстрѣла. Они тамъ такъ смѣлы, что вламываются въ дома, какъ воры, и обшариваютъ все, что попадется».

Одинъ взглядъ на зубную систему медвѣдя доказываетъ, что онъ—животное всеядное и долженъ питаться преимущественно растительною пищею. Въ этомъ отношеніи медвѣдь ближе всего стоитъ къ свиньѣ; онъ весьма не разборчивъ относительно пищи. Обыкновенно растенія составляютъ его главную пищу, а маленькія животныя, какъ жуки, слизни и т. п.—закуску. Мѣсяцами довольствуется онъ подобной пищею, наѣдается, какъ рогатый скотъ, веводами ржи или сочной травой, ѣсть также зрѣющіе злаки, почки, овощи, желуди, лѣсныя ягоды, грибы и т. п.; разрываетъ мимоходомъ муравейники, лакомится какъ личинками, такъ и муравьями, кислота которыхъ, кажется, особенно ему по вкусу, высклевываетъ пчелиныя ульи, которые доставляютъ ему лакомую и особенно приятную пищу. Въ южной Карпінтін лѣтомъ выносятъ пчелиныя ульи на горы, чтобы, смотря по тому, когда начнутъ цвѣсти яблони, поставить ихъ выше или ниже на склонѣ. Здѣсь иногда встрѣчается перекочевавшій изъ Краины медвѣдь, который причиняетъ огромный вредъ, разбивая ульи и съѣдая ихъ содержимое. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ подобный бѣглець, переходя съ одной пасѣки на другую, уничтожилъ до ста ульевъ, изъ которыхъ 8 принадлежали лѣснику Вишнелю, доставившему мнѣ эти свѣдѣнія. Въ Сибири и Туркестанѣ, также, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, онъ для пчеловодовъ очень опасный гость. Кременецъ говоритъ, что медвѣдь безошибочно узнаетъ тѣ ульи, въ которыхъ находитъ больше меду. Тѣ изъ нихъ, которые прикрѣплены къ деревьямъ, онъ сбрасываетъ на землю и уноситъ на далекое разстояніе, прежде чѣмъ начать лакомиться медомъ. Большею частью доступъ къ тѣмъ ульямъ, которые прикрѣплены къ деревьямъ, очень затрудненъ медвѣдю, потому-что опытные крестьяне стараются оголить стволъ на большую высоту и окружить его крѣпкимъ частоколомъ, который медвѣдь долженъ или разрушить, или перелѣзть съ большимъ искусствомъ. Пойманный съ наличнымъ онъ поспѣшно убѣгаетъ, скатывается по стволу на землю, а если ему мѣшаетъ заборъ, онъ спрыгиваетъ съ края, не причинивъ себѣ приэтомъ большого вреда. Нападенія пчель для него весьма чувствительны: онъ реветъ отъ боли, катается по землѣ, старается лапами сорвать своихъ мучительницъ; если-же ему становится совѣмъ плохо, онъ бѣжитъ безъ оглядки. Однако-же рано или поздно онъ возвращается назадъ, чтобъ возобновить борьбу за любимое лакомство. Въ лѣсахъ горъ Малаго Хингана сворачиваетъ онъ въ іюнѣ и іюлѣ, когда еще нѣтъ ягодъ, вѣтромъ поваленныя деревья и ищетъ въ ихъ гниющей сердцевинѣ жуковъ и личинокъ. По такимъ свороченнымъ стволамъ и разрытымъ муравейникамъ узнаютъ объ его присутствіи. Только что начинаютъ снѣтъ ягоды, какъ онъ принимается за нихъ, а также пригибаетъ къ землѣ молодыя плодовые деревья и кустарники, чтобъ достать ихъ плоды. Когда хлѣбъ, въ особенности овесъ и маисъ, начинаетъ наливаться, медвѣдь появляется на поляхъ, садится на землю и въ такомъ положеніи ползаетъ туда и сюда, чтобъ съ большимъ удобствомъ подносить ко рту колосья, и такимъ образомъ въ одну ночь онъ опустошаетъ довольно большія пространства. Въ осенніе мѣсяцы отыскиваетъ онъ опавшіе желуди или буковые орѣшки, а въ сибирскихъ лѣсахъ, кедровые орѣхи; по словамъ Раде, онъ влѣзаетъ на кедровыя деревья, отламываетъ ихъ верхушки, чтобъ достать наполненныя орѣхами шишки. Когда ему не достаетъ пищи, а въ особенности воды, такъ какъ медвѣдь очень нуждается въ питьѣ, онъ вынужденъ отправляться въ длинное путешествіе

и вести временно бродячую жизнь; тогда онъ подходитъ къ жилищамъ людей, чтобъ утолить мучительную жажду. Онъ не прочь предпринять и большое путешествіе въ то время, когда зрѣютъ особенно имъ любимыя лѣсныя ягоды и плоды. «Кромѣ овощей и орѣховъ», говоритъ Кременецъ, «медвѣди любятъ еще желуди. Они составляютъ, когда на нихъ урожай, его любимую ѣду, для добыванія которой онъ предпринимаетъ большія странствованія. Случается нерѣдко, что ко времени созрѣванія желудей въ дубовыхъ лѣсахъ появляются цѣлыя группы медвѣдей. Однажды въ октябрѣ, въ Бобруйскомъ уѣздѣ, удалось выслѣдить во время одной облавы въ большомъ дубовомъ лѣсу до одиннадцати медвѣдей, и кромѣ того не меньшее ихъ число прорвало цѣпь. Отъ желудей и хлѣбныхъ зеренъ медвѣди становятся жирными, между тѣмъ какъ мясо, ягоды, овощи и овесъ мало прибавляютъ ему сала. Но любимое лакомство медвѣдя все-таки медъ, который онъ безъ устали отыскиваетъ осенью».

Дневное препровожденіе времени медвѣдя Кременецъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «При своихъ ежедневныхъ обходахъ медвѣдь необыкновенно остороженъ, походка его спокойная, развалистая. Только почувявъ что-нибудь подозрительное, онъ пускается въ бѣгство или, остановившись на мѣстѣ, осматривается кругомъ, наостряетъ уши, поворачиваетъ въ ту и другую сторону свою толстую голову, а иногда садится на мясистый задъ. Покажется ему какой-нибудь предметъ подозрительнымъ—онъ разсматриваетъ его пристально, вытянувъ шею и поднявъ голову, послѣ чего бѣжитъ мимо или ворча описываетъ кругомъ его дугу, причемъ старается не выпустить его изъ виду. Свойственное медвѣдю любопытство заставляетъ его обнюхивать каждую вещь, поворачивать ее во все стороны и осматривать внимательно. Отъ времени до времени онъ влѣзаетъ на дерево до самой верхушки, а оттуда осматриваетъ окрестность. Медвѣдь, если ничѣмъ не обезпокоенъ, рѣдко измѣняетъ порядокъ своихъ переходовъ и появляется въ извѣстныхъ пунктахъ своего вѣстожительства почти всегда въ одни и тѣ-же часы, такъ что опытные *полѣсовники* почти всегда могутъ сообщить, гдѣ находится извѣстный имъ медвѣдь въ то или другое время дни. Почти невозможно прослѣдить за медвѣдемъ во время его ежедневныхъ обходовъ и наблюдать его жизни; случайныя встрѣчи на его любимыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ на водоюяхъ и т. д., но причинѣ ихъ кратковременности проливаютъ весьма малый свѣтъ на образъ жизни медвѣдей, который въ сущности еще мало кѣмъ изслѣдованъ. Къ гораздо большимъ результатамъ приводитъ изслѣдованіе свѣжихъ слѣдовъ по росѣ и изморози. Я хочу здѣсь сообщить описаніе подобнаго наблюденія. Небольшой медвѣдь прошелъ рано утромъ по лугу, переверотилъ лежачія на окраинѣ его сосновыя бревна, разрылъ когтями подъ ними землю, отыскивая червей, личинокъ и куколокъ. Во многихъ мѣстахъ кора уже два года лежавшаго бревна была имъ сорвана, и онъ полакомился жирными личияками и жуками гніющаго дерева. Дальнѣйшій его путь черезъ лѣсъ обозначился сорванными листьями, разрытыми муравьиными кучами, свороченнымъ хворостомъ и объѣденными ягодами брусники и голубики. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ разрылъ землю, разбросалъ пометъ лося и пошелъ по его слѣдамъ, потомъ направился къ болоту, шелъ по немъ шаговъ сто, затѣмъ опять воротился къ лѣсу, изъ котораго вышелъ, погнался за нѣсколькими рябчиками, о чемъ свидѣтельствовали потерянныя въ послѣднемъ бѣгствѣ перья. Послѣ того онъ направился опять къ болоту, перешелъ его все, опять пошелъ въ лѣсъ, сорвалъ тамъ съ орѣшника пустое сорочье гнѣздо, старался лапами и когтями расширить отверстіе дупла дуба, чтобъ достать медъ дикаго пчелинаго улья, поѣлъ голубицы, обнюхалъ входъ въ барсучью нору и пробѣжалъ по открытому мѣсту, обросшему травой, нѣсколько разъ

взадъ и впередъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе указало, что онъ гнался здѣсь за молодыми тетеревами, пометъ которыхъ былъ разбросанъ по всей полянѣ. Съ этого мѣста перешелъ онъ изъ ольховой рощи, частой и сырой, въ старый сосновый лѣсъ, испражнялся, сорвалъ кору съ нижней части высохшей сосны, раскопалъ землю, сѣлъ на заднія лапы, переднимъ-же двигалъ туда и сюда, доказательствомъ чему служило множество слѣдовъ его когтей на землѣ, которая была принята его ступнями. Послѣ того онъ направился къ прогалинѣ, которая была засѣяна гречихой, прошелъ черезъ нее и пошелъ въ низкую мѣстность, покрытую смѣшаннымъ лѣсомъ, причемъ преимущественно выбиралъ тѣ мѣста, гдѣ было больше вырубленнаго лѣса, подползъ подъ корни вывороченной сосны, прошелъ по лежащей оснѣжкѣ и задомъ глубоко врѣзался въ болото. Наконецъ онъ выбрался въ сухой сосновый лѣсъ, гдѣ и исчезъ, послѣ чего уже прслѣживаніе его прекратилось».

Пока у медвѣдя растительная пища въ изобиліи, онъ довольствуется ею. Но въ случаѣ ея недостатка и разъ попробовавши животной пищи, онъ дѣлается хищникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Добычу свою онъ высматриваетъ и высѣживаетъ, рогатый скотъ, какъ говорятъ, старается утомить прслѣдованіемъ, особенно когда тотъ пасется на высокихъ горахъ, старается загнать его въ пропасть, послѣ чего онъ осторожно самъ спускается вслѣдъ за нимъ и наѣдается до сыта. Успѣхъ увеличиваетъ его смѣлость. На Уралѣ медвѣдь считается злѣйшимъ врагомъ лошадей. Извощники и почталыоны отказываются иногда ѣхать ночью лѣсомъ, хотя почти не было случая, чтобы медвѣдь напалъ на запряженныхъ въ экипажъ лошадей; тѣ-же лошади, которыя пасутся на свободѣ въ лѣсу, никогда не обезпечены отъ его нападений. Одинъ знакомый медвѣжій охотникъ, Бекманъ, рассказывалъ мнѣ, какъ очевидецъ, какимъ образомъ медвѣдь нападетъ на свою добычу. Однажды нѣсколько лошадей паслись въ болотистой чащѣ, на виду у сидящаго въ засадѣ охотника. Въ это время появился изъ чащи медвѣдь и сталъ осторожно подкрадываться къ лошадямъ, пока онъ его не почувляли и не пустились поспѣшно въ бѣгство. Медвѣдь послѣдовалъ за ними могучими прыжками, въ удивительно короткое время настигъ одну изъ лошадей, ударилъ ее одной лапой по затылку, другой схватилъ за морду, повалилъ ее на землю и растерзалъ ей грудь. Когда онъ увидалъ, что одна изъ бѣгущихъ лошадей хромаетъ и не можетъ спастись, онъ побѣждалъ за второй жертвой, бросивъ свою добычу, быстро настигъ ее и убилъ точно такъ-же. Обѣ лошади громко ржали.

Разъ осмѣлившись, онъ подходитъ къ хлѣбамъ, старается взломать дверь или, какъ это случается иногда въ Скандинавіи, разбѣрастъ крышу. Его необыкновенная сила позволяетъ ему даже уносить съ собой большихъ животныхъ. Нѣсколько примѣровъ этой странной силы приводитъ Кременецъ. Одинъ медвѣдь въ предсмертной борьбѣ сломалъ сосновые колья отъ 8—10 см. толщины. Другой, взявъ въ переднія лапы только-что убитую и еще трепещущую корову и иди на заднихъ лапахъ, перенесъ ее черезъ ручей въ лѣсъ. На сидѣвшаго у огня полѣсовщика напалъ сзади неожиданно вышедшій изъ зимняго логовища медвѣдь и «раздробилъ ему сильнымъ ударомъ переднихъ лапъ черепъ, такъ что смерть послѣдовала мгновенно». Наконецъ четвертый медвѣдь вытащилъ изъ ямы, въ которую онъ свалился, еще живого взрослого лося, вѣсившаго 300 килогр., и протаскалъ его на цѣлые пять километровъ по болоту.

Олени, косули и серны, благодаря своей осторожности и быстротѣ бѣга, довольно часто избѣгаютъ медвѣжьихъ лапъ, но на сѣверѣ Скандинавіи за лосемъ гоняется онъ довольно усердно. Онъ прслѣдуетъ даже рыбъ по теченію рѣкъ. Въ боло-

тахъ Ракитно, по словамъ Кременца, онъ живетъ во враждѣ съ выдрой, за дѣйствіями которой онъ тщательно наблюдаетъ, чтобы воспользоваться ея добычей, но съ рысью, лисой, зайцемъ и бобрѣмъ онъ живетъ въ дружбѣ. Барсучьи норы онъ иногда посѣщаетъ и заглядываетъ въ ихъ отверстія. Волки иногда беспокоятъ его во время зимней спячки, преслѣдуютъ подстрѣленныхъ медвѣдей и даже осмѣливаются нападать на медвѣдицу, которая упорно и безуспѣшно защищаетъ своихъ дѣтенышей. Ни одного четвероногого животного медвѣдь не ненавидитъ и не боится такъ, какъ собаку. «Лошади», говоритъ Кременецъ, «въ нашихъ мѣстахъ рѣдко дѣлаются добычей медвѣдя, свиньи-же, овцы и козы—почти никогда, хотя я не могу утверждать, что-бы нѣсколько случаевъ исчезновенія домашнихъ животныхъ, приписываемыхъ волку, не могли быть дѣломъ медвѣдя. Изъ дичи медвѣдь убиваетъ только лосей, кабана и косулю, преслѣдуетъ также тетеревовъ и рябчиковъ и не брезгаетъ даже яйцами послѣднихъ. Медвѣдь подкрадывается къ своей жертвѣ или ожидаетъ ее въ засадѣ, прикрытый низкорастущей сосной, молодымъ ельникомъ или густымъ пвнякомъ и хворостомъ, въ углубленіи, въ высокой травѣ и въ камышахъ. За всѣми этими прикрытіями онъ готовится къ нападенію на свою жертву. Если одна изъ его жертвъ, особенно отдѣлившаяся отъ стада, приближается къ нему, онъ необыкновенно быстро набрасывается на нее и сильнымъ ударомъ по спинѣ старается свалить съ ногъ и одолѣть, причемъ вонзаетъ острые и длинные когти своихъ переднихъ конечностей глубоко въ мясо, огромные куски котораго нерѣдко отрываетъ вмѣстѣ съ кожей и въ то-же время убиваетъ свою добычу, прокусывая ей горло. У большей части убитыхъ медвѣдемъ коровъ и быковъ, которыхъ я осматривалъ, были раны на бокахъ и на шеѣ».

Само собой разумѣется, что и Мишка во время своихъ хищническихъ нападеній наталкивается часто на неудачи и разочарованія. Случается, что избранная имъ жертва ускользаетъ отъ него, или-же раненая спасется, собравъ послѣднія силы, или онъ самъ долженъ бѣжать отъ нападеній быка, пришедшаго на помощь коровѣ, причемъ ему иногда плохо приходится. Впрочемъ, ловкій парень, когда ему очень захочется мяса, прибѣгаетъ къ хитрости, которую едва въ немъ можно предположить. Такъ, напр., говорятъ, что для привлеченія лося онъ старается подражать ихъ крику, и Кременецъ не сомнѣвается, что отъ времени до времени, посредствомъ этой хитрости, ему удается обмануть это животное. Большею частью медвѣдь отправляется на промыселъ послѣ зимней спячки, когда онъ похудѣлъ и голоденъ, а въ это именно время въ лѣсу онъ можетъ найти только весьма скудную растительную пищу. Но безъ сомнѣнія есть медвѣди, которые питаютъ особенное пристрастіе къ мясу и стараются его добыть даже при изобиліи растительной пищи. Убитую добычу покрываютъ они хворостомъ, листьями и мхомъ. Наблюденіями опытныхъ русскихъ охотниковъ достаточно доказано, что медвѣди питаются и падалью. Когда свирѣпствуетъ надежъ скота и сибирскіе крестьяне принуждены закапывать навшихъ животныхъ, медвѣди вырываютъ ихъ, чтобы насытиться. Поэтому несомнѣнно невѣроятно, что медвѣди разрываютъ могилы. Такъ однажды поймали въ сибирской деревнѣ Макаровѣ медвѣдя, занятаго откапываніемъ только-что зарытаго трупа. Но все-таки еще не вполне доказано, что медвѣдь питается совсѣмъ тухлымъ мясомъ.

Съ приближеніемъ зимы медвѣдь готовится себѣ берлогу между скалъ или въ пещерахъ, которую онъ находитъ готовою или самъ вырываетъ, или только значительно увеличиваетъ, также въ дуплахъ деревьевъ или въ лѣсной чащѣ, или на сухихъ кочкахъ среди болотъ. Князь Василій Радзивиллъ сообщаетъ, какъ свидѣтель, что въ Минской губерніи, въ 1887—88 г.г., медвѣдь устроилъ себѣ берлогу

даже на деревѣ. Медвѣдь покоился среди сплетенныхъ сучьевъ раздвоеннаго ствола великолѣпной ели, на вышинѣ 11 метровъ надъ землею. Впрочемъ это животное не въ первый разъ выбирало себѣ такое ложе: уже въ началѣ предшествующей зимы оно поселилось на другомъ болѣе низкомъ деревѣ, но, спугнутое любопытными наблюдателями, наконецъ покинуло его. Логовище свое медвѣдица тщательно устилаетъ мхомъ, листьями, травой и вѣтками, и такимъ образомъ приготовляетъ себѣ красивое и удобное ложе. Въ Галиційскихъ Карпатахъ медвѣдица предпочитаетъ располагаться на зиму въ дуплахъ очень толстыхъ стволовъ деревьевъ, если отверстіе не слишкомъ уже широко. Еще до перваго снѣга убираетъ она свое зимнее жилище, т. е. очищаетъ дупло отъ земли, гнили и другихъ нечистотъ. При наступленіи морозовъ медвѣдь забирается въ свое убѣжище и погружается въ зимнюю спячку. Время, когда медвѣдь осенью залегаетъ въ берлогу, весьма различно, смотря по климату и состоянію погоды. Тогда какъ медвѣдица удаляется въ берлогу уже въ началѣ ноября, медвѣдь бродитъ (въ чемъ я самъ убѣдился въ Кроаціи посредствомъ разсматриванія слѣдовъ) еще въ декабрѣ, не обращая вниманія на снѣгъ и морозъ. По увѣренію русскихъ медвѣжьихъ охотниковъ, медвѣдь, прежде чѣмъ залечь въ свое зимнее убѣжище, тщательно обходитъ его окрестности и, если замѣтитъ по разнымъ направленіямъ слѣды человѣческихъ ногъ, тотчасъ перебирается на другое мѣсто. Зимой, во время оттепели, онъ даже въ Россіи и Сибири выходитъ, чтобъ напиться или поѣсть. «При началѣ зимней спячки», говоритъ Левисъ, «имъ, повидимому, гораздо легче оставить берлогу, чѣмъ посреди зимы. Не подлежитъ сомнѣнію, что медвѣди въ Лифляндіи лежатъ совершенно зарытые въ снѣгу въ теченіи 3—4 мѣсяцевъ, не принимая никакой пищи, послѣ чего желудокъ ихъ оказывается совершенно пустымъ».

Если зима не холодна, то спячка медвѣди продолжается не долго, а въ болѣе тепломъ климатѣ онъ вѣроятно и не думаетъ объ устройствѣ теплаго убѣжища. Это доказываютъ медвѣди, содержаемые въ зоологическихъ садахъ. Тамъ они вовсе не спячатъ и ведутъ себя зимою совершенно такъ-же, какъ и лѣтомъ. Пока ихъ правильно кормятъ, они ѣдятъ зимою почти такъ-же, какъ и лѣтомъ, а въ теплыя зимы они спячатъ развѣ немного больше, чѣмъ лѣтомъ. Ко времени рожденія дѣтенышей медвѣдица бываетъ вполне бодрѣ; на волѣ она спитъ до и послѣ родовъ такъ-же крѣпко, какъ и медвѣдь, и, какъ я убѣдился изъ собственныхъ наблюденій, и въ неволѣ не ѣсть въ это время ничего. Такъ какъ лѣтомъ и осенью медвѣдь обыкновенно отличнѣе питается, то онъ ко времени зимней спячки бываетъ весьма жиренъ и этимъ жиромъ питается отчасти и въ теченіи зимы. Весною, какъ всѣ животныя, подверженныя зимней спячкѣ, онъ появляется въ очень исхудаломъ видѣ. Древніе, которымъ это было извѣстно, замѣтили, что лежащій медвѣдь имѣетъ иногда обыкновеніе лизать свою лапу и заключили изъ этого, что онъ высасываетъ себѣ изъ лапы жиръ. Что это послѣднее невѣрно — понятно каждому ребенку; однако этимъ сказкамъ вѣрятъ и рассказываютъ ихъ и по сіе время. Совершенно справедливо, что медвѣдь во время зимней спячки, когда на его ступняхъ линяетъ кожа, сосетъ ихъ, причѣмъ ворчитъ и чмокаетъ, что слышно и на дальнемъ разстояніи; вѣроятно, онъ это дѣлаетъ, чтобъ ускорить линяніе, а можетъ быть и облегчить боль.

Кременць обстоятельно рассказываетъ объ образѣ жизни и нравахъ медвѣдей въ болотахъ Ракитно. По его мнѣнію, медвѣдь собственно житель болотъ. У него есть свои излюбленныя мѣста, какъ и у тигра; гдѣ въ этомъ году застрѣленъ медвѣдь, тамъ на слѣдующій годъ на томъ-же самомъ мѣстѣ навѣрное явится другой. Они любятъ устраивать свои берлоги на возвышенныхъ мѣстахъ низменныхъ и болотистыхъ мѣстностей, выбираютъ чаще всего пустыри, гдѣ много поваленныхъ вѣтромъ

деревьевъ и особенно хвороста и которые окружены соснами; не пренебрегаютъ также и расщелинами скалъ, чащами деревьевъ, густымъ кустарникомъ и камышемъ, забираются въ дупла, и въ крайнемъ случаѣ ложатся даже въ болото, едва появившееся нѣсколькими кустами. Углубленія, защищенныя отъ суровыхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, всегда предпочитаютъ ими, а по необходимости выкапываются ими самими. Къ зимѣ медвѣди даже издали возвращаются къ своей берлогѣ и изъ году въ годъ такъ опредѣленно слѣдуютъ по одной и той-же дорогѣ, что на охотѣ можно легко ихъ сторожить. Медвѣди, которые живутъ въ сѣверныхъ, болѣе сухихъ мѣстностяхъ, любятъ весною, по пробужденіи отъ зимней спячки, переселиться въ болота. При этомъ, чтобы позднѣе осенью, между 25 октября и 10 ноября, мало-по-малу небольшими группами перебираться назадъ къ сѣвернымъ берлогамъ. При этихъ перекочевываніяхъ съ зимняго мѣстопробыванія на лѣтнее и назадъ, они проходятъ отъ 200 до 300 километровъ и даже болѣе. Нѣкоторые медвѣди, болѣею частью старыя, хорошо знакомыя лѣсникамъ, не странствуютъ вовсе. Для скота и пчелиныхъ пасѣкъ это наиболѣе опасныя медвѣди. Во время странствованій назадъ къ берлогѣ они ведутъ себя совершенно различно. Одни прямо спѣшатъ на мѣсто и здѣсь располагаются, другіе направляются къ своимъ зимнимъ логовищамъ по обходнымъ дорогамъ, третьи, наконецъ, приходятъ туда ранней осенью, но долго бродить вокругъ, поправляютъ свою старую берлогу или устраиваютъ новую. Последнее дѣлаютъ болѣею частью беременныя самки, которыя стараются устроиться на зиму раньше, чѣмъ самцы. Старыя опытыя медвѣди любятъ передъ залеганіемъ въ логовище кружить около него или большимъ прыжкомъ подъ прямымъ угломъ сворачивать съ дороги и, подойдя совсѣмъ близко къ берлогѣ, добираться до нея большими прыжками взадъ и впередъ. Но измѣреніемъ нашего лѣсника длина этихъ прыжковъ равняется 4 или 6 метрамъ и это въ глубокомъ снѣгу. Иногда хитрыя медвѣди, чтобы скрыть свое мѣстожительство, на нѣкоторомъ разстояніи отъ берлоги поворачиваются задомъ и пытаются къ берлогѣ или ожидаютъ сильной снѣжной метели, которая-бы занесла всѣ слѣды. Несмотря на это, медвѣдь нерѣдко зимуетъ недалеко отъ жилья, такъ-же, какъ и у пробѣжныхъ дорогъ, нисколько не тревожась движеніемъ. Такъ, въ 1869 г. 19 медвѣдей лежали на разстояніи 1—2 километровъ отъ населенныхъ мѣстъ. Крестьяне утверждаютъ, что медвѣдь это дѣлаетъ для того, чтобы каждое утро слышать крикъ пѣтуха, но забываютъ при этомъ, что медвѣди руководятся при выборѣ мѣста зимней спячки отчасти случаемъ, отчасти-же и тѣмъ, чтобы при пробужденіи имѣть вблизи отъ себя хорошую нищу, а ее онъ находитъ очень скоро тамъ, куда выгоняется скотъ, сейчасъ по наступленіи весны. Одинъ старый медвѣдь во время бури, менѣе чѣмъ въ 60 шагахъ отъ жилища лѣсника, былъ засыпанъ снѣгомъ и не подалъ никакихъ признаковъ жизни въ то время, какъ лающія собаки бѣгали вокругъ и надъ его берлогой. Только при наступившей оттепели лѣсникъ узналъ, какой былъ у него опасный сосѣдь, отплатившій ему за гостепримство тѣмъ, что на третій день зарѣзалъ его лучшую корову.

Въ общемъ, въ томъ округѣ, который былъ подъ наблюденіемъ Кременца, медвѣдь старается улечься на зиму между 10 ноября и 1 декабря, иногда, впрочемъ, раньше или позже, смотря по состоянію погоды. Нѣкоторые, болѣею частью старыя опытыя звѣри, ведутъ даже зимой бродячую жизнь и не проходятъ и 14 дней, чтобы они не встали и не предприняли далекихъ странствованій по глубокому снѣгу и сильной стужѣ. Самые жирныя медвѣди стараются залечь раньше и лежатъ неподвижныя, чѣмъ худыя; спокойныя же всѣхъ лежатъ тѣ, которые глубоко занесены снѣгомъ. Что эти дѣйствительно снятъ безиробудно — утверждать нельзя, но вѣрно то, что наименѣе прикрытыя, какъ можно было наблюдать, никогда не впадаютъ въ на-

стоящую спячку, потому-что они всегда очень подвижны и чутки. Обыкновенно медвѣдь при приближеніи человѣка высовываетъ голову изъ берлоги, осматриваетъ нарушителя его сна и прячется снова. «Медвѣдь здороваается», по мѣстному выраженію. Нѣкоторые дѣлаютъ это на больномъ отдаленіи, подымаются даже на ноги, но сейчасъ-же опять ложатся, другіе остаются спокойно лежать, потомъ вдругъ вскачутъ и убѣгутъ, третьи наконецъ подымаются, таращатъ глаза, измѣряютъ опасность, нападаютъ или убѣгаютъ, а нѣкоторые, обыкновенно медвѣдицы, сразу бросятся на нарушителя своего спокойствія. Во всякомъ случаѣ надо въ этихъ случаяхъ принять всѣ предосторожности, потому что звѣри очень не любятъ, когда тревожатъ ихъ зимній покой.

«Медвѣдь, разъ улегшійся», продолжаетъ Кременецъ, «не ѣсть рѣшительно ничего и также не испражняется совсѣмъ или по крайней мѣрѣ только при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Я съ величайшимъ вниманіемъ отнесся къ этому довольно спорному вопросу и съ этой цѣлью изслѣдовалъ 59 медвѣжьихъ берлогъ, никогда не пропуская случая осмотрѣть содержаніе желудка убитаго медвѣдя. Изъ этихъ 59 медвѣдей 37 съ начала спячки до пробужденія весной или до весенней охоты за медвѣдями, которая бываетъ во второй половинѣ февраля или рѣдко въ мартѣ, не оставляли ни разу своей берлоги, 11 мѣняли ее вслѣдствіе сырости, 8 были насильно выгнаны, и трое ушли по неизвѣстной причинѣ. Всѣ вышеуказанные медвѣди переселились въ новое логовище, но ни у этихъ, ни у остальныхъ я не замѣтилъ, чтобъ они испражнялись, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ долго преслѣдовали собаки и одного, который самъ поднялся и ушелъ. Слѣдовательно испражненіе зимою случается только при больномъ напряженіи силъ, а именно когда медвѣдя преслѣдуютъ. Если медвѣдь до своего прихода въ зимнюю берлогу плотно поѣлъ, можно видѣть его испражненія по дорогѣ къ берлогѣ и часто также вокругъ нея. По это рѣдкіе случаи, такъ какъ медвѣдь, особенно жирный, кажется, воздерживается почти отъ всякой пищи двѣ послѣднія недѣли передъ спячкой, и на скотъ въ это время онъ никогда не нападаетъ. Даже медвѣдица, которая не такъ неподвижно лежитъ, какъ медвѣдь, вслѣдствіе кормленія часто мѣняетъ свое положеніе, играетъ съ дѣтенышами, слѣдовательно все время въ движеніи, и та почти никогда не испражняется зимою. Если медвѣди подымаются во время зимней оттепели и начинаютъ ѣсть, то, конечно, замѣтны испражненія, а если онъ при наступленіи холода опять забирается въ берлогу, то кругомъ нея находятся и испражненія. У старыхъ медвѣдей, желудокъ которыхъ мнѣ пришлось изслѣдовать во всякое время зимы, я почти всегда находилъ во внутренностяхъ слизистую зеленовато-желтую жидкость, а въ заднепроходной кишкѣ крѣпкій кусокъ кала; этотъ-то калъ онъ и выбрасываетъ отъ страха, при сильномъ преслѣдованіи. Въ теченіи 11 лѣтъ мнѣ вообще случилось только два раза видѣть, чтобъ медвѣдь ѣлъ зимою».

«При пробужденіи отъ зимней спячки медвѣдь расправляетъ свою шерсть далеко слышимымъ встряхиваніемъ всего тѣла, потягивается, облизывается, валиется въ снѣгу или въ песокъ и сопровождаетъ всѣ эти движенія довольно шумнымъ урчаніемъ. Послѣ этого онъ обнюхиваетъ окрестность, ориентуруется и убѣгаетъ изъ берлоги. Первая его забота подкрѣпить пищу свое тѣло, ослабленное зимней спячкой, но прежде чѣмъ ѣсть, ему необходимо принять слабительное, чтобъ очистить желудокъ отъ слизи. Между слабительными первое мѣсто занимаетъ кислая клюква. Сидя на корточкахъ и скользя на задницѣ, егребаетъ онъ ягоды передними лапами и съѣдаетъ ихъ, причмокивая. Ожидаемое дѣйствіе слѣдуетъ немедленно. Другимъ слабительнымъ служитъ мохъ. Въ мартѣ 1878 г. мнѣ удалось убить двухъ медвѣдей, жившихъ въ разныхъ округахъ. Необыкновенно толстое тѣло одного изъ нихъ и вытекающая

изъ его пасти зеленая жидкость, точно такъ, какъ и оставшаяся въ его когтяхъ зелень требовали болѣе тщательнаго изслѣдованія, которое доказало, что желудокъ былъ наполненъ только-что проглоченнымъ мхомъ. Чтобы изслѣдовать это дѣло еще тщательнѣе, я отправился къ берлогѣ и нашелъ, что медвѣдь вокругъ нея сгребъ снѣгъ и обвѣлъ мохъ, который былъ разбросанъ не только по слѣдамъ, но къ удивленію моему, собранъ въ большомъ количествѣ и въ самомъ логовищѣ. Случилось мнѣ убить медвѣдя, у котораго въ зубахъ оказались цѣлые пучки мха. Испражненіе около берлогѣ обоихъ медвѣдей было обильное, темно-зеленое и жидкое. Я упоминаю объ этихъ двухъ случаяхъ такъ подробно потому, что они были первые во время моей одиннадцатилѣтней практики и вполне доказываютъ, что медвѣди употребляютъ мохъ какъ слабительное. Когда медвѣдь очиститъ свои внутренности, онъ старается улучшить и свой внѣшній видъ возможно большимъ количествомъ пищи. Но весной добыча бываетъ еще плохая. Относительно ѣды время пробужденія отъ зимней спячки самое неблагоприятное; вотъ почему медвѣдь, вслѣдствіе недостатка растительной пищи, обращается тогда къ употребленію животной, т. е. нападаетъ на домашній скотъ, что и случается чаще всего весной. Большею частью тѣ медвѣди, которые очень исхудали зимой, весной особенно усердно нападаютъ на скотъ».

Относительно размноженія медвѣдей свѣдѣнія еще довольно скудны, и это тѣмъ болѣе удивительно, что эти животныя относятся къ тѣмъ хищникамъ, которыхъ часто держатъ въ неволѣ. Есть правда теперь довольно много наблюденій относительно спариванія, беременности и родовъ медвѣдицы; но эти наблюденія сдѣланы почти всѣ надъ жившими въ неволѣ животными. Впрочемъ, они такъ согласны между собою, что вѣроятно могутъ относиться и къ живущимъ на свободѣ медвѣдямъ. Соположеніе происходитъ въ маѣ или началѣ іюня, такъ какъ половое возбужденіе продолжается цѣлый мѣсяць. Медвѣди, за которыми я наблюдалъ, совокуплялись въ первый разъ въ началѣ мая, но потомъ ежедневно по нѣсколько разъ до половины іюня. Другіе наблюдатели сообщаютъ то-же. Только въ томъ случаѣ, когда пару, долго живущую въ разлукѣ, соединить позднѣе, можетъ случиться совокупленіе въ іюлѣ, августѣ или даже сентябрѣ; оно происходитъ такъ-же, какъ у собакъ, стоя. Совершенно невѣрно, будто медвѣдь строго соблюдаетъ супружескую вѣрность и не позволяетъ себѣ никакой измѣны относительно однажды избранной подруги. Линней опредѣляетъ беременность въ 112 дней, такъ какъ считаетъ октябрь временемъ совокупленія. Въ дѣйствительности беременность продолжается по крайней мѣрѣ 6 мѣсяцевъ, вѣроятно даже болѣе. Кнауэръ нашелъ (въ Карпатскихъ горахъ) 11-го марта въ берлогѣ, обысканной имъ послѣ смерти медвѣдицы, двухъ медвѣжатъ, величиной съ кролика; онъ полагаетъ, что имъ было отъ 5—6 недѣль. Медвѣдица мечетъ большею частью отъ двухъ до трехъ дѣтенышей, иногда одного или четырехъ, рѣдко пять.

Жившая у меня медвѣдица принесла во второй половинѣ января двухъ дѣтенышей; мы приготовили ей внутри клѣтки мягкое ложе изъ соломы, и она благодарно приняла наше вниманіе. Одинъ изъ дѣтенышей околѣлъ скоро послѣ рожденія, другой-же былъ сильный и очень подвижный звѣрекъ 25 см. длины. Онъ былъ покрытъ серебристо-сѣрой, очень короткой шерстью; глаза его были крѣпко закрыты; всѣ движенія выказывали сильную безпомощность; онъ визжалъ жалобно, однако громко. Медвѣдица, которую разлучили съ супругомъ, довольно равнодушно относилась къ своему дѣтенышу и очень стремилась къ супругу: какъ только онъ подходилъ къ двери ея клѣтки, она бросала дѣтеныша, подходила къ рѣшеткѣ, фыркала и обнюхивала его. Съ дѣтенышемъ она обращалась съ безпримѣрной нелов-

костью, даже грубо: она таскала его въ зубахъ взадъ и впередъ, словно кусокъ мяса, роняла его на полъ, наступала на него и вообще такъ съ нимъ обращалась, что онъ на третій-же день околѣлъ. Поведеніе ея было прямымъ слѣдствіемъ ея преобладающей любви къ супругу, потому-что, будучи впоследствии соединена съ нимъ, она совершенно успокоилась, между тѣмъ какъ прежде не знала покоя.

Два года спустя медвѣдица эта опять родила, а именно 5-го января; уже за три недѣли она залегла въ свою берлогу, гдѣ устроила себѣ ложе изъ соломы, причѣмъ была лѣнива и не весела и почти ничего не ѣла. Нѣсколько дней она вовсе не принимала пищи, даже не дотрагивалась до представленной ей воды. Дѣтенышей она заботливо охраняла. На сколько можно было наблюдать, она 17-го февраля въ первый разъ оставила свое ложе, чтобъ напиться; съ той поры она стала принимать пищу. Одинъ дѣтенышъ умеръ, другой достигъ къ тому времени величины полу-взрослаго кролика. Черезъ пять недѣль у него открылись глаза. Въ концѣ февраля онъ началъ двигаться, но былъ еще очень неловокъ и неуклюжъ. Въ концѣ марта сталъ свободно бѣгать по своей клѣткѣ, а въ апрѣлѣ пустился уже въ болѣе далекія прогулки. Медвѣдица держала его въ строгомъ повиновеніи, слѣдила за каждымъ его шагомъ и силой возвращала его на мѣсто, если онъ пытался отъ нея удалиться. Заботы матери объ его чистоплотности ограничивались тѣмъ, что она, отъ времени до времени, бросала его въ корыто съ водою и, выкунавивъ, вынимала его оттуда лапой. Первая попытка скрыться изъ подъ материнскаго надзора стоила жизни этому милому звѣрку: на возвратномъ пути изъ своего странствованія онъ заблудился, попалъ въ клѣтку бѣлыхъ медвѣдей и былъ растерзанъ ими. Старая медвѣдица не выказала слишкомъ большого горя о потерѣ своего дѣтеныша; а къ медвѣдю, къ которому ее тогда вернули, относилась съ прежнею нѣжностью и преданностью.

Всѣ эти явленія достаточно уясняются наблюденіями Кременца надъ жизнью этихъ животныхъ на свободѣ. Наблюденія эти относятся не къ однимъ только медвѣдямъ, жившимъ въ болотахъ Ракитно, хотя при большей области распространенія этихъ животныхъ могутъ случиться и отступленія отъ общаго правила.

По словамъ Кременца, течка у медвѣдей начинается въ половинѣ лѣта и продолжается съ 15-го іюня по 15-е августа. До настоящихъ битвъ между самцами дѣло, кажется, никогда не доходитъ, хотя къ одной самкѣ нерѣдко сходятся по нѣсколько самцовъ. Однажды было замѣчено, что за одной медвѣдицей слѣдили три самца и что самый юный и слабый изъ нихъ былъ признаннымъ любимцемъ, по крайней мѣрѣ, онъ шелъ непосредственно за медвѣдицей. По прекращенію полового возбужденія полы расходятся; медвѣдица ходитъ опять съ дѣтенышами, которые и во время течки все-таки слѣдуютъ за матерью въ почтительномъ отдаленіи. Нельзя опредѣлить съ достовѣрностью, достигаетъ-ли медвѣдь половой зрѣлости раньше 5—6 лѣтняго возраста, но Кременецъ по нѣкоторымъ признакамъ думаетъ, что это случается раньше. Число дѣтенышей различно.

«Медвѣдица родитъ обыкновенно между 1-мъ декабря и 10-мъ января; рѣдко раньше, иногда немного позже. Изъ 31-го случая родовъ 16 падаютъ на время отъ 1-го декабря по 1-е января, 13 на время съ 1—10 января, 2 на время съ 10—20 января. Въ первый разъ медвѣдица мечетъ отъ одного до двухъ дѣтенышей, позже — до трехъ, а въ послѣдующіе годы число дѣтенышей колеблется между двумя и тремя и рѣдко доходитъ до четырехъ. Зимой 1870/71 г.г. я самъ нашелъ у убитой мною, необыкновенно рослой медвѣдицы пятерыхъ медвѣжатъ, но это былъ второй въ этой мѣстности случай въ теченіи 50-ти лѣтъ. Судя по зубамъ, матери было около 14 лѣтъ; она была чрезвычайно зла и поранила довольно серьезно

несколько человекъ, прежде чѣмъ была убита. Старыя медвѣдицы приносятъ меньшее число дѣтенышей, доходятъ опять до одного, несколько лѣтъ вовсе не родить и въ концѣ жизни совершенно прекращаютъ дѣтороженіе». Изъ своихъ наблюденій надъ убитыми медвѣдицами я могу опредѣлить это время между 16—18 годами. Кременецъ, правда, не говоритъ опредѣленно, что медвѣдица родить ежегодно, но это само собою явствуетъ изъ многихъ его разсказовъ. Онъ пишетъ между прочимъ: «Медвѣдица, пока не беременна, живетъ совместно со своими годовалыми дѣтенышами. Впрочемъ, я два раза наблюдалъ дѣйствительно рѣдкій случай, что мать прогнала двухъ годовалыхъ медвѣжатъ, вѣроятно вълѣдствіе новой беременности. Въ такихъ случаяхъ она не терпитъ около себя старшихъ медвѣжатъ, кусаетъ и бьетъ ихъ, пока они не оставятъ ту мѣстность, гдѣ она живетъ. Съ этого времени дѣтеныши становятся самостоятельными, не зависятъ болѣе ни отъ семьи, ни отъ матери и сами заботятся о своемъ пропитаніи».

Мать устраиваетъ для своихъ дѣтенышей настоящее гнѣздо; говорятъ, впрочемъ, что она ихъ мечетъ иногда и въ снѣгу. Если ея потомству грозитъ какая-нибудь опасность, она переноситъ медвѣжатъ въ зубахъ на далекое разстояніе. Достойно вниманія, что мать постыдно покидаетъ въ случаѣ опасности своихъ маленькихъ, беспомощныхъ дѣтенышей, между тѣмъ какъ храбро защищаетъ болѣе сильныхъ и взрослыхъ. Медвѣдица съ дѣтенышами считаетъ себя полной властительницею всей той мѣстности, которую избрала своимъ мѣстопребываніемъ и всякое нарушеніе своихъ правъ встрѣчаетъ нападеніемъ на нарушителя. Нѣкоторыя медвѣдицы наводятъ ужасъ на всѣхъ, кому надо проходить по ея владѣніямъ, и заграждаютъ даже дороги; смѣльчакъ, который пустился-бы по этой мѣстности безъ собаки, рисковалъ-бы даже жизнью. Медвѣжата черезъ четыре мѣсяца уже на столько вырастаютъ, что могутъ слѣдовать за матерью; она учитъ ихъ лазать по деревьямъ, находитъ себѣ пищу и вообще сообщаетъ имъ всю медвѣжью науку. Кременецъ имѣлъ однажды случай сдѣлать слѣдующія наблюденія надъ медвѣдицею съ ея медвѣжатами: «Медвѣдица лежала на довольно открытомъ мѣстѣ, въ болотѣ, защищенная съ сѣвера и востока густымъ ивнякомъ. День былъ прекрасный, тихій и безоблачный, какіе перенадаютъ въ средней Россіи въ концѣ января. Медвѣдица лежала на спинѣ и играла съ однимъ изъ трехъ дѣтенышей, который, стоя на заднихъ лапахъ, старался влѣзть матери на брюхо; двое другихъ съ серьезной миной боролись на снѣгу и испускали пока еще не громкіе, но уже басовые звуки. Нечаянно я отломилъ вѣтку сосны, на которую влѣзъ для болѣе удобнаго наблюденія. Этотъ незначительный шумъ, оказавшись, возбудилъ подозрительность медвѣдицы. Она поднялась и сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ соснѣ. Медвѣжата бросили драку и мирно присѣли на корточки посреди поляны. По крайней мѣрѣ три минуты медвѣдица стояла какъ вкопанная, повернувъ голову къ соснѣ и отъ времени до времени поводя ушами. Наконецъ она вернулась къ своему ложу, легла около дѣтенышей, которые тотчасъ принялись сосать, но держала при этомъ голову вверхъ и оглядывалась по временамъ въ мою сторону. Я старался сидѣть какъ можно спокойнѣе, чтобъ вновь не возбудить вниманіе медвѣдицы. Наконецъ, казалось, успокоилась и она; почесавъ себѣ грудь задней лѣвой лапой и бросивъ взглядъ на своихъ медвѣжатъ, она растянулась на боку и заснула. Дѣтеныши бросили сосцы, легли прижавшись другъ къ другу и тоже задремали».

Покинутые матерью молодые медвѣжата, говорятъ, бродятъ въ теченіи лѣта по близости старой берлоги, куда спасаются въ дурную погоду; если ихъ не отгоняютъ старыя медвѣди, они даже охотно сходятся въ младшими братьями. Наблюденіе русскихъ крестьянъ, сообщенное намъ впервые Эверманомъ, проливаетъ

своеобразный свѣтъ на подобныя сліянія медвѣжьихъ семействъ. Крестьяне эти имѣли случай видѣть, что медвѣдица поручаетъ своимъ старшимъ дѣтенышамъ присмотръ за младшими, почему двухлѣтніе медвѣжата, гуляющіе съ матерью и братьями, называются «пестунами». Эверсманъ рассказываетъ слѣдующее объ одномъ медвѣжьемъ семействѣ, которое переправлялось черезъ Каму: «Когда медвѣдица перребралась уже на противоположный берегъ, то замѣтила, что пестунъ медленно крадется за нею, не обращая вниманія на младшихъ братьевъ, оставшихся еще на другой сторонѣ рѣки; какъ только онъ приблизился, мать дала ему пощечину, послѣ которой онъ, вполнѣ понявъ въ чемъ дѣло, тотчасъ повернулъ назадъ и вернулся къ матери, держа въ зубахъ одного изъ младшихъ братьевъ. Мать наблюдала за нимъ, пока онъ вновь переплылъ рѣку за другимъ братцемъ, но, увидя, что пестунъ уронилъ свою ношу на самой серединѣ рѣки, она бросилась въ рѣку, опять побила его, послѣ чего онъ посигивилъ исправить ошибку, и семейство спокойно продолжало свой путь». Между русскими крестьянами и охотниками ходятъ слухи, будто медвѣдица къ каждому младшему дѣтенышу приставляетъ пестуна. На его обязанности лежитъ присматривать за маленькими медвѣжатами, скрытыми въ чащѣ, пока мать подстерегаетъ добычу или насыщается убитымъ животнымъ, котораго не въ силахъ утащить. Зимой пестунъ живетъ въ ея берлогѣ и освобождается отъ своей обязанности только тогда, когда найдется на его мѣсто другой большой медвѣжонокъ. Поэтому можно при случаѣ увидѣть четырехлѣтняго пестуна при медвѣжьемъ семействѣ.

Объ окраскѣ и рисункѣ медвѣжьяго мѣха Кременецъ говоритъ слѣдующее: «Дѣтеныши непосредственно послѣ рожденія—голубовато-сѣро-желтаго цвѣта и величиною съ крысу; мѣхъ гладкій, довольно густой, на бокахъ и животѣ болѣе жидкій. Скоро наступаетъ перемѣна, цвѣтъ переходитъ въ бурый; волосы растутъ необыкновенно быстро, становятся курчавѣе и гуще. Бѣлый ошейникъ тянется спереди до половины лопатки, гдѣ раздѣляется на двѣ вѣтви; одна изъ нихъ подымается за ухомъ, между тѣмъ какъ другая тянется назадъ и въ концѣ опять загибается впередъ. Но этотъ рисунокъ часто измѣняется. Весьма рѣдко обѣ боковыя полоски соединяются на серединѣ шеи; болшую часть ошейникъ не совершенно сомкнуть. Даже не у всѣхъ медвѣдей и есть ошейникъ. Такъ, напр., изъ пяти медвѣжатъ, пойманныхъ мною, у трехъ былъ ошейникъ, а у двухъ остальныхъ и слѣда его не было. Цвѣтъ и густота мѣха измѣняются у медвѣдей тоже къ старости. Волосы становятся жиже, подшерстокъ щетинистѣе и болѣе прилегающъ къ тѣлу. Морда и уши принимаютъ болѣе сѣрый оттѣнокъ, который на ушахъ и въ пучкообразныхъ волосахъ на загривкѣ переходитъ въ желтовато-бѣлый и распространяется у болѣе старыхъ медвѣдей между лопатками. Бѣлый ошейникъ, который нерѣдко отсутствуетъ какъ у старыхъ, такъ и у молодыхъ медвѣдей, исчезаетъ къ 14—16-ти-лѣтнему возрасту, хотя у нѣкоторыхъ экземплярѣвъ до глубокой старости остается легкій слѣдъ его».

Вышеупомянутый свѣтло-рыжій или, какъ его зовутъ англійскіе охотники, «снѣговой медвѣдъ» (*U. isabellinus*), котораго Влэнфордъ признаетъ за разновидность обыкновеннаго медвѣдя, представляетъ въ своемъ образѣ жизни много особенностей. По Жердону и Киндоху, онъ живетъ на высотахъ горъ, лѣтомъ выше лѣсной полосы, ближе къ снѣжной линіи, и только весной и осенью спускается ниже въ лѣса, подходит къ жилищамъ людей, гдѣ опустошаетъ фруктовые сады и огороды. На деревья онъ рѣдко влѣзаетъ. По всѣмъ даннымъ, онъ питается почти исключительно растительной пищей и насѣкомыми, рѣдко убиваетъ животныхъ и еще рѣже пожираетъ свою жертву. Однако-же Стюартъ рассказываетъ, что одинъ очень крупный медвѣдъ однажды убилъ двухъ болѣе слабыхъ и отчасти сожралъ ихъ. По

наблюдениямъ Кременца, подобные случаи бывали и въ другихъ мѣстностяхъ. Говорятъ, что за нѣсколько десятковъ лѣтъ въ Кашемирской долинѣ водилось еще множество свѣтло-рыжихъ медвѣдей; въ шестидесятыхъ годахъ Кинлохъ видѣлъ ихъ заразъ до 13-ти; одинъ изъ его товарищей выслѣдилъ ихъ до 28, изъ которыхъ убилъ 7. Гиммалайскій медвѣдь, подобно его сѣвернымъ собратамъ, погружается въ зимнюю спячку, но отъ времени до времени просыпается. Течка начинается въ концѣ сентября и продолжается до ноября; дѣтеныши рождаются черезъ 6 мѣсяцевъ, въ апрѣлѣ и маѣ. Блэнфордъ утверждаетъ, что какъ годовалые, такъ и двухгодовалые медвѣжата часто слѣдуютъ за матерью и что они даже обыкновенно бродятъ съ нею до трехъ лѣтъ, когда можно считать ихъ вполне взрослыми. Наружные признаки, а въ особенности цвѣтъ и величина этихъ медвѣдей чрезвычайно разнообразны. О смысленности медвѣдя существуетъ въ Кашемирѣ очень не высокое мнѣнiе, такъ что его именемъ (Гарпатъ) обыкновенно называютъ тупыхъ и глухихъ людей. По словамъ Блэнфорда, медвѣдь этотъ легко приручается, и его нерѣдко можно встрѣтить въ равнинахъ Индiи у вожаковъ, которые показываютъ его публикѣ.

Молодые 5—6-ти-мѣсячные медвѣди чрезвычайно забавны. Они очень подвижны, но чрезвычайно неуклюжи; поэтому понятно, что иногда продѣлываютъ преуморительныя штуки. Ихъ дѣтскiй нравъ высказывается въ каждомъ поступкѣ. Они въ высшей степени игривы, шаловливо лазаютъ по деревьямъ, борются, какъ задорные мальчишки, прыгаютъ въ воду безъ всякой причины и повода, бѣгаютъ взадъ и впередъ и учиняютъ массу проказъ. Своему сторожу они не выказываютъ особенной нѣжности, одинаково ласковы со всѣми людьми и почти не отличаютъ одного отъ другаго. Кто ихъ покормитъ, тотъ имъ и другъ, кто ихъ разсердитъ—тотъ врагъ, и они и обращаются съ нимъ какъ съ врагомъ. Они раздражительны какъ дѣти, любовь ихъ прiобрѣтается легко, за то также легко и утрачивается. Грубые и неловкiе, забывчивые, невнимательные, неуклюжiе и простоватые, чѣмъ взрослые медвѣди. Предоставленные самимъ себѣ, они цѣлые дни могутъ забавляться облизыванiемъ своихъ лапъ, причѣмъ ворчатъ и причмокиваютъ совсѣмъ особенно. Всякое необыкновенное происшествiе или незнакомое имъ животное пугаетъ ихъ: они поднимаются на заднiя лапы и щелкаютъ челюстями. Уже послѣ шести мѣсяцевъ они по характеру становятся схожими со старыми медвѣдами: дѣлаются злыми и сварливыми, обижаютъ слабѣйшихъ животныхъ, кусаютъ и царапаютъ даже своего хозяина, такъ что одни побой могутъ укротить ихъ. Съ годами они становятся еще свирѣпѣе, прожорливѣе, кровожаднѣе и опаснѣе. Ихъ можно нѣсколько воспитать, выучить какимъ-нибудь немудрымъ штукамъ, но довѣрять имъ вполне, какъ вообще всѣмъ глухимъ существамъ, невозможно: слѣдуетъ всегда опасаться ихъ злобы и коварства въ соединенiи со страшной силой. Поэтому ихъ можно еще держать въ зоологическихъ садахъ или водить на цѣпи для показыванiя различныхъ штукъ, но никогда нельзя выдрессировать настолько, чтобы близкое сожителство съ ними было безопасно для людей. Многiе, пытавшiеся воспитывать это неукротимое и коварное животное, испытали это на себѣ: нѣкоторые изъ тѣхъ, кто производилъ эти опыты, заплатились за нихъ опасными ранами и даже смертью.

Это мнѣнiе подтверждаетъ и Кременецъ: «никогда не дремлющее недовѣрiе медвѣдя», говоритъ онъ, «дѣлаетъ его неспособнымъ къ искренней дружбѣ и любви къ людямъ; прiобрѣсти его привязанность ласками—неосуществимая мечта». Однако этотъ наблюдатель сообщаетъ намъ нѣкоторые характерные случаи про медвѣдей, которые мы не можемъ обойти молчанiемъ: «отъ прирученныхъ молодыхъ медвѣдей, ко-

торымъ возвратили свободу, и которые самостоятельно могутъ добывать себѣ пищу, очень трудно освободиться. Они становятся уже домашними животными. Заброшенные на цѣлыя мили отъ жилья въ лѣсъ, они безошибочно находятъ дорогу обратно, едятъ по слѣду заброшеннаго ихъ человѣка къ мѣсту своей родины или плугаютъ по лѣсу и часто даже погибаютъ голодной смертію. Три шестимѣсячныхъ медвѣженка, вынесенныхъ въ мѣшкѣ за три мили, нашли обратный путь черезъ болота и рѣки и выразили свою радость о благополучномъ возвращеніи на родину разбитіемъ оконъ, черезъ которыя ворвались въ домъ и съ довольнымъ ворчаньемъ направились къ знакомому мѣсту. Вынесенный тоже въ мѣшкѣ медвѣженокъ, за которыми я наблюдалъ съ ивы, окруженной со всѣхъ сторонъ водою, прорвалъ мѣшокъ, посидѣлъ короткое время на мѣстѣ, осмотрѣлся кругомъ и пробѣжался, обнюхивая землю, туда и сюда. потомъ вдругъ напалъ на мой слѣдъ, побѣжалъ ворча по немъ до воды, гдѣ и потерялъ его; тогда онъ поднялся на заднія лапы и жалобно завылъ; потомъ опять вернулся назадъ, описалъ большую дугу, попалъ подъ вѣтеръ, поднялъ носъ вверхъ и посиѣшилъ, несмотря на воду, къ моей ивѣ, на которую пытался влѣзть, такъ что я принужденъ былъ взять его обратно домой. Одинъ опытный учитель Сморгонской медвѣжьей школы, между Вильной и Минскомъ, увѣрялъ меня, что одинъ изъ его черныхъ учениковъ, котораго онъ подарилъ своему другу, вернулся къ нему, чтобы продолжать свое обученіе въ высшемъ искусствѣ танцевъ, несмотря на то, что былъ уведенъ на разстояніе 8-ми часовъ ходьбы.

Неизвѣстно еще на вѣрное, сколько лѣтъ длится ростъ медвѣдя, но слѣдуетъ думать, что медвѣженокъ къ шести годамъ вырастаетъ въ настоящаго медвѣдя. По видимому, медвѣди достигаютъ довольно преклонныхъ лѣтъ. Были случаи, что они выживали въ неволѣ до 50 лѣтъ, и что медвѣдицы рожали 31 года отъ роду.

Охота на медвѣдя вещь опасная, но страшныя исторіи, которыя прежде рассказывались опытными охотниками, признаются теперь вымысломъ. Хорошія собаки, передъ которыми всѣ медвѣди чувствуютъ необыкновенный страхъ, остаются при всѣхъ обстоятельствахъ лучшими помощниками охотника. Въ юго-восточной Европѣ на медвѣдя охотятся большею частью облавою, именно тогда, когда онъ бываетъ жиренъ; засадою—рѣже и въ исключительныхъ случаяхъ, до или во время зимней спячки; въ Россіи-же для охоты предпочитается именно это послѣднее время. Такъ какъ медвѣдь бѣжитъ отъ охотниковъ, то послѣ того, какъ опытные охотники опредѣлили мѣсто его нахождения, можно какъ на облавѣ, такъ и на засадѣ, почти всегда рассчитывать на полный успѣхъ, конечно, только въ томъ случаѣ, если извѣстны его излюбленныя тропинки. Хладнокровіе и вѣрная рука, хорошее испробованное оружіе—необходимыя условія медвѣжьей охоты.

«Очень распространенное мнѣніе», пишетъ Кременць, «что медвѣди при нападеніи всегда поднимаются на заднія лапы, вполнѣ ошибочно; въ такомъ случаѣ его нападенія легче было-бы отразить. Я собственноручно убилъ 29 медвѣдей, видѣлъ, какъ стрѣляли въ 65 другихъ животныхъ этого рода, присутствовалъ при томъ, какъ медвѣди всѣхъ сортовъ и величинъ встрѣчали охотниковъ, и самъ не разъ испытывалъ ихъ нападенія; но при мнѣ только одинъ медвѣдь и одна медвѣдица при нападеніи подымались на заднія лапы и такимъ образомъ шли нѣкоторое разстояніе на встрѣчу своему врагу. Я не хочу утверждать, что это явленіе, которое такъ часто описывалось во многихъ охотничьихъ разсказахъ и прежнихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, никогда не случается, но мнѣ кажется, что эти случаи чрезвычайно рѣдки. Нападеніе медвѣдя всегда внезапно и быстро, при чемъ онъ или старается скорымъ и сильнымъ ударомъ передней лапы поразить противника или, подбѣжавъ скорою рысью, онъ вдругъ волизи охотника быстрымъ движеніемъ поднимается

на заднія ланы и сильнымъ толчкомъ валить его на землю, или-же наносить ему сильный ударъ. поспѣшно укусить, но, если люди и собаки недалеко, то медвѣдь никогда не остается долго около своей жертвы и старается убѣжать». Въ Гиммалаяхъ медвѣдь, по словамъ Блэнфорда, слыветъ за вполне безвредное животное, которое само никогда не нападаетъ на людей, рѣдко даже ранитъ, если ему и случится защищаться. Кинлохъ, который убилъ тамъ многихъ медвѣдей, на основаніи своего большого опыта, вывелъ такое-же заключеніе; онъ никогда не видѣлъ, чтобъ медвѣдь бросался на человѣка и никогда объ этомъ не слыхалъ. По его словамъ только совершенно загнанный медвѣдь можетъ, прорываясь сквозь цѣпь загощицковъ, повалить человѣка, при случаѣ даже ударить и укусить его, но все это съ цѣлью положить себѣ путь къ бѣгству. Что онъ поднимается на заднія ланы, чтобы обнять и задушить своего противника, слѣдуетъ считать баснею.

Рядомъ съ правильной охотой ведется всюду еще другая, употребляются всѣ средства, чтобъ избавиться отъ хищника тамъ, гдѣ онъ очень вредитъ. Мужество и хитрость соединяются для достиженія этой цѣли. Въ Галиціи и Семиградіи ставятъ на его пути капканы, прикрѣпляютъ къ нимъ цѣпь, а къ ней, посредствомъ длинной крѣпкой веревки, большую колоду. Медвѣдь ступаетъ на канкантъ, тщетно старается отъ него освободиться или перегрызть цѣпь, наконецъ прикручиваетъ себя къ дереву, выбивается изъ силъ и печально погибаетъ. Охотникъ, который каждые два дни обходитъ медвѣжьи тропинки, узнаетъ путь медвѣди по слѣду протасеннаго капкана, цѣпи и колоды. «Азіаты» говоритъ Стеллеръ, «строить цѣлое зданіе изъ бревень, лежащихъ другъ на другѣ, которыя тотчасъ-же валятся и убиваютъ медвѣдя, какъ только онъ вступитъ въ ловушку. Они вырываютъ также ямы, въ которыхъ укрѣпляютъ острый, гладкій, обожженный коль, выступающій изъ земли на нѣсколько футовъ, яму-же прикрываютъ травой. Недалеко отъ этой ямы они пригибаютъ молодое деревцо посредствомъ веревки и прикрѣпляютъ къ нему пугало; лишь только медвѣдь вступитъ на веревку, деревцо съ пугаломъ мгновенно подымается вверхъ и такъ пугаетъ медвѣдя, что онъ стремительно бѣжитъ, неосторожно падаетъ въ яму, натывается на коль и погибаетъ».

Можно привести въ примѣръ еще слѣдующія остроумныя ловушки для медвѣдей. На землю кладутъ доски съ торчащими вверхъ гвоздями и прикрываютъ ихъ травой; медвѣдь ступаетъ ногою на гвоздь, начинаетъ топтаться на мѣстѣ, другія лапы также попадаютъ на гвозди, и медвѣдь ложится на спину, причемъ доски ему мѣшаютъ видѣть, и онъ дѣлается легкою добычею охотника. Вѣшаютъ также на дерево, гдѣ находится дупло съ пчелами, тяжелую колоду; медвѣдь борется съ нею, подталкивая ее лапою, а она съ размаху его бьетъ. Иногда устраиваютъ ловушки изъ частокола въ видѣ узкаго круговаго корридора, и медвѣдь самъ затворяетъ дверь, проходя вторично мимо нея. Всѣ эти способы однако должны еще быть провѣрены достовѣрными очевидцами. Въ Норвегіи, Россіи, Семиградіи и Испаніи противъ медвѣдя выступаютъ опытные, смѣлые люди, которые въ сопровожденіи нѣсколькихъ собакъ, вооруженные только вилой и ножомъ, борются съ ними на жизнь и смерть.

Выгода, приносимая медвѣжьей охотой, весьма значительна: мясо цѣнится довольно высоко; жиръ, который славится какъ хорошее средство отъ выпаденія волосъ, тоже сбывается легко и дорого оплачивается; жиръ этотъ бѣлый, не твердеетъ и не горкнетъ въ закрытыхъ сосудахъ; въ свѣжемъ состояніи онъ имѣетъ противный вкусъ, который исчезаетъ, когда его сварятъ съ лукомъ. Мясо молодыхъ медвѣдей имѣетъ нѣжный пріятный вкусъ; жареные или копченые окорока взрослыхъ жирныхъ медвѣдей считаются лакомствомъ. Особенно цѣнятся гастрономами

лапы; однако нужно прежде къ нимъ приглядѣться, такъ какъ освобожденные отъ мѣха и приготовленные въ жаркое ошб производятъ отвратительное впечатлѣніе своимъ необыкновеннымъ сходствомъ съ огромной человѣческой ногой. Медвѣжья голова слыветъ тоже превосходнымъ блюдомъ. Мѣхъ медвѣди цѣнится весьма различно: шкура маленькихъ породъ почти ничего не стоитъ, мѣхъ-же большихъ медвѣдей, по словамъ Ломера, стоитъ отъ 60—250 марокъ.

На Уралѣ крестьянки приписываютъ когтямъ, а остяки—клякамъ медвѣди таинственную силу. Медвѣжій охотникъ на Уралѣ долженъ тщательно караулить шкуру убитаго имъ звѣря, иначе дѣвушки выкрадутъ у него когти, такъ какъ, по повѣрью, коготь четвертаго пальца правой передней ноги имѣетъ необыкновенную чудодѣйственную силу: если дѣвушкѣ удастся тайно цараннуть имъ любимаго парня—онъ въ свою очередь страстно полюбитъ ее. Медвѣжій зубъ служитъ остяку талисманомъ, спасающимъ его отъ болѣзней и опасности; онъ тоже имѣетъ свойство изобличать обманъ и коварство. Не нужно поэтому удивляться, что у многихъ народностей, живущихъ въ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, убіеніе медвѣдя празднуется танцами и другими пиришествами. Обитатели обширныхъ болотъ Полѣсья кромѣ медвѣжьяго мѣха очень высоко цѣнятъ желчь, которой приписываютъ цѣлебную силу: говорятъ, что она помогаетъ отъ лихорадки. Поэтому, послѣ счастливой охоты участвовавшіе въ ней обильно угощаются водкой, къ которой примѣшиваютъ немного желчи убитаго животнаго.

Въ началѣ прошлаго столѣтія нѣмецкіе князья считали особеннымъ удовольствіемъ травить содержимыхъ въ неволѣ медвѣдей большими собаками. Съ этой только цѣлью они держали нѣсколько медвѣдей въ особыхъ огороженныхъ мѣстахъ. «У Августа Сильнаго», рассказываетъ Флеммингъ, «жили два медвѣди и случилось, что одинъ изъ нихъ разъ выбѣжалъ изъ сада въ Августенбургѣ, выхватилъ въ мясной лавкѣ цѣлую четверть теленка, и когда жена мясника хотѣла его выгнать, онъ растерзалъ ее и дѣтей ея; тогда подоспѣли люди и застрѣлили его самого». Предназначеннаго для травли медвѣдя привозили на мѣсто охоты въ ящикѣ, который можно было издала, дернувъ за веревки, открыть сразу со всѣхъ сторонъ и такимъ образомъ мгновенно освободить медвѣдя. Тогда выпускали на него большихъ, тяжелыхъ собакъ; если имъ удавалось схватить медвѣдя, то одному человѣку уже не трудно было справиться съ нимъ. На дворѣ Дрезденскаго замка въ 1630 году въ теченіи недѣли были устроены три медвѣжьи травли. На двухъ первыхъ семь медвѣдей должны были бороться съ собаками, на третьей—съ большими кабанами, изъ которыхъ пятеро остались на мѣстѣ; изъ убитыхъ медвѣдей одинъ вѣсилъ 8 центнеровъ. Медвѣдей при этомъ дразнили еще швермерами (гильзы, начиненныя порохомъ) и чучелой, одѣтой въ красное платье. Обыкновенно большіе господа сами убивали охотничьимъ ножомъ задержаннаго собаками звѣря; но Августъ Сильный имѣлъ обыкновеніе отрубать ему голову.

И въ настоящее время устраиваются иногда подобныя травли. На Мадридскихъ аренахъ медвѣдей заставляютъ бороться съ быками, а въ Парижѣ, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, травили собаками сидящихъ на цѣпи медвѣдей. Кобелль, которому удалось присутствовать при подобномъ зрѣлищѣ, рассказываетъ, что медвѣдь сильно отбивался отъ нападающихъ собакъ на право и на лѣво своими могучими лапами, причемъ страшно ревѣлъ; когда же собаки разгорячились, онъ нѣкоторыхъ стрѣлъ подъ себя, и раздавилъ, другихъ же отшвырнулъ въ сторону, тяжело израненныхъ.

Римляне получали медвѣдей преимущественно изъ Ливана, хотя рассказываютъ, что имъ случалось вывозить ихъ изъ сѣверной Африки и Ливіи. Къ ихъ

разсказамъ о нравахъ медвѣдей сильно примѣшивается сказочный элементъ. Аристотель описываетъ медвѣдей, какъ и другихъ животныхъ, вѣрнѣе всѣхъ. Плиній, списывая съ него, прибавляетъ отъ себя нѣсколько басенъ; Опианъ даетъ подробный отчетъ о славныхъ медвѣжьихъ охотахъ армянь на берегу Тигра; Юлій Квинтолинъ описываетъ общественныя игры въ циркѣ, при которыхъ онъ присутствовалъ, и сообщаетъ, между прочимъ, что при Гордіанѣ Первомъ на арену доставлено было до 1000 штукъ медвѣдей въ одинъ день.

* * *

Ближайшимъ родственникомъ бурога медвѣдя слѣдуетъ признать живущаго по всей сѣверо-восточной Америкѣ **Сѣраго, Серебристаго** медвѣдя, (Гризли), котораго американцы въ шутку прозвали старымъ Ефремомъ (Old Ephraim). (*Ursus cinereus*, *U. ferox*, *griseus*, *horribilis* и *canadensis*, *Grislibär*, *Ours gris*). Строеніемъ тѣла и видомъ онъ похожъ на нашего медвѣдя, но больше, тяжелѣе, неуклюжѣе и сильнѣе его. Плечи, горло и брюхо покрыты темно-коричневыми, на концахъ болѣе свѣтлыми волосами, которые вообще на весь тѣлъ длиннѣе, пушистѣе, и спутаннѣе, чѣмъ у бурога медвѣдя; на головѣ — же волосы болѣе коротки и свѣтлы. Радужная оболочка красновато-коричневая. Цвѣтъ мѣха переходитъ часто въ желѣзисто-сѣрый или свѣтло-бурыи; въ первомъ случаѣ онъ часто отличается серебристымъ, а во второмъ золотистымъ отливомъ, что зависитъ отъ того, имѣютъ-ли кончики серебристо-бѣлый или желтоватый цвѣтъ.

Американскіе охотники различаютъ поэтому сѣраго, бурога и коричневаго медвѣдя и считаютъ послѣдняго не только самымъ красивымъ, но и самымъ опаснымъ изъ животныхъ этого вида. Отъ европейскихъ медвѣдей американскій отличается короткимъ черепомъ, выпуклыми носовыми костями, широкимъ, плоскимъ лбомъ и короткими ушами. Хвостъ тоже короче, чѣмъ у нашего медвѣдя, за-то бѣловатые когти поразительной длины (13 см.); они сильно изогнуты и мало служатъ къ концамъ. Значительная величина можетъ тоже служить отличительнымъ признакомъ, не позволяющимъ смѣшивать оба вида: тогда какъ обыкновенный медвѣдь только въ исключительныхъ случаяхъ достигаетъ 2,2 метровъ длины, гризли бываетъ постоянно 2,3, нерѣдко 2,5 метровъ длины и вѣситъ до 450 килогр. Область его распространенія обнимаетъ собою западъ Сѣверной Америки въ южныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ отъ Скалистыхъ горъ, а въ сѣверныхъ (Дакота), начиная съ Миссури. Чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ онъ встрѣчается чаще, особенно въ горахъ. Южнѣе появляется онъ еще въ горныхъ странахъ Мексики, по крайней мѣрѣ до Ялиско, къ сѣверу доходитъ до полярнаго круга и даже еще сѣвернѣе, такъ какъ **Большой бурый медвѣдь** (*Ursus richardsonii*), встрѣчающійся въ большомъ числѣ въ британской Колумбій и въ бывшихъ русскихъ Сѣверо-Американскихъ владѣніяхъ и который можетъ считаться переходной формой къ обыкновенному бурому медвѣдю, долженъ быть признанъ постояннымъ гризли, пока принадлежность его къ другому виду будетъ доказана. Во всякомъ случаѣ по величинѣ онъ скорѣе подходитъ къ сѣрому медвѣдю и даже превышаетъ его; убитый, по словамъ Эллиота, на Кенайскомъ полуостровѣ медвѣдь былъ 2,7 метра длины. Въ мѣстностяхъ около пролива Коцебу и мыса Лисбурна этотъ медвѣдь живетъ вмѣстѣ съ бѣлымъ медвѣдемъ и, по словамъ туземцевъ, даже спаривается съ нимъ. Отъ подобнаго спариванія происходятъ, какъ говорятъ, свѣтло-желтые или пятнистые, такъ называемые пѣгіе медвѣди, которые, говорятъ, встрѣчаются въ сѣверныхъ областяхъ.

По своему образу жизни сѣрый медвѣдь очень сходенъ съ нашимъ и также

подверженъ зимней спячкѣ; только при ходѣхъ онъ сильнѣе переваливается и покачивается, и все его движенія болѣе неуклюжи. Лишь въ ранней молодости можетъ онъ влѣзть на деревья; въ позднѣйшемъ возрастѣ онъ уже не въ состояннн предаваться подобнымъ упражненіямъ. За то онъ съ легкостью переплываетъ широкіе потоки. Онъ страшный хищникъ и такъ силенъ, что можетъ справиться съ любымъ животнымъ своей родины. Въ прежнее время его любили описывать какъ самое страшное и свирѣбое животное, говорили, что онъ вовсе не боится человѣка, напротивъ того прямо идетъ на него, будь онъ на лошади или пѣшкомъ, вооруженъ или безоруженъ, обидѣлъ-ли онъ его или не думалъ даже затрагивать. Рассказываютъ также, что онъ умѣетъ притягивать къ себѣ передними лапами туго натянутое лассо, какъ моряки тинуть канатъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, если самъ попалъ въ петлю или этимъ лассо привязана къ кольнику пасущаяся лошадь. На этомъ основаннн человѣкъ, который могъ доказать, что помѣрился силою со старымъ Ефремомъ, дѣлался предметомъ всеобщаго удивленія и уваженія, какъ бѣлыхъ, такъ и индѣйцевъ, у которыхъ побѣда надъ медвѣдемъ считается высшимъ подвигомъ мужнины. У всехъ индѣйскихъ племенъ ожерелье изъ ногтей и зубовъ медвѣдя доставляетъ его обладателю самый высшій почетъ. Только тотъ индѣецъ имѣетъ право носить подобную цѣпь, который собственными усиліями приобрѣлъ ее, помѣрившись съ свѣрымъ медвѣдемъ. Еще рассказываютъ, что чудовище, которое, увидя человѣка, смѣло идетъ на него, тотчасъ бѣжитъ, почувавъ его запахъ въ воздухѣ. Въ той-же степени, въ какой медвѣдь боится человѣческаго запаха, другія животныя пугаются его собственнаго. Домашнія животныя, почувавъ его, мечутся и бросаются изъ стороны въ сторону, какъ будто почували льва или тигра. Они даже боятся трупа гризли и его шкуры. Пѣкоторые охотники увѣряютъ, что прожорливныя дикія собаки Америки, которыя не падаютъ ни одного трупа, не смѣютъ дотронуться до трупа этого медвѣдя.

Въ настоящее время дознано, что все эти свѣдѣнія частью совершенно невѣрны, частью очень преувеличены. Ихъ распространяли и имъ вѣрили въ то время, когда еще мало посѣщали западъ Америки и когда для увеличенія интереса рассказовъ непременно требовалось для Новаго Свѣта чудовище, котораго можно было-бы сопоставить самымъ ужаснымъ хищникамъ Стараго Свѣта. Пережитыя тѣмъ или другимъ охотникомъ приключенія были принимаемы за общее правило; такимъ образомъ гризли сдѣлался пугаломъ дальняго запада. Конечно бывали случаи, что люди погибали отъ свѣраго медвѣдя, какъ погибали и отъ нашего; раненныя животныя сильно защищались, а самки и сами нападали на людей, когда дѣтенышамъ ихъ грозила опасность; но изъ этого еще нельзя заключить, что американскій медвѣдь свирѣбее своего европейскаго родича или отважнѣе его; онъ скорѣе по нраву совершенно похожъ на него. Изъ всехъ свѣрыхъ медвѣдей, съ которыми приходилось сталкиваться Пехуэль-Тѣше, ни одинъ не выказалъ мужества, и даже раненый на охотѣ коричневый медвѣдь не рѣшился напасть на своего преслѣдователя. Гораздо большее значеніе, чѣмъ все эти случайныя наблюденія, имѣютъ для насъ результаты тридцатилѣтняго пребыванія въ американскихъ пустыняхъ знаменитаго охотника генерала Марси.

«Послѣ всего того, что я слышалъ о свѣромъ медвѣдѣ, я готовъ былъ видѣть въ немъ одного изъ самыхъ опасныхъ и свирѣбыхъ созданій въ мірѣ; я воображалъ поэтому, что человѣкъ, который смѣло идетъ на него и убиваетъ, совершаетъ геройскій подвигъ и достоинъ занять высшее мѣсто среди сыновъ Цемврода. И въ этомъ былъ такъ твердо увѣжденъ, что никогда-бы не рѣшился стрѣлять въ такого звѣря, если-бъ встрѣтился съ нимъ одинъ и пѣшин. Гризли, конечно, хозяинъ американскихъ лѣсовъ и по силѣ, можетъ быть, превосходить всехъ другихъ хищныхъ

звѣрей; но мой взглядъ на его мужество и свирѣность значительно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я приобрѣлъ опытъ въ охотничьемъ дѣлѣ. Когда я въ 1858 году однажды ѣхалъ по ровному мѣсту, между рукавами рѣки Платы, то неожиданно наткнулся на большую медвѣдицу съ двумя дѣтенышами, которая на разстояніи цѣлой мили отъ какого-либо лѣса спокойно лежала на открытой преріи. Такъ какъ мнѣ еще впервые случилось встрѣтиться одному съ этимъ страшнымъ звѣремъ, да еще съ маткой, имѣющей дѣтенышей, то весьма понятно, что я почувствовалъ нѣкоторое безпокойство. Однако я все-же рѣшился напасть на звѣря. Лошадь моя была вполнѣ надежна. Провѣривъ еще разъ, въ порядкѣ-ли сбруя и оружіе, я приблизился къ медвѣдицѣ на разстояніе ста шаговъ; только тогда замѣтила она меня, высоко поднялась на заднія лапы и внимательно стала меня разсматривать. Я воспользовался этой минутой, чтобъ выстрѣлить въ нее, но даль промахъ, послѣ чего медвѣдица пустилась въ бѣгство вмѣстѣ съ дѣтенышами. Я выстрѣлилъ ей велѣдъ и попалъ въ заднюю часть туловища, тогда она удвоила быстроту бѣга и малодушно бросила дѣтенышей. Когда я настигъ этихъ послѣднихъ, они стали жалобно выть, но медвѣдица только оглядывалась отъ времени до времени, не дѣлая никакихъ попытокъ придти къ нимъ на помощь. Я преслѣдовалъ ее на лошади на протяженіи нѣсколькихъ англійскихъ миль, послалъ ей въ догонку четыре пули, послѣ чего она наконецъ ушла. Хотя я въ продолженіи этой погони нѣсколько разъ подъѣзжалъ къ ней очень близко, она ни разу не подумала защищаться. Заботясь единственно о собственномъ спасеніи, она предоставила медвѣжатъ ихъ судьбѣ. Въ трехъ другихъ случаяхъ я встрѣтилъ гризли въ горахъ, и однажды мнѣ даже попался самый страшный—коричневый; но ни одинъ изъ нихъ не пытался защищаться и все старались только спастись. Во время одного путешествія между Новой-Мексикой и штатомъ Ута мнѣ случилось на отличной лошади гнаться нѣсколько англійскихъ миль за огромнымъ сѣрымъ медвѣдемъ, котораго мнѣ удалось загнать какъ одичалаго быка по направленію къ моимъ людямъ, такъ что онъ былъ убитъ уже въ лагерѣ. На основаніи моего настоящаго опыта я могу сказать объ этомъ сильно оклеветанномъ животномъ, что въ первую минуту испуга при нападеніи на его берлогу онъ дѣйствительно въ состояніи броситься на противника; точно также я считаю возможнымъ, что особенно свирѣбный звѣрь иногда нападаетъ посреди прерій на пѣшехода и даже всадника, но подобные случаи вообще рѣдки. Я, по крайней мѣрѣ, раздѣляю со многими другими наблюдателями мнѣніе, что американскій сѣрый медвѣдь вовсе не такъ страшенъ, какъ его описываютъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что каждый медвѣдь, который почуветъ человека или увидитъ его издалека, постарается еще во время убѣжать отъ него. Онъ имѣетъ также обыкновеніе, когда хочетъ отдохнуть, запутывать свой слѣдъ, дѣлая обходы назадъ или въ сторону, и улежеть такимъ образомъ, чтобъ быть въ состояніи издали увидать или почувать приближеніе своего преслѣдователя».

Мольгаузенъ тоже не подтверждаетъ слуховъ, распространенныхъ среди туземцевъ про гризли. Во время одного путешествія по Аризонѣ, предпринятаго имъ съ двумя товарищами для изслѣдованія этой мѣстности, онъ увидалъ медвѣдя, который спокойно брелъ по оврагу среди высохшаго тернистаго кустарника. Охотники оцѣпили его съ трехъ сторонъ, чтобъ принудить подняться на голую прямую скалу. «Не сходя съ муловъ, мы все ближе и ближе подступали къ медвѣдю, который, казалось, не предчувствовалъ грозящей ему бѣды. Но хотя мы были отъ него всего на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, все-таки не рѣшились стрѣлять въ него, такъ какъ кустарникъ скрывалъ отъ насъ самыя чувствительныя части его тѣла. Измѣнившееся теченіе воздуха выдало наконецъ наше присутствіе, и страшное жи-

СЪРЫЙ МЕДВѢДЬ.

6

вотное поднялось во всю длину на свои заднія лапы. Я находился въ ту минуту отъ него шагахъ въ 15-ти и признаюсь, что огромный ростъ страшнаго звѣря, который былъ выше человѣка, сидящаго на лошади, привелъ меня почти въ ужасъ; я быстро поднялъ свое ружье, намѣреваясь послать ему пулю въ пучокъ волосъ на его широкой груди, но въ ту минуту мой мулъ повернулъ голову къ медвѣдю и такъ сильно испугался, что стремительно отскочилъ въ сторону. Я почти тотчасъ-же осадилъ своего мула, но медвѣдь также скоро опустился на землю, такъ что сухой кустарникъ опять скрылъ его отъ меня. Я теперь самъ сталъ ожидать его нападенія. Убѣдившись, что съ трехъ сторонъ ему загороженъ путь, онъ малодушно направился къ холму и поднялся на открытое мѣсто, гдѣ былъ въ первый разъ раненъ въ ребра пролетѣвшей наискось пулей. Противъ всякаго ожиданія онъ и тутъ не обнаружилъ ни малѣйшаго желанія вступить въ бой и сталъ быстро взбираться по откосу, гдѣ его настигла моя пуля, пущенная въ заднюю часть туловища. Тогда онъ освирипѣлъ и съ загнутыми назадъ ушами повернулъ назадъ и, казалось, рѣшился защищаться, но тутъ-же получилъ два заряда картечи, которые заставили его отступить. Несмотря на смертельную рану, онъ сталъ карабкаться съ ловкостью кошки на холмъ, и не успѣли мы оглянуться, какъ онъ уже очутился на его вершкѣ, гдѣ и былъ добитъ пулями подослѣвшихъ солдатъ».

Другой медвѣдь, котораго Мольгаузенъ видалъ въ Небраскѣ и потомъ убилъ, выказалъ больше мужества. Молодой индѣецъ замѣтилъ, что большой сѣрый медвѣдь совершаетъ довольно правильные переходы по одной и той-же дорогѣ. Индѣецъ однажды утромъ зашелъ за Мольгаузеномъ и, положивъ на медвѣжью тропу близъ скалы убитаго оленя, самъ спрятался съ вышеназваннымъ охотникомъ въ удобное для наблюденія мѣсто. «Оказалось, что юноша, лежавшій около меня, отлично рассчиталъ; еще въ долину не совсѣмъ разсвѣло, какъ онъ указалъ мнѣ на опушку лѣса, гдѣ отъ тѣни деревьевъ стала выдѣляться черная движущаяся точка. Это дѣйствительно былъ медвѣдь, который, не торопясь, направлялся къ своему дневному убѣжищу. Когда я его замѣтилъ, онъ еще находился отъ меня на цѣлую англійскую милю, но такъ какъ мнѣ въ первый разъ приходилось вступать въ бой со страшнымъ сѣрымъ медвѣдемъ, то наблюденіе за нимъ во время его медленнаго приближенія помогло мнѣ побороть въ себѣ то волненіе, въ которомъ я естественно находился. Я не сводилъ глазъ съ приближающагося животнаго, и его уморительныя тѣлодвиженія смѣнили меня до такой степени, что я почти забылъ цѣль, для которой здѣсь находился. Даже самымъ горячимъ поклонникамъ природы почти никогда не удается наблюдать за большими хищниками, когда они нискъмъ не обезпосенные спокойно движутся среди знакомой имъ обстановки, какъ будто у себя дома. Медвѣдь шелъ размѣреннымъ шагомъ по избранному направленію; отъ времени до времени онъ останавливался, обнюхивалъ землю, подымалъ вверхъ морду, какъ-бы стараясь узнать направленіе вѣтра, потомъ опять принималъ свою обычную спокойную походку и приблизился къ намъ такимъ образомъ на разстояніе 400 шаговъ. Потомъ онъ опять въ некоторое время сталъ обнюхивать крутомъ почву, поцарапалъ землю между травами своими длинными когтями, поднесъ свою безформенную лапу къ кончику носа и, очевидно довольноный ея запахомъ, сѣлъ опять на землю, повалился на спину и съ видимымъ наслажденіемъ сталъ кататься по землѣ. Убѣдившись, вѣроятно, что желаніе его надушиться запахомъ растений (чѣмъ я объясняю его странное поведеніе) достигнуто въ надлежащей степени, онъ поднялся на ноги, стряхнулъ съ своей мохнатой шерсти землю и пошелъ дальше. Цѣпного спустя, онъ опять остановился и нѣсколько минутъ стоялъ не двигаясь, какъ-бы что-то обдумывая; почесалъ себѣ попеременно передними лапами то правшій, то лѣ-

вый бокъ, нѣсколько разъ проведъ лапами по глазамъ, внимательно осмотрѣлъ свои когти, облизалъ ступни ногъ и опять нѣсколько секундъ чутко прислушивался. Потеревъ послѣ того задними лапами плечи и шею, онъ приподнялся во весь ростъ, осмотрѣлся кругомъ, ощутился на всѣ четыре ноги и поѣжалъ, какъ-бы для того, чтобы наверстать потерянное время, короткой рысью, что и привело его скоро къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ олень. Замѣтивъ убитое животное, онъ, какъ-бы сильно испугавшись, вдругъ поднялся на заднія ноги, но тотчасъ-же опять опустился на землю и сталъ внимательно разсматривать удивившій его предметъ; при этомъ онъ склонялъ голову то вправо, то влѣво, морщилъ лобъ и наострялъ уши. Наконецъ онъ подошелъ совсѣмъ близко къ оленю и, обнюхавъ его достаточно съ одной стороны, повернулъ его другой стороной вверхъ, чтобы осмотрѣть и ее, причемъ поставилъ намъ подъ нули все свое туловище. Мы выстрѣлили оба почти одновременно. Медвѣдь упалъ, но тотчасъ-же, визжа и сильно дыша, поднялся опять на свои заднія ноги; я тоже приподнялся послѣ выстрѣла, но индѣецъ, видя, что раненое животное готовится къ защитѣ, опять пригнулъ меня къ землѣ; было однако слишкомъ поздно: озлобленное животное насъ замѣтило и бросилось по направленію къ намъ. Однако оно снова упало, какъ я замѣтилъ, вълѣдствіе прострѣленной передней ноги. Не оглядываясь болѣе на него, я послѣдовалъ за бѣгущимъ индѣйцемъ, который указалъ мнѣ дорогу къ ближайшему дубу. Я совершенно не помню, какъ добрался до дерева, но не прошло минуты, какъ я уже сидѣлъ верхомъ на сукѣ и заряжалъ свое ружье. Я долженъ сознаться, что никакъ не думалъ, чтобы медвѣдь рѣшился насъ преслѣдовать: мнѣ это казалось совершенно непохожимъ на все, что мнѣ до сихъ поръ было извѣстно о немъ, но едва я успѣлъ зарядить ружье, какъ звѣрь, волоча одну ногу, очутился уже передъ нами въ разстояніи 50-ти шаговъ. Индѣецъ громко заговорилъ и, когда медвѣдь, привлеченный его голосомъ, обернулся къ намъ, мы тотчасъ выстрѣлили въ него. Съ громкимъ стономъ упалъ онъ смертельно раненый, покатался еще по землѣ нѣкоторое время, вырвалъ когтями изъ земли корни и траву и наконецъ испустилъ духъ».

Сѣрый медвѣдь питается растительной пищей, ѣсть охотно ягоды, орѣхи, корни, но убиваетъ тоже и животныхъ; кромѣ того онъ, говорятъ, съ особымъ искусствомъ ловить рыбу. Въ Аляскѣ, гдѣ онъ водится въ большомъ количествѣ по берегамъ рѣкъ и по пустыннымъ равнинамъ, по болотамъ и горамъ—постоянно замѣчаются протоптанныя медвѣдями тропинки; направленіе и протяженіе этихъ тропинокъ такъ искусно выбрано, что стоить по нимъ идти, чтобы найти ближайшій путь между двумя мѣстностями. «На крутыхъ скалистыхъ откосахъ западной береговой полосы Кукова пролива», пишетъ Эллиотъ, «можно иногда видѣть цѣлыя группы въ 20—30 штукъ этихъ неуклюжихъ животныхъ, отыскивающихъ тамъ ягоды и корни. Но ихъ мѣхъ не высоко цѣнится, потому что онъ грубъ, неровенъ и рѣдокъ. Вълѣдствіе ихъ свирѣпости, за ними мало охотятся, исключая туземцевъ, которые выказываютъ имъ большое уваженіе и имѣютъ обыкновеніе передъ тѣмъ, какъ убить медвѣдя, обращаться къ нему съ похвальной рѣчью. Такъ какъ инородцы боятся ходить по мѣстамъ, гдѣ еще дѣйствуютъ вулканическія силы, то окрестности кратеровъ, горячіе источники, угасшіе вулканы представляютъ для дикихъ звѣрей, и въ особенности для медвѣдей, самыя безопасныя убѣжища, такъ какъ они вполне увѣрены, что люди не станутъ ихъ тамъ беспокоить».

Въ молодости гризли приручается легко и, подобно нашему обыкновенному медвѣдю, бываетъ, хоть на короткое время, кроткимъ и веселымъ животнымъ. Мѣхъ медвѣженка, несмотря на длину и густоту, такъ нѣженъ и красивъ, что придаетъ маленькому животному весьма нарядный видъ. Паллизеръ, который привезъ одного

гризли въ Европу, не могъ нахвалиться своимъ плѣнникомъ. Онъ ѣлъ, пилъ и игралъ съ матросами, увеселялъ всѣхъ пассажировъ, такъ что капитанъ корабля говорилъ впоследствии Паллизеру, что онъ былъ-бы весьма радъ имѣть по медвѣженку для каждаго рейса. Этотъ-же медвѣженокъ удивительно привязался къ маленькой антилопѣ, которую везли на томъ-же кораблѣ, и при случаѣ защищалъ ее самымъ рыцарскимъ образомъ: когда антилопу спустили съ корабля и повели по улицѣ, на нее набросился огромный бульдогъ и запустилъ въ нее зубы, не обращая вниманія на крики и удары провожавшихъ ее людей. Къ счастью, той-же дорогой шелъ Паллизеръ со своимъ медвѣженкомъ, который, увидавъ опасность, грозившую антилопѣ, вырвался изъ рукъ хозяина, мгновенно схватилъ врага своего друга за горло и такъ кусалъ и истрещалъ его, что тотъ съ жалобнымъ воемъ бѣжалъ съ поля битвы.

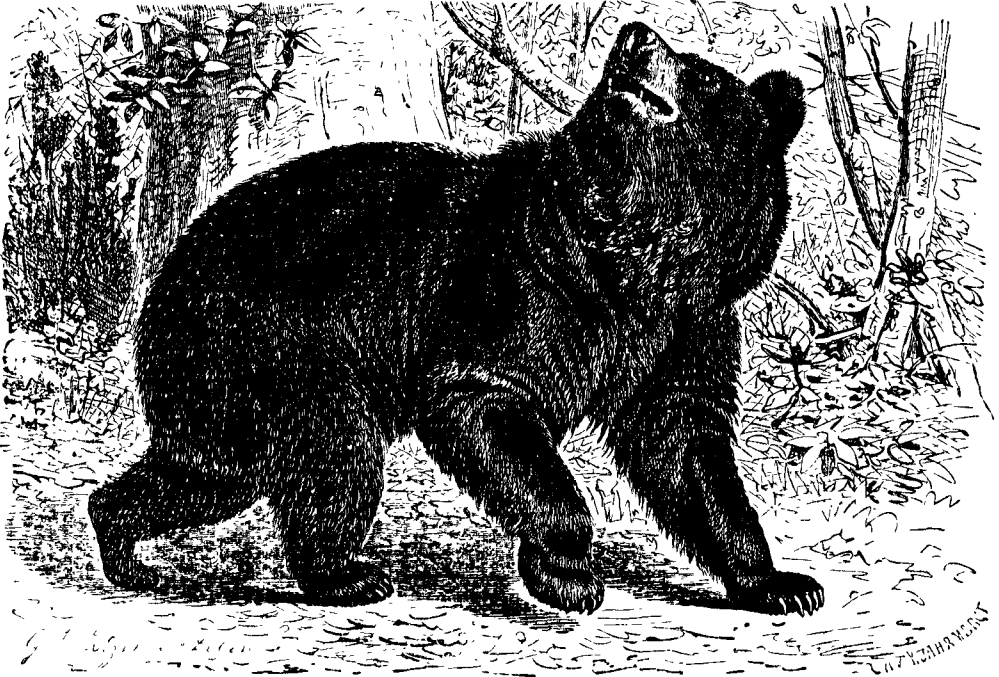
Образъ жизни и поведение гризли въ неволѣ мало чѣмъ отличается отъ нравовъ нашего медвѣдя. Въ Лондонскомъ зоологическомъ саду находились два медвѣдя, надъ которыми произведенъ былъ весьма удачно опытъ ветеринарнаго искусства. Въ ранней молодости они страдали воспаленіемъ глазъ, вследствие чего совершенно ослѣбли. Рѣшили ихъ вылѣчить. Больныхъ разлучили, послѣ чего сторожа надѣли каждому изъ нихъ по крѣпкому ошейнику и притянули веревками голову огромнаго животнаго къ рѣшеткѣ, чтобъ можно было безопасно поднести губку съ хлороформомъ къ ноздрямъ его. Дѣйствіе было необыкновенно быстрое и вѣрное. Нѣсколько минутъ спустя могучее животное уже лежало неподвижно и въ безсознательномъ состояніи въ своей клѣткѣ. Глазной врачъ могъ спокойно войти въ клѣтку, повернуть страшную голову, какъ ему было удобнѣе, и совершить операцію. Едва услышали, по окончаніи операціи, закрыть клѣтку отъ солнечнаго свѣта, какъ медвѣдь проснулся; точно пьяный сталъ онъ бродить по клѣткѣ и чѣмъ болѣе приходилъ въ себя, тѣмъ его движенія становились нерѣшительнѣе. Но со временемъ онъ, кажется, повялъ значеніе того, что случилось съ нимъ во время тяжелаго сна и, когда черезъ нѣсколько дней его пришли осматривать, онъ уже сознавалъ, что способность видѣть возвращена ему, и радовался солнечному свѣту или, по крайней мѣрѣ, понималъ вполне разницу между прежней постоянной тьмой и теперешнимъ свѣтомъ.

Польза отъ убитаго гризли та-же, что и отъ бураго; мѣхъ его, по словамъ Ломера, смотря по величинѣ и красотѣ, цѣнится до 250 марокъ.

* *
*

Наиболѣе извѣстнымъ американскимъ медвѣдемъ слѣдуетъ считать **Барибала**, **Мусква** или **Чернаго медвѣдя** (*Ursus americanus*, Schwarzbar, Ours noir): это очень распространенное и относительно добродушное животное; по крайней мѣрѣ, онъ гораздо безобиднѣе нашего бураго и сѣраго медвѣдей. Самая большая длина его 2 метра, при вышинѣ въ плечахъ 1 метра. Отъ обыкновеннаго медвѣдя онъ отличается преимущественно тѣмъ, что голова его уже, морда острѣе и постепенно суживается отъ лба къ концу; ступни очень коротки; но главное его отличіе заключается въ качествѣ и цвѣтѣ мѣха. Послѣдній состоитъ изъ длинныхъ, жесткихъ, гладкихъ волосъ, которые только на лбу и мордѣ дѣлаются короче. Блестящій черный цвѣтъ мѣха только по бокамъ морды переходитъ въ тускло-желтый; такого-же цвѣта пятна встрѣчаются часто подъ глазами. Рѣже встрѣчаются барибалы съ бѣлыми краями губъ и бѣлыми полосами на груди и темени. Медвѣжата бывають свѣтло-сѣраго цвѣта и только ко второму году облакаются въ темную одежду родителей; но мѣхъ еще долго остается короткимъ и удлиняется только постепенно.

Барibalъ водится по всей Сѣверной Америкѣ. Онъ встрѣчается въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ отъ восточнаго берега до границъ Калифорніи и отъ дальняго сѣвера до Мексики. Въ лѣсахъ находитъ онъ все необходимое для жизни; однако онъ мѣняетъ свое мѣстожительство, смотря по тѣмъ удобствамъ, какія представляютъ ему извѣстныя мѣстности въ различные времена года. Такъ, весной онъ отыскиваетъ себѣ пищу въ богатыхъ растительностью низменностяхъ большихъ рѣкъ и бродитъ съ этой цѣлью въ лѣсахъ, окаймляющихъ берега рѣкъ и озеръ, лѣтомъ удаляется въ глубину лѣсовъ, гдѣ находитъ въ изобиліи всевозможные лѣсные плоды; зимою онъ роетъ себѣ въ мѣстахъ, по возможности скрытыхъ отъ глазъ, удобную берлогу, въ которую залагаетъ на время или погружается въ настоящую зимнюю спячку.

Барibalъ. *Ursus americanus*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

Относительно послѣдней существуютъ различныя мнѣнія. Одни натуралисты говорятъ, что только нѣкоторые медвѣди удаляются на нѣсколько недѣль въ берлогу для сна, а что остальные бродятъ и зимою съ одного мѣста на другое и даже перекочевываютъ изъ сѣверныхъ странъ въ южныя; другіе думаютъ, что это случается только въ болѣе теплыя зимы, между тѣмъ какъ въ суровыя всѣ черныя медвѣди погружаются въ зимнюю спячку. Достоверно извѣстно, что за барibalомъ охотятся чаще всего зимою и поднимаютъ его изъ берлоги. Ричардсонъ говоритъ, что медвѣдь обыкновенно выбираетъ себѣ мѣсто около упавшаго дерева, роетъ прямо около него углубленіе, въ которое и ложится при началѣ снѣжной мятели; выпавшій снѣгъ покрываетъ тогда и дерево, и медвѣдя; но мѣсто логовища не трудно открыть по небольшому отверстию, образовавшемуся влѣдствіе дыханія животнаго, и по довольно большому количеству инея, окружающаго это отверстие. Барibalъ даже лѣтомъ обиваетъ свое ложе сухими листьями и травой. Но это ложе очень трудно отыскать, такъ какъ оно устраивается обыкновенно въ самыхъ глухихъ лѣсныхъ

чапахъ, въ расщелинахъ скалъ, низкихъ пещерахъ или подъ деревьями, вѣтки которыхъ спускаются до земли. По словамъ Одюбона это ложе болѣе всего напоминаетъ логовище кабана.

Несмотря на свой глупый, тяжелый и неуклюжій видъ, барибаль—чуткое, подвижное, сильное, ловкое и выносливое животное. Бѣгъ его такой быстрый, что ни одинъ человѣкъ не можетъ догнать его. Плавать онъ отлично и лазаетъ мастерски. Во всякомъ случаѣ, онъ въ движенияхъ своихъ показываетъ болѣе ловкости, чѣмъ бурый медвѣдь, съ которымъ онъ совершенно сходенъ всеми прочими свойствами. Онъ весьма рѣдко нападаетъ на человѣка, но болѣею частью поспѣшно бѣжитъ при видѣ своего злѣйшаго врага и даже раненый почти никогда не защищается; однако, доведенный до крайности, онъ можетъ быть очень опасенъ.

Пища его преимущественно растительная, а именно: травы, листья, зрѣлые и незрѣлые злаки, ягоды и различные плоды. Однако онъ преслѣдуетъ домашній скотъ поселенцевъ и осмѣливается нападать даже на самыхъ сильныхъ быковъ. Фермеры онъ приноситъ двойкій вредъ, какъ истребленіемъ посявовъ, такъ и преслѣдованіемъ скота, поэтому къ нему относятся точно такъ-же, какъ къ бурому, т. е. преслѣдуютъ безъ устали и истребляютъ всевозможными средствами, какъ только онъ осмѣлится показаться вблизи человѣческаго жилья.

О размноженіи барибала американскіе натуралисты еще не имѣютъ, кажется, точныхъ свѣдѣній. Ричардсонъ полагаетъ, что беременность самки барибала продолжается около 15—16 недѣль, а Одюбонъ, по всему вѣроятію, списавъ съ него это свѣдѣніе: оба считаютъ январь—временемъ рожденія дѣтенышей. Число послѣднихъ колеблется, по Ричардсону, между однимъ и пятью, а Одюбонъ ограничиваетъ его двумя. Я полагаю, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ наблюденіями надъ пойманными барибалами. Пара барибаловъ, за которыми я наблюдалъ, плодилась уже два раза въ неволѣ, и дѣтеныши рождались уже въ январѣ. Между двумя жившими у меня барибалами случка произошла въ первый разъ 16 іюня и съ того времени повторялась, какъ и у бураго медвѣдя, почти ежедневно въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Весьма вѣроятно, что живущія на волѣ черныя медвѣдицы избираютъ для родовъ дупла деревьевъ; по крайней мѣрѣ, это утверждаетъ Ричардсонъ. Надъ раннимъ дѣтствомъ молодыхъ медвѣжатъ не существуетъ почти никакихъ наблюденій. О болѣе взрослыхъ извѣстно, что мать ихъ нѣжно любитъ, долгое время водить ихъ за собою, учить, а въ минуты опасности мужественно защищаетъ.

Охота на чернаго медвѣдя производится различными образомъ. Многихъ ловятъ большими капканами, но большая часть погибаетъ отъ острѣльнаго оружія. Хорошія собаки оказываютъ большія услуги въ этихъ случаяхъ; онѣ пугаютъ медвѣдя сильнымъ лаемъ или гонятъ на дерево и даютъ охотнику возможность спокойно прицѣлиться въ него и положить на мѣстѣ. Одюбонъ весьма живо описываетъ подобную охоту, во время которой убито было нѣсколько медвѣдей, но погибло и нѣсколько собакъ, и даже были ранены нѣкоторые охотники. Однѣ собаки не могутъ справиться съ медвѣдемъ; даже самыя сильныя изъ нихъ нерѣдко умираютъ отъ ударовъ его страшныхъ лапъ. Во многихъ мѣстахъ съ успѣхомъ употребляютъ самопалы, которые стрѣляютъ, лишь только медвѣдь дотронется до приманки. По рѣкамъ и озерамъ гонятся иногда за медвѣдами, когда они добровольно переплываютъ ихъ или загнаны туда собаками.

Очень оригинальны нѣкоторые способы охоты индѣйцевъ, но еще оригинальнѣе торжественные обряды, которыми они стараются умнотворить духъ умершаго медвѣдя, и очень напоминаютъ религіозное поклоненіе. Александръ Генри, который путешествовалъ по Сѣверной Америкѣ въ областяхъ, гдѣ охота за пушными звѣрями

играть важную роль, рассказываетъ, какъ вели себя его хозяева относительно только-что убитого ими медвѣдя. «Тотчасъ послѣ его смерти къ нему подошли всѣ индѣйцы, а во главѣ ихъ «старуха мать», какъ мы ее звали. Она взяла голову звѣря въ свои руки, гладила и цѣловала ее и тысячу разъ просила у медвѣдя прощенья въ томъ, что его лишили жизни, и увѣряла его, что преступленіе совершено не индѣйцемъ, а англичаниномъ. Эта исторія, впрочемъ, не долго длилась. Скоро принялись за сдираніе шкуры и дѣлежь мяса. Каждый членъ семьи нагрузилъ себя какой-нибудь частью убитого звѣря: кожей, мясомъ, жиромъ. и потомъ все общество направилось къ жилищу. Вошедши въ домъ, они украсили голову медвѣдя серебряными браслетами и всѣми блестящими украшениями, какія нашлись въ семьѣ. Потомъ положили голову на помость и подъ носъ насыпали множество табаку. На слѣдующій день сдѣланы были всѣ приготовленія къ пиру. Хижину почистили и вывели, голову медвѣдя приподняли и покрыли платкомъ, не бывшимъ еще въ употребленіи. Набили трубки, и индѣецъ принялся усердно пускать табачный дымъ въ ноздри медвѣдя. Онъ упросилъ меня, какъ виновника его смерти, сдѣлать тоже, чтобъ звѣрьше укротить его гнѣвъ. Я старался убѣдить моего добраго и ласковаго хозяина, что въ медвѣдѣ вѣдь уже не было жизни, но слова мои были напрасны. Подъ конецъ мой хозяинъ произнесъ хвалебную рѣчь, обращенную къ убитому звѣрю, послѣ которой всѣ принялись ѣсть мясо медвѣдя».

Барибалы, которыхъ я наблюдаю, отличались отъ всѣхъ родичей своею незлобивою и добродушіемъ. Никогда не злоупотребляютъ они своею силой противъ сторожей; напротивъ того, вполне признаютъ превосходство человека надъ собою и легко подчиняются его волѣ. Во всякомъ случаѣ они не только гораздо болѣе боятся сторожа, чѣмъ онъ ихъ, но еще питаютъ непонятный страхъ ко всѣмъ прочимъ животнымъ: когда мимо клѣтки жившаго у меня барибала провели однажды небольшого слона, медвѣдь такъ испугался, что посѣбно вскарабкался на свое дерево, какъ-бы надѣясь найти тамъ себѣ защиту. Съ другими медвѣдями, посаженными въ одну съ нимъ клѣтку, они въ борьбу не вступаютъ и даже иногда медвѣжонокъ одного съ ними вида можетъ приобрѣсти надъ ними власть. Когда однажды я посадилъ молодыхъ медвѣдей къ двумъ взрослымъ, въ клѣткѣ произошелъ цѣлый переполохъ. Звѣри страшились другъ друга. Старая самка казалась сильно пораженною присутствіемъ медвѣжатъ и посѣшила спастись на самую верхушку дерева. Но и молодые медвѣди выказывали сильный ужасъ: они сошлись и пятались въ самый дальній уголъ клѣтки. Только старый медвѣдь остался довольно спокойнымъ, хотя и онъ боязливо косился въ сторону, какъ будто боялся нападенія медвѣжатъ съ тыла. Но тѣ думали только о собственной безопасности. Голодь принудилъ медвѣдицу спуститься съ дерева, и въ ту-же минуту на него влѣзли медвѣжата. Цѣлые десять дней страхъ не позволялъ имъ спуститься съ однажды избраннаго мѣста; самыя лакомыя кушанья, сильнѣйшая жажда не могли заставить ихъ сойти внизъ. Они не спустились и тогда, когда старыхъ медвѣдей перевели въ другое помѣщеніе и молодымъ предоставлена была въ распоряженіе вся клѣтка. Въ самыхъ печальныхъ положеніяхъ лежали и висѣли они день и ночь на сучьяхъ дерева и пришли, наконецъ, въ такое состояніе истощенія, что мы каждую минуту боялись, чтобъ они не упали на каменный полъ. Но, къ счастью, этого не случилось, такъ какъ голодь превозмогъ страхъ. На десятый день они сошли добровольно съ дерева и съ той минуты зажили мирно и дружно съ двумя старыми медвѣдами. Последній барибаль, котораго я помѣстилъ въ ту-же клѣтку, велъ себя совершенно такъ-же, хотя былъ болѣе истощенъ, чѣмъ первые медвѣжата, которые прибыли къ намъ очень убитанными.

Пойманные барібалы даютъ постоянно возможность наблюдать легкость и проворство, съ которыми они лазаютъ. Испуганные чѣмъ-нибудь, они однимъ прыжкомъ, метра въ два вышины, вспрыгиваютъ на первый сукъ гладкаго дубоваго ствола и потомъ съ величайшей быстротой и увѣренностью достигаютъ его верхушки. Одна старая медвѣдица перепрыгнула даже черезъ голову сторожа, который хотѣлъ загнать ее въ другую клѣтку, и очутилась въ одно мгновеніе на деревѣ. Цѣлыя семьи размѣщаются иногда по сучьямъ деревьевъ въ различныхъ, повидимому весьма неудобныхъ позахъ. Нѣкоторые даже спятъ на развилкахъ деревьевъ. Голосъ барібала напоминаетъ голосъ бураго медвѣдя, но слабѣе и жалобнѣе. Рева, въ собственномъ смыслѣ этого слова, я отъ чернаго медвѣдя никогда не слыхала. Возбужденное состояніе выражается у него, какъ и у европейскаго его родича, сонѣніемъ и щелканьемъ челюстей. Въ гнѣвѣ онъ пригибаетъ голову къ землѣ, выдвигаетъ впередъ губы, фыркаетъ и нерѣшительно озирается по сторонамъ. Очень комично положеніе тѣла этого медвѣдя, когда онъ стоитъ на заднихъ ногахъ. Короткія ступни чрезвычайно затрудняютъ ему это положеніе и онъ долженъ, чтобъ не потерять равновѣсія, сильно перегнуть спину назадъ. При этомъ онъ такъ высоко подымаетъ переднія лапы, что голова оказывается какъ-бы вдавленной между плечами, и вся фигура имѣетъ въ высшей степени странный видъ.

Слишкомъ обильными подачками благосклонныхъ посѣтителей барібалы легко балуются. Они знаютъ, что имъ каждый принесетъ чего-нибудь поѣсть, и жалобнымъ визгомъ напоминаютъ забывчивому посѣтителю объ исполненіи этой повинности; такимъ образомъ въ нихъ укореняется привычка къ попрошайничеству, передъ которымъ никто не можетъ устоять; поза ихъ съ протянутыми впередъ лапами такъ уморительна, а визгъ такъ трогателенъ, что по неволѣ расчеловѣчиваетъ сердце каждаго. Барібалы, жившіе у графа Герца, шарили даже въ карманахъ посѣтителей, отыскивая въ нихъ лакомства, и страшно надѣлали тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ ничего не оказывалось.

Мѣхъ барібала, по словамъ Ломера, цѣнится отъ 60—250 нѣмецкихъ марокъ. Изъ него-то и шьютъ шубы, извѣстныя у мѣховщиковъ подъ названіемъ медвѣжьихъ. Мѣхъ этотъ идетъ также на дорогія санныя полости.

* * *

Однимъ изъ представителей медвѣдей въ Азіи можетъ считаться **Гиммалайскій медвѣдь** англійскихъ охотниковъ, **Кума** японцевъ, **Кимуи-Камуи айносовъ**, **Віогене** тунгузовъ; въ Индіи его зовутъ **Ринхъ**, **Балу**, **Зонаръ**, **Домъ**, **Зона** и т. д. (*Ursus torquatus*, *U. tibetanus*, *U. gedrosianus* и *japonicus*, *Helarctos tibetanus*, *Kragenbär* *Ours à collier*). Туловище его относительно тонкое, голова оканчивается острокопечной мордой, лобъ образуетъ съ носомъ почти прямую линію; уши круглыя и относительно большія, ноги средней длины, ступни короткія, пальцы снабжены короткими, но крѣпкими когтями. Цвѣтъ и качество мѣха подлежатъ значительнымъ измѣненіямъ, если допустить, что описанія различныхъ наблюдателей относятся къ одному и тому-же животному, а не къ двумъ различнымъ его видамъ. Кювье, который первый описалъ открытое Дювоселемъ въ Ассамѣ животное, сообщаетъ, что мѣхъ этого медвѣдя гладкій, за исключеніемъ мохнатой гривы на шеѣ, и равномерно черный, исключая бѣлой полосы на губѣ, бѣлаго воротника на груди и рыжеватыхъ полосъ по обѣимъ сторонамъ морды. Бѣлая полоса на груди имѣетъ очертаніе, похожее на Y; она образуетъ по обѣимъ сторонамъ ключицы по косой полосѣ, въ срединѣ же удлинняется къверху, на грудь, въ видѣ мыса или полоски. Вагнеръ видѣлъ однажды въ звѣринцѣ живую куму, у которой морда была бураго цвѣта,

между тѣмъ какъ такое-же пятно видѣлось надъ каждымъ глазомъ. Кума достигаетъ, при вышинѣ въ плечахъ въ 80 см., длины въ 1,7—1,8 метра и вѣсу до 120 килограммовъ.

Весьма возможно, что медвѣдь, называемый японцами «полулупно-пятнистымъ», долженъ быть отдѣленъ отъ живущихъ на материкѣ въ отдѣльный видъ; но до сихъ поръ мы не имѣемъ еще достаточно наблюдений, чтобы можно было безошибочно рѣшить этотъ вопросъ. Пойманные въ Японіи медвѣди, которыхъ я видалъ, отличались довольно значительно отъ своихъ родичей, привезенныхъ съ материка. Но это различіе не болѣе замѣтно, чѣмъ между нѣкоторыми разновидностями нашего обыкновеннаго медвѣдя, о разнородности или однородности которыхъ мнѣнія тоже раздѣляются. Если мы всѣхъ азиатскихъ черныхъ медвѣдей съ воротникомъ соединимъ въ одинъ видъ, то увидимъ, что этотъ видъ очень распространенъ. Скоро послѣ открытія Дювосоля, Валихъ нашелъ подобнаго же медвѣди въ Пеналѣ; Зибольдъ тоже сообщаетъ въ своемъ сочиненіи о фаунѣ Японіи, что кума часто встрѣчается не только въ Китаѣ и Японіи, но и въ горныхъ странахъ азиатскаго материка и на южно-азиатскихъ островахъ; Радде, наконецъ, встрѣтилъ его въ юго-восточной Сибири. Южная область его распространенія охватываетъ, по словамъ Блэнфорда, не только Тибетъ, но и лѣсныя пространства всего Гиммалайскаго хребта и горы до 4,000 метровъ вышины, горную страну Ассамъ, и къ западу часть Афганистана и Белуджистана до границы Персіи; далѣе водится онъ, можетъ быть, въ срединѣ Бенгальскаго полуострова и достигаетъ даже къ юго-востоку до Пегу, гдѣ, по свидѣтельству Теобальда, онъ встрѣчается довольно рѣдко.

О жизни и нравахъ кумы сообщаютъ намъ Адамсъ, Кинлохъ, Радде и др. На сѣверѣ Индіи и въ Кашемирской долинѣ кума живетъ преимущественно на опушкахъ лѣсовъ близъ полей и виноградниковъ, въ юго-восточной Сибири, напротивъ того, среди самыхъ густыхъ лѣсовъ. Она отлично лазаетъ и достигаетъ съ большою легкостью верхушки высочайшихъ деревьевъ. Тунгузы увѣряли даже Радде, что она вообще почти никогда не спускается на землю и что лѣтомъ, посредствомъ согнутыхъ и снѣженныхъ вѣтвей, устраняетъ себѣ родъ бѣсѣдокъ; зимою же сидитъ въ сидячемъ положеніи, въ дуплахъ деревьевъ. Радде нѣсколько разъ видалъ эти бѣсѣдки, но нѣкоторые туземцы увѣрили его, напротивъ, что медвѣди строятъ ихъ для забавы, а не для жилища.

На Гиммалаѣ подобная любовь къ постройкамъ, кажется, вовсе неизвѣстна, но Адамсъ согласенъ съ Радде въ томъ, что кума лазаетъ лучше всѣхъ животныхъ этого семейства, потому что она влѣзаетъ на высочайшія деревья, когда созрѣваютъ орѣхи или тутовые ягоды. Кромѣ того она весьма нежелательный посягатель мансовыхъ полей и виноградниковъ и часто причиняетъ въ нихъ такія опустошенія, что землевладѣльцы принуждены сооружать сторожки, изъ которыхъ люди громкими криками стараются пугать приближающихся медвѣдей. Тунгузы разсказывали Радде, что кума труслива и не опасна, потому-что у нея пасть не глубокая и она можетъ только кусать, но не рвать добычу, какъ бурый медвѣдь. Адамсъ однако слышалъ совершенно противоположное и увѣряетъ, что жители горныхъ странъ Индіи не безъ основанія очень боятся кумы. Кинлохъ подтверждаетъ эти свѣдѣнія по своимъ собственнымъ наблюденіямъ въ Гиммалаѣ и видитъ въ этомъ животномъ опаснаго противника, который погубилъ уже многихъ европейцевъ и еще болѣе туземцевъ. Между этими послѣдними многіе еще могутъ указать на раны, полученные въ борьбѣ съ этимъ животнымъ. Однако нужно допустить, что только раненыя или поставленныя въ затруднительное положеніе животныя этого вида рѣшаются на нападеніе; то-же можетъ случиться, если печально нарушать ихъ покой. Блэн-

фордъ, напротивъ того, считаетъ куму самымъ кровожаднымъ изъ индѣйскихъ медвѣдей, который нападаетъ не только на мелкую дичь и оленей, но кромѣ того убиваетъ быковъ и лошадей и ѣсть даже людей; но все-же преимущественно кума питается растеніями, особенно кореньями и плодами, изъ которыхъ, кажется, предпочитаетъ желуди; говорятъ также, что она очень любитъ медъ. Относительно зимней

Кума. *Ursus torquatus*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

спячки свѣдѣнія довольно разнорѣчивы; можно, однако, допустить, что кума не такъ правильно предается зимней спячкѣ, какъ нашъ обыкновенный медвѣдь.

Во время своихъ ночныхъ походовъ за добычей кума всегда бѣжитъ отъ чловека. Какъ только она почувствуетъ его (а въ этомъ отношеніи кума очень чутка), то останавливается, обнюхиваетъ воздухъ, обнаруживаетъ сильное волненіе, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ противъ вѣтра, подымается на заднія ноги, и, убѣдившись въ грозящей ей опасности, поворачиваетъ назадъ и убѣгаетъ съ поспѣшностью, кото-

рая показалась-бы невѣроятной тому, кто видѣлъ куму только въ клѣткѣ. Если во время спуска съ крутизны она вдругъ чего-нибудь испугается, то мгновенно свертывается клубкомъ и скатывается съ обрыва внизъ, иногда на пространствѣ 300 метровъ, чему, какъ увѣряетъ Адамсъ, онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Но говорятъ, что при встрѣчахъ съ обыкновеннымъ медвѣдемъ обращается въ бѣгство не кума, а этотъ послѣдній. Впрочемъ, еще неизвѣстно, выражается-ли этимъ бѣгствомъ одинъ страхъ, такъ-какъ осталось еще не выясненнымъ увѣреніе туземцевъ, будто эти два вида входятъ иногда между собою въ очень близкія сношенія. Когда зимою, говорятъ туземцы, сталкиваются въ глубинѣ лѣсовъ оба вида, то бурый медвѣдь слѣдитъ за своимъ родичемъ и ждетъ (такъ-какъ самъ лазаетъ плохо), пока онъ влѣзетъ на дерево, чтобъ воспользоваться свалившимися или сброшенными имъ плодами. Дѣтеныши кумы, которыхъ всегда бываетъ по два, рождаются весною и остаются въ теченіи всего лѣта, а въ Индіи еще дольше, при матери. Мясо ея считается какъ у японцевъ, такъ и у тунгузовъ болѣе вкуснымъ, чѣмъ мясо бураго медвѣдя.

По сообщеніямъ Шейбе, у айносовъ, въ сѣверной Японіи, это животное пользуется большимъ почетомъ. если, впрочемъ, предположить, что живущій тамъ медвѣдь принадлежитъ къ этому виду. «Айносы», говоритъ Шейбе, «вполнѣ основательно высоко цѣнятъ этого медвѣдя. Онъ для нихъ самое драгоценное животное: снабжаетъ ихъ пищей на долгое время, доставляетъ имъ одежду, наконецъ, желчь его высоко цѣнится, благодаря ея цѣлебнымъ свойствамъ. Съ другой стороны ни одинъ звѣрь не можетъ причинить имъ столько вреда, какъ этотъ медвѣдь, когда онъ, все разрушая по дорогѣ и убивая домашній скотъ, врывается въ ихъ жилища. Поэтому неудивительно, что айносы стараются умиловить медвѣдя, величаютъ его божествомъ и, послѣ убійства его, считаютъ долгомъ принести некупительную жертву. Она состоитъ въ томъ, что черепъ убитаго медвѣдя они насаживаютъ на такъ-называемый «заборъ идоловъ», который находится передъ каждой хижиной съ восточной стороны. У этого «забора» поклоняются всѣмъ идоламъ, исключая бога огня и домового, которымъ приносятъ жертвы въ самой хижинѣ на опредѣленномъ для этого мѣстѣ; съ того времени черепъ медвѣдя становится священнымъ предметомъ. По этому-же поводу учреждено у айносовъ празднество, называемое «Юмантэ». Это и есть то некупленіе, которое вмѣстѣ съ выкармливаніемъ молодого медвѣдя приносится всему медвѣжьему роду за убитаго сородича». Шейбе описываетъ подробно, какъ ухаживаютъ за этимъ избраннымъ медвѣженкомъ, какъ его убиваютъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ торжественныхъ обрядовъ, причемъ много поютъ и пляшутъ и еще больше пьютъ и даже плачутъ; какъ сдираютъ шкуру, пьютъ его теплую кровь и съѣдаютъ печень и мозгъ въ сыромъ видѣ. Празднество оканчивается насаженіемъ черепа на «заборъ идоловъ».

Во всѣхъ большихъ зоологическихъ садахъ Европы можно найти куму, которая своими нравами, свойствами и привычками болѣе всего схожа съ барibalомъ; по умственному развитію она стоитъ на одинаковой степеніи съ послѣднимъ и отличается отъ него развѣ только болѣею граціей въ своихъ движеніяхъ.

* * *

Отъ прочихъ видовъ этого семейства значительно отклоняется **Малайскій медвѣдь, Бруанъ** или, по Розенбергу, вѣрнѣе **Бируангъ** (*Ursus malayanus*, *Helarectos malayanus* и *euysrilus*, *Prochilus malayanus*). Это животное съ довольно длиннымъ, но нескладнымъ туловищемъ, толстой головой, широкой мордой, маленькими ушами, очень маленькими подѣлшоватыми глазами, несоразмѣрно большими лапами, длин-

ными крѣпкими когтями и короткошерстнымъ мѣхомъ. Длина его достигаетъ до 1,4 метра, высота у загривка—70 см. Короткій, но густой мѣхъ черного блестящаго цвѣта за исключеніемъ чало-желтыхъ сторонъ морды и одного подковообразнаго или круглаго пятна на груди, тоже желтаго или рыжаго цвѣта.

Вируангъ водится на Борнео, Явѣ, Суматрѣ, на Малайскомъ полуостровѣ и

Вируангъ. *Ursus malayanus*. $\frac{1}{12}$ наст. вел

распространяется къ сѣверу черезъ Тенассеримъ до Бирмы и черезъ Араканъ до Читтагонга. Его жизнь на свободѣ мало извѣстна. Во всякомъ случаѣ, онъ лазаетъ, можетъ быть, искуснѣе всѣхъ своихъ сородичей и, кажется, столько-же живетъ на деревьяхъ, какъ на землѣ; питается преимущественно растительными веществами и насекомыми, хотя, говорить, ѣсть также млекопитающихъ и птицъ. По словамъ Марседена, онъ причиняетъ иногда большой вредъ кокосовымъ плантаціямъ на Суматрѣ, влѣзаетъ на кокосовыя пальмы и съѣдаетъ нѣжные побѣги, но Розенбергъ въ своемъ

описаніи этого животнаго о подобныхъ продѣлкахъ бируанга не упоминаеть. Онъ пишетъ о немъ слѣдующее: «бируангъ проводитъ день въ расщелинахъ скаль и дуплахъ деревьевъ, иногда-же дѣлаетъ себѣ на низкихъ деревьяхъ плоское гнѣздо изъ крестообразно-расположенныхъ прутьевъ. Были примѣры, что онъ, правда въ крайнихъ случаяхъ, нападалъ на людей и убивалъ ихъ». Вообще, на материкѣ его не считаютъ опаснымъ, хотя онъ, какъ говорятъ, нападаетъ иногда на отдѣльныхъ людей. Стерндаль полагаетъ, что на подобныя нападенія отваживаются только застигнутыя врасплохъ матери, которыя думаютъ, что ихъ дѣтенышамъ грозитъ опасность. Рядъ случаевъ, которые приводитъ Мазонъ, какъ доказательство того, что малайскій медвѣдь опасенъ, по словамъ Блэнфорда, не подтвердились: злодѣянія эти были совершены не малайскимъ медвѣдемъ, а кумой.

Говорятъ, что на родинѣ его нерѣдко держатъ въ неволѣ, какъ забавнаго и добраго звѣря, даютъ даже дѣтямъ въ товарищи игръ и позволяютъ бѣгать по двору, на свободу. Сэръ Страмфордъ Рэфельсъ, у котораго былъ такой медвѣдь, позволялъ ему оставаться въ дѣтской и ни разу не былъ принужденъ наказать его побоями или посадить на цѣпь. Не разъ приходилъ медвѣдь къ столу и вѣжливо просилъ себѣ подачки. При этомъ онъ выказывалъ себя настоящимъ лакомкой, такъ какъ ѣлъ изъ фруктовъ только манго и пилъ лишь шампанское. Вино имѣло для него безконечную прелесть и, если онъ нѣсколько времени былъ лишенъ своего любимаго напитка, то, казалось, утрачивалъ свое хорошее расположеніе духа. И въ самомъ дѣлѣ, это прекрасное животное заслуживало стакана вина. Медвѣдь былъ любимъ и уважаемъ всѣми въ домѣ и велъ себя во всѣхъ отношеніяхъ примѣрно; онъ не дѣлалъ зла даже самымъ маленькимъ животнымъ. Не разъ ѣлъ онъ изъ одной посуды съ собакой, кошкой и маленькимъ попугаемъ. Макъ-Мастеръ также сообщаетъ объ одномъ малайскомъ медвѣдѣ, который жилъ у него въ Бирмѣ, и былъ друженъ съ ручной выдрой, а также съ большимъ бѣлымъ пуделемъ. Этого медвѣдя нельзя было заставить ѣсть мясо какого-бы то ни было рода и какъ-бы то ни было приготовленное; другой ручной медвѣдь чрезвычайно любилъ пить вишневою водку. Еще другой бируангъ былъ приученъ ѣсть какъ животную, такъ и растительную пищу. Последняя, однако, нравилась ему болѣе, а молоко и хлѣбъ составляли его любимый кормъ. Хлѣба и молока онъ могъ съѣсть болѣе 5 килограммовъ въ день. Пищу онъ бралъ очень оригинальнымъ образомъ: садился на заднія лапы, вытягивалъ необыкновенно далеко свой длинный языкъ, схватывалъ имъ кусокъ и сразу втягивалъ его въ ротъ. Въ то-же время онъ производилъ передними конечностями самыя странныя движенія и раскачивалъ, не переставая, свое туловище изъ одной стороны въ другую. Движенія его были замѣчательно быстры и ловки, изъ чего можно было заключить, что въ случаѣ надобности онъ могъ весьма разнообразно и съ пользою употреблять въ дѣло свои сильныя конечности.

Но совершенно инымъ, на сколько хватаетъ моего личнаго опыта, выказываетъ себя бируангъ въ клѣткѣ. Мнѣ не разъ случалось наблюдать и ходить за нимъ, и я могу сказать, что онъ глупъ, вовсе не добродушенъ, а скорѣе злой и коваренъ. При самомъ лучшемъ уходѣ онъ рѣдко дружится со своимъ сторожемъ. Предлагаемый ему хлѣбъ онъ беретъ, повидимому, съ удовольствіемъ, но не выказываетъ никакой благодарности, а, напротивъ, норовитъ ударить лапой приближающагося посетителя. Наказанія ни къ чему не ведутъ. Особенно противна его нечистоплотность; столь-же неприятна его ничѣмъ не искоренимая страсть грызть все, что есть деревяннаго въ его клѣткѣ. Онъ перегрызаеъ цѣлыя балки и толстыя дубовыя стволы и работаетъ при этомъ со рвеніемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія.

Сердце, а въ особенности желчь этого медвѣдя высоко цѣнятся, какъ лѣкар-

БЪЛЫЙ ИЛИ ПОЛЯРНЫЙ МЕДВЪДЬ.

6

ство; по словамъ Бока, китайскіе купцы дорого за нихъ платятъ. На островѣ Борнео даяки изъ его мѣха шьютъ себѣ шапки.

* * *

Если по мнѣнію нѣкоторыхъ естествоиспытателей достаточно малѣйшей разницы въ наружномъ видѣ и образѣ жизни медвѣдей, чтобы считать ихъ за отдѣльные виды, понятно, что **Бѣлый** или **Полярный медвѣдь** (*Ursus maritimus*, *Ursus marinus*, *polaris*, *albus*, *Thalassarectos maritimus* и *polaris*. *Eisbär*. *Ours blanc*.) долженъ разсматриваться, какъ представитель самостоятельнаго вида. Первые мореплаватели, которые о немъ говорятъ, думали, что это разновидность обыкновенныхъ медвѣдей, мѣхъ которыхъ на холодномъ сѣверѣ принялъ свойственную этимъ странамъ бѣлоснѣжную окраску; это заблужденіе продолжалось недолго, потому что очень скоро были замѣчены существенныя различія между бурымъ и бѣлымъ медвѣдями. Послѣдній отличается отъ разсмотрѣнныхъ выше видовъ болѣе вытянутымъ тѣломъ съ длинной шеей и короткими, толстыми и сильными лапами, ступни которыхъ гораздо длиннѣе и шире, чѣмъ у другихъ медвѣдей, а пальцы почти на половину своей длины соединены толстой плавательной перепонкой. Онъ гораздо больше вѣсъ другихъ медвѣдей, такъ какъ при высотѣ 1,3—1,4 м. достигаетъ 2,5—2,8 т. длины и 600 килогр. вѣса, а при ожирѣніи и 800 кил. Россъ свѣсилъ одного медвѣдя, который, потерявъ 12 кил. крови, все-таки вѣсилъ 513 кил., а Лайонъ указываетъ на вѣсъ одного медвѣдя въ 725 кил. Изъ 17 медвѣдей, убитыхъ въ Беринговомъ проливѣ и въ окружающихъ его мѣстностяхъ во время путешествія Пехуаль-Лѣше, пять достигали вышеупомянутаго наибольшаго вѣса; одинъ большой медвѣдь доставляетъ въ лучшее свое время до 180 кил. жиру.

Туловище бѣлаго медвѣдя гораздо неуклюжѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе вытянуто, шея значительно тоньше и длиннѣе, чѣмъ у обыкновеннаго медвѣдя; голова удлиненная, сверху плоская и относительно узкая, задняя часть головы очень удлинена, лобъ плоскій, широкая морда спереди заостряется, уши малы, коротки и наверху закруглены, ноздри широко раскрыты, отверстіе пасти не такъ глубоко прорѣзано, какъ у бураго медвѣдя. На лапахъ находятся средней величины толстые и кривые когти, хвостъ очень короткий, толстый и тугой, едва виденъ изъ подъ шерсти. Длинный, косматый и густой мѣхъ состоитъ изъ короткаго подшерстка и изъ гладкихъ глянцевитыхъ и довольно мягкихъ волосъ, которые короче на головѣ, шеѣ и спинѣ и длиннѣе на задней части, брюхѣ, на лапахъ и на нижнихъ частяхъ ступни. На губахъ и надъ глазами находятся нѣсколько щетинокъ, на вѣкахъ нѣтъ рѣсницъ. За исключеніемъ темнаго кольца вокругъ глазъ, голаго носа, краевъ губъ и когтей, бѣлый медвѣдь покрытъ бѣлоснѣжною одеждой, которая у молодыхъ серебристаго цвѣта, а у старыхъ, вслѣдствіе жирной пыли, пріобрѣтаетъ желтый отблескъ. Время года не имѣетъ никакого вліянія на цвѣтъ шерсти.

Бѣлый медвѣдь живетъ на крайнемъ сѣверѣ земнаго шара, въ настоящемъ ледяномъ поясѣ и встрѣчается только тамъ, гдѣ вода большую часть года или вообще, или по крайней-мѣрѣ, частью покрыта льдомъ. Предѣлы области его распространенія на сѣверѣ до сихъ поръ еще не изслѣдованы; но какъ далеко ни проникалъ человѣкъ въ этихъ негостепріимныхъ странахъ, вездѣ находилъ онъ бѣлаго медвѣдя, какъ полнаго жизни обитателя этихъ безжизненныхъ странъ, въ то время, какъ на югѣ, ниже 55° сѣв. широты, онъ попадается только изрѣдка. Онъ не принадлежитъ какому-нибудь одному изъ трехъ сѣверныхъ материковъ, но вѣсьмъ сѣвернымъ странамъ вообще. Бѣлый медвѣдь рыщетъ тамъ по морю и по суши, не страшась никакихъ другихъ существъ и относясь равнодушно къ ледяному холоду и страннымъ

мителямъ и буримъ; его не останавливаетъ ни ледяная поверхность, покрывающая море, ни бурныя волны Ледовитаго океана, а въ случаѣ нужды самый снѣгъ служить ему покровомъ, защитой и берлогой. На восточномъ берегу Америки, близъ Баффина и Гудзонова заливовъ, въ Гренландіи и Лабрадорѣ, на Шницбергенѣ и другихъ островахъ можно видѣть его на сушѣ такъ-же, какъ и на льдинахъ. Въ Азійской Новой Землѣ—главное его мѣстопробываніе; но также и въ Новой Сибири и даже на материкахъ Европы и Азійской можно его найти, впрочемъ, только тогда, когда его пригонитъ сюда на льдинѣ. Такъ появляется онъ въ Лапландіи и Исландіи. Въ Америкѣ его находятъ чаще всего тамъ, гдѣ человѣкъ менѣе всего можетъ его преслѣдовать. По разсказамъ эскимосовъ, его главныхъ враговъ, онъ появляется на сушѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ по ту сторону рѣки Мекензи, слѣдовательно онъ распространенъ больше на востокъ, чѣмъ на западъ. Въ болѣе южныя страны попадаетъ онъ лишь противъ своей воли, если его занесутъ туда большія льдины. Часто видали бѣлыхъ медвѣдей, плывущихъ на льдинѣ далеко отъ берега, по морю, уже очистившемуся отъ льда. Вообще они возвращаются лѣтомъ на сѣверъ къ остающимся ледянымъ массамъ, на которыхъ предпочтительно живутъ полярныя животныя. Часто соединяются они въ стаи, въ 12 и болѣе головъ. Скоресби утверждаетъ, что однажды онъ встрѣтилъ у береговъ Гренландіи около 100 бѣлыхъ медвѣдей, изъ которыхъ 20 легко были убиты.

Настоящимъ медвѣжьимъ царствомъ можно назвать необитаемый островъ Св. Матвея въ Беринговомъ морѣ, который буквально кишитъ ими; сотни ихъ хозяйничаютъ здѣсь, никѣмъ не тревожимые и отдаленные отъ всего свѣта. Сѣвернѣе Берингова пролива попадаютъ они также часто и при богатой добычѣ соединяются въ большомъ числѣ. «Мы увидѣли», пишетъ Пехуэль-Лёше, «на ледяномъ полѣ необыкновенно многочисленное собраніе медвѣдей, которое должно было имѣть свои особыя причины. Это не замедлило выясниться. Къ берегу приплыло распухнувшее тѣло кита, которымъ медвѣди и лакомились. Интересно было видѣть, какъ эти бѣлыя животныя, изъ которыхъ нѣкоторыя при растерзываніи горы мяса зачакались самымъ отвратительнымъ образомъ, пользовались своимъ береговымъ правомъ. Нашимъ приходомъ они были чрезвычайно недовольны и, казалось, не имѣли ни малѣйшаго желанія уступить свою добычу приближающейся лодкѣ. Когда самый рослый изъ нихъ палъ съ прострѣленнымъ затылкомъ, а другой былъ тяжело раненъ, остальные начали убѣгать съ поразительной быстротой. Какъ стая разъяренныхъ волковъ окружили они насъ въ безопасномъ отдаленіи и съ неуклюжими, угрожающими движеніями стояли они, ожидая нашего отплытія».

Движенія бѣлаго медвѣдя неуклюжи, но зато эти животныя въ высшей степени выносливы. Это видно по ихъ плаванію, въ которомъ бѣлый медвѣдь выказываетъ необыкновенное искусство. Быстрота, съ которой онъ двигается въ водѣ по цѣлымъ часамъ равномерно и безъ погруженія въ воду, по словамъ Скоресби, равняется 4—5 километр. въ часъ. Огромная масса его жира, если только онъ хорошо питается, оказываетъ ему большую услугу, такъ какъ она уравниваетъ вѣсъ его тѣла съ вѣсомъ воды. Поэтому онъ въ продолженіи одного дня проплываетъ необозримыя водныя пространства, и часто можно видѣть его въ открытомъ морѣ далеко отплывшимъ и отъ льдинъ, и отъ берега. По наблюденіямъ Пехуэль-Лёше, медвѣдь, если его не сильно преслѣдуютъ, входитъ въ воду задомъ и погружается въ волны съ очень смѣшной, почти боязливой осторожностью. Онъ умѣетъ нырять такъ-же искусно, какъ и плавать на поверхности воды. Замѣчательно, что онъ вытаскивалъ изъ моря лососей и уже по этому одному нельзя не удивляться его искусству. Даже на сушѣ онъ не такъ безпомощенъ и неловокъ, какъ это кажется съ

перваго взгляда. Его обыкновенная походка медленна и осмотрительна, когда же онъ пускается въ неуклюжую на видъ рысь или галопъ, то двигается по неровнымъ льдинамъ или землѣ съ поражающей быстротой и умѣетъ при этомъ съ большою осторожностью выбирать наиболѣе удобную дорогу. Его вѣшнія чувства очень тонки, особенно зрѣніе и обоняніе. Когда онъ странствуетъ по большимъ льдинамъ, то взбирается, по словамъ Скоресби, на высокія ледяныя скалы и оттуда далеко замѣчаетъ свою добычу. Мертваго кита или кусокъ сала, поджаренный на огнѣ, онъ чуетъ на очень большомъ разстояніи.

Пища бѣлаго медвѣдя состоитъ изъ мяса почти всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя водятся въ морѣ и на бѣдныхъ жизнью берегахъ его родины. Его страшная сила, которою онъ превосходитъ даже всѣхъ другихъ медвѣдей, и указанная выше ловкость движеній въ водѣ позволяютъ ему легко добывать себѣ пропитаніе. Тюлени всѣхъ видовъ составляютъ главный предметъ его охоты, и онъ достаточно хитеръ и ловокъ для того, чтобы поймать этихъ умныхъ и проворныхъ животныхъ. Если онъ издалека видитъ лежащаго на сушѣ тюленя, то безшумно погружается въ воду, подплываетъ къ нему противъ вѣтра, приближается съ величайшей осторожностью и внезапно выплываетъ прямо передъ животнымъ, которое становится его добычей. Тюлени въ этихъ холодныхъ странахъ стараются лежать ближе къ отверстиямъ и расщелинамъ льдинъ, которыя даютъ имъ возможность спастись въ морѣ. Эти отверстія медвѣдь, плавающій подъ льдинами, находитъ съ необыкновенной вѣрностью, и вдругъ страшная голова опаснаго врага появляется передъ безпомощнымъ тюленемъ, такъ сказать, въ его собственномъ домѣ или въ единственномъ убѣжищѣ, которое могло-бы его спасти. Рыбами бѣлый медвѣдь тоже умѣетъ поживиться, причемъ онъ ловитъ ихъ или ныряя, или загоняя ихъ въ расщелины между льдинами. На земныхъ животныхъ онъ нападаетъ только тогда, когда ему не хватаетъ пищи. Сѣверные олени, песцы и птицы также не обезпечены отъ его нападений. Осборнъ видалъ медвѣдицу, которая сворачивала каменныя глыбы, чтобы доставить своимъ дѣтенышамъ спрятавшихся въ норы цеструшекъ, а Броунъ, такъ-же какъ и Кюенталь, замѣтили, что медвѣдь поѣдаетъ въ большомъ количествѣ яйца гагары. Онъ добирается даже до недоступныхъ гнѣздъ морскихъ птицъ, чтобы во время прилива собирать дань яйцами и птенцами, причемъ обнаруживаетъ большое искусство въ лазаніи. Падалъ ѣсть онъ такъ-же охотно, какъ и свѣжее мясо, но никогда не дотронется до трупа другого бѣлаго медвѣдя. Въ моряхъ, которыя часто посѣщаются охотниками на тюленей и китоловамъ, лишеныя шкуры и жира тѣла тюленей и китовъ доставляютъ ему богатую и удобную пищу. Но онъ не щадаетъ исключительно мясной пищи и, гдѣ только можно, ѣстъ и растенія, особенно ягоды и мохъ, какъ хорошо извѣстно тѣмъ, которымъ часто приходилось встрѣчаться съ бѣлымъ медвѣдемъ. Многіе старые медвѣди лѣтомъ или въ благоприятныхъ мѣстностяхъ, кажется предпочтительно, если не исключительно, питаются растительной пищей, что вполне доказывается содержаніемъ ихъ желудка.

Въ высшей степени вѣроятно, что большинство бѣлыхъ медвѣдей не подвержено зимней спячкѣ. Большая или меньшая степень мороза для нихъ безразлична. Имъ важно только то, остается-ли море, около котораго они живутъ, открытымъ или нѣтъ. Нѣкоторые наблюдатели говорятъ, что старые самцы и молодые небеременные самки совѣтъ не засыпаютъ на зиму, но все время находятся въ движеніи. Вѣрно то, что они всю зиму выслѣживаютъ и охотятся, за исключеніемъ беременных самокъ. Вообще зимою эти животные живутъ на морѣ, большою частью на краяхъ льдинъ. Беременные медвѣдицы удаляются зимою на сушу, и дѣтеныши у нихъ рождаются въ самое холодное время года. Скоро послѣ спариванія, которое

происходить, говорят, въ юль, медвѣдица приготовляетъ себѣ берлогу подъ скалами или подъ нависшими глыбами льда, или-же роетъ себѣ нору въ снѣгу и все покрывается имъ. При изобиліи выпадающаго тамъ снѣга ей недолго дожидаться того, чтобы ея жилище покрылось толстымъ и теплымъ покровомъ. Раньше, чѣмъ войти въ берлогу, она успѣваетъ нагулять себѣ достаточно жиру, которымъ и существуетъ всю зиму, потому-что она оставляетъ свою берлогу только тогда, когда весеннее солнце уже довольно высоко восходитъ на небѣ. Къ этому времени дѣтеныши уже родились. Извѣстно, что беременность продолжается отъ 6 до 7 мѣсяцевъ, а число дѣтенышей колеблется между однимъ и тремя, чаще всего ихъ бываетъ два; болѣе точныя наблюденія впрочемъ еще не сдѣланы. По разсказамъ сѣверныхъ народовъ новорожденные медвѣжата не больше, если не меньше, кроликовъ, но къ концу марта или началу апрѣля они достигаютъ уже роста маленькаго цуделя. Гораздо ранѣе, чѣмъ дѣтеныши бурога медвѣдя, сопровождаютъ они свою мать. Она заботится о нихъ самымъ нѣжнымъ образомъ, кормитъ и защищаетъ ихъ. Мать дѣлится съ ними всѣ опасности даже тогда, когда они совѣмъ выросли; въ самомъ раннемъ возрастѣ научаются они всѣмъ искусствамъ, именно: плавать и гоняться за рыбами. Эти маленькія милостивыя существа очень быстро усваиваютъ привычку плавать и нырять, но не забываютъ и своихъ удобствъ и отдыхаютъ, напр., даже тогда, когда стануть довольно большими, на спинѣ своей матери.

Мореплаватели и китоловы разсказывали трогательныя исторіи о самоотверженіи и материнской любви медвѣдицъ. «За медвѣдицей», разсказываетъ Скоресби, «у которой было двое дѣтенышей, гнались нѣсколько вооруженныхъ матросовъ. Сначала, казалось, она хотѣла побудить дѣтей къ скорому бѣгу тѣмъ, что, забѣгая впередъ, безпрестанно оглядывалась и старалась всѣми своими движеніями и особеннымъ встревоженнымъ тономъ голоса сообщить объ опасности; когда-же она увидѣла, что ея враги близко, то погнала дѣтей передъ собой, толкая ихъ изо всѣхъ силъ, пока не спаслась вмѣстѣ съ ними». Другая медвѣдица, поднятая людьми и собаками Кана, таскала своего медвѣженка, стиснувъ его головой между грудью и шеей или захвативъ его зубами. Отъ времени до времени она поворачивалась и отгоняла отъ себя преслѣдующихъ ее собакъ. Когда она была убита, медвѣженокъ влѣзъ на ея трупъ и отбивался отъ собакъ, пока выстрѣлъ въ голову не уложилъ его на мѣстѣ, и только тогда онъ свалился внизъ. Исслѣдованія новѣйшаго времени подтверждаютъ эти наблюденія; но относительно дикаго нрава и свирѣпости бѣлаго медвѣдя, которые прежде считались отличительными свойствами его, мнѣнія нѣсколько измѣнились.

Разсказываютъ массу несчастныхъ случаевъ, произведенныхъ ими, и о томъ, что многіе китоловы платятся жизнью за безумную смѣлость во время охоты на бѣлыхъ медвѣдей. «Если медвѣди встрѣчаютъ на водѣ», говоритъ Скоресби, «то можно на него съ успѣхомъ напасть; когда-же онъ находится на берегу или на снѣжномъ, или гладкомъ льду, по которому онъ на своихъ широкихъ лапахъ можетъ бѣгать такъ-же скоро, какъ и человекъ, исходить рѣдко бываетъ счастливый. Впрочемъ, большая часть несчастныхъ случаевъ бываетъ слѣдствіемъ неосторожности нападающихъ. Печальный фактъ случился съ матросомъ одного корабля, затертаго льдомъ въ Девисовомъ проливѣ. Вѣроятно привлеченный запахомъ сѣбныхъ припасовъ, отважный медвѣдь подошелъ совѣмъ близко къ кораблю. Экипажъ былъ занятъ обѣдомъ, и даже вахтенные матросы ушли подъ налубу. Одинъ смѣлый матросъ случайно замѣтилъ медвѣдя, вооружился дубиной и срыгнулъ на ледъ, думая прославиться побѣдой надъ незванымъ гостемъ. Но медвѣдь мало обратилъ вниманія на жалкое его оружіе и, побуждаемый голодомъ, схватилъ своими страшными зу-

бами врага за спину и понесъ его съ такой быстротой, что успѣлъ далеко отбѣжать съ матросомъ, раньше, чѣмъ товарищи несчастнаго бросились къ нему на помощь». Въ другой разъ одинъ морякъ, который хотѣлъ напасть на медвѣдя съ пику, но подъ конецъ испугался, спасся отъ наступавшаго животнаго тѣмъ, что онъ по очереди бросилъ ему пику, перчатку и шапку, разматриваніе которыхъ такъ заняло медвѣдя, что морякъ тѣмъ временемъ успѣлъ догнать своихъ товарищей.

Подобные рассказы о дѣйствительныхъ несчастіяхъ или болѣе или менѣе серьезныхъ приключеніяхъ попадаются часто въ описаніяхъ старыхъ путешествій и очень рѣдко новыхъ. Чтобы объяснить себѣ хоть отчасти это бросающееся въ глаза противорѣчіе, надо предположить, что опасность встрѣчи съ бѣлымъ медвѣдемъ была очень преувеличена, или что свирѣпый нравъ медвѣдей значительно измѣнился, вслѣдствіе лучшаго знакомства съ людьми. Во всякомъ случаѣ, невѣрно представленіе объ его свирѣпости, составленное изъ чересчуръ поспѣшныхъ обобщеній отдѣльныхъ, часто не вполне ясно описанныхъ, несчастныхъ случаевъ, причемъ забывали и другія стороны его характера. По мнѣнію всѣхъ тѣхъ, которые въ послѣднія десятилѣтія наблюдали и охотились за нимъ, бѣлый медвѣдь вовсе не такъ опасенъ. Ламонтъ, который на яхтѣ участвовалъ въ охотничьихъ поѣздкахъ на самый крайній сѣверъ, пишетъ по этому поводу слѣдующее: «Я считаю бѣлаго медвѣдя самымъ сильнымъ хищникомъ на землѣ; но подобно всѣмъ остальнымъ дикимъ животнымъ онъ, за рѣдкими исключеніями, самъ не нападаетъ на человѣка, если только можетъ отъ него уйти, и мнѣ кажется, что рассказы объ его свирѣпости и отважности, сообщенные намъ прежними мореплавателями, основываются на грубомъ преувеличеніи, если не на вымыслѣ». И Норденшильдъ изъ своихъ собственныхъ наблюденій и рассказовъ знакомыхъ ему китолововъ выводитъ слѣдующее заключеніе: «Если случится кому-нибудь невооруженному встрѣтиться съ бѣлымъ медвѣдемъ, то достаточно обыкновенно нѣсколькихъ выразительныхъ жестовъ и криковъ, чтобы его испугать, если-же самъ человѣкъ обращается въ бѣгство, то можетъ быть увѣреннымъ, что медвѣдь послѣдуетъ по его пятамъ. Раненый медвѣдь всегда убѣгаетъ. Часто прикладываетъ онъ лапами снѣгъ къ ранѣ въ борьбѣ со смертью или роетъ яму въ снѣгу, чтобы спрятать туда свою голову. Когда судно становится на якорь, медвѣдь подплываетъ къ нему и, если въ окрестностяхъ разбиваютъ палатки, часто находятъ въ сосѣдствѣ и медвѣдя, который ночью обнюхиваетъ палатки, но не смѣетъ въ нихъ войти. Прежде одинъ видъ бѣлаго медвѣдя возбуждалъ ужасъ въ путешественникахъ полярныхъ странъ, теперь-же охотники, вооружившись пиками, не боятся броситься на цѣлую стаю медвѣдей. На ружье они менѣе полагаются. Случалось, что въ короткое время убивали до 12 штукъ одними копытами. Хиденіусъ въ нѣсколько минутъ убилъ трехъ медвѣдей вблизи своей палатки. Я знаю только одинъ случай, что норвежскій охотникъ былъ серьезно раненъ бѣлымъ медвѣдемъ».

Точно такъ-же ведетъ себя этотъ звѣрь на далекомъ сѣверо-западѣ, южнѣе и сѣвернѣе Берингова пролива. Эллиотъ, одинъ изъ немногихъ, который достигъ острова св. Матѳея и встрѣчался съ сотнями медвѣдей, замѣчаетъ по этому поводу: «Въ продолженіи девятидневнаго изслѣдованія острова не было ни одного мгновенія, чтобы мы не видѣли вокругъ насъ бѣлыхъ медвѣдей. Оттого-ли, что они были сыты или потому, что лѣтняя погода настранвала ихъ такъ кротко, но мы не могли возбудить къ враждебному нападенію ни одного изъ этихъ животныхъ. Они постоянно отъ насъ бѣжали:—самки, самцы, дѣтеныши—всѣ они, если только мы шли имъ на встрѣчу, удирали по всѣмъ направленіямъ за холмы и какъ можно дальше. Убивъ съ подюжины ихъ, мы оставили ихъ въ покоѣ, потому что они были въ періодѣ липянія, и шкура ихъ не имѣла никакой цѣны». Пехуэль-Ленне такимъ

образомъ высказалъ свое окончательное мнѣніе относительно правовъ бѣлыхъ медвѣдей на сѣверѣ Тихаго океана: «Гдѣ живутъ тюлени и моржи, тамъ неизбѣжно есть и бѣлые медвѣди. Намъ доставляло всегда большое удовольствіе слѣдить за движеніями этихъ хищниковъ, какъ они среди неровностей ледяной поверхности показываются то тутъ, то тамъ, то переплываютъ воду, то поднимаются на высоту, чтобы осмотрѣться, всегда расчитывая, что простодушный тюлень позволитъ подкрасться къ себѣ. Ихъ находятъ вблизи береговъ, а также и въ открытомъ морѣ на разстояніи дневнаго пути отъ берега, большею частью на льдинахъ. Неумоимо обходятъ они свое безпредѣльное царство, питаются всѣмъ, что они могутъ достать и осилить, и ни однимъ только мясомъ, но на землѣ также ягодами и травой. Насытившись, они забавляются разными играми и борются другъ съ другомъ на льду. На мѣстахъ, гдѣ они играютъ, снѣгъ вытоптанъ и смятъ, а склоны горъ, кажется, служатъ имъ катками; широкіе слѣды и клочки шерсти указываютъ, кто здѣсь возился».

«Полярный медвѣдь по своей громадной силѣ и величинѣ и многосторонности своихъ хищническихъ способностей по праву можетъ быть названъ царемъ Ледовитаго океана. Онъ обладаетъ необыкновенною остротою чувствъ и при нападеніяхъ выказываетъ поразительную хитрость, но при близкомъ знакомствѣ, какъ и всѣ дикіе звѣри, оказывается вовсе не такимъ страшнымъ. Съ нимъ случилось то-же, что съ его сородичемъ, бурнымъ медвѣдемъ: рассказы объ единичныхъ страшныхъ случаяхъ набросили тѣнь на весь видъ. Онъ защищаетъ свою шкуру, когда это дѣйствительно необходимо, но, если только можно, онъ убѣгаетъ отъ человѣка и даже раздраженный и раненый рѣдко нападаетъ на него. Но разъ принужденъ напасть, онъ дѣйствительно становится серьезнымъ противникомъ, въ борьбѣ съ которымъ только хладнокровіе и надежное оружіе помогутъ вывести изъ опасности. Охота на водѣ, при чемъ въ лодкѣ подбѣзжаютъ къ быстро плывущему и отлично ныряющему медвѣдю, — простая рѣзня. Подстрѣленнаго медвѣдя надо сейчасъ-же поддержать, потому что нежирные медвѣди поразительно быстро погружаются въ воду. Трусливымъ я-бы не хотѣлъ назвать бѣлаго медвѣдя, но скорѣе осмотрительнымъ и пугливымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ до глубины любопытенъ. Между ними можетъ иногда появиться свирѣбый экземпляръ, настоящій забіяка или какой-нибудь истерзаный собаками, который можетъ иногда пересилить свой страхъ передъ человѣкомъ и броситься на него; но большинство ужасныхъ исторій основывается на невѣрномъ пониманіи нѣкоторыхъ случаевъ. Медвѣди любопытны и лакомки; что-нибудь съѣстное на далекой снѣжной или ледяной поверхности побуждаетъ ихъ къ изслѣдованію. Такъ приближаются они къ человѣку, иногда даже поспѣшно подбѣгаютъ прямо къ нему. Кто не былъ охотникомъ и не знаетъ нрава медвѣдя, можетъ подумать, что онъ нападаетъ, и кто бросается бѣжать, можетъ и медвѣдя побудить къ преслѣдованію; но серьезныхъ опасностей на сто случаевъ едва бываетъ одна».

Въ западной Гренландіи бѣлые медвѣди ведутъ себя такъ-же. «Встрѣчи съ бѣлымъ медвѣдемъ», пишутъ Конеландъ и Шайеръ, «имѣютъ различные исходы. Рѣдко случается, что часть идущихъ въ саняхъ путешественниковъ, отказавшихся отъ охоты по недостатку времени и другимъ обстоятельствамъ, встрѣчается съ двумя или болѣе бѣлыми медвѣдями, которые часто останавливаются на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ и своимъ видомъ не обнаруживаютъ ничего, кромѣ любопытства и удивленія; они довольствуются тѣмъ, что обходятъ сани, постоянно обратившись къ нимъ мордой. Насколько-же опасное, на сколько и комичное приключеніе пережили одинъ нашъ матросъ, Кленцеръ, на нашей зимней стоянкѣ. Кленцеръ шелъ безъ оружія по склону горы и былъ уже въ 200 шагахъ отъ судна, когда замѣ-

тиль совсѣмъ близко за собой бѣлаго медвѣдя. Ему была хорошо извѣстна невѣроятная быстрота этого звѣря, дѣлающая безплодной всякую попытку къ бѣгству, точно такъ-же, какъ и всегда удававшаяся хитрость отвлечь его вниманіе постояннымъ выбрасываніемъ вещей, въ то время, какъ стремится торопливымъ бѣгомъ и криками о помощи поскорѣе попасть подъ защиту корабля. Тогда началъ онъ выкидывать шанку, перчатку, палку и т. д., которые медвѣдь растренивалъ одну за другой. Но, наконецъ, медвѣдь очутился около него и, какъ собака, обнюхивалъ его руку. Тогда матросъ, постоянно взывавшій о помощи, принялъ опасное и трудно-выполнимое рѣшеніе задушить врага пояснымъ ремнемъ, въ случаѣ, если тотъ на него нападетъ. Его пронзительный крикъ былъ наконецъ услышанъ на суднѣ. Мы быстро вооружились, но боялись самаго страшнаго исхода. Большое разстояніе давало возможность медвѣдю десять разъ уничтожить свою жертву, но онъ раздумывалъ до тѣхъ поръ, пока наше приближеніе, крики и выстрѣлы не обратили его въ бѣгство. Онъ убѣжалъ по очень крутому скалистому склону и въ одно мгновеніе исчезъ».

«Машинистъ Краушнеръ, изъ Вѣны, былъ поставщикомъ снѣга для кухни и поэтому ежедневно ѣздилъ на санкахъ къ ближайшему глетчеру. Однажды къ нему вдругъ присоединился медвѣдь, который, какъ конвойный, сопровождалъ возвращавшагося машиниста до самаго судна, но тутъ былъ испуганъ нашимъ крикомъ, который мы подняли, чтобъ обратить вниманіе Краушнера на его опаснаго товарища».

Животныя съ такими странными, забавными нравами не могутъ быть названы страшилищами Ледовитаго океана и хищниками, опасными для человѣка; но я отнюдь не смѣю утверждать, что встрѣчи и охоты съ печальными исходами никогда не случались и не случаются. Всегда, однако, можно сказать, что медвѣди ведутъ себя относительно добродушно, однимъ словомъ по-медвѣжьи. Такъ, астрономъ второй нѣмецкой полярной экспедиціи, Бергенъ, 20 лѣтъ тому назадъ, убѣдился, къ ужасу своему, что голодный медвѣдь можетъ кинуться на человѣка. Когда онъ шелъ къ своимъ инструментамъ, медвѣдь неожиданно схватилъ и поволокъ его. «Безъ четверти 9 часовъ», такъ описываетъ Бергенъ свое приключеніе, «я вышелъ, чтобы наблюдать покрытіе звѣзды планетою, которое должно было начаться почти въ 9 час., а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать метеорологическія наблюденія. Только что я собрался идти назадъ, какъ пришелъ на льдину капитанъ Кольдовой, мы поговорили нѣсколько минутъ, послѣ чего одинъ пошелъ на землю, другой въ каюту. Когда я на возвратномъ пути изъ обсерваторіи дошелъ до термометра, въ 50 шагахъ отъ корабля, я услышалъ какой-то шумъ и увидалъ идущаго ко мнѣ медвѣдя; не было времени пустить въ дѣло ружье, безъ котораго никто не выходитъ. Паденіе было такъ внезапно и такъ быстро, что я потомъ никогда не могъ сказать, какъ оно произошло: подошелъ-ли медвѣдь и ударилъ меня лапами, или съ разбѣгу наскочилъ на меня; оставшіяся слѣды (ушибъ и шрамъ на лѣвомъ ухѣ) заставляютъ предположить, что онъ меня ударилъ. Первое, что я почувствовалъ, было прикосновеніе зубовъ къ кожѣ моей головы, покрытой тонкой шаночкой, при чемъ медвѣдь старался, какъ онъ обыкновенно это дѣлаетъ съ тюленями, взломать мой черепъ, на которомъ его зубы только скривляясь скользили. Крики о помощи, поднятые мной, испугали медвѣдя только на одну минуту, онъ сейчасъ-же возвратился и началъ опять кусать мою голову. Крики мои были однако услышаны капитаномъ, который еще не успѣлъ исполнить своего намѣренія пойти спать; онъ поднялся на палубу, удостоившись въ томъ, что это дѣйствительно крики о помощи, поднялъ на ноги весь экипажъ и поспѣшилъ на льдину, чтобы помочь въ бѣдѣ товарищу. Медвѣдя испу-

галь поднявшійся шумъ, и онъ собрался бѣжать, чтобы унести въ безопасное мѣсто свою жертву, которую онъ все еще держалъ за голову и которая безсильными толчками въ бокъ старалась заставить выпустить ее. Выстрѣлъ, сдѣланный съ намѣреніемъ испугать медвѣдя, достигъ своей цѣли въ томъ отношеніи, что медвѣдь оставилъ меня, отскочилъ шага на два, но потомъ снова схватилъ меня сначала за руку, затѣмъ за кисть правой руки, на которой была надѣта мѣховая перчатка. Къ счастью, это замедленіе дало возможность преслѣдователямъ сократить разстояніе между ними и медвѣдемъ и приблизиться къ нему. Медвѣдь направился къ суицъ и ему-бы удалось убійать со своей добычей, если-бы онъ сумѣлъ взобраться на берегъ; когда онъ подошелъ къ краю льдины, то направился вдоль берега и остался на острыхъ, неровныхъ, разбитыхъ льдинахъ, причемъ, конечно, замедлилъ свой бѣгъ, въ то время, какъ его преслѣдователи приближались къ нему по гладкому полю. Протащивъ меня около 300 шаговъ и чуть не задушивъ палью, концы которой медвѣдь крѣпко держалъ, онъ отпустилъ меня, и въ ту-же минуту Кольдовой наклонился надо мной со словами: «слава Богу, онъ еще живъ». Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ медвѣдь, повидимому раздумывая, что ему дѣлать, пока пуля не показала ему, что давно была пора убираться. «О преслѣдованіи никто не думалъ, такъ какъ прежде всего надо было доставить раненаго на берегъ; главные поврежденія были на головѣ, гдѣ кромѣ безчисленныхъ маленькихъ прокусовъ, прорѣзывали толстую кожу длинные шрамы въ 10—15 см., края которыхъ на $\frac{1}{2}$ —1 см. открывали черепъ. Остальные раны, которыхъ было около 20 и которыя были большею частью слѣдствіемъ ударовъ объ острые края льдинъ, пока медвѣдь тащилъ меня по неровной поверхности, были въ сравненіи съ тѣми незначительны. Слѣдуетъ упомянуть, что я не чувствовалъ боли ни во время схватки, ни послѣ во время лѣченія моихъ ранъ, которое, благодаря хорошему уходу и постоянному прикладыванію льда, шло очень успѣшно».

Другой случай, который дурно окончился не для человѣка, но для нападавшаго медвѣдя, былъ лѣтомъ 1889 г. на Шницбергенѣ. Очевидцами были Кюкенталь и А. Вальтеръ, которые во время своей экспедиціи уложили 18 бѣлыхъ медвѣдей и двухъ маленькихъ привезли домой. «Въ области западнаго берега Шницбергена», пишетъ Кюкенталь, «на ледяномъ мысѣ, выступающемъ на сѣверо-западъ, мы встрѣтили необыкновенное количество бѣлыхъ медвѣдей, изъ которыхъ въ продолженіи 6 недѣль убили 18, а двухъ медвѣжатъ захватили живыми. Звѣри появлялись то отдѣльно, то семьями, то группами. Семейства состояли всегда изъ матери и одного или двухъ дѣтенышей; послѣдніе слѣдовали за матерью, также, какъ и годовалые. На южной губѣ Гиндлскаго пролива мы увидали около 17 медвѣдей, бродящихъ по льду, и между ними группу въ шесть штукъ. Медвѣдь на человѣка обыкновенно не нападаетъ. Онъ убѣгаетъ отъ него, когда только можетъ, даже когда раненъ. Только разъ видѣли мы, какъ онъ напалъ на человѣка. Нашъ гарнуницкъ пошелъ съ двумя охотниками, вооруженными только ломами, на ледяной плотъ, невдалекѣ отъ судна, чтобы убить большого медвѣдя. Они раздѣлились и пошли противъ звѣря, чтобы въ крайнемъ случаѣ загнать его въ воду и тамъ безъ труда убить. Медвѣдь вдругъ остановился, прислушался и помчался во весь оцоръ на одного изъ охотниковъ. Этотъ послѣдній вырыгнувъ съ мягкаго снѣга на твердую льдину и нанеся значительный ударъ нападающему съ высунутымъ языкомъ звѣрю. Медвѣдь отступилъ шага на два и снова началъ нападать. Несмотря на нѣсколько очень удачныхъ ударовъ въ черепъ, онъ не отступилъ и такъ близко подвинулся къ человѣку, что тотъ долженъ былъ защищаться топоромъ, которымъ рубятъ ледъ. Въ этотъ критическій моментъ гарнуницкъ наконецъ подскокнлъ и

ранилъ медвѣдя пулей, что не помѣшало ему однако продолжать свой натискъ. Слѣдующій выстрѣлъ былъ смертеленъ. При сдираніи кожи обнаружилось, что желудокъ животнаго былъ совершенно пустъ и что слой жира подъ кожей, достигавшій у другихъ медвѣдей двухъ пальцевъ толщины, исчезъ совершенно. Животное дѣйствовало подъ вліяніемъ сильнаго голода. Это доказывали все его поступки. Пасъ удивлялъ также крѣпкій сонъ бѣлаго медвѣдя. Одного уснувашаго на льдинѣ медвѣдя мы должны были разбудить криками, чтобы лучше его застрѣлить».

За бѣлымъ медвѣдемъ охотятся всюду, гдѣ его встрѣтятъ, ради его мяса, жира и мѣха. Противъ него употребляютъ огнестрѣльное оружіе, конья и капканы; нѣкоторые охотники, по словамъ Земана, прибѣгаютъ, говорятъ, къ слѣдующей хитрости. Они сбиваютъ китовый усъ шириною въ 10 см. и длиною въ 60, обкладываютъ его тюленьимъ жиромъ и обжариваютъ; потомъ они отыскиваютъ медвѣдя, раздраживаютъ его стрѣлами, бросаютъ ему кусокъ жиру и убѣгаютъ. Медвѣдь обнюхиваетъ, находитъ, что это съѣдобно, проглатываетъ, но тутъ его настигаетъ смерть, потому что жиръ таетъ въ теплому желудкѣ, китовый усъ выпрямляется и разрываетъ ему кишки. Но сомнительно, чтобы недовѣрчивые звѣри проглатывали цѣликомъ подобные подозрительные куски жира. Правда, они ѣдятъ, когда ихъ не тревожатъ, самыя различныя и удивительныя вещи, и имѣютъ вовсе неудобное обыкновеніе отыскивать и присваивать запасы, которые сѣверные путешественники прячутъ въ извѣстныхъ мѣстахъ въ этихъ ледяныхъ пустыняхъ, чтобы потомъ ими воспользоваться. Лучшей защитой отъ ихъ нападений оказывается песокъ, которымъ покрываютъ кладовыя, потомъ обливаютъ его водой, которая замерзаетъ, и запасы такимъ образомъ окружены толстымъ замерзшимъ пластомъ. Деревяныя избы медвѣди разрушаютъ, каменные кучи разбрасываютъ, бочки, сундуки они взламываютъ и уничтожаютъ все, что плохо лежитъ и что только они могутъ проглотить. Канъ рассказываетъ, что эти грабители кромѣ мяса и морскихъ сухарей, поѣли кофе, паруса и американскій флагъ и только съ желѣзнымъ сундукомъ не могли они справиться. По словамъ Тобизена медвѣди опустошили двѣ бочки съ соленой рыбой, которыя онъ оставилъ въ зимнемъ помѣщеніи. У одного бѣлаго медвѣдя, котораго убили охотники Макъ-Клурса во время его экспедиціи для спасенія Франклина, желудокъ былъ наполненъ изюмомъ, ветчиной, табакомъ и пластырями; угощеніе это онъ могъ получить только при разграбленіи какого-нибудь амбара путешественниковъ на далекомъ сѣверѣ. У нѣмецкихъ полярныхъ путешественниковъ бѣлые медвѣди утащили астрономическіе аппараты и желѣзные крючки, съѣли у нихъ, во время путешествія въ саняхъ, сахаръ, стеариновыя свѣчи, разжевали каучуковыя фляжки, пакеты съ табакомъ и вытянули пробку изъ водочной бутылки; важный дневникъ они, къ счастью, успѣли только схватить зубами, когда шумъ былъ услышанъ и ихъ прогнали.

Мясо и сало бѣлаго медвѣдя охотно употребляются въ пищу жителями крайняго сѣвера. Даже европейцы—китоловы ѣдятъ его мясо, очистивъ отъ жира и не находятъ его невкуснымъ; но они утверждаютъ, что отъ употребленія этого мяса люди часто хвораютъ. Печенка бѣлаго медвѣдя, говорятъ, очень вредна и многими считается ядовитой. «Если матросы», говоритъ Скоресби, «по неосторожности поѣдятъ печенки бѣлаго медвѣдя, то почти всегда сейчасъ-же заболѣваютъ и иногда даже умираютъ; на нѣкоторыхъ-же она имѣетъ такое дѣйствіе, что у нихъ на всемъ тѣлѣ лупится кожа». Канъ также подтверждаетъ это. Онъ велѣлъ приготовить себѣ печенку только что убитаго бѣлаго медвѣдя, хотя и слышалъ, что она ядовита, но едва онъ попробовалъ ее, какъ серьезно заболѣлъ. По словамъ Нехуаль-Дѣше послѣ употребленія этой ядовитой печенки скоро дѣлаются сильныя колики, рвота и по-

ность; но не всякая печенка производит болѣзни и не у всякаго человѣка. Отъ одного и того-же куска одинъ человѣкъ можетъ вполне насытиться, не испытавъ никакихъ дурныхъ послѣдствій, въ то время, какъ другой, который едва попробовалъ, можетъ серьезно заболѣть. Поэтому слѣдуетъ совѣтывать европейцамъ лучше не ѣсть печенки бѣлаго медвѣдя. У матросовъ есть повѣрье, что отъ употребленія мяса бѣлаго медвѣдя, хотя оно и не вредно, люди скоро сѣдѣютъ. Эскимосы имѣютъ на это такія-же воззрѣнія и знаютъ также, что печенка вредна, и поэтому кормятъ ею только своихъ собакъ. Сало употребляется также какъ топливо.

Мѣхъ этого животнаго превосходить въ своей цѣнѣ мѣхъ остальныхъ медвѣдей. По словамъ Ломера, за шкуру платятъ 200 – 500 марокъ, смотря по ея величинѣ и красотѣ. Въ продажу поступаетъ ежегодно отъ 1000 до 1200 шкуръ, которыя употребляются на подстилки и ковры, а не на шубы.

Охота на медвѣдя, которую едва-ли можно назвать опасной и особенно интересной, тѣмъ не менѣе представляетъ нѣкоторыя трудности для неопытныхъ охотниковъ, такъ какъ осторожный звѣрь постоянно отступаетъ передъ человѣкомъ, если не прямо бѣжитъ отъ него. Спутники Норденшильда сначала тщетно охотились на бѣлаго медвѣдя, мясо и жиръ котораго были очень нужны для всего общества. Они безъ всякой осторожности подходили къ медвѣдямъ, которые показывались, но послѣдствіемъ этого было только то, что осмотрительныя животныя быстро убѣгали. Наученные опытомъ, они измѣнили способъ охоты. «Какъ только показывался медвѣдь, и у насъ было свободное время», разсказываетъ Норденшильдъ, «все люди получали приказаніе спрятаться за палаткой или за санями. Вотъ приходитъ медвѣдь, полный любопытства и усердія, посмотрѣть, что за предметы появились въ его охотничьей области, не тюлени-ли двигаются тамъ? Онъ подбѣгаетъ и, когда на столько близокъ, что можетъ рассмотреть незнакомые предметы, то получаетъ ловко пуценную пулю».

Разставленныхъ ловушекъ бѣлый медвѣдь умѣетъ умно и удачно избѣгать. «Капитанъ одного китоловнаго судна», разсказываетъ Скорсби, «которому очень хотѣлось достать себѣ медвѣдя, не повредивъ его шкуры, попробовалъ поймать его въ петлю, которую онъ покрылъ снѣгомъ, и въ видѣ приманки положилъ кусокъ китоваго сала. Медвѣдь скоро былъ привлеченъ запахомъ жаренаго жира, увидалъ приманку, подошелъ, схватилъ ее зубами, но замѣтилъ, что нога его попала въ положенную петлю. Тогда онъ бросилъ мясо, осторожно другою лапой освободился отъ петли и медленно ушелъ со своей добычей. Съѣвъ спокойно первый кусокъ, онъ пришелъ опять. Между тѣмъ петлю привязали къ другому куску сала, но медвѣдь сталъ остороженъ, столкнулъ въ сторону подозрительную веревку и во второй разъ стащилъ приманку. Тогда петлю положили поглубже, а приманку въ углубленіе въ самой срединѣ петли. Медвѣдь снова подошелъ, обнюхалъ все мѣсто кругомъ, разгребъ лапами снѣгъ, въ третій разъ отклонилъ петлю и, не раздумывая, еще разъ завладѣлъ предложеннымъ угощеніемъ».

Даже молодые медвѣжата выказываютъ подобную осмотрительность и всеми возможными средствами стараются освободиться отъ путъ, которыми человѣкъ ихъ окружаетъ. Вышеназванный путешественникъ разсказываетъ слѣдующій примѣръ. «Въ іюнѣ 1812 года медвѣдица съ двумя медвѣжатами подошла къ кораблю, которымъ я командовалъ, и была убита. Медвѣжата не дѣлали никакого поползновенія убѣжать и безъ всякаго труда были пойманы живыми. Сначала они чувствовали себя очень несчастными, но мало-по-малу свыклись со своей судьбой и скоро сдѣлались довольно ручными. Имъ иногда позволяли бѣгать по палубѣ. Черезъ нѣсколько дней ихъ хозяинъ привязалъ одному изъ нихъ на шею веревку и бросилъ

его за бортъ, чтобъ доставить ему морское купанье. Животное мгновенно подплыло къ ближайшей льдинѣ, вскарабкалось на нее и хотѣло убѣжать. Тогда только медвѣжонокъ замѣтилъ, что его держитъ веревка и постарался освободиться отъ несносныхъ путъ. Близъ края льдины находилась длинная, но узкая расщелина въ метръ глубины. Къ ней-то подошелъ медвѣдь и, пока онъ проходилъ черезъ отверстіе ея, часть веревки попала въ прорѣзь. Потомъ онъ всталъ поперекъ расщелины, повисъ на своихъ заднихъ лапахъ, которыя стояли на двухъ краяхъ, опустил голову и большую часть туловища въ расщелину и обѣими передними лапами старался сбросить черезъ голову веревку. Замѣтивъ, что такимъ образомъ ему не удастся освободиться, онъ придумалъ другое средство. Вдругъ началъ онъ стремительно бѣгать съ цѣлю разорвать веревку. Это повторялъ онъ безчисленное множество разъ, возвращаясь назадъ и снова начиная свои бѣгъ. Но и это усиліе освободиться, къ сожалѣнію, не удалось ему. Сердито ворча, онъ улегся на ледъ».

Пойманные въ ранней юности бѣлые медвѣжата дѣлаются ручными и до извѣстной степени дрессируются. Они позволяютъ своему хозяину посѣщать ихъ въ ихъ клѣткѣ, играютъ даже съ нимъ, но неволя не нравится имъ. Даже на родинѣ, въ раннемъ дѣтствѣ, они чувствуютъ себя нехорошо подъ крышей и для нихъ нѣтъ большей радости, какъ если имъ позволить покататься по снѣгу и по льду. На большомъ пространствѣ, съ глубокимъ и широкимъ водянымъ бакомъ, какіе теперь устраиваются въ зоологическихъ садахъ, бѣлому медвѣдю довольно хорошо, и онъ часами играетъ въ водѣ со своими товарищами по неволѣ, съ чурбанами, шарами и тому подобными вещами. Относительно пищи съ ними нѣтъ никакихъ заботъ. Молодымъ даютъ молоко и хлѣбъ, взрослымъ мясо, рыбу, а также и хлѣбъ, котораго имъ достаточно трехъ килограммовъ въ день, чтобы поддержать существованіе. У насъ они спятъ ночью, днемъ-же бодрствуютъ, хотя тоже отдыхаютъ лежа на брюхѣ или, какъ собака, сидя на заднихъ лапахъ. Къ старости они становятся раздражительными и вспыльчивыми. Съ другими видами медвѣдей они неуживчивы и капризны, если дѣло касается ѣды, хотя рѣдко завязывается бой между двумя одинаковыми по силѣ медвѣдями; злость проявляется у нихъ только въ яростномъ рычаніи. При хорошемъ уходѣ бѣлаго медвѣдя можно держать нѣсколько лѣтъ; извѣстенъ примѣръ, что пойманный въ молодости и воспитанный въ средней Европѣ бѣлый медвѣдь прожилъ въ неволѣ 22 года. Въ клѣткѣ размножается онъ рѣже, чѣмъ бурый медвѣдь, и только тогда, когда имѣеть все удобства. Въ продолженіи 20 лѣтъ бѣлые медвѣди Лондонскаго зоологическаго сада приносили три раза дѣтенышей. Пойманные медвѣди рѣдко страдаютъ отъ болѣзней, только часто терпятъ зрѣніе, вѣроятно отъ недостатка проточной воды для купанья и содержанія въ чистотѣ ихъ тѣла.

* * *

Медвѣдь-губачъ, замѣтно отличается и наружностью, и образомъ жизни отъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами настоящихъ медвѣдей, считается поэтому особеннымъ родомъ. Въ Индіи онъ называется **Адамсадъ, Асваль, Еридъ, Бана**, на Цейлонѣ **Уза** (*Melursus labiatus*, M. и *Bradypus ursinus*, *Ursus* и *Prochilus labiatus*, P. *ursinus* и M. *lybius*, *Ursus inornatus*. Lippenbär. Ours aux grandes lèvres). Отличительные признаки его: короткое, толстое туловище, низкія лапы, довольно большія ступни, вооруженныя огромными серповидными когтями, выгнутая впередъ и тупая морда съ большими губами, которыя могутъ сильно вытягиваться, и длинная мохнатая шерсть, которая на затылкѣ образуетъ гриву и низко спускается по сторонамъ. Все эти признаки придаютъ ему такую своеобразную внѣшность, что онъ по праву считается пред-

ставителемъ самостоятельнаго рода. Насколько своеобразно это животное, видно лучше всего изъ того, что сначала оно было описано подъ названіемъ «медвѣдеобразнаго лѣнивца» (*Bradypus ursinus*), а въ одномъ сочиненіи прямо названо «безъимяннымъ животнымъ». Въ Европѣ губачъ извѣстенъ съ конца прошлаго столѣтія; въ началѣ этого столѣтія привезли его сюда живымъ. Тутъ, разумѣется, увидали, что это настоящій большой медвѣдь, и такимъ образомъ онъ получилъ надлежащее мѣсто въ систематикѣ животныхъ.

Длина тѣла губача простирается до 1,8 метра, причемъ хвостъ занимаетъ лишь 10 или 12 см.; въ плечахъ 85 см.; вѣсъ его около 145 килограммовъ. Это животное трудно не узнать. Низкая, широкая, съ плоскимъ лбомъ голова заостряется въ длинную, узкую и хоботообразную морду, совершенно своеобразнаго строенія. Носовой хрищъ расширяется въ плоскій подвижной пятакъ, на концѣ котораго находятся двѣ ноздри, расположенныя поперекъ и раздѣленныя узкой перегородкой. Паружная оболочка ноздрей въ высшей степени подвижна, а длинныя вытягивающіяся губы еще болѣе подвижны. Даже въ состояніи покоя вытягиваются онѣ гораздо дальше челюстей, при случаѣ-же онѣ могутъ такъ удлиняться, придвигаться, складываться вмѣстѣ, загибаться, что образуютъ собою трубку, которая почти вполне играетъ роль хобота. Длинный, узкій, плоскій и притупленный языкъ помогаетъ поворачивать и ставить на прежнее мѣсто эту трубку, и такимъ образомъ животное можетъ не только схватывать и притягивать къ себѣ различные предметы, но даже прямо ихъ всасывать. Кромѣ того на головѣ находятся короткіе тупосрѣзанныя и прямо стояція уши и маленькіе, въ родѣ свинныхъ, косо стоящіе глазки. По вообще морда почти не видна, потому-что хотя она покрыта короткими волосами, но закрывается длинными взъероженными волосами, спускающимися съ темени. Этотъ волосной покровъ скрываетъ и хвостъ и удлиняется на нѣкоторыхъ частяхъ туловища, особенно на шеѣ и на затылкѣ, въ густую, курчавую и растрепанную гриву. Въ серединѣ спины образуется обыкновенно два очень большихъ торчащихъ вихра изъ спутанныхъ волосъ, такъ что кажется, будто губачъ имѣетъ горбъ. Велѣдствіе этого вся передняя часть тѣла медвѣдя получаетъ довольно безобразный видъ, особенно если прибавить къ этому неуклюжее тяжелое туловище и короткія толстыя лапы. Даже ступни его совсѣмъ особенныя, а необыкновенно длинныя, острые, крючковатыя когти дѣлаютъ это животное дѣйствительно похожимъ на лѣнивца. Обыкновенно рѣзцы выпадаютъ очень рано, и беззубыя челюсти на самомъ дѣлѣ могутъ иногда ввести въ заблужденіе натуралистовъ. Цвѣтъ жесткихъ волосъ глиничивито-черный; морда кажется сѣрой или грязно-бѣлой; подковообразное пятно на груди тоже бѣлое. Кромѣ того пальцы имѣютъ тоже очень свѣтлую окраску. Когти обыкновенно имѣютъ цвѣтъ бѣлага рога, но нижняя часть ступни черная. Молодые губачи отличаются отъ старыхъ меньшей гривой на головѣ и плечахъ и велѣдствіе этого болѣе выступающими, относительно большими ушами, кромѣ того у молодыхъ морда обыкновенно за глазами желтобурая и подкова на груди желтовато-бѣлая.

Родина губача—весь Индостанъ, почти отъ подошвы Гиммалаевъ до южной оконечности полуострова и Цейлона; на западѣ онъ не встрѣчается за Индомъ; распространяется-ли онъ на востокъ далѣе Бенгаліи—еще не выяснено. Онъ любитъ холмистыя мѣстности и джунгли и, хотя за нимъ тамъ сильно охотятся, онъ все-таки до сихъ поръ одинъ изъ наиболѣе частыхъ крупныхъ звѣрей Индіи, который, однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже совсѣмъ истребленъ. На Цейлонѣ скрывается онъ, какъ говоритъ Теннентъ, въ самыхъ густыхъ лѣсахъ холмистыхъ странъ на сѣверномъ и юго-западномъ берегу и такъ-же рѣдко встрѣчается на большихъ высотахъ, какъ и въ сырыхъ низменностяхъ. Въ области Каретчи во время продол-

жительной засухи онъ былъ такъ обыкновененъ, что женщины должны были отказаться отъ любимаго купанья и омовеній въ рѣкахъ, такъ-какъ медвѣди появлялись передъ ними не только на землѣ, но и въ водѣ, впрочемъ, часто противъ воли, потому-что, утоляя свою жажду, они сваливались въ потокъ и, вслѣдствіе своей неловкости, не умѣли изъ него вылѣзти. Въ продолженіи самыхъ жаркихъ часовъ дня губачи лежатъ въ естественныхъ или ими самими вырытыхъ пещерахъ, обыкновенно между обломками скалъ въ холмистыхъ мѣстахъ и въ ущельяхъ, иногда-же просто на травѣ подъ густыми кустарниками. Несмотря на свою густую темную шубу, они не такъ чувствительны къ жару, какъ о нихъ говорятъ, потому-что замѣчали медвѣдей спящихъ на самомъ полуденномъ солнцѣ. Обыкновенно-же губачъ проводитъ жаркіе часы дня, особенно въ періодъ дождей, когда его беспокоятъ паразиты, въ прохладномъ убѣжищѣ и появляется только ночью; впрочемъ, ихъ можно видѣть и въ утренніе, и въ вечерніе часы. Чаще всего они ходятъ въ одиночку или парами, втроемъ-же только тогда, когда мать ходитъ съ дѣтенышами, даже довольно большими. Его внѣшніе чувства, кромѣ обонянія, мало развиты; онъ видитъ и слышитъ такъ плохо, что не трудно къ нему подкрасться совсѣмъ близко. На наблюдателя онъ производитъ совсѣмъ особенное впечатлѣніе. «Благодаря своей длинной, косматой, жесткой шерсти», пишетъ Блэнфордъ, «и своимъ короткимъ переднимъ ногамъ, онъ самое удивительное явленіе между всѣми медвѣдьми, и его движенія такъ-же комичны, какъ и его наружный видъ. Обыкновенно онъ идетъ довольно скорымъ шагомъ, когда-же спасается бѣгствомъ, то пускается въ неуклюжій галопъ, до такой степени безпомощный, что если онъ въ величайшей опасности бѣжитъ отъ охотника по прямому направленію, то имѣетъ такой видъ, точно его сзади подгоняютъ, а онъ кувыркается. Притомъ онъ лазаетъ очень хорошо по скаламъ и нерѣдко, когда испуганъ или подстрѣленъ, скатывается, сломя голову, какъ это дѣлаютъ другіе медвѣди».

Пища губача состоитъ почти исключительно изъ растеній и маленькихъ безпозвоночныхъ животныхъ, но, по словамъ Тиккеля, онъ уничтожаетъ также, при случаѣ, яйца и птенцовъ птицъ. Наблюдатели увѣряютъ въ одинъ голосъ, что онъ не нападаетъ на большихъ животныхъ, чтобы ихъ ѣсть, и только Сандерсонъ и Макъ-Мастеръ замѣтили одинъ разъ, что медвѣдь потрошилъ маленькаго подстрѣленнаго оленя, а въ другой разъ убитаго тигромъ быка. Медвѣжата, воспитанные въ неволѣ, ѣдятъ охотно сырое вареное мясо. Различныя корни и всевозможные плоды, такъ-же какъ любимые ими мясистые цвѣты дерева муа (*Bassia lotifolia*), гнѣзда дикихъ пчелъ, соты и медъ, который они тоже очень любятъ, гусеницы, улитки, муравьи — составляютъ главную пищу губача. Длинные загнутые когти оказываютъ ему хорошую услугу при отыскиваніи и разрываніи скрытыхъ корней или при разореніи муравейниковъ. Даже крѣпкія постройки термитовъ разрушаетъ онъ и производитъ страшныя опустошенія среди молодаго поколѣнія этихъ животныхъ. Тутъ ему очень помогаетъ способность съ большою силою втягивать и выдувать воздухъ. «Когда онъ стоитъ на постройкѣ термитовъ», говоритъ Тиккель, «то скребетъ своими передними лапами до тѣхъ норъ, пока не отроетъ середину. При этомъ онъ сильно выдуваетъ пыль и землю и втягиваетъ въ свою часть обитателей кучи такимъ могучимъ и громкимъ вздохомъ, что его слышно на 200 метровъ вокругъ. Точно такъ-же всасываетъ онъ жирныхъ личинокъ, довольно глубоко сидящихъ въ землѣ». Чтобы достать плоды и насекомыхъ, онъ лазаетъ на деревья и вполне хорошо умѣетъ двигаться между вѣтками, но въ общемъ онъ довольно тяжеловѣсный акробатъ. Сандерсонъ рассказываетъ также, что губачъ въ некоторыхъ странахъ любитъ посѣщать финиковыя пальмы, изъ которыхъ выцѣживаютъ пальмовое вино. Медвѣди

вѣзаютъ на 9—8 метровъ къ верхушкѣ дерева, гдѣ висятъ сосуды съ сокомъ, нагибаютъ ихъ лапами и выливаютъ все содержимое. Имъ-бы съ удовольствіемъ пожертвовали нѣсколько литровъ этого напитка, еслибы только они при своей неуклюжей крадѣ не разбивали множество сосудовъ. Потерпѣвшіе убытокъ люди единогласно увѣряютъ, что эти похитители вина никогда не даютъ себѣ труда слѣзть внизъ, но прямо падаютъ на землю, причемъ они часто бываютъ значительно на веселѣ.

Нижеслѣдующія сообщенія Теннента объ образѣ жизни губача въ новѣйшее время не вполне подтверждаются. «Одинъ изъ моихъ друзей», говоритъ Теннентъ, «шелъ лѣсомъ близъ Яффен и, услышавъ недовольное ворчаніе, замѣтилъ медвѣдя, который, сидя на вѣткѣ, одной лапой совалъ въ ротъ соты рыжихъ муравьевъ, другой-же въ то-же самое время долженъ былъ отгонять отъ своихъ губъ и глазныхъ впадинъ сильно разсерженныхъ насѣкомыхъ. Жители Бинтены, главное богатство которыхъ составляютъ ульи, живутъ въ постоянномъ страхѣ передъ медвѣдями-губачами, потому что тѣ ничего не боятся и безжалостно опрокидываютъ плохія жилища пасѣчниковъ. Засѣяннымъ полямъ они тоже приносятъ значительный вредъ; особенно въ сахарныхъ плантаціяхъ они очень нежеланные гости. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ губачъ бываетъ опасенъ и для большихъ млекопитающихъ и птицъ, нападаетъ даже на стада и на людей. Въ Остѣ-Индіи рассказываютъ, что онъ ужаснѣйшимъ образомъ мучаетъ млекопитающихъ и даже людей, прежде чѣмъ начать ихъ ѣсть. Говорятъ, онъ крѣпко схватываетъ свою добычу лапами и когтями и медленно раздавливаетъ одинъ членъ за другимъ, сопровождая это постояннымъ сосаніемъ губъ. Обыкновенно онъ избѣгаетъ человѣка, но его медленность мѣшаетъ его бѣгству и онъ скорѣе изъ страха, и съ цѣлью защиты, чѣмъ по злости дѣлается нападающей стороной. Его нападенія въ такихъ случаяхъ столь опасны, что сингалезцы считаютъ его самымъ страшнымъ животнымъ. Ни одинъ изъ этихъ людей не рѣшится пойти въ лѣсъ безоружнымъ; если у нихъ нѣтъ ружья, то они берутъ по крайней мѣрѣ «каделли», родъ топора, съ которымъ они и вступаютъ въ борьбу съ медвѣдемъ. Онъ-же съ своей стороны цѣлитъ прямо въ лицо своего противника и, если ему удастся счастливо повалить его, вырываетъ обыкновенно глаза». Теннентъ увѣряетъ, что видалъ многихъ людей, на лицахъ которыхъ были еще слѣды этого боя, ярко выдѣляющіеся на темной кожѣ свѣтлые рубцы, которые лучше всѣхъ рассказовъ говорятъ объ ярости раздраженнаго животного.

Не такъ страшны рассказы Жердопа, Стердаля, Сандерсона, Блэнфорда, Форзита и др., и ихъ мнѣнія кажутся достовернѣе, такъ какъ они тщательнѣе ихъ провѣряли. Официальныя извѣстія о людяхъ, погибшихъ отъ звѣрей въ Индіи, сообщаютъ, что съ 1878 по 1886 г. въ общемъ было растерзано медвѣдями 957 человекъ, а 13,049 этихъ животныхъ было убито, причемъ, конечно, не обозначены виды медвѣдей. Сандерсонъ пишетъ: «Губачи не безопасны для невооруженныхъ людей. Дровосѣкамъ и другимъ людямъ, которымъ по необходимости часто случается бывать въ лѣсу и джунгляхъ, иногда плохо отъ нихъ приходится. Какъ и всѣ дикіе звѣри, они опаснѣе всего тогда, когда съ ними встрѣчаются невзначай, потому что тогда они нападаютъ отъ страха. При такихъ неожиданныхъ встрѣчахъ, по всеѣ вѣроятности, можно ожидать меньшаго числа несчастныхъ случаевъ отъ тигровъ и пантеръ, чѣмъ отъ какого-нибудь другаго звѣря, потому что первые имѣютъ болѣе присутствія духа по природѣ и не такъ скоро теряютъ самообладаніе. Неуклюжее нападеніе испуганнаго медвѣдя вовсе не есть проявленіе злости, потому что медвѣди бываютъ очень мирно настроены, когда ихъ оставляютъ въ покоѣ, и даже раненые и загнанные часто не обнаруживаютъ желанія вступить въ битву». Также и Блэнфордъ называетъ губача

трусливымъ, но способнымъ, конечно, защищаться и прибавляетъ, что большая часть нападеній дѣлается самками, которыя думаютъ, что угрожаютъ жизни ихъ дѣтенышамъ. По его словамъ, неудачно подстрѣленный медвѣдь поспѣшно убѣгаетъ, не думая о защитѣ или мести. Очень распространенное мнѣніе, что нападающій медвѣдь становится на заднія лапы, считается неосновательнымъ, также какъ и другое, что онъ обнимаетъ противника и старается его задушить. Испуганный медвѣдь подымается иногда на заднія лапы, но просто, чтобы лучше разсмотрѣть противника, потомъ опять опускается внизъ. Кто загораживаетъ ему дорогу, того онъ, по необходимости, опрокидываетъ и ударяетъ лапой; въ борьбѣ онъ старается держать противника подъ собой и нѣсколько разъ сильно его укусить.

Зимней спячкѣ губачи не подвергаются. Время случки падаетъ обыкновенно на іюнь, иногда, кажется, растягивается на нѣсколько мѣсяцевъ; продолжительность беременности навѣрно не опредѣлена, но считается около 7 мѣсяцевъ. Дѣтеныши рождаются отъ октября до февраля, большею частью въ декабрѣ и январѣ; обыкновенно ихъ двое, изрѣдка, по словамъ Сандерсона, трое. Макъ-Мастеръ, говоритъ, что они открываютъ глаза только черезъ 18 дней. Черезъ 2—3 мѣсяца слѣдуютъ они за матерью, и новѣйшія изслѣдованія несомнѣнно подтверждаютъ, что она носитъ ихъ на спинѣ. Этотъ родъ передвиженія сохраняется даже тогда, когда дѣтеныши уже порядочно подросли и не умѣщаются вдвоемъ на спинѣ матери; тогда они попеременно сидятъ на спинѣ или бѣгутъ рядомъ. Эллиотъ рассказываетъ, какъ одна сильно преслѣдуемая медвѣдица провела своихъ дѣтенышей три мили, пока не была убита. По Сандерсону, въ высшей степени интересно наблюдать, какъ удобно сидящіе на спинѣ матери медвѣжата соскамливаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находится кормъ, а при первой опасности хлопотливо стараются снова взобраться на свое сидѣнье. «Губачи», продолжаетъ онъ, «необыкновенно смиренны звѣри и способны сдѣлаться исполнѣ ручными, если ихъ возьмутъ совсемъ маленькими. Во всякомъ случаѣ ихъ своеобразныя и смѣшныя привычки очень забавны. Хотя они очень живучи, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень чувствительны, и подстрѣленный медвѣдь подымаетъ страшно-жалобный крикъ, которому вторитъ его нераненые товарищи. Охотники говорятъ, что раненый медвѣдь нападаетъ на своихъ товарищей, думая, что это они нанесли ему рану; но мнѣ кажется, что поведеніе ихъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, понимается невѣрно. По моимъ наблюденіямъ здоровые медвѣди слѣзать къ раненому, чтобы узнать причину его стоновъ и при этомъ присоединяются къ его крику; онъ-же въ раздраженномъ состояніи бросается на нихъ, и тутъ начинается всеобщая драка и кусанье, вызванныя исключительно любовнымъ, но несвоевременнымъ желаніемъ друзей утѣшить товарища и помочь ему».

Охотятся на губача различными способами: выслѣживаютъ его, когда онъ, идя по утрамъ по росистой травѣ и низкимъ кустарникамъ, оставляетъ за собой явнѣ слѣдъ; иногда прячутся около логовища и поджидаютъ его возвращенія съ ночныхъ странствованій; наконецъ окружаютъ то пространство джунглей, гдѣ предполагаютъ или навѣрное знаютъ, что есть медвѣдь, устраиваютъ настоящую облаву и подстрѣливаютъ его, когда онъ выбѣжитъ изъ своего убѣжища. Нѣкоторые охотники, чтобы придать большую привлекательность охотѣ, держатъ особья своры собакъ, которыя бросаются на медвѣдя и держатъ его, пока охотникъ убиваетъ его кинжаломъ. Слоновъ при этой охотѣ почти никогда не употребляютъ, потому что они большею частью обнаруживаютъ поразительный страхъ передъ медвѣдемъ; даже тѣ, которые смѣло ожидаютъ нападенія тигра, склонны бѣжать сломя голову при видѣ этого чернаго звѣри.

Въ неволѣ часто наблюдали губачей какъ въ Индіи, такъ и въ Европѣ. Въ

его отечествѣ скomorохи и поводыри эксплуатируютъ ученыхъ медвѣдей, которые, какъ и наши Мишки, продѣлываютъ разные фокусы. Люди водятъ его такъ-же, какъ и наши поводыри медвѣдей, и зарабатываютъ себѣ этимъ скудное пропитаніе. Въ Европѣ, особенно въ Англии, губачи живутъ довольно долгое время, иногда даже до 19 лѣтъ; въ Индіи онъ можетъ прожить до 40 лѣтъ въ неволѣ. Его кормятъ молокомъ, хлѣбомъ, овощами и мясомъ, при чемъ замѣтили, что онъ предпочитаетъ овощи и хлѣбъ всякой другой пицѣ. Онъ валяется съ боку на бокъ, какъ собака, прыгаетъ, кувыркается, подымается на заднія лапы и гримасничаетъ самымъ удивительнымъ образомъ, когда ему приносятъ пищу. Притомъ онъ кажется относительно добродушнымъ, ласковымъ и безхитростнымъ. Онъ никогда не пытается укусить и, изучивши его, можно вполне ему довериться. Относительно другихъ медвѣдей онъ оказывается еще привязчивѣе, чѣмъ многіе его сородичи. Двое медвѣдей, бывшихъ въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, обнимались самымъ нѣжнымъ образомъ и потомъ облизывали другъ другу лапы. Въ хорошемъ настроеніи они только ворчать по-медвѣжьи; если-же ихъ разсердятъ, они испускаютъ громкіе и рѣзкіе крики.

Я часто видалъ губачей въ звѣринцахъ и зоологическихъ садахъ. Плѣнники лежатъ обыкновенно, какъ собаки, на брюхѣ и по цѣлымъ часамъ занимаются облизываніемъ своихъ лапъ. Ко всему, что происходитъ внѣ ихъ клѣтки, они кажутся глубоко равнодушными. Большею частью мнѣ попадались звѣри добродушные, но очень тупоумные. Когда имъ даютъ пищу, они вытягиваютъ свои губы трубкой и стараются схватить ими предлагаемое, почти такъ-же, какъ это дѣлаютъ жвачныя животныя. Ихъ голосъ казался мнѣ похожимъ скорѣе на отвратительный визгъ, чѣмъ на рычаніе.

Убитый губачъ не имѣетъ особой цѣны. Изъ всѣхъ разсказовъ о немъ не видно, что дѣлаютъ съ добычей; Форзитъ считаетъ, что шкура его не стоитъ выдѣлки, а мясо его несъѣдобно. Певаль сообщаетъ только, что въ его время сало употреблялось англійскими дамами, которые считали его полезнымъ для ращенія волосъ. Индусы-же употребляютъ сало, какъ лѣкарство противъ ревматизма.

* * *

Трехъ замѣчательныхъ восточно-азиатскихъ животныхъ соединимъ мы во второе подсемейство, члены котораго могутъ быть названы **Кошкovidными медвѣдями** (*Ailuaginae*). Они составляютъ переходную ступень отъ большихъ медвѣдей къ вивермамъ и отличаются своими лапами, болѣе или менѣе схожими съ кошачьими, ступни которыхъ покрыты волосами, а когти отчасти втяжныя. Полное число зубовъ отъ 38 до 40. Каждый изъ принадлежащихъ сюда видовъ составляетъ особый родъ.

Первое мѣсто въ этомъ подсемействѣ занимаетъ открытый лѣтъ двадцать тому назадъ Давидомъ, **Тибетскій горный медвѣдь** (*Ailuropus melanoleucus*, *Ursus melanoleucus*. Frankenbär. Ours blanc du Tibet), который примыкаетъ съ одной стороны къ большимъ медвѣдямъ, съ другой-же къ слѣдующему роду. Онъ меньше нашего бураго медвѣдя и отъ морды до конца хвоста имѣетъ длину въ 1,5 м. Его широкія, закругленныя, съ волосатой нижней частью ступни—коротки и при ходьбѣ не вполне касаются земли, какъ у большихъ медвѣдей. Голова съ короткой мордой относительно шире, чѣмъ у остальныхъ хищниковъ, хвостъ очень коротокъ и едва виденъ. Изъ 40 зубовъ находимъ мы на верху по 4 ложно-коренныхъ и по 2 настоящихъ коренныхъ, а внизу по 3 ложно-коренныхъ и по 3 настоящихъ коренныхъ зуба. Горный медвѣдь покрытъ густымъ медвѣжьиимъ мѣхомъ бѣлаго цвѣта, который принимаетъ чер-

МЕДВѢДЬ-ГУБАЧЬ.

7

ную окраску только у глазныхъ впадинъ, около ушей, на переднихъ конечностяхъ до загривка, на заднихъ ногахъ и на кончикѣ хвоста.

О жизни горнаго медвѣдя на свободѣ почти ничего неизвѣстно. Онъ обитаетъ въ недоступныхъ горныхъ лѣсахъ восточнаго Тибета, откуда отъ времени до времени предпринимаетъ опустошительные набѣги въ долины, чтобъ добыть себѣ пищу, состоящую изъ бамбуковыхъ корней и другихъ растений.

* * *

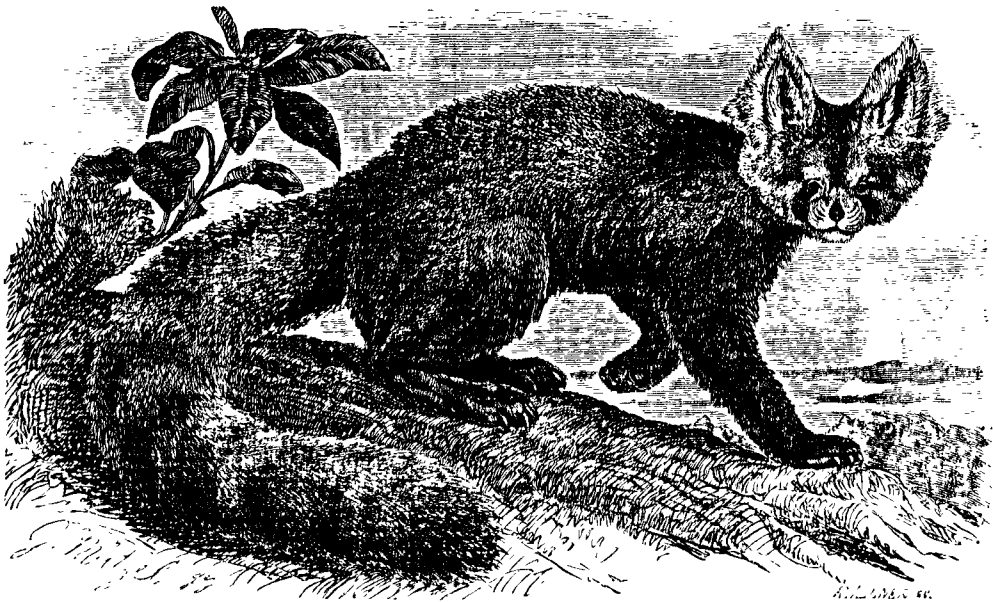
Представитель втораго рода этого подсемейства, **Панда**, называемая англичанами **гиммалайскимъ енотомъ**, въ Пеналѣ **Va** и **Ie**, въ Бутанѣ **Вандонна** (*Ailurus fulgens*, A. ochraceus), занимаетъ среднее мѣсто между горнымъ медвѣдемъ и бинтуронгомъ. Отъ густого и мягкаго мѣха тѣло его кажется толще, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ; покрытая длинными волосами голова очень широка и коротка, то-же можно сказать и о мордѣ; длинный хвостъ, покрытый густой и мягкой шерстью, очень пушистъ; уши малы и круглы, глаза тоже не велики; короткія ноги имѣютъ волосатыя ступни, которыя только на половину касаются земли, а короткіе пальцы снабжены сильно загнутыми когтями. Всѣхъ зубовъ 38; на верхней челюсти съ каждой стороны находится по 3, а на нижней по 4 ложнокоренныхъ зуба, а настоящихъ коренныхъ зубовъ по 2 на каждой сторонѣ верхней и нижней челюстей. По величинѣ панда примѣрно равняется большому домашнему коту: длина туловища 50 см., хвоста 35, и высота въ плечахъ—25 см. Шерсть густая, мягкая, гладкая и очень длинная, на верхней сторонѣ окрашена блестящимъ темно-краснымъ цвѣтомъ, переходящимъ на синій въ свѣтло-золотисто-желтый, такъ какъ здѣсь волосы имѣютъ желтые кончики. Нижняя часть туловища и ноги, за исключеніемъ темно-каштановой полосы съ наружной и передней стороны—глянцевито-черныя, волосы на подбородкѣ и щекахъ бѣлые, а сзади ржаво-желтые, также, какъ лобъ и темя; ржаво-красная полоса пробѣгаетъ отъ глазъ къ угламъ рта и отдѣляетъ бѣлую морду отъ щекъ; уши снаружи покрыты темно-красными, внутри длинными бѣлыми волосами; хвостъ рыжій, съ мало замѣтными, болѣе свѣтлыми, узкими кольцами.

Родина панды—юго-восточныя части Гиммалайскихъ горъ, гдѣ ее находятъ на высотѣ въ 2000—4000 метровъ. Къ западу отъ Пенала ея не встрѣчали, на востокъ распространяется она до Юнвана. О жизни на свободѣ этого красиваго звѣрка мало извѣстно. Панды живутъ парами или семействами въ лѣсахъ, лазаютъ по деревьямъ и ютятся въ дуплахъ и ущельяхъ, но часто бывають на землѣ, чтобъ отыскивать себѣ пищу. Эта послѣдняя, по словамъ Ходжсона и Блэнфорда, состоитъ почти исключительно изъ растеній: плодовъ, корней, травы, жерудей, бамбуковыхъ ростковъ и т. д. При случаѣ панда разоряетъ гнѣзда и, по словамъ Жердона, ѣсть и насѣкомыхъ. По землѣ панды двигаются медленно и неловко, за то лазаютъ по деревьямъ отлично. Онѣ не вполнѣ ночныя звѣри, но днемъ спятъ по цѣлымъ часамъ, причѣмъ лежатъ свернувшись, окруживъ голову пушистымъ хвостомъ; иногда, впрочемъ, отдыхаютъ онѣ на ногахъ, засунувъ голову между передними лапами подъ грудь. По Бартлету онѣ пьютъ какъ медвѣди, всасывая жидкость губами, по Ходжсону-же, онѣ лакаютъ жидкости языкомъ. Одинъ знакомый Жердона замѣтилъ однажды двухъ пандъ на верхушкѣ высокаго дерева; онѣ испускали такіе ужасные крики, какихъ онъ никогда еще не слышалъ. Обыкновенный ихъ голосъ—короткій слабый крикъ, напоминающій птичье щебетаніе. Время течки и продолжительность беременности еще неизвѣстны; дѣтеныши рождаются обыкновенно несной. Даже взрослыя панды очень чувствительны къ переѣмамъ погоды, совсѣмъ не переносятъ жары, но очень страдаютъ и отъ холода.

* „жизнь животн.“ вѣра. т. II.

Панда была открыта Хардвикомъ, но описаніе ея онъ обнаружилъ слишкомъ поздно. Симпсонъ первый привезъ въ Лондонъ панду, оставшуюся въ живыхъ изъ трехъ, взятыхъ изъ Индіи, гдѣ животное, подѣ присмотромъ Бартлета, прожило нѣкоторое время и было наблюдаемо имъ и многими другими. «По своему наружному виду», пишетъ Андерсонъ, «панда похожа на полоскуна. Всякое движеніе напоминаетъ медвѣдя; она ходитъ (съ прямо протянутымъ хвостомъ), садится на заднія ноги, владѣетъ передними лапами, лазаетъ, злится и кричитъ совершенно какъ медвѣдь». По словамъ Симпсона, голосъ ея совершенно особенный. «Разсерженная панда», говоритъ онъ, «подымается на заднія лапы, совѣмъ какъ медвѣдь, и испускаетъ крикъ, который легко воспроизвести, если открыть ротъ и быстро выпускать воздухъ черезъ носъ».

Обыкновенный крикъ, впрочемъ, отличается отъ этого храпа и напоминаетъ щебетанье птицы, потому что состоитъ изъ ряда короткихъ свистковъ. Болѣе всѣхъ

Панда. *Ailurus fulgens*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

остальныхъ медвѣдей панду можно назвать травояднымъ животнымъ; по крайней мѣрѣ, Симпсону никогда не удалось заставить ее съѣсть мяса. Ходжсонъ нѣсколько разъ приносилъ въ клетку панды куръ, которыхъ она въ рѣдкихъ случаяхъ убивала, но потомъ никогда не трогала. Въ неволѣ онѣ ѣдятъ листья и почки, плоды, а также траву, почки бамбука, вареный на молокѣ рисъ и подслащенное сахаромъ молоко.

Бартлетъ въ 1869 г. получилъ панду, которую привезли въ Лондонъ живою, но въ самомъ печальномъ положеніи: запячканною въ нечистотахъ, больною, неспособною стоять и могущею только ползати. Во время переѣзда черезъ море ее кормили молокомъ, варенымъ рисомъ и зеленью, что и было главною причиною ея плохого состоянія; опытный наблюдатель рѣшилъ тогда перемѣнить пищу. Ей дали сырое и вареное мясо курицы и кролика, но животное отъ этой пищи отказывалось, тогда какъ смѣсь арарута съ яичными желтками и подслащеннымъ молокомъ была съѣдена охотно, точно такъ, какъ сладкій чай съ гороховой и манеювой мукой. При такомъ разнообразномъ кормѣ состояніе здоровья панды улучшилось, и Бартлетъ рѣшился выпустить ее на волю подѣ присмотромъ. Тогда она пробѣжала къ розо-

вымъ кустамъ, стала жадно ѣсть листья и нѣжныя почки, подбирала упавшія съ дерева незрѣлые яблоки, опципывала различныя ягоды и закусывала ими. Опасеніе Бартлета, что подобная пища можетъ быть вредна, оказалось несомнѣтельнымъ; здоровье панды видимо поправлялось. Послѣ нѣсколькихъ ваннъ старый загрязненный мѣхъ до того ослабѣлъ въ корнѣ, что его легко было счесать, и новая великолѣпная одежда покрыла и украсила укрьпившееся отъ болѣе свойственной ему пищи животное. Но панда не выказала ни малѣйшей благодарности за такія замѣчательныя заботы, оставалась всегда раздражительной, при малѣйшемъ приближеніи становилась въ воинственную позу, била вокругъ себя лапами, какъ кошка, и при этомъ испускала вышеописанный храпъ. Вторую панду Лондонскій зоологическій садъ получилъ въ 1876 году.

Панда по своему наружному виду ближе всего подходитъ къ кинкажу. Она сходна съ нимъ и по своимъ движеніемъ, походкѣ, бѣгу, лазанью и по роду пищи. Кинкажу значительно превосходить ее своей подвижностью и кажется въ умственномъ отношеніи болѣе развитымъ. Всѣ горные народы, повидимому, сильно преслѣдуютъ панду изъ за ея красиваго, часто употребляемаго мѣха; можетъ быть они ѣдятъ также и ея мясо, несмотря на сильный мускусный запахъ, который распространяетъ вокругъ себя животное при раздраженіи.

* * *

Послѣдній родъ этого подсемейства составляетъ **Бинтуронгъ**, называемый англичанами **черной медвѣжьей кошкой**, въ Ассамѣ **Юнгъ**, въ Бирмѣ **Мьюкъ-Кіа**, малайцами **унтаронгъ** (*Arctictis binturong*, *Viverra binturong*, *Arctictis penicilata*, *Ictides ater*, *Paradoxurus* и *Ictides albifrons*. *Binturong*). По мнѣнію и некоторыхъ натуралистовъ его слѣдуетъ отнести къ виверрамъ; по нашему-же мнѣнію онъ занимаетъ среднее мѣсто между ними и медвѣдями и отличается тѣмъ, что изъ 40 зубовъ на каждой сторонѣ верхней и нижней челюсти находится по 4 ложнокоренныхъ и по 2 настоящихъ коренныхъ зуба, изъ которыхъ 4 верхнихъ ложнокоренныхъ обыкновенно выпадаютъ. Ростомъ бинтуронгъ больше панды. Длина его отъ 1,5 до 1,35 метра, причемъ почти половину длины составляетъ очень длинный завивающійся хвостъ. Туловище у него плотное, голова толстая, морда удлиненная; ноги короткія и сильныя, ступни съ голою нижней частью и съ 5 пальцами, снабженными довольно крѣпкими, немного втяжными когтями. Густой, довольно жесткій, волнистый мѣхъ покрываетъ тѣло. На короткихъ закругленныхъ ушахъ волоса образуютъ кисточки, на туловищѣ-же и особенно на хвостѣ они также очень длинны, только конечности покрыты короткими волосами. Толстые бѣлые усы окружаютъ морду съ обѣихъ сторонъ лучистымъ вѣнцомъ. Цвѣтъ шерсти матово-черный, на головѣ переходитъ въ сѣрый, а на конечностяхъ въ буроватый; края ушей и брови имѣютъ бѣлый отгѣнокъ. Самки бываютъ, говорить, сѣрыми, а дѣтеныши желтоватыми, потому что кончики черныхъ волосъ имѣютъ вышеозначанные цвѣта.

Бинтуронгъ живетъ на Борнео, Явѣ, Суматрѣ, Малаккскомъ полуостровѣ, Тенассеримѣ, Араканѣ, Ассамѣ и Сіамѣ; встрѣчается-ли онъ въ Гиммалайскихъ горахъ, Непалѣ и Бутанѣ еще достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ. О жизни его на свободѣ извѣстно очень мало. Онъ ведетъ ночную жизнь, большую частью на деревьяхъ и медленъ въ своихъ движеніяхъ. По словамъ Влэнфорда, это животное всеядное, которое ѣсть охотно какъ млекопитающихъ, птицъ, рыбъ, червей и насекомыхъ, такъ и плоды и другую растительную пищу. Его рѣдко можно видѣть, потому что онъ скрывается въ густыхъ лѣсахъ; его голосъ похожъ на громкій вой. Дикій и угрюмый по прирѣдѣ, бинтуронгъ, пойманный въ дѣтствѣ, скоро дѣлается ручнымъ и даже кроткимъ

и веселымъ. Бокъ также сообщаетъ, что это животное всеядное и что на Борнео оно встрѣчается рѣже, чѣмъ на Суматрѣ. На этомъ послѣднемъ островѣ его приручаютъ и кормятъ преимущественно рисомъ и бананами; при ѣдѣ онъ сидитъ на заднихъ лапахъ, а пищу держитъ передними.

Бинтуронга открылъ Фаркгаръ, но впервые его описалъ Раффлесь. Позднѣйшіе наблюдатели посылали въ Европу чучела, а нѣкоторые любители звѣрей и торговцы привозили въ послѣднее время и живыхъ звѣрей въ Европу. Я видѣлъ трехъ живыхъ бинтуронговъ и за однимъ ухаживалъ, причемъ замѣтилъ слѣдующее: бинтуронгъ по своимъ привычкамъ и движеніямъ напоминаетъ кинкажу,

Бинтуронгъ. *Arctictis binturong*. 1/2 наст. вел.

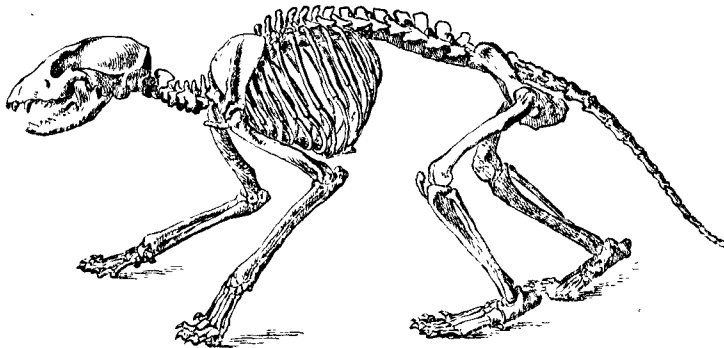
потому что онъ такое-же тихое, кроткое и пріятное животное, конечно если съ дѣтства пользовался хорошимъ уходомъ. Хотя онъ ведетъ ночной образъ жизни, но и днемъ часто бываетъ бодръ и дѣятеленъ. Движенія его кажутся медленными и осторожными, при лазаніи онъ пользуется хвостомъ, который не вполне цѣпкій, но все-таки помогаетъ при лазаніи; животное крѣпко имъ держится, обвивъ сучья и вѣтки, потомъ развертываетъ его, но не вполне, такъ что не оставляетъ точки опоры. Такимъ образомъ петля все ближе и ближе переходитъ къ концу хвоста. Наконецъ, когда хвостъ совсѣмъ соскальзываетъ съ сучка, бинтуронгъ медленно лѣзетъ дальше и обертываетъ хвостомъ другой сучекъ. Голосъ его похожъ на мяуканье домашней кошки. Между его внѣшними чувствами первое мѣсто занимаютъ обоняніе и осязаніе; онъ долго обнюхиваетъ каждый предметъ и употребляетъ усы положительно какъ органъ осязанія. Въ его характерѣ нѣтъ ни хищничества, ни кровожадности.

Растительную пищу онъ предпочитаетъ всякаго рода животной и въ клеткѣ очень хорошо живетъ на простомъ растительномъ кормѣ.

* * *

Въ третье подсемейство соединяемъ мы маленькихъ медвѣдей (*Procyoninae*), живущихъ только въ Америкѣ; у нихъ отъ 36 до 40 зубовъ; изъ 5—6 коренныхъ съ каждой стороны два могутъ считаться настоящими коренными.

Родъ **Полоскуновъ** (*Procyon*), отличается слѣдующими признаками. Туловище довольно короткое и плоское, задняя часть головы очень расширена, морда коротка; большіе глаза расположены близко другъ къ другу, большія закругленные уши находятся совсѣмъ по сторонамъ головы; лапы относительно высоки и тонки; ступни съ голою нижней частью снабжены средней длины тонкими паль-

Скелеть полоскуна или енота.

цами и довольно крѣпкими загнутыми когтями; хвостъ длинный, мѣхъ состоитъ изъ длинныхъ, густыхъ и гладкихъ волосъ. Во рту 40 зубовъ, у верхняго плотяднаго зуба внутри имѣется широкій коническій паростъ, между тѣмъ какъ нижній толстъ, длиннѣе и похожъ на плоскобугорчатый зубъ; верхніе, поперекъ стоящіе бугорчатые зубы внутри суживаются, нижніе относительно длинны. Можно съ нѣкоторою увѣренностью различить только два, можетъ быть, три вида этого рода, которые очень сходны между собой по росту, цвѣту шерсти и по образу жизни.

* * *

Полоскунъ, Енотъ, Ракунъ или **Кунъ** американцевъ, (*Procyon lotor*, *Ursus* и *Meles lotor*, *Lotor vulgaris*, *Procyon gularis*, *brachyurus* и *obscurus*, *Washbär*, *Schupp*, *Raton*) достигаетъ 65 см. длины туловища, причемъ хвостъ имѣетъ 25 см., т. е. всего 90—100 см. и высоты въ плечахъ 30—35 см. Мѣхъ желтовато-сѣраго цвѣта, смѣшаннаго съ чернымъ, потому что остевые волосы у основанія бурые, въ серединѣ желтовато-бурые и на концѣ черные, такъ что общая окраска въ высшей степени оригинальна. Переднія ноги, хохла около ушей, которая съ задней стороны окаймлены темно-коричневою полосой, морда и подбородокъ имѣютъ одинаковую желтовато-бѣлую окраску. Отъ лба до кончика носа и вокругъ глазъ тянутся темно-бурья полосы. Надъ глазами до висковъ пробѣгаетъ желтовато-бѣлая полоса. Переднія и заднія лапы буровато-сѣрыя, длинные волосы голени и предплечья темно-бурого цвѣта. Сѣро-желтый хвостъ украшенъ черно-бурыми кольцами

и такимъ-же кончикомъ. Ни одинъ изъ этихъ цвѣтовъ не выдѣляется передъ другими, такъ что даже на небольшомъ разстояніи они сливаются въ одинъ общій, трудно опредѣлимый сѣрый цвѣтъ, который очень хорошо подходитъ и къ цвѣту древесной коры, и къ цвѣту земли, поросшей свѣжей или сухой травой. Звѣри темнаго, особенно темно-бурого цвѣта, мѣхъ которыхъ больше всего цѣнится, попадаютъ въ очень ограниченномъ числѣ. Между полоскунами рѣдко встрѣчаются

Енотъ или полоскунъ. *Procyon lotor*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

экземпляры другого цвѣта, хотя все-таки попадаются; такъ, въ британскомъ музеѣ находится бѣлый енотъ, который по своему мѣху можетъ соперничать съ ослѣнительно бѣлымъ горностаемъ.

Родина полоскуна Сѣверная Америка, какъ южная такъ и сѣверная ея части, но крайней мѣрѣ онъ встрѣчается въ южныхъ частяхъ той полосы, гдѣ добывается много мѣховъ. Въ нынѣшнее время онъ сталъ гораздо рѣже попадаться въ населенныхъ мѣстностяхъ чѣмъ прежде, вследствие непрерывнаго преслѣдованія, которому онъ подвергается; однако даже и тамъ его не удалось окончательно

вытѣснить. Внутри страны, именно въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, онъ водится еще въ большомъ количествѣ. Лѣса, гдѣ встрѣчается много рѣкъ, озеръ и ручьевъ, его любимое мѣстопробываніе. Обыкновенно онъ начинаетъ свою охоту при наступленіи сумерекъ, а днемъ спитъ въ дуплахъ или на толстыхъ густолиственныхъ сучьяхъ; тамъ, гдѣ ему некого бояться, онъ не имѣетъ опредѣленнаго времени для охоты, но странствуетъ и днемъ, и ночью по своимъ обширнымъ роднымъ лѣсамъ.

Это веселое, красивое животное выказываетъ много живости и подвижности. Во время ходьбы равнодушно опускаетъ голову, горбитъ спину, опускаетъ хвостъ, плетется своей дорогой, переваливаясь съ боку на бокъ; но лишь только оно сдѣлаетъ какое-нибудь важное для него открытіе, напримѣръ, найдетъ слѣдъ или замѣтитъ какое-нибудь беззащитное животное, все существо его сразу преобразуется. Косматая шерсть сейчасъ-же становится гладкой, широкія уши его заостряются, оно высматриваетъ, поднимается на заднія лапы, прыгаетъ и бѣжитъ легко и проворно или лѣзетъ на дерево съ ловкостью, какую едва можно было у него предположить, причемъ лазаютъ не только по наклоннымъ, но даже и по вертикальнымъ стволамъ и сучьямъ, снизу вверхъ, какъ и сверху внизъ. Часто можно видѣть, какъ полоскую, подобно лѣнвицу или обезьянѣ, пробѣгаетъ по горизонтальнымъ вѣткамъ, повиснувъ внизъ вѣсь туловищемъ, или перепрыгиваетъ съ безошибочной точностью съ сучка на сучекъ, что доказываетъ его необыкновенное искусство въ лазаньи. На землѣ онъ чувствуетъ себя также совсѣмъ хорошо, можетъ довольно быстро двигаться скачками, причемъ онъ прыгаетъ разомъ всѣми четырьмя лапами. По умственному своему складу онъ нѣсколько походитъ на обезьянъ. Онъ веселъ, живъ, любопытенъ, задира и способенъ ко всякимъ забавнымъ выдумкамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлъ, когда это нужно, а при выслѣживаніи добычи, хитеръ, какъ лисца. Къ другимъ енотамъ онъ относится замѣчательно хорошо и даже взрослые по цѣлымъ часамъ играютъ съ товарищами, а въ неволѣ еноты готовы играть со всякимъ звѣремъ, который на это согласится.

Енотъ ѣстъ все съѣдобное, но кажется лакомкой, который вездѣ, гдѣ только можно, сумѣетъ найти себѣ лучшее кушанье. Овоцы всякаго рода, каштаны, дикій виноградъ, майскъ, пока початки еще мягки, составляютъ его любимую пищу. Онъ однако преслѣдуетъ также и птицъ и разоряетъ ихъ гнѣзда, умѣетъ ловко подкрасться къ цыпленку и голубю, мастерски находитъ самое скрытое гнѣздо и лакомится тогда яйцами, которыми онъ замѣчательно ловко умѣетъ прокусить и вынуть, не проливъ ни капли. Нередко приходитъ онъ въ сады и дома только для того, чтобы украсть куръ и опустошить ихъ гнѣзда; вслѣдствіе этого онъ не въ милости у фермеровъ. Даже воды должны платить ему дань. Удачно ловитъ онъ рыбъ, краббовъ и черепахъ и ради этой лакомой пищи пускается въ открытое море во время прилива. Гусеницы жуковъ для него лучшее лакомство; даже кузнечиковъ онъ ловитъ съ величайшей ловкостью. Онъ имѣетъ обыкновеніе до вѣды опускать свою пищу въ воду и тамъ перетирать ее лапами, точно онъ ее моетъ. Это онъ дѣлаетъ только тогда, когда не очень голоденъ; въ послѣднемъ-же случаѣ требованіи желудка не позволяютъ ему предаваться этому любимому занятію, отъ котораго онъ получилъ свое названіе. Кромѣ того онъ отравляется на промыселъ только въ хорошую погоду; когда-же вѣтрено или дождь, онъ по цѣлымъ днямъ спокойно лежитъ въ своемъ закрытомъ логовищѣ безъ всякой пищи.

Спариваніе ихъ происходитъ, по Гааке, при безостановочномъ гоготаніи самки. Въ маѣ она послѣ беременности, продолжающейся, по наблюденіямъ Гааке, 9—10 недѣль, приноситъ отъ 4 до 6 очень маленькихъ дѣтенышей въ логовищѣ, довольно заботливо устроенномъ въ дуплѣ дерева; дальнѣйшее изъ жизни ново-

рожденныхъ енотовъ кажется мало извѣстнымъ. Въ Берлинскомъ зоологическомъ саду самка родила въ 1871 г. пять дѣтенышей. Своимъ ложемъ избрала она гладкую доску, не подумавъ даже о томъ, чтобы сдѣлать мягкую подстилку. Такъ лежала она, заботливо пряча своихъ дѣтенышей между лапами, цѣлыя недѣли на одномъ мѣстѣ. Когда дѣтеныши подросли и начали ползать, она ловила ихъ своими цѣпкими передними лапами и прятала снова ихъ подъ себя. Наконецъ съ потомствомъ нельзя было уже справиться; оно не стало болѣе позволять обходиться съ собой какъ съ маленькими; дѣтеныши ползали по ней, скоро стали влѣзать на деревья, приняли всѣ свойственныя ихъ роду привычки и дѣлали это уже въ возрастѣ трехъ мѣсяцевъ, совѣмъ какъ взрослые. На шестомъ мѣсяцѣ ихъ жизни они уже на половину выросли, а черезъ годъ были совѣмъ взрослые.

За енотомъ охотятся не только ради его хорошаго мѣха, но также и просто изъ любви къ охотѣ. Если его преслѣдуютъ только для шкуры, то употребляютъ капканы и ловушки разнаго рода, съ рыбой или кусочкомъ мяса въ видѣ приманки. Охотятся на него вѣсколько сложнѣе. Американцы предаются этой охотѣ съ истинной страстью, и это становится понятнымъ, если прочитатъ описаніе ея. Во-первыхъ, охота происходитъ не днемъ, а ночью, съ помощью собакъ и при факельномъ освѣщеніи. Когда спотъ оставляетъ свое логовище и тихими неслышными шагами скользитъ по хворосту, когда въ лѣсу становится совѣмъ тихо при наступающей ночи, тогда-то и отправляются въ путь. Хорошая опытная собака находитъ слѣдъ, и вся свора набрасывается на проворно бѣгущаго звѣря, который, наконецъ, съ обезьяньей ловкостью взбирается на дерево и старается укрыться въ тѣнистыхъ вѣтвяхъ его. Вокругъ него собираются въ кружокъ собаки съ лаемъ и воемъ; травленный звѣрь лежитъ наверху, уютно прижавшись къ сучку и укрытый темнымъ покровомъ ночи. Но тутъ приближаются охотники. Факелы бросаютъ въ кучу, прикрываютъ ихъ хворостомъ, сосновыми шишками и щепками, и вдругъ подъ деревомъ вспыхиваетъ яркій огонь, волшебнымъ свѣтомъ озаряющій окрестность. Вотъ хорошо лазающій охотникъ подымается на дерево и на верху въ вѣтвяхъ принимаетъ на себя роль собаки. Человѣкъ и спотъ гонятся другъ за другомъ на вершинѣ дерева, пока, наконецъ, спотъ не вскакиваетъ на колеблющуюся вѣтку, въ надеждѣ перескочить на другое дерево. Его преслѣдователь сбѣжитъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока можетъ, и вдругъ начинаетъ сильно трясти вѣтку. Его достойный сожалѣнія соперникъ долженъ крѣпко держаться, чтобъ не упасть на землю. Но это ни къ чему не ведетъ. Все ближе и ближе подбирается къ нему неприятель, все сильнѣе становится усилія удержаться—одно невѣрное движеніе и онъ съ шумомъ падаетъ на землю. Торжествующій лай собакъ привѣтствуетъ его паденіе, и охота продолжается съ обновленной энергіей. Подоскунъ дѣлаетъ еще двѣ или три попытки спастись, снова влѣзаетъ на дерево, но въ концѣ концовъ долженъ сдѣлаться добычей своихъ усердныхъ четвероногихъ противниковъ и подъ ихъ зубами кончить свою жизнь.

Одубонъ со свойственной ему живостью слѣдующимъ образомъ описываетъ конецъ этой травли: «Такъ продолжается охота. Цари съ собаками слѣдуютъ по пятамъ за полоскуномъ, и этотъ послѣдній въ отчаяніи спасается въ небольшую лужу. Мы быстро приближаемся къ нему съ факелами. Ну, люди, будьте внимательнѣе и смотрите въ оба! Животное уже едва касается дна и должно почти плыть. Безъ сомнѣнія блескъ нашихъ факеловъ ему въ высшей степени неприятенъ. Его мѣхъ взъерошился, закругленный хвостъ кажется втрое толще, чѣмъ обыкновенно, глаза блестятъ какъ изумруды. Съ пѣной у рта енотъ ожидаетъ собакъ, готовый броситься на каждаго, кто только захочетъ къ нему подойти. Это продолжается вѣсколько минутъ, вода становится мутной, съ мѣха течетъ вода, грязный хвостъ показы-

вается на поверхности воды. Глухое ворчаніе енота съ цѣлью испугать своихъ преслѣдователей только сильнѣе горячитъ ихъ; все ближе и ближе придвигается стая и наконецъ бросается на звѣря. Одна собака хватается его за туловище, но скоро принуждена бросить, другая виѣпляется въ бокъ, но вдругъ чувствуетъ ловкій укусъ въ морду. Наконецъ третья хватается его за хвостъ; енотъ чувствуетъ, что онъ погибъ, и жалки бываютъ при этомъ крики безпомощнаго существа. Разъ схваченную собаку онъ не хочетъ выпустить, но именно вслѣдствіе этого другія собаки получаютъ возможность броситься на него и задушить; даже въ этомъ случаѣ онъ не выпускаетъ первую собаку. Ударъ топоромъ въ голову укладываетъ его наконецъ на мѣсть, онъ хрипитъ въ послѣдній разъ и страдальчески вздымается еще разъ его грудь. Между тѣмъ остальные охотники, какъ зрители, стоятъ въ лужбѣ; вокругъ мерцаютъ факелы, дѣлая окружающую темноту еще гуще».

Пойманный въ молодыхъ лѣтахъ полокунъ обыкновенно очень скоро и вполне дѣлается ручнымъ. Его доврчивость, веселость, свойственная ему суетливость, никогда неослабѣвающая подвижность, такъ-же какъ и забавный обезьяній нравъ, нравятся людямъ. Онъ любитъ, когда его ласкаютъ, но никогда не выказываетъ сильной привязанности къ человѣку. Забавамъ и играмъ онъ отдается съ наслажденіемъ и при этомъ тихо ворчитъ отъ удовольствія, какъ это дѣлаютъ щенки. Его поведение напоминаетъ обезьянъ. Онъ всегда умѣетъ найти себѣ занятіе и очень внимателенъ ко всему, что дѣлается вокругъ него. Гуляя по двору и по дому, онъ производитъ всякія безчинства. Онъ изслѣдуетъ всякій уголокъ и лакомится всѣмъ въ кладовой, на дворѣ и въ саду; часто засматриваетъ въ горшки хозяйки и, если они закрыты, то старается сдвинуть крышки и завладѣть запретнымъ содержимымъ. Вареные въ сахарѣ фрукты его лучшее лакомство, но онъ не брезгаетъ также сахаромъ, хлѣбомъ и мясомъ въ всевозможныхъ видахъ. Въ садахъ влѣзаетъ онъ на вишневые и сливные деревья и досыта набѣдается сладкими плодами, воруетъ даже виноградъ, землянику и т. п. На дворѣ онъ прокрадывается къ курятнику и голубятнику и, если можетъ въ нихъ проникнуть, то передунитъ въ одну ночь всѣхъ птицъ. Онъ совѣмъ какъ куница умѣетъ пролѣзть въ самыя узкія щели и пользуется своими передними лапами замѣчательно ловко, какъ руками. При этомъ постоянномъ осмотрѣ и обнюхиваніи всего въ домѣ и на дворѣ онъ, разумѣется, разбрасываетъ массу вещей, которыя его не привлекаютъ, или разбиваетъ посуду, въ которой нѣтъ ничего съѣдобнаго. Прокормить его не трудно: онъ ѣстъ все, что ему даютъ, сырое или вареное мясо, птицу, яйца, рыбу, наѣкомыхъ, иногда паучковъ, хлѣбъ, сахаръ, патоку, медъ, молоко, корни, зерна и т. п. Даже въ неволѣ этотъ чудакъ сохраняетъ свою привычку все, что онъ ѣстъ, сначала пополоскать въ водѣ, потомъ потереть между лапами, хотя при этомъ пропадаютъ для него нѣкоторыя вкусныя вещи, напр. сахаръ. Хлѣбу онъ даетъ долго мочнуть въ водѣ прежде, чѣмъ взять его. На мясо онъ набрасывается жаднѣе, чѣмъ на что-нибудь другое. Всякую твердую пищу онъ подноситъ ко рту обѣими передними лапами, такъ что вообще вертикальное положеніе на заднихъ лапахъ не представляетъ для него никакихъ трудностей. Съ другими млекопитающими онъ живетъ въ дружбѣ и никогда не старается обидѣть ихъ, пока они его не беспокоятъ. Если-же кому-нибудь случится худо съ нимъ обойтись, онъ старается какъ можно скорѣе прогнать противника и для этого не затрудняется вступитъ въ драку. При хорошемъ уходѣ онъ и въ Европѣ довольно долго переноситъ неволю.

«Я воспиталъ», говоритъ Вейнландъ, «енота съ малолѣтства и почти цѣлый годъ позволялъ ему, какъ собакамъ, бѣгать по комнатамъ. Тутъ имѣлъ я случай удивиться его присутствію духа. Онъ не лѣнивъ, скорѣе даже очень подвиженъ, когда

увѣренъ въ себѣ, но умѣеть покоряться необходимости, какъ ни одно животное и какъ немногіе люди. Разъ 12 лазалъ онъ вверхъ и внизъ по клѣткѣ, въ которой жилъ попугай, не глядя на птицу; но какъ только та выходила изъ клѣтки, мой енотъ пускался за ней въ погоню; попугай, конечно, умѣлъ ловко спастись отъ преслѣдователя и, прижавшись спиною къ стѣнѣ, постоянно выставлялъ свой крючковатый клювъ на встрѣчу медленно подкрадывавшемуся полоскуну.

«Несмотря на свое любопытство, онъ однако всякій разъ, какъ отворялась дверь, прятался подъ мое кресло, но не иначе, какъ задомъ, т. е. повернувъ голову къ двери. Даже передъ большой собакой онъ никогда не убѣгалъ быстро, но пятился назадъ, подставляя, какъ спартанцы, и голову и грудь врагу. Когда-же къ нему приближался болѣе сильный противникъ, онъ щетинился и ворчаньемъ или же внезапнымъ короткимъ крикомъ старался на мгновенно озадачить его и такимъ образомъ прикрыть отступление, и это ему всегда удавалось. Когда-же ему случилось забиться въ уголъ, онъ бѣшено защищался. Птицы и яйца были его лакомствомъ, мыши никогда не появлялись въ комнатахъ, пока онъ былъ у меня, и онъ могъ-бы сдѣлаться такимъ-же домашнимъ животнымъ, какъ кошка, и оказывать такія-же услуги; но, конечно, сдумалъ-бы отвоевать себѣ по крайней мѣрѣ такую-же независимую жизнь, какъ и та. Привязанности мой енотъ не выказывалъ. Однако онъ знаетъ свое имя, но шелъ на зовъ только тогда, когда надѣялся что-нибудь получить. Рѣдко выказывалъ онъ расположеніе къ играмъ. Онъ разъ попробовалъ поиграть съ кошкой, которая его оцарапала въ носъ. Но это несколько не смутило его; старательно вытеревъ морду, онъ приблизился къ кошкѣ и на этотъ разъ самъ потрогалъ ее лапой, осторожно отвернувъ голову».

«Что онъ притворяется мертвымъ, подобно опосуму, мнѣ никогда не приходилось видѣть, хотя это и утверждаютъ. Правда, что когда его берутъ за шиворотъ, онъ опускаетъ все конечности и виситъ какъ мертвый, только маленькіе умные глазки выматриваютъ при этомъ по сторонамъ, ища тотъ предметъ, который онъ могъ-бы схватить зубами или лапами. Если ему удастся счастливо схватить этотъ предметъ, онъ держитъ его съ замѣчательнымъ упорствомъ. Сначала онъ шумѣлъ больше ночью, потому что днемъ спалъ; когда-же онъ дѣлалъ дни могъ проводить въ свѣтлой комнатѣ, а ночью долженъ былъ прятаться въ свой темный чуланъ, то быстро научился бодрствовать днемъ и спать ночью, какъ это дѣлаютъ порядочные люди. Съ животными своего рода енотъ жилъ въ полнѣйшемъ согласіи. Известно, что достаточно одного орѣха, чтобъ дружбу двухъ обезьянъ въ одну минуту превратить въ ссору и драку; енотъ-же поступаетъ не такъ. Спокойно ѣсть предложенное лакомство тотъ, кому удалось быть впереди клѣтки, въ то время, какъ его подруга, сидящая невдалекѣ, несколько не волнуется, но, кажется, не особенно и радуется. Они просто равнодушны». Впрочемъ подобное миролюбіе, прибавлю я отъ себя, обыкновенно свойственно только животнымъ, которыя выросли вмѣстѣ и принадлежатъ къ различнымъ поламъ.

«Самыми выдающимися свойствами енота», пишетъ Л. Бекманъ, «можно считать его безграничное любопытство, жадность, упрямство и склонность рыться по всемъ угламъ. Но съ другой стороны онъ обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другими качествами: хладнокровіемъ, самообладаніемъ и большимъ юморомъ. Вслѣдствіе постоянной борьбы между этими чертами характера, разумѣется, получаютъ иногда самые странные результаты. Какъ только убѣждается онъ въ невозможности достигъ своей цѣли, страстное любопытство уступаетъ мѣсто тупому равнодушію и упрямой покорности судьбѣ. Часто отъ лѣнивой угрюмости онъ переходитъ вдругъ къ самой буйной веселости, выражающейся въ кувирканіи, и, несмотря на свое

самообладаніе и благоразуміе, дѣлаеть величайшія глупости, какъ только его страсти возбуждены.

«Въ безчисленные часы досуга, которыхъ такъ много у плѣннаго енота, онъ выдѣлываетъ тысячи штукъ, чтобъ позабавиться: то онъ садится въ уединенный уголь и съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ лица занимается тѣмъ, что обвязываетъ себѣ носъ соломинкой, то задумчиво играетъ пальцами своихъ заднихъ лапъ или ловить конецъ длиннаго хвоста, которымъ машеть. Иногда лежитъ онъ на спинѣ, набросавъ на брюхо цѣлую кучу сѣна или сухихъ листьевъ и старается удержать на себѣ эту мягкую массу, держа хвостъ передними лапами. Если ему удастся добраться до каменной стѣны, то онъ старается своими острыми когтями выцарапать цементъ изъ швовъ кирпичей и въ короткое время совершаетъ невѣроятныя опустошенія. Набросавши цѣлую гору мусора, садится онъ, утомленный тяжелой работой, на свою кучу, мрачно смотритъ вокругъ и скребетъ передними лапами шею, какъ-бы желая облегчить себѣ дыханіе.

«Послѣ продолжительной жажды одинъ видъ наполненнаго водою чая приводитъ его въ сильное возбужденіе, и онъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобъ достать воды. Затѣмъ осторожно узнается глубина воды, потому что онъ любитъ опускать въ воду только лапы; быть-же въ водѣ по горло онъ терпѣть не можетъ. Изслѣдовавъ дно, онъ становится съ видимымъ удовольствіемъ въ воду и ощупываетъ вокругъ себя что-нибудь такое, что можно пополюскать. Ручка стараго горника, кусочекъ фарфора, раковина — его любимые предметы и сейчасъ-же хватаются имъ. Тутъ онъ замѣчаетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи старую стеклянку, которую ему, кажется, необходимо вымыть; въ одну минуту онъ выскакиваетъ, но короткая цѣпь не позволяетъ достать предметъ его страстныхъ желаній. Не мѣшая, переворачивается онъ задомъ, совѣмъ какъ обезьяны, выгрызавъ такимъ образомъ пространство длиною въ свое тѣло и подкатываетъ стеклянку сильно вытянутыми задними ногами. Черезъ минуту мы видимъ его стоящаго, переваливаясь съ боку на бокъ, на заднихъ лапахъ, обнимающаго передними стеклянку и судорожно прижимающаго ее къ груди. Если же кто-нибудь помѣшаетъ ему это дѣлать, то онъ ведетъ себя, какъ упрямый невоспитанный ребенокъ, бросается на синю и такъ крѣпко обхватываетъ свою возлюбленную стеклянку всѣми четырьмя лапами, что его можно поднять вмѣстѣ съ нею съ пола. Когда-же ему надобеть это занятіе, онъ опускаетъ свою игрушку на землю, кладетъ ее подъ заднія ляжки и потихоньку катается на ней взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ его переднія лапы перебираютъ и сверлятъ узкое горлышко стеклянки».

«Для того, чтобы вполне оцѣнить своеобразный характеръ енота, надо наблюдать его тогда, когда онъ можетъ войти въ свободныя сношенія съ человѣкомъ и животными. Его большая самостоятельность мѣшаетъ ему привязываться какъ къ хозяину, такъ и къ животнымъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ дружится и съ тѣмъ, и съ другими. Если дѣло идетъ объ ѣдѣ или освобожденіи отъ цѣпи и т. п. вещей, онъ знаетъ и любитъ своего хозяина, зоветъ его жалобнымъ визгомъ, обнимаетъ его колѣни такъ трогательно, что трудно не исполнить его желанія. Онъ очень боится жестокаго обращенія. Если его обидятъ чужіе люди, онъ при первомъ удобномъ случаѣ старается отомстить. Всякое принужденіе ему противно и поэтому въ звѣринцахъ мы видимъ его большею частью угрюмо забившимся въ уголь клѣтки».

«Енотъ, котораго держали съ другими прирученными четвероногими на одномъ дворѣ, почувствовалъ особенную склонность къ барсуку, который свободно бѣгалъ въ маленькомъ отгороженномъ пространствѣ. Въ жаркіе дни барсукъ любилъ выползать изъ своей норы, чтобы поспать подъ тѣнью сирени. Въ такихъ случаяхъ,

еноть всегда оказывался тутъ-же; но такъ какъ онъ боялся острыхъ зубовъ барсука, то держался въ почтительномъ отдаленіи и довольствовался тѣмъ, что протянутой лапой черезъ извѣстные промежутки времени тихонько трогалъ его сзади. Этого было довольно, чтобы разбудить лѣниваго барсука и сильно раздражить его. Напрасно прогонялъ онъ своего мучителя: ловкій еноть сейчасъ-же прятался опять за загородку, а какъ только барсукъ начиналъ успокаиваться, тотъ опять принимался за свое странное занятіе. Его поведеніе вовсе не имѣло вида коварства и желанія повредить, но онъ дѣлалъ это съ такой важностью и невозмутимымъ спокойствіемъ, точно былъ твердо убѣжденъ, что его старанія необходимы для благосостоянія барсука. Однажды онъ такъ досадилъ этому послѣднему, что тотъ, хрюкая, вскочилъ и бросился въ свою нору. По влѣдствію жары онъ скоро опять высунулъ свою пеструю голову въ узкое отверстіе и заснулъ въ такомъ положеніи. Еноть въ одну минуту увидаль, что ему невозможно болѣе оказывать барсуку обыкновенные знаки вниманія и хотѣлъ отправиться домой, когда барсукъ случайно проснулся и, увидавъ своего мучителя, разинулъ узкую красную пасть. Это такъ поразило нашего енота, что онъ сейчасъ-же вернулся и сталъ оглядывать со всѣхъ сторонъ ряды бѣлыхъ зубовъ барсука. Этотъ послѣдній какъ-бы застылъ въ своемъ положеніи и этимъ еще увеличилъ любопытство енота. Наконецъ еноть осмѣлился тихонько ударить лапой по носу барсука, но и это напрасно — барсукъ не двинулся. Такой перемѣны въ обращеніи друга полоскунъ никакъ не могъ понять; его нетерпѣніе возрастало съ каждой минутой, онъ хотѣлъ во что-бы то ни стало добиться объясненія. Безпокойно ходилъ онъ взадъ и впередъ, повидимому не рѣшаясь, что ему дѣлать въ данномъ случаѣ: рискнуть-ли всунуть въ пасть свои чувствительныя лапы или свой чуткій носъ? Наконецъ рѣшился на послѣднее и вдругъ сунулъ свою острую морду глубоко въ открытую пасть барсука. То, что послѣдовало, не трудно угадать. Барсукъ захлопнулъ свои челюсти, полоскунъ попалъ въ тиски, нищаль и бился, какъ пойманная крыса. Послѣ страшнаго крика и шума ему удалось наконецъ вырвать окровавленную морду изъ неумолимой западни барсука, послѣ чего онъ, злобно ворча, сломя голову побѣжалъ въ свою будку. Этотъ урокъ былъ ему долго памятенъ, и всякій разъ, какъ онъ шель мимо норы барсука, то онъ невольно закрывалъ лапой носъ, однако скоро возобновилъ свои пристраванья».

«Его сношенія съ кошками, лисицами, дикобразами и другими животными, умѣвшими защищаться, оканчивались большею частью такъ-же. Онъ относился очень пренебрежительно къ старой лисицѣ, которая разъ очень круто съ нимъ обошлась, и искалъ случая разсердить ее тѣмъ, что проходилъ совсѣмъ близъ нея, не удостоивъ ни единымъ взглядомъ. Когда разъ при такомъ обходѣ лисица укусила его за хвостъ, онъ только слегка вздрогнулъ отъ страха и гнѣва и продолжалъ съ кажущимся равнодушіемъ свой путь, даже не обернувшись».

«Съ большою лѣгавой собакой этотъ еноть заключилъ оборонительный и наступательный союзъ. Онъ позволилъ связать себя съ ней и оба, шагъ за шагомъ, ходили за своимъ хозяиномъ, между тѣмъ, какъ одинъ онъ даже на веревкѣ всегда стремился идти своей дорогой. Какъ только утромъ онъ освобождался отъ своей цѣпи, тотчасъ спѣшиль, радостно прыгая, отыскать своего друга. Стоя на заднихъ лапахъ, онъ обнималъ шею собаки своими гибкими передними лапами и сентиментально склонялъ на бокъ голову; потомъ съ любопытствомъ осматривалъ со всѣхъ сторонъ и трогалъ тѣло своего четвероногого друга. Казалось, онъ ежедневно находилъ новыя красоты и восхищался ими. Если у собаки была взерошена шерсть, онъ зализывалъ и приглаживалъ эти мѣста. Собака при этомъ осмотрѣ, продолжавшемся иногда до четверти часа, стояла неподвижно, съ чувствомъ собственного достоинства, но охотно убѣгала прочь, когда

еноть ей это позволялъ. Если-же послѣдній дѣлалъ попытку взобраться къ ней на спину, она сердилась, и тогда начиналась безконечная драка, во время которой еноть выказывалъ большое мужество, хладнокровіе и удивительную ловкость. Его главное искусство заключалось въ томъ, чтобы неожиданно вѣшиться въ горло своему противнику, который далеко превосходилъ его въ силѣ и въ ростѣ. Обхвативъ передними лапами шею собаки, онъ перекидывалъ въ одно мгновеніе свое туловище между ея передними ногами и старался задними лапами вѣшиться въ ея спину и бока. Если это послѣднее ему удавалось, собака дѣлалась неспособной къ битвѣ и только старалась освободиться отъ пламенныхъ объятій своего друга, катаясь по дерну. Къ чести енота надо прибавить, что онъ никогда не злоупотреблялъ превосходствомъ своего положенія. Онъ довольствовался только тѣмъ, что прижималъ голову такъ крѣпко къ шеѣ собаки, что она никакъ не могла его укусить».

«Съ маленькой задорной таксой онъ никакъ не могъ поладить, но иногда на него находило вдругъ желаніе обнять эту криволапку, наклонувшись на нее сверху. Если это ему удавалось, онъ въ восхищеніи дѣлалъ козлиный прыжокъ и кувыркался между широко разставленными передними лапами, какъ-бы желая укусить свой пестрый хвостъ. Потомъ медленно идя назадъ и все время имѣя передъ глазами разсерженную таксу, онъ съ глухимъ ворчаньемъ и безпокойнымъ маханьемъ хвоста садился наконецъ совѣмъ плотно на землю, какъ кошка, готовая прыгнуть. Если на него нападали со всѣхъ сторонъ, онъ сейчасъ-же бросался на спину, царапался вѣми четырьмя лапами и кусался, испуская бѣшеные пронзительные крики».

«На маленькихъ млекопитающихъ и на всякаго рода птицъ онъ свирѣпо набрасывался, и въ высшей степени трудно бывало вырвать у него изъ зубовъ добычу. Мышей, крысъ и другихъ животныхъ онъ убиваетъ, быстро укусивъ ихъ въ затылокъ и поѣдаетъ ихъ со шкурой и волосами, потому что ему рѣшительно не удается снять съ нихъ шкуру, несмотря на раздираніе и треніе. Въ хорошіе лѣтніе дни рано утромъ еноть часто крадется по росистой травѣ. Интересно наблюдать его въ такихъ случаяхъ. То тутъ, то тамъ онъ останавливается, какъ высѣживающая легавая собака, потомъ вдругъ вскакиваетъ: это онъ захватилъ лягушку, которую, сильно растирая о землю, старается привести въ безчувствіе. Тогда онъ съ довольнымъ видомъ садится на заднія лапы, держитъ свою жертву, какъ дѣти бутербродъ, между пальцами, съ удовольствіемъ откусываетъ голову и поѣдаетъ всю до послѣдней лапки. Пока онъ жуеетъ, раздаются жужжаніе пчелы. Еноть прислушивается, хлопаетъ въ воздухъ лапами и суетъ въ ротъ пойманное насекомое, удаливъ жало. Въ слѣдующую минуту онъ направляется къ ближайшей стѣнѣ, хлопаетъ широкой лапой отдыхающую муху и старательно отскребываетъ когтями свою добычу. Раковины улитокъ онъ разгрызаетъ зубами, какъ орѣхи, затѣмъ освобождаетъ животное отъ осколковъ скорлупы, растирая его по мокрой травѣ, и наконецъ съѣдаетъ. Большихъ слизней онъ не любитъ; но большія золотисто-зеленыя жужелицы, кажется, доставляютъ ему особенное удовольствіе, потому что онъ долго и бережно играетъ съ ними, прежде чѣмъ начать ѣсть. Онъ мастеръ отыскивать и разорить птичьи гнѣзда. Какъ животное всеядное онъ не брезгаетъ и растеніями: съѣллыя овощи, лѣсные ягоды, рябину, бузину онъ также умѣетъ добывать. Очень смѣшно было видѣть, какъ это волосатое длиннохвостое существо, робко поворачивая направо и налево голову, спускается съ дерева, съ абрикосомъ во рту, какъ будто боясь, чтобъ его не замѣтили».

Тааке прибавляетъ къ этому описанію еще то, что еноты въ неволѣ любятъ, когда они въ хорощемъ настроеніи, прыгать по вѣткамъ дерева, повиснувъ внизъ туловищемъ.

Убитый на охотѣ енотъ доставляетъ немаловажную пользу. Его мясо ѣдятъ не только американскіе туземцы и негры, но даже и бѣлые, а мѣхъ его находитъ широкое употребленіе: енотовыя шубы считаются лучшими. Изъ длинныхъ волосъ его дѣлаютъ кисточки, изъ подшерстка—шляпы, а изъ цѣлыхъ шкуръ изготовляютъ боа, которыя дамы носятъ на шеѣ. По словамъ Ломера, въ послѣднее время поступаетъ въ продажу отъ 600—800 тыс. шкуръ ежегодно и цѣнятся онѣ отъ 4 до 8 марокъ штука; красивыя темно-бурыя шкурки стоятъ еще дороже: отъ 12 до 25 марокъ.

Другой видъ полоскуновъ, **Раноѣдъ** или **Агуара** (*Procyon cancrivorus*) водится въ Южной Америкѣ, особенно на восточномъ ея прибрежьи. Онъ немного выше своего сородича, сѣро-чернаго или желто-сѣраго цвѣта, на нижней части туловища свѣтлѣе, съ пушистымъ хвостомъ, на которомъ замѣтны желтыя кольца, и темной мордой; надъ глазами находится свѣтлая полоска.

Но Канлеру онъ часто встрѣчается въ Гвіанѣ, именно близъ береговъ, и ночью пускается на охоту. Пищу его составляютъ птицы, яйца, ящерицы и плоды, но съ особеннымъ удовольствіемъ, говорятъ, ловить онъ краббовъ на берегу моря и въ прибрежныхъ болотахъ. Подобно сѣверо-американскимъ полоскунамъ онъ дѣлается ручнымъ, но имѣетъ неприятный запахъ, который даже индѣйцевъ заставляеть воздерживаться отъ употребленія его мяса. * *

Къ еноту и другимъ полоскунамъ ближе всего примыкаютъ **Носухи** (*Nasua*). Ихъ легко отличить по вытянутому узкому туловищу, почти сходному съ туловищемъ куницы, по короткой шеѣ, по длинной остроконечной головѣ, по пушистому длинному хвосту и короткимъ сильнымъ ногамъ съ широкими ступнями, голыми на нижней части. Главнымъ отличительнымъ признакомъ животного служить его носъ. Онъ протягивается въ видѣ хобота гораздо далѣе рта и окаймленъ острыми выгнутыми краями. Уши коротки и закруглены, блестящіе глаза довольно велики, пять пальцевъ, почти сросшихся между собой, вооружены длинными, острыми и мало загнутыми когтями; зубы такіе-же, какъ у полоскуновъ, только немного уже и выше.

Изъ различныхъ видовъ, указанныхъ натуралистами, въ настоящее время признаются только два. Животныя эти въ различномъ возрастѣ не только отличаются другъ отъ друга по внѣшнимъ признакамъ, но, какъ убѣдительно доказалъ Гензель, ведутъ сообразно съ возрастомъ и различный образъ жизни. Принцъ фонъ-Видъ различаетъ въ Бразиліи два вида, общественныхъ и одинокихъ носухъ, но, по Гензелю, это одинъ и тотъ-же видъ, потому что одинокія носухи ничто иное, какъ угрюмые старыя самцы, отдѣлившіеся отъ своихъ обществъ. Однако два нижеописанныхъ вида дѣйствительно рѣзко другъ отъ друга отличаются.

* *

Наиболѣе извѣстный видъ этого рода—**Коати**, въ Гвіанѣ называемый **Куасси**; мы назовемъ его **Обыкновенной носухой** (*Nasua rufa*, *Viverga nasua*, *Coati*). Онъ распространенъ отъ сѣвера южной Америки до Парагвая. Общая его длина 100—105 см., изъ которыхъ 45 приходится на хвостъ, а высота въ плечахъ 27—30 см. Пушистый, длинный, но не косматый мѣхъ состоитъ изъ прямыхъ, жесткихъ и блестящихъ волосъ ости, удлинняющихся на хвостѣ, и короткаго, немного курчаваго подшерстка, который особенно густъ на спинѣ и на бокахъ. Большіе усы и длинная щетина находятся на губѣ и надъ глазами. Морда покрыта короткими волосами. Цвѣтъ шерсти, который на спинѣ бываетъ ярко-рыжимъ или сѣровато-бурымъ,

на нижней части тѣла переходить въ желтоватый; лобъ и затылокъ желтовато-сѣраго цвѣта, губы бѣлыя, уши сзади черно-бурыя, спереди сѣровато-желтыя. Надъ каждымъ глазомъ находится по круглому бѣлому пятну, другое сбоку у угла cadaго глаза и два часто сливающихся между собой—подъ глазами; бѣлая полоса проходитъ вдоль всего носа. На хвостѣ перемежаются желтовато-бурыя и черно-бурыя кольца.

Какъ на совсѣмъ особенный видъ Гензель указываетъ, на основаніи изслѣдованія черепа, на **Бѣлоносу ю носуху** (*Nasua nasica*. Weissrüsselbär, Coati-Mondi) Средней Америки. По величинѣ она равна коати, напоминаетъ его также и по цвѣту. Мѣхъ кажется темнѣе или свѣтлѣе, смотря по тому, закрыта или замѣтна свѣтлая окраска кончиковъ волосъ. Отдѣльные волоски у корня рыжевато или желтовато-бурые, въ серединѣ свѣтлѣе или темнѣе, а на кончикѣ чалые или свѣтло-бурые; отсюда получается болѣе и менѣе яркое смѣшеніе цвѣтовъ: бурого, свѣтло-бурого и желто-бурого. Кольца вокругъ глазъ, полоса, начинающаяся надъ глазами и пробѣгающая до кончика носа, передняя часть морды наверху и внизу—желтовато-бѣлыя. Шея и нагрудникъ немного темнѣе, остальные нижнія части буроватыя, ноги совсѣмъ бурыя, уши внутри и на кончикахъ свѣтло-желтыя. У большей части этихъ носухъ преобладаетъ свѣтлая окраска; нѣкоторыя-же кажутся совсѣмъ темными.

Азара, Гензелью, Рентгеру и принцу фонъ-Видъ обязаны мы подробнымъ описаніемъ образа жизни носухъ. По принцу фонъ-Видъ общественныя и одинокія коати отличаются между собой тѣмъ, что первые всегда живутъ и бродятъ въ обществѣ отъ 8 до 20 штукъ, вторые-же держатся одиноко въ опредѣленномъ округѣ и соединяются съ другими только во время половыхъ сношеній. Одинокая носуха имѣетъ нѣсколько берлогъ и проводитъ ночь то въ той, то въ другой, пока не исколеситъ ту или другую часть лѣса; общественныя-же не имѣютъ ни берлоги, ни опредѣленнаго округа, но ведутъ по истинѣ цыганскую жизнь: днемъ рыскаютъ по лѣсу и тамъ, гдѣ застанетъ ихъ ночь, залѣзаютъ въ дупла или подъ корни деревьевъ, или укладываются въ развилины двухъ сучьевъ и спать тутъ до самаго утра. Стада этихъ носухъ бѣгаютъ днемъ по лѣсу и неускаютъ при этомъ постоянно особенно рѣзкіе, на половину хрюкающіе, на половину свистящіе звуки, которые можно слышать гораздо раньше, чѣмъ увидишь самихъ животныхъ. При этомъ онѣ всегда основательно обыскиваютъ почву, покрытую листьями и хворостомъ, осматриваютъ каждое отверстіе, каждую щель, обнюхиваютъ то ту, то другую дыру; но никогда не останавливаются долго на одномъ предметѣ. Одинокая носуха, напротивъ, летается тихо, изслѣдуетъ каждый предметъ въ высшей степени обстоятельно и на все свои дѣйствія употребляетъ порядочное время, потому что ей нечего бояться соревнования товарищей. Иногда все общество вдругъ вздумаетъ влѣзть на дерево, которое онѣ на скоро обыскиваютъ и столь-же быстро оставляютъ и мѣняютъ на другое. Одинокая носуха очень лѣнива на такія лазанья и чаще остается на землѣ. У общественныхъ носухъ нѣтъ никакого согласія въ поступкахъ отдѣльныхъ членовъ стада; каждый самъ по себѣ и заботится о своихъ спутникахъ только на столько, чтобъ не отстать отъ стада, которое, кажется, ведутъ старшія носухи.

Все эти свидѣнія подтверждаются Гензелемъ, только онъ нѣсколько иначе объясняетъ образъ жизни этихъ животныхъ. «Носуха», говоритъ онъ, «такъ распространена въ Бразиліи, что я имѣлъ въ своемъ распоряженіи не менѣе 200 череповъ. Изъ сравненія этихъ череповъ, такъ-же, какъ и изъ неоднократныхъ наблюденій надъ коати на волѣ, я убѣдился, что старыя самцы, которыхъ раньше принимали за особый видъ, живутъ въ одиночествѣ. Въ извѣстномъ возрастѣ, когда длинныя клыки начинаютъ притупляться, они оставляютъ стадо, въ которомъ до этихъ поръ

жили вмѣстѣ съ самками, и возвращаются туда только на время спариванія. Никто не видалъ одинокихъ самокъ, если-же и встрѣтится самка коати одинокою, то она или во время охоты отстала отъ всего стада, или просто охотникъ не замѣтилъ стада, находящагося тутъ-же по близости. Германскимъ переселенцамъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Рио-Грандо-до-Сулъ, съ особенною страстью охотящимся на коати, очень хорошо извѣстны нравы этого звѣря. Всѣ они знаютъ, что одинокіе коати — самцы общественныхъ, и считаютъ несомнѣннымъ фактомъ то, что никогда не бываетъ одинокихъ самокъ. Носухи дневныя животныя; ночью онѣ спятъ, съ утра-же до вечера поглощены безостановочно дѣятельностью. Днемъ онѣ, кажется, заняты вѣчными странствованиями, причемъ ни одного мѣстечка не оставляютъ, не обыскавши его. Ихъ пища, безъ сомнѣнія, состоитъ изъ всего съѣдобнаго въ растительномъ и животномъ царствѣ. Охотно ходятъ онѣ на поля, чтобъ таскать маисъ, особенно пока зерна еще мягки».

Онѣ ѣдятъ также всякихъ маленькихъ животныхъ; насѣкомыя и ихъ гусеницы, червяки и улитки служатъ имъ лакомствомъ. Если онѣ чуютъ червяка въ землѣ или гусеницу жука въ хворостѣ, онѣ прикладываютъ всѣ свои старанія, чтобъ завладѣть имъ, скребуть передними лапами, суютъ отъ времени до времени носъ въ разрытую ямку, какъ дѣлаютъ это собаки, когда находятъ на полѣ норки мышей, пока не достигнутъ своей цѣли. Въ шумѣ и свистѣ, конаньѣ и царапаньѣ, лазаньѣ и ссорахъ проходитъ утро; если жарко въ лѣсу, стадо старается найти прохладное мѣсто для полуденнаго отдыха. Онѣ находятъ удобное дерево или густой кустарникъ и каждая уютно усаживается на его вѣтвяхъ и засыпаетъ. Послѣ полудня опять возобновляются странствования, пока вечеромъ не является новой заботы найти себѣ хорошей ночлеги. Если коати замѣчаютъ врага, они даютъ объ этомъ знать своимъ товарищамъ громкимъ свистомъ и послѣшнѣ лѣзутъ на дерево; всѣ остальные слѣдуютъ ихъ примѣру, и мигомъ все общество располагается на вѣтвяхъ. Если охотники ползутъ за ними на дерево или сильно будутъ бить по стволу топоромъ, то носухи взбираются на концы вѣтвей, сбрасываются на землю и бѣгутъ изо всѣхъ силъ. Если-же ихъ никто не трогаетъ, онѣ спускаются съ дерева внизъ головой. При этомъ онѣ разставляютъ заднія лапы и плотно прижимаются ими къ стволу. По вѣткамъ онѣ лазаютъ осторожно, а на прыжки съ одного дерева на другое, какъ это дѣлаютъ обезьяны, онѣ не отваживаются, хотя и могутъ это сдѣлать, потому что въ ловкости онѣ едва уступаютъ обезьянамъ или коникамъ. На землѣ движенія ихъ не такъ проворны, какъ на вѣткахъ деревьевъ. Здѣсь онѣ ходятъ или шагомъ съ вертикально поднятымъ хвостомъ, или дѣлаютъ короткіе прыжки и при этомъ едва прикасаются передними частями ступней къ землѣ. Только когда онѣ стоятъ или сидятъ на заднихъ лапахъ, ноги ихъ опираются на цѣлую ступню. Ихъ бѣгъ кажется неуклюжимъ, но на самомъ дѣлѣ это очень скорый галопъ. Онѣ, кажется, боятся воды и вѣзаютъ въ нее только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ; но онѣ умѣютъ и плавать настолько хорошо, чтобы переплыть рѣчку, даже довольно быстро.

Изъ внѣшнихъ чувствъ обоняніе несомнѣнно развито лучше всѣхъ, затѣмъ слѣдуетъ слухъ, а зрѣніе, вкусъ и осязаніе сравнительно слабы. Ночью онѣ видятъ совсѣмъ плохо, днемъ тоже не особенно хорошо; главнымъ органомъ осязанія служатъ почти единственно ихъ хоботообразный носъ. Къ ранамъ носухи довольно мало воспримчивы, такъ-же, какъ и къ переменамъ погоды. Иногда встрѣчаютъ больныхъ носухъ, брѣхо которыхъ покрыто чирьями; извѣстно также, что онѣ часто умираютъ отъ этой болѣзни.

Когда приходитъ время течки, то, по словамъ Гензели, одинокіе коати воз-

БЪЛНОСАЯ НОСУХА.

46

вращаются къ своему стаду и между старыми самцами происходят самыя отчаянныя битвы. Своими громадными и всегда острыми клыками они наносят другъ другу значительныя раны; только сдѣлавшись побѣдителемъ самецъ пользуется наградой своей побѣды. Совокуиленіе происходитъ, по моимъ наблюденіямъ надъ пойманными коати, какъ у собакъ. Ренгеръ говоритъ, что самка носухи, живущая на свободѣ, мечетъ въ октябрѣ отъ 3 до 5 дѣтенышей въ дуплѣ или пещерѣ, въ густо заросшей кустарникомъ ямѣ, или въ другомъ убѣжищѣ. Здѣсь держитъ она свое потомство спрятаннымъ до тѣхъ поръ, пока оно можетъ слѣдовать за ней во всѣхъ ея странствованіяхъ. Этого не долго дожидаться, потому что среди стада часто встрѣчаются совсѣмъ молодыя носухи, у которыхъ едва прорѣзались рѣзцы.

Въ неволѣ носухи размножаются рѣже, чѣмъ можно ожидать по ихъ образу жизни. Воспитанныя мною самки рожали только два раза дѣтенышей, которые, къ сожалѣнію, скоро и издохли. Старая всегда избирала для своего ложа ящикъ для сна, и въ немъ строила себѣ удобное логовище изъ соломы и сѣна. Въ ея поведеніи не обнаруживалось ни малѣйшей перемѣны, что можетъ быть и было причиной того, что дѣтеныши въ скоромъ времени умерли. Счастливіе меня былъ мой коллега Шлегель, который два раза воспитывалъ молодыхъ носухъ. Продолжительность беременности онъ не могъ опредѣлить и еще менѣе можно сказать о первомъ дѣтствѣ молодыхъ носухъ. Онѣ родились въ темномъ ящикѣ и сначала не двигались съ мѣста; у одного изъ нихъ, котораго Шлегель послѣ рожденія взялъ отъ матери, одинъ глазъ былъ открытъ въ видѣ щели, въ то время какъ другой былъ еще закрытъ. Черезъ пять недѣль послѣ рожденія четверо изъ пяти дѣтенышей, насколько можно было удостѣнить, въ первый разъ оставили свое логовище, но въ такомъ жалкомъ, безпомощномъ состояніи, что Шлегель подумалъ, что старая сдѣлала опытъ, вытащивъ ихъ за шиворотъ, и потомъ точно также понесла ихъ обратно, въ логовище. Цвѣтъ шерсти дѣтенышей неодинаковъ, скорѣе даже очень различный, у однихъ свѣтлѣе, у другихъ темнѣе. Пятна на головѣ и хвостѣ едва обозначены и выступаютъ только послѣ пятой недѣли.

Пять недѣль спустя, на десятой недѣлѣ ихъ жизни, Мютцель, срисовывая ихъ, сдѣлалъ наблюденія надъ семействомъ носухъ въ Бреславльскомъ зоологическомъ саду и сообщилъ мнѣ слѣдующее: «Первое впечатлѣніе отъ этого общества было совсѣмъ особенное. Съ глубочайшимъ спокойствіемъ смотрѣла мать за своими дѣтми. Она сидѣла на крестцѣ, облокотившись о стѣну и, растопыривъ и протянувъ ко мнѣ заднія лапы, обнюхивала и облизывала своихъ дѣтенышей, которые, покрывая ея животъ, усердно сосали. У старой видны были только морда и переднія ноги, между тѣмъ, какъ пять кольцомъ завернутыхъ хвостовъ, выступавшихъ изъ бурыхъ волосатыхъ шариковъ, лучеобразно окружали мать. Но скоро картина перемѣнилась. Мое присутствіе отвлекло вниманіе матери отъ ея дѣтенышей. Съ любопытствомъ поднялась она со своего ложа и старалась заставить дѣтенышей отпустить ея соски; но тѣ крѣпко держались за нихъ и такимъ образомъ она протаскала свою цѣпкую компанію по полу до рѣшетки, причемъ одного изъ нихъ, выпустившаго сосокъ, оттолкнула отъ себя и онъ отскочилъ, шатаясь во всѣ стороны. Черезъ нѣсколько минутъ, во время которыхъ мать основательно осмотрѣла меня, дѣтеныши тоже обратили вниманіе на необычайное явленіе, перестали безпокоить свою мать и съ своей стороны познакомились со мной, что дало мнѣ возможность осмотрѣть ихъ со всѣхъ сторонъ. Несмотря на ихъ юность, цвѣтомъ мѣха они совершенно походили на старыхъ и ихъ морды приняли вълѣдствіе этого въвысшей степени комическое выраженіе. Блестящій черный носъ, который былъ въ постоянномъ движеніи, обнюхивая что-то, длинная морда, окаймленная вмѣсто одной бѣлой полосы тремя---

четырьмя свѣтлыми въ перемежку съ бурыми, блестящіе беззаботные черные глазки, щеки, окрашенные бурыми и бѣлыми зубцами, выуклый черепъ, съ довольно большими бѣлыми очень подвижными ушами, круглое, какъ у медвѣдя, туловище, длинный, кольчатый, косматый и высоко приподнятый хвостъ—все это вмѣстѣ составляло нѣчто совсѣмъ необыкновенное и смѣшное, особенно когда животное принялось бѣгать и лазать. Всѣ движенія неуклюжи, частью осторожны, частью проворны, такъ что видъ ихъ положительно илѣбняетъ наблюдателя, а милое, добродушное выраженіе лица возбуждаетъ сильнѣйшее участіе».

«Но мнѣ хотѣлось увидать нѣчто новое, и я протянулъ матери мышъ. Какъ вихрь налетѣла она, стремительно укусила мышъ въ голову, какъ будто она, уже мертвая, нуждалась во вторичномъ умерщвленіи, положила ее передъ собой на полъ и начала объѣдать заднюю часть, держа добычу передними лапами. Это мнѣ показалось страннымъ, но сторожъ сказалъ мнѣ, что носухи постоянно начинаютъ ѣсть съ хвоста, тогда какъ всѣ животныя начинаютъ съ головы. При второмъ случаѣ, когда она ѣла мертвую крысу, я убѣдился въ вѣрности этого замѣчанія. Крысу она также укусила сначала въ голову, обнюхала ее, потомъ начала ѣсть хвостъ, а затѣмъ ноги, остальные части и наконецъ голову въ заключеніе. Мышь исчезла въ нѣсколько секундъ, уничтоженіе же крысы заняло немного больше времени, и дѣтеныши весьма понятно тоже желали-бы принять участіе въ пирѣ. Но мать не позволяла имъ этого. Считала-ли она, что мясная пища еще вредна для дѣтей или, что вѣроятнѣе, она думала только о себѣ, но она сердито ворчала, толкала дѣтенышей направо и налево и отбрасывала ихъ передними лапами въ сторону и назадъ, если они упорствовали въ своей назойливости. Дѣтеныши быстро отбѣгали, но потомъ снова окружали объѣдающуюся мать, смотря на нее взглядомъ, полнымъ зависти и жадности, постоянно двигая нюхающимъ носомъ, поднимая всѣ пять хвостовъ вверхъ и только иногда кончиками ихъ по-кошачьи описывали въ воздухѣ маленькіе круги;—прекрасная картина дѣтской жадности! Наконецъ крыса была съѣдена, а послѣдній кусочекъ тоже не достался дѣтямъ, а былъ спрятанъ въ щель стѣны на полъ метра вышины и въ эту недосягаемую для дѣтенышей дыру тщательно былъ затиснутъ при помощи длиннаго подвижнаго носа. Сытая, въ самомъ довольномъ настроеніи, мать отиралась въ свое логовище и разлеглась здѣсь отдыхать, между тѣмъ какъ въ передней части клѣтки разыгралось слѣдующее интересное приключеніе».

«Незамѣченные матерью остались лежать два кусочка крысиной кожи и на эти скудные остатки дѣтеныши набросились съ такимъ усердіемъ и жадностью, какъ-будто я еще никогда не видалъ. Началась свалка, глядя на которую я хохоталъ до слезъ. Пять нестрыхъ мордъ, пять пушистыхъ тѣлъ, пять торчащихъ хвостовъ толпились и занутивались; неуклюжія существа бѣгали, кувыркались другъ черезъ друга, катались по полу, взбились на спокійно лежавшую мать, лазали вверхъ и внизъ по дереву и все это съ такой поспѣшностью, что было въ высшей степени трудно услѣдить за ними глазами. Разъ начавъ двигаться, они стали испытывать свои силы въ искусствѣ, до котораго они очевидно еще не доросли: вѣзали на дерево, стоящее посреди клѣтки, тяжело падали внизъ, снова пробовали, бѣгали по горизонтальнымъ вѣткамъ, опрокидывались, еще разъ подвергаясь опасности упасть, съ трудомъ удерживались за нижнюю часть сучка въ всякакомъ положеніи и ползли такимъ образомъ до конца его. Но здѣсь дѣло было еще затруднительнѣе. Вернуться по узкому стволу не позволяетъ неловкость, всѣ попытки ни къ чему не приводятъ и ничего другаго не остается, какъ спрыгнуть: смѣлый акробатъ спускаетъ переднія лапы, и кончики пальцевъ почти касаются пола, но и тутъ еще онъ долго мѣни-

каеть, наконецъ рѣшается! Въ эту самую минуту одинъ изъ его братьевъ пробѣгаетъ подъ нимъ: одинъ падаетъ на спину другаго и вскрикиваетъ, третій, который преслѣдовалъ второго, въ испугѣ отстываетъ, и оба, случайно соединившись, съ своей стороны продолжаютъ возню. Такимъ образомъ гонится молодое поколѣніе въ клеткѣ, пока наконецъ всё не устанутъ, а двое самыхъ проворныхъ окажутся обладателями кусочковъ крысиной кожи. Остальные щуютъ себѣ пропитанія у матери и, группируясь различнымъ образомъ, доставляютъ мнѣ цѣлый рядъ привлекательныхъ семейныхъ картинъ».

Носухи, у которыхъ дѣтеныши уже довольно выросли, кормятъ ихъ по наблюденіямъ Гаака, стоя на широко разставленныхъ ногахъ; какъ дѣлаютъ онѣ съ поворожденными, только что описано.

Европейцы, живущіе въ Южной Америкѣ и Мексикѣ, охотятся за носухами главнымъ образомъ ради удовольствія. Со своєю собакой обходятъ они лѣса и отыскиваютъ стада носухъ. При видѣ собакъ, носухи съ крикомъ бросаются на ближайшія деревья, и испуганныя лаемъ легко бываютъ подстрѣлены. Но нуженъ хорошій выстрѣлъ, если желаютъ дѣйствительно завладѣть ими, потому что раненныя, онѣ остаются лежать на развилкахъ сучьевъ и достать ихъ оттуда очень трудно. Иногда гонимыя носухи снова сырываютъ на землю и стараются спастись бѣгствомъ или взобраться на другое дерево, но тутъ ихъ легко догоняютъ собаки и убиваютъ, несмотря на ихъ сопротивленіе. Одна собака, конечно, не можетъ справиться съ носухой. Даже одинокій коати умѣетъ хорошо пользоваться своими острыми зубами, храбро кидается на собаку, если она близко подходитъ, бѣшено кричитъ и сильно кусается. Каждый разъ онъ дорого продаетъ свою шкуру и изранить по крайней мѣрѣ 5 или 6 собакъ, прежде чѣмъ дать себя одолѣть. Мясо его употребляется въ пищу не только туземцами, но и европейцами. «Молодые носухи», говоритъ Гензель, «служатъ, если онѣ жирны, отличнымъ жаркимъ и даже мясо старыхъ все-таки вкусно». Изъ шерсти индѣйцы выдѣлываютъ маленькія сумочки.

Во всѣхъ странахъ, гдѣ водятся носухи, ихъ очень часто держатъ въ неволѣ. Соссюръ говоритъ, что изъ всѣхъ довольно крупныхъ четвероногихъ носухи одніе изъ тѣхъ, которыхъ легче всего приручить. У индѣйцевъ ручныя носухи — самое обычное явленіе. Въ Европу ихъ привозятъ тоже очень часто. Воспитывать ихъ не трудно, даже когда онѣ совсѣмъ маленькія. Ихъ можно кормить молокомъ и плодами; впоследствии имъ даютъ мясо, которое онѣ ѣдятъ такъ-же охотно варенымъ, какъ и сырымъ. Говядину, кажется, онѣ предпочитаютъ всякому другому мясу. Большихъ птицъ и маленькихъ млекопитающихъ онѣ не любятъ, хотя и отъ такой пищи не отказываются. Впрочемъ, онѣ не кровожадны и охотно довольствуются растительной пищей. Совершенно въ противоположность другимъ хищнымъ животнымъ, онѣ никогда не пробуютъ гоняться за домашней птицей и этимъ показываютъ, что на свободѣ онѣ больше питаются растительной пищей и насекомыми, чѣмъ мясомъ позвоночныхъ животныхъ. Въ водѣ ручныя носухи не должны терпѣть недостатка: онѣ пьютъ ее часто и въ большомъ количествѣ. Молодую носуху рѣдко держатъ въ клеткѣ. Обыкновенно ей надѣваютъ кожаный ошейникъ и привязываютъ ремнемъ къ дереву; при частомъ дождѣ держатъ ее подъ крышей. При этомъ нечего бояться, что она перегрызетъ ремень, которымъ привязана. Большую часть дня она проводитъ въ безпрерывномъ движеніи; только въ полдень и ночью она спитъ. При сильной жарѣ она лежитъ растянувшись во всю длину; иногда же свертывается, лежа на боку и причетъ голову между передними лапами. Когда носухѣ бросаютъ пищу, она хватается ее зубами и отходитъ далеко отъ сторожа, насколько ей позволяетъ ремень. Мясо она царапаетъ когтями перед-

нихъ лапъ, прежде чѣмъ начать ѣсть. Яйца она прокусываетъ или разбиваетъ, ударяя ихъ о землю, и удобно лакаетъ текущую жидкость. Обыкновенно она такъ-же ѣсть дыни и померанцы; иногда суетъ свои лапы въ эти фрукты, отламываетъ кусокъ и когтями подноситъ его ко рту. По наблюденію Гааке, самка носухи Франкфуртскаго зоологическаго сада, смочивъ сахаръ и черствый хлѣбъ, какъ поступаютъ полосуны, дѣлала ихъ съѣдобными; первый, впрочемъ, она продержала въ водѣ не болѣе, чѣмъ это было нужно. Носуха, жившая у Беннета, страстно любила кровь и всякій разъ искала самаго кроваваго мѣста у животныхъ, которыхъ ей бросали въ пищу. Кромѣ мяса она охотно ѣла смоквы и аккуратно посѣщала во время своихъ прогулокъ деревья, на которыхъ росло это лакомство, отыскивала самыя зрѣлыя изъ упавшихъ, открывала ихъ и высасывала сокъ. Брошенныхъ ей звѣрей она катала передними лапами, очистивъ ихъ отъ крови, потомъ вырывала внутренности изъ отверстія, сдѣланнаго въ животѣ, и уничтожала значительную часть ихъ, прежде чѣмъ дотрагивалась до мяса. Во время гулянья по саду она рылась въ землѣ, какъ свинья, и обыкновенно вытаскивала оттуда червяка или гусеницу, присутствіе которыхъ указывало ей тонкое обоняніе. При итьѣ она подымала свой подвижный носъ, какъ можно выше, чтобы онъ не касался воды.

Нюодна носуха не требуетъ въ неволѣ особенно заботливаго ухода. Безъ церемоній устранивается она во всякомъ мѣстѣ и прекрасно переноситъ нашу зиму на свободѣ, если только у нея есть достаточно теплый ящикъ для сна. Она привязывается къ человѣку, но никогда не выказываетъ особеннаго предпочтенія своему сторожу, какой-бы ручной она ни была. Какъ обезьяны, играетъ она со всѣми звѣрями, живущими въ домѣ, какъ-то: собаками, кошками, курами и утками. Только при ѣдѣ не слѣдуетъ ее тревожить, потому что даже самая ручная кусаетъ людей и звѣрей, если хотять у нея отнять пищу. Въ ея характерѣ много самостоятельности и независимости. Она никогда не повинуется человѣку и даже приходитъ въ ярость, если стараются ее принудить къ чему-нибудь. Ударами съ ней ничего не сдѣлаешь: она смѣло начинаетъ обороняться и серьезно кусаетъ, когда ее наказываютъ, своего сторожа такъ-же, какъ и всякаго другаго. Когда ее бьютъ и она чувствуетъ превосходство своего противника, то свертывается и старается защищаться отъ ударовъ, причемъ опускаетъ голову на грудь и закрываетъ ее обѣими лапами; вѣроятно она больше всего боится за свой чувствительный носъ. Во время наказанія она свиситъ сильно и съ разстановками (въ другое время слышать отъ нея эти звуки, когда она голодна, хочетъ пить или есучаетъ), но при этомъ ницетъ всякаго случая напасть на противника. Собакъ, которыя на нее бросаются, она совсѣмъ не боится и защищается отъ нихъ еще смѣлѣе, чѣмъ отъ человѣка. Она смѣло подходитъ къ незнакомой собакѣ, даже когда та не трогаетъ ее.

Отъ такого раздражительнаго упрямаго существа нечего ожидать перемчиности. Носуху почти ни къ чему нельзя приучить. Рейгтеръ видѣлъ одну, которая по приказанію хозяина служила, какъ пудель, и падала на землю, услышавъ звукъ, подражавшій выстрѣлу; но подобныя штуки—исключенія изъ общаго правила. Немногія млекопитающія ея величины обнаруживаютъ такъ мало понятливости, какъ носухи. Въ ея поступкахъ нѣтъ никакой послѣдовательности; память ея слаба; она такъ-же мало помнитъ обиды, какъ и удовольствія, которыя испытала, и еще менѣе несчастія, которыя сама на себя навлекла. Поэтому-то она не понимаетъ опасностей и перѣдко нѣсколько разъ подвергается одной и той-же.

Если ей позволяютъ свободно бѣгать, она въ высшей степени непріятна въ домѣ. Она все перерываетъ своимъ посомъ и разбрасываетъ вещи кругомъ. Въ носу ея значительная сила, въ лапахъ много ловкости, и тѣмъ и другими она умѣетъ поль-

зоваться. Ничего не оставляет она въ покоѣ. Если ей удастся схватить книжку, она перевертываетъ все листы, причемъ переднія лапы ея двигаются съ нефронтной быстротой; если ей даютъ сигары, она разворачиваетъ у нихъ отдѣльные листы; когда она видитъ что-нибудь стоячее, то ударяетъ привлечшій ея вниманіе предметъ сначала правой, потомъ лѣвой лапой, пока онъ не упадетъ на землю. При этомъ бываютъ еще и другія непріятности: носуха ни минуты не отдыхаетъ, отъ нея распространяется сильный, непріятный мускусный запахъ, она всюду оставляетъ свои вонючія испраженія. Замѣчательно, что она пачкаетъ ими свой хвостъ, который обыкновенно такъ заботливо бережетъ отъ всякой грязи, когда ее кусаютъ блохи или когда она страдаетъ чесоткой. Веннетъ замѣтилъ, что она не только собственнымъ каломъ, но клеѣмъ и другими клейкими веществами натираетъ волосы своего косматого хвоста. Потому довольствуется она тѣмъ, что вылизываетъ хвостъ или моетъ его въ водѣ.

Многія носухи очень любятъ, когда ими занимаются. Онѣ необыкновенно чувствительны къ ласкѣ, охотно позволяютъ себя гладить и еще охотнѣе чесать у себя за ухомъ, причемъ низко наклоняютъ голову, трутся какъ кошки къ своему покровителю и испускаютъ при этомъ довольно мурлыканье. Венландъ замѣчалъ, что носухи безъ всякой видимой причины однихъ людей ненавидятъ, другихъ любятъ. Этихъ послѣднихъ онѣ хрюканьемъ просятъ поласкать ихъ и почесать слегка между волосами, тогда какъ первыхъ онѣ бьютъ лапами и оскаливаютъ свои бѣлые клыки, какъ только тѣ приближаются къ клѣткѣ. Однако-жъ онѣ достаточно умны, чтобъ принимать кормъ отъ тѣхъ, кого онѣ ненавидятъ, но никакіе лакомые куски не примирятъ ихъ съ ними. Веннетъ рассказываетъ, что его плѣнникъ, который какъ собака знаетъ свое имя, шелъ по первому зову и обыкновенно никогда не думалъ пускаться въ дѣло зубы, иногда какъ бѣшеный бѣгалъ кругомъ по своей клѣткѣ и при этомъ стремительно кусалъ свой хвостъ. Тогда никто не могъ подойти къ клѣткѣ безъ того, чтобы носуха не встрѣтила его ворчаньемъ или громкимъ неблагозвучнымъ крикомъ и оскаливаніемъ зубовъ. Когда-же ее выпускали на свободу, она становилась лучшимъ въ свѣтѣ товарищемъ и другомъ всѣхъ.

«Мой ручной коати», говоритъ Сосеюръ, «сопровождалъ меня по цѣлымъ мѣсяцамъ въ моихъ путешествіяхъ. Онъ былъ привязанъ тонкимъ шнуркомъ и никогда не пробовалъ его перегрызть. Когда я ѣхалъ верхомъ, онъ шелъ наравнѣ съ лошадей въ продолженіи цѣлаго дня. Онъ никогда не думалъ убѣжать и не причинялъ никакого безпокойства. Вечеромъ я привязывалъ его къ чему-нибудь или давалъ ему свободно бѣгать по двору. Несмотря на свою кротость, онъ иногда подвергался припадкамъ злости и старался укусить, но легкое наказаніе успокаивало его. Самка, которую я приобрѣлъ въ томъ-же году, была еще смиреннѣе, чѣмъ самецъ. Оба росли замѣчательно быстро. Самецъ даже раньше, чѣмъ вполне сформировался, обнаруживалъ склонность кусаться. Отъ скуки-ли или потому, что ему хотѣлось играть, онъ старался поймать пальцы, которые просовывали въ отверстіе клѣтки, и при моемъ пріѣздѣ во Францію онъ до крови прокусилъ палецъ одному таможенному чиновнику, который изъ любопытства хотѣлъ потрогать просунутый въ одну изъ дырокъ мясистый носъ».

«Нѣсколько мѣсяцевъ держалъ я своихъ носухъ въ деревнѣ, близъ Женевы. Имъ, казалось, нравилось общество людей, и онѣ сопровождали меня на прогулки, причемъ онѣ забѣгали то вправо, то влѣво, чтобъ влѣзть на дерево или вырыть яму въ землѣ. Права онѣ были веселаго, игриваго и любили выкидывать штучки въ родѣ обезьянъ. Какъ только онѣ по дорогѣ встрѣчали прохожаго, онѣ бросались на него, влѣзали въ одну секунду ему на плечи, прыгивали на землю и съ быстро-

той молнии убѣгали отъ него, въ восторгѣ, отъ своей проказы. Но такъ какъ подобное нападеніе большинству прохожихъ было не совѣмъ пріятно, я былъ вынужденъ запретить носухамъ свободный выходъ. Вообще съ каждымъ днемъ это становилось необходимѣе, такъ какъ чѣмъ больше онѣ пользовались свободой, тѣмъ менѣе обращали вниманіе на своего хозяина. Онѣ очень охотно ходили гулять, но чѣмъ дальше убѣгали, тѣмъ меньше имъ хотѣлось возвращаться, и я часто долженъ былъ отыскивать ихъ за $\frac{1}{4}$ мили отъ дома.

«Ихъ держали на веревкѣ на лугу, и онѣ забавлялись тѣмъ, что царапали землю и искали насѣкомыхъ, но вовсе и не думали перегрызть веревку. Это было лѣтомъ, и онѣ не могли страдать отъ холода. Къ сожалѣнію дѣти и любопытствующіе не переставали дразнить ихъ палками и этимъ уничтожали то небольшое хорошее, что въ нихъ было. Проживъ два мѣсяца на открытомъ воздухѣ, онѣ начали доставлять намъ не мало хлопотъ. Нѣсколько разъ онѣ отрывались и убѣгали; ихъ надо было отыскивать. Чаще всего ихъ находили на большихъ деревьяхъ окрестныхъ деревень. Иногда онѣ запутывались въ веревкѣ, которая тянулась за ними и затягивала имъ горло, и ихъ находили повѣсившимися и полумертвыми. Но со своими сторожами онѣ всегда бывали довольно ручными. Такъ, онѣ по цѣлымъ часамъ спали и играли на колѣняхъ одной женщины, которая нѣсколько ихъ не боялась и не пугала ихъ, но была очень къ нимъ расположена. Но мало-по-малу характеръ самца дѣлался все хуже; онъ кусался, какъ только къ нему подходили. Тогда увидѣли, что это можетъ быть опасно, и его заперли вмѣстѣ съ самкой въ пустую и совершенно отдѣльную комнату. На другое утро коати не было ни видно, ни слышно: они заѣзди въ дымовую трубу, а съ крыши по виноградной лозѣ спустились внизъ. Пробѣгая по деревнѣ, они встрѣтили до развѣта старую женщину и вскочили ей на спину. Несчастная, не понимая, что съ ней случилось, толкнула ихъ, желая отъ нихъ освободиться. Они соскочили, но при-этомъ носѣбно нѣсколько разъ серьезно укусили ее. Утромъ нашли ихъ въ кустарникѣ. Самецъ не только не пошелъ на зовъ своего сторожа, но при поимкѣ оказалъ большое сопротивленіе. Съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе оставлять ихъ на свободѣ, и я наконецъ рѣшилъ посадить ихъ въ большую клетку, чтобы избѣжать новыхъ несчастій» *).

* * *

Въ заключеніе мы приведемъ двухъ американскихъ сородичей маленькихъ медвѣдей, изъ которыхъ родъ *Bassaricyon*, раздѣляющійся вѣроятно на два вида, сталъ извѣстенъ только по двумъ черепамъ и икурѣ, напоминающей икуру кинкажу. Это животное имѣетъ то-же количество и устройство зубовъ, какъ полоסקуны и носухи, и, можетъ быть, примыкаетъ къ описанному нами въ семействѣ виверрѣ «какамици» (стр. 608, I тома) (*Bassaris astuta*). Между тѣмъ другой родъ, который мы будемъ здѣсь описывать болѣе подробно, имѣетъ своимъ представителемъ лишь

*) Въ парижскомъ Jardin des Plantes держали носухъ въ большой клеткѣ для обезьянъ, и эти проворныя и лукавыя животныя всячески издѣвались надъ своими сожителями. Носухи большою частію бѣгали вдоль наружной рѣшетки, высоко приподнявъ хвостъ и прося подачки у посѣтителей. Обезьяны-же, прицѣпившись къ рѣшеткѣ выше, ждали ихъ прохода и, сильно дернувъ за хвостъ, заставляли носухъ кричать отъ боли. Замѣчательно, что эти продѣлки въ теченіи нѣсколькихъ минутъ повторялись нѣсколько разъ все на томъ-же мѣстѣ, причемъ носуха была настолько недогадлива, что не поворачивала назадъ, не доходя до обезьяны, и не обходила эго мѣста, а, какъ заведенная игрушка, бѣгала все взадъ и впередъ вдоль рѣшетки. Я долго наблюдалъ тамъ за носухами и никогда не видалъ, чтобы онѣ лазали, хотя въ клеткѣ для этого были всякаго рода приспособленія. (Прим. редактора).

одного кинкажу, отличающагося отъ другихъ разсмотрѣнныхъ родовъ тѣмъ, что у него не достаетъ по одному ложно-коренному зубу на каждой сторонѣ обѣихъ челюстей.

Еще не такъ давно одинъ содержатель звѣринца въ Парижѣ съ полнымъ правомъ могъ объявить, что онъ показываетъ неизвѣстнаго натуралистамъ звѣря, котораго онъ привезъ изъ Америки. Въ то-же самое время, въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, это-же животное привезено было и въ Лондонъ и здѣсь такъ-же сильно заинтересовало натуралистовъ, какъ и въ Парижѣ. Это загадочное существо было кинкажу, котораго въ то время почти совсѣмъ не знали. Оконъ думаетъ, правда, что еще Германецъ указывалъ на кинкажу, говоря о своей древесной ласкѣ или «Куау-Тенцо»; но доказательствъ слишкомъ мало, чтобы утверждать это. А. Гумбольдтъ первый сообщаетъ кое-что объ этомъ животномъ. До него ни одинъ звѣрь не доставилъ столько хлопотъ натуралистамъ, какъ кинкажу. Одни причисляли его къ лемурамъ и потому называли его *Lemur flavus*; другіе-же, замѣчая совсѣмъ отличное отъ полуобезьянъ устройство зубовъ, видѣли въ немъ виверру и называли его мексиканской виверрой (*Viverra caudivolvula*); но и тутъ ихъ немного смущали цѣпкій хвостъ и тупые настоящіе коренные зубы, указывающіе на смѣшанный родъ пищи. Наконецъ его вмѣстѣ съ другими, не менѣе оригинальными животными, помѣстили въ семейство медвѣдей.

* * *

Цѣпкохвостый медвѣдь, Кинкажу, Гупура, Манавири или Кухумби, какъ называютъ это животное на его родинѣ, сѣверной Бразиліи, (*Cercoleptes caudivolvulus Viverra*, *Ursus* и *Potos caudivolvulus*, *C. brachyotus*, *caudivolvulus* и *Lemur flavus*, *Wickelbär*, *Kinkajou*) можетъ быть также признанъ какъ средняя форма между медвѣдами и виверрами. Очень длинное, но неуклюжее туловище стоитъ на низкихъ ногахъ. Голова замѣчательно мала, толста и съ очень короткой мордой; глаза не очень велики, пять пальцевъ, наполовину сросшихся, снабжены крѣпкими когтями; нижняя часть ступни голая. Хвостъ, болѣе длинный, чѣмъ все туловище, имѣетъ такое-же цѣпкое строеніе, какъ у нѣкоторыхъ двуутробокъ и ревуновъ. Взрослые кинкажу въ длину имѣютъ 90 см., изъ которыхъ 47 приходится на хвостъ, а вышина въ плечахъ 17 см. Очень густой, довольно длинный, немного курчавый, мягкій и блестящій, какъ бархатъ, мѣхъ на верхнихъ и наружныхъ сторонахъ свѣтло-сѣровато-желтаго цвѣта, съ слабымъ рыжеватымъ отливомъ и черно-бурыми волнистыми полосами, которыя особенно ясно выступаютъ на головѣ и спинѣ; отдѣльные-же волосы у основанія сѣры, въ серединѣ желтовато-рыжіе и на концѣ черно-бурые. Отъ затылка тянется широкая и рѣзко обозначенная темная полоса по всей спинѣ до корня хвоста. Нижняя часть тѣла красно-бурая, на брѣвѣхъ свѣтлѣе, наружныя части ногъ черно-бурыя. По серединѣ брюха тоже пробѣгаетъ темная ржаво-бурая полоса. Хвостъ у корня бурый, съ половинны почти черной.

Теперь мы знаемъ, что кинкажу очень распространенъ. Онъ водится во всей сѣверной Бразиліи, въ Перу и сѣвернѣе до Мексики, также какъ и въ южной Луизианѣ и Флоридѣ. Онъ живетъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ, часто близъ большихъ рѣкъ и обыкновенно на деревьяхъ. Онъ ведетъ вполне ночной образъ жизни; днемъ онъ спитъ въ дуплахъ, ночью-же очень подвиженъ и лазаетъ замѣчательно ловко по верхушкамъ деревьевъ, ища себѣ пищи. Его цѣпкій хвостъ оказываетъ ему хорошую услугу. Кинкажу въ некуствѣ лазанія едва уступаетъ обезьянамъ. Все его движенія въ высшей степени спокойны и самоуверены. Онъ можетъ держаться за сучки и вѣтки задними ногами или цѣпкимъ хвостомъ и такъ крѣпко зацѣпляется ими за дерево, что слѣзаетъ съ нихъ всегда головою внизъ. Когда онъ ходитъ, то ступаетъ на всю ступню.

«Однажды ночью», рассказывает Вэтсъ, «мы спали передъ жилищемъ туземнаго семейства, которое поселилось посреди дѣса и не могло пустить насъ въ хижину вслѣдствіе праздника. Когда ночью стало совсѣмъ тихо, какой-то шумъ привлекъ мое вниманіе на идущее изъ дѣса общество стройныхъ животныхъ, которыя при яркомъ блескѣ луны на безоблачномъ небѣ перескакивали съ вѣтки на вѣтку легкими прыжками. Многія изъ нихъ держались на пальмахъ—папуныя, и скоро давка, пискъ, визгъ и паденіе плодовъ указали, чѣмъ они тамъ занимались. Я принялъ сначала этихъ животныхъ за ночныхъ обезьянъ, но утромъ туземецъ, показавъ мнѣ пойманнаго дѣтеныша ночныхъ гостей, убѣдилъ меня въ томъ, что это были кинкажу». Питаясь преимущественно растительной пищей, кинкажу не пренебрегаетъ также и маленькими млекопитающими, птицами и ихъ яйцами или

Кинкажу. *Cercopithecus caudivolvulus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

насъбкомыи и ихъ личинками. Медь онъ особенно любитъ и разоряетъ много дикихъ пчелиныхъ ульевъ. При ихъ опустошеніи онъ пользуется своимъ замѣчательно длиннымъ и вытяжнымъ языкомъ, который онъ можетъ просунуть въ самую узкую щель и достать имъ находящіеся тамъ предметы; онъ просовываетъ языкъ черезъ отверстіе для вылета пчелъ глубоко въ улей, разламываетъ имъ соты, а затѣмъ лакаетъ медь.

О размноженіи этого страннаго животнаго мы почти ничего не знаемъ, но, судя по двумъ соскамъ самки, предполагають, что она мечетъ только двухъ дѣтенышей. Въ неволѣ, насколько я знаю, они еще ни разу не размножались.

Всѣ, кто до сихъ поръ наблюдалъ кинкажу, согласны въ томъ, что онъ кротокъ и добродушенъ съ людьми и легко дѣлается довѣрчивымъ и ласковымъ; какъ собака онъ охотно принимаетъ ласки, знаетъ голосъ своего хозяина и ищетъ его общества. Онъ требуетъ отъ своего покровителя, чтобъ тотъ игралъ съ нимъ или разго-

вариваль, и поэтому принадлежит къ самымъ любимымъ домашнимъ животнымъ у туземцевъ Южной Америки. Даже въ неволѣ онъ спитъ почти цѣлый день. При этомъ онъ закрываетъ все тѣло, и прежде всего голову, хвостомъ. Если ему положить пищу, онъ проснется, но бодрствуетъ только до тѣхъ поръ, пока ѣсть. Послѣ заката солнца онъ просыпается, дѣлаетъ нѣсколько невѣрныхъ шаговъ съ высунутымъ отъ жажды языкомъ, выскиваетъ воду, пьетъ ее, чистится и дѣлается веселымъ и забавнымъ: прыгаетъ, лазаетъ, выкидываетъ разныя штуки, играетъ со своимъ хозяиномъ, издаетъ тихій свистъ, который и есть его обыкновенный голосъ; но когда онъ разсерженъ, то ворчливо тявкаетъ, какъ щенокъ. Часто сидитъ онъ на заднихъ ногахъ и ѣсть, какъ обезьяна, съ помощью переднихъ лапъ и своимъ поведеніемъ представляетъ замѣчательное смѣшеніе привычекъ медвѣди, собаки, обезьяны и виверры. Своимъ цѣпкимъ хвостомъ онъ пользуется какъ обезьяны и притягиваетъ имъ предметы, которыхъ не можетъ достать лапами. Очень чувствительный къ свѣту, онъ даже въ сумерки ищетъ темнаго мѣста, и зрачекъ его стягивается въ маленькую точку. Если глаза его раздражаютъ сильнымъ свѣтомъ, онъ выражаетъ свое неудовольствіе особенно безпокойными тѣлодвиженіями. Онъ ѣсть все, что ему предлагаютъ: хлѣбъ, мясо, овощи, вареный картофель, зелень, сахаръ, варенье, пьетъ молоко, кофе, воду, вино, даже водку, пьянѣетъ отъ спиртныхъ напитковъ и хвораетъ отъ этого нѣсколько дней. Иногда онъ ловитъ птицъ, убиваетъ ихъ, высасываетъ ихъ кровь и оставляетъ. Послѣ сильныхъ движеній онъ часто чихаетъ по нѣскольку разъ. Въ гнѣвѣ онъ шипитъ какъ гусь и громко кричитъ. Какъ онъ не смиренъ, онъ все-таки страстно жаждетъ свободы. Старый кинкажу, который жилъ у Гумбольдта, убѣжалъ отъ него ночью въ лѣсъ, но дорогѣмъ задушилъ двухъ каменныхъ куропатокъ, которыя тоже принадлежали къ коллекціи животныхъ Гумбольдта, и унесъ ихъ съ собою, какъ запасъ на будущее время. Каплеръ, который наблюдалъ кинкажу въ Гвианѣ, говоритъ о немъ: «Онъ питается главнымъ образомъ плодами и въ высшей степени смиренъ. Отъ индѣйцевъ я получилъ маленькаго кинкажу, который бѣгалъ совершенно свободно. Никто не зналъ, гдѣ онъ проводитъ день. Но лишь только мы сѣли вечеромъ за столъ, появился «Вава», какъ мы его назвали, и начиналъ забавлять насъ смѣшными ласками, причемъ онъ между прочимъ старался свой длинный язычекъ сунуть мнѣ въ ротъ, уши и носъ. Онъ ѣлъ охотно зрѣлые бананы и другіе фрукты. Когда домъ запирали, Ваву пускали на улицу, и онъ влѣзалъ на хлѣбныя, кокосовыя пальмы и другія деревья, такъ какъ не любилъ сидѣть на землѣ. Онъ жилъ у меня цѣлый годъ, но внезапно умеръ».

Кинкажу нерѣдко въ послѣднее время привозился къ намъ живымъ, и я не разъ имѣлъ случай наблюдать его. Во снѣ онъ лежитъ на боку, свернувшись, спиной къ свѣту. Подъ вечеръ, всегда въ одинъ и тотъ-же часъ, онъ просыпается, потягивается, зѣваетъ и при этомъ далеко высовываетъ языкъ изъ пасти. Затѣмъ онъ задумчиво и медленно нѣкоторое время обходитъ свою кѣтку. Походка его особенная и совѣтъ неуклюжая. Онъ такъ заворачиваетъ внутрь свои кривыя, какъ у таксы, ноги, что, переступая, часто заноситъ правую ногу за лѣвую и обратно. Цѣпкій хвостъ свой онъ постоянно пускаетъ въ дѣло. Иногда онъ держится имъ и двумя задними лапами на сучкѣ, въ то время, какъ тѣло вытянуто горизонтально. Онъ ѣсть все съѣдобное, охотнѣе всего плоды, вареный картофель и вареный рисъ. Когда ему бросаютъ маленькихъ птицъ, онъ приближается къ нимъ очень медленно, усердно обнюхиваетъ, потомъ кусаетъ и крѣпко держитъ пищу обѣими передними лапами. Онъ ѣсть медленно, можно даже сказать, безпорядочно, разрываетъ и тербитъ пищу, откусываетъ, повидимому съ трудомъ, небольшіе кусочки и медленно

разжевываетъ ихъ, прежде чѣмъ проглотить. Но онъ не кровожаденъ, хотя и не можетъ отрѣшиться отъ своей хищнической натуры.

Трудно найти болѣе пріятное домашнее животное, чѣмъ кинкажу. Онъ привязчивъ, какъ дитя. Ласки дѣлаютъ его счастливымъ. Онъ нѣжно прижимается къ человѣку, когда тотъ его гладитъ, и при этомъ у него, повидимому, нѣтъ никакого коварства. Онъ бываетъ недоволенъ только тогда, когда вдругъ тревожатъ его сладкій сонъ. Если его будятъ голосомъ и даютъ время проснуться, то онъ и днемъ самое милое созданіе.

Нѣсколько кинкажу, посаженныхъ вмѣстѣ, живутъ всегда согласно. У нихъ не замѣчается вѣчныхъ дракъ, какія бываютъ ежедневно среди носухъ Самки и самцы очень нѣжны между собой. Однажды я выпустилъ къ самкѣ, которую держалъ у себя, только что приобрѣтеннаго и еще робкаго самца. Самка никогда не жила съ другими животными, но крайней мѣрѣ подъ моимъ надзоромъ, и, казалось, была сильно поражена, получивъ товарища. Весьма тщательное и сначала нѣсколько боязливое обнюхиваніе мало-по-малу дало ей возможность понять предстоящее благополучіе. Лишь только она узнала своего сородича, какъ окружила его самыми нѣжными ласками. Новоприбывшій, казалось, былъ еще неопытенъ и сначала выказывалъ больше страха, чѣмъ привѣтливости, хрипло визжалъ, когда самка, ласкаясь, подходила къ нему. Но та не отступала. Наконецъ она начала облизывать чопорнаго самца, протиснулася между нимъ и рѣшеткой, въ которую онъ вѣщился, потерлася о него, обняла его и, ласкаясь, лизала его морду. Но возлюбленный ея все еще былъ сдержанъ, защищался отъ ея поцѣлуевъ, наклоня внизъ голову, прижималъ морду къ груди, такъ что предоставлялъ самкѣ одни уши, которыя она лизала, довольствуясь и этимъ. Самецъ снисходительно позволялъ ей это, но не перемѣнялъ обращенія. Самка наконецъ потеряла терпѣніе; она вдругъ схватила голову товарища, вѣщилась лапой въ жесткіе волосы, подняла его на воздухъ, обняла его другой лапой за затылокъ и ласкала его снова, пока онъ не отбросилъ всякій страхъ и добровольно подчинился неизбежному. Подобныя обвѣтія перемежались паузами съ стороны самца. Тогда самка оставила его, быстро начала лазать по клѣткѣ, влѣзла на верхушку стоящаго тутъ дерева и нѣсколько минутъ прыгала туда и сюда по горизонтальнымъ сучкамъ, какъ это дѣлаютъ куницы. Когда согласіе наконецъ было водворено, оба животныхъ обнимались, переплетались между собой и принимали самыя удивительныя положенія. Въ первые дни логовище ихъ не было общимъ: но потомъ они оба спали, обнявшись самымъ тѣснымъ образомъ. Потомъ начались веселыя игры, во время которыхъ они такъ переплетались, что невозможно было отличить одного отъ другаго. Шаромъ катались они по полу, обхватывали и обнимали другъ друга, кусались, играя, и пользовались своимъ цѣпкимъ хвостомъ самымъ разнообразнымъ способомъ, то для нападенія, то для защиты. Но мои надежды на удачное спариваніе однако не оправдались.

Отрядъ V.

Ластоногія (Pinnipedia).

Ластоногія представляютъ собою такихъ морскихъ животныхъ, которыхъ сравнительно съ китами даже не натуралистъ долженъ признать млекопитающими. У нихъ еще видны всѣ четыре конечности, хотя и влачащіяся по землѣ, но ясно отдѣляющіяся отъ туловища, и въ ступняхъ которыхъ ясно видны отдѣльные пальцы. У большей части тюленей пальцы эти свободно двигаются и соединены между собою только плавательною перепонкой; лишь у немногихъ, наоборотъ, пальцы совершенно неподвижны и покрыты такой-же кожей, какъ и туловище; по все-таки они большею частью обозначаются маленькими, укрѣпленными снаружи ногтями. Нѣсколько своеобразными являются только заднія конечности. Строеніе ихъ пальцевъ иное, нежели то, которое намъ приходилось наблюдать у другихъ млекопитающихъ: у нихъ не средній палецъ самый длинный и сильный, а всѣ пальцы одинаковы. Въ остальномъ, хотя строеніе тѣла ластоногихъ и отличается значительно отъ всѣхъ тѣхъ млекопитающихъ, съ которыми намъ до сихъ поръ пришлось познакомиться, все-же оно можетъ сравниться со строеніемъ тѣла нѣкоторыхъ хищныхъ животныхъ, именно медвѣдя и рѣчной выдры; этимъ и оправдывается то, что нѣкоторые натуралисты присоединяютъ ластоногихъ къ хищнымъ. Относительно маленькая голова ластоногихъ довольно ясно выступаетъ изъ шеи и напоминаетъ голову рѣчной выдры или медвѣдя, хотя при болѣе точномъ сравненіи ясно выказываются ея особенности. Мозговая часть черепа у ластоногихъ широка и плоска, личная часть коротка и спереди широко закруглена, ность глубоко прорѣзана, верхняя губа усажена крѣпкими, упругими щетинками, которыя очень разнятся отъ усевъ хищныхъ животныхъ, носъ отличается своими косо-расположенными, щелевидными ноздрями, которыя закрываются клапанами, глаза большіе, довольно плоскіе и снабжены мигательной перепонкой, лобъ большой; наконецъ, закрывающееся наружное ухо только у нѣкоторыхъ семействъ до нѣкоторой степени развито, тогда какъ у большей части ластоногихъ наружной ушной раковины вовсе нѣтъ. Короткая и толстая шея переходитъ непосредственно въ болѣе или менѣе цилиндрическое, къ заду суживающееся туловище; хвостъ имѣетъ видъ маленькаго отростка. Половые органы вмѣстѣ съ заднимъ проходомъ помещаются въ щелеобразномъ углубленіи. Толстая и твердая кожа покрываетъ большую часть только простыми, одинаково длинными жесткими волосами, которые иногда удлиняются въ видѣ гривы; иногда подъ волосами замѣчается

густой подшерстокъ. Преобладающій цвѣтъ ихъ шерсти зеленовато-сѣрый съ желтоватымъ или красноватымъ оттѣнкомъ, который получаетъ мраморный рисунокъ отъ темныхъ волосъ, расположенныхъ группами; впрочемъ, бываютъ и одноцвѣтные и пѣгя ластоногія. Зубы и внутреннее устройство тѣла, несмотря на сходство съ тѣми-же частями тѣла хищныхъ животныхъ, имѣютъ совершенно опредѣленный характеръ.

Между тѣмъ, какъ у хищныхъ конечности устроены и для движенія, и для схватыванія, а зубы имъ служатъ главнымъ образомъ для разжевыванія или разрыванія пищи, придерживаемой передними конечностями, у тюленей, вслѣдствіе ластообразнаго, только для передвиженія пригоднаго устройства конечностей, схватываніе и держаніе пищи предоставлены зубамъ. Рѣзцы большею частью маленькіе, верхнихъ бываетъ числомъ больше, чѣмъ нижнихъ, крайніе верхніе часто удлинены въ родѣ клыковъ, клыки выдаются меньше, нежели у хищныхъ животныхъ, только за однимъ исключеніемъ. Между коренными зубами различить ложнокоренные отъ настоящихъ трудно, такъ какъ они всѣ конусообразны или плоски и сжаты съ боковъ; на нихъ замѣтны нѣсколько маленькихъ зубцовъ или одинъ большой съ маленькими боковыми зубчиками. Обмѣнъ зубовъ происходитъ часто во время утробной жизни, такъ какъ дѣтеныши вообще рождаются очень развитыми. Черепъ отличается очень глубокой впадиной передъ лобными костями, вслѣдствіе чего болѣе или менѣе выпуклая мозговая часть черепа рѣзко переходитъ въ почти такую-же большую лицевую часть. Маленькіе отростки клинообразной кости иногда такъ близко подходятъ другъ къ другу, что глазныя впадины почти сходятся; эти послѣднія очень велики, скулы широки, расходятся и выступаютъ впередъ. Заднеорбитальный отростокъ лобной кости есть только у одного семейства, такъ-же какъ только у него одного замѣчается и сосцевый отростокъ. Позвоночный столбъ напоминаетъ хребетъ хищныхъ; шейные позвонки замѣтно отдѣлены одинъ отъ другого и снабжены очень развитыми отростками. 14—15 позвонковъ составляютъ грудную часть, 5—6 поясничную, 2—7 сросшихся позвонковъ — крестецъ, наконецъ, 9—15 хвостовую часть. Ключицъ совсѣмъ нѣтъ. Кости конечностей отличаются своею короткостью. Кости предплечья и голени всегда раздѣлены, кистевыя и ступневыя кости имѣютъ правильное строеніе, а пальцы у различныхъ родовъ бываютъ разной длины. Относительно развитый мозгъ имѣетъ многочисленныя извилины, расположенныя какъ у хищныхъ. Желудокъ простой, удлиненный въ видѣ кишки; слѣзная кишка очень коротка. Наконецъ, кровеносные сосуды со своими сѣтчатыми сплетеніями, какъ въ конечностяхъ, такъ и подъ позвоночнымъ столбомъ, представляютъ много особенностей. Надо также замѣтить, что у нихъ, какъ и у другихъ ныряющихъ животныхъ, нижняя полая вена значительно расширена. Матка двураздѣльная. Число сосцевъ отъ 2—4.

Ластоногія распространены по всѣмъ морямъ земного шара, имѣютъ своихъ представителей какъ на крайнемъ югѣ, такъ и на сѣверѣ и даже попадаются во внутреннихъ соленыхъ озерахъ Азіи, въ которыя они частью заходятъ изъ впадающихъ сюда рѣкъ, а частью остались въ нихъ послѣ отдѣленія этихъ внутреннихъ морей отъ океановъ. На сѣверѣ живетъ наибольшее число видовъ, а на югѣ самыя необыкновенныя изъ нихъ. Вообще они любятъ близость берега и многіе изъ нихъ по временамъ предпринимаютъ путешествія по сушѣ отъ одного залива въ другой, и часто поднимаются въ рѣкахъ вверхъ по теченію. На землѣ они остаются только по особенному случаю, именно во время спариванія и пока они малы, потому-что ихъ настоящимъ мѣстожителемъ все-таки остается вода. На землѣ они кажутся безпомощными животными, въ водѣ-же двигаются съ чрезвычайною легкостью.

Съ трудомъ взбираются они съ морского берега на скалы или плавающія льдины и протягиваются на твердой землѣ, чтобы погрѣться на солнцѣ; при первой-же опасности они устремляются какъ можно скорѣе въ привычную для нихъ морскую глубину. Они плаваютъ и ныряютъ съ большимъ искусствомъ. Имъ рѣшительно все равно, нижняя или верхняя часть туловища обращена вверхъ; они двигаются даже задомъ, что я могу подтвердить собственными наблюденіями. Поворачиваются и мѣняютъ мѣсто въ водѣ они съ замѣчательной ловкостью. «Можно придти въ восторгъ», пишетъ Гааке, «наблюдая, какъ тюлени ловятъ рыбу. Въ обширномъ бассейнѣ Франкфуртскаго акваріума можно видѣть изъ темной комнаты, предназначенной для публики, за стекломъ, какъ тюлени гоняются за пищей, состоящей изъ живой рыбы. Удивляешься той вѣрности и ловкости, съ которыми они однимъ хорошо рассчитаннымъ оборотомъ или перегибаньемъ одного лапа, вытягиваніемъ или сокращеніемъ шеи умѣютъ предупредить всякое движеніе кидаемой отъ нихъ въ испугъ рыбки, исчезающей черезъ нѣсколько мгновеній въ пасти тюленя, который ее, какъ кажется, втягиваетъ въ себя. Велика также ловкость, съ которой тюлени, выглядывая добычу и стоя въ водѣ, могутъ поддерживать себя въ стоячемъ положеніи на одномъ мѣстѣ, тихо перебирая задними лапами». На твердой-же землѣ тяжело передвигаются даже и тѣ роды, которые могутъ вообще ходить, другіе-же двигаются совершенно своеобразнымъ, только имъ свойственнымъ образомъ. Движеніе это похоже на движенія нѣкоторыхъ гусеницъ. Когда тюлень хочетъ на твердой землѣ передвинуться съ одного мѣста на другое, онъ бросается на грудь, выгибаетъ туловище горбомъ, какъ кошка, упирается на заднія конечности и быстро вытягиваетъ впередъ свое туловище, вслѣдствіе чего передняя часть его нѣсколько подвигается. Такимъ образомъ, поочередно опираясь то на переднюю, то на заднюю часть туловища, выгибая и вытягивая его, они достигаютъ, относительно говоря, довольно быстро передвиженія. Переднія конечности при этомъ не оказываютъ имъ ни малѣйшей услуги: онѣ употребляются въ дѣло только, когда животное взбирается на гору. На ровной поверхности, хотя тюлени иногда и упираются на нихъ, но помощь отъ нихъ все-таки болѣе кажущаяся, нежели дѣйствительная. Я тщательно изслѣдовалъ слѣды тюленей, и на большомъ разстояніи не находилъ на пескѣ отпечатка переднихъ конечностей ихъ, что было-бы неизбѣжно, если-бы животное упиралось на передніе лапы. Иногда тюлень складываетъ оба лапа вдоль туловища и, переваливаясь, движется впередъ, какъ-бы не желая приводить ихъ въ движеніе: однимъ словомъ, лапы совсѣмъ не приспособлены для хожденія. Напротивъ того, онъ ихъ очень ловко употребляетъ, какъ обезьяны или кошки для того, чтобы чиститься, чесаться, приглаживать, а также чтобъ что-нибудь держать, напримѣръ, прижимать дѣтеныша къ груди.

Всѣ ластоногія въ высшей степени общественны; ихъ почти никогда не видно по одиночкѣ. Чѣмъ уединеннѣе бываетъ мѣстность, тѣмъ многочисленнѣе ихъ стада или семейства. Чѣмъ меньше встрѣчаются они съ человѣкомъ, тѣмъ бываютъ добродушнѣе эти робкія въ населенныхъ странахъ созданія. Человѣкъ — очевидно самый страшный и самый кровожадный врагъ безоружныхъ обитателей водъ, потому что тѣ немногія хищныя животныя, которыя могутъ быть для нихъ опасны, какъ напримѣръ, бѣлый медвѣдь, нападающій преимущественно на мелкіе виды, и жадный хищный китъ, нападающій также на болѣе крупныхъ ластоногихъ, для нихъ менѣе опасны, нежели влатель земли. Этимъ и объясняется, что надъ ластоногими можно дѣлать наблюденія только тамъ, гдѣ они удалены отъ человѣка или находятся подъ особымъ его покровительствомъ. Образъ жизни ластоногихъ ночной. День они любятъ проводить на землѣ, спать или грѣются на солнцѣ. Здѣсь они во всѣхъ отношеніяхъ

являются совершенной противоположностью тому, что они въ водѣ. Отъ проворства и быстроты, присущихъ имъ въ водной стихіи, не остается и слѣда на твердой землѣ; они скорѣе являются намъ олицетвореніемъ лѣни. Всякое нарушеніе ихъ удобнаго положенія имъ ненавистно: нѣкоторые виды даже трудно заставить обратиться въ бѣгство. Съ наслажденіемъ протягиваются они на своемъ ложѣ и подставляютъ лучамъ солнца то спину, то бокъ, то брюхо, щуриятъ глаза, зѣваютъ и иногда бываютъ скорѣе похожи на мертвое тѣло, нежели на живыя существа; только правильно открывающіяся и закрывающіяся ноздри указываютъ на признакъ жизни.

Когда они совершенно здоровы или во время размноженія, они по нѣсколько недѣль советѣмъ забываютъ объ ѣдѣ; наконецъ голодъ опять гонитъ ихъ въ море, гдѣ ихъ похудѣвшее тѣло снова округляется, сглаживается и наполняется жиромъ. По наблюденіямъ Гаака во Франкфуртѣ тюлени могутъ выдерживать голодъ въ продолженіи шести недѣль. Чѣмъ старѣе животное, тѣмъ оно становится лѣнивей. Дѣтеныши — живыя, игривыя и веселыя существа, старше-же — наоборотъ, очень часто ворчливыя и до безобразія лѣнивыя созданія; конечно, къ ихъ оправданію можно сказать, что ихъ беспомощность на твердой землѣ заставляетъ ихъ казаться еще болѣе лѣнивыми. Чѣмъ они есть. Если имъ угрожаетъ опасность, они посѣбно и быстро уходятъ въ воду; если опасность является вдругъ, то ими овладѣваетъ такой страхъ и ужасъ, что они вздыхаютъ, дрожатъ и напрасно дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы убѣжать отъ бѣды. Если-же дѣло идетъ о томъ, чтобы защищать самку и дѣтенышей, то нѣкоторые изъ нихъ проявляютъ большое мужество. Въ самыхъ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ нѣкоторые виды ластоногихъ до того равнодушны къ чужимъ посѣтителемъ, что позволяютъ имъ ходить вокругъ себя, не обращаясь въ бѣгство; они дѣлаются осторожнѣе, когда знакомятся съ человѣкомъ, губителемъ животнаго царства.

Изъ внѣшнихъ чувствъ у ластоногихъ преимущественно развитъ слухъ, несмотря на отсутствующую или очень маленькую ушную раковину, и гораздо меньше зрѣніе и обонаніе. Голосъ состоитъ изъ хриплыхъ звуковъ, похожихъ то на лай собаки, то на мычанье теленка, то на ревъ быка.

Каждое семейство ластоногихъ составляетъ отдѣльное общество. Самецъ всегда соединяется съ нѣсколькими самками, и нѣкоторые изъ этихъ морскихъ султановъ имѣютъ гаремъ въ нѣсколько дюжинъ рабынь. Тутъ имѣетъ значеніе слѣбая ревность къ другимъ претендентамъ. Каждый тюлень бьется на жизнь и смерть за свою самку; впрочемъ, ихъ толстая кожа и слой жира подъ нею служатъ лучшимъ щитомъ для обоихъ рыцарей противъ всѣхъ ударовъ зубами и когтями, которыми они другъ друга надѣляютъ въ пылу бои. Черезъ 6—12 мѣсяцевъ послѣ случки самка приноситъ одного, рѣдко двухъ дѣтенышей. Они представляютъ изъ себя хорошенкыхъ, веселыхъ звѣрковъ. Путешественники говорятъ, что они только внослѣдствіи понемногу выучиваются плавать и нырять и вслѣдствіе этого должны вначалѣ оставаться на твердой землѣ въ обществѣ своей матери до перваго линянія; мнѣніе это, однако, не должно считаться безусловно вѣрнымъ для всѣхъ видовъ; по крайней мѣрѣ, я заключаю это изъ своихъ наблюденій, о которыхъ будетъ сообщено ниже.

Взрослые и молодые тюлени съ одинаковой нѣжностью любятъ другъ друга, и мать, жертвуя собственной жизнью, защищаетъ свое потомство отъ всякой опасности. Отецъ, забавляясь ихъ веселыми играми, выражаетъ свое удовольствіе приятнымъ ворчаньемъ и, если строеніе его тѣла не позволяетъ ему принять болѣе дѣятельное участіе въ игрѣ, слѣдитъ глазами за катающимися по землѣ и кувыркающимися дѣтенышами. Мѣсяца черезъ два дѣтеныши развиваются настолько, что могутъ быть

отучены отъ молока. Они растутъ быстро: уже по истеченіи трехъ мѣсяцевъ дѣтеныши гренландскаго тюленя достигаютъ половины величины своей матери. Отъ двухъ до шести лѣтъ они дѣлаются взрослыми, а отъ 25—40 лѣтъ уже наступаетъ старческій возрастъ.

Пищу ихъ составляетъ мясо всякаго рода, большею частью рыбы, ракообразныя животныя и моллюски. Нѣкоторые виды бываютъ опасны и для морскихъ птицъ, которыхъ не трогаютъ болѣе мелкія ластоногія, и даже для другихъ тюленей. Въ Дюссельдорфѣ было замѣчено, что тюлени затаскивали подъ воду и убивали утокъ, съ которыми нѣкоторое время они мирно жили въ одномъ прудѣ. Чтобы ускорить свое пищевареніе, нѣкоторые тюлени глотаютъ камни, какъ это дѣлаютъ птицы; другіе наполняютъ въ случаѣ нужды свой голодный желудокъ водорослями.

Всякая охота на тюленя есть безжалостная бойня. Поэтому и избѣгается слово *охота*: говорятъ о рѣзні, о боѣ, а не о благородной охотѣ. Молодые и старые, большіе и маленькіе истребляются безъ разбора. Вслѣдствіе этого почти все виды ластоногихъ значительно истреблены, а нѣкоторые почти совершенно исчезли. Отъ стадъ, которыя покрывали въ прошломъ столѣтіи пустынные острова, теперь остались только жалкіе остатки. Ворвань и сало, зубы и кожа ластоногихъ — цѣнные предметы. Чѣмъ и объясняется рвеніе людей къ ихъ преслѣдованію.

Почти все ластоногія могутъ дѣлаться ручными, и нѣкоторыя почти обращаются въ домашнихъ животныхъ. Они уходятъ, приходятъ, ловить рыбу въ морѣ и добровольно возвращаются назадъ въ жилище своего хозяина, умѣютъ его узнавать и слѣдуютъ за нимъ какъ собаки. Нѣкоторыхъ изъ нихъ можно выдрессировать для рыбной ловли.

Ластоногія распредѣляются естественнымъ образомъ на три семейства. Прежде всего стоятъ **Тюлени**, у которыхъ нѣтъ ушной раковины и которые не могутъ ходить на заднихъ конечностяхъ; вслѣдствіе этого, они болѣе другихъ приспособлены къ жизни въ водѣ. Противуположность имъ составляютъ болѣе совершенныя **Ушастые тюлени** или **Нерпухи**, имѣющіе ушныя раковины и заднія конечности, способныя къ ходьбѣ. Середину между ними занимаютъ **Моржи**, у которыхъ хотя не достаетъ ушей, но которые могутъ перегибать заднія конечности нѣсколько впередъ подъ туловище и примыкаютъ кромѣ того къ нерпухамъ по нѣкоторымъ особенностямъ своего черепа.

Члены перваго семейства, **Тюлени**, (*Phocidae*, *Seehunden*, *Phoques*) отличаются короткими, такъ сказать, не отдѣленными отъ туловища конечностями, ступнями и плавательными перепонками, покрытыми волосатою кожей, пальцами переднихъ конечностей, которые по величинѣ уменьшаются отъ внутренняго къ наружному краю, и укороченными средними пальцами заднихъ конечностей. Зубы ихъ состоятъ изъ 4 клыковъ, 4 ложно-коренныхъ и 1 настоящаго кореннаго на каждой сторонѣ верхнихъ и нижнихъ челюстей и изъ различнаго числа рѣзцовъ.

Наружный покровъ тѣла состоитъ изъ густо сидящихъ, болѣе или менѣе длинныхъ, но никогда не переходящихъ въ гриву волосъ ости, подъ которыми изрѣдка бываетъ небольшой подшерстокъ. Цвѣтъ шерсти мелко-пятнистый и только у немногихъ тюленей волосы и шерсть одноцвѣтны или пятна больше.

Древніе народы хотя и знали тюленей, но описывали ихъ очень плохо. Геснеръ сопоставляетъ ихъ свѣдѣнія, присоединя къ нимъ рассказы о тюленяхъ, доставленные средними вѣками: «Тюлень», говоритъ онъ, «причисляется къ китамъ, иногда онъ достигаетъ значительной величины и имѣетъ легкія и отверстія, черезъ которыя онъ втискиваетъ воздухъ, а конечности у него такія-же, какъ и у китовъ;

онъ не можетъ жить ни безъ воды, ни безъ земли и хотя и можетъ пробыть довольно долго безъ воды, но пищу свою достаетъ все-таки въ водѣ, пребываетъ больше въ водѣ, нежели на сушѣ и потому справедливо причисляется къ воднымъ животнымъ. Тюлень спитъ и производитъ дѣтенышей на сушѣ, на берегу, спитъ крѣпче, чѣмъ другіе звѣри, съ храномъ, происходящимъ отъ мокроты, всегда находящейся у него въ легкихъ, взбирается большею частью къ вечеру на берегъ и на скалы, чтобы спать, иногда-же и среди бѣлаго дня; тогда для ходьбы или лазанья онъ употребляетъ плавательныя перья, выгибая впередъ заднія вмѣсто ногъ; онъ можетъ по своему желанію вытянуться и сжаться. Когда его убиваютъ, онъ кричитъ голосомъ, похожимъ на ревъ быка, но, говорятъ, имѣетъ еще свой собственный другой голосъ. Тюлень всеядное животное, ѣстъ въ водѣ и на сушѣ рыбу, мясо, траву и все, что можетъ достать, не падитъ и людей. Вслѣдствіе этого ему приходится и гоняться за рыбами, и не удаляться слишкомъ отъ берега, но поскорѣе возвращаться къ нему; онъ больно кусается и гоняется за цѣлыми стадами рыбъ, чтобы ими завладѣть».

«Во время течки они сцѣпляются другъ съ другомъ, какъ это дѣлаютъ собаки, рожаютъ и воспитываютъ своихъ дѣтенышей, являющихся на свѣтъ живыми, на твердой землѣ; мать кормитъ ихъ молокомъ и приучаетъ ихъ понемногу къ водѣ. Въ Скопскомъ морѣ они на льдинахъ кормятъ своихъ дѣтенышей подобно всѣмъ тамошнимъ четвероногимъ животнымъ».

«Это животное имѣетъ сильную привязанность къ своимъ дѣтенышамъ, пока они молоды, и выказываетъ се тѣмъ, что помогаетъ имъ, носитъ ихъ и заботится о нихъ, вслѣдствіе чего большею частью молодые и старые ловятся вмѣстѣ. Филостратъ пишетъ, что Дамисъ видѣлъ на островѣ Агитъ тюленя, пойманнаго рыбаками, который такъ оплакивалъ одного изъ своихъ дѣтенышей, родившагося мертвымъ въ неволѣ, что онъ три дня ничего не ѣлъ, хотя и слыветъ за самое обжорливое животное; иногда они, должно быть, играютъ между собою. Аристотель пишетъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта «рыба» поселится, она ведетъ борьбу со всѣми другими «рыбами», самецъ съ самцомъ, самка съ самкой, дѣтеныши съ дѣтенышами и т. д., до тѣхъ поръ, пока часть ихъ не будетъ убита или куда-нибудь прогнана. Тогда это мѣсто дѣлается ихъ достояніемъ и они его не покидаютъ, а напротивъ, совсѣмъ остаются въ мѣстѣ своего поселенія. Къ человѣку они проявляютъ такую склонность, что легко дѣлаются ручными, и ихъ можно приучить, какъ къ доброму, такъ и злему обращенію; они привѣтствуютъ человѣка голосомъ и выраженіемъ лица, и когда ихъ называютъ по имени, то они голосомъ ругаются».

«Это животное заключаетъ въ себѣ много полезнаго; его жвачка (содержимое желудка; у Геснера: Mägin), какъ лѣкарство, помогаетъ отъ надучей болѣзни, и такъ-какъ онъ понимаетъ, что изъ за этого его преслѣдуютъ, то онъ самъ выбрасываетъ се съ досады. Его кожа, говорятъ, предохраняетъ отъ грома, молніи и града, вслѣдствіе чего моряки покрываютъ ею верхнія части мачтъ. Палладій земледѣлецъ пишетъ, что кожей тюленя обносятъ поля и виноградники или вѣшаютъ ее посрединѣ на шестѣ, чтобы предохранить поля отъ града и другихъ невзгодъ. Его мѣхъ имѣетъ чудесное свойство: если надѣть среди моря такую кожу или поясъ изъ нея, то волосы ея во время грозы, урагана и бури на морѣ или, если случится еще что-нибудь, поднимаются, становятся дыбомъ, но, когда опять все успокоится, эти волосы лежатъ опять гладко; все это было подтверждено недавно некоторыми заслуживающими довѣрія людьми на островѣ, называемомъ Гиспапбола.

«Тюлень боится всѣхъ земныхъ животныхъ, особенно медвѣди, который его преслѣдуетъ. Точно также въ водѣ ему приходится бояться большого кита, назы-

ТЮЛЕНИ.

ваемаго Ziphius, который часто его проглатываетъ. Тюленей не безъ труда ловятъ рыбаки, такъ какъ эти животныя, достигнувъ берега, бросаютъ на нападающихъ задними конечностями много песку, наносятъ имъ раны и засыпаютъ глаза; если ихъ перехватываютъ сѣтью, они разгрызаютъ самую крѣпкую сѣть: убить ихъ тоже не легко, благодаря ихъ замѣчательному жиру и твердости кожи, которую трудно ранить стрѣлой или огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ слѣдствіе этого рыбаки, едва увидя тюленя въ сѣтяхъ, тащатъ его, не мѣшкая, на берегъ съ возможной быстротой и шумомъ и бьютъ его веслами и дубинами въ виски, такъ какъ его легче всего убить, ударивъ въ это мѣсто. Большею частью на тюленей охотятся изъ-за ихъ шкуры и «жвачки» молодыхъ тюленей, такъ что пользы отъ этихъ животныхъ все-таки больше, нежели вреда. Нѣкоторые народы, называемые массагетами, одѣваются въ ихъ шкуры. Точно также въ Скииѣ, лежащей на сѣверѣ, эти шкуры употребляютъ для телѣжной упряжки и для сумокъ, а жиръ для смазыванія и для приготовленія кожи. Тюлени—изъ породы китовъ, поэтому и мясо ихъ неудобоваримо. Сало такого звѣря саксы называютъ Salspeck.

«Сало тюленей вылѣчиваетъ и у людей, и у скота коросту, если имъ смазываться, а также уничтожаетъ опухоли и употребляется для уничтоженія плѣши на головѣ; кромѣ того имъ пользуются для вызыванія изъ продолжительнаго сна и противъ слабости матки у женщинъ, чѣмъ даже оно особенно славится. Противъ подагры употребляется зола и жиръ тюленя. Его мясо ѣдятъ и высушенную кровь пьютъ съ виномъ; точно также его печень, легкія, селезенка и содержимое желудка дѣтенышей, смѣшанныя съ его кровью, помогаютъ отъ падучей болѣзни, бѣшенства, головокруженія, удара и другихъ болѣзней мозга. Частица содержимаго изъ его желудка, величиной съ горошину, вылѣчиваетъ отъ четырехдневной лихорадки, отъ жабы и еще нѣкоторыхъ другихъ болѣзней. Запахъ его жженныхъ костей ускоряетъ роды. Его желчь употребляется при всякихъ глазныхъ болѣзняхъ. Опоясываться его кожей полезно для почекъ и бедеръ; сдѣланные изъ нея башмаки изгоняютъ подагру. Тюлень, какъ уже выше сказано, очень крѣпко спитъ, поэтому его правый лапъ, положенный подъ голову, усыпляетъ».

Если мы попробуемъ создать образъ тюленя, очистивъ его по возможности отъ всѣхъ басенъ и ложныхъ свѣдѣній, то намъ придется сказать объ этомъ важномъ и заслуживающемъ вниманія животномъ слѣдующее.

Гораздо болѣе распространенные, чѣмъ всѣ остальные ластоногія, тюлени населяютъ не только океаны, но и большія внутреннія озера, которыя или соединяются съ первыми посредствомъ рѣкъ или составляли ихъ части въ давнопрошедшія времена, какъ напримѣръ Байкалъ и Каспійское море. Они обитаютъ во всѣхъ поясахъ земнаго шара, но особенно многочисленны въ холодномъ полѣ, а именно; за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ встрѣчается значительное число ихъ видовъ. Отъ нерпухъ они отличаются въ отношеніи мѣстопробыванія тѣмъ, что болѣе или менѣе связаны съ берегомъ. Только немногіе изъ нихъ рѣшаются удалиться отъ твердой земли на значительное разстояніе; большая часть ихъ отыскиваетъ необитаемые морскіе берега и скитаются тамъ то въ водѣ, то на землѣ. Вообще если встрѣтить въ морѣ тюленя, то можно навѣрно заключить, что находишься не болѣе, какъ въ тридцати миляхъ отъ берега. На нѣкоторыхъ берегахъ это сильно преслѣдуемое животное еще очень многочисленно, да и вообще понадается нерѣдко, хотя нельзя не признать, что число его постепенно убываетъ.

По своему образу жизни тюлени сходны съ нерпухами, въ движеніи-же на землѣ рѣзко отъ нихъ отличаются, потому что не могутъ ходить такъ, какъ онѣ, а совершенно особенно двигаются впередъ, ползая по землѣ. Только въ водѣ они не

отстаютъ отъ нихъ по своей замѣчательной подвижности; плаваютъ и ныряютъ они мастерски. Работая передними лапами, какъ рыба плавательными перьями, они то сдвигаютъ оба заднихъ лапа, выталкивая этимъ собравшуюся между ними воду, и такимъ образомъ подвигаясь впередъ, то размахиваютъ ими въ стороны, производя тѣмъ приблизительно то-же дѣйствіе. Имъ рѣшительно все равно, лежатъ ли они на брюхѣ, или на спинѣ, и двигаются-ли они выше или глубже отъ поверхности воды. Они прорѣзываютъ воду со скоростью хищной рыбы и перевертываются съ быстротою молніи, а также и въ состояніи простоять на мѣстѣ, сколько имъ-бы ни захотѣлось. Для этого стоянія они притягиваютъ передніе лапы плотно къ туловищу, изгибаются такъ, что нижняя часть туловища находится въ отвѣсномъ, а голова и верхняя часть его въ горизонтальномъ положеніи и остаются около получаса въ этомъ положеніи, держа голову на половину, а спину только немного выше поверхности воды. Когда они хотятъ переплыть большія пространства, то плывутъ съ большою скоростью прямо, но не всегда внизъ грудью, а очень часто на спинѣ, или на боку. Когда имъ вздумается поиграть между собой, они описываютъ круги, выпрыгиваютъ то тутъ, то тамъ изъ воды всѣмъ туловищемъ, гоняются и поддразниваютъ другъ друга, или-же возятся, какъ сумашедшіе, совѣмъ одни въ водѣ: кружатся, вертятся, бѣснуются и вообще ведутъ себя въ высшей степени странно, причемъ нерѣдко до того забываются, что ловкій охотникъ или ловецъ, незамѣченный ими, подкрадывается къ нимъ на разстояніе, которое даетъ возможность бросить острогу и убить ихъ.

Они опускаются на значительную глубину и остаются подъ водой, смотря по обстоятельствамъ, довольно долго, но вовсе не такъ ужъ долго, какъ утверждаютъ нѣкоторые. Когда ихъ не преслѣдуютъ, они поднимаются среднимъ числомъ каждую минуту на поверхность, чтобы вдыхать воздухъ. По моимъ собственнымъ наблюденіямъ съ часами въ рукахъ, они дышатъ разъ въ промежутокъ времени 15—125 секундъ въ водѣ и 5—8 секундъ на сушѣ. Допустимъ, что преслѣдуемые тюлени могутъ выдержать подъ водою втрое или вчетверо больше времени, но ни въ какомъ случаѣ они не въ состояніи были-бы провести тамъ цѣлыя полчаса, какъ это нѣсколько разъ утверждалось и чему вѣрили. Фабриціусъ, который очень подробно описываетъ попадавшихъ ему въ Гренландіи тюленей, также не думаетъ, чтобы тюлень могъ оставаться подъ водою болѣе 7 минутъ.

Броунъ, который ѣздилъ въ Гренландію единственно для наблюденія за морскими животными, считаетъ наибольшимъ временемъ, которое тюлень можетъ провести подъ водою, 15 минутъ, но замѣчаетъ, что нормально онъ ныряетъ не дольше 8 минутъ. На мой взглядъ даже 15 минутъ слишкомъ много. Наблюденіе за двигающимся въ водѣ тюленемъ очень трудно и дѣлается тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ онъ глубже ныряетъ и чѣмъ дольше остается въ водѣ. При болѣе долгомъ ныряніи онъ пробѣгаетъ большія разстоянія и если онъ торопится, то появляется на одно мгновеніе на поверхности, только для того, чтобы набрать воздуха, причемъ болѣею частью высовываетъ только кончикъ носа, такъ что ихъ очень легко проглядѣть и сдѣлать ошибку въ своихъ наблюденіяхъ. Бывшіе на моемъ попеченіи пойманные тюлени, судя по моимъ многочисленнымъ наблюденіямъ, никогда не оставались въ водѣ болѣе 5—6 минутъ и то только, когда они спали. Тюлени спятъ дѣйствительно въ водѣ, но не въ глубокихъ мѣстахъ. Посредствомъ нѣсколькихъ ударовъ лапами они поднимаются, отъ времени до времени, на поверхность съ закрытыми глазами, чтобы набрать воздуха, затѣмъ опять спускаются на дно и повторяютъ это при каждомъ выдоханіи. При этомъ всѣ движенія ихъ кажутся безсознательными. Что они могутъ также спать и лежа

на поверхности воды, само собою разумѣется. Гренландцы, которые отлично знаютъ привычки этого очень важнаго для нихъ животнаго, дали всякому ихъ положенію въ водѣ особенное названіе, потому что изъ различныхъ положеній они заключаютъ, могутъ-ли подѣхать къ плывущему тюленю или нѣтъ. Если тюлень просто подымается, чтобы набрать воздуха, беззаботно высовывается изъ воды до переднихъ ластовъ, затѣмъ съ широко открытыми ноздрями начинаетъ вдыхать воздухъ и медленно опускается опять въ воду, не приводя ее въ движеніе, то онъ называется «стоячимъ»; его называютъ «опрокинутымъ» въ томъ случаѣ, когда онъ шумно погружается опять въ глубину; если онъ, располагаясь къ рыбной ловлѣ, плыветъ по водѣ съ поднятой вверхъ головою, глядитъ прямо передъ собою, стонетъ, работаетъ передними лапами и ныряетъ съ большимъ шумомъ, онъ называется «плескающимся» и легко можетъ быть захваченъ врасплохъ ловцами, тогда какъ «стоячій» тюлень ко всему прислушивается и присматривается и потому мало обѣщаетъ успѣха для ловли. Тоже самое случается, если онъ ѣсть въ водѣ, почти не мѣняетъ своего мѣста, а только высовываетъ носъ изъ воды, чтобы подышать и опять закрыть ноздри; напротивъ того, въ другое время, когда онъ лежитъ на спинѣ, и, подогнувши голову и лапы, отдыхаетъ или спитъ, ловець можетъ къ нему подѣхать такъ близко, что почти въ состояніи схватить его руками. При такихъ обстоятельствахъ его не будить даже громкій шумъ, и случалось, какъ это слыхалъ Броунъ, что его переѣзжали пароходы.

Уоллесъ сдѣлалъ очень вѣрное, подтвержденное Броуномъ и проверенное мною наблюденіе, что тюлень нерѣдко спитъ съ правильными перерывами, причѣмъ бодрствуетъ въ продолженіи трехъ минутъ и на такой-же срокъ опять погружается въ сонъ.

«Находившійся на нашемъ кораблѣ молодой тюлень», рассказываетъ Броунъ. «за которымъ я наблюдалъ внимательно довольно долгое время, дѣйствительно попеременно то спалъ, то бодрствовалъ въ указанныхъ выше промежуткахъ. Если ему мѣшали, онъ старался защищаться; если его оставляли на нѣсколько минутъ въ покоѣ, онъ притягивалъ лапы къ туловищу, пробывъ нѣсколько времени съ заспаннымъ видомъ, закрывалъ глаза и дышалъ одну или двѣ минуты такъ глубоко, что нельзя было сомнѣваться въ томъ, что онъ спитъ; но вдругъ опять, даже не будучи ничѣмъ обезпкоенъ, онъ открывалъ свои темные блестящіе глаза, вытягивалъ шею, бросалъ взглядъ вокругъ себя, чтобы убѣдиться, что все находится въ надлежащемъ порядкѣ, затѣмъ снова впадалъ въ сонъ и опять повторялъ то-же самое. Если тюлени въ большомъ количествѣ лежатъ на льдинѣ или на берегу, то нѣкоторые изъ нихъ, а именно обыкновенно самки, сторожатъ стадо, причѣмъ у нихъ замѣчается такой-же перемежающійся сонъ, какъ у тюленя на нашемъ кораблѣ. Тѣ-же самыя наблюденія можно сдѣлать надъ пойманными тюленями въ нашихъ зоологическихъ садахъ, если остаться нѣкоторое время у ихъ бассейна и подождать, когда кругомъ все успокоится, потому что каждый тюлень проводитъ большую часть дня въ снѣ и можетъ быть признанъ, какъ и всѣ остальные тюлени, ночнымъ животнымъ.

Хотя тюлени и живутъ днями и недѣлями на морѣ и могутъ совершать всѣ свои дѣла въ водѣ, все-же они охотно отправляются на берегъ, чтобы отдыхать, спать и грѣться на солнцѣ. Совершаютъ они это, какъ и всякое перемѣщеніе внѣ воды, видимо съ большихъ трудомъ. Чтобы ходить, тюлень подымается сперва на переднихъ конечностяхъ и бросается впередъ всѣмъ туловищемъ, сгибаетъ затѣмъ переднія конечности, ложится на грудь, горбитъ спину и тѣмъ подвигаетъ впередъ заднюю часть туловища, упирается ею въ землю, бросается опять впередъ

и продвигается то-же, что и раньше, такъ что постоянно передвигаетъ свое тѣло на подобіе змѣи. Повороты онъ совершаетъ только посредствомъ боковыхъ движеній передней части туловища, а именно съ помощью ластовъ. Изъ воды онъ выбрасывается однимъ толчкомъ далеко на берегъ, причемъ свои разставленные заднія конечности быстро и сильно сдвигаетъ вмѣстѣ. У нѣкоторыхъ видовъ замѣчаются отгибки переднихъ ластовъ по обѣимъ сторонамъ того пути, по которому тюлень прошелъ, въ видѣ слабаго слѣда, имѣющаго обыкновенно видъ четырехъ точекъ, направленныхъ кнаружи и въось отъ переда къ заду. При страхѣ или опасности всѣ тюлени имѣютъ обыкновеніе безпрестанно выплевывать воду, можетъ быть, чтобы облегчить себѣ движеніе по сухой землѣ. Какъ ни кажется затруднительной такая походка, тюлень однако довольно быстро подвигается впередъ: бѣгущему человеку приходится очень напрягать силы, чтобы догнать двигающагося по землѣ тюленя. Задняя часть туловища тюленя такъ-же подвижна, какъ и шея. Тюлень можетъ такъ повернуться, что спереди лежитъ на спинѣ, а сзади—на брюшной части туловища и наоборотъ, и онъ тоже въ состояніи поворачивать голову во всѣ стороны.

Лежащій на сушѣ тюлень представляетъ собою олицетвореніе лѣни и неподвижности. Онъ любитъ лежать на берегу совсѣмъ неподвижно, особенно когда грѣетъ солнце. Кажется, что ему лѣнь сдѣлать хоть одно движеніе, чтобы передвинуться съ мѣста. Онъ поворачиваетъ къ солнцу то спину, то брюхо, то правый, то лѣвый бокъ, притягиваетъ лапы къ туловищу или свѣшиваетъ ихъ лѣниво по бокамъ, открываетъ глаза или съ наслажденіемъ закрываетъ ихъ, мигаетъ ими или уставляетъ взоръ неподвижно вдаль, открываетъ только иногда затыгивающіяся клапанами ушные отверстія и ноздри и вообще не обнаруживаетъ никакого другого движенія, кромѣ дыханія. Такъ онъ можетъ лежать часами, равнодушный ко всѣмъ вѣншимъ впечатлѣніямъ, совершенно погруженный въ свою лѣнивую безпечность. Всякая помѣха этому видимо приятному состоянію глубоко ненавистна тюленю и только, если ему уже очень плохо приходится, онъ даетъ себя расшевелить настолько, что мѣняетъ положеніе. Я пробовалъ щекотать соломенкой свозь рѣшетку изъ помѣщенія нѣсь пойманныхъ тюленей или безпокоить ихъ какимъ-нибудь другимъ образомъ и не могъ вывести ихъ изъ принятаго ими положенія. Это нарушеніе покоя было имъ въ высшей степени неприятно: они сердито ворчали, хватали соломенку, но продолжали лежать. Однако совсѣмъ не то было при повтореніи раздраженія: тогда они скоро прятались въ воду, если признавали ее достаточно безопаснымъ убѣжищемъ.

На удобно расположенныхъ скалахъ часто завязывается жаркій споръ между самими тюленями изъ-за лучшихъ мѣстъ. Сильнѣйшій сбрасываетъ внизъ слабѣйшаго только для того, чтобы какъ можно удобнѣе расположиться и вытянуться.

На сѣверѣ эти животныя, даже не будучи къ тому вынуждены, выбираютъ охотно льдины для мѣста отдыха и остаются на нихъ, спокойно растянувшись, такъ-же долго, какъ на югѣ на озаренномъ солнцемъ морскомъ берегу. Возможность лежать часами на такой холодной поверхности, не удѣляя слишкомъ много своей теплоты и не простужаясь, доставляетъ имъ толстый слой жира, расположенный между кожей и мускулами. На льду никогда не бываетъ углубленій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежали тюлени, что должно было-бы непременно случиться, если-бы тѣло ихъ выдѣляло нѣкоторое количество теплоты. Кожа и слой жира являются слѣдовательно такими плохими проводниками тепла, что температура наружной кожи едва превышаетъ температуру окружающаго воздуха. Но если тюлень и въ состояніи противостоять вліянію мороза безъ видимаго вреда и неудобства, онъ однако все-таки чувствуетъ холодъ и не особенно любитъ его, а, напротивъ, предпочитаетъ тепло и, какъ было ска-

зано, съ удовольствіемъ подвергаетъ себя его вліянію. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи тюлени, кажется, имѣютъ сходство съ пресмыкающимися, которые выносятъ очень низкую температуру, но вмѣстѣ съ тѣмъ не находятъ большаго удовольствія, какъ подвергать себя дѣйствию самыхъ горячихъ солнечныхъ лучей. У нихъ кровообращеніе понижается и повышается вмѣстѣ съ вѣшнимъ тепломъ, они не постоянно теплы; у тюленей-же оно не зависитъ отъ вѣшняго тепла, такъ какъ ихъ внутренніе органы защищены слоємъ жира.

Во время зимы, которая въ сѣверныхъ странахъ постоянно затягиваетъ льдомъ большія пространства моря, каждый тюлень, взобравшись на льдину, чтобы доставать свою добычу изъ находящагося подъ нимъ слоя воды, продѣлываетъ во льду одно или нѣсколько такъ называемыхъ дыхательныхъ отверстій и безъ сомнѣнія онъ это дѣлаетъ съ самаго начала образованія льда и въ продолженіи зимы постоянно заботится о томъ, чтобы частымъ лазаньемъ черезъ нихъ препятствовать замерзанію этихъ отверстій. Этотъ такъ просто разъясняющійся фактъ далъ поводъ многимъ предположеніямъ, между которыми самымъ удивительнымъ можно считать то, что тюлень продѣлываетъ эти отверстія при помощи своего теплаго носа. Этотъ носъ, хотя и теплѣ льда, настолько холоденъ, что также мало можетъ растопить образующійся въ продолженіи всей зимы на отверстіяхъ ледяной покровъ, какъ выдыхаемый животнымъ теплый воздухъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слишкомъ слабъ и слишкомъ чувствителенъ для того, чтобы тюлень могъ съ его помощью разломать ледъ, вслѣдствіе чего только данное нами объясненіе и остается возможнымъ. Голосъ тюленя иногда походитъ на хриплый лай, иногда на плачь; во время гнѣва они ворчатъ какъ собаки; во время-же спариванія, говорятъ, издають громкій ревъ.

Уже и древніе указывали на тюленя, какъ на богато одареннаго природою звѣря. Вѣшнія чувства его, кажется, хорошо и довольно равномерно развиты. Носъ и уши у него запираются клапанами и имѣютъ снаружи видъ то треугольныхъ, то круглыхъ отверстій, иногда-же просто узкихъ щелей. Ноздри при каждомъ вдыханіи открываются, затѣмъ опять закрываются и остаются закрытыми до слѣдующаго вдыханія, даже если животное находится на землѣ, уши-же только въ водѣ, да и тамъ непостоянно остаются закрытыми. Въ больномъ, мало выпукломъ глазѣ болѣе или менѣе темно-коричневая радужная оболочка наполняетъ почти все свободное отъ вѣкъ пространство: облокъ глаза виденъ очень рѣдко. Зрачекъ не круглый и не продолговатый, а имѣетъ видъ четырехъугольной звѣзды. Мнѣ кажется, что это замѣтилъ только одинъ Фабриціусъ, другіе натуралисты или проглядѣли это свойство глазъ тюленя или считаютъ его невѣроятнымъ, такъ какъ я нашелъ это указаніе только у одного вышеназваннаго натуралиста. Во всякомъ случаѣ это особенное устройство можно разглядѣть только при самомъ благопріятномъ освѣщеніи, и то надо имѣть глазъ тюленя на очень близкомъ разстояніи. Весьма вѣроятно, что подобное устройство допускаетъ ту необыкновенную внутреннюю подвижность глаза, которая замѣчается у этихъ животныхъ и дѣлаетъ ихъ способными видѣть не только въ различныхъ глубинахъ воды, но и днемъ и ночью приблизительно одинаково хорошо. Заслуживаетъ вниманія также умное выраженіе глазъ тюленя; замѣчательно и то, что они, какъ и другія ластоногія, при возбужденіи всякаго рода, а особенно при ощущеніи боли, проливаютъ слезы. Если мы вполнѣ справедливо можемъ принять зрѣніе за самое развитое чувство, то на второмъ мѣстѣ по развитію намъ, вѣроятно, придется поставить слухъ. Несмотря на небольшую величину наружнаго ушнаго отверстія, тюлень довольно ясно воспринимаетъ звуки, но чувство слуха у него все-таки не настолько тонко, чтобы громкіе звуки были ему неприятны. Какъ это было извѣстно еще и древнимъ, онъ любитъ

музыку и пѣніе; новѣйшіе наблюдатели указываютъ, что онѣ со вниманіемъ прислушиваются къ звону колоколовъ и другимъ громкимъ звукамъ. Древніе по образу и движеніямъ тюленей создали своихъ тритоновъ и сиренъ, и эти-же животныя, а не дельфины, послужили поводомъ къ сказанію объ Аріонѣ. Броунъ утверждаетъ, что часто видѣлъ, какъ тюлени высовывали головы изъ воды, внимательно прислушиваясь къ пѣнію матросовъ во время поднятія якоря, а Белль упоминаетъ о томъ, что ихъ привлекаетъ въ той-же степени и колокольный звонъ. Церковь въ Гої на островѣ Оркней находится вблизи узкой песчаной бухты, которая часто посѣщается тюленями и, какъ кажется, не только благодаря своему положенію, но и колокольному звону, имѣеть особенную для нихъ притягательную силу; такъ, часто замѣчали, что они при звонѣ колоколовъ подплывали прямо къ берегу, неподвижно устремляли взоръ въ ту сторону, откуда къ нимъ направлялись звуки, и въ восторгѣ и удивленіи прислушивались къ нимъ все время, пока звонили колокола. Можетъ быть, что такое расположеніе къ подобнымъ звукамъ соединяется у этихъ животныхъ съ любопытствомъ; но во всякомъ случаѣ поведеніе ихъ кажется поразительнымъ и заслуживающимъ упоминанія. Тамъ, гдѣ они уже освоились, ихъ привлекаетъ на поверхность свистокъ и стукъ о бортъ лодки. Объ остротѣ остальныхъ внѣшнихъ чувствъ тюленей мы узнаемъ изъ многихъ фактовъ. Хотя его носъ и служить ему болѣе для дыханія, нежели для обонянія, но послѣднее можно у него назвать хорошимъ, такъ какъ замѣчали очень опредѣленно, что тюлени, желая предохранить себя отъ опасности, стараются удостовѣриться въ ней также и обнюхиваніемъ. Вкусъ они выказываютъ разумнымъ выборомъ пищи, а осязаніе обнаруживаютъ при малѣйшемъ прикосновеніи къ кожѣ, которое никогда не проходитъ для нихъ безслѣдно.

Дать опредѣленное понятіе объ умственныхъ способностяхъ тюленя трудно; что они умны, — не подлежитъ никакому сомнѣнію; но все-же они показываютъ себя иногда такими глупыми и неловкими, что могутъ вестн въ заблужденіе. Смѣлье въ необитаемыхъ мѣстностяхъ, они обыкновенно ведутъ себя съ наибольшей осторожностью тамъ, гдѣ встрѣчаютъ своего худшаго врага — человѣка. Вѣрно то, что у нихъ младшіе слушаются предостереженій старшихъ. Пойманные, они скоро осваиваются со своими сторожами и нѣкоторые дѣлаются очень ручными, знаютъ данное имъ имя, выходятъ изъ своихъ бассейновъ, принимаютъ рыбу изъ рукъ своего хозяина и показываютъ ему и въ другомъ отношеніи участіе и привязанность. Рассказываютъ, что нѣкоторыхъ тюленей пріучали ловить рыбу для хозяина, защищать его во время опасности и т. д. Я не могу ни подтверждать вѣрность такихъ показаній, ни оспаривать ихъ. Достоверно то, что нѣкоторые изъ нихъ позволяютъ сторожу себя трогать и ласкать. даютъ ему лапу, даже позволяютъ, чтобы ихъ пріятель клалъ имъ въ пасть свой кулакъ и т. п. Кажется, что тюлени равнодушны ко всемъ животнымъ, кромѣ рыбъ, мягкотѣлыхъ и ракообразныхъ, которыя имъ служатъ пищею; но заблуждается тотъ, кто думаетъ, что они это дѣлаютъ по своему добродушію. Къ собакамъ пойманные тюлени относятся всегда сердито, сильно фыркаютъ на нихъ, или стараются испугать ихъ щелканьемъ зубовъ. При этомъ они никогда не обнаруживаютъ особеннаго мужества, а, напротивъ, скорѣе сердитую трусость и, если это только какимъ-нибудь образомъ возможно, стараются избѣгнуть подобной встрѣчи. Тюлени, содержавшіеся у меня, всегда чрезвычайно сердились, когда я купать молодыхъ медвѣдей въ томъ бассейнѣ, въ которомъ они жили: они фыркали, ворчали, щелкали челюстями и сердито хлопали передними лапами по водѣ, но никогда не доходили до нападенія. Между водяными птицами можно дать имъ плавать почти безъ боязни; они по крайней мѣрѣ никогда не убиваютъ тѣхъ птицъ, которыя сами

ихъ не беспокоятъ. Съ гусями, утками и другими крѣпкоклювыми птицами они живутъ въ мирѣ, хотя иногда, какъ напримѣръ въ Дюссельдорфѣ, случается и противуположное; менѣе дружелюбно относятся они къ тѣмъ птицамъ, которыя питаются рыбами. Такъ, одна цапля, которая вздумала отнять у тюленя рыбу, была схвачена имъ за ногу и поплатилась ею; нога ея была откушена тюленемъ.

Особенную нѣжность показываютъ тюлени, какъ и все ластоногія, къ своимъ дѣтенышамъ. Они играютъ съ ними и мужественно защищаютъ ихъ, когда грозитъ опасность, даже противъ сильнѣйшихъ враговъ. Какъ ни стараются они вообще избѣгать людей и, какъ наученные горькимъ опытомъ, боязливо убѣгать отъ охотниковъ, было замѣчено, что они все-же остаются при своихъ дѣтенышахъ, даже въ минуты большой опасности, и раздѣляютъ ихъ участь. Съ другой стороны утверждаютъ, что видѣли, какъ они при такихъ случаяхъ захватывали дѣтеныша передними лапами, прижимали его крѣпко къ груди и такимъ образомъ старались перетащить какъ можно скорѣе въ воду.

Смотря по странѣ, гдѣ живутъ тюлени, время ихъ случки бываетъ въ разные мѣсяцы. Въ нашемъ сѣверномъ полушаріи она происходитъ осенью, въ южныхъ странахъ между апрѣлемъ и іюнемъ. Старые самцы, какъ говорятъ, въ это время очень возбуждены, ссорятся между собою и не думаютъ ни о чемъ, кромѣ своей любви. Говорятъ, что это чувство совершенно овладѣваетъ ими и заставляетъ ихъ совсѣмъ забывать присущую имъ робость. Ихъ ревность такъ-же сильна, какъ и ихъ любовь. Тому, кто умѣетъ подражать ихъ хрюканью и реву, легко ихъ къ себѣ приманить. «Съ однимъ своимъ товарищемъ по охотѣ», рассказываетъ Шиллингъ, «я нашелъ однажды на одномъ пустынномъ островѣ отъ 10 до 12 хрюкавшихъ и кричавшихъ тюленей, которые собрались сюда для спариванія. Когда мы причалили къ берегу, они, противъ своего обыкновенія, очень лѣниво ползли въ воду, и я чуть не подумалъ, что это совсѣмъ особаго вида звѣри. Мы рѣшили подкараулить этихъ тюленей и съ этой цѣлью вырыли себѣ въ пескѣ углубленіе. Едва наша лодка отбѣхала шаговъ на 500, какъ изъ воды на небольшомъ разстояніи снова показались вмѣстѣ все тюлени; съ видимымъ удовольствіемъ и любопытствомъ прислушиваясь къ звукамъ, которыми мы старались подражать ихъ хрюканью, они вылѣзли изъ воды почти до половины туловища и, что довольно замѣчательно, въ этомъ положеніи стали приближаться постепенно къ берегу острова. Когда-же мы начали издавать болѣе высокіе и слабые звуки, которыми обыкновенно перекликаются самцы, крупныя самки вползли первыя на берегъ и скоро стали приближаться къ нашему пристанищу. слѣдуя привлекавшимъ ихъ звукамъ, хотя навѣрно должны были уже видѣть наши головы. Мы выбрали себѣ каждый по тюленю, прицѣлились и выстрѣлили заразъ; когда пороховой дымъ разсѣялся, каждый изъ насъ увидѣлъ передъ собою убитымъ того тюленя, въ котораго онъ цѣлился. Но остальные, которые вышли на берегъ вмѣстѣ, вели себя такъ, какъ будто и они были задѣты выстрѣлами. Мы могли-бы отлично, если-бы были спокойнѣе и лучше къ тому подготовлены, пустить еще по два выстрѣла въ тѣхъ, въ которыхъ мы не попали раньше. Только, когда мы вкочили на ноги, жизнь вернулась къ этимъ какъ будто молніей пораженнымъ животнымъ».

Приблизительно черезъ 9½ мѣсяцевъ послѣ случки, въ маѣ, іюнѣ или іюль, самка приноситъ одного, рѣдко двухъ дѣтенышей на пустынномъ, необитаемомъ островѣ, чаще на песчаномъ мѣстѣ морскаго берега, въ пещерахъ, иногда-же на скалахъ или ледяныхъ поляхъ. Дѣтеныши являютъ на свѣтъ въ совершенно развитомъ состояніи, покрытые густымъ, нѣжнымъ, бѣлымъ мѣхомъ, который мѣшаетъ имъ плавать и еще болѣе нырять, но скоро замѣняется гладко прилегающими и твердыми волосами. До этого времени самки остаются на сушѣ съ дѣтенышами.

При посѣщеніи одного торговца животными, я увидѣлъ у него самку тюленя, объемъ которой заставлялъ возлагать на нее пріятныя надежды. Хотя это животное и было изуродовано двумя ранами, полученными имъ во время ловли, и для показа публикѣ совсѣмъ не годилось, я все-же рѣшилъ его купить, такъ какъ въ этомъ видѣлъ возможность важныхъ для меня наблюденій. Насколько мнѣ было извѣстно, беременныя тюлени рожали нѣсколько разъ и въ неволѣ, но дѣтеныши умирали всегда тотчасъ послѣ рожденія. Мнѣ-же посчастливилось, можетъ быть потому, что я могъ помѣстить своего тюленя въ маленькой прудъ. Рожденіе хорошо выношеннаго дѣтеныша произошло 30-го іюня рано утромъ; сторожъ, которому я поручилъ заботы о самкѣ, нашелъ при своемъ приходѣ утромъ дѣтеныша, игравшаго въ водѣ съ матерью. На берегу я нашелъ рядомъ съ довольно большимъ количествомъ крови и послѣдомъ весь дѣтскій покровъ новорожденнаго, порядочную кучу шелковистыхъ, короткихъ волнистыхъ бѣлыхъ волосъ, лежавшихъ на одномъ мѣстѣ небольшого размѣра, но уже, вѣроятно, сошедшихъ съ дѣтеныша въ утробѣ матери. Дѣтенышъ не носилъ болѣе ни малѣйшаго слѣда шерстистаго покрова, цвѣтомъ онъ совершенно походилъ на свою мать, но только нѣкоторые цвѣта были у него свѣжѣе и блестящѣе. Глаза смотрѣли ясно и бодро. Даже движенія молодого животного совершенно походили на движенія его родителей: въ водѣ онъ двигался такъ-же искусно, на сушѣ такъ-же неловко. Казалось, что съ первыхъ часовъ своей жизни внѣ утробы матери онъ усвоилъ себѣ всѣ привычки, свойственныя другимъ тюленямъ, плавалъ такъ-же хорошо на брюхѣ, какъ и на спинѣ, нырялъ легко и глубоко, вель себя, однимъ словомъ, какъ и старій тюлень. Но онъ и явился на свѣтъ уже замѣчательно развитымъ и поразительно большимъ животнымъ. Уже въ самый день его рожденія намъ удалось взвѣсить и измѣрить это маленькое, уже защищавшееся созданіе: вѣсъ его доходилъ до 8,75 килогр., длина-же—85 см.

Въ вышепей степени интересно было наблюдать за обоими животными. Мать видимо очень радовалась на своего дѣтеныша и выказывала ему постоянно большую нѣжность, а разумный дѣтенышъ, казалось, понималъ ее. Уже съ первыхъ дней она неуклюже играла съ нимъ, сначала въ водѣ, потомъ на берегу. Оба нѣсколько разъ катались по землѣ, къ чему мать приглашала дѣтеныша хриплымъ мычаньемъ или тихо трогала его передними лапами. Въ играхъ ихъ взаимная привязанность каждому бросалась въ глаза. Отъ времени до времени оба заразъ высовывали изъ воды головы, совсѣмъ близко одинъ отъ другаго, и затѣмъ трогали другъ друга мордами, какъ будто хотѣли поцѣловаться. Мать пускала постоянно своего дѣтеныша плыть впередъ, слѣдила за каждымъ его движеніемъ и подгоняла его легкими ударами по тому направленію, которое заранѣе намѣчала. Только если ему слѣдовало выйти на берегъ, она указывала ему надлежащій путь. Вечеромъ-же дѣтенышъ съ громкимъ чавканьемъ сильно сосалъ мать, которая для этого ложилась на землю и звала дѣтеныша ворчаньемъ. Позже онъ отъ 6—10 разъ въ день подползалъ къ матери, прося пищи. Въ водѣ онъ никогда не сосалъ, но крайней мѣрѣ я этого никогда не видалъ.

Удивительно быстро увеличивался молодой тюлень въ объемъ и ростѣ; движенія его тоже становились все свободнѣе и смѣлѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ росъ и его интересъ къ окружающему и понятливость. Приблизительно черезъ восемь дней послѣ рожденія онъ началъ уже принимать на берегу всѣ привычки тюленей: удобное и лѣгкое лежанье на боку или на спинѣ, выгнутое положеніе въ водѣ, причемъ держалъ высоко сложенными передніе лапы и игралъ ими, и многія подобныя привычки. На третьей недѣлѣ своей жизни онъ совершенно обратился во взрослога тюленя. Сторожа онъ боялся, и потому мнѣ только въ 6-ую недѣлю его жизни уда-

лось свѣситъ его во второй разъ. Въ это время онъ какъ разъ удвоилъ свой первоначальный вѣсъ, несмотря на то, что онъ до тѣхъ поръ только сосалъ мать и не принималъ еще рыбной пищи.

Къ большому своему сожалѣнію я потерялъ это интересное животное на восьмой недѣлѣ его жизни. Невозможно было приучить его къ рыбной пищѣ, а молоко у самки убывало. Онъ пробовалъ ѣсть брошенную ему рыбу, но эта пища, казалось, была ему не годна: онъ все хирѣлъ, и однажды утромъ мы нашли его мертвымъ на его обычномъ мѣстѣ.

На далекомъ сѣверѣ молодые тюлени сбрасываютъ свой теплый покровъ, въ которомъ они являются на свѣтъ, гораздо позже, нежели на югѣ, и потому вначалѣ не могутъ плавать или, по крайней мѣрѣ, нырять. Это-то и служитъ, вѣроятно, причиною того, что, согласно со всеми наблюденіями, самки здѣсь остаются по недѣлямъ на берегу со своими дѣтенышами, приучая ихъ по немногу къ водѣ и обучая ихъ плавать. Для этого онѣ водятъ ихъ сперва въ маленькія и узкія проруби, образующіяся между льдинами, и только впоследствии и когда они сбросятъ свой теплый покровъ, пускаютъ ихъ въ открытое море. При ихъ быстромъ ростѣ они къ этому времени достигаютъ уже значительной величины и приобретаютъ способность самими добывать себѣ пищу. Здѣсь они еще болѣе осваиваются, сначала подъ руководствомъ матери, съ ловлею различныхъ животныхъ, служащихъ имъ пищею, и въ очень короткій срокъ усваиваютъ образъ жизни всѣхъ тюленей.

Весьма вѣроятно, что молодые тюлени вначалѣ совсѣмъ не ѣдятъ рыбы, а питаются исключительно раками и другими низшими морскими животными, а также и различными слизняками, которыми не брезгаютъ и взрослые тюлени. По изслѣдованіямъ Броуна, тюлени, встрѣчающіеся въ гренландскихъ водахъ, питаются въ разное время года различными морскими животными, причемъ они сообразуются съ тѣми мѣсяцами, въ которые тотъ или другой родъ ихъ добычи является въ большомъ количествѣ. Въ лѣтніе мѣсяцы различныя ракообразныя животныя, наполняющія своей массой наши сѣверныя моря, въ особенности-же вездѣ многочисленныя и разнообразныя креветки, составляютъ преимущественную пищу тюленей, а вмѣстѣ съ ними и моллюски, морскія звѣзда и т. д., а въ другое время года они преимущественно охотятся за рыбою. Между рыбами они выбираютъ себѣ, съ очевиднымъ желаніемъ полакомиться, дѣлающему честь ихъ вкусу, преимущественно тѣ виды, которые и мы считаемъ отличнымъ кушаньемъ. Во многихъ странахъ рыбаки обвиняютъ ихъ въ хищничествѣ и прожорливости, такъ какъ они съѣдаютъ у рыбъ, пойманныхъ на удочки, особенно у лососей, все до головы, или, если у нихъ большой выборъ, выбираютъ себѣ самые лакомые куски. Извѣстные охотники за тюленями въ сѣверныхъ моряхъ, Альтманъ — отецъ и сынъ, изслѣдовали до 500 желудковъ этихъ животныхъ и находили тамъ краббовъ и креветокъ, а также камбалу. По изслѣдованіямъ Неринга, кажется по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ, чтобы вредъ, наносимый рыбной ловлѣ тюленями, былъ такъ великъ, что могъ-бы оправдать необходимость истребленія ихъ. Пойманные тюлени ѣдятъ и рѣчную рыбу, вынужденные необходимостью, но если имъ ее давать исключительно, они не долго живутъ въ неволѣ, тогда какъ, питаясь морской рыбой, они могутъ продлить свою жизнь на многіе годы. Вслѣдствіе исключительнаго питанія рыбой у нихъ сильно разводятся глисты, и они нередко умираютъ отъ разрушенія внутренностей этими паразитами. По наблюденіямъ Броуна, они иногда хватаютъ плавающихъ птицъ; Эллиотъ не могъ въ томъ удостовѣриться и склоненъ отрицать этотъ фактъ, который, однако, по крайней мѣрѣ въ одномъ случаѣ, подтверждается наблюденіями фонъ-дентъ-Штейнса. Въ желудкѣ одного морского леопарда (*Stenorhynchus leptio-*

пих), пойманного около береговъ южной Георгіи, фонъ-денъ-Штейненъ нашелъ двухъ маленькихъ буревѣстниковъ, «въ которыхъ безъ труда можно было признать *Pelecanoides iripatix*, конечно, служившихъ блестящимъ доказательствомъ необыкновенной ловкости морского леопарда въ искусствѣ плавать и нырять». По моимъ наблюдениямъ тюлени въ неволѣ не ѣдятъ птицъ, даже отталкиваютъ отъ себя ихъ мясо, съ котораго снята была кожа, съ такимъ-же отвращеніемъ, какъ и мясо нашихъ домашнихъ млекопитающихъ, вслѣдствіе чего ихъ очень трудно приучить къ нему. Какъ все питающіяся рыбой животныя, они требуютъ поразительное количество пищи въ зрѣломъ возрастѣ, но крайней мѣрѣ 5 килогр. рыбы въ день, но и то они еще бываютъ голодны и способны поелъ такого обѣда еще разъ проглотить приблизительно такое-же количество пищи.

Для сѣверныхъ народовъ тюлени самое важное изъ всѣхъ животныхъ. Гренландцы только ими и живутъ, и пользуются каждою частью ихъ тѣла. Даже мы, европейцы, умѣемъ цѣнить гладкіи, красивый непромокаемый мѣхъ, ворвань и мясо. Неудивительно поэтому, что тюленей усердно преслѣдуютъ во всѣхъ моряхъ. Охота и ловля ихъ почти вездѣ одинаковы: огнестрѣльное оружіе употребляется рѣдко, въ открытомъ морѣ даже совсѣмъ не употребляется, такъ какъ убитый имъ тюлень идетъ ко дну, какъ свинецъ. Другое бываетъ на определенномъ излюбленномъ мѣстѣ этихъ животныхъ на морскомъ берегу. У восточнаго берега острова Рюгена находится, какъ рассказываетъ Шиллингъ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ крайняго сѣвернаго мыса его, группа скалъ, которая при обыкновенной высотѣ воды выступаетъ надъ ея поверхностью болѣе, чѣмъ на метръ. На этихъ скалахъ часто лежатъ отъ 40—50 тюленей, которые, однако, настолько прозрачны, что не подпускаютъ къ себѣ лодку.

«Одинъ изъ моихъ друзей», рассказываетъ Шиллингъ, «которому хотѣлось доставить мнѣ случай поближе наблюдать этихъ животныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поохотиться на нихъ, велѣлъ укрѣпить на такомъ рифѣ бочку, поставивъ ее такъ, чтобы человекъ могъ безъ труда сидѣть въ ней. Черезъ недѣлю было удостовѣрено, что тюлени не боялись болѣе вида выставленной бочки и по прежнему посѣщали рифъ. Тогда мы переплыли, снабженные собственными припасами на восемь дней, на необитаемый берегъ, построили тамъ свой шалаши и отсюда отправились на рифъ. Одинъ изъ охотниковъ постоянно сидѣлъ въ бочкѣ, а другой оставался на берегу. Лодка всегда оставалась на известномъ отдаленіи. Положеніе было чрезвычайно привлекательно, но и очень странно. Въ маленькомъ пространствѣ узкой бочки я чувствовалъ себя совершенно покинутымъ, и съ жуткимъ чувствомъ слушалъ прибой морскихъ волнъ къ берегу. Мнѣ понадобилось нѣкоторое время, чтобы успокоиться. Тогда моимъ глазамъ представились новыя, никогда невиданныя картины. На разстояніи приблизительно 400 шаговъ тюлени, одинъ за другимъ, стали высовывать головы изъ воды надъ поверхностью моря. Число ихъ увеличивалось съ минуты на минуту, и все они направлялись къ моему рифу. Сначала я боялся, что, увидя мою голову торчащую изъ бочки, они испугаются и все наши усилія пропадутъ даромъ, и страхъ мой увеличился, когда они почти все поднялись изъ воды по вертикальной каменной скалѣ и съ вытянутыми шеями, казалось, съ любопытствомъ разсматривали рифъ, находящуюся на немъ бочку и меня. Но я успокоился отъ моего страха, когда увидать, что они, намѣреваясь выйти на берегъ, толкали и кусали другъ друга, особенно самые большіе изъ нихъ старались какъ можно скорѣе достигнуть рифа. И у нихъ, кажется, преобладало право сильнѣйшаго: большіе изъ нихъ толкали и кусали меньшихъ, которые раньше ихъ попадали на плоскіе и удобные камни чтобы самимъ завладѣть послѣднимъ. Поелъ ужаснаго рева и

толкотни все общество заняло наконецъ переднюю большую гранитную скалу. Новые пришельцы снова все выползали изъ воды, но первые, которые раньше уже расположились тутъ, не пускали ихъ и они должны были постараться найти твердую землю въ сторонѣ отъ рифа. Поэтому нѣкоторымъ пришлось найти себѣ убѣжище въ непосредственной близости отъ моей бочки».

«Положеніе, въ которомъ я находился, было чрезвычайно странное. Я былъ вынужденъ оставаться безмолвнымъ и спокойнымъ, какъ статуя, если не хотѣлъ выдавать себя своимъ необыкновеннымъ сосѣдямъ. Зрѣлище-же это было для меня такъ ново и величественно, что я былъ не въ состояніи направить свое заряженное ружье даже на вѣрную цѣль. Шумъ волнующагося моря и многоголосный ревъ звѣрей оглушали ухо, большое число неспокойныхъ, чрезвычайно своеобразныхъ движеній большихъ и маленькихъ тюленей поражаело взоръ удивленіемъ. Наконецъ я нацѣпилъ одного изъ самыхъ большихъ тюленей и хорошо направленный прямо въ голову выстрѣлъ попалъ такъ вѣрно, что животное уже не имѣло силъ даже двинуться съ мѣста. Второй выстрѣлъ попалъ въ его сосѣда, который точно также послѣ недолгихъ судорогъ безжизненно протянулся на камнѣ. Остальные тюлени только послѣ второго выстрѣла пришли въ общее торопливое движеніе и затѣмъ скользнули съ большою поспѣшностью въ ближайшую воду; первый выстрѣлъ ихъ, кажется, только удивилъ. Пока призванная мною лодка приготовлялась къ тому, чтобы увезти меня и мою добычу, у меня было время сдѣлать наблюденія надъ поведеніемъ спасавшихся тюленей. Они недалеко уплыли, но часто показывались надъ поверхностью воды, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ, даже приближались къ рифу, такъ что казалось, что они опять хотѣли выйти на берегъ. Но наконецъ приближеніе лодки спугнуло ихъ и они удалились въ море».

Иногда удается, по словамъ Шиллинга, стрѣлять въ тюленей и съ судна, если на маленькой лодкѣ при слабомъ вѣтрѣ неслышно подѣхать на парусахъ къ сидящимъ на камняхъ животнымъ. Другой, именно въ Нѣмецкомъ морѣ практикуемый способъ охоты основывается на сильномъ любопытствѣ этихъ животныхъ, которое легко дозволяетъ ихъ обмануть. Для этого пробираются на мѣста, гдѣ тюлени любятъ лежать, ложатся на землю и, когда эти животные показываются изъ воды, начинаютъ предѣлывать всякія игуны: киваютъ головой, бьютъ ногами, перекрецивая ихъ, быстро ползаютъ взадъ и впередъ. Это чрезвычайно смѣшное для зрителей поведеніе никогда не остается безъ должнаго дѣйствія: высунувшіяся изъ воды животныя приближаются, подходятъ совсемъ къ берегу и могутъ быть убиты скрывшимися недалеко стрѣлками. Во время продолжительныхъ морозовъ охота на льду бываетъ обильна, но никогда не вѣрна и всегда опасна. Если открытыя мѣста Балтійскаго моря и замерзають, то тюлени искусно дѣлають отверстія во льду, чтобы черезъ нихъ соприкаться съ вѣшнимъ воздухомъ, лазать на льдины и тамъ спать. Каждый тюлень обыкновенно дѣлаетъ одно, а иногда и нѣсколько такихъ отверстій для своего собственнаго употребленія. Къ этимъ прорубямъ прокрадываются ночью въ валенкахъ, чтобы заглушить звукъ шаговъ, но при этомъ слѣдуетъ обращать вниманіе на вѣтеръ и погоду и постоянно остерегаться.

На восточномъ берегу Швеціи охота производится правильнѣе и чаще при помощи острога, рѣже съ ружьемъ. Нѣкоторые шведскіе морскіе охотники приучаютъ собакъ выслѣживать на льду тюленей и оставаться при нихъ, пока не придутъ ихъ хозяева. На Фарерскихъ островахъ охотятся главнымъ образомъ зимой, когда тюлени остаются на сушѣ со своими дѣтенышами.

Такую охоту описываетъ Граба. «Когда мы пришли въ бухту, тотчасъ-же были окружены безчисленнымъ множествомъ тюленей, которые пристально осма-

тривали насъ, съ любопытствомъ вытягивая вверхъ головы. Не было пущено ни одного выстрѣла, чтобы не разбудить тѣхъ, которые спали на скалахъ. Мы высадились и прокрались къ одной группѣ тюленей, свернувшись такъ, что нельзя было различить, гдѣ голова и гдѣ хвостъ каждаго животнаго. Едва раздался выстрѣлъ, какъ вся свергавшая на солнцѣ масса скатилась въ море. Тогда мы опять сѣли въ лодки, и тихо вѣхали въ бухту. Вся толпа тюленей, числомъ болѣе 50, съ любопытствомъ слѣдовала за нами, желая знать, что происходило въ лодкѣ. Они то ныряли, то поднимались вверхъ; если одинъ изъ нихъ случайно подходилъ совѣмъ близко къ лодкѣ и мы поднимали оружіе для выстрѣла, онъ торопился съ громкимъ плескомъ опять нырнуть подъ воду. Какъ только раздавался выстрѣлъ, всѣ головы исчезали, но тотчасъ опять высовывались совѣмъ около насъ. Были убиты тутъ старые, двухгодовалые и годовалые тюлени.

«По наблюденіямъ прежнихъ временъ, никогда не слѣдуетъ убивать больше половины находящихся на лежбищѣ животныхъ, и въ особенности самцовъ. Если на лежбищѣ три самца, можно убить самаго большого и самаго маленькаго, а средняго оставить. Изъ самокъ, называемыхъ «Арнег», убиваютъ самую жирную; новорожденныхъ дѣтенышей и ихъ матерей оставляютъ живыми. Въ лежбищахъ, которыя находятся въ темныхъ пещерахъ, сильный огонь ослѣпляетъ и ошеломляетъ тюленей, но въ тѣхъ, гдѣ входъ не закрытъ отъ дневнаго свѣта, тюлени видятъ лучше, чѣмъ люди, и тогда при появленіи лодки бываютъ слышны ревъ и ворчанье. Самый большой самецъ, называемый «воркуномъ» (Vormil), тотчасъ поднимается, хочетъ загородить людямъ входъ и прыгаетъ передъ ними по скалѣ назадъ и впередъ съ разинутой пастью. Такъ какъ тюлень на скалѣ стоитъ выше передняго человѣка въ лодкѣ, то послѣднему рѣдко удастся убить животное, если только онъ не выскочитъ на берегъ и не ударитъ его въ спину или въ бокъ. Лучшее всего, если передній человѣкъ держитъ передъ тюленемъ поднятую дубину, тогда даже въ томъ случаѣ, если животное положитъ ему на плечи передніе лапы, тюлень не замѣчаетъ сзади стоящаго человѣка, который и наноситъ ему ударъ. Если тюленю удастся схватить дубину зубами, то никакой человѣкъ не въ силахъ вырвать ее у него. Если одинъ и тотъ-же старый самецъ попадался нѣсколько разъ и ему удавалось спастись, то онъ со всѣмъ стадомъ оставляетъ это мѣсто и отправляется въ другія пещеры, что и должно быть причиной того, что многія лежбища теперь покинуты. Даже очень храбрые люди говорятъ, что они скорѣе пойдутъ противъ разъяреннаго быка, нежели противъ подобнаго стараго самца—тюленя, въ особенности, если второй человѣкъ не можетъ довольно скоро слѣдовать за первымъ. Тюлени-самцы средней величины, кажется, являются соперниками предводителя; если ихъ не убьютъ, то они непременно снова посѣщаютъ лежбище и приводятъ съ собою даже чужихъ самокъ. Если дѣтенышъ настолько великъ, что мать можетъ подъ шумъ, происходящій при прибытіи лодки, столкнуть его въ море, то она это дѣлаетъ и старается и сама съ нимъ спастись. Если-же это не такъ, то она остается при немъ или, если въ первую минуту должна была его оставить, тотчасъ-же возвращается къ нему, такъ что можно опунать дѣтенышей, чтобы узнать, жирны-ли они, но все-таки она не тронется съ мѣста, если ее не спугнуть крикомъ и шумомъ».

Изъ всѣхъ народовъ гренландцы, кажется, искуснѣе всѣхъ умѣютъ не только ловить, но и пользоваться своею добычею. «Гренландцы», говоритъ Фабриціусъ, «большіе мастера легко и красиво управлять веслами, такъ что шумъ ихъ едва слышенъ. Когда тюлень показывается изъ воды, они сначала слѣдятъ за его движеніями, чтобы изъ нихъ заключить, какой способъ нападенія имъ придется употребить. Если онъ спокоситъ, то они изъ всѣхъ силъ стремятся догнать его, какъ можно скорѣе,

чтобы не промахнуться. При этомъ слѣдуетъ соблюдать одно, именно, чтобы движенія весель и лодки не производили сильнаго шума, такъ какъ это могло-бы нарушить спокойствіе тюленя. Здѣсь, между прочимъ, требуется не мало расторопности и упражненій, чтобъ умѣть двигать лодку впередъ то медленными и глубокими ударами весель, то не шевеля веслами, а наклоняя и выпрямляя туловище, и многіе изъ нихъ такъ наловчились, что умѣютъ подойти бортомъ къ самому тюленю, не давъ ему себя замѣтить. Если-же онъ осторожно оглядывается по сторонамъ, то причиняетъ больше затрудненій, но надежда все еще не потеряна; слѣдуетъ только подождать, чтобы онъ нырнулъ и затѣмъ поторопиться двинуться впередъ. Когда голова его остается надъ поверхностью моря, то слѣдуетъ стоять смирно и наклониться или лечь въ лодкѣ, выдавая себя за нѣчто мертвое, плывущее по водѣ. Если-же тюлень плескается въ водѣ и во время своихъ игръ въ недоумѣніи поглядываетъ иногда на ловца, то послѣдній долженъ посвистать, чтобъ придать ему еще больше увѣренности. Если-же онъ все-таки нырнетъ раньше, чѣмъ ловець успѣетъ подѣхать къ нему на разстояніе брошенной остроги, то нужно слѣдить за принятымъ тюлемъ направлениемъ, передвигаться медленно впередъ и постоянно высматривать мѣсто, гдѣ онъ опять появится и т. д. Всѣ случаи подробно здѣсь описывать было-бы слишкомъ долго. Когда наконецъ подѣдутъ къ тюленямъ довольно близко, въ нихъ бросаютъ острогу и веревка тянется за нею. Такъ какъ на острогѣ вѣтъ крючекъ, то сейчасъ-же видно, задѣла-ли она тюленя или нѣтъ; въ первомъ случаѣ она не легко отъ него отдѣляется, но все больше и больше будетъ вытягивать веревку. Тутъ нечего терять времени: если ловець видитъ, что попалъ въ животное, то онъ тотчасъ-же долженъ выбросить изъ лодки пузырь, привязанный къ концу веревки, потому что, когда вся веревка разматается, тюлень можетъ сильно рвануться и опрокинуть лодку. Вотъ по какимъ причинамъ ловцы часто погибаютъ во время этой охоты; если тюлень потащитъ лодку за собой и по близости не найдется другого охотника, который-бы могъ придти къ нему на помощь, то спасеніе для него бываетъ рѣдко. Если-же онъ успѣетъ освободиться отъ пузыря, то наибольшая опасность для него миновала. Однако онъ можетъ иногда встрѣтиться съ тюленемъ, который, набравшись мужества, устремляется на его тонкую, сдѣланную изъ шкуръ лодку и прокусываетъ ее, вслѣдствіе чего греяндець находится въ опасности пойти ко дну».

«Когда-же тюлень тащитъ за собой пузырь, который ему рѣдко удастся погрузить въ воду, то слѣдятъ за направлениемъ этого пузыря, ѣдутъ вслѣдъ за нимъ и стараются добить тюленя копьями; такъ какъ копья не имѣютъ крюковъ, они тотчасъ-же выскальзываютъ изъ раны и плывутъ по водѣ, сколько-бы ихъ ни бросали. Эти многочисленныя раны и тасканье за собой большого, наполненнаго воздухомъ пузыря утомляютъ тюленя. Затѣмъ къ нему подѣзжаютъ совсѣмъ близко, и наносятъ послѣдній смертельный ударъ сжатымъ кулакомъ въ носъ, что его оглушаетъ, а если это бываетъ нужно, то зарѣзываютъ его еще охотничьимъ ножомъ. Тогда его готовятъ къ тому, чтобы дотащить до дому. Прежде всего ему зашиваютъ всѣ раны деревянными пробками, чтобы не терять крови; затѣмъ между шкурой и мясомъ вдуваютъ воздухъ, чтобы онъ лучше плылъ на поверхности воды. Если это былъ маленькій тюлень, то его кладутъ на заднюю сторону лодки, привязавъ ему приблизительно около пупка небольшой пузырь, чтобъ онъ могъ плыть, еслибъ свалился съ лодки. Большаго-же тюленя приходится тащить около лодки, прикрѣпивъ къ животному такой пузырь, что его можно было-бы безопасно отпустить отъ себя, въ случаѣ, если появится другой тюлень. Если ихъ поймано нѣсколько, то они прикрѣпляются къ первымъ, и счастливый ловець можетъ притащить домой такимъ образомъ заразъ 4—5 тюленей.

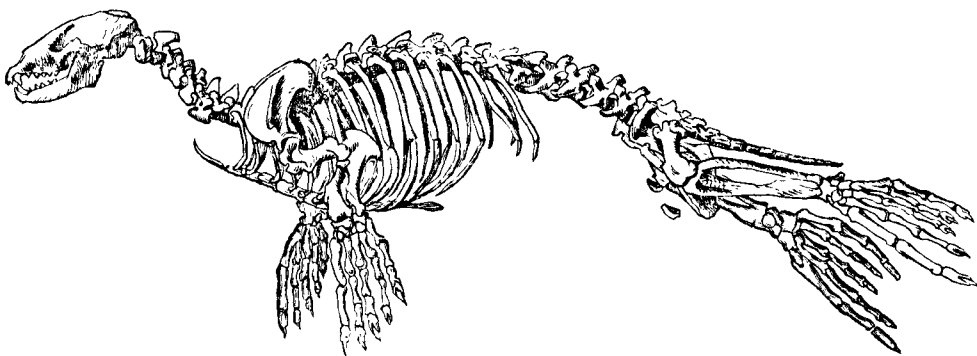
Всѣ тюлени необыкновенно живучи и ихъ можно уложить на мѣстѣ, только если попадешь пулей въ середину мозга или въ сердце. Кромѣ человека тюлени имѣютъ врага въ очень ловкомъ хищномъ китѣ, предъ которымъ всѣ небольшіе тюлени бѣгутъ въ большомъ страхѣ. Гонимые обжорливымъ чудовищемъ, они скачками прыгаютъ надъ поверхностью воды, прилагаютъ все свое искусство въ плаваньи и нырнѣ, стараются достигнуть маленькаго пролива и мели, спѣшатъ выйти на берегъ и въ своемъ смертельномъ страхѣ забываютъ даже боязнь передъ людьми. Бѣлый медвѣдь также неустанно преслѣдуетъ ихъ и, какъ мы это уже видѣли выше, очень ловко умѣетъ ихъ ловить. Для молодыхъ тюленей опасны бываютъ и большія хищныя рыбы.

Сѣверные народы употребляютъ въ дѣло всего тюленя; не только ворвань и шкуру, какъ мы, но и мясо, какъ шведы и норвежцы. Кишки тоже идутъ въ пищу или, предварительно съ большимъ трудомъ промытыя и выглаженныя, употребляются для оконъ, одежды и занавѣсей. Особенно высоко цѣнятся сшитая изъ нихъ верхняя одежда, такъ называемый «капизадъ» гренландцевъ, потому что она считается совершенно непромокаемою. Смѣшанная съ морской водой кровь его варится и употребляется въ пищу, какъ супъ, или застуженная, какъ лакомство, а также сохраняется на черный день сваленною послѣ кипяченія въ круглые шары и высушеною на солнцѣ. Ребра служатъ орудіями для распорки мѣха или изъ нихъ выдѣлываются гвозди; лопатки употребляются вмѣсто заступовъ, изъ сухихъ жилъ приготавливаютъ нитки, и т. д. Шкура, ворвань и мясо все-же составляютъ главную прибыль, получаемую гренландцами отъ охоты за тюленими. Шкуры, которыя употребляются на одежду, въ особенности женщинами на нижнее платье, имѣютъ на крайнемъ сѣверѣ такую цѣну, что, по словамъ Броуна, нельзя порадовать молодую гренландку лучшимъ подаркомъ, какъ подаривъ ей шкуру тюленя. «Точно такъ, какъ европейскій молодой человекъ подноситъ своей возлюбленной драгоценныя камни и украшения, не мѣлѣе нѣжный гренландецъ въ замышленомъ фюрдѣ приноситъ своей невѣстѣ охотничью добычу въ видѣ шкуры тюленя, которая даже и въ датскихъ поселеніяхъ Гренландіи оплачивается 3—4 ригдалерами (отъ 4—5 рублей). Главнѣйшая причина, побудившая искусно владѣвшихъ весломъ и парусомъ гренландокъ совершить съ путешественникомъ Граа достопамятное путешествіе вдоль восточнаго берега Гренландіи, была надежда пріобрѣсти въ сѣверныхъ широтахъ нѣсколько тюленьихъ шкуръ». Даже у рыбаковъ Оркнейскихъ острововъ эти шкуры, главнымъ образомъ употребляемыя на куртки, имѣютъ свою цѣну; мясо тюленей, которое, благодаря своему темному цвѣту и грубому вкусу, не нравится нѣмцамъ, у шведовъ считается вкуснымъ и всѣми сѣверными народами употребляется въ пищу такъ-же охотно, какъ и мясо ихъ немногочисленныхъ домашнихъ животныхъ, и рѣшительно предпочитается рыбной пищѣ. Только печень выбрасываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, приписывая ей ядовитыя свойства, которыхъ она въ дѣйствительности не имѣетъ. Наконецъ, изъ сала приготавливаютъ очень хорошую жидкую ворвань, которая иногда приноситъ больше выгоды, чѣмъ шкура и мясо вмѣстѣ. По словамъ Нильсона, убитый между Мальме и Сканеръ въ Швеціи тюлень доставилъ 90 шведскихъ мѣръ ворвани, цѣною въ 67 шведскихъ талеровъ или 80 марокъ на нѣмецкія деньги (около 40 рублей), — прибыль, вполне объясняющая усердное преслѣдованіе этого животнаго.

Торговцы мѣхами отличаютъ два рода шкуръ ластоногихъ: «мѣховыя» (Fur-seals) и «волосыня» (Hair-seals); къ послѣднимъ принадлежатъ только что разсмотрѣнные нами тюлени. По словамъ Ломера, ежегодно привозится отъ полу-милліона до милліона тюленьихъ шкуръ, цѣною отъ 2—4 милліоновъ марокъ, которыя

частью окрашиваются, частью употребляются некрашенными; послѣднія — самыя простыя и идутъ на обшивку сундуковъ, для ранцевъ, и т. п., такъ-же, какъ и для приготовленія кожи.

Обыкновенный тюлень, образъ жизни котораго послужилъ основаніемъ для вышеизложеннаго описанія, называется у нѣмцевъ морской собакой, «Seehund», у англичанъ — «Seal», у французовъ — «Phoque», у шотландцевъ «Selkin, Selach и Tangfish»; у шведовъ — «Kubbsäl, Algar, Laggar и Skältokar», въ Дани и Норвегii — «Kobbe»; въ Финляндii — «Hylje», въ Лапландii — «Nuorjo», въ Гренландii — «Kassigiak и Turalo (*Phoca vitulina*, *Ph. communis*, *canina*, *variegata*, *littorea*, *linnei*, *Calocerphalus vitulinus*); онъ есть представитель одноименнаго рода (*Phoca*), живетъ во всѣхъ сѣверныхъ моряхъ и часто понадается и въ нѣмецкихъ водахъ. Отличительныя черты этого вида заключаются въ зубной системѣ, которая состоитъ изъ 3 рѣзцовъ въ верхней и 2 въ нижней челюсти, изъ одного клыка, 4 ложно-коренныхъ и 1 настоящаго коренного зуба въ каждой половинѣ челюсти. Зубы эти отличаются тѣмъ, что первые коренные имѣютъ одинъ корень, а остальные по два корня.

Скелетъ тюленя.

Длина взрослага животнаго отъ морды до конца хвоста колеблется между 1,6 и 1,9 метра, причемъ самки обыкновенно бываютъ больше самцовъ. Голова у него яйцеобразная, морда короткая, глаза большіе, темные и съ умнымъ выраженіемъ, ухо обозначается только маленькимъ треугольнымъ возвышеніемъ, верхняя губа толстая, очень подвижная и усажена нѣскольکو волнистыми щетинистыми усами; шея короткая и толстая, туловище почти однообразно утончающееся отъ плечъ къ хвосту; переднія конечности очень короткія, заднія широкія и хорошо развитыя, хвостъ, какъ и у другихъ ластоногихъ, очень коротокъ. Волосной наружный покровъ состоитъ изъ твердыхъ и блестящихъ волосъ, покрывающихъ очень рѣдкій подшерстокъ; обыкновенный цвѣтъ его шерсти изжелта-сѣрый; на немъ образуется рисунокъ неправильными коричневыми, почти черными пятнами, распространяющимися по всей верхней части туловища; пятна эти на головѣ маленькія, круглыя и частыя, на спинѣ соответственно большія, болѣе угловатыя и рѣже расположены.

Обыкновенный тюлень распространенъ по всѣмъ сѣвернымъ частямъ Атлантическаго океана, включая сюда и Ледовитый океанъ. Начиная отъ Средиземнаго моря, куда онъ иногда проникаетъ черезъ Гибралтарскій проливъ, онъ живетъ на всѣхъ берегахъ Атлантическаго океана въ Европѣ: въ Испанii и Франциi, Бельгii, Голландii, Германii, Великобританиi. Скандинавиi и Исландii, также и въ Балтійскомъ морѣ понадается въ Ботническомъ и Финскомъ заливахъ едва-ли рѣже,

тѣмъ въ Зундѣ, въ Большомъ и Маломъ Бельтахъ; встрѣчается онъ и въ Бѣломъ морѣ, по нѣкоторымъ указаніямъ на берегахъ восточной Сибири и Берингова пролива и даже доходитъ до Калифорніи; навѣрно живетъ на Шницборгенѣ, на обоихъ берегахъ Гренландіи, кромѣ того былъ замѣченъ въ Девисовомъ, Баффинномъ и Гудзоновомъ заливахъ и странствуетъ вдоль сѣверо-американскаго восточнаго берега довольно далеко къ югу, доходя нерѣдко до Мексиканскаго залива, и также случайно заходитъ къ сѣвернымъ берегамъ Южной Америки. Изъ моря онъ нерѣдко попадаетъ въ рѣки и потому часто встрѣчается внутри страны *). На югъ своей области распространенія онъ проходитъ, вѣроятно, небольшія пространства, тогда какъ на сѣверѣ, наоборотъ, предпринимаетъ, хотя можетъ быть и не всегда правильно, длинныя путешествія отъ одного моря къ другому.

Впрочемъ обыкновенный тюлень вовсе не единственный видъ ластоногихъ, встрѣчающихся у береговъ Германіи. Рядомъ съ нимъ попадаетъ довольно часто **Щетинистый тюлень** (*Halichoerus grypus. Graue Seehund*) и **Кольчатый тюлень** (*Phoca foetida. Ringelrobbe*), но, напротивъ, рѣдко встрѣчается тамъ **Бѣлобрюхій тюлень** (*Stenorynchus albiventer, Pelagius monachus. Seemönch*), преимущественно живущій въ Средиземномъ морѣ, и **Хохлячъ** (*Cystophora cristata. Klappmütze*), который принадлежит крайнему сѣверу. Совершенно исключительно, вѣроятно, занесенный съ крайняго сѣвера, попадаетъ еще у нѣмецкихъ береговъ **Лысунъ** (*Phoca groenlandica. Sattelrobbe*).

Близко подходит къ нашему обыкновенному тюленю **Каспійскій тюлень**, (*Phoca caspica*), который живетъ, какъ это показываетъ его названіе, въ Каспійскомъ морѣ, совершенно отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ океаномъ.

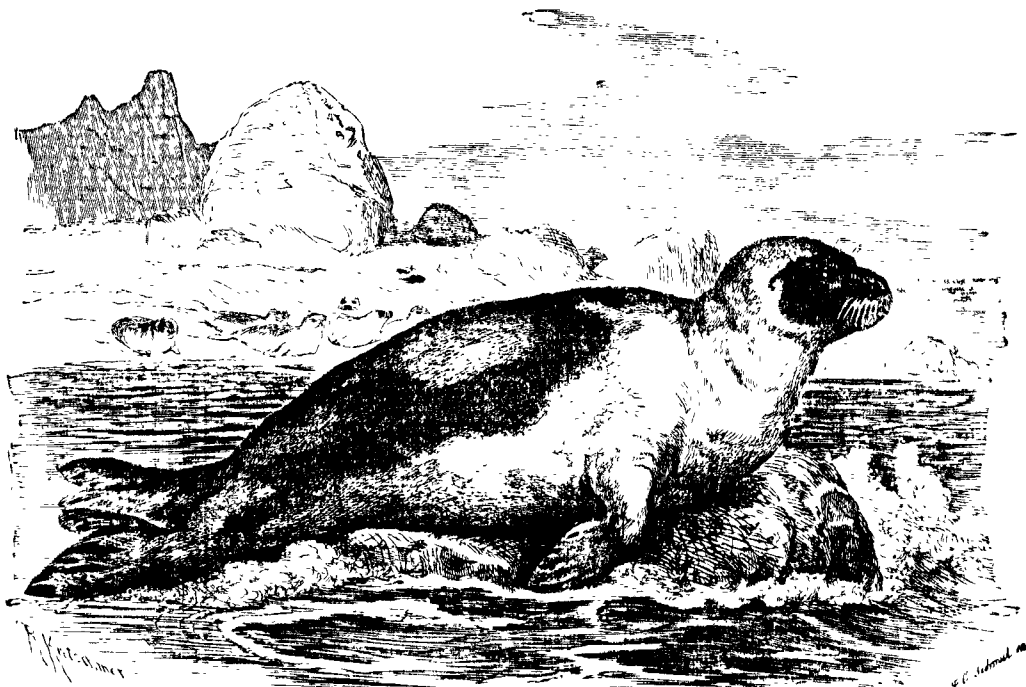
* * *

Лысунъ отличается отъ обыкновеннаго тюленя тѣмъ, что голова у него длиннѣе и уже, съ плоскимъ лбомъ и вытянутымъ рыломъ, а также строеніемъ переднихъ конечностей, которыя у него короче, нежели у тюленя, и тѣмъ, что у него длиннѣе другихъ не первый, а второй палецъ.

Лысунъ, Сѣдлистый тюлень у нѣмцевъ и англичанъ, **Чернобоній**—у норвежцевъ и датчанъ, **Блаудрузелуръ**—у исландцевъ, **Кадоликъ и Нейтке**—у эскимосовъ (*Phoca groenlandica, Ph. oceanica, semilunaris, dorsata, lagura, albicauda, muelleri, pilayi, Pagophilus groenlandicus, Calocephalus groenlandicus* и *oceanicus. Sattelrobbe. Calocephale groenlandais*) едва достигаетъ величины обыкновеннаго тюленя, причемъ длина самцовъ въ рѣдкихъ случаяхъ достигаетъ 1,9 метра, обыкновенно-же стоитъ значительно ниже этой мѣры. Цвѣтъ его густого, короткаго, плотно прилегающаго и блестящаго мѣха, почти не имѣющаго подшерстка, различается не только по родамъ, но и по возрастамъ. У старыхъ самцовъ преобладающій цвѣтъ верхней части туловища то свѣтлый, то темный буро-сѣрый, переходящій иногда въ свѣтло-желтый, иногда-же въ красновато-бурый цвѣтъ, тогда какъ на груди и брюхѣ онъ имѣетъ какъ-бы полнильый, ржаво-серебристый цвѣтъ; затѣмъ ясно выдѣляется передняя часть морды, включая сюда лобъ, щеки и рыло, которая бываетъ шоколаднаго или почти черно-бурата цвѣта, а также и болѣе или менѣе ярко обозначенный темный рисунокъ спины, въ формѣ продолговатой подковы или лиры. Этотъ рисунокъ, послужившій англичанамъ и нѣмцамъ основаніемъ для названія этого тюленя, начинается у задней части затылка, расходится по бокамъ и спинѣ, спускается вдоль боковъ до заднихъ

*) Напр. у насъ въ Певѣ, Ладожскомъ озерѣ, Свири и Онежскомъ озерѣ.

бедеръ и отсюда поворачиваетъ нѣсколько внутрь, сводя вмѣстѣ оба заостренныхъ конца. У нѣкоторыхъ тюленей это сѣдло узко, какъ лента, у другихъ, напротивъ, оно замѣчательно расширяется, у нѣкоторыхъ оно соединяется по срединѣ съ болѣе или менѣе рѣзко обозначающейся поперечной полосой. у другихъ эта полоса едва замѣтна. Меньшаго размѣра самки до того отличаются отъ самцовъ цвѣтомъ своего мѣха, что ихъ разсматривали и описывали, какъ особенный видъ. Ихъ преобладающій цвѣтъ тусклый изжелта-бѣлый или палевый, который на спинѣ темнѣетъ почти до красно-бурого, то съ краснымъ, то съ синимъ и даже темно-сѣрымъ отливомъ; нижняя-же часть туловища имѣетъ ту-же окраску, какъ и у самцовъ; на спинѣ вовсе незамѣтенъ рисунокъ лиры: иногда только на мѣстѣ его видно нѣсколько яйцеобразныхъ темныхъ пятенъ въ различномъ числѣ и разной величины, которыя вы-

Лысунъ. *Phoca groenlandica*. $\frac{1}{15}$ наст. вел.

дѣляются на желтоватомъ или буроватомъ фонѣ. Бѣлоснѣжный мѣховой покровъ молодыхъ лысуновъ принимаетъ понемногу въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ наружный видъ мѣха ихъ родителей.

Область распространенія лысуна ограничивается высшими градусами сѣверной широты, но иногда, можетъ быть черезъ Беринговъ проливъ, онъ попадаетъ въ сѣверную часть Тихаго Океана. Нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчали у береговъ Лапландіи и Норвегіи, и даже Великобританіи и Германіи, но всегда, вѣроятно, прибитыми теченіемъ, такъ какъ южная граница ихъ распространенія едва-ли можетъ перейти за 67° с. ш. Отсюда къ сѣверу они встрѣчаются вездѣ въ Ледовитомъ океанѣ и, смотря по времени года, бываютъ многочисленнѣе то въ той, то въ другой части его. Въ противоположность обыкновенному тюленю, они избѣгаютъ берега и почти исключительно пребываютъ на льдинахъ. Здѣсь можно ихъ видѣть въ необыкновенно большомъ количествѣ; они покрываютъ сотнями и тысячами огромныя ледяныя поля,

насколько можно видѣть вооруженнымъ глазомъ, но никогда они не попадаютъ на далекомъ разстояніи отъ края льдины, чаще совсѣмъ на краю льдинъ, покрывающихъ ежегодно зимою большую часть ихъ родного моря. Когда у нихъ бываютъ дѣтеныши, то они осторожно выбираютъ толстыя льдины, чтобы по возможности оградить отъ опасности безпомощныхъ маленькихъ тюленей.

Чаще, чѣмъ большинству его сородичей, лисуны приходится скитаться для выбора себѣ пристанища; когда лѣтомъ ледъ таетъ и плыветъ къ югу, лисуны возвращаются на сѣверъ, зимою-же, когда ледъ снова образуется, онъ перекочевываетъ на югъ; точно также онъ странствуетъ въ западномъ и восточномъ направленіяхъ. Такъ покидаетъ онъ берега Гренландіи два раза въ годъ, въ мартѣ и въ іюлѣ, плыветъ въ сѣверную часть Девисова пролива и возвращается въ маѣ очень исхудалымъ, живетъ здѣсь по прежнему, затѣмъ пускается въ новое странствованіе, откуда возвращается въ сентябрѣ, чтобы перезимовать у гренландскихъ береговъ. Въ весеннее странствованіе они отправляются обыкновенно всѣ вмѣстѣ, тогда какъ осенью нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ обыкновеніе оставаться, причина чего никому не извѣстна. Какъ далеко къ сѣверу заходятъ странствующие тюлени, неизвѣстно, такъ-же, какъ мало еще удалось опредѣлить настоящія причины ихъ странствованій. Нѣкоторые мореплаватели видѣли ихъ въ открытомъ морѣ, плывущими безчисленными стадами, которые, образуя довольно прямую линію, быстро двигались по одному направленію, другихъ-же они неожиданно встрѣчали на тѣхъ частяхъ морского берега или на такихъ ледяныхъ поляхъ, которые они прежде не посѣщали. Эти странствованія измѣняются различнымъ образомъ, смотря по преобладающей температурѣ того времени года, въ которое они совершаются и которымъ, по крайней мѣрѣ отчасти, они и опредѣляются, точно такъ-же, какъ на эти путешествія имѣетъ вліяніе и присутствіе извѣстныхъ морскихъ животныхъ, которыхъ они употребляютъ въ пищу. За послѣднее говоритъ, мнѣ кажется, еще и то, что лисуны, какъ уже было замѣчено, первый разъ возвращаются чрезвычайно исхудалыми, тогда какъ при второмъ возвращеніи въ сентябрѣ они бываютъ жирнѣе, чѣмъ когда-нибудь: очевидно, въ промежуткѣ того времени они успѣваютъ воспользоваться богатой добычей. Рожденіе дѣтенышей совпадаетъ съ весенними мѣсяцами, между серединой марта и апрѣля, смотря по тому, была-ли зима сурова или умѣренная.

Какъ разъ къ этому времени они собираются на отдѣльныхъ льдинахъ огромными стадами, приводящими въ изумленіе даже опытныхъ охотниковъ. Послѣ того, какъ самки выищутъ подходящія льдины, онѣ мечутъ дѣтенышей и опять скоро спариваются съ самцами, которые затѣмъ и покидаютъ ихъ. Сперва лисуны-самцы плаваютъ у береговъ льдины, но скоро наблюдатель теряетъ ихъ изъ виду, потому что они мало-по-малу исчезаютъ и направляются въ неизвѣстныя страны. Беременность самки продолжается 11 мѣсяцевъ. По указаніямъ Броуна, самка обыкновенно рождаетъ одного, но нерѣдко и двухъ дѣтенышей; по увѣренію-же опытныхъ ловцовъ иногда она приноситъ даже и трехъ заразъ; однако послѣднее кажется невѣроятнымъ и если вообще имѣетъ какое-нибудь основаніе, то оно должно заключать въ себѣ ошибку наблюдателя и объясняться тѣмъ, что одна и та-же самка кормила нѣсколькихъ осиротѣлыхъ дѣтенышей. Подобно своимъ сородичамъ дѣтеныши лисуна рождаются очень развитыми и тотчасъ-же дѣлаются хорошенькими и милыми звѣрками. Ихъ первый бѣлый дѣтскій покровъ не уступаетъ въ бѣлизнѣ чистому снѣгу вышнихъ сѣверныхъ широтъ, но скоро переходитъ въ чудный желтый цвѣтъ, который, къ сожалѣнію, остается тоже недолго. Какъ и многіе другіе тюлени, маленькіе лисуны въ первые дни своей жизни очень безпомощны и совершенно неспособны идти въ воду, поэтому они все время, лежа на покрытой снѣгомъ льдинѣ, сосутъ

мать или снѣтъ, причемъ, какъ и другія живущія на снѣгу животныя, пользуются защитой своего бѣлаго мѣха, который скрываетъ ихъ отъ глазъ враговъ. Матери обходятся съ ними съ величайшею нѣжностью и мужественно защищаютъ отъ охотниковъ, которые преслѣдуютъ ихъ именно въ этомъ возрастѣ. Если ихъ не постигнетъ никакое особенное несчастье,—какъ это случилось, напр., въ 1862 г., когда сильная буря согнала ихъ со льдинъ въ море, гдѣ они еще не умѣли двигаться и должны были потонуть,—они скоро вырастаютъ и замѣняютъ свой дѣтскій покровъ вторымъ пятнистымъ и пестрымъ, который далъ поводъ сравнить ихъ съ зайцами и назвать морскими зайцами. Какъ только они пріобрѣтаютъ этотъ второй мѣхъ, мать ведетъ ихъ въ воду, учитъ и совершенствуетъ ихъ въ разныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Въ теченіи перваго лѣта второй ихъ мѣхъ опять мѣняется, причемъ основной цвѣтъ его на спинѣ переходитъ въ темно-синій а на груди и брюхѣ въ темно-серебристый. Въ этомъ видѣ они называются у гренландцевъ «аглектюкъ». Слѣдующій обмѣнъ мѣха еще болѣе приближаетъ его къ цвѣту мѣха взрослыхъ, который лысуны пріобрѣтаютъ уже на третьемъ, а, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже на четвертомъ и на пятомъ году.

Хотя этотъ тюлень и походитъ въ своихъ нравахъ и привычкахъ на другихъ своихъ сородичей, все-же онъ отличается отъ нихъ въ нѣкоторомъ отношеніи, а именно въ своихъ движеніяхъ. Походка его на сушѣ, какъ показали заключенные въ Лондонскомъ зоологическомъ саду тюлени, есть нѣчто среднее между переваливаніемъ съ боку на бокъ нерпучъ и ползаніемъ на брюхѣ обыкновенныхъ тюленей, и хотя во многихъ случаяхъ они двигаются по способу послѣднихъ, при хоженіи они обыкновенно прибѣгаютъ къ помощи переднихъ лапъ и употребляютъ ихъ какъ ноги. Ихъ движенія въ водѣ отличаются поразительной быстротой и ловкостью, въ особенности-же часто слѣдующими другъ за другомъ прыжками, причемъ они выкидываютъ все туловище изъ воды, чѣмъ они и оправдываютъ данное имъ моряками названіе «прыгуновъ». Ньютонъ думаетъ, что появляющіеся отъ времени до времени рассказы о гигантскихъ морскихъ змѣяхъ, будто-бы видѣнныхъ моряками, слѣдуетъ отнести къ этимъ животнымъ. Какъ уже раньше было замѣчено, стада тюленей, встрѣчающіяся въ открытомъ морѣ, почти всегда плывутъ, выстроившись въ прямую линію одинъ за другимъ, и всѣ слѣдуютъ за однимъ вожакомъ. Если послѣдній, какъ часто это случается, перевернется или сдѣлаетъ прыжокъ въ воздухѣ, выбросившись выше поверхности воды, всѣ остальные, дойдя до того-же мѣста, повторяютъ совершенно то-же самое. Мысль о морской змѣѣ неотступно преслѣдовала Ньютона всякій разъ, какъ онъ видѣлъ плывущихъ такимъ образомъ лысуновъ и ему казалось чрезвычайно понятнымъ, что болѣе склонный къ фантазіи наблюдатель былъ увѣренъ, что видѣлъ въ движущейся передъ его глазами змѣинообразной линіи пресловутое баснословное чудовище моря. Эта-то игривость и удивительная подвижность «прыгуна» и позволяютъ еще болѣе, чѣмъ его яйцеобразная голова, отличать его на всякомъ разстояніи отъ его сородичей. Его умственные способности стоятъ приблизительно на одной ступени съ обыкновеннымъ тюленемъ, такъ по крайней мѣрѣ можно заключить по поведенію какъ живущихъ на свободѣ, такъ и плѣнныхъ лысуновъ.

Относительно охоты на лысуновъ и пользы отъ нея нужно сказать то-же, что было сказано и при описаніи обыкновеннаго тюлени. Для гренландцевъ именно онъ имѣетъ особенное значеніе. Взрослый самецъ вѣсигъ, по словамъ Броуна, 115 килогр., изъ которыхъ 50 идутъ на мѣхъ и жиръ, 45—48 килогр. на мясо, остальное-же на кости, кровь и внутренности. Мѣхъ и кожа его не цѣнятся въ Гренландіи такъ высоко, какъ тѣ-же части обыкновеннаго тюлени, и даже мясо его

уступаетъ мясу послѣдняго; но все-же ловля этого тюленя, благодаря ворвани, приноситъ довольно хорошую прибыль. Въ датскихъ поселеніяхъ въ Гренландіи ежегодно убиваютъ около 36,000 лисуновъ, въ остальной части Ледовитаго океана, можетъ быть, и вдвое больше, но во всякомъ случаѣ не такъ много, чтобы можно было опасаться полнаго исчезновенія этихъ животныхъ.

* *
*

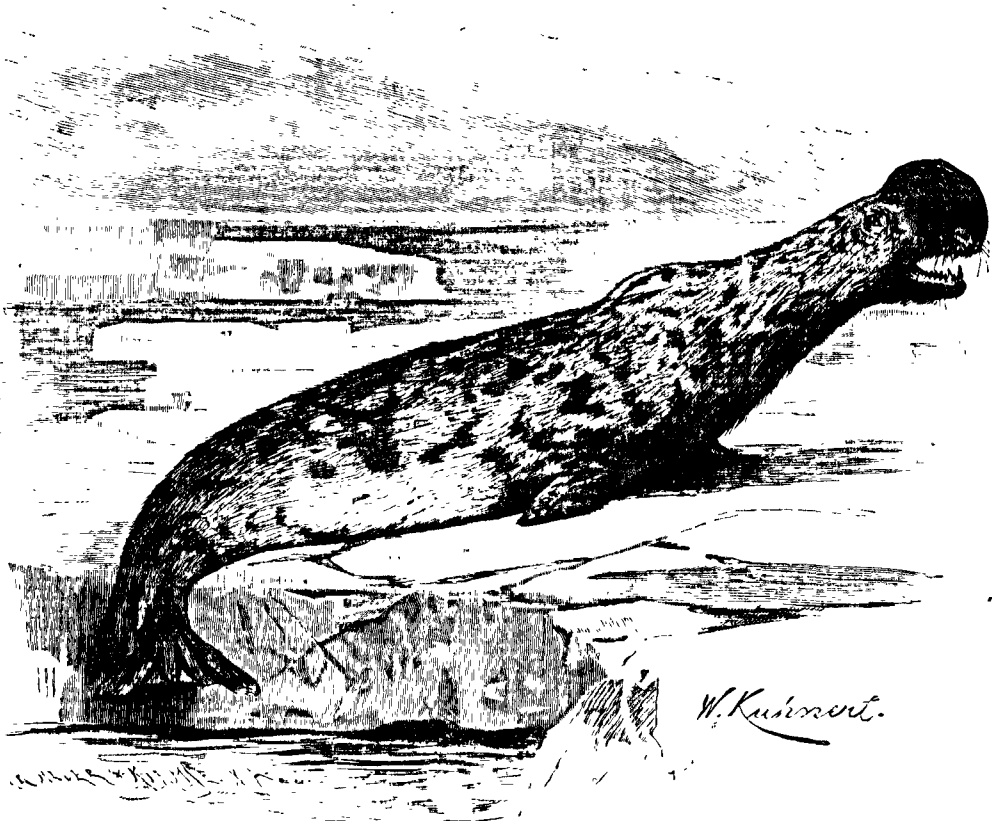
Въ ряду остальныхъ родовъ ластоногихъ второе мѣсто должны занять **Хохлачи** (*Cystophora*); они замѣчательны главнымъ образомъ вѣдствие особеннаго украшенія, являющагося у старыхъ самцовъ на мордѣ въ видѣ страннаго пузыря на подобіе чешаи. Зубная система ихъ состоитъ изъ 2 острыхъ конусообразныхъ рѣзцовъ въ верхней и одного въ нижней челюсти съ каждой стороны, одного очень развитаго клыка, 4 ложнокоренныхъ и одного тупобугорчатаго зуба въ верхней и нижней челюстяхъ.

Представителемъ хохлачей можно назвать **Хохлача обыкновеннаго**, **Бледеръ**—англичанъ, **Кикнебъ**—финновъ, **Авборъ** или **Фатенуорго** и **Оадо** ланландцевъ, **Нейтерзоанъ** и **Канортанъ** гренландцевъ (*Cystophora cristata*, *Phoca cristata*, *mitrata leucopla*, *sicullata*, *dimidiata* и *isidori*, *Stemmatopus cristatus* и *mitratus*, *Cystophora borealis*. Klappenmütze. Phoque Capucin). Это одно изъ самыхъ большихъ ластоногихъ Ледовитаго океана, прежде всего отличающееся кожаныиъ пузыремъ, который покрываетъ носъ, всю морду и большую часть верха головы и по волѣ тюленя можетъ быть наполняемъ воздухомъ и опорожненъ. Въ первомъ случаѣ онъ образуетъ кожанный мѣшокъ въ 25 см. длины и 20 см. вышины и выгладитъ надвинутой на лобъ шапкой; пустой-же можетъ быть сравненъ съ рубцомъ, раздѣляющимъ носъ на двѣ части. Голова у хохлача большая, рыло толстое и тупое, туловище устроенно какъ у другихъ ластоногихъ, также какъ и конечности, въ которыхъ пальцы укорачиваются отъ перваго къ послѣднему и потому лапы кажутся узкими; они мало отличаются отъ лапъ другихъ тюленей, задніе его лапы пятипалые, наружи замѣтно удлиняющіеся, въ серединѣ значительно укорачивающіеся; передніе вооружены сильно загнутыми, внизу выдолбленными, задніе-же тупыми и съ боковъ сжатыми ногтями; хвостъ широкій и короткій. Старые и молодые имѣютъ разнообразный, но одинаковый для обоихъ половъ, наружный покровъ, состоящій изъ длинныхъ, стоячихъ волосъ и толстаго, пушистаго подшерстка; мѣхъ этотъ обыкновенно сверху темно-бураго или чернаго цвѣта съ большими или маленькими, круглыми и яйцеобразными пятнами еще болѣе темнаго цвѣта, снизу-же онъ темно-сѣрый или ржаво-серебристый и безъ пятенъ; голова и лапы темнѣе остальнаго туловища; прикрытое пузыремъ мѣсто головы обыкновенно бываетъ одного цвѣта съ темными пятнами мѣха. Взрослые самцы достигаютъ длины 2,3—2,5 метра, длина-же самки, у которой не бываетъ пузыря, далеко не доходитъ до этой мѣры.

Среди ластоногихъ Сѣвернаго Ледовитаго океана хохлачь, кажется, населяетъ не столь большую область и нигдѣ не попадается массами. По словамъ Фабриціуса, подтвержденнымъ Броуномъ, онъ чаще всего водится вблизи Гренландіи и Ньюфаундленда, на западномъ берегу Исландіи рѣже, дальше-же на югъ онъ иногда только появляется какъ нечаянно забредшій гость. У Новой Земли его никогда не видали. Онъ нигдѣ не можетъ называться обыкновеннымъ животнымъ. У береговъ Гренландіи онъ встрѣчается главнымъ образомъ вблизи большихъ льдинъ, которыя вообще чаще, чѣмъ земля, служатъ ему пристанищемъ для сна и отдыха. На нихъ онъ отдастъ предпочтеніе извѣстнымъ мѣстамъ и появляется тамъ чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь. Онъ тоже предпринимаетъ странствованія, которыя очень удаляютъ его отъ береговъ и заво-

дятъ въ самыя сѣверныя части Ледовитаго океана; поэтому его видно только въ извѣстное время года на привычныхъ ему мѣстахъ. Въ Гренландіи онъ появляется въ началѣ апрѣля и остается до конца іюня или начала іюля, линяетъ, мечетъ дѣтенышей и воспитываетъ ихъ, чтобы они могли слѣдовать за взрослыми въ дальнее странствованіе; вѣроятно опять совокупляется и затѣмъ снова предпринимаетъ путешествіе къ сѣверу. Отъ сентября до марта онъ часто встрѣчается въ Девисовомъ проливѣ и Баффиновомъ заливѣ; затѣмъ онъ отправляется къ югу, и въ іюлѣ нѣкоторые изъ нихъ возвращаются назадъ.

По единодушнымъ разсказамъ различныхъ наблюдателей, хохлачь самый му-

Хохлачь обыкновенный. *Cystophora cristata*. $\frac{1}{20}$ наст. вел.

жественный и самый смѣлый изъ всѣхъ тюленей, вслѣдствіе чего охота на него не всегда безопасна. Броунъ называетъ его львомъ сѣверныхъ морей, который дѣлитъ свое владычество надъ полярными водами только съ могучимъ моржемъ. Хотя онъ, лежа на льдинѣ въ полномъ покоѣ, и производитъ впечатлѣніе тупого равнодушія ко всему вишнему міру и почти безсмысленно устремляетъ вдаль свои большіе черные глаза и не нападаетъ ни на кого, если его не задѣнуть, все-же онъ легко раздражается и тогда всегда готовъ къ самозащитѣ. вмѣсто того, чтобы бѣжать при видѣ приближающагося охотника, онъ выжидаетъ грозящую ему опасность и при этомъ направляется внутрь на середину избранной имъ льдины, надуваетъ свой кожаный мѣшокъ, хранитъ какъ разъяренный быкъ, и старается, насколько можетъ, защититься отъ наступающаго противника. Еще опаснѣе такой встрѣчи съ нимъ на

льдинѣ бываетъ охота на него на лодкахъ, потому что нерѣдко задѣтый острой хохлачь бросается на лодку и кусаетъ сидящаго въ ней человека. По этой причинѣ только самые опытные гренландскіе охотники осмѣливаются нападать на него въ каякѣ, извѣстной тамошней легкой охотничьей лодкѣ; вообще ловцы предпочитаютъ отыскивать его на льду и убивать пулей въ голову, едва онъ успѣетъ принять оборонительное положеніе.

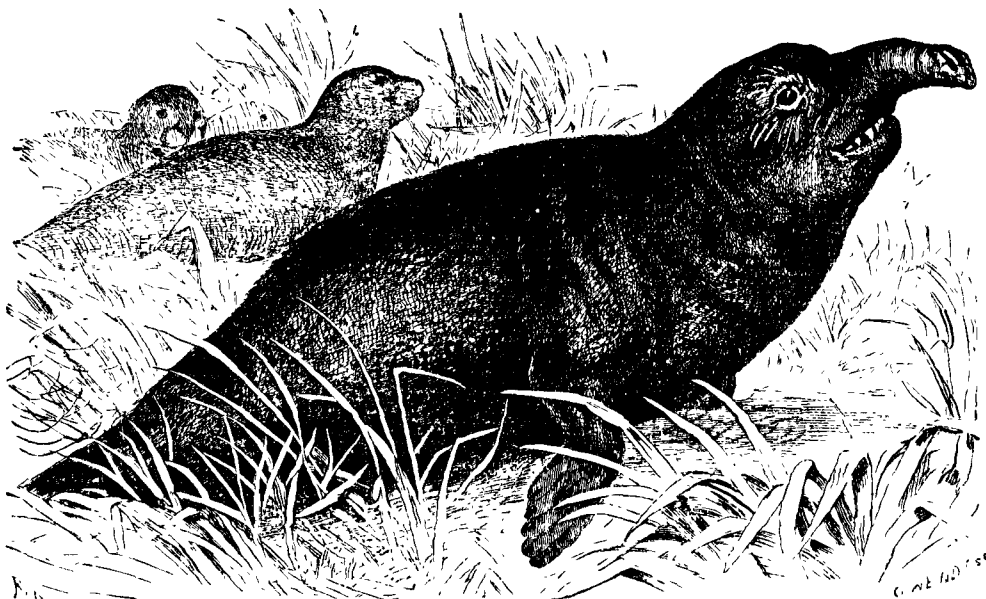
Какъ и у всѣхъ ластоногихъ, между самцами хохлачей происходятъ во время течки жестокія битвы. Съ громкимъ ревомъ, который при тихой погодѣ бываетъ слышенъ далеко, надувъ свои мѣшки, нападають ревнивые самцы другъ на друга и наносятъ одинъ другому часто большія и довольно глубокія раны, впрочемъ, едва ли опасныя. Во время этихъ битвъ хохлачи постоянно отстаиваютъ свои владѣнія, такъ какъ они вообще не любятъ общества своихъ сородичей, и только въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ можно видѣть вмѣстѣ съ чаще встрѣчающимися лысунами. О продолжительности ихъ беременности я не нахожу никакихъ указаній и потому, ссылаясь на слова Фабриціуса, могу только сказать, что самка въ апрѣлѣ мечетъ одного, въ рѣдкихъ случаяхъ, двухъ дѣтенышей, которые, по изслѣдованіямъ Броуна, являются также на свѣтъ въ блѣдомъ одѣяніи. Въ теченіи перваго года этотъ мѣхъ обмѣнивается на второй, который сначала выглядитъ сѣрымъ, но постепенно принимаетъ болѣе темный оттѣнокъ; на второмъ или третьемъ году этотъ мѣхъ переходитъ по немногу въ цвѣтъ мѣха взрослыхъ тюленей, причемъ тѣни дѣлаются все темнѣе, а круглыя или яйцеобразныя пятна начинаютъ все яснѣе выдѣляться изъ фона.

Въ Гренландіи или вообще на сѣверѣ изъ хохлачей извлекають ту-же пользу, какъ и изъ ихъ родичей; но ихъ бьютъ гораздо меньше, чѣмъ другихъ тюленей, такъ какъ въ датскихъ поселеніяхъ Гренландіи, даже тамъ, гдѣ ихъ ловится больше всего, ихъ убиваютъ едва-ли болѣе 2000 и 3000 штукъ ежегодно.

Дампьеръ, первый изъ путешественниковъ, въ началѣ прошлаго столѣтія познакомилъ насъ съ **Морскимъ слономъ** (*Macrohinus*); позже Ауронъ, Пернетти, Молина, Перонъ и наконецъ Скаммонъ и фонъ-деръ-Штейненъ описывали болѣе или менѣе подробно этого великана между всѣми тюленями, такъ что мы имѣемъ о немъ довольно точныя свѣдѣнія. Этотъ видъ отличается короткимъ вытянутымъ впередъ хоботомъ, въ который переходитъ носъ самца. Число и порядокъ зубовъ тѣ-же, что и у хохлача.

Морской слонъ, извѣстный у нѣкоторыхъ моряковъ еще подъ названіемъ **Морского волна**, у китайцевъ называется **Саме**, а у островитянъ Полинезій — **Морунга** (*Macrohinus leoninus*, *Phoca leonina*, *Phoca* и *Morunga elephantina*, *Macrohinus elephantinus* и *angustirostris*. *Elephantenrobbe*. *Phoque à trompe*), по вѣрности въ общемъ сходенъ съ остальными тюленями, но превосходитъ ихъ величиной: его длина, впрочемъ значительно преувеличенная различными мореплавателями и охотниками, по словамъ Скаммона, по крайней мѣрѣ, у береговъ Калифорніи до 6,7 метровъ, хотя въ большинствѣ случаевъ онъ достигаетъ только 5 метровъ длины; самка имѣетъ приблизительно только половину этого роста и лишь $\frac{1}{3}$ вѣса, который у самцовъ бываетъ болѣе 3000 килогр. Фонъ-деръ-Штейненъ опредѣлил въ новѣйшее время въ Южной Георгіи длину взрослого самца среднимъ числомъ въ 5 метровъ, наибольшей самки — въ 3 метра. Голова у него большая, широкая и довольно вытянутая, морда не очень длинная, довольно широкая, нѣсколько суживающаяся и на концѣ какъ-бы обрубленная; верхняя губа усажена 6-ю рядами крѣпкихъ щетинокъ, числомъ 35 — 40 и длиною до 15 см.; глаза относительно большіе, круглыя,

выпученные, вѣки безъ рѣсницъ, но на бровной дугѣ замѣтно отъ 8 до 10 щетинистыхъ волосъ, которые замѣняютъ брови; необыкновенно маленькое ухо, расположенное на небольшомъ разстояніи отъ глаза и ниже его, представляетъ собственно лишь круглое отверстіе, которое даже не защищено складкой кожи; наконецъ носъ различный, смотря по полу. Этотъ органъ у самки не представляетъ ничего необыкновеннаго, у самца-же удлинняется въ хоботъ, начинающійся у угла губъ и отсюда вытягивающійся впередъ почти на 40 см.; въ раздраженномъ состояніи тюлень вытягиваетъ его еще вдвое длиннѣе. Въ спокойномъ состояніи этотъ хоботъ представляетъ множество поперечныхъ складокъ, свѣшивается дугообразно внизъ и оканчивается обращенными въ этомъ случаѣ внизъ ноздрями, тогда какъ раздутый онъ стоитъ прямо, такъ что всѣ складки исчезаютъ и ноздри видны на плоской передней сторонѣ носа. Относительно длинная, но толстая шея переходитъ безъ за-

Морской слонъ, *Macrorhinus leoninus*. $\frac{1}{40}$ наст. вел.

мѣтнаго выступа въ туловище. Переднія конечности не особенно длинны, но все-же очень сильны и крѣпки; изъ пяти пальцевъ, соединенныхъ между собою плавательной перепонкой, средній палецъ короче втораго, самаго длиннаго, отъ котораго остальные понемногу уменьшаются въ длинѣ; очень сильныя и довольно длинныя заднія конечности, тоже о пяти пальцахъ, раздѣляются на двѣ большія и длинныя боковыя и три маленькія и короткія среднія лопасти и, такъ какъ среднія лопасти самая короткая, то онѣ имѣютъ видъ глубоко вырѣзаннаго весла. На переднихъ пальцахъ сидятъ не очень длинныя, но сильныя и тупоконечныя когти, тогда какъ на заднихъ конечностяхъ никакихъ слѣдовъ ихъ не видно. Хвостъ, какъ и у большинства тюленей, короткій и заостренный. Цвѣтъ его мѣха, состоящаго исключительно изъ короткихъ, толстыхъ, жесткихъ, и блестящихъ, но не гладко прилегающихъ волосъ, мѣняется не только по возрастамъ и поламъ, но и по временамъ года. Непосредственно послѣ линянія преобладаетъ синевато-сѣрый цвѣтъ, сходный съ цвѣтомъ кожи слона; позже, когда волосы эти достигнутъ своей настоящей длины, цвѣтъ ихъ переходитъ въ свѣтло-бурый. Нижняя сторона туловища постоянно свѣтлѣе

верхней, но всегда въ тѣнь послѣдней. У самокъ цвѣтъ мѣха сверху темно-оливково-бурый, по бокамъ желтовато-бурый, снизу свѣтло-желтый. Молодые тюлени въ первый годъ сверху темные, съ боковъ свѣтлые, серебристо-сѣрые, снизу желтовато-бѣлые; цвѣтъ усовъ и наружнаго покрова плавательной перепонки темнѣ остальныхъ мѣха.

Область распространенія морского слона заключаетъ въ себѣ всѣ южныя океаны, начинаясь приблизительно у 50° ю. ш. и, можетъ быть, даже переходить южный полярный кругъ. Прежде онъ встрѣчался и у южныхъ окраинъ Америки и лежащихъ около нихъ острововъ, у острова Хуанъ-Фернандецъ и у южныхъ Чилийскихъ береговъ, гдѣ его видѣли порознь еще тридцать лѣтъ тому назадъ; кромѣ того въ Новой Зеландіи, Тасманіи и другихъ островахъ, лежащихъ въ тѣхъ-же широтахъ; но теперь въ большинствѣ этихъ къ сѣверу лежащихъ мѣстностей онъ уже совершенно или почти совсѣмъ истребленъ, или-же появляется въ нихъ такъ рѣдко и неправильно, что совсѣмъ не стоитъ тамъ за нимъ охотиться. Даже и въ нынѣшнихъ ограниченннхъ областяхъ его распространенія: на Кергуэлахъ, въ Южной Георгіи, Гердѣ (Heard) и, можетъ быть, въ Крозетѣ, онъ появляется въ количествѣ противъ прежняго, едва заслуживающемъ вниманія. «Нынѣ», пишетъ фонъ-деръ Штейншъ изъ Южной Георгіи, «охотникъ за тюленями не можетъ придумать себѣ болѣе плохого предпріятія, какъ охоту на морского слона въ нашемъ Королевскомъ заливѣ». Замѣчательно еще и то, что это животное въ срединѣ нынѣшняго столѣтія попадалось въ большомъ количествѣ въ одномъ мѣстѣ сѣвернаго полушарія, а именно въ Тихомъ океанѣ у Калифорнскаго берега между 24° и 38° с. ш., значить около Санъ-Франциско, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ самой Южной области распространенія морской выдры. Но постоянное преслѣдованіе ихъ въ этой области не только содѣйствовало тому, что эти животныя стали появляться тамъ очень неправильно и постоянно мѣнять свое мѣстожительство на берегу, но и количество ихъ быстро уменьшилось. Два десятилѣтія тому назадъ они уже стали у береговъ Сѣверной Америки очень рѣдки, а теперь, вѣроятно, и совсѣмъ почти исчезли; только иногда, можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ появляются въ непосѣщаемыхъ людьми мѣстностяхъ.

Своимъ образомъ жизни морской слонъ напоминаетъ морского котика и морского льва. Онъ тоже ежегодно предпринимаетъ путешествія въ южную область своего распространенія; больные и слабые остаются на мѣстѣ, а здоровые странствуютъ всѣ вмѣстѣ. Въ Патагонію они прибываютъ въ сентябрѣ и октябрѣ, часто даже и въ іюнѣ стадами и въ концѣ декабря уходятъ на югъ. На берегу Калифорніи они проводятъ почти весь годъ, но главнымъ образомъ отъ февраля до іюня. На берегу они предпочитаютъ песчаную и каменистую мѣстность, а также заходятъ и въ прѣсныя воды. Изъ цѣлой массы ихъ отдѣляются семейства, состояція изъ 2—5 членовъ; ихъ постоянно можно видѣть тѣсно прижавшимися другъ къ другу и обыкновенно спящими въ камышѣ или въ тинѣ. Въ большія жары они, какъ это видѣлъ Скаммонъ въ Калифорніи, прохлаждаются тѣмъ, что зарываются въ мокрый песокъ и бросаютъ его себѣ передними лапами на верхнюю часть туловища; они иногда больше бывають похожи на кучи земли, нежели на живыя существа и въ этомъ отношеніи напоминають толстокожихъ.

Ихъ движенія на землѣ очень безпомощны и утомляютъ ихъ въ высшей степени. Чтобы двигаться впередъ, они поступаютъ какъ тюлени, изгибаются и вытягиваются попеременно, откидываясь то впередъ, то назадъ. Если морской слонъ очень жиренъ, то при движеніи назадъ туловище его, колыхаясь, напоминаетъ наполненный студнемъ пузырь. Пройдя съ трудомъ небольшое разстояніе, онъ устааетъ и

долженъ отдохнуть; но, несмотря на то, морскіе слоны взбираются въ Калифорніи на дюны, вышиною въ 5—10 метровъ и достигаютъ даже мѣсть, расположенныхъ на 20 метровъ надъ моремъ и съ очень неровной поверхностью. Объ этомъ тюленѣ въ Южной Георгіи фонъ-деръ-Штейненъ говоритъ: «Морской слонъ, поработоравніи вытянутыми передними конечностями, чувствуетъ чрезвычайное утомленіе отъ малѣйшаго движенія; послѣ 3 — 4 толчковъ впередъ эта студнеобразная, вздрагивающая жирная масса отдыхаетъ и затѣмъ со стономъ тащится дальне, оставляя за собой на песчаной почвѣ широкій и глубокий слѣдъ. Неудивительно послѣ того, что по всему его туловищу замѣтно множество ссадинъ. Въ водѣ-же, гдѣ они плаваютъ почти на поверхности, эти животныя двигаются съ большою ловкостью, и въ этомъ случаѣ эти чудовища представляютъ даже очень привлекательное зрѣлище, когда съ высоко поднятой головой высматриваютъ себя мѣсто на берегу». Настойчивость и терпѣніе замѣняютъ этому тюленю недостатокъ проворства. Выйдя изъ моря, онъ съ трудомъ доползаетъ до высшей границы морского прилива, отдыхаетъ здѣсь иногда и спитъ, затѣмъ вновь пускается въ путь и, кажется, никогда не бываетъ доволенъ своимъ мѣстопробываніемъ. Въ водѣ онъ выглядитъ совсѣмъ другимъ. Морскіе слоны плаваютъ и ныряютъ отлично, дѣлаютъ быстрые обороты, спокойно спятъ на волнахъ, отдавая себя на волю теченія, гоняются усердно и ловко за добычей, состоящей большею частью изъ головоногихъ и рыбъ. Иногда они тоже глотаютъ водоросли и камни. Такъ, Форстеръ нашелъ въ желудкѣ морского слона 12 круглыхъ камней, каждый величиною въ два кулака, и такихъ тяжелыхъ, что онъ не могъ понять, какъ стѣнки желудка могли выдержать такую тяжесть.

Душевные способности морскаго слона, должно быть, развиты очень мало. На землѣ онъ видитъ хорошо только вблизи. Слухъ у него очень плохой; осязаніе очень притуплено, благодаря толстому слою жира подъ кожей; наконецъ обоняніе тоже не должно быть очень тонко и остро. Онъ представляетъ изъ себя лѣниваго, тупоумнаго звѣря, который только изрѣдка позволяетъ кому-нибудь нарушить свой покой. Его называютъ креткимъ и обходительнымъ, потому что никто не видѣлъ, чтобы онъ, не выведенный изъ терпѣнія, напалъ-бы на другихъ животныхъ или на человѣка. Маленькіе виды тюленей и спокойно купающіеся люди могутъ безопасно проплывать между морскими слонами. Пернетти увѣряетъ, что его матросы сажались на нихъ верхомъ, какъ на лошадей, и понуждали ихъ къ скорой ѣздѣ ударами ножа. То-же рассказывали недавно и ученые, которые для наблюденія за прохожденіемъ Венеры по солнцу избрали Кергуэльскіе острова. Вейнекъ однажды остановился въ четырехъ шагахъ отъ двухъ морскихъ слоновъ, чтобы ихъ срисовать, ничѣмъ не возбуждая къ себѣ ни малѣйшаго вниманія этихъ животныхъ. Оба тюленя, казалось, крѣпко спали, и только по временамъ большій изъ нихъ поднималъ лапы, чтобы почесать брюхо, или, что было особенно курьезно, чтобы потереть одинъ лапъ другимъ. При этомъ онъ отдувался и сопѣлъ не переставая, выражалъ тѣмъ свое удовольствіе. Молодой тюлень проснулся, повернулъ вбокъ голову, замѣтилъ что-то необычайное, нѣсколько разъ бросилъ на незнакомца не то боязливый, не то удивленный взглядъ, прижимался къ матери, какъ-бы ища помощи, и вообще никакъ не могъ успокоиться. Наконецъ проснулся и старій тюлень, также вопросительно посмотрѣлъ на нашего наблюдателя и, недолго думая, медленно скатился въ море. Вечеромъ того-же дня маленькій морской слонъ опять лежалъ на томъ же мѣстѣ и, даже не пускаясь въ бѣгство, далъ себя поймать и позволилъ ѣздить на себѣ верхомъ, но только съ такой силой рвался къ морю, что двое людей не въ состояніи были удержать его. Но даже достигнувъ моря, онъ не устремился вдаль, а слѣдилъ за нарушителями своего покоя, пока могъ.

Пернетти рассказываетъ, что одинъ англійскій мореплаватель такъ полюбилъ морского слона, что защищалъ его отъ преслѣдованія своихъ товарищей. Пощаженный моряками, этотъ тюлень долго прожилъ мирно, не заботясь о другихъ животныхъ своей-же породы, которыя были понемногу всё перебиты. Его покровителя подходилъ къ нему каждый день, чтобы поласкать его, и въ короткое время такъ приручилъ его, что могъ его звать, гладить по спинѣ и класть ему въ пасть свою руку. Къ несчастью, онъ поссорился съ своими спутниками, которые и имѣли жестокость убить его любимца. «Обыкновенно самцы глазѣли на насъ», рассказываетъ фонъ-деръ Штейнень о поведеніи этихъ животныхъ, «съ разинутую пастью, но не трогались съ мѣста. Они дѣлали удивительно смѣшныя гримасы, когда пристально смотрѣли на насъ въ тупомъ изумленіи и при этомъ приподымали и опускали свои толстыя носовыя наросты. Самый мрачный ипохондрикъ не могъ-бы удержаться отъ болѣзненной улыбки при видѣ нахмуренной физиономіи, особенно стараго, горбоносаго тюленя. Я долженъ также признать, что лицевая мимика морской слонихи съ ея круглыми, мутно-стеклянными глазами, съ ея мордой синевато-мясного цвѣта съ маленькими низкими губами, едва выступающими изъ краевъ челюсти, съ ея морщинистой сухой кожей, неоспоримо напоминаетъ лицо безобразной старой женщины. Ничто не можетъ быть забавнѣе, какъ видъ этого животнаго, когда оно во время сна своими хорошо развитыми черноватыми пальцами чешетъ себѣ голову или свою неворотливую спину. Однажды я съ удовольствіемъ увидѣлъ, какъ одна противъ обыкновенія не очень старообразная морская слониха, съ ясными черными глазами и ярко-розовымъ языкомъ, при видѣ меня преспокойно зѣвнула, кокетливо держа передъ разинутой пастью свой красивый лапъ, похожій на человѣческую руку. Могу прибавить, что во время этой продѣлки я имѣлъ время сосчитать ея пульсъ на шеѣ: онъ бился 60 разъ въ минуту».

Время течки, которое продолжается отъ сентября до февраля, придаетъ нѣсколько жизни этимъ животнымъ. Яростно борются самцы изъ-за самокъ, хотя количество послѣднихъ и больше ихъ. Среди своеобразнаго хрюканья и переливающихся звуковъ, съ длинно-вздутыми хоботами и широко разинутой пастью, кидаются борцы одинъ на друга и стараются другъ друга поранить. Раны, впрочемъ, скоро заживаютъ, и рѣдко одинъ изъ воюющихъ дѣлается жертвой боя. Старые самцы бываютъ покрыты рубцами, на тысячу едва-ли найдется одинъ съ неразорваннымъ зубами мѣхомъ. Самки видимо безучастно смотрятъ на бой и безпрекословно слѣдуютъ за побѣдителемъ въ море, гдѣ онъ ласками приобретаетъ себѣ полное расположеніе своего гарема. Нѣсколько иначе описываетъ подобные-же случаи фонъ-деръ Штейнень: «10-го декабря 1882 г. мы посѣтили одинъ глетчеръ. Въ сторонѣ отъ него, около старой морены, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моря, находилось хорошенькое озеро, только-что освободившееся отъ льда. На зеленомъ береговомъ откосѣ его лежали 9 морскихъ слоновъ средней величины, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ грѣлся на солнцѣ, не обращая вниманія на молодыхъ, старый самецъ. Въ числѣ 9-ти я могъ замѣтить 4-хъ самцовъ и 2-хъ самокъ. Восемь изъ нихъ, по крайней мѣрѣ самцамъ величиною отъ 1,5—1,75 метра, я думаю можно было-бы дать не болѣе одного года, и только 9-ій, самецъ, имѣлъ 2 метра длины, что примѣрно соответствовало 2-хъ лѣтнему возрасту. На двухъ изъ этихъ животныхъ былъ, безъ сомнѣнія, уже лѣтній мѣхъ; у одного онъ былъ сѣрый, съ красивымъ серебристымъ блескомъ, у другаго — рыжій, какъ у льва, и у обоихъ спина была темнѣе брюха. Другіе-же, цвѣтъ которыхъ колебался между грязно-сѣрымъ и желтовато-бурымъ, еще, казалось, находились въ періодѣ линія и кожа ихъ была какъ-бы усѣяна широкими лохмотьями изъ мѣха. Самцы любовно ходили вокругъ

самокъ, которыя казались довольно равнодушными или искали покоя. Въ особенности одинъ изъ любовниковъ былъ отвергаемъ съ серьезнымъ отвращеніемъ; съ поднятой вверхъ лапой, все время храни и отдыхая, напрасно старался онъ подойти къ своей избранной, трогалъ ее, доврчиво похлопывалъ, но не могъ склонить къ себѣ ея расположенія во все время отдыха. Двое другихъ отправились въ озеро и стали плавать въ немъ вдоль и поперекъ, занимаясь любовными играми».

Рожденіе дѣтенышей происходитъ черезъ десять мѣсяцевъ послѣ случки, обыкновенно въ іюль или августѣ, а въ Калифорніи, по словамъ Скаммона, видѣннаго дѣтенышей уже въ іюнь, даже и во всякое время; въ Патагоніи же въ началѣ ноября, около мѣсяца спустя послѣ водворенія самки на льдинѣ. Этихъ большихъ созданий, длиною въ 1,3—1,5 метра и вѣсомъ въ 40 килогр., мать кормитъ и оберегаетъ около восьми недѣль. Въ этотъ промежутокъ времени вся семья остается на берегу, не принимая никакой пищи, линяетъ, причемъ самка и дѣтеныши линяютъ раньше самцовъ, и такимъ образомъ приготовляются къ новой борьбѣ и случкѣ. Черезъ 8 дней сосуны увеличиваются въ длину уже на одинъ метръ, и вѣсъ ихъ удваивается; черезъ 14 дней прорѣзываются первые зубы, а 4 мѣсяца спустя пополняется вся зубная система. Насколько дѣтеныши въ это время крѣпнутъ и полнѣютъ, настолько старшіе тюлени, питающіеся въ это время только собственнымъ жиромъ, наоборотъ, худѣютъ. На седьмой или восьмой недѣль ихъ жизни дѣтенышей ведутъ въ море. Все стадо удаляется медленно отъ берега и съ каждымъ днемъ все дальше и дальше упирается въ море. Тамъ они остаются для новой случки и затѣмъ опять пускаются въ путь. На третьемъ году жизни у самцовъ развивается хоботъ; съ этого времени животное мало увеличивается въ длину, но за то растетъ въ ширину. На 20-мъ—25-мъ году тюлень переходитъ уже къ старческому возрасту и моряки утверждаютъ, что никогда не ловили морскихъ слоновъ старше 30-ти лѣтъ.

Человѣкъ преслѣдуетъ морского слона вездѣ, гдѣ только его находитъ. Прежде эти тюлени были въ полной безопасности отъ всѣхъ своихъ враговъ на своихъ пустынныхъ островахъ; но съ тѣхъ поръ, какъ европейскіе охотники преслѣдуютъ ихъ, приблизительно съ начала нынѣшняго столѣтія, количество ихъ быстро уменьшается. Охотники уничтожаютъ въ большомъ количествѣ этихъ беззащитныхъ животныхъ. «Въ полдень», пишетъ Кореаль, «я высадился на берегъ въ сопровожденіи 40 людей; мы окружили морскихъ слоновъ и въ полчаса убили изъ нихъ 40 штукъ». Люди Мортимера убили въ 8 дней до 1200 морскихъ слоновъ, но могли-бы ихъ убить нѣсколько тысячъ, если-бы хотѣли продолжить свою рѣзню». Эти указанія относятся къ охотамъ, которыя происходили въ началѣ нашего столѣтія; въ настоящее время эти животныя до того уменьшились въ численности, что приходится довольствоваться гораздо болѣе скромною добычею. По словамъ Скаммона, ловля морского слона на берегахъ Калифорніи уже два десятилѣтія тому назадъ едва-ли приносила прибыль, а потому эта мѣстность не принадлежитъ болѣе къ области охоты на него. Чтобы имѣть возможность рассчитывать на вѣрную добычу, слѣдуетъ отыскивать уединенные острова у южной границы области ихъ распространенія и оставаться тамъ мѣсяцы и даже годы. Берега этихъ необитаемыхъ острововъ, между которыми Кергуэльскіе считаются самыми удобными для ловли, окружены разбитыми, отчасти спрятанными подъ водой скалами, которыя очень затрудняютъ высадку на берегъ, не позволяютъ даже маленькимъ судамъ безопасно стать около нихъ на якорь и заставляютъ пристающихъ къ нимъ на лодкѣ охотниковъ входить въ воду и держать лодку, чтобы она не наткнулась на скалу. Простный приборъ волнъ во всякое время года бушуетъ вокругъ ледяныхъ, окруженныхъ скалами береговъ и при малѣйшемъ вѣтрѣ обдастъ ихъ массой брызгъ до значительной высоты. Не да-

ромъ Кукъ называлъ Кергуэлы «безутѣшными» островами; но еще болѣе заслуживаютъ это названіе Гердейскіе острова. На Кергуэлахъ ѣсть по крайней мѣрѣ гавани, въ которыя могутъ зайти суда; у Гердейскихъ-же острововъ, самыхъ прибыльныхъ для охоты, судно, высадившее ловцовъ, должно быть такъ вооружено, чтобы быть въ состояніи выдержать самыя ужасныя бури бушующаго моря. Корабль, доставляющій къ мѣсту назначенія завербованныхъ охотниковъ, обыкновенно снабжается двойнымъ наборомъ снастей и еще сопровождается судномъ меньшаго размѣра, играющимъ роль тендера. При прибытіи на острова судно укрѣпляютъ на тяжелыхъ якоряхъ, снимаютъ всѣ паруса, даже реи причутъ въ трюмъ и приготовляются, насколько возможно, сопротивляться самой страшной бурѣ. Только тогда часть людей выходитъ на берегъ, чтобы начать охоту. Въ жалкихъ лачугахъ со стѣнами изъ разбитаго камня и крышами изъ растянутыхъ парусовъ, проводятъ эти люди недѣли и мѣсяцы въ бурю и дождь, морозъ и снѣгъ, выжидая прибытія морскихъ слоновъ, бьютъ ихъ сколько могутъ, тутъ-же потрошатъ, нагружаютъ бочки ихъ саломъ и выжидаютъ благоприятнаго дня, чтобы перевезти эти бочки на корабль. Въ большинствѣ случаевъ даже по окончаніи срока пребыванія морскихъ слоновъ на берегу, часть ловцовъ остается, чтобы продолжать охоту зимою; хотя они и бывають снабжены необходимѣйшими жизненными припасами, но все-же предоставлены всѣмъ ужасамъ непогоды. Если нѣсколько китоловныхъ судовъ пристають къ берегу подъ одинаковыми условіями, то отдѣльныя общества отдѣляютъ себѣ каждое одну часть острова и охраняютъ доставшюся имъ часть съ такимъ-же усердіемъ, какъ горный охотникъ принадлежащую ему часть мѣстности, гдѣ водится серна; впрочемъ, они большею частью помогаютъ другъ другу убивать и разнимать на части животныхъ, убитыхъ внутри ихъ владѣній.

На этихъ отдаленныхъ островахъ охота еще даетъ сносный доходъ, количество котораго, впрочемъ, значительно колеблется изъ года въ годъ. Такъ, на двухъ островахъ группы Крозетъ въ 1866 г. было поймано почти 2000, а черезъ годъ только 346 штукъ морскихъ слоновъ. Наибольшее количество ихъ было убито отъ октября до января, наименьшее — въ августѣ.

Для охоты за морскими слонами употребляютъ тяжелыя дубины и крѣпкія, длинныя, спереди расширяющіяся на подобіе лопатки, острые копыя. Вооруженные такимъ образомъ и снабженные еще ружьями большого калибра, заряжающимися съ казенной части, люди стараются занять мѣсто между находящимися на берегу стадомъ и водой, затѣмъ производятъ крикомъ, стрѣльбой и другими звуками какъ можно больше шума, медленно подвигаясь, потрясая ружьями и дубинами и копыями въ виду стада, которое, испугавшись необычайнаго шума, пятится назадъ. Нерѣдко случается, что который-нибудь изъ самцовъ приготовится тотчасъ къ оборонѣ или старается прорвать линію охотниковъ. Тогда ему или пускаютъ пулю въ черепъ, прикончивъ тутъ-же его жизнь, или всовываютъ ему въ пасть острое копые, заставляя его этимъ опуститься на заднюю часть туловища, пока двое людей съ крѣпкими дубинами не бросятся на него и частыми ударами по головѣ не оглушатъ или не убьютъ. Покончивши со всѣми воинственными самцами, охотники соединенными усиліями устремляются на все стадо. Смерть товарищей внушаетъ такой ужасъ тюленямъ, что они, обезумѣвъ отъ страха, лѣзутъ, катятся другъ черезъ друга и шатаются изъ стороны въ сторону, когда имъ кажется невозможнымъ спастись бѣгствомъ. По увѣренію Скаммона въ Калифорніи при такихъ обстоятельствахъ они бросались другъ на друга цѣлыми массами и буквально душили тѣхъ, которымъ пришлось лежать подъ ними. Непосредственно послѣ того, какъ животныхъ убьютъ, съ нихъ снимаютъ жиръ. Острымъ ножомъ распарываютъ кожу вдоль всей верхней части

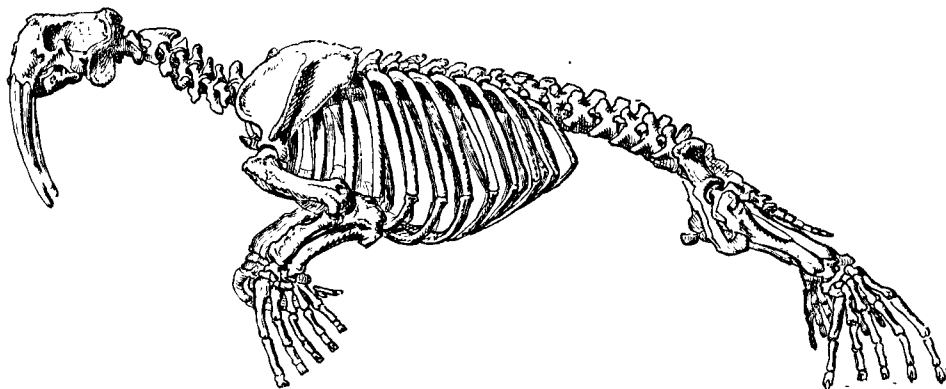
туловища и отворачиваютъ ее по обѣ стороны по возможности дальше, затѣмъ срѣзываютъ слой жира толщиной въ 2—18 см., и разрѣзываютъ его на большіе куски, длиною въ 40 см. и шириною въ 20 см; каждый кусокъ снабженъ дырою, черезъ которую они связываются вмѣстѣ крѣпкой веревкою. Срѣзавъ всю верхнюю часть, звѣря переворачиваютъ и продолжаютъ дѣлать то-же самое, что и раньше, употребляя все время вмѣсто убойнаго бассейна шкуру того-же звѣря. Различныя связки жира соединяють вмѣстѣ, привязываютъ къ крѣпкому канату и тащутъ такимъ образомъ къ судну, гдѣ уже ихъ разрѣзываютъ на мелкіе куски и вывариваютъ въ особыхъ котлахъ, чтобы получить ворвань, цѣнную даже выше ворвани моржей, какъ смазочный матеріалъ. Черное, жирное, почти несъѣдобное мясо этого животнаго имѣетъ мало цѣны, но сердце дѣлятъ охотно матросы, а печень даже очень нравится этимъ неизбалованнымъ людямъ, хотя употребленіе ея въ пищу возбуждаетъ, говорятъ, непреодолимую сонливость въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Соленый языкъ его служить настоящимъ лакомствомъ.

Свѣжій жиръ считается у моряковъ отличнымъ цѣлебнымъ средствомъ и зналъ, что получаемыя тюленями раны скоро заживаютъ, и люди стали употреблять его, какъ средство противъ порѣзовъ. Кожа его съ короткими, жесткими волосами доставляетъ прекрасный матеріалъ для обивки сундуковъ и для сбруи и была-бы еще прочнѣе, если-бы самыя большіе мѣха, вслѣдствіе безчисленныхъ рубцовъ, не дѣлались-бы негодными. Указаніе Бурмейстера, что въ Чили эти шкуры употребляются на бурдюки для плотовъ, была опровергнута Филиппи. Но мясо и кожа едва-ли заслуживаютъ вниманія въ сравненіи съ цѣнностью жира. Жиръ взрослого морского слона можетъ принести порядочный доходъ: по словамъ Скаммона, въ Калифорніи отъ одного очень толстаго и жирнаго самца въ 5,5 метровъ длины получилось 210 галоновъ (954 литра) ворвани. Морскіе слоны недолго еще будутъ населять землю. Они не могутъ даже удалиться отъ своего суроваго врага въ недоступныя части моря, какъ киты, а принуждены выжидать, пока послѣдній изъ нихъ не падетъ жертвой самаго страшнаго и ненасытнаго хищника на землѣ—человѣка.

* * *

Второе семейство этого отряда (*Trichechidae*) состоитъ изъ одного рода (*Trichechus*) и вида, **Моржа**, *Seahorse*—у англійскихъ, **Росмаръ**—у норвежскихъ охотниковъ, **Морскн**—у лапландцевъ, **Авунъ**—у гренландцевъ и **Діудъ**—у камчадаловъ, (*Trichechus rosmarus*, *T. obesus* и *divergens*, *Rosmarus arcticus* и *obesus*, *Odobaeus rosmarus*. Walross. Morse), самаго чудовищнаго изъ всѣхъ ластоногихъ. Въ зрѣломъ возрастѣ этотъ огромный звѣрь достигаетъ длины въ 4,25 метра, въ рѣдкихъ случаяхъ 5 метровъ, при толщинѣ въ 2,5—3 метра и иногда 4 метра, при вѣсѣ до 1,000 килогр. Измѣренія эти относятся къ животнымъ, встрѣчающимся въ Беринговомъ морѣ и еще сѣвернѣе; вопросъ о томъ, попадаютъ-ли или попадались-ли въ прежнія времена такіа чудовища въ 6—7 метровъ длины и 1,500 килогр. вѣсомъ, и ловились-ли они дѣйствительно, остается открытымъ. Одинъ изъ самыхъ большихъ моржей, убитыхъ во время втораго путешествія Коппеланда къ сѣверному полюсу, былъ длиною въ 3,7 м. и въ объемѣ имѣлъ 3 м. Вѣсъ свѣжей, толщиной въ дюймъ, кожи взрослого моржа Бюкенталь и А. Вальтеръ опредѣляютъ въ 230 килогр.; но попадаютъ шкуры и тѣжелѣе, въ 300 килогр. Какъ и у тюленей, ихъ длинное вытянутое туловище толще всего въ серединѣ, отсюда же къ заду суживается не такъ сильно, какъ у другихъ тюленей. Изъ этого мощнаго туловища выступаютъ по бокамъ и снизу конечности, какъ большія лопасти, но однако у нихъ можно различить локтевой и колѣнный суставы. Каждая конечность имѣетъ

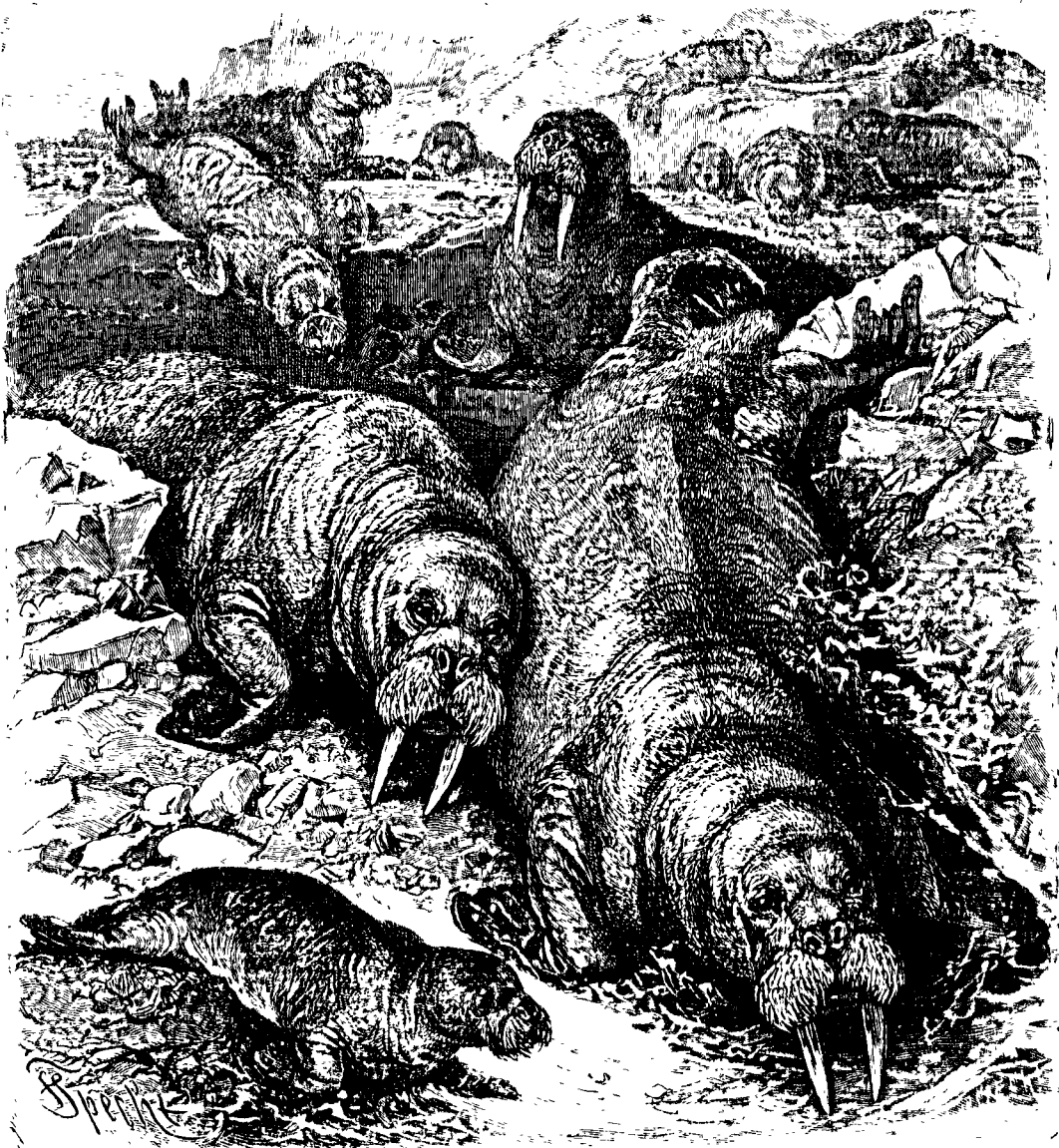
5 пальцевъ съ короткими тупыми когтями, сидящими за концами пальцевъ. Хвостъ представляетъ незначительную кожистую лопасть. Но отличительный признакъ моржа не въ туловищѣ, а въ относительно маленькой, круглой головѣ, безобразно утолщенной двумя выступающими изъ верхней челюсти зубными впадинами. Морда у него очень короткая, широкая и тупая, верхняя губа мясиста и слишкомъ вытянута по сторонамъ; нижняя же губа, напротивъ, всухшая. По обѣимъ сторонамъ морды сидятъ поперечными рядами округленные, сплюснутые, роговые, щетинистые усы, при чемъ задніе длиннѣе переднихъ. Самые большіе изъ нихъ бываютъ толщиной въ воронье перо и длиною въ 10 см.; число ихъ доходитъ иногда до нѣсколькихъ сотенъ. Ноздри имѣютъ форму полу-мѣсяца; далеко отодвинутые назадъ глаза малы, блестящи и защищены выступающими впередъ вѣками. Уши, лишены наружной ушной раковины, лежатъ очень далеко позади головы. Замѣчательна его зубная система. Въ передней части рта два могучіе клыка, выступающіе далеко изъ морды, вытѣняютъ 6 переднихъ зубовъ, которые встрѣчаются только у очень молодыхъ моржей. Эти клыки бываютъ иногда длиною въ 80 см., иногда даже и въ 90, и тогда вѣсятъ среднимъ числомъ отъ 2,5—3 и до 3,5 килогр.;

Скелетъ моржа.

но попадались изрѣдка зубы и въ 7 и 8 килогр. вѣсомъ. Уже съ первыхъ дней жизни моржа нижніе рѣзцы выпадаютъ, а за ними и верхніе до самыхъ крайнихъ, и только клыки продолжаютъ развиваться; также и въ нижней челюсти первый невыпадающій зубъ считается клыкомъ, потому что онъ и строеніемъ своимъ отличается отъ прочихъ коренныхъ зубовъ. Изъ послѣднихъ у молодого моржа бываетъ въ каждой верхней челюсти 4 ложно-коренныхъ зуба и одинъ настоящій коренной; но самые маленькіе задніе зубы выпадаютъ довольно рано, такъ что у очень старыхъ моржей съ внутренней стороны рядомъ съ большимъ клыкомъ обыкновенно бываетъ только еще 3 коренныхъ зуба. Нижняя челюсть въ молодости содержитъ въ себѣ съ каждой стороны только по 4 ложно-коренныхъ зуба, изъ которыхъ послѣдній, самый маленькій, точно также рано исчезаетъ. Искривленные обыкновенно кнаружи и только немного внутрь клыки бываютъ сначала пусты и только по мѣрѣ приближенія къ старости наполняются до самаго корня. Позвоночный столбъ его состоитъ изъ 7 очень подвижныхъ шейныхъ позвонковъ, 14 спинныхъ, 6 поясныхъ, 4 крестцовыхъ и 18 хвостовыхъ; 9 настоящихъ и 5 ложныхъ реберъ замыкаютъ грудную клетку. Лопатки очень узки, но плечевыя и бедренныя кости очень сильны и коротки. Самка имѣетъ 4 сосца въ пахахъ. Почти совсѣмъ голая, очень толстая кожа ихъ не только покрыта складками, но даже мозолистая; она

часто имѣть возвышенія, похожія на проказы, которыя, можетъ быть, ничто иное, какъ рубцы отъ ранъ, полученныхъ во время борьбы моржей между собою, или съ бѣлымъ медвѣдемъ, или, наконецъ, отъ цариницъ, прорванныхъ объ острые края

Моржъ. *Trichechus rosmarus*. $\frac{1}{40}$ наст. вел.

льдинъ. Преобладающій цвѣтъ старыхъ и молодыхъ моржей есть болѣе или менѣе яркій бурый, схожій съ цвѣтомъ дубленой кожи, хотя нерѣдко замѣчали, что у старыхъ бурый цвѣтъ отчасти переходитъ въ сѣрый. По словамъ Броуна, изслѣдовавшаго моржей обоаго пола и всѣхъ возрастовъ, самцы и самки похожи другъ на друга, а дѣтеныши на родителей. Впрочемъ кто-то утверждалъ, что самки на

имѣютъ клыковъ, и дѣйствительно такія самки попадались и служили подтвержденіемъ этого мнѣнія, но Броунъ видѣлъ и такихъ самокъ, у которыхъ клыки были вполне развиты. Также прежде говорили, что морда, нижняя сторона пятки и ладони у дѣтенышей бываютъ покрыты волосами, которые съ лѣтами исчезаютъ; но это было опровергнуто изслѣдованіями вышеназваннаго естествоиспытателя. Вообще-же клыки самки хотя и тоньше, но часто бываютъ длиннѣе и красивѣе нежели притупленные клыки самцовъ.

Мы уже цѣлыя столѣтія знаемъ моржа по картинкамъ и описаніямъ, но мало знакомы съ живыми животными этого вида, а также и съ ихъ образомъ жизни. Старые рисунки, доставленные намъ Геснеромъ, Олаусъ Магнусомъ, Мартенсомъ и Бюффономъ, были или порожденія болѣе или менѣе сильной фантазій, или жалкія изображенія высохшихъ шкуръ. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ, именно «морской конь» и «морская корова» Геснера и «чудовищная свинья нѣмецкаго моря» Олаусъ Магнуса—по истинѣ забавныя произведенія, а рисунки, снятые съ высушенныхъ шкуръ, включая сюда и тотъ, который находится въ произведеніи Бюффона, едва ли дають понятіе о животныхъ. Но все-таки есть изображеніе его, нарисованное съ натуры гораздо раньше Бюффона и Мартенса, Гесселемъ и изданное въ 1613 г.; принимая во вниманіе тогдашнія условія, оно не оставляетъ желать ничего лучшаго. Этимъ рисункамъ соотвѣтствуютъ и описанія старѣйшихъ повѣствователей, которыя касаются тѣхъ-же далекихъ временъ. Уже Альбертусъ Магнусъ даетъ намъ приправленное множество легендъ и сказокъ описаніе моржа, къ которому Олаусъ Магнусъ, 30 лѣтъ спустя, едва могъ что-нибудь прибавить. Первый говоритъ, что въ сѣверныхъ моряхъ живетъ огромный слонъ—китъ, съ опущенными внизъ клыками, длиною въ 2—3 фута, которыми онъ цѣпляется, взбираясь на скалы, и дѣйствуетъ во время боя. Рыбаки подходятъ къ спящему животному, отдѣляютъ у хвоста шкуру отъ жира, продѣваютъ туда канатъ, привязываютъ его къ скалѣ и потомъ бросаютъ въ тюлени камнями. Если онъ хочетъ убѣжать, то, пятясь назадъ, сдираетъ самъ съ себя шкуру черезъ голову и морду и оставляетъ ее, а самъ бросается въ море, гдѣ его однако скоро находятъ ослабѣвшимъ и полуживымъ. Изъ его кожи выдѣлываются ремни, которые постоянно продаются на рынкѣ въ Кельнѣ. Олаусъ Магнусъ даетъ моржу и до сихъ поръ еще сохранившееся за нимъ названіе «Mors» и рассказываетъ, что при помощи своихъ клыковъ онъ взлѣзаетъ на верхушки скалъ, какъ по лѣстницѣ и онять съ высоты скатывается въ море, если только не остается висѣть на скалѣ, застигнутый внезапно сномъ. Одинъ Дронтегемскій епископъ велѣлъ послать голову моржа и послалъ ее въ 1520 году папѣ Льву X въ Римъ. Эта голова была срисована въ Страсбургѣ, и старый Геснеръ по ней сдѣлалъ довольно вѣрное описаніе ея. Между прочимъ одинъ русскій и баронъ Герберштейнъ, который въ началѣ XVI столѣтія былъ австрійскимъ посланникомъ въ Москвѣ, сдѣлалъ тоже порядочное описаніе моржа. Они указываютъ, на примѣръ, на то, что моржи выставляютъ у себя стражу, что этихъ животныхъ преслѣдуютъ за ихъ зубы, и что изъ этихъ зубовъ турки, татары и русскіе выдѣлываютъ драгоценныя рукоятки для шпагъ и кинжаловъ. Наконецъ Мартенсъ изъ Гамбурга, видѣвшій въ концѣ XVII столѣтія моржа въ Ледовитомъ океанѣ, доставилъ о немъ хорошее и подробное повѣствованіе, и съ тѣхъ поръ стали все умножаться подобныя описанія, и наше знакомство съ этимъ животнымъ начало пополняться точными свѣдѣніями объ образѣ жизни и охотѣ на моржа, которыми мы обязаны Скоресби, Куку, Парри, Кану, Броуну, Скамону, Эллиоту, Нордешилду, нѣмецкимъ путешественникамъ къ сѣверному полюсу и китоловамъ.

Моржа, какъ и многихъ другихъ звѣрей, люди загнали понемногу все дальше

къ сѣверному полюсу и теперь онъ можетъ жить только тамъ, куда китоловы и охотники попадаютъ лишь изрѣдка и то съ большими затрудненіями. Серьезныя указанія говорятъ въ пользу того, что во время римлянъ это животное встрѣчалось около Шотландіи, и что сдѣланныя изъ слоновой кости вещи и украшения, найденныя этими первыми посѣтителями Великобританіи у древнихъ бритовъ, были сдѣланы изъ клыковъ моржа. Шотландскій историкъ Гекторъ Боэтіусъ (Воссе) называетъ еще въ концѣ XV столѣтія моржа, какъ постоянного обитателя или посѣтителя шотландскихъ береговъ, а позднѣйшіе рассказы вспоминаютъ постоянно о нечаянно забредшихъ моржахъ, замѣченныхъ у береговъ Норвегіи или Великобританіи. Броунъ считаетъ даже возможнымъ, что нѣсколько баснословныхъ «морскихъ коней» и «морскихъ коровъ», видѣнныхъ по временамъ рыбаками у заливаемыхъ морскимъ прибоемъ сѣверо-западныхъ береговъ Шотландіи, были моржи, и теперь иногда показывающіеся тамъ, и которыхъ въ 1817 и 1825, даже въ 1857 годахъ убивали у береговъ Гебридскихъ и Оркнейскихъ острововъ. Для такого ловкаго пловца, какъ моржъ, морское путешествіе отъ Шпицбергена къ Финмаркену, Исландіи, Ферерскимъ островамъ и Великобританіи, если-бы онъ изъ за своей пищи не былъ связанъ съ берегомъ болѣе, чѣмъ другіе тюлени, не представляло-бы большого затрудненія. Вообще онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ переходитъ настоящую границу своей области распространенія и потому, вслѣдствіе его нелюбви къ странствованіямъ, происходитъ и то, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ моржи были истреблены, они исчезли навсегда. Въ настоящее время область его распространенія дѣлится не только на восточную и западную часть, но обнимаетъ и различныя, далеко разбросанныя мѣстности. Въ общемъ можно сказать, что онъ и въ настоящее время водится во всѣхъ моряхъ, расположенныхъ вокругъ сѣвернаго полярнаго круга, но не вездѣ тамъ попадается. Его встрѣчаютъ въ продолженіи всего года въ сѣверныхъ частяхъ восточной и западной Гренландіи, въ Баффиновомъ заливѣ и находящихся съ нимъ въ соединеніи проливахъ, зундахъ и бухтахъ до самаго Берингова пролива, который соединяетъ восточный и западный кругъ его распространенія; точно также онъ навѣрное встрѣчается около Новой Земли и Шпицбергена и вдоль всего сѣвернаго берега Сибири. Въ Беринговомъ проливѣ и Беринговомъ морѣ онъ является еще относительно часто, и отсюда также заходитъ дальше къ югу. Почти до половины нынѣшняго столѣтія онъ нерѣдко бывалъ у Алеутскихъ острововъ, но дальше на югъ не распространялся; теперь онъ едва-ли попадается у этихъ острововъ, но, напротивъ, въ мелкихъ, а потому опасныхъ для китолововъ, водахъ Бристольскаго залива его еще можно найги. У сѣверной стороны полуострова Аляски онъ очень обыкновененъ. Г. Эллиотъ того мнѣнія, что тамъ моржей едва-ли можно истребить.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ихъ встрѣчали еще въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ иногда, въ значительномъ количествѣ, даже, по увѣренію китолововъ, стадами въ нѣсколько тысячъ, своею тяжестью погружавшими до самой поверхности моря большія, выступающія обыкновенно изъ воды, льдины; теперь-же только при благоприятныхъ обстоятельствахъ находятъ ихъ на одномъ мѣстѣ иногда только нѣсколько сотенъ. Еще не такъ давно моржъ принадлежалъ къ самымъ многочисленнымъ животнымъ Шпицбергена, за которыми охотились изъ-за ворвани, но понемногу онъ и тамъ сдѣлался рѣдкимъ, хотя Кюкенталь и А. Вальтеръ въ благоприятное лѣто 1889 года видѣли его часто и иногда съ восточной стороны острова, даже по нѣсколько сотенъ на одномъ мѣстѣ. У Медвѣжьяго острова больше чѣмъ два столѣтія тому назадъ моржи попадались еще въ такомъ количествѣ, что ихъ иногда въ одинъ день убивали до 1000 штукъ; еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія каждый китоловъ могъ убить тамъ, въ продолженіи одного охотничьяго се-

зона, по крайней мѣрѣ, отъ 500—700 штукъ. Теперь они тамъ почти совсѣмъ не появляются. Также въ южныхъ мѣстностяхъ западнаго берега Новой Земли они лѣтомъ бывають очень рѣдки; на восточной-же сторонѣ, напротивъ, еще часто являються.

Въ общемъ моржа нужно считать рѣшительно береговымъ жителемъ, который избѣгаетъ по возможности открытаго моря и, совершенно обратно обычаю тюленей, вообще очень рѣдко предпринимаетъ дальнія путешествія. Всѣ китоловы знаютъ, что находится по близости отъ земли или льдины, если видятъ моржей или слышать въ туманѣ ихъ ревъ, потому-что опытъ ихъ научилъ, что послѣдніе не переходятъ границы расположеннаго вокругъ острововъ твердаго или прибитаго къ берегу льда. По мнѣнію Броуна, это животное переходитъ съ одного своего лежбища на другое и только смотря по этому является въ одно время года здѣсь, въ другое тамъ. Смотря же по обстоятельствамъ, моржъ рѣшается иногда предпринимать и болѣе дальнія странствованія. Такъ Джемсъ Макъ Байнъ видѣлъ въ Баффиновомъ заливѣ безчисленныя стада ихъ, которыя шли по той-же дорогѣ, какой держались и плывшіе за нѣсколько дней до нихъ гренландскіе киты, и очевидно предпринимали дальнее путешествіе. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ они плыли мимо, тысяча за тысячей, не отдыхая, не принимая пищи, всѣ по одному направленію, стремясь къ выходу въ Ланкастерскій проливъ. Черезъ нѣсколько дней ни одного изъ нихъ уже не было видно, точно такъ-же, какъ раньше того нельзя было замѣтить и признака пребыванія хотя-бы одного изъ нихъ.

Первое впечатлѣніе, производимое моржемъ на человѣка, неблагоприятно. Самые древніе мореплаватели, какъ и нынѣшніе моряки и путешественники, находятъ его отталкивающимъ и безобразнымъ. Нѣмецкіе сѣверные путешественники говорятъ, что, если къ какому-нибудь животному подходитъ названіе «чудовища», то это къ моржу, какъ относительно его наружности, такъ и по страшному голосу и всему его неприятному существу. Уже древній наблюдатель Мартенсъ, на котораго моржи очевидно произвели большое впечатлѣніе, даетъ намъ въ общемъ вѣрное изображеніе ихъ образа жизни. «Они лежатъ», говоритъ онъ, «на льдинѣ, распластавшись, какъ тюлени, въ большомъ количествѣ и страшно ревуть. Они спятъ, храня, не только на льдинахъ, но и въ водѣ, такъ что ихъ много разъ принимали за мертвыхъ. Эти храбрыя животныя защищаютъ другъ друга до самой смерти; если одинъ изъ нихъ бываетъ раненъ въ то время, когда люди изъ шлюпокъ бьютъ, колятъ и рубятъ ихъ, то моржи ныряютъ въ воду около шлюпокъ и своими большими зубами пробивають въ нихъ дыры, другіе-же безъ всякаго страха плывутъ прямо на шлюпки, поднимаются изъ воды до половины туловища и стараются подойти къ нимъ. Когда моржи рычатъ, и люди, подражая имъ, начинаютъ тоже рычать какъ быки, они, испугавшись, одинъ передъ другимъ стараются раньше нырнуть въ воду и при этомъ другъ друга толкають; вслѣдствіе этого они начинаютъ кусаться, обливаются кровью, щелкають зубами, другіе-же стараются освободить пойманнаго моржа изъ шлюпки, и при этомъ каждый тоже хочетъ быть первымъ, и опять начинается кусанье, щелканье зубами и страшный ревъ; они не уступаютъ до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ останется въ живыхъ; а когда ихъ наберется такъ много, что шлюпка должна отъ нихъ спасаться, то они плывутъ за шлюпками, пока не потеряють ихъ изъ виду; такъ какъ, по причинѣ своей многочисленности, они не могутъ плыть вилотъ за лодками и мѣшаютъ другъ другу, то и не въ состояніи достигнуть шлюпокъ, въ чемъ мы убѣдились въ заливѣ Вейнгатъ на Шницбергенѣ, гдѣ они собирались тѣмъ дальне, тѣмъ больше и заставляли спасаться наши шлюпки; они слѣдовали за нами, пока мы могли ихъ видѣть». Какъ

ни коротко это повѣствованіе стараго морехода, оно все-же отлично обрисовываетъ моржа. Ни одинъ изъ позднѣйшихъ повѣствователей не противорѣчитъ Мартенсу, и всѣ, даже лучшіе наблюдатели, относительно мало могутъ дополнить его. Жизнь моржа, кажется, должна быть очень однообразна, можетъ быть, уже и по той причинѣ, что добываніе нищи для него представляетъ меньше труда и беретъ меньше времени, нежели у другихъ тюленей. Въ короткихъ словахъ объ ихъ образѣ жизни въ продолженіи дня и года можно сказать слѣдующее.

Смотря по свойству морского берега, собираются болѣе или менѣе многочисленныя общества этихъ животныхъ, а именно взрослые живутъ отдѣльными стадами такимъ образомъ, что самцы соединяются съ себѣ подобными, а самки живутъ отдѣльно съ сосунами. Одна льдина, какъ говорятъ нѣмецкіе сѣверные мореплаватели, служитъ часто пристанищемъ 20 и болѣе моржамъ. Ихъ темныя туловища прилегаютъ плотно другъ къ другу, голова, вслѣдствіе своихъ длинныхъ зубовъ, наклонена на бокъ или покоится на спинѣ сосѣда: «такъ они обыкновенно проводятъ среди сна большую часть своего существованія, скучая отъ длиннаго мѣсяцами созерцанія солнца и отъ однообразнаго шума морского прилива». Нерѣдко встрѣчается стадо моржей, расположившееся на плывущей льдинѣ и спокойно плывущее съ нею, видимо нисколько не беспокоясь о направленіи своего путешествія. Между сидящими на ней моржами одинъ, по крайней мѣрѣ, стоитъ на-сторожѣ и, увидя опасность, будитъ другихъ своимъ могучимъ голосомъ, по словамъ Скаммона, въ случаѣ нужды также и легкимъ ударомъ своихъ клыковъ, причемъ все общество или обращается въ бѣгство, или готовится къ оборонѣ. Тамъ, гдѣ моржи еще не знаютъ людей, незнакомое судно едва возбуждаетъ вниманіе сторожа или вообще всего стада; даже выстрѣлъ не тревожитъ ихъ, такъ какъ они всѣ привыкли къ треску въ сѣверныхъ моряхъ, гдѣ ледъ на далекомъ разстояніи ломается съ шумомъ, подобнымъ громовому удару. Во всякомъ случаѣ, когда они уже лежатъ на берегу или на льдинѣ, они неохотно даютъ себя потревожить и послѣ того, что намъ уже извѣстно о другихъ тюленяхъ, насъ не должно удивлять, что они иногда дѣйствительно днями и недѣлями не двигаются съ мѣста. Большая часть путешественниковъ къ сѣверному полюсу и китолововъ единодушно утверждаютъ, что они храбро и настойчиво защищаются, если ихъ беспокоятъ.

Относительно своихъ движеній моржи болѣе всего сходны съ нерпухами, а относительно своихъ другихъ свойствъ едва-ли занимаютъ высшее мѣсто, нежели другіе тюлени. На землѣ моржъ двигается тяжело и неловко, но еще ходитъ, а не ползаетъ, передвигая одновременно на-крестъ лежащія ласты, причемъ отличается отъ другихъ тѣмъ, что онъ въ переднихъ конечностяхъ ставитъ впередъ пальцы, а въ заднихъ—пятки. При лазаніи на крутыя льдины они, должно быть, постоянно прибѣгаютъ къ помощи своихъ клыковъ, цѣпляясь за разсѣдины и щели, тащатъ затѣмъ все свое тяжелое туловище, опять вытягиваютъ шею впередъ и продолжаютъ такъ, пока не достигнутъ желаемаго мѣста. Но едва-ли можно принимать эти зубы за необходимыхъ помощниковъ ходьбы, такъ какъ не менѣе ихъ тяжеловѣсные нерпухи и морскіе слоны и безъ клыковъ проходятъ такія-же разстоянія и такъ-же хорошо лазаютъ на высоту 10 — 15 метровъ и выше, чтобы тамъ пологать подъ солнечными лучами. Скорѣе я-бы считъ за вѣроятное, что моржъ съ помощью своихъ клыковъ прокладываетъ себѣ дорогу между льдомъ и при этомъ иногда ихъ обламываетъ или сильно портитъ; но и этому употребленію зубовъ противорѣчатъ, кажется, указанія нѣмецкихъ путешественниковъ къ сѣверному полюсу. Они хотя и нападаютъ на силу этого животнаго и утверждаютъ, основываясь на собственныхъ наблюденіяхъ, что оно можетъ, выталкивая его снизу,

разломать ледъ, толщиною до 15 ст., но не упоминають ни однимъ словомъ, чтобы они прибѣгали при этомъ къ помощи зубовъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что моржъ съ помощью клыковъ пробиваетъ себѣ и проруби во льду, которыми всегда пользуется и которыя держитъ открытыми, какъ и всѣ другіе тюлени. Броунъ, по крайней мѣрѣ, замѣчалъ на льду вокругъ этихъ прорубей больше лучеобразно расходившихся трещинъ, что обыкновенно не замѣчается у прорубей другихъ тюленей. Наоборотъ, онъ, навѣрное, клыками взрываетъ землю, отыскивая себѣ пищу и также употребляетъ ихъ для обороны, даже иногда пробивая ими доски у шлюпокъ. Отправляясь съ берега въ воду, моржъ скатывается внизъ, скользя по отлоному мѣсту, или, какъ и другіе тюлени бросается въ воду однимъ прыжкомъ. Здѣсь-же плаваетъ онъ, подобно всѣмъ своимъ сородичамъ, настолько-же быстро и проворно, насколько медленно двигается онъ по землѣ или на льду, ныряетъ на значительную глубину и въ состояніи пробыть подъ водою, навѣрное, нѣсколько минутъ. При плаваньи моржъ перегоняетъ всякую весельную лодку и обнаруживаетъ при этомъ почти неистощимую выносливость. Голосъ его походить, то на мычаніе коровы, то на грубый лай собаки, а во время гнѣва переходитъ въ настоящій ревъ. Во время случки голоса ихъ слышны такъ далеко, что капитанъ Кукъ и его люди ночью и въ туманѣ различали по нимъ близость берега, и всегда могли ограждать судно отъ столкновенія съ льдиной.

Объ умственныхъ способностяхъ моржа трудно составить понятіе по имѣющимся до сихъ поръ наблюденіямъ, но конечно слѣдуетъ допустить, что моржъ не глупѣе другихъ тюленей. Объ остротѣ его внѣшнихъ чувствъ Пехуэль-Лёше говоритъ: «Зрѣніе его плохо, слухъ гораздо лучше, но особенно хорошо развито обоняніе, такъ какъ онъ чуетъ человѣка при благоприятныхъ обстоятельствахъ, по меньшей мѣрѣ, за нѣсколько сотъ шаговъ, если еще не дальше; поэтому тотъ, кто хочетъ къ нему подкрасться, долженъ слѣдить за направлениемъ вѣтра». Какъ ни бываетъ равнодушенъ моржъ къ первой встрѣчѣ съ человѣкомъ, все-же пріобрѣтаетъ скоро нѣкоторую опытность, измѣняетъ свое поведеніе и храбро и толково приступаетъ къ борьбѣ съ повелителемъ земли. Между его выдающимися качествами слѣдуетъ замѣтить не только присущее всѣмъ тюленямъ любопытство, но и необыкновенное для ластоногаго мужество. Тотъ смертельный страхъ, который овладѣваетъ гигантскими морскими слонами при встрѣчѣ съ ихъ страннѣйшимъ врагомъ — человѣкомъ, неизвѣстенъ моржамъ; они всегда готовы сопротивляться даже вооруженнымъ людямъ, и смерть ихъ товарища только еще болѣе разжигаетъ ихъ дикую ярость. Между собою они точно также сильно дерутся, какъ съ врагами, но, впрочемъ, только во время течки, которая обыкновенно выпадаетъ на послѣдніе весенніе мѣсяцы. Въ это время самцы не только рычатъ и буйствуютъ въ каждый часъ дня, но и нападаютъ другъ на друга и наносятъ своему противнику зубами такія глубокія раны на шкурѣ, что пріобрѣтаютъ иногда едва-ли менѣе страшный видъ, нежели истерзанные своими поединками тюлени. Послѣ приблизительно 12-ти мѣсячной беременности самка производитъ на свѣтъ своего единственнаго дѣтеныша и вся отдается тогда ему съ самой преданной материнской любовью, съ самоотверженіемъ заботится объ его пищѣ и воспитаніи и защищаетъ его въ опасности со всѣмъ мужествомъ и озлобленіемъ, на которыя только способны эти животныя. Прежде всего она старается по возможности избавить себя и своего дѣтеныша отъ опасности и, какъ только узнаетъ о послѣдней, хватаетъ его передними лапами и толкаетъ въ море, тамъ сажаетъ себѣ на спину, чтобы его такимъ образомъ лучше охранять и, презирая смерть, борется съ врагомъ. Дѣтенышъ привязывается къ матери съ искренней нѣжностью и даже не покидаетъ ея, когда мать убьютъ. Кто убиваетъ дѣтеныша,

долженъ расчитывать на ярое сопротивление и непримиримую жажду мести со стороны матери. Даже если цѣлое стадо моржей-самокъ бываетъ обращено въ бѣгство, матери съ ревомъ выплываютъ изъ глубины, плывутъ за качающимися на волнахъ убитыми дѣтенышами, хватаютъ ихъ и исчезаютъ съ ними подъ водой. Если убиваютъ отдѣлившуюся отъ стада матку съ дѣтенышемъ, то послѣдній безъ всякаго сопротивления отдается въ руки враговъ, по крайней мѣрѣ, онъ ни за что не рѣшится покинуть мать. Капитанъ Вильямсъ, старый опытный китоловъ, убилъ однажды, моржа-самку и на лодкѣ дотащилъ его, на разстояніи 4 километровъ до судна. Дѣтенышъ плылъ все время за лодкой и, когда добыча была втащена на бортъ, дѣлалъ большія усилія, чтобы тоже попасть туда. Когда ему набросили петлю и тоже втащили на бортъ, онъ подползъ къ убитой матери, взобрался къ ней на спину и оставался тамъ, пока его не заставили опять броситься въ море. Но и тогда онъ все оставался по близости отъ судна, громко оплакивая потерю своей матери.

Какъ показали изслѣдованія Мальмгрена и Броуна, моржъ питается исключительно животной пищей. Многіе изъ старыхъ повѣствователей утверждали, что ихъ главнѣйшую пищу составляютъ водоросли, потому-что въ желудкѣ убитыхъ моржей находили остатки ихъ или принимали что-то за нихъ. «Что составляетъ ихъ пищу», говоритъ старый Мартенсъ, «я, собственно, не могу знать; можетъ быть, они ѣдятъ траву и рыбу. Что они ѣдятъ траву, я заключаю по ихъ помету, который напоминаетъ пометъ лошади, только менѣе круглъ». Но это мнѣніе уже опровергаетъ Фабриціусъ, который указываетъ на раковины, какъ на главную пищу моржа. Мальмгренъ и Броунъ вполне подтверждаютъ наблюденія послѣдняго; оба находили въ желудкѣ изслѣдованныхъ ими животныхъ главнымъ образомъ двухстворчатую раковину (*Mya truncata*), которая покрываетъ въ Ледовитомъ океанѣ все меліи и рифы, и камнеточивую ракушку (*Saxicava rugosa*) и заключили, что моржи главнымъ образомъ употребляютъ свои сильныя зубы на то, чтобы отрывать эти раковины отъ скалы и выкапывать ихъ изъ пла. По ихъ мнѣнію, моржъ схватываетъ оторванную отъ скалы раковину губами и языкомъ, раздавливаетъ ее коренными зубами, вынимаетъ моллюска изъ раковины и такимъ образомъ приготовляетъ его себѣ, чтобы проглотить. При этомъ они глотаютъ не только низшихъ морскихъ животныхъ, но и приставшія къ нимъ водоросли и другія морскія растенія, а также, какъ и многіе тюлени вообще, песокъ и мелкіе камни, чѣмъ достаточно и объясняется заблужденіе прежнихъ изслѣдователей. Возможно, что песокъ, находящійся, по наблюденіямъ Броуна, близъ прорубей моржей, служитъ имъ для облегченія пищеvarенія. Впрочемъ, кромѣ низшихъ морскихъ животныхъ моржъ ѣстъ также рыбу, и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, даже мясо большихъ морскихъ млекопитающихъ, чѣмъ поразительно опровергаетъ мнѣніе Белля, который, послѣ изслѣдованія его зубной системы, думалъ, что моржъ не въ состояніи удержать своими зубами такое скользкое животное, какъ рыба. Въ исполненіе показаній Скоресби, вынимавшаго изъ желудка убитыхъ моржей остатки рыбы и тюленя, Броунъ прибавляетъ, что спрощенный имъ, опытный, но незнакомый съ этимъ спорнымъ вопросомъ китоловъ видалъ, какъ моржи высовывали изъ воды голову, держа рыбу въ пасти, и самъ онъ находилъ желудки моржей, убитыхъ по близости падали кита, плотно набитыми мясомъ этого животнаго.

Для народовъ крайняго сѣвера, особенно для эскимосовъ, моржъ имѣетъ такое-же огромное значеніе, какъ и тюлень, и нерѣдко случается, что невозможность добыть это животное, вслѣдствіе усиленнаго замерзанія береговъ, ведетъ за собою погибель или, въ крайнемъ случаѣ, голоданіе этихъ бѣдныхъ людей. Охота на моржей даже для хорошо вооруженныхъ европейцевъ вовсе не безопасное предпріятіе.

Члены второй нѣмецкой экспедиціи къ сѣверному полюсу имѣли случай убѣдиться, что моржи подѣ новымъ и рыхлымъ еще льдомъ умѣютъ отлично наблюдать и рассчитывать разстояніе и направленіе. При переѣздѣ на саняхъ къ Клаверингскому острову, въ открытомъ ими Тирольскомъ фіордѣ, они не только были испуганы нѣсколько разъ разбивавшимися около нихъ ледъ моржами, но даже и обратились отъ нихъ въ бѣгство. «Всякая попытка защищаться», пишетъ Пайеръ, «была-бы безсмысленна. Моржи быстро плыли за нами, пробивались около насъ сквозь ледъ и видимо имѣли желаніе плыть дальше въ нашемъ обществѣ — желаніе, которое намъ показалось-бы очень смѣшнымъ, если-бы оно не было такъ неприятно; кромѣ того они старались насъ пугать своимъ не то хрюкающимъ, не то пыхтящимъ голосомъ. Мы по возможности разбѣялись и поспѣшно бѣжали черезъ густую ледяную грязь, въ которую вездѣ погружалась палка, отыскивая болѣе чистыя и, вѣроятно, болѣе надежныя мѣста льда и преслѣдуемые шумомъ и трескомъ проламывавшихся сквозь ледъ чудовищъ. Того, кто погрузился-бы въ воду, немыслимо было-бы вытащить. Къ счастью, мы перебрались скоро на крѣпкую льдину и освободились отъ докучливости нашихъ преслѣдователей».

Моржи, расположившіеся на берегу или на льдинахъ, конечно, менѣе опасны, потому-что ихъ безпомощность мѣшаетъ имъ усилѣнно защищаться; въ водѣ-же они выказываютъ всю свою ловкость и силу. При охотѣ на водѣ несчастія случаются не рѣдко: о нихъ много разсказываютъ старые охотники на тюленей и путешественники по сѣверу, также какъ и о раздражительности и метильности моржей. Случается, что эти смѣлыя и безстрашныя животныя нападаютъ безъ всякаго повода на людей и принуждаютъ такимъ образомъ моряковъ вступать волей неволей въ битву. Изъ нашихъ путешественниковъ на сѣверный полюсъ Пайеръ и Коппеландъ даютъ живое и наглядное описаніе этого: «Какъ только такое чудовище увидитъ лодку, то поднимается удивленное надъ поверхностью воды, начинаетъ громко кричать, отрывисто, но продолжительно лаять и плыть какъ можно быстрѣе къ судну. Его крики привлекаютъ другихъ моржей, будятъ спящихъ, которыхъ заботливо стараются не задѣть лодкой, и въ скоромъ времени за лодкой слѣдуетъ множество этихъ колоссовъ, съ кажущейся или дѣйствительной яростью. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ животныя руководятся только любопытствомъ; но форма, въ которой они его выражаютъ, выбрана во всякомъ случаѣ неудачно, хотя можно, пожалуй, предположить, что, желая опрокинуть лодку, они хотятъ съ нею только лучше ознакомиться. Такимъ образомъ слѣдуетъ приготовиться къ битвѣ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ можно убѣдиться, что при самой быстрой греблѣ пяти человекъ отъ нихъ уйти нельзя. Рычащее и ныряющее стадо моржей уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лодки. Вотъ раздаются первые выстрѣлы, и этотъ моментъ возбуждаетъ ихъ ярость. Начинается дикій бой: одни бьютъ этихъ ужасныхъ сфинксовъ топорами въ передніе лапы, потому-что они ими угрожаютъ опрокинуть и разбить въ дребезги лодку; другіе защищаются пиками или наносятъ удары острымъ краемъ весла по ихъ толстымъ и громаднымъ черепамъ, или-же наконецъ стрѣляютъ пулями въ раскрытыя, рычащія пасти чудовищъ. Яростные крики оглашаютъ воздухъ; обѣ стороны борются съ одинаковою энергіей; вода пѣнится и страшно волнуется; новыя чудовища появляются изъ-подъ воды, другія тонуть смертельно раненыя, окрашивая воду своею кровью. Чтобы избавить лодку отъ опасности быть перевернутой или сильно поврежденной клыками бьющихъ о борта ея моржей, часто достаточно смертельно ранить только вожака этихъ смѣлыхъ и выносливыхъ животныхъ. Въ такихъ случаяхъ единственно что нужно, это стрѣлять прямо въ пасть, такъ какъ вся голова, кромѣ глазныхъ впадинъ, неуязвима, раны-же на туловищѣ почти не

чувствительны. Часто, испуганныя какимъ-нибудь обстоятельствомъ, животныя сразу прекращаютъ нападеніе, быстро ныряютъ въ воду и уже на нѣкоторомъ разстояніи показываются снова надъ водой, оборачиваютъ свои безобразныя головы назадъ, и тишина опять нарушается ихъ угрожающимъ воемъ». Что это описаніе ни въ какомъ случаѣ не преувеличено, подтверждаютъ достоверныя показанія многихъ другихъ мореходовъ. «Моржи, говорятъ Скоресби, животныя безстрашныя. На лодку, которая къ нимъ приблизится, они смотрятъ съ любопытствомъ, но не со страхомъ. Охота на нихъ на водѣ не всегда бываетъ безопасна. Нападеніе на одного моржа часто привлекаетъ многихъ другихъ къ защитѣ. Въ такихъ случаяхъ они окружаютъ лодку, которая сдѣлала нападеніе, проламываютъ клыками ея доски, поднимаются иногда, если это имъ удается, до самыхъ бортовъ лодки, угрожая ее перевернуть. Тутъ самое лучшее средство защититься, это—бросать морской песокъ въ глаза разъяренными животными, что заставляетъ ихъ удалиться, тогда какъ употребляемыя въ такихъ случаяхъ винтовки часто совсѣмъ безполезны».

Видъ этихъ разъяренныхъ морскихъ животныхъ не только удивляетъ, но иногда и пугаетъ. Ихъ неповоротливыя шеи мѣшаютъ имъ быстро оборачиваться, но необыкновенная подвижность ихъ глазъ замѣняетъ имъ этотъ недостатокъ; они ими такъ злобно ворочаютъ, что ихъ взглядъ наводитъ страхъ. Также Броунъ, на показанія котораго можно положиться, подтверждаетъ вышесказанное: «Однажды», рассказываетъ онъ, «я самъ находился въ лодкѣ, изъ которой была брошена острога въ единственнаго моржа, спавшаго на льдинѣ. Но въ то-же мгновеніе онъ нырнулъ въ воду, потомъ вынырнулъ и, не смотря на нашу оборону кошками, топорами и винтовками, вонзилъ свои зубы въ края лодки, такъ что намъ не оставалось сдѣлать ничего лучшаго, какъ обрубить веревку гарпуна, и мы были счастливы, что спаслись, перебравшись на ту самую льдину, которую только-что оставилъ моржъ. Къ счастью, животное было настолько великодушное, что насъ болѣе не преслѣдовало, но нехотя удалилось, ворча и унося съ собою воткнутыя въ его бокъ острогу и веревку». Ламону также случалось участвовать въ подобныхъ битвахъ. Наши путешественники на сѣверный полюсъ прибавляютъ къ этимъ описаніямъ еще новыя рассказы. Такъ, однажды только съ величайшими усиліями и трудомъ удалось имъ спасти одну изъ ихъ лодокъ отъ полнаго разрушенія моржами; другая лодка, спасаясь бѣгствомъ отъ цѣлаго стада этихъ животныхъ, достигла берега какого-то острова, но въ скоромъ времени была тутъ осаждена тѣми-же моржами. «Чѣмъ больше наблюдаешь этихъ животныхъ, тѣмъ все болѣе стараешься не имѣть съ ними дѣла въ ихъ стихіи, на водѣ, если только къ этому не принуждаетъ недостатокъ жизненныхъ припасовъ или жира. Во всякомъ случаѣ можно посоветовать при поѣздкахъ на лодкѣ запастись въ достаточномъ количествѣ оружіемъ, чтобы предохранить себя отъ подобныхъ нападеній».

Но мнѣнію Пехуаль-Лёше, было-бы невѣрно думать, что охотникамъ часто приходится выдерживать такія битвы съ моржами; на нихъ надо скорѣе смотрѣть, какъ на исключеніе, нежели, какъ на правило. Часто также довольно неуклюжая погоня этихъ животныхъ принимается за угрозу съ ихъ стороны, тогда какъ она на самомъ дѣлѣ совершенно невиннаго свойства. Моржи очень любопытны и нерѣдко, подобно бегемотамъ въ Африкѣ, сопровождаютъ лодку на большомъ разстояніи и въ большомъ количествѣ, причемъ они часто, нытя и хрюкая, высовываются изъ воды, въ непосредственной ея близости, высоко поднимаются надъ поверхностью воды и уставляются глазами на сидящихъ тамъ людей. Въ тихую погоду и при зеркальной поверхности моря между льдинами, когда можно бываетъ наблюдать за животными съ полнымъ спокойствіемъ, зрѣлище это представляется въ высшей сте-

пени привлекательнымъ; даже и при дурной погодѣ и во время морского волненія оно только поразительно, такъ какъ движенія этихъ спутниковъ лодокъ дѣлаются рѣзче, и они часто очень быстро и неожиданно начинаютъ выскакивать изъ воды; но никогда тому, кто хорошо знакомъ съ жизнью сѣверныхъ животныхъ, не приходится въ голову считать подобную встрѣчу опаснымъ нападеніемъ. Опытный китоловъ или охотникъ совершенно иначе судитъ о подобныхъ происшествіяхъ, нежели тотъ, кто вовсе не занимается охотой. Моржи скорѣе находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы слѣдовать за лодкой, разсматривать докучливыхъ незнакомцевъ, и нисколько не думаютъ наносить имъ какой-нибудь вредъ; совсѣмъ другое дѣло, если защищается подстрѣленный или раненый острогой моржъ. Норденшильдъ подтверждаетъ этотъ взглядъ: «Общественность и любопытство, кажется, главныя чувства въ характерѣ моржей. Я имѣлъ случай наблюдать за этими свойствами ихъ, когда плылъ въ одинъ тихій, прекрасный, сѣверный лѣтній день по гладкому, какъ зеркало, морю, усѣянному плавающими льдинами, среди порядочнаго стада этихъ животныхъ. Часть ихъ мирно плыла за лодкой, издавая время отъ времени хрюканье, другія подлизывали совсѣмъ близко, высовывались высоко изъ воды, чтобы посмотреть на незнакомцевъ; наконецъ третьи лежали на плававшихъ льдинахъ такъ плотно сжавшись, что погружали ихъ въ воду до краевъ». Очень часто во время охоты нѣсколько моржей бываютъ поражены гарпунами одинъ за другимъ, съ одной и той же лодки, которую они тащатъ за собой, не стараясь защищаться даже и тогда, когда ихъ поочередно убиваютъ совсѣмъ близко копыями и ружьями. Опасность, однако, является въ томъ случаѣ, когда пораженные острогами животные не все плывутъ въ одномъ извѣстномъ направленіи, но если которое-нибудь изъ нихъ уклонится въ сторону, потому что тогда лодка можетъ быть опрокинута веревкой; чтобы предупредить эту случайность, слѣдуетъ даже отрѣзать веревку, если силы животнаго еще не истрачены. Такъ какъ моржъ, просто-ли раненый, или-же на повалъ убитый копьемъ или пулей, пущенной въ голову, одинаково погружается въ воду и безвозвратно пропадаетъ для ловца, то главная задача даже въ томъ и заключается, чтобы сначала его бить острогой и взять его на веревку. При этомъ случается, что одно изъ животныхъ бросается на своихъ преслѣдователей, какъ это испытали Кюенталь и А. Вальтеръ прошлое лѣто около Шницбергена: разъяренный моржъ пробилъ клыками стѣнку лодки и боковую доску стоявшаго тутъ же ящика, но больше никакого вреда онъ не сдѣлалъ. Вышеупомянутые наблюдатели, впрочемъ, того мнѣнія, что къ защитѣ склонны только молодые, задорные самцы.

Если добыча застигнута снѣжною на льдинѣ, то въ послѣднюю минуту приближенія къ ней вынимаютъ весла, безшумно причаливаютъ лодки, и охотники выходятъ на льдину въ тылу у животныхъ. Едва одно изъ нихъ замѣтитъ непріятеля, какъ тотчасъ-же поднимаетъ голову вверхъ, будитъ остальныхъ и все стадо, толкая передъ собою и дѣтенницей, неудержимо стремится прямо къ краю льдины и бросается въ море внизъ головой. Эту минуту и слѣдуетъ уловить охотникамъ для того, чтобы пустить въ дѣло свои копыя и ружья. Если нападеніе удастся имъ настолько, что они убьютъ большое число животныхъ, лежавшихъ ближе всего къ водѣ и тѣмъ заграждавшихъ обратный путь къ ней, то тѣла ихъ преграждаютъ лежавшимъ дальше ихъ моржамъ путь къ бѣгству. При такихъ обстоятельствахъ можетъ произойти крупная рѣзня моржей, и добыча бываетъ чрезвычайно богатая, если отрѣзанное отъ воды стадо многочисленно.

Точно также, какъ европейцы, охотятся всѣ аксимосы и другіе туземцы крайняго сѣвера, привыкшіе владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ; существенно-же раз-

личнымъ образомъ охотятся тѣ изъ нихъ, которые и до нынѣшнихъ дней остались вѣрны обычаямъ своихъ отцовъ. Какъ рассказываетъ Кинъ, эскимосы нападаютъ на моржа и въ водѣ, и на льду. Въ первомъ случаѣ они стараются подойти къ нему какъ можно ближе, причемъ, если онъ ныряетъ, они быстро плывутъ въ ту сторону, если-же онъ плыветъ надъ поверхностью воды, то они прячутся, чтобы выждать благопріятную минуту и при новомъ его появленіи бросить въ него гарпунъ. Раненые моржи тотчасъ-же погружаются въ воду; тогда охотникъ вбиваетъ въ ледъ обитый желѣзомъ коль и крѣпко привязываетъ къ нему веревку. Животное яростно бьется, пока не ослабѣетъ, и тогда его можно убить ударами копья. По словамъ Годмана, эти храбрые охотники въ разгарѣ лѣта стараются подкрасться хитростью къ спящему на льдинѣ стаду. Для этого они отправляются сначала на другую льдину по меньше, прикрѣпляютъ къ ней свои лодки и затѣмъ стараются подойти къ стаду на своемъ хрустальномъ плоту. Дойдя благополучно до мѣста, каждый изъ нихъ намѣчаетъ себѣ по уговору одного или двухъ опредѣленныхъ моржей изъ предстоящей добычи, и всѣ остроги въ одинъ мигъ взлетаютъ со свистомъ на воздухъ. Задѣтые ими моржи бросаются тотчасъ въ воду и стараются улизнуть, но ихъ задерживаютъ веревки острога, и они тѣмъ скорѣе ослабѣваютъ, чѣмъ большихъ усилій имъ стоитъ тащить за собой ледяной плотъ охотниковъ, къ которому прикрѣпляются всѣ веревки. Охотники выжидаютъ въ своихъ лодкахъ момента, когда они выбьются изъ силъ, и въ удобную для того минуту приближаются и убиваютъ ихъ копьями. Въ Беринговомъ морѣ, на сѣверномъ берегу полуострова Аляски, туземцы отыскиваютъ моржей, стараются обойти расположившихся на землѣ животныхъ и бросаются на нихъ съ страшнымъ крикомъ, вооруженные копьями и тяжелыми топорами, надѣясь ихъ такъ напугать, чтобы они бросились внутрь страны. Въ такомъ случаѣ охота всегда бываетъ прибыльна, тогда какъ, напротивъ, она бываетъ совсѣмъ неудачна, если хоть одному моржу удастся прорвать линію охотниковъ, тому-что тогда всѣ остальные бросаются за вожакомъ и скрываются въ морскихъ волнахъ. Впрочемъ и Эллиотъ говоритъ, что туземцы, которые занимаются ловлей моржей на берегахъ и островахъ Берингова пролива и моря, не считаютъ охоту на водѣ особенно опасной и никогда не упоминаютъ о настоящей опасности. Они преслѣдуютъ звѣря въ своихъ легкихъ байдаркахъ изъ шкуръ, бьютъ его острогой, даютъ ему помучиться, пока онъ не ослабѣетъ, и затѣмъ убиваютъ его копьемъ.

Изъ всего этого можно заключить, что моржи не при всѣхъ обстоятельствахъ защищаются, а дѣлаютъ это только случайно нѣкоторые изъ нихъ и, можетъ быть въ однихъ мѣстностяхъ чаще, чѣмъ въ другихъ.

Кромѣ человека, у моржа есть еще враги, отъ которыхъ ему приходится страдать или по-крайней-мѣрѣ очень мучиться. Какъ эскимосы, такъ и китоловы утверждаютъ, что ему случается выносить тяжелую борьбу съ бѣлымъ медвѣдемъ, который опасенъ не только для дѣтенышей, но и для взрослыхъ. Броунъ ни разу не видѣлъ этихъ битвъ и потому считаетъ себя въ правѣ думать, что рассказы о нихъ слѣдуетъ отнести къ баснямъ, хотя не хочетъ совершенно опровергать ихъ вѣрность. Скаммонъ подтверждаетъ показанія сѣверныхъ жителей. Онъ рассказываетъ еще объ одномъ врагѣ, а именно о хищномъ китѣ, который, можетъ быть, еще опаснѣе для молодыхъ моржей, хотя гоняется за ними только въ открытомъ морѣ. При его появленіи мать сажаетъ своего дѣтеныша на спину и скорѣе ищетъ спасенія на толстой льдинѣ, но не всегда успѣваетъ выполнить свое намѣреніе, такъ какъ злодѣй раньше, чѣмъ она доплыветъ до льдины, разомъ ныряетъ и даетъ ей такой сильный толчекъ въ брюхо, что дѣтенышъ сваливается съ ея спины, и онъ ихъ въ одинъ мигъ схватываетъ. Но, вѣроятно, гораздо неприятели бѣлаго медвѣдя

и хищнаго кита вмѣстѣ бывають для этого сѣвернаго чудовища маленькіе, похожіе на огромную вошь, паразиты. По наблюденіямъ Броуна, одинъ видъ ихъ гнѣздится у корней усовъ, другой по всему тѣлу, и оба такъ мучають моржа, что иногда онъ въ отчаяніи то прыгаетъ со льда въ воду, то опять взбирается изъ воды на льдину, сильно рычитъ и вертится или катается, чѣмъ доказываетъ, что онъ старается стряхнуть съ себя несносныхъ паразитовъ. Послѣ того, какъ Броунъ, однажды, долгое время наблюдалъ за подобнымъ поведеніемъ этихъ неуклюжихъ животныхъ, показалаея цѣлая стая чеккановъ (*Saxicola*) на покинутомъ ими мѣстѣ и начала усердно что-то собирать. Это привлекло его вниманіе, онъ пошелъ на льдину и нашелъ тамъ множество вышеупомянутыхъ паразитовъ, которыхъ моржи умѣли съ себя благополучно стряхнуть.

Хотя по своему самостоятельному и раздражительному нраву моржъ не кажется склоннымъ вступать въ дружескія сношенія съ человѣкомъ, но все-же молодые моржи, пробывшіе въ неволѣ, дѣлались такими-же ручными, какъ и другіе тюлени. Пойманные моржи, несмотря на недостаточность для нихъ приспособленный уходъ на кораблѣ, нѣсколько разъ были доставляемы въ Европу, а именно въ Норвегію и Англію. О первомъ моржѣ говорятъ въ 1608 г. Вельденъ и Беннетъ: «12-го іюля», говорятъ они, «мы приняли на борту двухъ молодыхъ живыхъ моржей, самца и самку. Самка околѣла раньше, чѣмъ достигла Англіи; самецъ, наоборотъ, прожилъ около 10 недѣль. 20-го августа мы прибыли въ Лондонъ и доставили нашего живого моржа ко двору, гдѣ король и многія знатныя особы разсматривали его тѣмъ съ большимъ удивленіемъ, что до тѣхъ поръ еще никогда не видали подобнаго звѣря живымъ въ Англіи. Вскорѣ послѣ того онъ заболѣлъ и умеръ. Насколько поразительна наружность этого животнаго, настолько-же замѣчательны и его понятливость и охота чему-нибудь научиться, въ чемъ часто убѣждались». Другіе моржи были доставлены живыми въ прошломъ столѣтіи, а въ нынѣшнемъ двое въ 1853 и 1857 гг. были привезены въ Англію и Норвегію, одного показывали въ 1884 году также въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи, а другихъ долго держали на судахъ. Одного изъ нихъ наблюдалъ Броунъ. Мать его была убита на льду, а онъ, будучи слишкомъ молодымъ, чтобы идти въ воду, былъ пойманъ безъ труда. Плененіе его послѣдовало, вѣроятно, черезъ нѣсколько часовъ послѣ его рожденія; тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ уже въ длину 1 метръ, и клыки его уже прорѣзывались изъ дѣсенъ. «Когда я его увидѣлъ въ первый разъ», говоритъ Броунъ, «онъ, хрюкая, лежалъ на палубѣ и сосалъ то кусокъ жира своей матери, то ея шкуру около сосцовъ. Его кормили овсомъ, мучной похлебкой и гороховымъ супомъ, и онъ, казалось, также хорошо росъ при этой непривычной для него пищѣ. Рыбы ему не могли доставать; единственная мясная пища, которую онъ получалъ, состояла изъ смоченной говядины и телятины или изъ свѣжаго медвѣжьего мяса; пищу эту онъ тоже охотно принималъ. Онъ показывалъ расположеніе и нерасположеніе къ извѣстнымъ людямъ и вещамъ и выбиралъ себѣ друзей и любимцевъ, которыхъ постоянно узнавалъ. Когда кто-нибудь встряхивалъ передъ нимъ листомъ газетной бумаги, онъ, повидимому, сильно раздражался, такъ какъ сердился и начиналъ гоняться съ разинутой пастью за нарушителемъ своего покоя по всей палубѣ. Когда сигнализировали убіеніе кита, онъ бѣжалъ такъ скоро, какъ только позволяла ему его тяжеловѣсность, къ каютѣ хирурга, затѣмъ къ каютѣ капитана, видимо желая убѣдиться, оба-ли они здоровы и невредимы, затѣмъ долго бѣгалъ по палубѣ, издавая свое «авукъ, авукъ». Когда приходилось освобождать судно изъ льда, для чего весь экипажъ начиналъ перебѣгать то къ правому, то къ лѣвому его боку, производя такимъ образомъ искусственную качку, то моржъ старался подражать движеніемъ

людей, но рѣдко проходилъ разстояніе больше своей длины. Вообще-же онъ большею частію днемъ удобно укладывался на солнцѣ, лѣниво приподнимая вверхъ то одну, то другую ласть и, какъ кажется, чувствовалъ себя въ этомъ положеніи очень хорошо. Когда капитанъ первый разъ пустилъ его въ воду, онъ оказался тамъ очень неловкимъ, сейчасть-же поналъ подъ льдину и напрасно старался выкарабкаться оттуда. Руководимый его жалобнымъ крикомъ, хозяинъ направился къ тому мѣсту на льду и старался выманить его окликомъ. Онъ тотчасъ-же добровольно появился у края льдины и выказалъ большую радость, когда опять благополучно былъ доставленъ на бортъ, и ясно показывалъ отвращеніе къ родной стихіи. Къ сожалѣнію, онъ не достигъ Англии живымъ, но окопѣлъ за нѣсколько дней до прибытія судна въ гавань, пробывъ въ неводѣ около 3 мѣсцевъ».

Европейцы употребляютъ кожу, жиръ и зубы моржа. Кожу дубятъ, жиръ вывариваютъ, а зубы отдѣлываютъ, какъ слоновую кость. По словамъ Норденшильда, въ Тромзе, при расчетѣ между судохозяевами и китоловами, оцѣнка взрослого моржа въ 1868 г. поднималась до 88 марокъ, а въ 1871 г. только до 50 марокъ. По словамъ Вестендарна клыки моржа имѣютъ различную цѣну по своей величинѣ; 1 килограммъ у большихъ моржей оплачивается 7 марками, у меньшихъ 5,5 марками. Раньше, по словамъ того-же наблюдателя, ежегодно въ продажу поступало до 30,000 килогр. моржевыхъ клыковъ, но такой значительный подвозъ ихъ скоро уменьшился, а съ 1880 г. и совсѣмъ прекратился. Но все-же цѣны на эти клыки за послѣднія два десятилѣтія едва-ли измѣнились. Грубое, волокнистое, пропитанное ворванью мясо моржа употребляется въ пищу европейцами только въ случаѣ крайней нужды, но языкъ его считается вкуснымъ. Иначе оцѣниваютъ моржа народы крайняго сѣвера; они извлекаютъ пользу изъ каждой его части. Изъ кожи они дѣлаютъ ремни, канаты и рыбныя сѣти, покрываютъ ею также свои лѣтнія жилища; изъ костей дѣлаютъ всевозможныя орудія; изъ жилъ нитки; мясо служитъ имъ любимой пищей, а жиръ кладутъ въ кушанья и жгутъ; такимъ образомъ ни одна часть этого животнаго у нихъ не пропадаетъ даромъ.

* * *

Къ третьему семейству этого отряда принадлежатъ **Нерпухи** или **ушастые тюлени** (*Otariidae*), которые отличаются отъ прочихъ своихъ родичей слѣдующими признаками: зубная система состоитъ изъ одного большого рѣзца, похожаго на клыкъ, и двухъ маленькихъ внутреннихъ рѣзцовъ, одного клыка и пяти или шести коренныхъ зубовъ съ каждой стороны верхней челюсти; двухъ рѣзцовъ, одного клыка и пяти коренныхъ зубовъ—съ каждой стороны нижней челюсти. Въ костяхъ черепа сильно развитъ задній отростокъ глазной впадины. Наружное ухо имѣетъ небольшую, но хорошо развитую раковину. Конечности выступаютъ изъ туловища и ясно отдѣляются отъ него; плавательная перепонка сильно развита и удлиняется за пальцами, въ видѣ лопастей; нижняя часть нитки голая и раздѣлена продольными бороздками. Пальцы заднихъ конечностей почти равной длины, пальцы переднихъ конечностей уменьшаются постепенно къ наружной сторонѣ. Между двумя ногами огромная разница въ ростѣ, такъ какъ самцы почти вдвое длиннѣе и въ три или четыре раза тяжелѣе самокъ.

Всѣ до сихъ поръ извѣстные виды этого семейства схожи между собою до такой степени, что ихъ должно соединить въ одинъ родъ; всѣ они, въ общихъ чертахъ, ведутъ и одинаковый образъ жизни. Такъ какъ они принадлежатъ преимущественно Тихому океану, то ихъ можно встрѣтить, какъ въ вѣчныхъ льдахъ Берингова пролива, такъ и на материкѣ и островахъ южнаго полюса, какъ въ

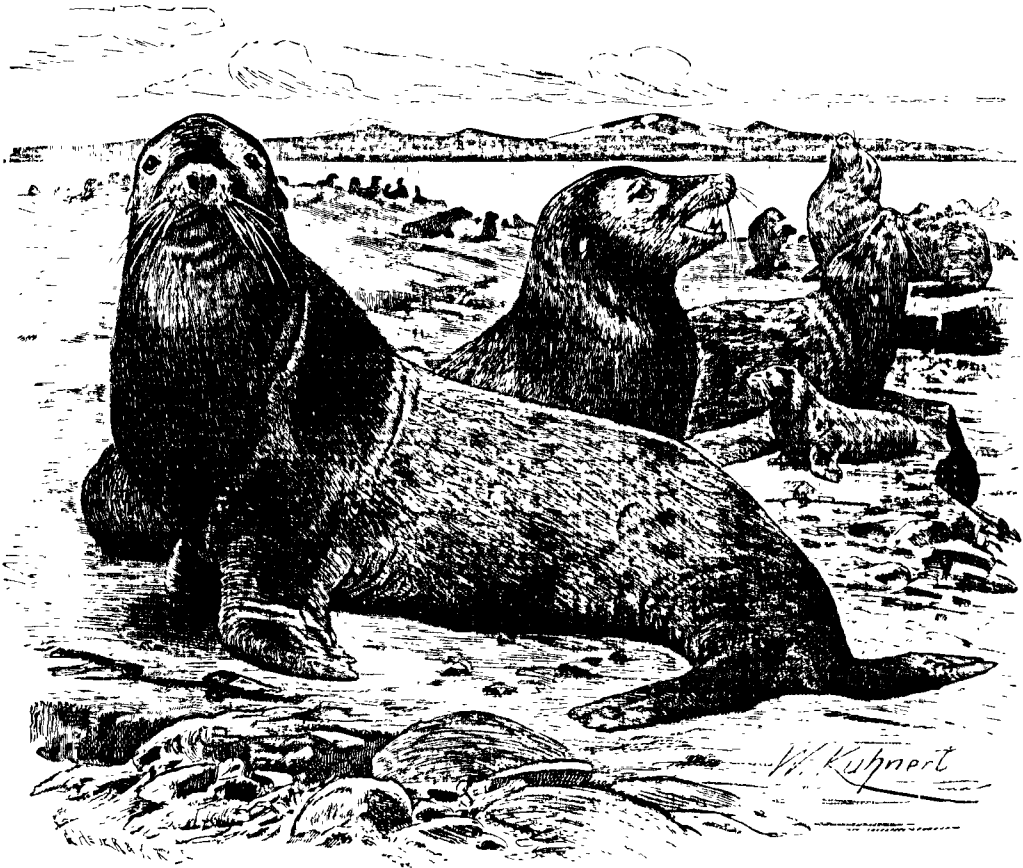
умѣренныхъ поясахъ, такъ и подѣ отвѣсными лучами полуденнаго солнца. Иногда предпринимаютъ они болѣе или менѣе обширныя путешествія, иногда-же цѣлыми годами живутъ въ одной той-же мѣстности. Этихъ животныхъ вездѣ жестоко преслѣдуютъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ даже почти истребили жадные люди, которые, ради мѣха, мяса и жира этихъ животныхъ уже цѣлыя столѣтія охотятся за ними, убиваютъ и уничтожаютъ ихъ. Свойства этихъ животныхъ, нравы и привычки, общественную жизнь, битвы во время течки, опасности бѣдствія, которымъ ихъ подвергаетъ человѣкъ, все это мы можемъ весьма подробно изучить изъ описаній слѣдующихъ лучше извѣстныхъ видовъ этого семейства.

Сивучъ, о которомъ всѣ жители Санъ-Франциско могутъ кое-что поразсказать, и котораго нѣмецкіе матросы называютъ **морскимъ львомъ** (*Ottaria stelleri*, *Phoca u Eumetopias stelleri*, *E. californiana*, *Arctocephalus monteriensis*, *Seelöwe*, *Otarie californienne*), былъ извѣстенъ уже во времена Стеллера. Самецъ сивуча достигаетъ при длинѣ въ 4 метра, около трехъ метровъ въ обхватѣ; говорятъ, что встрѣчаются великаны въ 5 метровъ длины, но это еще не доказано вѣрными измѣреніями. Средній вѣсъ, по словамъ Эллиота, достигаетъ 600 килогр. Самки гораздо меньше, почти никогда не достигаютъ 3 метровъ длины и рѣдко доходятъ до 200 килогр. вѣса. Въ устройствѣ тѣла сивучъ менѣе отличается отъ обыкновеннаго тюленя, чѣмъ прочіе виды этого семейства, но смѣшивать ихъ все-таки нельзя; не говоря уже о вышеописанной формѣ заднихъ и переднихъ конечностей, онъ отличается еще вытянутой головой и шеей, а, въ минуты волненія, гордой и повелительной осанкой. Глаза велики и выразительны, когда животное чѣмъ-нибудь взволновано. Ухо цилиндрическое, суживается у основанія острымъ угломъ и покрыто короткими тонкими волосами. На верхней губѣ сидятъ отъ 30—40 гибкихъ, бѣлыхъ или желтовато-бѣлыхъ щетинокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ 45 см. длины. Конечности, которые исправляютъ у него тройную должность—рукъ, ногъ и плавательныхъ перьевъ, несмотря на свое особенное развитіе, все-таки больше приспособлены къ движенію въ водѣ, чѣмъ на сушѣ; онѣ покрыты по большей части грубой шероховатой кожей, между тѣмъ какъ туловище покрыто вездѣ ровными, короткими, жесткими и блестящими волосами. Окраска мѣха старыхъ самцовъ весьма разнообразна: на одной и той-же скалкѣ можно видѣть черныхъ самцовъ, мѣхъ которыхъ, вслѣдствіе болѣе свѣтлыхъ оконечностей волосъ, какъ-бы покрытъ свѣтлымъ налетомъ, также красновато-бурыхъ, темно или свѣтло-сѣрыхъ; въ одномъ и томъ-же стадѣ встрѣчаются экземпляры со свѣтлыми и темными лапами, темными пятнами на туловищѣ, такъ-же, какъ и сѣрые съ болѣе темной шеей и свѣтло-сѣрой головой. Старыя самки окрашены однообразнѣе, по большей части онѣ свѣтло-бурыя; наконецъ дѣтеныши—въ ранней юности аспиднаго или темно-сѣраго цвѣта, который въ концѣ перваго года переходитъ въ орѣховый цвѣтъ.

Сивучи распространены въ сѣверной части Тихаго океана, въ восточныхъ частяхъ его до экватора или до Черепашьихъ острововъ. Мѣста, гдѣ они собираются для спариванія, называемыя «лежбищами» (*Rookeries*, англійскихъ охотниковъ), обыкновенно расположены между 53° и 57° сѣверной широты, а именно какъ на материкахъ Америки и Азии, такъ и по большей части острововъ этой полосы. На этихъ мѣстахъ они появляются регулярно изъ года въ годъ тысячами или меньшими обществами, выходятъ на берегъ и рожаютъ дѣтенышей. Вѣкъ этой полосы, а именно гораздо южнѣе, напр. при вѣздѣ въ гавань Санъ-Франциско и дальше на югъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Калифорніи и лежащихъ вблизи острововъ встрѣчаются

меньше значительныя лежбища. Впрочемъ, только немногія изъ тѣхъ животныхъ, которыя встрѣчаются близъ Калифорніи, настоящіе сивучи, большая часть ихъ принадлежитъ къ другому виду нерпучъ, (*Zalophus californianus*), и только часто смѣшиваются съ настоящими сивучами; они гораздо меньше и испускають звуки въ родѣ «ук-ук», вмѣсто того громкаго рева, который свойственъ сивучамъ.

«Чрезвычайно широкая и не менѣе пыльная дорога», пишетъ Финчъ, «ведетъ насъ по пустыннымъ дюнамъ, весьма бѣдно обросшимъ растительностью, и песокъ кото-

Сивучъ. *Ottaria stelleri*. $\frac{1}{30}$ наст. вел.

рыхъ находится въ безостановочномъ движеніи, такъ что воздухъ иногда насыщенъ пылью. Черезъ три четверти часа мы подъезжаемъ къ построенной на скалистомъ берегу Тихаго океана гостинницѣ, которая составляетъ любимое мѣсто прогулокъ жителей Санъ-Франциско. Еще издали слышится шумъ могучаго прибоя волнъ, и до ушей приближающагося путешественника доносится странные звуки, напоминающіе лай, которые все болѣе усиливаются, чѣмъ ближе подъезжаемъ къ гостинницѣ. Если идти по направленію этого лая, вскорѣ можно замѣтить сильное движеніе на отстоящихъ не болѣе какъ на 150 шаговъ отъ берега трехъ конусообразныхъ скалахъ; нижняя часть этихъ скалъ, о которыя ударяется съ шумомъ прибой, отъѣсно поднимается мѣстами надъ водою. Около 60 морскихъ чудовищъ расположились на самыхъ большихъ, выступающихъ впередъ береговыхъ утесахъ. группами по 15 штукъ или по одиночкѣ.

Тамъ, въ расщелинахъ скалъ или на узкихъ карнизахъ лежатъ они, удобно протянувшись, подъ начальствомъ стараго могучаго самца, извѣстнаго всѣмъ жителямъ С.-Франциско подъ названіемъ «Бена Бутлера». Расположившись на самой высокой точкѣ скалы, этотъ Бенъ Бутлеръ подымаетъ отъ времени до времени голову, сильно раздуваетъ свою толстую шею и испускаетъ свой низкій громкій лай, къ которому тотчасъ-же присоединяются не только болѣе слабые и высокіе голоса его сородичей, но и крикъ безчисленныхъ чаекъ и карканье баклановъ, сидящихъ рядами на выступнахъ скалъ и отдѣльныхъ вершинахъ; тутъ-же слышатся и густыя басовыя ноты пеликановъ, пометъ которыхъ длинными бѣлыми полосами выдѣляется на темномъ фонѣ скалы. Пораженный необычайнымъ зрѣлищемъ, даже самый равнодушный посѣтитель останавливается на долгое время, чтобъ наблюдать за этими разнообразными животными, и съ удивленіемъ замѣчаетъ, какъ эти, на видъ неуклюжіе и неповоротливые гиганты влѣзаютъ на самую верхушку скалы. Конечно, это происходитъ довольно медленно; но они такъ искусно умѣютъ змѣеобразно извивать свое длинное туловище, такъ сильно подпирать его при подъемѣ на гору своими растопыренными задними конечностями, что цѣль все-же достигается. Въ спокойномъ состояніи эти животныя напоминаютъ гигантскихъ темныхъ слизней; однако они иногда, во время сна, свертываются на манеръ собакъ, уткнувшись мордой въ брюхо. Если мы и на сушѣ удивляемся подвижности этихъ тяжелыхъ, неуклюжихъ животныхъ, то все-же нужно сказать, что только въ водѣ она выказывается во всей своей силѣ. Часто можно видѣть, какъ они соскальзываютъ прямо въ море, съ вершины скалы. Подобно дельфинамъ предаются они среди волнъ самымъ разнообразнымъ играмъ: опрокидываются навзничъ, выпрыгиваютъ иногда совершенно изъ воды, играютъ между собою, догоняютъ другъ друга, ныряютъ, изгибаются то въ глубину, то надъ поверхностью воды и дѣлаютъ видъ, что яростно сражаются между собою, хотя, на самомъ дѣлѣ, эти битвы происходятъ только для забавы. Точно также и кусаютъ они другъ друга на сушѣ только для вида. Злобно развѣваютъ они свою страшную пасть, страшно рычатъ другъ на друга, какъ будто собираются начать борьбу, но скоро опять укладываются рядомъ и начинаютъ даже иногда облизывать другъ друга. Цѣлыми часами можно наблюдать за постоянно мѣняющимися картинами и всегда замѣтить что-нибудь новое, еще невиданное».

«Совершенно иначе вели себя животныя того-же вида на Фаралонскихъ островахъ, величественныхъ пограничныхъ скалахъ, при влѣздѣ въ бухту Санъ-Франциско, мимо которыхъ я проѣзжалъ съ капитаномъ Скаммономъ на борту американскаго военнаго корабля Ванда. На южной сторонѣ своеобразныхъ скалистыхъ береговъ этихъ острововъ увидали мы стадо до 50 и болѣе тюленей, которые предусмотрительно удалились туда, гдѣ прибой ударялъ съ большей силой. Тамъ лежали они, плотно прижавшись другъ къ другу, обладаемые бѣлой пѣной морскихъ волнъ: охотиться за ними не было возможности, но пули нашихъ винтовокъ все-же долетали до нихъ. Несмотря на большое разстояніе, мы стали стрѣлять по направленію къ ревущей толпѣ и произвели волшебное дѣйствіе: почти въ ту-же минуту вся масса животныхъ бросилась въ море, и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ нижняя часть скалы оставалась пустою. Только гораздо позднѣе увидали мы съ помощью подозрительной трубы, какъ спугнутые нами тюлени вернулись на прежнее мѣсто отдохновенія. Замѣтная разница въ поведеніи тѣхъ и другихъ животныхъ становится понятной, когда знаешь, что здѣсь, при влѣздѣ въ бухту Санъ-Франциско, они живутъ совершенно свободно; между тѣмъ, какъ на скалахъ, близъ вышеупомянутой гостиницы, они находятся подъ покровительствомъ штата Санъ-Франциско и ихъ

нельзя ни убивать, ни ловить. Они вполне цѣнятъ эту заботливость и, не тревожимые своимъ злѣйшимъ врагомъ, спокойно позволяютъ наблюдать образъ жизни любознательнымъ посѣтителямъ».

Стеллеру обязаны мы первымъ точнымъ описаніемъ образа жизни сивучей. Дальнѣйшія свѣдѣнія мы получили отъ Коцебу и Ф. фонъ-Врангеля, а именно черезъ посредство Скаммона и Эллота. По словамъ Скаммона, ни одинъ изъ многочисленныхъ видовъ морскихъ животныхъ сѣверо-американскаго берега Тихаго океана не заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ сивучъ. Даже морской котъ, котораго мѣхъ такъ высоко цѣнится торговцами, не представляетъ такого интереса. Послѣдніе являются только въ известное время года на своихъ лежбищахъ, которыя находятсѣ большей частью на пустынныхъ островахъ, а потомъ исчезаютъ безъ слѣда; сивучи-же, даже послѣ того, какъ прошелъ срокъ ихъ пребыванія на сушѣ, по крайней мѣрѣ частью, остаются около лежбищъ. Но въ очень большомъ количествѣ собираются они только во время спариванія, которое происходитъ на различныхъ широтахъ въ различное время: такъ, напр., на берегахъ Калифорніи — между маемъ и августомъ; на берегахъ Аляски — между юнемъ и октябремъ. Въ это время самка производитъ на свѣтъ дѣтенышей, которыхъ воспитываетъ вмѣстѣ съ самцомъ; послѣдній дѣлитъ съ самкой всѣ заботы о дѣтенышахъ, охраняетъ ихъ отъ опасностей и учитъ своимъ примѣромъ, какъ они должны себя вести на узкой береговой полосѣ, представляющей то скалистый, изрытый расщелинами, то болотистый, то песочный грунтъ; тутъ-же обучаются дѣтеныши, какимъ образомъ, ныряя и плавая, должно двигаться во время морскаго прибоя. Первоначально молодые сивучи показываютъ рѣшительное отвращеніе къ водѣ, но вскорѣ они уже весело носятся по волнамъ и когда приходитъ время покидать берега, они уже настолько освоились съ водою, что могутъ, вмѣстѣ съ родителями, остальное время года провести въ открытомъ морѣ. Изъ многочисленнаго стада очень немногіе экземпляры остаются на излюбленномъ ими мѣстѣ и уже не покидаютъ его никогда. Во время полового возбужденія сивучи, а въ особенности самцы, почти не принимаютъ пищи, только самки покидаютъ отъ времени до времени лежбище для добыванія пищи, но никогда не рѣшаются отойти отъ дѣтенышей на далекое разстояніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что сивучъ долгое время можетъ жить безъ всякой пищи; наблюденіями за пойманными животными удостовѣрено, что они въ теченіи цѣлаго мѣсяца ничего не ѣли, и, несмотря на то, казались совершенно здоровыми. Говорятъ, что влѣдствіе нижеописаннаго способа охоты, практикуемаго туземцами, животные разнаго пола и возраста не только голодаютъ цѣлыми недѣлями, но переживаютъ при этомъ страшныя трудности безъ всякаго ущерба для здоровья. Въ началѣ ежегодныхъ сборницъ на сушѣ, какъ вернувшіеся на старое мѣсто, такъ и вновь прибывшія животныя очень дики и пугливы; но когда на берегахъ, утесахъ и скалахъ уже появились самки, ихъ поведеніе измѣняется: съ этого времени начинается борьба самцовъ изъ-за самокъ. Вонъ продолжаются иногда цѣлыми днями, останавливаются только влѣдствіе совершеннаго изнеможенія борющихся и возобновляются вновь, когда они немного отдышатся. Конецъ ссоръ и битвъ наступаетъ только тогда, когда оба противника одинаково ослабли, или одинъ изъ нихъ бѣжитъ съ поля сраженія, или когда обоихъ изгоняетъ третій, напавшій на нихъ со свѣжими силами; окончательно побѣжденный печально крадется на другое мѣсто. Обыкновенно стадомъ управляетъ только одинъ самецъ; но можетъ случиться, что ихъ окажется двое на одной и той-же скалѣ; тогда дѣло, конечно, не обходится безъ вызывающаго рева и незначительныхъ битвъ.

Насколько могъ замѣтить Скаммонъ, оба пола не чувствуютъ слишкомъ большой склонности другъ къ другу. Только самки показываютъ нѣкоторую нѣжность

своему потомству, что, впрочемъ, имъ не мѣшаетъ безъ колебанія покинуть его и уплыть въ море, въ случаяхъ внезапнаго нападенія на нихъ. Съ своей стороны маленькіе сивучи самые упрямые и шаловливые звѣрки, какихъ можно только вообразить, и постоянно выказываютъ себя съ самой неприятной стороны въ тѣ рѣдкія минуты, когда просыпаются отъ своего почти непробуднаго сна. Было нѣсколько разъ замѣчено, что въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ матокъ отказывается кормить своего дѣтеныша, цѣлые десятки другихъ самокъ оспариваютъ другъ у друга честь замѣнить ее. По увѣренію туземцевъ, самка морского льва только дѣтенышей мужского пола кормитъ болѣе года, чѣмъ и объясняется гораздо большая величина самцовъ въ сравненіи съ самками.

Съ окончаніемъ полового возбужденія, которое у калифорнскихъ береговъ продолжается почти четыре мѣсяца, большая часть многочисленныхъ стадъ, какъ самокъ, такъ и самцовъ уходитъ въ открытое море и переплываетъ его во всѣхъ направленіяхъ, охотясь за морскими животными и рыбой. Только меньшая часть ихъ можетъ найти пищу въ достаточномъ количествѣ около береговъ. Рыбы, мягкотѣлы и раковидныя животныя, также какъ и водяныя птицы составляютъ обыкновенную пищу этихъ ластоногихъ, которыя, впрочемъ, никогда не упускаютъ случая проглотить нѣсколько булыжниковъ или маленькихъ камней до 500 граммовъ вѣсомъ. По наблюденіямъ Скаммона, сивучи употребляютъ особенную хитрость, чтобъ поймать морскую птицу: они опускаются, въ виду чайки, на большую глубину, подилываютъ къ ней подъ водою, появляются уже на другомъ мѣстѣ и осторожно высовываютъ надъ поверхностью воды кончикъ своего носа; тутъ, вѣроятно, съ помощью усовъ, устраиваютъ въ водѣ круговоротное движеніе, съ намѣреніемъ обратить вниманіе летающей чайки. Последняя, думая, что имѣетъ дѣло съ какимъ-нибудь небольшимъ морскимъ животнымъ, кидается внизъ, чтобъ поймать его и, минуто спустя, бываетъ уже схвачена сивучемъ и увлечена подъ воду, гдѣ онъ ее рветъ на куски и проглатываетъ. Эллиотъ-же, который наблюдалъ въ теченіи четырехъ лѣтъ этихъ животныхъ на Прибыловыхъ островахъ, никогда не видалъ, чтобъ они гонялись за птицами, хотя сивучи постоянно плаваютъ вмѣстѣ съ водяными птицами, которыя не выказываютъ передъ ними никакого страха.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ у однихъ береговъ верхней и нижней Калифорніи истреблялось такое большое количество сивучей, что можно было наполнить тысячи бочекъ ворванью, вытопленной изъ ихъ жира. Количество истребляемыхъ животныхъ было просто баснословно, причемъ нужно принять въ соображеніе, что въ теченіи одной и той-же охоты большею частью попадались только мелкія животныя; рѣдко убивали сивучей такихъ большихъ размѣровъ, чтобъ изъ сала трехъ-четырехъ вытапливалась цѣлая бочка ворвани. Вслѣдствіе замѣтной убыли этихъ драгоценныхъ животныхъ, убиваютъ въ настоящее время преимущественно самцовъ и по большей части не копыями, а огнестрѣльнымъ оружіемъ. Такъ какъ направленная въ неуклюжее туловище звѣря пуля рѣдко имѣетъ желаемое дѣйствіе, то стрѣляютъ всегда въ голову, причемъ цѣлятся въ ухо. Съ дубинами и копыями гоняются за ними тамъ, гдѣ свойство морского берега позволяетъ загнать ихъ отъ берега въ глубь страны, что, при ихъ лугливости, не представляетъ особеннаго затрудненія. Немедленно послѣ такой бойни вырываютъ у убитыхъ сивучей щетинны усовъ, снимаютъ кожу и срѣзаютъ лежащій между кожей и мускулами толстый слой жира, который потомъ на кораблѣ разрѣзаютъ на маленькіе четырехугольные кусочки и топятъ. Въ прежнее время мѣхъ бросали, пока не открыли, что онъ годится на приготовленіе клея и такимъ образомъ относительно приноситъ такую-же выгоду, какъ и жиръ.

Въ то время, какъ европеецъ охотится за сивучомъ изъ-за его жира и шкуры, это животное снабжаетъ жителей Аляски, Алеутскихъ и Прибыловыхъ острововъ не только пищей, но и необходимыми хозяйственными предметами. Главное мѣсто высадки морскихъ львовъ на островѣ Св. Павла—сѣверо-восточная его оконечность; къ этому мѣсту направляются туземцы, чтобы при удобномъ случаѣ обезпечить себѣ счастливый ловъ. Сивучи очень чутки, лежатъ обыкновенно у самой воды и застигнуть ихъ врасплохъ очень трудно. Элліотъ рассказываетъ, что въ лунныя ночи, когда несущіяся по небу облака поминутно застилаютъ свѣтъ мѣсяца, и вѣтеръ дуетъ съ земли, опытные охотники крадутся одинъ за другимъ вдоль берега; они ползутъ на рукахъ и ногахъ въ такомъ положеніи, чтобы сторожевые морскіе звѣри при мелькающемъ свѣтѣ приняли ихъ за себѣ подобныхъ. Убѣдившись, что имъ удалось отрѣзать цѣлое стадо отъ моря, охотники въ одинъ мигъ вскакиваютъ на ноги, съ страшнымъ шумомъ кричатъ, стучатъ, стрѣляютъ изъ ружей, пускаютъ ракеты и тѣмъ стараются согнать дальше на сушу избранныхъ жертвъ. Тѣ изъ животныхъ, которыя лежали лицомъ къ морю, стараются поспѣшно достигнуть воды и не возвращаются вспять даже въ томъ случаѣ, еслибы охотники и хотѣли преградить имъ дорогу: эти уже потеряны безвозвратно. Тѣ же изъ нихъ, которыя лежали повернувшись лицомъ къ сушѣ, спасаются по тому-же направленію; тогда ихъ всевозможными угрожающими средствами стараются немилосердно загнать къ самому лагерю туземцевъ. Здѣсь все стадо, состоящее обыкновенно изъ 20—30, рѣдко 40 штукъ, окружаютъ «тряпочною оградой», т. е. вколачиваютъ на разстояніи отъ 3—6 метровъ другъ отъ друга колья и соединяютъ ихъ веревками, на которыхъ вѣшаютъ разное тряпье. Эта легкая преграда совершенно достаточна, чтобы отрѣзать животнымъ бѣгство. Въ продолженіи двухъ или трехъ недѣль, смотря по погодѣ, охотники продолжаютъ оцѣплять и загонять животныхъ на сушу, окружая каждое стадо оградой, пока число пойманныхъ звѣрей не достигнетъ 200 — 300 штукъ. Послѣ этого начинается гоньба, это значитъ, что сивучей самихъ принуждаютъ доставить свои тѣла къ тому мѣсту, гдѣ должны ихъ убить и которое иногда находится въ 11 англійскихъ миляхъ разстоянія. Въ сырое и холодное время плѣнники проходятъ это разстояніе въ 5—6 дней, въ теплое же и сухое имъ для этого требуется 2 или 3 недѣли, а иногда и болѣе.

При гоньбѣ пускаются въ ходъ всевозможныя средства для устрашенія: кричатъ, стрѣляютъ, стучатъ, шумятъ, машутъ платками и флагами; въ новѣйшее время съ успѣхомъ употребляются тоже обыкновенныя синіе зонтики, которые быстро открываютъ и закрываютъ передъ упирающимися животными. Такъ какъ молодые сивучи и тщедушныя самки подвигаются быстрѣе, чѣмъ старыя жирныя самцы, то караванъ тянется иногда на большое разстояніе, и бываетъ очень трудно заставить измученныхъ и озлобленныхъ животныхъ подвигаться впередъ. Но зонтикъ въ опытныхъ рукахъ всегда оказываетъ свое дѣйствіе; даже самый разъяренный старый самецъ бѣжитъ отъ него. Если дорогой встрѣтится озеро, то пользуются водянымъ путемъ, чтобы быстрѣе проплыть нѣсколько англійскихъ миль всего пути. По мѣрѣ приближенія тюленей къ берегу, ихъ опять заключаютъ въ ограды, пока не подойдутъ и послѣдніе изъ нихъ. Тогда все стадо гонятъ въ воду, гдѣ съ помощью двухъ - трехъ лодокъ съ людьми заставляютъ его плыть въ образцовомъ порядкѣ; такимъ образомъ менѣе, чѣмъ въ 20 минутъ оно переплываетъ все водяное пространство. Нужно сказать, какъ это ни покажется страннымъ, что ни одно животное не осмѣливается вырваться и уплыть на среднюю озеро. Потому идти трудный путь опять по сушѣ, еще по двумъ-тремъ небольшимъ озерамъ, и наконецъ странный караванъ достигаетъ давно ожидаемаго мѣста назначенія. Тутъ

выносить оружіе: ружья и пики. Даже самые отважные охотники не рѣшаются выступить съ однимъ коньѣмъ противъ старыхъ самцовъ: это было-бы слишкомъ опаснымъ предпріятіемъ. Ихъ прежде всего убиваютъ выстрѣлами въ голову, а ужъ потомъ убиваютъ самокъ и дѣтенышей вѣрными ударами копій въ самое сердце. Изъ этой добычи почти все идетъ въ дѣло: мясо и жиръ употребляются въ пищу, жилы — на нитки и тесемки; изъ шкуръ дѣлаютъ легкіе челноки, изъ кишекъ — прекрасныя непромокаемыя одежды. Даже длинныя гибкія щетины усовъ тщательно берегаются; китайцы дорого за нихъ платятъ и чистятъ ими, между прочимъ, трубки для куренія опиума.

По словамъ Эллиота, у котораго мы заимствовали это описаніе, островъ Св. Павла представляетъ, вслѣдствіе особенностей своей береговой линіи, необыкновенныя удобства для подобнаго рода охоты; къ нему приплываютъ ежегодно отъ 10 — 12.000 сивучей. Не такъ удобенъ въ этомъ отношеніи сосѣдній съ нимъ островъ Св. Георгія, гдѣ, впрочемъ, нынѣ рѣдко появляются сивучи. Эллиотъ слышалъ отъ тамошнихъ жителей, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія къ острову приплывали сотни тысячъ этихъ животныхъ: но, такъ какъ вслѣдствіе неудобнаго берега, охота за ними была почти невозможна, и кому-же они отгоняли отъ земли болѣе драгоценныхъ морскихъ котовъ, сами-же приносили мало пользы, то жители острова старались ихъ отогнать отъ берега. Усилія жителей увѣнчались успѣхомъ, и мало-по-малу сивучи потеряли привычку приплывать къ острову Св. Георгія, уступая мѣсто морскимъ котамъ, цѣнность которыхъ выше и охота за которыми представляетъ меньше трудностей.

У береговъ Сибири, Камчатки и Сахалина этихъ нерпучъ и сходные съ ними виды ловятъ инымъ образомъ. Всѣ бухты и рѣки сѣверной Азіатской береговой полосы, отъ іюня до сентября, изобилуютъ лососими, которые въ это время поднимаются въ рѣки для метанія икры; слѣдомъ за ними появляются и нерпучи всѣхъ видовъ. Чтобы поймать послѣднихъ, загораживаютъ извѣстныя части рѣкъ и заливовъ рѣдкими сѣтями, сквозь которыя могутъ проскочить рыбы, но не тюлени, которые въ нихъ запутываются и издыхаютъ на глубинѣ воды, или бывають убиты подошвными туземцами. Такимъ образомъ въ разныхъ мѣстностяхъ области распространенія нерпучъ за этими животными охотятся различнымъ способомъ; но ни одинъ изъ нихъ не угрожаетъ сивучамъ такимъ совершеннымъ уничтоженіемъ, какъ способъ европейцевъ, которые и въ этомъ опередили остальныхъ народности.

Сивучи легко уживаются въ неволѣ, если пойманы молодыми; со временемъ они оказываютъ необыкновенную нѣжность своему сторожу. Въ послѣднее время нѣсколько экземпляровъ ихъ появилось въ нѣмецкихъ зоологическихъ садахъ; въ Кельнскомъ зоологическомъ саду сивучи или морскіе львы, какъ ихъ тамъ называютъ, очень схожіе съ только что описаннымъ, (*O. gille-pii*)—даже плодился нѣсколько разъ въ неволѣ.

* *

Морской котъ, *Fur-seal* англійскихъ охотниковъ (*Otaria ursina*, *Phoca ursina*, *Arctocephalus* и *Callorhinus ursinus*. Seebär. *Ours marin*), по величинѣ уступаетъ сивучамъ; длина самыхъ большихъ самцовъ не превышаетъ 2—2,5 метра отъ кончика морды до оконечности хвоста; самки рѣдко достигаютъ болѣе половины этой длины; самцы вѣсятъ отъ 200—250 килогр., самки отъ 50—60 килогр. Туловище его хотя толстое, но очень длинное, голова длиннѣе и острѣе, чѣмъ у другихъ ластоногихъ, шея коротка, но замѣтно выдѣляется изъ туловища, хвостъ короткій и острый, пасть довольно маленькая, ноздри въ видѣ щелей, глаза очень большіе, темные и выразительные; на верхней губѣ торчатъ около 20 жесткихъ

щетины 16 см. длины. Переднія конечности имѣютъ форму плавниковъ и покрыты упругой, гладкой, черной кожей, которая въ концѣ очень удлиняется и расширяется, такъ что всѣ пять пальцевъ, изъ которыхъ три вооружены ногтями, оканчиваются лоскутомъ кожи, по крайней мѣрѣ въ 10 см. длины. Шерсть, которая на шеѣ и передней части туловища замѣтно удлиняется, а на спинѣ нѣсколько короче, очень густа и состоитъ изъ не слишкомъ жесткихъ волосъ и необыкновенно мягкаго и нѣжнаго подшерстка. Основной цвѣтъ ея темно-бурый, который у нѣкоторыхъ особей переходитъ въ черно-бурый; на головѣ, шеѣ и передней части туловища шерсть

Морской котъ. *Otaria ursina*. $\frac{1}{25}$ наст. вел.

имѣть какъ-бы бѣлую сѣдину, вследствие бѣлыхъ кончиковъ волосъ; на внутренней и нижней частяхъ туловища она свѣтлѣе. Каждый волосъ у основанія черный, потомъ рыжеватый, а ближе къ оконечности виднѣется сѣрая кольцеобразная полоска. Старыя самки отличаются отъ самцовъ почти постоянно серебристымъ отбѣнкомъ; у очень старыхъ самокъ шерсть на спинѣ и бокахъ темно-бурая, съ бѣлымъ налетомъ, а на брюхѣ рыжегато-бурая. Молодые коты серебристаго цвѣта, потому что волосы имѣютъ свѣтлые кончики.

Немногія ластоногія (если допустить, что всѣ живущія даже въ очень отдаленныхъ странахъ принадлежатъ къ одному и тому-же виду) такъ широко распространены, какъ морскіе коты. Они живутъ у береговъ Патагоніи и юго-западной Африки, на Фалкландскихъ островахъ и въ южной Новой Шотландіи и Георгіи,

встрѣчаются на нѣкоторыхъ островахъ въ Индѣйскомъ океанѣ и на Прибыловыхъ островахъ въ Беринговомъ проливѣ; морской котъ появляется такъ-же часто на экваторѣ, какъ и на дальнихъ широтахъ юга и сѣвера. Первое естественно-историческое описаніе этихъ животныхъ, столь прекрасно составленное еще Стеллеромъ, въ послѣднее время обогатилось многими новыми изслѣдованіями.

Изъ сообщеній старыхъ моряковъ, хорошо изучившихъ морскихъ котовъ, явствуетъ, что они регулярно появляются на извѣстныхъ островахъ и шхерахъ, единственно съ цѣлью размноженія; остальное-же время года проводятъ исключительно въ открытомъ морѣ, гдѣ предпринимаютъ далекія путешествія. Во всякомъ случаѣ, доказано многолѣтнимъ опытомъ, что эти животныя постоянно возвращаются къ тѣмъ-же самымъ извѣстнымъ имъ мѣстамъ на сушѣ, такъ называемымъ лежбищамъ. Когда настаетъ время высадки ихъ на берегъ, прежде всего появляются старые самцы (сѣкачи), посланные, повидимому, въ качествѣ соглядатаевъ. За ними слѣдуютъ мало-по-малу и всѣ остальные. Съ высокихъ мѣстъ отдѣльныхъ южныхъ острововъ, по словамъ Скаммона, наблюдали, что они приплываютъ къ берегу огромными обществами; очевидно они путешествуютъ всѣ вмѣстѣ и только на берегу уже раздѣляются на отдѣльныя стада. При выборѣ посѣщаемыхъ ими мѣстъ они дѣйствуютъ съ большою осторожностью, особенно, вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ убѣдились горькимъ опытомъ о необходимости защищаться отъ нападений злѣйшаго своего врага—человѣка. По большей части они отыскиваютъ маленькіе острова или на большихъ островахъ такія береговыя полосы, гдѣ особенно силенъ прибой волнъ, и на нихъ для своего временнаго мѣстопребыванія избираютъ, по возможности, мало доступныя скалы, едва возвышающіяся надъ самой высокой линіей прилива. Каждый старый самецъ возвращается къ тому-же самому назначенному мѣсту, пока имѣетъ возможность удержать его за собой. Туземцы Прибыловыхъ острововъ увѣряли Брианта, что они, 17 лѣтъ подрядъ замѣчали возвращеніе на ту-же самую скалу острова Св. Павла одного и того-же сѣкача; узнавали-же его вслѣдствіе недостающаго передняго лапа. Эллиотъ сообщаетъ объ этомъ нѣсколько другія свѣдѣнія. Жители острова Св. Павла увѣряли его, что только въ теченіи трехъ лѣтъ наблюдали возвращеніе стараго самца, если не именно на ту-же самую скалу, то, по крайней мѣрѣ, въ ея окрестности. Его узнавали по недостающему заднему лапу. Эллиотъ поджидалъ его на четвертый годъ, но онъ уже не появился. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, сдѣланы были въ два различныхъ года весьма доказательные опыты: нѣсколькимъ самцамъ, прибывшимъ къ тому-же самому мѣсту, подрѣзали уши. Отмѣченныхъ такимъ образомъ животныхъ нашли разбѣянными по всему острову въ разныхъ мѣстахъ сборищъ морскихъ котовъ. Этимъ было доказано, что животныя, хотя и возвращаются въ тѣ-же мѣстности, но не отыскиваютъ въ нихъ именно старое свое лежбище.

По наблюденіямъ Брианта, молодые, т. е. не достигшіе 6-ти лѣтъ, самцы (полусѣкачи) не осмѣливаются днемъ высаживаться на берегъ; поэтому они почти все время пребыванія морскихъ котовъ на сушѣ плаваютъ около береговъ взадъ и впередъ и развѣ только ночью, украдкой, пристають къ берегу, чтобъ хоть немного выснаться. Единственное исключеніе изъ этого правила можетъ найти мѣсто только тамъ, гдѣ для житья на сушѣ избрана очень длинная полоса морского берега, такъ какъ тогда между различными принадлежащими къ одному стаду семействами остаются незанятые мѣста, по которымъ позволяютъ свободно двигаться полусѣкачамъ, пока они не вздумаютъ приблизиться къ большимъ стадамъ.

Жизнь этихъ животныхъ во время пребыванія на сушѣ проходитъ слѣдующимъ образомъ: около половины апрѣля у острововъ появляется нѣсколько старыхъ

самцовъ, которые въ теченіи 2—3 дней плаваютъ около береговъ, осмѣливаются влѣзть и на берегъ, гдѣ, осторожно обнюхивая воздухъ, изслѣдуютъ знакомыя мѣста. Если изслѣдованіе удовлетворительно, они, 2—3 дни спустя, рыщутъ уже влѣзть на болѣе высокія мѣста и ложатся тамъ съ приподнятой вверхъ головой, прислушиваясь и осматриваясь кругомъ. Туземные жители острова Св. Павла, которые хорошо изучили нравы и привычки этихъ звѣрей, стараются не попадаться имъ на глаза въ это время; избѣгаютъ всякаго шума, особенно когда вѣтеръ дуетъ въ ихъ сторону, тушатъ даже огонь, чтобы не возбудить недовѣрія соглядатаевъ. Эти послѣдніе исчезаютъ въ скоромъ времени; нѣсколько дней спустя появляются опять самцы въ небольшомъ количествѣ, какъ взрослые, такъ и молодые. Первые устраниваются на избранныхъ мѣстахъ, выгаликиваютъ молодыхъ съ берега и заставляютъ ихъ или оставаться въ водѣ, или селиться на незанятыхъ еще мѣстахъ острова. Впрочемъ, каждый старый самецъ захватываетъ только пространство около 25 квадратныхъ метровъ, т.-е. мѣсто для сна и отдыха какъ для него самого, такъ и для своихъ самокъ, которыхъ бываетъ отъ 10—15, а на лучшихъ мѣстахъ отъ 40 до 45. Каждый день прибываютъ новые и новые самцы: двухъ-трехъ и пятилѣтніе; молодые въ меньшемъ, старые въ большемъ количествѣ. По мѣрѣ того, какъ они прибываютъ, слѣдующимъ все труднѣе и труднѣе становится пробираться къ удобнымъ мѣстамъ, такъ какъ каждое семейство крѣпко держится своего мѣста и уступаетъ только силѣ. Здѣсь ничье право не признается, прибывшіе послѣдними должны довольствоваться малымъ или добиваться лучшаго мѣста силой.

Около 15 іюня всѣ самцы уже въ сборѣ и всѣ удобныя мѣста уже заняты. Самки, очевидно, ожидаютъ прибытія самокъ. Послѣднія прибываютъ сначала тоже въ небольшомъ числѣ, а впоследствии все большими и большими толпами до половины іюля, когда всѣ удобныя мѣста заняты и даже переполнены. Многія самки вначалѣ имѣютъ, повидимому, желаніе соединиться съ извѣстнымъ имъ самцомъ. По крайней мѣрѣ онѣ влѣзаютъ на отдаленные утесы, чтобы оттуда обозрѣть всѣ мѣста стоянокъ, издають свой призывный крикъ и прислушиваются, не отзовется-ли знакомый голосъ. Если этого не случится, она перемѣняетъ мѣсто и повторяетъ тотъ-же пріемъ, пока, наконецъ, одинъ изъ плавающихъ молодыхъ самцовъ (холостякъ, по выраженію туземцевъ) не подплыветъ къ ней и не заставитъ ее, иногда противъ воли, пристать къ берегу. Повидимому, подобныя услуги принадлежатъ къ обязанностямъ холостыхъ тюленей. Они плаваютъ весь день вдоль берега взадъ и впередъ, наблюдаютъ за прибывающими самками и принуждаютъ ихъ взбираться на скалистый берегъ. Какъ только самка попала на берегъ, къ ней приближается одинъ изъ близъ лежащихъ самцовъ, издаетъ звукъ, похожій на хлоптанье насѣдки, и старается, нѣжно кивая и ласкаясь къ вновь прибывшей подругѣ, стать между нею и моремъ, чтобы она не могла ускользнуть отъ него. Какъ только ему это удалось, поведение его измѣняется совершенно; вмѣсто ласки она испытываетъ уже грубое насиліе: грозное рычанье заставляетъ ее присоединиться къ гарему строгаго властелина. Каждый самецъ повторяетъ этотъ пріемъ, пока всѣ мѣста въ гаремѣ его не заняты. Этимъ, впрочемъ, не оканчивается его трудная работа, такъ какъ лежащіе надъ нимъ самцы постоянно нарушаютъ его права, пользуясь всякой удобной минутой, чтобы увести у него самку. Происходитъ это весьма просто: самецъ схватываетъ зубами одну изъ самокъ, протаскиваетъ ее черезъ головы остальныхъ, какъ кошка мышъ и водворяетъ въ собственный гаремъ. Расположившіеся надъ нимъ самцы поступаютъ точно также, и такимъ образомъ ловля и увлеченіе самокъ продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ мѣста заняты. Нерѣдко случается, что два самца спорятъ за обладаніе самкою; случается тоже, что два соперника въ одно и то-же время нападаютъ

на одну самку и если не растерзывают ее окончательно на куски, то во всякомъ случаѣ наносятъ тяжелыя раны. Когда, наконецъ, всѣ гаремы наполнены, самцы расхаживаютъ съ самодовольнымъ видомъ кругомъ, обзрѣвая свои семьи, ворчатъ на самокъ, которыя тѣснятся или мѣшаютъ другимъ и свирѣпо отстраняютъ всякаго докучливаго посетителя. Подобный надзоръ продолжается въ теченіи всего времени пребыванія на сушѣ.

Два или три дня по прибытіи на сушу, каждая самка мечетъ по одному, рѣдко по два дѣтеныша. Молодой морской котъ (котикъ) является на свѣтъ, какъ всѣ тюлени, чрезвычайно развитымъ, съ открытыми глазами; длина его при рожденіи 35 см., вѣсъ 1,5—2 килогр. Наружностью онъ вначалѣ совершенно непохожъ на взрослыхъ морскихъ котовъ: шерсть его, состоящая изъ необыкновенно мягкаго и курчаваго подшерстка и такихъ-же длинныхъ волосъ, чернаго цвѣта; только къ концу пребыванія на сушѣ молодые котики принимаютъ ту-же окраску, какъ и взрослые. Въ первое время по рожденіи дѣтенышей самка почти не оставляетъ ихъ ни на минуту, позднѣе она на болѣе продолжительное время утываетъ въ море, для добыванія пищи. Пока мать на сушѣ, дѣтеныши постоянно слѣдуютъ за ней, при малѣйшемъ ея передвиженіи; но, по словамъ Эллиота, они въ первыя 4—6 недѣль совершенно неспособны къ плаванію, и неминуемо тонутъ, если случайно попадутъ въ воду. Послѣ 6 недѣль они начинаютъ мало-по-малу довольно неловко плавать, стараются подражать движеніямъ матери, но первое время всегда спѣшатъ выкарабкаться изъ воды на берегъ. Со временемъ приобрѣтаютъ они болѣе самоувѣренности, осмѣливаются на болѣе далекія путешествія, и наконецъ, къ половинѣ сентября становятся совсѣмъ искусными пловцами. Къ этому времени они уже очень подросли, вѣсятъ отъ 14—16 килогр. и начинаютъ линять. На Прибыловыхъ островахъ линіи оканчивается около 20 октября.

Эллиотъ подробно описалъ ту правильность и порядокъ, съ которыми всѣ эти удивительныя происшествія ежегодно совершаются на вышеупомянутыхъ островахъ. Первые старые самцы появляются въ началѣ мая; они не выказываютъ ни страха, ни недовѣрчивости, при высадкѣ на берегъ. Другіе слѣдуютъ за ними; но они, за малыя исключенія, не моложе 6 лѣтъ. Они ведутъ между собою борьбу за лучшія мѣста, какими обыкновенно считаются ближашія къ морю; это продолжается до 10 или 12 іюня, когда все пространство лежбищъ оказывается раздѣленнымъ по праву сильнаго. Тогда начинаютъ прибывать самки, отъ 12—15 іюня небольшими группами, позднѣе въ болѣе большомъ количествѣ, наконецъ, съ 23—25 іюня цѣлыми толпами, такъ-что гаремы скоро переполнены. Къ 8 или 10 іюля прибыли всѣ. Дѣтеныши являются на свѣтъ болѣею частью между 10 и 15 іюли и никакъ не позже первыхъ чиселъ августа. Самки никогда не рожаютъ раньше 3-хъ лѣтъ; беременность продолжается почти 12 мѣсяцевъ. Такъ какъ случки начинаются почти тотчасъ послѣ рожденія дѣтенышей, то половое возбужденіе прекращается уже къ началу августа: старые султаны покидаютъ свои мѣста и своихъ, до той поры, такъ ревниво оберегаемыхъ самокъ; исхудалые и слабые, они спѣшатъ въ море. Съ ихъ уходомъ нарушается порядокъ, который до той поры господствовалъ въ распредѣленіи высидившихся животныхъ. Дѣтеныши, матки, полусѣкочи, которые не смѣли показываться все это время, свободно переходятъ съ мѣста на мѣсто. Животныя располагаются теперь на пространствѣ въ три, четыре раза большемъ, чѣмъ прежде; новорожденные тюлени выдѣляются изъ толпы и собираются большими стадами. Съ 8-го или 9-го августа молодые, ближайшіе къ водѣ, начинаютъ, по собственному побужденію, учиться плавать, и къ 15—20 сентября всѣ уже вполне постигли это искусство. Съ половины сентября господствуетъ на всѣхъ лежбищахъ вполне

свободное и беспорядочное движеніе: животныя приходятъ, уходятъ, отдыхаютъ и забавляются между собою. Пребыванію ихъ на сушѣ приходитъ конецъ; они ушли-ваютъ и цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ остаются опять въ морѣ. Въ послѣднихъ числахъ октябрю или во всякомъ случаѣ не позднѣ первыхъ чиселъ ноября, по окончаніи ливня, всѣ морскіе коты, старше 5 или 6 лѣтъ, оставляютъ островъ; молодые и новорожденные слѣдуютъ ихъ примѣру, хотя многіе еще не покидаютъ мѣста рожденія въ теченіи двухъ—трехъ недѣль. Въ концѣ ноября почти всѣ исчезаютъ. На островѣ остаются только сотни двѣ труповъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ стоянокъ и нѣсколько отсталыхъ, изъ которыхъ отдѣльные экземпляры видны бываютъ еще до 12 января.

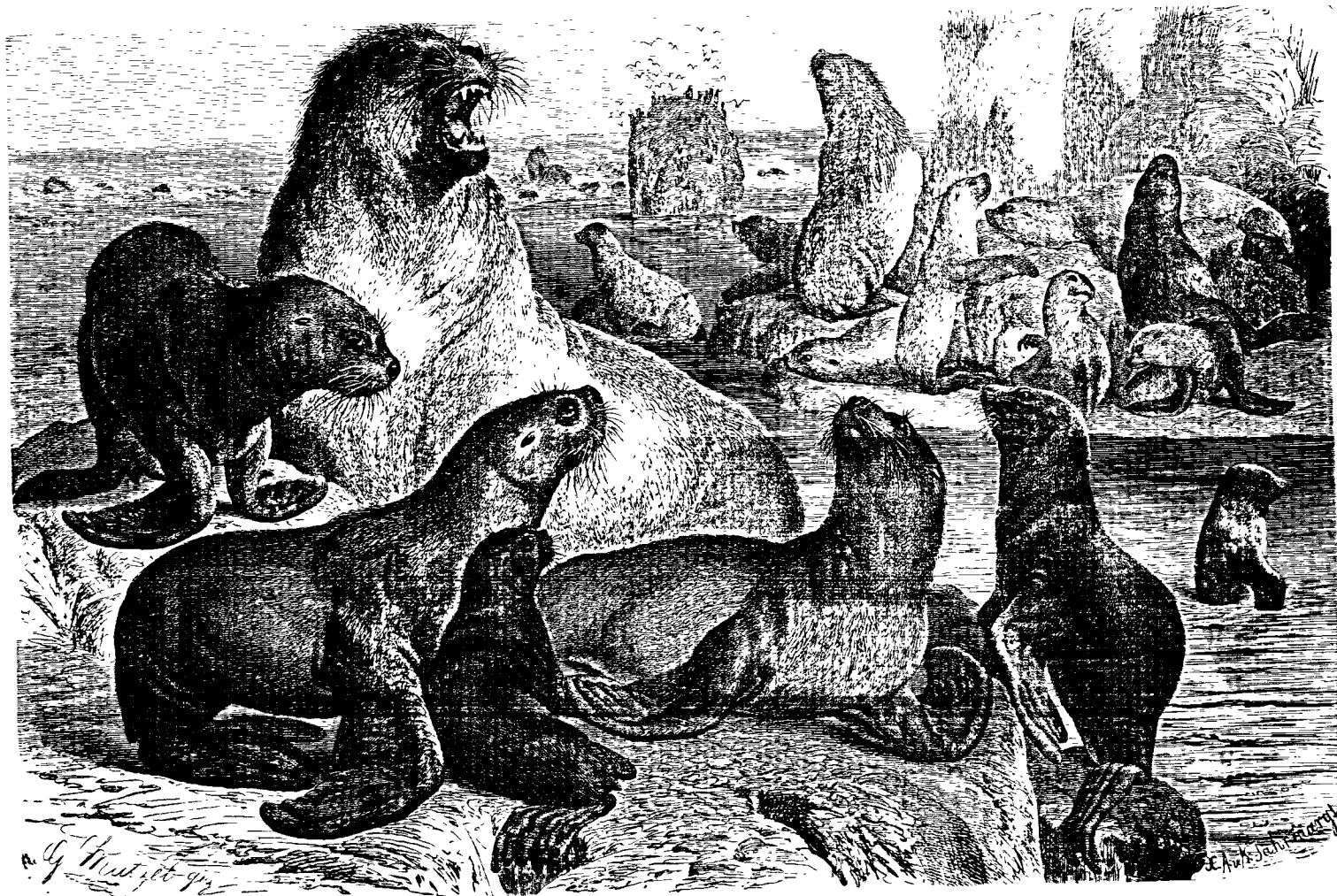
Но мы должны еще выдѣлить двѣ группы изъ этихъ правильно повторяющихся, ежегодныхъ сборищъ: прежде всего назовемъ небольшую группу, состоящую изъ старыхъ сѣкачей, изувѣченныхъ во время стычекъ, изгнанныхъ со своихъ мѣстъ или вовсе не добившихся мѣста. Они соединяются обществами и поселяются на пустынныхъ береговыхъ полосахъ, гдѣ, сердитые и угрюмые, проводятъ все время пребыванія на сушѣ. Подобные привалы раненыхъ и обиженныхъ самцовъ морики весьма остроумно и мѣтко назвали «госпиталиями». Другая отдѣльная группа гораздо многочисленнѣе и важнѣе для промышленниковъ; она состоитъ изъ несовершеннолѣтнихъ, холостыхъ самцовъ (полусѣкачей и холостяковъ), которыхъ старые самцы изъ ревности не терпятъ около своихъ гаремовъ, почему они селятся на свободныхъ берегахъ острововъ; тамъ-же, гдѣ путь мимо лежбищъ свободенъ, они устраиваются за ними дальше отъ берега. Эти молодые животныя собираются въ огромномъ количествѣ и, не связанные никакими семейными узами, свободно плаваютъ и играютъ въ морскихъ волнахъ. Они самыя искусныя пловцы среди котовъ. На землѣ они такъ доврчивы, что люди спокойно могутъ проходить среди ихъ толпы, не вызывая ни паники, ни даже волненія. Поэтому становится понятнымъ, какимъ образомъ охотникамъ легко удается отдѣлать отъ стада любое число экземпляровъ и направить ихъ по своему усмотрѣнію, такъ какъ именно эти холостяки и составляютъ ту добычу, которую люди гонятъ къ мѣстамъ боины и убиваютъ ради цѣнности ихъ мѣха.

За свой превосходный мѣхъ морской котикъ цѣнится выше всѣхъ своихъ сородичей. Туземцы посягаемыхъ ими острововъ убиваютъ ихъ конечно и ради мяса, которое составляетъ самую значительную часть ихъ пищи; европейцы тоже находятъ мясо морскихъ котовъ вкуснымъ. На Прибыловыхъ островахъ жители питаются преимущественно мясомъ различныхъ ластоногихъ и потому, во время пребыванія сивучей и морскихъ котовъ на сушѣ, должны заготовить ими на цѣлый годъ. Пока вышеупомянутыя животныя живутъ на сушѣ, мясо только что убитыхъ изъ нихъ частью съѣдается тутъ-же; но на зиму отдѣляется необходимый запасъ для сохраненія въ прокъ. Съ этою цѣлью, незадолго до отплытія нерпукъ въ море, стараются убивать ихъ въ наибольшемъ количествѣ и мясо ихъ или сушатъ, или морозятъ всю тушу и сохраняютъ ее такимъ образомъ всю зиму. Изъ жира морскихъ котовъ вытапливаютъ тоже ворвань, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что это можетъ считаться только второстепенной статьей дохода. Главнѣйшій доходъ съ давнихъ поръ доставляютъ шкурки молодыхъ котиковъ, но при добычѣ ихъ поступали до сихъ поръ такъ-же недалековидно и безсмысленно, какъ и при охотѣ за другими морскими звѣрями вообще, и истребили въ нѣсколько десятковъ лѣтъ такое огромное количество ихъ, что нѣсколько острововъ, гдѣ они появились въ прежнее время въ огромномъ количествѣ, совершенно теперь опустѣли. На Прибыловыхъ островахъ на нихъ охотились такъ безпощадно, что уже въ началѣ

нынѣшняго столѣтія русское правительство издало особые законы, чтобы положить преграду ничѣмъ не извиняемому варварству. Въ 1803 году собрали въ Уналашкѣ до 800,000 лисъ, изъ числа которыхъ $\frac{7}{10}$ были выброшены въ воду и сожжены, такъ какъ не было возможности ихъ всѣхъ отдѣлать, а цѣны не хотѣли спускать. Вслѣдствіе такихъ возмутительныхъ приемовъ количество морскихъ котовъ во всемъ Беринговомъ проливѣ странно убавилось. На Прибыловыхъ островахъ добыли въ 1811 г. только десятую часть вышеупомянутаго количества, а въ 1816 году только 3,000 штукъ. Въ настоящее время морскіе коты опять значительно размножились; если ихъ хоть сколько-нибудь падить, то можно ежегодно убивать по 200,000 штукъ, не опасаясь истребить ихъ окончательно. Изъ этого числа около 100,000 приходится на Прибылые острова; остальные—на острова Коппера и Беринга, Робинсовъ острова на Охотскомъ морѣ, на берега Калифорніи, Вашингтоновой Земли, южные Шетландскіе острова, Огненной Земли, нѣмецкой Юго-западной Африки (Lüderitzbucht) и на другія, посѣщаемыя ими мѣста.

Эллѣтъ послѣ тщательной проверки всѣхъ отчетовъ о морскихъ коткахъ, прибывавшихъ ежегодно на Прибылые острова въ серединѣ прошлаго столѣтія, даетъ намъ слѣдующія цифры: на островѣ Св. Павла перебывало, собственно въ лежбищахъ старыхъ самцовъ, самокъ и дѣтенышей 3,300,000 штукъ; на островѣ Св. Георгія 163,420 штукъ. Къ этому надо присоединить на обоихъ островахъ около 1,500,000 полубкачей и холостяковъ. Слѣдовательно на этихъ двухъ островахъ число морскихъ котовъ селится ежегодно круглымъ числомъ, до 4,700,000. Изъ этого огромнаго числа убиваютъ около 100,000 штукъ и именно, по большей части, только малолѣтнихъ. При такихъ порядкахъ нельзя опасаться окончательнаго истребленія этихъ животныхъ, и если промышленники не перейдутъ за эти строго опредѣленные предѣлы эксплуатаціи, то по крайней мѣрѣ Прибылые острова сохранять этотъ выгодный промыселъ на долго.

Чтобъ захватить живьемъ морскихъ котовъ употребляютъ тотъ-же способъ, какой описанъ при ловлѣ сивучей. Только охота за ними легче, такъ какъ морскіе коты гораздо добѣрчивѣе и смиреннѣе первыхъ; кромѣ того охотятся преимущественно не за старыми и сильными, а за молодыми самцами, которые доставляютъ лучшія шкуры. Опытные люди пользуются благоприятнымъ временемъ ночи, чтобы прокрасться между мѣстомъ отдыха котовъ и моремъ, и гонять все оцѣненное стадо дальше отъ берега. Послѣ тщательнаго осмотра двухъ-трехлѣтніе самцы отдѣляются отъ болѣе взрослыхъ. Осмотръ этотъ производится слѣдующимъ образомъ: медленно гонять животныхъ передъ собою, заставляя ихъ описывать большую дугу, причемъ позволяютъ старымъ и лѣнливымъ проскальзывать между погонщиками, избраннымъ-же преграждать путь. Первые немедленно бросаются къ морю, послѣднихъ гонять дальше, причемъ достаточно 3—4 человекъ, чтобы держать въ порядкѣ столько-же тысячъ морскихъ котовъ. Мѣста бойни расположены недалеко, а такъ какъ весь караванъ подвигается съ быстротой одного километра въ часъ, то онъ проходитъ это разстояніе въ нѣсколько часовъ т. е. уже на мѣстѣ рано утромъ. Проводники морскихъ котовъ должны дѣйствовать съ большою осмотрительностью; въ жаръ гнать ихъ невозможно: безпомощныя животные не могутъ сдвинуться съ мѣста или ежеминутно останавливаются, освѣжаютъ себя обмахиваніемъ лапами, причемъ, какъ собаки разѣвая пасть, тяжело дышатъ. Гнать слишкомъ скоро также нельзя, потому что можно совершенно испортить шкуру. Эллѣтъ, напр., выдаетъ за достовѣрное, что шерсть измученнаго и изнуреннаго жаромъ морского кота совершенно облѣзаетъ и остается на пальцахъ при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней. По прибытіи на мѣсто бойни, все стадо передается подъ надзоръ собранныхъ для

ГРИВИСТЫЕ ТЮЛЕНИ.

этой цѣли мальчиковъ, которые стараются пренятствовать бѣгству единичныхъ животныхъ, и даютъ всему стаду время отдохнуть и освѣжиться. Когда они наконецъ успокоились, отдѣляютъ отъ всего стада отъ 70 до 100 головъ, разлучаютъ ихъ, такъ, чтобъ они не могли касаться другъ друга лапами и убиваютъ тѣхъ, у которыхъ мѣхъ хорошъ, ударомъ по носу; негоднымъ-же позволяютъ вернуться въ море. Такимъ образомъ поступаютъ, пока не погончатъ со всѣмъ стадомъ и тогда начинаютъ сдирать шкуры съ убитыхъ животныхъ.

Только что снятыя шкуры относятъ въ соловарни и тамъ укладываютъ, для соления, въ четырехъугольные ящики, мездрой вверхъ. 30—40 дней спустя ихъ вынимаютъ изъ ящиковъ, очищаютъ отъ соли, складываютъ мездрой вверхъ, обсыпаютъ свѣжимъ слоемъ соли и отправляютъ на корабль. Общество «Аляска» приобрѣло отъ Соединенныхъ Штатовъ монополію торговли котиковыми шкурами, съ обязательствомъ не убивать въ Американскихъ владѣніяхъ болѣе 100,000 морскихъ котовъ; кромѣ того оно арендуетъ еще право звѣриной ловли на Азіатской сторонѣ Тихаго Океана. Хотя эта монополія незаконна и противна конституціи Соединенныхъ Штатовъ, однако Общество продолжаетъ, по словамъ Лемера, доставлять изъ однихъ американскихъ владѣній ежегодно до 100,000 лучшихъ по достоинству шкуръ, цѣною отъ 6—8 милліоновъ марокъ; другія 100,000 шкуръ гораздо худшаго достоинства, цѣнностью около 4 милліоновъ марокъ, доставляются на рынокъ, какъ вышеупомянутымъ Обществомъ, такъ и свободными промышленниками изъ другихъ мѣстностей. Шкуры морскихъ котовъ составляютъ самый цѣнный товаръ торговли мѣхами. Отдѣлка ихъ производится почти исключительно въ Англіи. Чтобы освободить мѣхъ отъ длинныхъ, жесткихъ волосъ его, ихъ на цѣлые мѣсяцы закапываютъ въ ямы, пока корни волосъ не ослабѣютъ настолько, чтобъ ихъ легко можно было удалить посредствомъ машины. Послѣ этой операциіи остается чрезвычайно тонкій и мягкій подшерстокъ, который своей прочностью и красотой превосходитъ лучшей бархатъ; будучи выкрашены въ темно-каштановый цвѣтъ, эти шкурки поступаютъ въ продажу подъ названіемъ морского котика (Sealskin) и употребляются на дамскія шубки, шапки и муфты. Полный мѣхъ изъ этихъ шкурокъ, смотря по красотѣ и величинѣ, стоитъ отъ 1200—1500 марокъ.

* * *

Въ южныхъ моряхъ морского кота замѣняетъ другая нерпуха, именно **Морской левъ** (*Otaria jubata*, *Phoca jubata*, *Platyhynchus jubatus*, *Otaria leonina*. *Mähnengrobbe*. *Lion marin*). Онъ характеризуется короткими ушами и гривой, которая, впрочемъ, бываетъ только у старыхъ самцовъ и покрываетъ спину не очень длинными волосами, безъ подшерстка. Взрослые самцы достигаютъ, отъ оконечности носа до кончика хвоста 2 метровъ длины; гладкая вообще шерсть этой нерпухи удлинняется съ верхушки головы до половины спины, въ видѣ довольно широкой но, относительно, короткой гривы, а на подбородкѣ въ видѣ бороды, между тѣмъ, какъ на груди она короче всего. Верхняя часть лица около ноздрей — желто-бураго цвѣта, щеки темно-бурыя, морда черная, спина желтовато-сѣрая, животъ желтовато-бурый; голые лапы черныя. Самки отличаются болѣе темной окраской, такъ какъ середина спины и бока туловища до хвоста — сѣровато-чернаго цвѣта, вслѣдствіе того, что кончики волосъ сѣрые, между тѣмъ, какъ корни черныя. Отъ кончика носа къ верхней части головы проходитъ темная полоса, по обѣимъ сторонамъ которой замѣчается, подъ каждымъ глазомъ, по свѣтло-сѣрому пятну; нѣсколько удлинненные волосы бороды темнѣе остальной части головы; за бородой замѣчается довольно большое темное пятно; глаза окружены узкимъ коричневымъ ободкомъ;

наконецъ грудь и брюхо желто-сѣрыи. По изслѣдованію Муріеса цвѣтъ шерсти измѣняется въ теченіи ихъ жизни слѣдующимъ образомъ: дѣтеныши обоихъ половъ одинаково темно или шоколадно-коричневаго цвѣта. Самцы въ первый годъ жизни всегда свѣтлѣе самокъ, у которыхъ, въ томъ-же возрастѣ, спина имѣетъ темно-сѣрую, а брюхо свѣтло-желтую окраску; молодыя животныя покрыты мягкимъ подшерсткомъ. Кромѣ цвѣта шерсти, самки отличаются еще отъ самцовъ значительно меньшимъ ростомъ, который достигаетъ немного больше половины величины самцовъ, и соразмѣрно меньшими конечностями; вѣсь-же ихъ несоразмѣрно малъ.

Область распространенія морскаго льва обнимаетъ южную оконечность Южной Америки со вѣми близъ лежащими группами острововъ и отдѣльными островами и тянется къ Югу, до той части Южнаго Полярнаго материка, которая носитъ названіе Грегемслэнда. Въ особенно большомъ количествѣ встрѣчаются они, какъ мы уже знаемъ отъ Форстера, на Огненной Землѣ и на Фалкландскихъ островахъ. Ихъ образъ жизни, нравы и привычки не отличаются существенно отъ нравовъ ихъ сѣверныхъ сородичей. Они точно также предпринимаютъ далекія странствованія къ избраннымъ мѣстамъ размноженія, точно также проводятъ на извѣстныхъ островахъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ родятъ дѣтенышей и выхаживаютъ ихъ на сушѣ въ первые недѣли ихъ жизни; тутъ-же происходитъ случка, а позднѣе, должно быть, линяніе, по окончаніи котораго они опять переплываютъ далекое море. Форстеръ нашелъ на скалистыхъ утесахъ цѣлыя толпы морскихъ львовъ; онъ наблюдалъ ихъ битвы изъ-за самокъ, нѣжность и ласковость, съ которыми члены одного семейства относятся другъ къ другу; онъ подступалъ къ нимъ съ враждебною цѣлью и убѣдился собственнымъ опытомъ, что эти животныя такъ-же безобидны, какъ и другія нерпухи. Абботъ столкнулся съ ними на Фалкландскихъ островахъ, и сообщилъ тоже кое-что объ ихъ образѣ жизни; Муріесъ наконецъ записалъ и сообщилъ намъ все, что успѣлъ узнать о нравахъ и привычкахъ этихъ нерпукъ, у лучшаго знатока ихъ жизни, стараго французскаго матроса Леконта, близко наблюдавшаго морскихъ львовъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ какое время года этотъ видъ тюленей прибываетъ на свои острова, и сколько времени они остаются на нихъ, до сихъ поръ еще навѣрно неизвѣстно. Изъ сообщенныхъ наблюденій явствуетъ, что они точно такъ-же, какъ ихъ ближайшіе сородичи приплываютъ къ берегу цѣлыми стадами; уже на сушѣ дѣлятся на семьи отъ 6—20, а еще чаще отъ 10—15 членовъ; семьи эти никогда не смѣшиваются между собою, хотя они, на мѣстахъ приваловъ и сходятся съ собою подобными. Волѣ многочисленными группами соединяются они рѣдко, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда старый самецъ, глава одной семьи убить и еще не замѣненъ новымъ. Во все время своего пребыванія на сушѣ, они выказываютъ сильное отвращеніе къ водѣ, и никогда не спускаются въ море безъ крайней необходимости. Абботъ не могъ сдвинуть ихъ съ мѣста, даже скатывая на нихъ съ высоты камни. Если такой камень попадалъ въ самца, этотъ послѣдній начиналъ, правда, громко реветъ и ссориться съ ближайшимъ товарищемъ, подозрѣвая въ немъ нарушителя своего покоя, а иногда просто проглатывалъ камень, но все-же съ мѣста не двигался. По наблюденіямъ Леконта они выбираютъ преимущественно для своихъ лежищъ выдающіеся въ море мысы или еще чаще косы, отдѣлвшіяся отъ большихъ острововъ. Одинъ изъ старыхъ самцовъ пріобрѣтаетъ тоже между ними неограниченную власть и беретъ тогда на себя заботу о безопасности порабощеннаго стада. Онъ, по виду, такъ-же безпомощенъ, а на самомъ дѣлѣ такъ-же ловокъ, какъ его сородичи; съ тою-же легкостью взбирается онъ на высокіе, крутые утесы, откуда можетъ далеко обозрѣть всю окрестность; при малѣйшемъ шумѣ онъ подымаетъ голову, озирается и прислушивается, и, замѣтивъ что-нибудь подозри-

тельное, испускаетъ ревъ, похожій на хрюканье, который выводитъ прочихъ изъ ихъ безмятежнаго покоя и заставляетъ, въ случаѣ крайности, бросаться въ море.

Дни проходятъ чрезвычайно однообразно: они дѣлятся между сномъ и отыскиваніемъ пищи. Расположившись какъ можно удобнѣе, морскіе львы любятъ предаваться мечтательной полудремотѣ, какъ днемъ, такъ и ночью; ловятъ-же они рыбу, кажется, только во время прилива. Съ большихъ острововъ они плывутъ, для этой цѣли, преимущественно къ устьямъ рѣкъ, гдѣ проводить цѣлые часы, усердно ныряя и охотясь за рыбами; питаются они преимущественно рыбою и ракообразными животными, которыхъ они поглощаютъ подъ или надъ поверхностью воды. Леконтъ думаетъ, что они никогда не пьютъ воды и основываетъ свое мнѣніе на сдѣланномъ имъ опытѣ: въ теченіи цѣлаго года жившій у него тюлень этого вида не получалъ никакой жидкости, кромѣ той, которая содержалась въ приносимыхъ ему рыбахъ. Тюлени, по наблюденіямъ этого опытнаго наблюдателя, втягиваютъ въ себя воду большими плотками, но нерпухи этого никогда не дѣлаютъ. По примѣру своихъ сородичей, морскіе львы проглатываютъ часто камни большихъ или малыхъ размѣровъ въ различномъ количествѣ; но эти камни служатъ имъ, по мнѣнію охотниковъ, только баластомъ.

Голосъ молодыхъ и старыхъ морскихъ львовъ весьма различенъ. Старые обыкновенно только не громко ворчатъ, но въ минуты волненія, а именно во время полового возбужденія, возвышаютъ голосъ до сильнаго отрывистаго рева; молодые-же блеютъ какъ овцы.

По наблюденіямъ Леконта половое возбужденіе продолжается не долѣе мѣсяца, такъ какъ оно начинается въ концѣ февраля и тянется только до конца марта. Самцы этого вида, подобно другимъ тюленямъ, яростно борются между собою изъ за самокъ, вслѣдствіе чего выходятъ изъ битвы въ такомъ же истерзанномъ видѣ, какъ и ихъ сѣверные родичи. Въ это время совершенно пропадаетъ ихъ природная робость и они даже, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, сопротивляются человѣку, отъ котораго въ другое время постоянно бѣгутъ безъ оглядки. Окончательно побѣжденный самецъ живетъ нѣкоторое время отшельникомъ и часто удаляется въ глубь страны. Самки повидимому равнодушно смотрятъ на битвы старыхъ самцовъ, но остаются всегда боязливыми и робкими. Когда самецъ подъ конецъ пріобрѣлъ неоспоримое господство надъ извѣстнымъ количествомъ самокъ, онъ позволяетъ себѣ иногда плавать и ласкать ихъ въ водѣ, но, говорятъ, совокупляется только на сушѣ. На Фалкландскихъ островахъ самка мечетъ своего единственнаго дѣтеныша около Рождества, т. е. въ концѣ лѣта южныхъ широтъ. Для родовъ ова выбираетъ удобное мѣсто на морскомъ берегу, откуда ей легко уплыть въ море, но дѣтеныши въ первые дни своей жизни никогда не оставляютъ берега. Новорожденные морскіе львы точно такія-же безформенныя, жирныя и неуклюжія существа, какъ щенки, и не менѣе прививы, чѣмъ тѣ. Когда они наконецъ преодолѣли свой страхъ передъ водою, то отыскиваютъ въ сообществѣ съ другими дѣтенышами того-же возраста, оставленные приливомъ на берегу лужи, гдѣ играютъ и борются сколько душъ угодно. Самка кормитъ своего дѣтеныша только три мѣсяца, послѣ чего отучаетъ его отъ молока и принуждаетъ самого заботиться о своемъ пропитаніи; съ этого времени онѣ ведутъ тотъ-же образъ жизни, какъ и старыя животныя.

На Фалкландскихъ островахъ хотя охотятся также и на морскихъ львовъ, но ихъ не преслѣдуютъ такъ безпощадно, какъ другихъ нерпучъ. Это основывается единственно на томъ, что эти тюлени приносятъ гораздо меньшую пользу, чѣмъ другіе. Они доставляютъ довольно неважный мѣхъ и незначительное количество жира, и потому едва оплачиваютъ издержки, которыя всегда причиняетъ европейцамъ

охота на тюленей. Жители Огненной Земли, напротивъ того, считаютъ ихъ выгодными для охоты животными и преслѣдуютъ ихъ, по крайней мѣрѣ иногда, съ нѣкоторымъ усердіемъ. По словамъ Филиппи, въ Чили употребляютъ мѣха морскихъ львовъ для устройства употребляемыхъ тамъ своеобразныхъ береговыхъ плотовъ, которые поддерживаются надутыми воздухомъ бурдюками (Balsas). Леконтъ первый привезъ живого морского льва въ Европу. Старый морякъ, охотясь на тюленей, такъ изучилъ и полюбилъ этихъ животныхъ, что захотѣлъ, по крайней мѣрѣ, попробовать содержать ихъ къ неволѣ и, если возможно, приручить. Къ его удивленію и то, и другое удалось ему гораздо лучше, чѣмъ онъ самъ ожидалъ. Безъ сомнѣнія, сначала онъ потерялъ многихъ изъ пойманныхъ имъ нерпучъ, нѣкоторыя же остались живы и сдѣлались до такой степени ручными, что скоро между воспитателемъ и воспитанниками образовались настоящія дружескія отношенія. Животныя научились понимать своего хозяина, выказывали ему необыкновенную привязанность, слушались его слова и даже дали себя научить различнымъ штукамъ, которыя тѣмъ болѣе могли вызвать удивленіе, чѣмъ менѣе можно было ожидать отъ такого, повидимому, неуклюжаго созданія подвижности и гибкости членовъ. Въ слѣдствіе интереса, который возбуждалъ вездѣ нашъ морякъ своимъ ручнымъ морскимъ львомъ, онъ рѣшилъ его выставить на показъ въ различныхъ городахъ, но его легко склонили отдать животное въ Лондонскій зоологическій садъ и самому принять тамъ должность сторожа. Построили большой и глубокій бассейнъ съ каменной стѣной, похожей на островъ посрединѣ, соединили и то и другое съ хлѣвомъ и позволили Леконту давать для забавы посѣтителей представленія, по образцу содержателей звѣринцевъ. Морской левъ и его воспитатель приобрѣли вскорѣ заслуженную извѣстность и привлекли тысячи посѣтителей. Хотя я и не сочувствую представленіямъ подобнаго рода въ учрежденіяхъ, которыя должны служить главнымъ образомъ наукѣ, но меня Леконтъ, если не помирилъ съ этимъ, то по крайней мѣрѣ въ высшей степени поразилъ: я до тѣхъ поръ никогда не видалъ подобныхъ отношеній между человѣкомъ и ластоногимъ. Сначала я не могъ рѣшить вопроса, кто изъ двухъ можетъ считаться болѣе привлекательнымъ для посѣтителей сада, но во всякомъ случаѣ я тотчасъ узналъ, что тюлень безъ Леконта не обладалъ-бы и половиною той притягательной силы, которую онъ имѣлъ вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ. Обѣ стороны вполне понимали другъ друга; обѣ казались, питали одинаковую привязанность другъ къ другу; потому что, если можно было предположить, что любовь со стороны тюленя была искреннѣе, чѣмъ со стороны Леконта, то все-таки зритель могъ быть обманутъ, потому что объятія, которыя онъ расточалъ своему питомцу, казались, были такъ-же искренни и поцѣлун, которые онъ запечатлѣвалъ на грубыхъ устахъ животнаго, были такъ-же горячи, какъ будто они относились къ любимому человѣку. Морской левъ дѣлалъ все то, что ему приказывалъ Леконтъ, принимавшій во вниманіе въ этомъ случаѣ (весьма основательно) особенности и свойства этого животнаго. Во время даваемыхъ ими представленій, для животнаго интересъ состоялъ единственно въ томъ, чтобы получить кусокъ нищи. Его искусство заключалось въ томъ, чтобы выйти изъ воды, достигнуть земли, именно островообразнаго мѣста посрединѣ, перекатиться черезъ соразмѣрно узкую доску, взлѣзть на колѣни къ своему воспитателю, взять съ губъ послѣдняго дѣйствительно находящійся тамъ или воображаемый кусокъ и наконецъ быстрымъ скачкомъ прыгнуть въ воду, чтобы поймать брошенную въ водоемъ рыбку; но искусство, съ которымъ онъ это продѣлывалъ, поражало не только простаго жителя, но и ученаго и опытнаго натуралиста.

Каждое движеніе этого животнаго совершенно отличается отъ движеній обык-

новенныхъ тюленей, потому что морскіе львы или, какъ я могу сказать, вообще всѣ нерпухи не ползаютъ по землѣ какъ тюлени, но ходятъ, опираясь на свои широкіе лапы, въ высшей степени особеннымъ образомъ. Хотя онъ во время лежанія и плаванія принимаетъ такое-же положеніе, какъ тюлень и совѣтъ, или почти не превосходить его въ искусствѣ плавать, бросаться съ быстротой молніи въ воду, вертѣтся и поворачивается тамъ, нырять вверхъ и внизъ головой, подниматься надъ поверхностью воды и погружаться въ нее, но онъ превосходить тюленя въ лазаньи и ходбѣ, совершаемыхъ имъ необыкновеннымъ и удивительнымъ способомъ. Чтобы выйти изъ воды на возвышеніе онъ бросается, взмахивая всѣми четырьмя лапами, перепрыгиваетъ черезъ бортъ бассейна, но не падаетъ на переднюю часть груди, какъ тюлень, а на находящіяся на мѣстѣ рукъ лапы, какъ человѣкъ, который опирается на ладони, потомъ идетъ, выставивъ медленно одинъ ласть немного впереди другого, послѣ того вытаскиваетъ нижнюю часть своего туловища, при чемъ поднимается опять такимъ-же образомъ на поставленныхъ, какъ передніе, заднихъ лапахъ, идетъ переваливаясь съ боку на бокъ, передвигая крестообразно, какъ передніе, такъ и задніе лапы скорѣе, чѣмъ можно отъ него ожидать. Онъ можетъ удерживаться съ безопасностью на узкихъ карнизгахъ, принаравливаетъ свои лапы къ каждой неровности почвы и взлѣзаетъ такимъ образомъ безъ видимыхъ усилій на очень крутыя плоскости, такъ-же легко взбирается на колѣни сидящаго на стулѣ зрителя и можетъ поддерживать свое туловище, стоя только на заднихъ конечностяхъ, такъ что передняя часть его тѣла пріобрѣтаетъ гораздо большую свободу, чѣмъ у тюленя. Только, когда онъ бѣгаетъ по ровной землѣ, онъ кажется некрасивымъ или, по крайней мѣрѣ страннымъ со своей согнутой при этомъ движеніи спиной. При всѣхъ остальныхъ движеніяхъ очертаніе его тѣла принимаетъ волнистыя, пріятныя для глаза дивія. Онъ можетъ легко сгибаться вверхъ и внизъ, изъ одной стороны въ другую и доказываетъ этимъ гибкость позвоночнаго хребта, которую раньше я не замѣчалъ ни у одного извѣстнаго мнѣ ластоногаго.

Я не рѣшаюсь утверждать, соотвѣтствуютъ-ли его душевныя способности только что вышеописанному, но долженъ сказать, что и въ этомъ отношеніи эти животныя произвели на меня очень хорошее впечатлѣніе. Выраженіе морды такъ-же пріятно, какъ и у тюленя. Если можно допустить, что глаза — зеркало души, то и его большіе подвижныя глаза, со зрачками, которые, по наблюденіямъ Мурісса, способны необыкновенно широко расширяться и сокращаться, указываютъ на очень развитую понятливость, и самое поведеніе животнаго не противорѣчитъ этому впечатлѣнію. Я наблюдалъ тюленей и видалъ много такихъ, которыхъ фокусники возили и показывали, какъ образцы прирученныхъ животныхъ, но, сколько помню, ни одного изъ нихъ нельзя было сравнить съ морскимъ львомъ Леконта. Описываемое мною животное было такое ручное, какимъ только можетъ быть на свободѣ родившееся млекопитающее. Сторожъ могъ съ нимъ продѣлывать все, что угодно, оно не сердилось ни на что и не только не выражало противодѣйствія, напротивъ, охотно выполняло всѣ фокусы, которые требовалъ отъ него его повелитель, и выказывало при этомъ невѣроятную сообразительность. Покорностью своею и готовностью исполнить малѣйшее желаніе своего друга, оно напоминало скорѣе дрессированную собаку, чѣмъ ластоногаго. Несомнѣнно было, что оно вполне понимаетъ отдѣльныя слова и приказанія своего сторожа и дѣйствуетъ, сообразуясь со смысломъ сказаннаго. Этотъ морской левъ понималъ, когда къ нему обращались со словами, по зову приближался къ своему господину и выполнялъ разныя другія приказанія, по командѣ влѣзалъ къ нему на колѣни, губами своими прикасался къ его губамъ; бросался на спину, скалилъ зубы, показывалъ перед-

ніе и задніе лапы, ни разу, повидимому, не понявъ ложно желанія своего повелителя. Всѣ эти «фокусы» онъ покорно выполнялъ во всякое время, несмотря на то, что въ теченіи дни болѣе десяти разъ приходилось продѣлывать одно и то-же, что конечно не соответствовало его любви къ покою. За это онъ каждый разъ получалъ какое-нибудь лакомство, по большей части кусочекъ рыбы, но онъ былъ хорошо выкормленъ и ни въ какомъ случаѣ не голодалъ, а смотрѣлъ на данную рыбку, какъ на награду, заслуженную за исполненную работу.

Способность Леконта обращаться съ животнымъ была такъ-же поразительна, какъ и понятливость морского льва. Онъ зналъ превосходно своего питомца; читалъ, такъ сказать, въ глазахъ малѣйшее его желаніе, обращался съ нимъ съ особенной нѣжностью, никогда не обманывалъ его и дѣйствовалъ очень обдуманно, чтобы никогда не переутомить своего питомца. Такимъ образомъ обѣ стороны представляли поразительное зрѣлище, и морской левъ сдѣлался самой рѣдкой приманкой между всѣми животными богатаго зоологическаго сада. Черезъ нѣсколько лѣтъ это драгоценное животное околѣло. Своими достоинствами оно приобрѣло такую любовь посѣтителей, что Леконтъ былъ посланъ на Фалкландскіе острова съ той единственной цѣлью, чтобы приобрести тамъ другихъ ластоногихъ этого вида.

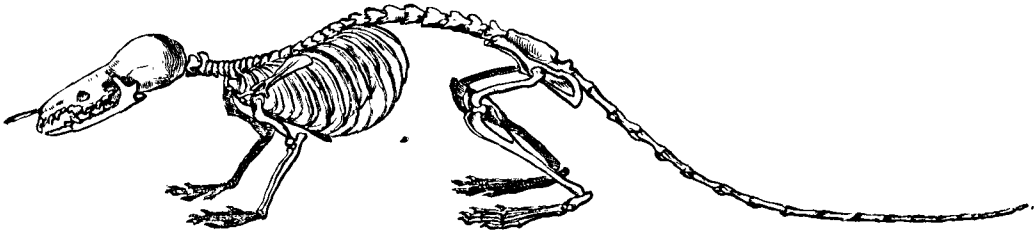
Отрядъ VI.

Насѣкомоядныя (Insectivora).

Кромѣ многихъ другихъ отличительныхъ признаковъ, насѣкомоядныя—эти маленькія стопоходящія животныя—характеризуются вытянутою головою и удлиненою на подобіе хобота мордочкой. Туловище у нихъ вообще короткое; переднія конечности устроены правильно, хвостъ у нѣкоторыхъ видовъ короткій, заднія ноги зачастую длинныя; нѣкоторые органы чувствъ высоко развиты, другіе-же совсѣмъ слабы. Наружный покровъ ихъ тѣла проходитъ черезъ различныя промежуточныя ступени, начиная съ мягкой шелковистой шерсти и кончая иглами. Зубная система представляетъ собою всѣ три рода зубовъ, но передніе зубы количествомъ и формою у отдѣльныхъ семействъ и родовъ существенно различны; клыки у нѣкоторыхъ видовъ достигаютъ удивительной величины, а у другихъ они меньше рѣзцовъ, и только коренные зубы тѣмъ похожи между собою, что передніе имѣютъ по одному зубцу, а задніе многозубчаты. Подобно тому, какъ и у летучихъ мышей, самый задній однозубчатый коренной зубъ у насѣкомоядныхъ замѣняетъ плотоядный зубъ хищныхъ животныхъ и черезъ это стоящіе передъ нимъ коренные зубы обращаются въ ложно-коренные, а позади него стоящіе—въ бугорчатые или настоящіе коренные. Черепъ въ большинствѣ случаевъ вытянутъ на подобіе конуса, глазная впадина только у немногихъ замкнута, скуловые дуги у нѣкоторыхъ мало развиты; основа черепа у нихъ костистая и ровная, у другихъ кожистая; суставная полость нижней челюсти своимъ нижнимъ концомъ направляется впередъ. Ключица всегда хорошо развита; грудная кость чаще всего плоская, но у нѣкоторыхъ родовъ снабжена выдающимся гребнемъ. Число позвонковъ и реберъ значительно колеблется. Берцовыя кости часто срастаются на нижнемъ концѣ. На ногахъ большею частью по пяти пальцевъ, но развитіе ихъ, какъ равно и запястья, весьма различно. Между мускулами заслуживаетъ упоминанія особенно развитая у нѣкоторыхъ видовъ подкожная свертывающая мышца. Слѣзная кишка въ большинствѣ случаевъ отсутствуетъ. Мозгъ почти такой-же, какъ у рукокрылыхъ и соотвѣтственно малъ; свободныя отъ извилинъ полушарія большого мозга оставляютъ можжечекъ непокрытымъ. Въ связи съ устройствомъ мозга стоятъ душевныя способности животныхъ и ихъ образъ жизни.

Насѣкомоядныя представляютъ собою тупоумныхъ, угрюмыхъ, недовѣрчивыхъ, трусливыхъ, любящихъ уединеніе и злыхъ животныхъ. Большинство живетъ копясь и роясь подъ землею или, по крайней мѣрѣ, въ глубоко скрытыхъ норахъ; но нѣко-

тория обитают также въ водѣ, а другія и на деревьяхъ. Благодаря своей изумительной дѣятельности, они значительно препятствуютъ размноженію вредныхъ насѣкомыхъ и червей, улитокъ и другихъ низшихъ животныхъ, а также наносятъ вредъ разнымъ мелкимъ грызунамъ. Такимъ образомъ всё почти безъ исключенія насѣкомоядная въ высшей степени полезныя дѣтели въ природѣ, но ихъ услуги оцѣниваются развѣ только одними натуралистами; большинство-же людей ненавидитъ ихъ. Изъ этого видно, какъ говорить Фохтъ, насколько справедлива старинная поговорка о томъ, что темная ночь не нравится никому изъ добрыхъ людей: «Все, что бродитъ и ползаетъ во тьмѣ ночи, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій возбуждаетъ въ народѣ чувство отвращенія; такого предубѣжденного очень трудно вразумить относительно того, что шныоны и сыщики, открывающіе замыслы ночного злодѣя и разыскивающіе его слѣды, не могли-бы дѣйствовать успѣшно при ясномъ дневномъ свѣтѣ. Одинъ взглядъ на открытую пасть насѣкомояднаго убѣждаетъ насъ, что эти животные могутъ быть только плотоядными, еще плотояднѣе, если можно такъ выразиться, чѣмъ кошки и собаки, которымъ наука отводитъ первое мѣсто среди хищныхъ животныхъ. Обѣ челюсти плотно усажены острыми и заостренными зубами; кинжалоподобныя лезвія зубовъ, то выступаютъ вмѣсто клыковъ, то торчатъ назадъ, надъ плоскими коронками коренныхъ зубовъ; острия

Скелеть водяной землеройки.

пирамиды, похожія на зубцы двойной пилы, перемѣшиваются съ другими зубами, которые отчасти можно сравнить съ складными клинками англійскихъ перочинныхъ ножей. Все устройство зубной системы указываетъ на то, что она назначена для схватыванія и задерживанія даже такихъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, какъ жуки. Эти характерные признаки не могутъ вводить въ заблужденіе; если еще Саваранъ, знаменитый французскій гастрономъ, могъ говорить: «Скажи мнѣ, что ты ѣшь, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ», то про млекопитающихъ и недавно можно сказать: «Покажи мнѣ твои зубы, и я скажу тебѣ, что ты ѣшь и къ какимъ животнымъ относишься». Насѣкомоядное не жуетъ и не растираетъ пищу зубами, оно только кусаетъ ими и раздробляетъ пищу; поэтому вѣнчики ихъ зубовъ сверху не стираются, а, напротивъ, оттачиваются вслѣдствіе бокового тренія зубовъ одинъ о другой. Стоитъ только взять на себя трудъ сравнить зубную систему маленькаго грызуна, напримѣръ крысы, съ зубами крота, какъ въ глаза тотчасъ-же бросятся рѣзкіе отличительные признаки какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Зубная система землеройки, увеличенная соразмѣрно росту льва, представляла-бы дѣйствительно страшное разрушительное орудіе».

Я не думаю, чтобы можно было ту пользу, которую приносятъ эти животныя человѣку, обрисовать въ болѣе короткихъ и ясныхъ словахъ, чѣмъ это сдѣлалъ Фохтъ. Впрочемъ не ояъ одинъ указывалъ на эту пользу; до него многіе другіе естествоиспытатели говорили объ этомъ. Но бороться съ вкоренившимся въ людяхъ предразсудкомъ, къ сожалѣнію, очень трудно и приходится сознаться, что человѣкъ

зачастую не умѣеть цѣнить того, что приноситъ ему большую пользу. Маленькихъ землекопателей преслѣдуютъ какъ и гдѣ только могутъ за ихъ некрасивую внѣшность, за ихъ образъ жизни, и при этомъ совершенно забываютъ и ихъ прямое назначеніе, и оказываемыя ими услуги. Конечно, тотъ, кто изучитъ ближе ихъ жизнь, станетъ разсуждать иначе; онъ найдетъ въ маленькихъ животныхъ такъ много интереснаго и привлекательнаго, что скоро забудетъ ихъ некрасивую наружность и станетъ относиться къ нимъ съ искреннимъ участіемъ, оказывая всевозможное покровительство и защиту.

Большинство насѣкомоядныхъ подвержено зимней спячкѣ, такъ какъ многія изъ нихъ погибли-бы, еслибъ природа не позаботилась такимъ образомъ объ ихъ сохраненіи. Съ наступленіемъ холодовъ жизнь всѣхъ низшихъ животныхъ прекращается, и тысячи созданій, назначенныхъ для питанія напимъ хищникамъ, погружаются или въ вѣчный или, по крайней мѣрѣ, во временный сонъ; вмѣстѣ съ тѣмъ земля пустѣетъ для враговъ насѣкомыхъ, а такъ какъ странствовать подобно птицамъ они не могутъ, то должны какимъ-либо образомъ подчиниться этимъ условіямъ. Тогда они удаляются въ скрытыя убѣжища или устраиваютъ себѣ ихъ сами и впадаютъ въ глубокую зимнюю спячку, которая, какъ извѣстно, прекращаетъ временно почти всѣ внѣшнія проявленія жизни, сохраняя этимъ до новаго пробужденія всю жизненную дѣятельность тѣла. Въ спячку, впрочемъ, погружаются только тѣ виды насѣкомоядныхъ, которые представляютъ собою мельчайшихъ изъ отряда хищниковъ, т.-е. тѣ, которые наравнѣ съ животною нищею употребляютъ также и растительную, тогда какъ самыя ярыя изъ насѣкомоядныхъ занимаютъ своимъ промысломъ зимою такъ-же успѣшно, какъ и лѣтомъ. Подъ снѣгомъ, подъ землею или въ водной глубинѣ, куда не проникаетъ убійственный морозъ, дѣятельность кипитъ и зимою, грабежи и убійства продолжаются по прежнему; то-же самое, разумѣется, бываетъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ царитъ вѣчное лѣто или если и бываетъ зима, то безъ жестокихъ морозовъ.

Насѣкомоядныя водятся преимущественно въ умѣренныхъ странахъ сѣвернаго полушарія и совершенно отсутствуютъ въ Южной Америкѣ, равно какъ и въ Австраліи. Обильныя водою сырыя лѣсистыя мѣстности, роцци, поля и сады представляютъ для нихъ наиболѣе излюбленныя мѣста жительства, изъ которыхъ они едва-ли когда-нибудь и отлучаются. Здѣсь тихо и безшумно они занимаютъ охоту, большинство изъ нихъ ночью, но нѣкоторые также и днемъ. По отношенію къ своей величинѣ насѣкомоядныя оказываются въ высшей степени прожорливыми животными и въ соотвѣтствіи съ этимъ проявляется у нихъ сильное хищничество и стремленіе къ грабежамъ. Нѣкоторые нападаютъ на животныхъ, значительно большихъ по величинѣ, чѣмъ они сами, и такимъ образомъ нисколько не уступаютъ въ этомъ кошкамъ и собакамъ. Размноженіе ихъ совпадаетъ съ весенними мѣсяцами соотвѣтствующей мѣстности, гдѣ они живутъ; число дѣтенышей колеблется между 1 и 16. Для человѣка большинство видовъ имѣютъ только косвенное значеніе. Нѣкоторые изъ нихъ идутъ въ пищу, другіе служатъ для истребленія мышей; этимъ и ограничивается непосредственная польза насѣкомоядныхъ, въ общемъ мало оцѣниваемая людьми.

Относительно подраздѣленія насѣкомоядныхъ мнѣнія изслѣдователей расходятся. Мы примемъ дѣленіе на семь семействъ и къ этому-же отряду причислимъ замѣчательное животное Малайскаго архипелага — шерстокрыла.

Ени (Erinaceidae), которыхъ мы ставимъ въ отрядъ на первое мѣсто, столь „жизнь животн.“ ВРЭМА. Т. II.

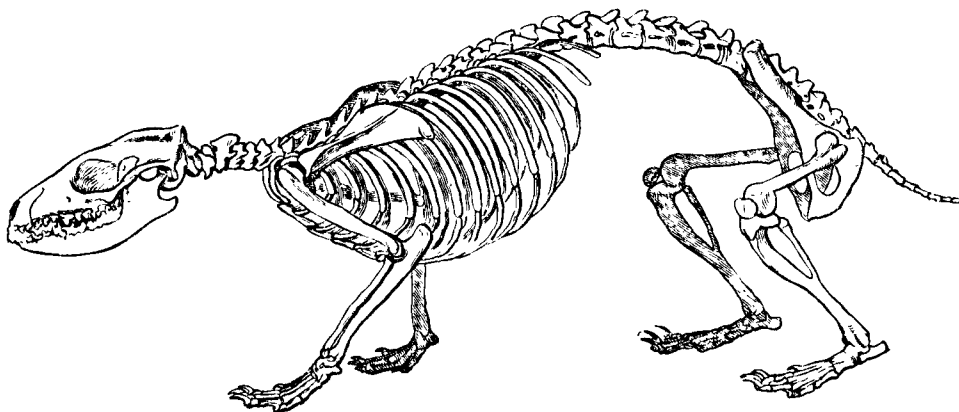
характерныя животныя, что для полнаго ознакомленія съ ними вполне достаточно самаго краткаго описанія. Главными отличительными признаками, свойственными всемъ видамъ этого семейства, являются: зубная система, состоящая изъ 36 зубовъ, и иглистая шкура. Всѣ ежи имѣютъ короткое туловище, не особенно длинную, хотя на концѣ морды оттянутую на подобіе хобота голову съ небольшими глазами и довольно длинными ушами; короткія и толстыя ноги съ неуклюжими ступнями, изъ которыхъ переднія имѣютъ всегда пять, а заднія иногда, въ рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ, четыре пальца; короткій хвостъ и жесткій мѣхъ, состоящій на спинѣ изъ короткихъ иглъ, а на животѣ изъ волосъ. Ежъ рѣзко отличается отъ другихъ родственныхъ ему видовъ своею зубною системою. Въ широкой межчелюстной кости наверху съ каждой стороны торчатъ по 3 рѣзца, затѣмъ слѣдуютъ наверху 7, внизу 5 коренныхъ зубовъ, изъ которыхъ 5 послѣднихъ вверху и соответствующіе имъ 4 внизу—многозубчатые, а остальные—однозубчатые; клыки не отличаются отъ рѣзцовъ. На короткомъ и сжатомъ, со всѣхъ сторонъ замкнутомъ черепѣ скуловая дуга вполне развита. Позвоночный столбъ состоитъ кромѣ шейныхъ позвонковъ изъ 15 поддерживающихъ ребра, 9 не имѣющихъ реберъ, 3 крестцовыхъ и 14 хвостовыхъ. Берцовыя кости срослены. Между мускулами заслуживаетъ особаго упоминанія подкожная мышца, которая способствуетъ свертыванію ежа въ клубокъ, обхватывая своими различными частями почти все тѣло животнаго.

Это семейство распространено по всей Европѣ, Африкѣ и Азій. Лѣса, дуга, поля, сады и обширныя степи служатъ главнымъ мѣстопробываніемъ ежей. Здѣсь они устраиваютъ свои жилища въ густыхъ кустарникахъ, подъ изгородями, въ дулистыхъ деревьяхъ, подъ корнями, въ расщелинахъ скаль, въ покинутыхъ норахъ другихъ животныхъ и въ т. п. мѣстахъ, или-же сами выкапываютъ себѣ неглубокія норы. Большую часть года они живутъ поодиночно или парами и ведутъ вполне ночной образъ жизни. Только послѣ захода солнца они пріободряются отъ своей дневной дремоты и уходятъ въ поиски за пищею, которая у большинства состоитъ изъ растений и животныхъ, у нѣкоторыхъ-же исключительно изъ животныхъ. Плоды, овощи, сочныя корни, сѣмена, маленькія млекопитающія, иттицы, земноводныя, наѣкомыя, личинки, слизи, дождевыя черви и т. д. составляютъ ихъ пищу. Въ видѣ исключенія нѣкоторые изъ ежей отваживаются нападать также на большихъ животныхъ, преслѣдуютъ, напримѣръ, различныхъ куриныхъ птицъ или молодыхъ зайцевъ. Это—неповоротливыя, неуклюжія, лѣнныя наѣкомоядныя, прикованныя къ землѣ; при ходѣ они ступаютъ всей ступней. Между органами чувствъ на первомъ мѣстѣ у нихъ стоитъ обоняніе; слухъ также довольно тонокъ, тогда какъ зрѣніе и вкусъ развиты довольно слабо, а осязаніе отличается безпримѣрною тупостью. Душевные способности ежей имѣютъ низкую степень развитія. Они боязливы, трусливы и глупы, но довольно добродушны или, вѣрнѣе, просто равнодушны къ условіямъ своей жизни, и по этой причинѣ приручаются очень легко. Самки мечутъ 3—8 слѣпыхъ дѣтенышей, нѣжно заботятся о нихъ и даже при защитѣ ихъ выказываютъ положительное мужество, которое вообще въ нихъ отсутствуетъ. Большинство ежей владѣетъ способностью при малѣйшей опасности свертываться въ клубокъ, чтобы такимъ образомъ защитить свои мягкія части отъ могущаго случиться нападенія. Въ такомъ-же положеніи они и спятъ. Тѣ, которые живутъ въ сѣверныхъ странахъ, проводятъ холодное время года въ непрерывной спячкѣ; живущіе-же въ экваторіальныхъ странахъ спятъ во время засухи.

Непосредственная польза, которую ежи приносятъ человѣку, ничтожна; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не умѣютъ извлекать выгоды изъ убитаго ежа. За-то довольно значительны косвенныя услуги, оказываемыя ими истребленіемъ множе-

ства вредныхъ животныхъ. Вслѣдствіе этого вмѣсто того презрѣнія, какое мы удѣляемъ имъ, они заслуживаютъ нашего полнѣйшаго участія и постоянного покровительства.

Съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ вечеровъ, въ которые пробудившаяся весна и стараго и малаго манитъ въ зазеленѣвшіе послѣ унылаго зимняго покрова сады, рощи и лѣса, внимательный наблюдатель можетъ слышать странный шорохъ въ сухихъ, напавшихъ за осень листьяхъ, обыкновенно подъ густыми изгородями и кустарниками; остановившись смирно на мѣстѣ, можно скоро увидѣть и самого виновника этого шума. Маленькій, круглый какъ шаръ звѣрекъ, съ замѣчательно жесткимъ мѣхомъ, пробирается изъ подъ зелени, обнюхиваетъ воздухъ, прислушивается и снова продолжаетъ свое путешествіе равномерными трусящими шажками. Когда звѣрекъ подойдетъ ближе, можно разсмотрѣть его миловидную остренькую мордочку, представляющую красивое подобіе топорнаго и грубаго свиного рыла, пару ясныхъ, привѣтливо сверкающихъ глазокъ и иглистую броню, которая покрываетъ всю спину туловища и спускается ниже на бока. Это нашъ пли, вѣрнѣе

Скелетъ ежа.

сказать, мой любимый садовый другъ—ежъ, хотя и ограниченный, но въ высшей степени добродушный, честный и чистосердечный товарищъ, который безпечно взираетъ на жизнь и, повидимому, не можетъ допустить въ человѣкѣ такихъ гнусныхъ качествъ, которыя заставляли-бы его, въ благодарность за постоянныя заслуги ежа передъ обществомъ, не только надѣлать его всевозможными бранными кличками, но даже преслѣдовать и убивать зачастую изъ-за одной только мальчишеской страсти къ жестокостямъ.

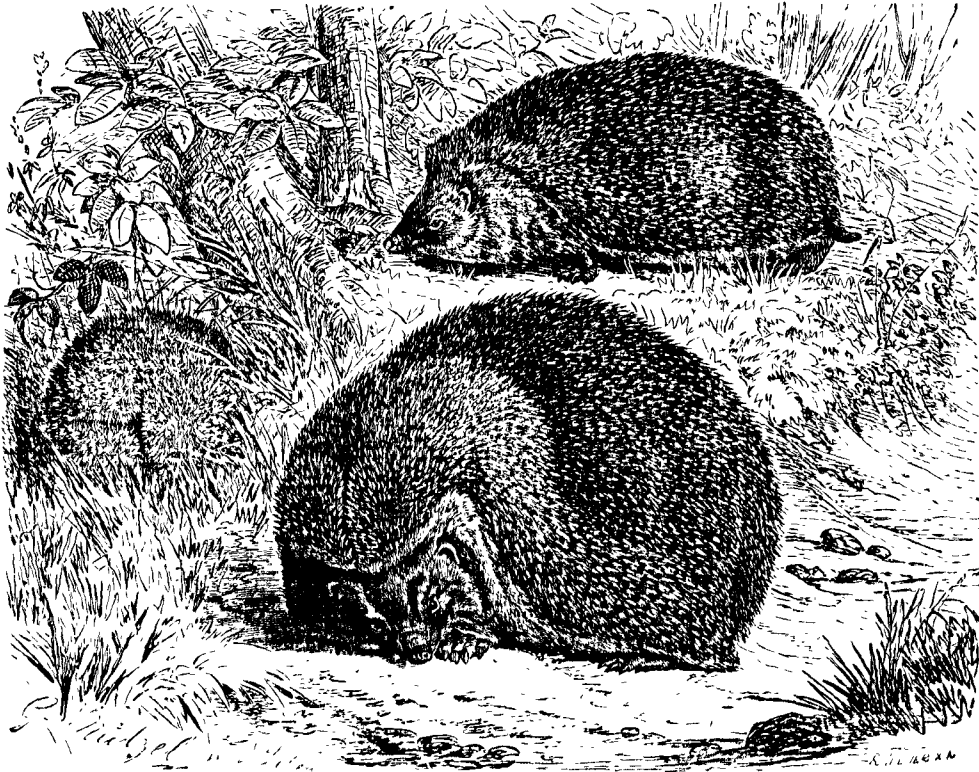
Нашъ **Ежъ** (*Erinaceus europaeus*. Igel. Herrisson.) не требуетъ пространнаго описанія. Все туловище со всѣми его частями очень сжато, толсто и коротко; рыльце остроконечное и кнаружи рубчатое; ротовая щель большая; уши широкія; черные глаза малы. Нѣсколько черныхъ щетинокъ торчатъ на лицѣ между бѣлыми или красно-желтыми волосами, которые по сторонамъ носа и на верхней губѣ окрашены въ темно-бурый цвѣтъ; позади глазъ лежитъ бѣлое пятно. Волоса на шеѣ и брюхѣ свѣтло-рыжіе, желтовато-сѣрые или бѣловато-сѣрые; иглы желтоватыя, въ серединѣ же и на концахъ темно-бурія; по поверхности ихъ прорѣзываются тонкія продольныя борозды, числомъ отъ 24-хъ до 25, между которыми возвышаются вышуклыя кромки; внутренняя часть иглы представляетъ каналъ, наполненный большими клѣточками. Длина животнаго достигаетъ 25 — 30 см., хвостъ имѣетъ 2,5 см.;

вышина въ зашейкѣ примѣрно 12—15 см. Самка отличается отъ самца, помимо своей меньшей величины, болѣе остроконечной мордой, причемъ туловище ея толще, чѣмъ у самца, и окраска волосъ сѣроватая; кромѣ того лобъ самки обыкновенно не такъ низко усаженъ иглами, влѣдствіе чего голова ея кажется нѣсколько длиннѣе. Въ большей части мѣстностей различаютъ двѣ разновидности ежа: «собачій ежъ», у котораго морда болѣе тупа, окраска темнѣе и ростъ меньше, и «свиной ежъ», главные отличительные признаки котораго состоятъ въ болѣе остроконечной мордѣ, въ свѣтлой окраскѣ и въ значительной величинѣ. Эти различія очевидно основываются только на случайныхъ особенностяхъ; натуралисты, разсматривая эти тонкости, зачастую не сходятся между собою во мнѣніяхъ, и если настоятельно допытываться отъ нихъ истины, то они ограничиваются лишь какими-то туманными намеками, изъ которыхъ, несмотря на всѣ усилія, нельзя почерпнуть ничего опредѣленнаго. «Я еще очень хорошо помню», говоритъ Фохтъ, «какъ крестьяне изъ Веттерау,— родины моего отца, гдѣ мы проводили обыкновенно каникулы, — съ отвращеніемъ рассказывали мнѣ о французахъ, жарившихъ на вертелѣ собачьяго ежа, котораго они съ большимъ удовольствіемъ потомъ съѣдали. Мы набрали тогда массу ежей, сколько только могли поймать, чтобы распознать между ними различіе, но старый крестьянинъ, служившій намъ руководителемъ, нашелъ всѣхъ пойманныхъ животныхъ не съдобными собачьими ежами и прибавилъ съ недоброю улыбкою, что свиного ежа на полѣ не поймать, потому что онъ водится въ другихъ мѣстахъ».

Область распространенія ежа простирается не только на всю Европу, за исключеніемъ самыхъ холодныхъ странъ, но также и на большую часть сѣверной Азии: его находятъ въ Сиріи, равнымъ образомъ какъ и въ западной и юго-восточной Сибири, и внѣшній видъ его свидѣтельствуетъ, что ему живется тамъ привольно, потому что онъ достигаетъ тамъ, какъ и въ Крыму, значительно большей величины, чѣмъ въ Германіи. Въ европейскихъ Альпахъ онъ встрѣчается до пояса горной сосны, а поодиночно попадаетъ иногда на высотахъ до 2000 метровъ надъ уровнемъ моря; на Кавказѣ-же онъ подымается еще на 1000 метровъ выше. Ежъ живетъ какъ въ низкихъ равнинахъ, такъ и въ гористыхъ мѣстностяхъ, въ лѣсахъ, лугахъ, поляхъ, садахъ и встрѣчается во всей Германіи, хотя впрочемъ вездѣ въ довольно умѣренномъ количествѣ. Гораздо многочисленнѣе онъ въ Россіи, гдѣ его, повидимому, особенно щадятъ не только люди, но и его главнѣйшіе враги изъ царства животныхъ— лисица и филинъ, которымъ здѣсь предоставляется такое изобиліе другой пищи, что ежа они могутъ оставлять въ покоѣ. Лиственный лѣсъ съ густымъ кустарникомъ или подгнившій въ корню дуцелистыя деревья, живыя изгороди въ садахъ, кучи навозу или хворосту, дыры въ стѣнахъ,—короче сказать— всѣ мѣста, могущія доставить ему убѣжище, привлекаютъ его къ себѣ, и можно съ полной увѣренностью рассчитывать найти здѣсь ежа, изъ году въ годъ. Если кто желаетъ сохранить и воспитать у себя ежа, тотъ долженъ позаботиться объ устройствѣ для него подобнаго уютнаго пристанища: «Прежде», говоритъ Ленцъ, «я имѣлъ для ежей въ своемъ саду выстланные соломою домики, которые были раздѣлены нѣсколькими перегородками и снабжены низкими входами; туда ставилось молоко имъ для питья, и время отъ времени общество ихъ пополнялось новыми экземплярами, которыхъ я покупалъ для размноженія. Но ежи предпочли жить подъ заборомъ, а еще больше—въ кучахъ хвороста и терновника; покупка-же новыхъ экземпляровъ тоже не привела ни къ чему, вѣроятно потому, что они убѣгали отыскивать свои родныя норы, отъ которыхъ ихъ оторвали. Впослѣдствіи я развелъ въ томъ-же саду густую рощу, длиною въ 200 шаговъ; помимо того, что кусты ея и безъ того плотно сплелись между собою, я всѣ, даже самые незначительные промежутки между ними ежегодно закла-

дываль терновникомъ, такъ что во внутрь роши не могли забраться ни человекъ, ни собака. Тамъ было поставлено нѣсколько ящичковъ, открытыхъ снизу и съ одного бока, которые служили ежамъ отличнымъ зимнимъ убѣжищемъ. Этотъ дѣсокъ очень полюбился имъ, да и для другихъ онъ былъ приятенъ, такъ какъ вокругъ него весело щебетали дрозды, реоловы, крапивники, овсянки и славки». Къ этому я могу прибавить мой добрый совѣтъ и другимъ, кому это возможно, устраивать подобныя пріюты для этихъ невинно оклеветанныхъ звѣрковъ;—почему? узнаете изъ ниже-слѣдующаго.

Ежъ—забавный чудакъ и добрый, смиренный товарищъ, который честно и скромно проводитъ свою жизнь среди трудовъ и заботъ. Мало пригодный для обще-

Ежъ. *Echinaceus europaeus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

ства, онъ держится почти всегда особнякомъ или, въ крайнемъ случаѣ, въ сообществѣ со своею самкою. Каждый изъ нихъ одиноко трудится надъ устройствомъ себѣ по возможности удобнаго жилища, подъ густыми кустарниками, подъ кучами хвороста или въ терновникѣ. Это—довольно просторное гнѣздо, состоящее изъ листьевъ, соломы и сѣна; оно закладывается гдѣ-нибудь въ ямѣ или подъ густыми вѣтвями. Если-же готовой ямы не найдется, то ежъ самъ, съ большимъ трудомъ выкапываетъ собственную нору и выстилаетъ ее. Такая нора не превышаетъ 30 см. въ глубину и снабжена двумя выходами, изъ которыхъ одинъ обращенъ обыкновенно на югъ, а другой на сѣверъ. Иногда, впрочемъ, при сильномъ сѣверномъ или южномъ вѣтрѣ, онъ, подобно бѣлкѣ, переменяетъ эти выходы. Въ высокой ржи онъ дѣлаетъ себѣ обыкновенно только большое гнѣздо. Жилище самки почти всегда бываетъ тутъ-же,

по близости, въ томъ-же самомъ саду. Случается также, что оба ежа, и самецъ и самка, ложатся въ теплое время года въ одно гнѣздо; бываютъ такіе нѣжные ежи, что совѣмъ не расстаются со своими милыми и сожительствуютъ все время въ одномъ мѣстѣ. При этомъ они премолю играютъ другъ съ другомъ, вмѣстѣ шалятъ и бѣгаютъ въ перегонку,—словомъ, ласкаются какъ настоящіе влюбленные. Когда мѣсто совершенно безопасно, то иногда и днемъ можно видѣть, какъ нѣжные супруги проводятъ свое время въ играхъ и забавахъ, но тамъ, гдѣ хоть сколько-нибудь шумно, они выходятъ только ночью. Сначала слышнѣтъ, какъ я уже говорилъ, шорохъ въ листьяхъ, и затѣмъ показывается ежъ, бѣгущій по совершенно прямому направленію, несмотря на быстро сѣменящіе шаги, все-таки довольно медленно и неповоротливо. При этомъ онъ постоянно обнюхиваетъ землю подобно ищейкѣ и тщательно изслѣдуетъ всякій предметъ, попадающійся ему по дорогѣ. Во время этихъ путешествій у него изо рта и носа постоянно течетъ слюна, и это даетъ поводъ предполагать, что обратный путь къ своей норѣ онъ отыскиваетъ по запаху этой жидкости. Я не раздѣляю этого мнѣнія, потому что не разъ имѣлъ случай наблюдать большое развитіе памяти у этихъ животныхъ.

Если на ходу нашъ колючій рыцарь услышитъ какой-нибудь подозрительный звукъ, онъ тотчасъ останавливается, прислушивается и при этомъ можно убѣдиться, что изъ всѣхъ чувствъ у него самымъ острымъ является обоняніе, особенно въ сравненіи съ зрѣніемъ. Нерѣдко случается на охотѣ, что ежъ бѣжитъ къ охотнику прямо въ ноги, затѣмъ вдругъ обернется, обнюхиваетъ и потомъ поспѣшно удираетъ, въ случаѣ если онъ не найдетъ выгоднѣе тотчасъ-же употребить въ дѣло свое оборонительное и наступательное орудіе, т. е. свернуться въ клубокъ. Тогда животное совершенно теряетъ свой прежній видъ и превращается въ яйцевидную кучу, которая съ одной стороны имѣетъ небольшое углубленіе, въ общемъ-же представляетъ совершенно круглый комокъ. Углубленіе это ведетъ къ брюху и въ немъ ежъ прячетъ тѣсно прижатые одно къ другому морду, всѣ четыре ноги и коротенькій хвостикъ. Между иглами воздухъ имѣетъ безпрепятственный доступъ къ тѣлу животного, благодаря чему дыханіе его несколько не задерживается, и оно можетъ долго оставаться въ такомъ положеніи. Это свертываніе не стоитъ ему никакого усилія, потому-что подкожныя мышцы, обуславливающія это движеніе, развиты у ежа, какъ ни у какого другого животного и дѣйствуютъ одновременно съ такою силою, что даже вооруженный толстыми рукавицами человѣкъ бываетъ не въ состояніи разжать свернушагося въ клубокъ ежа. Впрочемъ, такому намѣренію не малое препятствіе оказываютъ также и колючія иглы. Во время спокойнаго движенія животного его колючее одѣяніе выглядитъ красивымъ и гладкимъ, потому-что тысячи иглъ уложены въ порядкѣ въ видѣ череницъ; но какъ только ежъ принимаетъ форму клубка, иглы подымаются, топорчатся во всѣ стороны и превращаютъ его въ страшный колючій шаръ. Несмотря на это, однако опытному человѣку не трудно и такого взъерошеннаго ежа унести въ рукахъ; для этого шаръ кладутъ въ такомъ положеніи, какое животное принимаетъ во время ходьбы, и тихонько проводятъ рукой по игламъ спереди назадъ; послѣ этого иглы укладываются въ порядкѣ и тогда ежа свободно можно взять въ руки.

Если хотятъ позабавиться и посмотрѣть, какъ развертывается ежъ, то его кладутъ въ саду на столъ и тихонько наблюдаютъ со стороны. Не всегда можно замѣтить такое измѣненіе въ чертахъ лица животного, какъ теперь. Хотя душа, конечно, мало принимаетъ участія въ измѣненіи выраженія его лица, но, глядя на ежа, кажется, будто по лицу его въ это короткое время пробѣгаютъ всѣ переходныя ощущенія отъ угрюмаго неудовольствія до величайшей радости. Если сидѣть смиренно,

можно видѣть, какъ свернувшійся ежъ послѣ долгаго раздумья рѣшается, наконецъ, снова собраться въ путь. Особенное вздрагиваніе шерсти возбуждаетъ о началѣ его развертыванія. Тихонько пошевеливаетъ онъ попеременно то переднюю, то заднюю часть своего колючаго панциря, затѣмъ осторожно ставитъ ноги на землю и медленно высовываетъ впередъ свою свиную мордочку. Кожа на головѣ еще въ морщинахъ, а на низкомъ лбу не изгладилось еще выраженіе мрачной злобы; даже привѣтливые глазки глубоко спрятаны подъ нависшими бровями. Но вотъ лице постепенно проясняется, носикъ выдвигается больше впередъ, панцирь разглаживается, и, наконецъ, передъ наблюдателемъ является прежнее добродушное рыльце съ его обычнымъ приятнымъ и беззаботнымъ выраженіемъ, и въ такомъ видѣ ежъ тотчасъ же снова предпринимаетъ свое путешествіе по прямому направленію, какъ будто ему никогда не грозила опасность. Если его опять потревожатъ, то онъ снова моментально свертывается и остается въ такомъ положеніи немного дольше, чѣмъ въ первый разъ. Очень интересно наблюдать ежа, когда онъ слышитъ какой-нибудь повторяющійся короткій крикъ. Звукъ дѣйствуетъ на ежа подобно электрическому удару: при каждомъ крикѣ онъ весь вздрагиваетъ, даже если повторять одинъ и тотъ-же звукъ разъ десять въ минуту. Уже совсѣмъ прирученный ежъ и тотъ не можетъ воздержаться отъ этого, хотя-бы въ моментъ крика былъ занятъ нитьемъ молока. Однако, если слишкомъ долго такимъ образомъ дразнить его, это ему наконецъ надобдается, и онъ на цѣлую четверть часа свертывается въ клубокъ или-же остается вполнѣ равнодушнымъ, какъ-бы понявъ, что его хотятъ только дразнить. Бываетъ, разумѣется, и другое, если раздражать его слухъ слишкомъ рѣзкими звуками. Если, напримѣръ, взять колокольчикъ и звонить надъ самымъ ухомъ ежа, то онъ при каждомъ ударѣ весь судорожно подергивается; если звонить близко, то ежъ надвигаетъ свой панцирь въ сторону шума; при далекомъ звонѣ онъ натягиваетъ кожу лба прямо впередъ, и это подергиваніе происходитъ постоянно въ тотъ самый моментъ, какъ раздается звукъ. Можно такимъ образомъ совершенно по произволу заставлять ежа кланяться.

Когда его выслѣдитъ одинъ изъ его главныхъ враговъ—собака или лисица, онъ поспѣшно свертывается въ клубокъ и остается въ этомъ положеніи, что-бы съ нимъ ни дѣлали. По злобному лаю или ворчанію преслѣдователей онъ воображаетъ, что они пристають къ нему съ злымъ намѣреніемъ и принимаетъ мѣры предосторожности, оставаясь подъ прикрытіемъ своего природнаго щита. Конечно, есть средства заставить ежа моментально развернуться; для этого стоитъ только облить его водою или бросить въ нее, и этимъ пользуются не только хитрая Лиса-Патрикѣвна, но также и нѣкоторыя собаки. Такое-же дѣйствіе производитъ на ежа табачный дымъ, пущенный ему въ носъ между иглами, такъ какъ его чувствительному органу дымъ кажется чѣмъ-то ужаснымъ; звѣрекъ буквально одурманивается имъ: онъ сразу вытягивается, подымаетъ къверху носъ и, шатаясь, дѣлаетъ нѣсколько нетвердыхъ шаговъ, пока струя чистаго свѣжаго воздуха не приведетъ его снова въ себя. Свертываніе служитъ ежу единственнымъ средствомъ защиты противъ всевозможныхъ опасностей, которымъ онъ подвергается. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, напримѣръ, оступится что при его неловкости случается нерѣдко—и свалится черезъ высокій плетень или-же скатится съ крутизны, и тогда онъ моментально свертывается и летитъ внизъ по скату или по стѣнѣ, не причиняя себѣ ни малѣйшаго вреда. Бывали случаи, что ежъ падалъ въ насыпи болѣе чѣмъ въ шесть метровъ вышины безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій для себя.

Ежа отнюдь нельзя считать за неловкаго и неуклюжаго охотника; онъ отлично знаетъ разныя охотничьи уловки, на что, повидимому, его нельзя было считать

способнымъ. Главнымъ образомъ пища ежа состоитъ изъ насѣкомыхъ, почему его и можно причислить къ полезнымъ животнымъ. Но такая малопитательная пища не вполне удовлетворяетъ его, вслѣдствіе чего онъ объявляетъ войну и другимъ животнымъ. Ни одно изъ маленькихъ млекопитающихъ или птицъ не застраховано отъ его нападений; среди-же низшихъ животныхъ онъ хозяйничаетъ самымъ ужаснымъ образомъ. Кромѣ несмѣтнаго количества кузнечиковъ, сверчковъ, таракановъ, майскихъ и навозныхъ жуковъ, другихъ жуковъ всевозможныхъ видовъ и ихъ личинокъ, ежъ пожираетъ дождевыхъ червей, слизней, лѣсныхъ или полевыхъ мышей, маленькихъ птицъ и даже птенцовъ большихъ породъ. Трудно повѣрить, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ въ состояніи былъ ловить маленькихъ проворныхъ мышей; но онъ отлично понимаетъ охотничье искусство и мастерски справляется съ такою, по-видимому, невѣроятною задачею. Я наблюдалъ ежа однажды за ловлею мышей и крайне удивлялся его хитрости. Весною, пиныря по низкой ржи, онъ вдругъ оставался передъ мышиною норой, обнюхивалъ ее вокругъ, медленно обходилъ со всѣхъ сторонъ и, наконецъ, увѣренно попадалъ въ то мѣсто, гдѣ проложена мышинная нора. Въ этомъ случаѣ рыльце его было какъ нельзя болѣе кстати. Съ крайнею торопливостію онъ разрывалъ землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ прошла мышь, и очень скоро догонялъ ее, о чемъ свидѣтельствовали пискъ мыши и самодовольное ворчаніе ежа, доказывавшіе, что жертва схвачена охотникомъ. Этотъ случай познакомилъ меня съ охотою ежей за мышами въ полѣ; но какъ они умудряются ловить ихъ въ амбарахъ и сараяхъ, это я узналъ впервые гораздо позже, отъ моего друга Альбрехта. Бѣгая однажды по комнатѣ, ежъ, воспитывавшійся у этого наблюдателя, вдругъ замѣтилъ дерзкую мышъ, которая отважилась выйти изъ своей норы. Съ невѣроятною быстротою, не утрачивая, впрочемъ, своей обычной неловкости, ежъ напалъ на дерзновенную и схватилъ ее, прежде чѣмъ она успѣла убѣжать. «Это поразительное въ столь неуклюжемъ животномъ движеніе лихого удалства, которое мнѣ не разъ приходилось наблюдать въ ежѣ и послѣ», пишетъ мнѣ мой другъ, «возбуждало во мнѣ всякій разъ искренній смѣхъ; оно до такой степени своеобразно, что не поддается никакому сравненію; это было нѣчто въ родѣ пущенной изъ лука стрѣлы, которую вѣтеръ гналъ то вправо, то влѣво и все-таки донесъ до вѣрной цѣли».

Гораздо важнѣе этихъ хищническихъ набѣговъ бываютъ бои ежа со змѣями. Тутъ онъ выказываетъ храбрость, которую трудно предполагать въ немъ. Ленцъ сдѣлалъ прекрасныя наблюденія надъ этимъ. «24-го августа», сообщаетъ онъ, «я посадилъ самку ежа въ большой ящикъ, въ которомъ она черезъ два дня принесла шестерыхъ дѣтенышей, снабженныхъ маленькими иглами; тутъ она стала заботиться о нихъ съ истинно материнскою нѣжностью. Для испытанія ея аппетита я давалъ ей очень разнообразную пищу и нашель, что она ѣла съ большимъ удовольствіемъ жуковъ, дождевыхъ червей, лягушекъ, даже жабъ—послѣднихъ, впрочемъ, не особенно охотно, — мѣдвяницъ и кольчатыхъ ужей; любимымъ-же ей кушаньемъ были мыши; плоды она ѣла только тогда, когда не было никакой животной пищи. Однажды я въ продолженіи двухъ дней нарочно ничего другаго не давалъ ей кромѣ плодовъ, и она ѣла такъ мало, что двое изъ ея дѣтенышей умерли съ голоду, отъ недостатка въ молокѣ. Большое мужество выказывалъ мой ежъ также по отношенію опасныхъ животныхъ. Такъ, однажды я впустилъ къ нему въ ящикъ восемь сильныхъ хомяковъ, животныхъ, какъ извѣстно, очень злыхъ, съ которыми шутить нельзя. Едва онъ почувалъ новыхъ гостей, какъ гнѣвно взѣрошилъ свои иглы и, пригнувъ носъ къ землѣ, бросился на ближайшаго врага. При этомъ онъ издавалъ звуки, похожіе на барабанный бой, точно подзадоривая себя къ битвѣ, и его взѣрошенные на головѣ иглы грозно вздымались, какъ-бы образуя боевой

шлемъ, годный какъ для обороны, такъ и для наступленія. Какъ только хомякъ подступалъ къ ежу съ намѣреніемъ укусить его, онъ кололся въ кровь объ его иглы и получалъ столько ударовъ колючимъ панциремъ въ бока и столько укусовъ въ ноги, что погибъ-бы неизбѣжно, если-бъ я его не отнять. Покончивъ съ однимъ, колючій герой напустился на другихъ враговъ и сталъ расправляться съ ними не менѣе энергично, такъ что и тѣхъ мнѣ пришлось спасать отъ разевирѣившаго ежа.

«Но перейдемъ къ самому существенному и опишемъ, какъ нашъ герой справляется съ гадюками. Удивляясь его подвигамъ, мы должны сознаться, что у насъ не хватило-бы въ данномъ случаѣ мужества подражать ему. 30-го августа я выпустилъ большую гадюку въ ящикъ ежа, занятаго въ то время кормленіемъ своихъ дѣтенышей. Предварительно я имѣлъ случай убѣдиться, что у этой гадюки не было недостатка въ ядѣ, такъ какъ за два дня передъ этимъ она быстро умертвила мышъ. Ежъ очень скоро замѣтилъ ея присутствіе. (руководясь, по обыкновенію, не зрѣніемъ, а, какъ всегда, обоняніемъ) поднялся со своего ложа, безстрашно обошелъ вокругъ, обнюхалъ ее съ головы до хвоста, такъ какъ она лежала вытянувшись, и въ особенности внимательно обзрѣлъ ея пасть. Змѣя начала шипѣть и нѣсколько разъ ужалила ежа въ морду и губы. Какъ-бы издѣваясь надъ ея безсиліемъ, звѣрекъ спокойно облизывалъ себѣ тутъ-же, не отходя, раны, причемъ получилъ сильный укусъ въ высунутый языкъ; не смутившись и этимъ, онъ продолжалъ обнюхивать разъяренную и не перестававшую кусаться змѣю и даже дотрагивался до нея языкомъ, но не кусалъ. Наконецъ онъ быстро схватилъ голову змѣи, раздробилъ ее зубами, несмотря на сопротивленіе, вмѣстѣ съ ея ядовитыми зубами и железами и съѣлъ полъ туловища ея. Покончивъ съ гадюкой, онъ снова залегъ къ дѣтенышамъ и сталъ продолжать прерванное кормленіе. Вечеромъ онъ съѣлъ остальную часть змѣи и маленькую новорожденную гадюку. На слѣдующій день онъ опять съѣлъ трехъ новорожденныхъ гадюкъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, чувствовалъ себя отлично, равно какъ и его дѣтеныши; на ранахъ-же не было видно ни опухолей, ни малѣйшихъ болячекъ»

«1 сентября ежъ вторично выступилъ въ бой. Какъ и въ тотъ разъ, онъ приблизился къ гадюкѣ, обнюхалъ ее и получилъ нѣсколько укусовъ въ морду, щетины и иглы. Въ то время, какъ онъ обнюхивалъ гадюку, которая до сихъ поръ напрасно трудилась надъ нимъ и только изрядно исколотая объ его иглы, наконецъ опомнилась и задумала дать тягу. Она поползла вокругъ ящика, но ежъ не оставилъ ея и продолжалъ слѣдовать за нею, несмотря на то, что она жестоко кусала его всякій разъ, какъ онъ приближался къ ея головѣ. Наконецъ онъ загналъ ее въ самый уголъ ящика, гдѣ лежали его дѣтеныши; не видя возможности двигаться дальше, змѣя широко разинула пасть съ оскаленными ядовитыми зубами. Ежъ однако не отступилъ; тогда она бросилась на него и такъ сильно ухватила его за верхнюю губу, что сама повисла на ней. Ежъ стряхнулъ гадюку; она уползла, но онъ продолжалъ двигаться за нею и при этомъ получилъ нѣсколько новыхъ укусовъ. Эта борьба продолжалась добрыхъ 12 минутъ; я насчиталъ у ежа до десяти укусовъ, которые онъ получилъ въ морду, и двадцать, которые попали въ щетину или не достигли цѣли. Пасть гадюки, исколотая иглами, была вся въ крови. Наконецъ ежъ схватилъ ея голову зубами, но она вырвалась и уползла. Я поднялъ ее за хвостъ и схватилъ позади головы; она тотчасъ-же раскрыла пасть, чтобы меня укусить, и этимъ доказала, что ея ядовитые зубы были еще въ цѣлости. Когда я снова бросилъ змѣю въ ящикъ, ежъ немедленно схватилъ зубами ея голову, разможилъ ее и, не торопясь, съѣлъ гадюку, не обращая вниманія на ея извивы и извороты; послѣ этого онъ поспѣшилъ къ своимъ дѣтенышамъ и тотчасъ-же принялся

кормить их молокомъ. Самка и дѣтеныши оставались здоровыми: ни на комъ изъ нихъ не обнаружилось никакихъ дурныхъ послѣдствій. Съ тѣхъ поръ ежъ часто сражался съ подобнымъ-же успѣхомъ и всегда оказывалось, что онъ прежде всего раздробляетъ гадюкѣ голову, тогда какъ у безвредныхъ змѣй онъ этого не дѣлалъ. Остатки послѣ ѣды онъ всегда уносилъ въ гнѣздо и съѣдалъ ихъ впослѣдствіи».

Эти наблюденія, безъ сомнѣнія, замѣчательны во всѣхъ отношеніяхъ. По физиологическимъ законамъ трудно допустить, чтобы теплокровное животное такъ спокойно переносило ядовитые укусы, которые другихъ небольшихъ млекопитающихъ неминуемо приводятъ къ смерти. Нужно только принять во вниманіе, что укусъ гадюки умерщвляетъ даже такихъ животныхъ, которые по крайней мѣрѣ въ тридцать разъ больше и тяжелѣе ежа, а стало быть должны-бы были быть и гораздо выносливѣе его. Но нашъ колючій герой кажется дѣйствительно неуязвимымъ, потому что онъ ѣсть не только ядовитыхъ змѣй, ядъ которыхъ, какъ извѣстно, причиняетъ вредъ лишь при непосредственномъ введеніи его въ кровь, но также и животныхъ, которыя отравляютъ организмъ черезъ желудокъ, какъ на примѣръ, шпанскихъ мухъ; вѣзмъ извѣстно, что уже одно прикосновеніе этихъ насѣкомыхъ вызываетъ на кожѣ сильное воспаленіе, между тѣмъ ежъ безнаказанно для себя поѣдаетъ и ихъ, тогда какъ у всякаго другого животнаго подобная пища вызвала-бы неизбѣжную смерть.

Незначительный вредъ, причиняемый ежомъ, не можетъ быть принятъ въ расчетъ въ виду приносимой этимъ животнымъ пользы, тѣмъ болѣе, что вредъ этотъ вовсе не очень убѣдительно доказанъ. Говорятъ, что ежъ страстно любитъ куриныя яйца и не только умѣетъ искусно отыскивать ихъ, но также въ высшей степени ловко и ѣсть, ни капли не теряя изъ ихъ содержимаго; нѣкоторые видѣли, какъ онъ осторожно кладетъ яйцо на землю, держитъ его передними лапами, прокусываетъ маленькое отверстіе въ скорлупѣ и затѣмъ осторожно вылизываетъ содержимое. Кромѣ того птицеводы обвиняютъ ежа въ томъ, что онъ при удобномъ случаѣ забирается въ курятники и наноситъ вредъ домашней птицѣ; одинъ изъ нихъ увѣряетъ даже, что поймалъ однажды ежа, который въ одну ночь задушилъ 15 куръ, а одну изъ нихъ, должно быть, съѣлъ. Доводы въ справедливости этого обвиненія вовсе не доказательны; хотя владѣлецъ птичника, поставившій послѣ такого разграбленія около курятника канканы, и нашелъ въ нихъ на слѣдующее утро трехъ ежей, но они могли быть жертвами искушенія продѣлокъ какой-нибудь ловкой куницы; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что виновницей хищническаго поступка была куница, а не ежи, которые попали въ ловушку по своей неловкости, во время охоты за мышами. Что нашъ колючій рыцарь при удобномъ случаѣ не откажется съѣсть пыленка или даже взрослую курицу, этого, конечно, нельзя отрицать, какъ равно и того, что онъ бываетъ въ состояніи задушить кролика или какое-нибудь другое маленькое животное и съ удовольствіемъ пользуется такой добычей. Еще недавно я получилъ отъ Беккера, врача въ восточной Фрисландіи, сообщеніе объ одномъ ежѣ, который среди бѣлаго дня гонялся за взрослыми курами свою торопливою мелкою рысью. Но куры не проявляли страха передъ этимъ врагомъ. «Когда ежъ», рассказываетъ Беккеръ, «почти уже достигалъ страстно желанной добычи, курица, кудахтая, вспархивала на верхъ, и щетинистый герой перекатывался каждый разъ на 4—5 шаговъ черезъ свою цѣль, что выходило очень комично. Искусная звукъ, который вѣрнѣе всего можно сравнить со звукомъ дѣтской игрушечной трубы, обманутый ежъ сердито подымался, чтобы продолжать преслѣдованіе, и такимъ образомъ гонялъ куръ по всему громадному саду. Пѣтухъ, на котораго ежъ никогда, впрочемъ, не нападалъ, казалось не видѣлъ ничего опаснаго въ этихъ, до двадцати разъ повторяемыхъ нападеніяхъ хищника; правда,

время отъ времени онъ предостерегалъ опекаемыхъ имъ куръ, однако ничего не предпринималъ противъ нарушителя ихъ спокойствія». Изъ всего вышесказаннаго видно, что ежь, хотя и несомнѣнный хищникъ, тѣмъ не менѣе вовсе не вредный для воспитываемыхъ и оберегаемыхъ нами животныхъ.

Время спариванія ежа продолжается съ конца марта до начала іюня. Въ этотъ періодъ, находясь вмѣстѣ со своею самкой, онъ обнаруживаетъ крайнее возбужденіе; онъ не только играетъ съ нею, но кромѣ того постоянно издаетъ звуки, которые можно слышать отъ него исключительно во время сильнаго волненія. Глухое урчаніе, хриплый визгъ, звучное шелканье, а затѣмъ очень часто равномерно повторяемый звукъ, напоминающій собою пыхтѣніе отдаленнаго локомотива, служатъ выразителями хорошаго расположенія духа ежа, тогда какъ своеобразная трель, похожая на барабанный бой, въ родѣ тѣхъ звуковъ, какіе издаетъ барсукъ, выражаетъ дурное настроеніе, злость или испугъ. Всѣ эти звуки слышатся большею частью во время спариванія, потому что ежу тоже нужно какъ-нибудь привлечь къ себѣ самку. Незваные соперники всегда готовы проникнуть въ его владѣнія и волнуютъ ему кровь, особенно если милая не держится въ строгихъ границахъ подобающей ей вѣрности. Спустя семь недѣль послѣ спариванія самка мечетъ 3—6, въ рѣдкихъ случаяхъ 8 слышыхъ дѣтенышей въ особо для родовъ устроенномъ, прекрасномъ, просторномъ и хорошо выстланномъ гнѣздѣ, подъ густою изгородью, кучами листьевъ и мха, или въ ржаномъ полѣ. Новорожденные ежики имѣютъ въ длину около 6,5 см., выглядятъ вначалѣ бѣлыми и являются почти совсѣмъ голыми, такъ какъ иглы вырастаютъ только впоследствии. Однако, Ленцъ наблюдалъ у новорожденныхъ присутствіе иглъ, что было у ежей, родившихся у него въ комнатѣ. «Это обстоятельство», говоритъ онъ, «не представляетъ, впрочемъ, никакой помѣхи при родахъ: иглы торчатъ на очень мягкой, упругой основѣ, а спина еще такъ нѣжна, что стоитъ только иглу нажать пальцемъ, какъ она совсѣмъ уходитъ въ мягкую кожу, выступая, впрочемъ, снова, если давленіе пальцемъ прекратить. Впрочемъ, если взяться за иголку сбоку и сдавить ее ногтемъ или пинцетомъ, то можно убѣдиться, что сама она тверда. Но такъ какъ звѣрки рождаются обыкновенно головою впередъ, а иглы направляются къзади, то при родахъ и не можетъ произойти никакого пораненія матери».

Вокругъ морды у новорожденныхъ бываетъ щетина, остальные-же части тѣла не покрыты волосами. Глаза и уши ихъ закрыты. Уже по прошествіи первыхъ сутокъ иглы вырастаютъ на 9 мм; вначалѣ онѣ совсѣмъ бѣлыя, спустя-же мѣсяцъ молодой ежь принимаетъ совершенно такую-же окраску, какъ и взрослые. Тогда онъ можетъ ѣсть уже самостоятельно, хотя все еще продолжаетъ сосать. Только будучи уже совсѣмъ взрослымъ, ежь достигаетъ способности свертываться въ клубокъ и натягивать на голову кожу до морды. Мать заблаговременно начинаетъ носить въ гнѣздо дождевыхъ червей, слизней, а также опавшіе плоды въ нищу своимъ дѣтенышамъ, а впоследствии беретъ съ собою вечеромъ на прогулку и свое потомство. На свободѣ самка выказываетъ себя по отношенію дѣтенышей гораздо нѣжнѣе, чѣмъ въ неволѣ; въ послѣднемъ случаѣ, какъ я къ своему удивленію узналъ, бываетъ, что она съѣдаетъ весь свой выводокъ со свойственнымъ ей безмятежнымъ спокойствіемъ, хотя-бы ей была предоставлена самая обильная и вкусная пища. Въ первый годъ своей жизни молодые ежи не способны къ размноженію; но на второй уже спариваются и живутъ совместно со своими самками до зимы, когда каждый отдѣльно устраиваетъ для себя нору. Къ осени молодые ежи вырастаютъ уже настолько, что могутъ самостоятельно отыскивать себѣ пропитаніе; до наступленія еще морозовъ каждый успѣваетъ отростить себѣ сытое брюшко и, подобно

старымъ, начинаетъ хлопотать объ устройствѣ зимняго помѣщенія. Последнее представляетъ собою большую беспорядочную кучу, состоящую изъ соломы, сѣна, листьевъ и мха и очень тщательно выстланную внутри. Матерьялъ для постройки ежъ таскаетъ на спинѣ и довольно своеобразнымъ способомъ: онъ вываливается въ кучѣ листьевъ, навизываетъ себѣ на иглы изрядное количество ихъ и въ такомъ величественномъ видѣ несетъ ихъ домой. Подобнымъ-же образомъ онъ таскаетъ домой и плоды. Въ этомъ многіе сомнѣваются, но такъ какъ это видѣлъ самъ Ленцъ, то всякія сомнѣнія были-бы оскорбленіемъ противъ такого достопочтеннаго наблюдателя, въ чемъ мы вовсе не желаемъ быть виновными. Съ наступленіемъ перваго сильнаго мороза ежъ глубоко зарывается въ своемъ гнѣздѣ и проводитъ все холодное зимнее время въ непрерывной спячкѣ. Нечувствительность, вообще свойственная этому животному, даже и въ періодъ его оживленной дѣятельности, достигаетъ въ это время своей высшей степени; только если его ужъ очень растеребить, онъ пробудится на минуту, пошатается изъ стороны въ сторону и затѣмъ снова моментально заснетъ мертвымъ сномъ. Такимъ спящимъ ежамъ пробовали отрѣзывать голову и при этомъ замѣчали, что послѣ обезглавленія сердце продолжало еще биться довольно долгое время. Былъ случай, что перерѣзали не только головной, но и спинной мозгъ, несмотря на это сердце билось еще въ продолженіи двухъ часовъ. Глубокія раны, нанесенныя спицею ежу въ грудь, ведутъ съ собою смерть только послѣ нѣсколькихъ дней. Зимняя спячка продолжается обыкновенно до марта. При благоприятныхъ обстоятельствахъ ежъ на свободѣ можетъ прожить отъ 8—10 лѣтъ.

Чтобы приручить ежа нужно только взять его и снести въ подходящее помѣщеніе; здѣсь онъ скоро привыкаетъ и въ самое короткое время теряетъ къ человѣку всякій страхъ. Пищу онъ беретъ безъ церемоніи и также самъ отыскиваетъ ее въ домѣ, во дворѣ или еще чаще въ амбарахъ и сараяхъ. Чуди, правда, сомнѣвается, чтобы ежъ могъ быть пригоденъ для ловли мышей, потому что у него былъ ежъ, который ѣлъ изъ одной плошки съ мышами; но это еще ничего не доказываетъ, такъ какъ многочисленныя наблюденія подтвердили, что ежъ очень искусный ловецъ мышей. Во многихъ мѣстностяхъ имъ обзаводятся исключительно съ этою цѣлью и держатъ его въ такихъ кладовыхъ, куда кошекъ пускать нельзя. Я также держалъ въ клѣткѣ ежей, которые по цѣлымъ днямъ оставались съ мышами и ѣли вмѣстѣ съ ними размоченную въ молокѣ булку; но кончалось всегда тѣмъ, что они съѣдали своихъ товарищей. Ежъ также весьма пригоденъ для истребленія несносныхъ насѣкомыхъ, въ особенности мерзкихъ таракановъ, къ чему онъ прикладываетъ большое усердіе. Если съ нимъ обращаться хоть маломальски хорошо и позаботиться насчетъ его помѣщенія въ темномъ и укромномъ мѣстечкѣ, то неволя вовсе не бываетъ для него тягостна.

«Ежъ», рассказываетъ Вудъ, «жившій нѣсколько лѣтъ въ нашемъ домѣ, долженъ былъ вести вполне кочевую жизнь, такъ какъ всѣ наши знакомые брали его къ себѣ для истребленія таракановъ, и онъ перекочевывалъ изъ одного дома въ другой. Звѣрекъ нашъ былъ удивительно ручнымъ и выходилъ изъ ящика даже среди яснаго, свѣтлаго дня, чтобы получить свою порцію булки съ молокомъ. Перѣдко онъ предпринималъ по саду прогулки, причѣмъ совалъ свой носъ въ каждую дыру, къ каждой щелку и перевертывалъ по дорогѣ каждый упавшій листокъ, чтобы сыскать себѣ кормъ. Какъ только онъ слышалъ посторонніе шаги, тотчасъ-же свертывался въ клубокъ и оставался нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи, пока кажущаяся опасность не проходила. Насъ онъ скоро пересталъ бояться и спокойно бѣгалъ въ нашемъ присутствіи».

Содержащійся въ домѣ ежъ часто надѣдаетъ своимъ шумомъ по ночамъ. Его неуклюжесть сказывается на каждомъ шагу и при каждомъ движеніи; въ немъ и слѣда нѣтъ той поразительной ловкости, какую отличаютъ кошки. При томъ-же ежъ довольно неопытенъ и неприятенъ своимъ мускуснымъ запахомъ. За то своими потѣшными выходками онъ способенъ развеселить всякаго. Ежъ легко привыкаетъ къ самой разнообразной пищѣ, а также и къ различнымъ напиткамъ; особенно онъ любитъ молоко, но не отвергаетъ также и спиртныхъ напитковъ, которые вызываютъ его на разныя курьезныя выходки. Балль рассказываетъ о содержавшемся у него ежѣ разныя забавныя вещи, между прочимъ то, что онъ не разъ напивался пьянымъ. Хозяинъ попотчивалъ ежа однажды водкой и тотъ выпилъ такъ много, что совершенно опьянѣлъ. Только-что пойманный ежъ быстро ручиѣетъ, стоитъ только его напоить до-пьяна виномъ; въ послѣдствіи названный наблюдатель постоянно примѣнялъ это средство, чтобы приручить новые экземпляры, подчуя ихъ сладкой водкой, ромомъ или виномъ. «Мой колючій другъ», говоритъ онъ, «велъ себя совершенно такъ-же, какъ пьяный человѣкъ; онъ потерялъ сознание и его темные, обыкновенно столь невинныя глазки получили какой-то сомнительный блескъ, однимъ словомъ — такое-же самое выраженіе, какое замѣчается вообще у всѣхъ пьяныхъ; онъ препотѣшно спотыкался, не замѣчалъ насъ, шатался, падалъ то на одну, то на другую сторону и держалъ себя такъ, какъ будто хотѣлъ сказать:—уйдите всѣ съ дороги! сегодня мнѣ нуженъ просторъ. Беспомощность его все болѣе и болѣе усиливалась, онъ чаще пошатывался, спотыкался и наконецъ такъ опьянѣлъ, что съ нимъ можно было дѣлать все, что угодно: мы могли вертѣть его во всѣ стороны, раскрывать ему ротъ, теревить за иглы и онъ не шевелился. Спусти 12 часовъ онъ уже снова былъ на ногахъ, но прежней дикости какъ не бывало: мы могли подходить къ нему совсѣмъ близко, и его иглы при этомъ ни мало не топорщились и оставались въ замѣчательномъ порядкѣ.

Кромѣ невѣжественныхъ злыхъ людей ежъ имѣетъ еще много другихъ враговъ. Собаки ненавидятъ его отъ глубины души, выражая это постояннымъ яростнымъ лаемъ. Если имъ приходится натолкнуться на ежа, онъ изъ себя выходитъ, чтобы сорвать свою злобу на колючемъ звѣркѣ. Тотъ остается въ оборонительномъ положеніи все время, пока собака занимается имъ, и предоставляетъ ей до крови исколотъ носъ объ его иглы. Злоба собаки основывается, вѣроятно, по большей части на ея беспомощности въ борьбѣ съ этимъ колючимъ героемъ: ее бѣситъ то, что она рѣшительно ничѣмъ не можетъ повредить своему врагу и, нападая на него, скорѣе причиняетъ боль самой себѣ. Многія охотничьи собаки не обращаютъ даже вниманія на иглы ежа, когда хотя бы сорвать на немъ всю свою ненависть. У одного изъ моихъ пріятелей была легавая собака, которая всѣхъ попадавшихся ей ежей безъ всякихъ околичностей загрызала до смерти; когда въ старости зубы ея сдѣлались тупыми, она не могла уже больше совершать такихъ геройскихъ подвиговъ молодости; но ненависть ея къ ежамъ ни мало не ослабла и если ей случалось встрѣтить этого звѣрка, она брала его въ пасть, несла на мостъ и оттуда прямо бросала въ воду. Лисица, какъ увѣряютъ, усердно преслѣдуетъ ежа и гнуснымъ лукавствомъ заставляетъ его развертываться: она медленно подкатываетъ колючій шаръ передними ногами къ водѣ и сталкиваетъ его туда или повертываетъ на спину и опрыскиваетъ своей вонючей мочей; бѣдный звѣрекъ съ отчаянія развертывается, но въ тотъ-же моментъ хитрая пройдоха хватаетъ его за носъ и умерщвляетъ. Много ежей погибаетъ такимъ образомъ, особенно въ молодости. Кромѣ лисицы у ежей есть еще болѣе опасный врагъ—филинъ. «Недалеко отъ Шнепфентала», рассказываетъ Ленцъ, «находится скала Торштейнъ, на вершинѣ которой пріютились филины.

Тамъ я часто находилъ, кромѣ помета и перьевъ этихъ совъ, также шкуры ежей и даже ихъ иглы въ погадкахъ, которые извергаютъ филины. Мы подняли здѣсь какъ рѣдкость одинъ изъ этихъ погадковъ, который почти весь состоялъ изъ ежовыхъ иглъ. Когти и клювъ филина настолько длинны и не чувствительны, что онъ легко можетъ схватить ими ежа за его колючее одѣяніе. Не очень давно наши воспитанники ходили гулять во время пасмурной погоды въ окрестности Шнепфенталя и увидѣли пролетающаго филина, который держалъ въ когтяхъ большой комокъ. Мальчики подняли такой громкій крикъ, что птица со страху выронила свою добычу. Это былъ большой, только что убитый, но еще теплый ежъ». Помимо всего этого еще масса ежей дѣлается жертвами зимнихъ морозовъ. Неопытные дѣтеныши, побуждаемые голодомъ, отваживаются иногда позднею осенью, ночью, выходить изъ своихъ норъ и замерзаютъ отъ холодныхъ утренниковъ; многіе погибаютъ также во время зимы въ самомъ гнѣздѣ, если оно не защищено какъ слѣдуетъ отъ бури и непогоды. Бываетъ иногда, что за зиму въ садахъ или рощахъ вымираетъ все населеніе ежей.

Ежъ и послѣ смерти своей приноситъ человѣку пользу; по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мясо его ѣдятъ, правда, только цыгане и прочій кочующій сбродъ, но все-таки оно съѣдобно, и любители изобрѣли даже особенный способъ приготовления его. Настоящіе мастера кулинарнаго искусства обмазываютъ ежа толстымъ слоемъ мѣсива изъ липкой глины и въ этой оболочкѣ кладутъ его въ огонь, наблюдая, чтобъ онъ не пригорѣлъ и для этого поворачивая его, время отъ времени, со стороны на сторону; какъ только слой глины станетъ сухимъ и твердымъ, жаркое снимаютъ съ огня, даютъ ему немного остынуть и затѣмъ отколушываютъ оболочку, вмѣстѣ съ которою отходятъ и иглы, приставшія къ глинѣ. При такомъ способѣ приготовления весь сокъ остается въ жаркомъ, и получается превосходное кушанье, по словамъ тѣхъ, кто его ѣстъ. Въ былыя времена въ Испаніи не мало поѣдали ежей, особенно во время поста. У древнихъ ежъ имѣлъ свое мѣсто и въ медицинѣ: его кровь, внутренности и даже пометъ употреблялись на приготовленіе разныхъ лѣкарствъ; кромѣ того, его сжигали цѣликомъ, и пепель животнаго имѣлъ такое-же употребленіе, какъ и собачій. И теперь еще жиръ ежа считается цѣлебнымъ средствомъ; колючую кожу этого звѣрка древніе римляне употребляли для ворсованія шерстяныхъ суконъ и поэтому вели ежовыми шкурами оживленную торговлю, которая доставляла такой значительный доходъ, что для урегулированія ея потребовалось особое постановленіе сената. Кромѣ того, колючая шкура употреблялась въ качествѣ гребня для чесанія льна. Нѣкоторые сельскіе хозяева и посейчасъ пользуются ежовою шкурою, когда нужно отнять отъ матери теленка; для этого къ носу сосуна привязываютъ кусочекъ колючей ежовой шкуры и этимъ заставляютъ мать отвадить питомца, становящагося ей уже тягостнымъ, и пріучить его къ другой пищѣ. Кромѣ всего этого нѣкоторые шалочники готовятъ изъ натуральной ежовой шкуры особаго рода колючіе головные уборы.

* * *

Насѣкомоядныя, которыхъ мы, вслѣдствіе особаго устройства ихъ переднихъ ногъ, въ совершенствѣ приспособленныхъ для копанія, ставимъ тотчасъ вслѣдъ за ежами, поселились совсѣмъ подъ землею и ведутъ здѣсь во всѣхъ отношеніяхъ своеобразную жизнь.

Кроты (Talpidae) распространены въ большей части Европы, Азіи, южной Африки и Сѣверной Америки. Число ихъ видовъ не особенно велико, но все-же найдется, по всей вѣроятности, еще много, неизвѣстныхъ натуралистамъ. Всѣ

виды такъ замѣчательно сложены и вооружены, что узнать ихъ не трудно съ перваго раза. Сжатое, цилиндрической формы туловище переходитъ безъ всякихъ признаковъ шеи прямо въ маленькую голову, которая удлинняется и заостряется въ хоботъ; глаза и наружныя уши очень слабо развиты и ихъ едва можно различить. Туловище покоится на четырехъ короткихъ ногахъ, изъ которыхъ переднія являются относительно колоссальными орудіями для копанія, тогда какъ заднія тонки, вытянуты и похожи на крысиныя; хвостъ, если бываетъ, то очень короткій или-же совершенно отсутствуетъ. Зубная система состоитъ изъ 36—44 зубовъ. Черепъ очень вытянутый и плоскій; глазная впадина его цѣльна; скуловые дуги развиты, отдѣльныя кости головы замѣчательно тонки. Въ позвоночномъ столбѣ, который, кромѣ шейныхъ позвонковъ, состоитъ изъ 10—20 поддерживающихъ ребра, 3—5 не имѣющихъ реберъ, 3—5 крестцовыхъ и 6—11 хвостовыхъ, поражаетъ сращеніе многихъ шейныхъ позвонковъ. Строеніе и положеніе переднихъ ногъ обуславливаютъ крѣпость верхней части грудной кѣтки, какой нѣтъ ни у какого другого животнаго соответственныхъ размѣровъ. Лопатка у крота самая узкая и длинная, а ключица—самая толстая и длинная во всемъ классѣ; плечо необыкновенно широко, а предплечье крѣпкое и короткое. Запястье имѣетъ десять косточекъ. Сразу видно, что эти исполинскія переднія конечности предназначены исключительно для копанія; это самыя лучшія лопаты, какія только можно себя представить. Къ такимъ костямъ прилегаютъ такія-же крѣпкія мышцы, отчего и зависитъ соответственная сила передней части тѣла крота.

Всѣ кроты любятъ селиться въ ровныхъ плодородныхъ мѣстностяхъ, но не отсутствуютъ и въ горахъ. Весьма естественно, что луга и поля, сады, рощи и долины предпочитаютъ сухимъ неплодороднымъ скатамъ холмовъ или песчанымъ мѣстамъ. Только въ видѣ исключенія появляются они на берегахъ рѣкъ, озеръ, и еще рѣже можно встрѣтить кроты на морскихъ берегахъ. Всѣ виды ведутъ вполне подземную жизнь: они роютъ себѣ ходы въ землѣ, выбрасывая при этомъ цѣлыя кучи сѣ, какъ въ сухой, рыхлой или песчаной почвѣ, такъ и въ сыромъ мягкомъ грунтѣ. Многие виды устраиваютъ себѣ на далекое разстояніе очень сложныя жилища. Какъ дѣти мрака они безъ мучительныхъ ощущеній не могутъ выносить дѣйствія свѣта; потому они очень рѣдко выходятъ добровольно на поверхность земли и даже въ глубинѣ ея бываютъ дѣятельны больше ночью, чѣмъ днемъ. Строеніе ихъ тѣла положительно изгоняетъ ихъ съ земной поверхности; они не могутъ ни прыгать, ни лазать и даже едва ходятъ, хотя многіе изъ нихъ могутъ довольно скоро передвигаться по землѣ, пуская при этомъ въ ходъ большіе ступни заднихъ ногъ и внутренне края переднихъ. За-то тѣмъ скорѣе бѣгаютъ кроты въ ихъ подземныхъ владѣніяхъ и тѣмъ изумительнѣе то проворство, съ которымъ они копаютъ. Они умѣютъ также отлично плавать, хотя это искусство примѣняютъ лишь въ случаѣ крайней необходимости. Широкія ланы представляютъ собою превосходныя весла, а сильныя предплечья послѣ трудной работы въ землѣ дѣйствуютъ въ водѣ безъ особеннаго напряженія.

Изъ органовъ чувствъ особенно развиты у крота обоняніе, слухъ и осязаніе, тогда какъ зрѣніе очень слабо. Голосъ крота состоитъ изъ шипящихъ и визжащихъ звуковъ. Душевные способности весьма слабы, хотя и не въ такой степени, какъ обыкновенно склонны думать; однако, все-же, дурныя качества превѣшываютъ хорошія: всѣ кроты въ высшей степени неуживчивыя, вздорныя, сварливыя, хищническія и кровожадныя существа, которыя въ жестокости превосходятъ даже тигровъ, будучи способны пожирать своего-же брата крота, если онъ попадется подъ руку.

Пища кротовъ исключительно животная; растительной они не употребляютъ

Различныя живущія подъ землею насѣкомыя, а также черви, мокрицы и т. п., составляютъ главныя составныя части ихъ пищи. Кромѣ того они при всякой возможности ѣдятъ маленькихъ млекопитающихъ, птицъ, лягушекъ и слизней. Прожорливость кротовъ столь-же велика, какъ и ихъ подвижность, поэтому они могутъ только весьма недолгое время находиться безъ пищи, вслѣдствіе чего и не подвергаются зимней спячкѣ. На этомъ основаніи они очень полезны, какъ истребители насѣкомыхъ; съ другой-же стороны ихъ постоянное рытье земли досаждаеть человѣку.

Одинъ или два раза въ годъ самка крота мечеть 3—5 дѣтенышей и тщательно заботится о нихъ. Кротята вырастаютъ довольно скоро и остаются около своей матери приблизительно 1—2 мѣсяца; затѣмъ они становятся самостоятельными и начинаютъ свои земляныя работы. Въ неволѣ кротовъ можно держать только при самомъ тщательномъ попеченіи, такъ какъ ихъ громадную прожорливость почти невозможно удовлетворить.

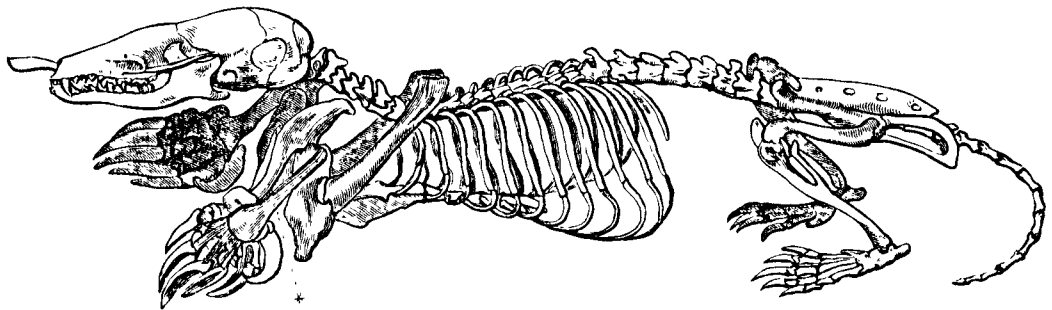
По свойству зубной системы, по устройству рыльца и по отсутствію или присутствію болѣе или менѣе длиннаго хвоста, кротовъ раздѣляютъ на нѣсколько видовъ; но всѣ они настолько похожи одинъ на другого, что мы разсмотримъ внимательно лишь одинъ видъ—обыкновеннаго крота, такъ какъ образъ жизни этого вида вполне достаточно характеризуетъ свойства всѣхъ другихъ.

Обыкновенный кротъ (*Talpa europaea*, *T. vulgaris*. Maulwurf. Taupre) прототипъ семейства и рода, встрѣчающійся только въ Европѣ и Азій, даетъ возможность описать себя немногими словами, благодаря своимъ характернымъ вѣшнимъ признакамъ. Длина туловища достигаетъ 15, самое-же большее 17 см., включая сюда и 2,5 см., идущихъ на хвостъ; высота въ шейкѣ около 5 см. Зубная система состоитъ изъ 44 зубовъ, а именно: въ верхней челюсти 6, въ нижней-же 8 простыхъ, между собою существенно не отличающихся переднихъ зубовъ съ однимъ корнемъ; клыки большіе, съ двумя корнями; коренныхъ вверху 7, внизу 6 съ каждой стороны челюстей, изъ нихъ первые 3 и соответствующіе имъ нижніе 2—маленькіе, съ однимъ корнемъ, такъ что замѣняютъ ложнокоренные; но слѣдующіе затѣмъ 4 съ нѣсколькими корнями и частью также со многими зубцами. Коротенькія ноги поставлены по отношенію къ цилиндрическому туловищу довольно горизонтально; очень широкая, рукообразная лапа имѣетъ ладонь, обращенную постоянно наружу, а не внутрь, какъ у другихъ животныхъ. Между короткими пальцами, вооруженными широкими, сильно сплюснутыми и тупообтѣзанными когтями, самый длинный—средній, наружные-же постепенно укорачиваются и почти совершенно соединены одинъ съ другимъ перепонкой, даже почти срослены. На маленькихъ и короткихъ заднихъ ногахъ пальцы разъединены, а когти заострены и слабы. Глаза, величиною почти съ маковое зернышко, лежатъ посрединѣ между концомъ рыльца и ушами и совершенно закрыты волосами головы, но имѣютъ вѣки и могутъ произвольно выдвигаться впередъ или втягиваться назадъ и, при случаѣ, быть полезными. Маленькія уши не имѣютъ наружныхъ раковинъ; они окружены лишь короткимъ кожистымъ выступомъ, который также спрятанъ подъ волосами и служитъ для открыванія и замыканія слухового канала. Равномѣрно черные волосы повсюду очень густы, коротки, мягки и шелковисты; блестящіе усы и надглазныя щетинки тоже коротки и очень тонки. За исключеніемъ лапъ, ступней, кончика рыльца и хвоста, мѣхъ покрываетъ все туловище; шерсть отличается своимъ блескомъ, имѣющимъ то буроватый, то голубоватый или даже бѣловатый отливъ. Голыя части—мясного цвѣта. Глаза представляютъ собою черныя, маленькія, блестящія бисеринки, такъ что въ нихъ невозможно различить

зрачка отъ радужной оболочки. Самка сложена болѣе стройно, чѣмъ самецъ, и молодья животныя окрашены нѣсколько сѣрѣе старыхъ. Это единственные различія, существующія между полами и возрастами. Есть однако разновидности, у которыхъ непельно-сѣрое одѣяніе молодости остается на всю жизнь, или такія, у которыхъ на брюхѣ по непельно-сѣрой основной окраскѣ проходятъ широкія сѣро-желтыя продольныя полосы; встрѣчаются также черныя кроты съ бѣлыми пятнами и, какъ рѣдкость, попадаются желтые и бѣлые экземпляры.

Область распространенія крота проходитъ черезъ Европу и сѣверную Африку и черезъ Азію къ Алтаю и даже къ Японіи. На Скандинавскомъ полуостровѣ онъ поднимается до Доврефельда, въ Англіи—до средней Шотландіи, а въ Россіи до среднихъ областей Сѣверной Двины. На Оркнейскомъ и Шетландскомъ островахъ, равно какъ и въ большей части Гебридскихъ и въ Ирландіи, онъ совершенно отсутствуетъ. Въ Азіи доходитъ до Амура, а на югъ до Кавказа; въ Альпахъ онъ поднимается до 2000 метровъ вышины. Онъ вездѣ очень обыкновененъ и размножается чрезвычайно быстро тамъ, гдѣ его не преслѣдуютъ.

О своемъ мѣстопребываніи кротъ самъ даетъ знать по землянымъ кучамъ, которыя онъ долженъ постоянно выбрасывать, чтобъ имѣть возможность существо-

Скелеть крота.

вать. Эти кучи вѣрно указываютъ направленіе и протяженіе того участка, на которомъ кротъ охотится. При своей необыкновенной прожорливости онъ постоянно долженъ расширять районъ своей охоты и поэтому безпрерывно занятъ работою по устройству своихъ подземныхъ владѣній. Безъ усталы выкапываетъ онъ горизонтальныя ходы на незначительной глубинѣ подъ землею и, чтобы удалить взрытую землю, выбрасываетъ на поверхность вѣзмъ извѣстныя кучи. «Изъ всѣхъ нашихъ подземныхъ животныхъ», пишетъ Блазіусъ, «обыкновенный, всюду распространенный кротъ старательнѣе всѣхъ работаетъ надъ устройствомъ своихъ затѣйливыхъ жилищъ и ходовъ. Ему приходится заботиться не только объ удовлетвореніи своего прожорливаго аппетита, но и объ обезпеченіи себя безопасности противъ нападений многочисленныхъ враговъ. Всего искуснѣе и тщательнѣе строится самое гнѣздо или логовище. Обыкновенно оно находится въ наиболѣе укромномъ, трудно доступномъ мѣстѣ, подъ корнями деревьевъ, подъ стѣнами и т. п., и въ большинствѣ случаевъ нѣсколько отдалено отъ обыденнаго участка для охоты. Съ этимъ послѣднимъ,—который ежедневно расширяется, разнообразно развѣтвляется и скрещивается своими переходами,—гнѣздо соединено длиннымъ, въ большинствѣ случаевъ довольно прямымъ, проходомъ. Въ періодѣ размноженія кромѣ этихъ ходовъ кротъ устраиваетъ еще другіе. Настоящая нора звѣрка обозначается на поверхности особенно большою кучею выброшенной земли: она состоитъ внутри изъ кругловатаго чуланчика,

имѣющаго болѣе 8 см. ширины, служащаго спальней, и изъ двухъ круговыхъ галлерей, изъ которыхъ большая устроена на одной высотѣ съ чуланчикомъ и окружаетъ его приблизительно на разстояніи 16—25 см., а меньшая проходитъ не много выше чуланчика и параллельно съ первою. Изъ чуланчика проложены вверхъ по косому направленію три хода, ведущіе въ маленькую круговую галлерей, а изъ послѣдней, въ перемежку съ прежними соединительными переходами, идутъ 5—6 ходовъ наискось внизъ и впадаютъ въ большую круговую галлерей; отсюда расходятся во всѣ стороны на подобіе лучей, по горизонтальному направленію отъ 8-ми до 10-ти прямыхъ или развѣтвленныхъ кнаружи ходовъ, которые въ свою очередь скрещиваются съ предыдущими; на нѣкоторомъ разстояніи они загибаются въ большинствѣ случаевъ дугообразно и впадаютъ въ общій проходъ. Кромѣ того изъ чуланчика въ тотъ-же общій проходъ идетъ предо-

Кротъ. *Talpa europaea*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

хранительная галлерей, которая тоже образуетъ дугу. Стѣны чуланчика и прилегающіе къ гнѣзду ходы отдѣланы очень плотно, хорошо утрамбованы и тщательно сглажены. Самое гнѣздо мягко устлано травой и листьями въ большинствѣ случаевъ молодыхъ злачныхъ растений, мхомъ, соломой, навозомъ или нѣжными корнями; все это кроты большею частью приносятъ съ поверхности земли. Если звѣрку угрожаетъ опасность сверху, то онъ отодвигаетъ мягкую подстилку въ сторону и уходитъ внизъ; если-же опасность надвигается снизу или съ боковъ, то онъ спасается въ соединительныхъ ходахъ, ведущихъ въ меньшую круговую галлерей. Нора во всякомъ случаѣ представляетъ кроту безопасное убѣжище для сна и отдыха и потому въ ней онъ проводитъ все свое свободное отъ охоты время. Жилище это лежитъ на глубинѣ 30—60 см. отъ поверхности земли. Главная галлерей шире туловища крота, такъ что животное скоро и удобно можетъ двигаться по ней взадъ и впередъ; и здѣсь стѣны хорошо утрамбованы, вслѣдствіе чего очень тверды и крѣпки. Снаружи ее нельзя замѣтить какъ другіе ходы, по выброшенной землѣ,

потому что, работая надъ нею, кротъ всю вырытую землю придавливаетъ къ сторонамъ прохода. Эта галлерей служитъ для возможно быстрого и удобнаго сообщенія съ обыденнымъ мѣстомъ охоты; ею нерѣдко пользуются и другіе подземные жители, какъ напр. землеройки, мыши, и жабы, которые однако очень боятся встрѣчаться здѣсь съ кротомъ. Снаружи ее можно замѣтить только потому, что растенія засыхаютъ надъ нею и почва немного осѣдаетъ въ этомъ мѣстѣ. Такая галлерей нерѣдко бываетъ въ 30—50 метровъ длины. Мѣсто охоты крота, какъ уже сказано, отстоитъ большею частью далеко отъ его жилища и изо дня въ день, зимою и лѣтомъ, раскапывается и обшаривается по всемъ направленіямъ. Здѣсь ходы роются только для временнаго пользованія и потому не отличаются особенною прочностью; земля, вслѣдствіе этого, мѣстами выбрасывается наружу въ видѣ кучъ и тѣмъ даетъ замѣтить направленіе ходовъ. Кроты ходятъ на охоту обыкновенно 3 раза въ день: рано утромъ, въ полдень и вечеромъ; такимъ образомъ ежедневно имъ приходится шесть разъ пробѣгать взадъ и впередъ по главной галлерей все пространство до норы. Въ этомъ случаѣ стоитъ только найти направленіе галлерей, чтобы навѣрняка поймать крота въ теченіи немногихъ часовъ».

Эти наблюденія недавно были добавлены и исправлены Ф. Далемъ. Прежде всего онъ нашелъ существенныя видоизмѣненія въ устройствѣ норъ крота, обуславливаемая мѣстностью, а также и другія измѣненія, которые нельзя объяснить вліяніемъ мѣстности. «Что касается перваго», пишетъ Даль, «то если жилище крота помѣщается на лугу, то оно находится вовсе не на удаленномъ отъ мѣста ежедневной охоты звѣрка, хорошо защищенномъ, укромномъ мѣстечкѣ, такъ какъ такового не существуетъ на лугахъ: лугъ обыкновенно бываетъ ровный, открытый и окруженъ канавой. Чаще всего жилище крота находится какъ разъ посреди охотничьяго участка, подъ замѣчательно большой кучей. Котловинообразная нора, — собственно гнѣздо крота, — лежитъ посрединѣ, подъ кучей, и глубока лишь настолько, что потолокъ ея непосредственно граничитъ съ травой, покрывающею лугъ. На такой глубинѣ, какую указываетъ Блазиусъ, гнѣздо не могло-бы быть устроено на лугу, потому-что почва тамъ слишкомъ сыра. Нора крота имѣетъ обыкновенно въ діаметрѣ больше 25 см. и выстлана травой. На такомъ сыромъ мѣстѣ подстилка гнѣзда должна-бы была почти ежедневно освѣжаться новою сухою травой. Что это такъ и бываетъ, видно изъ того, что въ раскопанныхъ норахъ кротовъ часто находятъ совсѣмъ свѣжую зелень. Вслѣдствіе этого постоянного прибавленія новой подстилки, гнѣздо естественно должно увеличиваться въ окружности. Вокругъ норы, какъ совершенно вѣрно описываетъ Блазиусъ, идутъ иногда двѣ галлерей: меньшая круговая галлерей лежитъ въ такомъ случаѣ не выше норы, а совершенно на одинаковой высотѣ съ верхними ея краями, т. е. непосредственно подъ дерномъ. Эта круговая галлерей удалена отъ котловины среднимъ числомъ на 8—10 см. и сообщается съ нею посредствомъ нѣсколькихъ побочныхъ проходовъ. Наружная галлерей лежитъ на равной высотѣ съ внутренней и соединяется съ нею поперечными ходами, но вовсе не имѣетъ видѣ круга. Отсюда расходятся, на подобіе лучей, ходы въ различныя части охотничьяго участка. Во многихъ случаяхъ наружной галлерей вовсе не бываетъ, а въ одной кротовой норѣ не нашлось даже и внутренней; побочные-же проходы, расходящіеся въ видѣ лучей, или непосредственно отъ норы къ охотничьему участку. Тотъ вертикальный, направляющійся внизъ и затѣмъ заворачивающій въ сторону ходъ, который служитъ кроту для бѣгства въ случаѣ опасности извнѣ, хотя и бываетъ, но не всегда».

Внутренность жилища не имѣетъ непосредственнаго сообщенія съ наружнымъ воздухомъ, тѣмъ не менѣе онъ проникаетъ туда въ достаточномъ количествѣ между

скважинами вскрытой земли и доставляетъ животному необходимое количество кислорода. Кромѣ воздуха кроту нужна еще вода для питья; поэтому онъ постепенно устраиваетъ себѣ отдѣльные ходы, которые ведутъ къ ближайшимъ лужамъ и ручьямъ, а если таковыхъ нѣтъ по близости, то выкапываетъ особенныя шахты, куда собирается дождевая вода. Одинъ старый охотникъ на кротовъ часто находилъ въ нижней части глубокихъ ходовъ вертикальное отверстіе, которое служило кроту колодеземъ для питья. «Многіе изъ этихъ отверстій», описываетъ онъ, «бываютъ значительной глубины. Съ виду они казались сухими и только, когда я бросилъ туда горсть земли, то убѣдился, что въ нихъ вода. Кротъ свободно можетъ опускаться и подыматься по этимъ колодцамъ. Во время сырой погоды они до краевъ наполняются водою; есть, впрочемъ, такіе, что и въ сухую погоду бываютъ съ водою, что зависитъ отъ свойства грунта. До какой степени кротъ имѣетъ необходимость въ водѣ, можно судить по тому, что въ сухую погоду въ проходѣ, ведущемъ къ лужѣ или къ колодцу, можно всегда поймать довольно много кротовъ».

Рытье не представляетъ для крота никакого труда. Съ помощью своихъ сильныхъ затылочныхъ мышцъ и мощныхъ переднихъ конечностей, которыми онъ держится на опредѣленномъ мѣстѣ, кротъ сверлитъ рыхлую почву рыломъ, разгребаетъ ее передними лапами по сторонамъ и съ необыкновенною быстротою отбрасываетъ назадъ. Его уши, благодаря способности замыкаться, совершенно защищены отъ засоренія пескомъ и землею. Взрытую землю кротъ оставляетъ позади себя въ прорытомъ проходѣ до тѣхъ поръ, пока ей не накопится столько, что она станетъ ему мѣшать; тогда онъ старается выдти на поверхность и сбрасываетъ туда мордой землю, при этомъ почти всегда покрываетъ слоемъ рыхлой земли въ 12—15 см. толщины. Въ легкомъ грунтѣ кротъ роетъ съ поразительной быстротой. Океанъ держалъ крота въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ въ ящикѣ съ пескомъ и могъ замѣтить, что животное роется въ песокъ почти съ такимъ-же проворствомъ, съ какимъ рыба плаваетъ въ водѣ; при этомъ морду онъ держитъ впередъ, передними лапами разгребаетъ песокъ, а задними подвигается. Еще быстрѣе шныряетъ кротъ по круговой галлерей, что засвидѣтельствовано многими прекрасными наблюденіями.

Вообще движенія крота быстрѣе, чѣмъ это можно предположить; не только по своимъ подземнымъ ходамъ, но также и на поверхности земли, гдѣ онъ совѣмъ ужъ не въ своей сферѣ, онъ бѣгаетъ относительно очень быстро, такъ-что человекъ едва можетъ его догнать. Подъ землей-же, по ходамъ, онъ передвигается со скоростью лошадиной рыси. Я уже упоминалъ, что въ водѣ онъ чувствуетъ себя какъ дома, и извѣстны примѣры, когда кротъ переплывалъ не только широкія рѣки, но даже и морскіе проливы. Такъ Брюсъ рассказываетъ, что около Эдинбурга, въ одинъ юньскій вечеръ нѣсколько кротовъ переплыли по морю разстояніе около двухсотъ метровъ, направляясь къ одному острову, гдѣ намѣревались поселиться. Нерѣдко имъ приходится переплывать широкія рѣки, и очевидцы рассказываютъ, что они очень быстро дѣйствуютъ лапами въ водѣ. Замѣчали иногда крота и въ большихъ прудахъ; онъ плаваетъ, держа мордочку кверху, безъ всякаго, повидимому, напряженія и съ быстротой водяной крысы. Такъ какъ онъ кромѣ того прокапывается подъ руслами довольно большихъ рѣкъ и ретиво продолжаетъ свою работу на другомъ берегу, то для распространенія его собственно не существуетъ препятствій, и рано или поздно онъ сумѣетъ отыскать себѣ всякое хорошенькое удобное мѣстечко. Такъ, на примѣръ, Чуди говоритъ, что часто недоумѣвали, какъ добирается кротъ до плоской возвышенности Урзергали, которая на нѣсколько часовъ пути окружена скалами, утесами, вѣнцомъ снѣговыхъ горъ и странно глубокими обрывами. «По нашему мнѣнію», замѣчаетъ тотъ-же изслѣдователь, «нельзя думать, чтобы какая-нибудь

отважная паракротовъ инстинктивно предприняла однажды какъ-нибудь такое длинное путешествіе изъ луговъ нижней долины Рейса и тамъ поселилась-бы на возвышенности. Переселеніе кротовъ продолжалось, можетъ быть, сотни лѣтъ, прежде чѣмъ была найдена эта «обѣтованная земля». Оно совершалось неправильно, медленно, съ перерывами, снизу вверхъ, черезъ лужайки, обильныя землею мѣста и скалистыя стѣны; это путешествіе не разъ нарушалось отступленіями, отклоненіями въ сторону; зимою-же затруднялось переходами черезъ покрытыя льдомъ и снѣгомъ скалы; и такимъ образомъ первая пара добралась, наконецъ, вѣроятно, черезъ боковыя горы до долины, въ рыхлой почвѣ которой могла довольно скоро расплодиться».

Главная пища крота состоитъ изъ дождевыхъ червей и личинокъ насѣкомыхъ, живущихъ подъ землею. Для своей охоты за дождевыми червями онъ и прокапываетъ длинные ходы, въ чемъ легко можно убѣдиться, если воткнуть палку въ взрыхленную землю и ею пошевеливать изъ стороны въ сторону. Черви знаютъ, что главнымъ разрушителемъ ихъ покоя бываетъ кротъ, и поэтому, какъ только они ощущаютъ движеніе въ землѣ, хотя-бы и палкою, тотчасъ-же поспѣшно выходятъ со всѣхъ сторонъ изъ земли, пытаются найти спасеніе на поверхности, такъ какъ думаютъ, что сотрясеніе это производится роющимъ кротомъ. Кромѣ этихъ червей и личинокъ кротъ ѣстъ еще также майскихъ и навозныхъ жуковъ, медвѣдокъ, а также и всѣхъ прочихъ насѣкомыхъ, которыхъ въ состояніи раздобыть, а также улитокъ и мокриць, которыя особенно, кажется, нравятся ему. Его необыкновенно тонкое обоняніе помогаетъ ему отыскивать насѣкомыхъ и онъ слѣдуетъ за ними то на большей, то на меньшей глубинѣ, смотря по тому, спускаются они сами или поднимаются. Онъ охотится однако не только въ своей норѣ, но приноситъ себѣ пищу также и съ поверхности земли, а иногда и изъ воды. Землеройка или полѣвка, лягушка, ящерица или мѣдианица и ужь, которые случайно забредутъ въ его жилище—дѣлаются его жертвами. «Я наблюдать на свободѣ», говоритъ Блазиусъ, «какъ кротъ, перехитривъ лягушку, тащить ее за заднія лапы къ себѣ въ нору, причѣмъ несчастная жертва громко и жалобно квакаетъ». Лениץ утверждаетъ, что кротъ такимъ-же образомъ поступаетъ и со змѣями.

Голодъ крота неутолимъ. Ему необходимо ежедневно такое количество пищи, которое равнялась-бы по вѣсу его собственному тѣлу, и онъ не выдерживаетъ безъ ѣды и полусутокъ. Флурансъ, желая узнать, что кроты ѣдятъ всего охотнѣе, посадилъ своихъ кротовъ въ ящикъ съ землею и положилъ имъ туда корешокъ хрѣна. На другой день онъ нашелъ корень въ цѣлости, но за-то отъ одного изъ кротовъ осталась только кожа, остальное-же, даже и кости, было съѣдено. Тогда онъ положилъ живого въ пустой ящикъ; животное выглядело очень безпокойнымъ и голоднымъ. Наблюдатель выпустилъ къ нему воробья съ выпципанными маховыми перьями. Кротъ тотчасъ-же приблизился къ птичкѣ, но, получивъ нѣсколько ударовъ клювомъ, отскочилъ раза 2—3, затѣмъ снова набросился на добычу, разорвалъ ей брюхо, расширилъ отверстіе лапами и съ яростію сожралъ въ одну минуту половину птицы. Тогда Флурансъ поставилъ въ темницу стаканъ воды. Когда кротъ это замѣтилъ, то немедленно подошелъ къ стакану, уперся въ него передними лапами и сталъ пить воду съ большою жадностію; затѣмъ снова принялся доѣдать воробья, послѣ чего наконецъ вполне насытился. Отъ него унесли мясо и воду; но онъ опять очень скоро проголодался, сталъ въ высшей степени безпокойнымъ, весь ослабъ, и рыльце его безпрестанно обнюхивало вокругъ. Едва выпустили къ нему новаго воробья, какъ онъ тотчасъ-же набросился на него, перегрызъ ему брюхо, сожралъ половину, опять жадно вапился, и, вапичкавши себя такимъ образомъ, совершенно успокоился. На другой день онъ съѣлъ все остальное, оставивъ лишь одну вывор-

ченную кожу, и все-таки был снова голоден. Онъ тотчасъ-же принялся ѣсть данную ему лягушку, но и той хватило ему лишь до половины дня. Тогда ему дали жабу; какъ только онъ до нея коснулся, тотчасъ-же принялъ недовольный видъ и отворотилъ морду съ видомъ непреодолимаго отвращенія; ѣсть ее онъ такъ и не сталъ. На другой день кротъ умеръ отъ голода, не дотронувшись ни до жабы, ни до положенныхъ ему въ ящикъ моркови, капусты и салата. Трое другихъ кротовъ, которыхъ Флурансъ кормилъ исключительно кореньями и листьями, также всѣ умерли голодною смертию. Тѣ-же, которые получали въ пищу живыхъ воробьевъ, лягушекъ, мясо или мокрицъ, прожили долго. Однажды наблюдатель посадилъ десять кротовъ въ одну комнату и оставилъ ихъ тамъ безъ всякой пищи. Спустя нѣсколько часовъ сильнѣйшій сталъ преслѣдовать слабѣйшаго; на другой день оказавшійся болѣе слабымъ былъ съѣденъ, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ не осталось всего двое, изъ которыхъ одинъ также съѣлъ-бы другаго, если-бы обоемъ не дали во время пищи.

Ленцъ взялъ однажды только-что пойманнаго безъ всякихъ поврежденій крота и пустилъ его въ ящикекъ, дно котораго было покрыто землею всего на 5 см., для того, чтобы онъ не могъ въ своихъ подземныхъ работахъ уходить слишкомъ глубоко и все время находился-бы на виду. По исходѣ всего лишь одного часа кротъ уже пожралъ множество дождевыхъ червей. Онъ бралъ ихъ, какъ поступалъ и со всякою другою пищею, въ переднія лапы и, забирая зубами постепенно въ ротъ, счищалъ въ это время лапами насѣвшую на нихъ грязь. Растительную пищу всѣхъ видовъ, равно какъ и хлѣбъ или булки, онъ всегда отвергалъ; за-то очень любилъ улитокъ, жуковъ, червей, гусеницъ, личинки бабочекъ и мясо птицъ и млекопитающихъ. На восьмой день Ленцъ положилъ своему плѣннику большую мѣдьяницу. Моментально онъ былъ подтѣвнъ, куснулъ ее разъ и тотчасъ-же скрылся подъ землею, такъ какъ она стала быстро двигаться. Вскорѣ кротъ снова появился, укусилъ еще разъ и опять исчезъ въ землѣ. Это продолжалось добрыхъ 6 минутъ; наконецъ онъ набрался храбрости, сильно схватилъ ее и сталъ грызть, но только съ большимъ трудомъ могъ прокусить ее толстую кожу. Когда ему наконецъ удалось это, онъ сдѣлался крайне отважнымъ, сталъ все глубже и глубже запускать въ нее свои зубы, старательно работая передними лапами, чтобы расширить отверстие, вытащилъ прежде всего печень и кишки и подконецъ не оставилъ ничего, кромѣ головы, спинныхъ позвонковъ, куска кожи и хвоста. Это происходило утромъ. Въ полдень онъ съѣлъ еще большую садовую улитку, раковина которой была разбита, а послѣ обѣда трехъ куколокъ бабочекъ. Около пяти часовъ онъ уже снова былъ голоденъ и получилъ на ужинъ кольчатаго ужа, длиною почти въ 80 см. Съ этимъ онъ поступилъ совершенно такъ-же, какъ съ мѣдьяницей, а такъ какъ тотъ не могъ уйти изъ ящика, то добрался до него довольно скоро и такъ старательно принялся ѣсть, что отъ ужа ничего не осталось, кромѣ головы, кожи, скелета и хвоста. Противъ гадюки, которая его непременно умертвила-бы, не испытывали его мужества, такъ какъ онъ еще раньше, благодаря одной случайности, лишился жизни. Но Ленцъ предполагаетъ, что подъ землею, гдѣ кротъ бываетъ положительно смѣлое, чѣмъ въ неволѣ и въ присутствіи людей, онъ отважился-бы напасть и на гадюку, если-бы та заползла на зимовку въ одинъ изъ его ходовъ, и здѣсь была-бы застигнута имъ въ оцѣнѣннѣломъ состояніи.

Въ остротѣ чувствъ крота очень легко можно убѣдиться на плѣнныхъ животныхъ. Я посадилъ одного крота въ ящикекъ, который былъ покрытъ слоемъ земли почти въ 16 см. толщины. Онъ тотчасъ-же ушелъ въ глубину. Тогда я притопталъ землю и положилъ въ углы кусочки мелко наръзанаго сырого мяса; черезъ нѣсколько-же

минуть земля въ этомъ мѣстѣ приподнялась, въ нее просунулась тонкая, въ вышней степени подвижная мордочка, и мясо было съѣдено. Обоняніе даетъ кроту возможность находить пищу, не видя и не дотрагиваясь до нея, и успѣшно руководить имъ въ его путешествіяхъ по крайне запутаннымъ подземнымъ ходамъ. Всѣ кротоловы знаютъ, какъ дѣятеленъ у нихъ этотъ органъ, и поэтому, когда ставятъ ловушки, берутъ въ руки убитаго крота и натираютъ имъ куски дерна и самые капканы. Остроконечный, крайне подвижной носъ служитъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и органомъ осязанія. Это особенно видно тогда, когда кротъ случайно выходитъ на поверхность земли и здѣсь хочетъ найти мѣсто, которое ему кажется благопріятнымъ для быстраго рытья. Онъ торопливо пныряетъ тамъ и сямъ и изслѣдуетъ почву, прежде чѣмъ употребитъ въ дѣло свои могучія копательныя орудія. Даже во время самаго копанья его носъ постоянно вперед. Слухъ у крота превосходный. Вѣроятно онъ служитъ ему главнымъ образомъ для предупрежденія объ опасности, такъ какъ кротъ вѣрно различаетъ не только самое тихое сотрясеніе земли, но также и каждый, кажущійся ему подозрительнымъ, шумъ и сбѣжитъ тогда какъ можно скорѣе убраться. Что вкусъ стоитъ позади этихъ двухъ чувствъ, можно видѣть изъ разнообразія его пищи и изъ прожорливости, съ которой онъ ѣсть. Онъ не даетъ себѣ ни малѣйшаго труда попробовать сначала на вкусъ ту или другую добычу, а сразу принимается ѣсть, доказывая этимъ, что для него все одинаково съѣдобно. Однако все-же нельзя еще отрицать у крота вкуса, хотя развитіе его и стоитъ на очень низкой ступени. Что-же касается зрѣнія, то напомнимъ здѣсь только поэтическія слова Рюккерта, приведенныя въ I-омъ томѣ, въ вступленіи. Впрочемъ извѣстно, что кротъ руководится этимъ чувствомъ, когда ему приходится переплывать рѣки, елишкомъ широкія для подземныхъ работъ. Какъ только ему представляется необходимость плыть, онъ моментально расправляетъ волосы, окружающіе его глаза, и обнаруживаетъ маленькія блестящія черныя бисеринки, которыя онъ вынмливаетъ во всю ширину, чтобы лучше видѣть.

Уже изъ сказаннаго видно, что кротъ по отношенію къ своей величинѣ — дѣйствительно страшный хищникъ. Этому соответствуютъ также и его душевныя способности: онъ жестокъ, необыкновенно свирѣбъ, кровожаденъ, золъ и мстителенъ и не живетъ въ мирѣ собственно ни съ однимъ существомъ, кромѣ своей самки, да и съ той только во время спариванія и пока дѣтеныши малы. Въ остальное время онъ не выноситъ вблизи себя ни одного живого существа и менѣе всего — сожителя по норѣ, даже одной съ собою породы. Въ случаѣ, если сильнѣйшіе враги, какъ ласка или гадюка, заберутся въ его подземныя галереи съ намѣреніемъ поохотиться на него, то онъ неизбѣжно долженъ сдаться, если натолкнется на этихъ непрошенныхъ гостей; но съ равными себѣ по силѣ или со слабѣйшими животными онъ сражается не на животь, а на смерть. Никогда еще ни одинъ кротъ не уживался въ дружбѣ съ себѣ подобнымъ, все равно будь этотъ другой одного съ нимъ пола или нѣтъ. Два крота, встрѣтившись во всякое другое, кромѣ спариванія, время, тутъ-же сразу начинаютъ взаимную борьбу, которая въ большинствѣ случаевъ ведетъ къ смерти одного изъ нихъ, а иногда даже и обоихъ. Весьма повѣстно, что ревностиѣе и свирѣбѣе дерутся между собою кроты одинаковаго пола, и исходъ такой драки рѣшительный: слабѣйшій бываетъ тотчасъ-же съѣденъ. Изъ всего этого ясно, что каждый кротъ живетъ въ своемъ жилищѣ исключительно одинъ и самъ для себя, распорядается полновластнымъ хозяиномъ, наслаждаясь или копаніемъ и фдой, или сномъ и отдыхомъ.

Иная жизнь начинается въ пору любви. Въ это время влюбленные самцы и самки часто оставляютъ по ночамъ свои норы и рыскаютъ по землѣ, отыскивая

чертоги другихъ кротовъ, чтобы собраться къ нимъ въ гости. Доказано, что гораздо больше самцовъ, чѣмъ самокъ, и потому чаще случается встрѣтиться двумъ самцамъ, ищущимъ любви, чѣмъ самцу съ самкой. Какъ только соперники сойдутся, начинается жестокая борьба. Наконецъ, можетъ быть послѣ не малыхъ дракъ и споровъ, самецъ находитъ самку и тогда всѣ свои старанія направляетъ на то, чтобы силою или добровольно склонить ее къ любви. Такимъ образомъ онъ вмѣстѣ со своей милой направляется въ свое или въ ея жилище и пролагаетъ здѣсь новые ходы, которые напоминаютъ обыкновенные охотничьи, хотя и предназначаются къ совершенно другой цѣли, именно для того, чтобы спрятать здѣсь самку и спасти ее отъ посягательствъ другихъ ея искателей. Устроивъ свою дражанную половину въ подобнаго рода безопасномъ убѣжищѣ, кротъ возвращается къ сопернику, если таковой имѣется. Оба расширяютъ проходъ, въ которомъ встрѣтились, для мѣста сраженія и затѣмъ начинаютъ драться на жизнь и на смерть. Тѣмъ временемъ заключенная самка старается освободиться и, прорывая новые ходы, уходитъ все далѣе и далѣе; побѣдитель гонится за нею и скоро возвращаетъ ее на мѣсто назначенія; здѣсь тоже не обходится безъ борьбы; однако оба угрюмыхъ отшельника мало-помалу привыкаютъ другъ къ другу. Тутъ они сообща начинаютъ работать надъ устройствомъ проходовъ, какъ для обезпеченія себѣ безопасности, такъ и для добыванія пищи, и самка устраиваетъ для своихъ будущихъ дѣтенышей гнѣздо обыкновенно тамъ, гдѣ скрещиваются 3 или болѣе ходовъ, чтобы, въ случаѣ опасности, было возможно больше выходовъ для бѣгства. Гнѣздо представляетъ собою простой чуланчикъ, мягко выстланный иѣжками, въ большинствѣ случаевъ пережеванными, частями растеній, какъ-то: листьями, травой, мхомъ, соломой, навозомъ и другимъ подобнымъ матерьяломъ; оно отстоитъ обыкновенно на довольно большое разстоянiе отъ прежней норы крота и сообщается съ нею круговою галлереею. Послѣ почти четырехнедельной беременности самка рождаетъ въ этомъ гнѣздѣ 3—5 слѣпыхъ дѣтенышей, которыхъ можно считать самыми безпомощными изъ всѣхъ млекопитающихъ. Они вначалѣ голы и слѣпы и величиною почти съ бобъ, но уже въ раннемъ дѣтствѣ обнаруживаютъ такую-же ненасытность, какъ и ихъ родители, и поэтому вырастаютъ очень скоро.

Мать прикладываетъ большое усердiе къ воспитанiю своихъ дѣтенышей и не боится никакой опасности, когда дѣло идетъ объ ихъ спасенiи. Если ее случайно выкопаютъ вмѣстѣ съ дѣтенышами изъ земли, во время, напримѣръ, вспахиванiя, то она тащитъ ихъ въ ближайшую нору или въ кучу мха, навоза и листьевъ и прячетъ ихъ тамъ съ возможною быстротою. Самецъ, впрочемъ, тоже проявляетъ по отношенiю малышей свое участiе. Онъ приноситъ имъ дождевыхъ червей и другихъ насекомыхъ, а во время наводненiя добросовѣстно раздѣляетъ бѣду вмѣстѣ съ самкою и спѣшитъ перенести во рту дѣтенышей въ болѣе безопасное мѣсто. По прошествiи около 5 недѣль кротята достигаютъ почти половины настоящаго роста, но все еще лежатъ въ гнѣздѣ и ожидаютъ, пока мать или отецъ принесутъ имъ кормъ, на который они съ жадностью набрасываются. Если отнять у нихъ мать, то, мучимые голодомъ, они сами отваживаются пробраться въ круговую галлереею, вѣроятно съ намѣренiемъ разыскать тамъ мать; не встрѣтивъ никакого препятствiя, они выходятъ даже совѣмъ изъ гнѣзда и выбраются на поверхность земли, гдѣ играютъ и возятся другъ съ другомъ. Ихъ первыя попытки рытья бывають очень неудачны: они безъ толку разгребаютъ землю, не умѣютъ ее отбрасывать и потому только чуть-чуть уходятъ въ глубину, еле прикрытые тонкимъ слоемъ земли; лишь немногие изъ нихъ сразу начинаютъ пробовать вскапывать кучи; этому искусству они выучиваются съ возрастомъ и къ слѣдующей веснѣ

обыкновенно уже достаточно осваиваются съ нимъ. Несмотря на то, что во все лѣто, т. е. съ апрѣля и до августа, можно встрѣтить маленькихъ кротятъ, изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что самка мечетъ два раза въ году; объяснить-же это съ полнымъ основаніемъ можно тѣмъ, что спариваніе, а слѣдовательно и рожденіе дѣтенышей, происходитъ въ различное время.

Кротъ не подверженъ зимней спячкѣ, какъ многія другія насѣкомоядныя, но и лѣтомъ, и зимою находится въ постоянной дѣятельности; онъ гоняется почти безпрерывно за дождевыми червями и насѣкомыми, слѣдуя за ними то въ глубину, то на поверхность земли. Нерѣдко можно видѣть, какъ кротъ выбрасываетъ кучи изъ подъ свѣже-напавшаго снѣга или въ замерзшей землѣ и совершаетъ большіе переходы подъ рыхлымъ снѣгомъ непосредственно сквозь мерзлую почву. Нѣкоторые кротовыя рассказываютъ, что эти звѣрки устраиваютъ себѣ на зиму хозяйственные запасы изъ большого количества дождевыхъ червей, которыхъ они предварительно настолько искалѣчиваютъ, что тѣ не въ состояніи убѣжать, оставаясь все-таки живыми; говорятъ также, что въ суровыя зимы эти кладовыя набиты полѣе, чѣмъ въ теплыя. Впрочемъ, Ф. Даль совѣтуетъ провѣрить эти сообщенія новыми наблюденіями; онъ пишетъ: «Вскорѣ по наступленіи оттепели, когда земля подъ большими кучами была еще замерзши, въ гнѣздѣ крота и прилежавшихъ къ нему ходахъ, отстоявшихъ почти на 1,5 метровъ отъ главной котловины, были найдены значительные запасы червяковъ; они были притиснуты къ плотнымъ стѣнкамъ въ видѣ маленькихъ кучекъ въ десять червей; большая часть изъ нихъ были раздавлены, нѣкоторые даже изувѣчены, но когда ихъ отогрѣли, то они снова ожили и никакихъ пораненій нельзя было замѣтить на нихъ. Я собралъ такой отрытый въ одномъ гнѣздѣ запасъ, сосчиталъ все, что было въ наличности, и свѣсилъ; въ общемъ оказалось: 1280 штукъ дождевыхъ червей, вѣсившихъ вмѣстѣ 2,13 килогр., и 18 личинокъ майскихъ жуковъ. Возникаетъ вопросъ: какая можетъ быть цѣль и основаніе подобнаго скопленія пищи? Если назвать это запасами на зиму, то чѣмъ объяснить, что въ суровыя зимы или вѣрнѣе, по минованіи большихъ морозовъ, въ гнѣздѣ можно найти еще такое громадное количество червей? Съ другой стороны можно предположить, что кротъ и въ продолженіи зимы столь-же успѣшно находитъ себѣ пищу, какъ и лѣтомъ, тѣмъ болѣе, что если остановиться на томъ мнѣніи, что онъ преслѣдуетъ червей въ глубинѣ, то охота его должна быть успѣшнѣе зимою, такъ какъ ему гораздо легче схватить добычу во время ея зимняго оцѣпенѣнія. По моему взгляду мы будемъ всего ближе къ истинѣ, если остановимся на томъ мнѣніи, что это просто скопленіе за зиму-же собранныхъ запасовъ: кротъ могъ наловить за это время такую массу червей, что не въ состояніи былъ съѣсть ее; подобно многимъ другимъ животнымъ, онъ набираетъ излишнее не только для того, чтобы сдѣлать сбереженіе про черный день, но чаще слѣдуя, просто, своему инстинктивному стремленію къ охотѣ».

Могутъ спросить, какимъ образомъ дѣлались наблюденія надъ животнымъ, ведущимъ такой замкнутый образъ жизни. На это я отвѣчу, что большей части свѣдѣній мы обязаны прежнимъ опытнымъ кротоводамъ, которые познакомили насъ съ тѣми или другими свойствами животнаго и были прямо-таки нашими первыми учителями. Кромѣ того, многое узнали изъ наблюденій надъ плѣнными кротами, и каждое свѣдѣніе хранилось, какъ научный фактъ; такимъ образомъ и получилась довольно ясная картина жизни крота. Я приведу здѣсь одинъ примѣръ, чтобы показать приемы, употреблявшіеся въ дѣлѣ наблюденій надъ кротами. Декуръ хотѣлъ изслѣдовать скорость движеній крота по его подземнымъ ходамъ и примѣнилъ при этомъ весьма вѣрный и вмѣстѣ съ тѣмъ забавный способъ: онъ воткнулъ въ

главной круговой галереи пѣлый рядъ соломинокъ такимъ образомъ, чтобы бѣгущій кротъ могъ задѣть ихъ и привести въ сотрясеніе; на верхушкахъ этихъ соломинокъ онъ укрѣпилъ маленькіе бумажные значки и затѣмъ звукомъ рожка вспугнуть занимающагося въ своемъ охотничьемъ участкѣ крота, который и бросился въ галерею. Какъ только кротъ дотрогивался до значковъ, они тотчасъ-же поочередно отпадали, и съ помощью этого наблюдатель могъ вѣрно изслѣдовать скорость бѣга крота на извѣстномъ разстояніи. Съ устройствомъ жилища можно ознакомиться очень легко, такъ какъ для этого его просто выкапываютъ; способъ рытвы наблюдался на пѣвннхъ кротахъ; расширенныя площадки для боя и единоборства между двумя влюбленными кротами открыты тоже весьма просто: услыхавъ подъ землею воинственный шумъ, быстро раскапывали это мѣсто и находили животныхъ; въ такомъ родѣ продолжались и дальнѣйшія разслѣдованія.

Нельзя отрицать, что кротъ приноситъ большую пользу, уничтожая дождевыхъ червей, медвѣдокъ, сверчковъ, личинокъ майскаго жука и другихъ вредныхъ насекомыхъ, и поэтому онъ останется всегда однимъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ млекопитающихъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ легко можно уничтожить нарыттыя имъ кучи. Но, конечно, кротъ не долженъ быть терпимъ въ садахъ, такъ какъ здѣсь онъ можетъ принести существенный вредъ, раскапывая землю, изъ которой дорогия растенія получаютъ себѣ питаніе, или взрывая вмѣстѣ съ землею и корни самихъ растеній. Не мало вредитъ онъ также тѣмъ искусственнымъ насыпямъ, которыя устраиваются для защиты противъ наводненій; высоко поднявшаяся вода, имѣя стокъ по кротовымъ ходамъ, можетъ размыть землю и образовать трещину въ насыпи. На лугахъ, въ листовныхъ лѣсахъ, въ хлѣбныхъ поляхъ и на огородахъ кротъ является желаннымъ гостемъ, которому слѣдуетъ оказывать возможное покровительство; въ другихъ-же мѣстахъ отъ него пронстекаетъ масса неприятностей и вреда. Извѣстно много средствъ для вывода кротовъ, но во всякомъ случаѣ лучше всего поручить это дѣло старому, опытному кротолову, котораго, какъ извѣстно, можно найти въ каждой деревнѣ; такіе люди гораздо лучше знаютъ это искусство по продолжительному опыту, нежели можно ему выучиться изъ описаній. Тѣмъ не менѣе я приведу здѣсь одно средство, такъ какъ оно мало еще кому извѣстно и весьма дѣйствительно. Если хотятъ защитить садъ или какое-нибудь другое охраняемое мѣсто отъ нашествія кротовъ, то нужно только закопать въ землю вокругъ всего мѣста, сантиметровъ на 60 въ глубину, разныхъ острыхъ осколковъ, какъ то: толченыхъ черепковъ, стеколь и другихъ колючихъ предметовъ. Такая преграда удержитъ всякаго крота, такъ какъ, начиная рыть землю, онъ наткнется на осколки, ранитъ себѣ ими морду и очень скоро отъ этого погибаетъ.

Кромѣ человека кротъ имѣетъ еще много другихъ враговъ. Хорьки, горностаи, совы, соколы, сарычи, вороны и аисты подстерегаютъ его у взрытыхъ кучъ, а маленькая ласка преслѣдуетъ его даже въ его ходахъ, гдѣ онъ, какъ уже сказано выше, также нерѣдко падастъ жертвой гадюки. Пинчеры считаютъ за особенное удовольствіе подстеречь роющагося крота, затѣмъ неожиданнымъ ударомъ выбросить его на поверхность и здѣсь загрызть. Только лисцы, кунцы, ежи и вышепоименованныя птицы ѣдятъ кротовъ, другіе-же враги лишь умерщвляютъ ихъ и бросаютъ.

Въ Германіи изъ убитаго крота не дѣлаютъ почти никакого употребленія. Его шкура идетъ только на подбивку трубокъ для дутыя или на выдѣлку кошелевковъ; у насъ въ Россіи изъ нея выдѣлываютъ маленькіе мѣшочки, которые продаются повсюду, даже въ Китаѣ.

Кротъ тоже не разъ служилъ предметомъ разныхъ баснословныхъ разсказовъ.

Древніе считали его нѣмымъ и слѣпымъ и приписывали его жиру, крови, внутренностямъ, даже шкурѣ чудесную цѣлебную силу. Еще и по настоящее время во многихъ мѣстностяхъ держится суевѣрное мнѣніе, что можно вылѣчиться отъ перемежающейся лихорадки, если дать кроту умереть на своей ладони, и что вообще послѣ этого рука приобретаетъ чудесное свойство помогать во всѣхъ болѣзняхъ, для чего достаточно только возложить эту руку на большое мѣсто.

* * *

Третье семейство составляютъ **Тупайи** (Tupaiaidae, Spitzhörnchen). Немногіе извѣстные роды этого семейства, хотя и насчитываютъ нѣсколько видовъ, но всѣ они очень схожи, какъ по своей внѣшности, такъ и по образу жизни. Нѣмецкое названіе этихъ животныхъ вѣрно опредѣляетъ, что они напоминаютъ собою

Туаи. *Tupaia tupa*, $\frac{1}{3}$ наст. вел.

бѣлку, хотя это сходство оказывается лишь поверхностнымъ. Голова ихъ заостряется въ длинную морду съ тупымъ, обыкновенно голымъ концомъ; туловище вытянутое; хвостъ длинный, иногда даже чрезмерно великъ, пушистый и перистый, т. е. съ раздѣленными на двѣ стороны волосами; мѣхъ густой и мягкій. Зубная система состоитъ изъ 38—44 зубовъ, между которыми останавливаютъ вниманіе клыки, такъ какъ они короче рѣзцовъ. Черепъ длинный, скуловые дуги въ серединѣ продырявлены; берцовыя кости отдѣлены. Въ позвоночномъ столбѣ насчитываютъ кромѣ шейныхъ позвонковъ, 13 поддерживающихъ ребра, 6—7 не имѣющихъ реберъ, 2—3 крестцовыхъ и 25—26 хвостовыхъ. Глаза большіе, уши продолговато-закругленныя, конечности съ пятью пальцами, ноги съ голыми ступнями; всѣ пальцы раздѣлены и вооружены короткими серповидными когтями. Самка имѣетъ на животѣ 4 сосца.

Тупайи живутъ въ Индо-Китаѣ и въ Индѣйскомъ Архипелагѣ. Онѣ вполне дневныя животныя, такъ какъ производятъ свои грабежи при дневномъ свѣтѣ. По-

кровь ихъ тѣла, равно какъ и движенія ихъ, напоминаютъ векшъ, такъ что туземцы не раздѣляютъ даже тѣхъ и другихъ по названію.

* *
* *
* *

Нашъ рисунокъ знакомитъ насъ съ однимъ изъ самыхъ крупныхъ видовъ этого семейства, съ **Таной** (*Tupaia tana*, *Sorex glis*, *Tupaia* и *Hylogalea ferruginea*, *Cladobates tana*). Всѣ виды этого рода отличаются пушистымъ, перистымъ хвостомъ, большими выпуклыми глазами, умѣренно-большими закругленными ушами, зубной системой, состоящей изъ 38 зубовъ, и тонкою кольцообразною костью, замыкающею сзади глазныя впадины. Тана отличается отъ прочихъ, кромѣ своей величины, еще длиннымъ хвостомъ и окраскою мѣха; она имѣетъ темно-бурый, переходящій въ черный мѣхъ съ рыжеватымъ оттѣнкомъ на нижней сторонѣ, а на головѣ и на хвостѣ смѣшанный съ сѣрымъ. Горло красновато-сѣрое: по затылку проходитъ сѣрая поперечная полоска, а по спинѣ темно-бурая продольная полоса. Отдѣльные волосы на спинѣ имѣютъ сѣрые и темно-бурые кольца. Впрочемъ эта окраска сильно мѣняется, разнообразясь, какъ кажется, соответственно условіямъ мѣсто-жительства, до свѣтло-бурого и ржаво-бурого оттѣнковъ, что и привело къ установленію многихъ разновидностей. По величинѣ тана ближе всего подходитъ къ нашей бѣлкѣ; длина ея туловища достигаетъ почти 20 см., хвостъ такой-же длины.

Если не принимать во вниманіе всѣ эти разновидности, то область распространенія нашего животнаго слѣдуетъ считать очень большою. Она охватываетъ приблизительно Борнео, Яву и Суматру, по Блэнфорду также Малайскій полуостровъ вмѣстѣ съ Бирмою до Ассамы, по Иордану даже еще южные склоны Гиммалаевъ до Пепала, именно на высотѣ отъ 1000 — 2000 м. Столичка пріобрѣлъ одинъ экземпляръ таны даже на островѣ Пренарисъ, сѣвернѣе Андаманскихъ острововъ. Объ образѣ жизни таны мы знаемъ немного. Она водится въ сплошныхъ лѣсахъ такъ-же, какъ и въ бамбуковыхъ рощахъ и въ кустарникахъ; въ Бирмѣ-же Мазонъ и Макъ-Мастеръ встрѣчали ее даже въ домахъ. Блэнфордъ говоритъ, что таны легко приручаются и совершенно довѣрчиво относятся къ людямъ, такъ какъ иногда добровольно заходятъ въ жилища и тамъ водворяются. Онъ сообщаетъ дальше, ссылаясь на Кантора, что таны ѣдятъ свою пищу почти такъ-же, какъ наши бѣлки, и послѣ ѣды, подобно послѣднимъ, чистятся, что онѣ любятъ также воду, какъ для питья, такъ и для купанья; затѣмъ упоминаетъ о томъ, что онѣ питаются склонностью къ дракамъ и преслѣдуютъ всѣхъ себѣ подобныхъ, имѣющихъ дерзость проникнуть въ ихъ личныя владѣнія.

Тана—проворное, бойкое животное и только немногимъ уступаетъ въ быстротѣ бѣлкѣ; она отлично умѣетъ пользоваться своими длинными загнутыми когтями и лазаетъ чуть не съ ловкостью обезьянъ. Ея пища состоитъ изъ насѣкомыхъ и плодовъ, которые она собираетъ какъ на деревьяхъ, такъ и на землѣ. Одинъ родственникъ танѣ видъ былъ прирученъ и приученъ къ молоку и хлѣбу, но его рѣдко видѣли въ спокойномъ состояніи: онъ вѣчно грызлся на всякаго, кто къ нему подходилъ. Большую часть пищи онъ добывалъ себѣ самъ и, такъ какъ ему была предоставлена полная свобода бѣгать по всему помѣщенію, то скоро домъ очистился отъ всякихъ насѣкомыхъ. Несмотря на этотъ опытъ, до сихъ поръ не удавалось еще перевезти въ Европу живую тупайю.

Болѣе подробности, хотя тоже еще не совсемъ достаточныя свѣдѣнія мы имѣемъ

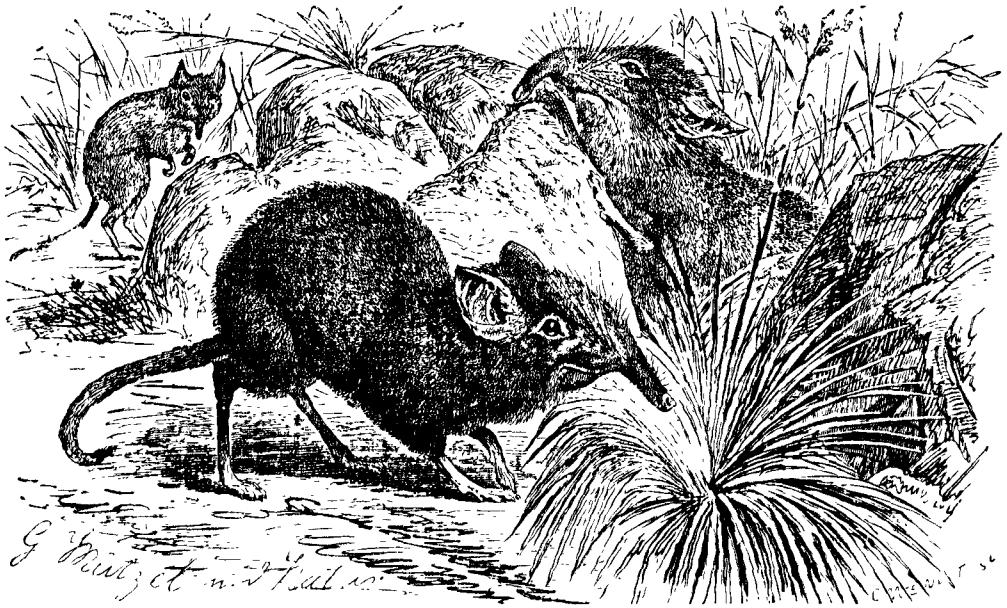
о **Прыгунчиках** (Macroscelididae. Rüsselspringer. Macroscelides), которые представляют одно из замѣчательнѣйшихъ семействъ всего отряда. Тушканчики имѣютъ сходство съ тушканчиками по одинаковому съ ними хвосту, а у прыгунчиковъ это сходство выражается въ длинныхъ, тонкихъ и почти безволосыхъ заднихъ ногахъ; кромѣ того у нихъ носъ длиннѣе, чѣмъ у всѣхъ прочихъ насѣкомоядныхъ, и формою своею онъ похожъ на хоботъ, сообразно чему и дано нѣмецкое названіе (Rüsselspringer), тогда какъ латинское названіе рода означаетъ «длинноножка». Хоботъ въ серединѣ только слегка покрытъ волосами, у корня-же имѣетъ довольно густой рядъ волосъ, а на концѣ онъ совершенно голъ. Голова отличается еще кромѣ того большими глазами, значительной величины торчащими ушами, снабженными внутренними мочками, и длинными усами. Довольно короткое тѣло покоится на очень неравныхъ ногахъ; заднія необыкновенно длинны и построены совершенно такъ-же, какъ у тушканчиковъ, переднія нѣсколько короче, но все-же длиннѣе, чѣмъ у послѣднихъ; 3 среднихъ пальца переднихъ лапъ одинаковой длины; большой палецъ сидитъ выше другихъ; заднія лапы имѣютъ 5, въ рѣдкихъ случаяхъ 4 короткихъ, тонкихъ пальца съ короткими, слабыми и очень загнутыми когтями. Удлиненіе заднихъ ногъ обусловливается преимущественно значительною длиною берцовыхъ костей и плюсны, каковую нельзя встрѣтить ни у одного изъ насѣкомоядныхъ одинаковой съ ними величины. Тонкій, коротко опушенный хвостъ въ большинствѣ случаевъ немного короче туловища. Роскошный мѣхъ очень густъ и мягокъ. Зубная система состоитъ изъ 40 зубовъ, но это число можетъ уменьшаться, такъ какъ у нѣкоторыхъ видовъ и родовъ въ старости верхніе рѣзцы выпадаютъ; обыкновенно расположеніе зубовъ таково: по 3 рѣзца, по 1 клыку и по 6 коренныхъ зубовъ съ каждой стороны челюстей. Черепъ отличается длиною, тонкою, острою, выдающеюся мордою, хорошо развитыми скуловыми дугами и многочисленными отверстиями въ небныхъ костяхъ. Позвоночный столбъ состоитъ, кромѣ шейныхъ позвонковъ, изъ 12—13 поддерживающихъ ребра, 7 не имѣющихъ реберъ, 2—3 крестцовыхъ и 25—28 хвостовыхъ. Берцовыя кости сросшіяся. Изъ мягкихъ частей заслуживаютъ упоминанія длинныя кишки со слѣпымъ отросткомъ и подхвостная железа.

* * *

Слоно-землеройка или **обыкновенный прыгунчикъ** (Macroscelides typicus, Rhinomys jaculus. Elefantenspitzmaus, Macroscelide type) является представителемъ обильнаго видами рода, характеризующагося полною зубною системою и пятипалыми ногами: она имѣетъ въ длину 25 см., изъ которыхъ на хвостъ идетъ 11,5 см., а на хоботъ почти 2 см.; окраска шерсти на спинѣ то свѣтлѣе, то темнѣе, то красновато-бурая, то мышинно-сѣрая; на животѣ и на лапахъ болѣе или менѣе чисто — бѣлая; черезъ ржаво-бурыи съ красновато-чернымъ концомъ хоботъ, а именно отъ корня его ко лбу, идетъ рыже-бурая полоса; уши внутри бѣлыя.

Наша слоно-землеройка по образу жизни вполне напоминаетъ остальныхъ прыгунчиковъ, которыхъ до сихъ поръ насчитываютъ до 10 видовъ; всѣ они безъ исключенія живутъ въ Африкѣ, особенно въ южной и восточной ея частяхъ т. е. въ наиболѣе раскаленныхъ солнцемъ и бесплодныхъ странахъ. Они предпочитаютъ скалистыя горы, находя здѣсь убѣжище въ глубокихъ, недоступныхъ норахъ подъ камнями, въ расщелинахъ скалъ и въ логовищахъ другихъ животныхъ, гдѣ они и прячутся при всякой кажущейся опасности, которую готовы видѣть въ малѣйшей бездѣлицѣ. Это вполне дневныя, даже вѣрнѣе солнечныя животныя, чувствующія себя лучше всего въ полуденный жаръ, когда съ наибольшимъ усердіемъ предаются своей охотѣ. Пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ насѣкомыхъ, которыхъ они

искусно ловить, или вытаскивают из трещин и разеблинъ въ камняхъ. Если хорошо спрятаться, то можно наблюдать ихъ суетливую работу; но малѣйшее движеніе пугаетъ ихъ и заставляетъ моментально скрываться въ норахъ, откуда они долго послѣ того не рѣшаются вновь показаться. Наконецъ одинъ звѣрекъ выходитъ за другимъ и начинаютъ проворно прыгать кругомъ въ томъ самомъ положеніи, которое передано на нашемъ рисункѣ; они то приглядываются, то прислушиваются, гоняются другъ за другомъ или за пролетающими мимо насѣкомыми. то роются и нюхаютъ между камнями, засовывая свой тонкій, хоботообразный носъ въ каждый уголокъ, въ каждую щель и разеблину. Звѣрекъ любитъ присаживаться на раскаленный камень, гдѣ съ восторгомъ предается солнечнымъ лучамъ; нерѣдко двое поднимаютъ между собою веселую возню; можетъ быть, что это нѣжная парочка, живущая вмѣстѣ. О размноженіи этихъ животныхъ еще до сихъ

Слоно-землеройка. *Macroscelides typicus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

поръ ничего неизвѣстно, равно какъ не сдѣлано никакихъ наблюденій надъ живущими въ неволѣ.

* * *

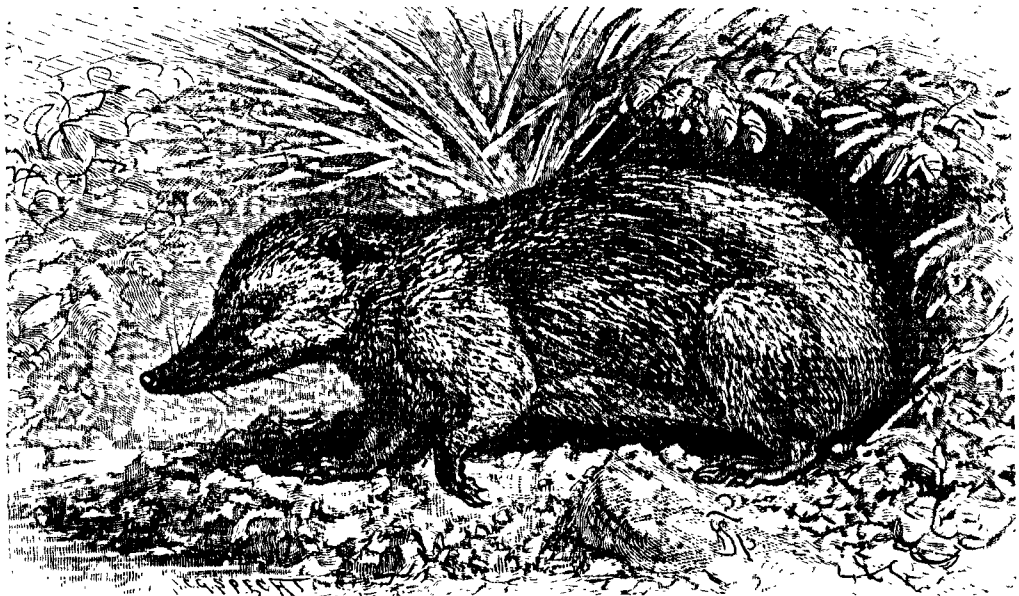
Щетинистыми ежами (Centetidae) называютъ насѣкомоядныхъ животныхъ, живущихъ на Мадагаскарѣ и очень похожихъ на ежа; они принадлежатъ къ пятому семейству. нашего отряда. По своему внѣшнему виду щетинистые ежи имѣютъ другъ съ другомъ такъ-же мало общаго, какъ и по количеству зубовъ въ зубной системѣ. Сложеніе ихъ туловища вытянутое, головая длинная, хоботъ особенно удлиненъ; у нихъ маленькіе глаза и средней величины уши; хвоста иногда вовсе нѣтъ, а иногда бываетъ очень длинный и голый; ноги короткія, пятипалыя, вооруженныя сильными когтями; покровъ тѣла состоитъ частью изъ колючей щетины, частью изъ жесткихъ волосъ. Черепу недостаетъ глазныхъ дугъ; берцовыя кости раздѣлены; позвоночный столбъ состоитъ изъ 7 шейныхъ, 14—15 поддерживающихъ ребра, 4—7 не имѣющихъ реберъ, 3—5 крестцовыхъ и 9—23 хвостовыхъ позвонковъ. Простая кишка не имѣетъ слѣпой.

Объ образѣ жизни щетинистыхъ ежей можно сказать весьма немногое, и то въ общихъ словахъ, такъ какъ свѣдѣнiя имѣются только о немногихъ видахъ.

* * *

Щетинистые ежи или Танрековые (Centetes) отличаются отсутствiемъ наружнаго хвоста и отъ всѣхъ другихъ насѣкомоядныхъ необыкновенно большими, сравнительно съ другими зубами, нижними клыками, которые прячутся во впадины верхней челюсти. Зубная система, какъ и у слѣдующаго рода, состоитъ изъ 40 зубовъ; въ наличности-же существуютъ 3 рѣзца и только 6 коренныхъ зубовъ.

У **Танрена (Centetes ecaudatus, Erinaceus ecaudatus, C. setotus, armatus и variegatus)**, самаго извѣстнаго вида этого рода, особенно замѣчательна голова съ остроконечною мордой; кругловатая уши коротки и сзади съ выемкой, глаза малы; шея короткая и тоньше туловища, такъ что нѣсколько отдѣляется отъ него; ноги средней вы-

Танректъ. *Centetes ecaudatus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

соты, только заднiя немного длиннѣе переднихъ; лапы съ пятью пальцами, когти средней величины. Все тѣло довольно густо покрыто иглами, щетиной и волосами, которые нѣкоторымъ образомъ переходятъ одни въ другiе, или по крайней мѣрѣ ясно показываютъ, что иглы—тѣ-же видоизмѣненные волосы. Только на задней части головы, на затылкѣ и по сторонамъ шеи находятся настоящиe, хотя и не очень жесткiя, скорѣе гибкiя иглы, приблизительно въ 1 см. длины. Дальше на бокахъ иглы становятся длиннѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тоньше, мягче и болѣе гибки; на спинѣ преобладаетъ щетина; ею-же покрыта совершенно и задняя часть животнаго. Вся нижняя часть тѣла и ноги поросши волосами, а на голой, остроконечной мордѣ торчатъ длинныя усы. Конецъ морды и уши—голыя, лапы покрыты весьма короткими волосами. Иглы, щетины и волосы имѣютъ свѣтло-желтую окраску, которая бываетъ то свѣтлѣе, то темнѣе; въ серединѣ волосъ всегда замѣчаются черно-бурыя кольца, которыхъ на спинѣ больше, чѣмъ на бокахъ. Морда бурая, ноги рыжiя, усы темно-бурыя. У молодыхъ животныхъ по бурому фону шерсти расходятся

желтыя продольныя полосы, которыя съ возрастомъ исчезаютъ. Длина взрослого животнаго достигаетъ приблизительно 27 см.

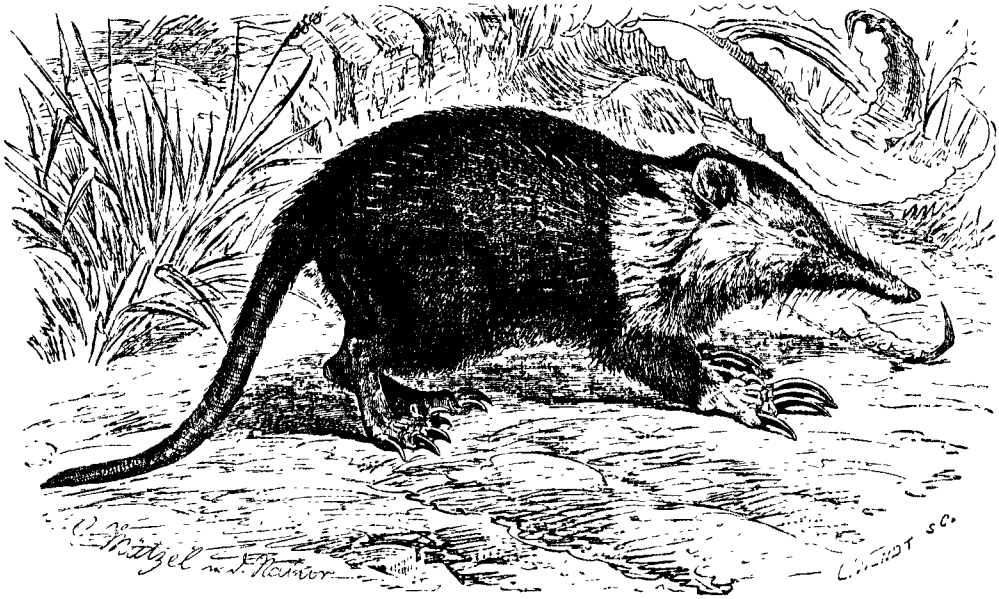
Танрекъ первоначально водился только на Мадагаскарѣ, но теперь его можно найти и на островахъ св. Маврикія, Маіоттѣ и Соединенія; онъ предпочитаетъ гористыя мѣстности, богатыя кустарникомъ, папоротникомъ и мхомъ, и выкапываетъ здѣсь въ землѣ норы и ходы, служащіе ему гнѣздомъ. Это—пугливое, робкое существо, проводящее большую часть дня въ глубочайшемъ уединеніи; на свѣтъ танрекъ выходитъ только послѣ захода солнца, и то никогда не удаляется на значительное разстояніе отъ своей норы. Его можно видѣть только весною и лѣтомъ, т. е. послѣ перваго дождя и до наступленія засухи; во время большой засухи онъ удаляется въ самую глубокую котловину своего жилища и спитъ тамъ отъ апрѣля до ноября такимъ-же образомъ, какъ нашъ ежъ зимою. Туземцы думаютъ, что сильные удары грома, возвѣщающіе о первомъ дождѣ, пробуждаютъ танрека изъ его оцѣпенѣнія и потому приводятъ его въ какую-то таинственную связь съ наступающею весною. Весьма понятно, что весна самое благопріятное для танрека время года; онъ получаетъ тутъ новое одѣяніе и имѣетъ скорѣе всего возможность отростить себѣ круглое брюшко, жиръ котораго долженъ поддерживать ему жизнь въ голодное время года. Какъ только первый дождь освѣжитъ истощенную зноемъ почву и пробудитъ тропическую весну, танрекъ снова появляется на поверхности земли, бродитъ своей медлительной походкой съ опущенной книзу головой, разнюхивая остроконачнымъ носомъ во всѣ стороны, чтобы выслѣдить себѣ пищу, которая въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ насѣкомыхъ, а также изъ червей, улитокъ, ящерицъ и изъ различныхъ плодовъ. Къ водѣ, онъ, кажется, чувствуетъ особенную любовь, охотно спускается по ночамъ въ топкія болота и съ наслажденіемъ валяется тамъ, какъ свинья въ грязи. Неловкость и неповоротливость танрека легко отдають его во власть враговъ, тѣмъ болѣе, что природа не надѣлила его тѣми средствами для защиты, какія есть у настоящихъ ежей. Его единственное, и притомъ весьма слабое орудіе заключается въ чрезвычайно непріятномъ мускусномъ запахѣ, который онъ распространяетъ постоянно, усиливая его до невыносимости въ минуты тревоги и испуга. Даже самое неуклонное млекопитающее въ состояніи поймать и одолѣть танрека; хищныя птицы усердно преслѣдуютъ его, равно какъ и люди, которые съ увлеченіемъ охотятся на него не только въ періодъ его бодрствованія, но и во время его зимней спячки или вѣрнѣе лѣтняго оцѣпенѣнія. Полленъ говоритъ, что мѣсто спячки животнаго узнаютъ по маленькому бугорку надъ норой, но кромѣ того еще пользуются прирученными собаками, которыя ловко выслѣживаютъ норы и выкапываютъ животныхъ. Во время мясоѣда всюду на рынкахъ острова Св. Маврикія можно видѣть торговцевъ съ живыми, заколотыми и приготовленными танреками, и горные жители стекаются по праздникамъ въ городъ съ исключительною цѣлью заставить столь драгоценнымъ для нихъ мясомъ. Такія безпрестанныя преслѣдованія, вѣроятно, скоро-бы окончательно стерли щетинистаго ежа съ лица земли, если-бы онъ не былъ столь плодовитымъ: за одинъ пометъ самка танрека рождаетъ необыкновенно многочисленное потомство, именно штукъ 12—16 дѣтенышей. Маленькіе танреки уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ достигаютъ 7 см. длины и скоро становятся способными самостоятельно добывать себѣ пищу. «Материнская любовь въ самкѣ истинно замѣчательна», говоритъ Полленъ: «она ревниво защищаетъ своихъ дѣтенышей противъ каждаго врага и скорѣе сама погибнетъ въ борьбѣ, чѣмъ броситъ маленькихъ».

Въ неволѣ танрекъ питается сырымъ мясомъ, варенымъ рисомъ и бананами. Днемъ онъ спитъ, ночью-же, напротивъ, очень бодръ. Когда его кладутъ на землю,

онъ тотчасъ-же принимается рыться въ ней рыльцемъ и, подобно свиньѣ, охотно валяется въ грязи. Съ помощью своихъ сильныхъ когтей онъ пробуетъ разломать свою кѣтку и иногда достигаетъ своей цѣли. Съ другими животными своего вида онъ часто ссорится, особенно изъ-за пищи. Насколько извѣстно, живымъ танрека еще не привозили въ Европу.

* * *

Родъ **Щелезубовъ** (*Solenodon. Schlitzrüssler.*) отличается слѣдующими признаками: тѣло плотное, шея короткая, голова вытянутая, носовая часть выдвинута въ длинный хоботъ, глаза очень малы, кругловатая уши средней величины, хвостъ такой-же длины, какъ туловище; ноги средней высоты, лапы пятипалыя; переднія ноги вооружены очень сильными, загнутыми когтями, а заднія—болѣе короткими и слабыми. Тѣло покрыто довольно длинными щетинами, которыя рѣдѣютъ на хо-

Кубскій щелезубъ. *Solenodon cubanus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

ботъ, а на ногахъ переходятъ въ тонкіе волоса; верхняя-же часть спины, задъ и чешуйчатый хвостъ остаются почти совершенно голыми. Зубная система состоитъ изъ 40 зубовъ: съ каждой стороны челюсти находится по 2 рѣзца, по 1 клыку, по 4 ложно-коренныхъ и по 3 коренныхъ зуба.

* * *

Подробно описанный Петерсомъ видъ этого рода **Кубскій щелезубъ, Альмикви, Танухе, Эдарасъ** (*Solenodon cubanus*) имѣетъ туловище почти въ 60 см. длины, и хвостъ приблизительно въ 30 см.; голова, стороны шеи и брюхо окрашены въ грязновато-охрово-желтый цвѣтъ; остальные части въ черный, а хвостъ въ сине-вато-черный. Длинные волоса спины у корня желтые, а на концахъ черные, нѣкоторые-же изъ нихъ или совсѣмъ желтые или совсѣмъ черные. Родиною животного надо считать Кубу.

Объ образѣ жизни альмикви Петерсъ собралъ много наблюдений. Подобно настоящимъ землеройкамъ это животное ведетъ преимущественно ночной образъ жизни

и имѣть обыкновеніе днемъ спать въ какомъ-нибудь хорошо скрытомъ убѣжищѣ. Въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ альмикви, должно быть, довольно обыкновенны. Когда его преслѣдуютъ охотники, онъ прежде всего прячетъ голову въ надеждѣ, что этимъ весь спрячется, и остается спокойно лежать, такъ что его можно схватить за хвостъ. Въ неволѣ онъ очень охотно принимаетъ пищу, но такъ какъ плохо пережевываетъ ее, то мясо ему нужно давать мелко нарязанными кусочками, чтобы онъ не подавился. Чистота является необходимымъ условіемъ его благополучія; онъ охотно идетъ въ воду и чувствуетъ тамъ себя, повидимому, очень хорошо, тѣмъ болѣе, что ему представляется при этомъ возможность безъ всякихъ затрудненій утолить жажду, тогда какъ при питъѣ на землѣ ему сильно мѣшаетъ длинный конецъ его хобота. Его рѣзкій голосъ напоминаетъ то хрюканье свиньи, то крикъ птицы; по временамъ животное кричитъ, какъ молодой сычъ; когда его трогаютъ, оно хрюкаетъ, какъ лаящая крыса (*Sargomys*). Альмикви очень легко раздражается и тогда весьма своеобразно взерошиваетъ шерсть. Мимо идущая курица или другое какое-нибудь маленькое животное въ высшей степени волнуетъ его и онъ старается овладѣть имъ. Схваченную добычу онъ, какъ ястребъ, разрываетъ своими длинными, кривыми когтями. Время отъ времени изъ его кожи выдѣляется красноватая, маслянистая, зловонная жидкость.

Плѣнные альмикви, которыхъ держалъ Корона, умерли частью отъ ранъ, нанесенныхъ другъ другу въ минуту злости, частью отъ особенной болѣзни, происшедшей отъ глистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ оказались при анатомированіи полными глистовъ, которые расплодился въ несмѣтномъ количествѣ по всему тѣлу, особенно на шеѣ, гдѣ лежали между клетчаткою и мышцами, какъ-бы завернутые въ мягкіи мѣшокъ.

Землеройки (*Soricidae*. *Spitzmäuse*. *Musaraignes*) между насекомоядными занимаютъ такое-же мѣсто, какъ куницы между хищными. Подобно имъ, онѣ обладаютъ всѣми свойствами, необходимыми для настоящей разбойничьей жизни; вездѣ, гдѣ-бы ни жили, онѣ устраиваются какъ дома и проявляютъ храбрость, кровожадность, свирѣпость, совсѣмъ не соответствующія ихъ незначительной величинѣ.

Землеройки, вмѣстѣ съ летучими мышами, могутъ считаться самыми маленькими изъ всѣхъ млекопитающихъ: сложены онѣ очень пропорціонально и своимъ наружнымъ видомъ напоминаютъ крысъ и мышей. Туловище у нихъ тонкое, голова длинная, морда вытянута, зубная система очень полная и состоитъ изъ необыкновенно острыхъ зубовъ; съ каждой стороны челюстей у землероекъ по 2—3 рѣзца, иногда съ зазубринами, 3—5 ложно-коренныхъ и 3—4 настоящихъ коренныхъ съ четырьмя или пятью зубцами. Собственно клыковъ у нихъ нѣтъ. 12—14 позвонковъ поддерживаютъ ребра, 6—8 не имѣютъ реберъ, 3—5 составляютъ крестцовую кость, и 14—28—хвостъ. По сторонамъ туловища или у корня хвоста замѣчаются особенныя железы. Тѣло покрыто мягкими бархатистыми волосами, губы, лапы и хвостъ—жесткими волосками, щеки—длинными усами, края ступни—крѣпкими щетинами, рѣзко отдѣляющимися отъ голыхъ ступней.

Въ настоящее время землеройки распространены по всему Старому Свѣту и Сѣверной Америкѣ; въ Австраліи-же и Южной Америкѣ ихъ вовсе нѣтъ. Онѣ такъ-же охотно живутъ въ равнинахъ, какъ и въ возвышенныхъ мѣстностяхъ, встрѣчаются даже въ предгоріяхъ Альпъ и на самыхъ Альпахъ, но предпочитаютъ все-таки густые лѣса и кустарники, луга и долины, сады и дома. Большинство изъ нихъ отдають преимущество сырмъ мѣстностямъ, нѣкоторыя живутъ прямо въ водѣ. Многія ведутъ подземную жизнь, выкапываютъ себѣ норы и ходы, или-же

пользуются готовыми, предварительно выгнавъ оттуда, добромъ или насиліемъ, законнаго владѣльца. Почти всѣ землеройки стремятся къ темнотѣ или въ тѣнь и избѣгаютъ засухи, жары и свѣта; онѣ такъ чувствительны къ подобнымъ влияніямъ, что часто погибаютъ отъ солнечныхъ лучей. Движенія ихъ необыкновенно ловки, проворны и, при желаніи, могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Бѣгающія землеройки шныряютъ повсюду съ быстротою молніи; плавающія не уступаютъ въ быстротѣ ни одному другому сухопутному млекопитающему.

Между органами чувствъ землероекъ обоняніе, повидимому, занимаетъ первое мѣсто; за нимъ слѣдуетъ слухъ; зрѣніе-же болѣе или менѣе слабо. Ихъ душевныя способности стоятъ не высоко; но все-таки нельзя отрицать въ землеройкахъ извѣстной степени понятливости. Онѣ чрезвычайно хищны и кровожадны и дѣйствительно представляютъ собою страшный бичъ для маленькихъ животныхъ, тогда такъ передъ большими онѣ благоразумно отступаютъ. Даже при самомъ незначительномъ шумѣ большинство изъ нихъ разбѣгаются по своимъ норамъ и хорошо дѣлаютъ, такъ какъ онѣ совершенно беззащитны противъ сильныхъ животныхъ. Съ нашей точки зрѣнія, мы должны разсматривать большинство землероекъ не только какъ невинныхъ, безвредныхъ животныхъ, но признавать за ними даже извѣстную пользу, такъ какъ онѣ оказываютъ намъ значительныя услуги истребленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ. Пищу себѣ землеройки доставляютъ преимущественно изъ животнаго царства; добычею ихъ бываютъ: насѣкомыя и ихъ личинки, черви, моллюски, маленькія птицы и млекопитающія, а при случаѣ также рыбы, икра и раки. Будучи необыкновенно прожорливы, онѣ ежедневно поѣдаютъ количество пищи, равное ихъ собственному вѣсу. Ни одинъ видъ землероекъ не можетъ долго переносить голода; поэтому онѣ не подвержены зимней спячкѣ, а при всякой, мало-мальски теплой погодѣ выходятъ изъ своихъ норъ и шныряютъ даже по покрытой снѣгомъ землѣ или отыскиваютъ себѣ пищу въ защищенныхъ отъ холода мѣстахъ, какъ напримѣръ въ человѣческихъ жилищахъ. Голосъ всѣхъ землероекъ состоитъ изъ тонкихъ, щелбучущихъ или визжащихъ и свистящихъ звуковъ; въ страхѣ онѣ испускаютъ жалобныя стоны; при опасности всѣ безъ исключенія распространяютъ болѣе или менѣе сильный мускусный или виверро-цибетовый запахъ, который хотя и не защищаетъ ихъ отъ нападенія враговъ, тѣмъ не менѣе многими приходится по вкусу. Такъ, напримѣръ, собаки, кошки и кунцы не дотрагиваются до убитыхъ землероекъ и никогда не ѣдятъ ихъ; между тѣмъ, какъ большинство птицъ, у которыхъ органы обонянія и вкуса развиты слабѣе, не отказываются отъ этого кушанья.

Большую часть землероекъ можно считать плодовитыми животными, такъ какъ онѣ мечутъ отъ 4—10 дѣтенышей: послѣдніе рождаются обыкновенно голыми и съ закрытыми глазами, но развиваются очень быстро и уже черезъ мѣсяць бываютъ въ состояніи заниматься самостоятельнымъ промысломъ.

Человѣкъ не можетъ извлекать изъ этихъ животныхъ непосредственной пользы; только одинъ видъ землероекъ доставляетъ годный къ употребленію мѣхъ и хвосты, которые, благодаря ихъ сильному мускусному запаху, являются средствомъ противъ моли; мясо-же ихъ нигдѣ не ѣдятъ. Но за-то косвенныя услуги, оказываемыя землеройками, очень значительны; онѣ были оцѣнены еще древними египтянами, какъ это можно видѣть изъ того, что одинъ видъ этихъ животныхъ въ древности бальзамировали и клали въ гробы вмѣстѣ съ покойниками.

Къ первому подсемейству этого рода принадлежатъ **Землеройки** въ тѣсномъ значеніи этого названія (*Soricinae*). Настоящія землеройки являются совершенными

представителями своего семейства; общія отличія ея таковы: 28—32 зубовъ, длинный и тонкій черепъ съ кожистой основой, но безъ скуловыхъ дугъ, сросшіяся берцовыя кости, и отсутствіе плавательной перепонки между пальцами. Въ Германіи принято признавать три рода этого подсемейства.

Обыкновенныя землеройки (*Sorex*) характеризуются слѣдующими отличительными признаками: ихъ зубная система имѣетъ 32 зуба, окрашенныхъ на концахъ темно-бурымъ цвѣтомъ; изъ нихъ въ верхней челюсти съ каждой стороны по 2 большихъ рѣза съ бугорками, по 5 маленькихъ однозубчатыхъ ложно-коренныхъ и по 4 многозубчатыхъ настоящихъ коренныхъ зуба; въ нижней-же челюсти на каждой сторонѣ по 2 приспособленныхъ специально для рѣзанія, съ зазубринами рѣза, по 2 ложнокоренныхъ и по 3 настоящихъ коренныхъ; ноги и пальцы по бокамъ покрыты короткими, мягкими волосами, хвостъ обросши не особенно густо и длинно.

* * *

Представительницею этого рода является **Лѣсная землеройка** (*Sorex vulgaris*, *S. tetragonurus*, *eremita*, *cunicularia*, *coronatus*, *concinus*, *rhinolophus*, *melanodon*, *castaneus*, *labiosus*. *Wa'dspitzmaus*. *Musaraigne Carrelet*), принадлежащая къ наиболѣе извѣстнымъ въ Германіи животнымъ. По величинѣ лѣсная землеройка немного меньше домашней мыши: ея длина едва достигаетъ 11 см., изъ которыхъ 4,5 см. отходятъ на хвостъ. Окраска тонкаго шелковистаго мѣха колеблется между яркимъ красно-бурымъ и блестящимъ чернымъ цвѣтами; бока окрашены всегда свѣтлѣе спины, нижняя часть тѣла сѣровато-бѣлая съ буроватымъ налетомъ, губы бѣловатыя, длинные усы черные, лапы буроватыя, хвостъ сверху темно-бурый, снизу буровато-желтый. По мѣняющейся окраскѣ установили много различій, которыя одними принимаются за виды, другими—за разновидности.

Лѣсная землеройка водится въ Германіи, Швейцаріи, Англии, Франціи, Италіи, Венгріи и Галиціи, вѣроятно также и въ Россіи; она живетъ и въ высокихъ, и въ низкихъ мѣстностяхъ; на горахъ, въ долинахъ, на поляхъ, въ садахъ, по сосѣдству съ деревьями или даже въ самыхъ деревьяхъ и обыкновенно держится по близости воды. Зимой она заходитъ въ дома или, по крайней мѣрѣ, въ сарай и амбары. Въ Германіи это—самый обыкновенный видъ семейства. Землеройка особенно любитъ ютиться въ подземныхъ норахъ и потому охотно забирается въ кротовыя ходы или въ покинутыя мышиныя норы, если не удастся отыскать естественныхъ щелей и разсѣлинь въ скалахъ. Въ мягкой почвѣ она сама своимъ хоботомъ и слабыми передними лапами выкапываетъ ходы, которые прокладываются обыкновенно очень поверхностно подъ землею. Какъ и большинство видовъ этого семейства лѣсная землеройка также вполнѣ ночное животное, которое днемъ очень неохотно оставляетъ свое подземное помѣщеніе. Она никогда не выходитъ во время полуденнаго жара, такъ какъ солнечныя лучи вызываютъ въ ней, повидимому, въ высшей степени тягостныя ощущенія; по крайней мѣрѣ нѣкоторые наблюдатели допускаютъ, что многія землеройки, которыхъ находили мертвыми по дорогамъ и канавамъ, были жертвами солнечныхъ лучей; яркій свѣтъ ослѣплялъ ихъ, такъ что онѣ не могли найти входа въ свою нору и погибли отъ этого.

Землеройка постоянно въ работѣ: она вѣчно вертитъ во всѣ стороны своимъ хоботомъ, отыскивая себѣ пищу, и если найдетъ добычу, которую въ силахъ одолѣть, то не выпуститъ уже отъ себя; она ѣстъ даже своихъ собственныхъ дѣтенышей или мертвыхъ собратьевъ. «Я часто», говоритъ Ленцъ, «держалъ въ ящикахъ землероекъ. Мухами, мучными и дождевыми червями и чѣмъ-нибудь подобнымъ ихъ никогда нельзя было накормить до-сыта. Я долженъ былъ каждой изъ нихъ

давать ежедневно по цѣлой убитой мыши, по землеройкѣ или-же по птичкѣ, равной съ ними величины. Какъ ни были онѣ малы, но ежедневно могли съѣдать цѣлую мышь, оставляя отъ нея только кожу да кости. Такимъ образомъ мнѣ удавалось откормить ихъ очень жирными; но если оставить ихъ хоть немного поголодать, то онѣ быстро умирають. Я пробовалъ также не давать имъ никакого другаго корма, кромѣ хлѣба, рѣпы, грушъ, конопли, мака, рѣпнаго и канареечнаго сѣмени; но онѣ скорѣе умирали съ голоду, чѣмъ дотрагивались до этой пищи. Если имъ давали жирный пирогъ, то онѣ ѣли его только изъ за жира; когда-же имъ попадалась пойманная въ ловушкѣ землеройка или мышь, онѣ моментально набрасывались на ѣду. При хорошемъ уходѣ лѣсная землеройка выдерживаетъ въ неволѣ цѣлые мѣсяцы».

Однажды Велькеръ связалъ крѣпкой веревкой заднія ноги живой землеройки и пустилъ ее въ такомъ видѣ въ поле, въ занятія мышами норы. Черезъ неболь-

Домовая землеройка *Crocidura aganca* и Лѣсная землеройка. *Sorex vulgaris*. Нас. вел.

шой промежутокъ времени изъ норы въ большомъ страхѣ выскользнула полевая мышь съ землеройкой на спинѣ. Прожорливая хищница прокусила зубами затылокъ своей жертвы, быстро умертвила и сожрала. Движенія землеройки въ высшей степени проворны и ловки; она бѣгаетъ по землѣ, прыгаетъ довольно далеко, можетъ взлѣзать по наклоннымъ деревьямъ и, въ случаѣ нужды, умѣетъ довольно сносно плавать. Голосъ ея состоитъ изъ рѣзкаго, тонко щебечущаго, почти свистящаго, но тихаго звука, какой издають и всѣ остальные виды семейства. Между органами чувствъ выше всего, безъ сомнѣнiя, стоитъ обонянiе. Часто случается, что пойманная живыми землеройки, которымъ предоставляютъ свободу, снова возвращаются въ ловушку только потому, что ихъ притягиваетъ туда оставленный ими запахъ. Землеройка, кажется, никогда не руководится своимъ зрѣнiемъ; слухъ ея тоже, должно быть, довольно слабъ; за-то тонкiй носъ совершенно замѣняетъ ей эти оба органа чувствъ.

Немного можно встрѣтить животныхъ, которыя были-бы такъ необщительны и необходимы съ себѣ подобными, какъ землеройки; только кротъ могъ-бы

сравнятся съ ними въ этомъ отношеніи. Никогда еще не случалось, чтобы разнаго пола животныя уживались, помимо времени спариванія, въ мирѣ другъ съ другомъ: одна землеройка непременно съѣстъ другую, если только сумѣетъ овладѣть ею. Часто приходится видѣть этихъ двухъ хищницъ до того увлеченными дракою, что ихъ можно смѣло схватить руками; въ борьбѣ онѣ сваливаются въ клубокъ и катаются въ такомъ видѣ по землѣ, крѣпко вцѣпившись другъ въ друга зубами, съ яростью, достойною злѣйшаго бульдога. Счастье, что землеройки не имѣютъ львиного роста: онѣ опустошили-бы всю землю и наконецъ сами умерли-бы съ голоду. Крайне рѣдко можно встрѣтить землероекъ обществомъ, въ которомъ царствовало-бы, если не искреннее, то хоть кажущееся согласіе. Разъ только Картрей слышалъ въ сухихъ листьяхъ несмолкавшій шорохъ и шумъ, и открылъ довольно значительное общество нашихъ звѣрковъ—штукъ сто, по его словамъ,—которыя совершенно дружески, повидимому, играли другъ съ другомъ, все время не переставая чиркать и визжать; онъ предполагаетъ, что причиною такого необычнаго явленія могла быть пышная свадьба многихъ паръ. Беременная землеройка устраиваетъ себѣ гнѣздо изъ мха, травы, листьевъ и стеблей растений, всего охотнѣе въ стѣнахъ или подъ пустыми корнями деревьевъ; въ немъ имѣется нѣсколько боковыхъ ходовъ и мягкая подстилка; здѣсь она мечетъ, между маемъ и юлемъ, 5—10 дѣтенышей, которые рождаются голыми, слѣпыми и съ закрытыми ушами. Вначалѣ мать кормитъ ихъ съ большою нѣжностью, но скоро ея любовь остываетъ, и дѣтеныши вынуждены сами идти на промыселъ и самостоятельно добывать себѣ пищу. При этомъ, какъ выше замѣчено, исчезаютъ всякія родственныя отношенія: каждая землеройка уже съ дѣтства приучена къ мясу, беретъ его, гдѣ только представляется случай и не остановится даже передъ трупами родныхъ братьевъ и сестеръ.

Замѣчательно, что только немногія животныя ѣдятъ землероекъ. Кошки умерщвляютъ ихъ, вѣроятно, потому, что принимаютъ за обыкновенныхъ мышей; но только загрызаютъ на-смерть, а никогда не съѣдаютъ. Также и кунницы, повидимому, брезгаютъ ими. Только нѣкоторыя хищныя птицы, аисты и гадюки безъ размышленія, даже съ удовольствіемъ пожираютъ ихъ. Во всякомъ случаѣ отвращеніе, которое питаютъ къ землеройкамъ всѣ млекопитающія, одаренныя чуткимъ обоняніемъ, имѣетъ свое основаніе въ еверномъ запахѣ, свойственномъ этимъ животнымъ. Этотъ сильный, мускусный запахъ исходитъ изъ двухъ отдѣльныхъ железъ, которыя лежатъ по бокамъ тѣла, ближе къ переднимъ, чѣмъ къ заднимъ ногамъ; онъ до такой степени силенъ, что сообщается всѣмъ предметамъ, до которыхъ касается землеройка.

Весьма возможно, что разные суевѣрные взгляды, отъ которыхъ приходится страдать землеройкамъ во многихъ мѣстностяхъ Европы, основаны на этомъ отвратительномъ запахѣ. Повсюду въ Англии, напримѣръ, этого безвреднаго животного боятся болѣе, чѣмъ ядовитой змѣи. Всякій отлично понимаетъ, что это маленькое животное не можетъ причинить ни малѣйшаго вреда своими тонкими мелкими зубами, и несмотря на это все-таки приписываетъ ей укусу ядовитое свойство. Даже одно прикосновеніе землеройки считается вѣрнымъ предвѣстникомъ какой-нибудь бѣды и животное или человекъ, которые «поражены землеройками», необходимо должны въ скоромъ времени заболѣть, если во время не прибѣгнуть къ одному радикальному средству. Это цѣлебное средство, которое одно только могло помочь противъ болѣзни, полученной отъ землеройки, заключается въ вѣтвяхъ «землероечной ясени», т. е. обыкновеннаго дерева, которое очень простыми приемами превращалось въ цѣлебное. Для этого ловили землеройку и съ радостными криками побѣды несли ее къ ясени, на долю которой выпадала честь защищать родъ чело-

вѣческій отъ такого маленькаго хищнаго звѣрка. Въ стволѣ ясени просверливали большое отверстіе, впускали туда землеройку и затѣмъ на-крѣпко закупоривали дыру плотной пробкой; съ этого момента ясень получала цѣлебную силу.

До какой степени было распространено и повсюду принималось на вѣру это глупѣйшее суевѣріе можно видѣть изъ «Исторіи четвероногихъ животныхъ и змѣй» Топсели, появившейся въ Лондонѣ въ 1658 году. Этотъ старый путешникъ-зоологъ говоритъ въ своей книгѣ о землеройкѣ приблизительно слѣдующее: «Это — хищное животное, хотя и прикидывается нѣжнымъ и кроткимъ, но кусаетъ глубоко, и смертельно отравляетъ при малѣйшемъ прикосновеніи. Будучи свирѣпымъ существомъ, она всякому старается вредить, и нѣтъ такого созданія, которое-бы было любимо ею, или могло ее любить, такъ какъ всѣ животныя только боятся ея. Кошки охотятся за нею и умерщвляютъ ее, но никогда не ѣдятъ, потому-что, если-бы такое желаніе пришло имъ, то онѣ немедленно погибли-бы смертью. Если землеройка случайно попадетъ въ колею, оставленную на дорогѣ колесомъ, то должна разстаться съ жизнью, такъ какъ выйти оттуда она уже не можетъ. Это подтверждаютъ Марцелусъ Никандеръ и Плиніи; причину-же этого поясняетъ Филесъ, который говоритъ, что въ колѣѣ землеройка такъ измучивается и теряется, какъ будто-бы ее приковали тамъ цѣпями. Поэтому-то древніе прописывали землю изъ такой колѣи, какъ противодіе отъ укушенія землеройкою. Впрочемъ есть еще много средствъ, какъ и при другихъ болѣзняхъ, для излѣчванія этихъ ядовитыхъ укусовъ, и эти средства помогаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ другихъ болѣзней. Землеройку, которая случайно попадетъ въ колею и тамъ умретъ, сжигаютъ, толкутъ въ ступѣ и затѣмъ смѣшиваютъ съ нѣлью и съ гусинымъ жиромъ; приготовленная такимъ образомъ мазь помогаетъ противъ всякихъ воспаленій. Кромѣ того если убитую землеройку повѣсить такимъ образомъ, чтобы она не касалась земли, то трунъ ея помогаетъ противъ всякихъ нарывовъ и волдырей, стоитъ только троекратно коснуться имъ больныхъ мѣстъ. Равнымъ образомъ землеройка исцѣляетъ нарывы и всякія воспаленія, если, найдя ея трунъ, обернуть его въ полотняную, шерстяную или другую какую матерію. Мазь, приготовленная изъ жженаго и истолченаго въ порошокъ хвоста землеройки, служитъ отличнымъ средствомъ противъ укушенія бѣшеными собаками и пр.» Послѣ всѣхъ этихъ описаній цѣлебныхъ свойствъ звѣрка, мнѣ ничего больше не остается говорить.

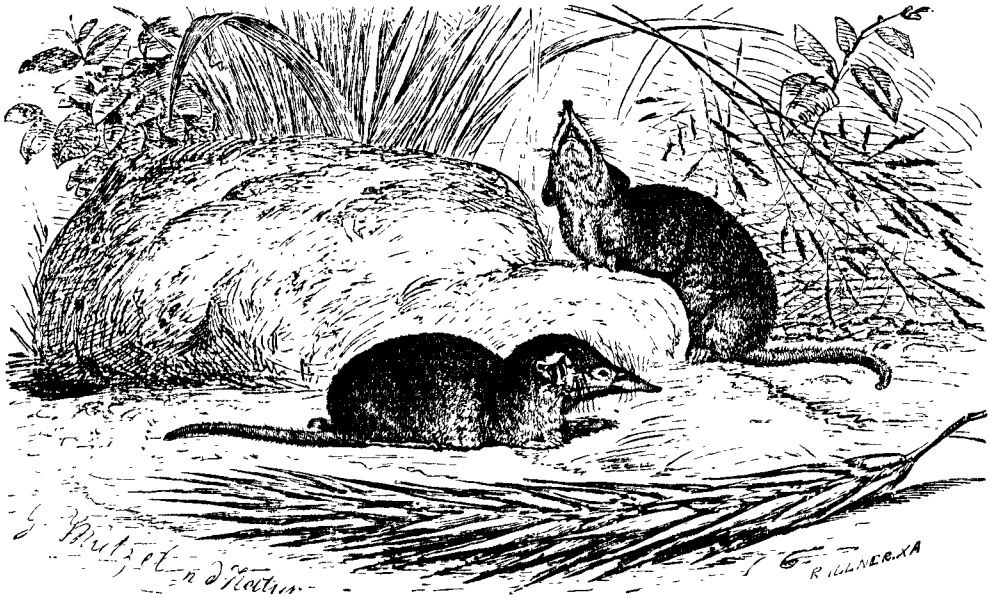
* *
* *

У Полевыхъ землероекъ (*Crocidura*) зубная система состоитъ изъ 28—30 бѣлыхъ зубовъ, при чемъ въ верхней челюсти, не такъ, какъ у землероекъ, существуютъ 3 или 4 однозубчатыхъ зуба. Въ остальномъ обѣ группы существенно сходны одна съ другою.

Домовая землеройка (*Crocidura aranea*, *Sorex araneus*, *russulus*, *fimbriatus* и *pachyurus*, *Crocidura moschata*, *thoracica* и *musaranaea*. *Hausspitzmaus*. *Musette*), звѣрекъ въ 11,5 см. общей длины, изъ которыхъ 7 см. составляютъ длину тѣла, а 4,5 идутъ на хвостъ; въ Германіи—это одинъ изъ обыкновенныхъ видовъ рода; волоса его мѣха на верхней сторонѣ имѣютъ буро-сѣрую, въ молодости-же черновато-сѣрую окраску, а на нижней—безъ рѣзкихъ ограниченій болѣе свѣтло-сѣрую; на губахъ и на ногахъ волоса буровато-бѣлые, на верхней сторонѣ хвоста—свѣтло-буро-сѣрые, на нижней—сѣровато-бѣлые. Зубная система состоитъ изъ 28 зубовъ.

Изъ сѣверной Африки домовая землеройка распространяется по южной, западной и средней Европѣ до сѣвера Россіи, встрѣчается также въ центральной

Азии и въ сѣверо-восточной Сибири; по Блэнфорду, она попадаетъ даже дальше, въ Ладакъ, напротивъ того, въ Англии, Дании, Скандинавіи и Голландіи ея нѣтъ. По Блазіусу, она, нѣкоторымъ образомъ, какъ-бы привязана къ полямъ и садамъ, по крайней мѣрѣ положительно предпочитаетъ ихъ лѣсу и рощи, гдѣ она по временамъ попадаетъ. Ни одинъ изъ ея родичей не привыкаетъ такъ легко къ окружающимъ людямъ, ни одинъ не входитъ такъ свободно въ дома, особенно въ амбары и сараи. Она охотно водворяется въ погребахъ и кладовыхъ, прельщаясь ихъ темными уголками, доставляющими снокойное убѣжище. На свободѣ она охотится какъ въ ранніе, такъ и поздніе часы на маленькихъ животныхъ всѣхъ видовъ, начиная съ небольшихъ млекопитающихъ и кончая червями; въ домахъ она лакомится мясомъ, саломъ и масломъ. Ея обычай и привычки совершенно такіе-же, какъ и у лѣсной землеройки. На свободѣ она мечетъ лѣтомъ, — а въ теплыхъ помѣщеніяхъ также

Тосканская землеройка. *Crocidura suaveolens*. Наск. вел.

въ осеніе, и даже въ зимніе мѣсяцы—5—10 голыхъ и слѣпыхъ дѣтенышей, въ скрытомъ и довольно тщательномъ и мягко выстланномъ гнѣздѣ; по прошествіи приблизительно шести недѣль, дѣтеныши достигаютъ почти роста родителей, приобретаютъ самостоятельность и промышляютъ почти такъ-же успѣшно, какъ и взрослые. Несмотря на ея страсть къ лакомствамъ, землеройка все-таки можетъ считаться полезнымъ животнымъ, которое значительно искушаетъ свои небольшія вины массою услугъ по ловлѣ всевозможныхъ паразитовъ; на основаніи этого она заслуживаетъ отъ насъ пощады и покровительства.

* *
*

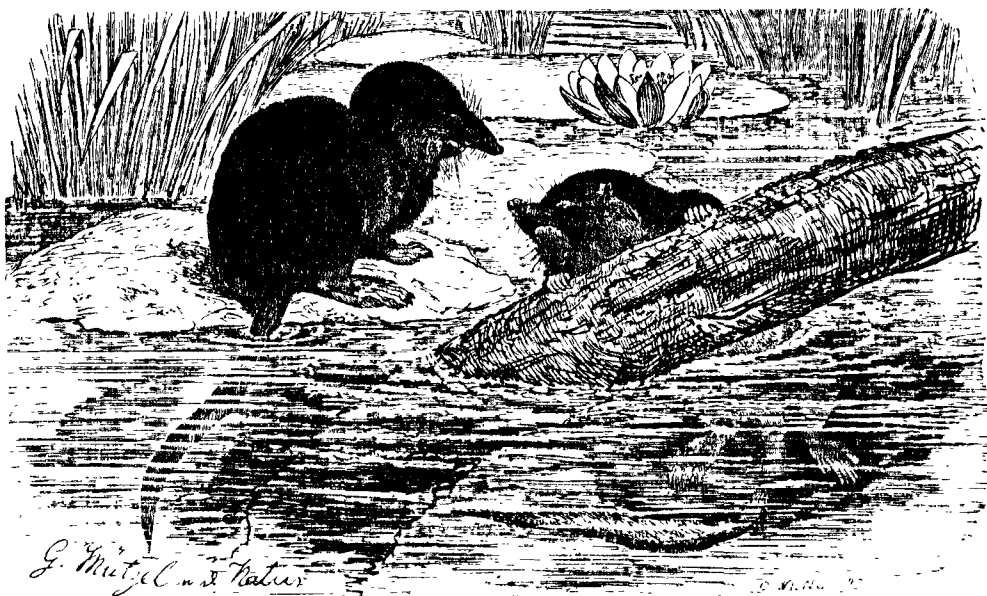
Другой видъ землероекъ, имѣющій 30 зубовъ, **Тосканская землеройка** (*Crocidura suaveolens*, С. и *Pachyura etrusca*, *Sorex suaveolens* и *etruscus*. *Wimperspitzmaus*. *Musaraigne etrusque*) заслуживаетъ упоминанія потому, что это, вмѣстѣ съ однимъ видомъ летучихъ мышей, самое маленькое изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ млекопитающихъ. Общая длина ея едва достигаетъ 6,5 см., изъ которыхъ 2,5 см. отходятъ на хвостъ. Окраска шелковисто-мягкаго мѣха свѣтло-буроватая или красновато-сѣрая,

хвостъ сверху буроватый; снизу свѣтлѣе, хоботъ и лапы мясного цвѣта, ноги покрыты бѣловатыми волосами, старыя животныя бывають свѣтлѣе и болѣе ржаваго цвѣта, молодыя-же темнѣе и болѣе сѣраго. Замѣчательны въ этомъ животномъ особенно большія ушныя раковины.

Тосканская землеройка встрѣчается почти во всѣхъ странахъ, омываемыхъ Средиземнымъ и Чернымъ морями; ее находили на сѣверѣ Африки, въ южной Франціи, въ Италіи и въ Крыму. По образу жизни она напоминаетъ своихъ родичей. Для мѣстопребыванія своего она выбираетъ охотнѣе всего сады по близости деревень, но попадаетъ также въ строеніяхъ и жилищахъ. Такъ какъ она гораздо нѣжнѣе и чувствительнѣе къ холоду, чѣмъ наши сѣверные виды, то поэтому она борется съ зимними холодами, прячась отъ нихъ на это время въ особенно теплыя жилища.

* * *

Если не принимать во вниманіе крючковъ на верхнихъ рѣзцахъ и темно-бу-

Водяная землеройка. *Crossopus fodiens*. Наск. вел.

рую окраску кончиковъ зубовъ, то зубную систему **Водяныхъ землероекъ** или **Куторъ** (*Crossopus*) слѣдуетъ признать схожею по количеству и устройству зубовъ съ зубной системой Тосканской землеройки; отъ полевыхъ-же землероекъ онѣ весьма существенно отличаются тѣмъ, что ихъ ноги и пальцы по бокамъ покрыты жесткими щетинистыми волосами, а хвостъ, поросшій сверху ровными, короткими волосами, снизу раздѣленъ посрединѣ ребромъ, отъ котораго въ обѣ стороны перообразно расходятся щетинки.

Водяная землеройка или **Водяная кутора** (*Crossopus fodiens*, *Sorex fodiens*, *hydrophilus*, *carinatus*, *constrictus*, *fluviatilis*, *remifer*, *lineatus*, *ciliatus*, *bicolor*, *nigripes*, *amphibius*, *natans*, *stagnatilis*, *rivalis*, *Crossopus psilurus*, *Amphisorex pennantii* и *linnaeanus*. *Wasserspitzmaus*. *Musaraigne d'eau*), отличающаяся, какъ это видно изъ массы научныхъ названій, большимъ разнообразіемъ въ окраскѣ, принадлежитъ къ крупнѣйшимъ видамъ встрѣчающихся у насъ землероекъ. Общая длина ея до-

стигаетъ 11,8 см., изъ которыхъ 5,3 см. отходятъ на хвостъ. Тонкій, густой и мягкой мѣхъ на спинѣ обыкновенно черный, зимою болѣе блестящій, чѣмъ лѣтомъ, на животѣ-же сѣро-бѣлый или бѣловатый, иногда чистый, а иногда покрытъ мѣстами сѣро-черными пятнами. Волоса мѣха настолько густы, что представляютъ совершенно сплошную массу и не пропускаютъ до кожи ни одной капли воды. Плавательныя щетинки на лапахъ, смотря по возрасту и времени года бывають то длиннѣе, то короче и становятся такими широкими, когда оттопырены, что выдаются съ каждой стороны ногъ подобно зубцамъ гребня, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ плотно прилегають къ ступнямъ, когда сложены, что ихъ трудно замѣтить. Онѣ служатъ животному прекрасными веслами и оказываютъ ему большія услуги. По желанію онѣ могутъ развертываться и снова свертываться, а во время бѣга такъ плотно сжимаются, что ни мало не страдаютъ отъ тренія.

Какъ кажется, водяная землеройка распространена почти во всей Европѣ и въ части Азіи, и въ благоприятныхъ для нея мѣстностяхъ ее можно часто всюду встрѣчать. Сѣверная граница ея распространенія достигаетъ Англии и Остзейскаго края; южная-же Испаніи и Италіи. Въ горахъ она поднимается на значительную высоту; въ Альпахъ, напр., почти до 2000 метровъ надъ уровнемъ моря. Она предпочитаетъ воды гористыхъ мѣстностей, особенно такія, въ которыхъ при большихъ морозахъ встрѣчаются незамерзшіе источники, необходимые ей зимою, что бы входить въ воду и выходить изъ нея. Самыми излюбленными мѣстами для нея являются источники горныхъ лѣсистыхъ мѣстностей, имѣющіе чистую воду и песчаную почву, и сады или луга въ окрестности. Также охотно она водится въ прудахъ съ чистою водою и покрытыхъ ряской. Иногда она попадаетъ здѣсь въ громадномъ количествѣ. Часто она селится въ деревняхъ, особенно охотно близъ мельницъ; но мѣстопробываніе ея вовсе не связано исключительно съ водою; она такъ-же охотно бѣгаетъ по лугамъ, прилежающимъ къ ручьямъ, проползаетъ подъ стоги сѣна, забирается въ амбары и сараи и даже во внутренности домовъ; иногда попадаетъ даже въ поля, отстоящіе очень далеко отъ воды. Въ рыхлой почвѣ, по близости воды она сама выкапываетъ себѣ ходы, однако охотнѣе пользуется норами мышей и кротовъ, находящимися по соседству. Важнымъ условіемъ ея жилища являются выходы, которыхъ необходимо должно быть нѣсколько: одинъ изъ нихъ ведетъ въ воду, другіе на поверхность ея, остальные-же имѣють выходъ на сушу. Нора служитъ звѣрку мѣстомъ сна и убѣжища, въ которомъ онъ можетъ укрыться отъ преслѣдованія враговъ.

Въ шумныхъ мѣстахъ водяная землеройка проводитъ обыкновенно весь день въ жилищѣ; тамъ-же, гдѣ ей нечего бояться, она бодрствуетъ и проявляетъ свою дѣятельность и днемъ, особенно весной, въ пору любви. Она рѣдко плаваетъ вдоль берега, такъ какъ больше любитъ переплывать ручьи поперекъ отъ одного берега къ другому; когда-же ей приходится держать путь вдоль ручья, то она предпочитаетъ бѣжать подъ берегомъ или по дну ручья, подъ водой. Водяная землеройка чрезвычайно живое и умное животное, представляющее для наблюдателя большой интересъ. Ея движенія быстры и увѣренны, ловки и неутомимы. Она отлично плаваетъ, ныряетъ и обладаетъ способностью держаться на водѣ безъ всякаго движенія, высовываясь то одною головою, то всею верхней частью туловища. Когда она плыветъ, ея туловище кажется широкимъ, плоскимъ и какъ-бы покрытымъ сплошнымъ слоемъ блестяще-бѣлыхъ маленькихъ жемчужинъ; это послѣднее явленіе происходитъ отъ пузырьковъ воздуха, собирающихся между густыми волосами шерети: этотъ-то воздушный слой, окружающій все тѣло, и способствуетъ тому, что мѣхъ животнаго всегда бываетъ сухимъ.

Спрятавшись у какого-нибудь пруда, гдѣ-бы землеройки пользовались вообще

покоемъ, можно отлично наблюдать ихъ дѣятельную жизнь. Уже не задолго до восхода солнца, или сейчасъ-же послѣ него можно видѣть, какъ онѣ выходятъ изъ своихъ норъ и пускаются плавать въ прудѣ; часто онѣ останавливаются, ложатся плашмя на воду или высовываются изъ нея половиной своего туловища, такъ что становится виднымъ ихъ бѣлое горло. Плывая, онѣ такъ сильно работаютъ своими задними ногами что, по движенію воды, можно было-бы ожидать гораздо большее животное; во время отдыха онѣ не перестаютъ озираться во все стороны и, какъ только почуютъ опасность, съ быстротою стрѣлы снова ныряютъ въ воду. Охотникъ, подстерегающій ихъ въ это время, долженъ находиться очень близко, чтобы зарядъ долетѣлъ до цѣли, потому-что звѣрки, замѣтивъ дымъ отъ ружья, какъ водолазы, въ одинъ моментъ скрываются въ глубинѣ и такимъ образомъ избѣгаютъ повидимому вѣрной смерти. Въ прежнія времена, когда еще не было быстро заряжающихся ружей, ловля водяныхъ землероекъ давалась не легко: онѣ исчезали какъ только огонь вспыхивалъ на полкѣ. Впрочемъ маленькая водолазка не любитъ долго оставаться подъ водою; она обыкновенно очень скоро снова показывается на поверхности. Здѣсь ея настоящая сфера дѣятельности; здѣсь въ продолженіи цѣлаго дни ее можно видѣть въ безпрестанной суетѣ въ уединенныхъ тихихъ мѣстахъ. Она плаваетъ не только близъ береговъ, но также и посрединѣ пруда, перерѣзывая его съ одной стороны на другую; время отъ времени она отдыхаетъ на пнѣ свѣшивающагося надъ водою дерева или на плывущемъ полкѣ, иногда развлекается, прыгая изъ воды за пролетающимъ мимо насѣкомымъ и затѣмъ снова ныряетъ внизъ головою; при этомъ мѣхъ ея всегда остается гладкимъ и сухимъ, такъ какъ капли воды стекаютъ съ него. Во время болѣзни утрачивается это свойство мѣха: волосы промокаютъ и сырость проникаетъ до кожи; тогда водяной землеройкѣ часто приходитъ скорый конецъ.

Всего полнѣе проявляется жизнь красиваго животнаго въ пору любви и спариванія, совпадающую обыкновенно съ апрѣлемъ и маемъ. Самецъ преслѣдуетъ самку при непрерывномъ крикѣ, который звучитъ почти какъ «зизизи» и, когда звѣрковъ много, сливается въ одно общее жужжаніе. Самка выплываетъ изъ своего убѣжища, подымаетъ вверхъ надъ водой голову и грудь и озирается во все стороны. Самецъ, находящійся въ поискахъ за предметомъ своихъ страстныхъ вожделѣній, тоже показывается на зеркальной поверхности воды и, завидя милую, стремительно бросается къ ней. Но самка еще не расположена принимать его ласки; она хотя и допускаетъ самца подплыть къ ней совсѣмъ близко, но, какъ только онъ достигнетъ ея, она неожиданно ныряетъ и безслѣдно пропадаетъ на днѣ пруда; пробѣжавъ здѣсь довольно значительное разстояніе, она снова появляется на поверхности, но уже совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Самецъ выслѣживаетъ ее и черезъ минуту уже опять возлѣ милой: онъ увѣренъ, что цѣль достигнута, однако самка не изъ доступныхъ: она вторично исчезаетъ и снова показывается гдѣ-нибудь въ отдаленіи. Такимъ образомъ заигрываніе это продолжается съ четверть часа, пока самка, наконецъ, не сдастся на упорныя преслѣдованія самца. При этомъ ни одинъ изъ влюбленныхъ не упускаетъ случая словить какое-нибудь изъ пролетающихъ мимо насѣкомыхъ или вообще схватить что-нибудь съѣдобное, а во время своихъ любовныхъ походовъ они облазуютъ все ходы на берегу. Въ одномъ изъ нихъ самка устраивается на время родовъ, избравъ себѣ для этого маленькую нору, хорошо выстланную мхомъ и сѣномъ. Здѣсь около середины мая она родитъ 6—10 дѣтенышей, которые въ первые дни своего появленія на свѣтъ выглядятъ очень странными и нисколько не похожими на взрослыхъ землероекъ: они рождаются голыми, такъ что цвѣтъ тѣла ярко сквозитъ черезъ кожу, и тупой носикъ ихъ особенно комично выдается изъ маленькой мордочки; по

скоро они вырастаютъ, приобретаютъ мало-по-малу внѣшній видъ своихъ родителей и, среди своихъ милыхъ дѣтскихъ игръ, рано начинаютъ вести самостоятельный образъ жизни, охотясь подъ руководствомъ матери и прокладывая въ травѣ по близости отъ главнаго входа ихъ норы узкія тропинки.

Въ сравненіи со своимъ ростомъ водяная землеройка дѣйствительно страшный хищникъ; она пожираетъ не только насѣкомыхъ всѣхъ видовъ, особенно тѣхъ, которыя живутъ въ водѣ, но и червей, мелкихъ моллюсковъ, раковъ и т. д., а также и земноводныхъ, рыбъ, птицъ и маленькихъ млекопитающихъ. Мышь, забравшаяся въ ихъ нору, должна считаться погибшею; неосторожная трясогузка, рано вылетѣвшая изъ своего гнѣзда и безпечно устремившаяся на зеленый бережокъ, схватывается безпощадно и съ такою-же свирѣпостью, съ какою рысь набрасывается на косулю; лягушка, беззаботно прыгающая вблизи одного изъ ходовъ, схватывается за заднія ноги и тащится, несмотря на жалобный пискъ, въ нору, гдѣ и погибаетъ весьма скоро; голыцы и пискари загоняются въ маленькія бухты и здѣсь ловятся особеннымъ образомъ: землеройка мутитъ воду и сторожить входъ въ бухту; какъ только одна изъ маленькихъ рыбокъ захочетъ проплыть мимо нея, она бросается на нее и ловко схватываетъ, оправдывая, какъ нельзя лучше поговорку — въ мутной водѣ рыбу ловить. Землеройка отваживается нападать не только на маленькихъ животныхъ, но также и на такихъ, всѣхъ которыхъ превосходить ея собственный по крайней мѣрѣ въ 60 разъ; можно сказать, что среди хищниковъ не найдется другаго животного, которое рѣшалось-бы нападать на такую несоразмѣрно большую добычу и такъ умѣло осиливать ее.

«Въ прежніе года», рассказываетъ мой отецъ, «въ озерѣ Гейншпицъ, около Эйзенберга, весною попадались карпы по 2 и болѣе фунтовъ вѣса, у которыхъ глаза и мозгъ были выѣдены; у нѣкоторыхъ-же даже и на тѣлѣ были отѣдены куски мяса. Объ этомъ замѣчательномъ явленіи было сообщено въ еженедѣльной газетѣ, что подало поводъ къ горячему спору между двумя учеными сосѣдняго города; одинъ изъ нихъ утверждалъ, что это работа лягушекъ, которыя имѣютъ обыкновеніе садиться рыбамъ на голову, выцарапывать имъ глаза и выѣдать мозгъ. Этому повѣрили тѣ, у которыхъ лягушки вообще пользуются дурною славою, готовые, напримѣръ, обвинять неповинныхъ травяныхъ лягушекъ въ томъ, что онѣ не только путаютъ лень, но даже и поѣдаютъ какъ его, такъ и овесъ. Къ этому ученому спору былъ причастенъ даже достопочтенный Блуменбахъ, такъ какъ онъ въ своей «Естественной исторіи» говоритъ, что лягушки ѣдятъ рыбъ и птицъ. Противникъ этого мнѣнія краснорѣчиво защищалъ лягушекъ, хотя ему трудно было одержать побѣду надъ ихъ обвинителемъ. Онъ принесъ для изслѣдованія изображеніе высушенной челюсти лягушки и по немъ старался доказать безопасность животного. Наконецъ и я долженъ былъ принять участіе въ этомъ спорѣ. Желая спасти честь и доброе имя лягушки, я, въ доказательство ея невинности, указывалъ на невозможность съ ея стороны совершать подобныя преступленія, такъ какъ у нея, какъ извѣстно, нѣтъ къ тому никакихъ средствъ. Мнѣ, повидимому, повѣрили; тѣмъ не менѣе убійца карповъ остался неизвѣстенъ. Хотя я и зналъ, что землеройки ловятъ рыбъ и съ жадностью отыскиваютъ икру, — разбойничьи инстинкты этихъ звѣрковъ были достаточно доказаны моими наблюденіями надъ водяными землеройками, которыхъ я нѣкоторое время держалъ при себѣ живыми, — только я все-таки не думалъ, чтобы такое маленькое животное было въ состояніи схватывать и умерщвлять большихъ рыбъ. Вскорѣ случай доставилъ мнѣ возможность убѣдиться въ этомъ фактѣ.

«Одинъ крестьянинъ-собственникъ здѣшняго прихода разводилъ въ своемъ пруду отличныхъ рыбъ; осенью 1829 г. онъ впустилъ въ водоемъ, окруженный срубомъ, пахо-

дившійся передъ его окнами и никогда не замерзавшій вслѣдствіе постояннаго прилива ключевой воды, нѣсколькихъ карповъ, чтобы при случаѣ съѣсть ихъ. Январь 1830 г. принесъ съ собою 22° мороза и покрылъ весь ручей толстымъ слоемъ льда; только теплые ключи оставались не замерзшими. Однажды владѣлецъ садка нашелъ въ немъ, къ своему великому неудовольствію, мертвого карпа, у котораго были выдены глаза и мозгъ; черезъ нѣсколько дней онъ нашелъ втораго, погибшаго такимъ-же образомъ, и такъ ему пришлось потерять всѣхъ рыбъ. Наконецъ его жена замѣтила однажды вечеромъ, какъ на срубъ взлѣзла «черная мышь», поплыла по водѣ, съѣла карпу на голову и крѣпко вцѣпилась въ него передними лапами. Прежде, чѣмъ женщина успѣла открыть замерзшее окно, чтобы спугнуть животное, у рыбы были съѣдены глаза. Наконецъ окно удалось отпереть, и мышь принуждена была убѣжать. Но едва она сбѣжала со сруба, какъ была поймана подкравшейся кошкою; ее отняли отъ кошки и передали мнѣ. Это была наша водяная землеройка. Такимъ образомъ былъ открытъ неизвѣстный убійца карповъ въ озерѣ Гейншницъ, который, можетъ быть и до сихъ поръ былъ-бы не найденъ, если-бы тому не помогъ случай. При этомъ я долженъ замѣтить, что врученная мнѣ водяная землеройка была не единственная посѣтительница этого водоема; послѣ нея приходили и другія. Это заставило хозяина бросить въ водоемъ отравленную голову карпа и этимъ онъ истребилъ многихъ землероекъ».

Враги у водяныхъ землероекъ почти тѣ-же самыя, что и вообще у всѣхъ землероекъ; днемъ обыкновенно съ ними не приключается никакихъ бѣдъ; ночью-же, когда онѣ спуютъ по берегу, часто становятся добычею совъ и конекъ; но послѣднія только убиваютъ ихъ и бросаютъ по причинѣ мускуснаго запаха. Изслѣдователь, желающій собирать водяныхъ землероекъ, долженъ поэтому обходить берега прудовъ по утрамъ; въ короткое время онъ навѣрно соберетъ столько труновъ, сколько ему нужно.

Въ неволѣ водяныхъ землероекъ не такъ легко сохранить живыми. Мой отецъ нѣсколько разъ пытался воспитать ихъ, но всѣ онѣ умирали черезъ нѣсколько дней. Надъ той, которая жила дольше, удалось сдѣлать наблюденія. «Такъ какъ она казалась очень голодной», говоритъ онъ, «то я далъ ей въ ея распоряженіе мертвую полую мышъ. Она тотчасъ-же начала грызть ее и въ скоромъ времени прогрызла такое глубокое отверстіе, что могла достать сердце, которое и съѣла; потомъ она отѣла еще часть груди и внутренностей, а остальное бросила. Подобно другимъ водянымъ землеройкамъ, она всегда держала хоботъ вверхъ и непрерывно обнюхивала, чтобы выслѣдить себѣ что-нибудь съѣдобное; слышавъ малѣйшій шумъ, она быстро пряталась въ нору, которую я ей устроилъ. Она прыгала такъ высоко, что едва не ушла изъ большой жестяной лейки, въ которой я ее вначалѣ держалъ. Въ первый день, выходя изъ воды, она оставалась всегда сухою, на второй день это свойство нѣсколько утратилось, а незадолго до смерти и совсѣмъ пропало. Она была очень зла и, пока совсѣмъ не выбилась изъ силъ, оставалась пугливой и дикою».

Аусденъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе моего отца, такъ какъ ему удалось въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ сохранять плѣнныхъ замлероекъ живыми. Для ловли ихъ онъ употреблялъ простую мышеловку, приманкой въ которую клалъ лягушку. Подъ жильемъ своимъ питомцамъ онъ отвелъ ящикъ, снабженный возможно глубокимъ бассейномъ съ водой. Парочка водяныхъ землероекъ повидимому съ удовольствіемъ пребывала въ названной клеткѣ, по крайней мѣрѣ не выражала ни малѣйшихъ признаковъ страха, вела себя какъ дома и ѣла безъ всякой боязни червяковъ, сырое мясо и насѣкомыхъ, которыхъ ей бросали. Спустя нѣсколько дней воспитатель выпустилъ къ нимъ въ бассейнъ 3 — 4 маленькихъ рыбокъ; землеройки моментально набросились на рыбъ, вытаскивали ихъ наружу, умертвили укусомъ въ

голову и, крѣпко держа передними лапами—совершенно такъ, какъ рѣчная выдра,—принялись ѣсть, начавъ съ головы и направляясь постепенно къ хвосту. Ихъ прожорливость была такъ велика, что каждая изъ нихъ съѣдала двухъ или трехъ пискарей, — безъ сомнѣнія изрядный обѣдъ для такого маленькаго существа. Бѣгая взадъ и впередъ по своей клѣткѣ, животное испускало по временамъ высокій звукъ, напоминавшій отчасти чириканье камышевки. Въ бассейнѣ своемъ онѣ забавлялись тѣмъ, что входили и выходили изъ него, купались и кувыркались по водяной поверхности. Хотя онѣ и вполне освоились со своей неволей, тѣмъ не менѣе не обнаруживали ни малѣйшей привычки къ людямъ и не поддавались прирученію, напротивъ, даже кусались сильно, когда до нихъ дотрагивались. Такъ онѣ прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ полномъ здоровьѣ, пока однажды, воспользовавшись отсутствіемъ ихъ хозяина и воспитателя, не открыли дверцу клѣтки и не исчезли на всегда.

Переходную степень отъ землероекъ къ кротамъ представляютъ небольшіе виды, принадлежащіе ко второму подсемейству—**Выхухолей** (*Myogalinae*, *Bisamrüssler*. *Desmans*). Ихъ зубная система имѣетъ 44 зуба. Кромѣ избытка зубовъ и особеннаго устройства рѣзцовъ, онѣ ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ своихъ родичей. Передній изъ трехъ верхнихъ рѣзцовъ очень великъ, имѣетъ трехгранную форму и поставленъ отвѣстно, между тѣмъ какъ два нижнихъ рѣзца имѣютъ форму усѣченныхъ призмъ и покаты впередъ; кости черепа всюду замкнуты; скуловой отростокъ напоминаетъ своею формою тонкій прутикъ, позвоночный столбъ образуется изъ шейныхъ позвонковъ, изъ 13, къ которымъ прикрѣпляются ребра, 6 не имѣющихъ реберъ, 5 крестцовыхъ и 27 хвостовыхъ. Ихъ туловище болѣе сжато, чѣмъ у другихъ землероекъ, шея необыкновенно коротка и одинаковой толщины съ тѣломъ, такъ что не отдѣляется отъ него; ноги короткія; всѣ 5 пальцевъ ступни соединены другъ съ другомъ плавательной перепонкой; заднія ноги длиннѣе переднихъ; хвостъ продолговато-округлый, съ боковъ сплюснутый, кольчатый, чешуйчатый и скудно покрытый волосами. Наружныхъ ушей нѣтъ; глаза очень малы. Самое замѣчательное въ животномъ это—его носъ, который еще скорѣе, чѣмъ у прыгунчиковъ, можетъ быть названъ хоботомъ; онъ состоитъ изъ двухъ длинныхъ, тонкихъ, соединенныхъ между собою хрящевыхъ трубокъ, которыя съ помощью двухъ большихъ и трехъ меньшихъ мышцъ, находящихся по сторонамъ, могутъ поворачиваться во всѣ стороны и служатъ для различныхъ цѣлей, но преимущественно для ошупыванія предметовъ. Подъ корнемъ хвоста лежитъ мускусная железа, состоящая изъ 20—40 мѣшковъ, изъ которыхъ каждый сверху расширенъ, а снизу болѣе суженъ и содержитъ въ своихъ стѣнкахъ много железистыхъ пузырьковъ. Выдѣляющееся изъ этихъ железъ вещество замѣчательно сильно пахнетъ.

* * *

До сихъ поръ извѣстенъ только одинъ, состоящій изъ двухъ южно-европейскихъ видовъ, родъ подсемейства; одинъ видъ живетъ въ Пиренеяхъ и ихъ отрогахъ, другой въ южной Россіи. Первый видъ — **Альмицилоро испанцевъ** (*Myogale rugosa*. *Desman des Pyrénées*.) представляетъ собою животное въ 25 см. общей длины, изъ которыхъ почти половина приходится на хвостъ; окраска мѣха сверху каштаново-бурая, по бокамъ буро-сѣрая, на брюхѣ серебристо-сѣрая, по сторонамъ хобота бѣловатая; хвостъ темно-бурый съ бѣлыми волосками; переднія лапы покрыты буроватыми волосами, заднія—голыя и чешуйчатые.

Вначалѣ думали, что этотъ видъ водится только на Пиренеяхъ; но Граэлльсъ

и мой братъ нашли его также въ Сьерра-де-Гредось, изъ чего слѣдуетъ предположить, что онъ водится по всему сѣверу Испаніи.

* * *

Выхухоль или **Десманъ** (*Myogale moschata*, *Castor* и *Sorex moschatus*, *M. moscovitica*, *Desman moscovite*) отличается отъ испанскихъ родичей своей величиной, такъ какъ его общая длина достигаетъ 42 см., изъ которыхъ туловище имѣетъ 25 см., а хвостъ 17 см. Глаза малы, слуховыя отверстія густо покрыты волосами, ноздри замыкаются бородавкой, ступни голыя, сверху покрыты тонкой чешуей, внизу сѣтчатыя, на наружныхъ краяхъ усажены плавательными перепонками. Мѣхъ, состоящій изъ очень гладкихъ волосъ ости и крайне мягкаго подшерстка, сверху красновато-бурый, снизу бѣловато-пепельно-сѣрый и серебристо-блестящій.

Выхухоль живетъ на юго-востоки Европы и главнымъ образомъ по рѣчной системѣ Волги и Дона, попадаетъ также въ Азію, именно въ Бухарѣ. Ея жизнь тѣсно

Выхухоль. *Myogale moschata*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

связана съ водой и только въ крайней необходимости она предпринимаетъ небольшія путешествія изъ одного ручья къ другому. Повсюду, гдѣ выхухоль водится, ихъ много. Жизнь выхухольи очень своеобразная и походитъ отчасти на жизнь рѣчной выдры. Она проходитъ на половину подъ землей, на половину въ водѣ. Больше всего выхухоль любитъ стоячія или медленно текущія воды съ высокими берегами, въ которыхъ она легко можетъ выкапывать ходы. Здѣсь ее находятъ по-одиночкѣ или парами въ большомъ количествѣ. Ходы устраиваются искусно и также напоминаютъ ходы рѣчной выдры. Они начинаются сейчасъ-же подъ поверхностью воды и подымаются косо вверхъ, простираясь иногда въ длину на 6 и болѣе метровъ; этотъ ходъ ведетъ въ котловину, лежащую обыкновенно на 1,5—2 м. надъ поверхностью воды и непремѣнно надъ высокой водой, такъ что гнѣздо это всегда бываетъ сухимъ. Отдушныя кверху нѣтъ; несмотря на это, рассказы о томъ, что выхухоль иногда задыхается зимою въ своей норѣ, надо считать пустыми баснями.

Какъ отличный пловецъ и водолазъ выхухоль большую часть жизни проводить въ водѣ, и только въ томъ случаѣ выходитъ на поверхность, когда наводненія выгоняютъ ее изъ подземныхъ ходовъ; но даже и тогда она удаляется лишь на небольшое разстояніе отъ воды. Въ водѣ она проводитъ и день, и ночь, и зиму, и лѣто, такъ какъ даже тогда, когда ледъ покрываетъ рѣки, она продолжаетъ заниматься своимъ ремесломъ и, только наѣвшись до-сыта и утомившись, возвращается въ свою нору, входъ въ которую лежитъ всегда такъ низко, что даже самый толстый ледъ не можетъ его закрыть. Пища выхухоли состоитъ изъ пиявокъ, червей, водяныхъ слизней, комаровъ, водяныхъ пауковъ и личинокъ разныхъ насѣкомыхъ; рыбаки, правда, говорятъ, что она ѣстъ корни и листья айра (*Asopus calamus*), но основаніемъ къ этому предположенію послужило лишь то обстоятельство, что она особенно часто охотится именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть это растеніе. Насколько неуклюжа и неповоротлива кажется выхухоль по виду, настолько-же ловка и проворна на самомъ дѣлѣ. Едва пройдетъ ледъ, можно видѣть, какъ она бѣгаетъ подъ водой въ прибрежномъ тростникѣ и кустарникѣ, поворачиваясь во всѣ стороны, отыскивая червей быстрыми движеніями хобота и часто показываясь на поверхности, чтобы перевести духъ. Въ ясную погоду она играетъ въ водѣ и грѣется на солнышкѣ на берегу. Хоботомъ своимъ она ворокаетъ во всѣ стороны, искусно ощупывая имъ каждый предметъ. Часто она суетъ его въ ротъ и выпускаетъ тогда гогочущіе звуки, похожіе на крикъ утокъ. Когда ее дразнятъ или схватываютъ, она свиститъ и пищитъ, какъ землеройка и старается защититься зубами. Наблюденія надъ плѣнными выхухолями показали, что хоботомъ онѣ умѣютъ очень искусно ловить дождевыхъ червей и другихъ маленькихъ животныхъ и, подобно слону, забирать имъ пищу въ ротъ. На сушѣ она становится чрезвычайно безпокойной и старается какъ можно скорѣе уйти въ воду; какъ скоро она достигнетъ ее, то чувствуетъ себя, повидимому, вполне счастливой и отъ удовольствія кувиркается съ одного бока на другой.

Поймать выхухоль можно довольно легко, особенно весной и во время спариванія, когда животныя играютъ другъ съ другомъ. Если тянуть по водѣ большую сѣть, то въ ней непремѣнно залутаются нѣсколько выхухолей. При этомъ, конечно слѣдуетъ соблюдать возможную осторожность и ловить заразъ только на небольшихъ пространствахъ, чтобы животныя, которымъ сѣти мѣшаютъ двигаться, не задохлись подъ водой. Въ вершахъ и сѣтяхъ, разставляемыхъ рыбаками, часто попадаются погибшія такимъ образомъ выхухоли. Осенью противъ нихъ предпринимаются настоящія охоты, потому-что къ этому времени дѣтеныши вырастаютъ и добыча становится обильной. О размноженіи и количествѣ дѣтенышей у выхухолей до сихъ поръ еще неизвѣстно ничего вѣрнаго; но кажется, что ихъ родится довольно много, по крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуютъ 8 сосцовъ, имѣющихся у самки. Какъ многочисленны должны быть выхухоли, видно изъ того, что мѣха, употребляемые на опушки шапокъ и домашняго платья, стоютъ на наши деньги всего нѣсколько копѣекъ. Зимой, неизвѣстно почему, больше ловятся самцы, а самки рѣдко; лѣтомъ-же, напротивъ, самцовъ попадаетъ весьма мало.

Палласъ является единственнымъ изслѣдователемъ, который даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни выхухоли какъ на свободѣ, такъ и въ неволѣ. Животное выдерживаетъ неволю весьма непродолжительное время, рѣдко болѣе трехъ дней; но Палласъ приписываетъ причину этого дурному обращенію рыбаковъ съ пойманными животными. Если въ помѣщеніе, отведенное для выхухоли, поставить воду, она выражаетъ особенную радость своеобразнымъ чавканьемъ, мытьемъ себѣ хобота и обнюхиваніемъ вокругъ. При ходѣ животное непрерывно переваливается съ боку

на бокъ и, опираясь на ступни ногъ одной стороны, чешетъ и чиститъ себя такъ быстро, что выгладить, какъ будто животное все дрожитъ. Ступни у выхухоли удивительно гибки и ими животное можетъ достать до пояницы, за то хвостъ мало подвиженъ и почти всегда изогнутъ въ видѣ серпа. Выхухоль жадно хватается хоботомъ, словно пальцами, всякую брошенную ей добычу и пихаетъ ее себѣ въ ротъ, обнюхивая со всѣхъ сторонъ; прожорливость ея, повидному, такъ-же велика, какъ и у другихъ насъкомоядныхъ. Вечеромъ она отправляется на покой и лежитъ, скорчившись на одномъ боку, сложивъ на сторону переднія лапы и подобравъ подъ ладони хоботь. Но и во снѣ выхухоль проявляетъ безпокойство и часто мѣняетъ мѣсто. Вода въ ея помѣщеніи портится очень скоро отъ нечистотъ и выдѣленій хвостовыхъ железъ, почему ее слѣдуетъ какъ можно чаще мѣнять. Насколько интересна выхухоль своею подвижностью и ловкостью, настолько-же неприятна въ неволѣ, благодаря своему мускусному запаху, который до того силенъ, что не только наполняетъ собою всю комнату, но даже сообщается всѣмъ животнымъ, которыя съѣдаютъ ее.

У выхухоли, повидному, немного враговъ, какъ между млекопитающими, такъ и между птицами; но большія хищныя рыбы, напримѣръ, щуки, преслѣдуютъ ее очень усердно. Злодѣйки выдають потомъ себя мускуснымъ запахомъ, которымъ до того пропитываются, что становятся совершенно негодными для ѣды. Человѣкъ преслѣдуетъ это красное животное ради его мѣха, который такъ похожъ на мѣхъ бобра и ондатры, что Линней, на основаніи этого, причислилъ выхухоль подъ именемъ мускуснаго бобра (*Castor moschatus*), къ разряду грызуновъ.

Шерстокрылы, имѣющіе отдѣльные отличительные признаки полуобезьянъ, летучихъ мышей и насъкомоядныхъ, но которыхъ нельзя причислить ни къ одному изъ этихъ отрядовъ, служатъ представителями особаго семейства (*Galeopithecidae*) и отдѣльнаго рода (*Galeopithecus*); неопредѣленность ихъ положенія въ систематикѣ ставила многихъ натуралистовъ въ большое затрудненіе относительно зачисленія ихъ въ тотъ или другой отрядъ. Линней причисляетъ ихъ къ полуобезьянамъ, Кювье—къ летучимъ мышамъ, Жофруа—къ хищнымъ животнымъ, Огень—къ сумчатымъ, и, наконецъ, Петерсъ—къ насъкомояднымъ, отрядъ которыхъ и заканчивается этимъ семействомъ. Строго говоря, и здѣсь они не на своемъ мѣстѣ и по изслѣдованіямъ Леха, должны-бы были образовать собою отдѣльный отрядъ. Они по организациіи своей стоятъ ниже всѣхъ поименованныхъ родственныхъ имъ отрядовъ, почему мы и рѣшили отвести имъ мѣсто въ концѣ отряда насъкомоядныхъ. Вслѣдствіе неопредѣленности этого подраздѣленія, эти животныя имѣють массу названій, какъ-то: **крылатая обезьяна, летучія мака, летучія кошки, удивительныя летучія мыши** и т. д.

Шерстокрылы представляютъ собою животныхъ, величиною съ кошку, со стройнымъ туловищемъ, не очень большія конечности котораго соединены широкой толстой кожей, съ обѣихъ сторонъ покрытой волосами. Всѣ пять пальцевъ снабжены подвижными когтями, и между ними нѣтъ большого пальца, противопоставляющагося остальной рукѣ. Короткій хвостъ заключенъ въ летательной кожѣ. Голова относительно мала, морда очень удлинена, глаза средней величины; покрытыя волосами уши малы. Летательная кожа вовсе не имѣетъ значенія летательной перепонки; это лишь парашютъ, который даетъ возможность тѣлу медленно и плавно опускаться при высокихъ прыжкахъ, и такимъ образомъ не представляетъ ничего общаго съ летательной перепонкою летучихъ мышей. Она является продолженіемъ той кожи, которая покрываетъ тѣло, начинается на шеѣ, соединяется съ передними конечностями, облекаетъ ихъ до самой кисти, отсюда идетъ къ заднимъ лапамъ и заканчивается на са-

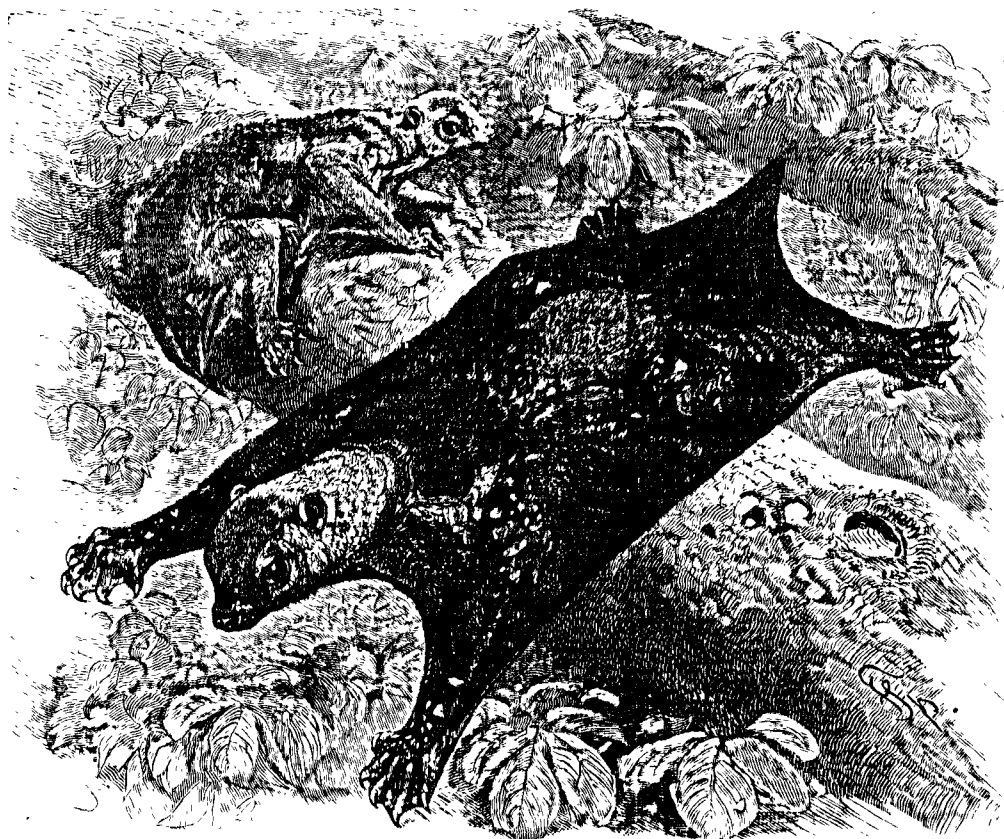
момъ краю хвоста. Такимъ образомъ всѣ конечности заключены въ ней. На каждой груди по два сосца. Зубная система состоитъ изъ 34 зубовъ, а именно 2-хъ рѣзцовъ вверху, 4-хъ внизу, по 1 клыку, по 2 ложнокоренныхъ и по 4 бугорчатыхъ зуба съ каждой стороны челюстей; рѣзцы нижней челюсти зазубрены на подобіе гребня, имѣютъ 8—10 зубцовъ и наклонены впередъ; верхніе-же рѣзцы имѣютъ лопастные коронки. Черепъ вытянутъ, внизу плоскій и широкій, въ мордѣ очень тонкій; скуловые дуги замкнуты; позвоночный столбъ, кромѣ шейныхъ позвонковъ, имѣетъ 10 спинныхъ, 9 поясничныхъ, 4 крестцовыхъ и 18 хвостовыхъ; берцовыя кости разъединены; локтевая кость, такъ-же какъ и берцовая, оканчивается книзу тонкимъ остриемъ; мозгъ очень малъ, желудокъ обширный, кишки длинныя и извилистыя.

Обыкновенный шерстокрыль, Кагуангъ, Кубинъ малайцевъ (*Galeopithecus volans*, *Lemur volans*, *G. rufus*, *variegatus*, *temminckii*.) достигаетъ въ длину 60 см., изъ которыхъ 11—12 см. идутъ на хвостъ; спина его густо обросши волосами, на переднихъ конечностяхъ гораздо меньше волосъ, а плечи и бока туловища совсѣмъ голы. Мѣхъ имѣетъ сверху буро-рыжую окраску, а снизу немного темнѣе; въ молодости онъ окрашенъ иначе: сверху буровато-сѣрымъ, по бокамъ—темно-бурымъ; съ годами-же на конечностяхъ и на летательной кожѣ мѣхъ покрывается свѣтлыми пятнами. Область распространенія, считая всѣ разновидности принадлежащими одному виду, занимаетъ Зондскіе, Молуккскіе и Филиппинскіе острова и черезъ Малайскій полуостровъ простирается до Тенассерима.

Помимо Бондіуса, который первый упоминаетъ о шерстокрылѣ, еще многіе путешественники говорили о немъ; но ни одинъ изъ нихъ, насколько мнѣ извѣстно, не далъ обстоятельнаго описанія этого животнаго. Многое, что разсказывается о немъ, несомнѣнно относится къ крыланамъ; другія-же данныя такъ недостаточны, что о нихъ не стоитъ и упоминать. Только Юнгхунъ даетъ дѣльныя свѣдѣнія о немъ. «Мы услышали вдругъ крикъ, но такой странный и ужасный, что мы сочли его за крикъ ребенка или стонъ погибающаго. Время отъ времени онъ такимъ раздражающимъ диссонансомъ оглашалъ воздухъ тихой ночи, что туземцы, пренебреженные суевѣрнаго страха, прекратили свой веселый говоръ и боязливо сомкнулись около огня въ тѣсный кружокъ. Объясненіе этихъ таинственныхъ звуковъ скоро, впрочемъ, нашлось: предпологавшійся злой духъ представился нашимъ взорамъ, медленно пронесшись надъ нашими головами. Это былъ шерстокрыль, который, перелетая съ одного дерева на другое, издавалъ, время отъ времени, такіе непріятные, стонущіе звуки».

Днемъ шерстокрыль, живущій уединенно въ высокихъ горныхъ лѣсахъ Явы, сидитъ такъ тихо на вѣтвяхъ деревьевъ, между моховыми зарослями, что его почти невозможно замѣтить. Его острые когти даютъ ему возможность ловко и увѣренно лазать по деревьямъ, тогда какъ по землѣ онъ ползаетъ весьма мѣлочно и неуклюже. Опцывая плоды и разыскивая насѣкомыхъ, онъ быстро лѣзетъ на-верхъ, до самой верхушки дерева и затѣмъ спускается по косому направленію къ верхушкѣ другаго дерева, сильно напоминая, по словамъ фонъ-Розенберга, бумажнаго змѣя. Въ то время, какъ животное ползаетъ или ходитъ, его летательная кожа собирается въ складки и укладывается на тѣлѣ, такъ что нисколько не мѣшаетъ его движеніямъ; если-же кагуангъ хочетъ воспользоваться ею какъ парашютомъ, то онъ взбирается на кончикъ сука, соскакиваетъ оттуда сильнымъ прыжкомъ, расправляетъ всѣ свои конечности и медленно паритъ по косому направленію сверху внизъ, перелетая такимъ образомъ пространство, иногда въ 60 метровъ. Кагуангъ никогда не поднимается надъ вышиной, съ которой начинаетъ свой прыжокъ, но всегда опускается внизъ, по сильно на-

клонному направленію. «Однажды въ сумерки», рассказываетъ Валласъ, «я видѣлъ на Суматрѣ шерстокрыла; онъ быстро лѣзъ на-верхъ по стволу дерева и затѣмъ, разрѣзавъ поперекъ воздухъ, скользнулъ на другое дерево; отсюда онъ спустился ближе къ землѣ, чтобы тотчасъ-же снова полѣзть вверху по другому дереву. Я измѣрилъ шагами разстояніе отъ одного дерева къ другому и нашелъ, что животное спрыгнуло съ вершины дерева, вышиною приблизительно въ 14 м., на разстояніе 70-ти метровъ. Отсюда ясно, что оно имѣетъ способность самостоятельно держаться на воздухѣ, такъ какъ иначе у него не было-бы смѣлости дѣлать такіе большіе прыжки.

Шерстокрыль, *Galeorhynchus volans*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

Кагуангъ неповоротливъ въ своихъ движеніяхъ, по крайней мѣрѣ, днемъ онъ всходитъ на деревья короткими прыжками съ частыми остановками, какъ будто желаетъ отдохнуть». Днемъ онъ виситъ, по словамъ этого изслѣдователя, прицѣпившись къ стволу дерева, подъ защитой своей шкуры, которая по окраскѣ—оливковой или бурой съ бѣловатыми крапинами и пятнами—близко подходитъ къ цвѣту древесной коры. Свой цѣпкій хвостъ онъ употребляетъ вѣроятно для отыскиванія себѣ пищи, которая главнымъ образомъ состоитъ изъ листьевъ. «Говорить», прибавляетъ Валласъ, «что шерстокрыль рождаетъ на свѣтъ только одного дѣтеныша, и мои собственныя наблюденія подтверждаютъ это; однажды я застрѣлилъ самку съ очень маленькимъ, вѣжнкимъ, голымъ, сморщеннымъ, слѣпымъ существомъ, которое висѣло на ея груди, напоминая молодыхъ сумчатыхъ животныхъ».

Ягоръ получилъ въ Замарѣ, гдѣ шерстокрылы не рѣдки, живую самку съ дѣтенышемъ. «Она казалась безпомощнымъ, неуклюжимъ животнымъ. Когда ее освободили отъ оковъ, она осталась лежать, вытянувъ всѣ четыре конечности и касаясь животомъ земли; затѣмъ, не поднимаясь предварительно съ земли, поскакала короткими неловкими прыжками къ ближайшему дощатому забору. Достигнувъ этой стѣны, она долго ощунывала доски вогнутыми острыми когтями переднихъ конечностей, пока не убѣдилась въ полной невозможности взлѣзть на заборъ. Если, карабаясь по выступу угла или при помощи своихъ острыхъ когтей, ей удавалось взлѣзть на нѣсколько футовъ вверхъ, то она тотчасъ-же снова падала внизъ, потому что отнимала отъ опоры заднія конечности прежде, чѣмъ когти переднихъ успѣвали ухватиться за что-нибудь твердое; но при паденіи она не получала ни малѣйшаго ушиба, такъ какъ сила паденія значительно уменьшалась широко развернутою летательною кожею. Неудачи, впрочемъ, не останавливали кагуанга, и онъ съ непоколебимымъ упрямствомъ продолжалъ карабкаться по забору, показывая этимъ замѣчательный недостатокъ въ соображеніи: животное брало на себя гораздо болѣе того, что могло сдѣлать. Труды его, конечно, остались безуспѣшными; но оно падало всегда безъ всякаго для себя вреда, благодаря своему природному парашюту. Если-бы шерстокрылъ не привыкъ такъ надѣяться на свой благодатный снарядъ, то онъ больше-бы напрягалъ свои умственные способности для соразмѣренія своихъ силъ. Животное съ такимъ тупымъ упорствомъ продолжало свои безплодные попытки, что я пересталъ дальше слѣдить за нимъ. Черезъ нѣсколько времени мой кагуангъ исчезъ. Я нашелъ его въ темномъ углу подъ крышей, гдѣ онъ, вѣроятно, хотѣлъ подождать ночи, чтобы привести въ исполненіе свое намѣреніе бѣжать. Ему удалось-таки добраться до верхней доски забора, гдѣ, найдя щель между доскою и навѣсомъ изъ плетенаго бамбука, онъ и просунулъ свое туловище. Бѣдное созданіе, которое я столь необдуманно обвинилъ въ чрезмѣрной тупости и неловкости, проявило и ловкость, и умъ, и стойкость, когда того потребовали обстоятельства».

Этимъ ограничиваются наши свѣдѣнія о жизни шерстокрыла. Прибавлю, что туземцы усердно преслѣдуютъ это животное не только ради его мяса—противнаго для европейскаго вкуса—но главнымъ образомъ ради его мѣха, который по качеству не уступаетъ мѣху шиншила и цѣнится довольно высоко.

Отрядъ VII.

Грызуны (Rodentia).

Отрядъ грызуновъ представляетъ собою совершенно естественную и обособленную группу животнаго царства. Они носятъ свое названіе чуть-ли еще не съ большимъ правомъ, чѣмъ хищныя—свое, такъ какъ стоитъ только посмотрѣть имъ въ ротъ, чтобы тотчасъ-же признать въ нихъ грызущихъ животныхъ. Два рѣзца въ каждой изъ обѣихъ челюстей, превращенные въ большіе грызущіе зубы, и отсутствіе клыковъ составляютъ отличительные и постоянные признаки этого отряда.

О вѣншемъ видѣ грызуновъ въ общемъ распространяться много не приходится, такъ какъ отрядъ, очень богатый семействами, родами и видами, охватываетъ собою самыя разнообразныя типы. Общіе признаки всѣхъ родовъ слѣдующіе: туловище въ большинствѣ случаевъ цилиндрическое и опирается на низкія конечности большею частью неравной длины, такъ какъ заднія ноги, обыкновенно немного, а иногда и очень замѣтно, длиннѣе переднихъ; голова сидитъ на короткой, толстой шеѣ; глаза большіе и сильно выступающіе изъ орбитъ; губы мяснатыя, снабжены усами, чрезвычайно подвижныя и спереди раздвоенныя; переднія ноги обыкновенно имѣютъ четыре, а заднія—пять пальцевъ, которые вооружены болѣе или менѣе сильными когтями, а иногда также соединены между собою плавательной перепонкой. Волоса, покрывающіе тѣло, почти всегда равной длины, только въ рѣдкихъ случаяхъ удлинены на концахъ ушей въ видѣ кистей или ступаются на хвостъ.

Рѣзцы значительно больше остальныхъ зубовъ; верхніе всегда больше нижнихъ, всѣ четыре дугообразно изогнуты, съ широкимъ остроконечнымъ или долотообразнымъ рѣзущимъ краемъ, у корня трехъ- или четырехъ-гранные, то плоскіе или выгнутые, то гладкіе или бороздчатые, то бѣлые или желтоватые, даже красные. Наружная или передняя ихъ поверхность покрыта твердою, какъ сталь, эмалью, изъ которой состоятъ также острые вѣнчики или широкіе рѣзущіе края зубовъ; остальная часть зуба состоитъ изъ зубнаго вещества. При постоянномъ употребленіи этихъ главныхъ зубовъ они должны-бы были ступиться или стертись, если-бы не обладали драгоценнымъ преимуществомъ передъ зубами всѣхъ прочихъ млекопитающихъ—расти въ теченіи всей жизни. Корень зуба лежитъ въ ячейкѣ, пробуровленной глубоко въ челюсти и содержитъ на днѣ, въ воронкообразномъ углубленіи постоянный зародышъ, который безпрестанно пополняетъ зубъ, по мѣрѣ того какъ онъ стирается.

Остріе вѣнчика поддерживается постояннымъ треніемъ зубовъ одинъ о другой, способствующимъ ихъ оттачиванію; нижняя челюсть можетъ двигаться не только вверхъ и внизъ, но также впередъ и назадъ. Такимъ образомъ рѣзцы совмѣщаютъ въ себѣ все необходимое, чтобы наилучшимъ образомъ исполнять требуемую отъ нихъ работу. Въ безпрерывномъ ростѣ переднихъ зубовъ грызуновъ можно легко удостовериться, если у какого-нибудь грызуна, напримѣръ у кролика, нарочно сломать одинъ изъ его рѣзцовъ; тогда другой, противоположный зубъ, не подвергаясь болѣе стиранію, начинаетъ расти очень быстро въ видѣ тонкаго крючка, закрученнаго на подобіе рога, искажая этимъ всю челюсть и въ высшей степени затрудняя питаніе животнаго. Только въ одномъ семействѣ грызуновъ можно встрѣтить животныхъ, у которыхъ рядомъ съ большими рѣзцами есть еще въ верхней челюсти два маленькихъ. Коренные зубы, отдѣляющіеся отъ рѣзцовъ большимъ промежуткомъ, имѣютъ или обыкновенные или постоянно растущіе корни; поверхность ихъ покрыта эмалевой каймой или эмалевыми складками, которыя служатъ отличными примѣтами для характеризованія родовъ. Число ихъ колеблется между 2 и 6 съ каждой стороны челюстей.

Въ общемъ продолговатый черепъ сверху сплюснутъ; затылочное отверстіе расположено на задней плоскости, скуловые дуги почти всегда замкнуты; верхне-челюстные кости короткія, межчелюстные кости значительно развиты, нижняя-же челюсть такъ крѣпко выправлена, что боковыя ея движенія почти невозможны. Позвоночный столбъ состоитъ кромѣ шейныхъ изъ 12—16 спинныхъ, 5—7 поясничныхъ, 3—6 крестцовыхъ, 6—32 хвостовыхъ позвонковъ. Длинный узкій тазъ почти всегда замкнутъ, ключицы въ большинствѣ случаевъ существуютъ. У многихъ грызуновъ на внутренней сторонѣ рта имѣются защечныя мѣшки, которые иногда простираются до плечъ и, при собираніи пищи, служатъ запасными складами. Особая мышца оттягиваетъ эти мѣшки назадъ, когда они наполнены. Слюнные железы развиты обыкновенно очень сильно. Желудокъ простой, но иногда бываетъ раздѣленъ перехватомъ на два отдѣленія. Длина кишечнаго канала въ 5—17 разъ превосходитъ длину всего туловища. Яйцеводы самки идутъ каждый отдѣльно въ двураздѣльную матку, переходящую въ длинное влагалище. Мозгъ указываетъ на ничтожное развитіе душевныхъ способностей, полушарія большого мозга малы и съ весьма слабыми извилинами. Органы чувствъ въ большинствѣ случаевъ развиты равномерно и довольно совершенны.

Грызуны распространены по всемъ частямъ свѣта и уживаются во всехъ климатахъ, полаядая подъ всеми градусами широты и долготы, гдѣ только существуетъ растительность. «Среди вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, говоритъ Блазіусъ, «въ мѣстахъ, гдѣ теплый солнечный лучъ только на нѣсколько недѣль вызываетъ скудную, жалкую растительность, на безлюдныхъ уединенныхъ снѣговыхъ вершинахъ Альпъ, на широкихъ, пустынныхъ равнинахъ сѣвера—всюду можно встрѣтить грызуновъ, которые не нуждаются въ болѣе теплыхъ лучахъ дневнаго свѣтла. Но чѣмъ богаче и роскошнѣе растительность, тѣмъ пестрѣе и разнообразнѣе жизнь этого отряда, который едва-ли оставилъ незанятымъ какой-нибудь уголокъ земли». Образъ жизни этихъ повсемѣстныхъ животныхъ въ высшей степени разнообразенъ; большинство изъ нихъ живутъ на деревьяхъ, многія—на землѣ, одни обитаютъ въ водѣ, другія—въ подземныхъ, выкопанныхъ ими самихъ порахъ, нѣкоторыя въ кустарникахъ или-же въ чистомъ полѣ. Всѣ представляютъ собою болѣе или менѣе подвижныхъ созданій, которыя, смотря по образу жизни, имѣютъ отлично бѣгать, лазать, рыть землю или-же, наконецъ, плавать. Хотя всѣ они большею частью отличаются остротою органовъ чувствъ, рѣзвостью и оживленіемъ, тѣмъ не менѣе ихъ нельзя

назвать умными животными; напротивъ, это скорѣе недалекія въ умственномъ отношеніи существа, проявляющія больше трусости, чѣмъ осторожности или хитрости. Многіе изъ грызуновъ живутъ парами, нѣкоторые—семействами, а иногда—и дѣльными стадами; они хорошо уживаются съ другими животными, не дружатъ однако съ ними. Весьма немногіе изъ нихъ проявляютъ злость или хитрость, дикость или дерзость, какъ результатъ извѣстной обдуманности. При опасности они какъ можно скорѣе убѣгаютъ въ свои норы и только меньшинство вступаютъ въ борьбу, или избѣгаютъ преслѣдованія съ помощью хитрости. Всѣ грызуны питаются главнымъ образомъ растительными веществами: кореньями, корою, листьями, цвѣтами, всевозможными плодами, овощами, травой, мучнистыми луковницами и даже древесной; многіе пользуются также и животною пищей, такъ что становятся постоянными всеядными животными. Тѣ изъ нихъ, которые сознаютъ себя слишкомъ слабыми для большихъ путешествій или для борьбы съ суровыми зимами, собираютъ запасы и складываютъ ихъ въ подземныхъ норахъ. Среди всѣхъ млекопитающихъ грызуны могутъ быть названы самыми искусными зодчими, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ сооружаютъ такія замысловатыя постройки, которыя уже съ древнѣйшихъ временъ возбуждали удивленіе въ людяхъ. Многіе изъ нихъ проводятъ зиму въ спячкѣ, впадаютъ въ оцѣпенѣніе и кормятся тѣмъ жиромъ, который массою скопляется у нихъ за лѣто; при упадкѣ жизненной дѣятельности этотъ пищевой матеріалъ расходуется весьма медленно.

Несмотря на свою незначительную величину грызуны имѣютъ весьма важное значеніе въ природѣ; они являются для насъ самыми вредными, опасными врагами. Если-бы у нихъ не было въ свою очередь множества враговъ и если-бы они не подвергались повальнымъ болѣзнямъ, то опустошили-бы всю землю и всецѣло овладѣли-бы ею. Непрерывная истребительная война, которая ведется противъ нихъ, уравновѣшивается только ихъ замѣчательною плодовитостью и способностью къ размноженію, переселивающимся часто вліяніе первой. Страннымъ, конечно, покажется, а между тѣмъ на дѣлѣ оно совершенно такъ: пара нѣкоторыхъ видовъ грызуновъ въ теченіи одного года можетъ произвести до тысячи штукъ потомства; виды, обладающіе такою поразительною производительностью, становятся часто страшными опустошителями и разоряютъ цѣнное имущество людей. Вредъ, наносимый ими въ поляхъ и садахъ уничтоженіемъ и порчею всякихъ полезныхъ вещей и растений, ихъ хищничество въ амбарахъ и жилыхъ помѣщеніяхъ—до такой степени сильны, что значительно превосходятъ доставляемую ими ничтожную пользу. Поэтому человѣкъ долженъ примкнуть къ полчищу враговъ этихъ животныхъ и, пользуясь правомъ сильного, употребляетъ всѣ средства, чтобы оградить себя отъ этихъ паразитовъ земли. Только немногіе виды этого большого отряда допускаютъ сближеніе съ ними человѣка, да и тѣ не заслуживаютъ труда дѣлать ихъ ручными. Польза, доставляемая мясомъ и мѣхомъ нѣкоторыхъ грызуновъ, весьма ничтожна, такъ что ничуть не искупаютъ причиняемаго ими вреда.

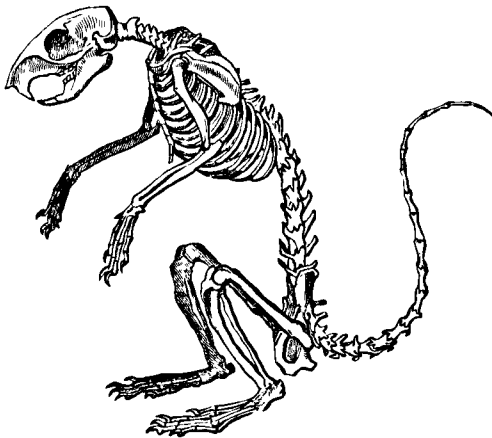
Въ раздѣленіи отряда грызуновъ на отдѣльныя семейства и виды, мнѣнія весьма расходятся. Мы будемъ держаться самой распространенной классификаціи, и разсмотримъ лишь тѣ виды, которые дадутъ намъ возможность обозрѣть въ достаточной полнотѣ весь отрядъ.

* *

Въ первое семейство мы сгруппируемъ всѣхъ **Бѣличихъ** (Sciuridae) съ обоими подсемействами бѣлокъ и сурковъ. Туловище у **Настоящихъ бѣлокъ** (Sciurinae) продолговатое и имѣетъ болѣе или менѣе длинный хвостъ, волосы котораго часто расчесаны на двѣ стороны съ проборомъ по срединѣ. Глаза довольно большіе и вы-

ступаютъ впередъ; уши у однихъ малы, у другихъ велики, иногда покрыты рѣдкими волосами, у нѣкоторыхъ снабжены кисточками. Передняя пара ногъ замѣтно короче задней. Переднія лапы имѣютъ четыре пальца и зачатокъ большого пальца, заднія-же съ пятью пальцами. Въ верхней челюсти находится 5, въ нижней 4 коренныхъ зуба. Между ними первый зубъ верхней челюсти меньше и проще другихъ, остальные-же четыре почти одинаковы. Въ черепѣ особенно выдается широкій плоскій лобъ. Позвоночный столбъ состоитъ по большей части изъ 12 спинныхъ и 7 поясничныхъ позвонковъ; кромѣ того имѣется еще 3 крестцовыхъ и 16—25 хвостовыхъ. Желудокъ простой; кишки различной длины.

Бѣлки живутъ по всей землѣ, за исключеніемъ Австраліи; онѣ распространяются далеко на сѣверъ, встрѣчаются на самомъ знойномъ югѣ, живутъ и въ высокыхъ мѣстахъ, и въ низкихъ; многіе виды селятся въ горахъ, другіе—въ равнинахъ. Лѣса, или по крайней мѣрѣ заросли, служатъ главнымъ ихъ мѣстожителемъ, такъ какъ большинство бѣлокъ ведутъ въ полномъ смыслѣ слова древесную жизнь, и лишь весьма немногіе ихъ виды гнѣздятся въ подземныхъ, выкопанныхъ ими самими убѣжищахъ. Обыкновенно каждая бѣлка живетъ сама для себя, но

Скелетъ бѣлки.

при извѣстныхъ обстоятельствахъ онѣ сходятся въ болѣе или менѣе многочисленныя общества или-же парами и живутъ такъ довольно продолжительное время; нѣкоторые виды, побуждаемые недостаткомъ въ пищѣ, предпринимаютъ путешествія, причемъ соединяются въ огромныя стада. Галль рассказываетъ, что на всемъ западѣ Сѣверной Америки бѣлки въ иные года такъ размножаются, что имъ по неволѣ приходится расселяться. Подобно стаѣ саранчи, животныя осенью все болѣе и болѣе скучиваются и двигаются къ юго-востоку, опустошая поля и сады, грабя лѣса и рощи, перебираясь черезъ горы и рѣки; и несмотря на то,

что на всемъ пути бѣгства ихъ преслѣдуетъ цѣлое полчище враговъ, убыль ихъ не только не существенна, но даже едва замѣтна. Въ дѣлѣ истребленія такихъ бѣлцовъ съ людьми соперничаютъ лисицы, хорьки, соколы и совы; а по берегамъ большихъ рѣкъ можно встрѣтить громадную толпу мальчишекъ, вооруженныхъ налками, которые сотнями убиваютъ животныхъ въ то время, какъ они переплываютъ съ другого берега. Каждый крестьянинъ въ свою очередь безпощадно убиваетъ ихъ при всякомъ случаѣ, и все-таки ряды ихъ не уменьшаются. Въ началѣ такихъ странствованій бѣлки бываютъ жирны и блестящаго цвѣта, но, по мѣрѣ того, какъ на нихъ во время похода сынются всякія бѣдствія, онѣ заболѣваютъ, худѣютъ и сотнями падаютъ жертвами нужды и повальной болѣзни. Сама природа принимаетъ участіе въ истребленіи этихъ плодливыхъ животныхъ, безъ чего человѣку, конечно, было-бы не подъ силу справиться съ ними.

Движенія всѣхъ бѣлокъ, какъ на деревьяхъ, такъ и на землѣ крайне быстры, оживленны и ловки. Только летяги лишены проворства на землѣ, за то онѣ надѣлены способностью дѣлать необыкновенно большіе прыжки, хотя всегда только сверху внизъ. Большинство бѣгаетъ прыжками, ступая при этомъ всею ступней. Почти все превосходно лазаютъ и перепрыгиваютъ большія разстоянія съ одного дерева на

другое. Во время сна онѣ свертываются, предварительно выскивая себѣ для этого удобныя убѣжища; поэтому онѣ отдыхаютъ или въ подземныхъ норахъ, или въ дуплахъ деревьевъ, или-же наконецъ въ гнѣздахъ, которыя онѣ заранѣе устраиваютъ для себя. Живуція въ холодныхъ странахъ при наступленіи зимы или переселяются на югъ, или впадаютъ во временную спячку, заготовляя себѣ для этого большее или меньшее количество запасовъ, которыми и пользуются при нуждѣ. Голосъ ихъ состоитъ изъ свиста и особеннаго, трудно поддающагося описанію, бормотанья, ворчанія и шипѣнія. Душевыя способности довольно ограничены, хотя въ сравненіи съ другими грызунами бѣлки по уму стоятъ гораздо выше. Изъ органовъ чувствъ болѣе развиты: зрѣніе, слухъ и обоняніе; впрочемъ, у нѣкоторыхъ видовъ проявляется также довольно тонкое осязаніе, такъ какъ они способны предчувствовать измѣненія температуры. Бѣлки внимательны, держатся всегда на-сторожѣ и бѣгутъ при малѣйшей опасности. Однако, несмотря на свою трусость и нерѣшительность, они сколь возможно обороняются, когда ихъ схватываютъ, и могутъ сильно ранить своими острыми зубами.

Большинство видовъ ежегодно мечутъ дѣтенышей, и притомъ даже болѣе одного раза. Въ пору любви самецъ довольно продолжительное время живетъ съ самкой, помогаетъ ей въ устройствѣ болѣе или менѣе искуснаго жилища, въ которомъ она впоследствии прячетъ свое потомство. Число дѣтенышей одного помета колеблется между двумя и семью. Дѣтеныши появляются на свѣтъ почти голыми и слѣпыми; поэтому и нуждаются въ тепломъ гнѣздѣ въ усердныхъ заботахъ, и любви со стороны матери. Бѣлочки, взятая изъ гнѣзда молодыми, могутъ безъ особаго труда быть приручены и легко переносятъ продолжительную неволю. Многія изъ нихъ привыкаютъ къ своему воспитателю и нѣжно привязываются къ нему; но умственныя ихъ способности, даже и при постоянномъ общеніи съ людьми, не достигаютъ большого развитія; въ старости-же почти всегда прорывается ихъ упрямый и ворчливый нравъ, свойственный большинству грызуновъ: бѣлки становятся злыми и задорными, какъ-бы ни были раньше добродушны и смиренны.

Хотя всѣ бѣлки предпочитаютъ растительную пищу всякой другой, — а иногда исключительно даже питаются ею, но все-таки онѣ не отвергаютъ, какъ и многіе другіе грызуны, мясной пищи, нападаютъ съ этою цѣлью на слабыхъ млекопитающихъ, усердно преслѣдуютъ птицъ, немилосердно разоряютъ ихъ гнѣзда и умерщвляютъ птенцовъ, какъ настоящія хищныя животныя. Все, что кажется имъ хоть сколько-нибудь съѣдобнымъ, падаетъ жертвою ихъ ненасытной прожорливости. На Явѣ Гаскарлю случалось видѣть цѣлыя деревни, въ которыхъ многочисленныя кокосовыя пальмы никогда не давали созрѣвшихъ плодовъ, потому что тысячи бѣлокъ, гнѣздившихся тамъ, портили своими зубами еще не созрѣвшіе плоды и этимъ мѣшали ихъ дальнѣйшему произростанію; кромѣ того онѣ употребляли кокосовыя орѣхи себѣ на гнѣзда и потому просверливали ихъ не только для того, чтобъ съѣсть, но и чтобъ воспользоваться ихъ скорлупою. Хотя мѣхъ многихъ бѣльчихъ видовъ идетъ въ продажу, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ѣдятъ и мясо ихъ, все-же эта польза не можетъ перевѣшивать того вреда, который бѣлки приносятъ разнымъ полезнымъ растеніямъ и птицамъ. Упомянутыя Гаскарлемъ деревни положительно разорились отъ этихъ животныхъ, и крестьяне выселились изъ нихъ; въ Сѣверной Америкѣ также попадаются селенія, въ которыхъ бѣлки своимъ ужаснымъ грабежемъ на поляхъ приносятъ громадныя убытки. Въ Германіи ихъ усердно истребляютъ какъ вредныхъ животныхъ, незначительная польза которыхъ вся поглощается обиліемъ приносимаго вреда. Въ большихъ просторныхъ лѣсахъ ихъ еще можно терпѣть, но въ паркахъ и садахъ необходимо ихъ истреб-

лить. Онѣ уничтожаютъ гораздо болѣе того, чѣмъ имъ необходимо для насыщенія; какъ разорители гнѣздъ онѣ вполнѣ заслуживаютъ враждебнаго отношенія и самаго упорнаго преслѣдованія, даже тамъ, гдѣ ихъ не размножаютъ цѣлыя полчища.

Большинство членовъ бѣличьяго семейства принадлежитъ къ роду **Дневныхъ** или **Настоящихъ бѣлокъ** (*Sciurus*), распространенныхъ по всему свѣту, кромѣ Австраліи. Всѣ принадлежащія сюда виды до такой степени сходны между собою по вѣншему виду, строенію, образу жизни и нравамъ, что совершенно достаточно описать подробно нашу обыкновенную бѣлку, чтобы получить ясную картину жизни всего этого рода. Отличительными признаками дневныхъ бѣлокъ служатъ: тонкое туловище и длинный, въ большинствѣ случаевъ пушистый и перистый хвостъ, длинныя, украшенныя обыкновенно волосяными кисточками уши, вмѣсто большого пальца бородавка, покрытая ногтемъ, и зубная система, въ которой рѣзцы съ боковъ сдвинуты, а коренныя зубы, изъ которыхъ верхній передній мало развитъ или совсѣмъ отсутствуетъ, отличаются складками эмали, образующими на наружной сторонѣ зуба два выступа

Обыкновенная бѣлка или **Векша** (*Sciurus vulgaris*, *S. alpinus* и *italicus*. Eichbohn. Esigeuil) принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ грызунамъ, съ которыми человѣкъ допускаетъ сближеніе; несмотря на присущія ей многія непріятныя качества, она все-таки держится въ домахъ какъ забавный звѣрекъ и даже воспѣта поэтами. Животное это было отличено уже греками, отъ которыхъ мы и заимствовали его научное названіе, означающее «осѣняющій себя хвостомъ»; всякій, кому понятно значеніе слова *Sciurus*, представитъ себѣ этого подвижнаго, рѣзваго звѣрка, граціозно примостившагося на верхушкѣ дерева. Рюккертъ такъ поэтично воспѣлъ въ стихахъ это милое созданіе, что изслѣдователю приходится отступать со своими сухими научными описаніями:

«Faß feurig gemantelter Königsson
Im blühenden, grünenden Reiche!
Du sitzt auf ewig wankendem Thron
Der niemals wankenden Eiche.

«Und krönest dich selber.—Wie machst du es doch?
Anstatt mit goldenem Reife,
Mit majestätisch geringeltem, hoch
Emporgetragendem Schweife.

«Die Sprossen des Frühlings benagt dein Zahn,
Die noch in der Knospe sich ducken;
Dann klimmst du laubige Kronen hinan,
Dem Vogel ins Nest zu gucken.

*) «Королевичъ въ желто-огненной порфирѣ въ цвѣтущемъ, зеленѣющемъ царствѣ! Ты сидишь на вѣчно пошатывающемся тронѣ непоколебимаго дуба.

•И ты самъ себя коронуешь,—но какъ-же это такъ? Вмѣсто искусственнаго золотого вѣнца надъ твоей головой красуется величественно приподнятый и гордо закрученный хвостъ.

•Твои зубы грызутъ весенніе зачатки несозрѣвшихъ еще почекъ и ты взбираешься на густыя вершины, чтобы заглянуть на птичку въ гнѣздѣ.

«Du lässest hören nicht einen Ton,
Und doch, es regt sich die ganze
Kapelle gefiederter Musiker schon,
Dir aufzuspielen zum Tanze.

«Dann spieles du froh zum herbstlichen Fest
Mit Nüssen, Bücheln und Eiche'n,
Und lässest den letzten schmeichelnden West
Den weichen Rücken dir streicheln.

«Die Blätter haften am Baum nicht fest,
Den fallenden folgst du hernieder
Und trägst, sie staunen, zu deinem Nest,
In ihre Höhen sie wieder.

«Du hast den schwebenden Winterpalast
Dir künstlich zusammengestoppelt,
Dein wärmstoffhaltendes Pelzwerk hast
Du um dich genommen gedoppelt.

«Dir sagt's der Geist, wie der Wind sich dreht,
Du stopfest zuvor ihm die Klinzen,
Und lausest behaglich, wie's draussen weht,
Du frohster verzauberter Prinzen!

Длина туловища бѣлки имѣть почти 25 см., а хвостъ 20 см., высота въ плечахъ 10 см., а вѣсъ взрослога животнаго нѣсколько болѣе 0,25 килогр. Мѣхъ бываетъ различнаго цвѣта зимой и лѣтомъ, на сѣверѣ и на югѣ; кромѣ того встрѣчаются еще случайныя измѣненія. Лѣтомъ окраска мѣха бываетъ буровато-красная, по бокамъ головы она смѣшивается съ сѣрымъ, на нижней сторонѣ, начиная отъ подбородка — бѣлая; зимой-же мѣхъ на верхней части тѣла — буро-красный, смѣшанный съ сѣровато-бѣлыми волосами, а на нижней — бѣлый. Въ Сибири и въ сѣверной Европѣ зимній мѣхъ часто бываетъ бѣловато-сѣрый, безъ всякихъ признаковъ рыжихъ волосъ, лѣтній-же походитъ на мѣхъ нѣмецкой бѣлки. Кромѣ того въ лѣсахъ Германіи часто попадаются черныя экземпляры, но ихъ отнюдь не слѣдуетъ причислять къ особому виду, такъ какъ между дѣтенышами одного помета можно встрѣтить и красныхъ, и черныхъ бѣлочекъ. Чрезвычайно рѣдки бѣлыя бѣлки, или покрытыя бѣлыми пятнами, а также совсѣмъ бѣлохвостыя или съ бѣлымъ на

«Ты не испускаешь ни одного звука, а пернатые музыканты наперерывъ наигрываютъ тебѣ плясовые мотивы.

«Потомъ на осеннемъ иру ты весело играешь съ орѣхами, буквами орѣшками и желудями и позволяешь послѣднему убаюкивающему западному вѣтру нѣжно ласкать твою мягкую спину.

«Листья не вѣчно красуются на деревьяхъ, но ты стремишься поднять упавшіе и снова несешь ихъ, преисполненныхъ удивленія, опять на вершину, въ твое гнѣздо.

«Ты искусно сооронилъ свой височій зимній дворецъ, и шубка твоя стала вдвое пушистѣй, чтобы теплѣе охватывать тебя.

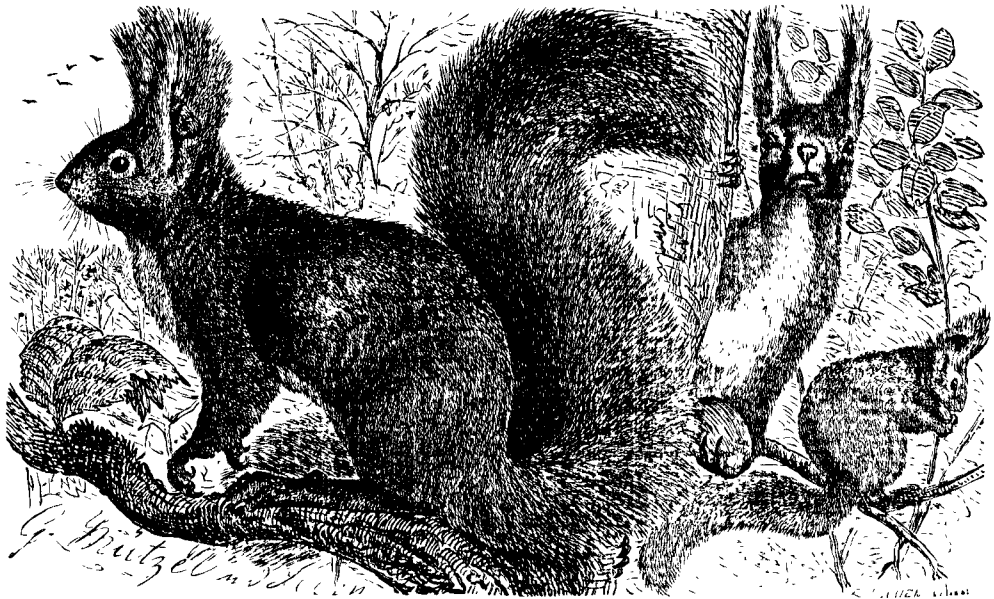
«Тебѣ подсказываетъ духъ, откуда дуетъ вѣтеръ, и, прикрывъ всѣ отверстія своего теплаго гнѣздышка, ты беззаботно будешь прислушиваться къ его свисту, о веселый заколдованный принцъ!

половину хвостомъ. Хвостъ вообще очень пушистый и перистый, уши украшены пучкомъ длинныхъ волосъ, ступни ногъ голыя.

Наша бѣлка такъ-же хорошо извѣстна въ Греціи и Испаніи, какъ въ Сибири и Лапландіи. Область ея распространенія обнимаетъ всю Европу, переходитъ за Кавказъ и Уралъ и чрезъ всю южную Сибирь простирается до Алтая и Индо-Китая. Вездѣ, гдѣ есть деревья, и особенно тамъ, гдѣ деревья образуютъ рощи и лѣса, бѣлку можно найти навѣрно; но она не вездѣ и не во всякое время бываетъ одинаково многочисленна. Всего болѣе она любитъ селиться въ высокихъ, сухихъ и глухихъ лѣсахъ; сырости и солнечнаго свѣта она не выноситъ. Во время созрѣванія плодовъ и орѣховъ она посѣщаетъ въ деревняхъ сады, но только въ тѣхъ случаяхъ, если они примыкаютъ къ лѣсу или рядомъ отдѣльныхъ деревьевъ, или кустарниками. Въ мѣстахъ, изобилующихъ сосновыми и еловыми шишками, она устраивается на долгое житье, располагаясь или въ собственныхъ жилищахъ или въ старыхъ вороньихъ гнѣздахъ, которыя искусно приспособляетъ для себя. Для временнаго пребыванія она пользуется покинутыми гнѣздами сорокъ, воронъ и хищныхъ птицъ въ такомъ видѣ, какъ они оставлены. То-же жилище, которое служить для ночлега, для защиты противъ непогоды или для помѣщенія самки на время родовъ, строится совсѣмъ за-ново, хотя матерьялъ для него берется часто изъ запасовъ, заготовленныхъ птицами. Нѣкоторые утверждаютъ, что каждая бѣлка имѣетъ по крайней мѣрѣ 3—4 гнѣзда; достовѣрно, впрочемъ, это неизвѣстно; мои-же наблюденія показали мнѣ, что нравъ и потребности животнаго обусловливаются личнымъ его характеромъ. Бѣлка любитъ забираться въ дупла деревьевъ или прямо въ пустые стволы, гдѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и устраиваетъ себѣ гнѣздо. Открытыя гнѣзда помѣщаются обыкновенно на развѣтвленіи двухъ сучковъ, возлѣ главнаго ствола дерева. Основаніе гнѣзда такое-же, какъ и въ большомъ птичьемъ, но сверху оно довольно плотно прикрывается плоской, конической крышей,—какъ это бываетъ въ гнѣздахъ сорокъ, чтобы защититься отъ дождя. Главный ходъ устраивается въ сторонѣ и обращенъ обыкновенно на востокъ; возлѣ самого ствола находится другое отверстіе, служащее на случай бѣгства. Внутренность гнѣзда устлана мягкой подстилкою изъ нѣжнаго мха. Наружная сторона состоитъ изъ переплетенныхъ между собою тонкихъ или толстыхъ прутьевъ. Особенно охотно бѣлка пользуется для основанія своего гнѣзда прочнымъ, скрѣпленнымъ землею и глиной дномъ стараго вороньяго гнѣзда.

Этотъ рѣзвый звѣрекъ представляетъ собою безспорно одно изъ главныхъ украшеній нашего лѣса. Въ тихую ясную погоду бѣлка находится въ безпрестанномъ движеніи и преимущественно на деревьяхъ, которыя доставляютъ ей пищу и пріютъ. Иногда она безмятежно спускается внизъ, на землю, добѣгаетъ до другого дерева и опять лѣзетъ на-верхъ, исключительно ради развлеченія, такъ какъ ей нѣтъ никакой необходимости сходить на землю при ея умѣнн доволко перепрыгивать съ дерева на дерево. Бѣлка—та-же сѣверная обезьяна, до такой степени она напоминаетъ собою этихъ забавныхъ обитателей южныхъ странъ. Немного найдется млекопитающихъ, которыя-бы постоянно были такъ рѣзвы и такъ неусидчивы, какъ бѣлка при сколько-нибудь сносной погодѣ. Она безпрестанно мѣняетъ свое положеніе, перескакивая съ дерева на дерево, съ одной верхушки на другую, съ вѣтки на вѣтку; даже на землѣ она ведетъ себя какъ дома, ни мало не стѣсняясь. Она никогда не ходитъ шагомъ и не бѣжитъ рысью, а постоянно прыгаетъ болѣе или менѣе крупными прыжками и притомъ такъ быстро, что собака съ великимъ трудомъ можетъ догнать ее, а человекъ съ нервныхъ-же попытокъ долженъ отказаться отъ преслѣдованія ея. Но ловкость ея особенно проявляется при лазаніи. Съ изумительною увѣренностью и быстротою взлѣзаетъ она по самымъ гладкимъ стволамъ деревьевъ; длинныя и ост-

рые когти на гибких пальцах оказывают ей при этом незамѣнимыя услуги. Она вцѣпляется ими въ кору дерева и притомъ всѣми четырьмя ногами сразу, затѣмъ присѣдаетъ для прыжка и снова ухватывается когтями; но все это она продѣлываетъ такъ быстро, и прыжки такъ безостановочно слѣдуютъ одинъ за другимъ, что наблюдателю кажется, будто животное скользитъ по стволу на верхъ. При лазаніи она производитъ шумъ, который кажется непрерывнымъ, такъ какъ отдѣльных прыжковъ различить нельзя. Обыкновенно бѣлка подымается на самый верхъ дерева безъ остановки; добравшись до крайней вершины, она сбѣгаетъ на какой-нибудь изъ горизонтальныхъ сучковъ и отсюда перепрыгиваетъ на сукъ другого дерева, перескакивая иногда разстоянія въ 4—5 метровъ, и непременно сверху внизъ. Насколько бываетъ ей необходимъ при прыганьи ея перистый хвостъ, убѣдились довольно жестокимъ опытомъ—обрубая его у плѣнныхъ бѣлокъ: изувѣчен-

Бѣлка. *Sciurus vulgaris*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

ное такимъ образомъ животное не можетъ уже болѣе дѣлать такихъ далекихъ прыжковъ. Хотя лапы и не могутъ оказывать бѣлкѣ при лазаньи такихъ услугъ, какъ руки—обезьянамъ, но зато онѣ еще лучше приспособлены для того, чтобы животное могло держаться на тонкихъ, гибкихъ вѣтвяхъ, и притомъ бѣлка слишкомъ ловка, чтобы промахнуться въ прыжкѣ и упасть съ намѣченного сука. Она такъ крѣпко и быстро схватывается за вѣтку, что покачиваніе этой послѣдней нисколько не смущаетъ ее, и она съ тѣмъ-же безмятежнымъ спокойствіемъ и съ присущею ей граціею перебирается на стволъ другого дерева. Бѣлка отлично умѣетъ плавать, но въ воду идетъ неохотно. По поводу этого сочинили различныя басни: будто-бы она бросаетъ предварительно въ воду кусокъ коры, въ которую садится, какъ въ лодку, а распущенный и поднятый хвостъ служить ей при этомъ парусомъ; все это, конечно, пустяки—бѣлка умѣетъ хорошо плавать, какъ и всѣ вообще млекопитающія, въ особенности грызуны.

Въ спокойномъ состояніи бѣлка постоянно занята отыскиваніемъ себѣ пищи. Бѣтъ она, смотря по времени года: плоды или сѣмена, почки, вѣтви, кору, ягоды

зерна и грибы; но всего болѣе любитъ еловые и сосновые сѣмена, почки и молодые побѣги. Она отгрызаетъ шишку хвойныхъ деревьевъ у самаго основанія, удобно усаживается на задніи лапы, передними подноситъ шишку ко рту и, повертывая ее во всѣ стороны, чешуйка за чешуйкой, очищаетъ ее своими прекрасными зубами, а зерна подхватываетъ языкомъ и забираетъ въ ротъ. Очень интересно ее видѣть, когда ей удастся достать много орѣховъ.—ея излюбленное лакомство; особенно она любитъ совершенно зрѣлые орѣхи. Она срываетъ ихъ, беретъ передними лапами и проворно скребетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ скорлупа раздваивается, вертя орѣхъ туда и сюда, до тѣхъ поръ, пока скорлупа не расколется пополамъ или даже на нѣсколько частей; затѣмъ вылуцаетъ зернышко и, какъ всякую пищу, ловко раздробляетъ своими коренными зубами. Горькія зерна, какъ напримѣръ миндаль, для нея ядовиты: достаточно бываетъ двухъ горькихъ миндалинокъ, чтобы отравить животное. Кромѣ сѣмянъ и зеренъ бѣлка любитъ также черничные и брусничные листья и грибы (по Чуди также и трюфели). Плодами собственно она не пользуется; въ грушѣ, напр., или въ яблокѣ сдираетъ все мясо, чтобы добраться до зеренъ. Къ сожалѣнію она большая любительница яицъ, и безцеремонно таскаетъ ихъ изъ найденныхъ гнѣздъ, не щадитъ также молодыхъ птичекъ, а иногда отваживается нападать и на старыхъ. Леницъ отбилъ у одной бѣлки стараго дрозда, который былъ еще настолько силенъ, что, освободившись, тотчасъ-же далеко улетѣлъ; многіе другіе наблюдатели также имѣли случай убѣдиться, что въ столь невинномъ и безвредномъ на видъ грызунѣ таится кровожадный хищникъ, который не щадитъ ни одного маленькаго позвоночнаго животнаго. Шахтъ разъ нашелъ даже убитаго крота въ гнѣздѣ бѣлки.

«Насколько милосивенъ кажется звѣрекъ поверхностному взгляду простаго наблюдателя, любующагося имъ въ лѣсахъ, рощахъ и садахъ», справедливо замѣчаютъ братья Мюллеръ, «настолько-же вреднымъ является въ глазахъ опытнаго изслѣдователя его способъ добыванія пищи, такъ какъ онъ слишкомъ много производитъ опустошеній. Весною бѣлка причиняетъ большой ущербъ росту деревьевъ. Многочисленныя наблюденія показали, что бѣлка портитъ массу молодыхъ сосенъ и елей, грызя ихъ зеленые побѣги и въ особенности обгладывая верхушки, и тѣмъ останавливая ихъ правильный ростъ. Иногда такія порченныя деревья попадаютъ на большихъ пространствахъ и можно встрѣтить хвойныя деревья съ обглоданными вершинами, въ видѣ голыхъ шестовъ, по крайней мѣрѣ въ 5 метровъ вышины. Причина такого поврежденія лежитъ всегда въ недостаткѣ потребнаго количества пищи. Кромѣ того бѣлка еще потому предпочитаетъ весеннія почки, что онѣ гораздо питательнѣе и вкуснѣе, благодаря обилію содержащагося въ нихъ сока. Страсть животнаго къ высасыванію сока изъ деревьевъ обнаруживается въ видѣ винтообразныхъ слѣдовъ, оставляемыхъ на корѣ, такъ какъ бѣлка обгрызаетъ кору хвойныхъ деревьевъ, лиственницъ, пихтъ и сосенъ кругомъ, въ видѣ спирали и тѣмъ совершенно губитъ дерево, заставляя стволъ сохнуть. Но все-таки голословное обвиненіе этихъ животныхъ въ томъ, что они бываютъ исключительными виновниками гибели деревьевъ, какъ это наивно утверждаетъ Бехштейнъ,—несправедливо, такъ какъ въ этомъ у нихъ есть ретивые помощники въ видѣ клестовъ и вѣтра, сваливающихъ иногда и большія, здоровыя деревья. Особенно въ ранніе часы тихаго утра бѣлка любитъ заниматься подгрызаніемъ молодыхъ сосновыхъ побѣговъ, и тогда можно видѣть обильные слѣды ея грабительства, такъ какъ на землѣ, подъ стволомъ дерева, остаются цѣлыя кучи отломанныхъ побѣговъ».

Когда животное имѣетъ изобиліе въ пищѣ, оно тотчасъ-же принимается собирать про черный день. Кладовыя свои бѣлка устраиваетъ въ расщелинахъ и

дуплахъ пустыхъ деревьевъ и корней, въ вырытыхъ самоу норахъ, между кустарниками и камнями, въ одномъ изъ своихъ гнѣздъ и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ и сюда часто издалека притаскиваетъ найденные ею орѣхи, всякія зерна и сѣмена. Въ лѣсахъ юго-восточной Сибири бѣлки собираютъ также и грибы, притомъ совершенно своеобразнымъ образомъ. «Онѣ», замѣчаетъ Радде, «такъ не эгоистичны въ этомъ отношеніи, что не только не прячутъ найденные грибы въ запасъ, но еще насаживаютъ ихъ на иглы сосенъ и елей или на сучки лиственницы и предоставляютъ имъ тамъ сохнуть, чтобы потомъ сдѣлаться достояніемъ какихъ-нибудь изморенныхъ голодомъ несчастныхъ странствующихъ собратій. Складомъ для грибовъ избираются верхушки старыхъ деревьевъ, но еще чаще густой кустарникъ хвойнаго лѣса».

Собираніе этихъ запасовъ на зиму свидѣтельствуетъ о чрезвычайной чувствительности бѣлокъ къ вліянію погоды. Когда солнечные лучи начинаютъ припекать сильнѣе обыкновеннаго, бѣлки проводятъ полуденное время въ снѣ, запрятавшись въ свое гнѣздо, и гулять въ лѣсѣ выходятъ или рано утромъ, или-же вечеромъ; но еще больше боятся онѣ ливня, всякой непогоды, бурь и въ особенности мятелей. Онѣ предчувствуютъ перемену погоды, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно вѣрно. Уже за нѣсколько часовъ до наступленія непогоды онѣ проявляютъ свое безпокойство особенно частыми прыжками туда и сюда по деревьямъ, своеобразнымъ свистомъ и щелканьемъ, которые онѣ издаютъ только во время сильнаго возбужденія. Съ появленіемъ первыхъ признаковъ дурной погоды, онѣ тотчасъ-же прячутся по своимъ гнѣздамъ, или по нѣсколько бѣлокъ въ одну нору, затыкаютъ отверстіе со стороны дующаго вѣтра и, уютно свернувшись въ клубокъ, пережидаютъ тамъ непогоду. Въ холодной Сибири, послѣ хлопотливой осенней жизни, зимніе морозы вызываютъ въ бѣлкахъ такое продолжительное бездѣйствіе, что оно почти переходитъ въ кратковременную зимнюю спячку. Вначалѣ бѣлки ежедневно, хоть не на долго, выходятъ изъ своихъ гнѣздъ, но потомъ онѣ запрятываются въ нихъ на цѣлые дни, такъ что охотникамъ приходится испугивать ихъ ударами топора по дуслу дерева, иначе они такъ и не дождутся звѣрка. Въ Германіи также дурная погода зимою заставляеть бѣлокъ по цѣлымъ днямъ лежать въ своемъ гнѣздѣ, пока голодъ не выгонитъ ихъ оттуда въ кладовыя, гдѣ у нихъ хранятся зимніе запасы. Дурная осень для нихъ обыкновенно гибельна, такъ какъ вынуждаетъ ихъ сѣдять запасы, приготовленные на зиму. Если за такую осень слѣдуетъ хотя мало-мальски суровая зима, то бѣлокъ гибнетъ цѣлая масса: нѣкоторыя кладовыя забываются ими, къ другимъ мѣшается подступиться глубокой снѣгъ, и несчастные звѣрки, столь веселые и бодрые раньше, должны умирать съ голоду. То здѣсь, то тамъ валяются они мертвыми въ своихъ гнѣздахъ, или-же падаютъ отъ изнуренія съ верхушекъ деревьевъ, становясь такимъ образомъ легкою добычею кунницъ. Въ буковыхъ и дубовыхъ лѣсахъ бѣлкамъ все-таки легче живется, потому-что кромѣ оставшихся на деревьяхъ орѣшковъ и желудей, онѣ выкапываютъ ихъ еще въ большомъ количествѣ изъ подъ снѣга и такимъ образомъ поддерживаютъ свое питаніе.

Въ Германіи бѣлки только въ рѣдкихъ случаяхъ совершаютъ большіе переходы; болышею частью онѣ ограничиваютъ свое путешествіе сосѣднимъ лѣсомъ, обирая по дорогѣ все, что попадаетъ на деревьяхъ и кустахъ. Въ сѣверныхъ-же краяхъ, особенно въ Сибири, онѣ предпринимаютъ каждый годъ регулярно болѣе или менѣе дальнія путешествія, при этомъ проходятъ также и безлѣсныя пространства, переплываютъ быстрыя рѣчки и потоки или поднимаются на горы, избѣгая, впрочемъ, ихъ вершинъ. Радде подробно рассказываетъ объ этихъ путешествіяхъ бѣлокъ по собственнымъ наблюденіямъ и этимъ существенно дополняетъ описаніе

образа жизни этих животных. Наблюдателю, занимающемуся изслѣдованіями въ горахъ юго-восточной Сибири, на первый разъ кажется страннымъ, когда онъ неожиданно встрѣчаетъ позднюю осень множество бѣлокъ, которыя направляются въ мѣстности, гдѣ растутъ сибирскіе кедръ со зрѣлыми орѣхами, такъ какъ самое назначенное отступленіе отъ избранной дороги ведетъ животныхъ или въ чащи бѣдныхъ кормомъ еловыхъ лѣсовъ, или-же въ жидкій лиственный лѣсъ, гдѣ странствующія бѣлки тоже немного чего могутъ промыслить для себя. Если изслѣдователь старательно изучаетъ край и по цѣлымъ мѣсяцамъ сосредоточиваетъ свои наблюденія на одной мѣстности, то онъ приходитъ къ тому убѣжденію, что эти путешествія предпринимаются бѣлками не случайно, и животными въ данномъ случаѣ управляетъ вовсе не инстинктъ, а основательное знаніе мѣстности и пониманіе своего дѣла: бѣлки отлично знаютъ, гдѣ созрѣваютъ кедровые орѣхи, и гдѣ ихъ больше всего.

«Лѣтомъ», рассказываетъ Радде, «когда въ горахъ Малаго Хингана можно встрѣтить еще короткошерстныхъ черныхъ бѣлокъ, весело разгуливающихъ парочками и прискивающихъ въ чащѣ лѣса удобныя мѣстечки, чтобы между развѣтвленіями двухъ шишковатыхъ сучьевъ построить спокойное гнѣздышко для будущихъ дѣтенышей,—попадаются отдѣльно бродящія бѣлки, очевидно не связанные никакими семейными заботами, которыя направляются съ запада на востокъ, огибая лѣсъ, растущій по краямъ горъ. По стертымъ ногамъ ихъ и по мозолямъ, налившимся кровью, можно судить, что онѣ идутъ издалека. Эти отдѣльные странники являются въ качествѣ развѣдчиковъ, изучающихъ мѣстность. Въ августѣ они снова возвращаются съ разслѣдованныхъ ими горныхъ долинъ, развѣдавши, какъ тамъ обстоитъ дѣло по части еловыхъ шишекъ. Мѣсяць спустя, т. е. въ концѣ сентября, можно видѣть, какъ оживляются кедръ, какъ они заселяются рѣзвыми звѣрками, которые размѣщаются на ихъ сучьяхъ то поодиночно, то группами, а то такъ и цѣлыми кучами. Въ 1856 г. въ одной долинѣ Малаго Хингана, прилегающей къ правому берегу Амура, въ продолженіи четырехъ дней собаки загнали въ юрты тунгузовъ трехъ бѣлокъ; въ слѣдующій затѣмъ годъ эти лѣтніе странники сдѣлались гораздо многочисленнѣе. Послѣ довольно сухого лѣта 1857 г., благоприятствовавшего созрѣванію кедровыхъ орѣховъ, послѣдовала сырая осень, привлекавшая такое громадное количество бѣлокъ, скучившихся на нѣкоторыхъ, поросшихъ кедрами высотахъ долины, что я съ моимъ тунгузомъ могъ убить ихъ въ одинъ день до 87 штукъ. Въ 1858 году, благодаря сырому лѣту, большая часть кедровыхъ шишекъ погнила; вслѣдствіе этого и пришлыхъ бѣлокъ оказалось весьма немного, такъ что самая богатая ежедневная добыча охотника не превышала 20-ти штукъ. Въ 1852 году юго-западные склоны Байкальскихъ горъ, которые до того времени отличались обиліемъ пушныхъ звѣрей, такъ замѣтно опустѣли вслѣдствіе переселенія животныхъ въ другія мѣста, что большинство охотниковъ должны были отправиться на югъ ради болѣе выгодной охоты. Хотя осеннія путешествія свойственны всѣмъ вообще бѣлкамъ, совершающимъ длинныя, утомительныя переходы, однако рѣдко ихъ можно встрѣтить вмѣстѣ густыми толпами. Онѣ двигаются не такъ какъ пеструшки—въ строгомъ порядкѣ, а разсыпаются по горамъ и долинамъ мелкими группами, пока не встрѣтятся на дорогѣ подходящее мѣсто отдохновенія. Можно считать рѣдкимъ явленіемъ, когда бѣлки направляются куда-нибудь большою толпою, плотно скучившись между собою. Это было однажды осенью 1847 года подѣ Красноярскомъ, гдѣ нѣсколько тысячъ бѣлокъ переплыли вмѣстѣ широкой въ этомъ мѣстѣ Енисей, но онѣ тогда-же всѣ были пербиты на улицахъ этого города».

По наблюденіямъ Радде, странствующимъ бѣлкамъ не препятствуютъ совершать такія большія путешествія ни претерпѣваемые несчастія, ни встрѣчающіяся пе-

удачи. У нѣкоторыхъ бѣлокъ онѣ находятъ гнойныя раны на ногахъ и все-таки онѣ продолжаютъ свое путешествіе; многихъ онѣ потомъ находятъ потонувшими въ Амурѣ или сидящими на льдинахъ, такъ какъ онѣ даже во время ледохода пытаются перенлыть рѣки.

Съ наступленіемъ ночи живущая постоянно въ одномъ мѣстѣ бѣлка удаляется въ свое гнѣздо и спитъ тамъ до разсвѣта; но и въ темнотѣ она не бездѣйствуетъ. Однажды ночью Ленць приказалъ двумъ работникамъ снести въ лѣсъ высокую лѣстницу и приставить ее къ дереву, на которомъ было гнѣздо бѣлки съ дѣтенышами. Все это выполнилось въ безусловной тишинѣ. Фонарь остался внизу у рабочихъ, а Ленць полезъ по лѣстницѣ на дерево. Какъ только онѣ дотронулся рукой до гнѣзда, обитатели его съ быстротой молніи повыскакали оттуда, кто выше на дерево, кто внизъ на стволъ, одна соскочила прямо на землю, и такимъ образомъ въ одно мгновеніе все разбѣжалось. Голосъ бѣлки въ испугѣ громко звучитъ какъ «дукъ, дукъ»; удовольствіе свое или досаду животное выражаетъ особеннымъ, непередаваемымъ слогами ворчаньемъ, или—какъ удачно выражаются Дитрихъ и Ленць—бормотаньемъ. При сильной радости или возбужденіи она свиститъ. Изъ органовъ чувствъ зрѣніе, слухъ и обоняніе отличаются своимъ высокимъ развитіемъ; не бездѣйствуетъ и осязаніе, какъ о томъ свидѣтельствуетъ способность бѣлокъ предчувствовать погоду; наблюденія-же надъ плѣнными животными показали, что и вкусъ у нихъ также развитъ. За душевныя способности бѣлокъ говорить ихъ прекрасная память, а также хитрость, къ которой прибѣгаетъ животное, желая спастись отъ враговъ: съ быстротой молніи бросается бѣлка на самое высокое изъ близъ стоящихъ деревьевъ, направляется почти всегда по противоположной сторонѣ ствола вверхъ до перваго развѣтвленія, при этомъ голову высовываетъ только въ крайнемъ случаѣ, вся сжимается, прячется и старается какъ можно незамѣтно совершить свое бѣгство.

Старыя бѣлки спариваются въ первый разъ въ мартѣ, молодыя-же немного позже. Самка собираетъ вокругъ себя въ это время до десяти и болѣе самцовъ, которые вступаютъ изъ за любви въ кровавыя драки. Вѣроятно и здѣсь награда въ видѣ отвѣтной любви получается самымъ храбрымъ: самка отдается болѣе сильному и привязывается къ нему на довольно продолжительное время. Черезъ четыре недѣли послѣ спариванія самка мечетъ въ хорошо устроенномъ и мягко выстланномъ гнѣздѣ 3—7 дѣтенышей, которые, приблизительно, въ теченіи 9 дней остаются слѣпными и пользуются нѣжной любовью своей матери. Для родовъ избираются преимущественно дупла деревьевъ; Ленць утверждаетъ, что самки устраиваются на это время также въ скворечницахъ, которыя висятъ на деревьяхъ тутъ-же, въ лѣсу; съ этою цѣлью ихъ тщательно выстилаютъ мхомъ, снабжаютъ удобнымъ входомъ, а запасное отверстіе расширяютъ зубами для большаго удобства. «Какъ до рожденія дѣтенышей, такъ и въ періодъ кормленія ихъ молокомъ», говоритъ Ленць, «родители весело и граціозно играютъ вокругъ гнѣзда. Когда-же дѣтеныши стануть выходить изъ гнѣзда, то въ продолженіи еще 5 дней, при хорошей погодѣ, играютъ все вмѣстѣ, бѣгая, поддразнивая другъ друга, гоняясь за нищей и при этомъ не переставая ворчать и пищать; потомъ вдругъ вся семья разбѣгается и исчезаетъ въ сосѣднемъ сосновомъ лѣсу». Въ случаѣ какой-нибудь тревоги,—что очень хорошо знаютъ мальчики,—мать тащитъ своихъ дѣтенышей въ другое гнѣздо, часто довольно отдаленное отъ перваго. Поэтому, если хотить достать дѣтенышей, надо быть крайне осторожнымъ и не дотрагиваться до гнѣзда, гдѣ находятся маленькіе, до тѣхъ поръ, пока не наступитъ удобный моментъ схватить ихъ. Когда дѣтеныши перестанутъ сосать, мать, а можетъ быть также и отецъ, въ продолженіи еще нѣсколькихъ дней приносятъ имъ нищу; затѣмъ родители предоставляютъ свое

юное потомство на произволь судьбы и послѣ того приступаютъ къ вторичному спариванію. Покинутые дѣтеныши нѣкоторое время еще пребываютъ вмѣстѣ, мило играютъ другъ съ другомъ и скоро свыкаются съ обычаями взрослыхъ. Въ юнѣ самка вторично родить, обыкновенно нѣсколько меньшее число дѣтенышей, чѣмъ въ первый разъ; когда и эти подрастутъ уже настолько, что могутъ самостоятельно бѣгать повсюду, она часто соединяетъ ихъ съ прежнимъ выводкомъ и тогда вся ватага, въ 12—16 штукъ, поселяется вмѣстѣ въ какой-нибудь части лѣса.

Бѣлка замѣчательно чистоплотна: она способна безпрерывно лизать и чистить себя. Ни своего, ни дѣтскаго кала она никогда не оставляетъ въ гнѣздѣ, а въ большинствѣ случаевъ сваливаетъ у ствола дерева. Въ этомъ отношеніи бѣлка весьма пригодна для содержанія въ комнатахъ. Желая приручить бѣлокъ, ихъ берутъ изъ гнѣзда еще маленькими и кормятъ молокомъ и булкой, пока онѣ не въ состояніи будутъ ѣсть зерна. Если въ домѣ имѣется недавно родившая кошка и притомъ добродушнаго нрава, то маленькую бѣлочку поручаютъ для вскормленія ей, и та получаетъ такое хорошее воспитаніе, какого человѣкъ никогда-бы не могъ предоставить ей самъ. Въ первомъ томѣ уже говорилось, какъ охотно нѣкоторыя добродушныя кошки берутъ на себя подобныя заботы, и дѣйствительно трудно представить себѣ что-нибудь милѣе такого тѣснаго общенія двухъ различныхъ животныхъ.

Въ молодости всѣ бѣлки представляютъ собою рѣзвыхъ, веселыхъ и совершенно безвредныхъ звѣрковъ, которые очень охотно поддаются ласкамъ и баловству со стороны человека. Онѣ скоро привыкаютъ и привязываются къ своему воспитателю и проявляютъ положительную понятливость, такъ какъ скоро распознаютъ свою кличку. Къ сожалѣнію, вносльдствіи, подъ старость, даже самыя ручныя становятся злыми, хитрыми и тогда имъ отнюдь нельзя довѣряться, особенно весной, въ пору любви. Бѣлокъ нельзя пускать безрешетственно бѣгать по всему дому и по двору, такъ какъ онѣ имѣютъ обыкновеніе все обнюхивать, отыскивать, грызть и таскать къ себѣ въ нору; поэтому ихъ постоянно держатъ въ клеткѣ, которую съ внутренней стороны обиваютъ листовымъ желѣзомъ, чтобы бѣлка не такъ скоро могла прогрызть ее. Но во всякомъ случаѣ необходимо позаботиться, чтобы бѣлкѣ было обо что точить свои рѣзцы, такъ какъ иначе они могутъ черезъ чуръ вырасти и тѣмъ лишать животное возможности размельчать пищу, даже прямо-таки будутъ препятствовать питанію. Поэтому въ кормѣ имъ даютъ разные твердые предметы, какъ-то: орѣхи, еловые шишки или-же просто деревянные шарики и всякія вещицы изъ дерева; это является не только необходимостью для самихъ бѣлокъ, но также и большимъ удовольствіемъ и для тѣхъ, кто любитъ граціознымъ звѣркомъ. Предлагаемую имъ пищу бѣлки ловко берутъ передними лапами, убѣгаютъ съ нею въ укромное мѣстечко, садятся на заднія лапы, закидываютъ на верхъ хвостъ и принимаютъ грызть, безпрестанно озираясь во всѣ стороны своими хитрыми глазками; поѣвши, онѣ тотчасъ-же чистятъ себѣ ротъ и хвостъ, а затѣмъ начинаютъ рѣзвиться, весело прыгая. Эта постоянная рѣзвость и необыкновенная чистоплотность бѣлокъ заслуживаютъ имъ общую любовь и справедливо зачисляють ихъ въ ряды симпатичныхъ животныхъ, которыхъ пріятно имѣть при себѣ.

Самаго опаснаго врага бѣлка имѣетъ въ кунницѣ. Лисицѣ весьма рѣдко удается поймать бѣлку; точно также звѣрекъ умѣетъ укрываться отъ коршуновъ, ястребовъ и большихъ совъ, ловко спасаясь отъ ихъ преслѣдованій на деревѣ, куда взбирается съ быстротою стрѣлы, крутясь спиралью вокругъ ствола. Птицы не успеваютъ слѣдовать за нею, потому что имъ приходится описывать большіе круги, а бѣлка тѣмъ временемъ достигаетъ своей норы на густой верхушкѣ, гдѣ и можетъ безопасно укрыться. Совершенно другое дѣло, когда ей приходится спасаться отъ кунницы.

Этотъ страшный хищникъ лазаетъ почти такъ-же хорошо, какъ и бѣлка; онъ преслѣдуетъ несчастнаго грызуна шагъ за шагомъ какъ на верхушкахъ деревьевъ, такъ и на землѣ, залѣзаетъ даже въ дупла деревьевъ, гдѣ онъ думаетъ спастись, или въ самыя гнѣзда съ толстыми стѣнами. Оглашая воздухъ пугливымъ щелканьемъ и свистомъ, бѣлка старается убѣжать отъ своего врага, но быстроногій хищникъ слѣдуетъ за нею по пятамъ, конкурируя съ нею въ ловкости и быстротѣ прыжковъ. Единственная возможность спасенія для бѣлки заключается въ ея способности безъ вреда для себя спрыгивать на землю съ самой высокой верхушки дерева и затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, бѣжать дальше, чтобы снова взлѣзть на дерево и при необходимости снова повторить этотъ фортель. Поэтому, когда ее преслѣдуетъ куница, она старается какъ можно скорѣе добраться до вершины, употребляя при этомъ обычный способъ лазать по спирали, такъ какъ въ это время стволъ служить ей прикрытiемъ. Куница, впрочемъ, и передъ этимъ не останавливается: она мигомъ взбирается вслѣдъ за бѣлкою на высочайшую вершину. Ловкiй хищникъ готовъ уже схватить бѣлку за шею—но та сильнымъ дугообразнымъ прыжкомъ спрыгиваетъ съ высоты, какъ стрѣла прорѣзываетъ воздухъ, горизонтально вытянувъ всѣ члены, и ловко падаетъ на землю; черезъ мгновение она снова встаетъ совершенно невредимою и, робко озираясь, спѣшитъ укрыться въ безопасномъ мѣстѣ. Тутъ ужъ куницѣ не поспѣть за бѣлкою; тѣмъ не менѣе шустрый звѣрекъ все-таки въ концѣ концовъ становится добычею куницы, такъ какъ неутомимый хищникъ охотится до тѣхъ поръ, пока измученная жертва отъ истощенія сама не отдается ему въ руки. Молодые бѣлочки подвергаются гораздо большимъ опасностямъ, чѣмъ взрослые; когда онѣ не умѣютъ еще бѣгать, ихъ можетъ достать всякiй, мало-мальски расторопный человекъ, въ чемъ я убѣдился по собственному опыту. Мальчиками мы часто лазали за маленькими бѣлочками на деревья и изумительное равнодушіе, съ какимъ онѣ подпускали насъ къ себѣ, влекло ихъ къ неминуемой гибели. Какъ только мы добирались до сука, на которомъ сидѣли звѣрки, они могли считать себя уже погибшими. Мы тотчасъ-же начинали изо всей силы качать сукъ, и перепуганная бѣлочка думала только о томъ, чтобы крѣпко удержаться на немъ и не унасть. Продолжая трясти сукъ, мы подвигали этимъ бѣлочку все ближе и ближе къ концу вѣтки, пока наконецъ звѣрка можно было схватить, протянувъ руку. Дѣло, конечно, не обходилось при этомъ безъ болѣе или менѣе сильныхъ укусовъ, но и безъ этого, даже отъ прирученныхъ бѣлокъ намъ порядкомъ попадало. Последнихъ я ловилъ такимъ-же способомъ, если имъ удавалось убѣжать изъ клѣтки.

На Ленѣ крестьяне всю весну, съ начала марта до половины апрѣля занимаются исключительно ловлею бѣлокъ; нѣкоторые ставятъ съ этою цѣлью до тысячи ловушекъ, которыя состоятъ изъ двухъ досокъ, съ укрѣпленной между ними палочкой, къ которой для приманки нацѣпляютъ кусочекъ сушеной рыбы. Какъ только бѣлка дотрагивается до приманки, ее тотчасъ-же пришибаетъ верхняя доска. Чтобы не испортить мѣха, тунгузы стрѣляютъ въ нее тупыми стрѣлами или вооружаются винтовками съ пулями, величиной съ горошину, которыми и убиваютъ звѣрка прямо въ голову. По устнымъ сообщенiямъ Раде, охота за бѣлками въ юго-восточной Сибири чрезвычайно занимательна и дѣйствуетъ возбуждающе. Охотника сильно интересуетъ количество убитыхъ звѣрковъ, такъ какъ мѣхъ ихъ, извѣстный подъ названiемъ «бѣличьяго» или «фе», представляетъ выгодный товаръ, который всегда находитъ покупателей. Самые лучшіе мѣха получаютъ изъ Сибири и, по Ломеру, чѣмъ дальше съ востока, тѣмъ темнѣе и дороже, и стоятъ 25—45 копѣекъ штука; по эту сторону Урала бѣлки свѣтлѣе, и шкурка ихъ

цѣнятся только въ 15—20 коп. Мѣха, вывозимые изъ Ланландіи, такъ плохи, что о нихъ не стоитъ и говорить. Самыми лучшими мѣстами шкурки считаются спинка и брюшко. Россія и Сибирь ежегодно доставляютъ 6—7 милліоновъ шкурокъ на 2—3 милліона марокъ; на западно-европейскій рынокъ поступаетъ только 2—3 милліона шкурокъ, остальные-же идутъ внутрь страны или въ Китай. Вместе со шкурами идутъ въ употребленіе также и хвосты, преимущественно для боа; ихъ продаютъ на вѣсъ за 40—100 рублей килограммъ; изъ отдѣльных-же волосъ хвоста дѣлаютъ рисовальныя кисти. На бѣлое, вѣжное, вкусное мясо бѣлки повсюду ходятъ любители.

Древніе считали мозгъ и мясо бѣлки обладающими чудеснымъ цѣлебнымъ свойствомъ; между простымъ народомъ еще до сихъ поръ держится суевѣріе, что пепель сожженного самца-бѣлки помогаетъ отъ всякихъ болѣзней больному жеребцу, а пепель самки — больной кобылѣ. Многіе акробаты и канатные плясуны увѣрены, что могутъ вполне обезпечить себя отъ головокруженія, если будутъ принимать истертый въ порошокъ мозгъ бѣлки; поэтому они стараются заблаговременно запастись драгоценнымъ для нихъ звѣркомъ и преслѣдуютъ его весьма старательно. Животное это однако рѣдко подвергается преслѣдованію со стороны людей. Милостивость и рѣзвость звѣрка настолько привлекаютъ къ нему человека, что онъ часто оказываетъ ему покровительство, котораго тотъ совѣтъ и не заслуживаетъ. Польза, приносимая бѣлкою случайнымъ истребленіемъ майскихъ жуковъ и другихъ вредныхъ насекомыхъ, а также тѣмъ, что она хотя и безучастно со своей стороны, но все-таки способствуетъ разведенію дубовъ влѣдствіе таскаемыхъ ею желудей, — совершенно ничтожна въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который она наноситъ; порча деревьевъ, у которыхъ она отгрызаетъ молодые побѣги, почки и кору, воровское уничтоженіе плодовъ, идущихъ на питаніе человѣку, и хищническіе набѣги на птицъ, заслуживающихъ покровительства — заставляютъ причислить бѣлку къ безусловно вреднымъ животнымъ или по крайней мѣрѣ строго присматривать за нею. Если еще ко всему перечисленному прибавить хищническое и гнусное разграбленіе птичьихъ гнѣздъ, которое производится бѣлкой съ такою-же ловкостью, какъ и жадностью, то приходится согласиться съ мнѣніемъ братьевъ Мюллеръ, рисующихъ это животное во вѣхъ отношеніяхъ вреднымъ и заслуживающимъ кореннаго истребленія.

* * *

Лѣса Америки, Африки и Индіи также изобилуютъ красиво окрашенными бѣлками, которыя, благодаря своей подвижной дѣятельности, привлекаютъ иногда вниманіе наблюдателя не меньше, чѣмъ обезьяны. Кроме того нѣкоторые изъ нихъ довольно легко приручаются и, сдѣлавшись домашними животными, забавляютъ своего воспитателя разными удивительными выходками и разнообразными чертами своего характера, которыя при ихъ свободной жизни не такъ замѣтны. Пехуэль-Леше держалъ у себя и наблюдалъ въ Лоанго одинъ маленькій видъ африканскихъ бѣлокъ, который окраскою своего мѣха существенно отличался отъ **Бѣлки-карлика** (*Sciurus minutus*), но не могъ быть въ точности опредѣленъ, потому что животное убѣжало. Онъ сообщаетъ по поводу этого звѣрка слѣдующее: «Мыъ принесли однажды въ подарокъ прехорошенькую бѣлку съ ржаво-желтымъ мѣхомъ, по сторонамъ котораго пробѣгали двѣ двойныя черновато-бѣлыя полосы. Называли звѣрка «мкака». Онъ былъ, по видимому, взрослый, но величиною не больше круной мыши, такъ что его можно было спрятать въ горсти. По прошествіи нѣсколькихъ дней онъ настолько обжился съ нами, что сталъ безъ стѣсненія разгуливать по вѣмъ комнатамъ; весело игралъ онъ со всякими предметами, причемъ изъ горла его исходили пріятные звуки «такъ-

такъ», а роскошный пунистый хвостъ то и дѣло покачивался изъ стороны въ сторону; впрочемъ ночью наблюдалось въ немъ больше оживленія, чѣмъ днемъ. Его фантазіи мѣнялись необыкновенно быстро. Одно время онъ затѣвалъ лазать за мною повсюду, точно ему доставляло особенное удовольствіе всматриваться своими умными глазами во всякое мое движеніе; чистясь и почесываясь, онъ особенно любилъ сидѣть на моей чернильницѣ: когда я заносилъ руку, чтобъ погрузить въ чернила перо, онъ быстро вспрыгивалъ на нее, а потомъ снова садился на прежнее мѣсто; затѣмъ мѣстомъ для сидѣнія онъ избралъ мою голову, потомъ плечо, любилъ залѣзть за открытый воротъ рубашки, или въ одинъ изъ кармановъ, такъ что когда я подымался, мнѣ прежде всего приходилось осмотрѣть себя, не было-ли гдѣ-нибудь на мнѣ этого крошечнаго звѣрка, иногда такъ и засыпающаго въ карманѣ. Дляспанья я приладилъ ему на вышкѣ выдолбленный плодъ адансоніи. Онъ самъ уже старательно устлалъ его мягкими трипочками, клочками ваты и пакли, которые стащилъ изъ комнаты моего сосѣда и, взлѣзая по палкѣ, служившей ему въ качествѣ лѣстницы, или по камышевой перегородкѣ, сволокъ все это въ свою норку. Набивка гнѣзда представляла не мало трудностей, такъ какъ отверстіе въ адансоніи было очень маленькое; но хлопотливый звѣрекъ умудрился-таки просовывать въ него нужный матерьялъ, то пихая его снаружи, то втягивая изнутри, и оставилъ это дѣло только тогда, когда вся норка была устлана какъ слѣдуетъ и въ отверстіе ничего уже болѣе нельзя было просунуть. При всякой усердной работѣ милостивый и необыкновенно чистооплотный звѣрекъ испускалъ время отъ времени, свое радостное «такъ-такъ» или усаживался гдѣ-нибудь въ покойномъ уголкѣ и торопливо приглаживалъ и чесалъ взлохмаченные длинные волосы хвоста, озираясь по сторонамъ своими большими, темными глазками.

«Его подвижная натура, вѣчно стремившаяся къ переменамъ, не позволяла ему ни минуты оставаться покойнымъ и долго предаваться какому-нибудь удовольствію. Едва прошла недѣля съ водворенія его въ микромъ гнѣздышкѣ, какъ оно ему уже надоѣло, и онъ началъ разорять съ такимъ трудомъ устроенную постельку, чтобы сдѣлать себѣ новую въ соблазвившемъ его уголкѣ на книжной полкѣ; а потомъ и это ему прискучило, такъ что спальня была снова перенесена, на этотъ разъ въ карманъ моего сюртука, висѣвшаго на стѣнѣ подлѣ моего рабочаго стула. Тамъ онъ, повидимому, чувствовалъ себя очень хорошо, такъ что я считалъ его вполне успокоившимся въ этомъ отношеніи, но когда я однажды сталъ доставать свои сапоги, подвѣшанные отъ крысъ къ самой балкѣ потолка, и потянулъ за шнурокъ, на которомъ они висѣли, то нашелъ тамъ приготовленное бѣлкой гнѣздышко, устланное паклей, ватой и перьями. Въ тотъ-же разъ я открылъ, что мой рѣзвый любимецъ имѣетъ обыкновеніе таскать къ себѣ въ гнѣздо всякіе блестящіе и гладкіе предметы, какъ это дѣлаютъ суслики; я нашелъ тамъ пистоны, патронныя капсулы, стеклянные и фарфоровые черепки и, между другими вещами, долгое время пропадавшій наперстокъ. Въ остальномъ бѣлочка не причиняла намъ вреда, хотя и дѣлала попытки грызть корешки книгъ и отточенные карандаши; только разъ она сильно разсердила насъ, когда разгрызла Фалькенштейну множество пробныхъ оттисковъ съ фотографическихъ негативовъ.

«Всякую пищу — плоды, хлѣбъ, мясо, яйца, мака ѣла съ удовольствіемъ, деликатно брала ее прямо изъ рукъ и ѣла какъ нани бѣлки. Одно время звѣрекъ проявлялъ необыкновенное расположеніе къ моему сѣрому попугаю, живущему также на свободѣ, старался быть постоянно около него и совершенно оставилъ меня; мало того, онъ измѣнился даже въ характерѣ: не игралъ болѣе, не ласкался ко мнѣ, даже не позволялъ себя гладить,—однимъ словомъ совсѣмъ одичалъ. Однажды

онъ исчезъ. По всей вѣроятности онъ сдѣлался добычею крысъ, несмотря на свою изворотливость. Всѣ мои попытки достать вторую мкаку остались безплодными; туземцы утверждаютъ, что это очень рѣдкій звѣрекъ».

* * *

Къ дневнымъ бѣлкамъ присоединяются также **Летучія бѣлки** или **Летяги** (*Pteromys. Flughörnchen. Polatouche*). Отъ первыхъ онѣ отличаются главнымъ образомъ тѣмъ, что ихъ ноги соединены широкой летательной перепонкой. Этотъ своего рода парашютъ, — способствующій летягамъ легко совершать очень значительные прыжки сверху внизъ по косому направленію — состоитъ изъ плотной кожи, которая прикрѣпляется къ переднимъ и заднимъ конечностямъ и къ обѣимъ сторонамъ туловища и покрывается на спинѣ густыми, а на нижней сторонѣ жидкими и рѣдкими волосами. На пясти есть костяная шпорца, которая подпираетъ передній конецъ летательной перепонки. Хвостъ служитъ хорошимъ рулемъ и отличается силою; однако онъ не одинаковъ у различныхъ видовъ: у однихъ онъ просто густой, у другихъ — же перистый. Къ этому прибавляется еще незначительное различіе въ строеніи зубовъ. Летяги съ круглыми хвостами, изъ которыхъ нѣкоторыя отдѣлены даже въ особый родъ, характеризуются особеннымъ строеніемъ своихъ маленькихъ, округленныхъ и суженныхъ коренныхъ зубовъ, тогда какъ виды съ перистымъ хвостомъ имѣютъ зубную систему настоящихъ бѣлокъ. Обѣ группы, которыхъ мы соединяемъ въ одинъ родъ, распространены въ сѣверной части земного шара; по сравненію съ другими родами семейства они бѣдны видами.

* * *

Тагуанъ (*Pteromys petaurista, Sciurus petaurista Taguan.*) — самое большое животное изъ всего семейства бѣлокъ, такъ какъ по росту своему очень близко подходитъ къ домашней конокѣ; длина его туловища достигаетъ 60 см., хвостъ почти такой-же длины; высота въ зашейкѣ — 20 см., съ развернутой летательной кожей онъ имѣетъ въ ширину 60 см. Туловище тагуана продолговатое, шея короткая, голова относительно мала, а морда заострена. Уши короткія и широкія, поставлены торчкомъ, а иногда даже заострены на концахъ; выступающіе впередъ глаза велики. Заднія ноги значительно длиннѣе переднихъ; первыя имѣютъ по пяти, послѣднія — по четыре пальца, которые, за исключеніемъ покрытой плоскимъ ногтемъ бородавки большого пальца, имѣютъ короткіе, крючковатые и острые когти. Летательная кожа начинается у переднихъ ногъ, идетъ затѣмъ дальше къ бокамъ туловища и продолжается до заднихъ ногъ, у которыхъ она удлиняется въ маленькую кожистую складку, идущую къ хвосту. Въ спокойномъ состояніи она плотно прилегаетъ къ туловищу и выступаетъ въ видѣ лопасти только тамъ, гдѣ ее подпираетъ костяная шпорца у пясти. Длинный отвислый хвостъ очень толстъ и пушистъ, мѣхъ на туловищѣ и на конечностяхъ густой, короткій и плотно прилегающій къ тѣлу; на спинѣ онъ гораздо грубѣе, нежели на брюхѣ и на хвостѣ; летательная перепонка отъ короткихъ тонкихъ волосковъ, окаймляющихъ ее, кажется какъ-бы обшитую бахромой. Позади ушей отдѣльные волоски удлиняются въ пучокъ, а на щекѣ имѣется бородавка, усыпанная щетинками. Усы относительно длинны, но жестки. Какъ у всѣхъ ночныхъ животныхъ нѣсколько такихъ чувствительныхъ волосковъ торчатъ надъ глазами для предохраненія этого важнаго органа. На верхней части головы, на спинѣ и у корня хвоста окраска мѣха представляетъ собою смѣсь сѣраго съ чернымъ, происходящую оттого, что отдѣльные волоса или совсѣмъ черные, или-же съ бѣловато-сѣрымъ кончикомъ; стороны головы и полоса, идущая отъ затылка къ

переднимъ ногамъ, или одинаковаго цвѣта со спиною, или-же красновато-каштановаго; лицо спереди черное, уши свѣтло-бурыя, а пучокъ волосъ позади ихъ темно-бурый. На животѣ мѣхъ грязновато-бѣло-сѣраго цвѣта, посрединѣ, впрочемъ, немного свѣтлѣе. Летательная перепонка сверху черно-бурая, переходящая понемногу въ каштановый цвѣтъ съ свѣтло-пепельно-сѣрыми краями; снизу-же сѣрая, имѣющая отчасти желтоватый отливъ. Ноги красновато-каштановыя или красновато-черныя; хвостъ черный.

Родину тагуана составляютъ всѣ области Остѣ-Индіи и Цейлона, въ которыхъ встрѣчаются сплошныя лѣса; онъ живетъ тамъ или поодиочно, или парами, въ самыхъ густыхъ лѣсахъ и преимущественно на самыхъ высокихъ деревьяхъ. Днемъ онъ спитъ въ дуплѣ, ночью-же выходитъ и лазаетъ по верхушкамъ деревьевъ съ необыкновенной быстротой, ловкостью и увѣренностью, или-же перепрыгиваетъ большими прыжками съ одного дерева на другое, и непременно сверху внизъ. При этомъ онъ вытягиваетъ свои ноги горизонтально и такимъ образомъ распускаетъ свою летательную кожу въ видѣ большого парашюта. Жердонъ измѣрилъ длину этого прыжка въ 60 метровъ. Хвостъ служитъ ему рулемъ и животное, благодаря этому, можетъ измѣнять по своему произволу направленіе полета. Однако Сандерсонъ оспариваетъ это, утверждая, что туземцы основываютъ свою ловлю тагуановъ на томъ, что тѣ должны падать непременно по прямому направленію: охотники поэтому становятся какъ разъ въ томъ мѣстѣ, куда долженъ упасть летящій тагуанъ, и, подкарауливъ его, убиваютъ ударомъ палки. Увѣряютъ, что быстрота его прыжковъ, какъ и вообще всѣхъ его движеній, такъ велика, что глазъ едва успѣваетъ слѣдить за нимъ. Изъ органовъ чувствъ у тагуана довольно хорошо развиты слухъ и зрѣніе, остальные-же гораздо менѣе совершенны. По душевнымъ своимъ способностямъ онъ значительно разнится отъ настоящихъ бѣлокъ, такъ какъ гораздо глуше, трусливѣе и пугливѣе своихъ дневныхъ родичей. Малѣйшій шумъ приводитъ его въ ужасъ и побуждаетъ къ поспѣшному бѣгству. Пользуясь робостью животного, въ Индіи весьма удачно охотятся на него въ свѣтлыя лунныя ночи; туземцы подвѣшиваютъ къ сучьямъ деревьевъ мѣшки и, когда всполошенное животное со страха бросается на вѣтку, оно попадаетъ въ мѣшокъ, отверстие котораго быстро затягивается веревкой, которую дергаетъ стоящій внизу охотникъ. Такимъ способомъ удается поймать трусливаго тагуана живьемъ.

Вслѣдствіе трудности наблюдать тагуана, появляющагося только ночью и притомъ въ самой чащѣ лѣсовъ, въ свѣдѣніяхъ относительно его образа жизни ощущается большой недостатокъ. Жердонъ сообщаетъ, что тагуанъ питается всевозможными плодами, а также почками, побѣгами и древесною корою; Тиккель прибавляетъ, что, при случаѣ, онъ ѣстъ и насѣкомыхъ. Свинхое даетъ свѣдѣнія объ одномъ родственномъ тагуану видѣ, живущемъ въ Китаѣ. Собиратели камфоры замѣтили на высокомъ старомъ деревѣ большое гнѣздо и срубили дерево. При паденіи гнѣздо упало, и оттуда выскочили двѣ большія летучія бѣлки, направившіяся искать убѣжища на сосѣднемъ деревѣ. Гнѣздо имѣло въ діаметрѣ цѣлый метръ, сдѣлано оно было изъ сухихъ вѣтвей и выстлано травой; сбоку находилось входное отверстие. Работники нашли въ гнѣздѣ живого дѣтеныша и присвоили его себѣ. На крикъ дѣтеныша явилась мать, которую тотчасъ убили; другой же тагуанъ, очевидно самецъ, узнавъ о гибели своихъ близкихъ, убѣжалъ на дерево и, прыгая съ вѣтки на вѣтку, скрылся наконецъ въ глухомъ лѣсу. Изъ мяса убитой самки работники приготовили себѣ, по ихъ словамъ, чрезвычайно вкусный обѣдъ. Маленькая бѣлочка, все время визжавшая подобно морской свинкѣ, была отдана Свинхое, который сталъ кормить ее молокомъ; бѣлочка жадно сосала его, но жила у Свинхое недолго, такъ

что не успѣла еще прозрѣть. Впослѣдствіи Свинхое получилъ еще одного живого тагуана, стараго самца, котораго держалъ нѣкоторое время въ клѣткѣ и кормилъ плодами. Это было въ высшей степени свирѣпое существо, отталкивавшее отъ себя всякаго, кто вздумалъ-бы приблизиться къ нему, пронзительнымъ злобнымъ крикомъ; при этомъ онъ забивался въ уголь клѣтки, и если къ ней подходилъ воспитатель, онъ и его окидывалъ злымъ взоромъ и схватывалъ за руку. Его темные съ круглыми зрачками глаза свѣтились зеленоватымъ блескомъ, вѣрно показывая, что обладатель ихъ — ночное животное. Напротивъ того, Эллиотъ называетъ тагуана очень кроткимъ, робкимъ и способнымъ къ прирученію животнымъ; но онъ настолько нѣженъ, что воспитаніе его весьма затруднительно. По Тиккелю, тагуанъ, пойманный молодымъ, представляетъ изъ себя очень привлекательнаго баловня, который охотно питается первое время козымъ или коровьимъ молокомъ (Стерьдаль, впрочемъ, совѣтуетъ давать имъ молоко, разведенное водою); спустя три недѣли онъ уже проявляетъ потребность грызть, и ему даютъ всевозможные плоды. Днемъ онъ много спитъ, причѣмъ или совсѣмъ свертывается въ клубокъ, пряча голову подъ животъ, или лежитъ на спинѣ съ вытянутыми ногами и распростертой летательной перепонкой; послѣднее положеніе онъ принимаетъ главнымъ образомъ при знойной погодѣ. Ночью онъ постоянно въ движеніи, но въ общемъ не такъ рѣзвъ, какъ обыкновенная бѣлка; походка его на землѣ представляетъ собою неувѣренную, подпрыгивающую рысь, даже на стволахъ и вѣтвяхъ деревьевъ онъ не обнаруживаетъ особеннаго проворства, напротивъ — при лазаніи ему, кажется, мѣшаетъ висящая складками летательная перепонка. Голосъ тагуана состоитъ изъ однообразной трели, въ родѣ барабанной, но такой тихой, что даже въ комнатѣ нужно внимательно прислушиваться, чтобы различить ее.

Мѣхъ тагуана, по словамъ Жердона, цѣнится очень высоко, если онъ не испорченъ.

* * *

Въ сѣверныхъ странахъ водятся летяги съ перистымъ, густымъ, длиннымъ и пушистымъ хвостомъ. Въ сѣверной части восточной Европы и почти во всей Сибири живетъ **Летяга** или **Полетуха** русскихъ, **Умки** или **Омке** восточно-сибирскихъ народовъ (*Pteromys volans*, *Sciurus rotans*, *Pteromys* и *Sciuropterus sibiricus*. Sibirisches Flatterhörnchen. Polatouche de Sibirie). Животное это значительно менѣе нашей бѣлки; туловище его имѣетъ всего 16 см. въ длину, хвостъ только 10 см. или-же вмѣстѣ съ длинными волосами 13 см., а вѣсъ взрослога животнаго рѣдко превышаетъ 180 грам. Густой, мягкій, шелковистый мѣхъ лѣтомъ на спинѣ блѣдно-бурый, на летательной перепонкѣ и на наружной сторонѣ ногъ темнѣе, сѣро-бураго цвѣта, на животѣ бѣлый, а на хвостѣ сверху блѣдно-сѣрый, а снизу свѣтло-ржавый. Всѣ волоса верхней части туловища у основанія темно-сѣрые, а на концахъ значительно свѣтлѣе, на нижней же сторонѣ они одноцвѣтно-бѣлые. Зимой мѣхъ дѣлается длиннѣе, гуще и свѣтлѣе, такъ что вся спина вмѣстѣ съ хвостомъ выглядитъ тогда серебристо-сѣрой, хотя основная окраска волосъ вовсе не измѣняется.

Летяга обитаетъ въ большихъ березовыхъ или смѣшанныхъ лѣсахъ, состоящихъ изъ пихты, сосны и березы. Это послѣднее дерево, кажется, является для летяги существенною потребностью; съ нимъ согласуется даже окраска мѣха животнаго, подходящая къ цвѣту березовой коры, подобно тому, какъ наша бѣлка похожа по цвѣту на кору сосенъ и елей. Она становится теперь все болѣе и болѣе рѣдкимъ звѣркомъ, а изъ многихъ мѣстностей, гдѣ прежде встрѣчалась довольно часто, уже совершенно вытѣснена; однако-же все-таки попадается и можетъ быть чаще, чѣмъ это думаютъ. О. фонъ-Левинъ пишетъ мнѣ, что она и по настоящее время водится

ИНДИЙСКАЯ ЛЕТЯГА.

11

въ глухихъ лѣсахъ Лифляндіи, хотя наблюдать ее почти не приходится. Въ Россіи-же ее совсѣмъ нельзя считать рѣдкимъ звѣремъ, особенно въ Сибири, гдѣ, по Раде, ее зачастую можно видѣть въ благоприятныхъ для нея мѣстностяхъ, т. е. въ березовыхъ и вообще въ лиственныхъ лѣсахъ; впрочемъ, она нерѣдко заходитъ и въ села, встрѣчаясь даже въ садахъ. Подобно тагуану она живетъ поодиночно, или парами, и всегда на деревьяхъ. Днемъ она спитъ въ дуплахъ деревьевъ или въ гнѣздахъ, свернувшись, какъ орѣшниковая соя, и обернувъ себя хвостомъ; съ наступленіемъ-же сумерекъ выходитъ и начинаетъ свою дѣятельную жизнь. Въ движеніяхъ своихъ она такъ-же проворна, какъ и дневная бѣлка, отлично лазаетъ ловко прыгаетъ съ одной вѣтви на другую и при помощи широко раскрывающейся летательной перепонки, перепрыгиваетъ разстоянія въ 20—30 метровъ. Чтобы перелетѣть такое разстояніе, летяга взбирается на самую высокую верхушку и прыгаетъ оттуда на нижніе сучья намѣченного ею дерева. На землѣ она настолько-же безпомощна и не увѣрена въ себѣ, насколько ловка и проворна на деревьяхъ. Походка ея переваливающаяся, притомъ при бѣганьи ей сильно мѣшаетъ широкая летательная перепонка, которая болтается складками по обѣимъ сторонамъ туловища.

Пища летяги состоитъ изъ орѣховъ, сѣмянъ различныхъ растений, изъ ягодъ березовыхъ почекъ, молодыхъ побѣговъ и сережекъ; но при нуждѣ животное довольствуется также молодыми сосновыми побѣгами и почками. При ѣдѣ летяга садится на заднія лапы, какъ наша бѣлка, и подноситъ пищу ко рту передними лапами. Вообще всѣми своими качествами она вполне напоминаетъ нашу бѣлку и различается отъ нея только тѣмъ, что принадлежитъ къ ночнымъ животнымъ. Подобно всѣмъ своимъ сородичамъ, летяга очень чистоплотна, постоянно чистится и кладетъ свои нечистоты исключительно на землю. Съ наступленіемъ холодовъ она впадаетъ въ зимнюю спячку, которая, впрочемъ, временами прерывается, такъ какъ она спитъ только въ морозные дни; при умѣренныхъ-же холодахъ она просыпается и, по крайней мѣрѣ, два часа въ день посвящаетъ отыскиванію себѣ пищи. Для спячки она приготовляетъ себѣ обыкновенно или одно изъ своихъ старыхъ гнѣздъ, или водворяется въ гнѣздѣ какой-нибудь птицы. Свое собственное гнѣздо она устраиваетъ въ дуплистыхъ деревьяхъ и притомъ какъ можно выше надъ землей. Все гнѣздо она выстилаетъ мягкимъ мхомъ или рыхлой землей, и этимъ же прикрываетъ и законопачиваетъ входъ въ нее. Въ такомъ гнѣздѣ она рождаетъ лѣтомъ 2—3 дѣтенышей. Они являютъ на свѣтъ голыми и слѣпыми и довольно долгое время остаются въ безпомощномъ состояніи, требуя постоянныхъ заботъ о себѣ. Днемъ мать окутываетъ ихъ своею летательною перепонкою, чтобы лучше согрѣть и вмѣстѣ съ тѣмъ удобнѣе кормить; ночью-же, отлучаясь на поиски за добычею, она заботливо покрываетъ свое молодое потомство мхомъ. Спустя 6 дней послѣ ихъ рожденія прорѣзываются рѣзцы, а еще черезъ 10 дней открываются глазки, и затѣмъ уже начинаютъ расти на тѣлѣ волосы. Впослѣдствіи мать беретъ дѣтенышей съ собою въ лѣсъ, но еще долго не покидаетъ своего гнѣзда, а днемъ постоянно пользуется тамъ отдыхомъ и спокойнымъ убѣжищемъ. Осенью часто многія изъ летягъ устраиваютъ общее большое гнѣздо, гдѣ и живутъ всѣ вмѣстѣ. Несмотря на то, что тонкая и мягковолосая шкура доставляетъ плохой мѣхъ, который имѣетъ цѣну только у однихъ китайцевъ, за этимъ животнымъ все-таки охотятся весьма дѣятельно и каждую зиму истребляютъ его во множествѣ. Летяги довольно легко попадаютъ въ петли, а въ зимнее время въ ловушки, куда ихъ приманиваютъ любимую ими пищею. Охотники легко нападаютъ на ихъ слѣды по кучамъ помета, весьма похожаго на мышинный, — который они оставляютъ въ большомъ количествѣ подъ деревьями.

Плѣнные летяги, которыя содержались у Левиса, необыкновенно скоро сдѣ-

лались ручными и доврчивыми, безбоязненно садились на руки, охотно позволяли гладить себя и спокойно поглядывали при этомъ на своего воспитателя замѣчательно большими и прекрасными, черными глазками, ѣли изъ рукъ орѣхи, но совершенно отказывались отъ предлагаемыхъ имъ почекъ различныхъ деревьевъ. «Вначалѣ», пишетъ мнѣ Левисъ, «я посадилъ ихъ въ проволочную клетку, но потомъ позволялъ свободно бѣгать и лазать по всей комнатѣ. Однажды, когда мой отецъ неожиданно вошелъ въ комнату, одна изъ нихъ такъ испугалась, что бросилась, широко распахнувъ свою летательную перепонку, прямо съ окна въ жерло топившейся печки, привлеченная туда, вѣроятно, яркимъ пламенемъ или просто ослѣпленная имъ. Хотя бѣдное животное тотчасъ-же было вынута изъ печки, но оно успѣло уже настолько опалить себя, что я изъ состраданія долженъ былъ убить его. Другая летяга сдѣлалась жертвой научныхъ изслѣдованій. Грубе, которому я послалъ ее, убилъ звѣрка для того, чтобы анатомировать его».

Я также получилъ однажды изъ Россіи живую летягу, но тогда у меня не было возможности сдѣлать надъ нею такія обстоятельныя наблюденія, какъ впоследствии надъ ея сѣверо-американскимъ родичемъ, къ которому я и перехожу теперь.

* * *

Ассананъ, какъ называется въ Сѣверной Америкѣ вышеупомянутая летучая бѣлка (*Pteromys volucella*, *Sciurus* и *Sciuropterus volucella*. Assapan. Assapanick.), можетъ считаться однимъ изъ маленькихъ по величинѣ видовъ своего рода; величина его не превышаетъ 24 см., включая сюда и хвостъ въ 10 см. Въ высшей степени мягкая и нѣжная шерсть на спинѣ желто-буровато-сѣраго цвѣта, по сторонамъ шеп свѣтлѣе, на лапахъ серебристо-бѣлая, а на всей нижней сторонѣ желтовато-бѣлая; хвостъ пепельно-сѣрый съ буроватымъ оттѣнкомъ, летательная перепонка черная съ бѣлыми краями, глаза черновато-бурые. Звѣрекъ живетъ обществами въ лѣсахъ теплаго и умѣреннаго пояса Сѣверной Америки совершенно такъ-же, какъ и летяга, но только ловится чаще послѣдней, вывозится въ Германію и выдерживаетъ въ неволѣ при соответствующемъ уходѣ цѣлые годы безъ видимаго вреда для себя, даже размножаясь въ клеткѣ.

День летяги проводятъ въ своей клеткѣ, лежа свернувшись въ клубокъ и спрятавшись какъ можно дальше. Въ сонномъ состояніи онѣ позволяютъ дѣлать надъ собою какія угодно наблюденія. Въ нихъ и тѣни нѣтъ той безумной ярости, какая наблюдается у сони въ то время, когда нарушать ей сонъ; онѣ позволяютъ брать себя въ руки, вертѣть, ворочать во все стороны, осматривать и при этомъ вовсе не пускаютъ въ ходъ свои острые зубы. Въ крайнемъ случаѣ онѣ отваживаются только на попытку ускользнуть, и ихъ шелковисто-мягкій мѣхъ, по своей гладкости и упругости, какъ нельзя болѣе способствуетъ легкому выскользыванію изъ рукъ. Онѣ просыпаются нѣкоторое время спустя послѣ захода солнца, рѣдко раньше 9-ти ч. вечера. Сначала на верхнемъ краю ящичка для спанья показывается круглая головка, затѣмъ высовывается туловище, а тамъ и весь звѣрекъ по-бѣличьи граціозно усаживается на узкомъ краю гнѣздышка, отчасти притянувъ свою летательную перепонку къ тѣлу, отчасти свѣсивъ ее черезъ край. Своими маленькими, совершенно открытыми ушами, окаймленнымъ усамъ носомъ и большими темными глазами ассананъ изслѣдуетъ окружающую его обстановку. Когда ничего подозрительнаго не замѣчается, летяга какъ тѣнь проскальзываетъ въ глубину, все равно по косой или вертикальной линіи, держа голову постоянно впередъ, не издавая ни малѣйшаго шума и двигаясь почти незамѣтно для глазъ при помощи конечностей, въ большинствѣ случаевъ покры-

тыхъ летательною перепонкою. Съ необыкновенною ловкостью ходитъ она кверху ногами, цѣпляясь за плетеную крышку кѣтки, какъ будто-бы въ обыкновенномъ положеніи по гладкой площадкѣ; на тонкихъ вѣтвяхъ она словно по канату балансируетъ съ неподражаемою увѣренностью и ловкостью; по землѣ прыгаетъ быстрѣ мыши и при всемъ этомъ умѣетъ съ помощью летательной перепонки стрѣлою перелетать все пространство кѣтки и, перелетѣвъ, сразу прицѣпиться, какъ-бы прирости къ сучку, на который съѣла, не сдѣлавъ при этомъ ни малѣйшаго колебательнаго движенія для возстановленія равновѣсія. Между тѣмъ по дорогѣ она схватываетъ какой-нибудь кусочекъ, орѣхъ, пшеничное зернышко, крошку мяса изъ чашки, пьетъ, скорѣе причмокивая, чѣмъ лакал изъ сосуда, моетъ себѣ голову слюною, причесываетъ волоса ногтями переднихъ ногъ, приглаживаетъ ихъ затѣмъ ладонью, а сама поминутно вертится, вытягивается, изгибается, какъ будто-бы кожа представляла собою мѣшокъ, въ которомъ свободно болтается туловище. Тѣмъ

Ассананъ. *Pteromys volucella*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

временемъ товарищи по лицу тоже начинаютъ пошевеливаться, карабкаться другъ другу на спину, взлѣзать на жерди, цѣпляться за нихъ, за стѣнки кѣтки и висѣть или бѣгать и прыгать во всевозможныхъ положеніяхъ, на что очень способны всѣ грызуны.

Послѣ того какъ голодь и жажда утолены, а весь мѣхъ приведенъ въ надлежащій порядокъ, летяга всецѣло предастся веселью и играмъ. Съ минуту она сидитъ какъ-бы раздумывая, что ей предпринять; затѣмъ сразу бросается по косому направленію внизъ, перерѣзывая все пространство кѣтки съ помощью совершенно развернутой летательной перепонки. На одинъ моментъ она прицѣпляется къ противоположной стѣнѣ и сейчасъ-же вслѣдъ затѣмъ снова стремится назадъ, схватываясь при прыжкахъ за ближнія вѣтви и жерди, а оттуда такъ-же стремительно переносится куда-нибудь въ другое мѣсто. Это необыкновенно подвижное животное каждую минуту мѣняетъ положеніе: задрать голову кверху, оно носится назадъ и впередъ по кѣткѣ, мечется во всѣ стороны, бросается вверхъ на крышку

или вниз на землю, висеть на сѣвкахъ, прицѣпляется къ краю ящичка для снабья, отъ чашки для корма перепрыгиваетъ къ сосуду съ водою, изъ одного угла въ другой, бѣгаетъ, носится какъ вихрь, прыгаетъ, скользитъ, летаетъ, вѣшается, присаживаясь среди всего этого лишь на минуту, однимъ словомъ находится въ вѣчной суетѣ, какъ будто-бы у него тысячи двигающихся суставовъ, и словно для него не создала природа никакихъ препятствій. Надо обладать проницательною и неустанною наблюдательностью, чтобы быть въ состояннн услѣдить за всѣми движеніями летяги, различить ея отдѣльныя положенія и отмѣтить ихъ; наблюдать-же этихъ превосходныхъ лазуновъ, оставляющихъ въ этомъ искусствѣ за собою всѣхъ прочихъ животныхъ, въ то время, когда они двигаются цѣлымъ обществомъ, становится по-ложительно невозможнымъ. Быстрота въ смѣнѣ движеній просто изумительна, такъ что, когда летяга перестала уже сновать, глазъ наблюдателя все еще продолжаетъ чувствовать передъ собою мелькающее движеніе животного, хотя оно уже какъ ни въ чемъ не бывало смиренно сидитъ, ушибившись за топки, какъ карандашъ, сучокъ.

Кажущіяся съ виду въ высшей степени миролюбивыми, невинными и добродушными звѣрками, летяги безъ всякихъ колебаній нападаютъ на каждое маленькое животное, въ особенности на каждую маленькую птичку и безъ всякой жалости загрызаютъ ее на смерть. По отношенію къ своей добычѣ ассаланъ такъ-же кровожаденъ, какъ и хищные звѣри; его неопиcуемая ловкость и кровожадность дѣлаютъ его грознымъ врагомъ для всякаго маленькаго существа. Самъ-же онъ не проявляетъ ни малѣйшаго страха передъ другими млекопитающими равной съ ними величины, напримѣръ къ другимъ грызунамъ. Всякій пролаза, проникшій во владѣнія этихъ бѣлокъ, сначала подвергается обнюхиванію, затѣмъ царапанію и укусамъ, и если онъ окажется плохо защищеннымъ для борьбы, то навѣрно выгоняется. Поэтому въ бѣлкахъ отнюдь нельзя отрицать мужества, которое выказывается въ нихъ столь-же опредѣленно, какъ хищничество и кровожадность. Но внѣшній видъ звѣрка настолько привлекателенъ, что всѣ вышеназванныя качества невольно ступшевываются, и ассаланъ считается однимъ изъ самыхъ занимательныхъ и интересныхъ грызуновъ.

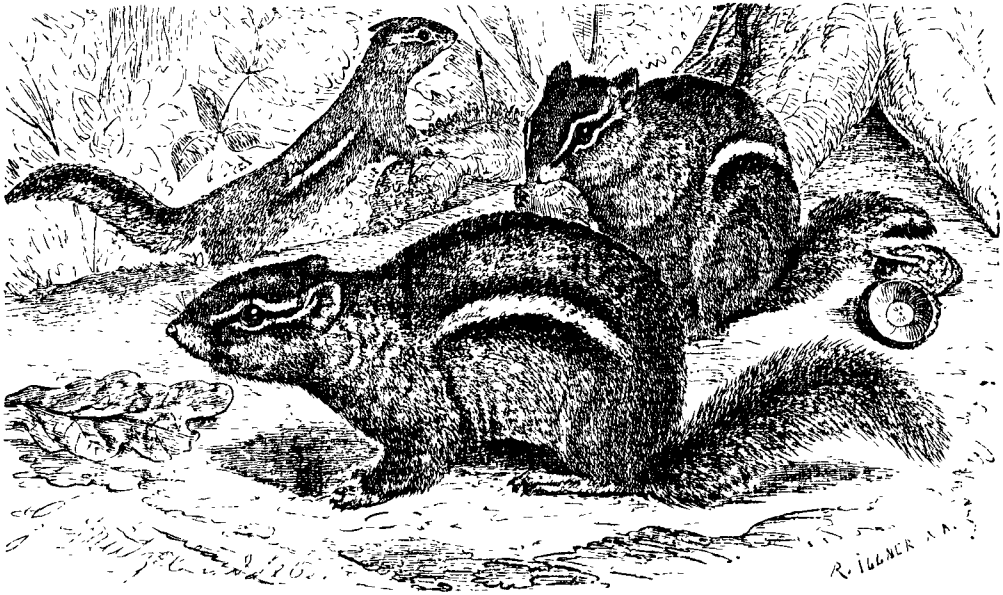
* * *

Слѣдуетъ еще упомянуть объ особомъ родѣ бѣличьяго семейства, **Бурундукахъ** (*Tamias*). Присутствіе защечныхъ мѣшковъ, которые достигаютъ до затылка, и болѣе или менѣе подземный образъ жизни ставятъ ихъ посрединѣ между бѣлками и сусликами; но во всякомъ случаѣ съ первыми они болѣе сходны, чѣмъ съ послѣдними. Зубная система ихъ почти такая-же, какъ у бѣлокъ, только у нихъ вовсе нѣтъ переднихъ верхнихъ коренныхъ зубовъ. Пятипалыя ноги короче, чѣмъ у бѣлокъ; хвостъ ихъ, покрытый рѣдкими волосами, короче туловища, мѣхъ короткій и не очень мягкій, спина обыкновенно испещрена рѣзкими продольными полосами. Извѣстно лишь весьма немного видовъ, которые населяютъ восточную Европу, Сибирь и Сѣверную Америку.

Бурундукъ или полосатая сибирская земляная бѣлка (*Tamias striatus*, *Sciurus striatus* и *uthensis*, *Burunduk*.) значительно меньше и неуклюже обыкновенной бѣлки; вся длина его, отчисляя 10 см. на хвостъ, не превышаетъ 20 см., а высота въ зашейкѣ 5 см. Продолговатая головка снабжена маловыдающимся, кругловатымъ, покрытымъ рѣдкими волосами носомъ, черными глазами и короткими маленькими ушами; конечности довольно сильныя, подошвы голыя; бородавка, замѣняющая на переднихъ ногахъ большой палецъ, покрыта вмѣсто ногтя роговою пластинкою; хвостъ съ кольчатой кожей не очень пушистъ. Верхняя губа обсажена

рѣдкими, раздѣленными на пять рядовъ усамъ; на щекахъ и надъ глазами торчатъ отдѣльные щетинистые волоски. Окраска короткаго, жесткаго, плотно прилегающаго къ тѣлу мѣха на головѣ, шеѣ и по бокамъ туловища желтоватая, перемѣшанная съ длинными, бѣлыми на кончикахъ волосами: вдоль спины на неравныхъ одна отъ другой разстоянiяхъ пробѣгаютъ пять черныхъ полосъ, изъ которыхъ средняя идетъ по направленiю позвоночнаго столба, а двѣ ближайшихъ тянутся отъ плечъ къ бедрамъ заднихъ ногъ и замыкаютъ собою свѣтло-желтый или тоже бѣловато-желтый промежутокъ. Вся нижняя сторона сѣровато-бѣлая, хвостъ сверху черноватый, снизу желтоватый; усы черные, когти коричневые.

Американскiй видъ бурундука, область распространенiя котораго обнимаетъ все Соединенные Штаты Сѣверной Америки, начиная съ Мексиканскаго залива, называется **Гаки** или **Чипмункъ**. (*Tamias lysteri*, *T. americanus* Chipmunk. O' i-

Гаки. *Tamias lysteri*. $\frac{3}{5}$ наст. вел.

ohn.) Онъ приблизительно такой-же величины, какъ и бурундукъ; цвѣтъ шерсти на лицѣ — красновато-бурый, на лбу и щекахъ съ болѣе темнымъ крапомъ, на затылкѣ пепельно-сѣрый, на задней сторонѣ — красновато-бурый, на животѣ — бѣловатый; полосы, идущiя вдоль спины — темно-бураго цвѣта, черная кайма глазъ сверху и снизу обведена бѣлымъ, широкая бѣлая полоса, пробѣгающая по бокамъ туловища, окаймлена черно-бурымъ; темно-бурые волоса хвоста имѣютъ сѣро-желтый корень и бѣловатые кончики, но съ нижней стороны выглядятъ красноватыми.

Родиною бурундуковъ Стараго Свѣта считается большая часть сѣверной Азии и небольшое пространство восточной Европы. Область распространенiя ихъ ограничивается съ одной стороны рѣками Двиною и Камою, а съ востока Охотскимъ моремъ и Анадырскою губою. Въ Сибири она продолжается за исключенiемъ Дауро-Монгольскихъ степей до Амура. Вышеназванный **Бурундукъ**, **Дчирки** — сойотовъ и бурятовъ, **Морюмки** — китайцевъ, живетъ въ лѣсахъ, какъ въ хвойныхъ, такъ и въ березовыхъ, чаще-же всего въ кедровыхъ. Подъ корнями этихъ деревьевъ онъ устраиваетъ себѣ для жилища довольно незатѣливую, простую нору, которая сооб-

щается съ одной стороны съ гнѣздомъ, съ другой-же—съ двумя или тремя кладовыми для зимнихъ запасовъ, а отдѣльный длинный изогнутый выходъ ведетъ на поверхность. Норы эти большею частью довольно мелки, такъ какъ влажность почвы не позволяетъ рыть ихъ на значительную глубину; впрочемъ, въ холодныхъ странахъ онѣ устраиваются гораздо глубже, чтобы морозъ не проникъ въ гнѣздо. Пища обоихъ видовъ бурундуковъ состоитъ изъ сѣмянъ различныхъ растений и ягодъ, но въ особенности изъ хлѣбныхъ сѣмянъ и орѣховъ, которыхъ они запасаютъ на зиму иногда до 5—8 килогр., перенося ихъ въ свои кладовыя въ защечныхъ мѣшкахъ.

Въ Хинганскихъ горахъ растутъ, по словамъ Радде, желудеобразные плоды манджурской лины, которые служатъ для бурундука самой излюбленной пищей; онъ собираетъ ихъ иногда такъ много, что даже весною дикія свиньи и медвѣди пользуются ими, раскапывая кладовыя бурундука и поѣдая весь оставшійся запасъ. На Нижней Шилкѣ бурундукъ набиваетъ свои кладовыя кедровыми орѣхами, которыхъ иногда скопляется до 1—1,5 килогр., такъ что запасъ этотъ не поѣдается за зиму и остается въ пользу медвѣдей. На Байкалѣ бурундукъ избираетъ себѣ излюбленнымъ мѣстомъ для жилья лѣса съ находящимися посреди нихъ небольшими пашнями, собранный хлѣбъ съ которыхъ складывается тутъ-же въ снопы. Случается, что онъ набираетъ до 4 килогр. сжатыхъ колосевъ, доставляющихъ 2—3 килогр. чистаго зерна. Почти также устраиваетъ свою жизнь и чинмункъ. Въ позднее лѣто его можно видѣть поспѣшно бѣгающимъ туда и сюда съ туго набитыми защечными мѣшками, и зоркій наблюдатель подмѣтитъ выраженіе сытаго самодовольства, свѣтящееся въ темныхъ глазахъ запасливаго звѣрка. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ складываетъ въ одно мѣсто свои разнообразныя запасы, состоящія большею частью изъ гречихи, орѣховъ, сѣмянъ клена и маиса. Какъ бурундукъ, такъ и чинмункъ подвержены зимней спячкѣ, которая, впрочемъ, часто прерывается, такъ какъ животныя и въ продолженіи всей зимы нуждаются въ пищѣ. Одюбонъ, разрывшій въ январѣ мѣсяцѣ одну изъ этихъ норъ, нашелъ въ ней на глубинѣ 1½ метра большое гнѣздо изъ листьевъ и травы, въ которомъ лежали, спрятавшись, три чинмунка; другіе, кажется, скрылись отъ него въ боковыхъ проходахъ, почувявъ приближеніе неврѣтеля. Хотя животныя были сонны и не особенно оживленны, но они вовсе не спали, подобно нашимъ сонямъ, и довольно усердно стали грызаться, когда натуралистъ попытался ихъ схватить. Чинмункъ никогда не зарывается въ нору раньше ноября, бурундукъ въ южной Сибири придерживается того-же времени; въ средней-же Сибири, гдѣ морозы начинаются рано, онъ уходитъ на зимній покой, самое позднее, въ половинѣ октября. Ни тотъ, ни другой не покидаютъ своихъ подземныхъ жилищъ во время зимы, но входъ въ нихъ держатъ открытымъ, даже во время непогоды, когда можно видѣть, какъ бурундукъ усердно занимается расчисткою его отъ западающаго туда снѣга. Съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ дней животныя выходятъ на поверхность земли и здѣсь начинаютъ свою дѣятельность. Первые дѣтеныши рождаются въ маѣ; второй пометъ появляется на свѣтъ обыкновенно въ августѣ. Въ періодъ любви происходятъ горячія схватки между заинтересованными самцами: многіе увѣряютъ, что едва-ли можно найти болѣе буйное животное, нежели это маленькое, но необыкновенно рѣзвое существо. Особенное оживленіе проявляется среди бурундуковъ за нѣсколько недель передъ тѣмъ, какъ они залезаютъ въ норы. Тогда чаще всего можно слышать ихъ звучный крикъ, напоминающій жалобный стонъ лѣснаго канюка (*Strix scops*), и видѣть ихъ хлопотливую возню. Въ лазаньи они значительно уступаютъ другимъ бѣлкамъ, но за-то этотъ недостатокъ возмѣщается ихъ поразительнымъ проворствомъ въ бѣганьи. Подобно маленькимъ птичкамъ, прыгаютъ они между кустами съ быстротою молніи, то несясь по прямому направленію, то ежеминутно измѣняя его.

Для сельскихъ хозяевъ бурндуки представляютъ собою весьма нежеланныхъ гостей: подобно мышамъ они забираются въ амбары и производятъ тамъ значительныя опустошенія, если появятся во множествѣ. За то потеря иногда возмѣщается тѣмъ, что раскапываютъ кладовыя этихъ бѣлокъ, подобно тому, какъ въ Германіи распоряжаются съ кладовыми хомяковъ, и выгребаютъ оттуда все запасы, заготовленные на зиму. Сибиряки пользуются также шкурками бурндуковъ, которыя сбываются въ Китай, гдѣ онѣ идутъ главнымъ образомъ на опушку болѣе теплыхъ шубъ. Чипмункъ преслѣдуется гораздо усерднѣе, чѣмъ его сибирскій собратъ; у него есть полчище враговъ. Мальчишки упражняются надъ нимъ въ стрѣльбѣ и гоняются за нимъ съ гораздо большимъ усердіемъ, чѣмъ якутскіе мальчишки за бурндукомъ, котораго весной во время течи подстерегаютъ подъ деревьями, приманиваютъ посредствомъ дудочки, сдѣланной изъ березовой коры, подражая призывному крику самки. Но у американскихъ бурндуковъ много еще худшихъ враговъ. Ласки преслѣдуютъ ихъ и подъ землю, и на поверхности ея, сумчатыя крысы усердно гоняются за ними, домашнія кошки считаютъ ихъ за такую-же хорошую добычу, какъ крысъ и мышей; кромѣ того и все большія хищныя птицы не пропускаютъ случая схватить этого звѣрка. Американскій мохноногій сарычъ вслѣдствіе ревностнаго преслѣдованія бѣлокъ получилъ даже особое названіе бѣличьяго сокола (Squirrelhawk). По наблюденіямъ Гейера, гремучая змѣя преслѣдуетъ этого бѣднягу съ такою-же настойчивостью, какъ и быстрою. «Обыкновенно», говоритъ этотъ наблюдатель, «бурндукъ бросается во все уголки своей норы; змѣя слѣдуетъ за нимъ и опережаетъ его, пока, наконецъ, бѣлка, стараясь дать тягу, не скатывается несчастнымъ образомъ по какому-нибудь склону; тогда змѣя схватываетъ бѣднягу и, шурша своими гремушками, бросается со своей жертвой въ ближнюю чащу». Въ свою очередь сама природа также способствуетъ истребленію бурндуковъ, такъ какъ зима своими морозами уноситъ множество молодыхъ, народившихся за лѣто. Однако, несмотря на это, по крайней мѣрѣ въ благоприятныя годы, они размножаются въ громадномъ количествѣ: чрезмѣрная плодовитость самокъ уравниваетъ все эти значительныя потери.

Красивая окраска мѣха, миловидность и подвижность бурндука дѣлаютъ его любимымъ звѣркомъ, котораго охотно держатъ въ домахъ. Впрочемъ, ихъ не удается приручать вполне, потому-что они всегда остаются робкими и нелюдимыми, къ тому-же, какъ всякія бѣлки, они довольно несносны своею страстью грызть рѣшительно все, что имъ попадется. Они предаются этому занятію съ такимъ-же увлеченіемъ, какъ крысы, и поэтому не особенно охотно остаются въ клеткѣ или комнатѣ. Съ другими видами своего рода они не уживаются; особенно часто ссорятся между собою самцы. Содержаніе бурндуковъ не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ для прокормленія ихъ вполне достаточно обыкновенныхъ зеренъ и плодовъ. При соответствующемъ уходѣ они выдерживаютъ въ неволѣ многіе годы и легко размножаются.

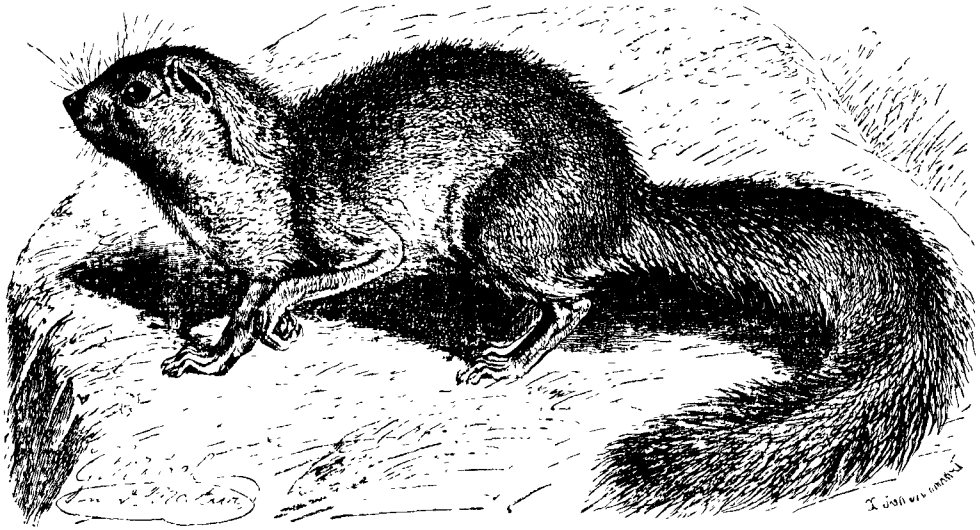
* * *

Посравненно безобразнѣе всехъ предыдущихъ видовъ — **Сусликовая бѣлка** (Хегус), въ высшей степени некрасивые грызуны, которые только тогда и могутъ казаться симпатичными, когда ихъ наблюдаютъ издали. Туловище у нихъ — вытянутое, голова — остроконечная, перистый хвостъ почти такой-же длины, какъ и туловище, уши малы, ноги непропорціонально длинны, лапы вооружены крѣпкими, сжатými съ боковъ когтями. Мѣхъ ихъ замѣчательнъ въ двойномъ отношеніи: волоса его такъ рѣдки, что едва прикрываютъ кожу, при этомъ они очень жестки, у корня плоскіе, по всей длинѣ бороздчатые и имѣютъ широкій острый

кончикъ. Вообще мѣхъ имѣеть такой видъ, какъ будто къ кожѣ приклеены отдѣльные волосы.

Шилу абиссинцевъ (*Xerus rutilus*, *Sciurus rutilus* и *ocularis*) въ общемъ имѣеть 50 см. длины, изъ которыхъ почти 22 см. приходится на хвостъ. Окраска мѣха сверху красновато-желтая, по бокамъ и на брюхѣ свѣтлая, почти бѣловатая. Перистый хвостъ по бокамъ и на концѣ бѣлый, въ серединѣ красный, испещренный бѣлыми пятнышками, происходящими оттого, что многіе волосы имѣють бѣлые кончики. Такія-же пятна замѣчаются и на спинѣ. Въ степныхъ мѣстностяхъ очень часто попадаетея другой видъ, **Сабера** арабовъ (*Xerus leucoumbrinus*), тогда какъ шилу считается довольно рѣдкимъ животнымъ.

Оба животныхъ совершенно сходны по своему образу жизни. Они живутъ въ сухихъ степныхъ рощахъ, даже въ безлѣсныхъ равнинахъ, въ гористыхъ и хол-

Шилу. *Xerus rutilus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

мистыхъ мѣстностяхъ со скудною растительностью и въ т. п. мѣстахъ; они искусно и быстро выкапываютъ себѣ глубокія норы подъ густыми кустарниками, между корнями деревьевъ и подъ обломками скаль. По словамъ Рюшеля, они лазаютъ преимущественно въ низкихъ кустарникахъ, но при опасности снова поспѣшно скрываются въ свои подземныя норы. Днемъ ихъ можно видѣть бродящими по одиночкѣ или парами, иногда даже очень близко отъ деревень, но если ихъ испугнуть, то они немедленно убѣгаютъ въ свою нору. Гдѣ мѣстность не скалиста, они выкапываютъ себѣ ходы на большихъ протяженіяхъ подъ большими деревьями, по крайней мѣрѣ объ этомъ можно судить по значительнымъ кучамъ земли, нарырытымъ ими у входныхъ отверстій. Болѣе подробное изслѣдованіе ихъ норъ оставлено большими затрудненіями, такъ какъ онѣ расположены обыкновенно между корнями деревьевъ или-же между обломками скаль, — что нисколько не лучше, потому-что сусликовыя бѣлки избираютъ для жилья наименѣе доступныя мѣста.

Въ деревнѣ Менза, въ Абиссиніи, парочка шилу избрала своимъ мѣстожителемъ церковь и прилегающее къ ней кладбище, гдѣ весело и неустрашимо бѣгала на глазахъ у всѣхъ. Высокіе памятники, громоздившіеся надъ могилами и сверкав-

шіе ослѣпительною бѣлизною кусковъ кварца, которыми были обложены, представляли для нихъ удобное убѣжище, куда то одна, то другая изъ нихъ прятались на нашихъ глазахъ. Премило выглядѣло, когда одинъ изъ звѣрковъ садился на верхушку памятника и принималъ извѣстную позу нашей обыкновенной бѣлки. Мнѣ приходилось видѣть шилу и саберу только на землѣ и ни разу на деревьяхъ или на кустахъ. Они проявляли совершенно такое-же проворство, какъ наши бѣлки. Походка у нихъ легкая и, вслѣдствіе высокихъ ногъ, довольно быстрая, но они чаще ходятъ шагомъ, чѣмъ обыкновенныя бѣлки. Въ характерѣ своемъ они обнаруживаютъ много живости и неутомимости. Каждая дырочка, каждая разсѣлина тщательно изслѣдуется ими, обнюхивается и если возможно, то и обшаривается. Свѣтлые глаза ихъ постоянно бѣгаютъ, стараясь всюду выслѣдить что-нибудь съѣдобное. Главную ихъ пищу составляютъ, повидимому, почки и листья; но они также не пренебрегаютъ маленькими щичками, яйцами и насѣкомыми. Между грызунами рѣдко можно встрѣтить болѣе злыхъ животныхъ, чѣмъ сусликовыя бѣлки. Забавно видѣть, какъ онѣ вызывающе озираются вокругъ себя, дерутся и съ большимъ мужествомъ защищаются. Подстрѣленные или пойманныя, онѣ сильно кусаются. Даже продолжительная неволя не дѣлаетъ ихъ ручными: онѣ вѣчно остаются злыми и сильно кусаютъ всякаго, кто приближается къ нимъ. Хорошее обращеніе, повидимому, совершенно не дѣлаетъ ими; однимъ словомъ, ихъ душевная жизнь стоитъ на самой низкой степени развитія. Шилу, котораго я воспитывалъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, все время оставался такимъ-же дикимъ, какимъ я взялъ его. Всѣ сторожа его боялись и возиться съ нимъ было очень трудно. Кромѣ своей подвижности онъ не обнаруживалъ ничего привлекательнаго. Съ наступленіемъ зимы шилу сдѣлался грустнымъ и однажды утромъ его нашли окоченѣлымъ и неподвижнымъ, но когда его согрѣли и привели въ чувство, онъ жилъ еще послѣ того нѣсколько мѣсяцевъ.

Относительно ихъ размноженія я не узналъ ничего точнаго. Я только одинъ разъ видѣлъ семейство, состоявшее изъ четырехъ экземпляровъ и на основаніи этого сужу, что сусликовыя бѣлки рожаютъ только двухъ дѣтенышей, что подтверждается также присутствіемъ лишь двухъ сосцовъ у самки.

Главнымъ ихъ врагомъ считается хохлатый орелъ—чрезвычайно отважный и опасный хищникъ тѣхъ мѣстъ; за то съ маленькимъ ястребомъ, истребляющимъ саранчу, онѣ уживаются довольно хорошо; по крайней мѣрѣ, можно видѣть, какъ бѣлки беззаботно бѣгаютъ вокругъ деревьевъ, на которыхъ сидитъ эта хищная птица. Между млекопитающими самымъ усерднымъ преслѣдователемъ ихъ являются борзые собаки. Магеметане и христіанскіе жители внутренней Африки не трогаютъ ихъ, такъ какъ считаютъ ихъ за нечистыхъ животныхъ; напротивъ, свободные негры, должно быть, употребляютъ въ пищу это, по всей вѣроятности, невкусное мясо.

* * *

Сурки (*Arctominae*), образующіе второе подсемейство бѣличьихъ, отличаются отъ бѣлокъ болѣе неуклюжимъ и сжатымъ туловищемъ, короткимъ хвостомъ и зубной системой: передніе верхніе коренные зубы хотя и маленькіе, но одинаковой длины съ другими; спереди они очень округлены, сзади-же сильно сужены и на поверхности ихъ замѣтны выпуклыя складки эмали.

Разнообразные виды сурковъ во множествѣ распространены по всей средней Европѣ, сѣверной Азіи и Сѣверной Америкѣ. Большинство изъ нихъ живутъ въ низменностяхъ, нѣкоторые-же, напротивъ, на самыхъ высокихъ горахъ своего отечества. Сухія, глинистыя, песчаныя или каменныя мѣстности, обильныя

травой равнины и степи, поля и сады составляют ихъ главное мѣстожителство, и только горные сурки предпочитаютъ луга и поляны, лежащія выше границы произростанія лѣсовъ, а также отдѣльныя ущелья скалъ и долины въ полосѣ между областью вѣчныхъ снѣговъ и границею лѣсовъ. Всѣ виды имѣютъ свои опредѣленныя жилища и никогда не кочуютъ. Они устраиваютъ себѣ глубокія подземныя норы и живутъ въ нихъ обществами, иногда даже очень многочисленными. Многіе изъ нихъ, смотря по времени года и тѣмъ работамъ, которыя они исполняютъ, имѣютъ нѣсколько жилищъ, другіе-же по цѣлымъ годамъ живутъ въ одной и той-же норѣ. Сурки вполне земныя животныя; они проворны и ловки въ своихъ движеніяхъ, хотя и уступаютъ въ подвижности бѣлкамъ, а нѣкоторые виды даже прямо-таки неуклюжи. Пища ихъ состоитъ изъ травы, злаковъ, нѣжныхъ побѣговъ, молодыхъ растений, сѣмянъ, овощей, ягодъ, корней и луковицъ, и только немногіе, съ трудомъ взбирающіеся на деревья и кусты, питаются молоденькими листьями и почками. Несомнѣнно, что наравнѣ съ растительной пищей они не пренебрегаютъ и животной, если могутъ легко достать ее: ловятъ при случаѣ насѣкомыхъ, маленькихъ млекопитающихъ, болѣе неповоротливыхъ птицъ и разоряютъ ихъ гнѣзда. Хотя многіе изъ нихъ и наносятъ вредъ хлѣбнымъ полямъ и садамъ, но онъ такъ незначителенъ, что о немъ не стоитъ распространяться. Во время ѣды они, подобно бѣлкамъ, сидятъ на задней части тѣла и подносятъ пищу ко рту передними лапами. Съ созрѣваніемъ плодовъ они начинаютъ собирать запасы и, смотря по мѣстности, наполняютъ кладовыя своихъ жилищъ травой, листьями, сѣменами и зернами. Къ зимѣ они зарываются въ свои норы и впадаютъ въ непрерывную и глубокую спячку, которая въ значительной степени уменьшаетъ всѣ ихъ жизненныя отправления.

Голосъ ихъ состоитъ изъ болѣе или менѣе сильнаго свиста или тявканья и особаго рода ворчанья, которое, если бываетъ тихое, выражаетъ хорошее расположеніе духа, иначе-же свидѣтельствуетъ о гнѣвѣ, а у луговыхъ собакъ переходитъ тогда въ звучный крикъ. Изъ органовъ чувствъ лучше всего развиты осязаніе и зрѣніе; сурки имѣютъ способность предугадывать перемѣну погоды и сообразно съ этимъ предпринимаютъ мѣры предосторожности. Въ умственномъ отношеніи они вообще превосходятъ бѣлокъ. Въ высшей степени внимательные, осторожныя, чуткіе и боязливые, они часто ставятъ особую стражу для обезпеченія себѣ болѣе безопасности и при малѣйшемъ признакѣ близкой опасности быстро скрываются въ своихъ подземныхъ убѣжищахъ. Только немногіе изъ нихъ отваживаются оказывать сопротивленіе наступающему на нихъ врагу, большинство-же изъ нихъ никогда не вступаютъ въ борьбу, несмотря на свои сильныя зубы; вслѣдствіе этого они и стяжали себѣ славу добродушныхъ, кроткихъ, миролюбивыхъ и невинныхъ существъ. Умъ ихъ проявляется въ той легкости, съ какою они поддаются прирученію. Большинство изъ нихъ скоро привыкаютъ къ своему воспитателю, узнаютъ его и относятся къ нему очень довѣрчиво; нѣкоторые обнаруживаютъ большое послушаніе и понятливость, такъ-что ихъ можно выучивать различнымъ забавнымъ продѣлкамъ.

Размноженіе ихъ весьма значительно. Хотя самки сурковъ рожаютъ всего одинъ разъ въ годъ, но за-то по 3 — 10 дѣтенышей, которые уже въ ближайшую весну сами становятся способными къ размноженію.

Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ пользуются мѣхомъ, отъ другихъ — мясомъ, кромѣ того ихъ охотно воспитываютъ въ качествѣ домашнихъ животныхъ; другой-же болѣе существенной пользы они не приносятъ.

Самымъ маленькимъ видомъ этого семейства слѣдуетъ считать **Сусликовъ** (*Spermophilus*); это — красивенькіе звѣрки съ относительно стройнымъ туловищемъ, вытянутой головой, со спрятанными въ мѣху ушами, короткимъ хвостомъ, перистымъ и пушистымъ только на концѣ; переднія лапы имѣютъ 4 пальца и бородавку вмѣсто большого пальца, на заднихъ-же лапахъ 5 пальцевъ; кромѣ того суслики обладаютъ большими защечными мѣшками. Коренныхъ зубовъ въ верхней челюсти 5, въ нижней 4; первый верхній коренной зубъ часто бываетъ вполонину меньше остальныхъ и снабженъ высокою, острою поперечною складкой.

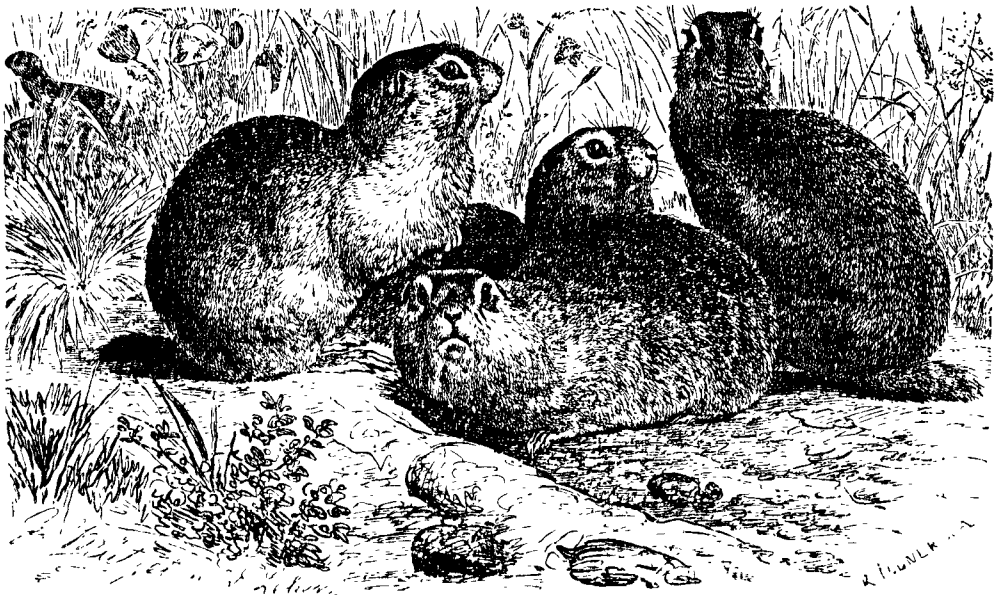
Многочисленные виды этого рода, принадлежащіе вообще къ сѣверному полушарію, живутъ на открытыхъ и поросшихъ кустарникомъ равнинахъ, иногда обществами, или-же поодинокѣ, въ выкопанныхъ ими самими норахъ и питаются различными зернами, ягодами, нѣжными плодами и кореньями, но не пренебрегаютъ также мышами и маленькими птичками. Сусликъ, живущій въ Германіи, даетъ вѣрное понятіе обо всѣхъ остальныхъ видахъ.

Сусликъ (*Spermophilus citillus*, *Mus* и *Marmota citillus*, *Spermophilus undulatus*. Ziesel. Suslik), миловидный звѣрекъ, величиной почти съ хомяка, но съ болѣе стройнымъ туловищемъ и красивой головкой, имѣетъ въ длину 22—24 см. и хвостъ въ 7 см.; вышина въ зашейкѣ 9 см., вѣсъ животнаго приблизительно 0,5 килогр. Мѣхъ суслика — довольно жидкій и состоитъ изъ жесткихъ, въ срединѣ болѣе темныхъ волосъ; окраска его на спинѣ желто-сѣрая съ рыжеватымъ оттѣнкомъ и съ мелкими крапинками, на животѣ — ржаво-желтая, на подбородкѣ и передней части шеи — бѣлая. На лбу и теменн волосы красновато-желтые, перемѣшанные съ бурыми, глазныя впадины свѣтлыя, ноги ржаво-желтыя, но къ пальцамъ свѣтлѣе, когти и усы черныя, верхніе рѣзцы желтоватыя, нижніе — бѣловатыя. Подшерстокъ на спинѣ черно-сѣрый, на животѣ свѣтлѣе, буровато-сѣрый, а на передней части шеи одноцвѣтно-бѣлый. Рыльце черноватое; довольно большіе глаза имѣютъ чернобурый зрачекъ. Поворожденные суслики окрашены свѣтлѣе, а тѣ, которые уже бѣгаютъ, имѣютъ болѣе грубой и рѣзкій край по темному фону, чѣмъ старыя. Впрочемъ въ окраскѣ шерсти встрѣчаются значительныя измѣненія; красивѣе всѣхъ та разновидность, у которой бурья волнистыя линіи спины прерываются частыми и мелкими бѣлыми пятнышками.

Главное мѣстожителство суслика — на востокѣ Европы. Альбертъ Магнусъ наблюдалъ его вблизи Регенсбурга, гдѣ теперь онъ уже переехалъ и отодвинулся дальше, на востокъ, хотя въ послѣднее время въ Силезіи замѣчено его распространеніе по направленію къ западу. Лѣтъ 50 тому назадъ его тамъ еще вовсе не знали, а лѣтъ 40 — онъ встрѣчался уже въ западной части провинціи, именно въ Лигницкомъ округѣ, откуда и распространяется все дальше на западъ. Это, повидному, самый распространенный видъ сусликовъ. Онъ населяетъ всю южную, степную полосу Россіи*), Галицію, Силезію и Венгрію, Штирію, Моравію и Богемію, Каринтію, Крайну и мѣстности, лежація по сѣверному берегу Чернаго моря. Что суслика можно причислить къ російскимъ животнымъ, указываетъ самое названіе его **сусликъ**, которое въ Польшѣ передѣляли въ **сузель**, а въ Богеміи въ си-

*) Описанный здѣсь настоящій сусликъ водится у насъ только въ Польшѣ и Литвѣ, а на югѣ Россіи замѣняютъ его другіе виды: *Овражекъ* или *стрый сусликъ* (*Sp. musicus*) и *пятнистый сусликъ* (*Sp. guttatus*), которые производятъ тамъ иногда страшныя опустошенія на засѣянныхъ поляхъ. Другіе виды этого животнаго встрѣчаются въ восточныхъ губерніяхъ, на Кавказѣ и въ Сибири. По образу жизни, впрочемъ, всѣ виды другъ на друга очень похожи. (Прим. ред.)

зель. Древніе называли его **понтійскою мышью** или **симорь**. Вездѣ, гдѣ водится сусликъ, онъ встрѣчается въ большомъ количествѣ и при случаѣ причиняетъ иногда значительный вредъ земледѣлю. Мѣстожительствомъ ему служатъ сухія безлѣсныя мѣстности съ песчанымъ или глинистымъ грунтомъ, такъ-что больше всего онъ водится на поляхъ и въ степяхъ. Съ недавняго времени, впрочемъ, сусликъ сталъ пользоваться, по словамъ Герклоца, желѣзнодорожными насыпями, взрытый грунтъ которыхъ облегчаетъ ему рытье и представляетъ собою вѣрное убѣжище противъ проливныхъ дождей. Но при случаѣ нѣкоторыя жизненныя условія заставляютъ его гнѣздиться и въ твердой землѣ, гдѣ онъ продѣлываетъ массу отверстій, ведущихъ въ норы. Онъ всегда живетъ обществами, однако норы въ землѣ выкапываетъ каждый отдѣльно для себя, причемъ самка роетъ гораздо глубже, чѣмъ самецъ. Самое гнѣздо лежитъ на глубинѣ 1—1,5 метра подъ поверхностью земли, имѣетъ продол-

Сусликъ. *Spermophilus citillus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

говато-круглую форму, въ діаметрѣ бываетъ приблизительно въ 30 см. и выстилается сухой травой. Кверху ведетъ только одинъ ходъ, довольно узкій, извилистый и проложенный неглубоко подъ поверхностью; у устья его всегда лежитъ небольшая куча взрытой земли. Ходомъ пользуются въ продолженіи только одного года, потому-что съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ сусликъ засыпаетъ входное отверстие и выкапываетъ себѣ изъ своего гнѣзда другой ходъ, не доходящій до поверхности; весной, когда оканчивается зимняя спячка, этотъ новый ходъ открывается и имъ пользуются до самой осени. Такимъ образомъ количество различныхъ ходовъ вполне опредѣляетъ давность жилища, но отнюдь не возрастъ живущаго въ немъ животнаго, такъ какъ нерѣдко сусликъ пользуется старымъ, но еще годнымъ къ употребленію жилищемъ одного изъ своихъ предшественниковъ, погибшаго какою-нибудь случайною смертью. Сосѣднія съ норой отдѣленія служатъ для склада зимнихъ запасовъ, заготавливаемыхъ съ осени. Нора, служащая самкѣ для родовъ, всегда бываетъ глубже другихъ для того, чтобы обезпечить достаточную защиту 3—8 лю-

бимымъ дѣтенышамъ, которые рождаются весною, обыкновенно въ апрѣлѣ или маѣ, совершенно безпомощными, голыми и слѣпыми.

«Обитаемыя норы», пишетъ мнѣ Герклонъ, «можно тотчасъ-же узнать по запаху, такъ какъ сусликъ почти постоянно мочится передъ выходомъ, и моча его имѣетъ такой неприятный рѣзкій запахъ, что ошибиться въ немъ весьма трудно. У сусликовъ есть одна замѣчательная черта, таскать къ себѣ въ нору всевозможные блестящіе предметы, какъ, на примѣръ, фарфоровые черепки, стеклянные и металлическія вещи. Привычка эта существуетъ и у сусликовъ, содержимыхъ въ неволѣ: они забираютъ въ зубы и лапки не очень большіе фарфоровые сосуды и прячутъ ихъ подъ сѣно въ своей норѣ. Сусликъ отличается такимъ искусствомъ въ копаніи, что приводитъ многихъ въ изумленіе. Однажды я помѣстилъ въ моей комнатѣ въ клѣткѣ, сдѣланной изъ дерева и проволоки, 4-хъ сусликовъ, которые съумѣли въ самое короткое время прогрызть дерево и выбѣжать изъ клѣтки на свободу. Трехъ изъ нихъ тутъ-же удалось поймать, но четвертый куда-то пропалъ. Черезъ два дня послѣ этого я замѣтилъ за стуломъ наваленную кучу кирпичныхъ обломковъ, цемента и песку и въ скоромъ времени убѣдился, къ своему великому неудовольствію, что это была работа суслика, который вырылъ себѣ глубокое отверстіе въ стѣнѣ. Всѣ попытки вытащить его оттуда оказались напрасными, онъ продолжалъ еще рыться цѣлыхъ 5 дней и выкопалъ себѣ въ каменной стѣнѣ дыру въ 2 метра глубины, пока наконецъ его удалось поймать».

Иѣтъ ничего интереснѣе, какъ наблюдать суслика въ послѣобѣденные часы ранняго лѣтняго дня. Рѣзкій запахъ указалъ намъ вблизи того мѣста, гдѣ мы прилегли, 10 — 12 жилыхъ норъ. Едва прошло 10 минутъ, какъ въ отверстіи одного хода показалась премиленькая головка, ясные глазки которой беззаботно смотрѣли на траву; вслѣдъ за головкой просунулось и остальное туловище; звѣрекъ приподнялся, сѣлъ на заднія лапки, еще разъ осмотрѣлся вокругъ, чтобы убѣдиться въ своей безопасности, и принялся за свои дѣла. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ все общество оказывается уже въ сборѣ, и тутъ только уснѣвай за ними смотрѣть. Иѣкоторые изъ нихъ играютъ, другіе чистятся, третьи грызутъ корни, остальные занимаются еще чѣмъ-нибудь другимъ. Стоитъ только въ это время пролетѣть хищной птицѣ, какъ поднимается общій переполохъ: пронзительно свиснувъ, каждый бѣжитъ къ своей норѣ, кубаремъ бросается туда, и моментально всѣ исчезаютъ въ проходѣ. Но, какъ только бѣда миновала, возобновляется прежняя игра. По движеніямъ своимъ сусликъ вполне походитъ на маленькаго сурка, но никакъ не на бѣлку. Онъ шмыгаетъ по землѣ проворнымъ шагомъ, передвигая одну ногу за другою, прыгаетъ очень рѣдко, а лазаетъ весьма неохотно, хотя нельзя сказать чтобы неловко, и въ этомъ опять-таки подражаетъ суркамъ, а не бѣлкамъ. Самые приемы во время сидѣнія, т. е. обыкновеніе сидѣть на заднихъ лапахъ, наконецъ голосъ, свистъ, чрезвычайно похожій на призывный свистъ дубоноса, — все эту вполне приближаетъ суслика къ суркамъ, а не къ бѣлкамъ. Хотя сусликъ по природѣ своей очень недоувѣрчивъ и остороженъ, однако скоро привыкаетъ къ повторяющимся тревогамъ, такъ-что онѣ подъ конецъ нисколько не беспокоятъ его. На одной венгерской желѣзной дорогѣ я замѣтилъ подъ концомъ одной изъ шпальтъ направляющуюся къ серединѣ желѣзнодорожной насыпи сусликовую нору, рѣзкій запахъ которой, выходявшій изъ отверстія, обнаруживалъ, что она была обитаема. Чтобы вполне убѣдиться въ этомъ, я сталъ подстергать, и черезъ весьма непродолжительное время изъ нея появился сусликъ. Не больше какъ черезъ полчаса зашумѣлъ поѣздъ, сусликъ юркнулъ въ свою нору и, высунувши оттуда половинѣ туловища, спокойно переждалъ, пока надъ нимъ прошелъ поѣздъ;

затѣмъ снова вышелъ оттуда и сталъ по прежнему заниматься своимъ дѣломъ. Какъ-то въ другой разъ я натолкнулся на сусликовую нору между стрѣлочными шпалами; здѣсь къ обыкновенному побѣдному шуму присоединился еще грохотъ передвигаемой стрѣлки, и, несмотря на это, сусликъ ни мало не тревожился».

Обыкновенную пищу суслика составляютъ нѣжныя травы и корни, на примѣръ подорожникъ и клеверъ, хлѣбныя растенія, стручковые плоды и разнаго рода ягоды и зелень. Къ осени онъ собираетъ изъ этихъ веществъ запасы, перенося ихъ, подобно хомяку, въ защечныхъ мѣшкахъ. При этомъ сусликъ бываетъ также опасенъ мышамъ и птицамъ, которыя гнѣздятся на землѣ, такъ какъ онъ не только разоряетъ ихъ гнѣзда, но и нападаетъ на взрослыхъ, если онѣ не поберегутся, убиваетъ ихъ двумя укусами, выѣдаетъ у нихъ мозгъ и затѣмъ совершенно съѣдаетъ пѣликомъ до самой шкуры. Пищу свою онъ очень мило держитъ передними лапами и ѣстъ ее въ полусидячемъ положеніи, сидя на задней части. Послѣ ѣды чиститъ себѣ мордочку и голову, лижетъ, моетъ и чешетъ весь свой мѣхъ какъ сверху, такъ и снизу. Пьетъ онъ вообще очень мало и воду употребляетъ обыкновенно только послѣ ѣды.

Вредъ, который сусликъ причиняетъ своими грабежами, ощутителенъ только тогда, когда животное ужъ слишкомъ сильно размножается. Самка суслика, какъ и всѣ грызуны, въ высшей степени плодовита и въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцѣ, послѣ 25—30 дневной беременности рождаетъ на мягкой постелькѣ своей глубокой норы многочисленное потомство. Дѣтеныши пользуются нѣжною любовью матери, которая кормитъ ихъ молокомъ, охраняетъ, стережетъ и заботится о нихъ даже тогда, когда они достаточно подрастутъ, чтобы самимъ выходить изъ гнѣзда. Ростъ ихъ увеличивается очень быстро; черезъ мѣсяць послѣ рожденія они достигаютъ уже половины настоящаго роста, а въ концѣ лѣта ихъ едва можно различить отъ родителей; полного роста они достигаютъ къ осени и въ ближайшую весну дѣлаются сами способными къ размноженію. До осени все семейство живетъ вмѣстѣ съ родителями въ одной норѣ, но затѣмъ каждый дѣтенышъ выкапываетъ себѣ отдѣльную нору, наноситъ въ нее зимнихъ запасовъ и живетъ совершенно самостоятельно, по примѣру своихъ родичей. Если-бы это веселое общество не имѣло цѣлаго полчища враговъ, то размноженіе его достигало-бы громадныхъ размѣровъ, несмотря на то, что въ плодовитости они все-таки уступаютъ крысамъ и мышамъ. Но ихъ безпрестанно преслѣдуютъ горностаи, ласки, хорьки и каменные куницы, соколы, вороны, цапли, дрохвы, собаки—крысодавы, даже кошки и многія другія животныя. Большая дрохва, по Герклоцу, принадлежитъ не только къ врагамъ мышей, но преслѣдуетъ также и суслика, убивая его ловкимъ и сильнымъ ударомъ клюва, послѣ чего съѣдаетъ его вмѣстѣ съ кожей и шерстью. Человѣкъ также принадлежитъ къ числу его враговъ, преслѣдуя его отчасти ради мѣха, отчасти ради вкуснаго мяса; сусликовъ ловятъ петлями и ловушками, выкапываютъ ихъ норы или выгоняютъ ихъ оттуда, обливая водою, и т. д. Совокупность всѣхъ этихъ причинъ сильно препятствуетъ размноженію суслика. Но самымъ злѣйшимъ врагомъ его все-таки является зима. Съ позднею осенью оканчивается веселая дѣятельность сусликовъ; самцы прекращаютъ свои заботы о нуждахъ своей общины, которая не только отъѣлась за лѣто и нагуляла себѣ жиру, но также и вдосталь набрала свои кладовыя. Каждый сусликъ удаляется въ свою отдѣльную нору, законопачиваетъ ея отверстіе, выкапываетъ новый ходъ и впадаетъ затѣмъ въ спячку. Многимъ изъ нихъ суждено утонуть въ вѣчныхъ снегахъ: холодъ и сырость, проникая во внутренность норы, донимаетъ полуоцѣпенѣлыхъ звѣрковъ и, въ соединеніи съ морозомъ, быстро убиваетъ этихъ веселыхъ созданий. Проливные дожди лѣтомъ также способствуютъ истребленію сусликовъ.

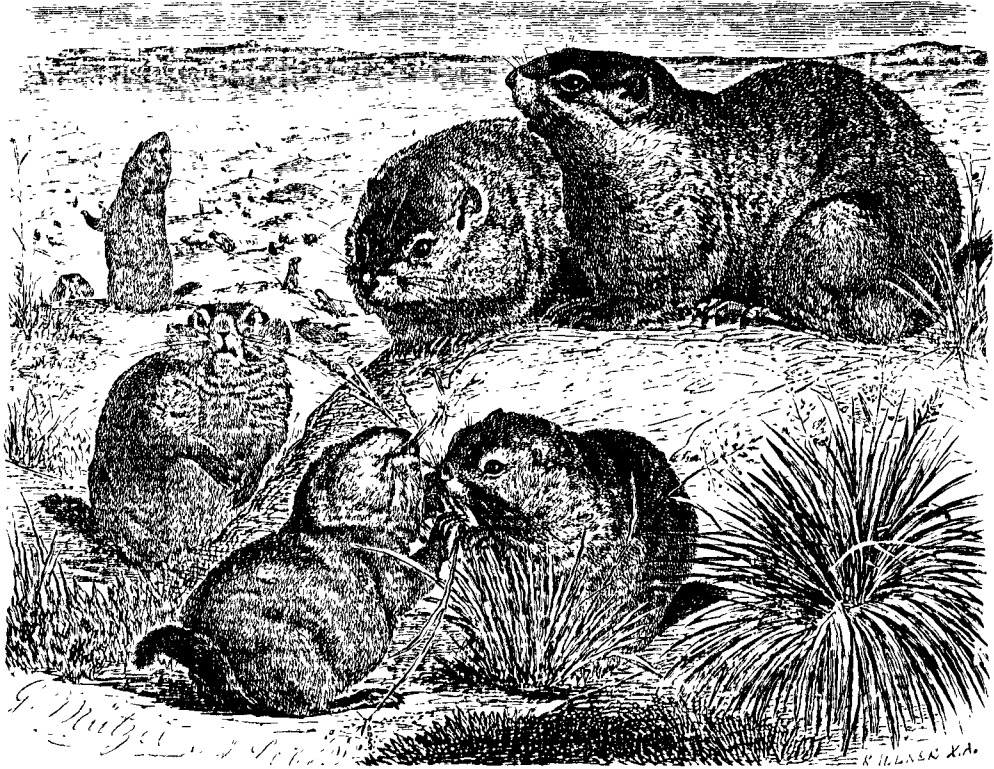
Суслика не очень трудно ловить. Нѣсколько ударовъ по землѣ лопатою легко выкапываютъ на свѣтъ Божій зарывшихся въ норахъ звѣрковъ, а предательски поставленная передъ входомъ ловушка навѣрняка поймаетъ возвращающагося суслика. Пойманный сусликъ ведетъ себя въ высшей степени благонаивно: онъ вполне покоряется своей судьбѣ и скоро сближается со своимъ новымъ властителемъ. Впрочемъ, иногда проявляетъ коварство грызуновъ и сильно кусается. При хорошемъ уходѣ сусликъ выноситъ въ неволѣ многіе года и послѣ орѣшниковой сони представляетъ собою одно изъ самыхъ пріятныхъ комнатныхъ животныхъ. Каждый любитель получаетъ большое удовольствіе отъ этого красиваго добродушнаго созданія, которое такъ граціозно двигается и такъ скоро привязывается къ своему воспитателю, хотя умственныя его способности и не могутъ назваться значительными. Особенно хорошо рекомендуетъ суслика его необыкновенная чистоплотность: онъ постоянно чистится, моется и чешется, что доставляетъ наблюдателю большое удовольствіе. Пѣнныхъ сусликовъ кормятъ хлѣбомъ, овощами и рожью, мясо они тоже ѣдятъ, а молоко составляетъ для нихъ настоящее лакомство. Если имъ давать преимущественно сухой кормъ, то неприятная рѣзкость свойственнаго имъ запаха значительно ослабляется. Только одного никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида: это—необходимости держать его на крѣпкомъ запорѣ. Если ему удастся освободиться, онъ перегрызетъ все, что ему попадется, и въ одну ночь можетъ надѣлать въ комнатѣ массу ущерба. Достоинно вниманія наблюденіе Герклоца, удостоверяющее, что суслика легко можно обмануть призывнымъ звукомъ дубоноса, на который онъ тотчасъ-же отвѣчаетъ.

За исключеніемъ сибириковъ и цыганъ мясо суслика ѣдятъ только бѣдные люди, хотя, по изслѣдованіямъ Герклоца, оно оказалось очень вкуснымъ и близко напоминающимъ куриное мясо. Мѣхъ находитъ себѣ весьма незначительное примѣненіе: онъ идетъ только на подкладку или-же на опушку шубъ, а также на выдѣлку кошелековъ и кисетовъ. Внутренности животнаго и по настоящее время употребляются въ качествѣ цѣлебнаго средства, безполезность котораго сама по себѣ понятна.

* * *

Живущая въ Сѣверной Америкѣ **Луговая собака** (*Cynomys ludovicianus*, *Spermophilus* и *Arctomys ludovicianus*, *Cynomys socialis* и *griseus*, *Arctomys latrans*. Prairiehund. Chien des prairies) соединяетъ нѣкоторымъ образомъ сусликовъ съ настоящими сурками; хотя, строго говоря, она принадлежитъ къ первымъ, но на послѣднихъ все-таки больше походить и существенно отличается отъ нихъ только зубною системою, въ которой первый верхній ложно-коренной зубъ одинаковой величины съ остальными, а также и короткимъ, широкимъ черепомъ. Туловище луговой собаки вытянутое, голова большая, хвостъ очень короткій, пушистый, равномерно со всѣхъ сторонъ покрытый волосами; защечные мѣшки мало развиты. Взрослая луговая собака достигаетъ въ длину почти 40 см., изъ которыхъ около 7 см., приходится на хвостъ. Шерсть на спинѣ свѣтло-красновато-бурая, перемѣшенная съ сѣрыми и черноватыми волосами, на животѣ-же—грязновато-бѣлая; короткій хвостъ на кончикѣ имѣетъ бурую перевязку. Названіе «Луговая собака», окончательно привившееся теперь къ этому животному, первоначально дано ему первыми его изслѣдователями, старыми канадскими трапперами-охотниками на пушныхъ звѣрей, которые назвали такъ нашего звѣрка, вслѣдствіе его голоса, похожаго на лай; во внѣшнемъ видѣ самое грубое сравненіе не указало-бы ни малѣйшаго сходства его съ собакой. Обширныя поселенія луговой собаки, называемыя, вслѣдствіе ихъ обширности, деревнями, находятся обыкновенно на низменныхъ лу-

гахъ, роскошная трава которыхъ представляетъ для нихъ отличный зеленый коверъ и доставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ удобную пищу. «До какихъ невѣроятныхъ протяженій могутъ дойти поселенія этихъ миролюбивыхъ земляныхъ жителей», говоритъ Балдуинъ Мольгаузенъ, «можно лучше всего убѣдиться, пропутешествовавъ безъ перерыва въ продолженіи цѣлыхъ дней между рядами маленькихъ бугорковъ, изъ которыхъ каждый указываетъ на жилище 2-хъ или нѣсколькихъ такихъ животныхъ. Отдѣльныя жилища находятся обыкновенно на разстояніи 5—6 метровъ одно отъ другаго, и каждый маленькій холмикъ, возвышающійся передъ входомъ въ него, заключаетъ въ себѣ хорошій возъ земли, нанесенный постепенно жителями на поверхность изъ подземныхъ ходовъ. Нѣкоторыя изъ жилищъ имѣютъ одинъ

Луговая собака. *Cynomys ludovicianus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

входъ, другія-же два. Они соединены между собою плотно протоптанными тропинками, которыя заставляютъ предполагать, что эти рѣзвые маленькіе звѣрки живутъ между собою въ тѣсномъ общеніи. При выборѣ мѣста для основанія своихъ поселеній они руководятся присутствіемъ короткой кудрявой травы, растущей преимущественно на плоскихъ возвышенностяхъ и составляющей вмѣстѣ съ корнями ихъ единственную пищу. Даже на плоскихъ возвышенностяхъ Новой Мексики, гдѣ на нѣсколько миль въ окружности нельзя найти ни капли воды, попадаются очень населенныя республики этого вида; такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не выпадаетъ дождей, а чтобы добраться до подпочвенной воды, надо рыть землю по крайней мѣрѣ на 30 метровъ въ глубину, то можно допустить, что луговые собаки не нуждаются въ водѣ и довольствуются сыростью, которая остается на травѣ послѣ обильной росы. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ звѣрекъ подвер-

жень зимней спячкѣ, такъ какъ трава вокругъ ихъ норъ совершенно высыхаетъ къ осени, а морозъ до такой степени сковываетъ почву, что имъ не было-бы никакой возможности доставать себѣ пищу обыкновеннымъ способомъ. Чувствуя приближеніе спячки, которая наступаетъ обыкновенно въ послѣднихъ числахъ октября, луговая собака закрываетъ всѣ выходы своего жилища, чтобы защитить себя отъ зимняго холода, а затѣмъ погружается въ спячку до тѣхъ норъ, пока теплые весенніе дни не пробудятъ ее къ новой жизненной дѣятельности. Судя по словамъ индѣйцевъ, она открываетъ иногда еще въ холодное время двери своего жилища, и это служитъ обыкновенно вѣрнымъ предвѣстникомъ наступающихъ теплыхъ дней.

«Замѣчательное зрѣлище представляетъ собою такое поселеніе луговыхъ собакъ, если наблюдать его по близости, счастливо пробравшись туда незамѣченнымъ зоркою стражею. Всюду, куда только можетъ проникнуть взоръ, кипитъ оживленная дѣятельность. Почти на каждомъ холмикѣ сидитъ, выпрямившись по-бѣлчи, маленькій желтовато-бурый звѣрекъ, поднятый вверхъ хвостикъ находится въ постоянномъ движеніи, и тысячи тонкихъ лающихъ голосковъ соединяются въ настоящей визгъ. Приблизившись еще на нѣсколько шаговъ, наблюдатель можетъ различить низкіе голоса старыхъ и опытныхъ предводителей; но вотъ словно мановеніемъ волшебнаго жезла вся жизнь на поверхности мгновенно прекращается. Только кое-гдѣ изъ отверстій порока высовывается голова лазутчика, который вызывающимъ лаемъ предостерегаетъ своихъ сотоварищей отъ опасной близости человѣка. Но если въ это время лечь и неподвижно, терпѣливо наблюдать ближайшую окрестность, то въ самомъ непродолжительномъ времени сторожевой звѣрекъ займетъ свое мѣсто на холмикѣ передъ входомъ въ нору и непрерывнымъ лаемъ сообщитъ своимъ товарищамъ о томъ, что опасность миновала. Этимъ онъ вызываетъ звѣрковъ одного за другимъ изъ темныхъ норъ на поверхность земли, гдѣ тотчасъ-же снова начинается беззаботная дѣятельность общительныхъ звѣрковъ. Какой-нибудь почтенный старичекъ изъ этой общины направляется съ визитомъ къ сосѣду, который уже ожидаетъ его на своемъ холмикѣ, стоя на заднихъ лапахъ и помахивая хвостикомъ; онъ тотчасъ-же любезно уступаетъ свое мѣсто почетному гостю. Между сосѣдями подымается прерывистый лай, показывающій, что они обмѣниваются мыслями и чувствами; оживленно разговаривая такимъ образомъ, они исчезаютъ въ норѣ, откуда, впрочемъ, снова скоро появляются, чтобы предпринять совместно путешествіе къ далеко живущему родственнику, который, оказавъ имъ гостепріимный пріемъ, и самъ присоединяется къ нимъ для дальнѣйшей прогулки; по дорогѣ они встрѣчаютъ другихъ, обмѣниваются съ ними короткимъ, но громкимъ привѣтствіемъ, затѣмъ расходятся, и каждый направляется къ своему дому. Можно по цѣлымъ часамъ безъ всякаго утомленія смотрѣть на эту вѣчно движущуюся картину жизни, и неудивительно, что въ концѣ концовъ явится желаніе принять участіе въ разговорѣ звѣрковъ, вмѣшаться въ ихъ интересы и подслушать ихъ оживленную рѣчь». Замѣчательный подтверждаемый нѣсколькими наблюдателями фактъ, что луговая собака раздѣляетъ свое жилище съ двумя враждебными этому маленькому грызуну животными. Нерѣдко можно видѣть, какъ эти грызуны, земляныя совы и гремучія змѣи направляются къ одной и той-же норѣ. Гейеръ предполагаетъ однако, что тутъ не можетъ быть и мысли о дружескомъ сожитіи этихъ столь различныхъ между собою животныхъ, и что съ теченіемъ времени гремучая змѣя совершенно истребляетъ такое поселеніе луговыхъ собакъ, такъ какъ постепенно она пожираетъ одного за другимъ всѣхъ законныхъ владѣтелей поселенія. Впрочемъ, такое мнѣніе Гейера надо считать ошибочнымъ.

«Когда въ 1872 г.», пишетъ Финштъ, «мнѣ пришлось проѣзжать по желѣзной

дорогѣ чрезъ Канзасъ, то я имѣлъ случай впервые познакомиться тамъ съ поселеніями луговыхъ собакъ. Жизнь этихъ животныхъ, также какъ бизонѣвъ и вилорогихъ антилопъ, связана съ плоскими возвышенностями, гдѣ вовсе нѣтъ деревьевъ и кустовъ, но которыя сплошь усеяны такъ называемой бизонной травой и потому называются бизонными лугами. Такіе-то луга и тянутся по линіямъ Канзасской и Данверской желѣзныхъ дорогъ. Поэтому луговые собаки считаются тамъ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ; за-то я не помню, чтобъ видѣлъ ихъ когда-нибудь на Ларамійскихъ плоскихъ возвышенностяхъ, и на унылыхъ, покрытыхъ только чернобыльникомъ, песчаныхъ степяхъ, между скалистыми горами, а въ Сиерра-Невадѣ ихъ навѣрно совсѣмъ нѣтъ. Такихъ громадныхъ поселеній, какія видѣлъ Мѣльгаузенъ, я никогда не встрѣчалъ. Подобно бизону и антилопѣ, луговые собаки совершенно свыклись съ шумомъ желѣзнодорожнаго поѣзда, и потому ихъ часто можно видѣть безопасно сидящими на краю своихъ норъ и разсматривающими идущій поѣздъ съ тѣмъ самымъ любопытствомъ, съ какимъ наблюдатели разсматриваютъ ихъ самихъ. Видъ такихъ поселеній составляетъ въ высшей степени пріятное разнообразіе въ этой утомительной самой по себѣ дорогѣ, и путешественники часто прямо съ площадки вагона стрѣляютъ по этимъ невиннымъ звѣркамъ, хотя почти всегда неудачно, къ моему великому удовольствію. Большею частью поселенія луговыхъ собакъ тянутся по самой линіи желѣзной дороги, отдѣляясь отъ полотна только насыпью; затѣмъ снова на далекомъ разстояніи не встрѣтятся ни одной норы, такъ какъ луговая собака не всегда селится деревнями. Когда мы въ первой половинѣ ноября возвращались изъ Калифорніи по той-же самой дорогѣ, то нашли луговыхъ собакъ въ такомъ-же изобиліи, какъ и прежде: большіе пожары, свирѣпствовавшіе въ то время, нимало не повліяли на нихъ. Онѣ по прежнему сидѣли у главныхъ входовъ своихъ норъ на холмикахъ, на совершенно выгорѣвшихъ мѣстахъ, и ихъ негодующее тявканье звучно разносилось по воздуху. Само собою разумѣется, наблюдателю слѣдовало при этомъ соблюдать возможную осторожность, такъ какъ достаточно было взяться за ружье, чтобы звѣрки моментально исчезли. Сообщение Гейера объ истребленіи луговыхъ собакъ гремучими змѣями стонетъ въ прямомъ противорѣчій съ тѣмъ, что я узналъ объ этомъ на западѣ. Всякій, кто сколько и чѣмъ-нибудь причастенъ къ преріямъ и знакомъ съ жизнью на нихъ,—а я справлялся объ этомъ у наиболѣе свѣдущихъ людей,—знаетъ, что луговые собаки, земляныя или полевыя совы и гремучія змѣи мирно уживаются другъ съ другомъ въ одной и той-же норѣ. Набыватели чучель на далекомъ западѣ очень любятъ составлять группы этихъ трехъ животныхъ и выставляютъ ихъ въ народныхъ музеяхъ, подъ названіемъ «счастливаго семейства»; группы эти всегда возбуждаютъ большое любопытство у иностранцевъ. Такъ какъ я не вижу повода сомнѣваться въ показаніяхъ этихъ достовѣрныхъ людей, то безъ всякихъ колебаній готовъ принять ихъ сообщеніе за правду».

«Храбро прокладываетъ себѣ луговая собака дорогу между толпою бродящихъ бизонѣвъ», говоритъ Мѣльгаузенъ, «но стоитъ только охотнику, сидящему въ засадѣ, сдѣлать неосторожное движеніе,—какъ все общество трусливо и моментально скрывается въ свои темные ходы. Только тихій лай, глухо раздающійся изъ глубины земли, да множество стоящихъ на поверхности земли холмиковъ свидѣтельствуютъ о густой населенности этого государства. Мясо этихъ животныхъ довольно вкусно, но охота на нихъ столь затруднительна и такъ рѣдко вѣнчается успѣхомъ, что если дѣлаютъ попытки убить звѣрка—другого, то единственно ради любознательныхъ цѣлей. Такъ какъ луговая собака величиною не болѣе большой бѣлки, то на обѣдъ даже небольшому обществу пришлось-бы убить по крайней мѣрѣ нѣсколько штукъ ихъ,

къ тому-же часто многія изъ подстрѣленныхъ скатываются въ свою отвѣсную нору, прежде чѣмъ охотникъ успѣетъ схватить ихъ, или-же, если вѣрнѣе нижеслѣдующему разсказу, своевременно спасаются своими товарищами».—«Одинъ трапперъ, охотившійся за луговыми собаками», разсказываетъ Вудъ, «удачно прицѣпившись, убилъ выстрѣломъ одного изъ сторожей, стоявшихъ на холмикѣ передъ своимъ жилищемъ. Въ ту-же минуту появился товарищъ убитаго, который до тѣхъ поръ трусливо прятался отъ пули охотника, и, схвативъ тѣло своего друга потащилъ его во внутренность норы». Смертельно раненая луговая собака и та не попадаетъ въ руки охотника, потому что она умудряется дотащиться до своей норы, гдѣ и умираетъ. «Даже тѣ изъ нихъ», утверждаетъ Финшъ, «которыхъ мы подстрѣливали на-смерть, имѣли еще на столько жизненной силы, чтобы проскользнуть въ свою нору. Чаще удается схватить ихъ тогда, по словамъ охотниковъ, когда онѣ нѣсколько удаляются отъ своихъ ходовъ. Во время постройки вышеназванной желѣзной дороги луговые собаки служили рабочимъ обыкновенной и излюбленной пищей».

О плѣнныхъ луговыхъ собакахъ Гаакъ пишетъ слѣдующее: «Рѣдко можно встрѣтить другихъ животныхъ, у которыхъ-бы неволя такъ мало измѣняла обычай ихъ свободной жизни; въ плѣну онѣ даютъ вполне вѣрную картину своего образа жизни на свободѣ, и колонія ихъ во Франкфуртскомъ зоологическомъ саду привлекаетъ свою кипучею дѣятельностью массу зрителей. Здѣсь луговымъ собакамъ предоставлена возможность устраивать норы, и съ жизнью въ нихъ и вокругъ этихъ норъ настолько связанъ бытъ луговыхъ собакъ, что въ тѣсной клѣткѣ животное почти неузнаваемо. Едва мы въ послѣднее лѣто снова устроили садокъ для луговыхъ собакъ, въ которомъ были введены нѣкоторыя усовершенствованія, какъ тотчасъ-же въ немъ началась самая энергичная работа звѣрковъ по рытью норъ. Водвареніе туда жителей состоялось въ послѣобѣденное время; а къ ночи они заготовили уже себѣ норы, въ которыхъ и могли спать. Такая строительная дѣятельность луговыхъ собакъ стоитъ того, чтобы изучить ее во всѣхъ подробностяхъ.

«Взрыхленіе земли и глины, равно какъ и самое копаніе, совершаются передними лапами. Ими луговая собака подбираетъ подъ свое брюхо массу земли, которая потомъ отбрасывается задними ногами. Даже когда роющее животное глубоко уйдетъ въ нору, оттуда все еще вылетаютъ маленькіе комки выбрасываемой имъ земли. Принимаясь за углубленіе своихъ норъ, луговая собака приступаетъ къ дѣлу съ большою предусмотрительностью. Она никогда не начинаетъ рыть въ глубинѣ удлиненнаго хода, такъ какъ знаетъ, что этимъ могла-бы законать свой выходъ или, во всякомъ случаѣ, стѣснить его; поэтому она начинаетъ свою земляную работу всегда у самаго входа. Оставшаяся здѣсь прежде нарытая земля загребается передними лапами подъ брюхо, а затѣмъ выбрасывается въ сторону задними лапами, и такимъ способомъ звѣрекъ постепенно уходитъ въ глубину, все время не переставая работать попеременно то передними, то задними лапами. Черезъ нѣкоторое время онъ снова появляется на поверхности, чтобы счистить зубами приставшую къ когтямъ переднихъ ногъ глину. Онъ успѣлъ немного расширить или удлинить ходъ и теперь готовъ отдохнуть; но отдыхъ весьма непродолжителенъ: скоро животное снова принимается за свою работу и, какъ всегда, начинаетъ рытье у входа. Строительная дѣятельность луговыхъ собакъ не ограничивается рытьемъ только этихъ ходовъ, обширность которыхъ представляетъ полное удобство для свободныхъ движеній по нимъ животного взадъ и впередъ. Наиболѣе существенная часть постройки заключается въ сооруженіи вокругъ норы насыпи, защищающей ее отъ затопленія. Для этой цѣли собирается срытая земля. Все то, что сначала было выброшено, снова сгребается задними лапами поближе ко входу норы, и животное,

напрягая все старания для этой серьезной работы, подбирает под себя землю передними лапами и укладывает ее горкой вокруг входа. Чтобы земля не рассыпалась, а лежала плотной насыпью, ее тщательно утрамбовывают носом, причем для такой работы избираются дождливые дни, когда земля достаточно сыра; поэтому в такие дни можно часто видеть вокруг входов норы следы носа луговой собаки.

«В зависимости от погоды луговая собака дѣлает, время от времени нѣкоторыя измѣненія въ своей постройкѣ. Когда наступают октябрьскіе холода, она законопачивает три изъ пяти ходовъ своей норы, чтобы холодъ не проникалъ внутрь жилища, ходы котораго, повидимому, все сообщаются между собою. Для этой же цѣли насыпи частью разрушаются къ зимѣ. Совершенно въ другомъ родѣ работа идетъ лѣтомъ, когда послѣ дождливыхъ дней ярко засвѣтитъ солнышко и когда животное должно позаботиться о просушкѣ своего жилища. Тогда, чтобы дать выходъ водянымъ парамъ, которые, какъ я разъ самъ видѣлъ, скапливаясь, выходятъ изъ норы маленькими облачками, луговые собаки выкапываютъ вентиляціонныя трубы. Въ противоположность косымъ ходамъ онѣ направляются отвѣсно въ землю и дѣлаются значительно уже первыхъ; случается также, что, вслѣдствіе недостатка земли вокругъ выходнаго отверстия, прокладка ихъ начинается прямо съ глубины, а не съ поверхности, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ животнымъ слишкомъ затруднился-бы входъ черезъ высохшіе ходы жилища. Какъ только воздухопроводныя трубки становятся ненужными, онѣ тотчасъ-же уничтожаются. Обыкновенною принадлежностью постройки считается постель, набитая сѣномъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Въ сухую погоду луговые собаки набираютъ чѣлую охапку сѣна. Съ помощью переднихъ лапъ и морды животное сбиваетъ ее въ комокъ, притомъ такой плотный, что ротъ едва можетъ ухватить его, и съ этимъ комкомъ исчезаетъ въ глубинѣ. Совершенно такъ-же луговые собаки поступаютъ и съ бумагой; все газетные листы комкаются въ шарикъ, который тащится въ нору. Когда сѣно въ норѣ смокнетъ, его выбрасываютъ и замѣняютъ новымъ.

«Въ прошлую весну количество луговыхъ собакъ въ нашемъ садкѣ простиралось до девяти штукъ, къ которымъ впоследствии присоединились еще пять дѣтенышей и шесть сусликовъ. Сколько между ними было самцовъ и сколько самокъ, я не могъ опредѣлить, такъ какъ различить полы очень трудно, и необходимое для этой цѣли схватываніе животныхъ представляется дѣломъ не всегда возможнымъ. Все луговые собаки жили въ полномъ согласіи между собою и проявляли большое добродушіе по отношеніи сусликовъ, жившихъ въ одной съ ними норѣ. Даже съ крысами, которыя пріютнились въ ихъ садкѣ, луговые собаки держались на товарищеской ногѣ: мнѣ часто приходилось видѣть, какъ луговые собаки и крысы совершенно дружелюбно обнюхивали другъ друга. Напротивъ того, съ двумя чужими луговыми собаками, которыхъ мы получили изъ Гамбурга и присоединили къ нашимъ, онѣ обходились очень дурно: при первомъ-же появленіи новичковъ онѣ стремительно набросились на нихъ, такъ что тѣ вынуждены были скрыться въ норы, чтобы спрятаться съ глазъ законныхъ хозяевъ садка. А черезъ нѣсколько дней несчастнымъ гамбургскимъ пришельцамъ пришлось всеѣмъ распрощаться съ жизнью, такъ какъ ихъ закусали на смерть ревнивые хозяева. Въ другихъ случаяхъ мнѣ почти не приходилось видѣть, чтобы луговые собаки кусались; если иногда онѣ и не выказывали любезности по отношеніи своихъ сожителей (что случалось только при дѣлежѣ какого-нибудь особенно лакомаго кусочка), то дѣло ограничивалось простой дракой. Луговая собака колотитъ своего противника обѣими передними лапами, причемъ ис-

пускает сердитое ворчанье, похожее на воркотню щегленка. Но как только причина спора устранена, ссора тотчас-же забывается, и луговая собака снова начинает помахивать хвостикомъ, какъ всегда, когда находится въ хорошемъ расположеніи духа. Я думаю, что не ошибусь, если назову дружескимъ обмѣномъ мыслей взаимное обнюхиваніе этихъ животныхъ, которое не безъ основанія можно сравнить съ цѣлованіемъ. Впрочемъ, объ этомъ не можетъ быть серьезной рѣчи. Лай, которымъ, по мнѣнію Мольгаузена, обмѣниваются луговья собаки для этой цѣли, здѣсь не наблюдался мною. Но можетъ быть также, что Мольгаузенъ подразумѣваетъ подъ этимъ быстро и безъ всякаго видимаго основанія возникающее веселье, которое передается отъ одного звѣрка другому и шумно выражается у нихъ лаемъ, стоя на заднихъ лапахъ, и затѣмъ такъ-же быстро прекращается. Такое безпричинное веселье нерѣдко наблюдалось среди моихъ звѣрковъ, но я не могъ опредѣлить его значенія; во всякомъ случаѣ это не крикъ предостереженія.

«Этотъ послѣдній представляетъ собою тотъ именно звучный лай, которому луговья собаки обязаны своимъ названіемъ. Наши луговья собаки испускаютъ его, и притомъ всегда неизмѣнно, въ то время, когда къ садку приближается наша сень-бернардская сука «Кора». Хотя онѣ и не могутъ видѣть ее, но одинъ изъ звѣрковъ узнаетъ объ ея присутствіи по запаху и тотчасъ-же начинаетъ выразительно лаять. Всѣ остальные быстро скрываются въ норахъ, а чуткій сторожъ садится на заднихъ лапахъ на насыпи норы и передаетъ своимъ спрятавшимся товарищамъ о положеніи дѣла. Если опасность не прекращается и непріятель не уходитъ, то сторожъ и самъ скрывается въ норѣ, не переставая все время усиленно лаять. Наблюденіе Мольгаузена, что и исчезновеніе опасности также сообщается товарищамъ лаемъ, не было provato мною. На человѣка наши луговья собаки не смотрятъ, какъ на своего врага, и потому не боятся его; развѣ только при неожиданномъ появленіи его, когда около ихъ садка никого другого нѣтъ, онѣ всполошатся и быстро юркнуть къ своимъ входамъ, чтобы въ случаѣ нужды какъ можно быстрѣе скрыться въ глубинѣ ихъ. Но скоро и этотъ страхъ проходитъ, и, убѣдившись, что опасности нѣтъ, онѣ мало-по-малу приближаются къ наблюдателю, становятся передъ нимъ на заднія лапы и дѣлаютъ даже въ такомъ положеніи нѣсколько шаговъ по направленію къ нему, чтобы выпросить себѣ лакомой подачки. Онѣ берутъ ее прямо изъ рукъ посѣтителя и если случится что-нибудь особенно лакомое, въ родѣ, напримѣръ, орѣховъ, то онѣ скорѣе повиснутъ на зубахъ, чѣмъ выпустятъ цѣнную добычу. Обыкновенную пищу луговыхъ собакъ у насъ составляетъ кукуруза и всевозможная зелень. Между послѣднею преимуществу отдается морковь. Не менѣе пріятна имъ и зеленая травка, а за неимѣніемъ ничего лучшаго ѣдятъ и сухое сѣно. Животное граціозно держитъ стебелекъ одной рукой, — какъ по справедливости можно назвать переднюю лапку луговой собаки, — прижимая его пальцами къ мясистой части большого пальца. Большимъ лакомствомъ для луговыхъ собакъ служатъ орѣхи, которые нужно, впрочемъ, предварительно разгрызть, такъ какъ животное не возьметъ орѣха въ скорлупѣ. Такъ-же охотно питаются онѣ маленькими птичками. Я предполагаю, что луговья собаки сами ловятъ себѣ птицъ, такъ какъ мнѣ не разъ приходилось заставить своихъ животныхъ за ѣдою воробьевъ, присутствие которыхъ въ клѣткѣ никто изъ сторожей не могъ объяснить. При наглости этой птички немудрено, что иногда она дѣлалась добычей луговыхъ собакъ. Пьютъ эти животные довольно рѣдко; впрочемъ мы никогда не оставляли нашихъ звѣрковъ безъ воды.

«До сихъ норъ только отъ одной изъ нашихъ самокъ мы получили приплодъ. Уже нѣсколько времени наше вниманіе было привлечено однимъ изъ звѣрковъ, у

котораго медленно совершалось линяніе, такъ что нѣкоторыя мѣста на тѣлѣ были совсѣмъ голы; онъ занялъ для себя отдѣльный ходъ и особенно старательно таскалъ къ себѣ въ нору сѣно и бумагу; у этой луговой собаки рѣзко выступали сосцы, такъ что были очень замѣтны. Не подлежало никакому сомнѣнію, что это была кормящая самка; тѣмъ болѣе, что она проявляла недружелюбіе по отношеніи своихъ товарищей, которыхъ отгоняла отъ своей норы, и затѣмъ быстро закапывала входы въ нее. Такъ прошло нѣсколько недѣль, когда однажды въ отверстіи входа въ нору показалась головка маленькой луговой собачки, которая съ любопытствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ крайнею осторожностью смотрѣла на свѣтъ Божій. Только черезъ нѣсколько дней послѣ этого перваго опыта юные звѣрки отважились выйти совсѣмъ; по мѣрѣ того, какъ они выходили, мы насчитали ихъ 5 штукъ и наблюдали, какъ они постепенно становились довѣрчивѣе; но совершенной прирученности, какою отличались взрослые, мы не дождались отъ нихъ и къ концу лѣта. У молодыхъ луговыхъ собакъ шерсть свѣтлѣе, не такая красноватая, какъ у взрослыхъ. Онѣ скоро сами стали промышлять себѣ пищу и принимать участіе въ расширеніи и поправкѣ жилья, причѣмъ другіе члены общины относились къ нимъ вполне миролюбиво. Я замѣтилъ въ нихъ совершенно дѣтскую черту характера. Когда они по окончаніи ремонта въ ихъ помѣщеніи,—во время котораго ихъ разлучили со старшими,—снова были водворены вмѣстѣ съ ними, то ихъ радость свиданія съ родными не имѣла предѣловъ: онѣ неистово носились отъ одного старшаго члена своей общины къ другому и по своему цѣловали и ласкали ихъ. Въ началѣ зимы дѣтеныши выдержали первое линяніе, послѣ чего мѣхъ ихъ сталъ такого-же красиваго красновато-сѣраго цвѣта, какъ и у старшихъ; теперь, въ концѣ втораго лѣта, имъ отъ роду 15 мѣсяцевъ, и они могутъ назваться вполне взрослыми.

«Съ наступленіемъ холодной погоды, въ октябрѣ и ноябрѣ, наши луговые собаки погружаются въ зимнюю спячку. Зимой онѣ оставались въ своемъ помѣщеніи, весною-же всѣ предстали снова своимъ полнымъ составомъ. Если зимою выпадаютъ теплые дни, то сонъ ихъ ненадолго прерывается.

«Мнѣ пришлось также наблюдать этихъ животныхъ среди неестественныхъ условій. По случаю предстоящаго ремонта помѣщенія обезьянъ, у меня оставалась свободною одна большая наружная клѣтка, куда я и приказалъ перевести на время луговыхъ собакъ; но опытъ оказался весьма неблагоприятнымъ: многіе звѣрки ползали по высокимъ проволочнымъ стѣнкамъ клѣтки и попадали внизъ, такъ-какъ не умѣли хорошо лазать; при этомъ большая часть ихъ переломали себѣ крестцы и охромѣли на заднія ноги, вслѣдствіе чего мы вынуждены были убить ихъ. Остальныхъ я посадилъ послѣ того въ деревянный ящикъ, гдѣ мнѣ уже не пришлось наблюдать больше ихъ прежней живой дѣятельности. Въ этомъ ящикѣ они спали почти цѣлые дни, причѣмъ оставались въ стоячемъ положеніи, и лишь головы ихъ свѣшивались то напередъ, то назадъ, а носомъ и лбомъ они утыкались въ подстилку. На воздухѣ въ своемъ садкѣ луговые собаки также спятъ въ своихъ норахъ часть дня».

* *
*

Съ луговыми собаками тѣсно связываются **Сурки** (*Arctomys*); все ихъ различіе ограничивается, какъ уже выше сказано, строеніемъ черепа и устройствомъ верхняго коренного зуба. Черепъ сурковъ сверху очень сплюснутъ и покатъ между глазами впадинами; первый верхній ложко-коренной зубъ на половину меньше другихъ. Въ остальномъ сурки совершенно схожи съ луговыми собаками. У нихъ такое-же вытянутое туловище, короткій хвостъ, одинаковое строеніе ногъ, короткія уши и маленькіе глаза, какъ равно и такіе-же едва замѣтные зацѣпные мѣшки.

Подобно тому, какъ луговая собака населяетъ плоскія возвышенности Новаго Свѣта, такъ **Байбакъ** (*Arctomys bobac*, *Mus arctomys. Bobak*) принадлежитъ къ жителямъ равнинъ Стараго. Длина туловища байбака, который только въ недавнее время былъ отдѣленъ въ особый видъ отъ альпійскаго сурка, достигаетъ 37 см.; хвостъ имѣетъ 9 см; довольно густой мѣхъ чало-ржаво-желтаго цвѣта; на спинѣ онъ немного темнѣе, вслѣдствіе подмѣси отдѣльныхъ черно-бурыхъ кончиковъ волосъ; на темени, мордѣ, губахъ и углахъ рта, такъ-же, какъ и въ окружности глазъ,—онъ одноцвѣтный буровато-ржаво-желтый, на хвостѣ темный ржаво-желтый, кончикъ хвоста черно-бурый; подшерстокъ сверху темный сѣро-бурый, снизу болѣе свѣтло-бурый, на передней части шеи и на горлѣ — сѣро-бѣловатый. Дѣтеныши окрашены тусклѣе взрослыхъ, но также и между ними, по изслѣдованіямъ Раdde, попадаются различныя измѣненія въ окраскѣ.

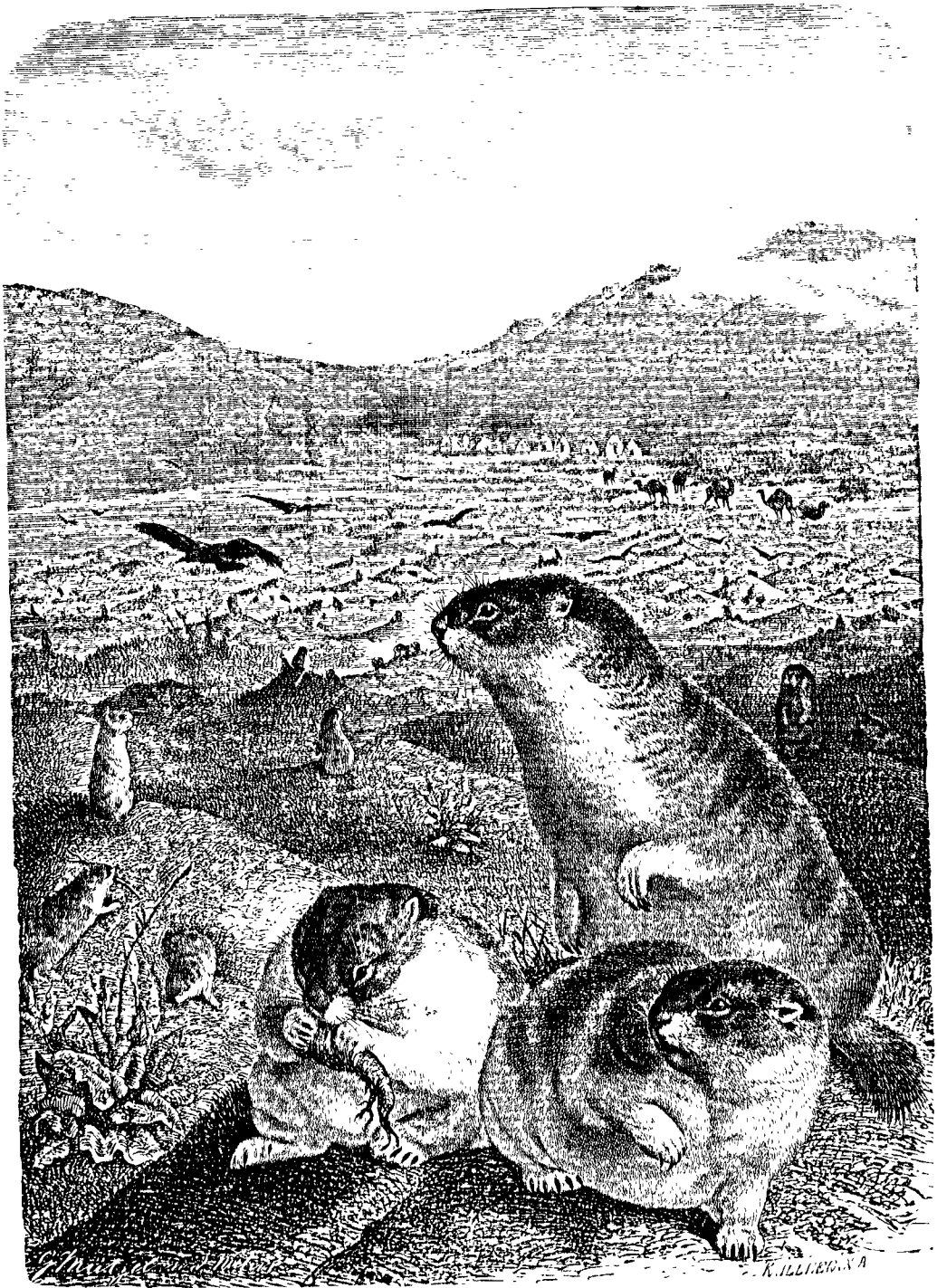
Область распространенія байбака, начиная отъ южной Польши и Галиціи, доходитъ на востокъ въ средней Азіи, до Амура и даже до Камчатки, а черезъ Гиммалайскія горы до Сиккима, но байбакъ многочисленнѣе на Тибетской сторонѣ этихъ горъ; хотя Жердонъ опредѣляетъ границу его распространенія здѣсь въ 4000 метровъ, но достовѣрно извѣстно, что онъ попадаетъ и на высотѣ слишкомъ 5000 метровъ. Если тотъ видъ сурковъ, о которомъ упоминаетъ Пржевальскій, есть обыкновенный байбакъ, то надо признать, что это животное распространено также и сѣвернѣе Тибета. Оно живетъ въ равнинахъ и въ каменистыхъ, холмистыхъ странахъ, избѣгая лѣсовъ и песчаныхъ мѣстностей, которыя неудобны для устройства его глубокихъ норъ. Раdde повсюду часто встрѣчалъ байбака въ благопріятныхъ для него мѣстностяхъ Сибири, а Адамсъ нашелъ его даже въ пространныхъ долинахъ Кашемира на высотѣ 2000 и даже 3000 метровъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь онъ живетъ въ плодородныхъ долинахъ, гдѣ лѣтомъ произрастаетъ роскошная, хотя и низкая растительность, выскивая между нею голыя равнины и скаты. Всегда и повсюду онъ живетъ многочисленными общинами и оставляетъ поэтому на обитаемой мѣстности особенный отпечатокъ: безчисленные холмы, встрѣчающіеся въ зеленыхъ степяхъ внутренней Азіи, обязаны своимъ происхожденіемъ этимъ суркамъ, которые своею оживленною дѣятельностью приковываютъ къ себѣ вниманіе путешественниковъ, а мясомъ своимъ оказываютъ важную услугу какъ степнымъ жителямъ, такъ и различнымъ животнымъ, которымъ служитъ пищею.

Во всѣхъ поселеніяхъ байбаковъ въ продолженіи всего лѣта царствуетъ самая кипучая дѣятельность. Родившіеся въ апрѣлѣ или въ маѣ дѣтеныши къ этому времени уже настолько подростаютъ, что могутъ заниматься дѣломъ паравнѣ со взрослыми, хотя и не успѣваютъ еще пріобрѣсть ихъ опытности. Съ восходомъ солнца они вмѣстѣ съ старшими выходятъ изъ своихъ норъ, жадно слизываютъ съ листьевъ росу — въ большинствѣ случаевъ ихъ единственное питье въ безводныхъ степяхъ,—кормятся и весело играютъ до полудня на вскопанныхъ передъ ихъ норами холмикахъ; жаркіе-же часы дня проводятъ въ сладкой дремотѣ на мягкой подстилкѣ внутри норы; къ вечеру снова появляются на поверхности земли, чтобы заготовить закуску на ночь. Они весьма неохотно ѣдятъ траву, растущую около входовъ въ норы, и нарочно прокладываютъ тропинки, которыя ведутъ къ выгонамъ, удаленнымъ отъ норъ часто на 40—50 метровъ разстоянія; точно также неохотно отпращиваются они въ мѣста, откуда-бы не могли въ ту же минуту добраться, по крайней мѣрѣ, хоть до временной норы. Пока не угрожаетъ никакая опасность, въ поселеніяхъ байбаковъ жизнь идетъ такимъ-же чередомъ, какъ и въ деревняхъ луговыхъ собакъ, и точно также они моментально кубаремъ бросаются въ свои норы, какъ только узнаютъ о приближеніи опасности въ видѣ

волка, собаки, орла, бородатаго ягнятника или человекѣ, о чемъ имъ даетъ знать стоящій на стражѣ караульный, который издаетъ съ этою цѣлью лающіе крики предостереженія. Въ юнѣ байбаки начинаютъ собирать себѣ зимніе запасы, но работаютъ надъ этимъ еще вяло; полное усердіе и рвеніе проявляются позже. Наступившіе холода дѣйствуютъ на нихъ угнетающимъ образомъ: по утрамъ, послѣ холодной ночи, можно видѣть, какъ они медленно, шатающееся походкою, словно съ просонья, тащутся со своихъ холмовъ, и прежней бодрости въ нихъ и слѣда уже нѣтъ. Въ степяхъ юго-восточной Сибири они забираются въ свои зимнія квартиры почти всегда въ первой половинѣ сентября, причемъ заваливаютъ отверстія главнаго хода почти на 1 метръ въ глубину камнями, пескомъ, травой и своимъ собственнымъ пометомъ и тамъ, въ глубинѣ норъ, до наступленія зимы продолжаютъ еще пока свою полусонную жизнь.

Внѣшняя форма норъ бываетъ почти всегда одинакова, внутренніе-же размѣры ея различны, согласуясь въ общемъ съ качествомъ почвы: тамъ, гдѣ она тверже, норы дѣлаютъ обширнѣе. «Обыкновенно», пишетъ Радде, съ которымъ я вполне схожусь, «гнѣздо удалено отъ входнаго отверстія на 5—7 метровъ, рѣдко когда на 14 метровъ. Главный ходъ на глубинѣ уже 1 или 1½ метра подъ поверхностью земли раздѣляется на нѣсколько извилистыхъ рукавовъ, изъ которыхъ каждый въ свою очередь тоже иногда развѣтвляется. Боковые рукава въ большинствѣ случаевъ дѣлаются глухими и доставляютъ лишь матерьялъ для замыканія главнаго входа. Всѣ-же открытые рукава ведутъ въ обширныя спальни». Гнѣздо, въ которомъ животныя зимуютъ, совершенно иное, чѣмъ то, въ которомъ они располагаются на лѣтнее время. Близко знакомые съ нравами байбаковъ туземные охотники рассказываютъ, что, прежде чѣмъ употребить собранную траву на устилку зимняго гнѣзда, они перетираютъ отдѣльные стебельки ея между верхнею частью переднихъ лапъ и брюхомъ, чтобы сдѣлать ее возможно мягче. Внутри тщательно замкнутыхъ норъ температура держится постоянно на точкѣ замерзанія, какъ разъ такая-же, какъ, по словамъ тунгузовъ, въ ихъ юртахъ. Вначалѣ своего водворенія въ зимнія убѣжища байбаки, повидимому, еще довольно бодры и очевидно занимаются поѣданіемъ собранныхъ запасовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ большія кучи кала, оставляемые ими тамъ; бодрственное состояніе ихъ продолжается, по всей вѣроятности, еще довольно долго, такъ-какъ ни хорькамъ, ни тунгузамъ, занимающимся выкапываніемъ сурковыхъ норъ, въ началѣ зимы не удается овладѣть звѣркомъ. Наконецъ зима вступаетъ въ свои права и съ декабря до конца февраля байбакъ впадаетъ въ мертвый сонъ, отъ котораго впервые пробуждается для новой жизни лишь въ мартѣ. Байбаки принадлежатъ къ числу животныхъ, просыпающихся первыми отъ зимней спячки. Какъ только они почувствуютъ приближеніе весны, тотчасъ-же принимаются откапывать заваленные съ осени входы своихъ подземныхъ жилищъ и выходятъ на свѣтъ Божій такими-же тучными, какими были осенью передъ водвореніемъ на зимнее житъе; въ первые весенніе дни, когда неприятно еще пронизываетъ холодъ, они выходятъ только въ полдень при свѣтѣ живительныхъ лучей солнца; но съ теченіемъ времени прогулки становятся продолжительнѣе и происходятъ и въ болѣе поздніе часы, пока постепенно они снова не войдутъ въ колею своей прежней кипучей дѣятельности.

Вначалѣ имъ приходится плохо. Старая трава, оставшаяся на холмахъ и около нихъ, вся поѣдена уже коровами, и байбаки находятъ одну голую, полутаявшую землю; единственной пищей служатъ имъ торчащія близъ входовъ въ ихъ норы высокіе, высохшіе стебли крапивы, съ которой вѣтеръ давно уже сорвалъ сухіе листья, да уцѣлѣвшіе кой-гдѣ бурые стебли ревеня. Не легче имъ бы-

БАЙБАКИ.

12

ваецъ и тогда, когда на лугахъ появится первая молоденькая травка, такъ-какъ эта пища вызываетъ у нихъ сильный поносъ. Поэтому неудивительно, что несчастные звѣрки быстро худѣютъ отъ слабости, едва могутъ держаться на ногахъ и очень легко становятся добычею своихъ многочисленныхъ враговъ; такое тяжелое время продолжается для нихъ до тѣхъ норъ, пока благодатный май обиліемъ доставляемой пищи достаточно не укрѣпитъ ихъ силъ и не возстановитъ жизнерадостнаго настроенія. Во время своей голодовки они становятся жертвами не только орла, который таскаетъ байбаковъ одного за другимъ, но даже и волка, предпочитающаго оставлять на это время преслѣдованіе домашняго скота и гоняющагося за сурками, какъ за добычею менѣе рискованною; съ этою цѣлью онъ по цѣлымъ часамъ сидитъ, притаившись за холмами, и подстерегаетъ выходъ байбаковъ, которыхъ голодь дѣлаетъ неосторожными, заставляя ихъ удаляться на нѣсколько шаговъ отъ своихъ надежныхъ жилищъ.

Къ этимъ естественнымъ врагамъ, которые здѣсь еще далеко не все перечислены, присоединяется и человекъ. Около того времени, когда байбакъ пробуждается и готовъ выйти на поверхность земли, тунгузъ или буряты, живущіе исключительно охотою, сѣдлаютъ свою лошадь, заряжаютъ винтовку и отправляются на охоту за сурками. «Послѣ продолжительной зимы», рассказываетъ Раде, «во время которой тунгузъ рѣдко имѣлъ возможность ѣсть мясо и кое-какъ перебывалъ въ своей холодной юртѣ, онъ, весьма понятно, съ рвеніемъ набрасывается на сурковъ, мясо которыхъ вдобавокъ хорошо только вначалѣ, а потомъ съ каждымъ днемъ будетъ утрачивать свою доброкачественность. Опытъ многихъ лѣтъ показалъ ему, что байбаки ничуть не теряютъ за зиму своего жира и изъ норъ своихъ выходятъ такими-же улитанными, какими осенью входятъ туда; извѣстно ему также, что по прошествіи нѣсколькихъ дней жизни на свободѣ они значительно худѣютъ и до мая такъ изнуряются, что ихъ не стоитъ труда и убивать. Вооружившись винтовкой, охотникъ ложится позади холма, возвышающагося надъ жилищемъ сурка, и, не шевелясь, терпѣливо ожидаетъ его появленія. Старый байбакъ, уже проученный опытами предыдущихъ лѣтъ, осторожно высовывается изъ норы, но тотчасъ-же опять быстро прицѣливъ голову назадъ. До тунгуза доносится лишь короткій, подобный лаю собакъ, крикъ животнаго, и онъ остается въ своемъ выжидательномъ положеніи, держа винтовку наготовѣ. Но это продолжается недолго: скоро желто-бурый, коротко-хвостый подземный житель вылѣзаетъ изъ своей норы, подымается на заднія ноги, озирается вокругъ, потомъ снова садится, помахиваетъ своимъ хвостикомъ и съ лаемъ отбѣгаетъ на три—четыре шага отъ входа, чтобы хорошенько обозрѣть мѣстность. Еще одинъ моментъ, раздается выстрѣлъ, и байбакъ падаетъ за-мѣртво. Стрѣлокъ тотчасъ-же подбираетъ звѣрка и вынимаетъ изъ него внутренности, такъ какъ онъ вредяетъ вкусу; въ случаѣ, если тунгузъ очень голоденъ или находится слишкомъ далеко отъ своей юрты, онъ немедленно принимается за приготовленіе себѣ жаркаго; съ этою цѣлью онъ собираетъ сухой навозъ, зажигаетъ его, бросаетъ въ огонь подобранные камни, и, когда тѣ раскалятся до красна, суетъ ихъ въ брюхо сурка, затѣмъ кладетъ сурка на чепракъ за сѣдло и часа черезъ два сѣдлаетъ его съ большимъ аппетитомъ, безъ всякихъ приправъ. Но этотъ способъ приготовленія сурковъ практикуется только въ крайнемъ случаѣ: у себя дома, въ юртѣ, тунгузы готовятъ это жаркое лучше.

«Жена и дѣти давно уже съ нетерпѣніемъ ожидаютъ отправки на охоту отца семейства: со вчерашняго дня они пошли лишь жидкой настойки изъ травъ и все, конечно, жаждаютъ поѣсть вязкаго мяса байбака. Съ принесенной добычи поспѣшно сдираютъ шкуру, пока другіе готовятъ воду для варки въ томъ-же

самомъ желѣзномъ котелкѣ, изъ котораго наканунѣ ѣли собаки. Охотникъ озабоченно даетъ наставленія своей женѣ, сдирающей шкуру, какъ надо отдѣлать отъ сурка «человѣческое мясо», чтобы по неосторожности какъ-нибудь не сварить и не съѣсть его во гнѣвъ божества. Непосвященный, выразившій недоумѣнiе по этому поводу, можетъ услышать слѣдующій разсказъ: «Подъ плечомъ у сурка между мясомъ находится жидкая бѣловатая масса, ѣсть которую запрещено закономъ нашей религiи, такъ какъ она составляетъ часть человѣка, который гнѣвомъ злого духа былъ обращенъ въ байбака. Тебѣ должно быть извѣстно, что всѣ сурки сначала были людьми, занимались охотою и отлично стрѣляли. Но это умѣнiе заставило ихъ возгордиться, и они стали хвастаться, что могутъ убить съ перваго выстрѣла всякое животное и даже птицу на-лету. Такимъ хвастовствомъ они прогнѣвили злого духа. Чтобы наказать ихъ, онъ явился среди нихъ и повелѣлъ лучшему стрѣлку однимъ выстрѣломъ убить пролетающую мимо нихъ ласточку. Смѣлый охотникъ зарядилъ ружье и выстрѣлилъ, но пуля вырвала у ласточки только середину хвоста. Съ этого времени ласточки стали имѣть раздвоенный хвостъ, а кичливые охотники превратились въ сурковъ». Тѣмъ временемъ похлебка приготовлена. Сперва безъ хлѣба и соли съѣдается мясо, потомъ принимаются за похлебку, которую заправляютъ мукой и дѣлаютъ изъ нея подобiе жидкаго киселя; все это поѣдается прямо изъ деревянныхъ чашекъ».

* *
*

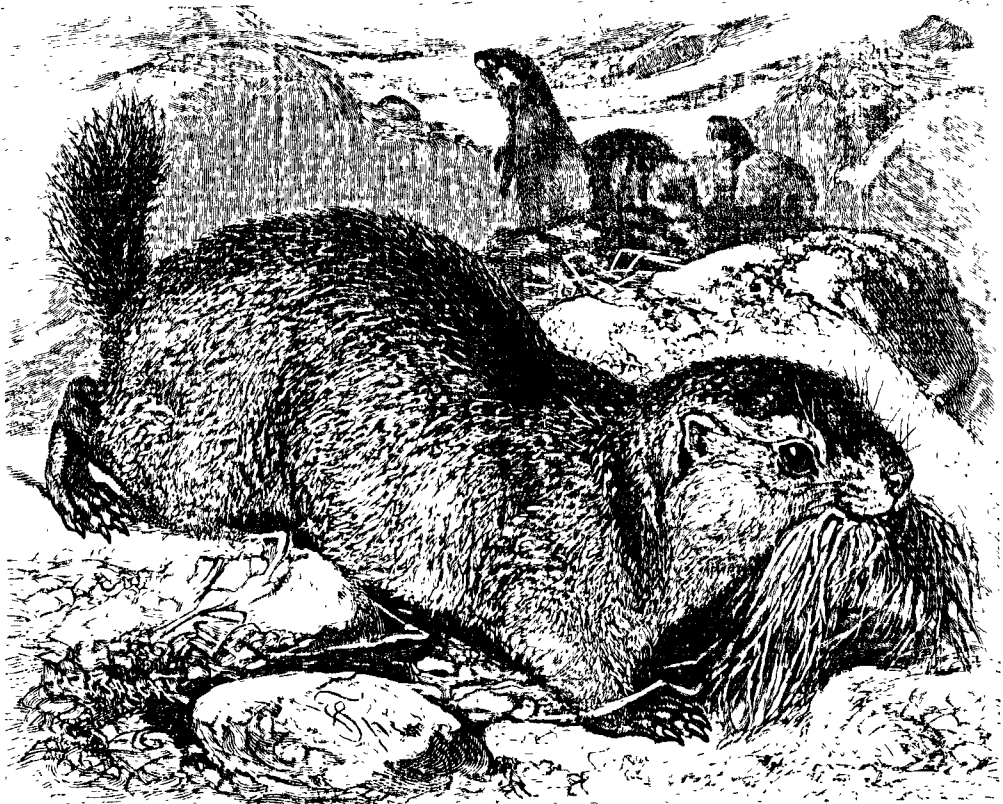
На верху высочайшихъ каменистыхъ склоновъ Альпъ, гдѣ не произрастаетъ никакого дерева, никакого кустарника, куда не заходитъ никогда рогатый скотъ, кромѣ козъ и овецъ, на маленькихъ скалистыхъ островахъ, среди большихъ глетчеровъ, гдѣ въ году не болѣе, какъ на шесть недѣль стаяваетъ снѣгъ подъ теплыми солнечными лучами, находится родина извѣстнаго уже съ древнихъ временъ вида сурковаго семейства. Хотя во всемъ существенномъ онъ вполне сходенъ съ только-что описаннымъ родичемъ, но вслѣдствiе разныхъ условiй, представляемыхъ самимъ мѣстожителемъ, по образу жизни онъ во многомъ отличается отъ байбака. Римляне называли это животное **Альпiйскою мышью**, савояры называютъ его **Мармотта**, ангадинцы — **Мармотелла**, кѣмцы-же соединили оба названiя въ одно, **Murmeltier**. Въ Бернѣ оно называется **Мурмели**, въ Валлисѣ — **Мурментли** и **Мистбеллери**, въ Граубинденѣ — **Марбетле** или **Мурбетле**, въ Гларусѣ — **Мункъ**.

Въ настоящее время жителямъ средней Германiи животное стало гораздо болѣе чуждо, чѣмъ прежде. Бѣдные савоярскiе мальчики лишены теперь возможности странствовать по средней Германiи съ ручными сурками за синюю, какъ это было прежде, когда они заходили даже и дальше на сѣверъ, свискивая себѣ пропитанiе посредствомъ этихъ маленькихъ звѣрковъ, которыхъ они заставляли продѣлывать разные штуки, на потѣху деревенскихъ и городскихъ жителей. Съ суркомъ произошло то-же, что и съ верблюдомъ, обезьяною и волкомъ: онъ пересталъ служить забавою деревенскимъ дѣтямъ и теперь для того, чтобы видѣть живого звѣрка, пришлось-бы заѣхать въ самую глубь альпiйскихъ долинъ.

Альпiйскiй сурокъ (*Arctomys marmota*, *Mus marmota*, *Marmota alpina*, *Alpenmurmeltier*, *Marmotte*.) достигаетъ почти 62 см. общей длины; изъ нихъ 51 см. приходится на туловище, а 11 см. на хвостъ, при 15 см. высоты въ плечахъ. По виду и строенiю онъ очень схожъ со своими родичами. Шерсть, состоящая изъ болѣе короткаго подшерстка и длинной ости, — густа и довольно длинна; окраска ея на снiгѣ буро-черная, на темени и задней части головы окрашена нѣсколькими бѣловатыми точками, такъ какъ отдѣльные волосы ости здѣсь черные съ бурыми кольцами и съ бѣлыми кончиками. На затылкѣ, у корня хвоста и на всемъ животѣ

шерсть темно-красновато-бураго цвѣта, на ногахъ, по бокамъ туловища и на задней части тѣла еще свѣтлѣе; а на мордѣ и на ногахъ ржаво-желтая. Глаза и когти черные, передніе зубы буро-желтые. Впрочемъ, встрѣчаются экземпляры совершенно черные или бѣлые, или съ бѣлыми жемчужными пятнами.

Повѣншія изслѣдованія доказываютъ, что сурокъ живетъ исключительно въ Европѣ. Высокія Альпійскія, Пиренейскія и Карпатскія горы служатъ ему пристанищемъ; здѣсь онъ обитаетъ на высочайшихъ возвышенностяхъ, располагаясь на лужайкахъ, лежащихъ между вѣчными льдами и снѣгами, и рѣдко когда спускается

Альпійскій сурокъ. *Arctomys marmota*. $\frac{1}{5}$ наст. вел.

до границы произростанія лѣсовъ. Для своего мѣстожительства онъ избираетъ открытыя мѣста, окруженныя крутыми отвѣсными скалами, или небольшія, узкія горныя ущелья, лежація между отдѣльно возвышающимися вершинами, причемъ больше всего онъ любитъ тѣ мѣста, которыя какъ можно дальше удалены отъ человѣка. Чѣмъ уединеннѣе горы, тѣмъ чаще его можно встрѣтить; тамъ, гдѣ водворился человѣкъ, сурокъ уже выведенъ. Однимъ изъ главныхъ условий при выборѣ мѣстности является ея расположеніе: сурокъ селится только на тѣхъ плоскихъ возвышенностяхъ и склонахъ, которые обращены на югъ, востокъ или западъ, потому что онъ, какъ и большинство дневныхъ животныхъ, любитъ солнечные лучи. Здѣсь онъ выкапываетъ себѣ нѣсколько маленькихъ, простыхъ, но глубокихъ норъ, изъ которыхъ одніе предназначаются для лѣта, другія—для зимы; первая служатъ для защиты противъ случайныхъ опасностей или непогоды, а вторая

противъ грозной, суровой зимы, которая продолжается тамъ шесть восемь и даже десять мѣсяцевъ. Этотъ замѣчательный звѣрекъ просыпаетъ добрыхъ двѣ трети года, а иногда даже и еще больше, потому-что на тѣхъ высотахъ, гдѣ онъ поселился, его бодрственное состояніе и дѣятельная жизнь продолжаются иногда всего два мѣсяца.

Лѣтняя жизнь сурка, по Чуди, чрезвычайно забавна. Съ разсвѣтомъ прежде всѣхъ выходятъ изъ своихъ норъ старые сурки; они осторожно высовываютъ изъ входныхъ отверстій головы, осматриваются кругомъ, прислушиваются и, только убѣдившись, что все обстоитъ благополучно, рѣшаются вылѣзти окончательно; послѣ этого проворными шажками они взбираются вверхъ на гору, садятся на заднія ноги и стремительно принимаются щипать короткую траву. Вслѣдъ за ними высовываютъ свои головки и молодые сурки: выныгнувъ изъ норы, они пощипываютъ травку, по цѣлымъ часамъ грѣются на солнышкѣ, садятся на заднія лапы и мило играютъ между собою. Среди всего этого они не перестаютъ поминутно озираться и внимательно изслѣдовать мѣстность. Первый, кто замѣтитъ что-нибудь подозрительное, въ родѣ хищной птицы, лисицы или человѣка, издаетъ низкій и громкій носовой свистъ: остальные повторяютъ его, и всѣ въ одно мгновеніе исчезаютъ. Въмѣсто свиста многіе сурки издаютъ громкое тивканье, откуда вѣроятно и происходитъ ихъ валлійское названіе мистбеллери (навозный крикунъ). Но представляютъ-ли они вообще особую стражу, это еще не рѣшено. Лучшими ихъ защитниками противъ опасности являются ихъ незначительная величина и зоркіе глаза, а въ особенности прекрасно развитые органы слуха и обонянія. Лѣтомъ сурки живутъ поодиночно или парами въ собственныхъ лѣтнихъ помѣщеніяхъ, къ которымъ ведутъ ходы, длиною въ 1—4 метра, имѣющіе побочные боковые проходы на случай бѣгства. Эти послѣдніе по большей части бываютъ такъ узки, что туда едва можно просунуть кулакъ. Только часть векованной земли они выбрасываютъ наружу, остальная идетъ на утрамбованіе проходовъ, которые вслѣдствіе этого становятся твердыми и гладкими. Выходъ норы въ большинствѣ случаевъ устраивается между камнями. По близости его часто находятъ множество неглубокихъ, предназначенныхъ только для временного убѣжища, норъ и ходовъ. Самое логовище довольно тѣсно. Здѣсь животныя спариваются, по всей вѣроятности, въ апрѣлѣ; здѣсь-же послѣ 6-ти недѣльной беременности самка рождаетъ 2—4 дѣтенышей, которые, пока не подростутъ, рѣдко выходятъ изъ норы и живутъ въ ней все время вмѣстѣ съ родителями.

Съ наступленіемъ осени сурки выкапываютъ себѣ подъ горою особенныя глубокія норы для зимнихъ жилищъ, которыя, впрочемъ, рѣдко превышаютъ глубину $1\frac{1}{2}$ метра подъ поверхностью земли. Эти жилища располагаются обыкновенно на болѣе низкихъ высотахъ, чѣмъ лѣтнія, которыя зачастую достигаютъ высоты 2600 метровъ надъ уровнемъ моря, тогда какъ зимнія находятся обыкновенно въ полосѣ высочайшихъ альпійскихъ пастбищъ, а иногда даже ниже границы произрастанія лѣсовъ. Помѣщеніе зимней норы рассчитано обыкновенно на цѣлую семью, состоящую изъ 5—15 членовъ, и потому дѣлается обширнымъ. Охотникъ узнаетъ обитаемыя зимнія норы частью по разбросанному около нихъ сѣну или по тому, что входъ въ нору, хотя и не превышающій размѣры кулака, бываетъ тщательно законопаченъ сѣномъ, землею и камнями, тогда какъ входъ лѣтней норы всегда открытъ. Если снять съ отверстія входа эту покрывку, то прежде всего глазамъ представится длинный проходъ, въ нѣсколько фуговъ протяженія, старательно выложенный землею, пескомъ и камнями. Слѣдуя дальше по этому проходу, на нѣсколько метровъ разстоянія отъ поверхности, наталкиваешься на перекрестокъ, откуда расхо-

дятся два прохода. Одинъ изъ нихъ, въ которомъ обыкновенно складывается пометъ и шерсть, простирается недалеко и, по всей вѣроятности, служить лишь строительнымъ матеріаломъ для выстилки стѣнокъ главнаго хода. Этотъ послѣдній послѣ перекрестка начинаетъ постепенно идти въ гору и приводитъ, наконецъ, охотника къ широкому логовищу, находящемуся иногда на высотѣ 8—10 метровъ отъ входнаго отверстія и представляющему отличное гнѣздо для зимней спячки. Оно въ большинствѣ случаевъ имѣетъ форму яйца или хлѣбной печки и набито обыкновенно мягкимъ, сухимъ, красновато-бурымъ сѣномъ, которое каждый годъ частью подновляется. Уже съ августа мѣсяца умные звѣрки начинаютъ запасать траву и сушить ее, а потомъ во рту перетаскиваютъ ее въ нору, иногда ее скопляется такъ много, что человѣку не подъ силу унести ее. Въ старину объ этомъ сѣнокосѣ рассказывали всякія небывлицы: будто-бы сурокъ ложился на спину, другіе сурки его нагружали сѣномъ и возъ такимъ образомъ, какъ на саняхъ, довозился до норы. Поводомъ къ этой баснѣ послужило то обстоятельство, что нерѣдко попадаются сурки со стертými спинами; но дознались, что это происходитъ только отъ шмыганья по узкимъ проходамъ. Кромѣ этихъ двухъ жилищъ сурокъ имѣетъ еще особыя норы, въ которыхъ онъ прячется во время опасности, а если не успѣетъ добѣжать до норы, то, спасаясь, скрывается подъ камнями и въ расщелинахъ скалы.

Движенія сурковъ довольно своеобразны. Походка состоитъ изъ крупнаго шага съ перевальцемъ, причѣмъ брюхо какъ будто, а то и на самомъ дѣлѣ, волочится по землѣ. Настоящихъ прыжковъ я никогда не замѣчалъ у сурковъ, но крайней мѣрѣ, у тѣхъ, которыхъ наблюдалъ въ неволѣ; они слишкомъ неповоротливы для этого. Въ особенности странный видъ имѣетъ животное, когда оно стоитъ на заднихъ лапахъ; сурокъ садится тогда, вытянувшись какъ палка, на заднюю часть, пригнувъ хвостъ перпендикулярно къ туловищу и свѣсивъ переднія лапы, и въ такомъ положеніи внимательно всматривается въ окружающее. При рытвѣ сурокъ работаетъ медленно, обыкновенно только одной лапой, пока не сгребетъ порядочной кучи земли; затѣмъ онъ быстрыми движеніями заднихъ ногъ отбрасываетъ землю назадъ, и наконецъ вталкиваетъ всю эту кучу заднею частью въ нору. Во время рытья онъ часто появляется у отверстія норы, чтобы стряхнуть набившійся въ мѣхъ песокъ и затѣмъ снова принимается усердно копать.

Пища сурковъ состоитъ изъ свѣжей и сочной альпійской растительности, травъ и корней. Къ излюбленной пищѣ принадлежатъ: тысячелистникъ, акантъ, коневій павель, выдолбникъ (*Linaria vulgaris*), клеверъ, астры, альпійскій подорожникъ и водяной лютикъ (*Ranunculus aquatilis*); но сурокъ можетъ довольствоваться и простою травою, не только свѣжею, но даже сухою, какая попадаетъ по близости норы. Своими острыми зубами онъ быстро откусываетъ самую короткую травку; затѣмъ встаетъ на заднія лапы и держитъ пицу передними лапами, пока не разжуетъ ее, какъ слѣдуетъ. На водоной онъ ходитъ рѣдко, но за то заразъ ѣсть много и притомъ чмокаетъ, и носѣмъ каждого глотка подымаетъ голову вверхъ, какъ это дѣлаютъ куры или гуси. Привычка быть постоянно на-сторожѣ, неоставляющая его даже во время ѣды, не даетъ ему спокойно съѣсть ни одного куска; онъ безпрестанно приподнимается, оглядывается и вѣчно тревожится, пока самымъ достовѣрнымъ образомъ не убѣдится, что ему не угрожаетъ ни малѣйшей опасности. Всѣ наблюденія подтверждаютъ, что альпійскій сурокъ обладаетъ способностью вѣрно предугадывать всякую перемену погоды. Горцы твердо вѣрятъ, что своимъ свистомъ онъ возвѣщаетъ о переменѣ погоды, и убѣждены, что если, несмотря на солнечный день, сурки не играютъ на горѣ, то въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ дождь.

Какъ большая часть животныхъ, подверженныхъ зимней спячкѣ, альпійскіе сурки въ концѣ лѣта и осени бываютъ необыкновенно жирны. Какъ только наступятъ первые морозы, они перестаютъ ѣсть, но продолжаютъ много пить, затѣмъ хорошенько испражняются и семейнымъ образомъ удаляются въ свои зимнія жилища. Передъ началомъ спячки узкій входъ, ведущій въ просторное логовище, на протяженіи 1—2 метра набивается землею и камнями, въ которые кромѣ того подмѣшиваются глина, трава и сѣно, и этимъ крѣпко законопачивается, такъ-что все въ общемъ дѣлается похожимъ на каменную стѣну, въ которой трава служитъ цементомъ. Благодаря такому плотному законопачиванію, доступъ въ нору внѣшняго воздуха совершенно прегражденъ, и въ логовищѣ животная теплота, исходящая изъ сурковъ, поддерживаетъ довольно высокую температуру, доходящую иногда до 10—11° по Цельсію. Пабитое и высланное кругомъ сухимъ сѣномъ логовище служитъ общимъ гнѣздомъ цѣлому обществу. Тутъ все семейство лежитъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Всякая жизненная дѣятельность понижается до послѣднихъ предѣловъ, каждое животное лежитъ неподвижное и похолодѣвшее въ оцѣленіи, подобномъ смерти, въ разъ принятомъ положеніи, и не проявляетъ ни малѣйшаго признака жизни. Теплота крови понижается до температуры воздуха въ норѣ; дыханіе замедляется до 15-ти разъ въ часъ. Если во время спячки вынуть сурка изъ норы и внести его въ теплое помѣщеніе, то при 21° температуры дыханіе его становится внятнымъ, при 25° звѣрекъ начинаетъ храпѣть, при 27,5° вытягиваетъ члены, а при 31° окончательно пробуждается, начинаетъ, пошатываясь, двигаться взадъ и впередъ, становится постепенно бодрѣе, и наконецъ принимается ѣсть. Весной сурки въ очень исхудаломъ видѣ появляются передъ отверстіемъ своихъ зимнихъ жилищъ, жадно высматриваютъ себя кругомъ чего-нибудь съѣдобнаго и зачастую бываютъ вынуждены совершать далекія странствованія по выступамъ и карнизамъ горъ, отыскивая мѣста, гдѣ вѣтеръ сдулъ снѣгъ и обнажилъ засохшую траву. Эта сохранившаяся за зиму трава вначалѣ составляетъ ихъ исключительную пищу, но скоро показывается молодая, свѣжая, сочная альпійская растительность, и утраченные за зиму силы и полнота звѣрка быстро восстанавливаются.

Охота на сурковъ и ловля ихъ представляютъ различныя затрудненія. Приближающійся охотникъ почти всегда бываетъ замѣченъ кѣмъ-нибудь изъ членовъ общества, который предостерегаетъ остальныхъ пронзительнымъ свистомъ. Тогда всѣ въ одну минуту скрываются по норамъ и уже не скоро появляются. Вслѣдствіе этого, желая подстрѣлить такого осторожнаго звѣрка, надо быть на мѣстѣ еще до восхода солнца. Впрочемъ огнестрѣльнымъ оружіемъ добывается только небольшое количество сурковъ. Обыкновенно ихъ ловятъ посредствомъ всевозможныхъ ловушекъ или выкапываютъ ихъ изъ норъ въ началѣ зимы. Уже въ прежнія времена они усердно преслѣдовались, да и теперь положеніе ихъ нисколько не улучшилось. Какъ-бы просты ни были ловушки, но онѣ доставляютъ большой уловъ и значительно уменьшаютъ число сурковъ; раскапываніе-же норъ зимой истребляетъ ихъ цѣлыми семьями. Поэтому въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи весьма основательно запрещено выкапываніе сурковъ, такъ какъ это могло повести за собою совершенное истребленіе этихъ животныхъ, тогда какъ простая охота особенно не вредитъ имъ. Раскапываніе норъ лѣтомъ совершенно бесполезно, потому-что находящійся въ это время въ совершенно бодрственномъ состояніи звѣрекъ вкапывается въ гору гораздо скорѣе, чѣмъ человѣкъ можетъ за нимъ поспѣть. Въ крайнемъ случаѣ сурки смѣло и отважно защищаются противъ своихъ враговъ, причемъ они больно кусаются и даже царапаются своими крѣпкими когтями. Въ случаѣ упорнаго преслѣдованія все общество выбирается изъ своихъ норъ и перекоч-

чевываетъ съ одной горы на другую, чтобы обезпечить себѣ безопасность. Впрочемъ, горцы настолько благообразны, по словамъ Чуди, что разставляютъ ловушки только для старыхъ животныхъ, какъ, на примѣръ, постушаютъ жители глетчерной долины Заасталь, въ Валлисъ, гдѣ поэтому и въ настоящее время сурковъ великое множество, такъ-какъ дѣтеныши ихъ всегда щадятся.

Это маленькое животное важно для горнаго жителя не только какъ пищевой продуктъ, но и какъ цѣлебное средство отъ всевозможныхъ болѣзней. Жирное, очень вкусное мясо считается особеннымъ укрѣпляющимъ средствомъ для родильницъ; жиръ будто-бы тоже помогаетъ въ родахъ, уничтожаетъ рѣзь въ животѣ, останавливаетъ кашель, разбиваетъ затвердѣлость въ грудяхъ; только-что снятая шкура употребляется при ревматическихъ и тому подобныхъ боляхъ. Свѣжее мясо имѣетъ такой сильный землистый вкусъ дичи, что въ непривычномъ къ нему человѣкѣ возбуждаетъ тошноту, поэтому только-что убитаго сурка опшариваютъ кипяткомъ, какъ это дѣлаютъ со свиньей, оскабливаютъ его и нѣсколько дней коптятъ въ дыму, и только послѣ этого мясо годно къ варкѣ или жаренью. Приготовленное такимъ образомъ жаркое изъ сурка считается очень вкуснымъ. Монахи Сенъ-Галльскаго монастыря еще въ 1000-омъ году составили для этого блюда особенную благословительную молитву: «Да сдѣлаетъ его благословеніе Божіе жирнымъ!» Въ тѣ времена звѣрка этого въ монастыряхъ называли *Cassus alpinus*, а свѣдущіе люди составили даже его описаніе. Іезуитъ Кирхеръ, по словамъ Чуди, считалъ его ублюдкомъ барсука и бѣлки; но Альтманъ воздерживается отъ такого предположенія, принимаетъ сурка за маленькаго барсука и обоихъ причисляетъ къ свиньямъ; онъ рассказываетъ также, что звѣрекъ уже за 14 дней передъ спячкой не принимаетъ пищи, но охотно и много пьетъ воду, чтобы прополоскать себѣ внутренности и этимъ предохранить ихъ на зиму отъ гніенія.

Для неволи и прирученія лучше всего брать дѣтенышей, хотя ихъ трудно бываетъ отбить у матери во время ихъ первыхъ выходовъ изъ норъ. Пойманные очень молодыми, когда они еще сосутъ, сурки выращиваются съ большимъ трудомъ и даже при самомъ тщательномъ уходѣ скоро погибаютъ, тогда какъ взятые подувзрослыми они легко вскармливаются и тогда долго могутъ выдерживать неволю. Ихъ пища въ неволѣ состоитъ изъ различныхъ растительныхъ веществъ и молока. Если въ воспитаніе ихъ вложить хоть немножко труда, то они въ скоромъ времени становятся очень ручными, проявляютъ большое послушаніе и понятливость, узнаютъ своихъ воспитателей, идутъ на ихъ зовъ, дѣлаютъ различные фокусы, прыгаютъ на заднихъ ножкахъ, лазаютъ на палку и т. д. Кроткое и доврчивое животное доставляетъ удовольствіе и старому, и малому, а его опрятность и миловидность пріобрѣтаютъ ему много друзей. Къ другимъ животнымъ сурокъ тоже хорошо относится; въ нашихъ зоологическихъ садахъ онъ допускаетъ въ свою пору разныхъ паки и агути и хотя обороняется отъ ихъ назойливости, но самъ никогда не нападаетъ. Съ себѣ подобными онъ, напротивъ, не всегда живетъ въ согласіи; многіе, живущіе въ одной норѣ сурки нерѣдко нападаютъ другъ на друга, и тогда сильнѣйшій на-смерть загрызаетъ слабѣйшаго. Суркамъ, содержащимся въ домахъ, нельзя позволять бѣгать свободно по комнатамъ, потому-что они имѣютъ привычку грызть все, что ни попадется; клѣтка сурка должна быть прочна и съ внутренней стороны окована жестью, иначе звѣрекъ быстро разломаетъ ее. На дворѣ или въ саду его тоже держать нельзя, потому-что онъ сумѣетъ найти себѣ выходъ, хотя-бы подкопавшись подъ стѣну. Въ теплой комнатѣ онъ зимою ведетъ такую-же жизнь, какъ и лѣтомъ; въ холодномъ-же помѣщеніи съ наступленіемъ холодовъ онъ собираетъ все, что можетъ достать, стронть себѣ гнѣздо и спать зиму,

только съ перерывами. Во время зимней спячки сурка можно увезти куда угодно, если хорошо укутать его въ сѣно и уложить въ плотно запакованный ящикъ. Мой отецъ получилъ отъ Шинца такимъ образомъ пересланнаго сурка, въ то время, когда еще не существовало желѣзныхъ дорогъ; звѣрекъ отлично перенесъ долгое путешествіе изъ Швейцаріи до Тюрингена и прибылъ еще въ состояніи крѣпкаго сна. Однако даже при самомъ заботливомъ уходѣ сурокъ рѣдко выдерживаетъ въ неволѣ дольше 5—6 лѣтъ.

Минуя одно небольшое, состоящее изъ немногихъ видовъ семейство бѣличьихъ, мы перейдемъ къ **Орѣшниковымъ** или **сонямъ** (*Myoxidae*. *Bilche*. *Loirs*.), присоединеннымъ также къ бѣлкамъ. По своему вѣшнему виду и по образу жизни онѣ близко стоятъ къ бѣлкамъ, но значительно разнятся отъ нихъ нѣкоторыми особенностями въ строеніи тѣла. Онѣ имѣютъ узкую голову съ болѣе или менѣе заостренной мордой, довольно большіе глаза и большія голыя уши, вытянутое туловище, небольшія конечности и тонкія ноги, на переднихъ лапахъ которыхъ по четыре пальца и вмѣсто большого—бородавка съ приплюснутымъ ногтемъ, а на заднихъ по пяти пальцевъ; хвостъ у нихъ средней величины, густой и перистый; мѣхъ также густой и мягкій. Передніе зубы кнаружи плоско закруглены, нижніе съ боковъ сжаты, 4 коренныхъ зуба каждой челюсти имѣютъ рѣзко выдѣляющіеся корни и нѣсколько довольно ровно обточенныхъ, глубоко врѣзывающихся своею эмалевою поверхностью въ зубы поперечныхъ бороздокъ. Черепъ похожъ скорѣе на мышинный, нежели на бѣличій. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 13 позвонковъ съ ребрами, 6 безъ реберъ, 3 крестцовыхъ и 22—25 хвостовыхъ. Слѣпой кишки нѣтъ.

До сихъ поръ извѣстно не больше полдюжины отдѣльныхъ видовъ этого семейства, которые всѣ принадлежатъ къ жителямъ Стараго Свѣта. Мѣстопребываніемъ своимъ они избираютъ холмистыя и гористыя мѣстности, лѣса и кустарники, рощи и сады. Сони живутъ на деревьяхъ и въ дуплахъ ихъ, рѣже — въ выкопанныхъ ими самими земляныхъ норахъ, между корнями деревьевъ или въ расщелинахъ скалъ и каменныхъ стѣнъ, причемъ стараются запрягаться какъ можно поглубже и дальше отъ глазъ. Большинство изъ нихъ днемъ спятъ и только рано утромъ и въ вечерніе сумерки выходятъ за добычей. Поэтому достать это животное довольно трудно и видѣть можно только случайно. Но, выспавшись, онѣ становятся крайне подвижными: отлично бѣгаютъ и еще лучше лазаютъ, хотя не могутъ дѣлать такихъ большихъ прыжковъ какъ бѣлки.

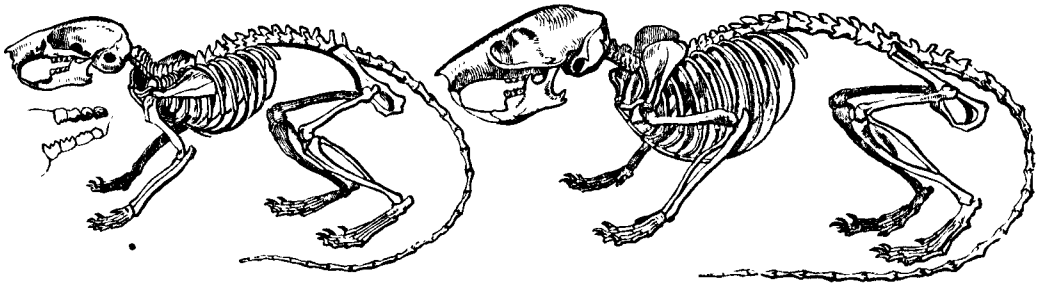
Въ умѣренныхъ странахъ съ наступленіемъ холоднаго времени года сони впадаютъ въ оцѣпенѣніе и проводятъ зиму въ сонномъ состояніи, въ своихъ гнѣздахъ. Многія изъ нихъ собираютъ для этого времени пищевые запасы и ѣдятъ ихъ во время перерывовъ сна; другія-же въ этомъ не нуждаются, такъ какъ за лѣто и осень откармливаются и могутъ просуществовать на счетъ накопленнаго жира. Ихъ пища состоитъ изъ плодовъ и различныхъ сѣмянъ; многія, кромѣ того ѣдятъ насѣкомыхъ, яйца и молодыхъ итенцовъ. Во время ѣды онѣ сидятъ по бѣличьи на задней части и передними лапами подносятъ пищу ко рту.

Нѣкоторыя сони держатся обществами, или по крайнѣй мѣрѣ парами; другія-же въ высшей степени неуживчивы. Лѣтомъ самка мечетъ въ красивомъ гнѣздѣ отъ 4—5 дѣтенышей, которыхъ воспитываетъ съ большою любовью. Пойманныя молодыми всѣ сони становятся довольно ручными, только онѣ не любятъ, чтобы до нихъ дотрагивались руками, а старыя такъ и совсѣмъ этого не выносятъ. Существенной пользы сони намъ не приносятъ, а скорѣе даже вредъ, такъ какъ онѣ занимаются хищничествомъ въ нашихъ садахъ; но ихъ милость заставляетъ забывать раз-

ныя провинности и приобрѣтаетъ имъ расположеніе, какого большинство ихъ не заслуживаютъ.

Семейство сонь подраздѣляютъ на четыре рода, изъ которыхъ три имѣютъ своихъ представителей у насъ, въ Европѣ, тогда какъ четвертый родъ принадлежитъ Африкѣ.

Къ первому роду принадлежитъ **Полчокъ** (*Myoxus glis*, *Glis vulgaris* и *esculentus*, *Mus* и *Sciurus glis*. Siebenschläfer или Bilch. Loir.) и еще одинъ родственныи ему видъ. Это животное хорошо извѣстно по имени, но не многимъ удалось его внимательно раземотрѣть. Каждый, изучавшій древнюю исторію, знаетъ эту соню, какъ любимица римлянъ, которые имѣли даже особенныя заведенія для воспитанія этихъ животныхъ. Дубовыя и букковыя ронци обносили гладкими стѣнами, на которыя не могли взлѣзть сони, и устраивали въ нихъ различныя норы для гнѣздъ и спанья; полчковъ вскармливали здѣсь желудями и каштанами, а впоследствии для окончательнаго откармливанія сажали въ глиняные сосуды или кадки, называвшіеся глираріями. Раскопки Геркуланума познакомили насъ во-очію съ

Скелеты орѣшниковой и садовой сонь.

этими глираріями: это были небольшія, полукруглыя чашы съ разгородками въ видѣ выступовъ на внутреннихъ стѣнкахъ и закрывавшіеся сверху рѣшеткой. Въ нихъ сажали по нѣскольку полчковъ, которымъ въ излишкѣ давали пищу. Откормивъ какъ слѣдуетъ, звѣрковъ убивали, чтобы въ качествѣ особенно лакомага блюда подавать къ столу богатыхъ гастрономовъ. Марціалъ даже воспѣлъ этихъ маленькихъ животныхъ, въ уста которыхъ онъ вложилъ такія слова: «Зима, мы тебя просыпаемъ и чванимся своимъ дородствомъ какъ разъ въ тѣ мѣсяцы, когда насъ ничто, кромѣ сна не питаетъ!» Полчокъ, имѣющій въ длину всего 16 см. и хвостъ въ 13 см., характеризуется главнымъ образомъ формою своихъ коренныхъ зубовъ, изъ которыхъ 2 большихъ стоятъ посрединѣ, а 2 меньшихъ по сторонамъ ихъ; жевательная поверхность ихъ имѣетъ 4 поперечныхъ складки, округленныхъ въ дугу, и 3 складки поменьше. Мягкій, довольно густой мѣхъ на спинѣ одноцвѣтныи пепельно-сѣрый, то съ болѣе свѣтлымъ, то съ болѣе темнымъ черновато-бурымъ отливомъ; по сторонамъ тѣла онъ немного свѣтлѣе, а на границѣ между спинной и брюшной окраской буровато-сѣрый; на животѣ и внутренней сторонѣ ногъ, которая рѣзко отличается отъ наружной, шерсть молочно-бѣлаго цвѣта съ серебристымъ блескомъ; переносье и часть верхней губы между усами — сѣровато-бурья, нижняя часть морды, щеки и горло до задней стороны ушей — бѣлыя, усы — черныя, средней величины уши снаружи темно-сѣро-бурья, но къ краямъ свѣтлѣе. Вокругъ глазъ темно-бурое кольцо. Густой и перистый хвостъ буровато-сѣрый, съ бѣлой продольной полоской внизу. Впрочемъ, встрѣчаются и различныя измѣненія въ окраскѣ.

Настоящая родина полчка—южная и восточная Европа. Область его распространения обнимаетъ: Испанію, Грецію, Италію, южную и среднюю Германію; въ Австріи, Штирії, Каринтіи, Моравіи, Силезіи, Богеміи и Баваріи этотъ звѣрекъ очень многочисленъ, а въ Кроаціи, Венгріи и южной Россіи распространень рѣшительно повсюду. На сѣверѣ Европы, даже въ сѣверной Германіи, Англии и Даніи его уже нѣтъ. Живетъ онъ преимущественно въ гористыхъ мѣстностяхъ; сухіе дубовые и буковые лѣса—любимое его мѣстопробываніе. Весь день онъ лежитъ, спрятавшись въ дуплистыхъ деревьяхъ, или въ расщелинахъ скалъ, въ норахъ, выкопанныхъ въ землѣ между корнями деревьевъ, въ оставленныхъ норахъ хомяковъ или-же, наконецъ, помѣщается въ гнѣздахъ сорокъ и воронъ; къ вечеру онъ выходитъ изъ своего убѣжища и всю ночь рыщетъ, отыскивая себѣ пищу; по временамъ онъ забѣгаетъ въ нору, чтобы переварить съѣденную пищу и немного отдохнуть, послѣ чего снова отправляется за добычей и только къ утру,—рѣдко когда послѣ солнечнаго восхода,—соединившись обыкновенно съ самкою или съ какимъ-нибудь товарищемъ, возвращается въ свое убѣжище, чтобы залечь въ немъ на весь день. Во время своихъ ночныхъ походовъ полчокъ проявляетъ большую подвижность, расторопность и оживленную дѣятельность; онъ съ ловкостью настоящей бѣлки лазаетъ по деревьямъ и скалистымъ выступамъ, увѣренно прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, сверху внизъ, а по землѣ быстро бѣгаетъ въ припрыжку. Однако видѣть все это можно только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже заранѣе открыто его мѣстопробываніе, такъ какъ ночь совершенно скрываетъ его отъ взоровъ человѣка и многихъ другихъ его враговъ.

Немного найдется грызуновъ, которые-бы превзошли полчка въ прожорливости. Онъ ѣсть до тѣхъ норъ, пока въ состояніи ѣсть. Главную его пищу составляютъ желуди, буковые и другіе лѣсные орѣхи; но онъ не отказывается также отъ грецкихъ орѣховъ, каштановъ, сладкихъ и сочныхъ плодовъ. Въ животной пищѣ онъ также, повидимому, ощущаетъ потребность, потому-что нападаетъ на каждое маленькое животное, которое ему подъ силу догнать, умерщвляетъ его и поѣдаетъ, разоряетъ, разрушаетъ гнѣзда, душитъ птенцовъ,—однимъ словомъ нерѣдко проявляетъ свои хищническія наклонности. Воды онъ пьетъ мало, а когда у него есть сочные плоды, то и совсѣмъ ея не употребляетъ.

Въ продолженіи всего лѣта полчокъ каждую ночь, если только не очень дурная погода, рыщетъ за добычей по своимъ владѣніямъ. Во время такихъ походовъ онъ поминутно садится по-бѣличьи на задницу и передними лапами кладетъ себѣ въ ротъ что-нибудь съѣдобное. Постоянно можно слышать щелканье орѣховъ, которые онъ разгрызаетъ, или паденіе выѣденныхъ плодовъ, которые онъ бросаетъ внизъ. Къ осени онъ собираетъ лишцевые запасы и складываетъ ихъ въ своихъ норахъ. Въ это-то время онъ и можетъ «почваниться своимъ дородствомъ», какъ выразился поэтъ, но все-таки продолжаетъ еще ѣсть, пока въ силахъ; затѣмъ онъ начинаетъ заботиться объ устройствѣ зимняго жилища, приготовляетъ себѣ глубокую нору или отыскиваетъ подходящее мѣстечко въ трещинахъ и расщелинахъ скалъ и старыхъ стѣнъ, или въ глубокихъ дуплахъ деревьевъ, гдѣ и устраиваетъ изъ нѣжнаго мха теплое гнѣздо; здѣсь онъ свертывается въ клубокъ въ сообществѣ съ нѣсколькими товарищами и погружается въ глубокій сонъ, еще задолго до того времени, когда термометръ опустится до точки замерзанія; въ суровыхъ горныхъ мѣстностяхъ это время наступаетъ уже въ августѣ, въ болѣе-же теплыхъ равнинахъ—около октября. Въ это время полчокъ обнаруживаетъ такую-же нечувствительность, какъ и другія животныя, подверженныя зимней спячкѣ; его сонъ можетъ быть даже крѣпче, чѣмъ у всѣхъ другихъ. Его смѣло можно взять изъ гнѣзда и унести куда

удовно: онъ по-прежнему будетъ спать и останется въ безчувственномъ состояніи. Въ теплой комнатѣ онъ постепенно пробуждается, сначала начинаетъ пошевеливать членами, испускаетъ изъ себя нѣсколько капель свѣтлой золотисто-желтой мочи и мало-по-малу приходитъ въ движеніе, хотя выгидать все еще соннымъ. На свободѣ онъ иногда самъ просыпается и какъ-бы бессознательно начинаетъ ѣсть свои запасы. Полчки, которыхъ воспитывалъ Ленцъ, держа ихъ зимою въ холодномъ помѣщеніи, просыпались почти каждыя 4 недѣли, ѣли и снова засыпали такъ крѣпко, что казались какъ-бы мертвыми; другіе-же, воспитывавшіеся у Гальваньи, просыпались только черезъ каждые 2 мѣсяца, чтобъ поѣсть. На свободѣ нашъ полчокъ просыпается только совсѣмъ поздною весною, рѣдко раньше конца апрѣля. Такимъ образомъ продолжительность ихъ зимней спячки достигаетъ полныхъ 7 мѣсяцевъ, откуда и происходитъ ихъ нѣмецкое названіе Siebenschläfer.

Полчокъ. *Myoxus glis* и Садовая соня. *Elionmys nitela*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Вскорѣ послѣ пробужденія полчки спариваются и приблизительно послѣ 6 недѣльной беременности самка родитъ въ мягкомъ гнѣздѣ дуплистаго дерева или другой какой-нибудь норы (въ окрестностяхъ Альтенбурга очень часто въ скворешникахъ, которыя на высокихъ шестахъ устраиваются надъ фруктовыми деревьями или на нихъ) 3—6 голыхъ, слѣпыхъ дѣтенышей, которые вырастаютъ необыкновенно скоро и питаются молокомъ матери только самое короткое время, а затѣмъ сами начинаютъ добывать себѣ пищу. Полчокъ никогда не устраиваетъ своего гнѣзда открыто на деревьяхъ, какъ наша бѣлка, но по возможности въ скрытомъ мѣстѣ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ много буковыхъ деревьевъ, это животное размножается очень быстро, такъ какъ его благосостояніе зависитъ вообще отъ урожая плодовъ.

Многочисленные враги наносятъ полчкамъ значительный ущербъ. Самыми грозными ихъ гонителями являются: лѣсные куніцы и хорьки, дикія кошки и ласки, филины и совы; хотя полчокъ храбро защищается противъ самыхъ сильныхъ враговъ, фыркаетъ на нихъ, злобно кусается и даже пускаетъ въ дѣло свои слабые когти, тѣмъ не менѣе ему все-таки приходится въ концѣ концовъ сдаться. Человѣкъ

тоже усердно преслѣдуетъ его въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его много, какъ ради его мяса, такъ и ради мѣха; звѣрка заманиваютъ въ искусственныя зимнія жилища, т. е. въ ямы, устроенныя съ этой цѣлью въ лѣсу, между кустарникомъ и склонами скалъ, въ сухихъ, на югъ обращенныхъ мѣстахъ; эти ямы предательски устланы мхомъ, покрыты соломой и сухими вѣтвями и въ изобиліи снабжены буковыми орѣшками. Кромѣ того устраиваются и другія ловушки. Въ Баваріи крестьяне ловятъ полчка въ обыкновенныя западни для синицъ, въ которыхъ для приманки разсыпаютъ конопляное сѣмя. «Какъ только», пишетъ мнѣ Веберъ, «по валяющимся подъ фруктовыми деревьями раскусаннымъ плодамъ узнается о водвореніи въ саду полчка и его вредныхъ дѣяніяхъ, тотчасъ ставятъ между сучьями деревьевъ западню, какъ для птицы. Полчокъ идетъ за коноплей, откидываетъ дверцу, спокойно лѣзетъ въ западню и засыпаетъ сномъ праведника, не догадываясь поднять крышку ящика или прогрызть тонкіе прутья боковыхъ стѣнокъ и этимъ спасти себя отъ плѣна». Въ нижней Крайнѣ крестьяне ловятъ полчковъ капканами, которые они или вѣшаютъ на сучья, или ставятъ передъ выстѣженными норами этихъ звѣрковъ, кладя въ нихъ для приманки сочную грушу или сливу. Кромѣ того иногда закапываютъ въ землю наполненныя плодами кадки, которыя имѣютъ одинъ только выходъ сверху, прикрытый сѣткою изъ желѣзной проволоки такъ, что внутрь кадки звѣрекъ можетъ проскользнуть, а обратно никакимъ образомъ. Въ подобные капканы полчковъ попадаютъ такое множество, что нѣкоторые охотники набирали ихъ въ продолженіи осени отъ 200 до 400 штукъ.

Полчки относительно рѣдко держатся въ неволѣ. Можно было заранѣе предвидѣть, что такой обжора не проявитъ особеннаго развитія душевныхъ способностей и какихъ-нибудь хорошихъ качествъ. Образъ его жизни и свойства характера—не изъ симпатичныхъ; самую большую добродѣтель въ немъ является его чистоплотность; въ остальномъ онъ несносенъ. Вѣчно раздраженный, онъ вовсе не сближается со своимъ воспитателемъ и злобно, съ какимъ-то особеннымъ храпомъ ворчитъ на каждого, кто осмѣлится приблизиться къ нему. Того, кто его неловко схватитъ, онъ нѣсколько разъ сряду больно кусаетъ, чѣмъ даетъ знать, что не намѣренъ позволять безпокоить свою особу. Ночью онъ, какъ сумашедшій принимается нестово скакать по своей клеткѣ и ужъ однимъ этимъ можетъ надобѣть до отвращенія. При всемъ этомъ онъ требуетъ самаго тщательнаго надзора и обильнаго корма, иначе онъ прогрызетъ клетку или съѣстъ кого-нибудь изъ своихъ товарищей. Какъ только у полчка не хватаетъ нищи, онъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій нападаетъ на кого-нибудь изъ своихъ родичей, умерщвляетъ его и съѣдаетъ съ полною невозмутимостью, какъ и всякое другое маленькое животное. Даже родившіеся въ неволѣ полчки не утрачиваютъ неприятныхъ свойствъ своихъ родичей и постоянно остаются такими-же несимпатичными, какъ и старые.

* * *

Лѣсная соня (*Myoxus dryas*, *M. nitedulae*. Baumschläfer. Loir dryade), являющаяся связующимъ звеномъ между полчкомъ и садовою сонею, имѣетъ въ длину 17 см., изъ которыхъ почти половина приходится на хвостъ; окраска ея мѣха на головѣ и спинѣ красновато-бурая или буровато-сѣрая, на животѣ-же совсѣмъ бѣлая; подъ глазами начинается черная полоса, которая, расширившись, охватываетъ глаза и продолжается до ушей; позади послѣднихъ лежитъ грязное сѣровато-бѣлое пятно. Хвостъ сверху темный, буро-сѣрый, на концѣ немного свѣтлѣе, а снизу бѣлый.

Родиною лѣсной сони надо считать южную Россію; отсюда она распространилась на западъ до Венгріи, южной части Австріи и Силезіи, однако тамъ встрѣ-

чается довольно рѣдко. По образу жизни она, насколько до сихъ поръ извѣстно, ничѣмъ существеннымъ не разнится отъ полчковъ и садовыхъ сонь.

*
*
*

Родъ **Садовыхъ сонь** (*Eliomys*) мало отличается отъ предыдущаго; главное различіе заключается въ зубной системѣ. У полчковъ коронки зубовъ ровныя, а у садовыхъ сонь съ углублениями; у полчковъ первый коренной зубъ верхней и нижней челюстей имѣетъ 6 поперечныхъ складокъ, а три послѣдующіе въ нижней челюсти по семи, послѣдній-же зубъ верхней челюсти 8, тогда какъ у садовыхъ сонь этихъ поперечныхъ складокъ на каждомъ зубѣ только по пяти. Вышнее отличіе садовыхъ сонь заключается въ двухцвѣтномъ хвостѣ, который у корня имѣетъ короткую плотно прилегающую шерсть, а на концѣ, длинныя пушистые волосы. Верхняя сторона туловища другой окраски, чѣмъ нижняя.

Садовая соня, Садовый полчокъ или **Большая орѣшниковая соня** (*Eliomys nitela*. Mus, Sciurus и *Myoxus quercinus*, *Myoxus nitela* Gartenschläfer или Haselmaus. Lerot) достигаетъ въ длину самое большее 14 см., при 9,5 см. длины хвоста. Голова и спина—красновато-сѣро-бурая, брюшко бѣлое; глаза окаймлены блестяще-чернымъ кольцомъ, которое продолжается подъ ушами до шеи; передъ ушами и позади ихъ находится по бѣловатому пятну, а надъ ухомъ-черноватое. Хвостъ у корня сѣро-бурый, а на концѣ двухцвѣтный—сверху черный, снизу бѣлый. Волоса на животѣ двухцвѣтные—въ корнѣ они сѣрые, на кончикахъ—бѣлые, а мѣстами попадаются желтоватые или сѣроватые. Обѣ основныя окраски рѣзко разграничены одна отъ другой. Уши—мясного цвѣта, усы—черные, съ бѣлыми кончиками; когти цвѣта свѣтлаго рога, верхніе передніе зубы свѣтло-бурые, нижніе свѣтло-желтые. Красивые, темные, черно-каріе глаза придаютъ садовой сонѣ умное, живое выраженіе.

Садовая соня, извѣстная уже древнимъ римлянамъ подъ названіемъ *Nitella*, принадлежитъ главнымъ образомъ умѣренной полосѣ средней и западной Европы; отечествомъ ея считаются: Франція, Бельгія, Швейцарія, Италія, Германія, Венгерія, Галиція, Трансильванія и русскія остзейскія губерніи. Въ Германіи во многихъ мѣстностяхъ, напр. на Гарцѣ, она очень многочисленна. Она живетъ какъ на равнинахъ, такъ и въ холмистыхъ странахъ, но все-же охотнѣе ютится въ гористыхъ мѣстностяхъ и здѣсь преимущественно въ листовенныхъ дѣсахъ, хотя попадаетъ также и въ хвойныхъ, а иногда заходитъ въ низкіе кустарники и въ сады. Въ Швейцаріи она подымается до высокихъ глетчеровъ. Питается она тѣмъ-же, чѣмъ и полчокъ; но кромѣ того таскаетъ изъ домовъ горныхъ жителей сало и масло, жиръ и ветчину; молодыхъ птичекъ и яйца вѣтъ, повидимому, еще охотнѣе и больше, чѣмъ полчокъ, котораго она безусловно превосходитъ въ лазаніи и прыганіи. Гнѣздо ея отличается отъ гнѣзда полчка тѣмъ, что оно находится въ откритомъ мѣстѣ; впрочемъ, иногда садовая соня пользуется также щелями въ стѣнахъ, старыми крысиными норами, ходами кротовъ и другими углубленіями между камней и въ землѣ; она мягко устилаетъ гнѣздо мхомъ и устраиваетъ его съ возможнымъ удобствомъ. Особенно охотно устраивается она въ пустыхъ гнѣздахъ бѣлокъ; въ случаѣ-же необходимости и сама строитъ себѣ гнѣздо, которое вѣшаетъ на видномъ мѣстѣ между вѣтвями дерева.

Пора любви для садовой сони наступаетъ въ первой половинѣ мая. Нѣсколько самцовъ часто заводятъ горячій споръ изъ-за обладанія самкою, гоняются другъ за другомъ, при этомъ шипятъ, сонятъ и носятся по деревьямъ, какъ угорьляе. Насколько онѣ миролюбивы въ обыкновенное время, настолько теперь дѣлаются за-

дорными, злыми и драчливыми: между ними происходят настоящія битвы и притомъ съ такою яростью, какой трудно было отъ нихъ ожидать; часто случается, что одинъ изъ противниковъ бываетъ смертельно укушенъ другимъ и тутъ-же съѣденъ. Послѣ 24—30 дневной беременности самка мечетъ 4—6 голыхъ, слѣпыхъ дѣтеныхъ, въ большинствѣ случаевъ въ прекрасно приготовленномъ, открыто помѣщенномъ на деревѣ гнѣздѣ; для этого она часто пользуется старымъ гнѣздомъ бѣлки, вороны или черныхъ и обыкновенныхъ дроздовъ, которыя захватываетъ иногда насильственнымъ образомъ, затѣмъ выстилаетъ мхомъ и шерстью и наглухо закрываетъ. Мать кормитъ дѣтеныхъ довольно долгое время и, когда они немного подрастутъ, приноситъ имъ въ изобиліи разной пищи. Если въ это время подойти къ ея гнѣзду и попробовать вынуть оттуда дѣтеныхъ, то встревоженная самка съ сверкающими глазами начинаетъ шипѣть на врага, оскаливаетъ зубы, бросается ему прямо въ лицо и въ руки и съ остервенѣніемъ старается укусить. Замѣчательно, что въ другихъ случаяхъ такая чистоплотная, садовая соя содержитъ свое гнѣздо крайне неопытно. Вонючія испражненія накапливаются въ гнѣздѣ цѣлыми кучами и распространяютъ такую сильную вонь, что не только собаки, но даже и привычный человѣкъ на далекомъ разстояніи въ состояніи узнать присутствіе такого гнѣзда. Спустя нѣсколько недѣль дѣтеныхъ достигаютъ уже величины матери и еще черезъ нѣсколько времени пускаются бѣгать по близости норы, чтобы подъ надзоромъ и руководствомъ матери поискать себѣ пищи. Впослѣдствіи они заводятъ свои собственные жилища и въ слѣдующемъ году становятся уже способными къ размноженію. При особенно благоприятной погодѣ самка рождаетъ на одномъ году два раза.

На время зимней спячки садовая соя отыскиваетъ себѣ сухія и защищенныя норы въ деревьяхъ и въ стѣнахъ или располагается въ норахъ кротовъ, иногда заходитъ въ лѣсныя сторожки, въ садовыя бесѣдки, въ амбары, на сѣновалы, въ хижины угольщиковъ и въ другія жилия строенія, гдѣ и прячется. Обыкновенно ихъ находятъ по нѣсколько штукъ въ одномъ гнѣздѣ такъ тѣсно прижавшимися другъ къ другу, что они образуютъ какъ будто одинъ клубокъ. Онѣ спятъ безъ перерыва, но не такъ крѣпко, какъ другія соя: при оттепели онѣ просыпаются, ѣдятъ изъ своихъ пищевыхъ запасовъ и при возобновляющемся холодѣ снова впадаютъ въ спячку. Въ противоположность другимъ животнымъ, подверженнымъ зимней спячкѣ, садовая соя обнаруживаетъ въ это время известную чувствительность къ внѣшнему раздраженію; если, напримѣръ, ихъ тронуть или кольнуть иголкой, то онѣ тотчасъ-же вздрагиваютъ и издаютъ глухіе звуки. Изъ норъ своихъ онѣ выходятъ весной рѣдко раньше конца апрѣля; сначала онѣ поѣдаютъ весь свой зимній запасъ пищи и тогда уже возобновляютъ свою лѣтнюю дѣятельность.

Садовая соя ненавистна всѣмъ садоводамъ, разводящимъ нѣжныя фруктовыя деревья. Достаточно забраться въ такой садъ лишь одной соей, чтобы уничтожить весь сборъ персиковъ или абрикосовъ. При выборѣ лакомства садовая соя обнаруживаетъ много тонкаго вкуса. Она выбираетъ только самыя лучшіе и сочныя плоды, которые узнаетъ не по виду, а испробовавши, такъ что портитъ при этомъ гораздо больше, чѣмъ собственно съѣдаетъ. Нѣтъ никакихъ средствъ избавиться отъ такого вреднаго гостя, разъ онъ забрался въ садъ, такъ какъ онъ умѣетъ преодолевать всякія препятствія: взлѣзаетъ по частоколамъ и деревьямъ, проскальзываетъ черезъ петли сѣтей, которыми защищаютъ деревья, или прогрызаетъ ихъ, если онѣ слишкомъ часты, и можетъ пробраться даже черезъ проволочную сѣтку. Только поздно созрѣвающіе плоды могутъ быть спасены отъ соей, такъ какъ въ это время звѣрки залегаютъ уже въ свои норы. Такъ какъ садовая соя приноситъ только вредъ и лишь самую незначительную пользу своимъ мясомъ и шкурою, то ее усердно

преслѣдуютъ и истребляютъ, особенно садовладѣльцы, которымъ приходится больше всего терпѣть отъ нея. Лучшими ловушками считаются проволочные силки, которые вѣшаютъ на плодовые деревья, или маленькіе капканы, которые ставятъ надлежащимъ образомъ. По лучшимъ защитникамъ садовъ противъ этихъ грабителей является кошка. Буницы, ласки, филины и совы также усердно преслѣдуютъ садовую соню; поэтому помѣщики, живущіе вблизи дѣсовъ, поступаютъ вполнѣ основательно, оказывая покровительство этимъ естественнымъ врагамъ вредныхъ грызуновъ.

Для содержанія въ неволѣ садовая соня такъ-же мало пригодна, какъ и полчокъ. Она рѣдко привыкаетъ къ человѣку и при каждомъ неожиданномъ появленіи его такъ сильно кусается, что боль оказывается весьма чувствительною. При этомъ она имѣетъ то-же неприятное качество, какое присуще полчку—днемъ сидѣть смиренно, а ночью бунтовать въ своей клѣткѣ; она пытается перегрызть прутья и рѣшетку, чтобы прорваться черезъ нея и, если ей это удастся, то она неистовствуетъ такъ, какъ будто ихъ въ комнатѣ цѣлый десятокъ; при этомъ все, что стоитъ на дорогѣ, опрокидывается и разрушается. Разъ выбѣжавшую изъ клѣтки садовую соню не легко снова словить. Самое лучшее въ это время употребить старое испытанное средство: разставить у стѣнъ разные пустые предметы, открытые только съ одной стороны, какъ, напримѣръ, сапоги, какіе-нибудь ящики и т. п.; животное, носясь по комнатѣ, непременно вбѣжитъ въ нихъ и тогда его можно захватить. Въ разбойничьихъ наклонностяхъ садовой соню легко убѣдиться, дѣлая наблюденія надъ находящимися въ неволѣ. Она проявляетъ кровожадность ласки въ соединеніи съ прожорливостью полчка; съ яростью набрасывается она на всякое маленькое позвоночное животное, внесенное въ ея клѣтку, въ одно мгновеніе душитъ птицу, съ задорною мышью справляется въ нѣсколько минутъ, какъ-бы та ни сопротивлялась, и не щадитъ даже собѣ равнаго. «Если содержать нѣсколько садовыхъ сонъ вмѣстѣ», замѣчаетъ Веберъ, «слѣдуетъ принимать во вниманіе, чтобы во-первыхъ у нихъ постоянно былъ въ изобиліи кормъ — орѣхи, буковые орѣшки, плоды, булка, размоченная въ молокѣ, конопляное и льняное сѣмя и т. п., и достаточно воды для питья, а во вторыхъ, чтобы въ помѣщеніи ихъ постоянно поддерживалась умѣренная теплота и тѣмъ—бодрствующее состояніе животныхъ, которыхъ необходимо предохранить отъ зимней спячки. Голодъ влечетъ неизбѣжную междоусобную борьбу, которая кончается тѣмъ, что одинъ умерщвляетъ и съѣдаетъ другого, а зимняя спячка ведетъ за собою торжество сильнаго, воздерживающагося отъ спячки, и гибель слабаго, поддающагося ей; стоитъ только одной изъ нѣсколькихъ содержащихся вмѣстѣ садовыхъ сонъ впасть въ зимнюю спячку въ то время, когда другіе остаются еще въ бодрственномъ состояніи, какъ она можетъ считать себя уже погибшею: коварные товарищи нападаютъ на спящихъ, загрызаютъ ихъ на-смерть и съѣдаютъ. Тоже самое происходитъ, когда нѣсколько находившихся въ зимней спячкѣ садовыхъ сонъ начинаютъ просыпаться другъ за другомъ: проснувшаяся прежде другихъ умерщвляетъ своихъ безпомощныхъ товарищей. Обыкновенный дневной сонъ такихъ опасностей не представляетъ, потому-что спящая соня быстро просыпается и защищаетъ свою шкуру. Всего красивѣе выглядятъ садовыя соню, когда ихъ держать въ просторномъ стеклянномъ ящикѣ, крышка и дно котораго состоятъ изъ сѣтки, такъ что въ ящикѣ существуетъ постоянный обмѣнъ воздуха; для лазанья имъ ставятъ деревцо, на которомъ онѣ могутъ вдоволь прыгать. Если держать этихъ звѣрковъ въ обыкновенныхъ клѣткахъ, то они, находясь въ бодрственномъ состояніи, вѣшаютъ на рѣшеткѣ и принимаютъ разные необыкновенныя положенія, черезъ что значительно утрачиваютъ свою природную грацію и милость.

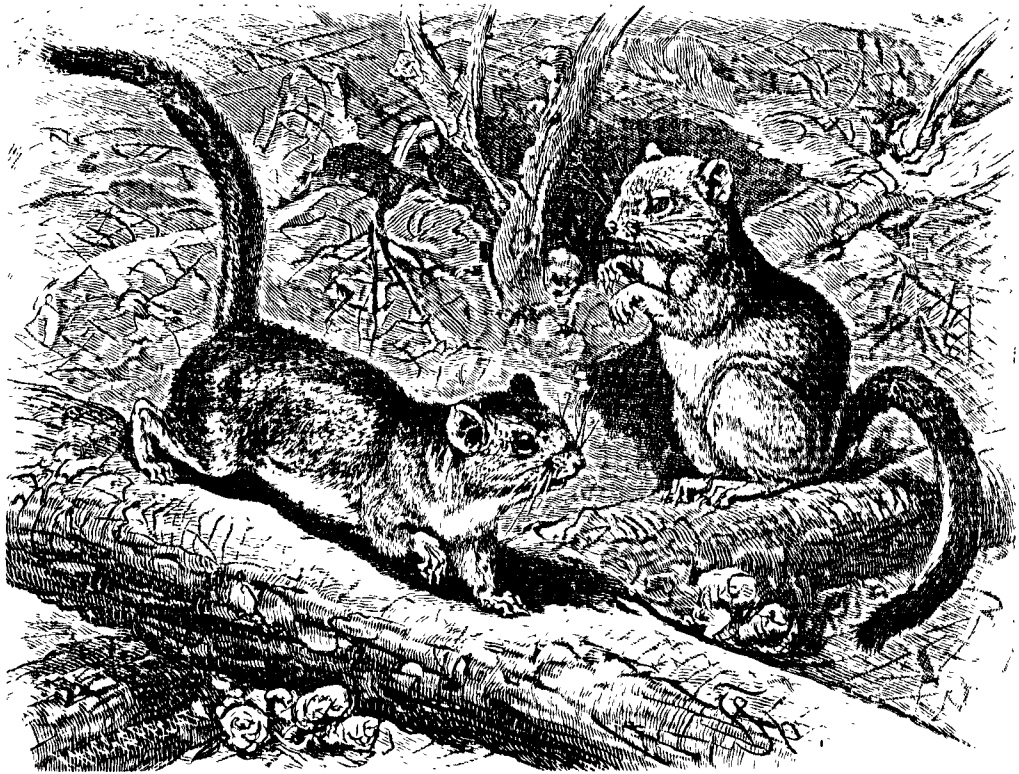
Третій родъ семейства, **Мушловки** (*Muscardinus*), отличается главнымъ образомъ также своей зубной системой. Первый верхній коренной зубъ имѣетъ 2 поперечныя складки, второй 5, третій 7, четвертый 6, первый нижній — 3 и три сабдующихъ зуба по шести. Кромѣ того, уши у нихъ меньше, чѣмъ у предыдущихъ видовъ. Хвостъ по всей длинѣ равномерно покрытъ довольно короткими волосами.

Въ Европѣ живетъ только единственный видъ этого рода, **Орѣшниковая соня**, (*Muscardinus avellanarius*, *Mus avellanarius* и *corilinum*, *Muoxus avellanarius*, *speciosus* и *muscardinus* Haselmaus *Muscardin*) одинъ изъ самыхъ милостивыхъ, симпатичныхъ и рѣзвыхъ европейскихъ грызуновъ: онъ нравится не только своею внѣшнею красотою, но и чистоплотностью, милостивостью, а также кротостью характера. Животное это приблизительно такой-же величины, какъ наша домашняя мышь: общая длина его достигаетъ 14 см., изъ которыхъ почти половина отходитъ на хвостъ. Густой и гладкій мѣхъ, состоящій изъ средней длины, блестящихъ и мягкихъ волосъ желтовато-рыжаго цвѣта, снизу немного свѣтлѣе, на груди и на горлѣ — бѣлый. Глазныя впадины и уши свѣтло-красноватыя, ноги — рыжія, пальцы — бѣловатые, верхняя сторона хвоста — буровато-красная. Зимой вся верхняя сторона и преимущественно послѣдняя половина хвоста покрывается легкимъ, черноватымъ налетомъ. Это происходитъ оттого, что новые волоса ости имѣютъ черноватые кончики, впоследствии стирающіеся. Молодые животные — ярко-рыжаго цвѣта. Родина маленькихъ орѣшниковыхъ сонь — среднія Европа: Швеція и Англія составляютъ, повидимому, сѣверную границу ея распространенія, а Тоскана и сѣверная часть Турціи — южную; на востокъ она не переходитъ за предѣлы Галиціи, Венгрии и Трансильваніи. Особенно многочисленна орѣшниковая соня въ Тиролѣ, Каринтіи, Штирії, Богеміи, Силезіи, Славоніи и въ сѣверной Италіи, такъ какъ вообще въ южныхъ краяхъ она водится въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ сѣверныхъ. Жилища ихъ почти такія-же, какъ и у ихъ родичей; образъ ихъ жизни также ни мало не отличается отъ вышеописаннаго. Орѣшниковая соня селится какъ по равнинамъ, такъ и по горамъ, но она по послѣднимъ не поднимается выше границы произростанія лѣсовъ, т. е. — высоты въ 1500 метровъ надъ уровнемъ моря. Излюбленнымъ мѣстожительствомъ служатъ ей низкій кустарникъ, терновникъ, а главнымъ образомъ орѣховыя роуцы.

Днемъ орѣшниковая соня лежитъ гдѣ-нибудь спрятавшись и спитъ, ночью-же добываетъ себѣ пищу, которая состоитъ изъ орѣховъ, желудей, твердыхъ сѣмянъ, сочныхъ плодовъ, ягодъ и почекъ деревьевъ; но всего больше она любитъ орѣхи, которые искусно разгрызаетъ и съѣдаетъ, не срывая орѣха съ дерева и не вынимая его изъ зеленой оболочки. Она любитъ также ягоды рябины и потому нерѣдко попадаетъ въ силки, разставленные для птицъ. Орѣшниковыя соня живутъ маленькими обществами, впрочемъ не тѣсно связанными другъ съ другомъ. Каждая отдѣльно или двѣ соня выѣтъ выстраиваютъ себѣ въ очень густомъ кустарникѣ мягкое, теплое, довольно искусно сдѣланное гнѣздо изъ травы, листьевъ, мха, корней и шерсти, а ночью выходятъ изъ него, чтобы, въ товариществѣ съ другими, живущими по близости, раздобыть себѣ пищи. Какъ настоящія древесныя животные онѣ мастерски лазаютъ даже по самымъ тонкимъ вѣтвямъ, не только какъ бѣлки и другія соня, но также и по обезьяньему; часто можно видѣть, какъ она вѣшается задними ногами за вѣтвь, чтобы достать дальній орѣхъ и разгрызть его, или обгасть по нижней сторонѣ сучка съ такою-же увѣренностью, какъ и по верхней, совершенно такъ-же, какъ и лѣсные акробаты тропическихъ странъ. Даже по гладкой

земль онѣ бѣгаютъ очень проворно, особенно когда торопятся вернуться въ свои древесныя владѣнія.

Время случки у орѣшниковыхъ сонь совпадаетъ съ серединою лѣта; рѣдко спариваніе происходитъ раньше іюля. Приблизительно послѣ четырехнедѣльной беременности, обыкновенно въ августѣ, самка мечетъ 3—4 голыхъ, слѣпыхъ дѣтенышей въ своемъ кругломъ, очень удобномъ, лѣтнемъ гнѣздѣ, искусно построенномъ изъ мха и травы и выстланномъ внутри шерстью разныхъ животныхъ; гнѣздо это онѣ стараются устроить въ густомъ кустарникѣ на высотѣ одного метра подѣ землю. Дѣтеныши вырастаютъ необыкновенно скоро, но сосутъ еще цѣлый мѣсяць, пока

Орѣшниковая соня. *Muscardinus avellanarius*. $\frac{1}{5}$ наст. вел.

настолько не возмужаютъ, чтобы бѣгать самостоятельно за пищей. Вначалѣ малютки посѣщаютъ только ближайшій орѣховый кустъ, гдѣ весело играютъ и лакомятся орѣшками. При малѣйшемъ шумѣ вся семья стремится подѣ защиту гнѣзда. Еще до наступленія того времени, когда имъ приходится расставаться съ привольными удовольствіями краснаго лѣта и забираться въ свои зимнія жилища, дѣтеныши становятся уже почти такими-же жирными, какъ и ихъ родители. Около половины октября, вмѣстѣ со старыми орѣшниковыми сонями, онѣ отправляются въ норы, гдѣ уже собраны зимніе запасы, и готовятъ себѣ изъ сучьевъ, вѣтвей, хвон, мха и травы круглое гнѣздо, въ которомъ плотно свертываются, образуя всѣ вмѣстѣ одинъ клубокъ, и впадаютъ въ сонъ еще болѣе крѣпкій, чѣмъ у взрослыхъ; по крайней мѣрѣ ихъ можно совершенно свободно взять въ руки и катать во всѣ стороны, причемъ онѣ не подають никакихъ признаковъ жизни. Смотри по зимѣ,

онѣ спячь съ нѣкоторыми перерывами отъ 6 до 7 мѣсяцевъ, пока прекрасное, теплое весеннее солнце не разбудитъ ихъ къ новой жизни.

Трудно поймать орѣшниковую соню, когда она находится въ бодрственномъ состояніи; она очень рѣдко попадаетъ въ ловушки, которыя разставляютъ въ любимыхъ звѣркомъ мѣстахъ, кладя въ нихъ для приманки орѣхи или другую лакомую пищу. Легче всего ее можно достать позднею осенью или зимою въ лѣсахъ и садахъ, во время сгребанія сухихъ листьевъ и сучьевъ. Забравшись на зимовку въ гнѣздо, устроенное подъ сухими листьями, орѣшниковыя сони легко даются въ руки опытному охотнику, такъ какъ выдаютъ свое присутствіе пискомъ; тогда охотникъ осторожно выкапываетъ гнѣздо, плотно укутываетъ его мхомъ и несетъ домой, гдѣ устраиваетъ звѣрковъ въ клѣткѣ или передаетъ ихъ какому-нибудь любителю. Разъ орѣшниковая соня попала въ руки, ее легко уже сдѣлать совѣмъ ручною. Ей никогда не придетъ въ голову употребить насиліе противъ своего хозяина, защищаться и кусаться; при самомъ сильномъ испугѣ она ограничивается тѣмъ, что пищить или громко пищить. Она скоро покоряется своей участи, спокойно дается въ руки и совершенно подчиняется волѣ человѣка, оставляя всякую дикость, хотя не утрачивая своей врожденной робости и пугливости. Орѣшниковую соню кормятъ орѣхами, косточками отъ плодовъ, плодами и хлѣбомъ, а также пшеничными сѣменами. Она ѣсть умѣренно и скромно, вначалѣ только ночью и не пьетъ ни воды, ни молока. Свойственныя ей необыкновенная опрятность, привѣтливость и кротость, проявляемая ею по отношенію себѣ подобныхъ, грація въ движеніяхъ и игривость дѣлаютъ ее настоящимъ любимцемъ человѣка. Въ Англій ихъ держатъ какъ комнатныхъ животныхъ въ обыкновенныхъ птичьихъ клѣткахъ и продаютъ на рынкѣ, какъ птичекъ. Ихъ можно держать въ самыхъ изысканныхъ комнатахъ, такъ какъ онѣ не распространяютъ никакого дурного запаха, и только лѣтомъ пахнутъ немного мускусомъ, да и то такъ слабо, что не вызываютъ ни малѣйшаго отвращенія.

Въ неволѣ орѣшниковая соня также подвергается зимней спячкѣ, если въ помѣщеніи не поддерживаютъ одинаково теплую температуру. Передъ спячкою она пробуетъ устроить себѣ гнѣздышко и свертывается въ немъ или засыпаетъ въ уголокъ клѣтки. Если спящую ее снова внести въ теплое мѣсто, напр. взять въ теплыя руки, то она пробуждается, но скоро снова засыпаетъ. Ф. Шлегель долгое время наблюдалъ орѣшниковыхъ сонь съ цѣлью изучить зимнюю спячку. Онъ часто пробовалъ сажать спящаго звѣрка на небольшое, нарочно устроенное для него креслице, въ которомъ тотъ сидѣлъ чрезвычайно забавно. «Орѣшниковая соня», пишетъ онъ мнѣ, «удобно усаживается въ креслѣ, въ видѣ мѣхового шара, опираясь головой на заднія лапы, перекинувъ хвостъ черезъ лицо, которое носитъ на себѣ отраженіе глубокаго сна, причемъ углы рта такъ судорожно сжаты, что длинныя щетинистые усы расходятся въ видѣ вѣера и торчатъ вверхъ и внизъ подобно длинной кисточкѣ. Между плотно сомкнутыми глазами и углами рта выдаются стиснутыя щеки. Заднія лапы, сжатыя въ кулакъ, такъ сильно давятъ во время глубокаго сна на щеки, что на этихъ мѣстахъ образуются плѣшины. Не менѣе забавнымъ выглядитъ звѣрекъ, когда онъ просыпается. Если взять его въ руку, то на немъ скоро отражается распространяющаяся отъ ладони теплота. Мѣховой шаръ начинаетъ шевелиться, понемногу дышать и потягиваться, заднія ноги спускаются со щекъ, пальцы поджатыхъ переднихъ ногъ, скрытые раньше въ мѣхѣ, высовываются изъ-подъ подбородка, и хвостъ медленно соскальзываетъ съ лица. При этомъ орѣшниковая соня свиститъ и пищитъ, еще болѣе пронзительно, чѣмъ землеройка. Она мигаетъ глазами, то раскрываетъ, то снова закрываетъ ихъ, какъ-бы ослѣпленная свѣтомъ. Жизнь борется со сномъ, но свѣтъ и теплота въ концѣ-концовъ побѣждаютъ. Черный какъ

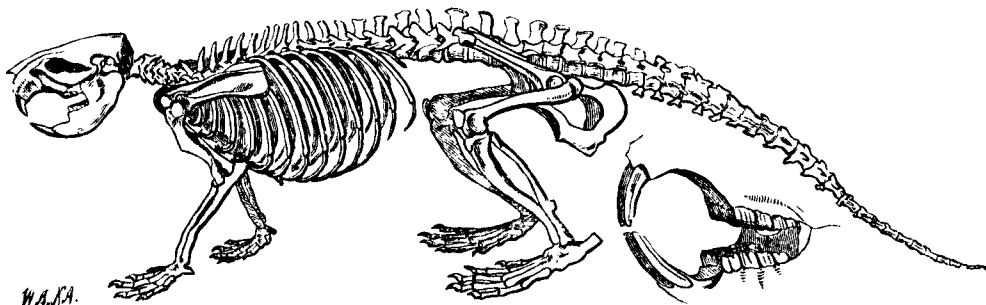
бисеръ глазокъ еще разъ робко и осторожно выглядываетъ изъ узкой щели полуоткрытыхъ вѣкъ, словно склеенныхъ по угламъ. Денъ дружески улыбается ей. Дыханіе становится все болѣе учащеннымъ и глубокимъ. Только лице еще не разгладилось отъ сердитыхъ морщинъ; но пріятное ощущеніе теплоты становится все обезательнѣе, и возвращающаяся жизнь мало-по-малу предъявляетъ свои права. Морщины разглаживаются, щеки опадаютъ, усы расправляются по сторонамъ, а затѣмъ, послѣ долгаго миганья, открываются и другой глазъ, и огъяненный звѣрекъ съ пріятнымъ изумленіемъ смотритъ на свѣтъ Божій. Наконецъ орѣшниковая соня совсѣмъ проснулась и начинаетъ чесать себѣ пищу, чтобы вознаградить себя за долгій постъ. Потерянное время скоро наверстывается, но вы, можетъ быть, подумаете, что орѣшниковая соня становится тотчасъ-же весела? Нѣтъ, она все еще какъ-бы сквозъ сонъ наслаждается радостями наступающей весны, и скоро, словно сознавая свое заблужденіе, снова прячется въ свое гнѣздо и опять засыпаетъ, плотно свернувшись въ клубокъ».

Бобръ во многихъ отношеніяхъ сходенъ съ вышеописанными грызунами, однако такъ существенно отличается отъ нихъ и отъ остальныхъ своихъ родичей вообще, что на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на представителя особаго семейства **Бобровыхъ** (*Castoridae*). Къ этому семейству можно, кромѣ бобра, причислить развѣ только ископаемыя формы грызуновъ, которыя предшествовали своимъ, нынѣ живущимъ родичамъ; между грызунами, существующими теперь, правда, есть нѣсколько напоминающихъ собою бобровъ, но нѣтъ такихъ, которые-бы были совершенно на нихъ похожи.

Уже съ древнѣйшихъ временъ бобръ обратилъ на себя вниманіе наблюдателей, и древніе писатели часто упоминають о немъ въ своихъ сочиненіяхъ, называя его *Castor* и *Fiber*. Однако свѣдѣнія объ его образѣ жизни, которыя мы находимъ у болѣе древнихъ писателей, съ одной стороны не многочисленны, съ другой—не точны. Аристотель говоритъ только, что бобръ принадлежитъ къ четвероногимъ животнымъ, которыя, подобно выдрѣ, ищутъ свою пищу на берегахъ озеръ и рѣкъ. Плиній говоритъ о дѣйстви бобровой струи и сообщаетъ, что бобръ сильно кусается, что онъ, схвативъ человѣка, до тѣхъ поръ не выпускаетъ его, пока не переломаетъ ему костей, что онъ валитъ деревья, точно рубитъ ихъ топоромъ, хвостъ у него, какъ у рыбы, въ остальномъ-же онъ похожъ на выдру. Въ знаменитомъ описаніи Олая Великаго, епископа Упсальскаго, издавшаго около 1520 года замѣчательное сочиненіе о Норвегій и населяющихъ ее животныхъ, мы уже находимъ различнаго рода ошибки и басни, касающіяся нашего звѣря. Ученый прелатъ сообщаетъ намъ, что, «хотя Солинусъ считаетъ однѣ только воды Чернаго моря за мѣсто пребыванія и размноженія бобра, однако этотъ послѣдній во множествѣ водится также на Рейнѣ, Дунаѣ, въ болотахъ Моравіи и еще дальше на сѣверъ, такъ какъ здѣсь на рѣкахъ нѣтъ такого шума, какъ на Рейнѣ и Дунаѣ, гдѣ постоянно проходятъ суда. На сѣверѣ онъ съ удивительнымъ искусствомъ, которымъ его одарила природа, строитъ изъ дерева свои дома на многихъ рѣкахъ. Бобры сообща валяютъ стволы деревьевъ, перегрызають ихъ зубами и удивительнымъ образомъ сносятъ ихъ къ своимъ логовицамъ. Какому-нибудь старому лѣнивому бобру, который постоянно держится въ сторонѣ отъ общества, приходится расплачиваться своей шкурой. Остальные бобры кладутъ его вверхъ ногами на землю, помѣщаютъ ему дерево между передними и задними ногами и тащутъ его къ своимъ хижинамъ; затѣмъ они снимають поклажу и до тѣхъ поръ возятъ взадъ и впередъ эти живыя салазки, пока не окончатъ постройки своего домика. Зубы этихъ звѣрей до того остры, что они могутъ срѣзать ими де-

ревя, какъ ножемъ. Жилище состоитъ изъ 2—3 помѣщеній, расположенныхъ другъ на другѣ, и устроено такъ, что туловище живущаго въ немъ бобра выглядываетъ изъ-подъ воды, а хвостъ его лежитъ на ея поверхности. Кожа на хвостѣ твердая и покрыта чешуями, какъ у рыбъ, изъ мяса его готовятъ вкусное кушанье и лѣкарственное средство для тѣхъ, кто страдаетъ разстройствомъ желудка, а хвостъ и заднія ноги употребляются въ пищу въ посту, вмѣсто мяса рыбъ».

«Невѣрно показаніе Солиниса, что бобры, будучи преслѣдуемы и желая спастись, откусываютъ свой мѣшокъ съ бобровой струей и бросаютъ его охотникамъ, такъ какъ мѣшокъ этотъ находили у всѣхъ пойманныхъ бобровъ, и, лишась мѣшка, животному неизбежно приходится лишиться жизни. Бобровая струя представляетъ собою прекраснѣйшее противоядіе противъ чумы, во время лихорадки и помогаетъ противъ всѣхъ болѣзней, которыя только можно себѣ представить; но кромѣ этого бобръ очень полезенъ еще и въ другихъ отношеніяхъ. По большей или меньшей высотѣ жилищъ бобра можно узнать до какой вышины подыметъ вода во время разлива, и крестьяне, наблюдая постройки бобра, приближаютъ засѣянные поля къ самой рѣкѣ, если постройки не высоки, или удаляютъ поля отъ рѣки, если жилины бобровъ высоки, такъ какъ иначе поле будетъ непремѣнно залито водою.

Скелетъ и зубы бобра.

Шерсть ихъ, мягкая и нѣжная, какъ пухъ, прекрасно защищаетъ отъ суровой стужи и потому даетъ цѣнную одежду для знатныхъ и богатыхъ людей». Писатели, жившіе позже, вѣрили этимъ сказкамъ и увеличивали число ихъ своими собственными добавленіями. Маріусъ, врачъ въ Ульмѣ и Аугсбургѣ, написалъ въ 1640 году особую книжку объ употребленіи бобра на лѣкарственные средства; книжка эта почти сплошь составлена изъ однихъ рецептовъ; въ 1685 году Іоганнъ Франкъ значительно дополнилъ ее. Кожа, жиръ, кровь, шерсть, зубы и, главнымъ образомъ, бобровая струя представляютъ собою превосходныя лѣкарственные средства. Изъ шерсти дѣлаютъ шляпы, которыя предохраняютъ отъ болѣзни; зубы вѣшаютъ на шею дѣтямъ, такъ какъ они облегчаютъ прорѣзываніе зубовъ.

Эти древнія сочиненія хороши тѣмъ, что даютъ намъ возможность судить о прежнемъ распространеніи бобровъ. Изъ нихъ мы видимъ, что врядъ-ли какое другое животное такъ быстро уменьшилось въ числѣ, какъ этотъ драгоценный грызунъ. Еще въ нынѣшнее время бобръ распространенъ въ трехъ частяхъ свѣта и населяетъ всѣ страны, расположенныя между 33 и 68 градусами сѣверной широты; но въ прежнія времена кругъ его распространенія, вѣроятно, былъ значительно шире. Въ египетскихъ іероглифахъ нѣкоторые ученые думали найти изображеніе бобра, что служило-бы указаніемъ на то, что бобры прежде водились въ Африкѣ. Религіей индійскихъ маговъ воспрещено убивать ихъ, слѣдовательно, они жили также, вѣроятно, и въ Индіи. «Хотя животное это,» говоритъ Геснеръ,

«обыкновенно во всѣхъ странахъ и вообще охотно селится тамъ, гдѣ имѣется рыба и раки, подобно разбойникамъ на улицахъ, тѣмъ не менѣе они охотнѣе всего живутъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ протекають большія рѣки, какъ напримѣръ Ааръ, Рейсъ и Лимнатъ въ Швейцаріи; ихъ также очень много на рѣкѣ Вирѣ около Базеля; въ Испаніи они попадаются на всѣхъ почти рѣкахъ и, по словамъ Страбона, въ Италіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ По впадаетъ въ море». Во Франціи и Германіи бобръ попадался почти повсюду. Прежде всего онъ былъ истребленъ въ Англіи. Теперь находятъ его въ Германіи еще на Эльбѣ, а именно, начиная приблизительно отъ Вартенбурга, расположеннаго на сѣверъ отъ Виттенберга, внизъ по теченію до Магдебурга; при этомъ съ полной увѣренностью можно разсчитывать встрѣтить его въ качествѣ осѣдлаго животнаго на нѣкоторомъ протяженіи рѣки къ югу отъ Акена; особенно много ихъ въ охотничьихъ участкахъ главныхъ лѣсничествъ Стекби и Тохгеймъ, а также въ Грюневальде (противъ Шенебека) на правомъ, и Леддерицѣ на лѣвомъ берегу Эльбы, гдѣ можно считать, что число ихъ, какъ сообщаетъ намъ главный лѣсничій Пашке въ Леддерицѣ, простирается до 60 штукъ. По показаніямъ того же наблюдателя, бобры, какъ осѣдлыя животныя, изстари живутъ также въ Сааль, начиная отъ впаденія ея въ Эльбу до Трабица, лежащаго къ югу отъ Кальбе; на этомъ протяженіи въ настоящее время ихъ живетъ около 15 штукъ. Въ названныхъ мѣстностяхъ бобръ живетъ осѣдло, и можно не только во всякое время осматривать слѣды его дѣятельности, но при случаѣ наблюдать и его самого. По королевскому приказу его строго оберегаютъ во всѣхъ прусскихъ казенныхъ лѣсахъ и имѣніяхъ, граничащихъ съ этими мѣстами его жительства; подобный-же приказъ издало лѣсное управленіе Ангальтскаго герцогства. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ онъ жилъ также въ р. Нутъ, берущей начало около Цербста и впадающей въ Эльбу къ югу отъ Барби, но теперь совершенно выселился изъ этой рѣки.

Впрочемъ, по сообщенію одной охотничьей газеты, въ 1886 г. на р. Гавель близъ Гавельберга видѣли бобра, причемъ купецъ Веберъ принялъ его за выдру и убилъ. Далѣе его можно, вѣроятно, встрѣтить въ одиночку и случайно въ долинѣ рѣки Зальцахъ на австрійско-баварской границѣ, а также, можетъ быть, на рѣкѣ Моне, въ Вестфаліи. Изъ европейскихъ странъ онъ чаще всего попадаетъ еще въ Босніи, Россіи, а именно въ сѣверныхъ притокахъ Припети въ Минской губерніи, а также въ Скандинавіи, особенно въ Норвегіи. Въ Азіи ихъ живетъ значительно большее число, чѣмъ въ Европѣ. Они во множествѣ населяють большія рѣки центральной и сѣверной Сибири и, какъ говорятъ, ведутъ осѣдлую жизнь также въ рѣкахъ, впадающихъ въ Каспійское море. Ихъ можно навѣрное найти въ притокахъ Кубани на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, а также и въ Месопотаміи. Они были очень обыкновенны въ Америкѣ, но количество ихъ сильно уменьшилось, благодаря неустаннымъ преслѣдованіямъ. Ла-Гонтанъ, путешествовавшій два столѣтія тому назадъ по Америкѣ, разсказываетъ, что въ лѣсахъ Канады нельзя пройти 4—5 часовъ безъ того, чтобы не наткнуться на прудъ, населенный бобрами. На рѣкѣ племени «вонючихъ индѣйцевъ» (Puants) къ западу отъ озера Иллинойсъ, на разстояніи 20 часовъ, находилось болѣе 60 прудовъ, населенныхъ бобрами, на которыхъ охотникамъ хватило дѣла на цѣлую зиму. Съ тѣхъ поръ, какъ это легко объясняется, число этихъ животныхъ необыкновенно сильно убывло. Одюбонъ (1849) указываетъ еще только на Лабрадоръ, Нью-Фаундлендъ, Канаду и на нѣкоторые мѣстности штатовъ Мэнъ и Массачусетсъ, какъ на родину этого звѣря, однако присовокупляетъ къ этому, что одиночные экземпляры еще находятся въ различныхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ.

Бобръ (*Castor fiber*, *C. communis*. *Viber*. *Castor*) одинъ изъ самыхъ крупныхъ гры-

зубовъ. У взрослыхъ самцовъ длина туловища достигаетъ 75—95 см., длина хвоста 30 см., высота въ плечахъ столько-же, вѣсъ 20—30 килограммовъ. Неуклюжее и толстое туловище его значительно толще сзади, чѣмъ спереди, спина изогнутая, брюхо отвислое, шея короткая и толстая, голова сзади широкая, суживающаяся впереди, плоская, съ короткою и тупою мордою; ноги короткія и очень сильныя, заднія немного длиннѣе переднихъ, на ногахъ по пяти пальцевъ, причемъ на заднихъ они до самыхъ когтей связаны между собою широкою плавательною перепонкою. Хвостъ, неясно отдѣляющійся отъ туловища, у корня круглый, посрединѣ, сверху и снизу приплюснутый, достигаетъ до 20 см. ширины; онъ тупо закругленъ на концѣ, сильно заостренъ на краяхъ и имѣетъ яйцевидную форму, если смотрѣть на него сверху. Продолговато-круглая, почти совершенно скрытая подъ шерстью, уши—малы и коротки, покрыты волосами внутри и снаружи и могутъ быть такъ приложены къ головѣ, что почти совершенно закрываютъ слуховой проходъ. Маленькіе глаза отличаются мигательной перепонкой; зрачекъ ихъ расположенъ вертикально. Ноздри снабжены мясистыми краями и также могутъ закрываться. Ротовая щель мала, верхняя губа широка, со складкою по срединѣ и расщеплена книзу. Шерсть состоитъ изъ необыкновенно густыхъ, пушистыхъ, шелковистыхъ волосъ подшерстка и рѣдкихъ длинныхъ, толстыхъ, упругихъ и блестящихъ волосъ ости, которые на головѣ и нижней части спины коротки, а на остальныхъ частяхъ тѣла имѣютъ болѣе 5 см. длины. На верхней губѣ сидятъ нѣсколько рядовъ толстыхъ, упругихъ, не особенно длинныхъ щетинъ. Шерсть на спинѣ темнаго каштановаго цвѣта, который болѣе или менѣе переходитъ въ сѣроватый, на брюхѣ она свѣтлѣе; волоса у корня серебристо-сѣраго цвѣта, на концѣ желтовато-бураго; ноги окрашены въ болѣе темный цвѣтъ, чѣмъ туловище. Хвостъ у корня въ первой трети покрытъ очень длинными волосами, но остальное пространство голо; здѣсь кожа его покрыта маленькими, продолговато-круглыми, почти шестигуольной формы, плоскими углублениями, между которыми выступаютъ отдѣльные, направленные назадъ, короткіе, упругіе волоса. Эта голая часть хвоста имѣетъ блѣдный, черновато-сѣрый цвѣтъ съ синеватымъ оттѣнкомъ. Въ отношеніи общей окраски шерсти встрѣчаются отклоненія, причемъ цвѣтъ ея переходитъ то въ болѣе черный, то въ болѣе сѣрый, а иногда также въ красновато-бѣлый оттѣнокъ. Находятъ также, хотя и весьма рѣдко, бѣлыхъ и пятнистыхъ бобровъ.

Рѣзцы очень велики, крѣпки, спереди плоски, гладки, въ поперечномъ разрѣзѣ имѣютъ почти трехгранную, съ боку долотовидную форму и далеко выдаются изъ челюсти; коренные зубы, устроенные довольно одинаково, имѣютъ въ верхней челюсти, снаружи три—внутри одну, а въ нижней челюсти, наоборотъ, снаружи одну, внутри—три расположенныхъ поперечно складки эмали. Черепъ развитъ необыкновенно сильно. Всѣ кости крѣпки и широки и служатъ для прикрѣпленія очень сильныхъ мускуловъ. Позвоночный столбъ образуютъ 10 спинныхъ позвонковъ, 9 поясничныхъ, 4 крестцовыхъ и 24 хвостовыхъ. Особое вниманіе обращаетъ на себя сильное развитіе слюнныхъ железъ, въ особенности околоушной железы; длинный, съ перехватами желудокъ также очень богатъ железами. Мочеточники и половые органы открываются въ прямую кишку. У обоихъ половъ въ нижней части брюшной полости, около задняго прохода и половыхъ органовъ находятся двѣ своеобразныя, обыкновенно отдѣленныя одна отъ другой, открывающіяся въ половые органы железы, выдѣляющія бобровую струю или кастореумъ. Вещество это выдѣляется внутренними извилинами железъ, покрытыхъ слизистой оболочкой, которая образуетъ чешуевидные мѣшечки и складки. Бобровая струя представляетъ собою темную красную-бурую, желто-бурую или черно-бурую, довольно мягкую, похожую на мазь массу, обладающую особенно сильнымъ, немногимъ только людямъ приятнымъ запахомъ и

долго остающимся во рту, горьковатымъ смолистымъ вкусомъ. Въ прежнія времена бобровая струя часто примѣнялась въ качествѣ останавливающаго судороги и успокоительнаго средства, но въ настоящее время все болѣе и болѣе предается забвенію, благодаря сильной измѣнимости своей дѣлительной силы.

Канадскій бобръ (*Castor canadensis*, *C. americanus*) отличается отъ европейскаго болѣе выпуклой лицевой линіей, болѣе узкой головою и другими особенностями черепа, болѣе темною шерстью и, въ особенности, уклоненіями въ расположеніи бобровыхъ железъ. По Блазіусу, самостоятельность этого вида не подлежитъ сомнѣнію.

Если освободить описаніе жизни бобра отъ всѣхъ басенъ и сказокъ, которыми сопровождалось оно почти до новѣйшаго времени, то окажется, приблизительно, слѣдующее.

Бобры въ настоящее время живутъ болѣею частью попарно и соединяются болѣе или менѣе многочисленными семьями только въ наиболѣе уединенныхъ мѣстностяхъ. Во всѣхъ населенныхъ странахъ онъ живетъ, подобно выдрѣ, въ подземныхъ норахъ и не думаетъ строить себѣ искусственныхъ жилищъ. Подобнаго рода постройки находили еще недавно около рѣки Нуты, недалеко отъ Эльбы, въ уединенной, поросшей ивами мѣстности, по которой протекаетъ маленькая рѣчка, имѣющая не болѣе 6—8 шаговъ ширины и которая уже съ древнѣйшихъ временъ носитъ названіе Бобровой дужи. Тамъ фонъ-Мейеринкъ наблюдалъ бобровыя колоніи въ продолженіи многихъ лѣтъ и рассказываетъ о нихъ слѣдующее: «Въ настоящее время (1822 году) еще довольно много бобровъ живутъ парами въ норахъ, которыя похожи на норы барсуковъ, имѣютъ 30—40 шаговъ въ длину, расположены на одинаковомъ уровнѣ съ поверхностью воды и имѣютъ выходныя отверстія на сушѣ. Не близости этихъ норъ бобры воздвигаютъ такъ называемые «замки». Они представляютъ собою кучи въ 2,5 — 3 метровъ высоты, составленныя изъ толстыхъ палокъ, безъ всякаго искусства сваленныхъ въ одно мѣсто; бобры отгрызаютъ ихъ отъ сосѣднихъ деревьевъ и сдираютъ съ нихъ кору, такъ какъ она служитъ имъ пищей. Осенью бобры покрываютъ эти кучи иломъ и землею съ берега рѣки, при чемъ они двигаютъ землю грудью и передними ногами по направленію къ постройкѣ. Кучи эти имѣютъ видъ хлѣбной печи и служатъ бобрамъ не въ качествѣ жилищъ, а только въ качествѣ убѣжища, когда высокая вода выгоняетъ ихъ изъ норъ. Лѣтомъ вышеупомянутаго года, когда колонія состояла изъ 15—20 штукъ молодыхъ и старыхъ, было замѣчено, что они строятъ плотины. Къ этому времени рѣка Нута до того обмелѣла, что повсюду на берегу обнажились выходныя отверстія норъ, а ниже ихъ вода въ рѣкѣ имѣла только нѣсколько сантиметровъ глубины. Бобры отыскали мѣсто на рѣкѣ, гдѣ посреди ея находился небольшой бугорокъ; отсюда они бросали въ воду съ обѣихъ сторонъ толстые сучья и такъ плотно наполнили иломъ и тростникомъ промежутки между ними, что уровень воды передъ плотиною сталъ выше уровня ея за плотиною на 30 см. Плотину нѣсколько разъ уносило теченіемъ, но каждый разъ въ слѣдующую ночь бобры возводили ее снова. Когда поднявшаяся въ Эльбѣ вода вытѣснялась вверхъ по теченію рѣки и покрывала жилища бобровъ, то ихъ можно было видѣть и днемъ. Они лежали въ такихъ случаяхъ на своихъ «замкахъ» или на толстоствольныхъ ивахъ, растущихъ вблизи».

Чтобы составить себѣ ясную картину бобровыхъ построекъ, къ этимъ правдивымъ показаніямъ слѣдуетъ еще присоединить наблюденія врача Сарразена, жившаго болѣе 20 лѣтъ въ Канадѣ, Гирнеса (Hearnes), проводившаго 3 года на берегу Гудзонова залива, Картврайта (Cartwrights), пребывавшаго болѣе 10 лѣтъ въ Лабрадорѣ, Одюбона, который, впрочемъ, рассказываетъ со словъ одного охотника, принца фонъ-Видъ, Морганса, Агасенса и другихъ.

Послѣ долгихъ колебаній животныя избираютъ какую-нибудь рѣку или ручей, берега котораго въ изобиліи доставляютъ имъ пищу и кажутся имъ особенно хорошо приспособленными для устройства ихъ ходовъ и норъ, или плотинъ и замковъ. Бобры, живущіе въ одиночку, обитаютъ, подобно выдрѣ, въ простыхъ подземныхъ норахъ; если-же бобры живутъ обществами, состоящими обыкновенно изъ нѣсколькихъ семействъ, то почти всегда возводятъ замки и въ случаѣ нужды плотины, чтобы повысить уровень воды и удержать его на одной и той-же высотѣ. Постройки эти снабжены однимъ или нѣсколькими ведущими въ нихъ ходами, длина которыхъ бываетъ различна и колеблется между 2—6 метрами; они постоянно оканчиваются подъ водою и ведутъ въ просторную котловину, расположенную болѣе или менѣе высоко надъ поверхностью воды. Котловина эта состоитъ обыкновенно изъ одного только жилого помѣщенія, тщательно и аккуратно выложеннаго тонко расщепленными щепками и служащаго снальней, а въ исключительныхъ случаяхъ также логовищемъ самки во время родовъ. Въ уединенныхъ и тихихъ лѣсахъ бобры пользуются подземными постройками только въ качествѣ потайныхъ выходовъ въ случаѣ опасности и постоянно воздвигаютъ такъ называемые замки, т. е. расположенныя надъ поверхностью земли жилища помѣщенія бобровъ, въ которыя ведутъ начинающіеся болѣе глубоко подъ водою ходы.

Замки эти представляютъ собою толстостѣнные кучи, въ видѣ хлѣбной печки, составленныя изъ наваленныхъ другъ на друга кусковъ дерева и сучьевъ, лишенныхъ коры, а также земли, глины и песку; говорятъ, что онѣ внутри, кромѣ жилого помѣщенія, заключаютъ еще кладовыя для храненія пищевыхъ запасовъ. Если уровень воды въ рѣкѣ и ручьѣ значительно измѣняется въ теченіи года или если ручей не имѣетъ желаемой глубины, то бобры проводятъ поперекъ теченія болѣе или менѣе высокія и, смотря по быстротѣ теченія, болѣе или менѣе толстыя плотины, повышаютъ уровень воды и устраиваютъ себѣ такимъ образомъ выше плотины открытый водный бассейнъ, весьма различнаго протяженія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Морганъ изслѣдовалъ болѣе 50 подобныхъ плотинъ въ первобытныхъ лѣсахъ на берегахъ Верхняго озера въ Сѣверной Америкѣ, снялъ съ нихъ фотографію и подробно описалъ ихъ въ особомъ сочиненіи о бобрѣ и его постройкахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ плотинъ достигаютъ 150—200 метровъ въ длину, 2—3 метра въ ширину, а въ толщину у основанія 4—6 метровъ, а у вершины только 1—2 метра. Онѣ состоятъ изъ жердей въ руку или ногу толщиной, длиною въ 1—2 метра, которыя однимъ концомъ вбиты въ землю, а другимъ выходятъ на поверхность воды; онѣ соединены между собою болѣе тонкими прутьями, а промежутки между ними заполнены тростникомъ, иломъ и землею, такъ что со стороны теченія образуется почти отвѣсная плотная стѣна, а съ противоположной стороны—скатъ. Бобры не всегда проводятъ плотину по прямой линіи поперекъ теченія и также далеко не всегда устраиваютъ ее такъ, чтобы она по срединѣ имѣла видъ выступающаго угла, напротивъ, часто также проводятъ ее въ видѣ дуги, съ выпуклостью противъ теченія. Наконецъ отъ образующихся выше плотинъ прудовъ бобры проводятъ тропинки или каналы для того, чтобы удобнѣе было доставлять и сплавлять по нимъ строительный и питательный матеріалъ.

Безъ особой нужды бобры не покидаютъ основанныхъ ими колоній. Поэтому въ ненаселенныхъ лѣсахъ можно встрѣтить очень старыя бобровыя постройки. Агасицъ, изслѣдуя плотину одного пруда, еще заселеннаго бобрами, нашелъ, что старыя, обглоданные животными куски деревьевъ и сучьевъ были покрыты слоемъ торфа въ 3 метра толщиной, и вывелъ отсюда заключеніе, что колоніи эти должны были существовать по крайней мѣрѣ 900 лѣтъ тому назадъ. По указаніямъ того-же из-

слѣдователя бобровыя постройки въ Америкѣ оказываютъ замѣтное вліяніе на сельскохозяйственное значеніе данной мѣстности. Плотины превращаютъ небольшіе ручейки, первоначально спокойно протекавшіе въ лѣсной тѣни, въ рядъ прудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые занимаютъ площадь въ 10 — 20 гектаровъ. Вблизи ихъ, благодаря тому, что бобры срубаютъ деревья, образуются поляны, такъ называемыя бобровыя лужайки, занимающія пространство въ 100 гектаровъ и болѣе, которыя часто являются единственными прогалинами въ еще дѣвственныхъ первобытныхъ лѣсахъ. Берега прудовъ быстро обростають торфяными растеніями, и такимъ образомъ на подходящихъ мѣстахъ мало-по-малу образуются торфяныя болота на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи. Съ другой стороны каналы, проведенные этими животными, даютъ стокъ водамъ болотъ и осушаютъ эти послѣднія, такъ что въслѣдствіе этого образуются сухія безлѣсныя пространства.

Всѣ работы бобровъ стоятъ въ такой тѣсной связи съ ихъ привычками и потребностями, что описаніе работъ этихъ животныхъ даетъ въ то-же время картину и ихъ образа жизни. Подобно большинству грызуновъ, они дѣятельны по преимуществу ночью, и только въ совершенно уединенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ въ продолженіи долгаго времени не приходится встрѣчаться съ человѣкомъ, они ведутъ также дневной образъ жизни. «Вскорѣ послѣ заката солнца», говоритъ фонъ-Мейеринкъ, «они покидаютъ свои норы, издають громкій свистъ и съ шумомъ падаютъ въ воду. Они плаваютъ нѣкоторое время вблизи своихъ замковъ, причеиъ двигаются съ одинаковою скоростью какъ вверхъ, такъ и внизъ по теченію, и, смотря по тому, насколько чувствуютъ себя въ безопасности, выставляютъ изъ-подъ воды носъ и лобъ, или голову и спину. Убѣдившись въ полной своей безопасности, они вылѣзають на берегъ и удаляются отъ рѣки на разстояніе 50 шаговъ и даже далѣе, для того, чтобы нарѣзать деревьяевъ для корма и для своихъ построекъ. Плавая, они удаляются на разстояніе около полумили отъ своихъ построекъ, но всегда въ ту-же ночь возвращаются обратно. Зимой они также по ночамъ отправляются отыскивать себѣ пищу, иногда, однако, въ теченіи 8—14 дней не покидаютъ своего жилища и питаются корою тѣхъ ивовыхъ сучьевъ, которые они осенью натаскивають въ норы и которыми задылываютъ выходныя отверстія на берегу». Вѣтви въ нѣсколько сантиметровъ толщиной бобръ перегрызаеть сразу, деревья оиъ валить, обгрызая стволъ кругомъ со всѣхъ сторонъ и въ особенности со стороны, обращенной къ рѣкѣ, пока оиъ не наклонится въ этомъ направленіи и не обрушится въ воду. Слѣды его работъ состоятъ изъ безчисленнаго количества плоскихъ раковинообразныхъ разрѣзовъ сучьевъ и деревьевъ, которые до того гладки и рѣзко очерчены, что кажутся выдолбленными слегка изогнутымъ долотомъ. Случается, что бобры срѣзають стволы, имѣющіе въ толщину болѣе діаметра человѣческаго туловища и это случается также еще въ Германіи. Въ Стекби и въ Тохгеймѣ на Эльбѣ Пехуэль-Меше измѣрилъ стволы нѣкоторыхъ срѣзанныхъ бобрами деревьевъ, имѣвшихъ не только 15 и 20 см., но также 40 и даже 60 см. въ толщину, причеиъ въ послѣднемъ случаѣ это были всегда черныя и серебристыя тополи. Разъ эти животные свалили даже дубъ въ 25—30 см. толщиной. Изъ этихъ деревьевъ большая часть стояла прежде вблизи воды, въ которую они и упали, но нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности болѣе тонкія и между ними осины, были удалены отъ берега Эльбы на разстояніе до 300 шаговъ и частью росли въ такой чащѣ, что не могли упасть совершенно и верхушками своими завязли въ верхушкахъ сосѣднихъ деревьевъ. Оказывается, что большая часть деревьевъ срубается бобрами безъ всякой цѣли, т. е. только въ видѣ упражненія, благодаря унаслѣдованной привычкѣ и желанію погрызть; по крайней мѣрѣ, срубивъ ихъ, бобры до

нихъ болѣе не дотрагиваются; вѣдь толстые сучки гораздо легче найти въ ивовыхъ заросляхъ, расположенныхъ на самомъ берегу.

«Наши лѣсничіе», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «врядъ-ли остались-бы довольны тѣми опустошеніями, которыя бобры производятъ въ американскихъ лѣсахъ. Мы видѣли срѣзанные ими тополи, имѣвшіе 70 см. въ діаметрѣ. Стволы ихъ были разбросаны въ безпорядкѣ». Деревья прежде всего очищаются отъ сучьевъ, затѣмъ разрѣзаются на куски произвольной величины, которые употребляются въ качествѣ свай, въ то время, какъ сучья и вѣтви идутъ больше на постройку стѣнъ замковъ. Для своей пищи и построекъ бобръ охотнѣе всего избираетъ ивы, тополи, ясени и березы, рѣже ольхи, вязы и дубы, хотя и эти деревья перегрызаются его зубами. На сушу онъ вылѣзаетъ только для того, чтобы срѣзать деревья или за кормомъ, въ открытомъ мѣстѣ держится всегда очень осторожно и остается на землѣ возможно болѣе короткое время. «Въ сумеркахъ», рассказываетъ Дитрихъ, наблюдавшій бобра-самку съ ея дѣтенышами, «семейство бобровъ, быстро двигаясь въ водѣ, подплыло къ мѣсту, гдѣ изъ воды удобно было выдти на берегъ. Здѣсь вышла сначала одна мать; находясь хвостомъ еще въ водѣ, она остановилась не надолго, чтобы убѣдиться въ своей безопасности, и отправилась затѣмъ въ чащу. Быстро, подобно ей, послѣдовали за нею трое дѣтенышей, которые были величиною приблизительно съ полузрелого котенка. Не успѣли и они также скрыться въ кустахъ, какъ послышался громкій, похожій на скрипъ шумъ, производимый быстрымъ грызеніемъ дерева, и стволъ его упалъ по истеченіи нѣсколькихъ минутъ. Вышеупомянутые звуки сдѣлались еще болѣе послѣдними и внятными, такъ какъ все семейство было за работой, занявшись очисткой ствола отъ вѣтвей, а также, можетъ быть, обдѣлая кору ихъ тутъ-же на мѣстѣ. Черезъ нѣкоторое время появилась старая самка, держа во рту конецъ ивового сучка, но подвигаясь впередъ на четверинкахъ. Всѣ дѣтеныши размѣстились позади ея равномерно по обѣ стороны сучка и усердно старались втащить его въ воду. Послѣ короткаго отдыха все общество снова ухватило за него зубами и быстро и не отдыхая поплыло со своей добычей обратно по той-же дорогѣ, по которой приплыло». Фонъ-Мейеринкъ также рассказываетъ, что нѣсколько бобровъ втаскиваютъ зубами въ воду довольно толстый стволъ дерева, но присовокупляетъ къ этому, что они разрѣзаютъ его предварительно на куски, длиною въ 1—2 метра.

Бобры, сохранившіеся въ неволѣ, за которыми я ухаживалъ, и которыхъ я устройствомъ спусковъ въ воду побудилъ построить замокъ, доставили мнѣ лучшій матеріалъ для изученія способа, которымъ они производятъ свои работы, чѣмъ помѣщенные выше и всякіе другіе рассказы. Разъ освоившись съ мѣстностью и окружавшимъ ихъ движеніемъ, бобры, о которыхъ идетъ рѣчь, уже въ послѣдніе послѣобѣденные часы стали появляться внѣ стѣнъ своей норы для производства работъ. Посаженные въ землю стволы они предпочитали жердямъ, брошеннымъ на землю, и постоянно срѣзали ихъ. Бобръ садится у корня какого-нибудь деревца и обгрызаетъ его кругомъ въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ, пока дерево не свалится; при толщинѣ ивового или березоваго ствола въ 8 см., ему для этого достаточно 5 минутъ. Затѣмъ онъ схватываетъ упавшее дерево зубами за его толстый конецъ, поднимаетъ голову и, переваливаясь, идетъ впередъ. Кажется подчасъ, какъ будто онъ хочетъ взвалить свою тяжесть на спину; однако этого никогда не бываетъ. Если вѣтвь легка, то бобръ несетъ ее къ цѣли безъ остановокъ; если-же тяжесть болѣе значительна, то онъ дѣлаетъ это съ перерывами, причемъ сильнымъ толчкомъ головою старается подвинуть несомый имъ кусокъ дерева впередъ. Если стволы имѣютъ много сучьевъ, то, прежде чѣмъ унести, бобръ ихъ тщательно осма-

тривается, дѣлится въ нѣкоторыхъ случаяхъ на куски, отрѣзаетъ служащія помѣхой концы отломанныхъ сучьевъ, но всѣ куски дерева предварительно утаскиваетъ въ воду, гдѣ сдираетъ съ нихъ кожу или складываетъ ихъ на будущее время. Только тогда, когда кожа съ сучка содрана, бобръ употребляетъ его для построекъ, вытаскиваетъ его изъ воды, несетъ до ближайшей постройки и тамъ пользуется имъ, какъ выше сказано.

Что касается правильнаго расположенія строительнаго матеріала, то ничего подобнаго замѣтить нельзя. Нужды свои бобръ удовлетворяетъ разумно, однако не думаетъ класть строительный матеріалъ правильными слоями. Куски дерева лежатъ то горизонтально, то косо, то стоятъ вертикально, нѣкоторые изъ нихъ однимъ концомъ торчатъ высоко надъ стѣнами замка, другіе совершенно покрыты землею; бобры постоянно заняты измѣненіемъ, увеличеніемъ и улучшеніемъ своихъ построекъ. Мои питомцы прежде всего вырыли себѣ у конца спуска въ воду корытообразное углубленіе, затѣмъ изъ набросанной земли устроили вокругъ крѣпкую, высокую и плотную насыпь и выложили дно углубленія длинными тонкими щепками, которыя были наготовлены ими нарочно для этой цѣли. Послѣ этого конецъ спуска былъ покрытъ крышею изъ сучьевъ, затѣмъ бобры повысили заднюю часть стѣны и снабдили ее куполообразной крышей, и когда эти работы были также окончены, законопатели всю постройку землею. Всѣ потребныя для законопачиванія вещества, какъ то: землю, песокъ, глину или илъ бобры передвигаютъ различнымъ образомъ, причѣмъ пускаютъ въ ходъ всегда только морду и переднія конечности, а для обработки этого матерьяла пользуются исключительно сими послѣдними. Куски дерна или жирную глинистую землю бобръ выламываетъ лапами и зубами, беретъ комокъ въ зубы, прижимаетъ его снизу передними лапами, обращенными своею наружною стороною къверху, и осторожно отирается, переваливаясь съ боку на бокъ, идя на заднихъ лапахъ и отъ времени до времени опираясь на одну изъ переднихъ, по направленію къ мѣсту постройки; болѣе рыхлую землю или песокъ онъ взрываетъ, сгребаетъ ихъ въ кучку, прикладываетъ къ ней сзади ладовыя и двигаетъ ее впередъ, если нужно, на разстояніе нѣсколькихъ метровъ. Хвостъ служить имъ при этомъ не болѣе, какъ только для поддержанія равновѣсія, но никогда не употребляется въ качествѣ лопатки.

Какъ у большей части животныхъ, обязанность собственно архитектора исполняетъ самка, самецъ же играетъ роль скорѣе рабочаго и доставляетъ матерьялъ. Оба работаютъ въ продолженіи всего года, однако не всегда обнаруживаютъ одинаковую дѣятельность. Лѣтомъ и въ началѣ осени они больше играютъ, чѣмъ занимаютъ своей постройкой; напротивъ, передъ наступленіемъ холодной погоды они безостановочно работаютъ всю ночь. Изъ наблюденій Эксингера, сообщенныхъ Фитцингеромъ, бобры обладаютъ замѣчательно развитою способностью предчувствовать погоду и стараются по возможности приготовиться къ ней.

Бобры, которыхъ воспитывалъ у себя Эксингеръ и которые содержались въ довольно большомъ прудѣ, вели образъ жизни, еще болѣе схожій съ образомъ жизни ихъ свободныхъ собратьевъ, чѣмъ мои плѣнники; правда, они не строили замковъ, но вырывали себѣ большіе и длинные ходы и устраивали котловины, раздѣленные на нѣсколько отдѣловъ или камеръ. Въ этихъ камерахъ, дно которыхъ было выстлано мелкими щепками, они проводили весь день, а при сильномъ вѣтрѣ также всю ночь, но въ этихъ случаяхъ натаскивали себѣ туда ивовыхъ и другихъ вѣтвей. Когда вода прибывала, или проникала въ ихъ жилища, они быстро вырывали себѣ новую нору выше той, въ которой они жили прежде; когда-же вода убывала, то они немедленно устраивали себѣ ходъ глубже; если случалось, что слой земли надъ ихъ логовищемъ

проваливался, то они сходились вмѣстѣ и уже въ слѣдующую за этимъ несчастіемъ ночь поправляли поврежденное мѣсто. Одни изъ нихъ заботились объ измельченіи потребнаго для этой цѣли дерева, другіе таскали куски его къ поврежденному мѣсту и накладывали ихъ въ различныхъ направленіяхъ другъ на друга, въ то время, какъ часть семьи занималась тѣмъ, что таскала изъ воды иль, смѣшивала его съ тростникомъ и травяными корнями и законопачивала этой массою наложенные другъ на друга куски дерева, пока всѣ отверстія между ними не были закрыты. До наступленія холодовъ бобры втаскивали въ прудъ всѣ прежде доставленные на берегъ его ивы и тополи, вкапывали въ иль болѣе толстые и крѣпкіе стволы другъ подлѣ друга въ косомъ направленіи и, укрѣпивши ихъ вершиною кверху, переплетали ихъ вѣтвями, которыя они клали на нихъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, такъ что постройка ихъ получала видъ плота, стоящаго на якорѣ, и представляла собою сплетенную поверхность, способную выдержать даже самыя сильныя бури. Однажды вечеромъ они вышли по обыкновенію изъ своихъ норъ и вдругъ съ поспѣшностью принялись за работу и стали таскать стволы деревьевъ въ свой прудъ, несмотря на то, что погода, казалось, стояла такая-же хорошая, какая была и передъ тѣмъ. Въ теченіи одной ночи они втащили въ воду 186 стволовъ, длиною отъ 2—3 метровъ и шириною въ 8—11 см., а 24 часа спустя весь прудъ крѣпко замерзъ и былъ уже покрытъ слоемъ льда въ 7 см. толщины.

Пища бобровъ состоитъ главнымъ образомъ изъ коры и листьевъ различныхъ деревьевъ. Между всѣми вѣтвями, которыя по моему приказанію бросались моимъ плѣнникамъ, они прежде всего выбирали всегда ивовыя и только за недостаткомъ ихъ пользовались вѣтвями обыкновеннаго тополя, чернаго тополя, осины, ясени и березы, и рѣже всего ольхи и дуба. Они ѣдятъ не только кору, но также листья и мягкіе побѣги, причемъ послѣдніе очевидно имъ очень нравятся. Съ болѣе твердыхъ вѣтвей, которыя они держатъ въ лапахъ и все время вертять, они сдираютъ кожу очень изящно и съ необыкновеннымъ искусствомъ; они совершаютъ это такъ аккуратно, что на вѣтви, лишенной коры, невозможно найти и слѣда ихъ зубовъ. Отъ времени до времени они питаются, впрочемъ, также свѣжей травою, причемъ поступаютъ довольно неловко, а именно схватываютъ лапами пучъ травы и стискиваютъ его, стараясь такимъ образомъ имѣть подъ зубами болѣе плотную массу. Къ хлѣбу, корабельнымъ сухарямъ, яблокамъ и моркови они привыкаютъ очень скоро и въ концѣ концовъ начинаютъ считать плоды за лакомство.

Положенія, которыя принимаютъ бобры, различны, но въ общемъ представляютъ мало разнообразія. Въ сидячемъ положеніи животное походитъ на большую, неуклюжую мышь. Толстое, короткое туловище касается брюхомъ земли, хвостъ касается ея только слегка; заднія конечности едва замѣтны. Желая приподняться, сидячій въ этомъ положеніи бобръ прижимаетъ къ землѣ кончикъ хвоста, и затѣмъ приподнимается, смотря по желанію скоро или медленно, не двигая при этомъ ни одною ногою. Онъ можетъ стать почти вертикально, хотя не совсѣмъ, и тогда держится такъ твердо на заднихъ лапахъ и хвостѣ, что легко можетъ оставаться въ такомъ положеніи, сколько захочетъ. Когда бобръ лежитъ спокойно, или спитъ, онъ поджимаетъ хвостъ подъ себя и такимъ образомъ совершенно скрываетъ его отъ постороннихъ взоровъ. Но даже и въ этомъ случаѣ бобръ можетъ приподняться безъ напряженія, не двигая ни однимъ изъ членовъ, и удержаться въ какомъ угодно положеніи, хотя бы, на примѣръ, для того, чтобы почесаться; онъ часто и съ видимымъ удовольствіемъ предается этому занятію, причемъ никогда не торопится. Когда онъ лежитъ на брюхѣ, онъ растягивается во всю длину, когда-же лежитъ на боку, то свертывается клубкомъ. Во время ходьбы онъ одною ногой опишываетъ вокругъ

другой полукругъ, такъ какъ почти волочащееся по землѣ брюхо не допускаетъ быстрыхъ, равномерныхъ движеній. При величайшей поспѣшности бобръ дѣлаетъ скачки, которые своею неуклюжестью и неловкостью превосходятъ скачки всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ млекопитающихъ, и представляютъ собою поперебѣнное подбрасываніе кверху передней и задней частей тѣла; несмотря на все это, бобръ тѣмъ не менѣе быстро подвигается впередъ. Въ воду онъ падаетъ съ шумомъ только тогда, когда бываетъ испуганъ чѣмъ-нибудь; при обыкновенныхъ-же обстоятельствахъ онъ безшумно спускается въ глубину. Плавая, онъ такъ глубоко погружаетъ въ воду заднюю часть своего тѣла, что надъ водою выдаются только ноздри, глаза, уши и средняя часть спины, а корень хвоста находится подъ водою. Онъ лежитъ на волнахъ, не двигая ни однимъ членомъ, и часто также приподнимаетъ въ косомъ направленіи кончикъ хвоста, который обыкновенно лежитъ на поверхности воды. Онъ подвигается впередъ при помощи одновременныхъ, рѣже поперебѣнныхъ толчковъ заднихъ ногъ, хвостъ служитъ ему вмѣсто руля, причемъ онъ однако никогда не ставитъ его вертикально, а всегда повертываетъ его нѣсколько вкось и иногда производитъ имъ сильныя толчки въ соответствующемъ направленіи; переднія ноги не принимаютъ участія при плаваніи. Быстро ныряя, бобръ опускается впередъ, сильно отталкивается кверху своими веслообразными, покрытыми широкой плазвательной перепонкой задними ногами, ударяетъ въ то-же время, иногда съ громкимъ шумомъ, хвостомъ по поверхности воды и быстро погружается почти въ отвѣсномъ направленіи. Подъ водою онъ можетъ пребыть около двухъ минутъ, пока потребность въ воздухѣ не заставитъ его снова вынырнуть на поверхность.

Голосъ бобра представляетъ собою слабый звукъ, который вѣрнѣе всего можно было-бы назвать стономъ; его слышишь каждый разъ, когда животное бываетъ взволновано, и скоро начинаешь также понимать различныя значенія издаваемыхъ звуковъ, такъ какъ сила и интонація ихъ представляютъ для этого достаточно данныхъ. Изъ пяти чувствъ слухъ и обоняніе занимаютъ, повидимому, первое мѣсто; маленькіе глаза имѣютъ довольно тусклый видъ, однако зрѣніе развито такъ-же хорошо, какъ и вкусъ; также нельзя отрицать у этого животного присутствія осязанія. Относительно степени понятливости бобра можно быть различнаго мнѣнія; столько, однако, нужно признать, что въ ряду другихъ членовъ своего отряда онъ занимаетъ высокое мѣсто. Лучше всякаго другаго животного изъ отряда грызуновъ онъ приравливается къ измѣнившимся условіямъ и научается извлекать изъ нихъ всевозможныя выгоды, и также болѣе, чѣмъ который-нибудь изъ его родичей, онъ обдумываетъ какое-нибудь дѣло, прежде чѣмъ приступить къ нему, разсуждаетъ и выводитъ заключенія. Его постройки выведены не искуснѣе, чѣмъ у другихъ грызуновъ, но, строя ихъ, онъ всегда вѣрно соображается съ условіями мѣстности; всякія поврежденія въ нихъ онъ исправляетъ обдуманно. «Что бобръ долженъ быть мыслящимъ животнымъ и почти разумно берется за дѣло», говорится въ одномъ докладѣ Виттингауерскаго лѣсного управленія. «потверждается наблюденнымъ здѣсь фактомъ. Ручей, въ которомъ живутъ бобры, протекаетъ черезъ прудъ, изъ котораго по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ спускаютъ воду для того, чтобы выловить всю рыбу; такимъ образомъ прудъ на нѣсколько дней остается сухимъ. Во время послѣдняго спуска воды предпринятаго для ловли рыбы, случилось, что бобръ при наступившей убыли воды донесался причины этой убыли и, найдя, что вода вытекаетъ черезъ продѣланную канаву, запрудилъ ее тростникомъ и иломъ, такъ что черезъ нее не могло проникнуть ни капли воды. Такимъ способомъ онъ хотѣлъ сохранить для себя воду. Стоило не малыхъ трудовъ устранить эту плотину». Принимая во вни-

маніе такого рода фактъ, никто, конечно, не станетъ отрицать того, что бобръ разсуждаетъ, обдумываетъ и дѣйствуетъ разумно. Объ умственныхъ способностяхъ живущихъ на Эльбѣ бобровъ судятъ различно; есть люди, которые говорятъ, что они прямо-таки глупы, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда находятся внѣ воды. Главный лѣсничій Пашке, напротивъ, пишетъ намъ: «Я не согласенъ съ тѣмъ, что бобръ на сушѣ животное довольно глупое, а скорѣе склоненъ думать, что такого рода мнѣніе о немъ установилось лишь благодаря неловкости его движеній на сушѣ. Онъ и на сушѣ умѣетъ очень хитро уйти отъ своихъ преслѣдователей». Лучше всего можно наблюдать бобровъ во время высокой воды, такъ какъ они сидятъ тогда на своихъ постройкахъ, еще чаще на утолщенныхъ верхушкахъ ивъ, нависшихъ надъ водою, стволахъ и поросшихъ кустарникомъ берегахъ; при обыкновенномъ стояніи воды они бываютъ видны рѣже и сидятъ тогда на береговыхъ плотинахъ и въ ивовыхъ заросляхъ. Въ послѣднихъ они сидятъ иногда такъ явно, что даже охотничьи собаки дѣлаютъ надъ ними стойку. Собака лѣсничаго Гантцера прыгнула однажды въ воду за бобромъ и стала въ ней плавать; вынырнувъ на поверхность, бобръ принялъ ее, вѣроятно, за себѣ подобнаго, такъ какъ спокойно подплылъ къ ней, и только тогда, когда приблизился къ собакѣ настолько, что почти касался ея, и та хотѣла его схватить, онъ въ испугѣ ушелъ въ глубину. Однако тотчасъ-же снизу такъ сильно укусилъ своего противника, что выхватилъ ему цѣлый кусокъ мяса; собака послѣдно направилась къ берегу и хромала вслѣдствіе этого долгое время.

По отношенію къ другимъ звѣрямъ бобръ, живущій въ плѣну, держитъ себя непривѣтливо, по отношенію къ человѣку ведетъ себя по меньшей мѣрѣ сдержанно; но онъ скоро привыкаетъ къ тягостному ему вначалѣ сосѣдству и подчиняется владычеству своего хозяина, не терпя, однако, никакихъ несправедливостей. Бобры, съ которыми обращаются хорошо, въ концѣ концовъ не имѣютъ ничего противъ того, чтобы ихъ ласкали, идутъ даже къ своему сторожу и прямо-таки здороваются съ нимъ, но оказываютъ сопротивленіе всякому насилію, причемъ выгибаютъ спину, скалятъ зубы и также нападаютъ, если нужно. Бобры, живущіе въ зоологическомъ саду, скоро поняли, что женщины и дѣти обладаютъ мягкимъ сердцемъ и потому, когда мимо клетки ихъ проходятъ женщины и дѣти, то они не только появляются передъ своей постройкой ранѣе обыкновеннаго, но также, сидя или стоя на заднихъ лапахъ, просятъ у нихъ яблоковъ, орѣховъ, сахара и хлѣба, ловко берутъ эти предметы лапами и начинаютъ ѣсть ихъ, причемъ того, кто ихъ обманываетъ, показывая пустую руку, или того, кто ихъ дразнить, они бьютъ по пальцамъ лапами.

Бобры, пойманные въ молодости, могутъ сдѣлаться очень ручными. Писатели, повѣствующіе про Америку, разсказываютъ про бобровъ, которыхъ они находили до извѣстной степени прирученными въ индѣйскихъ деревушкахъ, или которыхъ приручали сами. «Въ этихъ деревняхъ», говоритъ Ла-Гюнтанъ, «я видѣлъ замѣчательныхъ, ручныхъ, какъ собакъ, бобровъ въ ручьѣ и въ изгородяхъ, гдѣ они бѣгали безпрятственно. Они иногда въ продолженіи цѣлаго года не ходятъ въ воду, хотя и не принадлежатъ къ такъ называемымъ сухопутнымъ бобрамъ, которые ходятъ къ ручью лишь затѣмъ, чтобы напиться и которыхъ, по мнѣнію дикихъ, другіе бобры прогнали отъ себя за ихъ лѣность. Гирнъ такъ приручилъ нѣсколькихъ бобровъ, что тѣ шли на зовъ, бѣгали за нимъ, какъ собаки, и радовались, когда ихъ ласкали. Въ обществѣ индѣйскихъ женщинъ и дѣтей они чувствовали себя, повидимому, очень хорошо, выказывали безпечность, когда тѣ долго отсутствовали, и радовались, когда онѣ возвращались снова, влѣзали

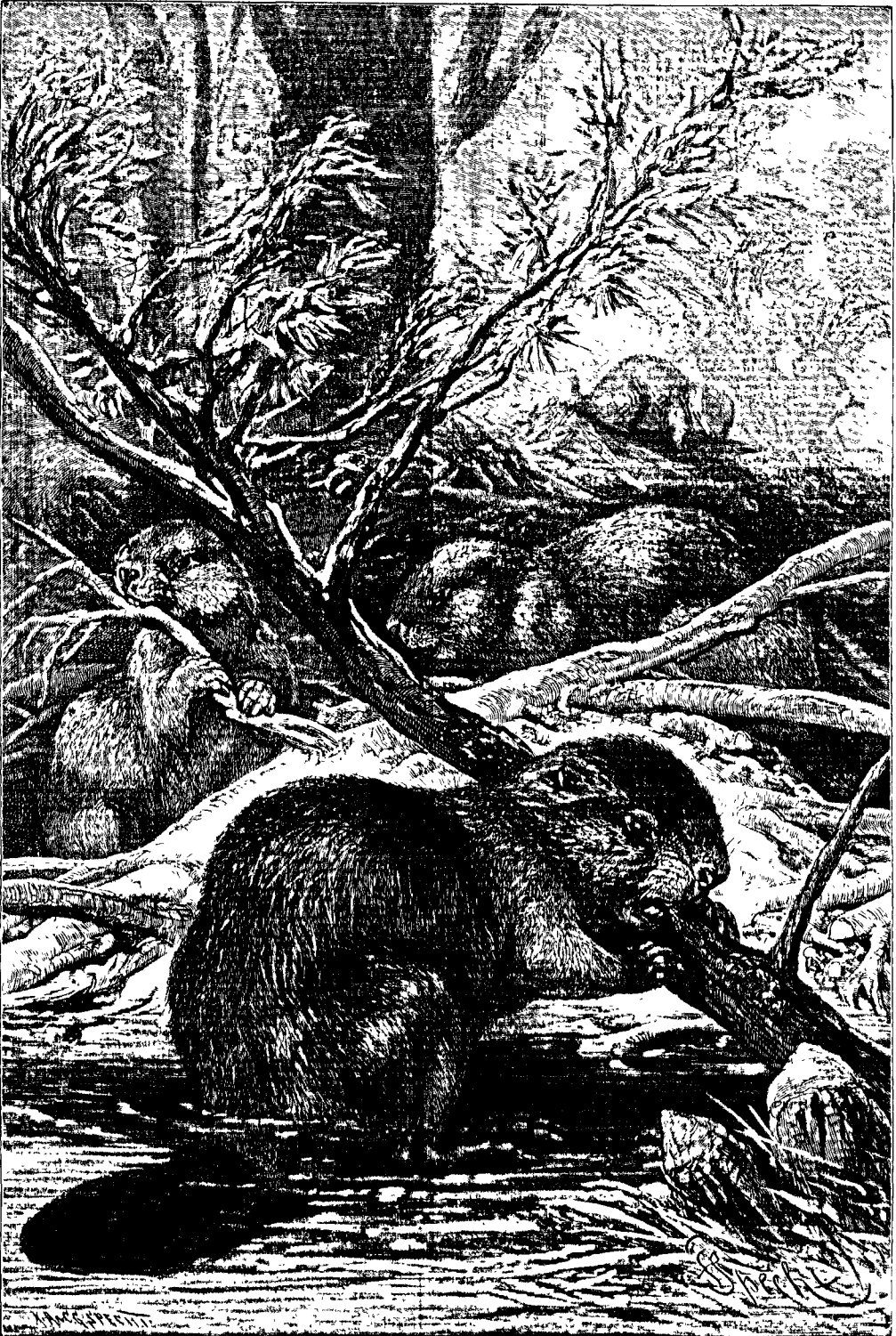
къ нимъ на колѣни, ложились на спину, становились на заднія лапы, словомъ, вели себя почти какъ собаки, желающія выразить свою радость, когда господа ихъ отлучались на продолжительное время. Въ комнатѣ они были очень чистоплотны и для испражненія ходили всегда въ воду, а зимою на ледъ. Они питались тѣмъ, что ѣли люди, и въ особенности любили ѣсть рисовый каравай съ изюмомъ, но въ то же время ѣли также рыбу и мясо, хотя подобнаго рода пища и казалась имъ, можетъ быть, столь же неестественной, какъ лошадямъ и баранамъ, которыхъ въ болѣе сѣверныхъ странахъ Америки и Европы вѣдь также кормятъ рыбными головами и другими животными веществами. Клейнъ также приручилъ одного бобра до того, что тотъ бѣгалъ за нимъ какъ собака и отыскивалъ его, когда онъ былъ въ отсутствіи. Бюффонъ получилъ одного бобра изъ Канады и держалъ его у себя, въ совершенно сухомъ мѣстѣ, въ продолженіи многихъ лѣтъ. Послѣдній, правда, не былъ привязанъ ни къ кому, но былъ кротокъ и позволялъ брать себя на руки и носить. Сидя за столомъ, онъ слабымъ, жалобнымъ звукомъ и маханіемъ лапы просилъ, чтобы ему также дали что-нибудь поѣсть, однако уносилъ полученное и съѣдалъ его въ укромномъ мѣстѣ. Принцъ фонъ-Видъ нашелъ въ фортѣ Уніонъ бобра, «величиной съ двухгодовалую свинью, но слѣпого». Онъ ходилъ по всему дому и къ знакомымъ лицамъ относился очень довѣрчиво, всѣхъ-же незнакомыхъ ему людей пытался укусить.

Смотря по мѣсту жительства бобра, время размноженія его происходитъ въ различные мѣсяцы. Нѣкоторые считаютъ, что течка бываетъ въ началѣ зимы, другіе — въ февралѣ или мартѣ. Въ этомъ случаѣ, говорятъ, играетъ нѣкоторую роль бобровая струя и служитъ для приманиванія другихъ бобровъ. Одюбонъ узналъ отъ одного охотника, что бобръ на извѣстномъ мѣстѣ выпускаетъ содержимое изъ своихъ мѣшковъ съ бобровой струей, что вслѣдствіе этого на то-же мѣсто приманивается другой, который покрываетъ выпущенную бобровую струю землею и на нее въ свою очередь выпускаетъ свою и такъ далѣе, такъ что часто образуются высокіе холмы, сильно пахнущіе бобровой струей. Самецъ и самка, какъ то много разъ наблюдали на плѣнныхъ бобрахъ, относятся другъ къ другу очень нѣжно, садятся одинъ возлѣ другого, буквально обнимаютъ другъ друга и покачиваются верхней частью тѣла взадъ и впередъ. По Эймуту, который, въ качествѣ начальника канцеляріи Шварценбергскаго княжества, могъ наблюдать бобровъ, содержащихся въ продолженіи многихъ лѣтъ въ Ротенгофѣ, оплодотвореніе у нихъ совершается въ стоячемъ положеніи, причемъ самецъ обнимаетъ самку вышеописаннымъ образомъ; однако часто совершается также въ водѣ. Эксингеръ изображаетъ это дѣло нѣсколько иначе. «Послѣ того какъ самецъ быстро послѣдовалъ за самкой въ воду и погонялся за нею нѣкоторое время частью на поверхности воды, частью подъ водою, оба вдругъ, повернувшись другъ къ другу лицомъ, приподнимаются въ вертикальномъ положеніи на половину надъ поверхностью воды, причемъ удерживаются въ водѣ съ помощью заднихъ ногъ и горизонтально вытянутого впередъ плоскаго хвоста; затѣмъ они ныряютъ и плывутъ къ берегу, самка бросается на спину, а самецъ ложится на нее, такъ что животы обоихъ животныхъ взаимно покрываютъ другъ друга. При этомъ они также не падаютъ самыхъ нѣжныхъ ласкъ; затѣмъ оба снова спускаются въ воду, ныряютъ, выходятъ на берегъ на другой сторонѣ рѣки, отряхиваютъ съ себя воду и тщательно чистятся». Послѣ нѣсколькихъ недѣль беременности самка мечетъ въ своемъ сухомъ жилищѣ 2—3 покрытыхъ волосами, но еще слѣпыхъ дѣтенышей; черезъ 8 дней они открываютъ глаза, и уже тогда, а также иногда только на 10 день, мать ведетъ своихъ дѣтенышей съ собою въ воду. Эймутъ указываетъ на апрѣль и май, какъ на время рожденія дѣтенышей; самыя поздніе роды были

10-го іюля. Воспитавшіеся въ Ротенгофѣ молодые бобры нерѣдко уже въ сентябрѣ дрались со старыми и ихъ вынуждены были рассадить попарно; лишь въ исключительныхъ случаяхъ можно было оставлять дѣтенышей при родителяхъ до втораго года.

Въ настоящее время за исключеніемъ князя Шварценберга, выставившаго на Вѣнской всемірной выставкѣ пару бобровъ, разведеніемъ бобровъ никто не занимается, хотя это дѣло настолько-же привлекательно, насколько прибыльно, а также не представляетъ особыхъ затрудненій, какъ это видно изъ наблюденій, собранныхъ въ имѣніяхъ вышеназваннаго князя. Пара бобровъ, которыхъ въ 1773 году поселили въ Ротенгофѣ, уже 6 лѣтъ спустя увеличилась въ числѣ до 14 штукъ, а спустя 10 лѣтъ—до 25 штукъ; послѣ этого, однако, разведеніе ихъ было ограничено, такъ какъ бобровъ было приказано переселить на волю, и они стали причинять здѣсь много вреда. Въ Нимфенбургѣ, въ Баваріи, также содержались бобры, причемъ оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ выдерживаютъ около 50 лѣтъ неволи.

Кромѣ человѣка у бобра, живущаго на волѣ, мало враговъ. Благодаря своей осторожности, онъ часто также благополучно уходитъ даже отъ преслѣдованій ловакаго охотника. Когда его побезпокоятъ, онъ при малѣйшей опасности старается уйти въ воду, гдѣ чувствуетъ себя болѣе или менѣе въ безопасности. Сѣверо-американскіе траншеры утверждаютъ, что тамъ, гдѣ бобры живутъ во множествѣ, они выставляютъ караульныхъ, которые будто-бы, громко хлопая хвостомъ по поверхности воды, предупреждаютъ остальныхъ о приближающейся опасности. Это показаніе нужно понимать такъ, что въ обществѣ осторожныхъ животныхъ многія скорѣе могутъ усмотрѣть врага, чѣмъ одно, и такимъ образомъ каждый членъ колоніи становится сторожемъ. Такъ какъ шумъ, производимый хлопаньемъ хвоста по водѣ, происходитъ только тогда, когда бобръ быстро ныряетъ въ глубину, а это бываетъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ думаетъ, что замѣтилъ опасность, то все, конечно, обращаютъ вниманіе на этотъ шумъ, слышимый на далекое разстояніе, и исчезаютъ, какъ только слышатъ его, съ поверхности воды. Впрочемъ, въ населенныхъ мѣстностяхъ, какъ показываетъ опытъ, бобру не помогаетъ даже величайшая осторожность; настойчивый охотникъ все-таки умѣетъ обмануть его, а при большой цѣнности добычи охота на бобра слишкомъ выгодна для того, чтобы его не стали истреблять даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ находится подъ защитой строгихъ охотничьихъ законовъ. Архіепископъ Іоганнъ Эрнстъ Зальдбургскій за убіеніе бобра въ прошломъ столѣтіи сослалъ на галеры, а бобровъ его все-таки стрѣляли. Такъ дѣлается вездѣ. То небольшое количество бобровъ, которое еще населяетъ Европу, съ году на годъ уменьшается и навѣрно раздѣлитъ участь своихъ собратьевъ. Въ Америкѣ на бобра охотятся главнымъ образомъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но кромѣ того ловятъ его въ различнаго рода канканы. Охота съ ружьемъ на бобра скучна и ненадежна; канканы, на которые кладутъ въ видѣ приманки свѣжія вѣтви, или намазываютъ бобровой струей, болѣе прибыльны. Зимой прорубаютъ во льду отверстія и убиваютъ бобровъ, когда они приближаются туда, чтобы подышать воздухомъ. Поступаютъ также слѣдующимъ образомъ: часть рѣки или ручья по близости отъ жилища бобровъ очищаютъ отъ льда, протягиваютъ надъ этимъ мѣстомъ крѣпкую сѣть, разламываютъ постройки и гонятъ въ сѣть испуганныхъ животныхъ. Благоразумные охотники всегда оставляютъ нѣсколько бобровъ и довольствуются извѣстнымъ числомъ ихъ; но въ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣсколько племенъ раздѣляютъ между собой одну область, каждый убиваетъ столько бобровъ, сколько можетъ. Изъ-за этой охоты между различными племенами часто возникаютъ ссоры, которыя иногда оканчиваются кровавыми распрями и стоятъ многихъ жертвъ съ обѣихъ сторонъ.

БОБРЪ.

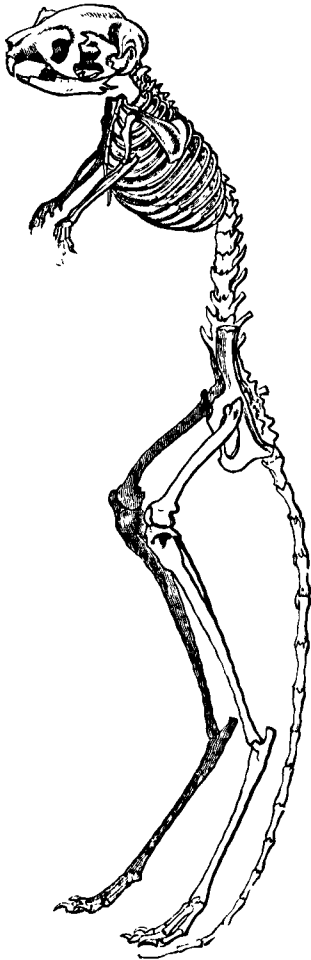
Польза, которую доставляет бобръ, почти сглаживаетъ приносимый имъ вредъ. Слѣдуетъ держаться того мнѣнія, что онъ живетъ преимущественно въ не населенныхъ мѣстностяхъ и охотѣе всего срѣзаетъ тонкіе стволы тѣхъ родовъ деревьевъ, которые быстро вырастаютъ снова. За-то онъ своимъ мѣхомъ и мясомъ, а еще болѣе бобровой струей очень богато оплачиваетъ не только причиненный имъ вредъ, но также и всѣ труды и невзгоды охоты. По Ломеру, изъ Америки привозитъ въ Европу ежегодно и продаютъ около 150,000 шкуръ, стоящихъ около 3 милліоновъ марокъ; за одну шкуру платятъ 20 — 60 марокъ, смотря по ея достоинству. Въ Россіи мѣха эти извѣстны подъ названіемъ нѣмецкаго бобра.

Ихъ ощипываютъ, прежде чѣмъ пустить въ дѣло, т. е. вырываютъ всѣ жесткіе волосы ости и оставляютъ одинъ подшерстокъ, или, по крайней мѣрѣ, коротко обстригаютъ верхніе волосы; на войлочные шляпы перерабатывается лишь шерсть самыхъ дурныхъ и попорченныхъ шкуръ. Двадцать лѣтъ тому назадъ за одинъ лоть бобровой струи платили 1 гульденъ, въ настоящее время 10 граммовъ самой лучшей, а именно сибирской бобровой струи стоитъ 2,6 марокъ, канадской-же лишь половину этой цѣны. По Шлейхлю, мѣшки съ бобровой струей цѣнили круглымъ счетомъ въ 180 гульденовъ, однако случалось, что за бобра платили и вдвое дороже. Мясо считается особенно хорошимъ тогда, когда бобръ питался кувшинками (*Nymphaea alba*); на хвостъ бобра смотрятъ какъ на превосходное лакомое блюдо, за которое въ прежнія времена платили весьма значительную сумму въ 6 гульденовъ. Такъ какъ бобра считали за рыбоподобное животное и потому думали, что его можно ѣсть во время поста, то въ католическихъ странахъ за бобровое жаркое платили очень хорошую цѣну. Отъ тѣхъ многочисленныхъ примѣненій, которыя дѣлались изъ тѣла бобра, мало-по-малу отстали, хотя севѣрѣе все еще играетъ нѣкоторую роль. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жиромъ и кровью бобра пользуются въ качествѣ цѣлебныхъ средствъ; въ Сибири женщины употребляютъ кости его какъ предохранительное средство противъ ножной боли, зубы носятъ въ видѣ ожерелья, облегчающаго дѣтямъ прорѣзываніе зубовъ и унимающаго зубную боль и т. д.

У дикарей Америки бобръ пользуется очень большимъ почетомъ. Они считаютъ его столь-же разумнымъ, какъ и человѣка, и утверждаютъ, что это превосходное животное безусловно должно обладать бессмертною душою; о другихъ сказкахъ мы уже не упоминаемъ.

Тушканчиковыя (*Dipodidae*. Springnager. Gerboises) по строенію своего тѣла живо напоминаютъ кенгуру. У нихъ ясно видна та-же непропорціональность тѣла, какъ и у кенгуру. Задняя часть тѣла гораздо сильнѣе, и заднія ноги длиннѣе переднихъ раза въ три; хвостъ относительно также длиненъ, но на самомъ концѣ обыкновенно раздѣленъ на двѣ кисточки. Существенное-же отличіе тушканчиковъ отъ кенгуру заключается въ ихъ головѣ. Она очень толста и снабжена относительно болѣе длинными усами, чѣмъ у всѣхъ другихъ млекопитающихъ; усы эти часто достигаютъ длины самого тѣла. Большіе глаза указываютъ на ночной образъ жизни, но такъ живы и прелестны, какъ у немногихъ другихъ ночныхъ животныхъ; средней величины, прямо стоящія, ложкообразныя уши длиною бываютъ отъ одной трети, до величины цѣлой головы. Они указываютъ на то, что слухъ развитъ не хуже зрѣнія. Шея очень толста и неподвижна, само туловище стройно. На маленькихъ переднихъ лапкахъ находится обыкновенно по 5 пальцевъ, на заднихъ по 3, иногда съ 1 или 2-мя неразвитыми пальцами. Мѣхъ густой и мягкій, у различныхъ видовъ и родовъ очень схожій, именно окрашенный подъ цвѣтъ песка. Внутреннее строеніе тѣла тоже имѣетъ нѣкоторыя рѣзкія особенности. Устройство зубной системы не представляетъ

ничего особеннаго. Рѣзцы у нѣкоторыхъ гладки, у другихъ съ бороздками, число коренныхъ зубовъ колеблется отъ 3—4 въ каждомъ ряду; въ верхней челюсти встрѣчается также недоразвитый зубъ впереди 3-хъ собственно коренныхъ зубовъ. Черепъ характеризуется широкой мозговой коробкой и огромными слуховыми пузырями. Шейные позвонки, за исключеніемъ атланта, срастаются часто въ одну кость. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 11—12 спинныхъ позвонковъ, 7—8 поясничныхъ и 3—4 крестцовыхъ; число хвостовыхъ позвонковъ доходить до 30. На плюснѣ различныя другъ возлѣ друга расположенныя косточки сливаются въ одну, на концѣ которой расположены суставныя головки для отдѣльныхъ пальцевъ.

Скелетъ тушканчика

Тушканчики обитаютъ преимущественно въ Африкѣ и Азіи, но нѣкоторые роды переходятъ и въ южную Европу, а одинъ видъ живетъ въ Сѣверной Америкѣ. Они—жители сухихъ, открытыхъ равнинъ, травянистыхъ степей и песчаныхъ пустынь; что они настоящія животныя пустыни, можно тотчасъ заключить по ихъ окраскѣ. Они живутъ на глинистой или песочной почвѣ, въ долинахъ, рѣже на возвышенностяхъ или по окраинамъ густо заросшихъ кустарникомъ луговъ и вблизи полей, и сами выкапываютъ тамъ себѣ жилища въ видѣ подземныхъ норъ со множествомъ развѣтвляющихся, но большею частью очень неглубокихъ ходовъ, всегда открывающихся большимъ количествомъ выходовъ. Скрываясь въ продолженіи дня въ своихъ жилищахъ, они появляются съ закатомъ солнца на поверхность земли и начинаютъ свою веселую жизнь. Пища ихъ состоитъ изъ корней, луковицъ, клубней, нѣкоторыхъ зеренъ и сѣмянъ, плодовъ, листьевъ, травы и злаковъ. Нѣкоторые ѣдятъ также насекомыхъ и даже маленькихъ птичекъ, бросаются также на падаль и при случаѣ пожираютъ другъ друга. Пищу принимаютъ они въ полувертикальномъ положеніи, опершись на заднюю часть туловища и хвостъ, поднося пищу ко рту передними лапками.

Ихъ движенія весьма своеобразны. Спокойная походка ихъ отличается отъ походки кенгуру тѣмъ, что они быстро переставляютъ одну ногу передъ другою; но при скоромъ бѣгѣ подвигаются прыжками, высоко подсакивая на сильныхъ заднихъ ногахъ, а своимъ раздвоеннымъ хвостомъ они измѣняютъ направленіе прыжка и удерживаютъ равновѣсіе тѣла. При этомъ переднія ноги они или прижимаютъ къ подбородку, или, подобно быстро-бѣгущему человѣку, скрещиваютъ ихъ на груди; тогда дѣйствительно кажется, будто они имѣютъ только двѣ ноги. Больше крупныя виды могутъ дѣлать огромныя скачки; вообще про всѣхъ можно сказать, что длина производимыхъ ими прыжковъ въ 20 разъ превосходитъ длину ихъ тѣла. Одинъ прыжокъ слѣдуетъ непосредственно за другимъ, и на полномъ скаку видны только какой-то желтый предметъ, который широкою дугою, какъ стрѣла, разсѣкаетъ воздухъ. Съ такимъ-же проворствомъ роются они въ землѣ, несмотря на слабость переднихъ ногъ, которыя главнымъ образомъ должны исполнять эту

работу. Когда они пасутся, то, какъ и кэнгуру, двигаются на четырехъ ногахъ, однако очень медленно и всегда только короткое время. Сидя, они опираются на ступни заднихъ ногъ.

Всѣ породы обладаютъ сильно развитыми вѣшними чувствами. въ особенности отличаются тонкимъ слухомъ и дальновзоркостью, могутъ поэтому весьма легко избѣгать всякой грозящей имъ опасности. Крайне боязливые, робкіе и быстрые, тушканчики при малѣйшемъ безпокойствѣ съ возможно большею быстротой стараются спастись въ свои норы, а если послѣднее имъ невозможно, обращаются съ немомвѣрной скоростью въ бѣгство. Самый крупный видъ защищается въ крайней опасности, подобно кэнгуру, задними ногами, меньшія породы, напротивъ, когда ихъ хватаютъ, никогда не пускаютъ въ ходъ своего природнаго оружія. Голосъ ихъ представляетъ собою родъ визга, который похожъ на крикъ молодыхъ котятъ; у иныхъ-же онъ походить на глухое хрюканье. Но отъ нихъ вообще только рѣдко можно услышать звукъ. При пониженіи температуры они впадаютъ въ зимнюю спячку или, по крайней мѣрѣ, оконечиваютъ хоть на короткое время, но не заготавливаютъ запасовъ на зиму, какъ другіе грызуны.

Пойманные тушканчики весьма пріятные и милые сожители человѣка: своимъ добродушіемъ, кротостью и беззаботностью они могутъ снискать себѣ чью угодно любовь. Почти всѣ виды ихъ совершенно безвредны. Степь и пустыня доставляютъ имъ такъ много пищи, что они не имѣютъ нужды расхищать имущества людей. Одинъ видъ ихъ, хотя и посѣщаетъ плантаціи и поля и причиняетъ вредъ, однако онъ вознаграждается ихъ вкуснымъ мясомъ и шкуркою.

* * *

Сѣверо-американскій прыгунчикъ (*Jaculus hudsonius*, *J. americanus* и *labradorius*, *Dipus hudsonius*, *canadensis* и *americanus*, *Mus labradorius* и *longipes*, *Gerbillus labradorius*, *Meriones hudsonius*, *labradorius*, *microcephalus*, *academicus*. Hüpfmaus. Merione du Canada), изъ Сѣверной Америки, представитель отдѣльнаго рода и подсемейства (*Jaculinae*), можетъ быть поставленъ первымъ въ ряду этихъ животныхъ. По строенію тѣла онъ примыкаетъ къ тушканчикамъ Стараго Свѣта, а по формѣ и способу обростанія волосами хвоста напоминаетъ также и мышей. По величинѣ онъ равняется приблизительно лѣсной мышѣ; длина тѣла около 8 см., а длина хвоста около 13 см. Зубная система состоитъ изъ 18 зубовъ, такъ-какъ въ верхней челюсти находится съ каждой стороны по 4, а въ нижней по 3 коренныхъ зуба, верхніе рѣзцы снабжены продольной бороздкой; изъ верхнихъ коренныхъ передній снабженъ однимъ только корнемъ и очень малъ, а остальные спереди назадъ уменьшаются въ длинѣ. Тѣло вытянуто, сзади нѣсколько толще, шея умѣренно длинная и толстая, голова длинная и узкая, рыльце средней длины и заострено, ротъ малъ и отодвинутъ назадъ; средней величины уши яйцеобразной формы, высоки, узки и на концѣ закруглены; глаза довольно малы; усы умѣренные и не длиннѣ головы. Короткія, тонкія, переднія лапы имѣютъ 4 пальца и одинъ большой палецъ въ видѣ бородавки; относительно тонкія, съ голыми подошвами заднія ноги почти въ три раза длиннѣ переднихъ, за то снабжены 5-ю пальцами, изъ которыхъ два наружныхъ значительно короче трехъ среднихъ. Всѣ пальцы, за исключеніемъ неразвитыхъ большихъ пальцевъ на переднихъ ногахъ, снабженныхъ плоскими ногами, вооружены короткими, кривыми, узкими и сжатými когтями. Очень длинный, круглый хвостъ, тонкій уже у корня, все болѣе утончается и оканчивается острымъ кончикомъ; кожа на немъ кольчатая и покрыта чешуйками и лишъ скудно усыяна рѣдкими волосами. Гладкая, плотно прилегающая шерсть на спинѣ

печеночно-бураго цвѣта съ примѣсью темно-рыжаго, по бокамъ желто-бураго цвѣта со слабыми черными крапинками, а снизу бѣлаго цвѣта. Иногда желто-бурая окраска боковъ занимаетъ столько-же мѣста, какъ и окраска спины; напротивъ, въ зимнемъ одѣяніи она совершенно вытѣсняется, и темно-бурымъ цвѣтъ спины простирается до брюха. Уши черныя или желтыя, окружность рта бѣлая, заднія ноги покрыты въ верхней своей части сѣрватою, переднія—бѣловатою шерстью.

Родиною этого прыгунчика служить самый сѣверъ Америки. Онъ встрѣчается отъ Миссури до Лабрадора по всей мѣховой области и отъ береговъ Атлантическаго до береговъ Тихаго океановъ. Здѣсь живетъ онъ по краямъ луговъ, густо заросшихъ кустарникомъ, вблизи лѣсовъ, скрываясь въ продолженіи дня и по ночамъ блуждая цѣлыми обществами. Ихъ норы бываютъ глубиною около 50 ст., а въ болѣе холодное время года онѣ еще глубже. Передъ наступленіемъ зимы онъ строитъ себѣ пустой шаръ изъ глины, свертывается въ немъ клубкомъ, обвиваетъ хвостъ вокругъ тѣла и лежитъ тамъ въ полномъ оцѣпенѣніи вплоть до наступленія весны. Рассказываютъ, что одинъ садовникъ, разрыхляя въ мартѣ мѣсяцѣ землю, нашелъ комокъ земли, величиною съ большой ножной мячъ (Football), который своею правильною формою возбудилъ его удивленіе. Разбивъ его заступомъ на-двое, онъ нашелъ тамъ маленькое животное, свернутое въ клубокъ, точь въ точь какъ цыпленокъ въ яйцѣ. Это былъ нашъ прыгунчикъ, устроившій себѣ въ немъ убѣжище на зиму. Лѣтомъ онъ становится очень проворнымъ и прыгаетъ необыкновенно ловко и быстро на заднихъ ногахъ. Дэвисъ разъ цѣлый часъ гнался за однимъ прыгунчикомъ около Квебека, хотя три человѣка помогали ему въ этой охотѣ. Онъ дѣлалъ скачки въ 1—1,5 метра и тогда только далъ поймать себя, когда совсѣмъ истомился и обезсилѣлъ. Въ лѣсу невозможно поймать это животное. Оно съ легкостью перескакиваетъ черезъ низкіе кусты, черезъ которые человѣкъ не такъ легко можетъ перепрыгнуть, и умѣетъ всегда отыскать себѣ безопасное мѣстечко. Одюбонъ сомнѣвается въ томъ, существуетъ-ли еще какое-нибудь млекопитающее, могущее сравняться съ нимъ въ ловкости.

По словамъ этого послѣдняго изслѣдователя, можно безъ труда содержать въ неволѣ этого красиваго звѣрка. «Я имѣлъ у себя», говоритъ онъ, «одну самку съ весны до осени. Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ она была посажена въ клѣтку, она родила двухъ дѣтенышей, которые великолѣпно развивались и къ осени были уже почти такой-же величины какъ мать. Въ ихъ клѣтку мы насыпали земли въ 1 футъ вышиною; въ ней они вырыли себѣ жилище съ двумя выходами. Обыкновенно они держали себя молчаливо; но когда мы впускали къ нимъ въ клѣтку мышъ, то они громко вскрикивали, какъ испуганные птенцы, и вообще были очень боязливыми. Днемъ никогда нельзя было видѣть ихъ внѣ ихъ жилища, но ночью они очень шумѣли въ клѣткѣ. Все, что-бы мы ни клали имъ въ клѣтку, на слѣдующее утро исчезало и утаскивалось въ норку. Они ѣли пшеницу, мансъ и охотнѣе всего грѣчиху. Если они заполняли этими запасами одно отдѣленіе ихъ помѣщенія, то тотчасъ выкапывали себѣ новое. Они убѣжали благодаря несчастной случайности».

Относительно времени случки и размноженія Одюбонъ рассказываетъ, что онъ находилъ дѣтенышей во все лѣтніе мѣсяцы, обыкновенно по три въ одномъ гнѣздѣ, построенномъ изъ тонкой травы и выложенномъ перьями, волосами и шерстью. Онъ повторяетъ маловѣроятныя указанія старинныхъ изслѣдователей, что дѣтеныши присасываются къ сосцамъ матери, которая ихъ повсюду носить съ собою. Главными врагами прыгунчика являются различныя хищныя животныя сѣвера, въ особен-

ности совы. Индѣйцы, кажется, не ѣдятъ ихъ мяса и не употребляютъ въ дѣло ихъ шкурокъ.

* *
*

Относительно **Настоящихъ тушканчиковъ** (Dipodinae), составляющихъ другое подсемейство, мы имѣемъ гораздо болѣе данныхъ. Мы разсматриваемъ ихъ какъ типическихъ представителей этого семейства, ибо они обладаютъ всеми отличительными свойствами его въ совершенной полнотѣ. Гассельквистъ справедливо замѣчаетъ, что они кажутся какъ-бы составленными изъ частей различныхъ животныхъ. «Можно сказать, что этотъ маленький звѣрекъ имѣетъ голову зайца, усы бѣлки, рыло свиньи, туловище и переднія ноги мыши, заднія ноги птицы, хвостъ какъ у льва». Прежде всего бросается въ глаза голова: по ней тотчасъ безошибочно можно опредѣлить, что тушканчики обитатели пустыни. Для всѣхъ органовъ чувствъ находится здѣсь достаточно мѣста. Ушные раковины велики и кожисты или покрыты только необыкновенно рѣдкими волосками; глаза большіе, живые и кроткіе, какъ у многихъ другихъ ночныхъ звѣрей пустыни, ноздри широкія, а чтобы надлежащимъ образомъ было выражено также чувство осязанія—съ обѣихъ сторонъ головы торчатъ чудовищной величины усы. Шея необыкновенно коротка и мало подвижна, хвостъ, напротивъ, очень длинень, болѣею частью немножко, но иногда гораздо длиннѣе туловища, наверху кругомъ покрытъ волосами, внизу-же болѣею частью снабженъ двойною щеткою, состоящею изъ жесткихъ волосъ, попеременно окрашенныхъ въ различные цвѣта, что придаетъ хвосту большое сходство со стрѣлой. Очень укороченныя переднія ноги, которыя при прыганьи такъ прижимаются къ туловищу и частью скрываются въ мѣхъ, что старое названіе «двуножки» совершенно подходитъ къ этому животному. имѣютъ только 4 пальца съ не очень большими, скривленными и острыми когтями, и одинъ, снабженный ногтемъ, или безъ него, неразвитый большой палецъ. Заднія ноги почти въ шесть разъ длиннѣе переднихъ и именно потому, что голень и плюсна одинаково вытянуты. Послѣдняя обыкновенно одиночная, тогда какъ другіе, похожіе на тушканчиковъ грызуны имѣютъ столько-же плюсневыхъ костей, сколько пальцевъ. Снизу къ этой длинной кости прикрѣплены три пальца, изъ нихъ средній нѣсколько длиннѣе боковыхъ. Каждый палецъ имѣетъ одинъ шилообразный коготь, стоящій подъ прямымъ угломъ къ ногтевому суставу и потому не мѣшающій вовсе при прыжкѣ. Жесткіе, щетинообразные волоса, которые книзу становятся все длиннѣе, одѣваютъ пальцы. Мѣхъ мягокъ, шелковистъ; на спинѣ волосы у основанія голубовато-сѣрые, въ серединѣ песочнаго цвѣта, а на концахъ чернаго или темно-коричневаго цвѣта; нижняя часть тѣла всегда бѣлаго цвѣта съ продольными полосками по бокамъ. Корень хвоста покрытъ также бѣлыми волосами, затѣмъ слѣдуетъ болѣе темная окраска и кончикъ хвоста опять бѣлаго цвѣта.

Съ этою внѣшнею формою тѣла находится въ полнѣйшемъ соответствіи внутреннее строеніе его. Зубная система состоитъ изъ 16 или 18 зубовъ, причѣмъ въ верхней челюсти по 3 или 4, а въ нижней всегда по 3 коренныхъ зуба; рѣзцы бываютъ то гладкіе, то съ бороздками. На коренныхъ зубахъ замѣчаются различнымъ образомъ извитыя и изогнутыя складки эмали. Скелеть имѣетъ въ общемъ вышеуказанные признаки всего семейства. Шейные позвонки у однихъ видовъ совѣмъ, у другихъ въ большинствѣ случаевъ, крѣпко срастаются, и этому обстоятельству главнымъ образомъ шея обязана своею короткостью. Удивительно то явленіе, которое мы находимъ у многихъ другихъ скоро бѣгающихъ животныхъ, а главнымъ образомъ у тушканчиковъ, а именно что ноги построены такъ просто, какъ только возможно и лишь крайне мало подвижны. Три, 4 или 5 очень короткихъ пальцевъ заднихъ ногъ имѣютъ обыкновенно только по два сустава, лишены всякихъ боко-

выхъ движеній и могутъ только нѣсколько нагибаться сверху внизъ. При бѣгѣ, почвы касается только самый конецъ ногтевого сустава, который однако защищенъ особою эластическою хрящевою массою. Длинные, жесткіе, щетинистые волосы на нижнихъ пальцахъ служатъ очевидно для того, чтобы нога при наступаніи ея не скользила и не вязла въ песокъ и тѣмъ придаютъ ей большую устойчивость. Нѣкоторые виды тушканчиковъ имѣютъ на плюснѣ еще одинъ или два неразвитыхъ пальца, которые однако несущественно нужны и никогда не касаются земли. Сильные мускулы двигаютъ крѣпкія кости заднихъ конечностей, и поэтому задняя часть тѣла бросается въ глаза своею толщиною сравнительно съ переднею

Обыкновенно бываетъ 4 пары сосцовъ: 2 пары на груди, 1 пара на животѣ и 1 пара въ пахахъ.

* *
* *
* *

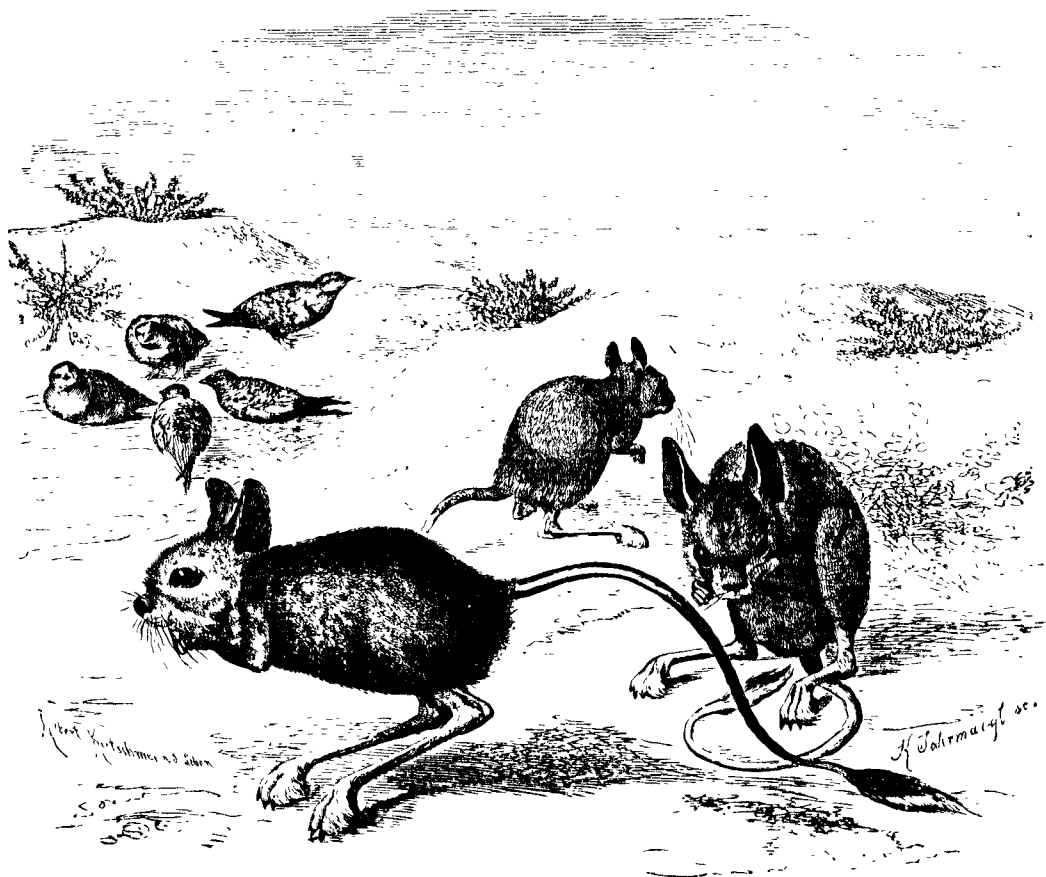
Родъ **Тушканчиковъ** (*Dipus*) характеризуется тѣмъ, что верхніе рѣзцы имѣютъ посрединѣ продольную бороздку, что впереди трехъ обыкновенно встрѣчающихся коренныхъ зубовъ въ верхней челюсти иногда выступаетъ еще одинъ маленькій, съ однимъ корнемъ, и что заднія ноги имѣютъ по три пальца.

Какъ представителя этого рода я изберу **Египетскаго тушканчика, Джербоа арабовъ** (*Dipus aegyptius*, *Mus* и *Haltomys aegyptius*, *Wüstenspringmaus*, *Gerboise à trois doigts*), премилга звѣрка съ туловищемъ длиною въ 17 см. и хвостомъ (не считая кисти на концѣ) въ 21 см. длиною, сверху сѣровато-песочнаго цвѣта, снизу бѣлаго, съ широкою бѣлою полоскою, которая тянется сзади по бедрямъ, и съ хвостомъ, сверху блѣдно-желтымъ, снизу бѣловатымъ, кисточка котораго окрашена въ видѣ стрѣлки въ бѣлый и черный цвѣтъ. Эти тушканчики, и, вѣроятно, именно египетскіе, были хорошо извѣстны уже древнимъ. Мы находимъ частыя упоминанія о нихъ у греческихъ и римскихъ писателей, всегда подъ именемъ «двуногихъ мышей», названіе, которое и понынѣ еще примѣняется для латинскаго обозначенія рода. Плиній рассказываетъ, что въ Египтѣ есть мыши, которыя ходятъ на двухъ ногахъ; Теофрастъ и Элианъ упоминаютъ, что эти большія, двуногія мыши употребляютъ свои переднія короткія ноги какъ руки, а на заднихъ ходятъ прямо и прыгаютъ во время преслѣдованія. Гораздо большее значеніе, чѣмъ эти указанія, имѣютъ скульптурныя изображенія ихъ на монетахъ и орнаментахъ храмовъ, хотя они недостаточно вѣрны. Въ Библии также упоминается объ этихъ звѣркахъ. Исаія грозитъ карой тѣмъ, которые ѣдятъ ихъ. Арабы, наоборотъ, не только считаютъ ихъ за чистыхъ животныхъ, но и описываютъ ихъ очень вѣрно и рассказываютъ много прекраснаго объ ихъ образѣ жизни.

Египетскій тушканчикъ распространенъ въ большей части сѣверо-восточной Африки, а также въ граничащихъ съ нею странахъ западной Азіи, и встрѣчается къ югу до средней Нубіи, гдѣ начинается граница распространенія другого похожаго вида. Открытыя, сухія равнины, степи и песчанья пустыни служатъ имъ мѣстожительствомъ: они населяютъ непривѣтливѣйшія и пустыннѣйшія мѣстности и обитаютъ въ такихъ мѣстахъ, которыя почти не представляютъ возможности для существованія: на такихъ печальныхъ равнинахъ, которыя покрыты жесткою травою, они встрѣчаются иногда довольно большими обществами. Эти мѣста жительство животного дѣлятъ съ степной курою и степнымъ жаворонкомъ, и едва можно понять, какъ оно находитъ себѣ пищу тамъ, гдѣ эти обѣ птицы, которыя, кромѣ зерна, ѣдятъ и насѣкомыхъ, находятъ себѣ пропитаніе лишь въ весьма скудномъ количествѣ. Въ жесткомъ крупномъ песокѣ оно выкапываетъ себѣ сильно развѣтвляющіяся, но довольно мелкія норы, въ которыя скрывается при малѣйшей опас-

ности. По утверждениямъ арабовъ, надъ постройкой этихъ подземныхъ жилищъ работаетъ цѣлое общество ихъ. Животныя копаютъ при помощи острыхъ когтей переднихъ лапъ, пользуясь при этомъ также рѣзцами, когда нужно раскопшить твердую песчаную почву.

Несмотря на ихъ многочисленность, видѣть этихъ красивыхъ звѣрковъ приходится довольно рѣдко. Цельзя сказать, чтобы они были черезъ чуръ боязливы, но они безпокойны и трусливы, и при малѣйшемъ шумѣ или при видѣ незнакомаго предмета поспѣшно прячутся въ свои норки. Кромѣ того они становятся замѣтными

Египетскій тушканчикъ. *Dipus aegyptius*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

только въ незначительномъ отдаленіи, ибо окраска ихъ совершенно похожа на цвѣтъ песка, и нужно довольно близко подойти, чтобы увидать ихъ; между тѣмъ ихъ утонченно-острыя чувства даютъ имъ возможность узнать о приближеніи челоуѣка уже на большомъ разстояніи.

По истинѣ можно сказать, что едва-ли найдется другое болѣе прелестное созданье, чѣмъ эти тушканчики. Насколько странно они выглядятъ и кажутся уродливыми на первый взглядъ, если держать въ рукахъ ихъ труны или смотрѣть на нихъ, когда они сидятъ смирно, настолько красивы они, когда приходятъ въ движеніе. Только тогда они являются истинными дѣтьми пустыни, и даютъ возможность познакомиться съ ихъ прыткостью. Движенія ихъ слѣдуютъ другъ за другомъ съ такою

скоростью, которая прямо-таки невѣроятна: кажется, будто они становятся птицами. При спокойной походкѣ они ставят одну ногу передъ другой и очень быстро бѣгутъ впередъ; двигаясь-же съ большою поспѣшностью, они мчатся прыжками, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ такъ быстро, что ихъ движеніе становится тогда похожимъ на полетъ птицы и едва можно уловить тотъ моментъ, когда животное касается земли. При этомъ тушканчики наклоняютъ впередъ туловище менѣе, чѣмъ обыкновенно, переднія лапы когтями прикладываютъ другъ къ другу и протягиваютъ впередъ, а хвостъ для поддержанія равновѣсія направляютъ прямо назадъ. Если увидѣть звѣрка, бѣгущаго въ нѣкоторомъ отдаленіи, то можно принять его за снарядъ, пущенный изъ орудія. Ни одинъ человѣкъ не въ состояніи догнать тушканчика, находящагося навсѣмьбѣгу, и самый опытный стрѣлокъ долженъ выказать все свое искусство, если пожелаетъ застрѣлить одного изъ нихъ. Даже въ замкнутомъ пространствѣ этотъ красивый звѣрекъ двигается такъ быстро, что охотничья собака едва можетъ догнать его. Брюсъ рассказываетъ, что его борзая собака принуждена была цѣлую четверть часа промучиться, прежде чѣмъ овладѣла своей ловкой и быстрой жертвой.

Если тушканчика ничто не тревожитъ и онъ чувствуетъ себя въ безопасности, то сидитъ прямо на задней части тѣла, какъ кенгуру, часто опершись на хвостъ, прижавъ переднія лапы къ груди, совершенно подобно тому, какъ это обыкновенно дѣлаютъ вышеназванныя сумчатая животныя. Онъ пасется такимъ-же образомъ, какъ и кенгуру; но онъ больше ихъ выкапываетъ клубней и корней, которые, повидимому, составляютъ его главную пищу. Кромѣ того, онъ ѣстъ различные листья, плоды и сѣмена, говорятъ даже, что онъ питается падалью или, по крайней мѣрѣ, жадно преслѣдуетъ насѣкомыхъ. Это утверждаетъ между прочими Гейглинь, который извѣстенъ какъ превосходный наблюдатель. Хотя египетскій тушканчикъ настоящее ночное животное и прогулки его начинаются лишь послѣ заката солнца, однако иногда можно видѣть, какъ онъ въ самыхъ яркихъ солнечныхъ лучахъ, даже во время сильнѣйшей жары сидитъ и играетъ передъ своею норкою. Въ такихъ случаяхъ онъ выказываетъ такое равнодушіе по отношенію къ полуденному зною африканскаго солнца, которое дѣйствительно достойно удивленія, такъ какъ нужно знать, что врядъ-ли какое-нибудь животное движется въ это время въ пустынѣ, ибо жгучая жара становится невыносимой даже для коренныхъ уроженцевъ этой страны. За-то онъ въ высшей степени чувствителенъ къ холоду и сырости и потому въ дурную погоду всегда прячется въ своей норѣ, а также иногда, вѣроятно, впадаетъ на нѣкоторое время въ оцѣненіе, напоминающее собою зимнюю спячку сѣверныхъ животныхъ.

Относительно размноженія тушканчика ничего достовѣрнаго неизвѣстно. Арабы рассказывали мнѣ, что онъ устраиваетъ себѣ въ глубокой котловинѣ своей норы гнѣздо, выстилаетъ его, подобно кролику, шерстью, выщипанной съ нижней части брюха, и что въ этомъ гнѣздѣ находятъ отъ 2—4 дѣтенышей: насколько этотъ рассказъ справедливъ, я утверждать не рѣшаюсь, хотя долженъ допустить, что арабы, во всякомъ случаѣ, лучше другихъ знакомы съ этимъ животнымъ. Они ревностно охотятся за нимъ, такъ какъ ѣдятъ и довольно высоко цѣнятъ его мясо, и ловятъ его безъ особаго труда живьемъ или убиваютъ, когда онъ выходитъ изъ своихъ норъ. Способъ ихъ охоты очень простъ. Вооружившись длинной, крѣпкой палкой, арабы отираются къ какой-нибудь колоніи тушканчиковъ, затыкаютъ большую часть ходовъ и разрываютъ затѣмъ одинъ ходъ за другимъ, причѣмъ они всовываютъ свою крѣпкую палку въ ходъ и разламываютъ его крышу. Палуганые этимъ тушканчики забиваются въ самый дальній уголокъ

или бросаются через запасной ходъ наружу, причѣмъ попадаютъ въ разставленную тамъ сѣть или даже просто въ поставленный арабомъ рукавъ его верхняго платья. Такимъ способомъ могутъ быть иногда пойманы 10—20 штукъ сразу; но крайней мѣрѣ не составляетъ никакого труда добыть такое количество живьемъ: арабы, знакомые съ этой охотой, приносятъ, по желанію, столько тушканчиковъ, сколько пожелаешь.

Кромѣ человѣка у этихъ животныхъ мало другихъ враговъ. Фенекъ и каракаль, а также, можетъ быть, нѣкоторыя совы принадлежать къ числу самыхъ опасныхъ хищниковъ, которые подстерегаютъ ихъ; еще болѣе опаснымъ врагомъ ихъ можно считать египетскую очковую змѣю, ту извѣстную ядовитую змѣю Африки, которая избржалась на древнеегипетскихъ памятникахъ и которую еще въ настоящее время пользуются египетскіе фокусники для продѣлыванія различныхъ штукъ. Она живетъ въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, которыя населяютъ тушканчики, съ легкостью проникаетъ въ ходы, вырываемые ими, и убиваетъ многихъ изъ нихъ.

Интересующіеся природой европейцы, живущіе въ Египтѣ и Алжирѣ, часто держатъ тушканчиковъ въ неволѣ. Я могу утверждать по собственному опыту, что это животное какъ въ клѣткѣ, такъ и въ комнатѣ можетъ доставить много удовольствія. Во время моего пребыванія въ Африкѣ мнѣ часто приносили 10—12 тушканчиковъ заразъ. Въ такихъ случаяхъ я отводилъ этому обществу большое помѣщеніе, чтобы быть въ состояніи слѣдить за ихъ движеніями. Уже съ перваго момента плѣнники выказывали себя безобидными и доверчивыми. Они, не противясь, позволяли трогать себя, а также не подавали вида, что боятся человѣка. Ходя по комнатѣ, нужно было остерегаться, чтобы не наступить на нихъ, до того спокойно они оставались сидѣть, когда къ нимъ приближались. Тушканчики и въ неволѣ относятся другъ къ другу удивительно миролюбиво и общежительно. Они близко прижимаются другъ къ другу, а иногда очень тѣсно слетаются между собою въ одну кучу, въ особенности тогда, когда по утрамъ бываетъ свѣжо, такъ какъ малѣйшее пониженіе температуры бываетъ для нихъ чувствительно и тягостно. Они, повидимому, особенно любятъ сухія зерна, рисъ, морковь, рѣпу и другіе корни, а также многіе плоды; кромѣ того охотно ѣдятъ капусту, траву и даже цвѣточныя лепестки, напримѣръ, лепестки розъ: нельзя однако кормить ихъ исключительно одними сочными растеніями. Они привыкли къ скудной и сухой пищѣ. Если у нихъ совершенно нѣтъ сухой пищи, то они становятся печальными, видимо чахнутъ и, наконецъ, постепенно умираютъ. Если-же давать имъ пшеницы, рису, немного молока и отъ времени до времени виноградку, кусочекъ яблока, моркови, или другую овощъ, то они чувствуютъ себя хорошо и живутъ очень долго. Въ Европу ихъ привозятъ въ настоящее время не особенно рѣдко. Я и въ Германіи получалъ очень многихъ и хочу попытаться сколь возможно точнѣе описать жизнь этихъ милыхъ и граціозныхъ созданій.

Тушканчики, которыхъ держалъ у себя въ Египтѣ Сонини, были бодрѣ всего, когда черезъ окно свѣтило солнце; тѣ, которыхъ я держалъ въ неволѣ, находились въ движеніи, иногда, правда, также днемъ, однако достаточно убѣдительно доказывали, что настоящей порой веселой дѣятельности имъ служить ночь. Каждый тушканчикъ спитъ въ продолженіи цѣлаго дня, съ ранняго утра до поздняго вечера, не выходитъ, если его не беспокоятъ, ни на одно мгновеніе изъ своего гнѣзда, и спитъ добрыхъ 12 часовъ сряду. Но и во время ночи онъ также нѣсколько разъ отдыхаетъ по полчаса.

Если взять его изъ гнѣзда днемъ, то онъ оказывается очень заспаннымъ, сидя на рукѣ качается изъ стороны въ сторону и въ продолженіи долгаго времени не

можетъ вполне проснуться. Во время сна онъ принимаетъ своеобразное положеніе. Онъ сидитъ обыкновенно въ гнѣздѣ на пяточныхъ суставахъ, довольно близко приставленныхъ другъ къ другу, такъ что далеко разставленные концы ногъ торчатъ кверху. Голову онъ нагибаетъ совершенно внизъ, такъ что лбомъ касается земли, а морду прижимаетъ къ нижней части брюха. Хвостъ лежитъ широкою дугою, перекинутой черезъ концы ногъ. Въ такомъ положеніи животное походитъ на мячикъ, надъ поверхностью котораго выдаются лишь непомѣрно длинныя ноги. Иногда однако тушканчикъ ложится также на бокъ или даже на спину, причемъ страннымъ образомъ протягиваетъ ноги кверху, оставаясь однако всегда въ этомъ свернувшемся положеніи. Уши во время сна онъ плотно прижимаетъ къ головѣ и частью заворачиваетъ на концахъ, такъ что они кажутся покрытыми складками, какъ-бы измятыми. Животное безъ движенія лежитъ въ своемъ тепломъ гнѣздышкѣ, пока совершенно не стемнѣетъ. Тогда въ гнѣздѣ замѣчается легкій шорохъ и движеніе. Соня чистится, приглаживаетъ уши, издаетъ тихій, похожій на слабый кашель, звукъ, однимъ прыжкомъ выскакиваетъ изъ отверстія гнѣзда и начинаетъ затѣмъ свою оригинальную ночную дѣятельность. Первое дѣло, которымъ она начинаетъ заниматься, это чистка. По своей чистоплотности тушканчикъ превосходить всѣхъ другихъ грызуновъ. Онъ употребляетъ почти все свое свободное время на то, чтобы держать въ порядкѣ свою мягкую, какъ шелкъ, шкурку. Онъ прочесываетъ и облизываетъ каждый волосокъ, причемъ всѣ части тѣла, даже хвостъ подвергаются основательной чисткѣ. Мелкій песокъ оказываетъ ему при этомъ важную услугу. Тушканчикъ вообще совершенно не можетъ обойтись безъ песку; онъ съ истиннымъ сладострастіемъ валяется, роется и возится въ немъ и никакъ не можетъ отъ него оторваться. Когда онъ чистится, то принимаетъ самыя разнообразныя положенія. Онъ сидитъ обыкновенно, опираясь только на концы пальцевъ ногъ и отчасти на хвостъ. Онъ довольно высоко поднимаетъ пятки, выгибаетъ хвостъ большою дугою и опирается, приблизительно одною четвертью его на землю; туловище онъ лишь немного приподнимаетъ спереди и складываетъ руки ладонями такъ, что концы пальцевъ, или скорѣе когтей касаются другъ друга. При этомъ онъ держитъ эти короткіе, похожіе на обрубки, члены вытянутыми прямо впередъ, такъ что на первый взглядъ они кажутся придатками морды. Однако когда онъ чистится, то превосходно умѣетъ пользоваться этими красивыми лапками. Прежде чѣмъ начать разглаживаніе шкурки, онъ вырываетъ себѣ въ песокѣ подходящее углубленіе. Къ концу его онъ наклоняется впередъ, затѣмъ, вытянувъ впередъ и разставивъ переднія лапы, а также помогая острой мордочкой, онъ двигаетъ впередъ песокъ, иногда большія количества его заразъ, причемъ тамъ, гдѣ его трудно сдвинуть, онъ разрываетъ его быстрымъ движеніемъ переднихъ конечностей. Такъ дѣло продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, не приготовитъ себѣ своего ложа. Тогда онъ прежде всего кладетъ голову въ образовавшееся углубленіе и, вытягиваясь впередъ, двигаетъ ее по песку, причемъ поворачивается къ нему какъ верхней, такъ и нижней, правую и лѣвою сторонами, во всякомъ случаѣ съ цѣлью разгладить шкурку. Сдѣлавъ это, онъ вдругъ бросается въ углубленіе, ложится въ него во всю длину и начинаетъ потягиваться съ величайшимъ довольствомъ, вытягивая при этомъ свои длинныя заднія ноги то прямо назадъ, то подъ прямымъ угломъ къ туловищу, или наконецъ прямо впередъ, а въ концѣ концовъ въ такомъ направленіи, что ступни лежатъ около самой морды. Зарывшись какъ слѣдуетъ въ такомъ положеніи, онъ часто въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ остается лежать спокойно, съ довольнымъ видомъ, на половину закрываетъ глаза, прикрываетъ уши и только отъ времени до времени проводитъ небольшою лапкой по лицу, какъ-бы желая потянуться.

Послѣ этого потягиванія начинается собственно чистка. Много труда, работы и времени стоитъ ему чистка губъ и щекъ, главнымъ образомъ той части ихъ, гдѣ прикрѣпляются длинные усы, и только послѣ того, какъ окончить эту работу, онъ принимается также за остальную шерсть своего тѣла. Онъ хватается клочекъ шерсти обѣими передними лапами, расчесываетъ его рѣзцами нижней челюсти и затѣмъ очень гладко облизываетъ его языкомъ. Особенно красиво чиститъ онъ нижнюю часть брюха, такъ какъ ему приходится тогда широко разгибать бедра и свертывать тѣло въ клубокъ. Но самое странное положеніе онъ принимаетъ тогда, когда хочетъ полизать себя въ изгибѣ между плюсною и голенью или вообще почистить длинную нижнюю часть ноги. Одной ногой онъ опирается тогда на всю плюсну, какъ и во время сидѣнья, а другую выдвигаетъ во всю длину. Хвостомъ онъ пользуется всегда для того, чтобы придать своему положенію больше устойчивости. Онъ чешется также при помощи заднихъ ногъ, причемъ такъ необыкновенно быстро двигаетъ ими, что отъ нихъ бываетъ замѣтна лишь одна тѣнь. Такъ какъ при этомъ ему приходится сильно нагибаться на сторону, то, чтобы не потерять равновѣсія, онъ спереди опирается на одну изъ переднихъ лапъ. Переднюю часть головы онъ чешетъ также передними лапками, но двигаетъ ими гораздо медленнѣе, чѣмъ задними ногами.

Когда это животное ходитъ спокойно, то подвигается впередъ быстрыми шагами. Во время ходьбы тушканчикъ вытягиваетъ ноги въ пяточномъ суставѣ впередъ и такъ сгибаетъ голень, что она кажется выходящею изъ тѣла нѣсколько дальше половины туловища, которое спереди нѣсколько приподнято кверху и удерживается въ равновѣсіи при помощи хвоста. Тогда тушканчикъ начинаетъ переступать ногами, быстро ставя ихъ одну передъ другой. Переднія онъ по обыкновенію держитъ сложеными подъ подбородкомъ. Такъ какъ тушканчикъ, будучи пойманъ, привыкаетъ къ человѣку, то онъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ дѣлаетъ болѣе значительные прыжки, что происходитъ главнымъ образомъ тогда, когда ему приходится преодолѣть какое-нибудь препятствіе, напримѣръ, перепрыгнуть черезъ большую, поставленную передъ нимъ книгу. При этомъ онъ подпрыгиваетъ безъ всякаго разбѣга, исключительно при помощи однихъ заднихъ ногъ на высоту одного фута и болѣе. Когда я однажды неожиданнымъ движеніемъ вспугнулъ одного изъ нихъ во время его ночного странствованія, онъ прыгнулъ кверху на высоту одного метра. Если его сажаешь на столъ, то онъ безъ отдыха бѣгаетъ взадъ и впередъ и заботливо поглядываетъ внизъ, выбирая себѣ самое удобное мѣсто для того, чтобы соскочить; онъ упирается на переднія ноги, только когда доходитъ до края стола; въ другомъ случаѣ онъ этого не дѣлаетъ. Показанія, будто онъ при каждомъ прыжкѣ на одно мгновеніе падаетъ на переднія ноги и затѣмъ снова послѣпно приподнимается, не вѣрны. Даже въ томъ случаѣ, когда онъ прыгаетъ на землю съ вышины одного метра и болѣе, онъ всегда падаетъ на заднія ноги и, нѣсколько не нагибаясь впередъ, продолжаетъ бѣгать такъ-же спокойно, какъ будто сдѣлалъ самый обыкновенный шагъ. Благодаря сильнымъ заднимъ ногамъ и хвосту, на который онъ упирается, онъ можетъ удерживать свое туловище, какъ въ горизонтальномъ, такъ и въ вертикальномъ положеніи и въ состояніи такъже нагибаться впередъ до самой земли. Насколько важенъ ему хвостъ для удержанія равновѣсія, можно ясно видѣть тогда, когда держишь его въ рукѣ и быстро вертишь такъ, что ему приходится лежать спиною книзу. Тогда онъ начинаетъ махать хвостомъ вокругъ себя, очевидно съ намѣреніемъ снова перевернуть свое туловище.

Во время ѣды онъ сидитъ, опираясь на всю ступню, причемъ однако сильно нагибаетъ туловище впередъ и быстро схватываетъ съ земли пищу. Изъ горшечка съ пшеничными зернами онъ каждую минуту достаетъ нѣсколько зеренъ. Но онъ

не цѣликомъ сѣдаеть схваченныя зерна, а лишь только откусываетъ отъ нихъ кусочекъ и снова бросаетъ ихъ. Въ одну ночь онъ иногда обгрызаетъ отъ 50—100 такихъ зеренъ. Забавно смотрѣть на него, когда онъ ѣсть виноградку или кусочки нарѣзанной моркови, яблока или другихъ плодовъ. Онъ очень мило схватываетъ такую пищу передними лапами, постоянно поворачивая ее то туда, то сюда и, уронивъ, сѣдаетъ ее. Когда онъ ѣсть мягкіе сочные плоды, какъ на примѣръ виноградъ, ему надо много времени, чтобы покончить свой обѣдъ. Одинъ изъ моихъ плѣнниковъ ѣлъ ягоду винограда цѣлыхъ 7 минутъ. Онъ сразу разгрызаетъ кожицу и нѣсколько разъ подъ-рядъ погружаетъ въ отверстие свои нижніе рѣзцы, послѣ чего снова облизываетъ ихъ. Онъ продолжаетъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не высосетъ большую часть содержимаго. Кануточный листъ онъ схватываетъ обѣими передними лапками, поворачиваетъ его во все стороны и очень мило обкусываетъ потомъ края его. Особенно красивъ онъ также, когда пьетъ молоко. Питья онъ требуетъ лишь очень мало и можетъ обходиться безъ него въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, если, между прочимъ, давать ему сочные корни; полъ чайной ложки молока ежедневно для него совершенно достаточно. Онъ и жидкость долженъ подносить ко рту лапами; и потому быстро, нѣсколько разъ подъ-рядъ опускаетъ лапы въ молоко, а затѣмъ облизываетъ ихъ. Онъ умѣренъ въ пищѣ, но требуетъ ея большое количество, такъ какъ отъ каждаго питательнаго вещества сѣдаетъ лишь маленькій кусочекъ. Его испражненія похожи на испражненія многихъ мышей. Моча его не распространяетъ дурного запаха; для этого количество ея слишкомъ незначительно. Вообще, въ песокъ не бываетъ замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ испражненій этого животнаго.

Повидимому у тушканчика все чувства очень хорошо развиты. Не знаю, которое изъ трехъ главнѣйшихъ считать наиболѣе развитымъ. Тушканчикъ видитъ и слышитъ очень хорошо, какъ о томъ свидѣтельствуютъ его большіе глаза и уши; но также хорошо у него обонаніе и осязаніе, потому что, уронивъ зерно или кусочекъ моркови или другой пищи на землю, онъ всегда отыскиваетъ ихъ чутьемъ, а также, можетъ быть, ощупываетъ усами; затѣмъ съ большою увѣренностью хватаетъ этотъ предметъ. Сладкіе плоды онъ ѣсть съ такимъ очевиднымъ удовольствіемъ, что не остается никакого сомнѣнія, что онъ испытываетъ при томъ очень сильное вкусовое наслажденіе. Осязаніе выражается ясно, какъ чувствительностью кожи при прикосновеніи, такъ и способностью ощупывать предметы. У тушканчика очень тонко развито чувство осязанія въ усахъ, а также въ переднихъ лапахъ, въ особенности-же въ концахъ пальцевъ. Его умственное развитіе я ставлю не очень высоко, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ очень скоро привыкаетъ къ извѣстной мѣстности, хорошо знакомится съ людьми, которые занимаются имъ, и выказываетъ нѣкоторую сообразительность въ своихъ поступкахъ. Онъ каждое утро довольно долгое время занимается устройствомъ своего гнѣзда. Если ему дать сѣна, ваты и шерсти и положить начало постройки гнѣзда, то онъ разумно продолжаетъ ее, приносить клочки ваты, теребитъ и укладываетъ ихъ лапами, втыкаетъ куда слѣдуетъ шерсть, затѣмъ чиститъ и гладитъ округленное углубленіе гнѣздышка до тѣхъ поръ, пока оно на его взглядъ не приметъ надлежащій видъ порядочности и опрятности. Затѣмъ еще вытаскиваетъ или откусываетъ торчащія стебельки и тѣмъ окончательно приводитъ все въ полнѣйшій порядокъ.

Изъ всехъ бывшихъ у меня до сихъ поръ въ плѣну грызуновъ тушканчикъ доставлялъ мнѣ наибольшее удовольствіе. Своими качествами онъ располагаетъ къ себѣ всякаго. Онъ такой безобидный, ласковый, ручной, чистоплотный, а въ бодромъ состояніи такой веселый и рѣзвый, положенія, которыя онъ принимаетъ, такъ

оригинальны и вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ столько разнообразія, что имъ можно забавляться цѣлыми часами.

Сонины замѣтилъ, что его плѣнные тушканчики усердно грызли свою клѣтку, желая высвободиться изъ нея; я-же замѣчалъ это только тогда, когда позволялъ своимъ плѣнникамъ бѣгать на свободѣ по комнатѣ; тогда они также старались прогрызть отверстіе въ полу; въ клѣткѣ-же никогда не употребляли своихъ рѣзцовъ ни для чего другаго, какъ только для ѣды.

Къ хозяину своему тушканчикъ относится крайне ласково. Ему никогда не приходится въ голову укусить того, кто его беретъ въ руки, и онъ позволяетъ себя трогать, гладить и носить. Только вечеромъ, когда ему просовываешь палецъ сквозь рѣшетку, онъ схватываетъ его иногда и слегка скоблитъ кончикъ зубами, думая вѣроятно, что ему протягиваютъ что-нибудь съѣстное; но и тогда онъ не кусается на самомъ дѣлѣ. Мнѣ кажется, что тушканчика можно держать въ каждой гостинной, до того онъ добродушенъ, безобиденъ и чистоплотенъ. Ему ничего не можетъ быть неприятнѣе, какъ если мѣшаютъ его вечернимъ удовольствіямъ въ клѣтки, и тогда онъ очень неохотно остается въ рукѣ. Если-же его посадить на руку и слегка погладить пальцемъ, то онъ въ упоеніи закрываетъ на половину глаза, нѣсколько минутъ остается неподвиженъ и забываетъ свободу и все остальное. Тушканчики приносятъ не маловажную пользу. Арабы очень охотно ѣдятъ ихъ довольно безвкусное мясо, а изъ блестящаго мѣха ихъ изготовляютъ шубки дѣтямъ и женамъ, или-же украшаютъ ими сѣдла, обшиваютъ попоны, и т. д. Вреда тушканчики, конечно, не приносятъ никакого, они пользуются лишь тѣми пустынными мѣстами, гдѣ не живетъ никакое другое животное *).

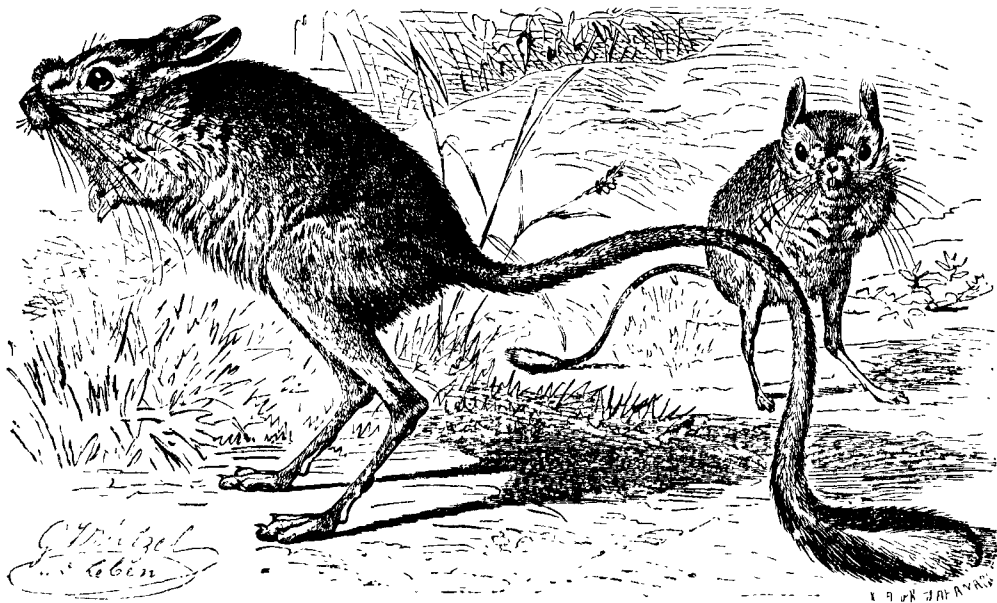
* * *

Бабуны или Алагтаги (Scirtetes) отличаются отъ вышеназванныхъ тушканчиковъ устройствомъ черепа, челюстей и главнымъ образомъ заднихъ ногъ. Черепъ сзади уже и нѣсколько округленнѣе, нежели у родственныхъ имъ тушканчиковъ. Передняя поверхность рѣзцовъ лишена бороздки. На верхней челюсти находятся 4, на нижней челюсти 3 коренныхъ зуба, покрытыхъ болѣе глубокими и многочисленными складками. У бабуновъ хотя имѣется длинная, крѣпкая плюснавая кость, но по бокамъ ея лежатъ двѣ болѣе тонкія, къ которымъ прикрѣплены недоразвитые пальцы. Поэтому задняя нога имѣетъ собственно пять пальцевъ; къ большой кости прикрѣплены три пальца, а къ каждой боковой по одному. Въ остальномъ бабуны вполне схожи съ тушканчиками; они даже отчасти населяютъ однѣ и тѣ-же страны.

Благодаря прекраснымъ описаніямъ Палласа, Брандта и другихъ, намъ въ особенности сдѣлался извѣстенъ **Земляной заяцъ** (Scirtetes jaculus, Dipus jaculus и alactaga, Mus saliens, Alactaga и Scirtetes spiculum, decumanus и vexillarius Pferdespringer. Alactaga). Животное это величиною приблизительно съ векшу; туловище его имѣетъ 18 см., а хвостъ 16 см. длины. Уши имѣютъ длину головы. Голова его очень красива, съ живыми, на-выкатѣ глазами и совершенно круглыми зрачками; уши у него большія, длинныя и узкія, длиннѣе самой головы, и очень длинныя, сѣровато-черныя, заостренные усы, расположенные съ обѣихъ сторонъ верхней губы въ восемь продольныхъ рядовъ. Заднія ноги почти четверо длиннѣе

*) Увлечшись своимъ любимцемъ египетскимъ тушканчикомъ, Брэмъ вовсе не упоминаетъ о многихъ другихъ видахъ этого животнаго. Изъ нихъ въ Россіи живутъ между прочимъ *Торбагалчикъ* (*D. sagitta*), который похожъ на египетскаго тушканчика и почти такого-же роста. *Мохноногий тушканчикъ* (*D. lagopus*), лапки котораго похожи на заячьи, и *Емуранчикъ* (*D. haiticus*) съ очень маленькими ушами. Два послѣдніе вида меньше египетскаго тушканчика.

переднихъ. Средній палецъ всѣхъ длиннѣе, потому что два боковыхъ достигаютъ только до перваго его сочлененія, а остальные едва заслуживаютъ вниманія; они прикрѣплены такъ высоко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ коротки, что на ходу никогда не касаются земли, и потому вполне справедливо могутъ быть названы неразвитыми пальцами. Когти у него на заднихъ ногахъ короткіе, тупые, почти копытообразные, на переднихъ-же длинныя, кривыя и острые. Шкура на спинѣ красновато-бураго цвѣта съ блѣдно-сѣроватымъ оттѣнкомъ, бока и верхняя часть бедеръ немного свѣтлѣе, животъ и ноги съ внутренней стороны бѣлые. Огъ верхней части бедеръ до хвоста тянется продолговатое, какъ полоса, бѣлое пятно; почти точно такое-же лежитъ на передней части заднихъ ногъ. Хвостъ до кисточки рыжевато-жел-

Земляной заяцъ. *Scirtetes jaculus*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

таго цвѣта, а самая кисточка вначалѣ черная, кончикъ-же ея бѣлый и имѣетъ форму стрѣлы.

Хотя земляного зайца можно также встрѣтить въ юго-восточной Европѣ, въ особенности въ степяхъ около Дона и въ Крыму, тѣмъ не менѣе Азія всегда останется его настоящей родиной. Къ сѣверу онъ водится не дальше 52° сѣверной широты, но за то граница его распространенія тянется до восточной Монголіи. Русскіе называютъ его **Землянымъ зайцемъ**, на Уралѣ тушканчикомъ или зайчиномъ. Монголы и буряты дали ему имя **Алагдага** или **Алагдагенъ**, которое Кювье принялъ въ качествѣ видоваго названія. Калмыки называютъ его **Моринъ-Ялма** и наконецъ Татары **Тиа-Гельманъ** или верблюжій заяцъ. Подобно тому, какъ египетскій тушканчикъ населяетъ пустыни Африки, такъ алагдага живетъ въ открытыхъ равнинахъ степей южной Европы и Азіи, преимущественно-же на глинистой почвѣ. Онъ избѣгаетъ зыбкаго несака, не представляющаго достаточной твердости для его ходовъ и норъ. Онъ также общителенъ, какъ и его родичи, но живетъ небольшими стадами.

Днемъ онъ отдыхаетъ, скрываясь въ своемъ искусно построенномъ жилищѣ; съ наступленіемъ сумерекъ онъ скитается въ окрестностяхъ его, но, по словамъ

Радде, и ночью неоднократно возвращается въ свою нору. Въ движеніяхъ своихъ онъ схожъ съ вышеописанными его родичами.

Когда онъ спокойно пасется, то, подобно кэнгуру, бѣгаетъ на всѣхъ четырехъ лапахъ, но когда спасается бѣгствомъ, то удираетъ прыжками исключительно на заднихъ лапахъ. Говорятъ, онъ дѣлаетъ еще большіе скачки, нежели тушканчики, и на всемъ скаку мчится такъ быстро, что лучшій конь не въ состояніи догнать его. Онъ пугливъ и трусливъ и при малѣйшей опасности обращается въ бѣгство; даже когда онъ пасется спокойно, и тогда онъ постоянно приподнимается на заднихъ лапахъ, чтобы убѣдиться въ безопасности. Если его преслѣдуютъ, то онъ скачетъ не въ прямомъ направленіи, а по возможности зигзагомъ, пока не утомитъ своего преслѣдователя или не найдетъ удобной норы, въ которой тотчасъ скрывается. Эти норы построены другими ему подобными животными и представляютъ довольно искусно выведенныя постройки. Обыкновенно простые, хотя и очень извилистые ходы ведутъ снаружи въ косомъ направленіи къ главному ходу, который нерѣдко нѣсколько разъ развѣтвляется, а оттуда къ просторной котловинѣ, которая въ свою очередь соединяется съ нѣсколькими боковыми отдѣленіями. Другой ходъ ведетъ въ противоположномъ направленіи изъ норы кверху, подъ самую поверхность земли; по этому ходу они спасаются бѣгствомъ. Въ минуту опасности они пробиваютъ его окончательно и такимъ путемъ испуганное животное почти всегда спасается, такъ какъ никто изъ преслѣдовавшихъ его враговъ не можетъ знать, въ какомъ направленіи находится отверстіе. У земляного зайца своеобразная привычка затыкать всѣ ходы своего жилища, какъ только онъ вошелъ въ него; но это именно и служитъ вѣрнымъ признакомъ его присутствія, такъ какъ никогда не найдешь ни одного жителя въ норѣ, ходы котораго не закрыты. Передъ отверстіемъ главнаго хода постоянно навалена болѣе или менѣе значительная кучка земли, какъ мы это видимъ у большинства норъ роющихъ животныхъ. Обыкновенно въ одной и той-же норѣ ихъ живетъ 2—3 парочки и этимъ, вѣроятно, объясняется существованіе боковыхъ отдѣленій жилища.

Алагдага питается всевозможными растеніями и частями ихъ. Главную-же пищу его составляютъ луковицы; но и отъ наѣжкомыхъ онъ не отказывается, а также иногда, вѣроятно, сѣдаетъ степного жаворонка или по крайней мѣрѣ яйца и птенцовъ его. Онъ облаживаетъ кору у кустарниковъ, а у сочныхъ степныхъ растеній сѣдаетъ лишь самыя молодыя побѣги. Самка въ теченіи лѣта мечетъ до 8-ми. обыкновенно-же только 5—6 дѣтенышей въ своемъ теломъ логовищѣ, устланномъ собственной шерстью. Долго-ли эти птенцы остаются при матери, неизвѣстно; очень вѣроятно, что они вплоть до зимы раздѣляютъ съ ней то-же жилище. Съ наступленіемъ зимы земляной заяцъ впадаетъ въ спячку. Своимъ тонкимъ чутьемъ онъ заранее предчувствуетъ погоду; такъ, напримѣръ, замѣчали, что онъ и передъ дождливымъ временемъ старается скрыться и запрятаться въ своемъ гнѣздѣ. По мѣрѣ приближенія зимы онъ снаружи особенно тщательно затыкаетъ свои ходы, и съ другими, себѣ подобными свертывается въ клубокъ въ мягкомъ гнѣздѣ, чтобы проспать неприятное время года. Хотя онъ въ холодныя ночи иногда еще и показывается и гораздо легче родичей своихъ переноситъ холодъ, но все-таки, говоритъ Радде, онъ ложится на зимнюю спячку уже въ первыхъ числахъ сентября, и показывается внѣ своего жилища не раньше второй половины апрѣля. Такъ какъ степные жители особенно охотно ѣдятъ мясо земляного зайца, то его и преслѣдуютъ очень сильно. Всего усерднѣе, повидимому, за нимъ гоняются монгольскіе мальчуганы. Они отлично различаютъ покинутыя и обитаемыя норы и прекрасно умѣютъ словить прыткое животное. Съ этой цѣлью они какъ можно тѣснѣе огораживаютъ заборомъ всю по-

стройку и наполняют ходы водой или взламывают ихъ при помощи кольевъ. Уже въ самомъ началѣ преслѣдованія алагдага покидаетъ свою постройку и старается вырваться на волю черезъ скрытый ходъ. Поэтому если не загородить заборомъ всей норы, то онъ непременно спасется. Даже тогда, когда думаешь, что онъ уже попался въ руки, ему еще удается иногда улизнуть. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ думаютъ, что это животное, будучи высушено и истолчено въ порошокъ, является важнымъ цѣлебнымъ средствомъ при извѣстныхъ тѣлесныхъ страданіяхъ; въ общемъ-же, повидимому, не особенно долюбиваютъ этого хорошенькаго звѣрка. Утверждаютъ, что земляной заяцъ высасываетъ молоко у спящихъ козъ и овецъ; его обвиняютъ въ томъ, что онъ питаетъ вражду къ овцамъ и увѣряютъ, что онъ по ночамъ отыскиваетъ стада и пугаетъ ихъ своими бѣшеными прыжками; о другихъ, взводимыхъ на него, клеветахъ мы даже не упоминаемъ. Кочевники тѣхъ степей очень рѣдко держатъ въ плѣну алагдагу, хотя онъ отлично переноситъ неволю. Его уже нѣсколько разъ привозили живымъ въ Европу и притомъ не только ради одного удовольствія. По странному случаю мы обязаны лучшими описаніями его жизни въ неволѣ не натуралисту, а археологу Гайму. Чтобы пояснить себѣ золотую монету изъ Кириinei, на которой были изображены съ одной стороны всадникъ, на оборотѣ же знаменитая трава Silphium, а подъ ней земляной заяцъ, Гаймъ добылъ себѣ этого звѣрка, продержалъ его въ плѣну болѣе года, тщательно наблюдалъ за нимъ и сообщилъ намъ свои наблюденія.

«Онъ стоитъ то на всѣхъ четырехъ ногахъ, то на заднихъ только; но ходить всегда исключительно на заднихъ. Онъ высоко приподнимается на заднія лапы, когда его испугаютъ, и бѣжитъ очень скоро, почти въ прямомъ направленіи, подпрыгивая, какъ маленькія птицы. Я пробовалъ давать ему разную пищу; но въ первые 3—4 мѣсяца онъ ѣлъ только миндаль, фисташки и дробленныя зерна, и притомъ ничего не пилъ. Мнѣ говорили, что онъ не пьетъ, а потому я и не давалъ ему воды.

Тѣмъ не менѣе онъ испускалъ много мочи. Позднѣе я узналъ, что онъ также ѣстъ яблоки, морковь, а еще охотнѣе различныя травы, однако только не очень пахучія, какъ-то: шпинатъ, салатъ, крапиву и т. п. Руту, мяту или тиміанъ онъ не ѣлъ никогда; воду пилъ охотно, хотя не всегда. Однажды, когда ему нездоровилось, я хотѣлъ дать ему воды съ шафраномъ, но онъ не сталъ ее пить, сколько я его ни принуждалъ. Хлѣбъ, сахаръ и тому подобныя вещества онъ ѣлъ охотно, но отъ сыра и отъ всего молочнаго упорно отказывался. Однажды я посадилъ его на сырой песокъ и онъ проглотилъ его такое количество, что, когда я взялъ его въ руки, то замѣтилъ, что онъ сталъ гораздо тяжелѣе. Подъ конецъ онъ предпочиталъ всякой другой пищѣ конопляное сѣмя. Онъ совсѣмъ не распространялъ зловонія, подобно мышамъ, бѣлкамъ и кроликамъ, притомъ былъ такъ кротокъ, что его смѣло можно было брать въ руки; онъ никогда не кусался. Боязливый, какъ заяцъ, онъ боялся даже маленькихъ безобидныхъ животныхъ. Въ холодное время года онъ сильно страдалъ, поэтому я долженъ былъ зимою держать его постоянно близъ печки. Все-таки я думаю, что звѣрекъ мой прожилъ-бы долго, если-бы не былъ случайно убитъ».

* * *

Долгоногъ кафрскій (*Pedetes caffer*, *Mus* и *Dipus caffer*, *Pedetes* и *Helamys carvensis*), котораго въ настоящее время считаютъ представителемъ особаго подсемейства (*Pedetinae*), отличается отъ остальныхъ тушканчиковъ главнымъ образомъ зубною системою, такъ какъ въ каждой челюсти находятся по четыре двухбугорчатыхъ коренныхъ зуба; но и другими признаками онъ замѣтно отличается отъ своихъ родичей. Продолговатое тѣло постепенно утолщается къ заду; шея до-

вольно толстая, однако отдѣляется отъ тѣла и гораздо подвижнѣе, нежели у его родичей; переднія лапы очень коротки, но гораздо сильнѣе, нежели у тушканчиковъ; ихъ пять пальцевъ снабжены сильными, длинными, крючковатыми когтями, тогда какъ заднія конечности, представляющія собою длинныя, сильныя прыгательныя ноги, имѣютъ по четыре пальца, которые прикрѣплены къ отдѣльнымъ плюсневымъ костямъ и вооружены хотя крѣпкими и широкими, но довольно короткими, почти копытообразными когтями. Средній палецъ длиннѣе всѣхъ остальныхъ; короткій верхній палецъ прикрѣпленъ такъ высоко, что едва касается земли. Очень длинный, сильный и пушистый хвостъ у корня еще тонокъ, но утолщается къ концу, благодаря обильному количеству шерсти, и оканчивается тупымъ пучкомъ волосъ. Голова довольно большая, на затылкѣ широкая, съ боковъ сдавлена, морда средней длины, довольно тупая, ротъ маленькій, верхняя губа не раздвоена. Большіе, выпуклые и потому выдающіеся глаза и узкія, острыя, средней величины уши напоминаютъ другихъ членовъ семьи; усы-же, сравнительно, короткіе. У самки на груди четыре сосца. Длинная, густая, обильная и мягкая шерсть долгонога, поразительно похожая цвѣтомъ на шерсть нашего зайца, имѣетъ на спинѣ блѣдно-рыжевато-бурый цвѣтъ съ чернымъ оттѣнкомъ, такъ какъ многіе волоса на концѣ черны; на животѣ-же волоса бѣлые. Величиной звѣрекъ похожъ приблизительно на нашего зайца; длина туловища имѣетъ около 60 см., длина же хвоста еще немного болѣе.

Долгоногъ живетъ въ бѣдныхъ растительностью странахъ и даже въ пустынныхъ степяхъ. Онъ распространенъ въ большей части южной Африки, но также встрѣчается на сѣверо-западѣ, по крайней мѣрѣ до Анголы и на востокъ еще попадаетъ навѣрное въ нѣмецкихъ колоніяхъ восточной Африки. Въ Канской землѣ онъ мѣстами встрѣчается довольно часто, какъ въ гористыхъ мѣстностяхъ, такъ и въ открытыхъ равнинахъ, иногда даже въ такомъ количествѣ, что образуетъ настоящія колоніи. Подобно своимъ родичамъ, онъ также роетъ себѣ подземныя норы, съ длинными, обыкновенно не глубокими, сильно развѣтвленными ходами, ведущими въ болѣе глубокую котловину.

Въ такихъ жилищахъ живетъ болѣею частью нѣсколько паръ, даже нѣсколько семействъ; иногда въ нѣкоторыхъ ходахъ этихъ жилищъ поселяются дикія пчелы и такимъ образомъ мирно раздѣляютъ одно и то-же жилище съ ихъ хозяевами. Готтентоты говорятъ, что когда долгоногъ роетъ землю, то пускаетъ въ ходъ не только переднія ноги, но также и зубы. По словамъ Густава Фритша онъ, подобно своимъ родичамъ, днемъ тщательно замыкаетъ ходы своей норы. Лихтенштейнъ на опытѣ узналъ, что вовсе не такъ легко вырыть его изъ подъ земли. Старанія его остались безуспѣшными, хотя онъ открылъ безчисленное количество отверстій у подножья горы и заставилъ множество готтентотовъ раскапывать неглубокіе ходы лопатами и кирками. Сѣть, которую образовали эти ходы, была такъ обширна, что не было никакой возможности отрѣзать всѣ пути долгоногу, и рассказъ готтентотовъ о томъ, что онъ роетъ землю проворнѣе, чѣмъ человекъ лопатой, казался по крайней мѣрѣ довольно вѣроятнымъ.

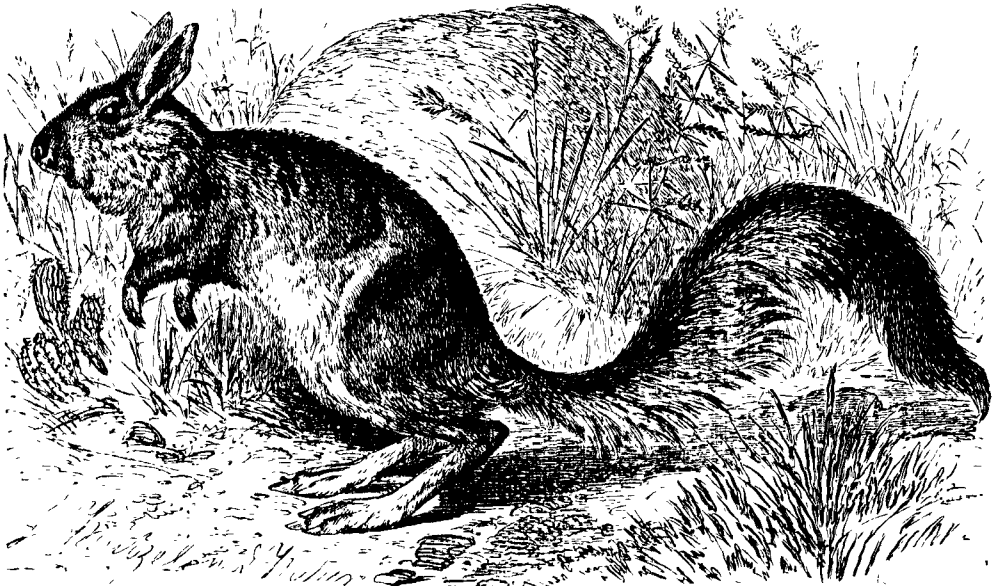
Такъ какъ онъ, подобно своимъ родичамъ, принадлежитъ къ ночнымъ живот-

Скелетъ кафрскаго долгонога.

нымъ, то только съ наступленіемъ сумерекъ начинается его настоящая жизнь. Онъ потихонько выходитъ изъ своего жилища, скорѣе ползетъ, нежели идетъ на четверинкахъ, и отыскиваетъ себѣ коренья, листья и зерна, составляющіе его пищу. Почти каждую минуту онъ приподнимается на заднихъ лапахъ и прислушивается, такъ какъ находится въ постоянномъ безпокойствѣ.

Если онъ не ѣсть, то чистится, а когда не чистится, то заботится, повидимому, о своей безопасности. По временамъ онъ издаетъ хрюканье или бляенье, вѣроятно для того, чтобы созвать своихъ товарищей. Пищу онъ подноситъ ко рту, какъ и тушканчики, передними лапами. Насколько медленно онъ подвигается, когда идетъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, настолько проворенъ его бѣгъ, состоящій изъ быстро другъ за другомъ слѣдующихъ скачковъ. На заднихъ ногахъ онъ быстро отскакиваетъ отъ земли вверхъ и опять падаетъ на заднія ноги, ничуть не опро-

Долгоногъ. *Pedetes caffer*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

кидываясь впередъ. Переднія ноги остаются сложенными на груди. Обыкновенная длина его прыжка достигаетъ 2—3 метровъ, но если его преслѣдуютъ, то онъ ускоряетъ свой бѣгъ до того, что тогда средняя длина его прыжка достигаетъ 6—10 метровъ: числа эти единогласно даютъ Форстеръ и Шаррманъ. При этомъ онъ указываетъ такую легкость, что кажется, будто онъ не въ состояніи когда-нибудь утомиться, и такимъ образомъ обыкновенно спасается отъ своихъ враговъ. Только сырость ослабляетъ его проворство. Готтентоты увѣрили Лихтенштейна, что онъ въ дождливую погоду никогда не выходитъ изъ своего жилища, и что во время сильнаго ливня его легко поймать руками, до того онъ ослабѣваетъ отъ сырости. Если же провести въ ихъ нору воду, то можно поймать сколько угодно долгоноговъ. Несмотря однако на это, все-таки не такъ легко овладѣть звѣркомъ, ибо онъ сильно защищается задними ногами, ударяя ими впередъ и причиняя своими когтями серьезныя пораненія.

Относительно размноженія ихъ знаютъ еще мало. Самка рождаетъ лѣтомъ отъ 3—4 дѣтенышей, которыхъ она долгое время кормитъ молокомъ; они затѣмъ съ

нею вмѣстѣ выходить и долго живутъ въ одномъ помѣщеніи. Говорятъ, что при наступленіи дождливаго времени все семейство часто цѣлые дни проводитъ въ свернутомъ положеніи, тѣсно прижавшись другъ къ другу внутри своего жилища. При хорошемъ уходѣ долгоногъ переноситъ неволю легко и долго, скоро становится ручнымъ и довѣрчивымъ къ своему хозяину. Только если его сильно мучаютъ, онъ старается, кусаясь, отомстить за несправедливость. Его опрятность располагаетъ всѣхъ къ нему, а кормленіе его не причиняетъ ни малѣйшаго труда: пшеница, хлѣбъ, салатъ и капуста вполне удовлетворяютъ его. Спитъ онъ сидя, спрятавъ голову между бедрами и нажимая скрещенными передними ногами уши на глаза.

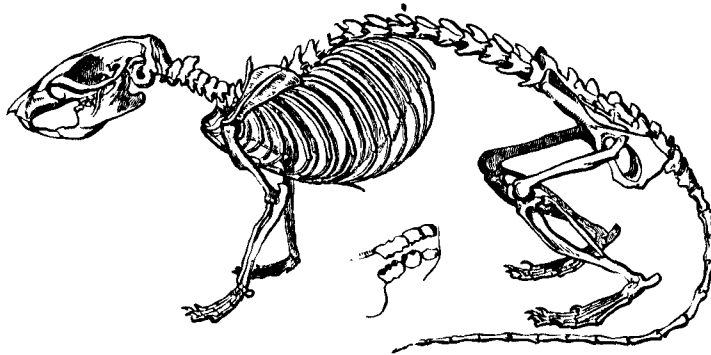
У голландскихъ поселенцевъ южной Африки охота на этого звѣрка одна изъ любимѣйшихъ, ибо мясо ихъ очень цѣнится, а мѣхъ имѣетъ то-же примѣненіе, какъ и мѣхъ нашего зайца. Охотятся почти исключительно при ясномъ лунномъ свѣтѣ, становясь въ мѣстахъ, гдѣ много норокъ и ожидая, пока какой-либо долгоногъ не приблизится. По словамъ Фритша иногда въ одну лунную ночь можно убить до дюжины этихъ проворныхъ животныхъ. Въ сравненіи съ пользою, приносимою охотою на земляныхъ зайцевъ, вредъ, который они причиняютъ, роаясь иногда въ поляхъ и садахъ, очень незначителенъ; къ тому-же очень легко ихъ прогнать, если они становятся въ тягость.

Никакое другое семейство этого класса не даетъ намъ столь основательнаго понятія о томъ, что такое грызуны, какъ то, которое включаетъ въ себя **Мышей** (Muridae). Семейство это не только самое богатое родами и видами, но и одно изъ наиболѣе распространенныхъ, а, благодаря своей склонности слѣдовать повсюду за человѣкомъ, оно и теперь способно къ еще большому распространенію, по крайней мѣрѣ, что касается нѣкоторыхъ отдѣльныхъ родовъ.

Члены этого семейства всѣ безъ исключенія маленькаго роста, но этотъ недостатокъ вполне вознаграждается численностью особей. Желая дать общую картину внѣшности этихъ звѣрковъ, можно сказать, что отличительными признаками семейства служатъ: острое рыльце, большіе, черные глаза, широкія, глубоко вогнутыя, покрытыя рѣдкими волосами уши, длинный, покрытый волосами, или также часто голо-чешуйчатый хвостъ и маленькія ножки, тонкія нѣжныя о пяти пальцахъ лапки, а также короткая мягкая шубка. Однако многія мыши имѣютъ внѣшніе признаки, сближающіе ихъ съ представителями другихъ семействъ этого же класса: такъ, острые щетинистые волоса напоминаютъ иглы ежа, настоящія плавательныя лапы, короткія уши и ноги — бобра, толстый, пушистый хвостъ — бѣлку, и пр. Болѣе или менѣе въ соотношеніи съ этими внѣшними измѣненіями основнаго типа находится строеніе зубовъ. Обыкновенно рѣзцы узки и болѣе толсты, чѣмъ широки, съ широкимъ острымъ краемъ или простымъ остриемъ; они на передней поверхности плоски или выпуклы, бѣлы или окрашены, а также иногда съ продольною бороздкою посрединѣ. Три коренныхъ зуба въ каждомъ ряду, уменьшающіеся въ величинѣ спереди назадъ, образуютъ остальную часть зубнаго аппарата; но число ихъ также уменьшается до 2 или увеличивается до 4 въ верхней челюсти. Они бываютъ или покрыты эмалевыми бугорками и съ двумя корнями, или съ поперечными складками, и съ боковыми выемками. Отъ жеванія они стачиваются, и тогда получается поверхность ровная или складчатая. 12 — 13 позвонковъ имѣютъ ребра, 3 — 4 образуютъ крестецъ и 10 — 36 — хвостъ. У нѣкоторыхъ видовъ встрѣчаются также защитные мѣшки, но у другихъ они совершенно отсутствуютъ; у однихъ желудокъ устроенъ просто, у другихъ сильно перетянутъ и пр.

Мыши — космополиты, но, къ сожалѣнію, въ худшемъ значеніи этого слова. Всѣ

части земного шара знаютъ представителей этого семейства, и тѣ счастливые острова, которые до настоящаго времени были ими пощажены, съ теченіемъ времени непремѣнно заселятся хоть, по крайней мѣрѣ, однимъ какимъ-либо видомъ, такъ какъ многіе изъ мышей имѣютъ страсть къ путешествіямъ. Мыши населяютъ всѣ страны и всѣ климаты, и хотя равнины умѣренныхъ и теплыхъ странъ онѣ предпочитаютъ суровымъ горнымъ мѣстностямъ или холодному сѣверу, однако встрѣчаются и тамъ, куда достигаетъ граница растительности, стало быть въ гористыхъ мѣстностяхъ доходятъ до линіи вѣчнаго снѣга. Благоустроенныя мѣстности, плодоносныя поля, плантации составляютъ безусловно любимѣйшія ихъ мѣстопробыванія, но и болотистыя пространства, берега рѣкъ и ручьевъ точно также достаточно пригодны для нихъ, и даже тощія, сухія, еле поросшія травой и кустарникомъ равнины доставляютъ имъ еще возможность для существованія. Нѣкоторые виды избѣгаютъ близости человѣческихъ поселеній, другіе, наоборотъ, навязываются человѣку, какъ непрошенныя гости, и слѣдуютъ за нимъ всюду, гдѣ онъ основываетъ новое поселеніе, даже черезъ море. Онѣ заселяютъ дома и дворы, амбары и конюшни, сады и поля, луга и лѣса, вездѣ причиняя своими зубами вредъ и бѣдствіе. Только немногіе виды

Скелетъ мышки.

живутъ отдѣльно или парами, большая часть живутъ обществами, и нѣкоторые виды встрѣчаются несмѣтными стадами. Почти всѣ обладаютъ необыкновенною способностью къ размноженію; число дѣтенышей одного только помета колеблется отъ 6 — 21, и большая часть видовъ даетъ приплодъ нѣсколько разъ въ годъ, не исключая даже зимы.

Мыши приспособлены во всѣхъ отношеніяхъ къ тому, чтобы терзать и мучить людей, и все устройство тѣла, повидимому, особенно помогаетъ имъ въ этомъ направленіи. Ловкія и проворныя въ движеніяхъ, онѣ превосходно умѣютъ бѣгать, прыгать, лазать, плавать, проникать сквозь самыя узкія отверстія, а если не находятъ доступа, то острыми зубами пробиваютъ себѣ путь. Онѣ довольно умны и осторожны, но въ то-же время дерзки, безстыдны, наглы, хитры и смѣлы; всѣ ихъ чувства утончены, но обоняніе и слухъ далеко превосходятъ остальные. Пищу ихъ составляютъ всѣ съѣдобныя вещества растительнаго и животнаго царства. Съмена, плоды, корни, кора, листья, трава, составляющіе ихъ естественную пищу, пожираются ими не менѣ охотно, чѣмъ насѣкомыя, мясо, жиръ, кровь и молоко, масло и сыръ, кожа и кости, а то, чего не могутъ съѣсть, онѣ по крайней мѣрѣ изгрызутъ и искусаютъ, какъ напр. бумагу и дерево. Воду пьютъ онѣ вообще очень рѣдко; за то крайне лакомы до всякихъ болѣе питательныхъ жидкостей и самыми хитрыми способами стараются достать ихъ. При этомъ онѣ опустошаютъ всегда гораздо больше,

чѣмъ сѣдають, и потому становятся самыми непріятными врагами человѣка, вызывающими неизбѣжно всю его ненависть; жестокости, которыя онъ позволяетъ себѣ при ихъ преслѣдованіи, съ этой точки зрѣнія, если не извинительны, то все-таки понятны. Только очень немногія изъ нихъ — безобидные и безвредные звѣрки и заслуживаютъ нашего расположенія ради своего щеголеватого вида, прелести движеній и добродушнаго нрава. Къ нимъ принадлежатъ мастера въ строительномъ искусствѣ, строящіе лучше всѣхъ другихъ млекопитающихъ свои гнѣзда и, благодаря своей малочисленности и незначительному потребленію пищи, не столь вредные, какъ ихъ сородичи, между тѣмъ какъ другіе виды — тоже своего рода строители, возводящіе себѣ большія или меньшія жилища подъ землею, — становятся ненавистными, именно благодаря этому обстоятельству. Нѣкоторые виды, обитающіе въ холодныхъ и умѣренныхъ странахъ, подвергаются зимней спячкѣ и сносятъ запасы на зиму; иные по временамъ несмѣтными толпами предпринимаютъ переселенія, оканчивающіяся, впрочемъ, обыкновенно ихъ гибелью.

Для содержанія въ неволѣ годятся немногія породы, потому что только самая незначительная часть всего семейства способна легко приручаться и отличается миролюбивымъ отношеніемъ другъ къ другу. Остальныя и въ клѣткѣ остаются непріятными, задорными, злыми созданиями, которыя отплачиваютъ зломъ за посвящаемыя имъ дружбу и заботы. Собственно пользы мыши не доставляютъ человѣку никакой; если-же и употребляютъ въ дѣло иногда шкурки того или иного вида или даже ѣдятъ ихъ мясо, то это не можетъ вознаградить того громаднаго вреда, который причиняетъ все это семейство.

Песчанки выдѣляются отъ остальныхъ родичей въ особое подсемейство (*Merionidinae*, *Reppmäuse*, *Gerbilles*). Тѣло ихъ скорѣе коренастое, чѣмъ вытянутое, шея короткая и толстая, голова довольно короткая, сади широкая, спереди суживающаяся, рыльце заостренное, хвостъ почти равенъ длинѣ тѣла, равномерно густо покрытъ волосами, иногда даже заканчивается кисточкой, но никогда не бываетъ голымъ. Заднія конечности нѣсколько длиннѣе переднихъ; ноги имѣютъ по 5 пальцевъ; однако большой палецъ переднихъ ногъ имѣетъ собственно видъ только бородавки съ гладкимъ ногтемъ, тогда какъ остальные пальцы имѣютъ короткіе, слабо загнутые и заостренные когти. Уши и глаза очень велики. Мѣхъ густой, гладко прилегающій и мягкій, на верху тѣла ржаво-бурый или чалый, снизу свѣтлый или бѣлый, однако не рѣзко отграничивающійся отъ верхней окраски. Рѣзцы по большей части покрыты бороздками и окрашены въ темный цвѣтъ, коренные зубы, по 3 въ каждомъ ряду, уменьшаются въ величинѣ спереди назадъ. Черепъ ихъ похожъ на черепъ крысъ, даже по сильно вздутымъ слуховымъ косточкамъ; позвоночный столбъ состоитъ изъ 7 шейныхъ, 12—13 спинныхъ 6—7 поясничныхъ 4 крестцовыхъ и 20—31 хвостовыхъ позвонковъ.

Область распространенія песчанокъ ограничивается Африкой, южной Азіей и юго-восточной Европой. Онѣ охотнѣе всего живутъ въ заселенныхъ странахъ, хотя встрѣчаются и на самыхъ тощихъ равнинахъ и въ степяхъ, часто въ необыкновенно большомъ количествѣ. Нѣкоторые виды общежительны, соединяются въ стада и становятся тогда столь-же вредными, какъ и наши полевые мыши. Большая часть изъ нихъ выкапываютъ неглубокіе подземные ходы, гдѣ и проводятъ весь день. Съ наступленіемъ сумерекъ песчанки выходятъ отыскивать себѣ пищу. Ихъ движенія необыкновенно быстры и оживленны; говорятъ, что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ дѣлать значительные скачки. Робкія и нугливыя, какъ и прочія мыши, онѣ поспѣшно убѣгаютъ въ свои норы при самомъ незначительномъ безпокой-

ствѣ. Пищу ихъ составляютъ всевозможныя сѣмена и корни, а главнымъ образомъ зерновые хлѣба. На засѣянныхъ поляхъ онѣ производятъ ужасныя опустошенія, отгрызаютъ колосья и утаскиваютъ въ свои жилища, гдѣ ихъ спокойно сѣдуютъ, или, вымолотивъ зерна, сохраняютъ на случай неблагоприятнаго времени. Запасы, которые онѣ собираютъ, бываютъ столь значительны, что при раскопкѣ ихъ норъ можно получить довольно богатую добычу, ибо на пространствѣ, имѣющемъ 20 шаговъ въ окружности, находятъ часто болѣе четверика превосходнѣйшихъ колосьевъ, спрятанныхъ подъ землю. Животная пища очень любима песчанками такъ-же, какъ и нашими крысами, и насѣкомыя ими усердно преслѣдуются. Кажется, онѣ въ состояніи жить безъ воды; по крайней мѣрѣ ихъ нерѣдко встрѣчаютъ на сухихъ равнинахъ, на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ ручьевъ или колодезь.

Вслѣдствіе опустошеній, причиняемыхъ ими на поляхъ, онѣ столь-же ненавистны жителямъ своей родины и такъ-же преслѣдуются ими, какъ и наши крысы. Извести ихъ невозможно, какъ-бы усердно ни старались ихъ преслѣдовать: размноженіе ихъ такъ сильно, что сколько-бы человекъ ихъ ни истреблялъ, потеря эта быстро вознаграждается ихъ плодовитостью. Относительно ихъ размноженія въ свободномъ состояніи ничего достаточно точнаго неизвѣстно; знаютъ только, что самка нѣсколько разъ въ годъ приноситъ довольно значительное потомство.

Нѣкоторые виды считаются пріятными животными для содержанія въ неволѣ. Таковыя отличаются какъ своею подвижностью и чистоплотностью, такъ и кротостью и миролюбіемъ; однако послѣднія два качества сохраняются ими только до тѣхъ поръ, пока они ни въ чемъ не испытываютъ недостатка, но песчанки становятся также хищниками, когда приходится терпѣть недостатокъ въ чемъ-нибудь.

* *
*

Египетская песчанка (*Psammomys obesus*. Sandrennmaus. Gerbille d'Egypte.) величиною бываетъ съ нашего пасюка, но имѣетъ гораздо болѣе короткій хвостъ, который при общей длинѣ животнаго въ 32 см. достигаетъ едва 13 см.; сверху она красновато-песочнаго цвѣта, съ черными пятнышками, на бокахъ и снизу свѣтло-желтаго. Щеки желтовато-бѣлаго цвѣта съ тонкими черными полосками, уши свѣтло-желтыя, лапки свѣтло-охроваго цвѣта. Въ усахъ нѣкоторые волоса черныя, другіе бѣлые, у третьихъ, наконецъ, у корня черныя, а къ концу свѣтлые. Главный признакъ этого вида составляютъ рѣзцы безъ бороздокъ съ еле намѣченнымъ желобкомъ на внутреннемъ краѣ.

Въ Египтѣ эта мышь встрѣчается на покрытыхъ пескомъ мѣстахъ пустыни, особенно часто на тѣхъ мусорныхъ горахъ, которыми окружены всѣ города страны фараоновъ. Она прокладываетъ себѣ разнообразно развѣтвляющіеся, довольно глубокіе ходы, охотѣе всего подъ и между низкимъ тернистымъ кустарникомъ и тѣми немногочисленными ползучими растеніями, которыя довольно скудно покрываютъ мѣста жительства ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляютъ имъ пропитаніе. Такъ какъ песчанки и днемъ появляются передъ своими жилищами, то ихъ легко можно наблюдать. Часто видно, какъ 10—15 штукъ ихъ бѣгаютъ то туда, то сюда, играютъ другъ съ другомъ и лакомятся тѣмъ или другимъ растеніемъ. Приближающійся человекъ или случайно бѣгающая собака моментально разгоняютъ все общество; но немного спустя, то тамъ, то сямъ изъ норки выглядываетъ головка, и если спокойствіе возстановится, то все общество вскорѣ снова выходитъ изъ убѣжища.

Я не замѣтилъ, чтобы египетская песчанка отличалась особенной быстротой бѣга. Относительно семейной жизни я тоже не сдѣлалъ никакихъ наблюденій.

Арабы въ этой песчанкѣ видятъ нечистое животное и не преслѣдуютъ ея. Тѣмъ ревностнѣе занимаются охотой за такой вкусной дичью бродячія собаки, и часто можно видѣть одну изъ нихъ стоящую съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ передъ однимъ изъ выходныхъ отверстій норъ песчанокъ.

Жизнь ихъ въ неволѣ лучше и подробнѣе всего описалъ Дене. «Въ клѣткѣ», говоритъ онъ, «должно содержать этихъ животныхъ очень тепло, ибо они въ высокой степени чувствительны къ холоду. Во многихъ мѣстахъ, напр., въ Берлинскомъ зоологическомъ саду, они размножились, однако все еще рѣдко встрѣчаются въ коллекціяхъ любителей или музеевъ. Я получилъ изъ Берлина одного самца безъ данныхъ относительно возраста; но онъ векорѣ околѣлъ, такъ какъ слишкомъ ожирѣлъ. Онъ ѣлъ сливы, яблоки, вишни, груши, малину, землянику, мансъ, овесъ, конопляное сѣмя, хлѣбъ, молоко, булки, сухари и пр. Варенія картофеля, свеклу, морковь онъ грызеть только изрѣдка отъ скуки; но косточки отъ сливъ съ жадностью раскусывалъ, чтобы достать содержимое, которое ему, казалось, служило лѣкарствомъ, можетъ быть помогающае пищеваренію. Животное держало себя очень чисто и въ клѣткѣ имѣло особое мѣстечко для испражненій, которыя въ отношеніи величины самого животного были очень малы, чуть-чуть больше, чѣмъ у нашей домашней мыши. Никакого противнаго запаха оно не распространяло, мочилось-же вообще очень мало, что насыпанныя внизу клѣтки опилки всегда оставались сухими. По цѣлымъ часамъ грызло оно прутья клѣтки, но никогда не пробовало продѣлать отверстія. Когда оно садилось на заднія ноги, то напоминало извѣстные положенія тушканчиковъ. Переднія ноги были почти скрыты въ длинномъ, шелковистомъ мѣху. Настоящаго голоса я отъ него никогда не слышалъ, а только иногда какой-то звукъ, повторяемый въ промежуткѣ нѣсколькихъ секундъ, звучащій какъ подавленный кашель. Впоследствии я получилъ полузрелую самку. Она была гораздо живѣе, чѣмъ самецъ. Цѣлую ночь бѣгала она по клѣткѣ то туда, то сюда, а днемъ спала. Во время сна она сидитъ на заднихъ лапахъ, уткнувъ голову между бедрами и положивъ подъ голову хвостъ въ кружокъ.

«1-го сентября моя песчанка родила шестерыхъ дѣтенышей. Я удалилъ самца изъ клѣтки и далъ матери свѣжаго сѣна, изъ котораго она тотчасъ приготовила себѣ уютное гнѣздышко. Новорожденные были очень похожи на маленькихъ пасюковъ, но только нѣсколько больше. Мать очень заботилась о нихъ и, покидая гнѣздо, всякій разъ прикрывала ихъ сѣномъ. Иногда, особенно во время благодѣтельнаго для нея полуденнаго зноя, она кормила ихъ, лежа на боку, такъ что тогда можно было хорошо наблюдать дѣтенышей. Они были очень живого нрава и сосали съ жадностью. Четыре дня спустя послѣ рожденія они стали уже совершенно сѣрыми, на 6-й день жизни имѣли величину мыши-малютки, и все тѣло было покрыто чрезвычайно нѣжнымъ пухомъ сѣро-голубого цвѣта. Ростъ ихъ подвигался быстро впередъ. На 13 день они всѣ покрылись короткими волосами, причемъ верхняя половина тѣла имѣла уже свойственный взрослымъ рыжеватый цвѣтъ, и ясно различался черный кончикъ хвоста. Они бѣгали иногда вокругъ своего логовища, хотя нѣсколько неуклюже и неповоротливо, и, будучи еще слѣпыми, сидели часто на заднія лапы и чистили себя. Но мать всегда старалась скрыть ихъ отъ наблюдателей, брала одного за другимъ въ ротъ, быстро уносила обратно въ гнѣздо и заботливо скрывала ихъ тамъ. Если кто-нибудь оставался болѣе продолжительное время вблизи ея, то она начинала сильно беспокоиться и съ величайшею скоростью бѣгала вокругъ клѣтки, неся во рту то одного, то другого изъ дѣтенышей. Кажется, должно-бы было опасаться, что она повредитъ нѣжныхъ животныхъ; однако этого никогда не случалось, и молодыя песчанки не выказывали ни ма-

лѣйшихъ признаковъ боли или поврежденій. На 16 день жизни у нихъ прорѣзались глаза. Тогда онѣ уже стали грызть овесъ, маисъ, ячмень, а нѣсколько дней спустя можно было уже по слуху убѣдиться въ дѣятельности ихъ рѣзцовъ. На 21 день онѣ достигли величины домашней мыши, а на 25 день — лѣсной. Теперь онѣ сосали уже только изрѣдка, хотя, какъ я замѣтилъ, нѣкоторые занимались этимъ, имѣя даже болѣе мѣсяца отъ роду. Онѣ ѣли уже все, что получала ихъ мать; размоченную въ водѣ булку, хлѣбъ, овесъ, ячмень, маисъ. Послѣдній въ особенности имъ понравился, когда онъ былъ только что снятъ и еще мягокъ. Конопляное сѣмя и тыквенныя зерна онѣ очень любили; за-то мало цѣнили груши, яблоки и другіе плоды, отвѣдывая ихъ иногда только немного.

5-го октября самецъ, отдѣленный еще 1-го сентября, въ первый разъ издалъ ясно различаемые звуки. Послѣдніе состояли изъ воркованья и трели, въ которыхъ слышалась отчасти нѣкоторая мелодія, и были похожи на звуки, издаваемые морскою свинкою, только слабѣе. Это пѣніе продолжалось почти четверть часа; до сихъ поръ я ничего подобнаго не слышалъ отъ своего плѣнника. 6-го октября, къ великому моему удивленію, я замѣтилъ, что мать появившихся на свѣтъ дѣтенышей уже опять родила пятерыхъ. Она, стало быть, была беременна 36 дней и, значить, тотчасъ послѣ разрѣшенія отъ бремени опять была оплодотворена своимъ самцомъ.

«Песчанку можно причислить къ животнымъ изъ семейства грызуновъ, которыхъ удобнѣе всего содержать для удовольствія въ неволѣ. Она становится необыкновенно ручной, выходитъ изъ клѣтки, беззаботно бѣгаетъ по столу и позволяетъ себя ловить и брать въ руки, не показывая даже вида, что хочетъ укусить. Ея большіе не очень выдающіеся глаза и прекрасная шкура много способствуютъ пріятному впечатлѣнію, которое она производитъ на зрителя; даже густо покрытый волосами хвостъ съ черной кисточкой на концѣ служитъ ей украшеніемъ.

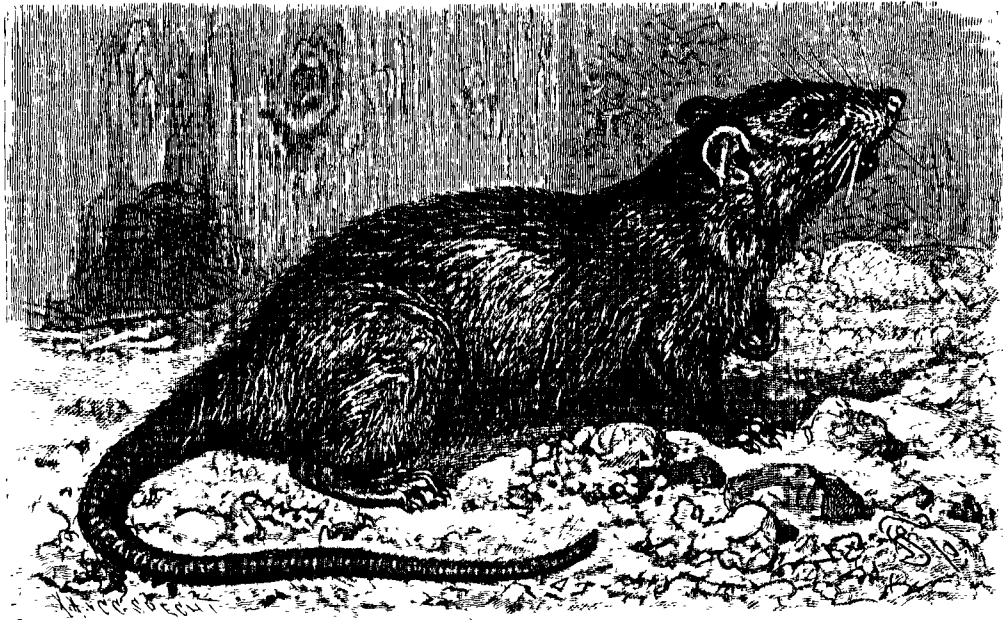
«Такъ какъ песчанка, какъ ночное животное, живетъ преимущественно съ вечера до утренняго разсвѣта, отыскивая пищу и проводя время въ прыганьи, бѣгѣ и играхъ, то понятно, узкая клѣтка представляетъ слишкомъ мало пространства, чтобы предпринять разнообразнѣйшія тѣлесныя упражненія, не повреждая гнѣзда. Поэтому отъ гнѣзда, пока дѣтеныши были слѣпы, ночью не видно было и слѣда, и все было однообразно утопано. Дѣтеныши были покрыты, и едва можно было предполагать, если-бы они не возлились, что въ клѣткѣ, кромѣ матери, находится еще живыя существа» *).

Типическія животныя этого семейства, **Мыши** въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (*Murinae*), какъ спутники человѣка (мірскіе захребетники), вслѣдствіе своей навязчивости, слишкомъ хорошо ему извѣстны по образу жизни и нравамъ. Между ними находятся тѣ виды, которые вмѣстѣ съ человѣкомъ распространились по всей землѣ и въ наше время поселились даже на пустыньнѣйшихъ островахъ. Расселеніе этихъ животныхъ совершилось еще не очень давно: для многихъ мѣсть довольно точно извѣстенъ годъ, въ которомъ они впервые появились; въ настоящее-же время кругосвѣтное ихъ путешествіе совершенно окончено. Нигдѣ не благодарить ихъ человѣкъ за кажущуюся привязанность, которую они обнаруживаютъ къ его личности, дому и двору; вездѣ онъ ихъ ненавидитъ и преслѣдуетъ самымъ беспощаднымъ образомъ, изыскивая всевозможныя средства, чтобы освободиться отъ нихъ; однако они все-таки

*) Въ Россіи, около Каспійскаго моря водится другой видъ песчанокъ, именно **Гребенциновая песчанка** (*M. tamariscinus*), которая живетъ въ солончаковыхъ степяхъ.

остаются его захребетниками, вѣрнѣе собаки, вѣрнѣе всякаго другого животнаго. Къ сожалѣнію, эти наиболѣе привязанные друзья дома гнуснѣйшіе домашніе воры, умѣющіе всюду втереться своими мошенническими орудіями и причиняющіе своему хозяину только вредъ и убытки. Отсюда ясно, почему всѣ мыши обзываются всѣми гадкими, мерзкими животными, хотя въ дѣйствительности онѣ вовсе не таковы и, напротивъ, должны быть названы скорѣе довольно пригожими звѣрючками.

Вообще у мышей, соединяемыхъ во второе подсемейство, характерны: остренькая, покрытая волосами мордочка, широкая раздвоенная верхняя губа, расположенные въ 5 рядовъ, длинные и жесткіе усы, большіе, круглые, черные глаза, уши, ясно выдающіяся изъ шерсти, и главнымъ образомъ длинный, голый, скудно только одѣтый жесткими волосами и покрытый, вмѣсто шерсти, четырехъугольными

Черная крыса. *Mus rattus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

и ромбическими чешуйками хвостъ. На переднихъ ногахъ по 4 пальца и по одному большому пальцу въ видѣ бородавки, на заднихъ-же — по 5 пальцевъ. Въ зубной системѣ находимъ по 3 коренныхъ зуба въ каждой половинѣ челюсти, которые сзади становятся меньше. Жевательныя поверхности на нихъ покрыты бугорками, которые со временемъ все болѣе и болѣе стираются, и тогда получаютъ поперечныя складки эмали, которыя въ глубокой старости также могутъ исчезнуть. Мѣхъ состоитъ изъ короткихъ пушистыхъ волосъ подшерстка и болѣе длинныхъ жесткихъ волосъ ости, которые подъ микроскопомъ оказываются сплюснутыми. Въ окраскѣ шерсти преобладаютъ темно-бурый и свѣтло-желтый цвѣта.

Уже въ обыденной жизни различаютъ двѣ главныя группы ихъ: крысы и мыши; это-же раздѣленіе признаетъ и наука. Крысы болѣе неуклюжаго и болѣе противнаго вида, мыши-же болѣе красивы и миловидны. У первыхъ хвостъ имѣетъ около 200—260 чешуйчатыхъ колецъ, у вторыхъ отъ 120 до 180; у тѣхъ ноги толстыя и сильныя, у этихъ стройныя и тонкія; крысы во взросломъ состояніи зна-

чительно больше, чѣмъ ихъ сородичи; первыя имѣютъ раздѣльныя поперечныя складки на нѣбѣ, а у послѣднихъ поперечныя складки, только начиная со второй, раздѣляются по серединѣ. Отсюда видно, что эти отличительные признаки требуютъ всегда довольно старательнаго изслѣдованія и имѣютъ цѣну собственно только для изслѣдователя-специалиста. Напротивъ, по образу жизни собственно крысы различаются отъ настоящихъ мышей довольно рѣзко.

Съ достаточнымъ основаніемъ мы можемъ принять, что крысы, живущія теперь въ Европѣ, первоначально не принадлежали къ туземнымъ животнымъ и только впоследствии переселились къ намъ. Въ сочиненіяхъ древнихъ писателей находится только одно единственное мѣсто, могущее указывать на крысъ; остается однако невыясненнымъ, какой видъ могъ подразумѣвать Аминтасъ, сообщеніе котораго приводитъ Эліанъ. По нѣкоторымъ указаніямъ черная крыса появилась въ Европѣ и Германіи раньше другихъ; за ней послѣдовалъ пасюкъ, и наконецъ за послѣднимъ въ новѣйшее время появилась новая крыса, происходящая изъ Египта (*Mus alexandrinus*). Пасюкъ, какъ самый сильный изъ всѣхъ, прогналъ и уничтожилъ обѣихъ родственницъ и почти повсюду оказался преобладающимъ. Мы надѣемся, что намъ не придется имѣть дѣла съ другими сочленами этого семейства, охотниками до путешествій, въ особенности, что мы останемся пощаженными отъ переселенія **Хомяковой крысы** (*Mus* или *Cricetomys gambianus*), которая далеко превосходитъ нашихъ крысъ не только величиной, но и дѣятельностью, и въ настоящее время причиняетъ Занзибарскимъ купцамъ болѣе хлопотъ, чѣмъ всѣ европейскія крысы, вмѣстѣ взяты: только, въ томъ случаѣ, если-бы этотъ звѣрекъ появился у насъ, мы-бы узнали, что могутъ натворить крысы.

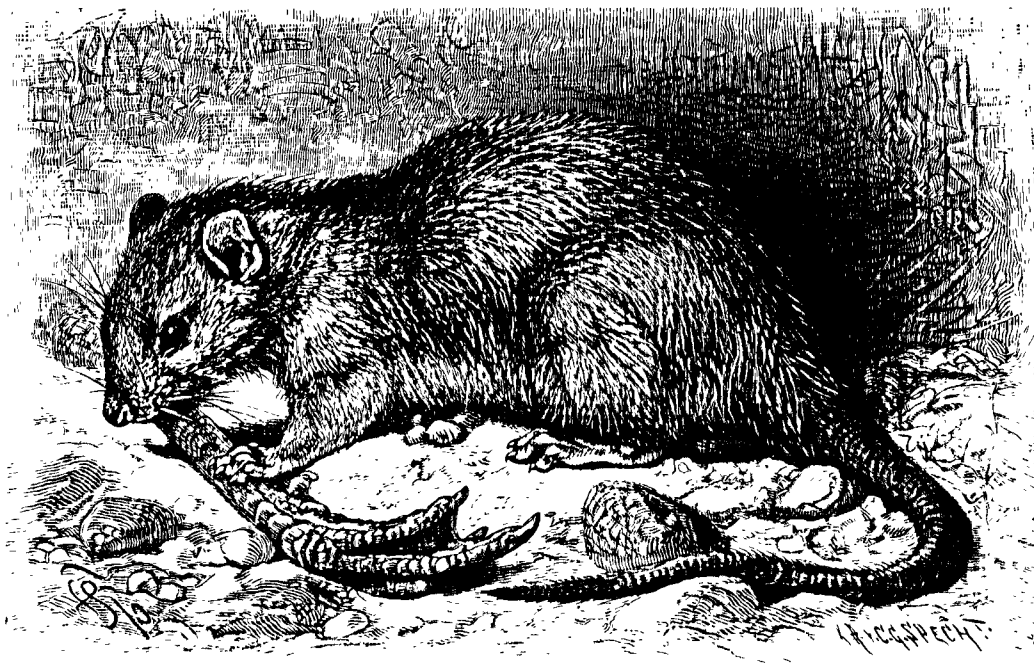
Пока будетъ достаточно, если я опишу два самыхъ извѣстныхъ вида, черную крысу и пасюка.

Черная крыса (*Mus rattus*. Hausratte. Rat.) достигаетъ 35 см. длины, при чемъ туловище имѣетъ до 16 см., а хвостъ до 19 см.; туловище ея сверху темнаго, буровато-чернаго цвѣта, снизу немного свѣтлѣе, сѣровато-чернаго цвѣта. Темно-сѣрые у основанія волоса имѣютъ зеленоватый металлическій отливъ. Ноги имѣютъ сѣробурый, съ боковъ нѣсколько болѣе свѣтлый цвѣтъ. На относительно длинномъ хвостѣ насчитываютъ 260—270 чешуйчатыхъ колець. Альбиносы не рѣдки.

Когда появился этотъ видъ въ Европѣ, съ точностью опредѣлить нельзя. Альбертъ Магнусъ первый изъ зоологовъ описываетъ его какъ животное, водящееся въ Германіи; судя по этому онъ, уже въ 13 столѣтіи жилъ въ Европѣ. Геснеръ описываетъ эту крысу какъ животное, которое «многимъ больше знакомо, чѣмъ люблю». Епископъ Отенскій въ началѣ XV столѣтія произноситъ надъ ней церковное проклятіе; въ Зондергаузенѣ, чтобы избавиться отъ крысъ, устанавливается день молитвы и покаянія. Весьма возможно, что эти животныя родомъ изъ Персіи, гдѣ еще до сихъ поръ они встрѣчаются въ невѣроятномъ количествѣ. До первой половины прошлаго столѣтія только этотъ видъ въ Европѣ и встрѣчался; но съ этого времени пасюкъ начинаетъ оспаривать у него мѣсто, и съ такимъ успѣхомъ, что тотъ повсюду долженъ былъ уступить. Хотя черная крыса и въ настоящее время еще очень значительно распространена по всѣмъ частямъ земли, но только рѣдко является въ сомкнутыхъ массахъ, а почти повсюду разсѣяна въ одиночку. Въ Германіи, кажется, она исчезла вездѣ; однако между прочимъ извѣстны мѣста находенія ея въ сѣверо-западной Германіи (Бременъ, Люнебургъ) и въ Тюрингіи (у Рудольфшгадта). Она также послѣдовала за человѣкомъ во всѣ климаты земного шара и путешествовала съ нимъ по сушѣ и морю вокругъ свѣта. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что раньше она не встрѣчалась ни въ Америкѣ, ни въ Австраліи, ни въ Африкѣ;

но суда ее перенесли на все берега, а с берегов переселилась она все дальше и дальше вглубь страны. Теперь же встрѣчают ее также в южных частях Азии, особенно в Индии, в Африкѣ и преимущественно в Египтѣ и Марокко, а также на мысѣ Доброй Надежды, в Америкѣ, Австраліи и на островахъ Тихаго океана.

Пасюкъ (*Mus decumanus*, *Mus hibernicus*, *silvestris* и *aquaticus*, *Glis norvegicus*. *Wanderratte*. *Surmulot*.) значительно больше, именно длиною въ 42 см., включая 18 см. длины хвоста; цвѣтъ шерсти различенъ на спинѣ и на животѣ. Верхняя часть тѣла и хвоста буровато-сѣраго цвѣта, нижняя часть туловища сѣровато-бѣлаго, обѣ части рѣзко разграничены; середина спины обыкновенно нѣсколько темнѣе, чѣмъ бока тѣла, которые впадаютъ больше въ желтовато-сѣрый оттѣнокъ. Подшерстокъ сверху буровато-сѣрый, снизу свѣтлѣе, болѣею частью блѣдно-сѣ-

Пасюкъ. *Mus decumanus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

рый. Хвостъ имѣетъ около 210 чешуйчатыхъ колецъ. Иногда на верхней поверхности переднихъ ногъ попадаются буроватые волоски; также встрѣчаются особи совершенно черныя, бѣлыя съ красными глазами, чалыя и пѣгя. Последнія бываютъ или черныя съ бѣлыми, или сѣрыя съ бѣлыми пятнами, причемъ голова, шея, плечи и переднія ноги ихъ, а также болѣе или менѣе широкая полоска на спинѣ почти всегда чернаго или сѣраго цвѣта, а остальные части бѣлаго цвѣта.

Съ большою вѣроятностью можно принять, что пасюкъ пришелъ къ намъ изъ Азии, а именно изъ Индии или Персіи. Весьма возможно, что уже Эліанъ имѣлъ его въ виду, рассказывая, что «каспійская мышь» въ известное время переселяется въ безконечномъ множествѣ, безбоязненно переплывая рѣки, причемъ каждое животное зубами держится за хвостъ передняго. «Если онѣ нападаютъ на поля», говоритъ онъ, «то подтачиваютъ хлѣбъ и влѣзаютъ на деревья за плодами, но въ свою очередь становятся добычею налетающихъ цѣлыми тучами хищныхъ птицъ и множества живущихъ тамъ лисицъ. По величинѣ онѣ нисколько не уступаютъ ихневмону, очень

злы и зубасты и имѣютъ столь крѣпкіе зубы, что могутъ перегрызть ими даже желѣзо, какъ вавилонскія мыши, нѣжныя шкурки которыхъ вывозятся въ Персію, гдѣ онѣ идутъ на подкладку платьевъ». Палласъ первый описываетъ пасюка, какъ несомнѣнно принадлежащаго къ европейскимъ животнымъ, и сообщаетъ, что онъ осенью 1727 года, послѣ одного землетрясенія, въ большомъ количествѣ появился въ Европѣ изъ Каспійскихъ странъ. Въ Туркменіи, по показаніямъ А. Вальтера, онъ не считался туземнымъ животнымъ и въ прошломъ десятилѣтіи еще совершенно не встрѣчался въ Асхабадѣ и Мервѣ, куда теперь, вѣроятно, занесла его русская желѣзная дорога. Въ началѣ прошлаго столѣтія онъ большими стадами переправлялся черезъ Волгу у Астрахани и оттуда быстро распространился къ западу. Почти около того-же времени, а именно въ 1732 году онъ былъ доставленъ на корабляхъ изъ Остѣ-Индіи въ Англію и тогда началъ свое кругосвѣтное путешествіе также отсюда. Въ восточной Пруссіи онъ появился въ 1750 году, въ Парижѣ въ 1753, а въ 1780 году былъ уже извѣстенъ во всей Германіи; въ Швейцаріи только съ 1809 года, а въ Даніи приблизительно съ того-же времени его считаютъ туземнымъ животнымъ. Въ 1755 году онъ былъ перевезенъ въ Сѣверную Америку и здѣсь точно также въ теченіи самаго короткаго времени достигъ невѣроятнаго распространенія; однако въ 1825 году онъ проникъ еще недалеко за Кингстонъ въ верхнюю Канаду и въ прошломъ десятилѣтіи не достигъ еще верховьевъ Миссури. Однако достовѣрно извѣстно, что теперь онъ распространенъ во всѣхъ частяхъ Великаго океана и находится даже на самыхъ пустынныхъ и уединенныхъ островахъ. Будучи больше и сильнѣе черной крысы, онъ захватилъ вездѣ тѣ мѣста, въ которыхъ прежде жила она, и численно увеличивается въ такой-же степени, въ какой та убываетъ. Достойныя довѣрія наблюдатели утверждаютъ, что еще и теперь иногда онъ перекочевываетъ толпами изъ одного мѣста въ другое. «Зять мой», пишетъ мнѣ Гелмсъ, «встрѣтилъ однажды раннимъ осеннимъ утромъ такое кочующее стадо въ Голландіи, около Фердена, состоявшее, по его мнѣнію, изъ нѣсколькихъ тысячъ штукъ».

По образу жизни, по своимъ нравамъ и привычкамъ, а также мѣстамъ обитанія оба вида крысъ настолько сходны, что, описывая одну, изображаешь и другую. Если принять, что пасюки гнѣздятся чаще въ нижнихъ помѣщеніяхъ строеній и главнымъ образомъ въ сырыхъ погребахъ и подвалахъ, водосточныхъ трубахъ, плюзахъ, выгребныхъ и помойныхъ ямахъ и по берегамъ рѣкъ, тогда какъ черная крыса предпочитаетъ верхнія части дома, на примѣръ хлѣбныя амбары, чердаки и проч., то весьма мало останется такого, что-бы не было обще обѣимъ породамъ. И тотъ, и другой видъ этихъ вредныхъ животныхъ живеть во всевозможныхъ закоулкахъ человѣческихъ жилищъ и всѣхъ мѣстахъ, доставляющихъ имъ возможность добывать себѣ пищу. Отъ погреба до чердака, отъ парадныхъ комнатъ до отхожаго мѣста, отъ дворца до хижины, повсюду встрѣчаются они. На самыхъ грязныхъ мѣстахъ они гнѣздятся такъ-же охотно, какъ и тамъ, гдѣ имъ приходится предварительно, при помощи собственныхъ своихъ нечистотъ, создавать себѣ достойное жилище; короче говоря, они живутъ тамъ, гдѣ представляется хотя-бы малѣйшая возможность къ существованію; впрочемъ, черная крыса все-таки имѣетъ болѣе права на названіе домашняго животнаго и не возможности только немного удаляется отъ самаго жилища человѣка. Эти крысы, одаренныя какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи всѣми качествами, для того, чтобы сдѣлаться врагами человѣка, не перестаютъ мучить его, докучать ему, беспокоить его и безпрестанно причинять ему вредъ. Отъ нихъ не защищаетъ ни заборъ, ни стѣна, ни дверь, ни замокъ: куда нѣтъ дороги, онѣ прокладываютъ себѣ таковую; онѣ прогрызаютъ и вырываютъ себѣ

ходы сквозь прочтѣйшія дубовыя половицы и толстыя стѣны. Только если фундаментъ глубоко погруженъ въ землю, если всѣ щели между камнями замазаны крѣпкимъ цементомъ, и, можетъ быть еще, для предосторожности между каменными стѣнами насыпанъ слой битаго стекла, только тогда можно считать себя нѣкоторымъ образомъ въ безопасности. Но бѣда хорошо защищенному пространству, если хоть одинъ камень въ стѣнѣ расшатается, ибо въ такомъ случаѣ онѣ непременно тамъ найдутъ лазейку!

И это разрушеніе жилищъ, это ужасное разгрызаніе во всѣхъ направленіяхъ стѣнъ нашихъ домовъ представляетъ собою все-таки наименьшее изъ золъ, причиняемыхъ крысами. Гораздо большій вредъ приносятъ онѣ, отыскивая себѣ пищу. Онѣ питаются всѣмъ, что только съѣдобно. Человѣкъ не ѣсть ничего такого, чтобы крысы не ѣли также, и это касается не только ѣды, но также и питья его. Не хватаетъ только, чтобы крысы напивались пьяными водкой, тогда онѣ помогали-бы уничтожать всѣ безъ исключенія пищевыя и вкусовыя вещества, которыя потребляетъ человѣчскій родъ. Не довольствуясь и безъ того ужъ богатымъ выборомъ кушаньевъ, онѣ нападаютъ одинаково жадно и на другія вещества, а подчасъ также на животныхъ. Самые грязные отбросы человѣческаго хозяйства, смотря по обстоятельствамъ, для нихъ все еще пригодны; гніющая падалъ находятъ въ нихъ любителей. Онѣ ѣдятъ кожу и рогъ, зерна и древесную кору, однимъ словомъ всѣ, какія только можно себѣ представить, растительныя и животныя вещества, а чего онѣ не могутъ съѣсть, то по крайней мѣрѣ разгрызаютъ. Плантаціямъ сахарнаго тростника и кофе онѣ наносятъ иногда значительныя поврежденія. Есть примѣры, за достовѣрность которыхъ можно поручиться, что онѣ съѣдали живыми маленькихъ дѣтей, и всякій болѣе зажиточный помѣщикъ испыталъ, какъ жестоко крысы преслѣдуютъ его дворовыхъ животныхъ. У очень жирныхъ свиней онѣ выѣдаютъ въ тѣлѣ отверстія, у гусей, сидящихъ плотно прижавшись другъ къ другу, отѣдаютъ плавательныя перепонки между пальцами. молодыхъ утокъ онѣ утаскиваютъ въ воду и топятъ ихъ тамъ; у торговца животными Гагенбека крысы погубили трехъ молодыхъ африканскихъ слоновъ тѣмъ, что разгрызли этимъ мощнымъ животнымъ ступни ногъ.

Если въ какомъ-нибудь мѣстѣ онѣ размножаются болѣе обыкновеннаго, то это по-истинѣ едва выносимо. Существуютъ мѣста, гдѣ онѣ появляются въ такомъ количествѣ, о которомъ едва можно составить себѣ понятіе. Въ Парижѣ на одной изъ боенъ въ теченіи 4 недѣль было убито 16,000 штукъ, а на одной живодернѣ въблизи той-же столицы онѣ въ продолженіи одной только ночи уничтожили 35 лошадиныхъ труповъ до костей. Какъ только онѣ замѣчаютъ, что человѣкъ противъ нихъ безсиленъ, наглость ихъ принимаетъ по-истинѣ удивительныя размѣры, такъ что, если-бы не приходилось до полусмерти сердиться на этихъ животныхъ, то иногда могло-бы даже возникнуть желаніе посягнуть надъ ихъ безстыдствомъ, превосходящимъ всякія границы. Ласъ Казесъ рассказываетъ, что 27 іюня 1816 года на островѣ Св. Елены Наполеонъ со своими спутниками долженъ былъ остаться безъ завтрака, потому-что въ предыдущую ночь крысы пробрались въ кухню и все было растаскано ими. Онѣ водились тамъ въ большомъ количествѣ, были очень злы и слишкомъ безстыдны. Обыкновенно имъ достаточно было лишь нѣсколькихъ дней для того, чтобы прогрызть каменныя стѣны и досчатыя перегородки простого жилища императора. Во время обѣда Наполеона онѣ приходили въ залу, а послѣ ѣды съ ними вели настоящую войну. Но той-же причинѣ пришлось отказать держать дворовыхъ птицъ, такъ какъ крысы пожирали ихъ; онѣ доставали птицъ ночью даже съ деревьевъ, на которыхъ послѣднія снали. Въ факторіяхъ далекихъ странъ, всюду, куда вмѣстѣ съ промѣнными товарами высаживаются на сушу также

и пасюки, они являются очень тяжкимъ бичемъ и причиняютъ часто серьезный вредъ. Всѣ путешественники и въ особенности собиратели коллекцій жалуются на нихъ, рассказывая, какъ много очень рѣдкихъ и съ трудомъ приобретенныхъ предметовъ часто уничтожаютъ эти страшные звѣри и какъ часто они нарушаютъ ночной покой своимъ пискомъ и возней подъ поломъ, въ стѣнахъ и на крышахъ. «Африканскіе кистехвосты (*Atherura africana*) и ящеры (*Manis longicaudata*)», пишетъ Пехуэль-Лёше изъ Чинчочо, «были доставляемы намъ живыми только изрѣдка, но тотчасъ-же падали жертвами крысъ. Эти гадкіе гости разнѣздились у насъ въ страшномъ количествѣ и, несмотря на всѣ принятые нами мѣры предосторожности, безпрестанно причиняли вредъ нашему имуществу и нашимъ коллекціямъ. Мы не могли защититься отъ нихъ, такъ какъ мы жили, подобно туземцамъ, прямо на землѣ въ тростниковыхъ хижинахъ, и обстоятельства не позволяли намъ построить себѣ деревянные дома на столбахъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ факторіяхъ. Наглость крысъ, шумъ, который онѣ каждую ночь производили подъ землей, въ комнатахъ и на крышахъ изъ пальмовыхъ листьевъ, были постояннымъ источникомъ заботы и безпокойствъ. Можно было-бы написать цѣлую главу о продѣлкахъ этихъ умныхъ и находчивыхъ животныхъ, которыя были для насъ дѣйствительно очень большимъ наказаніемъ. Продолжительная война, которую вели всѣми способами также и туземцы, охотники до крысиного жаркого, весьма цѣнимаго ими, не была въ состояніи уменьшить ихъ количества. Я обезпечивалъ свой ночной покой лучше всего тѣмъ, что ставилъ имъ воду и пищу; онѣ пользовались тѣмъ и другимъ и въ благодарность за это вели себя относительно скромно».

Морякамъ также приходится отъ нихъ очень плохо, такъ какъ нѣтъ ни одного судна безъ крысъ, будь то парусный купеческій корабль, судно для рыболовнаго промысла, великолѣпнѣйшій быстроходный пароходъ новѣйшей конструкторіи, или содержимое въ образцовомъ порядкѣ военное судно. На старыхъ судахъ ихъ истребить невозможно, а новыя онѣ заселяютъ немедленно, какъ только принять первый грузъ. Во время продолжительныхъ морскихъ путешествій, въ особенности, когда у нихъ достаточно пищи, онѣ размножаются въ значительномъ количествѣ, и тогда на кораблѣ оставаться почти невозможно. Когда судно Кана во время своей полярной экспедиціи было затерто льдами близъ 80° широты, крысы до того размножились, что стали причинять значительный вредъ. Наконецъ рѣшено было задумитъ ихъ по старому морскому способу; всѣ люки были закрыты, а въ трюмѣ зажгли смѣсь изъ сѣры, угля, кожи и мышьяка. Холодную ночь послѣдняго числа сентября экипажъ провелъ на палубѣ. Въ короткое время все замкнутое пространство такъ сильно наполнилось удушливыми газами, что двое людей, неосторожно отважившихся сойти внизъ, тотчасъ упали безъ чувствъ на полъ и только съ большимъ трудомъ могли быть вынесены на палубу. Опущенный внизъ зажженный фонарь мгновенно потухъ; несмотря на это въ концѣ концовъ нашли только 25 крысиныхъ труповъ, а оставшіяся въ живыхъ размножились въ такомъ количествѣ, что отъ нихъ ничего больше уже нельзя было снасти. Тогда напали на новое средство. Самая умная и храбрая собака была спущена въ трюмъ, главное пристанище ихъ, чтобы водворить тамъ порядокъ; но вскорѣ жалобный вой ея возвѣстилъ, что не она одержала верхъ надъ крысами, а крысы надъ ней. Ее вытащили и нанли, что ненавистные грызуны отѣли у нея кожу на лапахъ. Впослѣдствіи одинъ эскимосъ вызвался перестрѣлять крысъ постепенно стрѣлами и былъ настолько счастливъ, что Канъ, который приказалъ варить себѣ добычу, въ продолженіи долгой зимы постоянно имѣлъ свѣжій супъ изъ крысиного мяса. Случайно была поймана лисица, и ее заперли въ трюмъ: она, наконецъ, очистила судно отъ крысъ.

Крысы во всякихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ великіе мастера. Онѣ бѣгають быстро и ловко, превосходно лазають, даже по довольно гладкимъ стѣнамъ, мастерски плавають, съ увѣренностью выполняютъ прыжки на довольно далекое разстояніе и очень хорошо роются въ землѣ, хотя и не охотно занимаются этимъ продолжительное время сряду. Болѣе сильный пасюкъ, повидимому, еще ловче черной крысы, по крайней мѣрѣ плаваетъ онъ гораздо лучше. Его способность нырять почти такъ-же велика, какъ у настоящихъ водныхъ животныхъ. Онъ смѣло можетъ отправляться на рыбную ловлю, такъ какъ онъ въ водѣ достаточно проворенъ, чтобы преслѣдовать даже настоящихъ жителей влажной стихіи. Иногда онъ поступаетъ совершенно такъ, какъ будто-бы вода была его настоящимъ мѣстожителемъ. Будучи испуганъ, онъ мгновенно спасается бѣгствомъ въ рѣку, прудъ, или канаву и, если нужно, не останавливаясь переплываетъ широчайшее водяное пространство, или въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ бѣжитъ впередъ по дну рѣки. Черная крыса поступаетъ такъ лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ, однако владѣетъ искусствомъ плаванія также очень хорошо. Впрочемъ у крысъ отнюдь нѣтъ недостатка въ мужествѣ; онѣ защищаются противъ всякаго рода преслѣдователей и даже нерѣдко бросаются на человѣка, если онъ очень притѣсняетъ ихъ.

Между чувствами крысъ на первомъ планѣ стоятъ слухъ и обоняніе; особенно превосходенъ первый, но зрѣніе также не дурно, а вкусъ ихъ слишкомъ часто обнаруживается на дѣлѣ въ кладовыхъ, гдѣ крысы всегда умѣютъ выбрать себѣ самую лакомую пищу. Относительно ихъ умственныхъ способностей мнѣ, послѣ всего сказаннаго, остается прибавить уже немного. У нихъ положительно нельзя отрицать ума, а еще менѣе разсчетливой хитрости и извѣстнаго рода лукавства, съ которыми онѣ умѣютъ избѣгать самыхъ разнообразныхъ опасностей и добывать желаемый лакомый кусочекъ. Уже много разъ рассказывали о способѣ, при помощи котораго онѣ уносили яйца, не разбивая ихъ по дорогѣ. Сомнѣнія, могуція возникнуть относительно практикуемаго ими способа, не имѣютъ болѣе основанія послѣ того, какъ натуралистъ Далла-Торре, сообщилъ въ 1880 году слѣдующій, лично имъ видѣнный случай: «Въ погребѣ одного дома въ Инсбрукѣ нынѣшней зимой то и дѣло стало пропадать по нѣскольку яицъ, сохраняемыхъ тамъ на это время года. Подозрѣніе прежде всего, конечно, пало на служанку, которая тогда всячески стала стараться доказать свою невинность, но — напрасно. Находясь въ такомъ щекотливомъ положеніи, она стала подстергать крысъ и сдѣлалась свидѣтельницею воровской уловки, которую онѣ употребляли, чтобы доставать яйца. Яйца были сложены въ кучу; изъ норки вышла сначала одна крыса-лакомка, а вскорѣ вслѣдъ за нею другая. Тутъ первая схватила одно яйцо передними лапами и съ помощью второй отодвинула его нѣсколько въ сторону, насколько онѣ могли сдѣлать это нѣсколькими сильными толчками. Потомъ первая крыса схватила яйцо передними конечностями и крѣпко обхватила его на подобіе пауковъ, несущихъ яичный мѣшокъ. Понятно, что она теперь не могла больше двигаться, такъ какъ переднія лапы должны были крѣпко держать добычу. Тогда вторая схватила въ ротъ хвостъ первой и съ большою поспѣшностью и безостановочно потащила ее къ норѣ, откуда онѣ вышли. Вся операція, подготовленная, какъ можно было заключить по числу исчезнувшихъ яицъ, большимъ количествомъ упражненій, продолжалась минуты двѣ, не болѣе; часъ спустя, послѣ того какъ воровская парочка исчезла со сцены, она появилась снова, несомнѣнно съ тою-же цѣлью, и, благодаря любезному приглашенію семейства, гдѣ случилось только-что описанное, я имѣлъ случай быть очевидцемъ этой продѣлки, которая, по увѣреніямъ служанки, всегда разыгрывалась одинаковымъ образомъ. Здѣсь было-бы кетати произвести наблюденія надъ умомъ

и инстинктомъ животныхъ и существующимъ между ними различіемъ. Я позволю себѣ только замѣтить, что довольно распространенное здѣсь въ краю мнѣніе, что сурки подобнымъ-же образомъ сносятъ или, скорѣе, стаскиваютъ себѣ запасы сѣна, вовсе не неправдоподобно, такъ какъ и тѣ и другіе, какъ грызуны, могутъ имѣть и одинаковые обычаи». Однако относительно сурковъ мы, во всякомъ случаѣ, будемъ держаться высказанныхъ нами выше сомнѣній, пока и на этотъ счетъ не будетъ надежныхъ наблюденій.

У нѣкоторыхъ крысъ въ случаѣ большой опасности была наблюдаема особенная хитрость. Онѣ притворяются мертвыми, какъ то дѣлаетъ опоссумъ. Мой отецъ поймалъ однажды крысу, которая безъ движенія лежала въ крысоловкѣ и позволяла себя въ ней трясти во все стороны. Но еще блестящій глазъ ея былъ слишкомъ яснымъ признакомъ жизни для того, чтобы такой знатокъ-наблюдатель могъ быть обманутъ. Отецъ мой вытряхнулъ фокусницу изъ ловушки на дворъ, но сдѣлалъ это въ присутствіи ея злѣйшаго врага — кошки, и вотъ — мнимоумершая тотчасъ ожила и опомнилась, и хотѣла ударить какъ можно скорѣе, но киска сѣла ей на шею прежде, чѣмъ та успѣла сдѣлать одинъ шагъ.

Спариваніе сопровождается громкимъ шумомъ, пискомъ и крикомъ, такъ какъ влюбленные самцы жестоко сражаются за обладаніе самками. Самка, у которой течка, дѣлаетъ, по наблюденіямъ Гааке, различнаго рода удивительныя гримасы, а самецъ безчисленное множество разъ вскакиваетъ на нее и каждый разъ послѣ совокушенія, продолжаящагося только одно мгновеніе, усердно облизываетъ свои половые органы. Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ случки самки мечутъ отъ 5—22 дѣтенышей, маленькіхъ премиленькихъ звѣрковъ, которые понравились-бы каждому, не будь они крысами. «1-го марта 1852 года», говоритъ Дене, «я получилъ отъ одной бѣлой крысы 7 дѣтенышей. Въ своей проволочной клеткѣ она устроила себѣ плотное гнѣздо изъ соломы. Дѣтеныши были величиною съ майскаго жука и выглядѣли багровыми. При каждомъ движеніи матери они испускали тонкій, пронзительный пискъ. 8-го числа они были уже довольно бѣлы; между 13 — 16 они сдѣлались зрячими; 18-го числа вечеромъ они впервые вышли наружу; но когда мать замѣтила, что за ними наблюдаютъ, она стала брать ихъ, одного за другимъ, въ ротъ и утаскивать въ гнѣздо. Нѣкоторые однако опять вылѣзали изъ другого отверстія. Это были премиленькіе звѣрки величиною съ мышъ-малютку, съ хвостомъ длиною около 3-хъ дюймовъ. 21-го числа они имѣли уже величину обыкновенной домашней мыши, а 28-го — дѣсной мыши. Они еще изрѣдка сосали (я видѣлъ, какъ они сосали даже еще 2-го апрѣля), играли, гонялись другъ за другомъ и возились самымъ ловкимъ и забавнымъ образомъ, а для разнообразія садились также на спину матери и заставляли ее носить ихъ. Забавностью они далеко превосходили бѣлыхъ домашнихъ мышей. 9-го апрѣля я отдѣлилъ мать отъ ея дѣтенышей и посадилъ ее опять къ самцу; 11-го мая она снова родила нѣсколькихъ дѣтенышей. Изъ родившихся на свѣтъ 1-го марта я съ начала апрѣля держалъ отдѣльно одну нарочку въ большой банкѣ съ восьмидюймовымъ отверстіемъ, и уже 11-го іюня послѣ полудня, т. е. имѣя отъ роду 103 дня, самка родила шесть дѣтенышей. Несмотря на ширину банки, матери все-таки показалось, что помѣщеніе для ея дѣтенышей слишкомъ узко. Она тщетно старалась устроить имъ болѣе обширное гнѣздо, причемъ неоднократно до того зарывала въ солому бѣдныхъ малютокъ, что отъ нихъ ничего больше не было видно; но она всегда скоро снова находила ихъ. До 23 іюня она кормила своихъ дѣтенышей молокомъ довольно хорошо, и они уже стали нѣсколько бѣлѣть; но вдругъ они все исчезли: мать поѣла ихъ всехъ до единого.

«Днемъ и послѣ полуночи пасюки сняты; рано утромъ и вечеромъ можно ви-

дѣтъ ихъ въ высшей степени дѣятельными. Они очень любятъ пить молоко; тыквенныя и коноплянныя зерна принадлежатъ къ ихъ лакомствамъ. Они получаютъ обыкновенно хлѣбъ, слегка намоченный въ водѣ или молокѣ; по временамъ имъ даютъ также картофель, который они ѣдятъ очень охотно. Мяса и жира, составляющихъ для нихъ лакомыя блюда, я лишаю ихъ совершенно, такъ-же какъ и другихъ грызуновъ, которыхъ я воспитываю въ неволѣ, потому-что послѣ такой пищи моча и даже испарина ихъ всегда получаютъ противный, удушливый запахъ. Специфическій, въ высшей степени неприятный запахъ, который распространяютъ обыкновенныя мыши и который на долгое время сообщается вѣзмъ предметамъ, приходящимъ съ нимъ въ соприкосновеніе, совершенно отсутствуетъ у бѣлыхъ пасюковъ, если ихъ содержать вышеописаннымъ образомъ. Пасюки обнаруживаютъ много хитрости. Если ихъ деревянныя клѣтки обиты снаружи жестью, то они стараются прогрызть дерево и, поработавъ нѣкоторое время, просовываютъ лапки сквозь рѣшетку, чтобы изслѣдовать толщину дерева и убѣдиться, скоро-ли прогрызутъ они его насквозь. Очищая клѣтку, они мордочкой и лапками сгребаютъ нечистоты къ отверстию, чтобы такимъ образомъ освободиться отъ нихъ. Пасюки любятъ общество себѣ подобныхъ. Они часто устраиваютъ себѣ общее гнѣздо и взаимно согрѣваются въ немъ, свившись другъ съ другомъ вплотную; если-же одинъ изъ нихъ умираетъ, то остальные тотчасъ принимаютъ за него, разгрызаютъ ему сначала черепъ, съѣдаютъ содержимое, а затѣмъ пожираютъ мало-по-малу весь трупъ, оставляя только кости да шкурку. Когда самка беременна, самецъ долженъ быть отдѣленъ немедленно, такъ какъ онъ не даетъ ей ни минуты покоя и первымъ долгомъ съѣдаетъ дѣтенышей. Но мать очень любитъ своихъ дѣтенышей; она заботливо оберегаетъ ихъ, и они отвѣчаютъ ей на оказываемую нѣжность всевозможными способами.

«Живучесть этихъ животныхъ необыкновенна. Однажды я хотѣлъ утопить одного бѣлаго пасюка, имѣвшаго около года отъ роду, чтобы освободить его отъ неисцѣлимыхъ, какъ мнѣ казалось, страданій, вслѣдствіе открывшейся гнойной раны. Послѣ того, какъ я уже разъ шесть погрузилъ его на нѣсколько минутъ въ холодную, какъ ледъ, воду, онъ былъ еще живъ и чистился лапками, чтобы удалить воду съ глазъ. Наконецъ, когда я открылъ горшокъ, онъ выпрыгнулъ въ снѣгъ и пытался убѣжать. Тогда я посадилъ его въ клѣтку на подстилку изъ соломы и сѣна и принесъ его въ теплую комнату. Онъ скоро настолько оправился, что стало ясно, что холодная ванна не принесла ему никакого вреда. Аппетитъ его противъ прежняго скорѣе увеличился, чѣмъ уменьшился. Нѣсколько дней спустя я снова перенесъ его изъ теплой комнаты въ нетопленную, но далъ ему сѣна и онъ тотчасъ приготовилъ себѣ изъ него удобное ложе. Тогда я, къ удивленію своему, сталъ замѣчать, что открытая рана день ото дня становилась все меньше; воспаленіе исчезло все болѣе и болѣе и, спустя приблизительно 14 дней, наступило полное выздоровленіе. Тогда стало ясно, что холодная, какъ ледъ, ванна устранила воспаленіе и обусловила выздоровленіе. Я не думаю, чтобы другой какой-нибудь родственной крысамъ грызунъ могъ перенести безъ смертельнаго исхода такую продолжительную ванну, и такой счастливый исходъ объясняется исключительно образомъ жизни и живучестью пасюковъ, для которыхъ вода—вторая стихія. Нижніе рѣзцы вырастаютъ у ручныхъ крысъ часто до невѣроятной длины и загибаются въ такихъ случаяхъ виллообразно. Я также видѣлъ, что они проросли сквозь кожу щекъ и мѣшали такимъ животнымъ ѣсть, вслѣдствіе чего послѣднія должны были наконецъ умереть съ голоду».

Такія, содержимыя въ неволѣ, крысы при хорошемъ уходѣ становятся до того ручными, что позволяютъ себя не только трогать, но играютъ съ дѣтми, приучаются

выходить и входить въ домъ, бѣгать по двору и саду, слѣдуютъ за своимъ воспитателемъ какъ собаки, приходятъ на зовъ, короче сказать, становятся домашними или комнатными животными въ лучшемъ смыслѣ слова.

У свободно-живущихъ крысъ случается иногда особая болѣзнь. Нѣсколько ихъ сростаются между собою хвостами и образуютъ тогда такъ называемаго «крысинаго короля», котораго въ старину представляли себѣ, конечно, совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь, когда его можно видѣть въ томъ или другомъ музеѣ. Прежде думали, что крысинный король, украшенный золотою короною, сидитъ на группѣ тѣсно сростшихся крысъ, какъ на тронѣ, и отсюда управляетъ всѣмъ крысиннымъ царствомъ. Достоверно лишь то, что иногда находятъ большое количество крысъ, перепутавшихся другъ съ другомъ хвостами, которыхъ изъ состраданія кормятъ другія крысы, такъ какъ онѣ сами двигаться не въ состояніи. Возможно, что вызванный заразною болѣзнию вынотъ на поверхности хвостовъ крысъ имѣетъ послѣдствіемъ склеиваніе ихъ другъ съ другомъ: но чего-либо болѣе опредѣленнаго сказать мы не въ состояніи. Въ Альтенбургѣ сохраняютъ одного такого «крысинаго короля», состоящаго изъ 27 крысъ; въ Боннѣ, у Шнепфенталя, въ Франкфуртѣ, въ Эрфуртѣ и въ Линдену близъ Лейпцига найдены были другіе подобные «короли». Послѣдній официально подробно описанъ, и я считаю не лишнимъ привести здѣсь содержаніе относящихся сюда актовъ.

«Января, 17 дня 1774 года въ земскій судъ въ Лейпцигѣ явился Христіанъ Кайзеръ, батракъ съ мельницы въ Линдену, и заявилъ, что въ прошлую среду рано утромъ на мельницѣ въ Линдену онъ поймалъ «крысинаго короля» изъ 16 штукъ крысъ, сростшихся другъ съ другомъ хвостами, котораго онъ, такъ какъ послѣдній хотѣлъ прыгнуть на него, тотчасъ бросилъ о землю и убилъ. Этому крысинаго короля Иоганнъ Адамъ Фасгауеръ изъ Линдену, подъ предлогомъ, что хочетъ срисовать его, унесъ у его хозяина, Товія Егерна, мельника въ Линдену, не хотѣлъ отдать его назадъ, и съ того времени при помощи его заработалъ много денегъ, поэтому онъ всепокорнѣйше проситъ судъ принудить *cum expensis* Фасгауера возвратитъ ему тотчасъ крысинаго короля и заплатить всѣ заработанныя на немъ деньги, и пр.

Февраля, 22 дня 1774 года онъ снова явился въ земскій судъ.

Христіанъ Кайзеръ, батракъ съ мельницы въ Линдену показалъ: «что онъ въ самомъ дѣлѣ января 12 дня на мельницѣ въ Линдену поймалъ крысинаго короля изъ 16 штукъ крысъ. Указаннаго числа онъ услышалъ на мельницѣ, а именно подъ поломъ верхняго этажа, у лѣстницы, шумъ, послѣ чего поднялся въ томъ мѣстѣ вверхъ по лѣстницѣ и увидѣлъ въ отверстіи подполья нѣсколько выглядывавшихъ оттуда крысъ, которыхъ и убилъ кускомъ дерева. Затѣмъ онъ приставилъ къ этому-же мѣсту лѣстницу, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли тамъ еще крысъ, и сбросилъ этого крысинаго короля съ помощью топора на полъ; многія изъ крысъ были еще живы, хотя и упали съ высоты, но онъ, нѣкоторое время спустя, убилъ также и этихъ. Шестнадцать штукъ крысъ крѣпко переплелись другъ съ другомъ, а именно 15 штукъ — хвостами, 16-ая-же своимъ хвостомъ приросла къ волосамъ на спинѣ другой. При паденіи съ верхняго этажа ни одна изъ нихъ не отдѣлилась отъ другихъ, послѣ этого-же многія еще нѣкоторое время были живы и прыгали, однако этимъ способомъ не могли оторваться другъ отъ друга. Онѣ такъ крѣпко переплелись между собою, что онъ не думаетъ, чтобы было возможно оторвать ихъ другъ отъ друга, или, по крайней мѣрѣ, что это можно было-бы сдѣлать лишь съ большимъ трудомъ, и т. д.»

Затѣмъ слѣдуютъ еще нѣсколько другихъ свидѣтельскихъ показаній, которыя подтверждаютъ сказанное. Въ концѣ находится описаніе врача и хирурга, которые

по требованію земскаго суда подробно изслѣдовали дѣло. Врачъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующее:

«Чтобы убѣдиться въ томъ, чему можно вѣрить изъ разсказа о крысиномъ королѣ, передаваемомъ многими съ большими прикрасами, я отправился 16 января въ Линденау и тамъ нашель, что въ шинкѣ «Почтовая труба», въ прохладной комнатѣ на столѣ лежало 16 штукъ мертвыхъ крысъ; изъ нихъ 15 штукъ до того перепутались между собою хвостами, что послѣдніе образовали толстый узелъ, напоминающій собою веревку о нѣсколькихъ концахъ, а многіе изъ хвостовъ совершенно залупались въ этомъ узлѣ на разстояніи около 1—2 дюймовъ отъ туловища. Головы ихъ были направлены къ периферіи, а хвосты къ центру образованнаго ими узла. Возлѣ этихъ тѣсно другъ съ другомъ соединенныхъ крысъ лежала шестнадцатая, которая, по заявленію стоявшаго тутъ живописца Фастауера, была оторвана отъ узла. Для удовлетворенія своего любопытства я менѣе всего занимался распросами. Тѣмъ болѣе, что на вопросы то и дѣло приходившихъ туда посѣтителей, дивившихся чуду, давались самыя недѣльные и смѣшные отвѣты; я только изслѣдовалъ туловища и хвосты крысъ и нашель: 1) что всѣ эти крысы имѣли совершенно естественное строеніе головы, туловища и четырехъ ногъ; 2) что по окраскѣ нѣкоторыя были пепельно-сѣрыя, другія нѣсколько темнѣе, третьи почти совершенно черныя; 3) что нѣкоторыя были величиною съ цѣлую ладонь; 4) что толщина и ширина ихъ была пропорціональна длинѣ, однако такъ, что онѣ казались болѣе истощавшимися, чѣмъ откормленными; 5) что хвосты ихъ можно было считать длиною немногимъ болѣе или менѣе $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ Лейпцигскаго локтя; онѣ были немного грязны и сыры.

«Когда я при помощи кусочка дерева приподнял узелъ и висѣвшихъ на немъ крысъ, то очень ясно замѣтилъ, что не представляло-бы особаго труда отодрать другъ отъ друга нѣкоторыхъ изъ перепутанныхъ между собою хвостовъ, но присутствовавшій при этомъ живописецъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ удержалъ меня отъ этого. У упомянутой выше шестнадцатой крысы я ясно замѣтилъ, что ея хвостъ безъ малѣйшаго поврежденія находится при ней и что, значитъ, она была отдѣлена отъ остальныхъ безъ всякаго труда. Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства со всевозможною тщательностью, я пришелъ къ полнѣйшему убѣжденію, что означенныя 16 крысъ не представляютъ собою никакого особеннаго «крысинаго короля», а просто извѣстное число крысъ различной величины, толщины и масти, а также (по моему мнѣнію) разнаго возраста и пола. Относительно того, какъ происходитъ переплетаніе между собою крысъ, я представляю себѣ дѣло такъ: за нѣсколько дней до открытія этого гадкаго сборища крысъ наступившій очень суровый холодъ заставилъ этихъ животныхъ столпиться въ одинъ уголь, чтобы согрѣться, лежа другъ возлѣ друга или другъ на другѣ; несомнѣнно онѣ приняли такое направленіе, что хвосты были направлены болѣе наружу, а головы къ мѣсту, болѣе защищенному отъ вліянія мороза. Не послужили-ли испражнения выше сидящихъ крысъ, падая по необходимости на хвосты низшихъ, причиною того, что хвосты смерзлись? Не возможно-ли такимъ образомъ, что крысы, у которыхъ хвосты смерзлись, желая отправиться за ѣдой, не могли освободиться отъ другихъ и образовали столь крѣпкое сплетеніе, что потомъ даже при наступленіи опасности для жизни не были въ состояніи оторваться отъ другихъ?»

«По требованію высокопочтеннаго земскаго суда я откровенно изложилъ здѣсь свои мысли, а также то, что, согласно этому докладу, мы съ господиномъ Экгольденомъ нашли при изслѣдованіи и въ подлинности чего мы съ нимъ собственноручно подписались».

Возможно, что скопленія подобнаго рода встрѣчаются чаще, чѣмъ думаютъ.

но находятъ ихъ весьма немного, ибо въ большинствѣ мѣстностей суевѣріе на столько велико, что всякаго найденнаго крысинаго короля уничтожаютъ возможно скорѣе. Въ подтвержденіе послѣдняго Ленцъ приводитъ очень рѣзкій, самъ за себя говорящій случай. Въ Дельштеттѣ, деревушкѣ миляхъ въ двухъ отъ Готы, въ декабрѣ 1822 года были пойманы въ одно и то-же время два крысиныхъ короля. Три молотильщика, услышавъ громкій пискъ въ сараѣ дома лѣсничаго, стали искать съ работникомъ и нашли, что толстая балка въ потолокъ конюшни была выдолблена сверху. Въ этомъ углубленіи увидѣли они множество живыхъ крысъ; какъ оказалось потомъ, ихъ было 42 штуки. Дыра въ балкѣ очевидно была выгрызана крысами. Она имѣла 15 см. глубины, была чисто содержима и не окружена остатками пищи и тому подобными нечистотами. Доступъ туда для старыхъ крысъ, которыя вѣроятно кормили тамъ свой выводокъ, былъ очень удобенъ, такъ какъ надъ конюшней и балкой въ потолокъ весь годъ лежала громадная куча соломы. Работникъ взялся достать крысъ, которыя не хотѣли или не могли покинуть своего жилища, и перенести ихъ на гумно. Тамъ эти четыре работника увидѣли съ удивленіемъ, что 28 крысъ крѣпко срослись своими хвостами и были равномерно расположены вокругъ этого клубка изъ хвостовъ. Остальные 14 крысъ были точно также срошены и распределены. Всѣ 42, казалось, были измучены жестокимъ голодомъ и безпрестанно пищали, но выглядѣли совершенно здоровыми; всѣ онѣ были одинаковой и столь значительной величины, что ихъ во всякомъ случаѣ можно было считать родившимися прошлой весной. Судя по ихъ окраскѣ, это были черныя крысы. Онѣ выглядѣли чистыми и опрятными и нельзя было уловить никакого признака, чтобы передъ тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ околѣли. Онѣ смиренно подчинялись всему тому, что надъ ними прѣдѣлывали четыре мучителя, и испускали одни и тѣ-же звуки. Экземпляръ этотъ отнесли живымъ въ комнату лѣсничаго и туда безпрестанно приходили люди, чтобы посмотрѣть на удивительное чудовище. Когда у деревенскихъ жителей прошла охота смотрѣть, то представленіе закончилось тѣмъ, что молотильщики торжественно понесли своего плѣнника на мѣсто свалки навоза и тамъ при одобрительныхъ крикахъ толпы били по немъ цѣпами до тѣхъ поръ, пока всѣ крысы не испустили духъ. Затѣмъ они схватили крысъ двумя навозными вилами, крѣпко проткнули ихъ и до тѣхъ поръ тянули ихъ въ противоположныя стороны, пока не оторвали трехъ изъ нихъ отъ остальныхъ. Три хвоста при этомъ не разорвались, имѣли еще кожу и волоса, но носили слѣды, полученные отъ другихъ хвостовъ, точь въ точь, какъ ремни, которые долгое время были связаны другъ съ другомъ. Гнѣздо изъ 28-ми крысъ было отнесено въ гостинницу и выставлено тамъ на показъ все еще вновь прибывающей любопытной и любознательной публикѣ. Въ заключеніе праздника и этотъ крысинный король былъ жестоко избитъ, мертвымъ выброшенъ на навозную кучу и оставленъ безъ вниманія. Если-бы эти добрые люди знали, что эти крысиные короли могли всѣхъ ихъ безъ исключенія сдѣлать богатыми людьми, они-бы, конечно, съ особенной заботой оберегали жизнь этого страннаго скопленія и публично выставили-бы ихъ на показъ всей Германіи».

Средства, которыя уже употреблялись для истребленія крысъ, неисчислимы. Противъ нихъ ставятся ловушки всевозможныхъ сортовъ, и временно помогаетъ немного всякій способъ охоты. Если животныя замѣчаютъ, что ихъ сильно преслѣдуютъ, то они нерѣдко выселяются, но водворяются снова, когда гоненіе ослабѣваетъ. Если они снова вернулись, то въ короткое время размножаются въ такой степени, что прежняя мука возобновляется въ полной силѣ. Самыми обыкновенными средствами для ихъ истребленія остаются яды различныхъ сортовъ, которые ставятъ на излюбленныхъ крысами мѣстахъ; но помимо того, что, оравляя жи-

вотныхъ, причиняютъ имъ самую ужасную и мучительную смерть, средства эти все-таки опасны, ибо крысъ иногда рветъ; этимъ онѣ, смотря по обстоятельствамъ, отравляютъ хлѣбъ или картофель и могутъ такимъ образомъ сдѣлаться опасными для другихъ животныхъ и даже для людей. Гораздо лучше давать имъ смѣсь солода и негашеной извести: она возбуждаетъ въ нихъ жажду и влечетъ за собой смерть, какъ скоро онѣ выпьютъ должное количество воды, необходимое для погашенія извести.

Лучшими истребителями крысъ остаются во всѣхъ отношеніяхъ ихъ естественные враги, прежде всего совы, вороны, ласки, кошки и собаки-крысоловы, хотя часто случается, что кошки не осмѣливаются нападать на крысъ, особенно на пасюковъ. Дене видѣлъ въ Гамбургѣ, на берегу каналовъ, собакъ, кошекъ и крысъ, гуляющихъ вмѣстѣ, причѣмъ ни одно изъ упомянутыхъ животныхъ и не думало объявлять другому войну, и мнѣ лично извѣстны многіе примѣры того, что кошки не обращаютъ никакого вниманія на крысъ. Какъ между другими домашними животными, такъ и между кошками есть хорошія породы, члены которыхъ страстно предаются охотѣ за крысами, хотя имъ сначала приходится много потрудиться, чтобы одолѣть этихъ зубастыхъ грызуновъ. Одна изъ нашихъ кошекъ ловила уже крысъ, когда едва достигла одной трети своей настоящей величины, и съ такимъ рвеніемъ преслѣдовала ихъ, что однажды допустила протащить себя одной сильной крысъ черезъ весь дворъ, на стѣну, не выпуская своего врага, пока, наконецъ, ловко укусивъ ее, не сдѣлала ее неспособной къ борьбѣ. Съ этого дня кошка осталась неумолимѣйшимъ врагомъ крысъ и почти совершенно очистила весь дворъ отъ нихъ. Впрочемъ, вовсе не такъ необходимо, чтобы кошка дѣйствительно усердно ловила крысъ; она изгоняетъ ихъ уже своимъ присутствіемъ въ конюшнѣ и сараѣ, въ погребѣ и кладовой. Конечно крысамъ въ высшей степени не по нутру имѣть вблизи себя такого непримиримаго врага; тогда онѣ болѣе ни минуты не бываютъ въ безопасности. Неслышно подкрадывается кошка въ ночной тѣмѣ, ни звукомъ, ни движеніемъ не выдавая своего приближенія; она заглядываетъ во всѣ норки своими злобнице-блестящими зеленоватыми глазами; она сидитъ и караулитъ возлѣ самыхъ удобныхъ и чаще всего посѣщаемыхъ ими дорожекъ, и не успѣла крыса оглянуться, какъ она бросается на нее и хватается своими острыми зубами и когтями такъ крѣпко, что невозможно болѣе никакое спасеніе. Этому не выносить даже крыса: она предпочитаетъ выселиться въ такія мѣста, гдѣ-бы ей можно было жить болѣе спокойно. Такимъ образомъ кошка остается всегда лучшимъ помощникомъ человѣка тамъ, гдѣ приходится изгонять этихъ тягостныхъ гостей. Едва-ли мѣншую услугу приносятъ хорекъ и ласка, первый въ домѣ, вторая въ саду и въ конюшняхъ. Противъ этихъ хищниковъ, которые также таскаютъ то ийцо, то цыпленка, то голубя и даже курицу, еще можно защититься, заперевъ покрѣпче хлѣвъ, но противъ крысъ всякая защита напрасна, и потому слѣдовало-бы холить и оберегать этихъ стройныхъ хищниковъ, гдѣ только возможно.

Въ заключеніе я опишу на пользу и въ назиданіе многихъ изъ моихъ читателей мышеловку, которая, правда, не дѣлаетъ чести человѣческому сердцу, но за-то дѣйствуетъ превосходно. На мѣстахъ, часто посѣщаемыхъ крысами, на примѣръ между конюшнями, вблизи отхожихъ мѣстъ, шлюзъ и т. п., выкапываютъ яму въ 1½ метра глубины и выкладываютъ ее внутри гладкими каменными плитами. Четырехугольная плита въ одинъ квадратный метръ образуетъ основаніе; 4 другихъ, болѣе узкихъ вверху образуютъ стѣны. Яма должна быть наверху на половину уже, чѣмъ внизу, такъ, чтобы стѣны нависали со всѣхъ сторонъ и отняли-бы у попавшихъ туда крысъ возможность выкарабкаться обратно. Затѣмъ на

дно наливаютъ растопленное сало, разбавленный водою медъ и другія сильно пахучія вещества, ставятъ туда глиняный сосудъ съ узкимъ отверстіемъ вверху, намазываютъ его медомъ и наполняютъ кукурузой, пшеницей, коноплей, овсомъ, жаренымъ саломъ и другими лакомствами. Потомъ насыпаютъ на дно ямы немного рубленой соломы, и наконецъ кладется рѣшетка надъ отверстіемъ, чтобъ случайно не упали въ него курица или какое-либо другое молодое, неловкое домашнее животное. Теперь все готово и ни о чемъ больше не нужно заботиться. «Приятный запахъ и теплая сѣчка изъ соломы», говоритъ Ленцъ, «побуждаютъ крысу весело и въ приятномъ ожиданіи прыгнуть внизъ. Тамъ все пахнетъ такъ прекрасно, и саломъ, и медомъ, и сыромъ, и зернами; но приходится довольствоваться только запахомъ, ибо во внутренность горшка нельзя пробраться и ничего другого не остается, какъ только одному плѣнному пожирать другого.» Первая, упавшая внизъ крыса, понятно, скоро начинаетъ ощущать голодъ и тщетно старается вырваться изъ ужасной тюрьмы, затѣмъ падаетъ сверху вторая. Начинаютъ взаимно обнюхиваться, можетъ быть онѣ и совѣтуются какъ тутъ быть; но первая плѣнница слишкомъ голодна, чтобы пускаться въ долги разсужденія. Начинается страшная драка, борьба на жизнь и на смерть, и одна плѣнница умерщвляетъ другую. Если остается побѣдительницей первая, то она моментально набрасывается на трупъ подруги, чтобы пожрать его, если-же побѣдила вторая, то происходитъ то-же самое нѣсколькими часами позже. Только крайне рѣдко можно найти трехъ крысъ разомъ въ этой ловушкѣ, а на слѣдующій день ужъ навѣрное не хватитъ одной изъ нихъ. Короче говоря, одна плѣнница съѣдаетъ другую, а има остается довольно чистою, хотя представляетъ собой нещеру смерти въ самомъ ужасномъ значеніи этого слова.

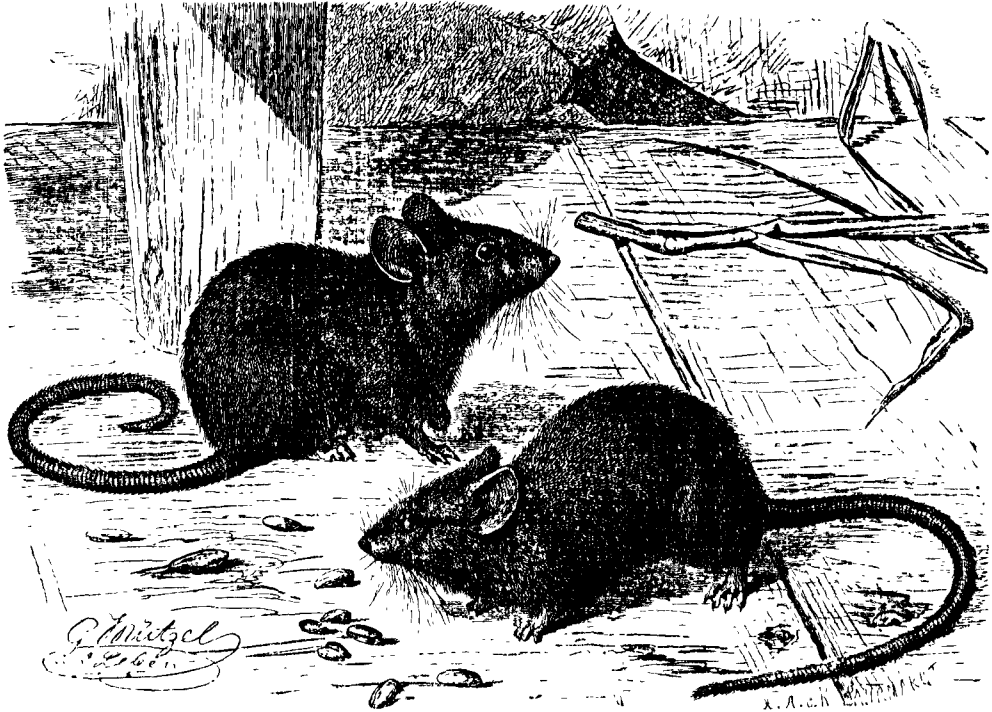
Болѣе простая, но точно также постоянно дѣйствующая и гораздо менѣе жестокая ловушка состоитъ изъ прямо поставленной, вверху открытой бочки, къ краю которой ведетъ шероховатая планка. Поперекъ отверстія бочки укрѣплена на легко подвижномъ валикѣ гладкая дощечка, снабженная снаружи небольшимъ грузомъ, благодаря которому она очень легко опрокидывается, но тотчасъ-же опять выпрямляется. На концѣ, удаленномъ отъ планки, на дощечкѣ укрѣпляется на проволокѣ кусочекъ зажареннаго сала такимъ образомъ, что его нельзя достать съ края сосуда. Привлекаемый запахомъ крысы обѣгутъ по планкѣ вверхъ и входить на дощечку, чтобы достать приманку: дощечка тотчасъ опрокидывается, и крыса падаетъ въ боченокъ. Въ немъ находится вода, но она покрыта слоемъ мелко изрубленной соломы, который настолько мѣшаетъ крысѣ плавать, что она скоро утомляется и тонетъ. Эта ловушка дѣйствуетъ превосходно; остается только по временамъ вынимать погибшихъ.

* *
*

Мыши гораздо меньше и милovidнѣе этихъ противныхъ длиннохвостыхъ домашнихъ воровъ, хотя и онѣ, несмотря на свою красивую наружность и на веселый, милый нравъ, являются злыми врагами человѣка и преслѣдуются имъ почти съ такою-же ненавистью, какъ ихъ большіе и болѣе противные родичи.

Смѣло можно сказать, что сидящую въ клѣткѣ мышъ всякій найдетъ прелестной, и даже дамы, которыя обыкновенно ощущаютъ сильный, хотя совершенно неосновательный страхъ, если въ погребѣ или на кухнѣ мышъ перебѣжитъ имъ дорогу, и тѣ должны признать ее за прелестное созданіе, когда поближе ознакомятся съ ней. Но, конечно, острые рѣзцы и страсть лакомиться у мышей такъ сильно развиты, что могутъ исполнить гнѣвомъ и жаждой мести даже крохотное сердце женщины. Ужъ слишкомъ неприятно постоянно опасаться за всѣ съѣстные припасы, даже

когда они находятся подъ замкомъ; слишкомъ возмутительно не имѣть въ домѣ ни одного мѣста, гдѣ-бы можно было быть полнымъ хозяиномъ и гдѣ-бы не докучали эти назойливые, маленькіе гости! А такъ какъ мыши умѣютъ пролѣзть всюду и проникаютъ даже въ мѣста, недоступныя крысамъ, то онѣ возбуждали противъ себя цѣлую войну преслѣдованія, которая врядъ-ли когда-либо прекратится. Въ Германіи живутъ четыре настоящихъ вида мышей: домашняя, лѣсная, полевая и малютка. Первая и послѣдняя въ особенности заслуживаютъ болѣе подробнаго описанія, хотя и полевая мышь такъ-же, какъ и лѣсная, довольно часто попадаются человеку, такъ что и онѣ стоятъ изученія. Первые три повсюду преслѣдуются довольно безопасно; послѣдняя-же, пока не навязывается человеку непосредственно,

Домашняя мышь. *Mus musculus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

пользуется его благоволеніемъ, благодаря своей необыкновенно миловидной наружности, прелести движеній и особенному образу жизни.

Домашняя мышь (*Mus musculus*, *M. islandicus* и *domesticus*. Hausmaus. Souris) по вѣншему виду своему еще имѣетъ нѣкоторое сходство съ черной крысой, однако она гораздо красивѣе, части тѣла у нея болѣе пропорціональны и ростомъ она значительно меньше. Вся длина ея приблизительно 18 см., изъ которыхъ 9 см. приходится на туловище. Хвостъ имѣетъ 180 чешуйчатыхъ колецъ. Она одноцвѣтная: желтоватый, сѣровато-черный цвѣтъ верхней части тѣла и хвоста переходитъ мало-по-малу въ болѣе свѣтлую нижнюю часть; ноги и пальцы желтовато-сѣраго цвѣта.

Лѣсная мышь (*Mus sylvaticus*, *Musculus dichrurus*. Waldmaus. Mulot.) достигаетъ 20 см. длины; хвостъ ея, состоящій приблизительно изъ 150 чешуйчатыхъ колецъ, имѣетъ 11,5 см. длины. Мышь эта двухцвѣтная, верхняя часть туловища и хвоста свѣтло сѣровато-бураго цвѣта, нижняя часть, ноги и пальцы — бѣлые, и цвѣтъ

ихъ рѣзко отличается отъ цвѣта спинки. Оба вида эти отличаются отъ слѣдующаго своими болѣе длинными ушами. У слѣдующаго вида уши достигаютъ приблизительно только трети длины головы и, будучи съ боку прижаты къ головѣ, не доходятъ до глаза, тогда какъ у первыхъ они имѣютъ половину длины головы и, прижатые къ головѣ, доходятъ до глаза.

Полевая мышь (*Mus agrarius*, *M. rubens*. Brandmaus. Rat à barbe.) достигаетъ 18 см. длины, хвостъ имѣетъ 8 см. Она трехцвѣтная: верхняя часть туловища рыжевато-бурая съ черными полосами вдоль спины; нижняя часть и ноги бѣлыя и рѣзко отличаются отъ верхней части туловища. Хвостъ имѣетъ около 120 чешуйчатыхъ колець.

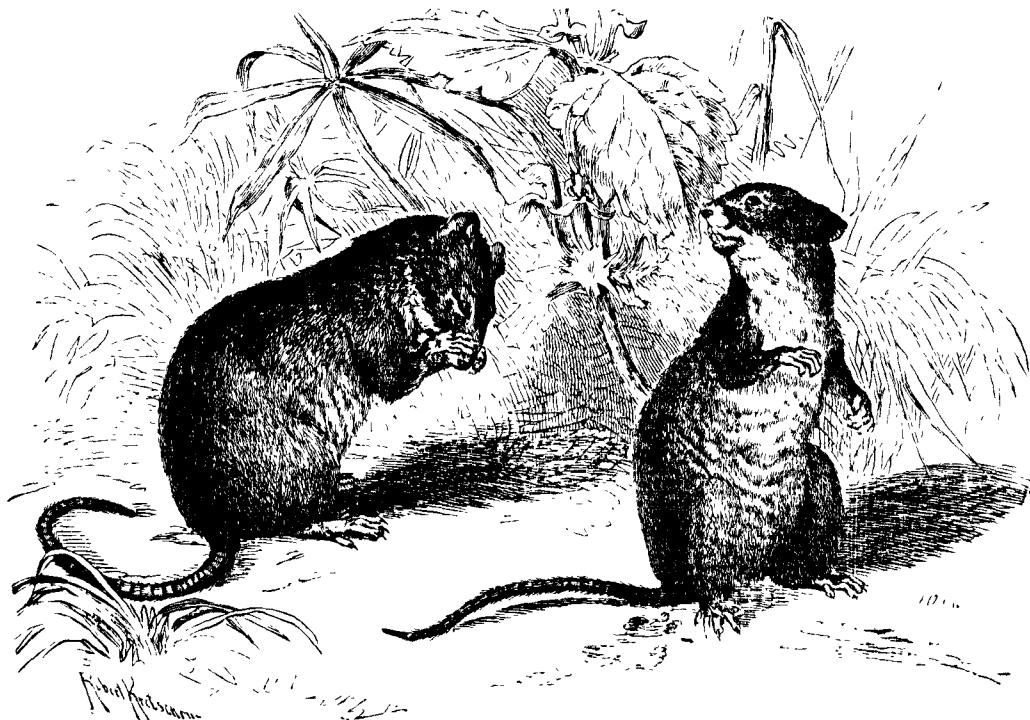
Всѣ эти мыши необыкновенно походятъ другъ на друга, въ отношеніи своего мѣстопробыванія, нрава и образа жизни, хотя какъ та, такъ и другая имѣютъ свои особенности. Въ одномъ отношеніи онѣ сходятся всѣ три: онѣ выказываютъ, по крайней мѣрѣ иногда, большую, любовь къ человѣку. Всѣ эти породы часто встрѣчаются въ домахъ, начиная съ погреба и до чердака, въ особенности зимою, а домашняя мышь чаще другихъ. Ни одна изъ нихъ не привязана исключительно къ мѣсту, отъ котораго получила свое названіе: лѣсная мышь одинаково охотно живетъ по временамъ какъ въ амбарахъ или домахъ, такъ и на полѣ, а полевая мышь такъ-же мало ограничиваетъ свое мѣстопробываніе полемъ, какъ домашняя—жилищемъ человѣка, такъ что при случаѣ можно видѣть всѣ три вида вмѣстѣ. Домашнюю мышь уже съ древнѣйшихъ временъ должно считать самымъ вѣрнымъ спутникомъ человѣка.

Уже Аристотель и Плиніи упоминаютъ о ней, а Альбертусъ Магнусъ знакомъ съ ней хорошо. Въ наше время она распространена по всей землѣ. Она пробралась вслѣдъ за человѣкомъ и слѣдовала за нимъ на крайній сѣверъ и въ хижины высочайшихъ Альпъ. По всей вѣроятности въ настоящее время найдется мало мѣстъ, гдѣ-бы ея не было; вѣроятнѣе, что ее тамъ еще не замѣтили. На Зондскихъ островахъ, напримѣръ, она еще не попадалась. Ея мѣстопробываніемъ служатъ всѣ части человѣческихъ жилищъ. Въ деревнѣ она живетъ иногда на волѣ, т. е. въ саду или въ ближайшихъ поляхъ и рощахъ; въ городѣ-же она ограничивается исключительно жилищемъ помещеніемъ и его пристройками. Здѣсь каждая щель, каждое углубленіе, словомъ—каждый уголокъ представляютъ ей надежное убѣжище, а оттуда она предпринимаетъ свои набѣги. Она бѣгаетъ по землѣ съ большою скоростью, превосходно лазаетъ, дѣлаетъ довольно большіе прыжки и движется очень быстро и долгое время короткими скачками.

Надъ ручной мышью можно наблюдать, какъ ловко она продѣлываетъ всѣ эти движенія. Если она лѣзетъ по косо протянутой кверху бичевкѣ или пруту, то она каждый разъ, когда боится упасть, быстро обвиваетъ свой хвостъ вокругъ веревки, подобно настоящимъ цѣнкохвостымъ животнымъ, снова возвращается въ положеніе равновѣсія и бѣжитъ дальше; если ее посадить на очень гибкій стебелекъ, то она взбирается по немъ до самаго верху, и если тогда стебель нагибается, то мышь прицѣпляется къ нижней его части и затѣмъ медленно спускается внизъ безъ малѣйшаго затрудненія.

При лазаньи хвостъ оказываетъ ей существенную услугу: ручныя мыши, которымъ были отрублены хвосты, чтобы придать имъ болѣе забавный видъ, не были болѣе въ состояніи продѣлывать все то, что ихъ товарки, не лишенные хвостовъ. Весьма милы бываютъ также различныя положенія, которыя онѣ могутъ принимать. Ручная мышь производитъ очень пріятное впечатлѣніе, даже когда сидитъ спокойно, но когда она, подобно другимъ грызунамъ, садится на заднія лапки, а затѣмъ

охранивается и моется, то она положительно очаровательна. Она можетъ встать на заднія ноги, какъ человекъ, и даже пройти въ такомъ положеніи нѣсколько шаговъ. При этомъ она только иногда опирается на хвостъ. Она умѣетъ также плавать, хотя въ воду идетъ только въ крайнемъ случаѣ. Если ее бросить въ прудъ или ручей, то можно видѣть, что она плыветъ почти съ такою-же быстротою, какъ мышь — малютка или водяная крыса, съ которыми мы ознакомимся дальше, и устремляется къ первому сухому мѣсту, чтобы взобраться на него и снова достигнуть суши. Чувства у ней развиты превосходно: она слышитъ малѣйшій шумъ, обоняніе имѣетъ острое и чуетъ на далекое разстояніе, видитъ также хорошо, днемъ можетъ быть еще лучше, чѣмъ ночью. Умственные способности ея дѣлаютъ ее истиннымъ

Полевая мышь. *Mus agrarius*. Лѣсная мышь. *Mus sylvaticus*. $\frac{5}{6}$ наст. вел.

любимцемъ того, кто стремится познать жизнь животнаго. Она добродушна и беззаботна и ничуть не похожа на своихъ злыхъ, коварныхъ и задорныхъ сестеръ — крысъ: она любопытна и изслѣдуетъ все основательно; она весела и умна, очень скоро смекаетъ, гдѣ ее цадятъ, и со временемъ такъ привыкаетъ здѣсь къ человеку, что передъ его глазами бѣгаетъ взадъ и впередъ и справляетъ свои домашнія дѣла, какъ будто не существуетъ для нея никакой опасности.

Въ клеткѣ она уже черезъ нѣсколько дней становится ручною; даже старыя мыши довольно скоро осваиваются съ человекомъ, а поиманныя молодыми превосходятъ своимъ добродушіемъ и беззаботностью большинство другихъ грызуновъ, которыхъ содержатъ въ неволѣ. Приятные звуки выманиваютъ ее изъ ея убѣжища и заставляютъ забывать всякій страхъ. Она является среди бѣла-дня въ комнатахъ, гдѣ играютъ на какомъ-нибудь инструментѣ, а мѣста, гдѣ постоянно звучитъ музыка, становятся наконецъ ея любимѣйшимъ мѣстопробываніемъ.

Въ новѣйшее время, въ различныхъ современныхъ изданіяхъ появились извѣстія о такъ называемыхъ пѣвчихъ мышахъ, и я также получилъ нѣсколько сообщений о томъ-же предметѣ. Всѣ эти сообщения сходятся между собою въ томъ, что тутъ и тамъ иногда наблюдались домашнія мыши, естественный пискъ и визгъ которыхъ напоминали пѣніе птицы. Необычайность этого наблюденія, повидимому, побудила большинство доставлявшихъ эти свѣдѣнія къ сравненіямъ, которыя едва-ли правильны. Одни говорятъ о пѣніи мышей съ удивленіемъ и ставятъ его на ряду съ пѣніемъ канарейки или даже соловья; другіе судятъ болѣе здраво и вѣроятнѣе. Учитель Шахтъ, столько-же достойный довѣрія, какъ и богатый знаніями наблюдатель, довольно долгое время имѣлъ у себя такую пѣвчую мышъ, которая пѣла болѣею частью въ сумерки, часто-же только ночью. Пѣніе ея не имѣло ни малѣйшаго сходства съ звонкимъ пѣніемъ канарейки или съ удивительными переливами соловья. Это было только «чириканье, смѣсь протяжныхъ, шуршащихъ и пискливыхъ звуковъ», которые въ ночной тиши можно было слышать даже за 20 шаговъ.

«Чтобы привести сравненіе между пѣніемъ этого четвероногаго съ пѣніемъ птицы», говоритъ Шахтъ, «слѣдуетъ сказать, что мелодія эта напоминаетъ тихіе звуки молодой малиновки, которая въ позднее лѣто, забравшись въ кусты, заучиваетъ свои пѣсенки». — Пѣніе другой мыши пѣвчуньи, которую наблюдалъ старшій учитель Мюллеръ, состояло изъ слѣдующихъ другъ за другомъ нѣжныхъ, свистящихъ звуковъ, которыя она испускала то медленно, то живѣе: въ послѣднемъ случаѣ они ясно напоминали собой пѣніе птицы, только, были значительно слабѣе. На эту мышъ музыка производила впечатлѣніе, такъ что она иногда начинала свистать даже днемъ, когда до нея долетали звуки изъ дома, стоящаго на другой сторонѣ улицы. Обѣ упомянутыя мною пѣвчія мыши были самцы, и потому должно казаться весьма вѣроятнымъ, что даромъ пѣнія въ данномъ случаѣ преимущественно надѣленъ мужской полъ.

Пехуаль-Леше цѣлыми мѣсяцами и одновременно прислушивался къ пѣнію двухъ такъ называемыхъ пѣвчихъ мышей, живущихъ на свободѣ въ одной кухнѣ. Ихъ очень часто можно было слышать одновременно, преимущественно въ часы сумерекъ отъ мая мѣсяца до сентября. Одна изъ нихъ испускала только безпорядочное чириканье и трель, смѣшанная съ тихимъ трещаніемъ, чмоканьемъ или пискомъ, а при случаѣ и глухимъ хрюканьемъ; у другой звуки были мягче, нѣкоторые изъ нихъ она выдерживала болѣе продолжительное время и тѣмъ достигала извѣстной мелодичности, которую только приблизительно можно-бы сравнить съ щебетаньемъ отдыхающей ласточки или отдаленнымъ пѣніемъ жаворонка. Однако въ этихъ звукахъ слышалось нѣчто совсѣмъ другое, что-то болѣе несовершенное, чѣмъ въ пѣніи пѣсенъ или свистѣ птицы; звуки эти были грубѣе, отрывистѣе и напоминали поэтому нѣкоторые звуки, испускаемые насѣкомыми. Во всякомъ случаѣ было-бы цѣлесообразнѣе говорить не о пѣніи, а лишь о щебетаніи мышей *).

Всѣ пріятныя качества нашей сожительницы, къ сожалѣнію, значительно умаляются ея жадностью и нахальствомъ. Трудно представить себѣ животное болѣе лакомое, чѣмъ домашняя мышъ, которая можетъ распорядиться съ полнымъ произволомъ принасами кладовой. Она доказываетъ самымъ нагляднымъ

*) Считаю долгомъ упомянуть, что въ русской литературѣ существуетъ прекрасное описаніе образа жизни и нравовъ мыши въ книгѣ покойнаго профессора Модеста Богданова „*Мирскіе захребетники*“. СПб. 1884. Стр. 5. Статья «Мышь-говоруха».

образомъ, что чувство вкуса у ней развито прекрасно. Она безусловно предпочитаетъ сладости всякаго рода, молоко, мясо, сыръ, жиръ и зерна, а если ей представлень выборъ, то она изъ всего выбираетъ самое лучшее. Острые рѣзцы ея дѣлаютъ ее еще болѣе ненавистной всѣмъ. Она умѣетъ пробить собою путь всюду, гдѣ чувствуетъ что-нибудь съѣстное, и ей ничего не значитъ проработать нѣсколько ночей сряду, чтобы прогрызть даже крѣпкія дубовыя двери. Если она находитъ много пищи по своему вкусу, то уноситъ собою запасецъ въ свою норку и съ торопливостію скряги собираетъ и умножаетъ свои сокровища. «Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ее мало беспокоятъ», говоритъ Фитцингеръ, «иногда можно найти цѣлыя кучи грецкихъ или обыкновенныхъ орѣховъ, нагроможденныхъ на полъ-локтя вышины по угламъ; онѣ такъ правильно и аккуратно сложены и покрыты разными обрѣзками бумаги или матеріи, что едва-ли въ этомъ кто-нибудь могъ подозрѣвать работу мыши». Воды она вовсе не пьетъ, если можетъ раздобыть другія сочныя съѣдобныя вещества, но и при сухой пищѣ пьетъ только изрѣдка, напротивъ съ наслажденіемъ лакать всякаго рода сладкіе напитки. Что она набрасывается и на спиртные напитки, какъ то дѣлаетъ иногда лѣсная мышь, это доказываетъ одно наблюденіе, которое мнѣ сообщилъ лѣсничій Блокъ. «Однажды, приблизительно въ 1843 году, въ то время, когда я писалъ, меня потревожилъ шумъ, и я увидалъ мышъ, которая по гладкимъ ножкамъ небольшого стола взбиралась наверхъ. Вскорѣ она очутилась наверху и усердно стала подбирать крошки, которыя лежали на тарелкѣ послѣ завтрака. Посреди тарелки стояла тоненькая рюмка, на половину наполненная кюммелемъ. Однимъ прыжкомъ мышка очутилась на краю рюмки, нагнулась впередъ, усердно стала лакать и затѣмъ сыркнула внизъ, вынивъ предварительно еще немного этого сладкаго яда. Потревоженная шумомъ съ моей стороны, она однимъ скачкомъ сыркнула со стола и исчезла за пиканомъ со стеклянной посудой. Теперь, казалось, спиртъ сталъ дѣйствовать на нее, такъ какъ тотчасъ-же она появилась снова и начала выдѣлывать презабавнѣйшія движенія, стараясь, хотя напрасно, еще разъ взобраться на столъ. Я всталъ и подошелъ къ ней, но не спугнулъ ея, а принесъ кончку; тогда мышъ на одно мгновеніе убѣжала, но тотчасъ появилась снова. Кошка сыркнула съ моихъ рукъ на землю, и пьяненькая мышка очутилась у нея въ когтяхъ».

Вредъ, который причиняетъ домашняя мышь, пожирая различные съѣстные припасы, въ общемъ — незначителенъ; самый существенный вредъ ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ изгрызаютъ цѣнные предметы. Въ библіотекахъ и въ естественно-историческихъ собраніяхъ мыши хозяйничаютъ самымъ гибельнымъ образомъ и могутъ причинить неизмѣримый вредъ, если всѣми силами не положить предѣлъ ихъ страсти къ разрушенію. Кажется, что онѣ грызутъ что-нибудь только изъ шалости, и очень вѣроятно, что это случается чаще тогда, когда мыши терпятъ отъ жажды, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ имѣютъ, чѣмъ утолить ее. Поэтому въ библіотекахъ, кромѣ зеренъ, которыя для нихъ заготовляютъ, ставятъ имъ также и соуды съ водой, однимъ словомъ ихъ положительно поить и кормить на казенный счетъ.

Домашняя мышь размножается необыкновенно быстро. Она рождаетъ сусти 22—24 дня послѣ случки отъ 4 до 6, нерѣдко и 8 дѣтенышей, а въ теченіи года навѣрное отъ 5 до 6 разъ, такъ что непосредственное потомство одного года доходить по меньшей мѣрѣ до 30 головъ. Одна бѣлая мышь, которую содержалъ въ неволѣ Струве, родила 17-го мая шестерыхъ, 6-го іюня шестерыхъ, а 3 іюля восьмерыхъ дѣтенышей. 3-го іюля ее разлучили съ самцомъ, а 28-го она свела съ нимъ. Тогда 21-го августа она снова принесла — 6, 1-го октября также — 6, а 24-го октября — 5 мышенятъ.

Зимой она оставалась бесплодна. 17-го марта снова появилось на свѣтъ двое. Одна изъ самокъ, родившихся 6-го іюня, принесла первыхъ дѣтенышей 18-го іюля и четырехъ сразу. Самка разрѣшается отъ бремени въ каждомъ углу, лишь-бы онъ доставлялъ ей мягкую подстилку и обезпечивалъ нѣкоторую безопасность. Нерѣдко находятъ гнѣздо въ выдолбленномъ хлѣбѣ, въ брюквѣ, въ карманахъ, въ человѣческихъ черепахахъ и даже въ мышеловкахъ. Обыкновенно оно состоитъ изъ соломы, сѣна, бумаги, перьевъ и другихъ мягкихъ предметовъ, тщательно собранныхъ вмѣстѣ; случается однако, что подстилкой служатъ только опилки и даже орѣховая скорлупа. Мышенята, только что родившіеся на свѣтъ, необыкновенно малы и совсѣмъ голые, положительно прозрачны, но растутъ быстро; между седьмымъ и восьмымъ днемъ они покрываются волосами, но только на тринадцатый день становятся зрячими. Тогда они остаются въ гнѣздѣ еще дня два, не болѣе, а затѣмъ самостоятельно отправляются добывать пищу. Старая мышь обращается съ ними очень нѣжно, и ради нихъ сама подвергается опасностямъ. Вейнландъ рассказываетъ трогательный примѣръ ихъ материнской любви. «Въ мягкомъ гнѣздѣ, которое устроила себѣ и дѣтямъ своимъ одна домашняя мышь, нашли ее съ 9-ю дѣтенышами. Старая мышь имѣла полную возможность убѣжать, однако не двинулась съ мѣста. Дѣтенышей стали сгребать на лопату и матку вмѣстѣ съ ними, но она не трогалась. Ихъ вынесли на лопатѣ внизъ по лѣстницѣ на дворъ, и она до послѣдней минуты упорно оставалась при дѣтяхъ, на свою погибель». Домашнимъ животнымъ, въ собственномъ значеніи этого слова, обыкновенная мышь сдѣлалась у жителей Китая и Японіи, которые довели до высокой степени совершенства разведеніе животныхъ и растений. Гааке сообщаетъ намъ слѣдующее о мышахъ, доставляемыхъ намъ въ послѣднее время отсюда. «Отъ времени до времени я получаю отъ одного торговца животными двѣ различныхъ породы домашнихъ мышей; торговецъ называлъ однѣхъ китайскими лазящими мышами, а другихъ — японскими танцующими мышами. Первые отличаются исключительно своею разнообразною мѣняющеюся окраской, такъ какъ лазать онѣ, кажется, умѣютъ не лучше другихъ мышей. Окраска-же въ высшей степени разнообразна. Наряду съ одноцвѣтно-сѣрыми, блѣдно-желтыми и бѣлыми, у меня были и пѣгя, сѣрыя съ бѣлымъ, черныя съ бѣлымъ, желтыя съ бѣлымъ и голубыя съ бѣлымъ. У желтыхъ и бѣлыхъ, а также у желтовато и голубовато-бѣлыхъ мышей всегда красныя глаза, у сѣрыхъ-же и у черныхъ съ бѣлымъ—никогда. Трехцвѣтныя мыши, кажется, очень рѣдки. Извѣстно, что и у насъ встрѣчаются бѣлыя, черныя и желтыя мыши, а иногда и пѣгя; китайцы воспользовались этою разнообразною окраскою мышей, чтобы удовлетворить своей страсти къ воспитанію животныхъ страннаго вида. Японцы, не меньшіе любители разведенія животныхъ, сумѣли сдѣлать изъ домашней мыши по истинѣ удивительное животное. Японская мышь, справедливо названная мышью-танцовщицей, встрѣчается также разнообразной окраски; у меня были черныя и желтыя съ бѣлымъ, также сѣрыя и голубыя съ бѣлымъ. Отъ обыкновенной домашней мыши она отличается меньшей величиной и удлиненной головой. Но главный ея характерный признакъ заключается во врожденной привычкѣ съ бѣшеною быстротой описывать большіе или меньшіе круги или съ невѣроятной скоростью кружиться на одномъ мѣстѣ. На такой танецъ часто сходятся двѣ, рѣдко три мыши; танецъ обыкновенно начинается въ сумерки и отъ времени до времени возобновляется ночью; по большей-же части онъ исполняется въ одиночку и неутомимыя танцовки движеніями своими совершенно очищаютъ нѣкоторыя мѣста пола своей клѣтки отъ покрывающаго его толстаго слоя опилокъ. И при обыкновенныхъ движеніяхъ эта мышь выказываетъ свою живую натуру. Она съ быстротою молніи, повидимому безцѣльно, поворачивается то туда, то

сюда и безпрестанно мордочкой обнюхивает воздух. Одинъ торговецъ, съ которымъ я разговаривалъ о танцующихъ мышахъ, вѣроятно на основаніи слышаннаго, старался истолковывать себѣ наследственную страсть этихъ животныхъ по своему. Онъ утверждалъ, будто танцующія мыши происходятъ изъ Перу и устраиваютъ себѣ гнѣзда въ зрѣлыхъ плодахъ хлопчатника и кружатся для того, чтобы образовать въ мягкой ватѣ пустоту; вслѣдствіе этого мышь-танцовницу называютъ также «хлопчатниковою мышью». Во всякомъ случаѣ она происходитъ, такъ-же какъ и лазающая мышь, изъ Японіи или Китая, хотя мнѣ не удалось добыть на этотъ счетъ болѣе точныхъ свѣдѣній. Въ книгахъ и временныхъ изданіяхъ я ничего не могъ найти относительно домашнихъ мышей китайцевъ и японцевъ».

Самымъ злѣйшимъ врагомъ домашней мыши всегда была и останется кошка. Въ старыхъ постройкахъ вѣрной помощницей ея является сова, а въ деревнѣ оказываютъ хорошія услуги хорекъ и ласка, ежъ и землеройка, во всякомъ случаѣ лучшія, чѣмъ всякаго рода ловушки. * *

Лѣсная и полевая мышь раздѣляютъ большинство качествъ домашней мыши. Первая, за исключеніемъ развѣ странъ дальняго сѣвера, распространена по всей Европѣ и средней Азіи и въ горахъ доходитъ до 2000 футовъ надъ уровнемъ моря. Она живетъ въ лѣсахъ, по опушкамъ лѣсовъ, въ садахъ, рѣже также въ открытыхъ безлѣсныхъ поляхъ, а зимой любитъ забираться въ дома, погреба и кладовыя, но, какъ только окажется возможность, взбирается на-верхъ и бродитъ на чердакахъ и подъ крышами. Въ своихъ движеніяхъ она по меньшей мѣрѣ такъ-же ловка, какъ домашняя мышь, но отличается отъ нея тѣмъ, что прыгаетъ большими скачками, на подобіе тушканчиковъ, дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ подъ рядъ и затѣмъ только немного отдыхаетъ. По наблюденія Раде, зрѣніе у нея не особенно развито; можно, осторожно подвигаясь впередъ, приблизиться къ ней на разстояніе около 60 см. и безъ особеннаго труда убить ее. На волѣ она ѣстъ насѣкомыхъ и червей, даже маленкихъ птицъ или плоды, вишневья косточки, орѣхи, желуди, буковые орѣшки, а въ случаѣ нужды также кору съ молодыхъ деревьевъ. Она заготавливаетъ себѣ также запасъ на зиму, но не подвержена зимней спячкѣ и лакомится накопленными сокровищами только въ ненастные дни «Когда мы окончили постройку нашего дома въ горахъ Малага Хингана», рассказываетъ Раде, «лѣсная мышь появилась у насъ на зиму въ большомъ количествѣ и сыграла съ нами нѣсколько злыхъ шутокъ, посящая даже столы и производя на нихъ беспорядокъ. Она избѣгала разложенныхъ, сдѣланныхъ изъ сала, отравленныхъ шпюль и болышею частью держалась возлѣ запасовъ гречихи въ нашемъ амбарѣ; она также растаскивала горохъ и дѣлала себѣ изъ него большіе запасы. Днемъ ее никогда нельзя было встрѣтить, но въ часы сумерекъ она была очень дѣятельна и необыкновенно смѣла». У насъ въ деревнѣ она часто также причиняетъ въ домѣ ощутительный вредъ и проявляетъ совершенно особенныя наклонности: такъ, она забирается по ночамъ въ клѣтки, умерщвляетъ канареекъ, жаворонковъ и зябликовъ. Кучки лакомствъ, которыхъ она не могла утащить, покрываетъ соломинками, кусочками бумаги и тому подобнымъ. Ленцъ рассказываетъ прекрасный примѣръ, свидѣтельствующій о тонкости ея вкуса. Одна изъ его сестеръ услышала вечеромъ въ погребѣ своеобразный, пѣвучій пискъ, стала искать съ фонаремъ и нашла лѣсную мышь, которая сидѣла возлѣ бутылки съ малагой, привѣтливо и безъ страха смотрѣла въ лицо приближающейся дамѣ и, нѣсколько не стѣсняясь, продолжала свою пѣсенку. Молодая женщина ушла за помощію и въ погребѣ отирались цѣлою толпою; мышь еще не кончила своей пѣсенки, продолжала спокойно сидѣть и была очень удивлена, когда

ее схватили за шиворотъ желѣзными клещами. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что бутылка около пробки имѣла небольшую течь и что вокругъ нея лежала цѣлая гирлянда мышинаго помета, изъ чего было заключено, что арестованная въ качествѣ пьяницы мышь уже вѣроятно давно здѣсь устраивала себѣ пирушки.

Лѣсная мышь два или три раза въ годъ мечетъ по 4—6, рѣже по 8 голыхъ дѣтенышей, которые растутъ довольно медленно, а красивый, рыжевато-желтый отъенокъ своей шкурки получаютъ только на второй годъ.

Границы распространія полевой мыши гораздо уже, чѣмъ у родственныхъ ей породъ: она живетъ отъ Рейна до западной Сибири, и отъ сѣверной Гольштиніи до Ломбардіи. Въ средней Германіи она почти вездѣ очень обыкновенна, но на высокихъ горахъ она отсутствуетъ. Мѣстопробываніемъ ея служатъ воздѣланные поля, опушки лѣсовъ, рѣдкій кустарникъ, а зимой скирды хлѣба, амбары и конюшни. Во время жатвы бывають видны цѣлыя толпы ихъ, бѣгающихъ по жниву. Палласъ рассказываетъ, что въ Сибири онѣ иногда переселяются съ мѣста на мѣсто неправильными толпами. Въ своихъ движеніяхъ полевая мышь гораздо менѣе ловка, а по нравамъ или гораздо добродушнѣе, или гораздо глупѣе своихъ родичей. Пища ея состоитъ главнымъ образомъ изъ хлѣбныхъ зеренъ, сѣмянъ растений, луковицъ, насѣкомыхъ, и червей. Она точно также собираетъ запасы. Лѣтомъ она три или четыре раза мечетъ отъ 4 до 8 дѣтенышей, которые, подобно дѣтенышамъ лѣсной мыши, только на слѣдующій годъ пріобрѣтають полную окраску. Относительно ихъ размноженія Ленцъ рассказываетъ слѣдующее: «Нѣсколько времени тому назадъ я взялъ въ свою комнату полевую мышь вмѣстѣ съ ея дѣтенышами, которые только что стали зрѣчими, помѣстивъ все семейство отдѣльно въ хорошую клѣтку и обильно кормивъ ихъ. Мать устроила себѣ гнѣздышко и очень усердно кормила въ немъ своихъ малютокъ; 15 дней спустя послѣ того, какъ все семейство было поймано и заперто, когда дѣтеныши только что начали становиться самостоятельными, мать совершенно неожиданно опять родила семерыхъ, стало быть она забеременѣла еще будучи на волѣ, послѣ того какъ родила предыдущихъ. Интересно бывало наблюдать, какъ убѣгала старая мышь, когда мнѣ случалось потревожить ее въ то время, когда она кормила своихъ дѣтенышей. Мышенята, которые въ это время висѣли на ея сосцахъ, не выцѣскали ихъ изо рта, какъ-бы она скоро ни бѣжала, и она, несмотря на такую значительную тяжесть, все таки подвигалась довольно скоро. Я и на волѣ видѣлъ мышенъ, которыя такимъ-же способомъ уносили своихъ дѣтенышей, когда я покоилъ ихъ.»

Какъ ни красивы, какъ ни миловидны всѣ маленькія мыши, какъ ни прелестно ведутъ онѣ себя въ неволѣ, но самый маленькій видъ этого семейства, **Мышь-малютка** (*Mus minutus*, *Mus pendulinus*, *soricinus*, *parvulus*, *campestris*, *pratensis* и *messorius*, *Microtus agilis*, *Zwergmaus*. *Mulot nain*.) все-таки превосходить другихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она подвижнѣе, ловче, веселѣе, словомъ—гораздо болѣе привлекательный звѣрекъ, чѣмъ всѣ остальные. Въ длину она имѣетъ 13 см., изъ которыхъ почти половина приходится на долю хвоста. Окраска шерсти измѣнчива. Обыкновенно она бываетъ двухъ цвѣтовъ: верхняя часть тѣла и хвостъ желтовато-буры-красные, брюхо и ноги совершенно бѣлыя; попадаются однако также болѣе темныя, или свѣтлыя, болѣе красныя, или бурья, сѣроватыя, или желтоватыя; брюхо не особенно отличается отъ верхней части; молодые звѣрки имѣють нѣсколько иное тѣлосложеніе, чѣмъ старыя, и совершенно иную окраску тѣла, а именно, гораздо болѣе сѣраго цвѣта на спинѣ.

Мышь-малютка издавна представляла собою загадку для зоологовъ. Палласъ

открылъ ее въ Сибири, въ точности описалъ и довольно хорошо нарисовалъ ее; но послѣ него почти каждый натуралистъ, которому она попадалась въ руки, выдавалъ ее за новый видъ, и каждый считалъ себя правымъ. Только благодаря непрерывнымъ наблюденіямъ выяснилась та неопровержимая истина, что наша малютка дѣйствительно распространена отъ Сибири черезъ всю Россію, Венгрію, Польшу и Германію до самой Франціи, Англии и Италіи и только въ исключительныхъ случаяхъ не встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Она живетъ на всѣхъ равнинахъ, гдѣ процвѣтаетъ земледѣліе, но далеко не всегда водится на поляхъ, а преимущественно въ болотахъ, тростникахъ, камышахъ и пр. Въ Сибири и въ степяхъ у подножія Кавказскихъ горъ она очень обыкновенна; въ Россіи-же, въ Англии, въ Шлезвигѣ и Гольштиніи она по меньшей мѣрѣ встрѣчается нерѣдко. Но и въ другихъ странахъ Европы она иногда можетъ попадаться во множествѣ. Лѣтомъ можно встрѣтить этого миловиднаго звѣрка въ обществѣ лѣсной и полевой мыши на хлѣбныхъ поляхъ, зимою-же въ громадномъ количествѣ подъ екирдами, а также въ амбарахъ, куда онѣ попадаютъ вмѣстѣ съ зерномъ. Если она зимуетъ въ открытомъ полѣ, то, хотя и проводитъ въ спячкѣ часть холоднаго времени, однако никогда не впадаетъ въ полное оцѣпенѣніе и поэтому лѣтомъ заготавливаетъ запасы въ своихъ норахъ, чтобы можно было питаться ими во время нужды. Питается она тѣмъ-же, чѣмъ и всѣ остальные мыши: хлѣбомъ и сѣменами всевозможныхъ травъ и деревьевъ, а также всякаго рода маленькими насѣкомыми.

Въ своихъ движеніяхъ мышъ-малютка отличается отъ всѣхъ другихъ видовъ этого семейства. Несмотря на ея незначительную величину она бѣгаетъ необыкновенно быстро и лазаютъ съ величайшимъ совершенствомъ и ловкостью. Повиснувъ на тончайшихъ вѣточкахъ кустовъ и на стебляхъ травъ, которые настолько тонки, что вмѣстѣ съ нею наклоняются къ землѣ, она по нимъ бѣжитъ кверху, почти такъ-же скоро бѣгаетъ и по деревьямъ, причѣмъ съ особенною ловкостью цѣпляется своимъ хорошенькимъ маленькимъ хвостикомъ. Она также одинаково хорошо умѣетъ плавать и нырять. Такимъ образомъ она можетъ жить повсюду.

Но величайшее совершенство она проявляетъ еще въ другомъ отношеніи. Она художница, какихъ мало между млекопитающими, художница, которая можетъ соперничать съ самыми даровитыми птицами, потому что она строитъ гнѣздо, превосходящее красотой гнѣзда всѣхъ другихъ млекопитающихъ. Она до того своеобразно выводитъ свою хорошенькую постройку, какъ будто переняла это искусство у птички. Смотря по характеру мѣстности, гнѣздо или бываетъ устроено на 20—30 листьяхъ осоки, верхушки которыхъ расщеплены и такъ переплетены между собою, что окружаютъ собою постройку со всѣхъ сторонъ, или оно виситъ на высотѣ отъ 0,5—1 метра отъ земли свободно на вѣтвяхъ куста, на стеблѣ тростника и тому подобномъ, такъ что оно выглядит какъ-бы висящимъ на воздухѣ. По наружности оно походитъ болѣе всего на тупое яйцо, напримѣръ на очень круглое гусиное яйцо, которому оно приблизительно равно по величинѣ. Наружная оболочка его всегда состоитъ изъ совершенно расщепленныхъ листьевъ тростника или осоки, стебли которыхъ образуютъ основаніе всей постройки. Малютка беретъ каждый листочекъ зубами въ ротъ и нѣсколько разъ пропускаетъ его между острыми, какъ иголка, концами ихъ, пока не раздѣлитъ каждый отдельный листъ на шесть, восемь, или десять частей, какъ-бы нѣсколько отдельныхъ волоконъ; затѣмъ все это необыкновенно тщательно свивается и переплетается другъ съ другомъ. Внутренность выстлана пленками тростника, пухомъ нѣкоторыхъ болотныхъ растений, пушистыми сережками вербъ и цвѣточными кистями всякаго рода. Сбоку въ гнѣздо ведетъ маленькое отверстіе, а если черезъ него ощупать внутренность гнѣзда, то оно оказы-

вается какъ вверху, такъ и внизу равномерно-гладкимъ, чрезвычайно мягкимъ и нѣжнымъ на ошупь. Отдѣльныя составныя части его такъ плотно соединены и переплетены между собою, что гнѣздо дѣйствительно приобретаетъ большую прочность. Если съ искуснымъ клювомъ птицъ-строителей сравнить менѣе удобопримѣнимыя орудія мышей, то на постройку ихъ придется смотрѣть не безъ удивленія, и работу мыши-малютки поставить выше построекъ многихъ птицъ. Каждое гнѣздышко строится всегда главнымъ образомъ изъ листьевъ того растенія, на которомъ оно находится. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является то обстоятельство, что снаружи гнѣздо имѣетъ почти, или совершенно такой-же цвѣтъ, какъ и самый кустъ, на которомъ оно виситъ. Каждымъ изъ своихъ произведеній искусства мышь-малютка пользуется только во время родовъ, которые продолжаются лишь самое короткое время; такимъ образомъ дѣтеныши всегда покидаютъ гнѣздо раньше, чѣмъ листья, окружающіе его, успѣютъ завянуть и принять вслѣдствіе этого отличную отъ гнѣзда окраску.

Полагаютъ, что каждая мышь-малютка рождаетъ два или три раза въ годъ, каждый разъ по 5—9 штукъ дѣтенышей. Старыя матери строятъ свои гнѣзда всегда съ большимъ искусствомъ, чѣмъ молодыя; но и у послѣднихъ замѣчается уже стремленіе достигнуть искусства старыхъ. Дѣтеныши уже на первомъ году строятъ себѣ довольно затѣйливыя гнѣзда и отдыхаютъ въ нихъ. Въ своей великолѣпной колыбели они остаются обыкновенно до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаются зрѣчими. Старая самка каждый разъ тепло укрываетъ ихъ или, лучше сказать, запираетъ входъ въ гнѣздо, когда ей приходится покинуть его, чтобы принести себѣ пищи. Между тѣмъ она уже опять сошлась съ самцомъ своей породы и снова уже беременна, въ то время какъ ей еще нужно кормить молокомъ своихъ дѣтенышей. Затѣмъ, какъ только они настолько подростутъ, что могутъ кое-какъ прокормить себя, старая самка предоставляетъ ихъ самимъ себѣ, пробывъ ихъ руководителемъ и совѣтникомъ самое большее нѣсколько дней.

Если кому-нибудь посчастливится быть по близости какъ разъ въ то время, когда старая самка въ первый разъ выводитъ своихъ дѣтенышей, то ему представится случай насладиться одною изъ самыхъ привлекательныхъ семейныхъ картинъ изъ жизни млекопитающихъ. Какъ ни ловки уже молодые мышенята, они все-таки еще нуждаются въ нѣкоторомъ обученіи и слишкомъ еще привязаны къ матери, чтобы быть въ состояніи сейчасъ-же сдѣлаться самостоятельными и начать жизнь, полную опасностей. Вотъ одна изъ малютокъ взбирается по одной, другая по другой соломинкѣ, третья нискомъ зоветъ мать, четвертая еще желаетъ пососать, пятая моется и чистится, шестая нашла зернышко, которое она очень мило держитъ передними лапками и разгрызаетъ; послѣдняя еще возится внутри домика; самый храбрый и отважный между дѣтенышами, самецъ, удалился дальше всѣхъ и уже плаваетъ, можетъ быть, подъ кустомъ въ водѣ; словомъ, все семейство находится въ самомъ оживленномъ движеніи, центръ котораго составляетъ добродушная старая самка: одному она помогаетъ, другаго зоветъ, водить, направляетъ и охраняетъ все общество.

Всю эту дѣятельность можно наблюдать съ большимъ удобствомъ, если взять все гнѣздо къ себѣ домой и помѣстить его въ клѣтку съ частой проволоочной сѣткой. Мышей-малютокъ содержать легко, если давать имъ коноплю, овесъ, гречиху, сладкія яблоки, мясо и комнатныхъ мухъ, и онѣ своимъ приятнымъ нравомъ въ тысячу разъ вознаграждаютъ труды человѣка, который ходитъ за ними. Премило бываетъ смотрѣть, когда имъ предложить муху. Всѣ онѣ бросаются на нее большими прыжками, хватаютъ ее лапками, подносятъ ко рту и умерщвляютъ съ такою поспѣш-

МЫШЬ МАЛЮТКА.

ностью и жадностью, какъ это дѣлаетъ левъ, собирающійся задушить барана. Молодые мышенята очень скоро становятся ручными, но снова дѣлаются болѣе пугливыми по мѣрѣ того, какъ становятся старше, если не заниматься ими особенно часто и съ особеннымъ прилежаніемъ. Съ наступленіемъ того времени, когда они на волѣ прячутся въ свои убѣжища, они становятся очень безпокойными и всячески стараются убѣжать, совершенно подобно тому, какъ это дѣлаютъ перелетныя птицы, когда приближается время отлета. Въ мартѣ они также выказываютъ особое желаніе удалиться изъ кѣтки. Въ общемъ-же они скоро свыкаются съ новыми условіями жизни, весело принимаются за постройку своихъ искусныхъ гнѣздъ, берутъ листья и протягиваютъ ихъ лапками черезъ ротъ, чтобы расщепить, при-

Варварійская мышь. *Mus barbarus*. Наст. вел.

водить въ порядокъ и переносить ихъ между собою, сносить въ одно мѣсто различныя вещества, словомъ—стараятся устроиться какъ можно лучше.

* * *

Одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ этого семейства это—**Полосатая** или **Варварійская мышь** (*Mus barbarus*, *Golunda barbara*. *Streifenmaus*. *Rat de Barbarie*), звѣрекъ, достигающій около 22 см. длины, включая сюда и хвостъ, длиною въ 12 см. Основною окраскою туловища является красивый желтовато-коричневый или красновато-глиняно-желтый цвѣтъ. Отъ головы, покрытой черными крапинками, до основанія хвоста тянется черно-бурая продольная полоса, и много подобныхъ-же полосъ проходить, хотя и въ не совсѣмъ прямомъ направленіи, по бокамъ тѣла. Брюхо совершенно бѣлаго цвѣта. Уши покрыты красновато-желтыми волосками, черные усы оканчиваются болѣею частью бѣлымъ кончикомъ. Хвостъ сверху черно-бураго, снизу желто-бураго цвѣта.

Варварійская мышь живетъ въ сѣверной и средней Африкѣ, особенно часто встрѣчается въ Атласскихъ горахъ, однако попадаетъ нерѣдко въ степяхъ, ле-

жащихъ внутри страны. Я наблюдалъ ее нѣсколько разъ въ Кордофанѣ, но видѣть ее мнѣ удавалось всегда только нѣсколько мгновений, когда она быстро пробѣгала въ высокой степной травѣ. «Подобно всѣмъ другимъ ея родичамъ, обитающимъ въ степи», рассказываетъ Буври, «арабы называютъ варварійскую мышь просто-на-просто мышью пустыни, презираютъ и мало наблюдаютъ ее; туземцы поэтому ничего не могутъ сообщить про нее. Ее можно встрѣтить вдоль всего Алжирскаго берега, преимущественно въ каменистыхъ странахъ, а также тамъ, гдѣ цѣпи безплодныхъ возвышенностей ограничиваютъ собою плодоносныя долины. На склонахъ холмовъ она вырываетъ себѣ ходы, ведущіе въ глубже лежащее помѣщеніе; тамъ она складываетъ себѣ осенью запасы изъ хлѣбныхъ колосьевъ и травъ и питается ими по мѣрѣ надобности въ холодное или дождливое время года. Остающаяся отъ изгрызанныхъ колосьевъ мякина идетъ на выстилку помѣщенія. Смотри по времени года ница полосатой мыши состоитъ изъ хлѣбныхъ зеренъ и сѣмянъ или изъ другихъ растительныхъ веществъ. Плоды, въ особенности садовые, составляютъ ея любимое лакомство: въ ловушки, которыя я разставлялъ, и куда для приманки клалъ кусочекъ арбуза, я ловилъ многихъ. Ловить-ли и ѣсть-ли она также насѣкомыхъ, я не знаю. Правомъ своимъ полосатая мышь во многомъ напоминаетъ крысъ. Она прожорлива, но также зла и, если дѣло коснется ея любви къ супругу или дѣтямъ, она не побояется прямо пойти на врага, превосходящаго ее силою, съ цѣлью обратить его въ бѣгство. Въ остальномъ она настоящая мышь и обнаруживаетъ ту же гибкость, граціозность и ловкость въ своихъ движеніяхъ, какъ и другіе ея родичи. Относительно размноженія ея мнѣ ничего неизвѣстно».

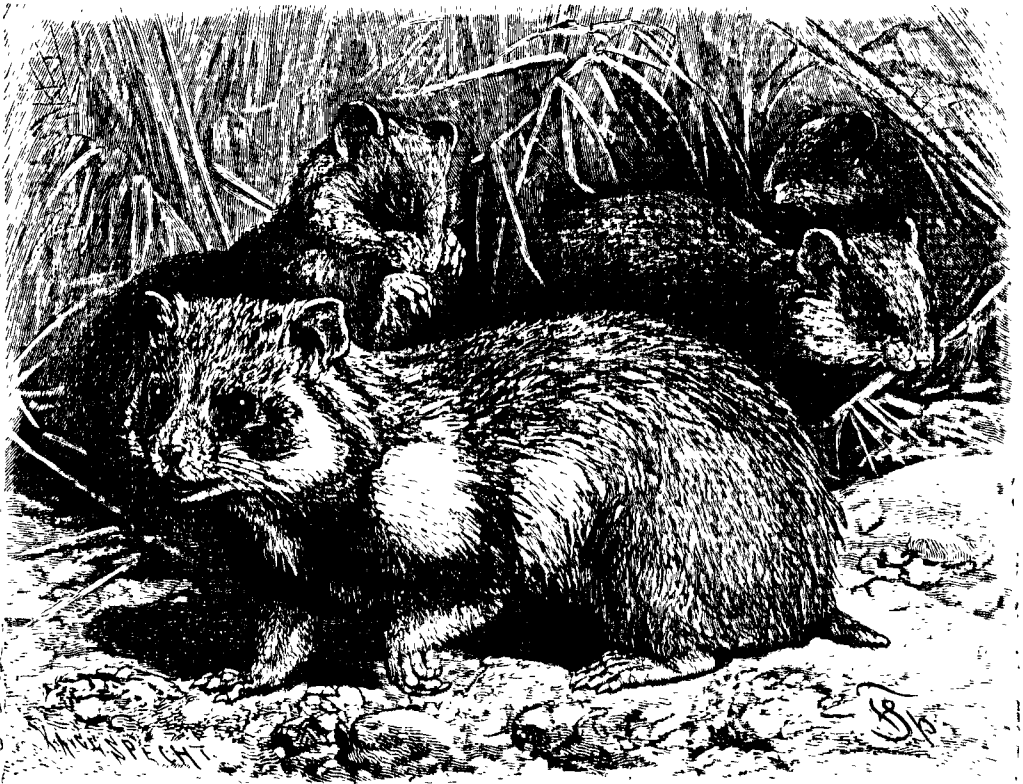
Изъ-за красоты ея тѣла варварійскую мышь часто привозятъ въ Европу. Она очень хорошо переноситъ нашъ климатъ, такъ какъ и въ своемъ отечествѣ ей приходится, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, переносить довольно значительный холодъ. Содержать ее вмѣстѣ съ другими особями того-же вида можно безъ опасеній лишь въ томъ случаѣ, когда она въ достаточномъ количествѣ имѣетъ кормъ; въ противномъ случаѣ сильнѣйшая съѣстъ слабѣйшую.

Последнее подсемейство, на которое мы можемъ обратить вниманіе, составляютъ **Хомяки** (*Cricetinae*), животныя болѣе или менѣе неуклюжаго сложенія, притомъ часто большого роста съ расщепленными губами, большими защечными мѣшками и тремя коренными зубами на каждой сторонѣ челюстей.

Нашъ хомякъ принадлежитъ къ наиболѣе извѣстному роду хомяковъ (*Cricetus*), главнѣйшимъ признакомъ котораго можно считать неуклюжее, толстое туловище съ очень короткимъ рѣдковолосымъ хвостомъ и короткими конечностями, причемъ на заднихъ имѣется по 5, а на переднихъ по 4 пальца и бородавка взамѣнъ большого пальца. Зубовъ у него 16, изъ нихъ двѣ пары необыкновенно большихъ рѣзцовъ и 3 пары простыхъ коренныхъ зубовъ въ каждомъ ряду съ бугорчатой жевательной поверхностью. Мѣстопробываніемъ этого животнаго служатъ пахатныя поля въ плодородныхъ мѣстностяхъ средней Европы, Азіи и Америки. Въ этихъ мѣстахъ они строятъ себѣ глубокія норы со многими камерами, въ которыхъ осенью собираютъ запасы пищи; въ нихъ-же они проводятъ и свою жизнь, съ радостями и горестями которой мы знакомимся, наблюдая нашего туземнаго хомяка.

Довольно красивый по внѣшности, но безобразный по характеру — ворчливый, раздражительный и вмѣстѣ съ тѣмъ отважный **Хомякъ** (*Cricetus frumentarius*, *Mus cricetus*, *Porcellus frumentarius*, *Cricetus vulgaris*. Hamster) достигаетъ 30 см.

общей длины, причѣмъ на хвостъ отходить 5 см. Тѣло коренастое, шея толстая, голова довольно заостренная; кожистыя уши средней величины, глаза большіе и блестящіе, ноги короткія, ступни и пальцы хорошо сложены, когти свѣтлые и короткіе; хвостъ, конически заостренный, на концѣ усѣченъ. Густой, гладкій, слегка блестящій мѣхъ состоитъ изъ короткаго и мягкаго подшерстка и изъ болѣе длинныхъ и жесткихъ, но рѣже растущихъ волосъ ости. Верхняя часть туловища окрашена въ свѣтло-желто-бурый цвѣтъ; отъ черныхъ концовъ щетинистыхъ волосъ она получаетъ сѣроватый оттѣнокъ. Верхняя сторона рыльца, глазная область и нѣкоторое подобіе ошейника—красно-бураго цвѣта, пятно на щекахъ—желтое, ротъ—бѣло-

Хомякъ. *Sciurus tridecemlineatus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ватый, нижняя часть туловища, переднія ноги до ступни и заднія по крайней мѣрѣ съ внутренней стороны, равно какъ и полоска надъ лбомъ—чернаго цвѣта, ступни, наоборотъ, бѣлаго. Большею частью желтыя пятна бывають еще за ушами, а также спереди и сзади переднихъ ногъ. Но встрѣчаются много разновидностей: одни совершенно черны, другіе чернаго цвѣта съ бѣлой шеей и сѣрой макушкой, свѣтлые блѣдно-желтовато-сѣрые экземпляры съ темно-сѣрой нижней стороной туловища и блѣдно-желтыми пятнами на плечахъ; другіе имѣють спину матово-желтую, животъ свѣтло-сѣрый, плечи бѣловатые; иногда попадаются и совершенно бѣлые хомяки.

Плодородныя нашини отъ Рейна до Оби доставляютъ хомяку жилище и пищу. Въ Германіи онъ отсутствуетъ въ южныхъ и юго-западныхъ государствахъ и провинціяхъ, а также въ восточной и западной Пруссіи, напротивъ того въ Тюрингіи

и Саксоніи часто встрѣчается. Кажется благополучіе его обуславливается главнымъ образомъ умѣренно твердой, сухой, но плодородной почвой. Ради прочности копаемыхъ имъ сооружений, онъ обходитъ песчанья мѣстности; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не склоненъ затрачивать много труда при копаніи, и потому слишкомъ твердая или каменистая почва избавлена отъ его поселеній. Избѣгаетъ онъ также горы и лѣсовъ; сырыхъ низменностей также не любитъ. Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ хомякъ водится, онъ попадаетъ часто, иногда въ невѣроятномъ количествѣ.

Нора хомяка состоитъ изъ большой жилой камеры на глубинѣ 1—2 метровъ, изъ наклоннаго выхода и отвѣснаго входа. Жилая камера сообщается посредствомъ проходовъ съ помѣщеніемъ для запасовъ. Норы видоизмѣняются сообразно полу и возрасту хомяка: у молодыхъ онѣ ниже и короче, у самокъ значительно больше, а у старыхъ самцовъ самая большія. Постройки хомяковъ легко узнать по кучкѣ земли, которая лежитъ у выхода и обыкновенно усыпана мякиной и шелухой. Входная галлерей направляется въ землю всегда отвѣсно, иногда до того прямо, что въ нее можно вставить длинную палку; но этотъ ходъ не ведетъ прямо въ камеру; внизу онъ направляется къ котловинѣ то въ горизонтальномъ, то въ наклонномъ направленіи. Выходная галлерей, напротивъ, рѣдко имѣетъ прямое направленіе, она чаще изогнута. По ходамъ очень легко узнать, обитаемы постройки или нѣтъ. Если въ нихъ встрѣчается мохъ, плѣсень или трава, или если они выглядятъ шероховато, то постройки навѣрно покинуты, такъ какъ каждый хомякъ содержитъ свой домъ и входныя отверстія необыкновенно чисто и въ порядкѣ. Долго обитаемые проходы такъ полируются шерстью хомяка при его входахъ и выходахъ, что стѣны ихъ блестятъ. Снаружи галлерей шире, чѣмъ при ихъ продолженіи; тамъ онѣ большею частью имѣютъ 5—8 см. въ разрѣзѣ. Изъ числа камеръ, меньшая — жилая съ гладкими стѣнами; она всегда выстлана очень тонкой соломой, большею частью листьями злаковъ, которые образуютъ мягкую подстилку. Въ нее впадаютъ три прохода: одинъ выходной, другой входной и третій, ведущій въ камеру для запасовъ. Последній совсѣмъ схожа съ жилой камерой: она кругла или яйцеобразна, наверху со сводомъ, внутри гладкая; къ осени она совершенно наполнена зерновымъ хлѣбомъ. Молодые хомяки устраиваютъ только одну такую камеру, старые-же, особенно самцы, которые круглое лѣто только припасуютъ, роютъ себѣ 3—5 такихъ амбаровъ и тогда въ каждомъ изъ нихъ можно найти по мѣрѣ зерна (около 2-хъ гарнцевъ). Иногда хомякъ засыпаетъ землю проходъ изъ жилой камеры въ кладовую: случается также, что онъ наполняетъ его зернами.

Прежде утверждали ошибочно, что хомякъ насыпаетъ каждый сортъ хлѣба отдѣльно; между тѣмъ онъ таскаетъ всякія зерна, какія находитъ, и складываетъ ихъ въ одну кучу подъ землю. Рѣдко они встрѣчаются совершенно чистыми отъ зерновой шелухи или мякины. Если въ постройкѣ находятъ отдѣльно различные сорта хлѣба, то это происходитъ не отъ склонности обитателя къ порядку, но просто потому, что онъ въ соответствующее время находилъ только тотъ, а потомъ только другой сортъ зеренъ. Позднею осенью нѣкоторые присоединяютъ къ запасамъ также и зеленый кормъ. Въ проходѣ, который ведетъ къ выходу, часто близъ самой камеры одно мѣсто расширено: здѣсь хомякъ обыкновенно оставляетъ свой пометъ. Норка самки во многихъ отношеніяхъ отстаетъ отъ только что описанной; въ ней одна лишь выходная, но 2—8 входныхъ галлерей, изъ которыхъ, впрочемъ, пока дѣтеныши еще малы, употребляется обыкновенно лишь одна. Родильное ложе самки кругловато, имѣетъ приблизительно 30 см. въ разрѣзѣ и отъ 8 до 13 см. высоты и выстлано очень мягкой соломой. Изъ камеры съ гнѣздомъ расходятся по всѣмъ входнымъ отверстіямъ особенные проходы, иногда послѣдніе соединены между собой также

галереями. Кладовыя встрѣчаются очень рѣдко въ норахъ самки, потому что она, пока у нея есть дѣтеныши, ничего не запасаетъ.

Хомякъ. несмотря на кажущуюся неуклюжесть, животное довольно ловкое. Онъ трусить мелкими шажками, какъ ежъ, при чемъ животъ почти касается земли. Во время гнѣва онъ двигается быстрѣе и рѣшается тогда даже на большіе и высокіе прыжки. Тамъ, гдѣ онъ можетъ опереться съ двухъ сторонъ, напримѣръ, по угламъ ящичковъ или же между шкапами и стѣнкой, онъ довольно хорошо лазаетъ; чрезвычайно быстро взбирается также онъ вверхъ по занавѣсамъ. Онъ можетъ уцѣпиться одной ногой за выступъ и висѣть такимъ образомъ и настолько искусень, что при этомъ можетъ поворачиваться и снова подняться на высоту, на краю которой виситъ, даже въ томъ случаѣ, если держится на одной задней ногѣ. Копать онъ умѣетъ мастерски. Если посадить его въ бочку, наполненную землей, онъ немедленно приступаетъ къ дѣлу. Онъ начинаетъ разрыхлять землю передними ногами, а если почва тверда, то зубами, бросаетъ землю первоначально подъ животъ, потомъ захватываетъ ее задними ногами и швыряетъ назадъ. Дойдя до глубины, онъ пнётся задомъ, выталкивая сразу цѣлую кучу земли; но онъ никогда не пользуется для этого своими защечными мѣшками, какъ ошибочно объ этомъ сообщали. Въ водѣ онъ двигается довольно ловко, хотя вообще боится и избѣгаетъ ея. Если его бросить въ сосудъ, наполненный водой, то онъ быстро плаваетъ кругомъ, но неистово ворчитъ и вообще выказываетъ, что чувствуетъ себя нехорошо. При томъ-же купанье настолько утомляетъ его, что, почувствовавши себя опять на сушѣ, онъ на радостяхъ совершенно забываетъ свойственную ему злобу и ярость. Тотчасъ-же послѣ купанья начинается чрезвычайно тщательная чистка. Хомякъ необыкновенно ловко умѣетъ пользоваться своими передними ногами, почти какъ руками. Ими онъ подноситъ пищу ко рту, онъ держитъ и вертитъ колосья, которые вылуциваетъ, чтобы сложить зерна въ защечные мѣшки, ими же приводитъ въ порядокъ свой мѣхъ. Онъ начинаетъ съ головы. Обѣ переднія конечности онъ прижимаетъ къ ушамъ и проводитъ впередъ по лицу, какъ это дѣлаетъ, когда умывается; послѣ этого онъ беретъ одинъ за другимъ пучки волосъ и третъ между руками до тѣхъ поръ, пока они покажутся достаточно сухими. Приводитъ въ порядокъ волоса на бедрахъ и спинѣ онъ умѣетъ очень остроумнымъ способомъ. Для этого онъ садится на бедра и задницу и гладитъ себя одновременно языкомъ, зубами и лапами, при чемъ послѣдними необыкновенно быстро двигаетъ сверху внизъ; главная же работа здѣсь, повидимому, производится языкомъ. Такого рода чистка всегда продолжительна и, кажется, исполняется какъ бы противъ воли. Если нечаянно застать его врасплохъ, то онъ немедленно поднимается на заднія ноги, причемъ изъ переднихъ одна обыкновенно нѣсколько ниже другой. Пристально смотреть онъ при этомъ на предметъ, взволновавшій его, очевидно готовый, въ случаѣ надобности, броситься и пустить въ ходъ свои зубы.

Вышнія виѣшнія чувства хомяка, кажется, развиты довольно равномерно; по крайней мѣрѣ незамѣтно, чтобы одно изъ нихъ было особенно развито на счетъ другихъ. Его духовныя качества не могутъ сдѣлать его любимцемъ человека. Гнѣвъ преобладаетъ въ характерѣ хомяка до такой степени, до которой не доходитъ ни у одного грызуна подобной незначительной величины, исключая развѣ крысъ и пеструшекъ. При малѣйшемъ поводѣ онъ сердито готовится къ защитѣ, глухо рычитъ, скрежещетъ зубами и необыкновенно быстро и сильно щелкаетъ ими. Мужество его также велико, какъ и гнѣвъ. Онъ защищается противъ всякаго нападающаго на него животного до тѣхъ поръ, пока въ силахъ. Пешотныхъ собакъ онъ часто побѣждаетъ, только умные пинчеры умѣютъ его схватить и тогда почти мгновенно встряхиваютъ

его досмерти. Всѣ собаки ненавидятъ хомяка почти такъ-же, какъ и ежа; ихъ сердить то, что онѣ не могутъ немедленно справиться съ такимъ маленькимъ звѣркомъ. Онѣ очень горячо преслѣдуютъ хомяка и тогда происходятъ крайне комическія схватки съ озлобленнымъ противникомъ. До побѣды надъ хомякомъ проходитъ всегда нѣкоторое время и очень часто онѣ продаютъ свою шкуру достаточно дорого. Зулцеръ, написавшій про хомяковъ цѣлую книгу, говоритъ: «какъ только хомякъ замѣчаетъ, что собака хочетъ нападать на него, онѣ прежде всего опоражниваетъ защечные мѣшки, если они наполнены зернами, потомъ точить зубы посредствомъ очень быстрого тренія другъ о друга, порывисто и громко дышетъ, сердито пыхтитъ, напоминая храпѣніе спящаго человѣка и въ это же время до того вздуваетъ защечные мѣшки, что голова и шея становятся гораздо толще, чѣмъ задняя часть туловища. При этомъ онѣ поднимается на заднія ноги и въ этомъ положеніи дѣлаетъ прыжокъ вверхъ на врага, а если послѣдній отступаетъ, то хомякъ осмѣливается переходить въ наступленіе, преслѣдуя его въ припрыжку, подобно лягушкѣ. Неуклюжесть и свирѣпость его движеній при этомъ такъ комичны, что едва можно удержаться отъ смѣха. Собака до тѣхъ поръ не можетъ овладѣть имъ, пока не подойдетъ къ нему сзади; тогда она сейчасъ же хватаетъ его за затылокъ или спину и встряхиваетъ до смерти». Хомякъ защищается не только противъ собакъ, но также смѣло выступаетъ противъ человѣка, даже противъ такого, который вовсе не хочетъ его трогать. Нерѣдко случается, что у человѣка, спокойно проходящаго мимо норы, хомякъ вдругъ какъ бѣшеный виснетъ на платьѣ. Въ лошадей онѣ также впивается зубами, а противъ хищныхъ птицъ, поднявшихъ его съ земли, защищается еще на воздухѣ. Кусая онѣ такъ крѣпко стискиваетъ зубы, что отцѣпить можно только убивши его.

Понятно что такое злобное животное не можетъ быть уживчивымъ. Даже дѣтеныши, едва подростши, не остаются съ матерью; самецъ, встрѣчаясь съ самкой не во время течки, загрызаетъ ее до смерти. Въ неволѣ хомяки рѣдко живутъ въ мирѣ другъ съ другомъ, старше-же вѣроятно никогда. Молодые, не достигшіе еще года, уживаются лучше. Я содержалъ довольно долго въ ящикѣ трехъ хомяковъ; они никогда не ссорились, напротивъ, очень миролюбиво жались другъ къ другу, ктому-же часто сидѣли одинъ на другомъ. Хомяки изъ различныхъ гнѣздъ немедленно нападаютъ другъ на друга и начинаютъ борьбу на жизнь и смерть. Чрезвычайно смѣшно, если въ товарищи къ нему пустить ежа. Сначала хомякъ съ любопытствомъ разсматриваетъ страннаго чудака, который съ своей стороны мало о немъ заботится и спокойно идетъ своей дорогой. Но покой скоро нарушается. Ежъ случайно подходитъ ближе къ своему товарищу по плѣну, его привѣтствуетъ сердитое хрюканье и испуганный, онѣ свертывается въ шаръ. Тутъ хомякъ приступаетъ къ изслѣдованіямъ; обнюхиваетъ иголистый мячъ и окровавленный носъ доказываетъ ему, что кожа ежа не мягкая. Свирѣпо отталкиваетъ онѣ шаръ; о ужасъ, лапа также ранена! Теперь онѣ точить зубы, визжитъ, рычитъ, прыгаетъ на мячъ, съ ужасомъ соскакиваетъ съ него, пробуетъ оттолкнуть его спиной, колетъ себя плечи и становится все болѣе бѣшеннымъ, дѣлаетъ новыя напрасныя усилія, чтобы отвязаться отъ чудовища, получаетъ новыя уколы въ лапы и губы и наконецъ, болѣе недоумѣвающий, чѣмъ озлобленный, становится на заднія ноги передъ колючимъ героемъ и разсматриваетъ его съ безконечно комическимъ страхомъ и скрытою злобою, или-же изливаетъ свой гнѣвъ на первомъ попавшемся предметѣ, на примѣръ на совершенно невинномъ соплѣнникѣ—хомякѣ, которому пытается нанести предназначенные для ежа укусы. Стоитъ ежу двинуться и снова начинается возня, такъ что наблюдатель смѣется до упаду.

Естественно, что съ другими меньшими звѣрями онъ еще менѣе уживается, чѣмъ съ себѣ подобными; на нихъ онъ устраиваетъ правильную охоту, потому что значительную часть его пищи составляютъ животныя. Маленькихъ птицъ, мышей, ящерицъ, мѣдяницъ, ужей и насѣкомыхъ онъ предпочитаетъ даже растительнымъ веществамъ; если въ его клѣтку бросаютъ живую птицу, онъ поспѣшно подсакиваетъ къ ней, разгрызаетъ ей прежде всего крылья, потомъ голову, или раздробляетъ ей сразу шею и голову, затѣмъ съ наслажденіемъ пожираетъ ее. Случается, что старый хомякъ становится даже браконьеромъ. Опытный наблюдатель, учитель Зейдлеръ въ Клозевицѣ, близъ Іены, проходя по полямъ, услышалъ шумъ и голоса животныхъ и замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ среди зелени какое-то сильное движеніе. Онъ нашелъ тамъ сильнаго хомяка, насѣвшаго на зайчика одной съ нимъ величины, съ которымъ онъ только что покончилъ укусами въ затылокъ. Онъ съ такой жадностью пожиралъ свою жертву, что не замѣтилъ подходящаго человѣка и потому былъ легко убитъ ударомъ палки. Изъ царства растительнаго хомякъ поѣдаетъ почти все годное для пищи, всего охотнѣе хлѣбныя зерна и бобовыя растенія, также зелень посѣвовъ, разныя травы, морковь, картофель и т. п., кромѣ того различныя коренья, а также сѣдые и зеленые плоды. Въ неволѣ онъ питается также различными печеньями, какъ напримѣръ: пирогами и хлѣбомъ, сверхъ того масломъ, сыромъ и т. д., словомъ—онъ оказывается настоящимъ всеяднымъ животнымъ.

Хомякъ также подверженъ зимней спячкѣ. Просыпается онъ, какъ только земля оттаиваетъ, часто уже въ февралѣ, никакъ не позже марта. Онъ сначала не открываетъ своихъ забитыхъ выходовъ, а спокойно сидитъ внизу въ своей норѣ и питается приготовленными запасами. Старые самцы въ половинѣ марта, а самки въ началѣ апрѣля раскрываютъ входныя отверстія. Тогда они уже отыскиваютъ себѣ пищу на поляхъ, приносятъ въ свои норы хлѣбъ съ недавно засѣянныхъ нивъ, гдѣ заботливо собираютъ зерна. Скоро они начинаютъ предпочитать зернамъ молодые ростки и отыскиваютъ этотъ кормъ, или-же забираютъ по-пути, какъ желанную добычу, неловкую птичку, мышъ, жука, гусеницу. Въ то-же время они стараются вырыть новую нору, въ которой расчитываютъ прожить лѣто и, какъ только она готова, оба пола спариваются. Лѣтняя нора обыкновенно глубиною въ 30, самое большее въ 60 см., котловина имѣетъ видъ мягкаго гнѣзда, возлѣ котораго устраивается чуланъ для провизіи въ томъ случаѣ, если въ окружающей мѣстности много посѣвовъ. Въ концѣ апрѣля самцы отправляются въ жилища самокъ и, какъ кажется, мирно живутъ съ ней нѣсколько дней; оба обнаруживаютъ даже нѣкоторую взаимную привязанность въ томъ, что помогаютъ другъ другу, когда приходится защищаться тому или другому изъ нихъ. Если къ одной самкѣ является два самца, то происходитъ горячій поединокъ, нока слабѣйшій противникъ не падетъ или не спасется бѣгствомъ: часто попадаютъ самцы съ глубокими рубцами на тѣлѣ, признаками такихъ дракъ изъ за любовныхъ дѣлъ. Какимъ образомъ происходитъ случка, неизвѣстно. Напрасно старались изслѣдовать это на ручныхъ хомякахъ; извѣстно только, что нелюбезная самка, чувствуя себя оплодотворенной, лаской или силой удаляетъ самца изъ своей норы. Съ этого времени между недавно еще столь нѣжными любовниками господствуетъ такое-же ожесточеніе, какъ и между совершенно чуждыми тварями.

Слуста 4—5 недѣль послѣ случки, въ первый разъ въ концѣ мая и во второй—въ іюль, самка родитъ въ своемъ тепло и мягко устроенномъ гнѣздѣ отъ 6 до 18 дѣтенышей. Они появляются на свѣтъ голыми и слѣпыми, но съ зубами; растутъ они необыкновенно быстро. Вслѣдъ за рожденіемъ, обсохнувши, они выглядятъ почти кроваво-красными и пищатъ подобно маленькимъ щенкамъ. На второй

или третій день у нихъ вырастаютъ рѣдкіе пушистые волоса, которые скоро становятся гуще и покрываютъ все тѣло. Приблизительно на восьмой или девятый день жизни они открываютъ глаза и тутъ начинаютъ уже ползать по гнѣзду. Мать очень любовно обращается со своимъ потомствомъ, допускаетъ, чтобы ей подкладывали для кормленія чужихъ дѣтенышей, даже такихъ, которые не одинаковой величины съ ея собственными. Въ двухъ-недѣльномъ возрастѣ молодые хомяки начинаютъ уже рыть и какъ только этому выучатся, неласковая мать приучаетъ ихъ къ самостоятельной жизни, т. е. по-просту выгоняетъ изъ своей норы и принуждаетъ ихъ самихъ заботиться о своемъ пропитаніи. Это повидимому не трудно для хомячковъ, потому что уже въ пятый или шестой день, когда они едва покрыты волосами и совершенно еще слѣпы, они умѣютъ уже отлично держать въ переднихъ лапкахъ пшеничныя зерна и пускать въ дѣло острые зубки. Но все-же необходимъ цѣлый годъ, чтобы они достигли своей настоящей величины; кажется, впрочемъ, что родившаяся въ маѣ самка осенью способна уже къ размноженію. Если грозитъ опасность, то маленькіе звѣрки, какъ ни жалки они на видъ, проворно шныряютъ по норѣ, при этомъ чрезвычайно ловко одинъ прячется въ одномъ углу, другой въ другомъ, но большинство однако слѣдуетъ за старой самкой. Хотя послѣдняя въ другихъ случаяхъ раздражительна и зла, мужественна и храбра, но тутъ, когда дѣло касается защиты ея дѣтей, она обращается въ постыдное бѣгство, какъ только она чувствуетъ, что къ ней или къ нимъ приближаются, и со своими дѣтенышами заползаетъ въ глухой конецъ галлерей, которую она по направленію къ гнѣзду старается возможно скорѣе засыпать землею, или-же прорываетъ дальше съ удивительной ловкостью и быстротой. Дѣтеныши слѣдуютъ за ней повсюду, черезъ груды земли и песку, которые она отбрасываетъ за собой.

Когда поспѣваютъ хлѣбъ и овощи на поляхъ, хомякамъ приходится много работать надъ жатвой. Каждый въ отдѣльности натаскиваетъ, если онъ въ состояніи, до центнера зеренъ въ свою нору. Кажется, они предпочитаютъ всѣмъ другимъ зернамъ коробочки льна, бобы и горохъ. Хомякъ, живущій на льяномъ полѣ, едва-ли соберетъ что-либо кромѣ льянаго сѣмени; тоже бываетъ и на гороховыхъ поляхъ; но звѣрекъ хорошо примѣняется и къ другимъ видамъ хлѣбовъ. Замѣчено, что старые самцы, если у нихъ хватаетъ времени, собираютъ хлѣбъ, сортируютъ и складываютъ его гораздо заботливѣе, чѣмъ самки, которыя послѣ послѣдняго приплода должны поспѣшно рыть нору и наполнять ее запасами. Днемъ хомякъ собираетъ свою жатву только при полной безопасности; обыкновенно трудовымъ временемъ его являются — первая половина ночи и утро передъ восходомъ солнца. Онъ нагибаетъ передними руками высокіе стебли, откусываетъ колосья, хватая ихъ лапами, вертитъ нѣсколько разъ туда и сюда и при этомъ успѣваетъ не только вылущить ихъ, но и забрать зерна въ защечныя мѣшки. Такимъ образомъ наполняются обширные мѣшки до краевъ, иногда хомякъ заразъ приноситъ домой до 50 gr. (около 4 лотовъ) зерна. Нагруженный такимъ образомъ, онъ очень забавенъ и представляется самымъ неуклюжимъ звѣремъ въ мірѣ. Его безъ страху можно взять руками, потому что набитые мѣшки мѣшаютъ ему кусаться, но ненужно медлить, потому что иначе онъ выбрасываетъ зерна и становится въ оборонительное положеніе.

Въ началѣ октября, когда становится холодно и поля опустѣютъ, хомякъ серьезно подумываетъ объ устройствѣ своего зимняго жилища. Прежде всего онъ затыкаетъ какъ можно плотнѣе землею выходное отверстіе, потомъ закладываетъ снизу отъ камеры до верху проходъ, иногда совсѣмъ до уровня земли. Если у него не хватаетъ времени или-же онъ боится морозовъ, то хомякъ роетъ себѣ въ еще большей

глубинѣ гнѣздо и амбары и здѣсь складываетъ свои запасы. Ложе у него очень невелико и густо усыпано тончайшей соломой. Теперь лѣнивая тварь наѣдается до ожиренія и, свернувшись клубочкомъ, укладывается спать. Обыкновенно онъ лежитъ на боку, прижавъ голову къ животу между задними ногами. Волоса всѣ лежатъ въ полномъ порядкѣ и нѣсколько оттопыриваются отъ туловища. Конечности на ощупь холодны какъ ледъ, ихъ трудно согнуть; если-же согнуть ихъ насильно, то онѣ, какъ у мертвыхъ животныхъ, моментально принимаютъ прежнее положеніе; глаза закрыты, но если ихъ открыть насильно, то оказываются блестящими и чистыми, какъ у живого, и сами вновь закрываются. Дыханія и сердцебіенія незамѣтно. Животное представляетъ полную картину смерти. Во время спячки сердце бьется обыкновенно въ минуту 14—15 разъ. Незадолго до пробужденія прежде всего замѣчается уменьшеніе окоченѣнія; потомъ начинается дыханіе, а за нимъ слѣдуютъ нѣкоторыя движенія; сонный звѣрекъ зѣваетъ, хрипитъ, потягивается, открываетъ глаза, шатается какъ пьяный, пробуетъ садиться, падаетъ снова, поднимается, приходитъ въ себя, и, наконецъ, начинаетъ медленно бѣгать, тутъ-же начинаетъ ѣсть, если ему бросить что-нибудь; онъ чиститъ и гладитъ себя и наконецъ становится совсѣмъ бодрымъ. Впрочемъ не мѣшаетъ остерегаться, когда съ хомякомъ производить опытъ такого пробужденія, потому-что совершенно безжизненный по наружности хомякъ иному доказываетъ самымъ чувствительнымъ образомъ, что онъ не мертвъ. На свободѣ они, вѣроятно, также просыпаются среди зимы; иногда они открываютъ свои ямы въ декабрѣ при морозѣ въ нѣсколько градусовъ и хоть немного бѣгаютъ по полямъ. Въ постоянно отапливаемой комнатѣ ихъ можно продержатъ весь годъ безъ спячки; но это имъ нездорово и они скоро умираютъ.

Большое счастье, что у хомяка такъ много враговъ, потому-что онъ иногда чрезвычайно размножается и тогда причиняетъ значительный вредъ. Сарычи и совы, вороны и нѣкоторыя другія птицы, но особенно хорьки и ласки слѣдятъ за нимъ безпрестанно и когда только возможно убиваютъ его. Хорекъ и горностаѣ пролѣзаютъ въ его подземныя жилища, а потому ихъ слѣдуетъ признавать самыми злѣйшими врагами хомяковъ. Каждый сельскій хозяинъ въ мѣстностяхъ, гдѣ много хомяковъ, если-бы понималъ свои выгоды, долженъ былъ-бы щадить и охранять этихъ двухъ полезныхъ хищниковъ и ухаживать за ними.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ человекъ ведетъ правильную борьбу противъ хомяковъ. Въ Тюрингѣ, напримѣръ, есть люди, для которыхъ откармливаніе и убиваніе хомяковъ являются выгоднымъ ремесломъ. Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ онъ живетъ, сельскія общества даютъ мелкую плату за каждого убитого хомяка, за самца и дѣтеныша меньшую, а за самку большую. Въ окрестностяхъ Ашерслебена въ одномъ лишь 1888 г. было поймано 97.519 штукъ хомяковъ и за ихъ поимку уплачено 1950 марокъ. Но главную выгоду этой охоты составляютъ запасы, которые натаскиваетъ этотъ своеобразный звѣрекъ. Мѣстные жители просто обмываютъ зерна, найденныя въ норкахъ, высушиваютъ ихъ и мелютъ, какъ всякій другой хлѣбъ. Шкурками также пользуются, хотя не въ такой степени, какъ онѣ того заслуживаютъ, потому-что, по всѣмъ свѣдѣніямъ, онѣ представляютъ превосходный, легкій и прочный мѣхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ѣдятъ мясо хомяка и, дѣйствительно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія возражать противъ такой пищи, потому что мясо его во всякомъ случаѣ такое-же хорошее, какъ и у бѣлки и у другихъ грызуновъ, которыхъ считаютъ дичиною и ѣдятъ.

* *
*

(Вставка редактора). Брэмъ здѣсь вовсе не упоминаетъ о другихъ видахъ хомяковъ; между тѣмъ у насъ въ Сибири водятся ихъ нѣсколько, и всѣ они ростомъ

меньше обыкновеннаго. Одинъ изъ этихъ видовъ, **Сунгарскій хомякъ** *Cricetus songarus*) долго жилъ у меня, и я могу о немъ рассказать слѣдующее. Первыхъ звѣрковъ мнѣ привезъ изъ Омска въ 1873 году мой ученикъ, В. В. Хрущовъ, тогда еще юнкеръ артиллерійскаго училища, и сообщилъ, что въ Омскѣ они извѣстны подъ названіемъ **Емуранокъ** и ихъ достать тамъ не трудно. Послѣ того я ихъ получалъ отъ преподавателя французскаго языка Сибирскаго кадетскаго корпуса г-на Мозера; но въ 1882 году, когда г-нъ Мозеръ прислалъ мнѣ послѣднюю партію хомяковъ, то писалъ, что около Омска въ степи они совсѣмъ вывелись и что ему пришлось за ними ѣздить за нѣскольکو верстъ. Съ тѣхъ поръ я, несмотря на просьбы, уже не могъ получить ихъ. Сунгарскій хомячекъ по строенію тѣла похожъ на обыкновеннаго, но ростомъ только развѣ немного больше мыши и, какъ она, сѣраго цвѣта со свѣтлымъ брюшкомъ. Зимомъ шерсть замѣтно длиннѣе и пушистѣе, а у самцовъ она въ это время года почти совсѣмъ бѣлѣетъ, что особенно замѣтно у старыхъ. Звѣрки эти уживаются хорошо и въ тѣсномъ помѣщеніи и парами живутъ довольно мирно, хотя случаются иногда драки, причемъ они трещатъ точно очень быстро заводимые часы, но другъ друга не пожираютъ и даже серьезно не ранятъ. Разъ только случилось, что въ клѣткѣ, гдѣ сидѣло ихъ нѣсколько, я нашелъ больного хомячка загрызаннымъ и наполовину съѣденнымъ товарищами. По своимъ движеніямъ они очень напоминаютъ обыкновеннаго хомяка: также охотно садятся на задницу, а передними лапами подносятъ пищу ко рту, довольно проворно бѣгаютъ, но лазаютъ, кажется, гораздо лучше европейскаго хомяка. Въ большой клѣткѣ (около $\frac{3}{4}$ аршина вышины, ширины и глубины) хомяки быстро лазали по проволочной сѣткѣ, забирались на-верхъ, тамъ двигались спиною внизъ и часто висѣли и передвигались, держась только за переднія лапы. Они лазали и по маленькимъ лѣстницамъ изъ жердочекъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Напротивъ того, способности въ рытьѣ земли я у своихъ хомяковъ замѣтить не могъ. Разъ я насыпалъ въ клѣтку слой садовой земли, верхка въ 3—4 глубины, но даже въ такомъ неглубокомъ слоѣ нашелъ двухъ хомяковъ подъ землею, едва живыхъ и полузадохшихся. Животное, хорошо роющее землю, съумѣло-бы скоро вылѣзти изъ такого тонкаго слоя земли. На родинѣ однако ихъ вырываютъ изъ норъ: слѣдовательно нужно предположить, что тамъ они или пользуются чужими норками, или роютъ ихъ въ очень сухой и крѣпкой глинистой почвѣ; между тѣмъ у меня въ клѣткѣ земля была довольно сырая. Въ клѣткѣ у нихъ всегда устраивалось помѣщеніе въ видѣ ящичка, и туда клался войлокъ, который звѣрки мелко разгрызали и устраивали въ немъ свое гнѣздо. Испражнялись они большею частью въ углу норки, а въ другомъ прятали разные запасы изъ того, что имъ давали ѣсть. Ъли они все, что имъ ни предлагали: булку, сухари, зерна, крупу, яблоки, морковь, свѣжую траву, но очевидно любили и животную пищу: косточки курицы и рябчиковъ они глодали съ особеннымъ удовольствіемъ, а когда имъ однажды дали гнѣздо шмелей, то они съ большимъ искусствомъ открывали ячейки, выковыривали оттуда личинокъ и съѣдали ихъ, сидя на заднихъ лапахъ. Я не замѣтилъ, чтобъ они пили воду съ особенной жадностью, но мокрую булку любили. Днемъ хомячки почти постоянно спали и были дѣятельны только ночью: тогда они лазали, ссорились, трещали, точили о желѣзную проволоку свои зубы, но деревянныхъ стѣнокъ своей клѣтки не грызли; только иногда расширяли отверстія въ своихъ норкахъ. Зимомъ въ теплой комнатѣ они не подвергались зимней спячкѣ и вѣроятно поэтому жили у меня не долго, и многе околѣвали весною, причемъ распухали. Ручными мнѣ сдѣлать ихъ не удалось, но они людей не боялись, даже брали кормъ изъ рукъ; если оказывалась возможность убѣгать изъ клѣтки, то они сейчасъ-же ею пользовались и забирались въ разныя щелки подъ мебелью и поломъ, гдѣ и околѣвали. Хомячки нѣсколько разъ

размножались у меня. Весною начиналась течка и тогда самцы сильно дрались между собою. Передъ совокупленіемъ самецъ и самка ложились брюхо къ брюху такъ, что голова одного приходилась около хвоста другого и лизали себѣ обоюдно подъ хвостомъ, что дѣлалось часто и продолжительно; совокупленіе-же происходило обыкновеннымъ способомъ на подобіе собакъ. Время беременности я точно измѣрить не могъ, но оно очень непродолжительно, вѣроятно не болѣе 3 или 4 недѣль. Разъ случилось, что самка родила два раза въ теченіи одного мѣсяца. Число дѣтенышей у моихъ хомяковъ не превышало 4; они рождались совсѣмъ голыми и слѣпыми, какъ у другихъ маленькихъ грызуновъ, но росли быстро. Черезъ три недѣли они были лишь на половину меньше родителей, а родившіеся весною—осенью уже были сами способны къ размноженію. Весною 1880 года у меня отъ двухъ паръ развелось ихъ 17 штукъ, и я могъ послать двѣ пары въ Парижскій Jardin des Plantes. Я убѣжденъ, что при хорошемъ уходѣ и удобномъ помѣщеніи сибирскіе хомяки могли-бы сдѣлаться очень пріятными звѣрками для содержанія въ клѣткахъ. Запахъ отъ нихъ есть, но если клѣтку держать чисто, то онъ не очень силенъ.

К. Сентъ-Илеръ.

Семейство **Полевонъ** (Arvicolidae. Wühlmäuse. Campagnols) заключаетъ въ себѣ значительное количество маленькихъ, очень похожихъ другъ на друга грызуновъ, которые еще во многомъ напоминаютъ мышей, почему прежде и причислялись къ нимъ. Съ внѣшней стороны ихъ отличаетъ главнымъ образомъ неуклюжее строеніе туловища, толстая голова, уши, совершенно скрывающіяся въ волосахъ или слегка торчащія надъ ними, и короткій хвостъ, который не превышаетъ двухъ третей длины всего туловища. У нихъ по три коренныхъ зуба, которые состоятъ изъ многихъ, въ серединѣ слегка согнутыхъ, пластинокъ и не имѣютъ настоящихъ корней; у нѣкоторыхъ эти зубы, какъ рѣзцы, постоянно подростаютъ, у другихъ-же, напротивъ, оканчиваются какъ-бы корнями. Жевательная поверхность ихъ имѣетъ форму зигзага, потому-что по сторонамъ находятся между отдѣльными пластинками глубокія бороздки. Сюда-же относятся отличительныя признаки скелета. Черепъ у нихъ очень сжуженъ въ лобной части, скуловые дуги замѣтно выдаются. Спинной хребетъ, кромѣ шейныхъ, состоитъ изъ 12—14 грудныхъ, 5—7 не имѣющихъ реберъ, 3—4 крестцовыхъ и 11—24 хвостовыхъ позвонковъ.

Полевки живутъ на сѣверѣ Стараго и Новаго Свѣта. Онѣ встрѣчаются какъ на равнинахъ, такъ и въ горахъ, какъ въ обработанныхъ мѣстностяхъ, такъ и въ довольно пустынныхъ, на поляхъ, лугахъ, въ садахъ, на берегахъ рѣкъ, ручейковъ, озеръ, прудовъ; живутъ въ вырытыхъ ими норахъ и ямахъ. Почти всѣ онѣ избѣгаютъ близости человѣка, и только немногія заходятъ иногда въ его конюшни и сараи или въ его сады. Ихъ норы состоятъ изъ длинныхъ или короткихъ, простыхъ или развѣтвленныхъ проходовъ, которые часто отличаются отъ норъ другихъ грызуновъ тѣмъ, что почти горизонтальны; нѣкоторыя-же изъ этихъ животныхъ вырываютъ себѣ большія котловины и другія болѣе или менѣе искусныя жилища. Большею частью полевки живутъ поодиночкѣ или попарно, но въ извѣстныхъ случаяхъ соединяются въ значительныя стаи. Пищу онѣ извлекаютъ предпочтительно изъ царства растительнаго, но нѣкоторыя не пренебрегаютъ также и животными веществами. Многія носятъ себѣ зимніе запасы, хотя онѣ и не подвержены зимней спячкѣ. Въ остальномъ онѣ почти во всѣхъ отношеніяхъ похожи на настоящихъ мышей. Образъ жизни ихъ почти тотъ-же, что и у послѣднихъ: движенія ихъ довольно быстры, хотя не такъ проворны и ловки, какъ у настоящихъ мышей. Немногіе виды умѣютъ лазать, но почти всѣ мастерски умѣютъ плавать; нѣкоторыя живутъ

постоянно въ водѣ, другія цѣлые мѣсяцы проводятъ въ снѣгу, гдѣ онѣ роютъ себѣ длинныя ходы и строятъ искусныя гнѣзда. Отдѣльные виды, понуждаемые вѣроятно недостаткомъ пищи, предпринимаютъ большія странствованія и этому можно приписать то, что въ настоящее время многіе виды, жившіе прежде исключительно въ Азіи, сдѣлались туземными въ Европѣ. Между внѣшними чувствами у нихъ выше всего стоятъ обоняніе и зрѣніе. Ихъ умственные способности незначительны. Всѣ очень сильно размножаются, нѣкоторые виды въ невѣроятномъ количествѣ. Почти всѣ виды причиняютъ человѣку только вредъ, и поэтому ихъ справедливо ненавидятъ и преслѣдуютъ всевозможными способами.

Различныя полевки въ общемъ очень сходны между собой и ихъ труднѣе опредѣлять, чѣмъ большинство другихъ млекопитающихъ. Нѣкоторыя очень замѣтно различаются по образу жизни, мѣсту пребыванія и распространенію, между тѣмъ какъ по внѣшнему облику и по окраскѣ онѣ чрезвычайно близки другъ къ другу. Поэтому изслѣдованія надъ ними еще никакъ нельзя считать законченными. Важнѣйшими признаками для опредѣленія различныхъ видовъ служатъ устройство коренныхъ зубовъ, къ которому присоединяются нѣкоторыя особенности черепа; имѣть также значеніе относительная величина ушей. Въ окраскѣ, напротивъ, оказываются различныя отклоненія; окраска молодыхъ животныхъ всегда блѣднѣе, чѣмъ у старыхъ, а послѣднія въ горныхъ странахъ темнѣе и не такъ ярко окрашены, чѣмъ на равнинахъ. Мы ограничимся здѣсь наиболѣе замѣчательными видами.

Мускусная крыса или **Ондатра**, называемая въ Америкѣ обыкновенно индѣйскимъ словомъ **Мускавъшъ** (*Fiber zibethicus*, *Mus*, *Castor*, *Myocastor*, *Lemmus zibethicus*, *Ondatra zibethica*, *Bisamratte*, *Ondatra*, *Muskkrat*), единственный полезный видъ изъ этого семейства, можетъ быть признана большой водяной крысой съ длиннымъ хвостомъ, широкими задними ногами, съ тупой мордой и съ замыкающимися, покрытыми короткими волосами, ушами. На переднихъ ногахъ 4 пальца и, взмѣнъ большого, бородавка; на заднихъ 5; пальцы, какъ и плюсна, съ боковъ покрыты длинными плавательными волосами и снабжены довольно сильными когтями. Хвостъ закругленъ только на концѣ, по сторонамъ приплюснутъ, около конца съ острыми краями и покрытъ маленькими чешуйками, между которыми, окаймляя ихъ по сторонамъ, выступаютъ короткіе, довольно рѣдко растущіе, но гладко прилегающіе волоса. Близъ половыхъ органовъ находится железа, величиною въ маленькую грушу; она имѣетъ отверстіе снаружи и выдѣляетъ бѣлую маслянистую жидкость, имѣющую сильный запахъ мускуса. Туловище у нихъ коренастое, голова кругловатая, довольно короткая и широкая, морда толстая и притупленная, верхняя губа расщепленная и по бокамъ покрытая длинными усами; уши почти скрыты подъ мѣхомъ, глаза малы, заднія ноги значительно длиннѣе переднихъ. Мѣхъ густой, гладкій, мягкій и блестящій; подшерстокъ необыкновенно нѣжный, тонкій и короткий, волоса-же ости очень блестящіе и вдвое длиннѣе подшерстка. Верхняя часть туловища окрашена темнобурымъ цвѣтомъ, иногда съ желтоватымъ оттѣнкомъ, нижняя—сѣрая, тамъ и сямъ съ краснымъ налетомъ, хвостъ черный, плавательные волоса на пальцахъ бѣлые, когти красноватаго цвѣта. Отступленія съ болѣе темнымъ оттѣнкомъ встрѣчаются рѣдко, гораздо чаще попадаются бѣлыя. Взрослые самцы достигаютъ до 58 см. длины, причѣмъ на хвостъ приходится почти половина.

Ондатра живетъ въ странахъ Сѣверной Америки, лежащихъ между 30° и 69° сѣверной широты. Прежде думали, что существуютъ и другіе виды этого рода, но болѣе точныя изслѣдованія показали, что есть только одинъ видъ. Чаще всего это животное попадаетъ въ обильной водою Канадѣ и въ Аляскѣ, здѣсь особенно на

сѣверъ отъ полуострова того-же имени, вокругъ Бристольскаго залива въ области Нушагака. Травянистые берега большихъ озеръ или широкихъ, медленно текущихъ рѣкъ, тихіе ручьи и болота, но всего чаще не слишкомъ большіе пруды, покрытые тростникомъ и водяными растениями, составляютъ мѣстопробываніе этой крысы, цѣнимою въ качествѣ пушнаго звѣря. Здѣсь онѣ живутъ семействами или цѣлыми племенами и входятъ въ сношенія въ другими соседними обществами животныхъ того-же вида. По образу жизни ондатра во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ бобра; индѣйцы поэтому называютъ обоихъ животныхъ братьями и утверждаютъ, что изъ нихъ бобръ старше и умнѣе, а мускусная крыса глупѣе. Постройки ихъ, какъ и у бобровъ, представляютъ или простыя котловидныя углубленія подъ землею со многими выходными галлерейми, которыя все оканчиваются подъ водой, или-же онѣ строятъ такъ называемые замки надъ поверхностью земли. Послѣдніе, устраиваемые преимущественно на сѣверѣ, бываютъ круглыя, шаровидныя или ку-

Ондатра. *Fiber zibethicus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

полообразныя и устраиваются на кучѣ ила, такъ что они выдаются надъ поверхностью воды. Стѣны этого замка построены изъ тростника осоки и ситника и смазаны иломъ; впрочемъ, нѣкоторые наблюдатели утверждаютъ, что вся хижина построена изъ одного лишь ила, и что только потому она постепенно покрывается тонкимъ слоемъ травы и ситника, пригоняемыхъ водой. Внутри замокъ состоитъ изъ одной камеры, имѣющей въ разрѣзѣ отъ 40 до 60 см. Къ ней ведетъ проходъ, оканчивающійся на поверхности воды. Другіе ходы не имѣютъ на концѣ отверстія и расходятся отъ камеры въ разныя стороны; частью они продолжаются подъ землею и, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе удлиняются, такъ какъ собственно служатъ почти исключительно для собиранія корней водяныхъ растений. Зимой ондатра наполняетъ свою камеру водяными лиліями, листьями, травами и тростникомъ и, по словамъ Одибона, заботится о вентиляціи своего жилища, для чего покрываетъ середину купола слегка сложенными слоями растений, способными пропускать достаточное количество свѣжаго воздуха и выпускать испорченный. Пока болото или прудъ не замерзнетъ до дна, ондатра живетъ вполне уютно въ тепломъ жилищѣ, защищенномъ ктому-же еще и лежащимъ на немъ толстымъ

снѣжнымъ покровомъ. Но если холодъ проникаетъ такъ глубоко, что для ондатры закрывается свободный выходъ, то она не мало страдаетъ отъ неудобства такихъ условий; иногда въ поселеніи погибаютъ многія сотни изъ за того, что имъ не удается устроить во льду отверстія для дыханія и на долго сохранить ихъ открытыми, смазывая ихъ для этого иломъ. Ричардсонъ, который сообщаетъ эти данныя о постройкахъ, прибавляетъ, что только въ очень суровыя зимы эти животныя испытываютъ дѣйствительныя бѣдствія, потому что большею частью постройки строятся въ глубокихъ болотахъ и озерахъ или-же вблизи источниковъ, гдѣ вода не замерзаетъ. Если дно воды, на которой должна быть воздвигнута постройка, слишкомъ глубоко, то его вышпаютъ нанесеніемъ ила и земли, если-же оно слишкомъ мелко, то его нарочно сканываютъ. Къ тому-же ондатра слѣдитъ всегда за тѣмъ, чтобы быть внѣ опасности во время наводненія и имѣть возможность по близости достать пищу. Поэтому она всего охотнѣе выбираетъ воды, имѣющія постоянный уровень и богатую растительность.

Пища ихъ состоитъ почти исключительно изъ водяныхъ растений, хотя въ постройкахъ у многихъ находили выѣденныя раковины. Одюбонъ наблюдалъ на пойманныхъ, что онѣ очень охотно пожирали моллюсковъ. Тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ раковины мягкія, онѣ вскрываютъ зубами, а когда раковины слишкомъ крѣпкія, то крысы ждуть, чтобы онѣ сами открылись, быстро набрасываются тогда на нихъ и съѣдаютъ обитателя крѣпкой оболочки. Если вблизи поселенія находятся сады или другія плантаціи, то они часто посѣщаются мускусными крысами и тогда онѣ съѣдаютъ тамъ много овощей. Эти животныя также опустошаютъ гораздо больше, чѣмъ пожираютъ, такъ какъ они вырываютъ между корнями глубокія ямы и еромъ растеній, отгрызаемыхъ ими, подрываютъ корни многихъ растеній или опрокидываютъ ихъ.

Одюбонъ и Бахманъ хорошо описали нравы и привычки этого звѣря. «Ондатры, находясь въ своей стихіи, въ водѣ, оказываются очень живыми и игривыми созданіями», говорятъ они въ своемъ трудѣ. «Въ тихую ночь можно видѣть на мельничномъ прудѣ или на глубокихъ уединенныхъ водахъ, какъ онѣ рѣзвятся, плаваютъ по всѣмъ направленіямъ, оставляя за собой длинныя блестящія полосы на водѣ; другія сидятъ нѣкоторое время на кочкахъ травы, на камняхъ или колодахъ, откуда онѣ могутъ достать плывущую по водѣ пищу; инныя сидятъ на берегу пруда и, подобно лягушкамъ, одна за другой прыгаютъ въ воду. По временамъ можно видѣть, какъ одна изъ нихъ лежитъ совершенно спокойно на поверхности пруда или рѣки: туловище ея широко раскинуто и сплюснуто насколько возможно. Отъ времени до времени она сильно ударяетъ хвостомъ по водѣ, почти такъ-же, какъ это дѣлаетъ бобръ, и исчезаетъ тогда съ быстротою молніи подъ поверхностью воды, напоминая стремительностью и ловкостью утокъ и гадаръ, ныряющихъ въ глубину, когда надъ ними раздается выстрѣлъ. Потомъ, на разстояніи отъ 10—20 метр., звѣрекъ снова всплываетъ на поверхность воды, чтобы соединиться съ товарищами, можетъ быть для ѣды или чтобы продолжать прежнюю игру. Въ это-же самое время другіе заняты сборомъ пищи на травянистыхъ берегахъ, при чемъ они выкапываютъ различныя виды корней и выносятъ ихъ на болѣе сухія мѣста.

«Кажется, что эти животныя составляютъ маленькую, тихую общину, которая для полного счастья требуетъ лишь безопасности и покоя со стороны человѣка. Если выстрѣлить въ то время, когда ондатры такъ заняты, то поднимается страшная бѣготня и замѣшательство. Вслѣдъ за выстрѣломъ дюжины ихъ мгновенно ныряютъ или-же исчезаютъ въ своихъ норахъ съ необыкновенной быстротой. Даже днемъ, когда онѣ плохо видятъ, убить одну изъ нихъ чрезвычайно трудно, потому-что прежде чѣмъ дробь изъ самаго лучшаго оружія достигнетъ ихъ, онѣ успѣютъ нырнуть въ

воду». Попавши въ затруднительное положеніе, онѣ, несмотря на свою трусость, по мѣрѣ силъ защищаются. Бульгеръ рассказываетъ о мускусныхъ крысахъ, которыя не только выступали противъ его маленькой собачки, но, подобно хомякамъ, даже противъ него самого и обнаруживали при этомъ такую готовность къ нападенію, что онѣ вынуждены были защищаться отъ нихъ палкой и, наконецъ, убить ихъ.

О размноженіи ондатры мы знаемъ еще мало. Въ апрѣлѣ и маѣ, послѣ оставленія зимнихъ помѣщеній, звѣри спариваются, и самка рождаетъ или въ своей норѣ, или въ просторной ямѣ 3—6 дѣтенышей,⁷ по однимъ сообщеніямъ одинъ разъ въ годъ, по другимъ 3—4 раза. Какъ долго остаются дѣтеныши при родителяхъ и сколько времени продолжается ихъ ростъ и т. д., — неизвѣстно. Пойманные съ молоду легко приручаются, да и вообще животныя эти выказываютъ поразительно кроткій нравъ. Одюбонъ говоритъ, что болѣе взрослыхъ дѣтенышей можно ловить руками, не будучи искусаннымъ. Старыя животныя всегда кусаются и сохраняютъ свой сердитый нравъ; да и содержать ихъ можно только въ ящикахъ, совершенно обитыхъ жестью. Мускусная крыса, которую поймалъ Саразенъ, прогрызла въ одну ночь въ твердомъ деревѣ дыру въ 18 см. ширины и 30 см. длины и убѣжала, при чемъ сдвинула заграждавшюю ей дорогу большую и тяжелую колоду. Рытьемъ своимъ онѣ часто вредятъ владѣльцамъ прудовъ съ водяными мельницами; онѣ прокалываютъ также дыры на рѣчныхъ плотинахъ и такимъ образомъ подвергаютъ наводненію близъ лежащіе луга. Но все-же ихъ преслѣдуютъ не столько за вредъ, причиняемый ими, сколько изъ-за выгоды. Хотя изъ-за мускуснаго запаха, долго сохраняющагося, нѣкоторыя лица не любятъ ихъ мѣха, но все-таки въ настоящее время онѣ идетъ на шубы, воротники и муфты, особенно-же сбывается въ Америкѣ и Китаѣ. Въ Россіи мѣхъ продается подъ названіемъ выхухоли. Мясо ихъ ѣдятъ только индѣйцы, потому-что оно до того пропитано упомянутымъ мускуснымъ запахомъ, что для европейцевъ совершенно негодно для употребленія въ пищу. Саразенъ при анатомированіи старыхъ самцовъ ондатры нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ отъ невыносимаго запаха и, наконецъ, додумался предварительно поджарить трупъ, чтобы имѣть возможность производить необходимую работу. Одюбонъ, напротивъ, увѣряетъ, что запахъ мускусныхъ крысъ вовсе не такъ непріятенъ; по его мнѣнію этотъ запахъ гораздо легче вытерпѣть, чѣмъ зловоніе американской норки или лисицы, а тѣмъ болѣе вонючки.

Мускусныхъ крысъ заманиваютъ въ ловушки съ яблоками въ видѣ приманки, ставятъ западни передъ ихъ норками, или-же убиваютъ въ ихъ жилищахъ. Индѣйцы знаютъ очень точно, какія хижины обитаемы, тихо приближаются къ нимъ и со всею силою острымъ копьемъ пробиваютъ стѣны постройки, протыкая при этомъ обыкновенно и жильцовъ. Ловушки разставляютъ такъ, чтобы онѣ упали въ воду и утопили пойманныхъ. Если этого не сдѣлать, то послѣднихъ окружаютъ товарищи и поступаютъ съ ними по обычаю крысъ, т. е. разрываютъ на части и пожираютъ. Если мускусная крыса застрѣлена и не убрана моментально, то пережившіе товарищи тотчасъ окружаютъ трупъ, чтобы отнять его у охотника и безпрепятственно съѣсть его. Кое-гдѣ примѣняютъ также сѣру, выкуривая ею крысъ изъ ихъ построекъ, или-же подкарауливаютъ ихъ у выходовъ и, какъ только онѣ показываются тамъ, пронзаютъ ихъ; однимъ словомъ и здѣсь примѣняются все средства и способы для удовлетворенія человѣческой жадности. Кромѣ того мускусныхъ крысъ преслѣдуютъ рыси и лисицы, норки и куницы, орлы, филины и снѣжные совы. По Ломеру, ежегодно поступаетъ на рынокъ 2—4 милліона мѣховъ ондатры и за штуку, смотря по красотѣ ея, платятъ въ настоящее время 0,8—2,5 марокъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ каждый мѣхъ стоилъ 1,3—1,5 марки. Лучшіе мѣха, по

удалению ости, окрашиваются въ темно-коричневый цвѣтъ и употребляются для опухекъ, которыя похожи на морской котикъ.

* *
*

Къ мускуснымъ крысамъ мы можемъ присоединить **Настоящихъ полевокъ** и ихъ родичей (*Arvicola*. *Wühlratten*. *Campagnol*). Смотри по значенію, какое придаютъ различію въ устройствѣ зубовъ, можно отдѣлить первый видъ отъ другихъ и образовать изъ него отдѣльный подродъ, **Болотныхъ крысъ** (*Paludicola*). Тогда слѣдуетъ, по указанію Блазіуса, обратить вниманіе на слѣдующіе признаки. «Первый коренной зубъ въ нижней челюсти имѣетъ на жевательной поверхности семь эмалевыхъ складокъ и зигзагообразные края, представляющіе снаружи четыре и съ внутренней стороны пять выступовъ, второй зубъ имѣетъ пять округленныхъ эмалевыхъ складокъ, а снаружи и внутри по три выступа; второй коренной зубъ верхней челюсти имѣетъ четыре эмалевыхъ складки и снаружи три, а съ внутренней стороны два выступа. Междутемьянная кость въ серединѣ задняго края выпукла, по сторонамъ вогнуто закруглена, спереди къ серединѣ вытянута въ видѣ острія, къ сторонамъ косо срѣзана и удлинена въ видѣ длинныхъ заостренныхъ концовъ, выдающихся въ стороны и назадъ».

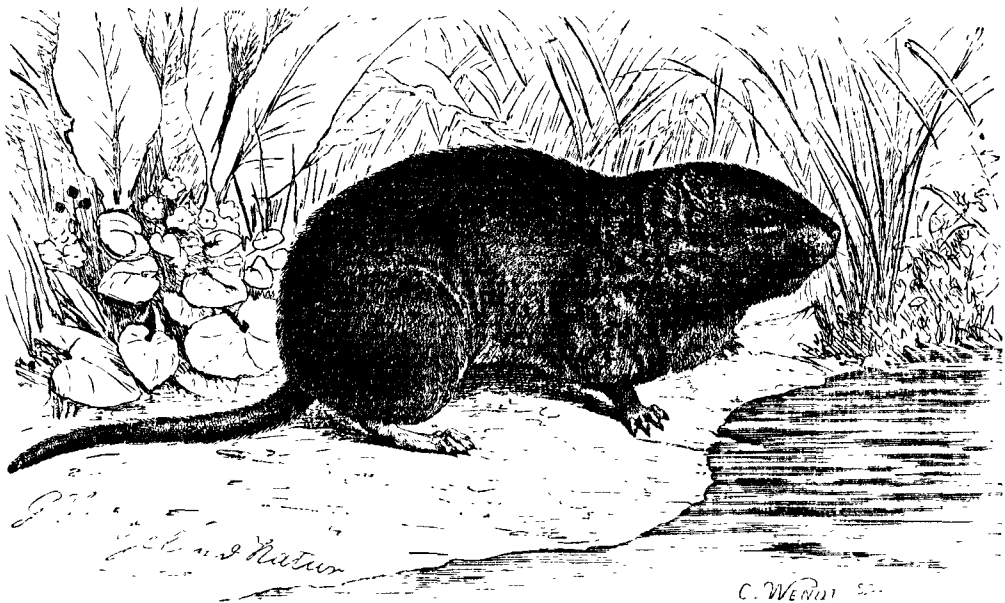
* *
*

Между видами этого рода нѣтъ ни одного болѣе замѣтнаго и ненавистнаго для насъ, какъ **Водяная крыса** (*Arvicola* [*Paludicola*] *amphibius*, *Mus amphibius*, *paludosus*, *aquatilis*, *terrestris* и *schermamus*, *Arvicola ater*, *pertinax*, *destructor*, *argentorotensis*, *monticola*, *Lemmus schermamus*. *Wasserratte*, *Schermamus*. *Rat d'eau*), вреднѣишій изъ грызуновъ, животное, хорошо извѣстное естествоиспытателямъ и не разъ послужившее яблокомъ раздора между ними. Одни изъ нихъ говорятъ, что существуетъ только одинъ видъ водяной крысы, другіе утверждаютъ, что **Земляная крыса**, называемая нѣмцами *Schermamus*, *Mollmaus*, *Reutmaus* и слишкомъ хорошо извѣстная всѣмъ садовладѣльцамъ по особенностямъ своего образа жизни, несмотря на свое большое сходство съ водяными крысами, должна быть сочтена самостоятельнымъ видомъ. Во всякомъ случаѣ разнообразіе образа жизни этого животного поразительно. Водяная крыса, какъ показываетъ самое названіе, живетъ близъ воды или въ водѣ, преимущественно-же въ стоячихъ водахъ; устраивается она тутъ въ вырытыхъ ею подземныхъ норахъ, которыя косо поднимаются вверхъ надъ поверхность воды и кончаются въ широкомъ, котлообразномъ углубленіи, отъ котораго собственно жилая камера обыкновенно спускается къ водѣ. Крыса эта ныряетъ по водѣ, здѣсь прискиваетъ себѣ пицу и не думаетъ предпринимать большихъ странствованій. Земляная крыса, наоборотъ, смотря по обстоятельствамъ, живетъ по нѣдѣлямъ и мѣсяцамъ вдали отъ воды и вовсе ея не ищетъ, роетъ, какъ кротъ, длинные, неглубокіе ходы, валитъ при этомъ многія растенія, стояція надъ ними, пожираетъ корни и этимъ вредитъ гораздо больше, чѣмъ кротъ.

Животное, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ въ длину 21—24 см., изъ которыхъ на хвостъ отходитъ 6,5—8,5 см. Мѣхъ можно назвать одноцвѣтнымъ, потому что сѣро-коричневая и коричнево-черная верхняя сторона постепенно переходитъ къ болѣе свѣтлomu, бѣловатому цвѣту или къ сѣрой, черной или черно-коричневой окраскѣ нижней стороны туловища. Отъ черной крысы водяную можно отличить сразу по толстой, круглой, короткой головѣ съ поразительно короткими ушами, не выступающими изъ шерсти и достигающими едва четверти длины головы, а также по болѣе короткому хвосту, который состоитъ изъ 130 до 140 чешуйчатыхъ колецъ, со всѣхъ сторонъ равномерно и довольно густо покрытыхъ корот-

кими стоячими волосами. Кончикъ носа имѣеть мясной цвѣтъ, радужная оболочка черно-коричневая, усы черные, иногда съ бѣлыми кончиками, передніе зубы желто-коричневые. Встрѣчаются нѣкоторыя отклоненія въ окраскѣ. Въ Сибири животное достигаетъ значительно большей величины, чѣмъ въ средней Европѣ; въ Италіи оно меньше, сверху черноватое, снизу каштаново-бурое; въ Англии встрѣчается совершенно черная разновидность съ почти ослѣпительно-бѣлымъ горломъ; на Оби и Енисеѣ эти крысы имѣють блѣдно-желтую окраску. Всѣ эти отклоненія, повидимому, оказываются постоянными; поэтому, если держаться общепринятыхъ правилъ, то пришлось-бы признать всѣхъ ихъ отдѣльными видами. Даже Блазиусъ признаетъ, что существуетъ три разновидности одной и той-же основной формы: настоящая водяная крыса, итальянская земляная и средневропейская земляная крыса.

Водяная крыса очень широко распространена и встрѣчается вездѣ довольно часто. Область распространенія ея простирается отъ Атлантическаго океана до

Водяная крыса. *Arvicola amphibius*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

Охотскаго, отъ Бѣлагои до Средиземнаго моря, и она въ равной мѣрѣ встрѣчается какъ на равнинахъ, такъ и въ гористыхъ мѣстахъ, понадается даже въ высокихъ горныхъ странахъ. Если-бы мы признали отдѣльными видами указанныя выше три разновидности, то замѣтили-бы, что первый видъ, т. е. настоящая водяная крыса, наиболѣе распространена и встрѣчается всего больше въ болотистыхъ и сырыхъ мѣстностяхъ, въ то время какъ вторая форма, т. е. итальянская земляная крыса живетъ главнымъ образомъ въ Провансѣ, Италіи и Далмаціи и предпочитаетъ болѣе сухія мѣстности, а третій видъ, т. е. обыкновенная земляная крыса живетъ почти исключительно на воздѣланныхъ земляхъ, при чемъ даже понадается на лугахъ на 1,300 метр. надъ уровнемъ моря.

Водяная крыса по образу жизни во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ не только крота, но также ондатру и другихъ живущихъ въ водѣ грызуновъ. Норы вблизи воды всегда проще устроены, чѣмъ въ сухихъ мѣстахъ, въ садахъ и на поляхъ. Какъ замѣчено выше, около воды кривой ходъ ведетъ въ камеру, которая иногда

очень мягко устлана; а въ норахъ, заложенныхъ въ сухихъ мѣстахъ, животное прокладываетъ ходы, которые могутъ быть длиною въ нѣсколько сотъ шаговъ; подобно кротамъ онѣ выбрасываютъ кучи земли и въ одномъ изъ большихъ ходовъ строятъ камеру. Большею частью длинные ходы идутъ непосредственно подъ поверхностью почвы, очень рѣдко глубже слоя, до котораго достигаютъ корни растений, часто такъ близко, что покровъ земли при рытѣ явно приподнимается и сводъ хода состоитъ изъ слоя земли толщиной только въ 2—3 см. Такіе ходы очень часто разрушаются и становятся непроходимыми, но земляная крыса въ исправленіи ихъ неумоима, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ей приходится въ теченіи одного дня нѣсколько разъ приниматься за ту-же работу. Иногда ходы ея проложены подъ проѣзжей дорогой и существуютъ только до тѣхъ поръ пока дорога не въ употребленіи, и все-же животное не мѣняетъ разъ намѣченнаго направленія, предпочитая постоянно съизнова возобновлять свой трудъ. Ходы эти легко отличить отъ ходовъ крота, такъ какъ кучи ихъ неравномѣрны и состоятъ изъ большихъ комковъ земли, расположены не по прямой линіи и никогда не имѣютъ отверстія. Въ такихъ постройкахъ водяныя крысы живутъ попарно, но одна пара очень охотно живетъ непосредственно возлѣ другой. Животное бѣгаетъ не особенно быстро; но за-то роетъ отлично и мастерски плавать, хотя и не такъ хорошо, какъ водяная землеройка. Въ уединенныхъ мѣстахъ ее можно видѣть за работою какъ днемъ, такъ и ночью, но она осторожна и исчезаетъ въ свою нору, какъ только замѣтитъ, что за ней наблюдаютъ. Только тогда, когда она бѣгаетъ между тростникомъ, ее легко наблюдать. Однако-же водяныя крысы, живущія въ паркѣ Іоганна въ Іейнцигѣ, до того привыкли къ людямъ, которыхъ иногда тамъ бываетъ очень много, что во всякую пору дня можно сколько угодно наблюдать ихъ возню, если только захватить съ собою запасы корма. Тамъ онѣ пріютились подъ мостомъ, перекинутымъ для прогуливающихъ черезъ самый узкій рукавъ пруда въ паркѣ, и быстро безъ малѣйшаго страха, подплываютъ, удаляются и опять возвращаются къ мосту, когда проходящіе черезъ него или собравшіеся на немъ, рѣзвящіеся дѣти бросаютъ имъ разныя крошки. Крошки эти, вѣроятно, предназначались для рыбъ и лебедей, но потомъ приманили также водяныхъ крысъ; поэтому большая часть ихъ и достается этимъ проворнымъ пловцамъ, которымъ онѣ главнымъ образомъ теперь и предназначаются. Иногда здѣсь возится одновременно по целюжнѣ, а то и по цѣлой дюжинѣ этихъ проворныхъ звѣрковъ, молодыхъ и старыхъ, и для юности на мосту они представляютъ неизсякаемый источникъ удовольствій, особенно, если имъ бросить цѣлую булочку. Только послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, борясь за обладаніе ея и давя другъ друга, имъ удастся обезпечить добычу, т. е. доставить ее на берегъ на траву передъ ихъ притонами. Тоже самое бываетъ, когда спускаютъ имъ на литкѣ кусочекъ булки; они очень ловко подпрыгиваютъ, чтобы его достать.

Изъ внѣшнихъ чувствъ водяныхъ крысъ повидимому, отлично развиты зрѣніе и слухъ. По душевнымъ свойствамъ она гораздо выше крысъ. Она любопытна, но вообще не умна и довольно добродушна. Нищу она выбираетъ себѣ предпочтительно изъ царства растительнаго и этимъ часто наноситъ много вреда, особенно если поселится въ саду. При необыкновенномъ ея любопытствѣ, ее не такъ то легко изгнать и, если она гдѣ-либо расположилась, то не уйдетъ добровольно, пока не пожретъ всю пригодную для нея нищу. «Однажды», рассказывалъ мой отецъ, «земляная крыса поселилась въ здѣшнемъ пасторскомъ саду. Жилище ея расположено было въ грядкѣ сафойской капусты, но такъ глубоко, что пришлось-бы разрыть всю грядку, еслибъ захотѣли откопать ее. Изъ камеры многіе ходы вели въ садъ. Когда было особенно тихо, она выходила наружу, откусывала листь капусты,

захватывала его зубами, тащила въ яму и поѣдала его въ своей норѣ. Она отгрызала корни у деревьевъ и даже у такихъ, которыя достигли уже значительной величины. Я приказалъ окулировать бѣлой розой штампъ шиповника и, на мою радость, въ первый-же годъ получилъ 154 цвѣтка. Потомъ роза вдругъ засохла и, раскопавъ землю, я нашелъ, что всѣ корни не только лишены оболочки, но оказались почти насквозь проѣденными. Легко себѣ представить, насколько эти опустошенія усилили мою ненависть къ этому скверному животному. Но убить крысу было очень трудно. Я ежедневно видѣлъ изъ окна, какъ она облагала контрибуціей кочни моей капусты, но было слишкомъ далеко, чтобъ застрѣлить ее, а какъ только кто-нибудь показывался, она скрывалась подъ землю. Только черезъ двѣ недѣли удалось убить ее и то съ помощью засады, устроенной нарочно ради нея. Но до этого времени она опустошила почти весь мой садъ».

Прудамъ водяная крыса сравнительно наноситъ меньше вреда, если конечно исключить вредъ, наносимый ею прокапываніемъ плотинъ, чѣмъ она даетъ нежелательный истокъ для воды. Тутъ пища ея главнымъ образомъ состоитъ изъ тростниковъ, которые она поѣдаетъ совершенно особеннымъ образомъ. Она устраиваетъ себѣ настоящій обѣденный столъ. «Эти обѣденные столы», говоритъ мой отецъ, много наблюдавшій водяныхъ крысъ, «помѣщены на переломленныхъ стебляхъ камыша, возвышаются на нѣсколько сантиметровъ надъ поверхностью воды и состоятъ изъ зеленой осоки. Въ разрѣзѣ они имѣютъ 20—30 см. Построены они изъ крѣпкой, плотной массы, сверху выолнѣ плоски, потому-что служатъ водянымъ крысамъ только мѣстомъ отдыха и обѣденнымъ столомъ. Въ нашихъ Рентдорфскихъ прудахъ животныя лѣтомъ питаются почти исключительно тростникомъ. Они откусываютъ его на уровнѣ воды и относятъ во рту на ближайшій обѣденный столъ. Взобравшись сюда, они приподымаются на заднія лапки, захватываютъ передними тростникъ и до тѣхъ поръ подвигаютъ его къ себѣ, пока не доберутся до верхней мягкой части; тутъ они крѣпко захватываютъ тростникъ и пожираютъ всю верхушку. Покончивъ съ одной тростинкой, они приносятъ сюда-же другую, поступаютъ съ нею точно также и, если имъ не помѣшаютъ, продолжаютъ эту работу до тѣхъ поръ, пока не насытятся. Они не любятъ, чтобы наблюдали за ними во время обѣда и бросаются въ воду при малѣйшемъ шумѣ или при видѣ чловѣка, проходящаго мимо даже на довольно значительномъ разстояніи, ныряютъ и упиливаютъ къ безопасному убѣжищу. Если-же обѣдъ окончился безъ помѣхи, то они, свернувшись, всѣ вмѣстѣ ложатся на обѣденный столъ и отдыхаютъ». Живущія при прудахъ водяныя крысы на ряду съ тростникомъ поѣдаютъ различные корни растеній и сочныя травы, а, смотря по обстоятельствамъ, и плоды. Земляныя-же крысы вредятъ всѣмъ безъ различія овощамъ и уничтожаютъ ихъ гораздо больше, чѣмъ имъ дѣйствительно нужно. «Извѣстны примѣры», говоритъ Блазиусъ, «что, благодаря этимъ крысамъ, на цѣлыхъ поляхъ и полосахъ погибала большая половина хлѣбной жатвы. Онѣ подѣдаютъ соломинну у корня для того, чтобы колосья упали; умѣя ловко лазать, онѣ достаютъ также маисовыя зерна изъ початковъ или спѣлыя плоды со шпалеръ и деревьевъ». Не пренебрегаютъ онѣ и животной пищей. Въ водѣ онѣ ловятъ наѣкомыхъ и ихъ личинки, маленькихъ лягушекъ, рыбъ и раковъ. на сушѣ онѣ преслѣдуютъ полевыхъ и другихъ мышей, отбираютъ яйца у птицъ, высиживающихъ ихъ въ травѣ, у кожевенниковъ онѣ поѣдаютъ цѣлые куски размягченныхъ кожъ и т. д. Осенью онѣ расширяютъ свою нору, устраивая камеру для занасовъ и соединяютъ ее ходами со старымъ гнѣздомъ. Камеру свою онѣ наполняютъ провизією изъ близъ-лежащихъ садовъ и полей: горохомъ, бобами, лукомъ и картофелемъ, и питаются этимъ отъ поздней осени до весны или до тѣхъ поръ, пока

не потеплѣеть. Только при сильномъ морозѣ впадаютъ онѣ въ спячку, но не окончѣваютъ. Слѣды водяныхъ крысъ только очень рѣдко встрѣчаются на снѣгу; онѣ обыкновенно не покидаютъ своихъ норъ во время холодовъ.

Водяныя крысы быстро размножаются. Отъ трехъ до четырехъ разъ въ году въ подземномъ, тепломъ, мягко устланномъ гнѣздѣ находятъ отъ 2 до 7 дѣтенышей, причѣмъ часто въ одномъ гнѣздѣ попадаются дѣтеныши различной окраски. «Глубина земляной норы, въ которой устраивается гнѣздо», говоритъ Ландоа, «колеблется между 30 и 60 см. Къ ней всегда ведутъ нѣсколько ходовъ. Самое гнѣздо заполняетъ совершенно земляную нору; оно шарообразно, имѣетъ въ разрѣзѣ отъ 15 до 20 см. и состоитъ изъ безчисленныхъ, крайне тонкихъ, сухихъ корневыхъ волоконъ. Болѣе толстые волокна и корни при постройкѣ устраняются, и такимъ образомъ готовится гнѣздо, которое мягкостью и теплотою перецеголяетъ многія птичьи гнѣзда». Иногда гнѣзда находятъ въ густомъ и тернистомъ кустарникѣ непосредственно на землѣ, попадаютъ они также и въ камышахъ. Подобное гнѣздо описываетъ Блазюсъ. «Оно находилось на высотѣ одного метра надъ поверхностью воды, вилетенное, подобно гнѣзду камышевки, между тремя стеблями тростника, приблизительно въ 30 шагахъ отъ сухого берега, и имѣло шарообразную форму; построено оно было изъ тонкихъ, мягкихъ листочковъ травы, выходъ былъ закуорень; снаружи оно имѣло въ разрѣзѣ около 10 см. ширины, а внутри немного больше 5 см.; въ гнѣздѣ находилось два полувзрослыхъ черныхъ, какъ уголь, дѣтеныша. Изъ взрослыхъ животныхъ одно, которое при моемъ приближеніи удалилось изъ гнѣзда и прыгнуло въ воду, было также черного цвѣта. Оно плавало и ныряло съ большою ловкостью. Такъ какъ прудъ вездѣ имѣлъ до 1 метра глубины отъ берега до гнѣзда, то старые могли добираться до послѣдняго только вплавъ и при томъ должны были карабкаться вверхъ по стеблю тростника. Обыкновенный способъ постройки гнѣзда водяныхъ крысъ рѣзко отличается отъ описаннаго, между тѣмъ какъ тутъ была полная возможность устроить подземное гнѣздо на близъ-лежащемъ полѣ, въ саду или на лугу; легко-бы было выстроить здѣсь и надземное гнѣздо въ густомъ кустарникѣ на плотинѣ пруда, такъ что невозможно найти причины, объясняющей такое отступленіе. Если-бы, отыскивая гнѣзда камышевки и чемги, я случайно не нашелъ этого гнѣзда, то мнѣ никогда не пришлось-бы въ голову искать въ подобныхъ мѣстахъ гнѣзда водяныхъ крысъ».

Случаи предшествуютъ продолжительныя игры обоихъ половъ. Въ частности самецъ поступаетъ очень своеобразно. Онѣ иногда такъ быстро кружится на водѣ, что можетъ показаться, будто сильный водоворотъ вращаетъ или перекачиваетъ его. Хотя самка, повидимому, довольно равнодушно взираетъ на это, но все-же эти искусныя упражненія ее очень веселятъ, потому-что, по окончаніи круженій обезумѣвшаго отъ любви самца, она приближается, оба дружно плывутъ рядомъ, и за этимъ почти всегда слѣдуетъ случка. Мать ухаживаетъ за дѣтми съ нѣжной любовью и въ случаѣ опасности защищаетъ ихъ. Когда ей кажется, что дѣтенышамъ не безопасно въ гнѣздѣ, она отыскиваетъ болѣе надежное мѣсто, уноситъ ихъ туда во рту и переплываетъ съ ними даже черезъ широкія рѣчки. Забывая о собственной опасности, она при этомъ иногда допускаетъ схватить себя руками; но отнять дѣтеныша, котораго она держитъ въ зубахъ, можно лишь съ трудомъ. «Если случается», говоритъ Фитцингеръ, «что дѣтенышей выкапываютъ сошникомъ и не умерщвляютъ тотчасъ, то мать быстро подбѣгаетъ къ нимъ и старается поспѣшно спрятать ихъ въ другой норѣ, если-же она не найдетъ по близости гдѣ пріютить ихъ, то уноситъ ихъ подъ ближайшіе кусты, чтобы временно ихъ тамъ спрятать. Если дѣтеныши подвергаются опасности вслѣдствіе неожиданнаго нападенія, то мать за-

щищает ихъ съ мужествомъ и ловкостью, бросается на собакъ, кошекъ, даже на людей и часто своими острыми зубами жестоко кусаетъ преслѣдователя. Послѣ трехъ недѣль она выводитъ своихъ дѣтенышей изъ норы и въ то время, какъ они насутся на дернѣ или огородныхъ грядкахъ, наноситъ для нихъ въ нору нѣжныя побѣги различныхъ травъ, въ особенности горохъ, любимѣйшую пищу дѣтенышей. Скоро они начинаютъ свои первые опыты конанія и уже въ ранней молодости становятся очень вредными на лугахъ и поляхъ, а еще болѣе въ садахъ».

Самыми опасными врагами водяныхъ крысъ являются ласки и горностан, потому что преслѣдуютъ ихъ въ подземныхъ ходахъ и даже въ водѣ. Покидая нору, водяная крыса становится добычей лѣсного сыча, бѣлой совы, хорька и кошки; но въ общемъ она въ значительной мѣрѣ предохранена отъ хищниковъ, и этимъ настоятельно вызывается необходимость безпощаднаго преслѣдованія ея со стороны человѣка. Мало защищаютъ отъ водяной крысы ловушки или зарытые въ землю большіе горшки съ гладкими стѣнками, препятствующими ей выбраться, если она упадетъ туда во время ночныхъ прогулокъ по землѣ: она по возможности избѣгаетъ и тѣхъ, и другихъ, и такимъ образомъ у человѣка противъ нея остается одно лишь средство. Оно заключается въ томъ, что открываютъ ея ходы, такъ, чтобы въ нихъ проникли свѣтъ и воздухъ. «Уже спустя нѣсколько минутъ послѣ этого», говоритъ Шахтъ, подтверждая болѣе раннія указанія Ландоа, «водяная крыса приближается къ выходу и съ любопытствомъ высовываетъ голову, опять исчезаетъ, а потомъ вскорѣ начинаетъ рыть новую нору подъ только что открытой. Чтобы выманить ее, передъ отверстіемъ норы кладутъ иногда ея любимое кушанье—корешекъ петрушки. Какъ только она выйдетъ, ее убиваютъ. Конечно охота на крысъ не особенно благородна, но все-же эта дичь достойна заряда пороха». Вестфальскіе садовники всегда прибѣгаютъ къ этому испытанному средству, когда другія мѣры истребленія этого чрезвычайно вреднаго землекопа оказываются безуспѣшными.

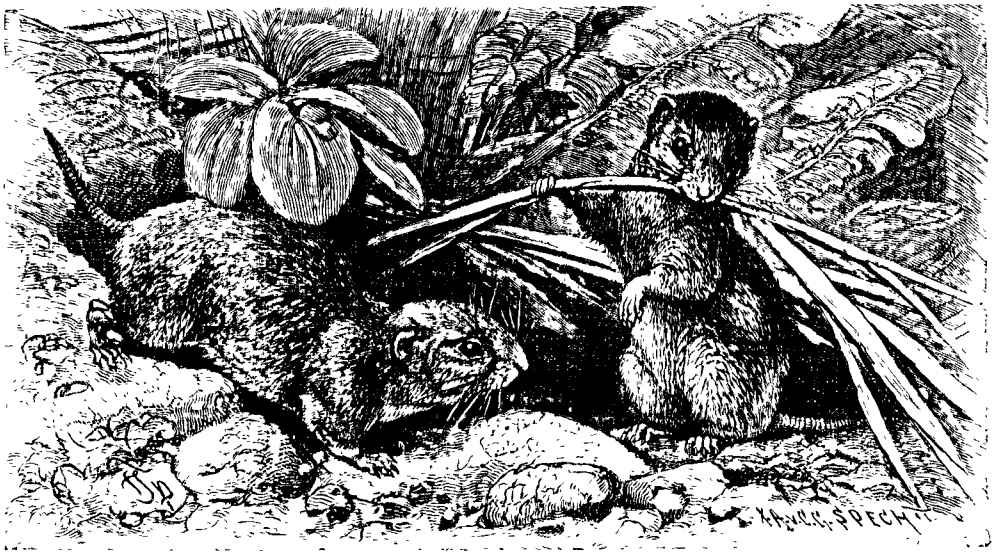
Для житія въ неволѣ водяная крыса не годится. Она довольно избѣжена, поэтому требуетъ хорошаго ухода и никогда вполнѣ не приручается.

* * *

Высоко на Альпахъ, далеко за предѣлами прекращенія всякой иной животной жизни, обитаетъ второй видъ этого рода, сопротивляясь всякимъ переѣмамъ погоды и не помышляя, подобно другимъ грызунамъ, искать защиты въ нѣдрахъ земли. Несмотря на то, что изслѣдованіемъ его жизни занимались способнѣйшіе натуралисты, мы до сихъ поръ не имѣемъ обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ животномъ, такъ какъ негостепріимность мѣстожителства его сильно затрудняетъ наблюденія.

Снѣговая полевка (*Arvicola* [*Paludicola*] *nivalis*, *leucurus* и *lebrunii*, *Pyru-daeus nivalis*, *alpinus*, *nivicola* и *petrophilus*. Schneemaus. Campagnol des Alpes) представляетъ собою маленькое животное, общая длина котораго 18 см., при длинѣ туловища въ 12,5 см. и хвоста въ 6,8 см. Мѣхъ ея двухцвѣтный, верхняя сторона свѣтло-буровато-сѣраго цвѣта, середина спины темнѣе, чѣмъ бока, нижняя часть довольно явственно отдѣлена и сѣровато-бѣлая. Попадаются иногда постоянныя разновидности. У настоящей снѣговой полевки волосы жесткіе, мѣхъ ржаво-бурый, а хвостъ бѣловато-ржаво-сѣрый; другая разновидность—это бѣлохвостая полевка съ бѣлыми волосами ости, сѣровато-бѣлымъ мѣхомъ и бѣлымъ хвостомъ; наконецъ, альпійская крыса съ бѣлыми волосами ости, слегка ржавымъ мѣхомъ и бѣловато-сѣрымъ, соразмѣрно длиннымъ хвостомъ. По всей вѣроятности эти разновидности составляютъ близко родственныя видоизмѣненія одного и того-же вида, хотя съ другой стороны возможно, что каждая представляетъ отдѣльный самостоятельный видъ.

Въ образѣ жизни этихъ разновидностей, насколько намъ извѣстно, незамѣтно никакихъ особыхъ отличій. «Снѣговая полевка», говоритъ Блазиусъ, «среди всѣхъ мышей имѣетъ наименьшій, но своеобразный районъ распространения: она встрѣчается во всѣхъ частяхъ Альпійскихъ горъ; кромѣ того Селиусъ получилъ ее изъ Пиринеевъ. Мнѣ не извѣстно ни одного примѣра нахождения ея ниже 1000 метр. надъ поверхностью моря; даже при 1300 метр. она, кажется, попадается только изрѣдка. Выше она встрѣчается на всѣхъ высотахъ до крайнихъ предѣловъ растительности. Чаще всего появляется она вблизи снѣжной линіи, но случается, что оставляетъ за собою даже послѣднюю и живетъ на самыхъ маленькихъ растительныхъ островкахъ, на обнаженіяхъ южной стороны высокихъ альпійскихъ вершинъ, скупо поросшихъ скудными альпійскими травами, посреди снѣжныхъ полей, гдѣ теплые солнечные лучи едва на 2—3 мѣсяца преодолеваютъ еженедѣльно возобновляющійся снѣжный покровъ, освобождая отъ него нѣсколько шаговъ земли.

Обыкновенная полевка. *Arvicola arvalis*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

Въ этомъ величественномъ горномъ уединеніи проводить она не только прекрасное короткое альпійское лѣто, но также и 9—10 мѣсячную суровую альпійскую зиму, погребенная подъ крѣпкимъ снѣжнымъ покровомъ, такъ какъ она не странствуетъ, хотя и прокладываетъ зимой норы подъ снѣгомъ, чтобы отыскивать корни растений, когда не хватаетъ собранныхъ запасовъ. Никакое другое млекопитающее не можетъ долго прожить тамъ, гдѣ живетъ постоянно снѣговая полевка на этихъ обледенѣлыхъ альпійскихъ высотахъ; только ласка или горностаи, ея неутомимые враги, лишь изрѣдка идутъ по ея слѣдамъ».

Снѣговая полевка сдѣлалась извѣстной естествоиспытателямъ только нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Нагеръ открылъ ее въ 1841 году въ Андерматѣ на Санъ Готардѣ, Мартенсъ нашель ее на Фаульгорнѣ, Хуги—на самомъ высокомъ гребнѣ Штральбака, выше 3000 м. надъ уровнемъ моря и на Финстераргорнѣ на 3600 метр. надъ поверхностью моря, зимою въ одной альпійской хижинѣ. «Мы отыскивали», рассказываетъ онъ, «хижину на Штирегальпѣ, которая наконецъ обнаружилась въ видѣ нѣсколько приподнятаго снѣжнаго мѣста; мы стали копать въ глубь, и ночь

давно уже наступила, когда мы нашли крышу, а по ней быстро добрались и до стонъ хижины. Мы отрыли снѣгъ отъ двери, съ большой радостью взопли туда и убили семь альпійскихъ мышей, при чемъ болѣе 20 обратилось въ бѣгство, по-видимому не имѣя намѣренія отстаивать свой подземный дворецъ». Блазиусъ наблюдалъ снѣговыхъ полевоекъ на горахъ у Шамбери, на Монбланѣ и на Бернинѣ при высотѣ въ 3600 м., на самой вершинѣ Пизъ-Лингарда въ верхней долинѣ Эча. обнаженной отъ снѣга только на нѣсколько квадратныхъ футахъ. «Въ Среднихъ Альпахъ», говоритъ онъ, «я находилъ только жестковолосую сѣрую форму. Мягковолосыхъ бѣлыхъ я встрѣчалъ въ окрестностяхъ Интерлакена, а свѣтло-желтыхъ до сихъ поръ лишь въ сѣверо-восточныхъ Известковыхъ Альпахъ, отъ высокихъ Баварскихъ горъ, во всемъ сѣверномъ Тиролѣ до Зальцбурга».

Жизнь, которую ведетъ снѣговая полевка въ своемъ негостепріимномъ, печально-бѣдномъ отечествѣ, до сихъ поръ еще загадочна. Известно, что она питается растеніями, главнымъ образомъ корнями и свѣжими альпійскими травами, а также сѣномъ, и изъ этого-же матерьяла собираетъ запасы на зиму; но едва-ли понятно, какъ она во многихъ мѣстахъ, обитаемыхъ ею, находитъ достаточно пищи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаетъ только одинъ видъ растенія, который можетъ служить для ея пропитанія; относительно другихъ мѣсть нельзя понять, чѣмъ только она живетъ. Лѣтомъ она, конечно, не терпитъ нужды. Тогда она посѣщаетъ пастушьи хижины, коровыи и овечьи пастбища и лакомится всемъ находимымъ тамъ съѣстнымъ, кромѣ мясного. Свое жилище устраиваетъ она тогда или въ земляныхъ ямахъ, или-же въ массѣ валуновъ и въ каменныхъ стѣнахъ. Въ-горающей недалекѣ отъ норы ее можно видѣть и днемъ; она такъ довѣрлива, что въ такихъ случаяхъ ее можно убить или, по крайней мѣрѣ, застрѣлить. Даже среди бѣлаго дня она попадаетъ въ ловушки. Испугавшись, она быстро исчезаетъ между скалами, но болѣею частью вскорѣ опять появляется наружу. Въ ея норахъ находятъ изгрызанное сѣно и стебли, часто также корни оршума (*Pimpinella magna*), горечавки (*Gentiana alpina*) и другихъ альпійскихъ травъ. Въ гнѣздѣ, по всей вѣроятности дважды въ годъ, оказывается 4—7 дѣтенышей. Блазиусъ нашелъ такихъ даже около конца сентября. Съ наступленіемъ зимы она переселяется вѣроятно немного ниже, но и тогда не доходитъ до обитаемыхъ мѣстностей. Въ это время она питается собранными запасами и, когда ихъ не хватаетъ, она прокладываетъ длинные ходы въ снѣгу отъ растенія до растенія, отъ корня до корня, съ небольшими трудностями добывая себѣ насущное пропитаніе.

* * *

Подродъ **Лѣсныхъ полевоекъ** (*Hypudaeus*. *Waldwühlmausc*. *Campagnols des bois*) отличается отъ водяныхъ крысъ тѣмъ, что второй нижній коренной зубъ у нихъ имѣетъ три отдѣльныя эмалевыя округленныя складки, 3 наружныхъ и 2 внутреннихъ боковыхъ выступа и что междуемьянная кость на заднемъ краѣ слабо округлена, а съ каждой стороны служена въ длинное остріе. Кромѣ того постоянно подрастающіе въ юности корни зубовъ съ возрастомъ почти совершенно затвердѣваютъ и перестаютъ расти. Наша **Лѣсная полевка** (*Arvicola* [*Hypudaeus*] *glareolus*, *Mus glareolus*, *Arvicola fulvus, riparia, pratensis, rufescens*, *Hypudaeus hereynicus* и *nageri*. *Waldwühlmaus*. *Campagnol fauve*) имѣетъ туловище въ 10 см. длины и хвостъ въ 4,5 см.; шерсть у нея двухцвѣтная—сверху темно-рыжая, въ пахахъ сѣровая; живость и ноги рѣзко отграниченнаго бѣлаго цвѣта.

Лѣсная полевка встрѣчается обыкновенно въ лиственныхъ лѣсахъ, на опушкахъ лѣсовъ, также въ кустарникахъ и паркахъ. Ее находятъ тоже въ Венгріи,

Кроацин, Молдавіи и Россіи и, по всей вѣроятности, она распространена гораздо дальше, чѣмъ теперь извѣстно. Пищу свою она добываетъ болѣе изъ животнаго, чѣмъ изъ растительнаго царства, поѣдаетъ преимущественно насѣкомыхъ и червей, на свободѣ можетъ иногда поймать маленькую птичку; въ клѣткѣ она довольствуется мясной пищей, не пренебрегая, впрочемъ, зернами, сѣменами и клубнями; зимой отдаетъ предпочтеніе корѣ молодыхъ деревьевъ. Появляясь часто въ какомъ-нибудь лѣсу, лѣсная полевка можетъ нанести большой вредъ обгладываньемъ коры молодыхъ деревьевъ и совершенно опустошить большія пространства молодой поросли. Рѣдко оставляя лѣсъ, она однако посѣщаетъ иногда сосѣднія поля и причиняетъ имъ тогда столько-же вреда, какъ и другіе виды этого семейства. Лѣсныхъ полевокъ можно видѣть днемъ бѣгающими по лѣсу въ одиночку, но главная ихъ масса появляется только къ вечеру. Менѣе проворная, чѣмъ другія мыши, она бѣгаетъ тогда съ другими особями того-же вида, охотно играетъ и барахтается съ ними или ловко лазаетъ по стволамъ деревьевъ на значительную высоту, добывая себѣ при этомъ пищу. Отъ трехъ до четырехъ разъ въ году самка рождаетъ 4—8 голыхъ и слѣпыхъ дѣтенышей, достигающихъ приблизительно въ 6 недѣль роста родителей. Въ большинствѣ случаевъ гнѣздо помѣщается надъ землей въ густыхъ кустахъ, построено, хотя не особенно искусно, но плотно, и состоитъ снаружи изъ грубыхъ древесныхъ волоконъ, травяныхъ стеблей и т. п. матерьяла, внутри—изъ тѣхъ-же составныхъ частей, только тщательнѣе подобранныхъ, болѣе тонкихъ и мягкихъ.

Главный врагъ лѣсныхъ полевокъ—лѣсной сычъ; кромѣ того, ихъ преслѣдуютъ лисица, хорекъ и горностай, сарычъ, воронъ и ворона. Благодаря своему пребыванію въ низкихъ и колючихъ кустарникахъ, она избѣгаетъ однако многихъ враговъ, отъ которыхъ гибнуть ея родичи.

Пойманная лѣсная полевка премилое созданіе. Она легко уживается въ клѣткѣ, скоро дѣлается ручной, даетъ себя трогать и брать въ руки, но иногда кусаетъ вдругъ пальцы своего хозяина. Съ другими особями своего вида или съ родственными мышами она превосходно уживается.

* * *

Представителемъ другого подрода **Земляныхъ полевокъ** (*Agricola. Ackermäuse. Agricoles*) является **Земляная полевка** (*Arvicola [Agricola] agrestis, Mus agrestis и gregarius, Arvicola baillonii, neglecta, britannica, Lemmus insularis. Erdmaus. Argicole commune*). Первый нижній коренной зубъ имѣетъ на жевательной поверхности 9 эмалевыхъ округленныхъ складокъ, снаружи 5, внутри 6 боковыхъ выступовъ, второй 5 эмалевыхъ складокъ, и снаружи, и внутри по 3 выступа; 1-й и 2-й верхніе коренные зубы имѣютъ 5 простыхъ эмалевыхъ складокъ и снаружи и внутри по 3 выступа; наконецъ 3-й—6 эмалевыхъ складокъ и снаружи, и внутри 4 ребра. Междутемьянная кость обрѣзана по краямъ почти прямоугельно; ухо мало выдается надъ мѣхомъ и длина его нѣсколько превышаетъ треть головы. По окраскѣ земляная полевка напоминаетъ лѣсную полевку. Мѣхъ двухцвѣтный, сверху сѣровато-темно-бурый, въ пахъ нѣсколько свѣтлѣе, на животѣ и ногахъ бѣловато-сѣрый; хвостъ также сверху темно-бурый, внизу бѣловато-сѣрый.

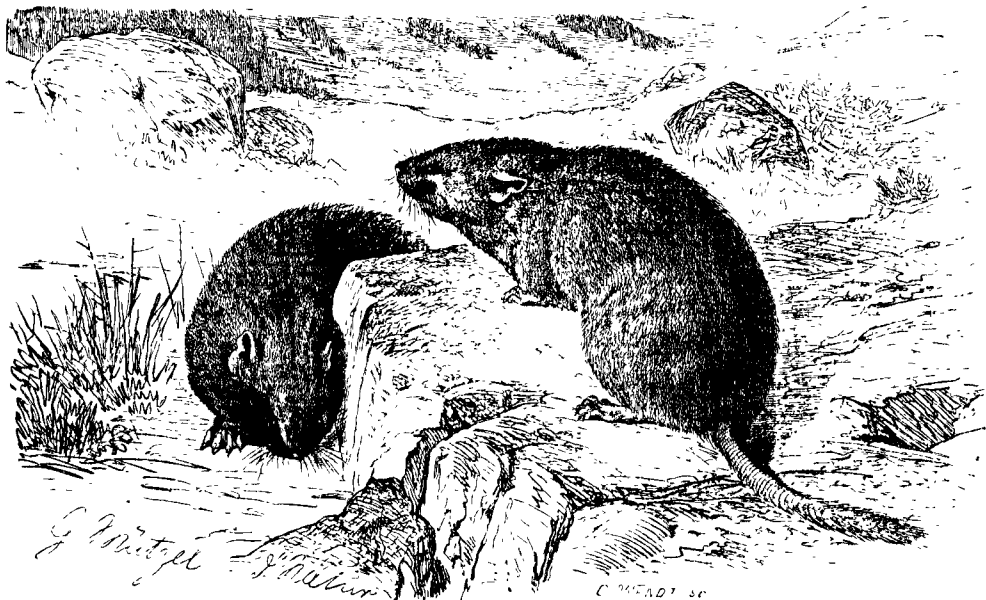
Земляная полевка водится на сѣверѣ Стараго Свѣта: въ Скандинавіи, Даніи, Британіи, сѣверной Германіи и Франціи, живетъ обыкновенно въ кустарникахъ, въ лѣсахъ или на опушкахъ лѣса, въ канавахъ, на плотинахъ и т. д., но всегда въ мѣстностяхъ богатыхъ водою, иногда вмѣстѣ съ родственными ей видами. Блазіусъ находилъ ее поселившеюся вмѣстѣ съ водяной землеройкой въ гнѣздахъ большой водяной курочки (*Porzana*); Альтумъ обращаетъ особенное вниманіе на то,

что остатки ихъ находятъ преимущественно въ погадкахъ лѣсной совы и сыча, и что, слѣдовательно, этихъ полевокъ слѣдуетъ искать не на поляхъ и открытыхъ лугахъ, а въ болѣе свѣтлыхъ и молодыхъ частяхъ лѣса съ прогалинами и густымъ кустарникомъ. Пищу земляная полевка добываетъ себѣ преимущественно изъ царства растительнаго; она поѣдаетъ корни, кору, плоды, впрочемъ также насѣкомыхъ и мясо. Она до того неповоротлива, что ее можно безъ труда поймать руками. При этомъ она совсѣмъ не пуглива и появляется большею частью днемъ у входа въ свою нору. Круглое гнѣздо ея помѣщается непосредственно подъ поверхностью земли, но хорошо защищено сверху пучками травы и т. п. Отъ 3 до 4 разъ въ году въ такихъ гнѣздахъ находятъ 4—7 дѣтенышей, скоро вырастающихъ и съ самаго начала похожихъ на родителей. Земляную полевку легко содержать въ неволѣ; она и здѣсь мирно уживается съ другими представителями того-же вида. «Я содержалъ», говоритъ Блазюсъ, «въ одномъ помѣщеніи земляную полевку съ лѣсною и полевою: каждая рыла себѣ въ землѣ, положенной на днѣ клѣтки, особенную нору, но, однако, ежегодно перекапывала ее. Въ этихъ ходахъ полевки укладывались спать или скрывались въ нихъ, когда ихъ пугали. Для ѣды или чистки онѣ усаживались снаружи; онѣ любили также тутъ-же, совсѣмъ на виду, наслаждаться теплотою солнца. Наиболѣе ночнымъ звѣркомъ оказалась полевая полевка; когда другія уже давно покоились, она все еще рыскала по клѣткѣ. Впрочемъ, другія тоже по временамъ появлялись ночью, и ни у одной изъ нихъ я не наблюдалъ долгаго непрерывнаго сна, продолжающагося свыше нѣсколькихъ часовъ».

Полевая полевка, составляющія также подродъ (*Arvicola*), схожи съ земляными полевками въ томъ, что первый нижній коренной зубъ имѣетъ также 9 эмалевыхъ складокъ на жевательной поверхности и снаружи 5, внутри 6 выступовъ, а второй нижній коренной зубъ также не представляетъ существенныхъ отступленій отъ строенія соответственныхъ зубовъ предыдущихъ видовъ; но отличаются онѣ устройствомъ второго верхняго кореннаго зуба, который имѣетъ только 4 эмалевыхъ складки и снаружи 3, внутри 2 боковыхъ выступа. Междутемьянная кость на заднемъ концѣ вышукло округлена, съ боковъ сужена и рѣзко оканчивается короткимъ остриемъ, косо выдающимся назадъ и въ стороны.

Важнѣйшій для насъ видъ этого подрода, **Обыкновенная Полевка**, (*Arvicola* [*Arvicola*] *arvalis*, *Mus arvalis*, *Arvicola vulgaris*, *fulvus*, *arenicola*, *duodecimcostatus* *Hypudaeus rufofuscus*, *Feldmaus*, *Campagnol ordinaire*.)—звѣрекъ съ общей длиной въ 14 см. или туловищемъ въ 11 и хвостомъ въ 3 см. Мѣхъ неясно двухцвѣтный, на спинѣ желтовато-сѣрый, на бокахъ свѣтлѣе, внизу грязно-ржаво-бѣлый; ланки болѣе чистаго бѣлаго цвѣта. Отечествомъ этого маленькаго и въ то-же время столь важнаго для человѣческаго хозяйства звѣрка служить вся средняя и часть сѣверной Европы, а также западная часть средней и сѣверной Азіи. Въ Европѣ обыкновенная полевка распространена до сѣверныхъ губерній Россіи, въ Азіи на югъ до Персіи, на востокъ вѣтчается еще по ту сторону р. Оби; ея нѣтъ въ Ирландіи, Исландіи, Корсикѣ, Сардиніи и Сициліи. Она свойственна какъ равнинамъ, такъ и горамъ, хотя чаще встрѣчается въ низменностяхъ. Въ Альпахъ она распространена до 2000 м. надъ поверхностью моря. Безлѣнные пространства, поля и луга, рѣже опушки лѣсовъ и лѣсныя поляны, — излюбленные мѣста ея жительства; не только сухія обработанныя мѣстности, но и сырыя, болотистыя низменности служатъ ей мѣстожительствомъ. Въ сырыхъ мѣстахъ она копаетъ свои подземные ходы и гнѣзда въ сухихъ кочкахъ, а въ сухихъ — строитъ себѣ неглубокія норы съ 4—6 различными входными отверстіями, связанными снаружи утоптаннми, углубленными дорожками. Осенью

она удаляется въ скирды хлѣба или появляется въ жилищахъ, амбарахъ, конюшняхъ и погребахъ. Въ домахъ она живетъ преимущественно въ погребахъ, а не на чердакахъ, какъ обыкновенныя мыши. Зимой она выкапываетъ длинныя ходы подъ снѣгомъ. Гдѣ только возможно, обыкновенная полевка накопляетъ запасы, особенно хлѣбныя и другія сѣмена; при наступленіи нужды онѣ сообща выселяются, чаще только на сосѣднее поле. иногда однако цѣлыми стадами изъ одной страны въ другую, переходя при этомъ горы и переплывая широкія рѣки. Эта полевка хорошо бѣгаетъ, превосходно плаваетъ, лазаетъ однако мало и неловко. Копать она умѣетъ мастерски; она роетъ быстрее, чѣмъ всякая другая мышь, и кажется неутомимою въ рытьѣ норы. По образу жизни она въ равной степени дневной, какъ и ночной звѣрекъ. Повидимому, она предпочитаетъ утреннюю и вечернюю пору жаркому полудню, но ее можно видѣть внѣ норы и во время самаго сильнаго солнечнаго

Снѣговая полевка. *Arvicola nivalis*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

зной. Теплота и сухость — необходимыя для нея жизненныя условія; при продолжительной сырости она погибаетъ.

Пища обыкновенной полевки состоитъ изъ всевозможныхъ растительныхъ веществъ. Имѣя зерна, она ограничивается только ими, въ противномъ случаѣ довольствуется свѣжей травой и зеленью съ корнями и листьями, клеверомъ, плодами и ягодами. Въ большомъ количествѣ истребляетъ она буковые орѣшки, настоящіе орѣхи, хлѣбныя зерна, рѣпу и картофель. Когда хлѣба начинаютъ созрѣвать, эти полевки собираются цѣлыми массами на поляхъ, откусываютъ внизу соломины и, сваливъ, отгрызаютъ ихъ наверху и тащутъ колосья въ свои норы. Во время жатвы она слѣдуетъ по шатамъ жнецовъ, вмѣстѣ съ ними переходитъ отъ озимыхъ полей къ яровымъ, и, поѣдая обсыпавшіяся на жнивѣ зерна, собираетъ свалившіеся при связываніи сноповъ колосья. Изъ лѣсу она тащитъ въ свою нору упавшіе плоды шиповника и можжевельника, буковые орѣшки, желуди и настоящіе орѣхи. Въ теченіи самаго суроваго времени года она подвергается непрерывной зимней спячкѣ, а при умѣренной погодѣ просыпается и питается своими запасами. Она невѣроятно

прожорлива; много нужно, чтобы ее насытить; безъ воды она также не можетъ обойтись.

Въ высшей степени общительная, обыкновенная полевка живетъ довольно дружно съ себѣ подобными, по меньшей мѣрѣ попарно, чаще-же большими стадами: поэтому-то и норы ихъ тѣсно примыкаютъ одна къ другой. Размножается она необыкновенно быстро. Въ ея теплыхъ гнѣздахъ, лежащихъ на 40—60 см. ниже поверхности земли и мягко устланныхъ расщепленной травой и тонко разжеванными стеблями, а иногда и мхомъ, уже въ апрѣлѣ находятъ 4—8 дѣтенышей, а въ теченіи теплаго времени года самка рождаетъ еще отъ 4-хъ до 6-ти разъ. Весьма вѣроятно, что дѣтеныши перваго помета къ осени уже способны къ размноженію, и этимъ объясняется иногда случающееся поразительное увеличеніе ихъ числа въ извѣстной мѣстности.

«При благоприятныхъ обстоятельствахъ,» говоритъ Блазиусъ, «обыкновенныя полевки размножаются въ невѣроятныхъ размѣрахъ. Извѣстно много примѣровъ, когда, благодаря чрезмѣрному размноженію ихъ, на большихъ пространствахъ была уничтожена большая часть посѣвовъ, а обгладываньемъ коры испорчено болѣе 1000 морговъ молодой буковой поросли. Не переживавшіи такихъ обильныхъ мышами годовъ съ трудомъ можетъ составить себѣ понятіе о наводничей ужасъ страшной вознѣ и хозяйничанію мышей на поляхъ и въ лѣсахъ. Часто онѣ вдругъ появляются въ какой-нибудь мѣстности, гдѣ раньше не замѣчалось постепеннаго прироста ихъ, какъ-бы вызванныя волшебствомъ изъ-подъ земли. Возможно, что въ нѣкоторые мѣста онѣ приходятъ извнѣ, обыкновенно-же ихъ чрезвычайное размноженіе можно предвидѣть за недѣли впередъ по увеличенію числа сарычей. Въ двадцатыхъ годахъ на нижнемъ Рейнѣ этотъ бичъ страны повторялся неоднократно. Почва на поляхъ мѣстами была до того изрыта, что трудно было поставить ногу на землю, не касаясь при этомъ мышиныхъ норъ, между отверстиями которыхъ были глубоко протоптаны безчисленныя дорожки. Даже днемъ все кишмя кишѣло мышами, свободно и безопасно бѣгавшими вокругъ. При чемъ-нибудь приближеніи 8—10 изъ нихъ сразу подбѣгали къ одному и тому-же отверстию, чтобы прошмыгнуть въ него, и непроизвольно загораживали другъ другу входы. При этой давкѣ у проходивъ не трудно было убить съ поль-дюжины однимъ ударомъ палки. Всѣ мыши казались сильными и здоровыми, хотя большей частью довольно маленькими, вѣроятнаго вѣдствіе преобладанія молодыхъ. Три недѣли спустя я посѣтилъ тѣ же мѣста. Число мышей увеличилось еще больше, но звѣрки очевидно были въ болѣзненномъ состояніи: у многихъ изъ нихъ были мѣста, покрытыя струпами или нарывы по всему тѣлу, а у не пострадавшихъ кожа была такъ рыхла и такъ легко разрывалась, что, не повредивъ ея, нельзя было сколько-нибудь крѣпко схватить ихъ. Когда я, четыре недѣли спустя, посѣтилъ въ третій разъ эти мѣстности, въ нихъ исчезъ всякій слѣдъ мышей; но порожніе ходы и жилища производили впечатлѣніе еще тягостнѣе прежняго, когда они были такъ оживлены. Говорили, что животныя внезапно, какъ-бы по волшебству, исчезли. Многія могли погибнуть отъ заразной болѣзни, многія могли быть съѣдены себѣ подобными, какъ это они дѣлаютъ и въ неволѣ; но говорили также о безчисленныхъ стадахъ, среди бѣлаго дня въ разныхъ мѣстахъ переплывшихъ Рейнъ. Между тѣмъ нигдѣ, даже далеко въ окружности не замѣтили необыкновеннаго прироста ихъ; напротивъ, казалось они повсюду исчезли одновременно, нигдѣ не появляясь снова. Природа сдѣлала чрезмѣрное размноженіе ихъ одновременно орудіемъ ихъ-же истребленія. Погода, прекрасное теплое позднее лѣто, казалось, благоприятствовало имъ до конца».

Чтобы представить числовыя данныя о массахъ мышей, появляющихся иногда

въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, я замѣчу, что въ одномъ округѣ Цаберна въ 1822 г. въ 14 дней было поймано 1.570,000 обыкновенныхъ полевоекъ, въ округахъ Нидда 590,327 и Пуцбахъ 271,941 штуки. «Осенью 1856 года», говоритъ Ленцъ, «было такъ много мышей, что въ окружности четырехъ часовъ между Эрфуртомъ и Готой принуждены были перепахать около 12,000 акровъ земли. Посѣвъ каждаго акра стоилъ по тогдашнимъ цѣнамъ 2 талера; собственно перепашку можно было оцѣнить въ полъ-талера, и такимъ образомъ убытокъ составлялъ, по меньшей мѣрѣ, 20—30,000 талеровъ, а по всей вѣроятности много больше. Влизъ Бреславля, въ одномъ большомъ имѣніи, въ продолженіи 7-ми недѣль было поймано 200,000 штукъ полевоекъ и доставлена на Бреславскій заводъ землеудобрительныхъ туковъ, который платилъ тогда за каждую дюжину 1 пфеннигъ. Нѣкоторые ловцы мышей могли ежедневно доставлять фабрикѣ 1,400—1,500 штукъ». Лѣтомъ 1861 года въ мѣстности Альсгеймъ, въ Гессенѣ, было поймано и представлено 409,523 полевки и 4707 хомяковъ; общинная касса выдала за это 2593 гульдена. Нѣкоторые семьи при этомъ преслѣдованіи мышей заработали, благодаря дѣятельности своихъ дѣтей. 50—60 и болѣе гульденовъ; одному особенно счастливому отцу его бойкія дѣти доставили даже 142 гульдена. За эти деньги онъ приобрѣлъ небольшой участокъ земли, который, какъ говорятъ, навсегда сохранилъ названіе «мышиной нивки». То-же было въ 1872 и 1873 годахъ. Почти со всѣхъ концовъ нашего отечества раздавались жалобы на мышиное бѣдствіе. Это была бѣда, которую можно уподобить египетскимъ казнямъ. Даже въ такой бесплодной мѣстности какъ Бранденбургъ, на отдѣльныхъ поляхъ можно было насчитать тысячи полевоекъ; на тучныхъ-же пашняхъ Нижней Саксоніи, Тюрингіи, Гессена онѣ хозяйничали ужасно. На половину созрѣвшія жатвы пропали, сотни тысячъ морговъ были перепаханы, многія тысячи марокъ истрачены на истребленіе мышей. Какъ въ сельскохозяйственныхъ обществахъ, такъ и въ министерствахъ обсуждались средства и способы для отвращенія бѣдствія.

Временами обыкновенная полевка нападаетъ даже на лѣса. Въ 1813 и 1814 годахъ она причинила такія опустошенія въ Англіи въ одно- и двухъ-лѣтнихъ древесныхъ насажденіяхъ, что возбудила серьезныя опасенія. На большихъ пространствахъ звѣрки эти не только обѣли кору на всѣхъ саженцахъ, но обгрызли также корни многихъ большихъ уже дубовъ и каштановъ, такъ что деревья совсѣмъ погибли. Правительство принуждено было принять самыя энергическія мѣры для устраненія громаднаго вреда.

Къ несчастью, человекъ почти безсиленъ въ борьбѣ съ полевками. Всѣ придуманныя доселѣ средства истребленія оказываются недостаточными въ виду ихъ удивительной плодовитости: помочь могутъ только появляющіяся между ними поварьныя болѣзни и въ значительной степени также преслѣдуемые человекомъ хищные звѣри. Вполнѣ успѣшно пользуются мышинными буравами, которыми выкапываютъ въ землѣ дыры 2—18 см. въ поперечникѣ и около 60 см. глубины. Падающія туда мыши, не пытаясь прорыть себѣ ходы для бѣгства, пожираютъ и уничтожаютъ другъ друга. При перепашкѣ полей дѣтей заставляютъ слѣдовать за плугомъ съ палками и избивать всѣхъ попадающихся мышей. Иногда ихъ норы наполняютъ дымомъ, бросаютъ туда отравленные зерна, поливаютъ даже цѣлыя поля отваромъ чилибухи или молочая, однимъ словомъ пользуются всѣми способами, чтобы освободиться отъ этой ужасной язвы: но обыкновенно большинство этихъ средствъ оказываются почти напрасными, а нѣкоторые изъ нихъ, именно отравленіе, къ тому-же въ высшей степени опасно: даже самый сильно дѣйствующій ядъ не уничтожитъ всѣхъ полевоекъ какой-нибудь нивы, а только погубитъ ихъ злѣйшихъ враговъ, т. е. нашихъ друзей: лисицъ, хорьковъ, горностаевъ,

ласокъ, сарычей, совъ, воронъ, а также куропатовъ, зайцевъ, и даже домашнихъ животныхъ, отъ голубя до рогатаго скота, или лошадей; очевидно достаточно оснований, чтобы совершенно отвергнуть разсыпаніе яда. Всѣ зоологи и друзья животныхъ въ 1872 г. съ грустью видѣли, какъ отравлялись и уничтожались враги мышей, между тѣмъ какъ они заслуживали охраны и заботы о себѣ. Недалековидные сельскіе хозяева, болѣе занимающіеся охотой на зайцевъ, чѣмъ благоустройствомъ своихъ полей, радовались, что рядомъ съ мертвыми мышами находились также сотни погибшихъ воронъ, отравленныхъ сарычей и совъ, лисицъ, хорьковъ и горностаевъ, не соображая однако, какой вредъ они причиняли себѣ своимъ нелѣпнымъ рвеніемъ къ истребленію мышей. Лишь труны зайцевъ, куропатовъ и домашнихъ животныхъ побудили наконецъ прекратить разсыпаніе яда. Предостереженія благоразумныхъ сотоварищей по профессіи оставались до той поры напрасными, и только позже была признана истина, которую они возвѣстили письменно и устно, что разбрасываніе отравы на поляхъ выгодно торговцамъ ядами, а никакъ не сельскимъ хозяевамъ. На ряду съ ядомъ на жирныхъ почвахъ примѣнялось также съ успѣхомъ и выкуриваніе обыкновенныхъ полевоекъ, при чемъ забивали всѣ выходы норъ, а во вновь открываемые мышами выпускали ядовитыя газы (углекислоту и сѣрнистый ангидридъ); но и этотъ, самъ по себѣ прекрасный способъ не вездѣ могъ быть примѣняемъ, потому-что стоилъ очень дорого.

Въ Сибири, именно восточнѣе Оби, встрѣчается полевка, заслуживающая такого-же вниманія, какъ и обыкновенная, хотя и по другимъ причинамъ: это **Полевка-Экономка** (*Arvicola* [*Arvicola*] *oeconomus*, *Mus* и *Hyridaeus oeconomicus*. *Wurzelmaus*. *Samraghol* *oeconomus*.); она нѣсколько больше нашей обыкновенной полевки, имѣетъ въ длину 18 см., изъ которыхъ 5 приходятся на хвостъ, сверху свѣтлаго желтовато-сѣраго цвѣта, внизу сѣраго, хвостъ сверху коричневый, внизу бѣлый. Отъ обыкновенной полевки она отличается болѣе короткой головой, маленькими глазами и короткими, почти скрытыми въ шерсти, ушами.

Палласъ и Стеллеръ оставили намъ интересныя описанія жизни этого звѣрка. Экономка встрѣчается на равнинахъ, часто въ большомъ количествѣ и почитается бѣдными жителями тѣхъ печальныхъ и пустынныхъ мѣстностей почти благодѣтельница, потому-что здѣсь она работаетъ на благо человѣку, вмѣсто того, чтобы вредить ему. Она роетъ себѣ подъ дерномъ длинныя ходы, которые ведутъ къ лежащему на умѣренной глубинѣ большому круглому гнѣзду, 30 см. въ діаметръ, соединяющемуся съ нѣсколькими очень просторными кладовыми. Гнѣздо это мягко выложено различными растеніями и служитъ жилищемъ для мыши и ея потомства, кладовыя-же она наполняетъ всевозможными корнями.

«Съ трудомъ можно понять», говоритъ Палласъ, «какъ пара такихъ маленькихъ звѣрковъ можетъ изъ крѣпкаго дерна выкопать и перенести такое множество кореньевъ. Часто находятъ ихъ 8—10 фунтовъ въ одной камерѣ, а послѣднихъ бываетъ иногда 3—4 въ одной норѣ. Случается, что мыши приносятъ свои запасы издалека; онѣ роютъ ямки въ дернѣ, вырываютъ корни, чистятъ ихъ на мѣстѣ и тащутъ, пятея задомъ, по хорошо утоптаннымъ, нарочно устроеннымъ дорожкамъ къ гнѣзду. Обыкновенно онѣ собираютъ черноголовку (*Sanguisorba officinalis*), сердечный корень (*Polygonum bistorta*), морковникъ (*Anthriscus sylvestris*) и прикрѣтъ (*Aconitum lycostopum*). Послѣдній служитъ имъ, по словамъ тунгузовъ, праздничнымъ блюдомъ, такъ какъ онъ опьяняетъ ихъ. Всѣ корни тщательно очищаются, разгрызаются на куски длиною въ палецъ и складываются въ кучи. Промыселъ этихъ животныхъ особенно полезенъ человѣку въ Дауріи и другихъ мѣстностяхъ восточной Сибири. Язычскіе народы, не занимающіеся хлѣбопашествомъ, постунаютъ тамъ съ экономками, какъ

несправедливые помѣщики съ крестьянами. Осенью, когда кладовыя наполнены, они лопатой выкапываютъ запасы, оставляютъ бѣлые наркотическіе корни, а корния черноголовки приедаютъ себѣ, употребляя ихъ не только какъ кушанье, но и какъ чай. Убогіе туземцы часто питаются цѣлую зиму запасами, отнятыми у мышей, остатки-же вырываютъ дикія свиньи, которыя не щадятъ и самихъ хозяевъ гнѣзда».

Замѣчательна любовь къ странствованіямъ у этихъ и другихъ родственныхъ имъ полевокъ. Къ огорченію туземцевъ, въ инья весны онѣ снимаются съ мѣста и движутся стадами на западъ, всегда по прямому пути, черезъ рѣки, а также черезъ горы. Тысячи тонутъ или сѣдаются рыбами и птицами, тысячи пожираются соболыми или лисицами, которые слѣдуютъ за ихъ стадами. По прибытіи на другую сторону рѣки, которую онѣ переплыли, онѣ, утомившись, лежатъ часто большими кучами на берегу, чтобы отдохнуть; затѣмъ со свѣжими силами продолжаютъ свое странствованіе. Одно стадо проходитъ мимо извѣстнаго пункта иногда въ теченіи цѣлыхъ двухъ часовъ. Такъ странствуютъ онѣ до береговъ Пенжины, тутъ сворачиваютъ на югъ и къ срединѣ іюля достигаютъ до рѣки Охоты. Въ Камчатку онѣ возвращаются обыкновенно въ октябрѣ и такимъ образомъ совершаютъ, примѣнительно къ ихъ величинѣ, по истинѣ громаднѣйшій переходъ. Когда полевки перекочевываютъ, камчадалы предсказываютъ мокрый годъ, съ печалью относятся къ ихъ уходу и радостно приветствуютъ ихъ возвращеніе.

* *

Въ Германіи встрѣчается сходная съ предыдущей полевка, но она служить представительницею особаго подрода: **Короткоухихъ полевокъ** (*Microtus, Kurzohrmause, Campagnol aux oreilles courtes*); имѣя съ обыкновенными полевыми одинаковое устройство зубовъ, онѣ отличаются до нѣкоторой степени отъ нихъ короткими, скрытыми въ мѣхѣ ушами, меньшимъ числомъ сосцовъ (только 4, вмѣсто 8-ми) и 5-ю буграми, вмѣсто 6-ти, на подонивахъ.

* *

Подземная Полевка (*Arvicola [Microtus] subterraneus, Arvicola pyrenaicus и selysii, Lemmus pratensis. Höhlenmaus*) длиною въ 11 см., съ хвостомъ въ 3 см.; цвѣтъ мѣха ржаво-сѣрый, внизу бѣловатый, хвостъ окрашенъ также, причѣмъ цвѣта рѣзко разграничены.

Селись открылъ эту мышь въ 1831 году во Франціи, на сырыхъ лугахъ и огородахъ вблизи рѣкъ; Блазіусъ находилъ ее также на поляхъ и горныхъ лугахъ на Нижнемъ Рейнѣ и въ Брауншвейгѣ, другіе естествоиспытатели указали, что она живетъ въ Саксоніи и Фохтландѣ. Она селится попарно и держится подъ землей болѣе, чѣмъ другіе представители того-же рода; ея маленькія уши и глаза безъ сомнѣнія указываютъ на такой образъ жизни. Ея норки многочисленнѣе и имѣютъ больше развѣтвленій, чѣмъ у другихъ полевокъ. Въ ея кладовыхъ Дене нашелъ въ декабрѣ свыше 0.5 килогр. корней, разобранныхъ по сортамъ и очищенныхъ, именно: корней львиного зуба, ширея, лѣсной анемоны, щавеля, клубней обыкновеннаго одуванчика, нѣсколькихъ луковицъ, моркови и птицемлечника. Склады помѣщались примѣрно на 30 см. подъ дерномъ на низкихъ лугахъ Лбенницкаго округа и имѣли въ діаметрѣ 16—21 см.; многіе ходы въ формѣ зигзаговъ, пролежавшіе совсѣмъ близко подъ дерномъ, вели къ кладовымъ и соединяли ихъ между собой.

Эта мышь рѣдко размножается въ такой степени, какъ ея родичи. Въ ея мягко-усланныхъ гнѣздахъ находятъ, правда, отъ 5 до 6-ти разъ въ годъ 3—5 дѣтенышей, но изъ послѣднихъ многіе неизбѣжно погибаютъ, такъ какъ низменности,

гдѣ онѣ живутъ, часто затопляются. Дѣтенышей можно выростить и долго содержать, корми ихъ свекловицею, морковью, пастернакомъ, картофелемъ, яблоками и тыквенными сѣменами; они умираютъ съ голоду въ нѣсколько дней, питаются исключительно хлѣбомъ и хлѣбными зернами. Дене такъ приручилъ одну молодую подземную полевку, что могъ брать ее въ руки и носить съ собою, но ей нельзя было исполнѣ довѣрять, такъ какъ иногда, разсердившись, она пробовала кусаться. Подземная полевка не уживается съ другими полевками. Если ихъ помѣстить вмѣстѣ, то поднимается яростный бой и, если ихъ не рассадить, то дѣло кончается смертью болѣе слабой изъ нихъ.

* * *

Пеструшки (*Myodes Lemminge. Lemmings*) по фигурѣ и образу жизни въ ряду полевокъ занимаютъ такое-же мѣсто, какъ хомякъ между мышами: отъ всѣхъ полевокъ онѣ отличаются плотнымъ тѣлосложеніемъ и короткимъ хвостомъ. Относительно большая голова густо покрыта волосами, верхняя губа глубоко разсѣчена, кругловатое маленькое ухо совершенно скрыто въ мѣхѣ, глаза тоже маленькіе; ноги пятипалыя и на пяткахъ густо обросши волосами; онѣ снабжены, особенно переднія, большими когтями для рытья. Послѣдній нижній коренной зубъ состоитъ, какъ послѣдній верхній, изъ 4-хъ призмъ и на жевательной поверхности представляетъ 5 амалевыхъ складокъ, черепъ очень широкъ, скуловые кости поразительно широки.

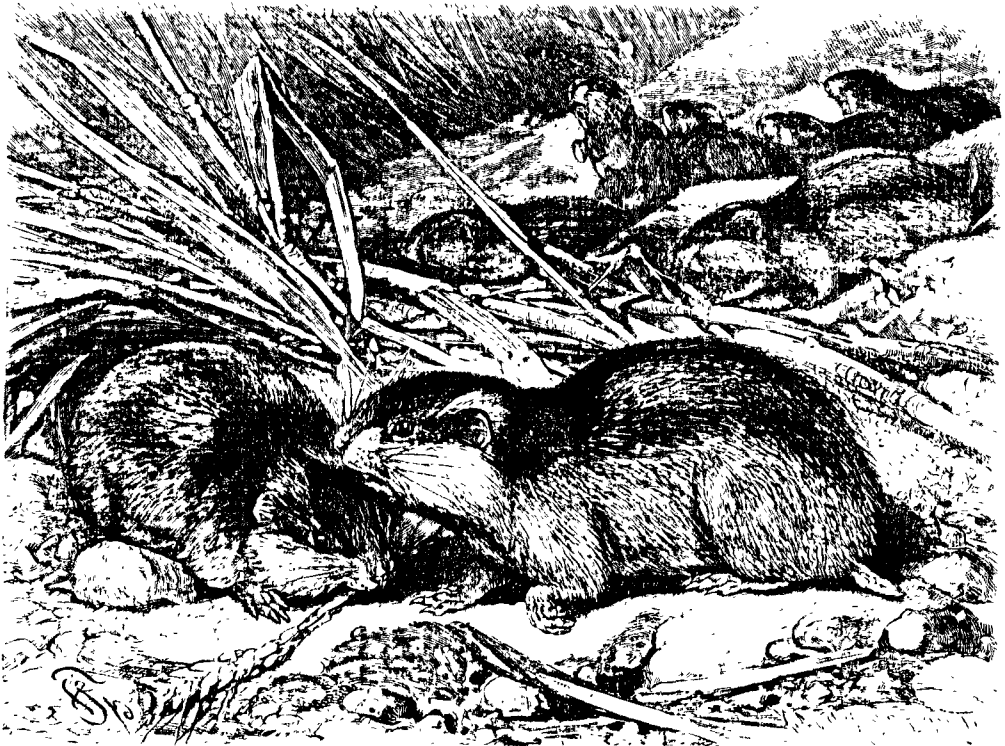
* * *

Типичный представитель рода, **Пеструшка полярная** (*Myodes lemmus. Mu lemmus* и *porwegicus, Lemmus porwegicus, Lemming*) достигаетъ 15 см. общей длины; изъ нихъ никакъ не больше 2-хъ см. приходится на короткій хвостикъ. Густой и длинный мѣхъ окрашенъ очень красиво. Среди коричнево-желтаго, на спинѣ волнистаго, основного цвѣта выдаются темныя пятна; отъ глазъ на заднюю часть головы спускаются двѣ желтыя полосы. Хвостъ и лапы желтаго, нижнія части буро-желтаго, почти несочнаго цвѣта.

Пеструшка несомнѣнно самый загадочный звѣрь всей Скандинавіи. Еще и теперь крестьяне горныхъ мѣстностей вѣрятъ, что онѣ въ видѣ дождя падаютъ съ неба и потому являются въ такомъ громадномъ количествѣ; они думаютъ, что пеструшки погибаютъ изъ за своей прожорливости. Олаусъ Магнусъ рассказываетъ, что въ 1818 году онъ видѣлъ очень много горностаговъ въ одномъ лѣсу, который весь былъ наполненъ ихъ зловоніемъ. Виновны въ этомъ, будто-бы, маленькіе четвероногіе звѣрки, по имени «Лемаръ», падающіе иногда съ неба при внезапной грозѣ и дождѣ, при чемъ неизвѣстно, перенесены-ли они вѣтромъ изъ отдаленныхъ мѣстностей или рождены въ облакахъ. «Эти животныя, появляющіяся подобно саранчѣ громадными массами, уничтожаютъ всю зелень, и даже растенія, только надкусанныя ими, погибаютъ, какъ отравленные. Они живутъ тамъ, пока не дождутся свѣжей травы. Передъ уходомъ они собираются въ стада подобно ласточкамъ; иногда они умираютъ массами и заражаютъ воздухъ, отчего у людей появляются головокруженія или желтуха, иногда поѣдаются горностагами, которые буквально откармливаются ими».

Одни ученые просто цитируютъ рассказъ выше названнаго епископа, а Олаусъ Ворниусъ въ 1633 году издалъ цѣлую книгу, въ которой старается доказать, что животныя могутъ рождаться въ облакахъ и падать изъ нихъ, при чемъ прибавляетъ, что напрасно пытались прогнать пеструшекъ заклинаніями. Линней впервые въ 1740 г. описалъ пеструшку научно и такъ подробно, что много можно прибавить къ его описанію. Самъ я въ 1860 г. засталъ пеструшекъ въ большомъ количествѣ въ Доврефельдѣ и могъ изучать ихъ посредствомъ соб-

ственного наблюдения. По свидѣніямъ, полученнымъ мною въ Норвегіи, онѣ встрѣчаются также на всѣхъ болѣе высокихъ горахъ страны и на сосѣднихъ островахъ, если они гористы. Дальше на сѣверѣ онѣ спускаются до тундры. На безконечныхъ болотахъ между Алтенфіордомъ и р. Таной я находилъ пометъ пеструшекъ на всѣхъ сухихъ мѣстахъ въ невѣроятномъ количествѣ, но уже не увидѣлъ тамъ ни одной изъ нихъ. Въ Доврефіельдѣ онѣ представляютъ очень обыкновенное явленіе въ маѣ и многочисленнѣе всего въ самомъ верхнемъ поясѣ, между 1000—2000 м. надъ поверхностью моря, т. е. отъ границы лихтовыхъ лѣсовъ вверхъ до линіи вѣчнаго снѣга. Пѣкаторыхъ я находилъ также въ Гульдбранделандѣ, едва на

Леммингъ. *Myodes lemmus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

100 м. надъ моремъ, а именно въ обильныхъ водою мѣстностяхъ, по близости отъ Лаугена. Въ Доврефіельдѣ онѣ жили близко, одна возлѣ другой, и часто можно было видѣть и слышать 8—10 изъ нихъ одновременно. Звѣрки эти чрезвычайно милы. Они выглядятъ какъ маленькіе сурки или какъ хомяки и нравомъ особенно схожи съ послѣдними. Мѣстомъ пребыванія служатъ имъ болѣе сухія мѣста на болотахъ, покрывающихъ значительную часть Норвегіи. Они поселяются здѣсь въ неглубокихъ норахъ подъ камнями или во мху; но часто встрѣчаютъ ихъ также бѣгающими по кочкамъ, возвышающимся надъ трясинной. Изрѣдка можно замѣтить протогнанныя тропинки, ведущія отъ одной норы къ другой; большіе ходы они вырываютъ только въ снѣгу. И днемъ, и ночью пеструшка бодря и находится въ движеніи. Ходитъ она въ прыжку, но быстро, хотя человѣку легко ее догнать. Въ бѣгствѣ онѣ проявляютъ чрезвычайную ловкость, отыскивая всякое сухое мѣсто

даже въ самой ужасной трясинѣ и пользуясь имъ, какъ мостомъ. Воды онѣ избѣгаютъ съ нѣкоторымъ страхомъ, и если ихъ бросить въ озеро или рѣчку, онѣ очень сердито пищать и ворчать, стараются какъ можно скорѣе попасть опять на сушу. Обыкновенно пеструшки сами выдаютъ свое присутствіе. Часто онѣ спокойно сидятъ въ своихъ норахъ и прохожіи навѣрное не замѣтять-бы ихъ; но появленіе человека волнуетъ ихъ настолько, что онѣ не могутъ молчать. Громкимъ хрюканьемъ и пискомъ, на подобіе морскихъ свинокъ, встрѣчаютъ онѣ вторгнувшагося въ ихъ предѣлы, точно желая этимъ преградить ему доступъ въ свои владѣнія. Онѣ обращаются въ бѣгство только тогда, когда бывають на поверхности земли; когда-же къ нимъ приближаются, онѣ спѣшатъ къ одной изъ безчисленныхъ норокъ, тамъ прочно усаживаются и больше ужъ не выходятъ оттуда, скорѣе позволивъ убить себя или поймать.

Меня ужасно забавляли эти отважные звѣрки; я никогда не пропускалъ случая вызвать ихъ на бой. Если подойти вплотную къ ихъ норѣ, пеструшки выскакиваютъ оттуда, пищать, хрюкають, поднимаются на заднія лапы, опрокидываютъ голову назадъ, такъ что она почти лежитъ на спинѣ, и тогда глядятъ такъ свирѣпо своими маленькими глазами на противника, что въ самомъ дѣлѣ нерѣшаешься — брать-ли ихъ рукою, или нѣтъ. Разъ установившись, онѣ и не думаютъ объ отступленіи. Если протянуть имъ салогъ, то онѣ кусаютъ его, также точно и палку или стволы ружья, хотя и понимаютъ, что тутъ ничего не подѣлаешь. Нѣкоторыя такъ впивались зубами въ мои панталоны, что я едва могъ ихъ стряхнуть. Въ такихъ битвахъ онѣ впадаютъ въ страшную ярость и походятъ тогда совсѣмъ на злобныхъ хомяковъ. Если быстро наступать на нихъ, то онѣ пятятся задомъ, поднявши голову, при этомъ пищать и хрюкають изо-всѣхъ силъ; натолкнувшись на какое нибудь препятствіе, онѣ снова сразу останавливаются и храбро защищаются, при чемъ скорѣе дадутъ поймать себя, чѣмъ попытаются освободиться посредствомъ небольшого обхода. Иногда пеструшки маленькими прыжками насканиваютъ на своего противника; онѣ не боятся, повидимому, никого и съ безумной отвагой вступаютъ въ бой. На дорогахъ ихъ часто переѣзжаютъ, такъ какъ онѣ упрямо становятся на пути и не желаютъ уступать его. Многихъ загрызаютъ на дворахъ собаки, а кошки поѣдаютъ ихъ такъ много, что постоянно сыты; я не могъ-бы иначе объяснить себѣ, почему кошки на почтовой станціи Фокстуэнъ въ Доврефилдѣ совершенно спокойно проходятъ мимо пеструшекъ, нисколько не интересуясь ими. Зимой, какъ выше сказано, онѣ прорываютъ въ снѣгу длинныя ходы, въ которыхъ, сверхъ того, какъ я замѣтилъ, при оттепели строятъ себѣ большія съ толстыми стѣнами гнѣзда изъ травы. Гнѣзда помѣщаются на 20—30 см. надъ поверхностью земли, и отъ нихъ въ разныя стороны ведутъ сквозь снѣгъ длинныя ходы, большая часть которыхъ направлены внизъ и прокладываются далѣе, подобно ходамъ нашей полевки, на половину во мху, на половину въ снѣгу. Но пеструшки бѣгаютъ также и по снѣгу или, по крайней мѣрѣ, перебираются черезъ большія снѣговыя поля на горныхъ высотахъ.

Дѣтеныши пеструшекъ, по увѣренію моего стараго охотника, выводятся въ обитаемыхъ ими гнѣздахъ. Мнѣ самому не повезло найти гнѣздо съ дѣтенышами, и я почти готовъ думать, что во время моего пребыванія въ Доврефилдѣ время размноженія не наступило. Линней говоритъ, что звѣрки эти имѣютъ большую частью 5—6 дѣтенышей, а Шефферъ прибавляетъ, что они плодятся нѣсколько разъ въ году. Кромѣ этого я ничего не знаю объ ихъ размноженіи.

Пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ немногихъ альпійскихъ растений, ствойственныхъ ихъ бѣдной родинѣ, точнѣе, изъ травъ, оленьяго мха, сережекъ карликовой березы и, вѣроятно, также изъ различныхъ корней. Пеструшки подыма-

ются до той-же высоты, до которой и лишай, и не встрѣчаются вовсе тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ растений; это указываетъ на то, что они составляютъ самую существенную часть ихъ пищи. Пасколько я узналъ, онѣ ничего не запасаютъ себѣ на зиму и тогда питаются только тѣмъ, что находятъ подъ теплымъ покровомъ снѣга, особенно почками занесенныхъ кустарниковъ. Пеструшки не приносятъ большого вреда человѣку, потому-что въ областяхъ распространенія ихъ нѣтъ полей, а въ дома онѣ не заходятъ. Если онѣ и попадаютъ изрѣдка въ усадьбахъ, то лишь по случайности: это заблудившіяся на одной изъ прогулокъ. Однако одинъ житель Лофоденскихъ острововъ сообщилъ мнѣ, что въ нѣкоторые годы картофельныя поля страдаютъ отъ пеструшекъ. Звѣрки прорываютъ себѣ длинные ходы, и норы проводятъ непосредственно между клубнями, которыми онѣ потомъ и питаются со всѣми удобствами. Впрочемъ, ихъ отечество, какъ оно ни бѣдно, доставляетъ имъ все, въ чемъ онѣ нуждаются. Только въ нѣкоторые годы пеструшки страдаютъ отъ голода и тогда вынуждены предпринимать странствованія.

При упоминаніи этого общеизвѣстнаго факта, я обращаю особенное вниманіе на то, что жители Доврефиельда ничего не знали объ этихъ странствованіяхъ и что населеніе Лапландіи также мало могло мнѣ сообщить о нихъ. Финляндцы, которыхъ я спрашивалъ, также ничего не знали, и если-бы такой извѣстный натуралистъ, какъ Линней, не свидѣтельствовалъ объ этомъ фактѣ, то я едва-ли счелъ-бы эти странствованія достойными упоминанія. Изъ Линнеевскаго сообщенія однако видно, что великій естествоиспытатель самъ не видѣлъ переселенія пеструшекъ, а повторяетъ лишь слышанное. Новѣйшіе путешественники упоминаютъ о странствующихъ пеструшкахъ и говорятъ при этомъ, что шествіе ихъ подобно волнующемуся морю; но указанія ихъ не настолько подробны и точны, чтобы по нимъ можно было составить себѣ ясное представленіе объ этихъ странствованіяхъ. Мартинсъ рассказываетъ, что въ ихтовомъ лѣсу на берегу Муоніо онъ нашелъ пеструшекъ въ большомъ количествѣ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было передъ тѣмъ и что ему невозможно было сосчитать всѣхъ, видимыхъ въ одно время. Чѣмъ дальше онъ и его спутникъ проникли вглубь лѣса, тѣмъ больше становилось число ихъ; потомъ, выйдя на открытое мѣсто, изслѣдователи убѣдились, что всѣ пеструшки бѣжали въ одномъ направленіи, совпадавшемъ съ теченіемъ рѣчки. Ихъ часто наблюдали въ то время, когда онѣ взирались на тотъ или на другой берегъ Муоніо. Также какъ и Линней, Мартинсъ не могъ опредѣлить причину странствованія.

«Самое замѣчательное у этихъ звѣрей», говоритъ вышеназванный изслѣдователь, «ихъ странствованія, такъ-какъ въ извѣстное время, обыкновенно черезъ 10—20 лѣтъ, онѣ уходятъ изъ мѣстъ своего жительства въ такомъ множествѣ, что невольно удивляешься. Въ концѣ концовъ онѣ вытаптываютъ настоящую тропу въ землѣ, пальца на 2 въ глубину и на полъ пальца ширины. Эти тропинки удалены другъ отъ друга на нѣсколько шаговъ и всѣ идутъ по одному направленію. Дорогою пеструшки пожираютъ траву и высунувшіеся наружу корни; какъ говорятъ, онѣ часто рожаютъ въ пути и уносятъ одного дѣтеныша во рту, а другого на спинѣ. На нашей сторонѣ (т. е. на шведской) онѣ спускаются съ горъ къ Ботническому заливу, но рѣдко достигаютъ до него, такъ-какъ разсѣваются и гибнутъ дорогою. Встрѣтивъ на пути человѣка, онѣ не уклоняются отъ него, а стараются пройти между его ногами, или-же садятся на заднія ноги и кусаютъ протянутую палку. Онѣ не обходятъ стогъ сѣна, а роютъ и прогрызаютъ его насквозь; большой камень обѣгаютъ кругомъ и продолжаютъ свой путь по прямой линіи. Онѣ переплываютъ большія озера, а, подойдя къ лодкѣ, прыгаютъ въ нее и съ другой стороны бросаются снова въ воду. Онѣ не страшатся бушующей рѣчки, но бросаются въ нее, хотя-бы

при этомъ и пришлось заплатить жизнью » Шефферъ въ своемъ описаніи Лапландіи упоминаетъ о старомъ разсказѣ епископа Понтопидана, по которому пеструшки движутся съ горъ, съ востока и съ запада къ Сѣверному морю и къ Ботническому заливу, такими массами, «что часто совершенно окружаютъ ими лодки рыбаковъ и наполняютъ ихъ до того, что онѣ тонуть въ водѣ. По морю носятся массы утонувшихъ, и большія пространства береговъ покрыты ими.»

По моему мнѣнію, причина такихъ переселеній должна скрываться, также какъ и у другихъ полевокъ, въ появляющемся отъ времени до времени недостаткѣ пищи. Хотя пеструшки, какъ выше замѣчено, спускаются иногда въ низменности, онѣ все-же должны считаться горными звѣрями, потому-что тундра на дальнемъ сѣверѣ Скандинавіи имѣетъ вполне характеръ широкихъ, плоскихъ гребней болѣе южныхъ горъ. Если тутъ за умѣренной зимой слѣдуютъ хорошая весна и сухое лѣто, то условій этихъ достаточно для успѣшнаго размноженія, которое, также какъ и у другихъ полевокъ, можетъ быть названо безграничнымъ. Но излишняя сухость ослабляетъ ростъ излюбленныхъ ими питательныхъ растений, вслѣдствіе чего большія пространства пастбищъ уже становятся негодными и не могутъ удовлетворить массу прожорливыхъ, какъ всѣ грызуны, существъ, и вотъ онѣ видятъ себя вынужденными искать пропитанія гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. При такихъ обстоятельствахъ, какъ извѣстно, собираются толпами не только грызуны, но и другія травоядныя, напр. антилопы, которыя странствуютъ и дорогой забираютъ съ собою товарищей по виду; въ заключеніе онѣ безмысленно продолжаютъ свой путь, такъ какъ не придерживаются опредѣленнаго направленія и не переселяются въ такія мѣста, гдѣ дѣйствительно было-бы чѣмъ питаться. Только послѣ того, какъ сотни тысячъ пеструшекъ погибли отъ нужды, болѣзней, трудностей и опасностей пути, пережившія пытаются достигнуть снова высотъ, составляющихъ ихъ настоящее мѣсто жительства; при этомъ, конечно, можетъ случиться, что онѣ, какъ наблюдалъ Гомстремъ, опять-таки идутъ по прямой линіи. Такимъ образомъ, странствованія пеструшекъ кажутся мнѣ вовсе не чудеснѣе или менѣе объяснимыми, чѣмъ странствованія другихъ млекопитающихъ, въ особенности полевокъ.

Судя по всѣмъ полученнымъ мною сообщеніямъ, нельзя сомнѣваться, что пеструшки пытаются переплывать море съ одного острова на другой; но разказы и объ этихъ путешествіяхъ сильно преувеличивались. Часто проходятъ многіе годы, прежде чѣмъ пеструшки явятся большими толпами: такъ въ Доврефьельдѣ въ теченіи 15 лѣтъ онѣ не были такъ многочисленны, какъ лѣтомъ 1860 года. Это внезапное появленіе ихъ подаетъ много поводовъ къ суевѣрію и бреднямъ. Нельзя объяснить себѣ, какъ вдругъ на уединенномъ островѣ появляются въ такомъ множествѣ невиданныя раньше животныя, но при этомъ забываютъ однако о тѣхъ немногихъ, которые несомнѣнно изъ году въ годъ живутъ тамъ и, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, благодаря плодovitости, могутъ размножаться до невѣроятнаго количества.

Счастье еще, что у пеструшекъ такъ много враговъ; иначе, при несмѣтномъ количествѣ ихъ, онѣ наводнили-бы всю страну и сожрали-бы все сѣдоброе. Во всякомъ случаѣ, климатъ—лучшій истребитель этихъ звѣрей. Дождливое лѣто, холодная, ранняя, безснѣжная осень убиваютъ ихъ милліонами и, конечно, требуется много лѣтъ, чтобы размноженіе ихъ до нѣкоторой степени вознаградило вымираніе. Кромѣ того пеструшекъ преслѣдуетъ безчисленное множество животныхъ; можно сказать, что ими откармливаются всѣ хищныя звѣри Скандинавіи. Волки и лисицы на цѣлыя мили слѣдуютъ за ними и, когда есть пеструшки, ничего другого не ѣдятъ; росомаха, какъ я самъ наблюдалъ, усердно преслѣдуетъ нашихъ звѣрковъ; куница, хорекъ и горностаи охотятся часто только за ними, вѣчно голодныя собаки лапландцевъ считаютъ

годы, богатые пеструшками, какъ-бы праздниками, которые такъ рѣдко выпадаютъ на ихъ долю; совы также сопровождаютъ стада нашихъ звѣрковъ; снѣговая сова встрѣчается почти исключительно въ мѣстахъ, гдѣ водятся пеструшки; сарычи, особенно канюкъ (*Buteo lagopus*), безъ устали стараются истреблять бѣдняжковъ; вороны выкармливаютъ ими своихъ дѣтенышей, а вороны и сороки также стремятся, насколько это имъ возможно, уничтожить ихъ. Даже сѣверные олени, по утверждению многихъ, ѣдятъ иногда пеструшекъ или, по крайней мѣрѣ, убиваютъ ихъ передними копытами, раздраженные, вѣроятно, задоромъ маленькихъ тварей. Чрезвычайно смѣшно смотрѣть, когда ворона нападаетъ на пеструшку самца, не желающего добровольно сдаться. Мнѣ удалось присутствовать при такомъ единоборствѣ. Сѣрая ворона, долго солидно сидѣвшая на скалѣ, вдругъ устремилась внизъ на мохъ и тамъ старалась что-то схватить; но дѣло было не такъ просто: это нѣчто, пеструшка, сопротивлялась изо всѣхъ силъ, рычала, ворчала, хрюкала, пицала, становилась въ боевую позицію, дѣлала прыжки по направленію итицы и угрожала ей такъ серьезно, что послѣдняя нѣсколько разъ отскакивала назадъ, очевидно труся. Но храбрая ворона не прекращала своей охоты, а снова кидалась на пеструшку, пока послѣдняя, ослабѣвъ, не проглядѣла нападенія и не получила хорошо направленный ударъ клювомъ, лишившій ее жизни.

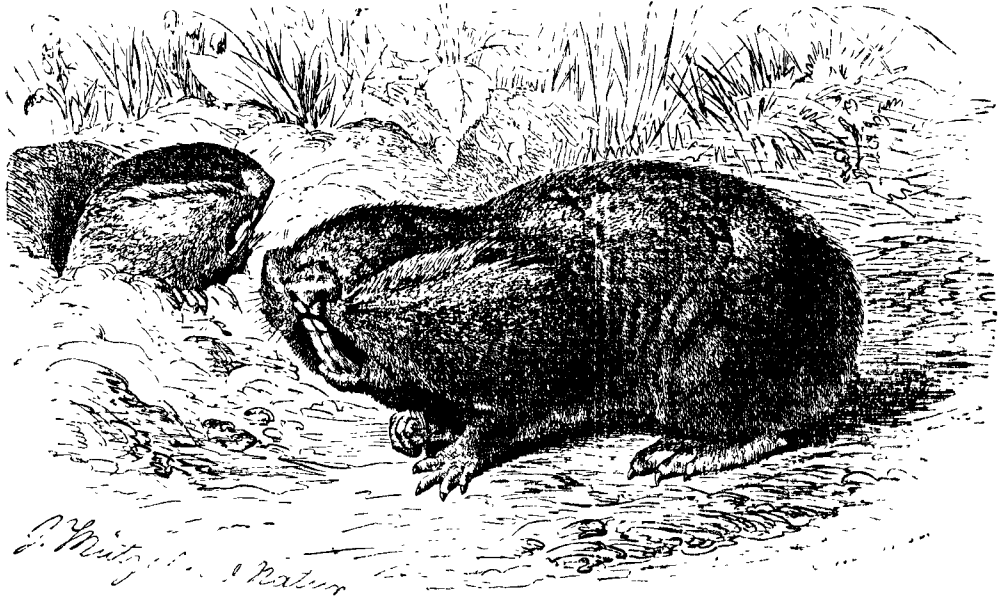
Человѣкъ становится врагомъ пеструшекъ, только когда находится въ величайшей нуждѣ. Во всѣхъ высоко лежащихъ мѣстностяхъ Скандинавіи онъ предоставляетъ этимъ звѣркамъ жить и размножаться, какъ имъ угодно. Онъ не умѣетъ воспользоваться ими; мѣхъ почти не имѣетъ цѣны, а мясо ихъ внушаетъ, какъ легко понять, приблизительно такое-же отвращеніе, какое мы питаемъ къ мясу крысъ. Лапландцы все-же голодомъ часто бываютъ вынуждены преслѣдовать пеструшекъ. Когда имъ не хватаетъ дичи и ружье, которымъ они такъ удачно пользуются, ничего больше не можетъ доставить имъ, они поневолѣ прибѣгаютъ къ пастушьей палкѣ и убиваютъ пеструшекъ, чтобы, питаясь ими, сохранить себѣ жизнь.

* * *

Семейство **Кротообразныхъ мышей** (*Spalacidae*. *Wurfmäuse*. *Rats-taupes*) состоитъ изъ безобразныхъ, уродливыхъ, живущихъ подъ землей грызуновъ. Напоминающая кротовъ, онѣ обладаютъ всѣми неприятными качествами этихъ землекоповъ, не принося той-же пользы. Тѣло ихъ неуклюже и вальковато, голова толста, широка, плосколобая и тупорылая; глаза необыкновенно малы или совершенно скрыты подъ наружной кожей; очень маленькія уши совершенно лишены видимой снаружи раковины; хвоста нѣтъ или онъ спрятанъ въ мѣхѣ. Тѣмъ болѣе выдаются почти одинаково развитыя пятипалыя ноги; однако, какъ и у кротовъ, переднія сильнѣе заднихъ, и всѣ конечности вооружены очень крѣпкими когтями для рытья. На черепѣ, сзади очень широко, а посреди крутоспускающагося внизъ, особенно замѣтенъ, раздѣленный на двѣ неравныя вѣтви, скуловой отростокъ височной кости. Въ позвоночникѣ насчитываютъ, кромѣ шейныхъ позвонковъ, 12—14 спинныхъ, 5—6 поясничныхъ, 2 — 5 крестцовыхъ и 5 — 13 хвостовыхъ позвонковъ. Ключица чрезвычайно сильна, плечевая кость широка и крѣпка. Рѣзцы широки и плоски, 3, 4 или 6 коренныхъ зубовъ на каждой сторонѣ челюсти имѣютъ складчатую поверхность и снабжены корнями, или-же безъ корней.

Всѣ кротообразныя мыши принадлежатъ Старому Свѣту. Онѣ населяютъ большую часть сухія, песчанія равнины и на большія пространства подкапываютъ почву, какъ кроты. Ни одинъ видъ не живетъ обществами; каждый живетъ по-одиночкѣ въ своей норѣ и выказываетъ такой-же ворчливый и сварливый нравъ, какъ

кротъ. Боясь свѣта и чуждаясь всего того, что даетъ поверхность земли, кротообразная мышь чрезвычайно рѣдко оставляетъ свои подземные ходы, но и въ нихъ работаетъ не днемъ, а главнымъ образомъ въ ночное время. Съ необыкновенною быстротою онѣ роются далеко въ глубь земли, многія даже въ отвѣсномъ направленіи. Чрезвычайно неловкія и неуклюжія на землѣ, онѣ въ своихъ подземныхъ ходахъ двигаются съ одинаковой быстротой, какъ задомъ, такъ и передомъ. Пища ихъ состоитъ больше всего изъ корней, клубней и луковицъ, выкапываемыхъ ими изъ земли; въ видѣ исключенія, нѣкоторыя ѣдятъ также траву, кору, сѣмена и орѣхи. Хотя живущія въ холодныхъ странахъ и собираютъ себѣ запасы пищи, но не впадаютъ въ зимнюю спячку, а дѣятельно продолжаютъ работать въ ущербъ по-

Слѣпшъ. *Spalax typhlus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

лямъ, садамъ и лугамъ. Къ счастью, онѣ размножаются не очень сильно, а рожаютъ 2—4 голыхъ дѣтенышей, для которыхъ нѣкоторые виды устраиваютъ гнѣзда.

* *
*

Извѣстнѣйшій видъ этого семейства, **Слѣпшъ** (*Spalax typhlus*, *Mus* и *Marmota typhlus*, *Spalax microphthalmos*, *pallasii* и *xanthodon*, *Marmota podolica*, *Cuniculus subterraneus*. *Blindmaus*. *Rat-taube*). Тупорылая голова шире туловища, короткая неподвижная шея такъ-же толста, какъ безхвостое тѣло; на короткихъ ногахъ широкія ступни съ сильными пальцами и когтями. Глаза едва величиною съ маковое зерно и спрятаны подъ кожей, слѣдовательно, не могутъ служить для зрѣнія. Туловище имѣетъ 20 см. длины. Черепъ толстой головы приплюснутъ, лобъ плоскій, рыло тупо округлено, носъ толстъ, широкъ и хрящеватъ, съ круглыми, далеко отстоящими одна отъ другой, ноздрями. Могучіе, толстые, одинаково широкіе, спереди долотообразно отточенные рѣзцы далеко выступаютъ изо рта; три коренныхъ зуба на каждой челюсти не имѣютъ постоянныхъ эмалевыхъ выемокъ, и ихъ жевательныя поверхности непрерывно мѣняются, но мѣръ того, какъ коронки зубовъ начинаютъ стираться. Всѣ пальцы на ногахъ сильны и снабжены крѣпкими

когтями для рытья; на переднихъ ногахъ они расположены далеко одинъ отъ другого и только у основанія соединены короткой перепонкой. Хвостъ обозначенъ слабо выдающейся бородавкой. Туловище одѣто густымъ, гладко прилегающимъ, мягкимъ мѣхомъ; на верхней сторонѣ шерсть длиннѣе, чѣмъ на нижней. Жесткіе, щетинообразные волоса покрываютъ голову по сторонамъ отъ ноздрей до глазъ и образуютъ щеткообразную волосяную кайму. Пальцы на ногахъ не одѣты волосами, но пятки опушены кругомъ жесткими, длинными направленными внизъ щетинами. Въ общемъ окраска желто-коричневая съ сѣро-пепельнымъ оттѣнкомъ, голова свѣтлѣе, сзади бурая; нижняя сторона туловища темно-пепельно-сѣраго цвѣта съ бѣлыми продольными полосами на задней части брюха и бѣлыми пятнышками между задними ногами; область рта, какъ и подбородокъ и лапы — грязно-бѣлаго цвѣта.

Слѣпыша находятъ въ юго-восточной Европѣ и въ западной Азіи, особенно въ южной Россіи по Волгѣ и Дону, въ Молдавіи и въ части Венгріи и Галиціи; попадаются они также въ Турціи и Греціи; въ Азіи ихъ мѣстопребываніе ограничивается Кавказомъ и Ураломъ. Особенно многочисленны они въ Украинѣ. Въ Алтайскихъ горахъ находится значительно болѣе крупный видъ семейства, **Цокорь**, (*Spalax [Siphneus] aspalax, Zokor*) который по образу жизни вполне похожъ на другихъ слѣпышей, что и оправдываетъ мое примѣненіе къ нему наблюденій, сдѣланныхъ надъ остальными.

Какъ почти всѣ кротообразныя мыши, слѣпышь живетъ въ плодородныхъ мѣстностяхъ и располагается въ подземныхъ, далеко развѣтвляющихся норахъ, существованіе которыхъ узнается по безчисленнымъ кучамъ набросанной земли. Последнія очень велики, гораздо больше, чѣмъ у кротовъ, но не высоки, а поразительно плоски. Необыкновенно угловатый ходъ пролегаетъ на небольшой глубинѣ подъ поверхностью земли, прорѣзываетъ сырыя, совершенно насыщенные водой долины, пересѣкаетъ ручьи и взбирается на склоны горныхъ обрывовъ. Тамъ и сямъ отдѣляется боковой ходъ, иногда выходящій на поверхность земли. Зимой ходы проводятся до того близко къ дерну, что ихъ земляной сводъ обыкновенно никакъ не толще 2 см., а настоящимъ покровомъ служить, собственно говоря, снѣгъ, лежащій на верху. Слѣпышь не подвергается зимней спячкѣ, поэтому работаетъ постоянно, всего усерднѣе, по увѣренію киргизовъ, въ полдень и при солнечномъ свѣтѣ, всего лѣнивѣе утромъ и въ дождливую погоду. По ихъ словамъ, слѣпышь пользуется своими крѣпкими рѣзцами, чтобы перегрызть корни и вмѣстѣ съ тѣмъ раздробить землю, лежащую между корнями. Вырытую землю онъ головою подбрасываетъ вверхъ, а затѣмъ передними и задними ногами откидываетъ ее назадъ. Слѣпышь такъ-же мало общителенъ, какъ и кротъ, однако чаще живетъ въ большой близости съ другими недѣлимыми своего вида. Во время течки онъ иногда выходитъ и днемъ на поверхность земли, чтобы погрѣться на солнцѣ; при угрожающей опасности спѣшитъ какъ можно скорѣе къ своей норѣ и, не находя тотчасъ-же отверстія, мгновенно исчезаетъ, зарываясь съ поразительной быстротой въ землю. Еще чаще, чѣмъ въ полдень, онъ показывается изъ своихъ ходовъ раннимъ утромъ и ночью.

Движенія слѣпыша не такъ неловки и неповоротливы, какъ ихъ обыкновенно описываютъ. Цокорь, котораго я видѣлъ бѣгающимъ, съ быстротою крысы пропшыгнулъ по землѣ, направляясь къ ручью, бросился стремглавъ въ воду, быстро проплылъ нѣкоторое разстояніе, и проворно исчезъ въ одномъ изъ расположенныхъ тутъ-же отверстій. Что этотъ видъ дѣйствительно превосходно бѣгаетъ и плаваетъ, увѣряли единогласно всѣ спрошенные мною киргизы; то-же можно утверждать и относительно слѣпышей. Какъ они живутъ подъ землей — неизвѣстно. Внѣшнія чувства вообще мало развиты, слухъ, кажется, играетъ болѣе выдающуюся роль.

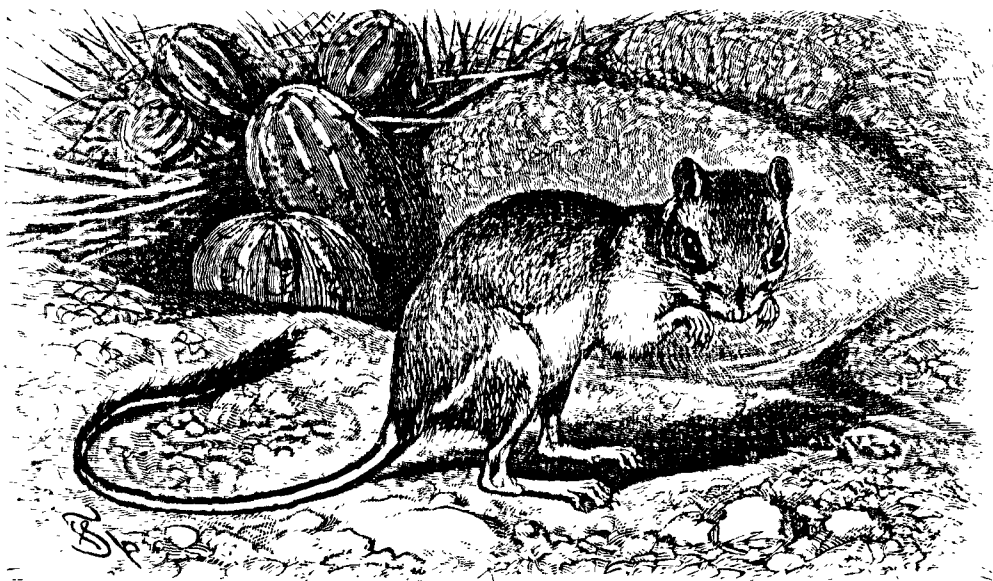
Наблюдения показали что слѣпышъ очень чувствителенъ къ шуму и руководится главнымъ образомъ чувствомъ слуха. Находясь на поверхности земли, онъ сидитъ спокойно съ поднятою головою у отверстія своихъ ходовъ и чрезвычайно внимательно прислушивается во всѣ стороны. При малѣйшемъ шумѣ онъ поднимаетъ голову еще выше и принимаетъ угрожающее положеніе, или-же зарывается отвѣсно въ землю и исчезаетъ. Вѣроятно, обоняніе также до извѣстной степени содѣйствуетъ замѣнѣ недостающаго зрѣнія. Образъ жизни ихъ, кажется, таковъ-же, какъ и у другихъ маленькихъ грызуновъ. Слѣпыша изображаютъ сердитымъ и кусающимся созданиемъ, умѣющимъ, въ случаѣ нужды, весьма ощутительно пускать въ ходъ свои крѣпкіе зубы; схваченный, онъ яростно фыркаетъ, скрежещетъ и злобно кусаетъ все вокругъ себя. Пойманный нами цокоръ, когда мы схватили его за затылокъ и задержали, велъ себя спокойно, не пробовалъ освободиться и мало барахтался. Въ отведенномъ ему ящикѣ онъ издавалъ слабый пискъ; другихъ звуковъ мы не слышали.

Слѣпышъ питается, если не исключительно, то все-же предпочтительно, растительными веществами, въ особенности всевозможными кореньями, а въ случаѣ нужды и древесной корой. Если въ районѣ его жительства находятся растения съ глубоко идущими корнями, то онъ зимою опускаетъ свои ходы ниже замерзшаго слоя почвы, если-же такихъ растений нѣтъ, то онъ прорываетъ свои плоскіе ходы почти непосредственно подъ снѣгомъ. Въ ихъ ходахъ не встрѣчали зимнихъ запасовъ, но находили гнѣзда, устроенныя изъ тончайшихъ корней. Въ такомъ гнѣздѣ самка родитъ лѣтомъ 2—4 дѣтенышей. Звѣрекъ этотъ, хоть ему и приписываютъ много зла, вообще причиняетъ человѣку ничтожный вредъ, хотя съ другой стороны также мало приноситъ и пользы. У насъ, у русскихъ, вѣрятъ, будто-бы онъ можетъ сообщить человѣку особенную цѣлебную силу, такъ какъ тотъ, кто имѣетъ достаточно мужества, чтобы посадить слѣпыша на голую руку, дать ему искушать себя и тутъ-же медленно задавить его, будетъ затѣмъ одаренъ способностью излѣчивать простымъ возложеніемъ руки опухоль железъ всякаго рода. Въ Галиціи онъ называется Ziemni-bisak, а въ Венгріи Földi-Kölbk. * *

Африканская кротообразная мышь, **Песконокъ** (*Bathyergus maritimus*, *Mus suillus* и *maritimus*, *Bathyergus suillus*, *Orycterus maritimus*. Strandgraber. *Bathyergus*) такъ-же некрасивъ, какъ и остальные, сюда принадлежащія животныя, онъ неуклюже сложенъ, туловище его валькообразное, голова широкая, тупая, безъ ушныхъ раковинъ, съ очень маленькими глазами и широкимъ хрящевымъ кончикомъ носа; у него короткія ноги и пятипалыя ступни, вооруженныя огромными когтями для рытья; густой мѣхъ необыкновенно мягокъ и тонокъ; длинныя, толстыя усы окружаютъ морду; хвостъ, какъ-бы обрубленный, кончается лучистой кистью. Слабо изогнутые бѣлые рѣзцы поразительной длины и далеко выдаются, на верхней парѣ замѣтны глубокіе желобки. Изъ четырехъ коренныхъ зубовъ въ каждой челюсти задній—самый большой. Общая окраска мѣха—бѣлая, наверху желтоватая, а внизу съ сѣрымъ налетомъ. Длина, включая сюда хвостъ въ 5 см., простирается до 30 см.

Песконокъ распространенъ въ относительно-малой части южной Африки; всего чаще онъ встрѣчается на мысѣ Доброй Надежды. Песчанья прибрежья являются мѣстомъ его пребыванія, а болѣе твердой и богатой растеніями почвы онъ тщательно избѣгаетъ; поэтому онъ часто встрѣчается на дюнахъ или песчаныхъ прибрежныхъ буграхъ. Образъ жизни его—подземный. Онъ роетъ себѣ глубоко въ песокъ длинныя, вѣтвистыя, трубчатые ходы, лучеобразно расходящіеся изъ многихъ цент-

ровъ и многократно связанные между собой. Ихъ направленіе обозначается рядами набросанныхъ кучь. Ходы гораздо шире, чѣмъ у крота, такъ какъ животныя величиною почти съ хомяка, само собою разумѣется, должны рыть ходы съ большимъ діаметромъ, чѣмъ маленькій кротъ. Какъ кажется, пескокопъ настойчиво старается повсюду преградить доступъ наружному воздуху въ свои норы, такъ какъ онъ въ высшей степени боится свѣта. Попадая случайно на поверхность земли, онъ можетъ спастись бѣгствомъ. Онъ тогда крайне неуклюже пытается подвинуться впередъ и пугливо старается снова забраться въ глубь. Если его схватить, то онъ сердито бросается передней частью тѣла во всѣ стороны и яростно кусаетъ все вокругъ себя. Воеры ненавидятъ пескокопа, потому-что онъ такъ подрываетъ землю, что лошади часто проваливаются и подвергаются опасности сломать себѣ ноги; даже люди, и тѣ часто ушибаются. Обыкновенно пескокопъ на-

Прыгающій мѣшконосъ. *Dipodomys philippii*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

брасываетъ свои кучи утромъ около 6-ти часовъ или ночью около 12 ч. Этимъ пользуются крестьяне для истребленія его. Они убираютъ прочь кучу, открываютъ одно изъ ея отверстій, кладутъ въ нее морковь или другой корень, прикрѣпляютъ его къ веревкѣ, которая тинетъ курокъ ружья, направленаго дуломъ къ дырѣ. Какъ только пескокопъ дернетъ за морковь, онъ разряжаетъ ружье и выстрѣломъ убиваетъ самого себя. Проводятъ также въ его нору воду, чтобы утопить его. Дальнѣйшее о немъ и объ его образѣ жизни, кажется, пока неизвѣстно.

* *

Можетъ быть къ кротообразнымъ мышамъ можно присоединить семейство **Мѣшетчатыхъ крысъ** (*Saccomyidae*. Taschenpoger), принадлежащее Сѣверной и Средней Америкѣ. Эта группа животныхъ состоитъ изъ грызуновъ, различныхъ по сложенію, частью изящныхъ и красивыхъ, частью безобразныхъ, мало извѣстныхъ по своему образу жизни, нравамъ и привычкамъ; отличаются они отъ всѣхъ остальныхъ грызуновъ тѣмъ, что обладаютъ защитными мѣшками, которые бываютъ раз-

личной длины и глубины и открываются наружу, а внутри покрыты короткими волосами. Одного этого признака достаточно, чтобы отличать виды, причисляющіеся къ этому отдѣлу, отъ всѣхъ родичей. Число зубовъ таково-же, какъ у бѣлки или у дикообраза и состоитъ, кромѣ рѣзцовъ, изъ 4-хъ коренныхъ зубовъ на каждой челюсти, съ корнями или безъ нихъ. На черепѣ, очертанія котораго вмѣстѣ со скуловой дугой кажутся почти четырехугольными, необыкновенно развиты височныя кости, и скуловые отростки спереди доходятъ до слезной кости; большая и малая берцовыя кости срослись; пятипалыя ноги вооружены когтями, притомъ на переднихъ ногахъ болѣе сильными, чѣмъ на заднихъ. Мѣхъ состоитъ изъ жесткихъ щетинообразныхъ волосъ ости безъ подшерстка.

Мѣшконосамы (Saccomyinae. Taschenmäuse) называютъ членовъ перваго подсемейства, со стройнымъ изящнымъ туловищемъ, удлинненными задними ногами, длиннымъ хвостомъ и острой мордочкой, а **Прыгающими мѣшконосамы** (Dipodomys. Taschenspringmäuse)—представителей самаго выдающагося рода. Послѣдніе по своему внѣшнему виду похожи на тушканчиковъ; голова ихъ велика, широка и плоска: уши закруглены, на всѣхъ ногахъ палецъ, обращенный внутрь, недоразвитъ, но вооруженъ когтемъ, хвостъ по длинѣ равенъ туловищу или еще больше и весь покрытъ волосами, образующими на концѣ его родъ кисточки; заднія ноги отличаются своей длиной. Коренные зубы безъ корней.

Между немногими, отличаемыми доселѣ видами этого рода, самый извѣстный—**Калифорнскій мѣшконосъ-прыгунъ** (*Dipodomys philippii*. Taschenspringer) Общая длина его приблизительно въ 30 см., изъ которыхъ 17 приходится на хвостъ; самка короче самца приблизительно на 2 см. Окраска напоминаетъ окраску тушканчиковъ, голова съ ушами, спина и заднія части бедеръ свѣтло-коричневыя, бока, животъ полоса, идущая по бедрамъ къ хвосту, и другая, тянущаяся отъ ушей внизъ къ плечамъ, наконецъ, кончикъ хвоста—бѣлые; на бокахъ живота бѣлый цвѣтъ переходитъ въ желтоватый.

Насколько извѣстно, отечествомъ этого красиво-окрашеннаго и рѣзваго звѣрка можно считать только Калифорнію. Онъ живетъ тамъ въ самыхъ песчаныхъ мѣстностяхъ со скудною растительностью въ мѣстахъ, носящихъ печать пустыни и скупо обсаженныхъ гигантскими, странной формы кактусами. Изъ краткаго описанія ихъ образа жизни, составленнаго Одюбономъ, видно, что по образу жизни и привычкамъ мѣшконосы-прыгуны во многомъ напоминаютъ тушканчиковъ. Только съ сумерками появляются они внѣ своей норы, попрыгиваютъ тогда непрерывно между камнями, не признавая и не боясь человека. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ прыгуны не замѣтно ни одного живого существа, кромѣ ящерицъ и змѣй, поэтому и можно съ полнымъ правомъ задать себѣ вопросъ: какая здѣсь возможность прокормиться млекопитающему животному? Весьма вѣроятно, что мѣшконосъ-прыгунъ также питается сѣменами, кореньями и травами и что онъ, подобно большинству тушканчиковъ, можетъ продолжительное время обходиться совершенно безъ воды или-же, что онъ довольствуется каплями росы, осаждающимися ночью на немногихъ растеніяхъ. Надъ размноженіемъ мѣшконосовъ-прыгуновъ и надъ ихъ жизнью въ неволѣ еще не имѣется наблюдений.

* * *

Между тѣмъ какъ прыгающіе мѣшконосы похожи на самыхъ красивыхъ грызуновъ, родственныя съ ними **Мѣшетчатая крысы** (*Geomys*ae. Taschenrat-

ten. Geomys) напоминаютъ собою самыя неуклюжіе виды отряда. Тѣло ихъ массивное и неповоротливое, голова очень большая, шея толстая, хвостъ короткій; короткія конечности имѣютъ пятипалую ступню, пальцы переднихъ конечностей снабжены весьма развитыми когтями; мѣхъ состоитъ изъ крѣпкихъ жесткихъ остей безъ подшерстка. Жевательный аппаратъ состоитъ изъ двадцати зубовъ: одного сильнаго рѣзца и четырехъ не имѣющихъ корней, продолговато-круглыхъ коренныхъ зубовъ съ простой поверхностью на каждой сторонѣ челюстей. Широкій и сильный черепъ, сиюснутый между глазами впадинами, имѣетъ большія скуловые дуги и весьма развитыя височныя кости; позвоночный столбъ состоитъ, кромѣ шейныхъ позвонковъ, изъ 12 позвонковъ съ ребрами, 7—безъ реберъ, 5 крестцовыхъ и 17 хвостовыхъ; берцовыя кости срослись.

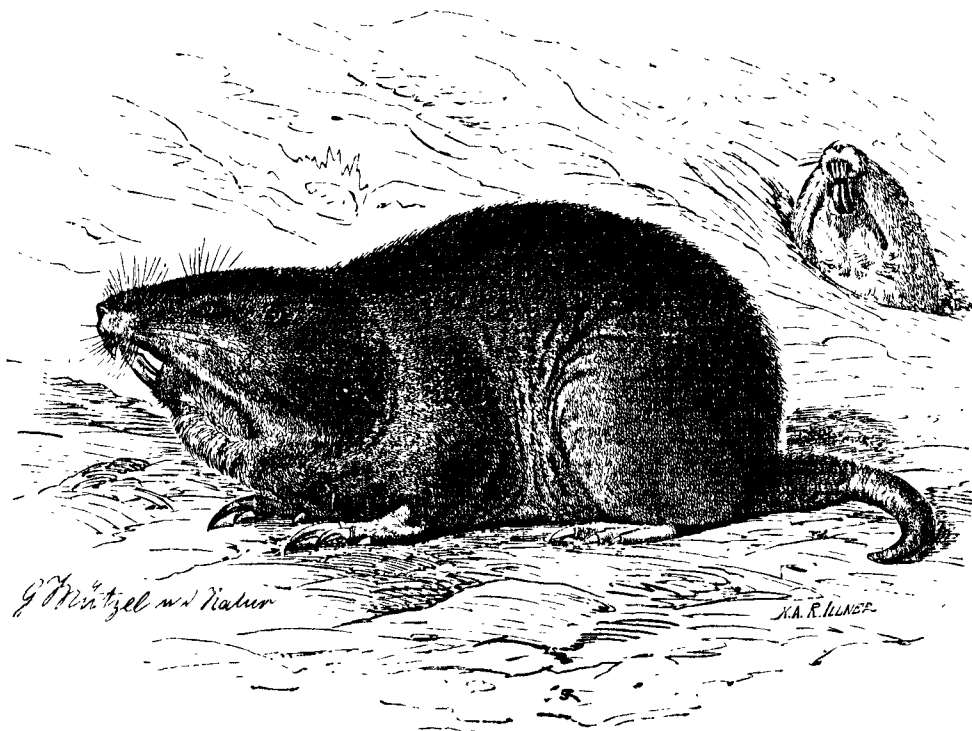
У мѣшетчатыхъ крысъ въ тѣсномъ смыслѣ (Geomys) рѣзца верхней челюсти имѣютъ посредніе бороздки, уши у нихъ укорочены. О многихъ видахъ, различаемыхъ въ послѣднее время, лучше всего можетъ дать намъ понятіе наиболѣе извѣстный видъ этого подсемейства.

Мѣшетчатая крыса или, какъ его называютъ туземцы, **Гофферъ**, (*Geomys bursarius*, *Mus*, *Cricetus*, *Saccophorus*, *Pseudostoma* и *Ascomys bursarius*, *Mus saccatus*, *Ascomys* и *Geomys canadensis*. *Taschenratte*. *Rat à poche*) ростомъ нѣсколько меньше нашего хомяка; длина его, вмѣстѣ съ хвостомъ въ 6,5 см., равняется 35 см.; по своей фигурѣ онъ занимаетъ среднее мѣсто между хомякомъ и кротомъ. Шерсть его необыкновенно густая, мягкая и тонкая. Волосы у корня сѣро-голубого цвѣта, а на концахъ краснаго на верхней половинѣ и желто-сѣраго цвѣта—на нижней половинѣ тѣла; хвостъ и покрытыя рѣдкими волосами лапы имѣютъ бѣлую окраску. Названіе гофферъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дается также и другимъ различнымъ грызунамъ.

Натуралисты, сообщившіе первыя свѣдѣнія о гофферѣ, получили его изъ рукъ индѣйцевъ, которые ради потѣхи набили оба защечныхъ мѣшка землею и вслѣдствіе этого такъ сильно ихъ растянули, что они тащились по землѣ, когда животное ходило. Искусственно растянутые мѣшки и послужили поводомъ къ названію этого животнаго, «Мѣшетчатая крыса». Занимающіеся приготовленіемъ чучель старались подражать шуткѣ индѣйцевъ, рисовальщики съ своей стороны строго придерживались полученныхъ ими образцовъ: этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить то, что и до настоящаго времени гоффера изображаютъ на рисункахъ истиннымъ страшилищемъ и вовсе не такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности.

Гофферъ распространенъ въ Сѣверной Америкѣ повсемѣстно къ востоку отъ Скалистыхъ горъ къ западу отъ Миссисипи и между 34° и 52° сѣверной широты. Онъ ведетъ подземную жизнь, совершенно какъ кротъ, роетъ многочисленные и далеко развѣтвленные ходы въ различныхъ направленіяхъ и выбрасываетъ такія-же кучи земли, какъ и нашъ кротъ. Иногда его подземная работа придаетъ поверхности видъ вспаханнаго поля; въ другое время, именно зимою, дѣятельность его едва замѣтна. Гофферъ выходитъ на поверхность земли только въ теплое время года; въ холодное-же время онъ, повидимому, засыпаетъ. Несмотря на то, что гофферъ извѣстенъ съ конца прошлаго столѣтія, болѣе точныя наблюденія надъ его образомъ жизни были сдѣланы основательными натуралистами только въ недавнее время, а именно Одюбонъ, Бахманъ и Геснеръ довольно подробно описали намъ его подземную жизнь. «Въ саду, въ которомъ мы замѣтили нѣсколько свѣжихъ холмикомъ», рассказываютъ первые изъ этихъ наблюдателей, «мы стали копать по слѣдамъ гоффера и такимъ образомъ обнажили много подземныхъ ходовъ въ самыхъ

разнообразныхъ направленіяхъ. Одинъ изъ главныхъ ходовъ шель приблизительно около 30 см. подъ землею, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ перекрещивался съ садовыми дорожками, шель еще глубже. Мы прослѣдили весь ходъ, который направлялся чрезъ широкую грядку и чрезъ двѣ дорожки къ другой грядкѣ, и нашли при этомъ, что многія изъ лучшихъ растений были уничтожены этими животными, такъ-какъ они ѣли ихъ корни, отгрызая ихъ у самой поверхности земли. Нора оканчивалась вблизи растений подъ розовымъ кустомъ. Затѣмъ мы прослѣдили другой главный ходъ, который тянулся до корня большого буковаго дерева: здѣсь животное обглодало всю кору. Продолжая изслѣдовать далѣе, мы нашли этихъ норъ очень много, и нѣкоторыя изъ нихъ оказывались внѣ сада, въ полѣ и въ ближайшемъ лѣсу, гдѣ мы

Гоферъ. *Geomys bursarius*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

уже не могли продолжать нашихъ розысковъ. Кучи земли, выбрасываемой этими животными, достигаютъ высоты почти 30—40 см. и расположены совершенно неправильно, то на близкомъ, то на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Обыкновенно норы имѣютъ недалеко отъ поверхности отверстіе, хорошо прикрытое травой или другими растеніями».

Старые ходы притоптаны съ внутренней стороны, а новые—нѣтъ. Въ разныхъ мѣстахъ отъ главныхъ ходовъ идутъ боковые. Гнѣздо, въ которомъ живетъ животное, устраивается подъ древесными корнями на глубинѣ около 1,5 метра; ходъ въ него спускается винтообразно. Гнѣздо это просторно, выстлано мягкой травой, напоминаетъ нѣсколько гнѣздо бѣлки и служитъ животному для отдыха и сна. Гнѣздо, въ которомъ самка въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля мечетъ 5—7 дѣтенышей, похоже на обыкновенное логовище, съ тою лишь разницею, что кромѣ травы выстлано еще волосами матери. Подобно гнѣзду крота оно окру-

жено вѣтвистыми ходами. Геснеръ нашелъ, что изъ гнѣзда ходъ ведетъ въ большую нору, служащую кладовой. Она наполнена кореньями, земляными плодами (картофелемъ), орѣхами и различными сѣмями. Въ утренніе часы, отъ 4—10, гофферъ всего усерднѣе работаетъ надъ расширеніемъ и устройствомъ своего жилища, безъ сомнѣнія, съ цѣлю добыть пищу. Если мѣсто богато пищею то въ означенный промежутокъ времени гофферъ вырываетъ 3—5 ходовъ и 2—5 кучъ; въ противномъ-же случаѣ онъ разрываетъ большія пространства и работаетъ дольше. Временами онъ прерываетъ работу на цѣлыя недѣли и, повидимому, поѣдаетъ въ это время собранный запасъ. При выбрасываніи земли, что онъ дѣлаетъ совершенно такъ же, какъ и кротъ, онъ высовываетъ тѣло какъ можно меньше наружу и тотчасъ-же прячется опять въ свою безопасную нору. На поверхность земли онъ выходитъ для того, чтобы собрать сухіе листья для своего жилища или гнѣзда, а, по мнѣнію Одюбона, чтобы погрѣться на солнцѣ. Его прекрасное обоняніе и удивительный слухъ ограждаютъ его отъ всякихъ угрожающихъ нечаянностей; при предполагаемой опасности онъ тотчасъ-же бросается во-свои, даже и тогда, когда ему для спасенія приходится прорывать новые ходы.

По землѣ гофферъ бѣгаетъ съ трудомъ, переваливаясь, никогда не прыгаетъ и ходитъ часто съ подвернутыми когтями переднихъ лапъ, волоча хвостъ по землѣ. Онъ можетъ одинаково скоро бѣгать задомъ и передомъ, но подвигается не скорѣе обыкновенной походки человека. Въ своей норѣ онъ движется съ такою-же быстротою, какъ и кротъ. Онъ кажется совершенно безпомощнымъ, если положить его на спину; нужна, по крайней мѣрѣ, минута, чтобы ему удалось съ трудомъ и работая ногами стать въ надлежащее положеніе. При ѣдѣ онъ часто садится на заднія лапы, а передними держитъ пищу, какъ бѣлки. Во время сна онъ свертывается клубкомъ и прячетъ голову на груди между передними лапами. Во время странствованій за пищею онъ наполняетъ свои огромные защечные мѣшки при помощи языка и опоражниваетъ ихъ при помощи переднихъ лапъ. Эти защечные мѣшки, какъ и у другихъ грызуновъ, по мѣрѣ ихъ наполненія, выдаются все болѣе и болѣе въ видѣ овальныхъ шишекъ, но никогда не висятъ въ видѣ мѣшковъ по обѣимъ сторонамъ морды и потому несколько не затрудняютъ движеній животнаго. Собранный запасъ пищи гофферъ сноситъ въ свою кладовую чрезъ отвѣсный ходъ, отверстие котораго потомъ задѣлывается. Совершенно невѣрнымъ оказался рассказъ, будто гофферъ выноситъ изъ своего жилища выкопанную землю въ своихъ защечныхъ мѣшкахъ. Поводомъ къ подобной выдумкѣ послужила шутка индѣйца, который въ первый разъ принесъ натуралисту гоффера съ набитыми землею мѣшками.

Вредъ, причиняемый гофферомъ, можетъ быть очень значительнымъ. Въ нѣсколько дней онъ можетъ уничтожить сотни полезныхъ растений, обнажая ихъ корни, и опустошаетъ поля въ своихъ поискахъ за клубнями растений. Вотъ почему человекъ является опаснѣйшимъ врагомъ гоффера, который кромѣ того много терпитъ отъ наводненій и отъ змѣй. Ему ставятъ всевозможныя ловушки, особенно маленькіе калканы. Обыкновенно попавшій въ ловушку или калканъ, онъ всѣми силами старается освободиться, что ему нерѣдко удается, къ великой досадѣ охотника и иногда съ потерею защемленной ноги. Противъ нападающаго врага гофферъ защищается яростно зубами.

Одюбонъ держалъ у себя по нѣсколько недѣль многихъ гофферовъ и кормилъ ихъ клубнями растений. Они оказались изумительно прожорливыми, но ничего не пили, хотя имъ давали не только воду, но и молоко. Единственной и постоянной заботой ихъ была мысль объ освобожденіи, и они старались прогрызть ящики и двери. Разное платье и всякаго рода тряпки они изгрызали и сносили въ кучу,

чтобы сдѣлать себѣ изъ нихъ постель. Не было отъ нихъ пощадъ и вещамъ изъ кожи. Разъ одинъ изъ плѣнниковъ Одиубона забрался въ его сапогъ и не умѣя повернуть назадъ, прогрызъ носокъ. Постоянная страсть грызть и производимый при этомъ шумъ сдѣлали наконецъ гофферовъ невыносимыми даже и для этого самоотверженнаго изслѣдователя.

Иглистый покровъ гораздо больше чѣмъ у другихъ млекопитающихъ вооруженныхъ иглами, развитъ въ семействѣ **Дикообразовыхъ** (Hystrichidae), заключаемъ въ себѣ многіе весьма замѣчательные виды; вся эта группа носить названіе, данное наиболѣе извѣстному виду; что касается внѣшнихъ признаковъ членовъ этого семейства, то нѣтъ надобности вдаваться въ подробное описаніе ихъ. Иглистый покровъ, какъ-бы различно онъ ни былъ образованъ, составляетъ принадлежность всѣхъ вообще животныхъ этой группы. Туловище ихъ сжато, шея короткая, голова вѣлстая, морда короткая, тупая съ раздвоенной верхней губой, хвостъ короткій или очень длинный, а у одной породы цѣпкій, ноги почти одинаковой длины, лапы четырехъ или пяти-палыя съ широкими ступнями; пальцы вооружены сильно изогнутыми когтями, уши и глаза маленькіе. Отличающіеся длиной и твердостью иглы стоятъ рядами между рѣдкимъ подшерсткомъ или, напротивъ, между длинными волосами, которыхъ бываетъ такъ много, что они совершенно закрываютъ иглы. Замѣчательно, что иглы отличаются довольно яркой окраской. Рѣзцы на передней сторонѣ гладкіе или съ бороздками, четыре коренныхъ зуба въ каждомъ ряду съ корнями или безъ корней, почти одинаковой величины и со складками зубной эмали. Въ позвоночномъ столбѣ, кромѣ шейныхъ позвонковъ, 12 или 13 позвонковъ съ ребрами, 5 поясничныхъ, 3 или 4 крестцовыхъ и отъ 12 — 13 хвостовыхъ.

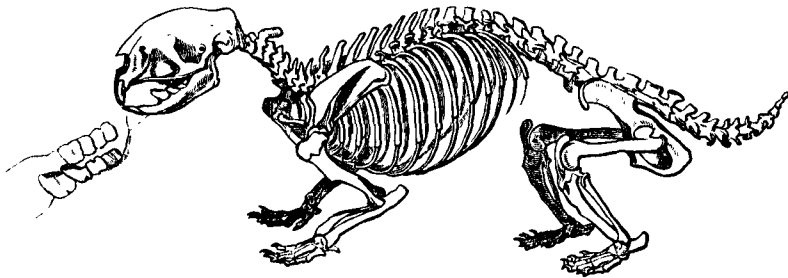
Всѣ дикообразовыя водятся въ умѣренныхъ и жаркихъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта. Въ первомъ встрѣчаются роющія, а во второмъ лазающія породы. Породы Стараго Свѣта живутъ на землѣ, породы Новаго проводятъ жизнь на деревьяхъ. Соответственно этому первыя живутъ въ рѣдкихъ лѣсахъ и степяхъ, днемъ скрываются въ вырытыхъ ими ходахъ и норахъ; вторыя-же живутъ въ большихъ лѣсахъ и проводятъ время, свернувшись на вершинѣ дерева или въ дуплѣ. Будучи необщительны, они, однакожь, соединяются въ небольшія общества только на время течки и тогда проводятъ вмѣстѣ нѣсколько дней, въ остальное-же время каждая особь живетъ отдѣльно, сама по себѣ. Движенія ихъ медленны, размѣрены, лѣнны; въ особенности лазающія породы обладаютъ въ высшей степени труднымъ искусствомъ оставаться неподвижными на одномъ и томъ-же мѣстѣ по цѣлымъ часамъ и днямъ. Однако, было-бы ошибкою утверждать, что дикообразовыя неспособны къ болѣе быстрымъ и ловкимъ движеніямъ. Съ наступленіемъ ночи эти животные обыкновенно дѣлаются бодрѣе, тогда одни изъ нихъ весьма быстро бѣгаютъ по землѣ въ припрыжку, другія довольно ловко лазаютъ по вѣтвямъ вверхъ и внизъ, хотя, конечно, не такъ проворно, какъ бѣлки. Живущія на землѣ мастерски умѣютъ рыть землю и устранять всякія трудности, представляемыя имъ твердою почвой. Изъ внѣшнихъ чувствъ у всѣхъ безъ исключенія лучше всего развито обоняніе, зрѣніе-же и слухъ, напротивъ, у всѣхъ слабы. Умственные способности ихъ стоятъ на низкой ступени. Они глухи, безпамятны, мало изобрѣтательны, злы, сердиты, трусливы и пугливы, хотя при угрожающей опасности стараются испугать врага, топорща свои иглы, а, нѣкоторыя шуршатъ особеннымъ образомъ хвостовыми иглами. Съ другими животными дружатся они такъ-же мало, какъ и между собою; изъ-за любого кусочка, даже между самкой и самцомъ, можетъ возникнуть сильная ссора. Никогда не случается

видѣть, чтобы два дикообраза играли другъ съ другомъ или обращались дружески. Каждый живетъ самъ по себѣ, ни мало не заботясь о другихъ и развѣ только двухъ спящихъ дикообразовыхъ можно встрѣтить лежащихъ рядомъ.

Они никогда не дружатся съ человѣкомъ, который содержитъ ихъ въ неволѣ и заботится о нихъ, не научаются даже отличать своего сторожа отъ другихъ лицъ. Голосъ ихъ состоитъ изъ хрюкающихъ глухихъ звуковъ, сопѣнья, тихихъ стонувъ и не поддающагося описанію визга, который, вѣроятно, и послужилъ поводомъ къ тому, что всѣмъ имъ дано неподходящее названіе «свиной» (Stachelschwein. Porcéric).

Пищею дикообразовыхъ служатъ всевозможныя части растенія, отъ корня до плодовъ. Подобно другимъ грызунамъ они подносятъ пищу ко рту передними лапами или прижимаютъ ее ими къ землѣ, пока ѣдятъ. Повидимому, они могутъ обходиться долгое время безъ воды; вѣроятно, имъ достаточно росы на съѣдаемыхъ ими листьяхъ.

О размноженіи ихъ собраны наблюденія только въ недавнее время. Дѣте-

Скелеть и зубы дикообраза.

ныши, число которыхъ колеблется между 1—4, рождаются приблизительно послѣ 7—9 недѣль беременности.

Для человѣка дикообразовыя почти не имѣютъ никакого значенія. Впрочемъ, живущія на землѣ породы надобѣдаютъ тѣмъ, что роютъ свои норы въ поляхъ и садахъ, но за-то онѣ приносятъ пользу своимъ мясомъ и красиво разрисованными гладкими иглами, употребляющимися для различныхъ цѣлей. Лазящія породы приносятъ вредъ, опустошая деревья, а пользы никакой. Породы, живущія между тропиками въ странахъ изобилующихъ, растительностью, не приносятъ ни вреда, ни пользы.

* * *

Подсемейство **Земныхъ дикообразовъ** (Hystriichinae) обнимаетъ виды, живущіе на землѣ. Они отличаются отъ остальныхъ болѣе длинными и болѣе крѣпкими иглами и сильными когтями, приспособленными для рытья, а также и коренными зубами, корни которыхъ образуются лишь впоследствии и остаются затѣмъ нераздѣленными и сидятъ въ глубокихъ зубныхъ ячейкахъ. Различные виды ихъ живутъ въ болѣе теплыхъ странахъ Стараго Свѣта.

Собственно **Дикообразы** (Hystrix) легко отличаются своимъ короткимъ, сплюснутымъ туловищемъ, толстою головою съ тупой мордой на толстой шеѣ, короткимъ хвостомъ, усаженнымъ полыми иглами, похожими на стволъ пера, относительно высокими ногами, пятипалыми лапами переднихъ конечностей и вообще развитымъ иглистымъ покровомъ. Кромѣ того характерны у нихъ маленькія закругленные уши, широкая верхняя губа и ноздри, имѣющія видъ щелей. Иглистый по-

кровь одѣваетъ главнымъ образомъ двѣ послѣднія трети или заднюю половину тѣла, между тѣмъ какъ передняя часть покрыта волосами или щетиной въ видѣ гривы. Иглы имѣютъ значительную величину; но въ подробномъ описаніи ихъ нѣтъ надобности, такъ-какъ онѣ имѣютъ столь различное употребленіе, что, конечно, большая часть моихъ читателей хорошо знакома съ ними по собственнымъ наблюденіямъ.

Дикообразъ (*Hystrix cristata*. Stachelschwein. Porc-Epic) больше нашего барсука, но туловище у него не длиннѣе; вслѣдствіе своего иглистаго покрова оно кажется толще и объемистѣе, чѣмъ каково въ дѣйствительности. Длина его достигаетъ 65 см., длина хвоста 11 см., а высота въ плечахъ 24 см.; вѣсъ его колеблется между 15—12 килогр. Только на короткой, тупой мордѣ и носу находятся волосы; толстая верхняя губа покрыта многими рядами блестящихъ черныхъ усовъ, и такія-же щетины находятся на наростахъ надъ глазами и за ними. На шеѣ поднимается грива, которая состоитъ изъ твердыхъ, обращенныхъ къзадѣ, очень длинныхъ, изогнутыхъ щетинокъ, которыя животное можетъ по произволу подымать и опускать. Щетины эти весьма длинныя, тонкія и гибкія, частью бѣлаго, частью сѣраго цвѣта, большею частью съ бѣлыми кончиками. Остальная верхняя часть тѣла покрыта близко другъ къ другу сидящими то длинными, то короткими, гладкими и заостренными иглами, между которыми разбросаны всюду щетинистые волоса: иглы эти темно-коричневаго и бѣлаго цвѣта, некрѣпко держатся въ кожѣ, а потому легко выпадаютъ. По бокамъ туловища, на плечахъ и на крестцѣ иглы короче и тупѣе, чѣмъ на серединѣ спины, и съ заостренными кончиками. Тонкія и гибкія иглы достигаютъ длины 40 см., короткія и жесткія бываютъ только 15—30 см. длины, толщина-же ихъ 0,5 см. Внутри всѣ онѣ полны или наполнены губчатой массой, корень и кончики ихъ большею частью бѣлаго цвѣта. Короткія иглы темно-коричневаго цвѣта и кольчатые, но и у нихъ также корень и кончики большею частью бѣлаго цвѣта. На концѣ хвоста находятся совершенно иначе образованныя иглы, почти 5 см. длины и 7 мм. толщины. Онѣ состоятъ изъ усѣченныхъ, тонкостѣнныхъ трубокъ съ открытымъ концомъ и похожи на открытый стволъ пера; корни ихъ, напротивъ, длинны, тонки и гибки. При помощи большого, сильнаго мускула, который находится подъ кожей животнаго и способенъ быстро сокращаться, всѣ иглы могутъ по произволу подыматься и опускаться. Нижняя сторона тѣла покрыта темно-бурыми волосами съ рыжеватыми заостренными кончиками; вокругъ шеи тянется бѣлая полоса. Когти черно-рогового цвѣта, глаза черные. Водящіеся въ Европѣ дикообразы, по всей вѣроятности, происходятъ изъ сѣверной Африки и привезены сюда впервые римлянами. Въ настоящее время животное встрѣчается вдоль береговъ Средиземнаго моря, въ Алжирѣ, Триполиѣ, Тунисѣ до Сенегамбіи и Судана. Въ Европѣ оно водится въ большомъ числѣ въ Кампаньѣ около Рима, въ Сициліи, Калабріи и Греціи. Въ Нижнемъ Египтѣ, гдѣ-бы дикообразъ долженъ былъ, по видимому, водиться, мнѣ не случилось напасть на его слѣды.

Уже древніе хорошо знали дикообраза, но ихъ естественноисторическія свѣдѣнія затемнены баснями. Аристотель сообщаетъ, будто дикообразъ предается зимней спячкѣ, Плиніи прибавляетъ, что онъ можетъ свои иглы бросать впередъ при помощи напряженія кожи, а Оппіанъ рассказываетъ слѣдующее: «Дикообразы имѣютъ страшный видъ и принадлежатъ къ числу самыхъ опасныхъ животныхъ. Когда ихъ преслѣдуютъ, они убѣгаютъ съ быстротою вѣтра, но, продолжая бороться, они стрѣляютъ своими смертоносными иглами во врага позади себя. Охотникъ не осмѣливается преслѣдовать ихъ съ собакой, но, чтобы поймать ихъ, долженъ упо-

требить хитрость.» Наконецъ, Клаудианъ посвящаетъ ему стихотвореніе, въ которомъ онъ собралъ все ему извѣстное о животномъ.

Дикообразъ живетъ уединенно. Днемъ онъ отдыхаетъ въ длинныхъ низкихъ ходахъ, которые самъ себѣ вырываетъ въ землѣ; ночью онъ выходитъ и рыскаетъ за пищей. Она состоитъ изъ растений всякаго рода, чертополоха и другихъ травъ, корней и плодовъ, коры различныхъ деревьевъ и разнаго рода листьевъ. Дикообразъ откусываетъ растеніе, схватываетъ его передними зубами и крѣпко держитъ его передними лапами, пока ѣстъ. Всѣ движенія его медленны и неуклюжи; походка лѣнива, осторожна, бѣгъ не скоръ. Это неуклюжее животное обнаруживаетъ, однако-жь, нѣкоторую ловкость при рытьѣ, но роетъ не настолько, впрочемъ, быстро, чтобы спастись отъ ловкаго, проворнаго врага. Зимой оно остается долѣе, чѣмъ обыкновенно въ норѣ и спитъ тамъ по цѣлымъ днямъ, но настоящей зимней спячкѣ оно не подвержено.

Если неожиданно захватить дикообраза внѣ его норы, то онъ грозно выпрямляетъ голову и затылокъ, топорщитъ всѣ иглы и гремитъ ими особеннымъ образомъ, въ особенности-же полыми иглами хвоста, которыми онъ, сотрясая хвостомъ, такъ ударяетъ другъ о друга, что происходитъ при этомъ очень странный шумъ, дѣйствительно способный напугать неопытнаго и нѣсколько трусливаго человѣка. При сильномъ раздраженіи онъ ударяетъ задними ногами о землю, а если схватить его, то издаетъ глухое, подобно свиньѣ, хрюканье. При этомъ движеніи иглами нѣкоторыя изъ нихъ выпадаютъ, что и послужило поводомъ къ извѣстной сказкѣ о стрельбѣ иглами. Несмотря на страшное бряцаніе иглами, животное представляетъ собою совершенно безпомощное, безобидное созданіе, которое легко пугается, каждому уступаетъ дорогу и почти не думаетъ о томъ, чтобы пустить въ дѣло свои острые зубы. Равнымъ образомъ и иглы служатъ болѣе средствами защиты, чѣмъ орудіемъ для нападенія. Кто приближается къ нему неосмотрительно, конечно, можетъ быть раненъ: ловкій охотникъ схватываетъ животное за гриву и легко уноситъ его. Правда, когда приближаешься къ дикообразу, онъ загибаетъ голову назадъ, поднимаетъ на спинѣ иглы, и бѣжитъ нѣсколько шаговъ къ противнику; но палкой можно отстранить иглы, и достаточно большого платка, чтобы обезоружить животное. Въ случаѣ крайней нужды бѣдное животное свертывается, какъ ежъ, и тогда, конечно, довольно трудно взять его. Вообще-же можно сказать, что, хотя оно и кажется такъ страшно вооруженнымъ, но всякій ловкій врагъ можетъ совладать съ нимъ, причемъ, однакожь, дикообразъ старается, по мѣрѣ силъ, защищаться, а иногда и довольно больно ранить своего противника. Стерндаль рассказываетъ объ одномъ индійскомъ дикообразѣ (*Hystrix leucura*), похожемъ на описаннаго здѣсь, что ему пришлось видѣть его съ успѣхомъ защищающимся противъ собакъ. Онъ встрѣтилъ многихъ туземцевъ, ревностно занятыхъ раскапываньемъ сверху норы дикообраза, между тѣмъ какъ двѣ собаки стерегли его у выхода. Когда они докопались до жилища, дикообразъ быстро выскочилъ и, гремя иглами, въ крайнемъ раздраженіи бросился между собаками. При этомъ онъ такъ быстро и ловко поворачивалъ свои растопыренными иглами, и впередъ, и въ сторону, что оба противника съ лаемъ отступили, и одинъ изъ охотниковъ ударомъ топора по головѣ разъяреннаго животного долженъ былъ положить конецъ столь смѣлой, но для собакъ вовсе не безопасной борьбѣ. Одной изъ нихъ игла глубоко воткнулась въ верхнюю часть шеи, у другой въ нижнюю челюсть и морду подлѣ глаза: эта послѣдняя такъ глубоко засѣла въ ранѣ, что потребовалось большое напряженіе, чтобы освободить отъ нея воющую собаку.

Умственные способности нашего дикообраза такъ-же ограничены, какъ и у

ДИКООБРАЗЪ.

17

родственныхъ ему животныхъ; о разсудительности его едва-ли можетъ быть и рѣчи. Хотя и нельзя совершенно отвергать у него нѣкоторой понятливости. Изъ внѣшнихъ чувствъ наиболѣе развито обоняніе; зрѣніе-же и слухъ слабы.

Время спариванія измѣняется соотвѣтственно съ различными климатами мѣсто-жительства. Можно признать, что оно повсюду совпадаетъ съ началомъ весны: въ сѣверной Африкѣ происходитъ въ январѣ, въ южной Европѣ—въ апрѣлѣ. Въ это время самцы отыскиваютъ своихъ самокъ и живутъ вмѣстѣ съ ними нѣсколько дней. Спустя 60—70 дней послѣ спариванія, самка въ своей норѣ, устланной мягко листьями, корнями и травами, мечетъ 2—4 дѣтенышей. Дѣтеныши эти рождаются съ открытыми глазами, съ короткими, мягкими, плотно прилегающими къ тѣлу иглами: иглы эти очень скоро твердѣютъ и растутъ чрезвычайно быстро, хотя полной своей длины достигаютъ онѣ только въ зрѣломъ возрастѣ. Какъ только дѣтеныши становятся способными сами добывать себѣ пищу, мать покидаетъ ихъ.

Равнымъ образомъ и содержимые въ неволѣ дикообразы нерѣдко плодятся; такъ какъ самъ я не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ наблюденій, то и позволю себѣ привести сообщенія другихъ. «Постоянно увеличивавшійся объемъ самки нашей пары», пишетъ мнѣ Бодинусъ, «возбудилъ во мнѣ надежду на приплодъ, и дѣйствительно, однажды, къ великой моей радости, я нашелъ въ клѣткѣ юное, только-что появившееся на свѣтъ животное. По величинѣ своей оно походило на большого крота, было покрыто рѣдкими, очень короткими иглами и ползало съ нѣкоторымъ трудомъ по клѣткѣ, влажное и прикрѣпленное еще къ пуповинѣ. Моя забота о томъ, чтобы отецъ какъ-нибудь не повредилъ новорожденному, оказалась напрасной: онъ, хотя и съ любопытствомъ смотрѣлъ на юное созданіе, но нисколько о немъ не заботился; между тѣмъ какъ мать прежде всего занялась уничтоженіемъ послѣда и пуповины. Я не мѣшалъ ей наслаждаться этой отвратительной пищей и думалъ, что она въ этомъ слѣдуетъ, конечно, своему материнскому инстинкту, и такимъ образомъ она пожрала весь послѣдъ и пуповину, оставивши лишь кусокъ, длиною до 1,5 см. Покончивъ съ этимъ, она затѣмъ начала лизать своего дѣтеныша, который тотчасъ же сталъ искать сосцы. Какъ извѣстно, эти послѣдніе находятся спереди, подъ лопатками; окружающія ихъ иглы ни мало не служили препятствіемъ для сосанія. Дѣтенышъ, выросшій уже больше половины величины своихъ родителей, все еще продолжалъ сосать, между тѣмъ какъ родители его уже снова спарились. И въ данномъ случаѣ иглы не служили препятствіемъ: самка откидывала вверхъ хвостъ съ половыми органами, такъ что иглы хвоста прилегали почти совершенно къ спинѣ, и такимъ образомъ становилось возможнымъ совокушеніе.»

По словамъ Мютцеля, который внимательно наблюдалъ изображенную имъ на рисункѣ семью дикообразовъ, «самка является замѣчательною матерью, потому что она не только питаетъ, но также и защищаетъ своихъ дѣтей по мѣрѣ своихъ силъ. Какъ только приближаются къ ней, она тотчасъ-же гонитъ своихъ дѣтенышей въ заднюю часть клѣтки, становится поперекъ передъ ними и, не спуская нѣкоторое время глазъ съ зрителя, ходитъ взадъ и впередъ, выступая бокомъ, какъ морской ракъ, ощетинивъ гриву и иглы, фыркая, потрясая хвостомъ, ударяя задними ногами и стараясь прогнать нарушителя ея спокойствія. Если вести себя спокойно, то возбужденіе мало-по-малу прекращается: иглы принимаютъ спокойное положеніе, животное перестаетъ бряцать ими и топтать ногами и, повидимому, забываетъ всякій страхъ и заботу; но стоитъ только сдѣлать какое-либо движеніе, и прежнія проявленія волненія начинаются снова. По вотъ сторожъ приноситъ пищу, хлѣбъ или рѣпу. Она схватываетъ зубами кусокъ хлѣба, несетъ его къ своимъ дѣтенышамъ, которые, глупо выпучивъ глаза въ пространство, смотрѣли на происходившее

предъ ними, и во время бѣгства своего въ заднюю часть клѣтки пытались, съ своей стороны, оцетинить свои иглы; мать клала передъ ними принесенный кусокъ хлѣба на полъ и крѣпко придерживала его своими передними лапами. Дѣтеныши не заставляли себя просить и тотчасъ-же принимались за ѣду; одинъ изъ нихъ, переставъ ѣсть и почувствовавъ потребность въ материнскомъ молокѣ, приблизился къ сосцамъ, имѣющимъ форму горошинки, и сталъ сосать энергично; сосцы окружены длинными около 2 см., лучеобразно прилегающими къ тѣлу иглами желто-коричневаго и чернаго цвѣта. Заботливая мать все еще продолжала недовѣрчиво относиться къ зрителю и обнаруживала это тѣмъ или другимъ изъ вышеуказанныхъ движеній; но наконецъ она пришла къ убѣжденію, что никакой опасности не угрожаетъ ей потомству, и тогда подвела ихъ къ передней части клѣтки. По бокамъ покрытой иглами матери висѣло по одному изъ дѣтенышей, покрытыхъ короткими иглами; дѣтеныши эти не выпускали схваченныхъ ими сосцовъ, предаваясь наслажденію сосанія всей душою, и только мать обнаруживала нѣкоторое безпокойство. Наконецъ дѣтеныши отстали и проявили робкія попытки завязать съ своей стороны знакомство съ постороннимъ зрителемъ; испуганные какимъ-либо его движеніемъ, быстро спѣшили они спрятаться въ глубинѣ клѣтки, предостерегаемые своеобразными движеніями головы, согнѣиемъ и сотрясеніемъ иглъ матери. Избѣжавъ воображаемой опасности, они укладывались на устланной соломою постели, между тѣмъ какъ мать, все еще продолжая шумѣть, согнѣть и топтать ногами, прикрывала ихъ своимъ собственнымъ тѣломъ и долгое еще время обнаруживала болѣе сильное недовѣріе, чѣмъ прежде.»

Собственно нельзя сказать, чтобы дикообразъ причинялъ человѣку вредъ, потому что онъ нигдѣ не встрѣчается въ большомъ количествѣ, и онустошеніямъ, которыя онъ иногда производитъ въ расположенныхъ недалеко отъ его норы садахъ, едва-ли слѣдуетъ придавать большое значеніе. Тамъ, гдѣ онъ живетъ, онъ держится въ пустынныхъ мѣстностяхъ и поэтому рѣдко надоедаетъ. Тѣмъ не менѣе, его усердно преслѣдуютъ. Иглы его получаютъ разнообразное примѣненіе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пользуются также и мясомъ. Целовкаго звѣря ловятъ или въ западни, которыя ставятъ передъ его норой, или съ помощью обученныхъ собакъ, которыя схватываютъ его во время ночныхъ его странствованій, и затѣмъ охотники берутъ его просто съ земли или предварительно убиваютъ его ударомъ по носу. Въ римской Кампаньѣ охота за дикообразомъ считается особеннымъ удовольствіемъ; и дѣйствительно, она устраивается тамъ такъ, что представляетъ много страннаго и привлекательнаго. Дикообразъ охотнѣе всего устраиваетъ свои норы въ глубокихъ рвахъ, которыми прорѣзана Кампанья и, выходя ночью, рѣдко удаляется отъ нихъ на далекое разстояніе. На охоту выходятъ темною ночью съ хорошо выдрессированными собаками, наводятъ ихъ на слѣдъ звѣря и заставляютъ ихъ искать. Громкій, сердитый лай даетъ знать, что собаки отыскали дикообраза и указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на мѣсто, гдѣ происходитъ между ними борьба—если только въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь о борьбѣ. Тогда всѣ охотники зажигаютъ заранее приготовленные факелы и приближаются такимъ образомъ къ означенному мѣсту. Какъ только собаки замѣчаютъ приближеніе своихъ господъ, онѣ громко визжать отъ радости и съ бѣшенствомъ бросаются на свою добычу. Дикообразъ, съ своей стороны, пытается, конечно, прогнать ихъ, бренчить на всѣ лады своими иглами, хрюкаетъ и ворчитъ и старается всячески защититься своими растопыренными во всѣ стороны иглами. Наконецъ охотники окружаютъ дикообраза и его преслѣдователей, и при яркомъ свѣтѣ факеловъ имъ, конечно, легко завладѣть звѣремъ, какъ было описано выше, и убить его или принести живымъ домой.

Итальянцы ходятъ съ прирученными животными изъ деревни въ деревню

подобно савоярамъ съ сурками, и показываютъ тамъ странное созданіе за деньги. Даже при не очень тщательномъ уходѣ содержать дикообраза въ неволѣ можно въ теченіи 8—10 лѣтъ. Можно даже привести примѣръ, что онъ прожилъ въ неволѣ 18 лѣтъ. Если обращаться съ нимъ хорошо, то его легко приручить. Пойманные молодыми дикообразы научаются узнавать своего хозяина и слѣдуютъ за нимъ какъ собака. Прирожденныя животному боязливость и робость никогда, однако, не оставляютъ его, и часто по поводу самыхъ безвредныхъ вещей оно обнаруживаетъ страхъ и ужасъ и брэнчить изо всѣхъ силъ своимъ панциремъ. Дурного обращенія оно не выноситъ и вообще легко впадаетъ въ гнѣвъ. Гаакъ сообщаетъ слѣдующее объ убійствѣ, совершенномъ въ Франкфуртскомъ зоологическомъ саду разъяреннымъ дикообразомъ: «Наши дикообразы давно уже свыклись и жили дружелюбно, какъ однажды сторожъ довелъ до моего свѣдѣнія, что самецъ яростно преслѣдуетъ самку и пытается ее укусить. Хотя самка получила уже нѣсколько ранъ, потеряла много иглъ, и не осмѣливалась находиться по близости самца, я все-таки оставилъ ихъ вмѣстѣ, такъ какъ думалъ, что у самки время течки, но что она показываетъ себя только равнодушною и этимъ возбуждаетъ гнѣвъ самца, и надѣялся, что со временемъ гнѣвъ этотъ пройдетъ. Но моя надежда оказалась тщетною. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней самка оказалась съ такими большими ранами, что можно было опасаться, какъ-бы не вывалились внутренности; тогда я велѣлъ отдѣлить ее отъ разъяреннаго самца, а на слѣдующій день она околѣла. Но была-ли ярость самца дѣйствительно вызвана неудовлетвореннымъ половымъ инстинктомъ, этого я не могу утверждать».

Пищу дикообраза въ неволѣ составляютъ морковь, картофель, салатъ, капуста и другія растенія; но охотнѣе всего онъ ѣстъ плоды. Онъ можетъ совершенно обходиться безъ воды, если даютъ ему ѣсть сочные плоды или листья; при сухой пищѣ онъ пьетъ, хотя и не часто. Нельзя утверждать, чтобы животное это было приятнымъ товарищемъ для человѣка. Въ комнатѣ его едва-ли можно держать. Дикообразъ бѣгаетъ безъ толку кругомъ и наноситъ раны своими иглами, грызетъ ножки стола, двери и другія деревянныя вещи и вообще оказывается надоедливымъ сожителемъ. Лучше всего держать животное въ назначенномъ для него каменномъ хлѣвѣ, какъ это и дѣлается теперь въ зоологическихъ садахъ. Здѣсь выстраиваютъ для него искусственную скалистую пещеру и передъ ней оставляютъ вымощенное пространство, окруженное рѣшеткой. Обыкновенную клетку дикообразъ прогрызетъ очень скоро, даже если она и обложена внутри жестию, потому что зубы его настолько сильны, что онъ можетъ перегрызть ими даже толстую проволоку. Днемъ онъ спитъ внутри своей норы, вечеромъ же выходитъ, ворчитъ и брэнчитъ иглами, требуя пищи. Онъ скоро привыкаетъ ѣсть изъ рукъ посѣтителей и поэтому привлекаетъ къ себѣ очень многихъ, которые охотно имъ занимаютъ. При этомъ можно наблюдать, что онъ вовсе не такъ неуклюжъ и неловокъ, какъ кажется. Онъ мило беретъ передними лапами всякую пищу и умѣетъ развернуть и отыскать ее, если она завернута во что-нибудь. ловко щелкаетъ орѣхи, осторожно беретъ кусочекъ сахара и т. п.

Въ прежнее время въ медицинѣ игралъ важную роль безоаровый камень, полученный отъ дикообраза. Его считали вѣрнымъ средствомъ противъ различныхъ упорныхъ болѣзней и платили за него по 100 кроунъ, вълѣдствіе его рѣдкости. Эти камни, извѣстные подъ именемъ «Piedra del Porco», были привозимы изъ Ост-Индіи, гдѣ добывали ихъ отъ живущихъ тамъ дикообразовъ; камни эти были жирны на ощупь и имѣли чрезвычайно горькій вкусъ, который для тогдашнихъ врачей казался достаточнымъ ручательствомъ за то, чтобы ожидать отъ этихъ камней очень многого.

Кистехвость (*Atherura*), по причинѣ своего длиннаго хвоста и менѣ развито-го иглистаго покрова, долженъ быть разсматриваемъ, какъ менѣ совершенное изъ дикообразовыхъ. Онъ сравнительно малъ ростомъ, имѣетъ короткія голыя уши, четырехпалыя переднія ноги съ зачатками большого пальца, пятипалыя заднія ноги и длинный хвостъ, который отчасти покрытъ чешуею, а на концѣ имѣетъ кисть, состоящую изъ роговыхъ образований, которыя не похожи ни на иглы, ни на волосы, ни на щетины, а скорѣе на полоски пергамента, вырѣзанныя какимъ-нибудь шутникомъ. Полоски эти мѣстами имѣютъ видъ лентъ, на концѣ ланцетовидной формы, мѣстами сужены, мѣстами снова расширены, сидятъ близко другъ подлѣ друга и выдаются довольно далеко за кончикъ хвоста. Иглы, покрывающія спину и бока, короткія, но съ очень острыми концами, отличаются также глубокой бо-

Кистехвость африканскій. *Atherura africana*. $\frac{1}{5}$ наст. вел.

роздкой, идущей по срединѣ. Между ними торчатъ короткія острые щетины. Нижняя часть тѣла покрыта волосами.

Кистехвость африканскій (*Atherura africana*. Quastenstachler. *Atherura*.), въ настоящее время часто привозимый въ Европу живымъ, представляетъ собою довольно стройное животное, около 60 см. длины, изъ которыхъ третья часть должна быть отнесена на долю хвоста. Иглы плоскія, съ продольными бороздками, очень острыя и съ крючечками на концѣ; у корня онѣ грязно-бѣлаго цвѣта, а далѣе бураго; нѣкоторыя иглы на бокахъ съ бѣлыми кончиками. Длина ихъ постепенно увеличивается отъ головы къ хвосту: на плечахъ онѣ около 4 см., а на спинѣ почти 11 см. длины. Роговыя пластинки хвостовой кисти желтовато-бѣлаго цвѣта. Буровато-бѣлый, довольно густой и мягкій мѣхъ покрываетъ нижнюю сторону тѣла; по обѣимъ сторонамъ морды сидятъ очень длинныя бурые усы, у корня бѣлыя. Родина животнаго—западная Африка, по крайнему мѣрѣ, отъ Сиерра-Леоне до Бенгуэлы.

О жизни кистехвоста на волѣ извѣстно очень немного. Бюттикоферъ сообщаетъ о немъ изъ Ангеріи слѣдующее: «Оставленные термитами постройки составляютъ любимое убѣжище для животныхъ этого рода. Въ покрытыхъ мѣсами скло-

нахъ горъ Капъ-Маунтъ я нашель нору этого животнаго. Она была устроена между корнями могучаго дерева и имѣла шесть различныхъ выходовъ, которые, къ сожалѣнію, не могли быть скоро разысканы и заложены; такъ-что только однимъ дѣтенышемъ изъ восьми намъ удалось овладѣть. У подошвы вышеупомянутыхъ горъ, около самаго морского берега, я нашель такую-же нору между разсѣлинами скалы, но здѣсь невозможно было добраться до ея обитателей. Третью нору мы нашли на крутомъ берегу рѣки, а четвертую опять между скалами». Судя по поведенію находящихся въ неволѣ, можно полагать, что нравы этихъ животныхъ сходны съ нравами другихъ роющихъ дикообразовъ. Я неоднократно видѣлъ это животное живымъ и могъ долго наблюдать его. Кистехвость производитъ гораздо болѣе благоприятное впечатлѣніе, чѣмъ обыкновенный дикообразъ. Какъ и этотъ послѣдній, днемъ онъ, по возможности, прячется въ отведенномъ для него уголкѣ, любитъ лежать, зарывшись въ сѣно; съ закатомъ солнца становится оживленнѣе и бѣгаетъ съ большою поспѣшностью, припрыгивая, вокругъ изгороди. Движенія его равномерны, быстры и вполне ловки. На груды камней и другіе возвышенные предметы онъ легко влѣзаетъ, а по землѣ быстро шмыгаетъ. Хвостъ чаще всего держитъ поднятымъ вверхъ, иглы топорищитъ. Онъ дѣлаетъ это всегда, когда разсердится, причѣмъ шумитъ хвостовой кистью, но не такъ громко, какъ другіе дикообразы.

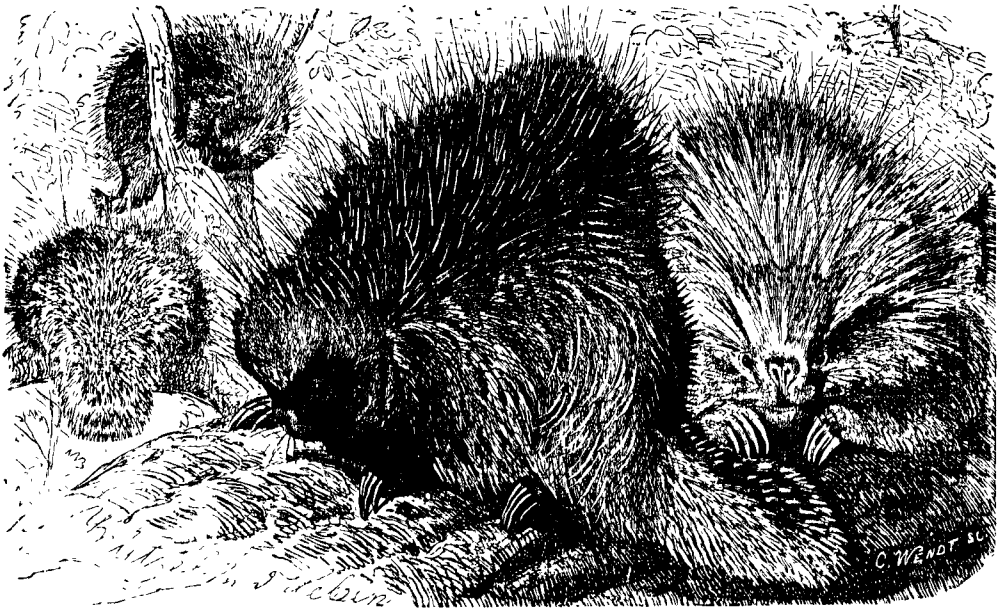
Кистехвосты обнаруживаютъ большую довѣрчивость по отношенію къ хозяину, чѣмъ другія родственныя съ ними животныя; когда предлагаютъ имъ пищу, они, не задумываясь, подходятъ и берутъ ее очень вѣжливо; вообще позволяютъ обращаться съ собой, не впадая при этомъ въ безмысленное бѣшенство. Равнымъ образомъ и другъ съ другомъ живутъ они относительно дружелюбно. Особи одной парочки, повидимому, любятъ другъ друга, днемъ лежатъ рядомъ вечеромъ бѣгаютъ вмѣстѣ, чистятъ, чешутъ и даже лижутъ другъ друга между иглами, при чемъ одинъ такъ подымаетъ свои иглы, чтобы другой могъ просунуть кончикъ языка. Впрочемъ, я имѣлъ случай убѣдиться, что лакомый кусокъ, брошенный обоимъ, можетъ нарушить миръ и возбудить драку; именно влѣдетвіе такой драки я потерялъ одного изъ нихъ: другой въ гнѣвѣ такъ укусилъ его въ голову, что послѣдній околѣлъ.

Повидимому, кистехвосты не такъ боятся свѣта, какъ остальные дикообразы. Правда, днемъ они отворачиваются всегда отъ свѣта, который, какъ кажется, производитъ болѣзненное впечатлѣніе на ихъ большіе, живые глаза; но они выходятъ раньше сумерекъ, между тѣмъ какъ другіе виды всегда выжидаютъ темной ночи, прежде чѣмъ показаться. Мясо кистехвоста не особенно вкусно.

Лазящіе дикообразы (*Cercolabinae*. *Kletterstachelschweine*), образуя особое подсемейство, отличаются отъ остальныхъ сочленовъ семейства своимъ стройнымъ сложеніемъ, болѣе или менѣе длиннымъ хвостомъ, который у большей части видовъ цѣпкій, бородавчатыми подошвами ногъ, короткими иглами и рѣзцами, которые имѣютъ короткіе раздѣленные корни. Всѣ относящіяся сюда виды живутъ въ Америкѣ.

Въ Сѣверной Америкѣ представителемъ лазящихъ дикообразовъ является **Иглошерсть** (*Erethizon dorsatum*, *Hystrix dorsata*, *pilosa*, *hudsonia*. *Urson*). Вмѣстѣ съ другимъ единственнымъ родственнымъ ему видомъ онъ отличается отъ южно-американскихъ лазящихъ дикообразовъ сжатымъ съ боковъ туловищемъ и короткимъ, плоскимъ и широкимъ хвостомъ, покрытымъ съ верхней стороны иглами, а съ нижней щетинами. Иглошерсть достигаетъ длины 80 см., изъ которыхъ на долю хвоста приходится 19 см. Голова у него короткая, толстая и тупая, морда усѣченная,

маленькія ноздри болѣе или менѣе плотно прикрываются полукруглыми клапанами. Переднія ноги четырехпалыя и безъ большого пальца, заднія — пятипалыя, когти длинныя и сильныя, подошвы голыя, покрытыя кожею съ сѣтью бороздокъ. Тѣло его покрыто густымъ мѣхомъ, который на затылкѣ достигаетъ 11 см. длины, а на нижней сторонѣ тѣла и на кончикѣ хвоста переходитъ въ колючія щетины. Между волосами и щетинами по всей верхней сторонѣ тѣла находятся иглы около 8 см. длиною, которыя большею частью прикрыты волосами. Окраска его представляетъ смѣсь бураго, чернаго и бѣлаго цвѣтовъ; волосы на верхней губѣ желтовато-бурые, на щекахъ и на лбу бурые, перемѣшанные съ чернымъ и бѣлымъ; длинныя волосы туловища совершенно черныя или совершенно бѣлыя, или черныя у корня и бѣлыя

Иглошерсть. *Erethizon dorsatum*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

на кончикахъ; волосы нижней части тѣла бурые, волосы-же хвоста на кончикахъ гризно-бѣлые.

Картрайтъ, Одюбонъ, Вахманъ и принцъ-фонъ-Видъ даютъ намъ подробное описаніе жизни и нравовъ этого животнаго. Иглошерсть живетъ въ лѣсахъ сѣверной Америки до Виргиніи и Кентукки, и отъ Лабрадора до Скалистыхъ горъ. Часто встрѣчается онъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ къ западу отъ Миссури, въ восточныхъ-же странахъ, напротивъ, почти совсѣмъ вывелся. «Иглошерсть», говоритъ Картрайтъ, «ловкій лазунъ и зимою, по всей вѣроятности, не спускается на землю, пока не уничтожитъ коры на вершинѣ дерева. Обыкновенно онъ движется въ лѣсу по прямой линіи и рѣдко проходитъ мимо дерева, развѣ ужъ оно очень старое. Но больше всего онъ любитъ молодыя деревья: одинъ иглошерсть можетъ въ теченіи зимы погубить сотни деревьевъ. Знакомые съ нравами этого животнаго всегда легко могутъ отыскать его, такъ какъ путь его движенія указывается трухой обглоданной коры». Одюбонъ увѣряетъ, что ему случалось проходить черезъ лѣса, въ которыхъ кора была ободрана иглошерстомъ со всѣхъ деревьевъ, такъ-что можно было подумать, что въ лѣсу свирѣствовалъ пожаръ. Иглошерсть наноситъ особенно большой вредъ

визамъ, тополямъ и елямъ. Своими бурями блестящими рѣзцами онъ снимаетъ кору съ вѣтвей такъ гладко, какъ будто работа сдѣлана ножемъ. Говорятъ, что онъ всегда начинаетъ съ вершины дерева и затѣмъ спускается ниже, чтобы снять кору съ вѣтвей, а наконецъ и со ствола. Можно съ нѣкоторою увѣренностью считать, что ежедневно въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ найдешь его въ томъ-же дуплѣ, которое онъ разъ выбралъ себѣ для сна. Зимней спячкѣ онъ не подверженъ; но очень вѣроятно, что въ самые холодные зимніе дни прячется въ заранѣе выбранное убѣжище.

Въ такихъ дуплахъ или въ расщелинахъ скалъ находятъ его гнѣздо и въ немъ въ апрѣлѣ или въ маѣ мѣсяцѣ дѣтенышей, обыкновенно 2, рѣже 3 или 4. По сообщенію принца-фонъ-Вида, индѣйцы полагаютъ, что самка иглошерста не имѣетъ сосцовъ, слѣдовательно дѣтеныши ея не могутъ сосать, и она поэтому принуждена тотчасъ-же послѣ рожденія отгонять ихъ отъ себя и такимъ образомъ принуждать ихъ уже съ первыхъ дней своей жизни приниматься за трудную работу.

Дѣтеныши, которыхъ берутъ изъ гнѣзда и содержатъ въ неволѣ, скоро привыкаютъ къ своимъ хозяевамъ и къ окружающей обстановкѣ. Кормятъ ихъ всякаго рода растеніями, очень охотно ѣдятъ они также хлѣбъ. Если ихъ пускаютъ свободно бѣгать въ саду, то они тотчасъ-же взбираются на деревья и начинаютъ ѣсть кору и листья. Одюбонъ рассказываетъ, что бывшій на его попеченіи иглошерсть только тогда гнѣвался, когда хотѣли его удалить съ садоваго дерева, на которое онъ всегда взбирался. «Нашъ плѣнникъ мало-по-малу сдѣлался очень ручнымъ и рѣдко пускалъ въ дѣло свои иглы, а поэтому его можно было отъ времени до времени выпускать на свободу изъ его клѣтки и давать ему возможность пользоваться удовольствіемъ свободной прогулки въ саду. Онъ зналъ насъ; если мы его звали и предлагали ему картофель или яблоко, онъ медленно оборачивалъ къ намъ свое голову, взглядывалъ на насъ кротко и дружелюбно, медленно приближался, бралъ плодъ изъ нашихъ рукъ, садился на заднія лапы и подносилъ ко рту пищу передними. Онъ часто приходилъ въ нашу комнату, когда бывала открыта дверь, приближался къ намъ, терся о наши ноги и смотрѣлъ на насъ просительнымъ въ надеждѣ получить что-нибудь лакомое. Напрасно старались мы его разсердить: онъ никогда не употреблялъ своихъ иглъ противъ насъ. Но иначе онъ велъ себя, когда приближалась собака. Онъ тотчасъ-же становился въ оборонительное положеніе. Спустивъ носъ, растопыривъ все иглы и шевеля хвостомъ, онъ казался совершенно готовымъ къ борьбѣ.

«Большой, злой и въ высшей степени драчливый бульдогъ, жившій по соседству, имѣлъ привычку выкапывать себѣ проходъ подъ заборомъ нашего сада и отъ времени до времени являться къ намъ незваннымъ гостемъ. Однажды утромъ мы увидѣли, что онъ бѣжитъ въ уголъ нашего сада, направляясь къ какому-то предмету: это былъ, какъ оказалось, нашъ иглошерсть. Онъ ночью высвободился изъ своей клѣтки и бѣгалъ спокойно по саду, пока не явилась собака. Его обыкновенная угроза, повидимому, не подѣйствовала на бульдога; послѣдній, можетъ быть, думалъ, что ему приходится имѣть дѣло съ животнымъ не сильнѣе кошки: однимъ словомъ, онъ внезапно съ разинутой пастью бросился на иглошерста. Въ эту минуту иглошерсть сдѣлался словно вдвое больше своего роста, зорко наблюдалъ за приближающимся врагомъ и, улучивъ удобную минуту, нанесъ ему хвостомъ такой ударъ, что бульдогъ мгновенно утратилъ свою храбрость и громко, жалобно завизжалъ. Его морда, языкъ и носъ были усеяны иглами противника. Онъ не могъ сжать челюстей и съ открытой пастью опрометью бросился бѣжать по саду. Кажется, это послужило ему урокомъ на всю жизнь, потому-что ничто не

могло его заставить возвратиться къ тому мѣсту, гдѣ онъ однажды былъ такъ негостепримо принятъ. Хотя ему тотчасъ-же выдернули иглы изо рта, тѣмъ не менѣе голова его въ теченіи многихъ недѣль оставалась опухшею, и ротъ зажилъ не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ».

Принцъ-фонъ-Видъ поймалъ одного иглошерста въ верховьяхъ Миссури. «Когда мы приблизились къ нему», говоритъ онъ, «животное подняло впередъ длинные волосы, опустило голову книзу, чтобы скрыть ее, и стало кружиться. Когда хотѣли схватить его, оно свертывалось въ клубокъ вмѣстѣ съ переднею частью тѣла, и тогда нельзя было до него дотронуться изъ-за его чрезвычайно острыхъ иглъ, сидящихъ совершенно слабо въ кожѣ. Когда къ нему подходили очень близко, онъ махалъ своимъ хвостомъ во все стороны и снова свертывался. Кожа его очень мягка, тонка и легко рвется, а иглы сидятъ такъ слабо, что остаются въ рукахъ, какъ только къ нимъ прикоснешься, и вонзаются въ кожу, причиняя значительную боль».

Въ истинѣ вышеприведенныхъ сообщений Одюбона и принца фонъ-Вида я имѣю случай вполне убѣдиться, наблюдая иглошерста, котораго купилъ для меня въ Сѣверной Америкѣ Финшъ и доставилъ мнѣ. Иглошерстъ этотъ сравнительно ручнымъ и добродушнымъ, но, какъ все его сородичи, въ высшей степени раздражителенъ и тогда каждую минуту былъ готовъ нанести ударъ даже и знакомымъ ему лицамъ. Обыкновенно онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ съжившись, съ гладко прилеглими иглами и волосами; но при всякомъ возбужденіи тотчасъ-же сокращалъ кожу всей верхней стороны тѣла, такъ что все иглы распрямлялись и становились видимыми, и въ то-же время приспособлялъ свой широкій сплюснутый хвостъ для удара. Мютцель долженъ былъ срисовать его для нашего сочиненія, и съ этою цѣлью иглошерстъ былъ вынутъ изъ своей клѣтки и посаженъ на дерево, чтобы дать ему такимъ образомъ возможность принять непринужденное положеніе. Нѣкоторое время онъ топорицился и затѣмъ усѣлся совершенно спокойно. Я сталъ гладить его рукою по головѣ; онъ, хотя и ворчалъ, однакожь не поднималъ иглъ спины. Я продолжалъ далѣе и сталъ ощупывать мягкости его шерстистаго мѣха и мало-по-малу добрался рукою до кончика хвоста; но едва я только коснулся его, какъ онъ быстро ударилъ своимъ широкимъ сплюснутымъ хвостомъ снизу вверхъ, и колющая боль, почувствованная мною въ пальцахъ, дала мнѣ знать, что онъ съ успѣхомъ воспользовался своимъ орудіемъ защиты. Восемнадцать иглъ такъ глубоко проникли въ мои пальцы, что я не въ состояніи былъ ихъ выдернуть и поскорѣе обратился съ просьбою къ Мютцелю, чтобы онъ помогъ мнѣ. Съ этихъ поръ дальнѣйшіе опыты приходилось дѣлать только при помощи палки, и при этомъ я замѣтилъ, что ударъ хвостомъ бывалъ такъ силенъ, что иглы проникали даже въ плотное дерево палки. Принимая во вниманіе, что вся нижняя часть спины покрыта такими-же острыми иглами, какъ и хвостъ, и при этомъ послѣдній можетъ быть употребляемъ для удара, легко понять, что едва-ли можно было иглошерсту дать болѣе цѣлесообразное вооруженіе, чѣмъ то, какимъ онъ владѣетъ. Горе несчастному хищному животному, которому случится испытать на себѣ дѣйствіе этихъ орудій защиты иглошерста! Оно будетъ такъ-же наказано, какъ и упомянутый выше Одюбономъ бульдогъ.

Если даже не обратить вниманія на полученный мною ударъ хвостомъ, иглошерстъ и самъ по себѣ мало внушалъ участія къ себѣ. Спокойно и съ выраженіемъ скуки сидѣлъ онъ днемъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, свернувшись клубкомъ, безъ движенія и жизни. Только послѣ заката солнца онъ рѣшался лазать по клѣткѣ. Хотя его и нельзя признать совершенно неловкимъ, тѣмъ не менѣе при

движеніяхъ онъ не обнаруживалъ ни увѣренности, ни ловкости, свойственныхъ цѣпкохвостымъ; при бѣганіи онъ выказывалъ такую-же поспѣшность, какъ и роющие дикообразы. Крайне неприятный запахъ, похожій на запахъ, свойственный цѣпкохвостымъ ежамъ, наполнялъ отвратительной вонью его клѣтку, и уже это одно дѣлало животное крайне неприятнымъ для тѣхъ, кто готовъ былъ отнестись къ нему съ участіемъ. Относительно пищи иглошерсть не прихотлива, и содержаніе его поэтому не представляетъ никакихъ затрудненій, но за то онъ не можетъ выносить большой жары. «Весною», говоритъ Одюбонъ, «мы убѣдились, что нашъ бѣдный иглошерсть не созданъ для жаркихъ странъ. Когда наступили жары, онъ такъ страдалъ, что мы мысленно хотѣли возвратитъ его въ лѣса Канады. Онъ лежалъ цѣлый день, задыхаясь, въ своей клѣткѣ, казался неподвижнымъ и несчастнымъ, потерялъ аппетитъ и отказывался отъ всякой пищи. Наконецъ мы снесли его на облюбованное имъ дерево, и здѣсь онъ тотчасъ-же началъ обгрызать кору. Мы сочли это за хорошей знакъ, но на другое утро онъ околѣлъ». Равнымъ образомъ и мой плѣнникъ иглошерсть, хорошо себя чувствовавшій, казалось, въ теченіи зимы, не вынесъ весенняго жара. Безъ всякихъ опредѣленныхъ признаковъ болѣзни онъ околѣлъ въ своей клѣткѣ, не вызвавъ ни малѣйшаго сожалѣнія въ своемъ сторожѣ, да, сказать правду, также и во мнѣ.

Иглошерсть годъ отъ году становится все рѣже. «Въ западномъ Коннектикутѣ», такъ разсказывалъ Вильямъ Казе Одюбону, «иглошерсть нѣсколько лѣтъ тому назадъ встрѣчался такъ часто, что, охотясь за бѣлками, можно было въ полъ дня убить ихъ отъ 7—8 штукъ, и притомъ въ разстояніи 3—4 миль отъ города, между тѣмъ какъ въ настоящее время тамъ не встрѣтишь ни одного иглошерста. Они выводятся съ удивительной быстротою; охотники убиваютъ ихъ изъ мести за раны, причиняемыя ими охотничьимъ собакамъ. Кромѣ человѣка, только немногіе враги оказываются опасными такъ хорошо вооруженному животному». Одюбону принесли канадскую рысь, которая жестоко поплатилась за нападеніе на иглошерста. Это хищное животное было почти при смерти, голова его была сильно воспалена, а ротъ былъ полонъ острыхъ иглъ. Этотъ-же натуралистъ неоднократно слышалъ, что собаки, волки и даже ягуары умираютъ отъ подобныхъ ранъ.

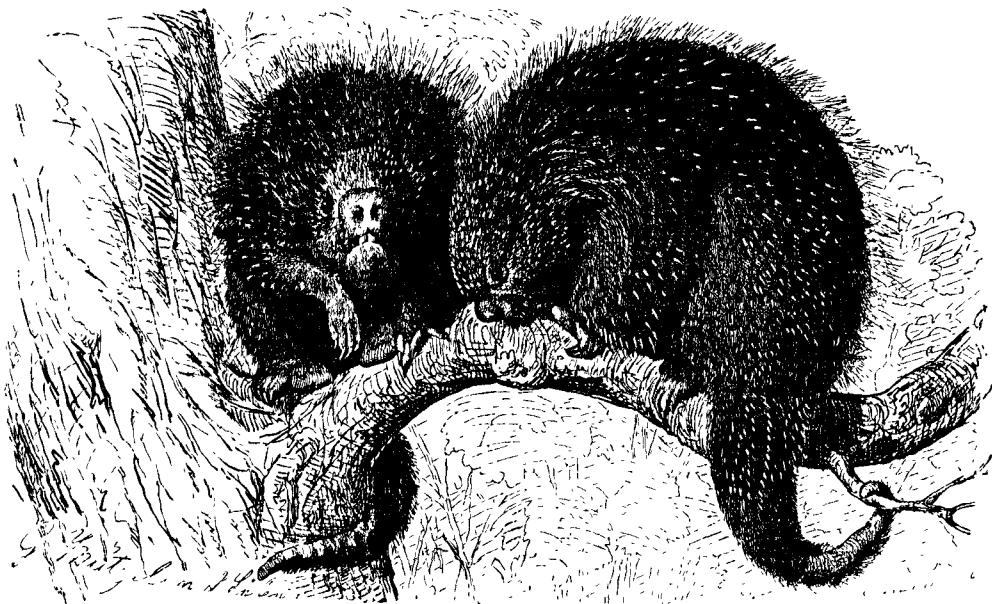
Только индѣйцы умѣютъ надлежащимъ образомъ пользоваться убитымъ иглошерстомъ. Они очень охотно ѣдятъ его мясо, отъ котораго, впрочемъ, не отказываются и бѣлые. Мѣхъ его, по удаленіи изъ него иглъ, влѣдствіе своей мягкости, въ большинствѣ употребленія, а иглами дикіе украшаютъ свои охотничьи сумки, сапоги и т. п.

* * *

Подъ общимъ именемъ цѣпкохвостыхъ дикообразовъ (*Cercolabes. Greifstacheln*) соединяютъ виды съ цѣпкимъ хвостомъ, которые кромѣ того отличаются тѣмъ, что лапы у нихъ четырехпалыя, если не обратить вниманія на лишенную когтя бородавку на мѣстѣ внутренняго пальца задней ноги. Виды, у которыхъ волосистой покровъ такъ преобладаетъ надъ иглами, что эти послѣднія видны только мѣстами и вовсе не находятся на горлѣ, груди и животѣ, составляютъ подвидъ **Древесныхъ дикообразовъ** (*Sphingurus. Baumstachler*); тѣ-же, у которыхъ имѣются назадъ щетины, составляютъ подвидъ **Куанду** (*Synetheres*).

Восточные берега Мексикки служатъ мѣстомъ жительства **Цѣпкохвостаго дикообраза** (*Cercolabes [Sphingurus] novae hispaniae, Nystrix novae hispaniae, mexicana* и *libmanni*); животное это достигаетъ длины 95 см., изъ которыхъ почти третья часть приходится на долю хвоста. Блестящіе волосы очень густы и мягки, слегка курчавы и настолько длинны, что совершенно закрываютъ многія иглы. На ниж-

ней части тѣла нѣтъ иглъ; нижняя часть шеи, внутренняя сторона ногъ, морды и половина кончика хвоста сверху голая, снизу покрыты черными, а съ боковъ желтыми щетинами. Волосистой покровъ кажется чернымъ, потому-что отдѣльные волосы, у корня своего отливающіе буроватымъ и свѣтло-сѣрымъ цвѣтомъ, на кончикахъ имѣютъ блестящую черную окраску. На мордѣ имѣются очень длинныя усы, а на бедрахъ переднихъ и заднихъ конечностей — отдѣльные длинныя жесткіе волосы. Иглы вообще желтаго цвѣта съ чернымъ кончикомъ, у корня очень тонки, затѣмъ мало-по-малу утолщаются, а потомъ вдругъ заостряются; въ серединѣ онѣ гладкія, а на заостренномъ, какъ игла, концѣ снабжены крючечками, обращенными назадъ. Около глазъ и ушей онѣ стоятъ такъ густо, что волосъ совсѣмъ не видно и ухо совершенно закрыто ими. Но здѣсь онѣ гораздо короче и свѣтлѣе окрашены, чѣмъ на остальныхъ частяхъ тѣла; на спинѣ находятся самыя длинныя и темныя

Щѣкохвостый дикообразъ *Sciurus hirsutus* Linn. 1/2 наст. вел.

иглы. Глазъ очень выпуклый, радужная оболочка свѣтло-бурая, зрачекъ не больше булавочной головки, только удлинненный, и весь глазъ выдается, какъ стеклянная бусинка. Пока животное находится въ спокойномъ состояніи, иглы его мало замѣтны, за исключеніемъ мѣстъ около глазъ и ушей; мѣхъ кажется заманчиво-мягкимъ и гладкимъ, и только, когда животное сердится, различными неровности указываютъ на скрытыя подъ волосами иглы. Въ сильномъ гнѣвѣ животное приподнимаетъ всѣ иглы, такъ-что онѣ торчатъ по всѣмъ сторонамъ тѣла, и если погладить рукою мѣхъ, то онѣ чувствуются всюду. Онѣ сидятъ въ кожѣ такъ слабо, что выпадаютъ при малѣйшемъ прикосновеніи; если провести рукою еще нѣсколько по мѣху, то можно вырвать дюжины иглъ, изъ которыхъ нѣкоторыя непременно воткнутся въ руку.

О жизни щѣкохвостыхъ дикообразовъ на волѣ, равно какъ и другихъ лазящихъ дикообразовъ, имѣются очень скудныя свѣдѣнія. Больше всего мы знаемъ объ одномъ родственномъ видѣ, который извѣстенъ подъ именемъ **Кюій** (*S. villosus*); о немъ сообщаютъ намъ свѣдѣнія Азара, Ревгтеръ, принцъ фонъ-Видъ и Бурмейстеръ.

Животное это распространено по всей Бразиліи и по странамъ, лежащимъ къ югу отъ Парагвая; хотя оно здѣсь и вездѣ извѣстно, но нигдѣ не встрѣчается въ большомъ количествѣ. Для своего жилища кюій выбираетъ мѣста главнымъ образомъ въ высокыхъ лѣсахъ; но находятъ его также и въ мѣстахъ, поросшихъ кустарникомъ. Большую часть года онъ живетъ одинъ, и притомъ въ опредѣленной области, всегда на деревьяхъ, по вѣтвямъ которыхъ онъ ловко движется. Въ теченіи дня онъ отдыхаетъ, свернувшись клубкомъ, сидя въ развилиніи древеснаго сука; ночью-же лазаетъ кругомъ медленно и осторожно, но очень увѣренно. Гензель указываетъ на то, что фигура и окраска животнаго какъ нельзя болѣе подходитъ къ окружающей его обстановкѣ. «Природа», говоритъ онъ, «повидимому, пожелала оказать этому животному особое благоволеніе, такъ какъ она не удовольствовалась только тѣмъ, чтобы защитить его противъ враговъ имѣющихъ у него орудіемъ защиты,—она оказала ему особое покровительство противъ хищныхъ птицъ. Бразилія изобилуетъ многими хищными птицами, которыя питаются преимущественно лазающими млекопитающими животными первобытнаго лѣса. Противъ этихъ-то хищныхъ птицъ дикообразъ и получилъ для защиты себя способность уподобляться окружающей обстановкѣ, на что до послѣдняго времени не обращалось вниманія. А именно: весь его покровъ изобилуетъ длинными, тонкими волосами сѣдовой окраски. Эти волосы придаютъ животному, когда оно, свернувшись, сидитъ спокойно на вѣтвяхъ дерева, обманчивое сходство съ глыбой длиннаго сѣраго мха, и даже самый зоркій охотникъ часто проходитъ мимо него, будучи обманутъ развѣвающимися отъ вѣтра волосами неподвижнаго животнаго, или иной разъ стрѣляетъ въ какой-нибудь пучекъ мха, что, конечно, не дѣлаетъ ему чести». Положеніе цѣпкохвостаго дикообраза на деревьяхъ очень оригинально: онъ сидитъ, какъ это я наблюдалъ на моемъ плѣнникѣ, на заднихъ лапахъ и держитъ близко къ нимъ переднія, согнувъ ихъ иногда такъ, что опирается на наружную сторону кисти; голову при этомъ онъ вертикально свѣшиваетъ внизъ, выпрямляетъ хвостъ и загибаетъ его кверху крючкомъ. Обыкновенно онъ держится, зацѣпившись хвостомъ за вѣтку. Но и безъ этого онъ прочно сидитъ на самыхъ тонкихъ вѣтвяхъ, потому что его широкія лапы, вогнутыя изнутри, даютъ ему возможность твердо держаться. При лазаніи онъ крѣпко прижимаетъ свои мясистыя широкія подошвы къ вѣтвямъ, которыя и обхватываетъ мягкою ладонью. Днемъ движется онъ очень неохотно, и даже совсѣмъ не лазаетъ, если его только не беспокоятъ; если выпустить его на свободу, то онъ побѣжитъ переваливающейся походкой до перваго попавшагося дерева, взберется по стволу довольно быстро вверхъ, выберетъ себѣ въ вѣтвяхъ тѣнистое мѣстечко, чтобы спрятаться, и тотчасъ-же начинаетъ ѣсть. Когда онъ хочетъ перебраться съ одной вѣтви на другую, стоящую дальше, то онъ зацѣпляется крѣпко обѣими задними ногами и хвостомъ, вытягиваетъ тѣло горизонтально и старается схватить намѣченную вѣтвь передними лапами. Въ такомъ положеніи, требующемъ большой силы, онъ можетъ оставаться въ теченіи нѣсколькихъ минутъ и качаться довольно легко въ ту и другую сторону. Схвативъ вѣтвь передними лапами, онъ сперва освобождаетъ свои заднія лапы, а потомъ и хвостъ, опускается вслѣдствіе собственной тяжести внизъ, зацѣпляется за новую вѣтвь сперва хвостомъ, а потомъ задними ногами, спокойно взбирается наверхъ и отправляется дальше по вѣткѣ. Ренгеръ утверждаетъ, что цѣпкохвостый дикообразъ только тогда пользуется хвостомъ, когда спускается внизъ; но я, на основаніи собственныхъ наблюденій, могу увѣрить, что это не правда.

Пища цѣпкохвостаго дикообраза состоитъ главнымъ образомъ изъ плодовъ, почегъ, листьевъ и корней, которыя онъ подноситъ ко рту передними лапами. Находившіеся у меня въ неволѣ охотно пожирали кору молодыхъ побѣговъ, но только

въ томъ случаѣ, когда сами могли выбирать ихъ на деревьяхъ. Въ клѣткѣ мы кормили ихъ морковью, картофелемъ и рисомъ; они ѣли также и молочную булку. Въ Америкѣ ихъ кормятъ бананами.

Описанію жизни животнаго въ неволѣ я позволю себѣ предпослать наблюденія Азара. «Одному давно уже пойманному цѣнкохвостому дикообразу я предоставилъ полную свободу въ своей комнатѣ, и цѣлый годъ не давалъ ему воды, такъ какъ онъ не пьетъ. Когда онъ пугался, то пускался бѣжать съ большою легкостью; однако я всегда могъ его поймать, идя спокойно рядомъ. Когда онъ хочетъ бѣжать, то никогда не сгибаетъ сочлененія между голенью и ступней, какъ будто суставъ этотъ не можетъ двигаться. Всѣ движенія его неуклюжи; однакожъ онъ легко лазаешь по всякой налкѣ вверхъ и внизъ и цѣпляется такъ крѣпко, что требуется нѣкоторая сила, чтобы снять его. Спинка стула, верхушка вертикально вбитаго столба достаточны для него, чтобы онъ могъ спокойно уснуть и дѣйствительно отдохнуть. Онъ тупъ и такъ спокоенъ и лѣнивъ, что иногда въ теченіи 24—48 часовъ не перемѣняетъ ни мѣста, ни положенія. Жившій у меня двигался только тогда, когда хотѣлъ ѣсть, и это случалось регулярно въ 9 часовъ утра и въ 4 часа вечера. Однажды только мнѣ пришлось замѣтить, что онъ бѣгалъ ночью; несмотря на все это, я все-таки считаю его ночнымъ животнымъ. Жившій у меня въ первые дни своего плѣна взбирался на спинку стула и никогда на что-нибудь плоское; взобравшись однажды на окно и отыскавъ тамъ край ставня, онъ уже и не искалъ себѣ болѣе никакого другаго мѣста.

Все время проводилъ онъ вверху на ставнѣ и сидѣлъ здѣсь безъ малѣйшаго движенія, подобно статуѣ, въ необыкновенномъ положеніи. Онъ держался, не соблюдая себѣ ни передними лапами, ни хвостомъ, исключительно одними задними ногами, сложивъ кисти переднихъ одна на другую и положивъ въ середину между ними свою мордочку, какъ будто для того, чтобы ихъ цѣловать. Такъ сидѣлъ онъ, не двигаясь, и даже не озираясь, до самаго времени кормленія. Однажды я подложилъ ему въ кормъ мертвую крысу: онъ такъ перепугался, когда ее нашель, что опрометью бросился на обычное мѣсто своего отдохновенія. То-же самое дѣлалъ онъ, если какая-нибудь изъ пойманныхъ мною и свободно летавшихъ у меня въ комнатѣ птицъ приближалась къ нему въ то время, когда онъ ѣлъ. Изъ предлагаемаго ему корма, хлѣба, маиса, корней маньока, травъ, листьевъ и цвѣтовъ, онъ ѣлъ мало; но любилъ разнообразіе въ пищѣ. Я часто видѣлъ, какъ онъ, пренебрегая перечисленными кушаньями, набрасывался на топціе, деревянистые стебли и принимался даже за чистый воскъ. Онъ никогда не кусался и никому не причинялъ вреда. Свои естественныя отправления онъ исполнялъ во время ѣды, не обращая вниманія на то, что испраженія его могли попадать и въ его пищу.

«Обоняніе у него есть наиболѣе развитое чувство. Я замѣтилъ, что когда я ниль шоколадъ или входилъ въ комнату съ цвѣтами, мой цѣнкохвостый дикообразъ поднималъ морду, и я могъ съ увѣренностью заключить, что онъ различалъ запахъ на значительномъ разстояніи. Кончикъ хвоста у него такъ чувствителенъ, что если слегка коснуться его, животное пугается и вскакиваетъ. Во всемъ остальномъ можно было наблюдать въ немъ одну лѣнь и глупость. Можно даже сказать, что онъ едва-ли понималъ, что значить ѣсть и жить. Никогда не могъ я подмѣтить въ немъ радости или печали, и никогда никакого чувства довольства. Рѣзко поворачивалъ онъ голову, когда его называли по имени, но обыкновенно онъ не оглядывался, вель себя такъ, какъ будто ничего не видитъ, и позволялъ дотрагиваться до себя, оставался нечувствительнымъ, какъ если-бы онъ былъ высѣченъ изъ камня. Когда-же его слишкомъ беспокоили, то онъ топорицилъ свои иглы, не производя,

впрочемъ, никакого другого движенія. Рассказываютъ, будто цѣпкохвостый дикообразъ умѣетъ метать свои иглы, и что эти иглы, попадая въ кожу, какъ-бы ни были незначительны нанесенныя ими раны, обладаютъ способностью проникать все далѣе и далѣе, пока онѣ не выйдутъ наружу съ противоположной стороны. Рассказываютъ еще о немъ, будто онъ стряхиваетъ съ деревьевъ плоды, катается по нимъ, насаживаетъ ихъ на острія своихъ иглъ и такимъ образомъ уносить съ собою. Все это сказки; вѣрно только то, что нѣкоторыя иглы, когда онъ поднимаетъ ихъ для своей защиты, выпадаютъ по причинѣ своего слабого скрѣпленія съ кожею; часто случается, что иглы, воткнувшіяся въ морду неосторожныхъ собакъ, впоследствии оказываются засѣвшими въ тѣло глубже; но это только потому, что рана за это время успѣла распухнуть. Въ калѣ ягуара я много разъ находилъ такія иглы.»

Къ этому сообщенію стараго, опытнаго изслѣдователя я имѣю прибавить не многое. Мои наблюденія существенно сходятся съ его наблюденіями и съ описаніемъ, которое даетъ намъ Бурмейстеръ. Пойманные мною цѣпкохвостые дикообразы въ теченіи цѣлаго дня, скучившись описаннымъ способомъ, спокойно сидѣли въ своемъ ящикѣ и только послѣ заката солнца начинали медленно ползати. Трогая ихъ, можно было услышать ихъ голось: это довольно тихій пискъ, похожій на визжаніе молодого щенка. Прикосновеніе было для нихъ рѣшительно непріятно; но они, какъ справедливо заявляетъ Бурмейстеръ «никогда не дѣлали попытки къ бѣгству, а, напротивъ, спокойно выжидали приближенія непріятеля къ занимаемому ими мѣсту, съеживались, топорщили иглы и пищали, когда до нихъ дотрагивались.» Находившіеся на моемъ попеченіи дикообразы никогда не пытались освободиться изъ своего помѣщенія, тогда какъ плѣнникъ Бурмейстера, если его ящикъ запирали на ночь крышкою, быстро и порывисто продѣлывалъ въ немъ себѣ отверстіе, отгрызая большіе куски дерева. Станнымъ кажется, что у Азара его цѣпкохвостый дикообразъ не пилъ воды, между тѣмъ какъ всѣ, находившіеся подъ моимъ наблюденіемъ дикообразы регулярно требовали питья. Тотчасъ послѣ ѣды они направлялись къ своей чашкѣ съ водою, зачерпывали ладонью нѣсколько капель и слизывали ихъ потомъ съ полнымъ удовольствіемъ. Очень непріятенъ и весьма специфиченъ запахъ, распространяемый ими. Бурмейстеръ полагаетъ, что этотъ запахъ долженъ быть объясняемъ гніеніемъ въ клѣткѣ пищи и нечистотъ, а не кожными выдѣленіями самихъ животныхъ; но здѣсь я рѣшительно не могу съ нимъ согласиться, потому что повторенными опытами я убѣдился въ томъ, что зловоніе коренится въ самихъ животныхъ. По истинѣ ужасно страдали мои плѣнники отъ небольшихъ бурыхъ вшей или похожихъ на вшей животныхъ. Эти паразиты сидѣли иногда сотнями на одномъ и томъ же мѣстѣ, гуще всего на мордѣ, и ихъ нельзя было извести ни выпарываніемъ, ни персидскимъ порошкомъ, въ которомъ мы надѣялись было найти отъ нихъ средство спасенія.

Рентгеръ сообщаетъ, что оба пола этихъ обыкновенно одинокихъ животныхъ сближаются въ теченіи зимы и тогда нѣкоторое время живутъ парами. Когда въ отечествѣ ихъ наступаетъ начало зимы, т. е. въ началѣ октября, самка мечетъ 1—2 дѣтенышей. Азара, наблюдавшій беременную самку, нашелъ только одного дѣтеныша, который, подобно матери, уже былъ покрытъ иглами. Болѣе точныхъ подробностей относительно ихъ размноженія я не имѣю сообщить.

Такъ какъ по своему вѣшнему виду дикообразъ мало привлекателенъ, то жители Парагвая рѣдко его ловятъ и воспитываютъ; тѣмъ не менѣе это не избавляетъ его отъ преслѣдованій. Дикіе ѣдятъ его мясо, которымъ по причинѣ дурного запаха брезгаютъ европейцы; но и эти послѣдніе также старательно его преслѣдуютъ. Бурмейстеръ вскорѣ послѣ своего прибытія въ Рио-де-Жанейро, получилъ одного дико-

образа, который, согласно тамошнему обычаю, по всей своей длинѣ былъ привязанъ къ палкѣ и ужасно избитъ, такъ что первое время по освобожденіи онъ почти не могъ ходить; затѣмъ Бурмейстеръ нашелъ другого дикообраза, лежавшаго мертвымъ возлѣ дороги, и точно также сдѣлавшагося жертвою ничѣмъ не оправдываемой кровожадности. Генкель сообщаетъ намъ о причинѣ непонятнаго ожесточенія туземцевъ. «Самое ненавистное животное въ бразильскихъ лѣсахъ есть цѣпкохвостый дикообразъ. Природа не удовольствовалась тѣмъ, что иглами защитила его, подобно ежу, отъ непріятелей; но эти непріатели за нападеніе должны еще подвергнуться самому страшному наказанію, а именно: эти иглы у своего корня такъ тонки и сидятъ въ кожѣ настолько слабо, что при самомъ незначительномъ движеніи легко отдѣляются: поэтому онѣ остаются въ постороннемъ тѣлѣ, если проникнуть въ него своимъ остриемъ. Если собака схватитъ спокойно лежашаго на землѣ дикообраза, который, сознавая свою ужасную силу, даже не думаетъ бѣжать, то несчетное множество иглъ не только вонзается въ мягкія части ея пасти и остается тамъ, но при помощи крючечковъ, которыми онѣ снабжены, и вслѣдствіе движеній самой собаки, иглы постепенно проникаютъ еще глубже. Несчастное животное уже не можетъ закрыть пасти вслѣдствіе опухоли зѣва и гортани, и если только не будетъ оказана немедленная помощь, должно послѣ мучительнѣйшихъ страданій или задохнуться, или умереть отъ голода. Если помощь будетъ оказана быстро, то на первыхъ порахъ можно удалить иглы, захватывая ихъ между большимъ пальцемъ и остриемъ ножа; позднѣе и это средство оказывается невозможнымъ, потому что иглы ломаются. Вотъ почему многіе охотники выходятъ въ лѣсъ не иначе, какъ запасшись клещами. При такихъ обстоятельствахъ дѣлается понятнымъ, почему никакія другія животныя, даже ядовитыя змѣи, не внушаютъ мѣстному охотнику такой ненависти и такого страха, какъ дикообразъ. Неудивительно поэтому, что всякій найденный дикообразъ умерщвляется безъ милосердія, хотя животное это само-по-себѣ совершенно безвредно и пользы тоже никакой не приноситъ. Замѣчательно, что у оцелота подъ кожей часто попадаются отдѣльныя иглы, которыя могли сюда проникнуть только изъ внутренностей, а слѣдовательно, надо предполагать, что эта кошка осмѣливается нападать на дикообраза, но съ какимъ успехомъ, этого съ увѣренностью рѣшить невозможно. Какія пораненія могутъ причинить эти иглы, я самъ имѣлъ случай наблюдать на одной изъ моихъ собакъ, у которой мнѣ удалось вырвать большую часть иглъ. Я каждый день по нѣскольку разъ осматривалъ собаку, захватывая выступавшіе кончики иглъ клещами, съ помощію которыхъ ихъ удобно было вытаскать; послѣднюю иглу я выдернулъ на сторонѣ шеи уже по истеченіи 6-ти недѣль.»

* * *

Куанду (*Cercolabes Synetheres prehensilis*, *Hystrix prehensilis*. Coendu), по общему виду похожъ на цѣпкохвостаго дикообраза, но замѣтно больше его и кажется крѣпче сложеннымъ.

Длина его составляетъ 1,1 метра, причемъ 45 см. приходится на долю хвоста. Иглы начинаются у самой морды, распространяются по всей верхней части тѣла, покрываютъ ноги до щиколки, верхнюю часть хвоста и даже всю нижнюю часть живота, но не плотно прилегаютъ къ тѣлу. Рѣдкіе волосы, выступающіе между ними, большею частью совсѣмъ ими покрыты и дѣлаются замѣтны только тогда, когда раздвинешь иглы. Эти послѣднія и у куанду сидятъ въ кожѣ очень слабо, всѣ одинаковаго вида, — твердыя, крѣпкія, почти круглыя, гладкія и блестящія, у корня слабыя, на остальномъ протяженіи имѣютъ равномерную толщину, а къ очень острому концу, какъ у обыкновенной иглы, сразу сильно утоньшаются, на задней части спинны достигаютъ длины около 12 см., по направленію къ нижней части

живота постепенно укорачиваются и на брюхѣ мало-по-малу переходятъ въ настоящія щетины, которыя на нижней сторонѣ хвоста снова становятся иглообразными, то есть, жесткими и колючими. Цвѣтъ свѣтлый, желтовато-блѣдный; но подъ кончикомъ рѣзко выступаетъ темно-коричневая полоска. Волосы на носу и мордѣ рыжеватые, на остальномъ тѣлѣ бурые; между ними вѣтчаются бѣлыя щетинки. Очень крѣпкіе и длинныя усы, располагающіея продольными рядами, кажутся черными.

Объ образѣ жизни куанду на волѣ мало извѣстно. Животное обитаетъ на значительной части Южной и Средней Америки и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ попадаются не рѣдко.

По примѣру своихъ родичей, куанду спитъ днемъ, сидя на верхушкѣ дерева въ указанномъ выше положеніи; а ночью бѣгаетъ по вѣтвямъ медленно, но ловко.

Куанду. *Cecylabes prehensilis*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

Пища его состоитъ изъ разнаго рода листьевъ. Мясо его дѣлится туземцами, иглы служатъ имъ для различнаго употребленія. Между индѣйцами распространены такія-же сказки о куанду, какъ у насъ о дикообразѣ. Нѣкоторыми индѣйскими племенами иглы куанду употребляются для дѣченія, такъ какъ они вѣрятъ, что воткнутыя въ кожу больноя иглы будто-бы дѣйствуютъ какъ пиявки. Капильеръ сообщаетъ о куанду слѣдующія подробности. «Животное легко приручается, но никого не различаетъ и, несмотря на свои сильныя рѣзцы, никогда не пытается кусать. Куанду питаются плодами, поднося ихъ ко рту, подобно бѣлкѣ, вѣтъ часто, но немного, и вообще представляетъ собою глупое и скучное животное. Куанду сидитъ особеннымъ способомъ, не поперекъ, а вдоль вѣтви, обхватывая ее задними ногами, а часто и хвостомъ, который, впрочемъ, онъ большею частью оставляетъ при этомъ висющимъ. Переднія ноги держитъ онъ около головы и нерѣдко остается въ этомъ положеніи цѣлый день. Обоняніе у него очень тонкое. Однажды мнѣ была припресена индѣйцемъ большая самка, которая хотя и была насквозь пронизана стрѣлою, но еще жива. Я сейчасъ-же велѣлъ убить бѣдное животное и положить

ее подь балкономъ своего дома, чтобы на другое утро препарировать его. Вечеромъ при полномъ мѣсячномъ свѣтѣ замѣтилъ я бѣгающее вокругъ дома животное, которое я принялъ за сумчатую крысу, и которое племянникъ мой убилъ палкою. Оказалось, что это былъ дикообразъ, и мы подумали было, что наканунѣ умерщвленное животное могло быть только оглушено; послѣднее однако-же найдено лежащимъ на прежнемъ мѣстѣ, а только что убитый дикообразъ оказался самцомъ, который, несмотря на то, что ближайшій лѣсъ находился не ближе 300 метр. разстоянія, по всей вѣроятности, почувалъ мертвую самку».

Между воспитанными мною куанду и дикообразомъ относительно привычекъ я не нашелъ никакой существенной разницы. Принимаемое положеніе тѣла и всѣ движенія у нихъ одинаковы, и единственное отличіе, которое я могъ замѣтить, состоитъ въ томъ, что куанду въ высшей степени рѣдко проводитъ часы своего ночного или, вѣрнѣе, дневного сна на вѣтвяхъ дерева, находящагося въ его клѣткѣ, а всегда садится на приготовленную для него постель изъ сѣна и буквально прячется въ ней, совершенно зарываясь въ сѣно. Голосъ у него нѣсколько сильнѣе, чѣмъ у цѣпкохвостаго дикообраза, но совершенно похожъ на голосъ послѣдняго. Всякое прокосновеніе ему крайне неприятно, и онъ ведетъ себя при этомъ не такъ спокойно, какъ его родичи, а старается устрашить приближающихся къ нему внезапнымъ движеніемъ впередъ; возможно, что въ такія минуты онъ имѣетъ намѣреніе пустить въ дѣло свой игольчатый панцырь. Но если схватить его за хвостъ, то онъ позволяетъ дотрагиваться до себя, не защищаясь: тогда можно посадить его на руку и всюду его носить, не боясь, что онъ вздумаетъ кусаться, какъ это дѣлаютъ прочіе грызуны. Въ гнѣвѣ онъ топорщитъ свои иглы во всѣ стороны и кажется тогда вдвое толще, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Его окраска становится тогда иною, потому что обнаруживается желтый цвѣтъ срединной части иглъ.

Вѣншими признаками семейства **Полукопытныхъ** (Caviidae. Puffpftler. Caviadées) признаются. болѣе или менѣе вытянутое тѣло, поддерживаемое длинными ногами, четырехпалыя переднія конечности и заднія, имѣющія отъ трехъ до пяти пальцевъ; пальцы конечностей вооружены большими копытообразными, спереди ребристыми когтями; далѣе кургузый хвостъ, большіе уши и грубый волосяной покровъ; четыре коренныхъ зуба приблизительно равной величины въ каждомъ ряду, и большіе, широкіе, спереди всегда бѣлые рѣзцы образуютъ зубную систему. Спинной хребетъ обыкновенно имѣетъ 19 спинныхъ, 4 крестцовыхъ и отъ 6-ти до 10-ти хвостовыхъ позвонковъ. Весь скелетъ состоитъ изъ толстыхъ, иногда даже совсемъ грубыхъ костей.

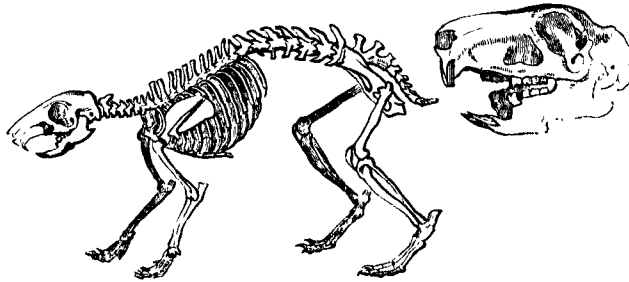
Полукопытныя живутъ исключительно въ Южной и Средней Америкѣ, но въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ, въ равнинахъ, въ лѣсахъ, въ сухихъ полосахъ, среди скалъ, въ болотахъ и даже въ водѣ. Они уживаются въ расщелинахъ дуплистыхъ стволовъ, въ скважинахъ утесовъ, въ заросляхъ и кустарникахъ, нѣкоторые въ норахъ, вырытыхъ ими самими или покинутыхъ другими животными. Почти всѣ полукопытныя живутъ обществами и ночью бываютъ бодрѣе, чѣмъ днемъ. Пища ихъ состоитъ изъ растительныхъ веществъ всякаго рода: злаковъ, травъ, цвѣтовъ, листьевъ, кореньевъ, капустъ, сѣмянъ, плодовъ и древесной коры. Во время ѣды они сидятъ въ прямомъ положеніи на задней части тѣла и передними конечностями крѣпко держатъ пищу. Въ движеніяхъ своихъ они ловки, хотя обыкновенная поступь ихъ довольно медленна. Нѣкоторые входятъ въ воду и плаваютъ съ большимъ искусствомъ и продолжительно. Правъ у нихъ мирный, незлобивый, и робкій.

маленькіе виды пугливы, боязливы и кротки, а большіе нѣсколько смѣлѣе, но и они при приближающейся опасности бросаются бѣжать, насколько у нихъ хватаетъ силы. Изъ всѣхъ чувствъ обоняніе и слухъ у нихъ наиболѣе совершенны. По вообще ихъ душевныя способности незначительны. Они легко дѣлаются ручными, привыкаютъ къ человѣку и умѣютъ его узнавать, однако не дружатся съ нимъ.

Плодовитость ихъ очень значительна: число дѣтенышей колеблется отъ 1-го до 8-ми, и многіе виды мечутъ по нѣскольку разъ въ годъ. По строенію коренныхъ зубовъ это семейство подраздѣляютъ на двѣ группы: у первой группы зубы безъ корней и верхніе ряды зубовъ спереди сближаются; у другой группы — зубы съ половинными корнями; и верхніе ряды ихъ идутъ параллельно. Къ первой группѣ принадлежитъ мара, морская свинка и водосвинка; ко второй — агути и пака. Мы не придаемъ значенія этимъ отличительнымъ признакамъ и соединяемъ всѣхъ полукопытныхъ въ одно семейство.

* * *

Всѣмъ извѣстная **Морская свинка** (*Cavia porcellus*, P. sobaya. Meerschweinchen. Cochon d'Inde) долго раздѣляла участь многіхъ домашнихъ животныхъ: никто не могъ съ увѣренностью определить ея родоначальниковъ. Мы знаемъ, что это

Черепъ и скелетъ агути.

маленькое животное было привезено къ намъ вскорѣ послѣ открытія Америки, слѣдовательно, въ XVI столѣтіи, и, кажется, голландцами. Уже Геснеру морская свинка была извѣстна, и съ тѣхъ поръ у насъ продолжаютъ разводить ее: но даже въ недавнее время почти вездѣ, вѣроятно, по недоразумѣнію, родоначальникомъ этого семейства считалась бразильская **Аперей** (*Cavia aerea*). Между тѣмъ, по изслѣдованіямъ Неринга, морская свинка происходитъ отъ родственной аперей **Кутлеровой свинки** (*Cavia cutleri*), живущей въ Перу, гдѣ она еще при инкахъ содержалась уже какъ домашнее животное. И теперь въ Перу, Эквадорѣ и Колумбіи, какъ говоритъ А. Штюбель, она воспитывается индѣйцами и употребляется ими въ пищу; напротивъ того, у истыхъ первоначальныхъ обитателей Бразиліи ее не встрѣчали нигдѣ.

Кромѣ одноцвѣтныхъ морскихъ свинокъ, которыя чаще всего бываютъ бѣлыми, обыкновенно попадаются еще пѣглы трехцвѣтныя, испещренныя бѣлыми, желтыми и черными пятнами. Но Гаакъ возстаетъ противъ тѣхъ наблюдателей, которые оспариваютъ существованіе двухцвѣтныхъ морскихъ свинокъ. Между морскими свинками, содержавшимися въ Франкфуртскомъ зоологическомъ саду для кормленія другихъ животныхъ, онъ нѣсколько разъ встрѣчалъ особи, покрытыя только желтыми и бѣлыми пятнами; эти особи имѣютъ всегда красные глаза. По изслѣдованіямъ Неринга муміи морскихъ свинокъ на Анконскомъ кладбищѣ инковъ въ Перу, черныхъ пятенъ не имѣли. Всѣ онѣ были или одноцвѣтныя, — бѣлыми, либо красно-

бурыя, или если двухцвѣтныя, то красно-бурыя съ желто-бѣлыми пятнами. У насъ встрѣчаются морскія свинки съ красно-бурыми, желтовато-сѣрыми и мышино-сѣрыми пятнами. Трехцвѣтныя съ пепельно-сѣрыми пятнами, вмѣсто черныхъ, по наблюденіямъ Гааке, не рѣдки, и у нихъ тоже красные глаза. Въ наше время особенно полюбилась **Растрепанная морская свинка**,—порода съ длиннымъ волосинымъ покровомъ, свивающимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣла въ своеобразные вихры.

Изъ цѣлаго класса грызуновъ морская свинка принадлежитъ къ самымъ любимымъ домашнимъ животнымъ, столько же по своей выносливости, какъ и по своей незлобивости и добродушію. Если помѣстить ее въ прохладный и сухой хлѣвъ, то содержаніе ея нигдѣ не обременительно. Она ѣстъ всякую растительную пищу

Морскія свинки. *Cavia porcellus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

отъ корней и до листьевъ, сухое зерно и свѣжія сочныя растенія, и требуетъ только нѣкоторой смѣны пищи. Когда дають ей сочный кормъ, то она совершенно обходится безъ питья, хотя очень любитъ молоко. Звѣрекъ доволенъ всѣмъ и равнодушно переноситъ даже дурное обращеніе. Поэтому онъ служитъ пріятной забавой для дѣтей, которыя съ особеннымъ рвеніемъ занимаются его воспитаніемъ. По своимъ привычкамъ, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ кроликовъ, а въ другихъ—мышей. Походка у него не быстрая и состоитъ скорѣе изъ прыжковъ, но звѣрка нельзя назвать неуклюжимъ, а, напротивъ, очень проворнымъ. Обыкновенно, когда онъ сидитъ, то упирается на всѣ четыре ноги, плотно прижимаясь къ землѣ животомъ; но сидитъ онъ рѣдко, а почти все время безостановочно бѣгаетъ по хлѣву, съ наибольшимъ удовольствіемъ вдоль стѣнъ, гдѣ вскорѣ прокладываетъ себѣ гладко протоптанную дорожку. Если звѣрковъ много, то бѣготня эта очень забавна: одна свинка слѣдуетъ за другой, и цѣлымъ рядъ ихъ оббѣгаетъ хлѣвъ, быть можетъ, сотню разъ безъ перерыва. Голосъ состоитъ изъ хрюканья, послужившаго поводомъ къ

сравненію этого животнаго со свиньею; кромѣ того замѣчается какое-то особое бормотанье и пискъ. Бормотаньемъ выражается довольство, тогда какъ пискъ всегда служить признакомъ волненія.

Самецъ и самка живутъ вмѣстѣ и обращаются другъ съ другомъ нѣжно. По чистоплотности, свойственной всѣмъ вообще грызунамъ, каждый изъ супруговъ облизываетъ другого и пользуется кромѣ того своими передними лапами, чтобы гладко причесать ему шерсть. Когда одинъ изъ парочки спитъ, другой бодрствуетъ для его безопасности, а если это длится очень долго, то онъ старается разбудить спящаго лизаньемъ и расчесываніемъ и какъ только послѣдній откроетъ глаза, дежурный спѣшитъ въ свою очередь заснуть, полагаясь на бдительность другаго. Часто самецъ гонитъ свою самочку впереди себя и всячески старается выказать ей свою любовь и заботливость. И особи одинаковаго пола тоже живутъ вообще совершенно согласно, пока не помѣшается этому жадность и желаніе захватить лучшей кусокъ изъ ѣды и лучшее мѣсто для отдохновенія. Влюбленные самцы, спорящіе изъ-за одной самки, часто приходятъ въ гнѣвъ, скрипятъ зубами, топчутъ ногами о землю, угощаютъ другъ друга пинками, вцѣпляются одинъ другому въ волосы; иногда дѣло доходитъ до такихъ поединковъ, при которыхъ усердно работаютъ зубы и случаются серьезные пораненія. Споръ и драка кончаются только тогда, когда одинъ изъ соперниковъ окажется дѣйствительнымъ обладателемъ самки.

Немногіе млекопитающіе своею плодовитостью могутъ сравниться съ морской свинкою. У насъ самка мечетъ три раза въ годъ по 2—3, иногда по 4—5 дѣтенышей, а въ жаркихъ странахъ даже по 6—7. Дѣтеныши являются на свѣтъ вполне развитыми, рождаются съ открытыми глазами и уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія бываютъ въ состояніи бѣгать рядомъ съ матерью. На другой день своей жизни онѣ нѣрѣдко вмѣстѣ со всѣми садятся къ корму и ѣдятъ зелень и даже зерна почти съ такимъ-же удовольствіемъ, какъ и сама мать. Тѣмъ не менѣе мать въ теченіи 14 дней кормитъ ихъ своимъ молокомъ и въ это время проявляетъ къ нимъ большую любовь и заботливость, защищаетъ ихъ, удерживаетъ ихъ вмѣстѣ, водитъ къ корму и т. д. По мѣрѣ того какъ дѣтеныши становятся разумнѣе, эта пылкая любовь охладѣваетъ, а по истеченіи трехъ недѣль, когда обыкновенно мать снова спаривается съ самцомъ, она уже больше не заботится о своемъ прежнемъ потомствѣ. Отецъ съ самаго начала относится къ дѣтенышамъ безразлично, даже враждебно, и часто случается, что онъ загрызаетъ ихъ до смерти и пожираетъ. Пятимѣсячное или шестимѣсячное молодое поколѣніе способно уже размножаться, а черезъ 8—9 мѣсяцевъ послѣ рожденія оно достигаетъ полнаго своего роста. При хорошемъ уходѣ эти животныя могутъ жить до 6—8 лѣтъ. Если много заниматься морскими свинками, то можно сдѣлать ихъ очень ручными, хотя онѣ никогда совершенно не могутъ освободиться отъ своей боязливости, а при своихъ незначительныхъ умственныхъ способностяхъ рѣдко доходятъ до того, чтобы уметь отличить отъ другихъ людей своего сторожа. Никогда не пытаются онѣ угусить или прибить къ другому способу защиты. Маленькое дитя можетъ безъ боязни играть съ ними. Часто онѣ обнаруживаютъ дѣйствительно замѣчательное равнодушіе ко всѣмъ внѣшнимъ предметамъ. Какъ-бы ни былъ для нихъ милъ и пріятенъ ихъ хлѣвъ, но онѣ не станутъ случать по нему, если ихъ перемѣстятъ въ другое какое-нибудь мѣсто; онѣ позволяютъ нянчить себя и ласкать, брать на колѣни, носить на рукахъ, не выказывая неудовольствія. Если имъ даютъ поѣсть, то онѣ вездѣ чувствуютъ себя хорошо. Но за то онѣ рѣдко проявляютъ истинную привязанность и одинаково дружны со всѣми.

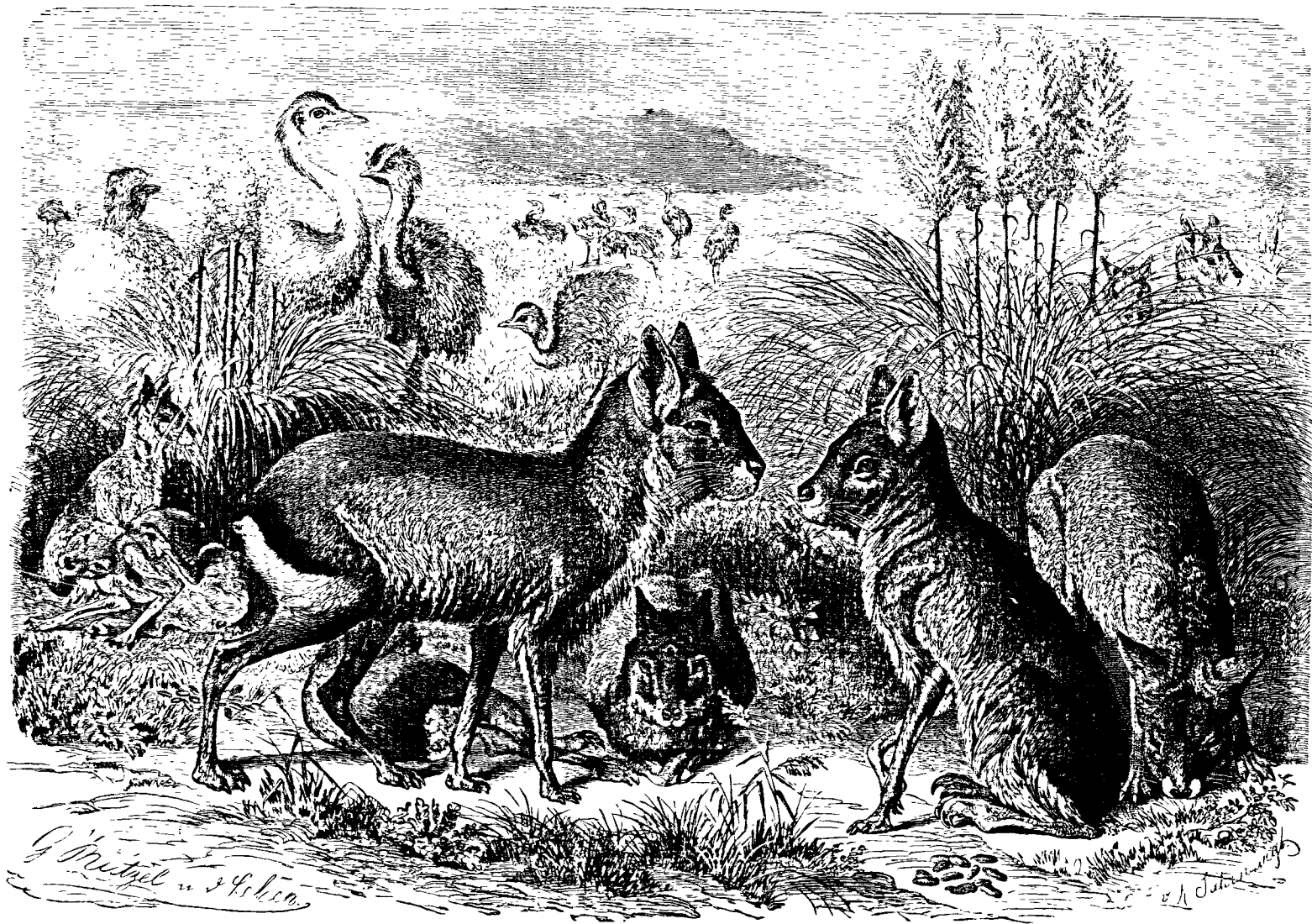
Бываютъ однако исключенія. «Морская свинка, принадлежавшая мнѣмъ

дѣтямъ», пишетъ Фридель, «привѣтствовала моего сына, услышавъ его шаги, громкимъ взволнованнымъ пискомъ, а когда онъ приносилъ ей пищу, то обыкновенно выражала свое довольство благодарственнымъ громкимъ бормотаньемъ; мою меньшую дочь она привѣтствовала не пискомъ, а только такимъ бормотаньемъ; жену и меня она, напротивъ, никогда не встрѣчала громкимъ бормотаньемъ. Если случилось моей женѣ поздно вечеромъ проходить по комнатѣ, гдѣ жилъ звѣрекъ, то онъ жалобнымъ пискомъ всегда выпрашивалъ у нея лакомый кусочекъ; при мнѣ онъ молчалъ, зная, что такъ поздно я не дамъ ничего. Значить, звѣрекъ могъ точно различить четыре лица, кромѣ того онъ умѣлъ дѣлать фокусы,— по приказанію притворяться мертвымъ и по приказанію опять вставать на ноги». Очень чувствительныя къ холодному и сырому воздуху, морскія свинки, подвергаясь дѣйствию суровой погоды, заболѣваютъ и тогда легко погибаютъ.

Собственно вреда морскія свинки причинить не могутъ; развѣ только въ томъ случаѣ, когда, помѣщенные въ комнатѣ, могутъ иногда оказаться неудобными, вслѣдствіе своей повадки все грызть. Но это не принимается въ расчетъ въ виду многихъ хорошихъ качествъ, которыми онѣ доставляютъ намъ удовольствіе, а, слѣдовательно, и пользу. Конечно, онѣ неповинны въ томъ, какую услугу оказали дѣлу научнаго изученія физиологіи. Бишофъ пользовался ими для своихъ изслѣдованій о развитіи животныхъ и этимъ обезпечилъ имъ почетное мѣсто въ нашей научной литературѣ.

* * *

Въ высшей степени своеобразное животное, встрѣчающееся въ американскихъ пустыняхъ, **Мара** (*Dolichotis patagonica*, *Cavia patagonica*) служитъ представителемъ второго рода полукопытныхъ. Во многихъ отношеніяхъ напоминающая зайца, мара значительно отличается отъ него высокими ногами и болѣе короткими и тупыми ушами. Тѣло у нея довольно тонкое, вытянутое и спереди тоньше, чѣмъ сзади; ноги длинныя, заднія длиннѣе переднихъ; при этомъ заднія трехпалыя, а переднія четырехпалыя; на заднихъ пальцы длинные, а на переднихъ короткіе; но въ обоихъ случаяхъ пальцы свободны и вооружены длинными и сильными когтями. На довольно тонкой шеѣ помѣщается сверху приплюснутая, а у морды заостренная голова съ длинными, довольно тонкими, округленными стоячими ушами и небольшими живыми глазами. Хвостъ короткій и загнутъ кверху. Сравнительно небольшіе коренные зубы имѣютъ большую срединную эмалевую складку. Мѣхъ мягкій, густой и глянцевитый; волосы короткіе и гладко прилегаютъ къ тѣлу. Верхняя часть тѣла окрашена въ особый буро-сѣрый цвѣтъ съ тонкими бѣлыми крапинами. На бокахъ и на вѣншихъ частяхъ ногъ эта окраска переходитъ въ свѣтло-бурую. Черное пятно, находящееся въ области хвоста, рѣзко ограничивается бѣлой полоской, идущей поверхъ хвоста. Вся нижняя сторона тѣла бѣлая, грудь окрашена въ свѣтло-бурый цвѣтъ, простирающийся до глотки, а горло опять бѣлое. Блестящіе черные усы сильно отличаются отъ остальныхъ волосъ. У взрослыхъ животныхъ длина всего тѣла составляетъ 50 см.; изъ нихъ на долю кургузаго хвоста приходится 4—5 см.; высота въ плечахъ достигаетъ 45 см., почему звѣрекъ этотъ на первый взглядъ походитъ скорѣе на жвачное животное, чѣмъ на грызуна. Не удивительно, что прежніе мореплаватели, какъ Нарборугъ, Вудъ, Вайронъ и другіе, встрѣчавшіе мару на негостепримныхъ берегахъ Патагоніи, описывали ее такъ неточно, что нельзя было догадаться о какомъ животномъ они говорили. Азара первый указалъ подобающее ей мѣсто между грызунами. «Европейцы», говоритъ онъ, «называютъ это животное зайцемъ, хотя оно во всемъ отъ него отличается. Оно больше и сильнѣе, бѣгаетъ не такъ быстро и устасть скорѣе, такъ что охотникъ на хорошей лошади можетъ

M A P A .

догнать его и убить копьём или ударомъ лассо. Почти всегда находятъ марь по нѣсколку штукъ вмѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, самцовъ по близости самокъ. Обыкновенно онѣ въ одно время поднимаются и бѣгутъ вмѣстѣ. Часто ночью случалось мнѣ слышать неприятный, рѣзкій голосъ, звучащій приблизительно, какъ «овви»; такъ точно кричитъ это животное, когда его поймаешь и держишь въ рукѣ. Дикари и простолюдины-европейцы ѣдятъ его мягкое мясо, но цѣнятъ его менѣе мяса броненосца. Оно по вкусу, говорятъ, совершенно отличается отъ мяса нашего европейскаго зайца. Мнѣ говорили, что этотъ звѣрекъ устраиваетъ свое жилище въ норахъ вискаши (*Lagidium*), и что въ случаѣ опасности онѣ въ нихъ ищутъ убѣжища. Но тѣ, которыхъ я преслѣдовалъ, всегда искали спасенія въ своихъ норахъ, хотя по близости находилось нѣсколько норъ вискашей. Никогда не случалось мнѣ застать звѣрка въ логовищѣ, а всегда стоящимъ прямо, какъ олень или косули; обыкновенно мара тотчасъ-же обращалась въ бѣгство и убѣгала на довольно большое разстоянiе. Понавишя въ неволю молодыми мара дѣлаются ручными; онѣ удаляются отъ дома и возвращаются опять, ходятъ на пастбище и ѣдятъ всякую пищу. Одинъ мой прiятель прислалъ мнѣ двухъ марь, выросшихъ въ его домѣ. Это были необыкновенно милыя и ручныя животныя; къ сожалѣнiю, выйдя изъ дома, онѣ были разорваны собакой».

Позднѣе Дарвинъ сообщилъ болѣе точныя свѣдѣнiя объ этомъ замѣчательномъ животномъ. Отъ него мы узнали, что мара не встрѣчается къ сѣверу выше 37-ой параллели южной широты. Каменистая и пустынная Патагонiя есть ея родина. Тамъ, гдѣ Сьерра Талнаквенъ служитъ границею этой пустыни и почва становится влажнѣе и богаче растенiями, мара совершенно исчезаетъ. Къ западу она встрѣчается почти до самой Мендозы, слѣдовательно, до 33-ей параллели южной широты, возможно даже, что она попадается въ окрестностяхъ Кордовы, въ Аргентинской республикѣ. Еще два столѣтiя тому назадъ животное это встрѣчалось гораздо чаще, чѣмъ въ настоящее время, когда оно является многочисленнымъ только въ такихъ странахъ, гдѣ защитою для него служитъ самое безплодiе почвы. Но и здѣсь, несмотря на многочисленность, добыть это животное оказывается дѣломъ не легкимъ, по той простой причинѣ, что его очень трудно увидать. Оно или скрывается въ своей норѣ, или лежитъ плотно прижавшись къ землѣ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вслѣдствiе землистаго цвѣта своего мѣха, дѣлается совершенно неразличимымъ. Къ этому присоединяются его пугливостъ и боязливостъ. Мара при малѣйшей опасности обращается въ бѣгство; при этомъ звѣрки, всегда держащiеся вмѣстѣ, слѣдуютъ за вожакомъ короткими непрерывными прыжками, не уклоняясь отъ прямой линiи. Старые путешественники рассказываютъ, что мара поселяется исключительно въ норахъ, вырытыхъ вискашами, если другое земляное животное еще не успѣло ими завладѣть. Дарвинъ полагаетъ однако, что она сама вырываетъ себѣ нору, но, кажется, не особенно дорожитъ такимъ жилищемъ. Дарвинъ, много разъ видѣвшiй ее въ сидячемъ положенiи передъ своей норой, узналъ однако, что она, вопреки обычаю грызуновъ и прочихъ обитателей норъ, часто удаляется отъ своего жилища и въ сообществѣ съ другими уходитъ на нѣсколько миль и не всегда возвращается въ свое прежнее убѣжище. Мара вполнѣ дневное животное, хотя и прячется въ нору во время полуденнаго жара. Ея пищу составляютъ различныя растенiя, корни и кора ихъ, и вообще вещества, которыми пренебрегаютъ другiя млекопитающiя. Во многихъ мѣстностяхъ Патагонiи, гдѣ на кремнистой почвѣ могутъ жалко прозябать только сухiе и колючiе кусты, мара есть единственное животное, которое здѣсь можно увидѣть.

Очень близко отъ Мендозы, по словамъ Геринга, мара появляется крайне рѣдко;

ее встрѣчаютъ чаще далѣе къ югу. Она бываетъ многочисленнѣе въ такихъ уединенныхъ мѣстахъ, которыя, не будучи совершенными пустынями, покрыты кустарникомъ. Здѣсь можно видѣть ихъ по 4—8 штукъ и даже стадами отъ 30—40 головъ. Именно въ этихъ самыхъ мѣстахъ рядомъ съ ними живетъ хорошенкѣй зуекъ, называемый здѣсь «мартинетта» (*Charadrius*), и можно смѣло разсчитывать, что тамъ, гдѣ попадется эта птица, встрѣтишь непременно и мару, — и наоборотъ. Герингъ никогда не видѣлъ мару въ норахъ, хотя она несомнѣнно живетъ въ нихъ, такъ какъ около всѣхъ норъ ихъ находятся большія кучи особеннаго вида продолговато-круглаго помета. Мара принадлежитъ къ числу немногихъ млекопитающихъ, которыя именно въ солнечномъ свѣтѣ чувствуютъ себя особенно хорошо. Если ничто ее не тревожитъ, то мара ложится на бокъ или плотно брюхомъ къ землѣ и при этомъ загибаетъ кисти переднихъ конечностей внутрь, чего не дѣлаетъ ни одинъ изъ грызуновъ. Отъ времени до времени отдыхающія мары потягиваются и вытигиваются въ полномъ удовольствіи; но при малѣйшемъ шорохѣ онѣ вскакиваютъ, становятся передними ногами на копыта, а задними на всю ступню, такъ-что лапы заднихъ ногъ приподняты: опѣненѣвъ какъ статуи, животныя неподвижно остаются въ такомъ положеніи, напряженно вематриваясь и вслушиваясь по направленію того мѣста, откуда произошелъ шумъ; въ случаѣ если шумъ продолжается, онѣ совершенно поднимаются, нѣсколько секундъ наблюдаютъ стоя и, наконецъ, если имъ кажется, что опасность приближается, пускаются далѣе своеобразнымъ и часто прерываемымъ галопомъ. Онѣ отбѣгаютъ только на нѣсколько шаговъ и садятся, потомъ встаютъ и, снова пробѣжавъ нѣкоторое разстояніе, опять садятся; пробѣжавъ еще шаговъ 50—100, еще разъ присаживаются и тогда только бросаются бѣжать, но все-таки ровными скачками. Тѣмъ не менѣе такой бѣгъ довольно быстръ, потому-что онѣ въ состояніи дѣлать прыжки отъ 1½—2 метровъ. Хорошая борзая собака, конечно, могла-бы догнать ихъ; но верховой охотникъ долженъ долго преслѣдовать ихъ и истомить, чтобы ихъ поймать. Пищу ихъ составляютъ немногія травы, растущія на ихъ бѣдной родинѣ; но онѣ забираются иногда однако на плантаціи и отлично лакомятся, въ особенности на поляхъ, засѣянныхъ клеверомъ. Онѣ отгрызаютъ злаки, потомъ, выпривившись, ѣдятъ въ сидячемъ положеніи, почти ничѣмъ не шевеля, кромѣ какъ челюстями. При этомъ слышится довольно сильный шумъ, и очень странно видѣть, какъ постепенно исчезаютъ длинныя соломинки и листья, а между тѣмъ жевательныя движенія почти вовсе незамѣтны. Сочной пищи совершенно достаточно для утоленія ихъ жажды. Одна мара, которую кормили зеленью, во все продолженіе своего плѣна не выпила ни одной капли воды. Въ Мендозѣ Герингъ долгое время наблюдалъ одну взрослую мару въ неволѣ. Это было очень милое, доброе, невинное созданіе. Съ самаго перваго дня она относилась къ своему хозяину очень довѣрчиво, безъ всякой боязни изъ его рукъ принимала предлагаемую ей пищу и, обнаруживая безпокойства, позволяла трогать и гладить себя. Къ ласкамъ она была очень чувствительна; когда ее слегка чесали пальцами, она выгибала спинку и повертывала на сторону голову, какъ-бы желая видѣть благодѣтельную руку, сопровождая это въ высшей степени довольнымъ, но непередаваемо страннымъ не то пискомъ, не то хрюканьемъ. Однако ея голосъ не имѣлъ рѣшительно ничего непріятнаго, а, напротивъ, въ немъ слышалось что-то трогательное и располагающее. Плѣнная мара спала только ночью, но мало, и, заслышавъ шорохъ, сейчас-же дѣлалась бодрою. Обыкновенно ее держали на привязи, но разъ въ отсутствіе своего хозяина она сумѣла оторваться, обшарила всю комнату и произвела въ ней много безпорядковъ.

Мара чрезвычайно осторожна и для отдохновенія или для ѣды всегда избираетъ открытое мѣсто, не поросшее кустарникомъ, какъ-бы сознавая, что изъ-за кустовъ къ ней можно подкрасться. Поэтому очень не легко подойти къ ней на разстояніе выстрѣла. Въ логовищѣ ее застать нельзя; чувства у нея такія тонкія, что уже издали она замѣчаетъ приближеніе врага. Опытный наѣздникъ скорѣе всего убиваетъ ее посредствомъ лассо. Продолжительный бѣгъ ее утомляетъ, и тогда на быстрой лошади ее можно догнать. Индѣйцы и гаучосы со страстью охотятся за нею, главнѣйшимъ образомъ ради ея мѣха, изъ котораго готовятся стольже красивые, какъ и мягкіе ковры и одѣяла.

* *

Агути или **Гути** (*Dasyprocta*) своимъ видомъ сильно напоминаютъ маленькую кабаргу; это высоконогіе, коренастые грызуны съ длинной остромордой головой, маленькими круглыми ушами, голымъ, кургузымъ хвостомъ и задними конечностями, которыя гораздо длиннѣе переднихъ. Эти послѣднія, при четырехъ пальцахъ, имѣютъ еще маленькій зачатокъ большого пальца, тогда какъ на заднихъ конечностяхъ имѣется только три пальца, совершенно раздѣленныхъ и очень длинныхъ. Въ вообщемъ пальцы вооружены крѣпкими, широкими, мало загнутыми копытообразными когтями, которые въ особенности на заднихъ ногахъ сильно развиты; зачатокъ большого пальца имѣетъ небольшой плоскій ноготь. Въ общемъ агути сложены легко и красиво и потому производятъ очень пріятное впечатлѣніе.

Зубы у нихъ хорошо развиты: особенно бросаются въ глаза плоскіе, гладкіе рѣзцы потому уже, что верхняя ихъ пара окрашена въ довольно яркій красный цвѣтъ, а нижняя въ желтоватый; нѣсколько закругленные коренные зубы имѣютъ единственную срединную полоску и нѣсколько отдѣльных островковъ эмали.

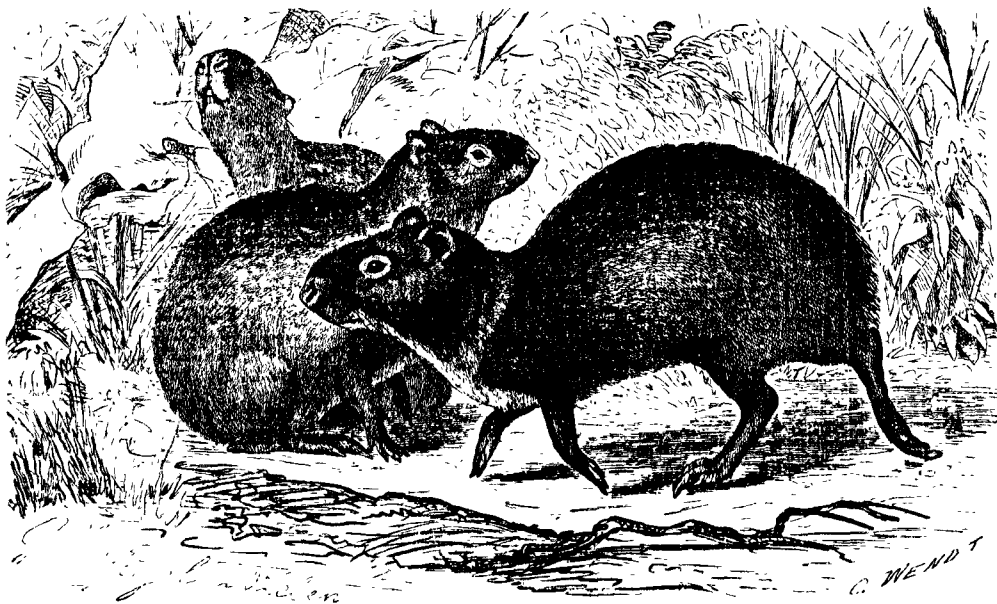
Въ настоящее время агути живутъ или парами, или маленькими стадами въ лѣсистыхъ равнинахъ и преимущественно въ самыхъ густыхъ лѣсахъ по низовьямъ рѣкъ; но нѣкоторые изъ нихъ поднимаются въ горы до 2000 метр. надъ уровнемъ моря. Изъ описанія самаго обыкновеннаго вида мы можемъ познакомиться съ жизнью всѣхъ ихъ.

* *

Агути или **Гути** или, какъ его называютъ еще за его красивый мѣхъ, **Золотой заяцъ** (*Dasyprocta aguti*), есть одинъ изъ самыхъ нарядныхъ видовъ всего семейства и имѣетъ густой, гладко прилегающій волосяной покровъ. Жесткіе, толстые, почти щетинистые волоса имѣютъ сильный глянецъ. Мѣхъ красновато-лимоннаго цвѣта, перемеженный съ черно-бурымъ; на волосахъ имѣется отъ трехъ до четырехъ черно-бурыхъ поперечныхъ полосъ и столько-же красновато-лимонныхъ; нѣкоторые волоса съ свѣтлымъ кончикомъ, а другіе съ темнымъ, отчего и происходитъ переливъ цвѣтовъ. На нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣла преобладаетъ желтый цвѣтъ, при чемъ черный цвѣтъ или совершенно исчезаетъ, или образуетъ только узкое кольцо. Такимъ образомъ общая окраска измѣняется частію вѣдѣствіе движеній животнаго, частію отъ различнаго освѣщенія и, наконецъ, она въ зависимости отъ того, что на иныхъ мѣстахъ волоса длиннѣе, а на другихъ короче. Морда и конечности покрыты только короткими волосами, задняя часть тѣла болѣе длинными; на крестцѣ и на бедрахъ длина волосъ доходитъ до 6-ти см.; горло голое. На головѣ, затылкѣ, передней части спины и на наружной сторонѣ конечностей преобладаетъ рыжеватый цвѣтъ, потому-что здѣсь очень густо разбросаны крапинки; а на задней части спины въ области крестца животное кажется болѣе желтымъ, потому-что крапинки здѣсь рѣже. Общая окраска зависитъ также и отъ времени года: лѣтомъ она свѣтлѣе, зимою —

темнѣ. Длина тѣла взрослого самца достигаетъ 40 см., а длина кургузаго хвоста только 1,5 см.

Гвѣана, Суринамъ, Бразилія и сѣверный Перу составляютъ родину агути. Во многихъ мѣстахъ онъ попадается часто, но чаще всего въ низменностяхъ по берегамъ рѣкъ Бразиліи. Здѣсь, какъ и вездѣ, онъ живетъ въ лѣсахъ, и при томъ какъ въ сырыхъ первобытныхъ лѣсахъ, такъ и въ сухихъ, во внутренности страны; бродитъ также и въ прилежащихъ травянистыхъ степяхъ, замѣняя зайца; въ открытыхъ поляхъ съ короткой травой онъ никогда не встрѣчается. Обыкновенно находить его въ дуплахъ деревьевъ не высоко отъ земли и чаще въ одиночку, чѣмъ по нѣскольку штукъ. Днемъ онъ лежитъ спокойно въ своемъ убѣжищѣ и показывается только тамъ, гдѣ считаетъ себя совершенно безопаснымъ. Съ закатомъ солнца онъ выходитъ кормиться и въ хорошую погоду рыщетъ цѣлую ночь. Онъ

Агути. *Dasyprocta aguti*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

имѣетъ привычку, какъ сообщаетъ Ренгеръ, часто покидать свое мѣстопробываніе и снова возвращаться; отъ этого скоро образуется узкая тропинка, иногда имѣющая около 100 метровъ длины, по которой легко узнать мѣстопробываніе животного. Если ловище не запрято въ непроницаемой чащѣ, то, направивъ собаку по такой тропинкѣ, почти всегда удастся взять агути живымъ. Лай собакъ загоняетъ животное въ его дупло; тогда остается вытащить его изъ убѣжища или откопать его. Но если агути во время замѣтитъ приближеніе собакъ, то онъ мгновенно удаляется, и тогда его ловкость и быстрота бѣга скоро уносятъ его за предѣлы преслѣдованія.

Агути совершенно безобидный, боязливый звѣрекъ и потому подвергается многимъ опасностямъ, такъ-что только необыкновенное его проворство и тонкость чувствъ могутъ спасти его отъ гибели. Своими прыжками онъ напоминаетъ маленькихъ антилопъ и кабаргу. Его бѣгъ состоитъ изъ прыжковъ, такъ быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ, что, кажется, будто животное мчится полнымъ галопомъ, а спокойная походка за-то довольно медленный шагъ. Изъ внѣшнихъ чувствъ наиболѣе развитымъ оказывается у него обоняніе, но и слухъ также очень тонокъ; за-то

рѣшіе, напротивъ, очень слабо, и вкусъ далеко не тонкій. Умственные способности очень ограничены; замѣтна только нѣкоторая память мѣстности. Пища агуты состоитъ изъ травъ и растений, которыя они съѣдаютъ цѣликомъ, отъ корней до цвѣтовъ и зеренъ. Ихъ острымъ рѣзцамъ не можетъ противиться никакая часть растений: они раскалываютъ самые твердые орѣхи. Въ обработанныхъ мѣстахъ агуты посѣщаетъ иногда плантаціи сахарнаго тростника и огороды и этимъ приноситъ вредъ; но дѣйствительный ущербъ наноситъ онъ только тамъ, гдѣ водится въ большомъ количествѣ.

О размноженіи живущихъ на волѣ агуты еще не имѣется точныхъ свѣдѣній. Извѣстно, что животное сильно размножается, что беременная самка встрѣчается во всякое время года и можетъ произвести нѣсколько дѣтенышей заразъ. Одно и то-же животное мечетъ обыкновенно два раза въ годъ: первый разъ въ октябрѣ, то есть, въ началѣ дождливой поры или весны, а второй разъ нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, но до наступленія засухи. Около этого времени самецъ избираетъ самку и гоняется за нею со свистомъ и хрюканьемъ, пока не добьется ея благосклонности, несмотря на ея первоначальную суровость. Въ скорости послѣ спариванія самецъ и самка расходятся и живутъ отдѣльно. Самка переходитъ на свое старое жилье и исправляетъ его для своего потомства, т. е. выстилаетъ его какъ можно плотнѣе листьями, кореньями и волосами; на этой мягкой подстилкѣ она производитъ на свѣтъ дѣтенышей, кормитъ ихъ нѣсколько недѣль съ большою нѣжностью и въ заключеніе водить ихъ нѣкоторое время съ собою, поучая ихъ находить пищу и защищая ихъ на первыхъ поискахъ. Агуты плодятся нерѣдко и въ невольѣ. Уже Ренгеръ рассказываетъ, что одна парочка, жившая у Шарлетта, послѣ долгаго ухаживанья съ одной стороны и упорства съ другой, спарилась, и что самка послѣ шестинедѣльной беременности произвела двухъ, къ сожалѣнію, мертвыхъ дѣтенышей. Въ Лондонѣ, Амстердамѣ и Кельнѣ удавалось воспитать дѣтенышей агуты. «Два раза», говоритъ Бодинусъ, «воспитывали мы дѣтенышей агуты, — въ первый разъ двухъ, а во второй только одного. Я имѣлъ случай наблюдать, что самка не особенно полагается на чадолюбіе отца. Маленькія животныя, хотя еще слабо держались на ногахъ, бѣгали уже вскорѣ послѣ рожденія, подобно новорожденнымъ морскимъ свинкамъ. Если они приближались къ отцу, то мать бросалась къ нимъ съ оцетинившимися волосами, схватывала ихъ ртомъ и прятала въ уголокъ; такъ поступало заботливое животное нѣсколько дней, пока дѣти не привыкли къ ней и не стали избѣгать опасной близости грознаго родителя. Въ теченіи четырехъ—пяти дней отецъ, повидимому, тоже привыкалъ къ дѣтенышамъ, и опасность была устранена. Обыкновенно дѣтеныши держались гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ, а когда чувствовали голодь, то выходили съ пискомъ къ матери, которая встрѣчала ихъ нѣжнымъ похрюкиваньемъ, садилась на заднія конечности и давала имъ сосать. Неожиданный шорохъ заставлялъ ихъ прятаться въ свой уголокъ, пока они, нѣсколько освоившись съ обстановкой, почувствовали себя свободнѣе и стали слѣдовать за матерью. Черезъ нѣсколько дней по рожденіи они грызли уже кормъ взрослыхъ и мало-по-малу выросли, не представляя ничего особенно замѣчательнаго. При самомъ рожденіи они имѣли уже всѣ признаки взрослыхъ животныхъ, незначительно отличаясь отъ нихъ только по внѣшнему виду».

Находившіеся на моемъ попеченіи агуты тоже произвели дѣтенышей, но вскорѣ умертвили ихъ: по какой причинѣ—этого объяснить я не могу. Рожденіе послѣдовало, когда я этого совсѣмъ не ожидалъ, 2-го февраля, въ сильный холодъ и, вѣроятно, внутри просторной норы, которую мои плѣнники соорудили себѣ внутри своей загородки по собственному своему вкусу и плану. Однажды утромъ я нашелъ уже убитыхъ новорожденныхъ, лежавшихъ съ прокушеннымъ черепомъ у отверстія норы,

и я полагаю, что это убійство было совершено другими агути, содержащимися въ этой-же загородкѣ. Стоитъ замѣтить, что мои плѣнные агути выталкивали изъ жилища всѣ трупы, оставляя ихъ у входа. Они вынесли какъ этихъ дѣтенышей, такъ и стараго агути, умершаго въ норѣ. Такое поведеніе животныхъ стоитъ въ самой тѣсной связи съ ихъ чистоплотностью.

Рентгеръ утверждаетъ, что агути, пойманный молодымъ и заботливо воспитанный, дѣлается почти домашнимъ животнымъ. «Я видѣлъ», говоритъ онъ, «многихъ агути, которымъ позволяли свободно бѣгать, не боясь, что они убѣгутъ. Даже среди густыхъ лѣсовъ своего настоящаго мѣстопребыванія въ свободномъ состояніи, они не убѣгаютъ, разъ они сдѣлались ручными. Такъ мнѣ удалось видѣть въ лѣсахъ сѣвернаго Парагвая, въ жилищахъ туземцевъ, двухъ ручныхъ агути, которые проводили утро и вечеръ въ лѣсу, а полдень и ночь у индѣйцевъ. Потребность свободы подавляется у нихъ не столько привязанностью къ человѣку, сколько привычкою къ своему жилищу. Человѣку они мало преданы, своего сторожа отнюдь не отличаютъ отъ другихъ людей, рѣдко слушаются его зова и ищутъ его только тогда, когда голодны. Также неохотно дозволяютъ они ему дотрогиваться до себя; они не выносятъ никакого принужденія, живутъ совершенно по своему усмотрѣнію и въ крайнемъ случаѣ ихъ можно научить только тому, чтобы они искали себѣ пищу на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Впрочемъ, въ домашнемъ состояніи они настолько измѣняютъ свой образъ жизни, что болѣе бѣгаютъ днемъ, а ночью спятъ. Обыкновенно они устраиваютъ свое ложе гдѣ-нибудь въ углу, выстилая его соломой, листьями, а иногда и женскими шелковыми башмаками и платками, которые они изгрызаютъ въ клочки. Вообще они причиняютъ мало вреда, но когда ихъ запираютъ, они отъ скуки разрушаютъ все, что имъ оказывается по зубамъ. Движенія ихъ очень легки. Они ходятъ или медленнымъ шагомъ, становясь только на пальцы и дугою изгибая спину, или бѣгутъ галопомъ, или вскачь, дѣлая такіе прыжки, которые по длинѣ не уступаютъ прыжкамъ нашего зайца. Звуки они издаютъ очень рѣдко; но когда бываютъ раздражены, то кричатъ свистящимъ голосомъ; иногда они мурлычатъ, но очень тихо, когда, спрятавшись, грызутъ что-нибудь. Если ихъ сильно разсердить или испугать, то по спинѣ у нихъ поднимаются волосы, и нѣкоторая часть ихъ при этомъ совсѣмъ выпадаетъ. Ихъ кормятъ всѣмъ, что въ домѣ употребляется въ пищу. Но мясо они однако не такъ любятъ, какъ полагаетъ Азара, а ѣдятъ его только по недостатку другой пищи. Самое любимое кушанье ихъ, это—розы. Если принести розанъ въ ихъ жилище, то они сейчасъ-же почувуютъ его и отыщутъ. Пищу обыкновенно они схватываютъ рѣзцами и держатъ ее зачатками большихъ пальцевъ переднихъ конечностей, садясь при этомъ, какъ это дѣлаютъ бѣлки, на заднія запы. Иногда они ѣдятъ лежа, обыкновенно въ томъ случаѣ, когда даютъ имъ маленькіе кусочки. Я никогда не видѣлъ, чтобы они пили; но, по наблюденіямъ Парлетта, они лакаютъ воду».

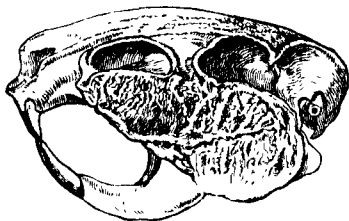
Бодинусъ справедливо говоритъ, что красивое сложеніе, прелестный видъ и опрятность агути заслуживаютъ вниманіе любителей, и что только страсть грызть дѣлаетъ ихъ нѣсколько несносными. Тѣ, которые содержались у Бодинуса, были такъ доверчивы, что брали изъ рукъ лакомые куски и мгновенно сѣдали ихъ съистинно благодарнымъ взглядомъ, устремленнымъ на подателя. Нѣкоторые плѣнные агути смѣшили посетителей главнымъ образомъ другою своею особенностью, о которой мнѣ еще нигдѣ не случалось читать: они зарываютъ часть пищи для того, чтобы обезпечить себя на случай нужды. Когда даютъ имъ ѣсть, они жадно набрасываются на пищу и откусываютъ отъ нея нѣсколько кусковъ; затѣмъ выбираютъ себѣ кусочекъ морковки или какой-нибудь предложенный плодъ, уносятъ его во рту, вырываютъ потомъ

гдѣ-нибудь небольшую яму, кладутъ туда свое сокровище, засыпаютъ землею и утаптываютъ ее передними ногами. Продѣлываютъ они все это такъ быстро, ловко и опрятно, что весело смотрѣть на нихъ. Покончивши дѣло, они отираются за новымъ запасомъ и поступаютъ по прежнему. Въ высшей степени забавно смотрѣть, какъ осторожно при этомъ они осматриваются и какъ заботливо стараются они спрятать свой кладъ такъ, чтобы никто не видѣлъ. Если-же приблизится къ нимъ другое животное, то они поднимаютъ волосы и гнѣвно бросаются на нарушителя своего спокойствія. Вообще, они, кажется, въ высшей степени жадны къ пище; ихъ слабѣйшіе товарищи по плѣну должны красть всякій кусочекъ, который они хотятъ съѣсть; они оснаиваютъ пищу даже и у болѣе сильныхъ животныхъ, напр. у пакъ и сурковъ.

Опрятность содержавшихся у меня агути проявлялась при всякомъ случаѣ. Они держали себя очень чисто и тщательно избѣгали гдѣ-нибудь запачкаться; жилище свое также содержали въ самомъ лучшемъ состояніи. Этими жилищами они собственно были обязаны сурку, котораго я помѣстилъ въ ихъ загородку. До прибытія этого сожителя они и не думали устраивать себѣ норы, а довольствовались приготовленными для нихъ уголками, высланными сѣномъ и соломою. Какъ только появился сурокъ, дѣло пошло иначе. Альпійское животное нашло упомянутыя убѣжища совсемъ не по своему вкусу и немедленно пустило въ дѣло свое инженерное искусство. Сурокъ прежде всего началъ рыть косо ведущій внизъ каналъ и въ продолженіи нѣкотораго времени, развѣтвляя его, устроилъ довольно сложную нору. Но онъ ошибся, если разсчитывалъ трудиться для себя самого: агути также нашли его жилище очень удобнымъ для себя и помѣстились въ немъ рядомъ съ законнымъ его владѣльцемъ; даже казалось, что онъ-то именно и научилъ ихъ рыть, потому-что, начиная съ этого времени, и они стали работать съ настойчивостью и усердіемъ надъ усовершенствованіемъ подземной норы. Сурокъ продолжалъ свои поученія, таская сѣно и солому во внутренность норы: агути подражали ему во всемъ, и въ короткое время цѣлое общество устроилось отлично. Въ концѣ сентября сурокъ скрылся изъ глазъ, вѣроятно, впадъ уже въ зимнюю спячку, а вмѣстѣ съ этимъ, по крайней мѣрѣ, большая половина норки досталась въ полное распоряженіе агути. Съ этой поры они стали носить туда очень много сѣна и соломы; но отъ времени до времени все выбрасывали вонъ и потомъ снова приносили свѣжіе запасы. Цѣлую зиму оставались они въ устроенной ими самими норѣ, потому-что намъ не удалось поймать ихъ. Когда наступили холода, они показывались только на нѣсколько минутъ, чтобы поѣсть, и дѣлали это какъ днемъ, такъ и ночью; стужа, видимо, была имъ неприятна, но не причиняла вреда, и, къ моему крайнему изумленію, они отлично переносили значительные морозы. Только выпавшій снѣгъ былъ для нихъ тягостенъ и для одного изъ нихъ даже оказался гибельнымъ.

Между многими врагами, нападающими на агути, первое мѣсто занимаютъ крупныя кошки и бразильскія собаки; но и самъ человѣкъ не отличается особенной благосклонностью къ красивому грызуну, а охотникъ, послѣ дикообраза, видитъ въ немъ самое ненавистное животное. «Едва охотникъ начинаетъ», описываетъ Гензель, «забираться въ горы со своими собаками въ надеждѣ добыть себѣ запасъ мяса на нѣсколько дней, убивъ нѣсколько носухъ или заперевъ въ пещерѣ цѣлую стаю пекари, а, пожалуй, если особенно повезетъ, то повалить и тапира, — какъ собаки уже напали на слѣдъ и, горячась, лаютъ и мчатся внизъ по склону горы, пока вдали особенный призывный лай не возвѣститъ охотнику, что дичь уже загнана. Съ негодованіемъ при первомъ лаѣ собакъ охотникъ уже отгадалъ, какая дичь поднята. Ожидать собакъ было-бы бесполезно; съ проклятіями слѣдуетъ онъ

за охоту и наконецъ останавливается передъ стволомъ исполина первобытнаго лѣса, который съ прогнувшейся внутренностью свалился на землю и ждетъ разрушенія. Новый мѣръ непроницаемыхъ растений, вызванныхъ къ жизни свѣтомъ и теплотою, высится надъ трупомъ великана. Здѣсь надъ всѣми щелями и скважинами трудятся собаки, хотя усердіе ихъ далеко не завершается успѣхомъ. Довольно еще твердый стволъ не поддается ихъ зубамъ, а внутри слышится ворчанье агути. Напрасно берется охотникъ за свой охотничій ножъ, - и наконецъ въ безсильной злобѣ онъ рѣшается, по крайней мѣрѣ, сдѣлать врага безвреднымъ навсегда. Изъ всѣхъ силъ вбиваетъ онъ клинъ въ отверстие ствола и обрекаетъ невинное животное мучительной голодной смерти. Не безъ труда отозваны наконецъ собаки, и охотникъ снова начинаетъ подниматься въ горы: тогда разгорается новая охота, и охотникъ въ отчаяніи долженъ покинуть участокъ, потому-что лучшіе часы для охоты уже прошли. Но если-бы и можно было поймать агути, то охотникъ этого не сдѣлаетъ, чтобы не дать новой пищи рвенію собакъ. Въ большинствѣ-же случаевъ овладѣть звѣркомъ совершенно невозможно. Агути отлично знаетъ всѣ пустые стволы своей области и подъ носомъ у собакъ спасается въ первый попавшійся, чтобы тотчасъ-же покинуть его съ противоположнаго конца. Прежде чѣмъ собаки

Черепъ паки.

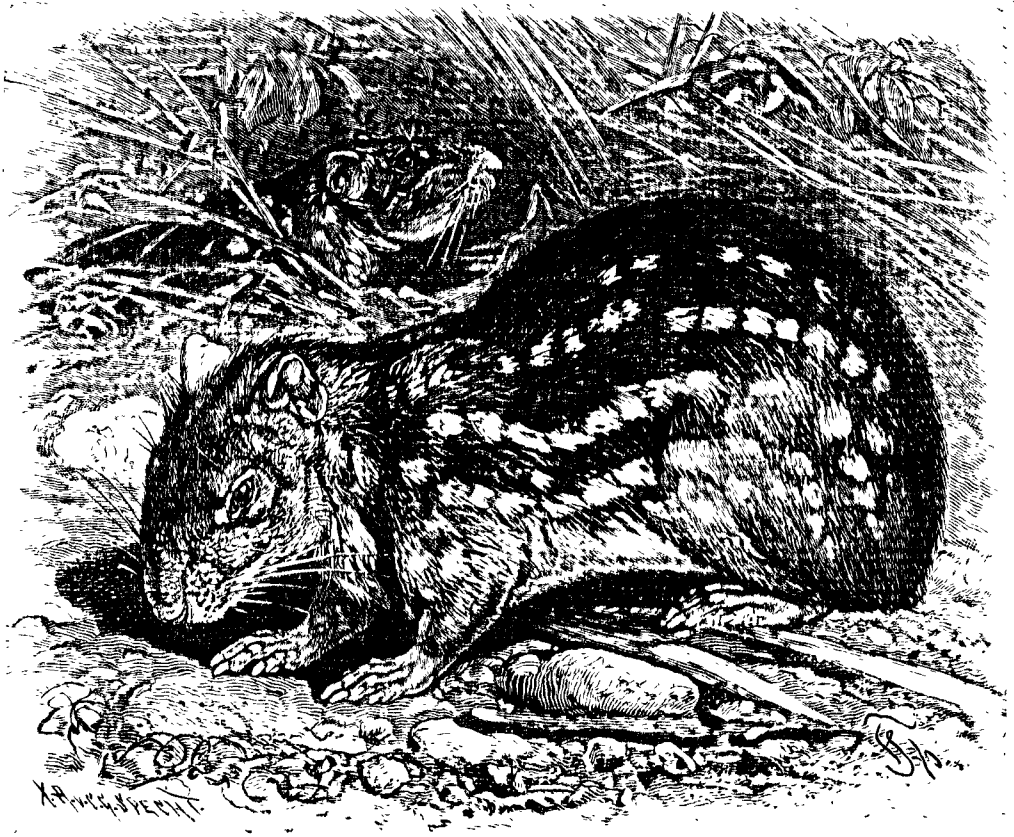
найдутъ выходъ, онъ уже давно въ другомъ стволѣ; и это повторяется до тѣхъ поръ, пока собаки, обезкураженные и истомленные, не прекратятъ охоты. Молодые собаки однако всегда снова даются въ обманъ. Понятна теперь ненависть охотника. Есть мѣстности въ этихъ первобытныхъ лѣсахъ, гдѣ по причинѣ множества агути правильная охота совсѣмъ невозможна. Къ тому-же и мясо этой дичи мало цѣнится и употребляется въ пищу только за немнѣишемъ лучшимъ.

* * *

Пака (*Coelogenys paca*, *Mus* и *cavia paca*, *Coelogenys fulvus* и *subniger*) отличается своеобразно толстой головой, большими глазами и малыми ушами, кургузымъ хвостомъ, высокими ногами, всѣ съ пятью пальцами, щетинистымъ, рѣдкимъ, прилегающимъ мѣхомъ и въ особенности замѣчательно разросшейся скуловой дугой, снабженной на внутренней сторонѣ полостью. Эту полукуость надо считать какъ-бы продолженіемъ защечныхъ мѣшковицъ. Такіе мѣшковицы дѣйствительно существуютъ, но они образуютъ собственно только складку кожи. Отъ нихъ исходить узкая щель, открывающаяся внизъ, въ полость скуловой дуги.

Полость эта одѣта внутри тонкой кожицей и на половину заткнута, такъ что только небольшими отверстіемъ сообщается съ полостью рта. Значеніе этой полости еще до сихъ поръ не извѣстно съ достовѣрностью, но ее нельзя принимать за видоизмѣнившіеся защечные мѣшковицы. Гензель находилъ ее всегда пустою. «Изъ всѣхъ животныхъ только у одной, очень толстой паки, которая, попавъ въ силокъ, должна была очень долго и сильно въ немъ биться, нашлось небольшое количество изжеванныхъ зеленыхъ частей растений, попавшихъ туда, вѣроятно, во время агоніи. Нельзя также объяснить и того, какимъ образомъ животное могло-бы опорожнить наполнившіеся защечные мѣшковицы, такъ какъ они окружены неподвижными массами костей». Развитіе скуловой дуги дѣлаетъ черепъ паки очень высокимъ и угловатымъ «По своей наружности», говоритъ Ренггеръ, «пака имѣетъ нѣкоторое сходство съ молодой свиньей. Голова у нея широкая, рыло тупое, верхняя губа расщеплена, поздри продолговатыя, туловище толстое, ноги также толстыя, пальцы

снабжены тупыми выпуклыми когтями. Хвостъ имѣеть видъ волосистой кисти». Мѣхъ состоитъ изъ короткихъ, плотно прилегающихъ волосъ, которые на верхней сторонѣ и на вѣшнихъ частяхъ имѣють желтовато-бурый цвѣтъ, а на нижней сторонѣ и на внутренней сторонѣ ногъ желтовато-бѣлый. По обѣимъ сторонамъ плечъ идутъ пять рядовъ желтовато-бѣлыхъ пятенъ яйцеобразной формы, проходящихъ до задняго края бедеръ. Цвѣтъ пятенъ нижняго ряда отчасти смѣшивается съ общей окраской всего тѣла. Вокругъ рта и надъ глазами сидятъ нѣсколько обращенныхъ назадъ щетинокъ. Ухо короткое и мало покрыто волосами,

Чака. *Coccyzus paca*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

а подошвы и концы ногъ совершенно голыя. Взрослыя самцы бывають до 70 см. длины, а выотою до 35 см и, по Каплеру, вѣсятъ около 9 килограммъ.

Чака распространена по большей части Южной Америки, по Суринаму и черезъ Бразилію до Парагвая, но попадается также и на южныхъ Антильскихъ островахъ. Чѣмъ уединеннѣе и пустыннѣе мѣстность, тѣмъ чаще встрѣчается здѣсь чака, а въ населенныхъ частяхъ страны она сдѣлалась очень рѣдкою. Опунка лѣса, поросшіе кустарникомъ побережья рѣкъ и болота служатъ ей мѣстопробываніемъ. Здѣсь она вырываетъ себѣ въ землѣ нору отъ 1—2 метровъ длины и спитъ въ ней цѣлый день. Въ сумерки она выходитъ кормиться и поѣбщаетъ при этомъ плантаціи сахарнаго тростника и дынь, которымъ причиняетъ значительный вредъ. Кромѣ того она питается листьями, цвѣтами и плодами различныхъ растений. Жи-

веть она и парами и одиноко и, по Чуди, необыкновенно боязлива и быстра, съ легкостью перенываетъ широкія рѣки, но всегда возвращается въ свое обычное жилище. Самка въ серединѣ лѣта мечетъ одного, много двухъ дѣтенышей, скрываетъ ихъ, по увѣреніямъ дикарей, въ норѣ во все продолженіе кормленія и потомъ водить ихъ съ собою еще нѣсколько мѣсяцевъ.

«Одинъ изъ моихъ знакомыхъ», сообщаетъ Ренггеръ, «державшій наку три года въ своемъ домѣ, рассказываетъ о ея жизни въ домашнемъ состояніи слѣдующее. Моя плѣнница, хотя еще и очень молодая, оказалась очень дикою и неукротою и кусалась, когда къ ней приближались. Весь день она пряталась, а ночью бѣгала, старалась процарапать полъ, издавала различные хрюкающіе звуки и едва касалась предлагаемой ей пищи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она постепенно утратила свою дикость и стала привыкать къ неволѣ. Впослѣдствіи она сдѣлалась еще ручнѣе, позволяла трогать себя и ласкать и подходила къ своему хозяину и постороннимъ лицамъ, но никому не оказывала привязанности. Такъ какъ дѣти днемъ не давали ей покоя, то она измѣнила своимъ обычаямъ только въ томъ отношеніи, что ночью сдѣлалась спокойнѣе и стала принимать пищу. Ее кормили всѣмъ, что ѣли въ домѣ, за исключеніемъ мяса. Пищу схватывала она рѣзцами, а жидкости лакала. Ея хозяинъ увѣрялъ меня, что онъ часто проникалъ пальцемъ въ ея защечные мѣшки и оцупывалъ тамъ пищу. Она была въ высшей степени опрятна и складывала свои испраженія всегда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своего логовища, которое она устраивала себѣ въ углу изъ доскутьевъ, соломы и обрѣзковъ кожи. Она или ходила шагомъ, или быстро бѣгала, припрыгивая. Яркій дневной свѣтъ, казалось, ослѣплялъ ее, но глаза у нея въ темнотѣ не свѣтились. Хотя она, повидимому, совершенно свыклась съ человѣкомъ и со своимъ жилищемъ, но въ ней все-таки осталось сильное стремленіе къ свободѣ. Она убѣжала послѣ трехлѣтняго плѣна при первомъ удобномъ случаѣ, который ей представился». Кожа наку слишкомъ тонка, а волосъ черезъ-чуръ грубъ, чтобы можно было пользоваться ея мѣхомъ. Въ февралѣ и мартѣ она бываетъ очень жирна, и тогда мясо ея чрезвычайно вкусно, и его очень любятъ. Каплеръ говоритъ по этому поводу: «Мясо ея бѣлое, жирное и вкусомъ превосходитъ всѣ извѣстные мнѣ сорта мяса». Въ бразильскихъ лѣсахъ рядомъ съ агутти и различными породами сумчатыхъ животныхъ это самая обыкновенная дичь. Принцъ фонъ-Видъ часто ловилъ ее въ дремучихъ лѣсахъ капканами: но за нею охотятся также съ собаками, а на рынкѣ она извѣстна подъ именемъ «королевской дичи». «Когда пака въ норѣ», говоритъ Гензель, «къ ней приблизиться невозможно; но если внимательно слѣдить по оцупкѣ плантанціи, то въ густыхъ заросляхъ тростника скоро откроются признаки пребыванія животнаго. Тутъ-то и ставитъ охотникъ свои сѣти съ маисовымъ початкомъ для приманки, и слѣдующее утро щедро вознаграждаетъ его трудъ. Пака представляетъ превосходнѣйшую дичь Бразиліи: нѣжнѣе и вкуснѣе ея едва-ли найдется другое мясо. Она имѣетъ такую тонкую и слабую кожу, что ее не снимаютъ, а животное цѣликомъ ошпариваютъ кипяткомъ, какъ свинью. Приготовленная такимъ образомъ туша, у которой голова и ноги обрѣзаны, до того походитъ на тушу поросенка, что ихъ можно смѣшивать. По Каплеру, преслѣдуемое животное въ томъ случаѣ, если оно не имѣетъ возможности достигнуть своей норы, бросается даже въ воду, ныряетъ и остается тамъ до тѣхъ поръ, пока преслѣдователь не удалится; онъ полагаетъ, что пака при этомъ плаваетъ подъ водою.

Въ послѣднее время это животное нерѣдко привозили живымъ въ Европу. Уже Бюффонъ долгое время содержалъ наку-самку, которая была очень ручна; она устроила себѣ логовище подъ печкою, днемъ спала, ночью бѣгала, и если ее запирали

въ ящикъ, то она начинала грызть стѣнки его, знакомымъ людямъ она лизала руку и позволяла чесать себя пальцами; при этомъ она вытягивалась и выражала свое удовольствіе тихими звуками. Незнакомыхъ людей, дѣтей и собакъ она кусала. Въ гнѣвѣ она совершенно особенно хрюкала и скрипѣла зубами. Къ холоду пака была такъ мало чувствительна, что, по мнѣнію Бюффона, ее можно было-бы акклиматизировать въ Европѣ. Я наблюдалъ паку болѣе года и нахожу ее лѣнивымъ и мало привлекательнымъ животнымъ. Днемъ она рѣдко показывается изъ своей норы и только съ закатомъ солнца выходитъ изъ нея. Она миролюбива, или правильнѣе сказать, совершенно равнодушна по отношенію къ другимъ животнымъ; себя она въ обиду не даетъ, но первая на своихъ товарищей не нападаетъ. Такъ какъ она очень нетребовательна, то не нуждается ни въ особенно хорошей пищѣ, ни въ особенно хорошо устроенномъ хлѣвѣ. Относительно ея выносливости при перенесеніи сильнаго холода, я долженъ согласиться съ Бюффономъ; но я не думаю, чтобы разведеніе ея въ Европѣ могло привести какую-либо пользу. Гензель по этому вопросу другого мнѣнія и полагаетъ, что акклиматизація паки въ Европѣ была-бы прибыльнымъ дѣломъ. Онъ ставитъ на видъ, что пака хорошо переноситъ неволю и плодится въ клѣткахъ. Конечно, по причинѣ медленнаго размноженія, разведеніе ея обошлось-бы дороже разведенія кроликовъ; за то мясо ея удовлетворяло-бы гастрономовъ лучше мяса кроликовъ и такимъ образомъ окупало-бы затраты. Я-же считаю эти расчеты невѣрными и убѣжденъ, что грызунъ съѣстъ корма болѣе, чѣмъ сколько стоитъ его мясо. При такомъ, сравнительно столь медленно растущемъ, животномъ, какъ пака, несоразмѣрность между затратою и прибылью будетъ ощутительна для каждаго и разведеніе ея въ большихъ размѣрахъ должно будетъ скоро прекратиться.

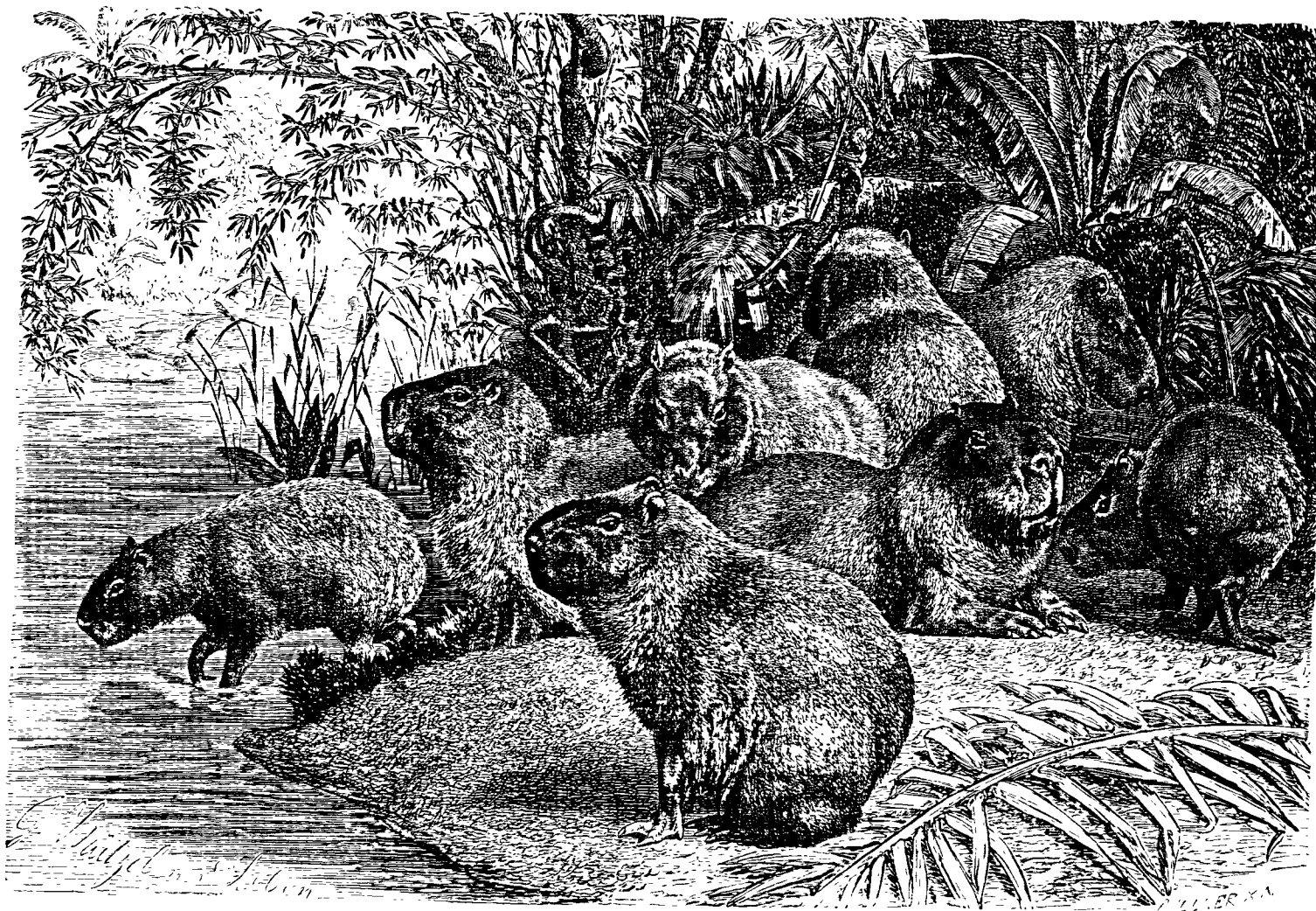
* *
*

Водосвинна (*Hydrochoerus capybara*. *Wasserschwein*. *Cabiai*) въ одномъ отношеніи можетъ считаться самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ грызуновъ: это самый большой и массивный представитель всего отряда. Она по праву носитъ свое названіе, такъ какъ сложеніемъ и щетинообразной шерстью рѣшительно напоминаетъ свинью. Признаки водосвинки: малыя уши, расщепленная верхняя губа, отсутствіе хвоста, короткія плавательныя перепонки между пальцами ногъ и крѣпкіе копытообразные когти, а также крайне своеобразное строеніе зубовъ. Громадныя рѣзцы при незначительной толщинѣ имѣютъ по крайней мѣрѣ 2 см. въ ширину; на ихъ передней сторонѣ находится нѣсколько неглубокихъ бороздокъ; изъ коренныхъ зубовъ послѣдній по величинѣ равняется тремъ переднимъ. Тѣло замѣчательно толсто и массивно, шея коротка, голова продолговата, высока и широка съ тупой мордой и своеобразнымъ выраженіемъ. Довольно большіе округленные глаза сильно выдаются; верхушка уха округлена, передній край вывороченъ, задній усѣченъ. Заднія ноги замѣтно длиннѣе переднихъ; переднія четырехпалыя, заднія трехпалыя. Совершенно своеобразна также складка кожи, окружающая заднепроходное отверстіе и половые органы, такъ что ихъ не видно снаружи, и самцовъ нельзя отличить отъ самокъ. Грубый рѣдкій мѣхъ имѣетъ какой-то неопредѣленный цвѣтъ: неясно-бурый съ отѣнкомъ рыжаго и буровато-желтаго **распредѣленъ** по тѣлу, нигдѣ не выступающа рѣзко. Лишь щетинки вокругъ рта **опредѣленнаго** чернаго цвѣта. Взрослая водосвинка достигаетъ приблизительно величины годовалой домашней свиньи и вѣса въ 50 килогр. Длина тѣла болѣе 1 метра; вышина у загривка 50 см. и болѣе.

Азара первый далъ точное описаніе водосвинки. «Гуарани», говоритъ онъ, «называютъ это животное «капюгуа»; это имя означаетъ приблизительно, «житель тростниковыхъ лѣсовъ по берегамъ рѣкъ»; испанское названіе «капибара» представляетъ

извращеніе этого названія. Дикари называютъ старыхъ животныхъ «очагу» а молодыхъ «лакай». Капибара живетъ въ Парагваѣ до Ріо-де-Лаплаты по берегамъ всѣхъ рѣкъ, лужъ и озеръ, не удаляясь отъ нихъ болѣе, чѣмъ на 100 шаговъ. Въ испугѣ она поднимаетъ громкій крикъ, звучащій приблизительно, какъ «апи» и мгновенно бросается въ воду, въ которой легко плаваетъ, выставляя надъ поверхностью воды однѣ лишь ноздри. Если же опасность велика и животное ранено, то оно ныряетъ и проплываетъ подъ водою большія пространства. Каждое отдѣльное семейство избираетъ себѣ обыкновенно опредѣленное мѣсто, которое легко узнать по большимъ кучамъ помета. Логовищъ капибара не выкапываетъ; она миролюбива, спокойна и глупа и способна подолгу просиживать на задней части тѣла, не двигаясь. Мясо ея жирно и цѣнится дикарями. Полагаютъ, что самка разъ въ годъ рождаетъ 4—8 дѣтенышей, обыкновенно на нѣсколько примятой сухой травѣ; дѣтеныши позднѣе, какъ говорятъ, сопровождаютъ мать. Молодые капибары легко приручаются. Онѣ бѣгаютъ на свободѣ, уходятъ и снова возвращаются, слушаются зова и радуются, когда ихъ чешутъ.» Новѣйшіе наблюдатели подробнѣе описали это животное. Капибара распространена по всей Южной Америкѣ и водится отъ Ориноко до Лаплаты и отъ Атлантическаго океана до предгорій Андъ. Мѣстопребываніе ея составляютъ низменные, лѣсистыя и болотистыя мѣстности, особенно рѣки и берега озеръ и болотъ. Охотнѣе всего живетъ она у большихъ рѣкъ и никогда не оставляетъ ихъ, а если это и случается, то она удаляется отъ нихъ лишь слѣдуя теченію впадающихъ въ нихъ мелкихъ ручейковъ и рвовъ. Мѣстами она чрезвычайно обыкновенна, въ населенныхъ мѣстностяхъ, понятно, рѣже, чѣмъ въ необитаемыхъ. Въ послѣднихъ ее можно видѣть лишь по утрамъ и по вечерамъ, напротивъ, въ безлюдныхъ, мало посѣщаемыхъ рѣчныхъ долинахъ, ее замѣчаютъ массами и днемъ, всегда у самой рѣки или пасущейся, или сидящей по-собачьи на согнутыхъ заднихъ ногахъ. Въ этой позѣ эти странныя созданія, напоминающія гиппопотамовъ, повидимому отдыхаютъ охотнѣе всего, но крайней мѣрѣ лишь очень рѣдко случается видѣть ихъ лежащими на брюхѣ.

Двигаются водосвинки медленнымъ шагомъ, бѣгъ ихъ непродолжителенъ; въ крайнемъ случаѣ животное движется и прыжками. Плаваетъ оно, напротивъ, превосходно и легко переплываетъ черезъ водныя пространства, но лишь въ томъ случаѣ, если его преслѣдуютъ или если оно на одномъ берегу рѣки чувствуетъ недостатокъ въ пищѣ. Какъ ни крѣпко держится водосвинка опредѣленной области, она обыкновенно оставляетъ ее въ случаѣ преслѣдованій. Настоящаго логовища у нея нѣтъ, хотя она обыкновенно и держится на извѣстныхъ любимыхъ мѣстахъ берега. Пища ея состоитъ изъ водяныхъ растений и коры молодыхъ деревьевъ и лишь въ томъ случаѣ, когда она живетъ поблизости плантацій, она подчасъ нападаетъ на арбузы или на маисъ, рисъ и сахарный тростникъ и въ такомъ случаѣ причиняетъ иногда очень значительный вредъ. Водосвинка смирное и спокойное животное. Уже съ перваго взгляда каждому становится ясно, что онъ имѣетъ дѣло съ существомъ, обладающимъ крайнетупыми чувствами и слабыми душевными способностями. Никогда не приходится видѣть, чтобы капибары играли между собою. Животныя, составляющія стадо, или медленнымъ шагомъ отыскиваютъ себѣ пищу, или отдыхаютъ въ сидячемъ положеніи. Отъ времени до времени они поворачиваютъ голову, чтобы посмотреть, не видно-ли врага. Увидѣвъ его, они не торопятся обратиться въ бѣгство, а медленно подбѣгаютъ къ водѣ, но въ крайнемъ испугѣ послѣшнѣе бросаются съ крикомъ въ воду и ныряютъ. Если капибары не привыкли видѣть людей, то часто по долгу смотрятъ на нихъ, прежде чѣмъ бѣжать. Онѣ не издаютъ никакого другого крика кромѣ упомянутаго крика испуга, который Азара передаетъ слогомъ «апи». Но этотъ крикъ такъ пронзителенъ, что его можно услышать на разстояніи четверти часа ходьбы.

ВОДОСВИНКИ.

Самка мечетъ лишь разъ въ годъ 5—6 дѣтенышей. Происходить-ли это въ особомъ приготовленномъ для этого логовищѣ, не удалось выяснитъ. Дѣтеныши тотчасъ-же слѣдуютъ за матерью, но обнаруживаютъ къ ней мало привязанности. По наблюденіямъ Азары, самецъ водить съ собою 2 или 3 самокъ. «Я видѣлъ въ Парагваѣ», рассказываетъ Рентгеръ, «нѣсколько капибаръ, которыхъ поймали молодыми и воспитали. Онѣ были очень ручными домашними животными; подобно имъ входили и выходили и позволяли всякому трогать себя. Однако онѣ не обнаруживали ни послушанія, ни привязанности къ людямъ. Къ своему мѣсту жительства онѣ такъ привыкли, что никогда не уходили отъ него далеко. Кормить ихъ не нужно, онѣ сами отыскиваютъ себѣ пищу днемъ или ночью. Любимой пищей ихъ оставались, какъ и на свободѣ, болотныя и водяныя растенія, которыя онѣ и доставали себѣ ежедневно изъ ближнихъ рѣкъ, прудовъ и болотъ; однако онѣ поѣдали также и корни маниока или корки арбузовъ, которыя имъ предлагали. Изъ ихъ чувствъ, повидимому, лучше всего развито обоняніе; слухъ и зрѣніе плохи. Недостатокъ остроты чувствъ возмѣщается у нихъ мышечной силой, такъ что двое мужчинъ едва въ состояніи одолѣть капибару». По словамъ Каплера, водосвинка, хотя она и крайне робка обыкновенно, подстрѣленная становится очень опасной для собакъ и можетъ наносить имъ зубами тяжелыя раны и даже прокусить кости.

Въ послѣднее время живыя капибары часто привозились въ Европу. Я долгое время держалъ одну изъ нихъ. Она была въ высшей степени привязана ко мнѣ, знала мой голосъ, приходила, когда я ее звалъ, радовалась, когда я ласкалъ ее, и слѣдовала за мною, какъ собака. Не ко всемъ она относилась такъ дружелюбно: однажды, когда ея сторожъ хотѣлъ прогнать ее, она бросилась ему на грудь и укусила его, къ счастью, болѣе за сюртукъ, чѣмъ за тѣло. Послушной ее нельзя было вообще назвать: она слушалась лишь, когда хотѣла. Равнодушіе ея было болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Лишь только я звалъ ее, какъ она, издавая крикъ, описанный вышеупомянутыми естествоиспытателями, бросалась въ воду, ныряла и медленно поднималась на другой берегъ, приближалась ко мнѣ, ворчала или хихикала крайне оригинальнымъ образомъ, при чемъ, какъ и несомнѣнно убѣдился, дѣлала это носомъ. Звуки, производимые капибарой такимъ образомъ, можно скорѣе всего сравнить со скрежетомъ зубовъ. Они отрывисты и дрожащи, не поддаются подражанію и даже описанію и служатъ выраженіемъ самаго пріятнаго состоянія животнаго; это извѣстнаго рода разговоръ животнаго съ самимъ собою, который прерывается, если оно чѣмъ-нибудь возбуждено. Я не могу назвать движеній водосвинки неуклюжими и неповоротливыми. Она рѣдко бѣгаетъ быстро, обыкновенно-же неторопясь и большими шагами, но безъ труда перепрыгиваетъ черезъ рѣшетку въ метръ вышиною. Въ водѣ она движется мастерски. Съ равномерной быстротой переплываетъ она широкія водяныя пространства съ такой-же скоростью, какъ идетъ человѣкъ, однимъ прыжкомъ ныряетъ, какъ птица, и цѣлыя минуты остается подъ водою, причѣмъ ильветъ и на глубинѣ, не сбываясь съ намѣннаго направленія. Содержаніе ея не представляетъ ни малѣйшаго труда. Она ѣстъ всевозможныя растительныя вещества, какъ свинья, и требуетъ много, но вовсе не хорошей пищи. Болѣе всего нравится ей свѣжая сочная трава; морковь, рѣпа и клеверъ тоже нравится ей. Съ помощью своихъ широкихъ рѣзцовъ она щиплетъ траву, какъ лошадь, и ѣсть подобно ей, всасывая воду длинными глотками. Водосвинка любитъ теплоту, но не боится и холода; еще въ ноябрѣ она смѣло и безъ вреда бросается въ холодную, какъ ледъ, воду. Въ большую жару она щипетъ тѣни подъ густыми кустами и выкапываетъ себѣ здѣсь даже небольшое углубленіе. Она очень охотно валяется въ грязи и вообще нечистоплотна и неряшлива: волосы ея лежатъ,

неправильно, вкривь и вкось. Она стала-бы такой-же нечистоплотной какъ свинья, если-бы вода не обмывала ее. По словамъ Гааке, калибара, живущая теперь въ Франкфуртѣ, испражняется всегда въ воду, даже если ей даютъ лишь маленькую чашку для питья. Къ другимъ животнымъ водосвинка относится безучастно. Она не начинаетъ ссоры и позволяетъ обнюхивать себя, даже не оборачиваясь на любопытнаго. Однако я не сомнѣваюсь, что она умѣетъ защищаться, такъ какъ она не настолько глупа и смирна, какъ кажется.

Удивительной оказалась мнѣ смѣна молочныхъ рѣзцовъ у моей плѣнницы. Они совершенно постепенно вытаскивались вторыми, которые прорѣзались приблизительно по прошествіи перваго года, нѣкоторое время сидѣли на новыхъ рѣзцахъ, какъ чехлы, и отпали прежде, чѣмъ развились слѣдующіе. Зубная система была нѣкоторое время крайне неправильна.

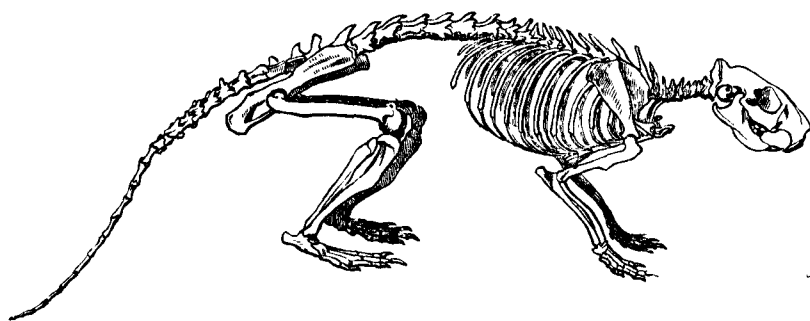
Гензель высказываетъ мнѣніе, что водосвинка, какъ и пака, могла-бы быть ввезена и приручена у насъ въ Европѣ и такимъ образомъ оказалась-бы полезной. Это животное не могло-бы, правда, соперничать со свиньей, но очень хорошо держалось-бы въ болотахъ южной Европы, а вкусъ его мяса вѣроятно улучшился-бы, благодаря перемѣнѣ пищи; возможно, что калибара превратилась-бы въ настоящее домашнее животное и приносила-бы пользу, такъ какъ содержаніе ея не требовало-бы значительныхъ издержекъ и ее можно-бы съ успѣхомъ разводить даже въ Германіи, если только давать ей лѣтомъ прудъ для купанья, а зимою держать въ овечьемъ хлѣву. Я не раздѣляю такихъ большихъ ожиданій. По нашимъ наблюденіямъ, произведенныхъ въ зоологическихъ садахъ, вовсе не такъ просто добиться размноженія представителей этого семейства, а если-бы это и случилось, то при употребленіи въ пищу вырожденныхъ водосвинокъ пришлось-бы бороться со всякаго рода предубѣжденіями. Въ дикихъ мѣстностяхъ довольствуются и не особенно вкуснымъ мясомъ, у насъ-же требуютъ самаго лучшаго, а такого водосвинка безусловно не доставляетъ. По разсказамъ всѣхъ путешественниковъ, мясо ея ѣдятъ лишь индѣйцы, а европейцамъ оно противно, такъ какъ имѣетъ особый отвратительный вкусъ ворвани. Говорятъ, правда, что этотъ вкусъ ворвани можно удалить, сваривъ мясо въ водѣ и вымочивъ его; утверждаютъ даже, что оно въ этомъ случаѣ становится такимъ-же вкуснымъ, какъ иѣжичья телятина; однако я думаю, что послѣднюю всегда будутъ предпочитать мясу водосвинки. Толстая, почти голая шкура крайне губчата и мягка и доставляетъ кожу, легко пропускающую воду и употребляемую поэтому лишь на ремни, покрывала для ногъ и сѣдла; для послѣднихъ эта кожа, по словамъ Гензеля, потому особенно хороша, что не твердѣетъ отъ пота и на наружной сторонѣ, благодаря многочисленнымъ и шероховатымъ возвышеніямъ, еще шершавѣе, чѣмъ свиная. Дѣвушки у ботокудовъ нанизываютъ рѣзцы этого животнаго и готовятъ изъ нихъ браслеты и ожерелья. Другой пользы это животное не приноситъ.

Южно-американцы охотятся за водосвинкой для развлечения, неожиданно нападая на нее и сваливая ее арканами. Чаще охотятся за ними съ рѣки. «Въ одномъ изъ тѣхъ легкихъ челноковъ», говоритъ Гензель, «которые вмѣщаютъ лишь одного человека, охотятся, не слышно гребя въ тихихъ бухтахъ большихъ водъ, гдѣ калибара болѣе обыкновенна. Уже на нѣкоторомъ разстояніи слышно скрежетаніе и хрустѣнье сильныхъ коренныхъ зубовъ, пережевывающихъ водяныя растенія, и если можно приблизиться безъ шума, то скоро замѣчаешь неуклюжее животное, которое, стоя наполовину въ водѣ, поддаетъ понтодерію». Если водосвинка только ранена, то она тотчасъ-же бросается въ воду, но скоро снова старается выбраться на сушу, если не чувствуетъ себя обезсиленной ранюю. Въ случаѣ край-

ности подстрѣленная водосвинка сильно защищается зубами и нерѣдко наноситъ противнику тяжелыя раны. Стрѣлять въ животное, плывущее въ водѣ, бесполезно, такъ какъ если оно быстро умираетъ, то погружается въ воду и пропадаетъ. Кромѣ человѣка худшимъ врагомъ капибары должно считать ягуара. Днемъ и ночью этотъ хитрый хищникъ слѣдитъ за ними и на рѣчныхъ низменностяхъ онѣ составляютъ, вѣроятно, обыкновеннѣйшую добычу этой кошки.

* *
*

Не особенно многочисленное, но оригинальное семейство крысообразныхъ грызуновъ населяетъ Южную Америку и Африку. **Осьмизубыя** (Octodontidae. Trugratten) напоминаютъ по формѣ и окраскѣ до нѣкоторой степени крысъ. Уши коротки, широки и покрыты рѣдкими волосами, ноги четырехъ или пятипалыя, хвостъ различной длины и часто покрытъ кольцами чешуекъ, какъ у настоящихъ крысъ; но выше-сказаннымъ и исчерпывается сходство этихъ животныхъ съ крысами. Мѣхъ у нѣкоторыхъ осьмизубыхъ мягокъ и красивъ, у другихъ жестокъ и щетинистъ и даже смѣшанъ съ отдѣльными, плоскими и поперечно-полосатыми иглами, а хвостъ не

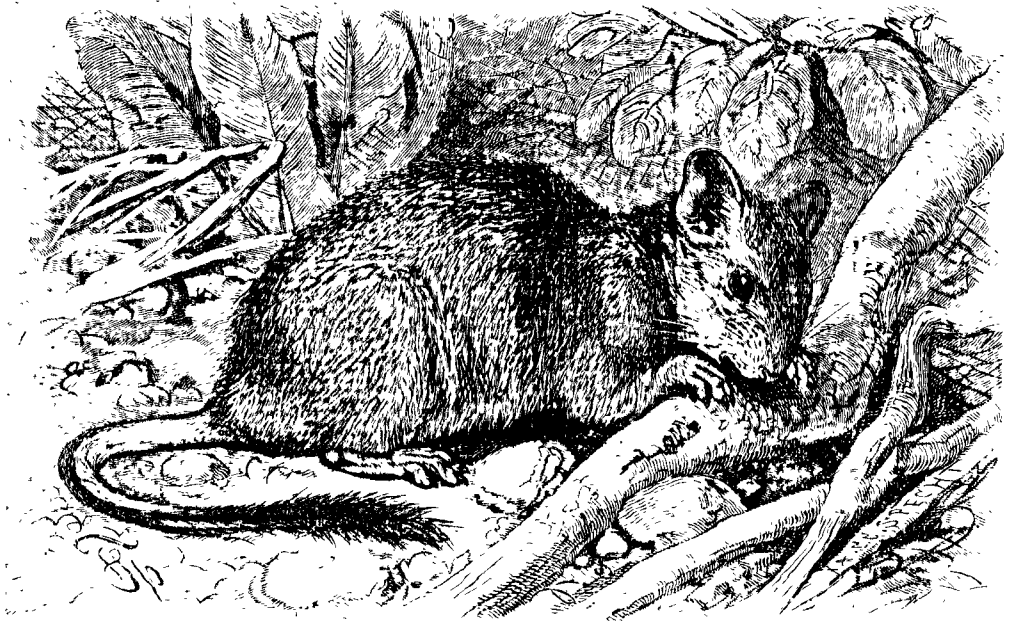

Скелетъ щетинистой свинки. *Aulacodus swinderianus*.

только покрытъ волосами, но даже иногда пушистъ. Зубная система заключаетъ въ себѣ по 4, въ исключительныхъ случаяхъ по 3, коренныхъ зуба съ корнями или безъ нихъ въ каждомъ ряду; жевательныя поверхности ихъ имѣютъ 3—4 эмалевыхъ складки на краю. Эти складки образуютъ на каждомъ зубѣ узоръ, похожій на цифру 8, почему семейство и получило названіе осьмизубыхъ. Позвоночникъ состоитъ, кромѣ обыкновеннаго числа шейныхъ позвонковъ, изъ 11 спинныхъ, 3—4 крестцовыхъ и отъ 24 до 41 хвостовыхъ; число поясничныхъ позвонковъ значительно колеблется.

Осьмизубыя живутъ въ тѣсахъ или открытыхъ мѣстностяхъ, одни въ изгородяхъ и кустарникахъ, другія въ плантаціяхъ вдоль дорогъ, среди скалъ, на берегахъ рѣкъ, даже на берегу моря. Обыкновенно они живутъ обществами въ выкопанныхъ ими подземныхъ норахъ съ многочисленными входами. Нѣкоторыя изъ нихъ настоящія роющія животныя, которыя, подобно кротамъ, выбрасываютъ на поверхность кучки вырытой земли и почти постоянно остаются подъ землею; другія держатся въ чащахъ и искусно лазаютъ по деревьямъ. Они работаютъ большею частью ночью лишь немногія дѣятельны и днемъ. Въ общемъ они неуклюжи и неповоротливы, но нѣкоторыя обнаруживаютъ, напротивъ, удивительную быстроту въ движеніяхъ на деревьяхъ или подъ землею. Нѣкоторые виды настоящія водяныя животныя и умѣютъ превосходно плавать и нырять. Насколько извѣстно въ настоящее время, они не впадаютъ въ зимнюю спячку; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ собираютъ запасы пищи. Изъ чувствъ

у них выше всего стоят слухъ и обоняніе; зрѣніе развито лишь у немногихъ, а у живущихъ подъ землею оно недоразвито, что понятно почти само собою. Ихъ душевныя способности незначительны: лишь самые крупные и совершенные виды обнаруживаютъ извѣстную понятливость. Неволю они переносятъ довольно легко; они любопытны, подвижны, научаются узнавать тѣхъ, кто за ними ходитъ, и слѣдовать за ними и доставляютъ удовольствіе своимъ изящнымъ видомъ. Размноженіе ихъ довольно значительно, такъ какъ число дѣтенышей колеблется отъ 2 до 7, и они, какъ и большая часть другихъ грызуновъ, мечутъ дѣтенышей по нѣскольку разъ въ годъ и могутъ возрастать въ числѣ до большихъ стадъ, причиняющихъ значительный вредъ на плантаціяхъ и поляхъ. По сравненію съ этими опустоше-

Дерв. *Octodon cummingii*. $\frac{2}{3}$ нар. вел.

ніями та незначительная польза, которую они приносятъ своимъ мясомъ и шкурой, не заслуживаетъ и упоминанія.

* * *

Въ Чили, Перу и Бولیвіи живутъ осьмизубы въ тѣсномъ смыслѣ слова или **Кустарниковыя крысы** (*Octodon. Strauchratten*), такъ сказать промежуточные звенья между бѣлками и крысами, хотя онѣ и болѣе похожи на первыхъ, чѣмъ на вторыхъ. Туловище у нихъ плотное и короткое, шея короткая и толстая, голова относительно велика, хвостъ по большей части снабженъ на концѣ кисточкой; заднія ноги замѣтно длиннѣе переднихъ; всѣ ноги имѣютъ по 5 свободныхъ пальцевъ, вооруженныхъ когтями. Голова отличается довольно широкими, прямостоячими, округленными на концахъ и покрытыми рѣдкими волосами, средней величины, ушами, не очень большими глазами и расщепленной верхней губою; зубная система отличается гладкими небородчатými и острыми рѣзцами, лишенными корней коренными зубами, жевательная поверхность которыхъ похожа на арабскую цифру 8 (отсюда названіе, *Octodon-осьмизубъ*). Мѣхъ на тѣлѣ густой, хотя и короткій, волосы сухіе и жесткіе.

Дегу (*Octodon cummingii*, *Sciurus* и *Dendrobis degus*, *Octodon pallidus*) сверху буровато-сѣраго цвѣта, неравномѣрно пятнистаго, снизу сѣро-буроватаго, на груди и затылкѣ темнѣе, у корня хвоста свѣтлѣе, почти бѣлаго цвѣта. Уши снаружи темно-сѣрыя, внутри бѣлыя; усы частью черныя, частью бѣлыя; хвостъ сверху и на концѣ чернаго цвѣта, снизу до первой трети длины свѣтло-сѣраго. Вся длина достигаетъ 26 см., изъ которыхъ нѣсколько болѣе трети приходится на хвостъ.

«Дегу», говорятъ Пѣппигъ, «принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ животнымъ въ средней провинціи Чили. Сотни ихъ населяютъ изгороди и кустарники; даже въ непосредственной близости многолюдныхъ городовъ они безбоязненно бѣгаютъ по большимъ дорогамъ, смѣло врываются въ сады и поля, гдѣ и причиняютъ почти столько-же вреда безцѣльнымъ разгрызаніемъ растеній, какъ и своей прожорливостью. Рѣдко удаляются они отъ земли, чтобы влѣзть на нижнія вѣтви кустовъ, выжидаютъ съ вызывающей смѣлостью приближенія враговъ, но затѣмъ въ безпорядкѣ бросаются, поднявъ хвостъ вверхъ, въ отверстія своихъ сильно развѣтвленныхъ норъ, чтобы черезъ нѣсколько мгновеній снова появиться на другомъ мѣстѣ. По своимъ нравамъ животное гораздо болѣе похоже на бѣлку, чѣмъ на крысу. Оно собираетъ, несмотря на теплый климатъ, запасы, но не впадаетъ въ зимнюю спячку».

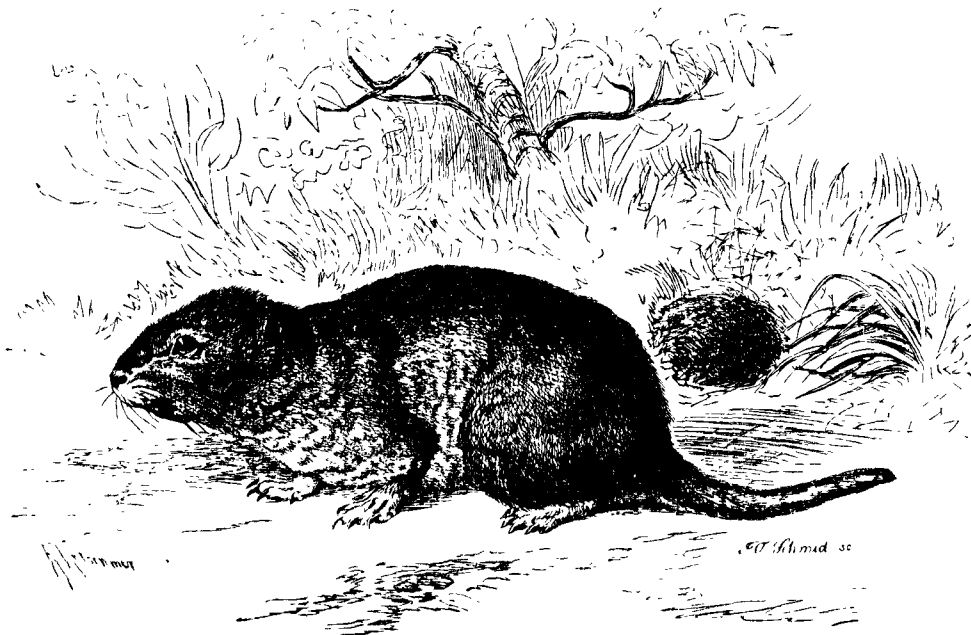
Время спариванія, продолжительность беременности, а также число дѣтенышей, повидимому, неизвѣстны еще, несмотря на то, что животное это такъ обыкновенно. Можно лишь заключить, что дегу способенъ сильно размножаться. Неволю онъ переноситъ очень легко и скоро становится очень ручнымъ. Я получилъ 5 штукъ этихъ грызуновъ, но не могъ подружиться съ ними. Тихо и безъ движенія сидѣли они днемъ въ скорченномъ положеніи на вѣтви дерева въ ихъ клеткѣ и лишь при наступленіи ночи начинали двигаться, но и тогда не обнаруживали живости нашихъ бѣлокъ или сонь. По отношенію къ пищѣ они, повидимому, не обнаруживаютъ особой взыскательности, а довольствуются обыкновенной пищей грызуновъ. Они почти научились узнавать и отличать своего сторожа, точно такъ, какъ и другіе грызуны подобной величины. Они не кусаются, но и не отличаются довѣрчивостью. Къ окружающему міру они, повидимому, относятся равнодушно. Въ Лондонскомъ зоологическомъ саду нѣкоторыя пары совокуплялись и рожали дѣтенышей; тѣ, которыхъ я держалъ, понемногу перемерли, не обнаруживая стремленія къ спариванію.

* *

Отъ южной Бразиліи до Магелланова пролива простирается родина **Гребневикъ** (*Stenomys*, *Kammratte*). Они представляютъ еще отдаленное сходство съ кустарниковыми крысами, но маленькіе глаза и еще гораздо меньшія уши, почти скрытыя въ мѣхѣ, указываютъ на подземный образъ жизни. Тѣло укорочено и вальковато, шея коротка и толста, голова тоже коротка съ тупой мордой, хвостъ коротокъ, толстъ и съ тупымъ концемъ. Ноги коротки съ пятью пальцами, вооруженными крѣпкими роющими когтями. Мѣхъ гладко прилегаетъ, коротокъ на головѣ и нѣсколько длиннѣе на тѣлѣ; тонкіе волосы ости порознь выступаютъ изъ мѣха.

Оригинально то, что грызуны этого рода встрѣчаются на Кордильерахъ въ поясѣ, лежащемъ на высотѣ, гдѣ растительность, повидимому, совершенно прекращается. Чуди рассказываетъ, что его удивляли многія тысячи норъ гребневиковъ въ совершенно лишенныхъ растительности пустыняхъ на отдѣльныхъ плоскогоріяхъ Кордильеровъ. «Я видѣлъ», говоритъ онъ, «лишь мелькомъ передъ двумя изъ этихъ норъ ихъ обитателей и поэтому не могу опредѣлить вида. Чѣмъ питаются здѣсь эти животныя? Несмотря на долгое размышленіе, я не могъ дать надлежащаго отвѣта на этотъ во-

прось. Я думаю, что они проводят зиму въ спячкѣ, а лѣтомъ появляется здѣсь скудная растительность, которая и доставляетъ имъ пищу въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. По этому взгляду противорѣчитъ то, что другіе путешественники, и въ томъ числѣ Филиппи, объѣхавшіе эту пустыню въ лѣтніе мѣсяцы и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва была изрыта норами гребневиковъ, нашли ее такой-же сухой, песчаной и безъ малѣйшей растительности, какою я нашелъ ее зимой. Можетъ быть здѣсь есть какое-нибудь подземное растеніе, которое скрывалось до сихъ поръ отъ глазъ изслѣдователя? Сотни тысячъ этихъ грызуновъ нуждаются во всякомъ случаѣ въ значительномъ количествѣ пищи, такъ какъ они не малы и по всей вѣроятности, какъ и всѣ представители ихъ отряда, очень прожорливы. Они не ходятъ на большія разстоянія за пищей, какъ, напр., стада гуанако. Такой поразительный у грызу-

Тукотуко. *Stenomys magellanicus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

новъ образъ жизни былъ-бы навѣрное замѣченъ индѣйцами, хорошо знающими эти пустыни, и въ такомъ случаѣ было-бы непонятно, почему эти животныя не выкапываютъ себѣ норъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ находятъ пищу, или въ непосредственной близости отъ нихъ, если-бы у нихъ были другія норы, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ они живутъ обыкновенно. Размноженіе ихъ должно быть очень сильнымъ, и я не знаю въ пустынѣ ни одного врага ихъ, кромѣ одной хищной птицы, которая отъ времени до времени можетъ словить одного изъ этихъ животныхъ. Образъ жизни гребневиковъ есть такимъ образомъ неразрѣшенная загадка, какихъ не мало даетъ пустыня».

Путешественникъ, который въ первый разъ посѣщаетъ эти страны, слышитъ своеобразные раздѣльные хрюкающіе звуки, которые равномерно раздаются черезъ равныя промежутки времени подъ землею и приблизительно соотвѣтствуютъ слогамъ «тукотуко». Звуки эти издаетъ названный по нимъ гребневикъ, **Тукотуко** (*Stenomys magellanicus*). Животное это по величинѣ равняется приблизительно полувзрослому хомяку; тѣло достигаетъ 20 см., хвостъ — 7 см. Цвѣтъ верхней стороны буровато-сѣрый

съ желтымъ отѣнкомъ и мягкими черными крапинками. Отдѣльные волосы свинцоваго цвѣта, при основаніи и на концѣ пеньельно-сѣраго съ буроватымъ отѣнкомъ. Нѣкоторые разбросанные волосы ости съ черными концами; на нижней сторонѣ этихъ волосъ ости нѣтъ и потому окраска здѣсь кажется гораздо свѣтлѣе. Подбородокъ и передняя сторона шеи блѣдно-желтые, ноги и хвостъ, который подъ волосами покрытъ кольцами чешуекъ, бѣлаго цвѣта.

Открытіемъ тукотуко и первымъ описаніемъ его мы обязаны Дарвину, который оказалъ столь важныя услуги для естественно-историческаго описанія южныхъ окраинъ Америки. Данное имъ описаніе образа жизни этого животнаго нѣкъмъ еще не пополнено и до настоящаго времени. Тукотуко былъ открытъ у восточнаго входа въ Магеллановъ проливъ и, начиная отсюда, найденъ въ довольно значительной части Патагоніи по направленію къ сѣверу и западу. Онъ живетъ на обширныхъ, сухихъ, песчаныхъ и бесплодныхъ равнинахъ. Здѣсь онъ роетъ землю какъ кроль, на большихъ пространствахъ, особенно ночью; днемъ онъ, повидимому, отдыхаетъ, хотя именно въ это время часто слышенъ его голосъ. Походка на ровномъ мѣстѣ очень неуклюжа и безпомощна; животное не въ состояніи перепрыгнуть черезъ малѣйшее препятствіе и такъ неловко, что въ своей норы его легко схватить. Изъ чувствъ болѣе всего развиты обоняніе и слухъ; зрѣніе очень слабо. Корни встрѣчающихся тамъ кустарниковъ составляютъ его исключительную пищу и мѣстами онъ собираетъ запасы ихъ, хотя вѣроятно и не впадаетъ въ зимнюю спячку. О размноженіи, времени спариванія и числѣ дѣтенышей пока нѣтъ еще точныхъ свѣдѣній. Пойманные тукотуко, которыхъ держалъ у себя Дарвинъ, скоро стали ручными, но не отличались понятливостью. Пищу они брали, какъ и вообще грызуны, передними лапами и подносили такимъ образомъ ко рту.

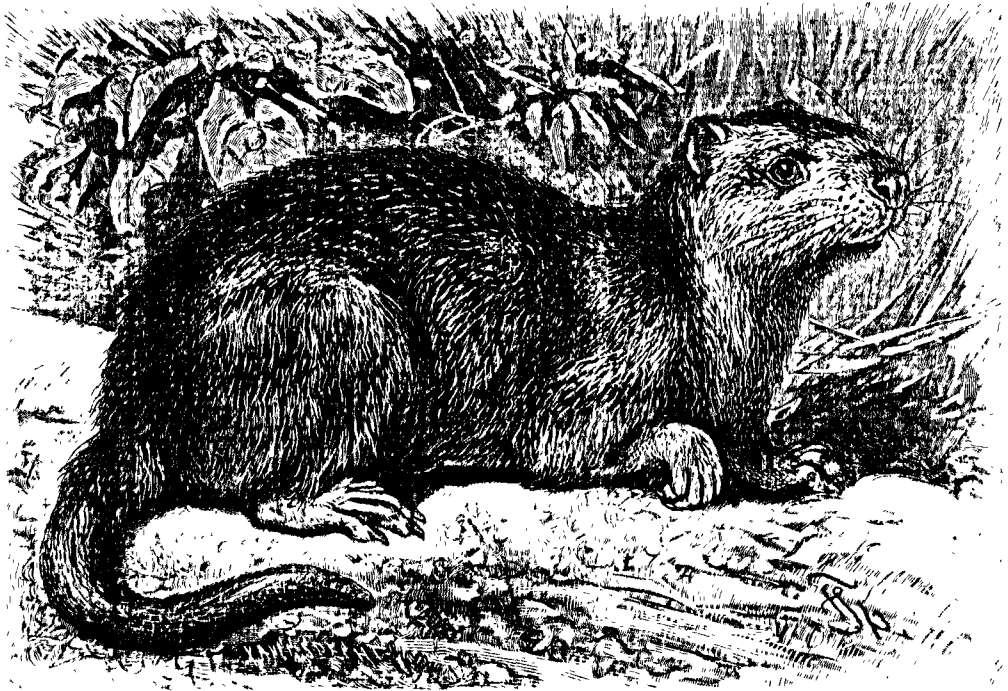
Патагонцы, которые въ своей бѣдной родинѣ не имѣютъ большого выбора, ѣдятъ мясо тукотуко и потому охотятся за нимъ. Во многихъ мѣстностяхъ путешественники, говорятъ, жалуются на подземное рытье тукотуко, такъ какъ при быстрой ѣздѣ лошади часто проваливаются сквозь тонкіе своды норъ. Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія объ этомъ животномъ.

* * *

Представителемъ замѣчательнаго африканскаго рода осьмизубовъ служить **Гунди** арабовъ (*Stenodactylus massoni*). Вся длина этого животнаго 17,5 см., цвѣтъ его буровато-чалый съ черно-бурой продольной полосой и черными крапинками на спинѣ; тѣло коренастое и неуклюжее; толстая голова съ тупою мордой, короткими округленными ушами, умѣренной величины глазами и необыкновенно длинными, жесткими, щетинистыми усами; конечности толсты, задняя пара длиннѣе передней, ноги четырехпалыя съ голой подошвой и короткими когтями, основаніе которыхъ отчасти скрыто подъ своеобразными щетинками. Непосредственно надъ короткими, согнутыми пальцами заднихъ ногъ лежитъ второй рядъ роговыхъ, гребенчатыхъ, остроконечныхъ наростовъ, надъ ними второй рядъ жесткихъ щетинокъ, а еще выше третій рядъ длинныхъ и гибкихъ щетинокъ. Хвостъ имѣетъ лишь 1,5 см. длины и также покрытъ длинными щетинками. Рѣзцы слабы и сильно согнуты, три коренныхъ зуба каждаго ряда сверху продолговаты и узки, снаружи съ вышуклостями, нижніе сзади увеличиваются въ длину и представляютъ форму цифры 8.

«Въ живописныхъ долинахъ горъ Джебель-Ауресъ, населенныхъ племенемъ Вени-ферахъ», пишетъ Вуври, «а отчасти и на южныхъ возвышенностяхъ Алжира, ограничивающихъ восточную и западную Сахару, показывается въ зимніе мѣсяцы въ полдень небольшой грызунъ на выдающихся обломкахъ скаль, но всегда на-

столько высоко, что его нельзя схватить; обернувшись головою къ долине и тѣсно прижавшись къ скалѣ, онъ и самъ кажется частью ея. Это гунди арабовъ, животное очень распространенное на упомянутыхъ горахъ, живущее въ щеляхъ скалъ и подъ камнями и отличающееся большимъ проворствомъ и тонкимъ зрѣніемъ и слухомъ. При малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ гунди прыжками удаляется въ свое близкое логовище, которое, несмотря на всѣ усилія, для охотника недоступно. Самое удобное время, чтобы наблюдать этого замѣчательнаго грызуна — утро. Какъ только солнце броситъ первые согревающіе лучи на высокіе обрывы скалъ, гунди просыпаются и со всѣхъ сторонъ начинается передвиженіе этихъ животныхъ внизъ въ долину по направленію къ полямъ. Проворно скользя и бѣгая, они скоро достигаютъ полей, желанной для нихъ пищи, подгрызаютъ, сидя на заднихъ лапахъ,

Хутта-Конга. *Capparis pilorides*. 1, наст. вел.

стебелекъ и, помогая себѣ передними лапами, поѣдаютъ верхнюю часть растенія. Однако они не всегда строго придерживаются зеленого корма, а, какъ настоящіе грызуны, принимаются и за зерна. Съ началомъ движенія людей по дорогамъ и на поляхъ, предварительно напившись, они возвращаются къ своимъ жилищамъ. Сколько разъ въ годъ мечутъ они дѣтенышей, я не могъ узнать; однако изслѣдованіе нѣсколькихъ самокъ убѣдило меня въ томъ, что онѣ рожаютъ дѣтенышей въ февралѣ мѣсяцѣ и, повидимому, въ количествѣ трехъ. Во время течки между самцами происходятъ, говорятъ, жестокія битвы.

«Несмотря на то, что логовище гунди скрыто, добыть его удастся довольно легко и именно съ помощью волосяныхъ силковъ, укрѣпляемыхъ у выходныхъ отверстій; животное запутывается въ нихъ задними лапами. Взрослые арабы пренебрегаютъ охотой на гунди, но ихъ дѣтямъ ловля эта доставляетъ удовольствіе, и эта нѣжная дичь, по вкусу мало уступающая мясу курицы, доставляетъ очень сочное

жаркое. Мягкій бархатистый мѣхъ употребляютъ на мѣшечки, служащіе кошельками. Мнѣ удалось постепенно наловить ихъ 17 штукъ живыми; но ни одинъ изъ нихъ не прожилъ болѣе 14 дней, несмотря на самый старательный уходъ. Неожиданное лишеніе свободы, казалось, влекло за собою ихъ смерть. Замѣчательно, что всѣ они умерли необъяснимымъ для меня образомъ; они подходили къ корыту, ѣли и умирали въ томъ-же положеніи, безъ судорогъ или какихъ-либо другихъ болѣзненныхъ явленій».

Слѣдующая группа, **Еженрысы** (*Capromys, Ferkelratten*), имѣютъ слѣдующіе признаки. Ростъ ихъ довольно большой, тѣло короткое, толстое, съ толстой задней частью, шея короткая, толстая и довольно длинная, голова широкая съ вытянутой, тупозаостренной мордою, широкими, почти голыми ушами средней величины, довольно большими глазами и расщепленной верхней губою, ноги сильныя, заднія съ 5, переднія съ 4 пальцами, которые всѣ вооружены длинными, сильно согнутыми, на концахъ заостренными когтями, и бородавкой, соответствующей большому пальцу и имѣющей лишь плоскій ноготь; не очень длинный хвостъ покрытъ чешуйками и усаженъ рѣдкими волосами и наконецъ мѣхъ густой, гладкій, довольно грубый, щетинистый и блестящій. Коренные зубы безъ корней, на верхнихъ сваружи по одной, а внутри по двѣ глубокихъ складки эмали.

Одинъ, и для насъ самый важный видъ, **Хутіа-Конга** (*Capromys pilorides, Isodon* и *Capromys fournierii*) упоминается уже старыми авторами, но сталъ извѣстенъ лишь въ новѣйшее время. Овѣдо упоминаетъ въ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1525 году объ одномъ животномъ, похожемъ на кролика, которое водится на Санъ-Доминго и составляетъ главную пищу туземцевъ. Уже черезъ 30 лѣтъ послѣ открытія Америки животное, вѣдствие преслѣдованія, значительно уменьшилось въ числѣ, и въ настоящее время оно водится исключительно на Кубѣ, хотя и здѣсь въ болѣе населенныхъ частяхъ острова оно уже истреблено.

Длина тѣла хутіа-конга равняется 45—59 см., длина хвоста 15 см., высота у загривка 20 см., вѣсъ отъ 6 до 8 килогр. Цвѣтъ мѣха желто-сѣрый и бурый, на крестцѣ болѣе рыже-бурый, на груди и на брюхѣ грязный буро-сѣрый, лапы черныя, уши темныя, грудь и продольная полоса посрединѣ брюха сѣрая. Часто верхняя сторона очень темнаго цвѣта; въ такомъ случаѣ волоса у корня блѣдно-сѣраго цвѣта, далѣе матово-чернаго, потомъ красновато-желтаго, а на концѣ опять чернаго. На бокахъ, и именно въ области плечъ, выступаютъ отдѣльные бѣлые волосы, которые нѣсколько толще. У молодыхъ животныхъ бурый цвѣтъ имѣетъ болѣе зеленоватый оттѣнокъ и въ этомъ случаѣ выступаютъ мелкія черныя крапинки.

Хутіа-конга населяетъ густые и большіе лѣса и живетъ или на деревьяхъ, или въ самомъ густомъ кустарникѣ, появляясь лишь ночью для отыскиванія пищи. Ея движенія на вѣтвяхъ не особенно быстры, но ловки, между тѣмъ какъ на землѣ она болѣе непоротлива, благодаря сильному развитію задней половины тѣла. При лазаніи пользуется хвостомъ, чтобы прицѣпляться или сохранить равновѣсіе. На землѣ она часто садится по-заячьи вертикально, чтобы осмотрѣться; иногда она дѣлаетъ короткіе прыжки, какъ кролики, или движется тяжелымъ галономъ, какъ поросенокъ. Изъ внѣшнихъ чувствъ лучше всего развито обоняніе; тупой конецъ морды и широкія косыя ноздри, окруженныя возвышеннымъ краемъ и отдѣленныя другъ отъ друга глубокой бороздкою, находятся постоянно въ движеніи, особенно если по близости появляется новый незнакомый предметъ. Душевные способности ея незначительны. Вообще она боязлива и добродушна, общительна и дружелюбна по отношенію къ другимъ животнымъ того-же вида, съ которыми она играетъ, причѣмъ ссорь

не заводитъ. Если разлучить пару, то обѣ обнаруживаютъ большое безпокойство, зовутъ другъ друга рѣзкими свистящими звуками и, соединившись снова, привѣтствуютъ другъ друга глухимъ хрюканьемъ.

Даже во время ѣды онѣ ведутъ себя хорошо, играютъ и возятся между собою, не теряя никогда веселаго расположенія духа. При преслѣдованіи хутіа-конга оказывается мужественнѣе, чѣмъ можно-бы думать, и, подобно многимъ грызунамъ, сильно кусается, когда ее схватятъ. О времени спариванія и числѣ дѣтенышей не достаеетъ наблюденій. Пища ея состоитъ изъ плодовъ, листьевъ и коры. Пойманныя обнаруживали особенную склонность къ сильно пахнущимъ растеніямъ, какъ напр. къ мятѣ, мелиссѣ, которыхъ другіе грызуны по большей части избѣгаютъ.

Во многихъ мѣстностяхъ Кубы хутіа-конга преслѣдуютъ ради мяса; особенно негры страстно преданы этой охотѣ. Они отыскиваютъ эту дичь или на деревьяхъ и умѣютъ ловко ловить ее тамъ на вѣтвяхъ, или травятъ ее ночью по слѣдамъ собаками, которыя, благодаря медленному бѣгу этого животнаго, скоро догоняютъ его и легко имъ овладѣваютъ. Говорятъ, что въ прежнія времена туземцы пользовались для этой охоты мѣстными борзыми собаками, напр. похожими на шакаловъ майконгами (см. т. 2, стр. 56), при чемъ вмѣсто фонарей употребляли свѣтящихся жуковъ.

* * *

Къ крысоподобнымъ грызунамъ принадлежитъ также **Болотный бобръ** или **Коипу**, **Нутрія** испанцевъ, живущихъ въ Америкѣ (*Myopotamus coypu*, *Mus*, *Hydromys*, *Guillemys*, *Potamys*, *Mastomys* и *Myocastor coypus*, *Mus castoroides*, *Myopotamus bonariensis* и *Guillomys chilensis Sumpfbiber*. *Myopotame*). Тѣло коренастое, шея короткая и толстая, голова толстая, длинная и широкая съ тупою мордой и плоскимъ теменемъ; глаза средней величины, круглы и выдаются, уши малы, округлены и нѣсколько больше въ вышину, чѣмъ въ ширину, конечности коротки и толсты, заднія немного длиннѣе переднихъ, тѣ и другія пятипалыя, но пальцы на заднихъ ногахъ значительно длиннѣе, чѣмъ на переднихъ, соединены широкой плавательной перепонкой и вооружены длинными, сильно согнутыми и острыми когтями, а внутренній палецъ переднихъ ногъ—плоскимъ ногтемъ. Длинный хвостъ имѣетъ округле сѣченіе, усаженъ кольцеобразно расположенными чешуйками и довольно обильными, плотно прилегающими толстыми щетинистыми волосами. Остальная шерсть густа, довольно длинна и мягка и состоитъ изъ почти непроницаемаго для воды короткаго мягкаго, цухообразнаго подшерстка и болѣе длинныхъ, мягкихъ, слабо блестящихъ волосъ ости, которые опредѣляютъ цвѣтъ мѣха, такъ какъ совершенно покрываютъ подшерстокъ. Очень большіе, широкіе рѣзцы напоминаютъ своимъ строеніемъ зубы бобра; коренные зубы съ половинными корнями и верхніе отличаются двумя складками эмали съ каждой стороны.

Болотный бобръ достигаетъ почти величины выдры; длина тѣла его равняется обыкновенно 40—45 см., длина хвоста почти такая-же; однако, иногда попадаются очень старыя самцы, достигающіе въ длину цѣлаго метра. Цвѣтъ волосъ въ общемъ грязно-сѣрый при основаніи и рыжевато-бурый или буро-желтый на концахъ; длинные волоса ости темнѣе. Обыкновенно спина кажется каштаново-бурой, а нижняя сторона почти черно-бурой; бока ярко-рыжіе, конецъ носа и губы почти всегда бѣлые или свѣтло-сѣрые. Нѣкоторые экземпляры испещрены сѣро-желтоватыми и свѣтло-бурыми крапинками, многіе совершенно рыже-рыжіе.

Большая часть умѣреннаго пояса Южной Америки служитъ родиною этого замѣчательнаго пушного звѣря. Болотный бобръ извѣстенъ почти во всѣхъ странахъ, къ югу отъ тропика Козерога. Въ Лаплатѣ, Буэнос-Айресѣ, Патагоніи и среднемъ

Чили онъ обыкновененъ повсюду. Область распространенія его простирается отъ Атлантическаго океана до Тихаго черезъ горы и отъ 24 до 43 градуса южной широты. Онъ живетъ, по Ренггеру, парами по берегамъ озеръ и рѣкъ, преимущественно у тихихъ водъ, гдѣ водяныя растенія встрѣчаются въ такомъ количествѣ, что образуютъ на водѣ достаточно крѣпкую покрывку, чтобы выдерживать тяжесть его тѣла. Каждая пара выкапываетъ себѣ на берегу нору, глубиною въ метръ и шириною отъ 40 до 60 см., въ которой и проводитъ ночь, а иногда и часть дня. Въ этомъ жилищѣ самка мечетъ позднѣе отъ 4 до 6 дѣтенышей, которые, какъ рассказываетъ Азара, уже очень рано слѣдуютъ за матерью. Коипу превосходно плаваетъ, но плохо ныряетъ. На землѣ онъ движется медленно, такъ какъ его ноги, по словамъ Азара, такъ коротки, что тѣло почти волочится по землѣ, поэтому онъ и ходитъ по землѣ лишь въ томъ случаѣ, если ему надо перейти изъ одного водоема въ

Волотный бобръ. *Myopotamus coypu*. $\frac{1}{5}$ наст. вел.

другой. Въ случаѣ опасности онъ мгновенно бросается въ воду и ныряетъ; если преслѣдованіе продолжается, то онъ наконецъ прячется въ свою нору, въ которой вообще проводитъ лишь ночь.

Душевные способности его незначительны. Онъ робокъ и пугливъ и сохраняетъ эти качества и въ неволѣ. Его нельзя назвать умнымъ, хотя онъ постепенно и приучается узнавать того, кто за нимъ ходитъ. Животныя, пойманныя старыми, кусаются какъ бѣшенныя, отказываются обыкновенно отъ пищи, такъ что ихъ рѣдко удается продержать болѣе нѣсколькихъ дней. Въ Лондонскомъ зоологическомъ саду коипу живутъ постоянно; въ новѣйшее время ихъ стали держать и въ другихъ зоологическихъ садахъ. «Волотный бобръ», говоритъ Вудъ, «быстрое и живое существо, и поведеніе его крайне занимательно. Я часто наблюдалъ его забавныя штуки и меня чрезвычайно занимало то, какъ онъ проиллюстрируетъ свои владѣнія и при этомъ самымъ точнымъ образомъ изслѣдуетъ каждый предметъ, который кажется ему новымъ. Какъ только бросятъ въ его лохань клочекъ травы, онъ мгновенно беретъ его передними лапами, сильно трясетъ, чтобы вполне освободить корни отъ земли,

погружаетъ затѣмъ въ воду и съ такою ловкостью мостъ, что и прачка по ремеслу едва-ли могла сдѣлать это лучше».

Въ неволѣ болотные бобры, которыхъ я держалъ, проводили съ немногими перерывами весь день въ водѣ и на берегахъ, отдыхали развѣлишь въ полуденные часы и были особенно оживлены къ вечеру. Они проявляли ловкость, которой отъ нихъ нельзя было и ожидать. Движенія ихъ, правда, ни живы, ни непрерывны, но достаточно сильны и ловки. Названія бобръ они не вполне заслуживаютъ, такъ какъ по характеру и по способу плаванія болѣе похожи на водяныхъ крысъ, чѣмъ на бобра. Пока ихъ не тревожатъ, они обыкновенно плаваютъ прямо, глубоко погруживъ заднюю часть тѣла, поднимая голову надъ водою на двѣ трети ея высоты и вытянувъ хвостъ. При этомъ животныя гребутъ одними лишь задними ногами, а передними такъ-же мало помогаютъ при плаваніи, какъ и бобры. Хвостъ, повидимому, тоже не играетъ роли настоящаго руля, но крайней мѣрѣ животное рѣдко приводитъ его въ движеніе и то едва замѣтно. Ныряютъ болотные бобры плохо. Они могутъ, правда, безъ труда опускаться въ глубину и оставаться тамъ до одной минуты, но вовсе не дѣлаютъ это такъ часто, какъ другіе плавающие грызуны, и при томъ не такъ ловко и изящно. Голосъ болотнаго бобра—жалобный стонъ, который однако звучитъ очень неприятно и служитъ призывнымъ крикомъ; другіе болотные бобры отвѣчаютъ на него, и потому этотъ крикъ часто раздается. Разсерженное или потревоженное животное издаетъ сердитое ворчаніе. Трава составляетъ любимую пищу болотнаго бобра, но онъ не избѣгаетъ также корней, корнеплодныхъ растений, листьевъ, зеренъ, а въ неволѣ хлѣба, ѣстъ также очень охотно мясо, напр., рыбу, а слѣдовательно и въ этомъ отношеніи сходенъ съ крысами, а не съ бобромъ. Кора деревьевъ ему, повидимому, не нравится. Траву онъ ловко срываетъ, а не изгрызаетъ или срѣзаетъ какъ другіе грызуны; брошенную ему пищу беретъ лапами и подноситъ ко рту. Къ зимѣ болотные бобры въ неволѣ дѣлаютъ приготовленія: гдѣ можно, они постоянно роютъ, стараясь вырыть себѣ болѣе помѣстительныя логовища. Если имъ не мѣшать, то они въ короткое время дѣлаютъ глубокія норы и, повидимому, мягко выстилаютъ самое логовище, такъ какъ уносятъ въ нору часть даваемого имъ корма, именно траву.

Надъ размноженіемъ ихъ въ неволѣ я не дѣлалъ никакихъ наблюдений. О живущихъ на волѣ мы знаемъ, что самка разъ въ годъ рождаетъ въ своемъ логовищѣ 4—6 дѣтенышей. Они скоро вырастаютъ и слѣдуютъ тогда за самкой, когда она выходитъ изъ логовища.

Въ новѣйшее время Хагманъ описалъ жизнь въ неволѣ этихъ животныхъ и размноженіе ихъ въ зоологическомъ саду въ Базелѣ. Тамъ имъ былъ отведенъ большой искусственный бассейнъ, къ которому примыкаетъ гротъ въ скалѣ; въ немъ находится подземная нора, величиною въ 2 кв. метра. Осенью 1883 года была приобрѣтена первая пара болотныхъ бобровъ. «Въ особомъ уходѣ и приспособленіяхъ», пишетъ Хагманъ, «болотные бобры, повидимому, не нуждаются; въ пищу имъ давали хлѣбъ и желтую рѣпу, а также небольшія вѣтви лиственныхъ деревьевъ съ листьями; они поѣдали листья и обгрызали болѣе нѣжную часть коры; въ логовище ихъ время отъ времени приносили свѣжей соломы, чтобы доставить животнымъ по возможности сухую подстилку. При наступленіи холодныхъ зимнихъ дней логовище было снабжено въ изобиліи соломою, всѣ ходы въ него, кромѣ одного маленькаго входнаго отверстія, были заложены согрѣвающимъ навозомъ. Этихъ приготовленій было достаточно для того, чтобы дать животнымъ достаточно теплое зимнее помѣщеніе. Болотные бобры оказались вообще вовсе не чувствительными къ снѣгу и холоду, они каждый день прогуливались извѣстное время на от-

крытомъ воздухѣ, съѣдали тамъ кормъ и купались, насколько позволялъ ледъ, покрывавшій водоемъ. Животныя хорошо вынесли такимъ образомъ зиму, и наступающая весна застала ихъ обоихъ въ самомъ лучшемъ состояніи. 2 мая 1884 года сторожъ замѣтилъ дѣтенышей, которыхъ онъ сначала принималъ за крысъ, пока ему не бросился въ глаза свѣтло-желтый цвѣтъ частей, окружающихъ ротъ и носъ, объяснившій ему, въ чемъ дѣло. Я видѣлъ этихъ молодыхъ животныхъ уже вечеромъ того-же дня; по величинѣ они равнялись небольшимъ морскимъ свинкамъ; родились они во всякомъ случаѣ уже нѣсколько дней тому назадъ; они довольно мужественно ходили вмѣстѣ со старыми, принимали уже участіе въ ихъ вечерней ѣдѣ, и движенія ихъ были крайне живы. Пять молодыхъ звѣрковъ скоро стали такъ-же довърчивы, какъ ихъ родители, и продолжали спокойно сидѣть около нихъ, даже если большое число посѣтителей окружало загородку, чтобы смотрѣть на милую картину этой семейной жизни. Широкія петли проволочной изгороди позволяли маленькимъ животнымъ пролѣзать наружу и пастисъ и копошиться на прилегающемъ дернѣ; это вполне можно было позволить имъ, такъ какъ они тотчасъ-же убѣгали обратно, какъ только кто-нибудь хотѣлъ къ нимъ приблизиться, и не приносили никакого вреда. Старыя животныя, соблазненные примѣромъ молодыхъ, часто прорывали своими острыми рѣзцами дыры въ проволочной сѣти, чтобы принять участіе въ прогулкахъ дѣтенышей. Эти маленькія прогулки простирались сначала лишь на ближайшія окрестности загородки, гдѣ можно было полакомиться травой и зелеными листьями; но постепенно районъ прогулокъ все расширялся и дѣтеныши, ставшіе теперь самостоятельными, стали избѣгать родительскаго дома и жить на свой страхъ.

«Двоихъ изъ ушедшихъ изъ загородки не удалось поймать снова; они пробрались по сточной трубѣ нашихъ прудовъ въ Бирзигъ, маленькую, большую часть года маловодную рѣчку, которая протекаетъ вдоль сада. Здѣсь они жили мирно и счастливо, пробрались по водосточной трубѣ въ садъ и изъ сада, чтобы принести себѣ лучшаго корма и отыскать болѣе безопасное мѣсто для ночлега. Такимъ образомъ оба животныя провели лѣто и осень, затѣмъ мы постепенно потеряли ихъ изъ виду; поздней осенью одинъ изъ бѣглецовъ былъ найденъ мертвымъ въ Бирзигѣ, а другой, который безъ сомнѣнія раздѣлилъ участь товарища, такъ и пропалъ.

«Зиму 1884—1885 г. пять оставшихся животныхъ (2 старыхъ и 3 молодыхъ) провели, оставаясь совершенно здоровыми, въ полномъ мирѣ, но къ веснѣ молодыя, повидимому, надоѣли старымъ, особенно старый самецъ не терпѣлъ молодого и преслѣдовалъ его самымъ энергическимъ образомъ. Затѣмъ мы продали молодыхъ животныхъ. Въ 1885 г. потомства не было, 23 февраля 1886 г. самецъ умеръ, но уже 19 марта мы могли замѣнить его великолѣпнымъ взрослымъ экземпляромъ.

«И этому животному тотъ миръ, который мы отвели ему, казался слишкомъ тѣснымъ; но оно слишкомъ скоро нашло ередства и пути для того, чтобы удалиться изъ загородки, пастисъ на ближайшихъ мѣстахъ, поросшихъ травой, и отыскивать себѣ листья мелкихъ кустарниковъ. Оно также не обнаруживало ни малѣйшей робости по отношенію къ незнакомымъ лицамъ и если мы хотѣли загнать его обратно въ его бассейнъ или схватить его сачкомъ, то оно принимало оборонительное положеніе, громко ворча и кусаясь. Несмотря на всѣ улучшения, животное это всегда умѣло разорвать проволочную рѣшетку и дѣлало все болѣе и болѣе далекія прогулки, которыя часто продолжались цѣлые дни. Вмѣсто того, чтобы, подобно прежнимъ молодымъ болотнымъ бобрамъ, направляться въ Бирзигъ, это животное для своихъ скитаній пользовалось протекающимъ надъ садомъ ручьемъ

Рюелинъ. Какъ и слѣдовало ожидать, бѣглець разъ пропалъ окончательно. Проходили недѣли, а я все ничего не зналъ о его мѣстопробываніи; наконецъ 9 октября садовникъ Боттмингскаго замка, лежащаго въ долинѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ зоологическаго сада, принесъ животное застрѣленнымъ. По ручью Рюелинъ болотный бобръ проникъ въ садовый прудъ и послѣ долгаго колебанія былъ застрѣленъ садовникомъ, принявшимъ его за выдру. Бѣглецу въ теченіи его 8—10 недѣльнаго пребыванія на дачѣ очевидно жилось не дурно, такъ какъ онъ былъ довольно жиренъ.

«15 мая 1887 г. мы получили изъ Дрездена пару полу взрослыхъ, а 13 августа пару взрослыхъ болотныхъ бобровъ, привезенныхъ изъ Аргентиніи. Обѣ пары были посажены вмѣстѣ, но оказалось, какъ и прежде, что болѣе сильный самецъ владычествовалъ и не терпѣлъ другого рядомъ съ собою; поэтому мы увидѣли себя вынужденными удалить преслѣдуемаго самца. Другой самецъ сталъ теперь жить въ полномъ согласіи съ обѣими самками, что не осталось безъ послѣдствій. 19 января 1888 г. въ логовищѣ показалось многочисленное потомство, одна самка родила 6, другая 7 дѣтенышей. Какъ и прежніе, эти дѣтеныши хорошо росли и доставляли всѣмъ посетителямъ сада безконечно много удовольствія. Въ іюнѣ мы продали всѣхъ дѣтенышей. 1-го августа у одной изъ самокъ опять было 5 дѣтенышей, которыхъ мы продали въ концѣ октября. 17-го ноября и вторая самка родила во второй разъ 6 штукъ.

«Такъ какъ уходъ за болотными бобрами очень простъ, прокормить ихъ легко и дешево, а также и разведеніе ихъ не представляетъ никакихъ затрудненій, то держать этихъ грызуновъ можно рекомендовать каждому любителю животныхъ, у котораго есть удобное для того мѣсто; мало того, стоило-бы попытаться поселить небольшую колонію изъ 4—5 штукъ въ защищенный лѣсъ, въ которомъ есть прудъ или спокойно текущая вода и достаточное количество травы. На основаніи наблюденій, сдѣланныхъ надъ нашими бѣглецами, я полагаю, что эти животныя нашла-бы себѣ достаточно пищи и сьумѣли-бы и перезимовать, не причиняя лѣсу или сельскому хозяйству замѣтнаго вреда».

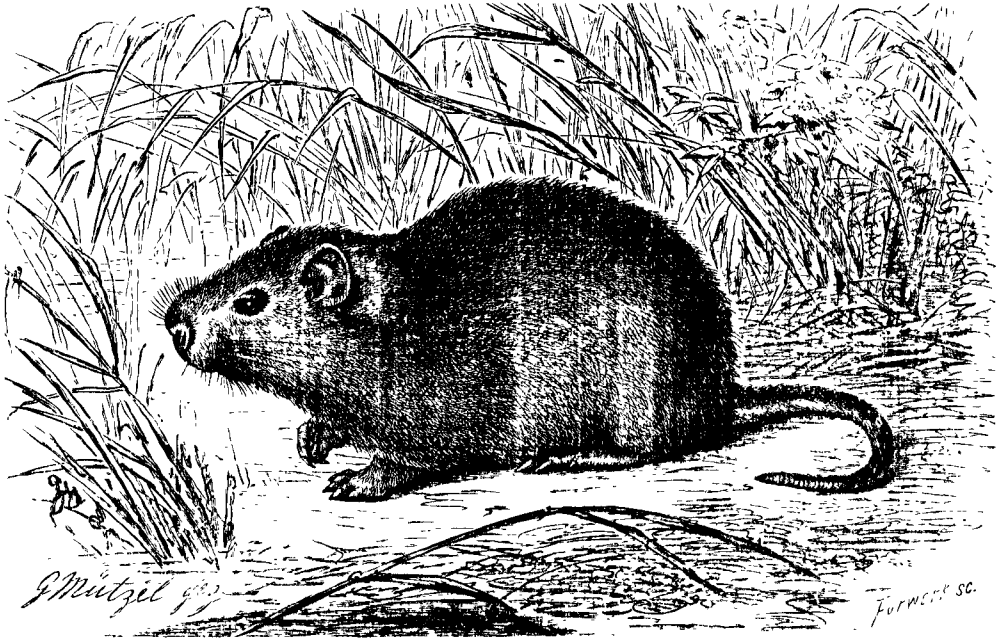
Болотнаго бобра ревностно преслѣдуютъ ради его цѣнной шкуры. До 1823 года на европейскій рынокъ ежегодно привозили отъ 15 до 20 тысячъ шкуръ. Въ 1827 г. изъ провинціи Энтре-Ріосъ по официальнымъ даннымъ таможни въ Буэносъ-Айресѣ было вывезено 300,000 штукъ, и вывозъ повысился еще, такъ какъ въ началѣ 30-хъ годовъ изъ однихъ лишь болотъ Буэносъ-Айреса и Монтевидео посылалось въ Англію до 50,000 шкуръ. Въ настоящее время, по Ломеру, ежегодно поступаютъ въ торговлю около 1,5 милліона шкуръ, изъ которыхъ около двухъ третей, именно худшія, служатъ для приготовленія войлока, а треть, длинно и густоволосистая, послѣ выщипыванія ости перерабатываются въ мѣха, причемъ или оставляютъ ихъ естественный цвѣтъ, или окрашиваютъ ихъ подѣ котикъ. Шкуры, годныя для мѣха, стоятъ 3—7 марокъ штука; волосъ стоитъ 2—3 марки килограммъ. Во многихъ мѣстахъ туземцы ѣдятъ бѣлое вкусное мясо болотнаго бобра, въ другихъ не трогаютъ его.

За болотными бобрами въ Буэносъ-Айресѣ охотятся главнымъ образомъ съ помощью особеннымъ образомъ дрессированныхъ собакъ, которыя отыскиваютъ ихъ въ водѣ и гонятъ къ охотнику на выстрѣлъ или-же вступаютъ съ ними въ битву, хотя этотъ большой грызунъ умѣетъ мужественно и сильно защищаться. Въ мелкихъ мѣстахъ, любимыхъ водяными бобрами, и передъ норами ставятъ также ловушки. Въ Парагваѣ за ними не охотятся иначе, какъ встрѣтивъ ихъ случайно. Къ нимъ не легко подойти, такъ какъ при малѣйшемъ шумѣ они обращаются въ бѣгство и прячутся: при томъ стрѣлку не удается убить болотнаго бобра однимъ

выстрѣломъ, такъ какъ гладкій густой мѣхъ мѣшаетъ прониканію дроби, а если бобръ только раненъ, то умѣетъ еще спастись. Если-же ему прострѣлить голову, то онъ тонетъ, какъ свинецъ, и въ такомъ случаѣ по большей части пропадаетъ.

* *
*

По внѣшнему виду на болотнаго бобра похожа одна африканская ежекрыса, **Щетинистая свинка** (*Aulacodus swinderianus*. Rohrratte), животное плотнаго сложенія съ маленькой головою, короткой и широкой мордой, маленькими, голыми, полукруглыми ушами и короткими четырехпальцами ногами съ зачаточными большими пальцами. Пальцы снабжены большими серповидными когтями, тонкій хвостъ различной длины, но достигаетъ приблизительно длины половины туловища, которая равна приблизительно 50 см. Изъ зубовъ особенно своеобразны верхніе

Щетинистая свинка. *Aulacodus swinderianus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

рѣзцы, отличающіеся тремя бороздками, пробѣгающими по верхней половинѣ передней стороны. Вѣсъ животного по опредѣленіямъ, произведеннымъ въ западной Африкѣ, около 4 килограммовъ, иногда 5. Мѣхъ состоитъ изъ гладкихъ, похожихъ на иглы щетинъ съ гибкимъ концомъ. При основаніи онъ пепельно-сѣраго цвѣта, посрединѣ темнѣе, а на концѣ, передъ которымъ по большей части находится буровато-желтое кольцо, чернаго цвѣта. Подбородокъ и верхняя губа бѣловатые, грудь грязно-желтоватая, нижняя сторона тѣла буроватая съ сѣро-бурыми крапинками. Шерсть на ушахъ желтовато-бѣлаго цвѣта, усы окрашены бѣлымъ и чернымъ цвѣтомъ. Отъ этого вида, описаннаго впервые Темминкомъ и не имѣющаго плавательныхъ перепонокъ, фонъ-Гейглинъ отличилъ въ области Верхняго Нила второй видъ, **Полулопастную свинку** (*Aulacodus semipalmatus*), отличающійся ясными плавательными перепонками на заднихъ ногахъ. Однако этотъ второй видъ вовсе не ограничивается упомянутою областью, а встрѣчается также, какъ показали въ новѣйшее время Шоакъ, въ западной Африкѣ на Нижнемъ

Конго. Область распространения щетинистой свинки простирается по нашим настоящим свѣдѣніямъ, по восточной Африкѣ на югъ до Капской области и обнимаетъ въ западной Африкѣ какъ Верхнюю, такъ и Нижнюю Гвинею; въ области Верхняго Нила водится, повидимому, лишь второй видъ.

Что касается распространения ея внутри страны, то Р. Бюттнеръ наблюдалъ ее въ странѣ Конго еще при Куанго, а въ восточной Африкѣ Бемъ еще у Танганайка. Въ Нижней Гвинее отъ Юмбы до Амбрица туземцы называютъ ее **Сибезе**, въ юго-восточной Африкѣ — **Ивондуэ**, Нубійцы въ области Верхняго Нила — **Фаръэль-Бухсъ**, а Нямъ-Нямъ — **Ремво** или **Алимвохъ**.

По образу жизни оба вида въ сущности сходны между собою. Они не живутъ обществами и не составляютъ большихъ стадъ, но встрѣчаются въ удобныхъ для нихъ мѣстахъ довольно часто. Они всегда держатся по близости воды и живутъ преимущественно въ береговой полосѣ въ густыхъ заросляхъ травы, камыша и тростника, а также въ низкомъ и густомъ кустарникѣ. По Швейнфурту, щетинистыя свинки, ходящія на сѣверо-востокъ, выкапываютъ себѣ глубокія норы; по относительно живущихъ въ Нижней Гвинее этого не извѣстно; Бюттикоферъ тоже ничего не сообщаетъ объ этомъ изъ Либеріи, а Друммондъ говоритъ о тѣхъ, которыхъ онъ наблюдалъ въ юго-восточной Африкѣ, слѣдующее: «Онѣ не выкапываютъ себѣ никакихъ подземныхъ жилищъ, а убѣгаютъ, если ихъ выгнать изъ травы и тростника, гдѣ онѣ прятались, въ какія-нибудь отверстія и щели скаль, или-же въ покинутыя жилища другихъ животныхъ». Пища ихъ состоитъ изъ травъ, корней и клубней, которые онѣ находятъ въ достаточномъ количествѣ по берегамъ воды и на влажныхъ низменностяхъ. Друммондъ рисуетъ ихъ очень вредными животными, которыя могутъ производить большія опустошенія на поляхъ сахарнаго тростника и манса, и потому ревностно преслѣдуются въ населенныхъ мѣстностяхъ. По его словамъ, нѣкоторые плантаторы въ юго-восточной Африкѣ, которымъ эти животные сильно досаждаютъ, уплачиваютъ за каждый убитый экземпляръ отъ 0,5 до 1 марки. Въ Либеріи онѣ тоже, по словамъ Бюттикофера, приносятъ большой вредъ маниоковымъ, рисовымъ и мансовымъ плантаціямъ. Въ западной Африкѣ животное это пользуется дурною славой, такъ какъ по рѣшительнымъ, но не доказаннымъ увѣреніямъ какъ туземцевъ, такъ и европейцевъ, грызетъ слоновую кость и портитъ иногда прекрасные бивни. Повидимому, это неосновательно, по крайней мѣрѣ, на сколько простираются наблюденія Пехуэль-Леше; на изслѣдованныхъ имъ бивняхъ отдѣльныя бороздки на обгрызанныхъ мѣстахъ были слишкомъ узки и слишкомъ округлены, однимъ словомъ — слишкомъ аккуратны, чтобы можно было предположить, что онѣ прорѣзаны крѣпкими и широкими рѣзцами щетинистой свинки. Тотъ-же результатъ выяснился при изслѣдованіи многочисленныхъ кусковъ слоновой кости въ обширной коллекціи В. Вестендарна въ Гамбургѣ. Животное это можетъ быть и обгрызаетъ иногда слоновую кость, но гораздо большее число поврежденій на бивняхъ производится гораздо меньшими и вѣроятно различными грызунами. Тѣмъ не менѣе очень замѣчательно, что и на дальнемъ сѣверовостокѣ Африки щетинистыхъ свинокъ обвиняютъ въ томъ-же самомъ. «Онѣ хорошо извѣстны въ Нямъ-Нямъ,» пишетъ Швейнфуртъ: «главнымъ образомъ, благодаря тѣмъ опустошеніямъ, которыя онѣ обыкновенно производятъ въ запасахъ слоновой кости, обгрызая ее, чтобы точить рѣзцы на удобномъ для этого веществѣ. Дѣло въ томъ, что жители Нямъ-Нямъ, слѣдуя обычаю многихъ африканскихъ народовъ, зарываютъ свою слоновую кость въ мокрую болотную почву, чтобы защитить ее на случай военного нападенія, а можетъ быть и на случай пожара. Здѣсь ее находятъ щетинистыя свинки и обгрызаютъ во всѣхъ направленіяхъ».

Щетинистую свинку преслѣдуютъ какъ туземцы, такъ и любящіе охоту европейцы, такъ какъ она доставляетъ болѣе вкусное жаркое, чѣмъ какое-либо другое африканское млекопитающее. По крайней мѣрѣ всѣ вышеназванныя натуралисты, за исключеніемъ Друммонда, согласны между собою въ томъ, что это прекрасная дичь; тоже самое сообщаетъ и Скерчли изъ Дагомея. Мясо жирно и похоже на мясо здороваго поросенка сосунка и свободно отъ какого-либо противнаго посторонняго вкуса. Такъ какъ кожа хотя и толста, но очень легко рвется и довольно крѣпко сростается съ лежащимъ подъ нею слоемъ жира, то ее обыкновенно не снимаютъ, а только опаливаютъ щетину и затѣмъ приготавливаютъ дичь цѣликомъ, какъ поросенка. Охотятся за щетинистой свинкою съ помощью ловушекъ или собакъ, или огня и, если собаки не загрызутъ ее, то ее колятъ копьями, стрѣляютъ или забиваютъ до смерти. При охотѣ въ одиночку отыскиваніе и убиваніе щетинистой свинки облегчается ея привычкой лежать долго на одномъ мѣстѣ подобно нашему зайцу и также убѣгать по тѣмъ тропинкамъ, которыя она проложила себѣ черезъ чащу. Этимъ пользуются туземцы западной Африки; на тропинки они кладутъ длинныя корзины, сдѣланныя изъ тонкихъ щепокъ и похожія на рыболовныя верши, по сторонамъ-же устраиваютъ подъ острымъ угломъ къ тропинкѣ крылообразно расположенныя короткія изгороди. Вспугнутыя щетинистыя свинки бросаются въ эти корзины-ловушки, иногда по нѣскольку штукъ одна за другой и застряваютъ тамъ, такъ какъ ихъ гибкая темница до такой степени узка, что онѣ не могутъ въ ней повернуться, и такимъ образомъ безпомощно защемленныя попадаютъ въ руки преслѣдователей. Болѣе изобильны добычей въ извѣстное время большія охоты загономъ, на которыхъ дѣйствуютъ вмѣстѣ люди, собаки и огонь. Когда въ сухое время года нѣкоторые водоемы иссыкаютъ и большія пространства травяныхъ зарослей выгораютъ, то щетинистыя свинки по необходимости собираются въ ущѣлѣвныя остаткахъ чащи. Эти остатки окружаютъ, зажигаютъ и убиваютъ убѣгающихъ животныхъ, кто какъ можетъ, то-же дѣлается и въ области Верхняго Нила.

«Конецъ февраля,» пишетъ Швейнфуртъ, «былъ самымъ удобнымъ временемъ для охоты на щетинистыхъ свинокъ; поэтому я устроилъ однажды большую охотничью экскурсію къ Дьюру, собравъ вокругъ себя самыхъ ловкихъ изъ туземцевъ; вооруженные коньями и хорошо знакомые съ мѣстами, въ которыхъ предпочтительно держится это замѣчательное животное, они должны были служить мнѣ въ качествѣ загонщиковъ и охотниковъ. Въ это время, когда даже около рѣкъ и въ болотистыхъ низменностяхъ засохла вся трава, казалось легкимъ набить съ помощью этихъ охотниковъ щетинистыхъ свинокъ, во множествѣ водившихся въ такихъ мѣстностяхъ. Добычей дня было дѣйствительно десять штукъ, однако большинство изъ нихъ, благодаря грубому способу охоты, оказались растерзанными ударами брошенныхъ въ нихъ копій и зубами моихъ собакъ, и негодными для научныхъ цѣлей. Какъ скоро находили мѣсто, гдѣ были эти животныя, его окружали и зажигали высокую траву сразу со всѣхъ сторонъ; ускользнуть было невозможно, каждое прятавшееся тамъ живое существо должно было показаться. Однако щетинистыя свинки имѣли дурную привычку всегда ждать до послѣдняго момента и рѣшиться на бѣгство, лишь опаливъ шерсть и обжегши лапы; поэтому добыть неповрежденныя шкуры было не легко. Подобно зайцу животное остается неподвижно въ своемъ убѣжищѣ, гдѣ считаетъ себя безопаснымъ, даже въ непосредственной близости отъ преслѣдователя. И тѣхъ, и другихъ туземцы нерѣдко убиваютъ поэтому ударомъ камня или дубины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ ущѣлѣвая отъ степнаго пожара трава отличалась особенной густотою, сопровождавшимъ меня туземцамъ стоило лишь колоть на удачу своими копьями, чтобы пронзить нѣсколько щетинистыхъ свинокъ, точно такъ, какъ ловятъ рыбу въ лужахъ, оставшихся отъ засохшей рѣчки».

О размноженіи этого животного ничего неизвѣстно; объ одномъ экземплярѣ, котораго Поакъ наблюдалъ въ неволѣ, онъ говоритъ: «Характеръ очень флегматическій; животное сидитъ неподвижно скорчившись».

Лишь въ послѣднее время стали лучше извѣстны представители одного маленькаго семейства американскихъ животныхъ, шкуры которыхъ уже съ древнихъ временъ употреблялись коренными обитателями Южной Америки, а начиная съ конца прошлаго столѣтія, стали во множествѣ привозиться въ Европу. **Шиншилла** (*Lagostomidae*; *Hasenmäuse*. *Chinchillas*) по внѣшнему виду можно было-бы признать, какъ промежуточные формы между мышами и зайцами. Если назвать ихъ кроликами съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ, то этимъ дается самое краткое описаніе ихъ. Однако отъ зайцевъ онѣ рѣзко и опредѣленно отличаются по зубамъ. Коренные зубы безъ корней съ 2—3 параллельными складками эмали, ряды зубовъ спереди сближаются между собою. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 12 опинныхъ позвонковъ, 8 поясничныхъ, 2 крестцовыхъ и 20 хвостовыхъ. Тѣло ихъ одѣто мѣхомъ, болѣе нѣжнымъ, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ млекопитающихъ. Цвѣтъ его свѣтло-сѣрый съ бѣлымъ и черно-бурымъ или желтымъ отгѣнкомъ.

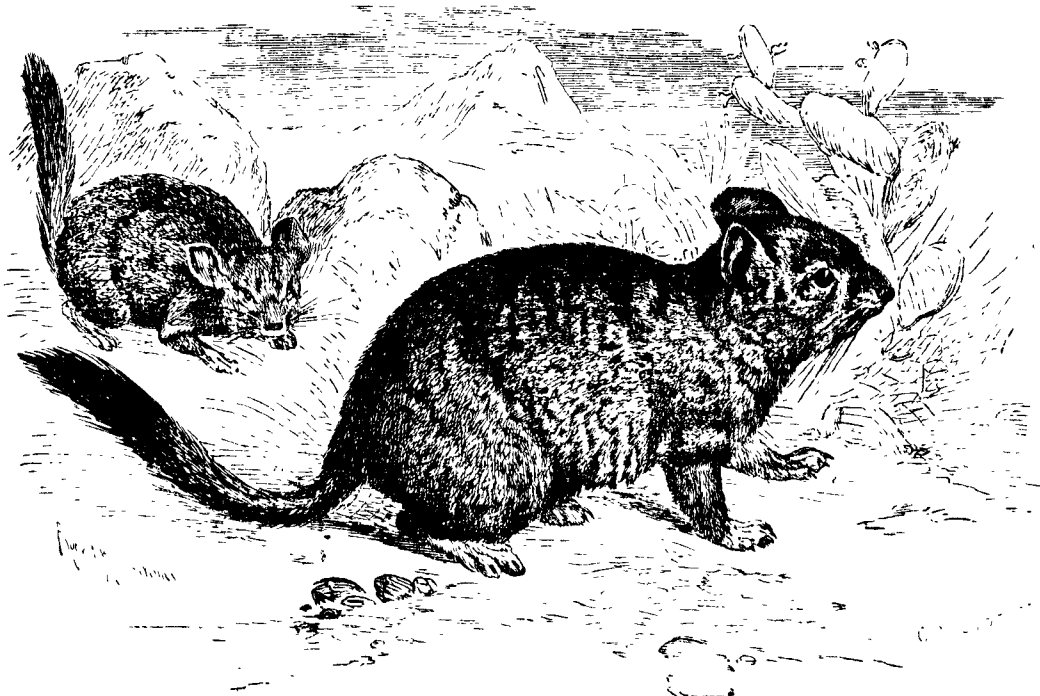
Всѣ шиншиллы живутъ въ Южной Америкѣ и большею частью на горахъ, до значительной высоты, между голыми скалами ниже снѣговой линіи; лишь одинъ видъ живетъ на низменности. Жилищемъ имъ служатъ естественныя пещеры или вырытыя ими самими норы. Всѣ онѣ общительны, нѣкоторыя живутъ семьями въ одной и той-же пещерѣ. Избѣгая подобно зайцамъ свѣта, онѣ показываются по большей части въ сумеркахъ или ночью. Это—быстрыя, живыя, ловкія, робкія и пугливыя животныя; по своимъ движеніямъ онѣ полукролики, полумыши. Слухъ у нихъ, повидимому, наиболѣе развитое чувство. Умственные способности ничтожны. Корни и лишай, луковицы и кора, а также и плоды составляютъ ихъ пищу. Размноженіе ихъ приблизительно такъ-же сильно, какъ у зайцевъ. Онѣ легко переносятъ неволю и доставляютъ удовольствіе своею чистоплотностью и легкой приручаемостью. Нѣкоторые виды приносятъ вредъ или по крайней мѣрѣ досаждаютъ, роясь подъ землей, но всѣ полезны своимъ мясомъ и мѣхомъ.

* * *

Шиншиллы (*Eriomys*), составляющія первый родъ, отличаются отъ своихъ родичей толстой головою, широкими, округленными ушами, пятипальными передними и четырехпальными задними ногами и длиннымъ, чрезвычайно мягкимъ и шелковистымъ мѣхомъ. Коренные зубы состоятъ изъ трехъ листковъ эмали. Извѣстны лишь два вида этихъ животныхъ: **Большая Шиншилла** (*Eriomys chinchilla*, *Lagostomus laniger*, *Chinchilla brevicaudata*. *Chinchilla*) и **Малая Шиншилла** (*Eriomys lanigera*, *Mus*, *Cricetus* и *Callomys laniger*. *Petit Chinchilla*). Первая достигаетъ въ длину 30 см., хвостъ ея длиною 13 см., а съ волосами 20 см. Однообразный, тонкій, чрезвычайно мягкій мѣхъ на спинѣ и на бокахъ состоитъ изъ волосъ, имѣющихъ болѣе 2 см. длины; волоса у корня темнаго голубовато-сѣраго цвѣта, далѣе покрыты широкими бѣлыми кольцами, а на концахъ темно-сѣрые. Благодаря этому общій цвѣтъ кажется серебристымъ съ темнымъ налетомъ. Нижняя сторона и ноги чисто бѣлаго цвѣта; хвостъ сверху имѣетъ двѣ темныя поперечныя полоски, усы у корня черно-бурые, на кончикѣ сѣро-бурые. Большіе глаза чернаго цвѣта.

Уже во времена инковъ перуанцы дѣлали изъ тонкой шелковистой шерсти шиншилла сукна и другія подобныя матеріи, которыя были въ большомъ ходу, и

старые писатели, какъ Акоста и Молина даютъ довольно подробныя, хотя и не совершенныя вѣрныя, описанія этого важнаго въ промышленномъ отношеніи животнаго. Въ прошломъ столѣтіи первыя шкуры получались, какъ большая рѣдкость, черезъ Испанію, теперь онѣ стали обыкновеннымъ предметомъ торговли. Торговцы мѣхами знали гораздо раньше зоологовъ два вида, настоящихъ шиншиллъ и шиншиллоублюдковъ (*Bastard-Chinchillas*); но натуралисты не могли сначала установить ничего вѣрнаго объ этомъ различіи, такъ какъ все получавшіяся шкуры были неполны и не доставало самыхъ главныхъ отличительныхъ признаковъ, черепа съ зубами и ногъ съ пальцами. Такимъ образомъ лишь въ 1829 г. Беннетъ могъ сообщить объ этомъ животномъ болѣе подробныя свѣдѣнія, послѣ того какъ досталъ

Шиншилла большая. *Erinomys chinchilla*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

его живымъ и долгое время наблюдалъ въ Англии. Но и теперь еще естественная исторія шиншиллы во многихъ пунктахъ очень темна.

Путешественникъ, который съ западнаго берега Южной Америки поднимается на Кордильеры, замѣчаетъ, достигнувъ высоты 2—3000 метровъ часто на протяженіи цѣлыхъ миль, что все скалы покрыты этими шиншиллами и двумя видами другого рода того-же семейства. Въ Перу, Боливіи и Чили эти животныя должны быть чрезвычайно обыкновенны, такъ какъ отъ путешественниковъ мы узнаемъ, что они въ теченіи одного дня проѣзжали мимо тысячъ изъ нихъ. Въ свѣтлые дни можно видѣть, какъ шиншиллы сидятъ передъ своими норами, но никогда на солнечной сторонѣ скалъ, а всегда въ глубочайшей тѣни. Еще чаще замѣчаютъ ихъ въ утренніе и вечерніе часы. Онѣ оживляютъ тогда горы и особенно хребты безплодныхъ каменистыхъ и скалистыхъ мѣстностей, гдѣ существуетъ лишь самая скудная растительность. Именно, повидимому, на совершенно голыхъ крутыхъ скалахъ онѣ бродятъ взадъ и впередъ, двигаясь съ необыкновенной быстротою и жи-

востью. Съ изумительной легкостью лазаютъ онѣ туда и сюда по отвѣснымъ скаламъ, на которыхъ, повидимому, не за что уцѣпиться. Онѣ поднимаются вверхъ на 6—10 метровъ съ такою ловкостью и быстротой, что за ними едва можно услѣдить глазами. Хотя онѣ и не особенно робки, но не позволяютъ подойти близко и мгновенно исчезаютъ, лишь только сдѣлаешь видъ, что хочешь ихъ преслѣдовать. Отвѣсная скала, покрытая сотнями ихъ, становится пустою и мертвой въ ту-же минуту, какъ по нимъ выстрѣлять. Каждая шиншилла поспѣшно прячется въ расщелинѣ скалы и исчезаетъ въ ней, точно волшебствомъ скрывшись изъ глазъ. Чѣмъ болѣе раздроблены утесы, тѣмъ чаще бывають они населены шиншиллами. такъ какъ именно щели, расщелины и пустоты между камнями доставляютъ имъ убѣжище. Иногда случается, что путешественникъ, который, не дѣлая ничего дурного этимъ животнымъ, отдыхаетъ на высотахъ, бываетъ просто осажденъ этими жителями скалъ. Камни понемногу оживляются; изъ каждой щели, каждой расщелины выглядываетъ голова. Самыя любопытныя и довѣрчивыя шиншиллы отваживаются приблизиться и, наконецъ, безбоязненно бѣгаютъ подъ ногами пасущихся муловъ. Походка ихъ представляетъ скорѣе извѣстнаго рода прыганіе, чѣмъ ходьбу, но напоминаетъ движенія нашихъ мышей. Отдыхая, онѣ сидятъ на задней части тѣла, подтянувъ переднія ноги къ груди и вытянувъ хвостъ назадъ; однако бнѣ могутъ совершенно свободно подниматься на заднихъ ногахъ и держаться нѣкоторое время въ этомъ положеніи. При лазаніи онѣ хватаются всѣми четырьмя лапами за щели скалъ и самой незначительной неровности достаточно для нихъ, чтобы удержаться вполне твердо. Всѣ наблюдатели согласно показываютъ, что это животное мастерски умѣетъ оживать даже самую пустынную и печальную горную мѣстность и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять развлеченіе и забаву человѣку, одиноко профъзжающему на этихъ высотахъ.

О размноженіи шиншиллы нѣтъ еще точныхъ свѣдѣній, хотя она и размножалась въ Лондонскомъ зоологическомъ саду. На ихъ родинѣ находили беременныхъ самокъ во всякое время года и узнали отъ туземцевъ, что число дѣтенышей колеблется отъ 4 до 6; болѣе подробныхъ свѣдѣній не имѣется. Дѣтеныши становятся самостоятельны, какъ скоро могутъ оставлять щели скалъ, въ которыхъ впервые увидѣли свѣтъ, а старая самка, повидимому, съ моментомъ ихъ выхода перестаетъ заботиться о своемъ потомствѣ. На родинѣ ихъ часто приручаютъ; въ Европу она все еще попадаетъ довольно рѣдко. Привлекательность ея движеній, ея чистоплотность и легкость, съ которою она примиряется съ судьбою, скоро снискиваютъ ей дружбу человѣка. Она оказывается такой безобидной и довѣрчивой, что ей можно позволить свободно бѣгать въ домѣ по комнатамъ. Она надѣдаетъ лишь своимъ любопытствомъ: она изслѣдуетъ все, что встрѣчаетъ на пути, и даже предметы, поставленные выше, такъ какъ для нея бездѣлица вскарабкаться на столъ или шкафъ. Нерѣдко она вдругъ прыгаетъ людямъ на голову и плечи. Духовныя способности ея стоятъ приблизительно на такой-же ступени, какъ у нашего кролика или морской свинки. У шиншиллы тоже нельзя замѣтить ни привязанности къ тому, кто за нею ходитъ, ни благодарности. Въ неволѣ она далеко не такъ жива, какъ на свободѣ, и никогда не перестаетъ быть боязливой, хотя иногда, какъ Гаакке убѣдился на самцѣ пары, содержимой въ Франкфуртскомъ зоологическомъ саду, и бросается на предполагаемаго врага и обрызгиваетъ его мочею. Ее легко прокормить сухими травами. На свободѣ она ѣстъ траву, корни и мохъ и пользуется передними лапами, чтобы подносить пищу ко рту.

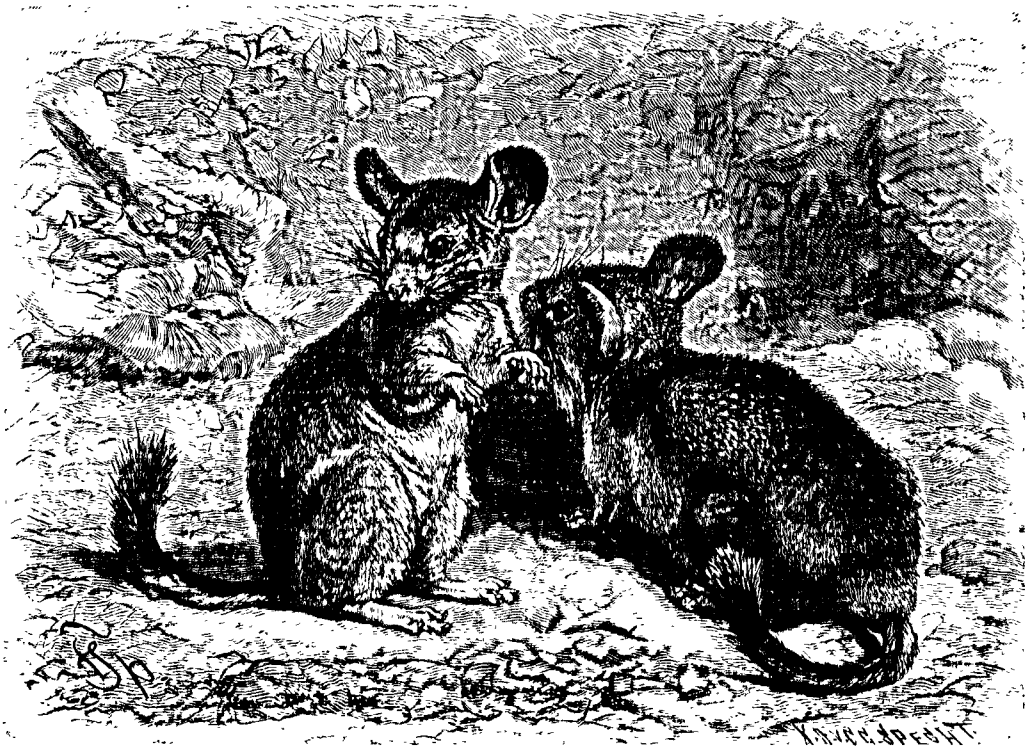
Въ прежнія времена шиншилла встрѣчалась, говорятъ, до самаго моря на всѣхъ горахъ такъ-же часто, какъ теперь на высокихъ; въ настоящее время се

встрѣчаютъ на болѣе низкихъ горахъ лишь тамъ и сямъ и всегда въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ. Неустанное преслѣдованіе, которому она подвергается ради шкуры, прогнало ее на высоты. За нею ревностно охотились уже съ древнихъ временъ и даже теперь употребляютъ почти совершенно тѣ-же способы охоты, какъ прежде. Европейцы, правда, убиваютъ ее иногда огнестрѣльнымъ оружіемъ или изъ самострѣловъ, однако эта охота даетъ ненадежные результаты, потому-что если въ шиншиллу не попасть такъ, чтобы она умерла мгновенно, то она всегда прячется въ одну изъ трещинъ скалы и пропадаетъ для охотника. Гораздо надежнѣе тотъ способъ охоты, которымъ пользуются индѣйцы. Они ставятъ хорошо сдѣланныя петли передъ всѣми трещинами скалъ, до которыхъ могутъ добраться, и на слѣдующее утро вынимаютъ шиншиллы, попавшихся въ эти петли. Кромѣ того индѣйцы страстно любятъ охоту, которую мы примѣняемъ для кроликовъ. Они умѣютъ мастерски приручать перуанскую ласку (*Mustela agilis*) и дрессировать для охоты за шиншиллами; затѣмъ поступаютъ совершенно такъ-же, какъ наши охотники съ хорьками или же предоставляютъ самой ласкѣ вытащить умерщвленное внутри логовища животное.

Чуди упоминаетъ, что одинъ купецъ въ Молиносѣ, самомъ западномъ мѣстечкѣ штатовъ Лаплаты, вывозилъ прежде ежегодно по 2—3000 дюжинъ шкуръ шиншиллы, а уже въ 1857 г. могъ пустить въ торговлю лишь 600 дюжинъ. «Многіе изъ охотниковъ-индѣйцевъ», рассказываетъ онъ, «жаловались въ моемъ присутствіи на большое уменьшеніе числа этихъ животныхъ и все возрастающую трудность ловли. Это—слѣдствіе непрерывнаго неосмотрительнаго преслѣдованія. Промотавъ деньги, вырученныя за продажу добычи, охотникъ за шиншиллами покупаетъ въ долгъ нѣкоторое количество съѣстныхъ припасовъ, обязуясь уплатить послѣ охоты, и отправляется въ самыя дикія горныя мѣстности. Здѣсь эти милостивыя звѣрки живутъ въ почти недоступныхъ трещинахъ скалъ или у подножія скалъ въ выкопанныхъ ими самими логовищахъ. Они необыкновенно робки и всякое необычное явленіе или непривычный для нихъ шумъ прогоняетъ ихъ съ быстротою молніи въ ихъ надежныя убѣжища, если они ѣли или, что они особенно любятъ, играли на солнцѣ въ небольшомъ разстояніи оттуда. Въ извѣстныхъ уже поселеніяхъ шиншиллъ или новыхъ, которыя охотникъ замѣтилъ своимъ орлинымъ глазомъ во время своихъ трудныхъ скитаній, онъ ставитъ передъ входными отверстіями петли изъ крѣпкаго конскаго волоса или простыя ловушки и ждетъ результатовъ, хорошо спрятавшись на нѣкоторомъ разстояніи. Любопытныя шиншиллы, какъ скоро сочтутъ, что опасность миновала, быстро выскакиваютъ изъ своихъ убѣжищъ и или повисаютъ въ петляхъ, или убиваются ловушками. Индѣецъ сѣвшитъ къ нимъ, вынимаетъ ихъ и снова разставляетъ орудія ловли. Но теперь проходитъ болѣе долгое время, прежде чѣмъ напуганныя животныя оставляютъ свое жилище. Если нѣсколько ихъ поймано, то остальные остаются по 1—2 дня въ своихъ логовищахъ, прежде чѣмъ снова отважатся выйти наружу, за что обыкновенно и платятся жизнью. Легко понять, что выносливый и терпѣливо выжидающій индѣецъ можетъ такимъ образомъ истребить цѣлое поселеніе, такъ какъ подъ конецъ голодъ загоняетъ въ петли и послѣднихъ шиншиллъ. Ихъ не стрѣляютъ, такъ какъ во первыхъ даже очень тяжело раненныя убѣгаютъ въ свои логовища и въ такомъ случаѣ пропадаютъ, а во вторыхъ кровь изъ ранъ такъ сильно пачкаетъ чрезвычайно нѣжные волосы, что такія шкуры очень сильно теряютъ въ красотѣ и цѣнности. Послѣ многодневнаго пребыванія на Кордильерахъ охотникъ за шиншиллами возвращается съ добычей въ Молиносъ и получаетъ за дюжину шкуръ по 5—6 пезосъ (20—24 марки)».

Въ Сѣверномъ и Среднемъ Чили большую шиншиллу замѣняетъ малая. По образу жизни этотъ видъ, повидимому, совершенно сходенъ съ предыдущимъ; также близокъ къ нему по внѣшнему виду и окраскѣ мѣха. По онъ гораздо меньше; вся длина равняется самое большее 35—40 см., изъ которыхъ хвостъ занимаетъ приблизительно треть. Густая мягкая шерсть на спинѣ длиною 2 см. на задней части и бокахъ 3 см. Цвѣтъ ея свѣтло пепельно-сѣрый съ темными крапинками, нижняя сторона и ноги съ матово-сѣроватымъ или желтоватымъ налетомъ. На верхней сторонѣ хвоста волосы при основаніи и на кончикѣ грязно-бѣлаго цвѣта, посрединѣ буро-чернаго, нижняя сторона хвоста бурая.

Лишь послѣ многихъ просьбъ естествоиспытателей въ Европу были присланы

Шиншилла малая. *Etiomys lanigera*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

нѣсколько череповъ, а позднѣе и живыя животныя, хотя о малой шиншиллѣ упоминаютъ уже очень старые путешественники. Хаукинсъ, издавшій описаніе своего путешествія въ 1622 году, сравниваетъ малую шиншиллу съ бѣлкой, а Овалле говоритъ, что эти бѣлки водятся лишь въ долинѣ Гуаско и чрезвычайно цѣнятся и преслѣдуются ради хорошаго мѣха. Молина познакомилъ насъ съ этимъ животнымъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Онъ говоритъ, что шерсть этого вида такъ тонка, какъ нити паутины, и притомъ такъ длинна, что ее можно пряхть. «Животное это живетъ подъ землею въ сѣверныхъ областяхъ Чили и охотно держится вмѣстѣ съ другими родичами. Пища его состоитъ изъ луковицъ и луковичныхъ растений, обыкновенныхъ въ тѣхъ сторонахъ. Оно рождаетъ два раза въ годъ по 5—6 дѣтенышей. Пойманныя становятся настолько ручными, что не пытаются кусаться или убѣжать, если ихъ берутъ въ руки; они спокойно сидятъ даже если ихъ посадить на

колѣни, какъ будто-бы это было ихъ собственное логовище, и, повидимому, чрезвычайно любятъ, чтобы ихъ гладили. Такъ какъ они очень чистоплотны, то нѣтъ основанія бояться, чтобы они запачкали платье или придали ему дурной запахъ; у нихъ вовсе и нѣтъ особенно дурного запаха, какъ у другихъ мышей. Ихъ можно было-бы поэтому держать въ домахъ безъ неудобствъ и съ незначительными издержками; всѣ расходы они съ избыткомъ возмѣщали-бы, если-бы имъ стричь шерсть. Древнiе перуанцы, которые были гораздо изобрѣтательнѣе нынѣшнихъ, умѣли приготовить изъ этой шерсти одѣяла и другiя матерiи».

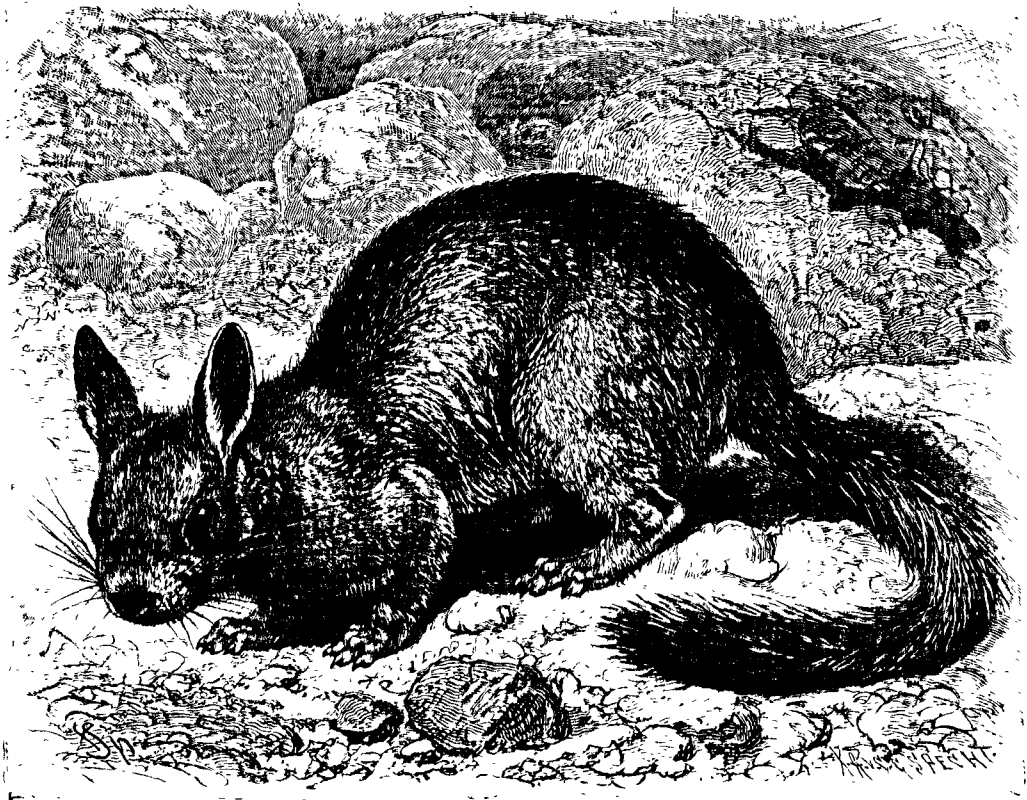
Въ 1829 г. малая шиншилла была привезена живою въ Лондонъ и описана Беннетомъ. Это было очень тихое существо, которое однако иногда пыталось кусаться, если находилось въ дурномъ расположенiи духа. Она рѣдко была очень весела и лишь иногда можно было видѣть ея странные прыжки. Она садилась обыкновенно на заднiя лапы, но могла также стоять и стоймя держаться на заднихъ ногахъ; пищу она подносила ко рту передними лапами. Зимой пришлось внести ее въ умѣренно отапливаемую комнату и выстлать ея жилище кускомъ фланели. Она часто срывала фланель со стѣны и рвала ее, играя съ матерiей. При необыкновенномъ шумѣ она впадала въ большое безпокойство; обыкновенно-же была спокойна и смирна. Зерна и сочныя растенiя она, повидимому, любила больше, чѣмъ сухiя травы, которыя, наоборотъ, очень охотно ѣла большiя шиншиллы. Малую шиншиллу нельзя было сажать вмѣстѣ съ большою; когда однажды сдѣлали это, началась страшная битва, въ которой малая непременно погибла-бы, если-бы бойцовъ не разъединили тотчасъ-же. На этомъ основанiи Беннетъ полагаетъ, что должно сомнѣваться въ томъ, чтобы различные виды и роды дѣйствительно жили вмѣстѣ.

Наблюденiя, которыя я могъ произвести самъ надъ одною малою шиншиллой въ неволѣ, согласуются въ существенныхъ чертахъ съ данными Беннета. Однако моя плѣнница доказывала, что она болѣе ночное, чѣмъ дневное животное. Правда, она и днемъ оказывалась бодрою, но лишь въ томъ случаѣ, если ее тревожили. Когда она однажды ускользнула изъ кѣтки и могла по желанiю бродить по дому, она постоянно пряталась днемъ и была за-то тѣмъ живѣе ночью. Слѣды ея оказывались всюду, и вверху, и внизу. Она легко взбиралась на этажерки въ 1—2 м. вышины, вѣроятно прыгая на нихъ, и пролѣзала черезъ щели и отверстiя въ 5 см. ширины, напр. черезъ проволочныя рѣшетки, которыя мы считали достаточными для того, чтобы удерживать ее. Походка ея своеобразна и представляетъ нѣчто среднее между бѣгомъ кролика и прыганьемъ бѣлки; хвостъ, который животное въ покоѣ всегда держитъ завернутымъ кверху, вытягивается назадъ, какъ скоро оно ускоряетъ бѣгъ. Сидя или стоя вертикально, малая шиншилла слегка опирается на хвостъ; въ другое время онъ остается свободнымъ. Сидя, животное подтягиваетъ переднiя ноги къ тѣлу и прикладываетъ ихъ къ груди. Длинные усы находятся постоянно въ оживленномъ движенiи; уши, которыя въ покоѣ частью завертываются, при подозрительномъ шумѣ тотчасъ же направляются прямо впередъ.

Свѣта малая шиншилла избѣгаетъ почти со страхомъ и всегда отыскиваетъ самыя темныя мѣста. Здѣсь она, скорчившись, на долго усаживается. Какимъ-либо углубленiемъ она тотчасъ-же пользуется, чтобы спрятаться. Голосъ ея, рѣзкое ворчанiе на подобiе кроличьяго, слышенъ лишь тогда, когда ее трогаютъ. Она неохотно допускаетъ это; когда ее схватятъ, пытается освободиться неожиданными порывистыми движенiями, но никогда не защищается зубами. Сѣно и траву она предпочитаетъ всякой другой пищѣ. Зеренъ она, повидимому, избѣгаетъ, сочныя корни едва трогаетъ. Пьетъ-ли она — остается въ сомнѣнiи; скорѣе вѣроятно, что она можетъ обходиться безъ всякаго питья. Въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, гдѣ

этот вид держать постоянно, она неоднократно размножалась, а потому могла бы легче других чужестранных грызунов годиться для разведения у насъ.

Южноамериканцы очень охотно ѣдятъ мясо обоихъ видовъ шиншиллы; европейскимъ путешественникамъ оно, повидимому, тоже нравилось, хотя они и говорятъ, что его нельзя сравнить съ мясомъ нашего зайца. Впрочемъ, мясо это употребляется лишь между прочимъ, главную цѣль охоты составляетъ шкура. Шиншиллы высокихъ Кордильероу особенно цѣнятся, по словамъ Чуди, такъ какъ волосы ихъ длиннѣе, гуще и тоньше, и онѣ доставляютъ гораздо болѣе прочный

Перуанскій цушакъ. *Lagidium cuvieri*. 1/4 наст. вел.

мѣхъ, чѣмъ береговья шиншиллы, шкуры которыхъ почти не имѣютъ никакой цѣнности. Въ Америкѣ теперь изъ этой шерсти приготавливаютъ лишь шляпы; искусство первобытныхъ обитателей умерло вмѣстѣ съ ними.

Въ мѣховой торговлѣ различаютъ, по словамъ Ломера, два рода шкуръ: шкуры болѣе крупныхъ настоящихъ шиншиллъ, длинно- и тонко-волосистыя, и шкуры меньшихъ шиншиллъ — ублюдковъ («Bastard-Chinchilla»), коротко-волосистыя; первыя стоятъ по 15—25 марокъ штука, вторыя лишь по 1—5 марокъ. Первыя въ торговлю поступаютъ ежегодно 20,000, вторыя 200,000. Различіе между самыми лучшими и самыми худшими шкурами очень бросается въ глаза, но есть переходныя формы, опредѣленіе которыхъ затруднительно и для знатока.

Значительно болѣе длинныя уши, хвостъ, покрытый на всей верхней поверхности пушистыми волосами, четырехпалыя ноги и очень длинныя усы служатъ отличіемъ представителей второго рода, который назвали **Пушанами** (*Lagidium. Hasenmause*), отъ настоящихъ шиншилль. По зубамъ оба рода стоятъ очень близко другъ къ другу, по образу жизни они сходны почти совершенно. До настоящаго времени достовѣрно извѣстны лишь два вида, которые живутъ оба на плоскогоріяхъ Кордильеровъ и именно около самой границы вѣчнаго снѣга на высотѣ отъ 3 до 5 тысячъ метровъ надъ уровнемъ моря, среди голыхъ скалъ. Они такъ-же общественны, такъ-же подвижны и ловки, какъ шиншиллы, обнаруживаютъ тѣ-же свойства и питаются болѣе или менѣе тѣми-же или по крайней мѣрѣ подобными растеніями. Изъ двухъ видовъ одинъ населяетъ плоскогорія южной части Перу и Боливію, другой сѣверную часть Перу и Эквадоръ. Нашъ рисунокъ изображаетъ первый видъ, **Пушана перуанскаго**, (*Lagidium cuvieri, Lagidium peruanum, Lagotis cuvieri, Callomys aureus. Hasenmaus*).

Это животное по величинѣ и виду похоже приблизительно на кролика; только заднія ноги гораздо длиннѣе, чѣмъ у настоящихъ кроликовъ, а длинный хвостъ не допускаетъ и сравненія съ хвостомъ нашихъ зайцевъ. Уши около 8 см. длиною, наружный край ихъ нѣсколько завернуть внутрь, конецъ закругленъ, снаружи уши покрыты рѣдкою шерстью, внутри почти голы, край довольно густо обсаженъ волосами. Мѣхъ очень мягокъ и длиненъ; волоса, за исключеніемъ отдѣльныхъ темныхъ, у корня бѣлаго цвѣта, на кончикѣ-же грязно-бѣлаго, смѣшаннаго съ желтовато-бурымъ; мѣхъ получаетъ, благодаря этому, общій пепельно-сѣрый цвѣтъ, который на бокахъ нѣсколько свѣтлѣе и болѣе переходитъ въ желтоватый. Хвостъ снизу и по бокамъ усаженъ короткими волосами, сверху длинными и взъерошенными; цвѣтъ волосъ тамъ буровато-черный, здѣсь бѣлый и черный, а къ концу совершенно черный. Особенно бросаются въ глаза длинныя, достигающіе почти до плечъ усы.

Отъ этого животного происходятъ, вѣроятно, тѣ шкуры, которыя поступаютъ въ торговлю подъ названіемъ «шиншиллоны». Онѣ имѣютъ ничтожную цѣнность; лишь нѣсколько сотенъ попадаетъ ежегодно въ Европу.

* * *

Представитель третьяго рода, **Вискаша**, (*Lagostomus trichodactylus, Dipus maximus, Lagostomus и Callomys viscacha, Lagotis criniger. Viscacha. Viscache*) похожъ болѣе на шиншиллу, чѣмъ на виды предыдущаго рода. Тѣло плотное съ короткой шеей и сильно выпуклой спиной; переднія ноги короткія и четырехпалыя; сильныя заднія ноги вдвое длиннѣе ихъ и трехпалыя. Голова толстая, округленная, сверху плоская, а по бокамъ раздутая, морда короткая и тупая. На губахъ и щекахъ сидятъ усы, отличающіеся особой жесткостью; они даже больше похожи на металлическія, чѣмъ на роговыя образованія, обладаютъ большою эластичностью и звенятъ, если по нимъ провести чѣмъ-нибудь. Почти голыя, узкія, тупоконечныя уши средней величины, широко разставленные глаза тоже не велики, покрытый шерстью носъ и глубоко расщепленная верхняя губа составляютъ другія особенности головы. Нижняя сторона заднихъ лапъ спереди покрыта шерстью, въ задней половинѣ обнажена и мозолиста, нижняя сторона переднихъ —напротивъ, совершенно голая. Короткіе когти, окруженные мягкими волосами, составляютъ вооруженіе переднихъ ногъ, болѣе длинныя и крѣпкіе—заднихъ. Коренные зубы, за исключеніемъ самаго задняго верхняго, имѣютъ по два листочка эмали, задній—3. Тѣло покрыто довольно густымъ мѣхомъ; на верхней сторонѣ онъ состоитъ изъ равномерно распределенныхъ сѣрыхъ и черныхъ волосъ, почему спина и кажется довольно темной; голова

болѣе сѣраго цвѣта, чѣмъ бока тѣла; широкая полоса, которая тянется по верхней части морды и по щекамъ, — бѣлая, хвостъ покрытъ грязно-бѣлыми и бурными пятнами, вся нижняя и внутренняя сторона ногъ бѣлаго цвѣта. Встрѣчаются, впрочемъ, иногда отклоненія отъ этой окраски. У иныхъ спина болѣе рыжевато-сѣрая съ черными пятнами, нижняя сторона бѣлая, на щекахъ рыжевато-бурая поперечная полоска, морда черная, хвостъ грязно-каштаново-бурый. Длина тѣла равняется 50 см., длина хвоста — 18 см.

Вискаша замѣняетъ своихъ родичей по семейству на восточной сторонѣ Андъ; область распространенія ея въ настоящее время составляютъ пампасы, отъ Буэнос-Айреса до Патагоніи. Пока воздѣлываніе земли не подвинулось такъ далеко, какъ теперь, ее находили и въ Парагваѣ. Гдѣ она еще существуетъ, она

Вискаша *Lagostomus trichodactylus*. $\frac{1}{5}$ наст. вел.

встрѣчается въ большомъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее встрѣчаютъ такъ часто, что по обѣ стороны дороги сидятъ цѣлыя стада ихъ, но это бываетъ только ночью.

Именно самыя уединенныя и пустынные мѣстности составляютъ ея мѣсто-пребываніе; однако она доходитъ вплоть до самыхъ воздѣланныхъ мѣстностей; путешественники знаютъ даже, что если попадаетъ множество «вискачерасовъ» или жилищъ этого животнаго, то, значитъ, недалеко испанскія поселенія.

Вискаша селится въ скудно поросшихъ и на большія пространства обнаженныхъ сухихъ равнинахъ и выкапываетъ себѣ здѣсь обширныя подземныя норы, охотнѣе всего по близости отъ кустарниковъ и недалеко отъ полей. Норы устраиваются сообща и населяются тоже сообща. Онѣ снабжены безчисленными ходами и галлереями для бѣгства, часто 40—50, и внутри раздѣлены на нѣсколько камеръ, смотря по величинѣ семейства, которое здѣсь поселилось. Число членовъ семьи можетъ доходить до 8—10; но въ такомъ случаѣ часть населенія оставляетъ старое жилище и основываетъ новое, охотно селясь совершенно около стараго. Перѣдко случается, что пещерная сова, съ которою мы познакомились какъ съ сожигатель-

ницей луговой собаки, является сюда и безъ большихъ затрудненій овладѣваетъ тѣмъ или другимъ жилищемъ. Чистоплотныя вискаши никогда не выносятъ присутствія сожителя, который не заботится о порядкѣ въ такой же степени, какъ онѣ, и мгновенно удаляются, если одинъ изъ пришельцевъ досаждастъ имъ своею нечисто-плотностью. Благодаря этому, почва оказывается иногда совершенно подрытой на пространствѣ квадратной мили. Цѣлый день все семейство лежитъ, спрятавшись въ жилищѣ, ко времени солнечнаго заката показывается животное, другое, а съ наступленіемъ сумерекъ передъ входами собирается болѣе или менѣе многочисленное общество. Оно очень заботливо изслѣдуетъ, все-ли спокойно, и долго бродитъ по близости жилища, прежде чѣмъ соберется идти за пищей. Въ это время можно видѣть, какъ сотни ихъ играютъ между собою, и слышать уже на значительныхъ разстояніяхъ ихъ хрюканье, похожее на свиное. Если все совершенно спокойно, то общество направляется за пищей, и ему годится все съѣдомое, что ни попадется. Травы, корни и кора составляютъ, конечно, главную часть ихъ корма; но если по близости есть поля, то животныя посѣщаютъ и ихъ и производятъ здѣсь замѣтныя опустошенія. При своихъ переходахъ на пастбище они тоже крайне осторожны: никогда не случается, чтобы они забыли обезпечить себя отъ опасности. Одно за другимъ они поднимаются на заднія лапы, тщательно прислушиваются и вглядываются въ ночную темноту. При малѣйшемъ шумѣ всѣ обращаются въ бѣгство и съ большою поспѣшностью, издавая громкій крикъ, бросаются обратно къ своимъ норамъ; страхъ ихъ такъ великъ, что они и тогда еще кричатъ и шумятъ, когда достигли уже безопаснаго жилища. Герингъ никогда не слышалъ, чтобы вискаши хрюкали на бѣгу, но каждый разъ какъ приближался къ норѣ, слышалъ всегда громкое ворчанье сидящихъ въ ней животныхъ.

По своимъ движеніямъ вискаши представляютъ много сходства съ кроликами; однако онѣ значительно уступаютъ имъ въ быстротѣ, хотя онѣ бодрѣе, веселѣе и болѣе расположены къ играмъ. Иди на пастбище, онѣ почти непрерывно заигрываютъ другъ съ другомъ, суетливо бѣгаютъ вокругъ, прыгаютъ съ хрюканьемъ одна черезъ другую, какъ-бы цѣлуются и т. п. Подобно агуарачаю онѣ уносятъ къ своимъ норамъ различныя вещи, которыя находятъ во время выходовъ на пастбище, и раскладываютъ ихъ безпорядочной кучей передъ входомъ, какъ будто-бы эти предметы могли служить имъ игрушками. Такъ, передъ ихъ норами бывають вагромозжены кости и гнѣзда, коровій пометъ и случайно потеряныя вещи, которыя рѣшительно не приносятъ имъ ни малѣйшей пользы, и гаучосы, потерявъ что-нибудь, отправляются поэтому къ ближайшимъ «вискачерасамъ», чтобы поискать тамъ утраченный предметъ. Изъ внутренности своихъ жилищъ животныя заботливо удаляютъ все лишнее. Собирають-ли они себѣ запасы на зиму въ норахъ, чтобы питаться ими въ теченіи суроваго времени года, еще не рѣшено; но крайней мѣрѣ утверждаетъ это лишь одинъ изъ старыхъ естествоиспытателей. Голосъ вискашъ есть странное, громкое и непріятное фырганье или хрюканье, не поддающееся описанію.

О размноженіи до настоящаго времени ничего достовѣрнаго неизвѣстно. Говорятъ, что самки рожаютъ 2—4 дѣтенышей, которые вырастають въ 2—4 мѣсяца. Герингъ видѣлъ всегда при старыхъ вискашахъ лишь по одному дѣтенышу. Онъ держался всегда около самой матери. Эта послѣдняя, повидимому, обращается съ нимъ съ большою любовью и защищаетъ его въ случаѣ опасности. Разъ вечеромъ мой товарищъ по профессіи ранилъ выстрѣломъ мать съ дѣтенышемъ. Послѣдній остался оглушенный на мѣстѣ; мать же была ранена не смертельно. Когда Герингъ приблизился, чтобы схватить добычу, старая самка стала дѣлать всевоз-

можныя усилія, чтобы унести оттуда дѣтеныша. Она обходила его, какъ-бы танцуя, и, казалось, была очень огорчена, увидѣвъ, что ея усилія ни къ чему не приводятъ. При приближеніи нашего охотника она вдругъ поднялась на заднія ноги, подпрыгнула на футъ отъ земли и, фыркая и хрюкая, съ такою яростью бросилась на врага, что ему пришлось защищаться отъ бѣшенаго животнаго ударами ружейнаго приклада. Лишь убѣдившись, что всѣ усилія тщетны и что дѣтеныша спасти нельзя, самка удалась въ свое жилище, находившееся по близости, но смотрѣла еще и оттуда съ видимымъ страхомъ и яростью на убійцу ея дѣтеныша. Если поймать дѣтенышей и заниматься ими, то они становятся ручными и ихъ легко держать, какъ и нашихъ кроликовъ. Мѣстами вискаши встрѣчаются и въ европейскіихъ зоологическихъ садахъ; вискаша, которую держали во Франкфуртскомъ саду, была, по словамъ Гаака, всегда невоспримчива, угрюма и отличалась бѣшеной злобой.

Вискашъ менѣе преслѣдуютъ ради ихъ мяса и шкуры, чѣмъ изъ за ихъ подземнаго рытвя. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ обыкновенны, верховая ѣзда дѣйствительно связана съ опасностью для жизни, такъ какъ лошади часто продавливаютъ своды не глубоко лежащихъ ходовъ и этимъ по крайней мѣрѣ чрезвычайно пугаются, если совсѣмъ не падаютъ, сбрасывая сѣдока или даже ломая ноги. Туземцы уже издали узнаютъ вискачераса по одной маленькой дикой горькой дынѣ, которую эти животныя вѣроятно охотно ѣдятъ. Это растеніе всегда встрѣчается тамъ, гдѣ много вискачерасовъ или, наоборотъ, эти послѣдніе устраиваются тамъ, гдѣ упомянутыя растенія простираютъ во всѣ стороны свои зеленые побѣги. Это служитъ признакомъ, по которому можно избѣгать опасныхъ мѣстъ. Вискашъ старается изгнать изъ мѣстъ, близкихъ къ селеніямъ, всѣми средствами и буквально употребляя огонь и воду для ихъ уничтоженія. Траву вокругъ ихъ норъ сжигаютъ, лишая ихъ такимъ образомъ пищи; жилища ихъ затопляютъ и заставляютъ ихъ самихъ искать спасенія внѣ норы, гдѣ подстерегающія ихъ собаки скоро схватываютъ ихъ. Герингъ присутствовалъ на одной такой охотѣ за вискашами. Отъ большого канала прорыли канаву до вискачерасовъ и направили воду въ норы. Прошло нѣсколько часовъ, пока жилище было наполнено и до того времени кромѣ обычнаго фырканья ничто не выдавало присутствія такъ коварно преслѣдуемыхъ животныхъ. Но наконецъ наводненіе принудило ихъ къ бѣгству. Въ страхѣ и въ то-же время въ ярости показались они у отверстій норъ и съ фырканьемъ бросились назадъ, увидѣвъ что снаружи стоятъ подстерегающіе ихъ охотники и страшныя собаки. Но вода поднималась все выше и выше, больше и чувствительнѣе становилась крайняя опасность, наконецъ они были принуждены бѣжать. Бдительныя собаки тотчасъ-же пустились велѣдъ за ними и началась яростная охота. Вискаши защищались отчаянно, однако одна за другой были умерщвлены и богатая добыча вознаградила охотниковъ. Нашъ товарищъ по профессіи наблюдалъ даже, что вискаши утаскивали своихъ убитыхъ товарищей въ норы. Онъ выстрѣлилъ въ вискашъ на незначительномъ разстояніи; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ подойти, убитыя на мѣстѣ исчезли уже внутри норъ. Кромѣ человѣка у этого животнаго множество другихъ враговъ. Кондоръ, говорятъ, такъ-же часто охотится за вискашами, какъ и за ихъ родичами на горахъ; дикія собаки и лисицы сильно преслѣдуютъ ихъ въ стени, если онѣ покажутся передъ норами, а сумчатая крыса проникаетъ даже въ самыя жилища, гдѣ и нападаетъ на животныхъ. Правда, вискаша по мѣрѣ силъ защищается отъ своихъ сильныхъ враговъ, долго дерется съ собаками, храбро сражается съ сумчатой крысою, даже кусаетъ за ноги людей; но что можетъ подѣлать бѣдный грызунъ противъ сильныхъ хищниковъ! Однако,

несмотря на всё эти преслѣдованія, число вискашъ едва-ли бы стало уменьшаться, если-бы ихъ размноженію не служило сильнымъ препятствіемъ все расширяющееся воздѣлываніе почвы. И въ этомъ отношеніи человѣкъ, завладѣвая почвой, становится самымъ страшнымъ врагомъ этого животнаго.

Стенные индѣйцы полагаютъ, что запертая въ своей норѣ вискаша не способна освободиться сама и должна погибнуть, если ее не откапываютъ ея товарищи. Они затыкаютъ поэтому главные выходы вискачерасовъ и привязываютъ тамъ въ качествѣ сторожа одну изъ своихъ собакъ, чтобы она не позволяла приблизиться другимъ вискашамъ, которые готовы были-бы придти на помощь заключеннымъ, пока сами индѣйцы не возвратятся туда съ пеглями, сѣтями и т. п. Легко дать объясненіе этого страннаго мнѣнія. Запертыя вискаши естественно боятся выйти, замѣчая около жилища собаку, и индѣецъ достигаетъ такимъ образомъ своей цѣли. Другія вискаши тутъ не при чемъ.

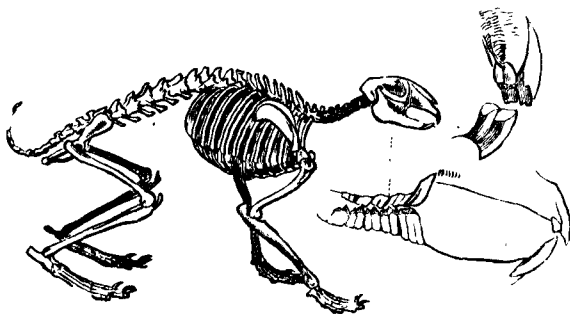
Индѣйцы ѣдятъ мясо вискашъ и пользуются также ихъ шкурой, хотя она имѣетъ гораздо меньшую цѣнность, чѣмъ шкура вышеназванныхъ видовъ.

Въ концѣ отряда мы ставимъ **Заячьи** (*Leporidae*. *Hasen*. *Leporidés*), семейство, настолько характерное, что ему можно было-бы придавать значеніе подотряда. Это единственные грызуны, у которыхъ болѣе двухъ рѣзцовъ: позади острыхъ и широкихъ переднихъ рѣзцовъ, служащихъ для того, чтобы грызть пищу, находится два маленькихъ, тупыхъ, почти четырехугольныхъ стержня. Это придаетъ зубной системѣ настолько своеобразный отпечатокъ, что зайцы въ этомъ отношеніи стоятъ совершенно особнякомъ. Кромѣ того въ каждой челюсти находится еще по 5—6 коренныхъ зубовъ, состоящихъ изъ двухъ эмалевыхъ пластинокъ каждый. Позвоночный столбъ, кромѣ шейныхъ позвонковъ, состоитъ изъ 12 спинныхъ, 9 поясничныхъ 2—4 крестцовыхъ и 12—20 хвостовыхъ. Общія признаки зайцевъ: вытянутое тѣло съ длинными задними ногами, длинный вытянутый черепъ съ большими ушами и глазами, пятипалыя переднія и четырехпалыя заднія ноги, толстыя, крайне подвижныя, глубоко расщепленныя губы съ большими усами по обѣимъ сторонамъ и густой, шерстистый мѣхъ.

Семейство это имѣетъ мало видовъ, но распространено на большей части земли. Лишь въ Австраліи безъ участія человѣка зайцевъ не было-бы; теперь-же и въ Австраліи и Новой Зеландіи широко распространены два вида. Зайцы встрѣчаются во всѣхъ климатахъ, на равнинахъ и горахъ, на открытыхъ поляхъ и въ трещинахъ скалъ, на землѣ и подъ нею, однимъ словомъ всюду, и гдѣ кончается область распространенія одного вида, начинается область другого; мѣстность, не занятая однимъ, охотно населяется другимъ. Всѣ питаются мягкими сочными частями растений: однако можно сказать, что они собственно не падаютъ ничего, что только могутъ достать. Они поѣдаютъ растенія отъ корня до плода, хотя охотиѣ всего ѣдятъ листья низкихъ травъ. Большая часть видовъ мало общественны и очень твердо держатся разъ избраннаго или вынавашаго имъ на долю мѣста жительства. Здѣсь они цѣлый день лежатъ, спрятавшись въ углубленіи или норѣ, а ночью бродятъ, отыскивая пищу. Они отдыхаютъ, строго говоря, лишь въ полуденные часы, а если чувствуютъ себя въ безопасности, то бѣгаютъ также утромъ и вечеромъ при яркомъ свѣтѣ солнца. Ихъ движенія совершенно своеобразны. Извѣстная быстрота зайцевъ проявляется лишь при полномъ бѣгѣ; при медленной ходѣбѣ они движутся крайне неловко и неуклюже. Благодаря длиннымъ заднимъ ногамъ, которые затрудняютъ равномерное движеніе. Однако при самомъ быстромъ бѣгѣ они умѣютъ дѣлать всевозможные повороты

и обнаруживают ловкость, которой отъ нихъ нельзя было-бы ожидать. Воды они избѣгаютъ, хотя въ крайнемъ случаѣ переплываютъ рѣки.

Изъ ихъ чувствъ несомнѣнно выше всего стоитъ слухъ: онъ достигаетъ здѣсь такого развитія, какъ у немногихъ другихъ животныхъ, и безъ сомнѣнія лучше, чѣмъ у всѣхъ другихъ грызуновъ. Обоняніе слабѣе, но не очень плохо; зрѣніе развито довольно хорошо. Голосъ ихъ представляетъ глухое ворчаніе, а въ страхѣ—громкій жалобный крикъ. Принадлежація къ этому семейству пищухи оправдываютъ это названіе. Поддержкой голосу, который вообще приходится слышать лишь рѣдко, служитъ своеобразное топаніе задними ногами, которое, какъ говорятъ, выражаетъ какъ страхъ, такъ и гнѣвъ, а также и предостереженіе. Душевные качества ихъ довольно богаты противоположностями. Въ общемъ зайцы не соответствуютъ тому представленію, которое обыкновенно составляютъ себѣ объ нихъ. Ихъ называютъ добродушными, смиренными, безобидными и трусливыми; но оказывается, что они могутъ проявлять и противоположныя качества. Точные наблюдатели вообще не признаютъ у нихъ добродушія, напротивъ, называютъ зайцевъ въ высшей степени злобными и беспокойными. Общезвѣстенъ ихъ страхъ, осторожность и

Скелеть и зубы зайца

пугливость, менѣе извѣстна ихъ хитрость, которая съ возрастомъ доходитъ по истинѣ до удивительной степени. Трусость ихъ тоже не такъ велика, какъ полагаютъ. Во всякомъ случаѣ съ ними поступаютъ несправедливо, выставляя это качество въ такой степени, какъ это дѣлалъ Линней, который на вѣчныя времена заклеилъ одинъ видъ ихъ, именно бѣляка, именемъ труса (*Lepus timidus*). Одинъ англійскій писатель говоритъ очень

удачно, что нечего удивляться трусости зайцевъ: каждый леопардъ, каждый тигръ и левъ стали-бы искать спасенія въ бѣгствѣ, если-бы 20, 30 собакъ и хорошо вооруженные охотники стали отыскивать его во время отдыха и преслѣдовать съ такою-же кровожадностью, какъ мы преслѣдуемъ бѣднягъ.

Если размноженіе зайцевъ и не такъ сильно, какъ у другихъ грызуновъ, то оно все-же довольно велико и старая поговорка охотниковъ, что зайцы весной отправляются въ поле самъ-другъ, а осенью возвращается самъ-шестнадцать, имѣетъ полное значеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жизнь улыбается зайцу и преслѣдованіе не слишкомъ сильно. Большая часть зайцевъ рожаютъ дѣтенышей нѣсколько разъ въ годъ, нѣкоторые 3—6 и до 11; но почти всѣ обращаются со своимъ потомствомъ крайне легкомысленно и, потому-то такъ много дѣтенышей погибаетъ. Кромѣ того за этой вкусной дичью охотится цѣлое войско враговъ; въ каждой части свѣта враги новые, но во всѣхъ ихъ одинаково много. Для Германіи Вильдунгенъ сопоставилъ имена враговъ зайца въ забавныхъ рифмахъ, которыя я и приведу здѣсь, какъ лучшее доказательство многочисленности ихъ.

Menschen, Hunde, Wölfe, Luchse,
Katzen, Marder, Wiesel, Füchse,
Adler, Ihu, Raben, Krähen,
Jeder Habicht, den wir sehen,

Elstern auch nicht zu vergessen,
Alles, alles will ihn fressen.

(«Люди, собаки, волки, рыси, кошки, куницы, ласки, лисицы, орлы, филины, вороны, каждый-ястребъ, котораго мы видимъ, не должно забывать и сорокъ,—всѣ, всѣ хотять его съѣсть»).

Нечего удивляться, что при такой массѣ враговъ зайцы не размножаются въ такой степени, какъ можно бы ожидать. Это большое счастье для насъ; иначе они побили-бы всѣ наши посѣвы. Во всѣхъ странахъ, гдѣ размноженіе ихъ сильно перевишиваетъ истребленіе, они становятся бичемъ страны.

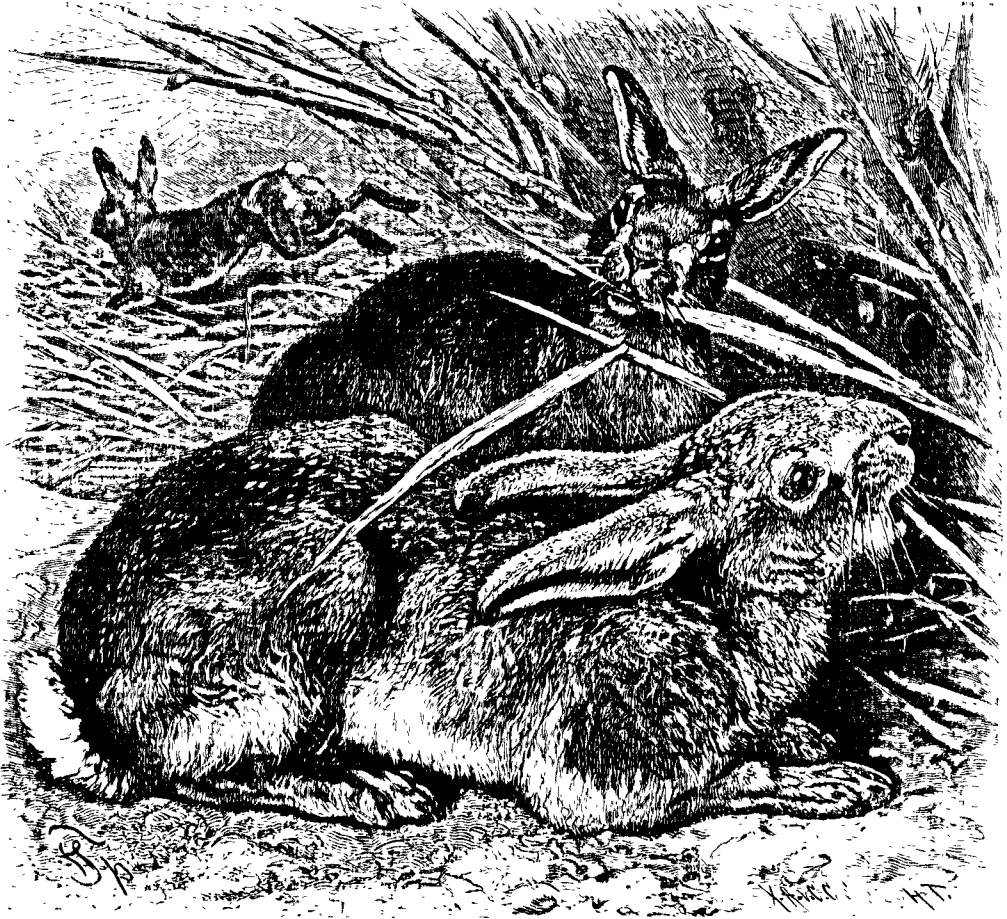
Отличительными признаками собственно **Зайцевъ** (*Lepus*, *Hasen*. *Lièvres*) служатъ уши, по длинѣ равныя головѣ, укороченные большіе пальцы переднихъ лапъ, очень длинная задняя нога, поднятый вверхъ зачаточный хвостъ и 6 коренныхъ зубовъ въ каждой верхней челюсти.

Заяцъ Русакъ или **Туманъ** (*Lepus vulgaris*, *europaeus*, *campicola*, *caspicus*, *aquilolius*, *medius*, неправильно называемый также *L. timidus* *Feldhase*. *Lièvre ordinaire*) крупный грызунъ, общая длина котораго равняется 75 см., причѣмъ лишь 8 см. приходится на хвостъ, а вышина 30 см.—одинъ изъ двухъ водящихся у насъ представителей этого рода. Онъ достигаетъ вѣса въ 5—6 килогр., а въ рѣдкихъ случаяхъ старый самецъ достигаетъ, говорятъ, 7 и 8, даже 9 килогр. Цвѣтъ мѣха не легко описать немногими словами. Мѣхъ состоитъ изъ короткихъ волосъ подшерстка и длинныхъ волосъ ости; первые очень густы и курчавы, волосы ости толсты, длинны и также нѣсколько курчавы. Подшерстокъ на нижней сторонѣ горла бѣлоснѣжнаго цвѣта, на бокахъ бѣлаго, на верхней сторонѣ бѣлаго съ черно-бурыми кончиками, на верхней части шеи темно-рыжаго, на затылкѣ на концахъ бѣлаго; остъ на верхней сторонѣ у корня сѣраго цвѣта, на концѣ буро-чернаго съ ржаво-желтыми кольцами, однако между ними попадаются и совершенно черные волосы. Благодаря этому, мѣхъ получаетъ настоящую земляную окраску. На верхней сторонѣ онъ буро-желтый съ черными крапинками, на шеѣ желто-бурый съ бѣловатымъ оттѣнкомъ, назади сѣровато-бѣлый, на нижней сторонѣ бѣлый. Цвѣтъ кромѣ того измѣняется лѣтомъ и зимою, и самка рыже самца; встрѣчаются различныя уклоненія, темные, пятнистые, бѣлые зайцы, короче, окраска можетъ быть очень разнообразна. По большей части цвѣтъ этого грызуна превосходно приспособленъ къ тому, чтобы скрывать его отъ враговъ, когда онъ лежитъ на землѣ. Уже на незначительномъ разстояніи общій цвѣтъ его такъ похожъ на цвѣтъ окружающей обстановки, что нельзя отличить его шкуру отъ земли. Подошвы ногъ покрыты густыми и мягкими волосами. Молодые зайцы часто отличаются бѣлымъ пятнышкомъ на лбу; въ рѣдкихъ случаяхъ они сохраняютъ такую окраску и потомъ.

Русакъ носитъ различныя названія, смотря по полу и мѣсту жительства. Въ Германіи и въ Россіи охотники отличаютъ нѣсколько сортовъ зайцевъ и для нихъ существуетъ особая охотничья терминологія, которую здѣсь приводить незначѣмъ.

Родиной этого зайца служитъ вся средняя Еврона и большая часть западной Азіи. На югѣ, около Средиземнаго моря, его замѣняетъ другой видъ, **Южно-Европейскій заяцъ**, отличающійся незначительной величиной и рыжеватымъ цвѣтомъ, на высокихъ горахъ — **Альпійскій заяцъ**, а далеко на сѣверѣ — **Снѣжный заяцъ** (бѣлякъ); послѣдній видъ, можетъ быть, долженъ быть отдѣленъ отъ альпійскаго, но во всякомъ случаѣ очень похожъ на него. Сѣверной границы своей области онъ достигаетъ въ Шотландіи, южной Швеціи и сѣверной Россіи, южной границы — въ

южной Франціи и сѣверной Италіи. Плодородныя равнины съ лѣсомъ или безъ него и лѣсистыя предгорія составляютъ его любимыя мѣста; однако на Альпахъ онъ поднимается до высоты въ 1500 метровъ надъ уровнемъ моря, а на Кавказѣ до высоты 2000 метровъ. Онъ рѣшительно предпочитаетъ страны съ умѣреннымъ климатомъ странамъ съ суровымъ и изъ любви къ теплу избираетъ поля, лежащія за вѣтромъ и защищенныя горами. Опыты распространить его на сѣверъ не удалось; напротивъ, его легко удалось развести въ Австраліи и Новой Зеландіи. Въ южной

Заяцъ русакъ. *Lepus vulgaris*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

Австраліи онъ мѣстами уже такъ обыкновененъ, что, какъ сообщаетъ Гаакъ, часто за прекрасныя экземпляры платятъ лишь по 1 маркѣ. Старые самцы оказываются менѣ разборчивыми по отношенію къ мѣсту жительства, чѣмъ зайчихи и молодые зайцы, ложатся часто въ кустахъ, чащахъ камыша и въ высоко лежащихъ горныхъ лѣсахъ, между тѣмъ какъ тѣ весьма тщательно выбираютъ себѣ мѣсто для логовища.

«Въ общемъ», говоритъ Дитрихъ Винкель, давшій по моему мнѣнію самое удачное описаніе жизни русака, «заяцъ болѣе ночное, чѣмъ дневное животное, хотя и можно бываетъ видѣть его бродящимъ по полямъ въ ясный солнечный день еще до заката солнца и утромъ. Крайне неохотно оставляетъ онъ то мѣсто, гдѣ выросъ.

Если-же онъ не встрѣчаетъ тамъ другого зайца, съ которымъ могъ-бы спариться, или если онъ испытываетъ недостатокъ въ пищѣ, то онъ уходитъ далѣе. чѣмъ обыкновенно. Но самка при приближеніи времени спариванія возвращается на то мѣсто, гдѣ родилась; тоже дѣлаетъ осенью самецъ. Особенно крѣпко держится онъ того мѣста, гдѣ его долго не беспокоятъ; продолжительное-же преслѣдованіе прогоняетъ его навсегда. Русакъ живетъ преимущественно на поляхъ и уходитъ отсюда только, когда идетъ дождь. Если ту рощу, въ которой онъ поселился, срубаютъ, то онъ переходитъ въ другое мѣсто, на хлѣбныя поля и огороды, засѣянные рѣпою, капустою и т. д. Здѣсь онъ роскошествуетъ, окруженный со всѣхъ сторонъ обильнымъ кормомъ. Всѣ роды капусты и рѣпы составляютъ для него лакомство. Петрушкѣ онъ, повидимому, отдастъ особое предпочтеніе. Поздней осенью онъ избираетъ немного уже заросшія послѣ паханія поля, не слишкомъ влажныя, поросшія ситникомъ низкія мѣста и поля, засѣянные маслянистыми растеніями, которыя послѣ озимыхъ хлѣбовъ составляютъ главную часть его пищи. Пока еще мало или вовсе нѣтъ снѣга, онъ не измѣняетъ своего мѣстопребыванія, лишь ночью онъ отправляется въ огороды и отыскиваетъ срѣзанную и сложенную капусту. Если выпадаетъ сильный снѣгъ, то онъ позволяетъ занести себя снѣгомъ, но какъ скоро непогода прекращается, онъ перебирается на клеверныя поля. Если на снѣгу образуется ледяная кора, то недостатокъ въ пищѣ становится все ощутительнѣе и чѣмъ дольше это длится, тѣмъ болѣе вредъ наноситъ заяцъ садамъ и древеснымъ питомникамъ. Въ это время онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ ѣстъ листья любимаго браунколя, грызетъ кору большей части молодыхъ деревьевъ, особенно акации и совершенно молодой лиственницы и терновника. Если, благодаря оттепели, снѣгъ уменьшается или вовсе пропадаетъ, то заяцъ снова возвращается на прежнее мѣсто, и озими всякаго рода опять составляютъ его исключительныя пастбища. Пока озими не начнутъ колоситься, онъ питается ими; затѣмъ передъ закатомъ солнца или послѣ теплаго дождя, нѣсколько раньше обыкновеннаго, выходитъ изъ своего логовища и отправляется въ яровыя поля. Онъ перестаетъ ѣсть и эти злаки, когда они сильно выростутъ, но остается жить въ этихъ поляхъ и посѣщаетъ по вечерамъ недавно засѣянные поля капусты, рѣпы и т. п. Кустарниковый заяцъ, живущій въ кустарникахъ, выходитъ на поля лишь вечеромъ и возвращается въ лѣсъ съ наступленіемъ дня или скоро послѣ восхода солнца. Но въ теченіи лѣта онъ иногда мѣняетъ днемъ свое мѣстопребываніе, переходя на поля, заросшія высокими хлѣбами или, если идетъ дождь, на поля, лежація подъ паромъ, или перепаханныя. Осенью, когда кусты обнажаются, онъ совсѣмъ уходитъ изъ лѣса, такъ какъ шумъ паденія листьевъ для него невыносимъ и пугаетъ его, зимою онъ уходитъ въ самую чащу лѣса, но съ наступленіемъ оттепели снова возвращается въ болѣе рѣдкій лѣсъ. Постоянній лѣсной заяцъ показывается въ теплое и обильное пищей время года на опушкахъ лѣсовъ и, если ему недостаетъ пищи на лѣсныхъ дугахъ, то подъ вечеръ онъ уходитъ отсюда на поля. Горный заяцъ чувствуетъ себя такъ хорошо, питается скудными травами, растущими по близости его жилища, что лишь изъ жадности посѣщаетъ ближнія поля.

«Кромѣ времени спариванія, когда всѣ зайцы необыкновенно возбуждены, они весь день спать или дремлютъ въ своемъ логовищѣ. Заяцъ никогда не идетъ прямо къ своему старому логовищу или туда, гдѣ хочетъ устроить новое, а сначала пробѣжить на нѣкоторое разстояніе дальне того мѣста, гдѣ собирается залечь, возвращается, снова дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ впередъ, затѣмъ прыжокъ въ сторону и повторяетъ это еще нѣсколько разъ, пока не бросится сильнымъ прыжкомъ въ то мѣсто, гдѣ хочетъ остаться. Приготовляя логовище, онъ въ открытомъ

полѣ вырываетъ въ землѣ ямку около 5—8 см. глубины, нѣсколько расширенную на заднемъ концѣ; ямка эта имѣетъ такую длину и ширину, что если заяцъ вытянетъ переднія лапы, положить на нихъ голову съ прижатыми ушами и подожметъ подъ себя заднія ноги, то верхняя часть спины едва замѣтна. Въ этомъ логовищѣ онъ въ теплое время года кое-какъ укрывается отъ бури и дождя. Зимой онъ обыкновенно углубляетъ логовище настолько, что замѣтна только его мордочка. Лѣтомъ онъ поворачивается лицомъ на сѣверъ, зимою на югъ, а въ бурную погоду оборачивается такъ, что сидитъ подъ вѣтромъ». Съ этимъ указаніемъ не согласится, конечно, ни одинъ наблюдатель. Напротивъ, заяцъ обыкновенно мѣняетъ свое положеніе, смотря по погодѣ и именно по направленію вѣтра, а также сообразуется съ видомъ мѣстности: такъ, въ неровныхъ мѣстностяхъ, на склонахъ, онъ непременно обращается головой книзу. «Можетъ показаться», продолжаетъ нашъ товарищъ по профессіи, «что природа старалась вознаградить зайца за прирожденную боязливость и робость бодростью, быстротой и хитростью. Если подъ защитой темноты ему удалось удовлетворить свой очень хорошій аппетитъ и погода не слишкомъ неблагоприятна, то онъ каждое утро тотчасъ послѣ восхода солнца непременно покружится и повозится на сухихъ и особенно песчаныхъ мѣстностяхъ одинъ или съ другими зайцами. Веселые прыжки, бѣготня въ круги и катанье по землѣ служатъ внѣшними проявленіями его благосостоянія, при этомъ онъ такъ забывается, что можетъ прозѣвать своего злѣйшаго врага—лисицу. Старога зайца не такъ легко перехитрить и если онъ здоровъ и силенъ, то почти всегда спасается бѣгствомъ отъ этого заклятаго врага. При этомъ онъ старается надуть врага, мастерски дѣлая во время бѣга петли и изгибы. Лишь въ томъ случаѣ, если за нимъ гонятся быстрыя борзые собаки, онъ старается вытолкнуть другого зайца изъ логовища и прижимается къ землѣ въ его жилищѣ, хладнокровно предоставляя преслѣдованію выгнаннаго хозяина, или бѣжитъ прямо въ стадо скота, въ первую понавшуюся чащу камыша, а въ случаѣ крайности переплываетъ и черезъ довольно широкія водныя пространства. Но никогда онъ не рѣшается сопротивляться другому животному и лишь возбужденный ревностью вступаетъ въ бой съ себѣ подобными. Иногда случается, что воображаемая или дѣйствительная опасность до такой степени поражаетъ его и сбиваетъ съ толку, что онъ, забывъ всѣ средства къ спасенію, начинаетъ въ величайшемъ страхѣ бѣгать взадъ и впередъ и даже разражается жалобнымъ крикомъ».

Всѣхъ незнакомыхъ предметовъ онъ вообще чрезвычайно боится и потому тщательно избѣгаетъ всѣхъ пугалъ, которыя выставляются на поляхъ, чтобы отогнать его. Но случается, напротивъ, и то, что старые опытные зайцы оказываются чрезвычайно дерзкими, такъ что ихъ нельзя прогнать даже собаками, и замѣтивъ, что собаки заперты или привязаны, они приближаются къ огородамъ съ неизменно вѣрнымъ безстыдствомъ и насутся, такъ сказать, на глазахъ у собакъ. Ленць не разъ видѣлъ, что зайцы прокрадывались такъ близко подъ его окномъ и около привязанныхъ собакъ, что пѣна изъ пасти взбѣшенныхъ собакъ брызгала имъ на мѣхъ. Быстрота бѣга зайца зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что онъ сложенъ неравномѣрно, т. е. что заднія ноги его длиннѣе переднихъ. Въ этомъ заключается и причина того, что онъ можетъ лучше бѣжать въ гору, чѣмъ подъ гору, и что въ слѣдахъ его отпечатки заднихъ ногъ всегда лежатъ спереди отъ отпечатковъ переднихъ. Если онъ спокоенъ, то движется короткими медленными прыжками, если-же ему надо подвигаться быстро, то очень большими. Убѣгая, онъ имѣетъ привычку, на нѣкоторомъ разстояніи отъ логовища, безъ всякой видимой причины садиться по-собачьи на заднія лапы; если собака отъ него еще довольно далеко,

то онъ не только поднимается на совершенно вытянутыя заднія ноги, но даже пробѣгаетъ такъ нѣсколько шаговъ, осматриваясь при этомъ во всѣ стороны. Обыкновенно онъ издаетъ звуки лишь въ томъ случаѣ, если видитъ себя въ опасности, и крикъ этотъ похожъ на плачь маленькихъ дѣтей.

Изъ внѣшнихъ чувствъ зайца, какъ можно судить по большимъ ушамъ, лучше всего развитъ слухъ, обоняніе очень хорошо, но зрѣніе довольно слабо. Изъ душевныхъ качествъ его лучше всего развиты чрезвычайная осторожность и внимательность. Самый тихій звукъ, который онъ услышитъ, шелестъ листьевъ отъ вѣтра, шорохъ листа достаточны для того, чтобы разбудить его, если онъ спитъ, и привлечь его вниманіе. Прошмыгнувшая ящерица, кваканье лягушки могутъ спугнуть его съ логовища и даже если онъ движется полнымъ бѣгомъ, то достаточно тихаго свиста, чтобы остановить его. Прославленная безбидность зайца не такъ велика. Дитрихъ Винкель говоритъ даже, что величайшій порокъ зайцевъ— ихъ злобность, которую они выказываютъ не кусаніемъ и царапаніемъ, но у самокъ— отсутствіемъ материнской любви, а у самцовъ—жестокостью по отношенію къ молодымъ зайчатамъ, что онъ проявляетъ часто самымъ возмутительнымъ образомъ.

Время спариванія начинается послѣ суровыхъ зимъ въ началѣ марта, въ мягкія зимы уже въ февралѣ и даже январѣ, вообще тѣмъ раньше, чѣмъ болѣе у зайца было пищи. «Въ началѣ времени спариванія», говоритъ выше упомянутый натуралистъ «самцы, отыскивая самокъ, непрерывно бѣгаютъ по ихъ слѣдамъ, опустивъ носъ къ землѣ какъ собаки. Какъ только пара встрѣтилась, начинается любовное заигрываніе: зайцы бѣгаютъ кругами, садятся на заднія лапы, причемъ самка всегда впереди. Но это продолжается недолго, она отбѣгаетъ въ сторону, и не успѣетъ самецъ опомниться, какъ крайне любезная красавица даетъ ему понять, что онъ долженъ дѣлать. Съ возможной поспѣшностью самецъ старается теперь показать на дѣлѣ свою понятливость, но при этомъ оказывается такъ дурно воспитаннымъ, что въ моментъ величайшаго восторга вырываетъ у возлюбленной своими острыми когтями большіе клочки шерсти. Едва другіе представители того-же пола увидятъ счастливецъ, какъ спѣшатъ туда, чтобы отгнать его или по крайней мѣрѣ испортить ему наслажденіе. Сначала онъ пытается побудить свою красавицу къ бѣгству; но по причинамъ, объясняемымъ ея неутомимою похотью, она лишь рѣдко обнаруживаетъ склонность къ этому и такимъ образомъ теперь начинается новое зрѣлище; нѣсколько соперниковъ преслѣдуютъ самку и заигрываютъ съ нею, пока наконецъ самый проворный, который не легко упускаетъ дань любви, не догонитъ ея. Что при такихъ обстоятельствахъ дѣло не можетъ идти совершенно спокойно, это понятно само собою. Ревность ожесточаетъ даже заячьи души и начинается бой, правда не на смерть, но крайне забавный для наблюдателя. Два, три и болѣе самцовъ бросаются другъ на друга, подбѣгаютъ другъ къ другу, расходятся, садятся, затѣмъ поднимаются на заднія лапы, снова бросаются другъ на друга и при этомъ угощаютъ соперниковъ по-заячьи сильными пощечинами, такъ что шерсть летитъ вокругъ, пока наконецъ самый сильный не получитъ награды или окажется обманутымъ, такъ какъ часто случается, что самка незамѣтно удаляется съ однимъ изъ бойцовъ или новымъ пришельцемъ, убѣжденная въ томъ, что и обманутые найдутъ себѣ утѣшеніе въ случайной встрѣчѣ.»

Достойные довѣрія охотники утверждаютъ, что эти поединки между влюбленными зайцами, какъ ни невинны они кажутся, иногда не обходятся безъ увѣчій; они нерѣдко встрѣчали въ своихъ округахъ ослѣпшихъ зайцевъ, у которыхъ въ такихъ битвахъ были повреждены глаза. Иногда и зайчиха можетъ такъ серьезно пострадать, что она долго болѣетъ или даже умираетъ. Выцаранная шерсть, ле-

жащая на мѣстахъ побоищъ, служить охотнику знакомъ, что время спариванія у зайцевъ дѣйствительно наступило, и въ особенно теплые годы каждый другъ животныхъ станетъ съ этого времени остерегаться охотиться за ними, хотя официальное время охоты еще не прошло.

Беременность зайчихи продолжается около 30 дней. Обыкновенно она рождаетъ первый разъ между серединой и концомъ марта, четвертый и послѣдній разъ въ августѣ, первый пометъ состоитъ изъ 1 или 2 дѣтенышей, второй изъ 3—4, третій изъ 3, а четвертый опять изъ 1 или 2; въ совершенно необыкновенныхъ случаяхъ рождается сразу по 5 или болѣе дѣтенышей. Крайне рѣдко и лишь въ очень благоприятные года случается, что самка рождаетъ пять разъ. Роды происходятъ въ очень простомъ углубленіи, въ спокойномъ мѣстѣ лѣса или поля: на кучѣ навоза, въ углубленіи стараго бревна, нагроможденныхъ листьяхъ, или же и безъ подстилки, въ глубокой бороздѣ и наконецъ на ровномъ мѣстѣ, гдѣ попало. Дѣтеныши рождаются съ открытыми глазами и во всякомъ случаѣ уже очень развитыми. По словамъ нѣкоторыхъ охотниковъ, имъ приходится самимъ сушиться и чиститься тотчасъ-же послѣ рожденія. Достоверно то, что мать остается при дѣтенышахъ лишь въ теченіи первыхъ 5—6 дней, а затѣмъ, ища новыхъ наслажденій, оставляетъ ихъ на произволъ судьбы. Лишь отъ времени до времени она возвращается на то мѣсто, гдѣ произвела на свѣтъ дѣтенышей, приманиваетъ ихъ своеобразнымъ хлопаньемъ ушами и даетъ имъ сосать; но во всякомъ случаѣ она, должно быть, заботится о нихъ, такъ какъ безъ нея беспомощные звѣрки должны были-бы погибнуть жалкимъ образомъ. При приближеніи врага она оставляетъ дѣтенышей, хотя извѣстны также случаи, когда старая зайчиха защищала свое потомство отъ хищныхъ птицъ или вороновъ. Изъ перваго помета большая часть дѣтенышей погибаетъ: переходъ изъ теплаго тѣла матери на холодную землю слишкомъ рѣзокъ; маленькое созданіе коченеетъ и околѣваетъ. А если оно и сохранитъ свою слабую жизнь, то ему угрожаютъ опасности всякаго рода, даже отъ собственнаго отца. Самецъ ведетъ себя иногда по истинѣ отвратительно по отношенію къ молодымъ зайчатамъ и замучиваетъ ихъ, если можетъ, до смерти.

Ни у какого другаго дикоживущаго животнаго не наблюдали столько уродовъ, какъ у зайцевъ. Такіе, у которыхъ двѣ головы или по крайней мѣрѣ два языка или выступающіе изо рта зубы, не рѣдкость.

Семейство молодыхъ зайцевъ лишь неохотно оставляетъ ту мѣстность, въ которой родилось. Дѣтеныши одного помета рѣдко удаляются другъ отъ друга, хотя каждый и выкапываетъ себѣ отдѣльное логовище. По вечерамъ они всѣ вмѣстѣ выходятъ на пастбище, по утрамъ вмѣстѣ возвращаются къ логовищамъ: такъ идетъ ихъ жизнь, которая съ теченіемъ времени становится очень веселой и дѣятельной, до тѣхъ поръ, пока они не станутъ полувзрослыми. Тогда они отдѣляются другъ отъ друга. Они вырастаютъ въ 15 мѣсяцевъ, но уже въ первый годъ жизни способны къ размноженію. Величайшая продолжительность жизни, которой заяцъ достигаетъ у насъ, можетъ равняться 7—8 годамъ; но встрѣчаются примѣры, что зайцы избѣгаютъ всѣхъ преслѣдованій еще болѣе долгое время и все еще не умираютъ отъ старческой дряхлости. Въ первую четверть этого столѣтія на моей родинѣ былъ извѣстенъ охотникамъ одинъ заяцъ-самецъ: мой отецъ зналъ его 8 лѣтъ. Хитрецу постоянно удавалось уходить отъ всѣхъ преслѣдованій; лишь въ очень суровую зиму онъ былъ убитъ моимъ отцомъ изъ засады. При взвѣшиваніи оказалось, что онъ достигъ 9 килограммовъ.

«Жизнь нашего грызуна,» говоритъ Адольфъ Мюллеръ, «есть почти непрерывная цѣпь бѣдъ, нужды и страданій; чтобы избѣжать ихъ, у зайца, правда, суще-

ствуешь бдительность и осторожность, но все-таки самым вѣрнымъ средствомъ спасенія остается зайчій страхъ, надъ которымъ такъ смѣются. Вѣдь цѣлое войско нашихъ туземныхъ хищниковъ изъ млекопитающихъ и птицъ высылаютъ за этимъ мирнымъ и беззащитнымъ существомъ шпионовъ, обманщиковъ, разбойниковъ и убійцъ, чтобы превратить тихій рай его луговъ и лѣсовъ въ арену страха и смерти; вѣдь цѣлый рядъ собакъ отъ медленной, косолопной таксы, до длинноногой, тонкой, быстрой, какъ буря, борзой затравливаетъ на смерть его, быстрѣйшаго изъ бѣгуновъ. А когда оказываются недостаточными выносливость и быстрота собаки, когда чутье, лукавство и кровожадность хищниковъ, дурная погода и естественныя бѣдствія пощадятъ горемыку, тогда еще и человѣкъ со своею хитростью держитъ готовѣ различныя средства для истребленія бѣдняги. Какъ самый свирѣпый и коварный хищникъ онъ осуждаетъ рожденного для страданія еще и на повѣшеніе. Онъ прокрадывается, какъ убійца, ночью и въ туманѣ въ лѣсъ, кладетъ на пути гнусныя проволочныя петли, въ которыя безбидное животное попадаетъ головой и умираетъ жалкой смертью удушенника. Но это дѣлаетъ лишь жадный промышленникъ, а охотникъ — никогда!»

О правильной и неправильной охотѣ за зайцами написаны книги и потому входитъ въ подробное разсмотрѣніе различныхъ способовъ охоты я не намѣренъ. По моему мнѣнію наибольшее удовольствіе доставляетъ охотнику отысканіе зайца по слѣдамъ и подстереганіе ихъ изъ засады. Травля борзыми, правда, очень возбуждаетъ, но такъ запугиваетъ зайцевъ, что они перестаютъ водиться въ извѣстныхъ участкахъ; охота загономъ, какъ ни пріятна она въ не слишкомъ населенныхъ мѣстахъ, обращается подѣ-конецъ тамъ, гдѣ зайцевъ много, въ настоящую бойню, между тѣмъ какъ выслѣживаніе и подстереганіе держать постоянно въ напряженіи и наиболѣе достойны охотника. Онъ можетъ при выслѣживаніи выказать себя настоящимъ охотникомъ, а при подстереганіи многому научается, такъ какъ встрѣчается не только съ одними зайцами, но и другими животными, при ихъ, такъ сказать, домашней обстановкѣ и можетъ наблюдать ихъ поведеніе въ состояніи полного покоя и беззаботности. Иной охотникъ предпочитаетъ засады въ лѣсу всякой другой охотѣ, такъ какъ самое пріятное — надежда, остается здѣсь вѣрной, неразлучной его спутницей.

Пойманные зайцы легко приручаются, привыкаютъ безъ сопротивленія ко всякой нищѣ, какую кормить кроликовъ, но нѣжны и легко умираютъ. Если давать имъ лишь сѣно, хлѣбъ, овесъ и воду, но никогда не давать зелени, то они живутъ дольше. Если принести къ старымъ зайцамъ молодыхъ, то они всегда загрызаютъ ихъ. Съ другими слабыми животными дѣло рѣдко идетъ лучше: въ загородкѣ, гдѣ я держалъ зайцевъ, я нашелъ умерщвленную полусѣдненную крысу. Съ морскими свинками зайцы ведутъ себя хорошо.

Зайцы, пойманные молодыми, такъ привыкаютъ къ людямъ, что приходятъ на ихъ зовъ, берутъ у нихъ изъ рукъ ницу и, несмотря на свою глупость, научаются продѣлывать фокусы; старые, напротивъ, всегда остаются непонятливыми и едва привыкаютъ къ тому, кто за ними ходитъ. Въ неволѣ они интересны и дѣятельны, но не утрачиваютъ своей нугливости. «Смѣшное зрѣлище приходится видѣть», говоритъ Ленцъ, «если войти въ помѣщеніе зайца съ листомъ бѣлой бумаги или другимъ подобнымъ незнакомымъ для зайца предметомъ. Заяцъ совершенно теряетъ разсудокъ и какъ помѣшанный прыгаетъ на метръ вверхъ на стѣны». Съ другой стороны зайцы постепенно привыкаютъ даже къ своимъ завѣдомымъ врагамъ. У окружнаго лѣсничаго Фукса въ Вильденбергѣ, въ Баваріи, жилъ, какъ рассказываетъ «Охотничья газета», взрослый ручной заяцъ, который спалъ вмѣстѣ съ охотничьими собаками, ѣлъ съ

ними изъ одной площадки и приобрѣлъ особое расположеніе одной горячей на охотѣ, молодой легавой собаки до такой степени, что она оказывала ему лизаніемъ и т. п. всяческія проявленія дружбы, хотя заяцъ часто обращался съ нею и другими собаками очень безцеремонно, барабанивъ по ихъ головамъ и спинямъ своими передними лапами. Наблюдатель указываетъ еще на одинъ замѣчательный фактъ: этотъ заяцъ охотнѣе всего ѣлъ всякаго рода мясо и лишь при недостаткѣ его питался зеленью. Телятина, свинина, и различнаго рода колбасы приводили его въ восторгъ и онъ буквально плясалъ, чтобы получить это лакомство. Тотъ, кто воспитываетъ зайцевъ, убѣдится, что хотя они въ общемъ и сходны между собою по характеру, но тѣмъ не менѣе представляютъ опредѣленные индивидуальныя различія, проявляющіяся въ ихъ поведеніи какъ на свободѣ, такъ и въ неволѣ; на свободѣ эти различія можно наблюдать, слѣдя за животными, хорошо извѣстными изслѣдователю. Характеръ ихъ тоже очень различенъ: одинъ изъ воспитанниковъ добродушенъ, довѣрчивъ и обходителенъ, другой—неуживчивъ, злобенъ и пугливъ, этотъ уменъ и понятливъ, тотъ глупъ и безразсуденъ, иной всегда веселъ и доволенъ, другой угрюмъ и капризенъ. Это придаетъ и ихъ внѣшности особый отпечатокъ, по которому воспитатель при всемъ кажущемся сходствѣ можетъ хорошо различать ихъ. Даже выраженіе заячьей морды можетъ измѣняться, не говоря уже о другихъ особенностяхъ въ посадкѣ и движеніяхъ.

О пользѣ и вредѣ зайца господствуютъ различныя взгляды въ зависимости отъ того, судятъ-ли съ сельскохозяйственной или охотничьей точки зрѣнія. Безпристрастный судья безусловно долженъ будетъ признать, что заяцъ животное вредное и что онъ потребляетъ по крайней мѣрѣ вдвое больше того, сколько самъ стоитъ на рынкѣ. Въ большей части мѣстностей Германіи это потому мало ощутительно, что заяцъ обыкновенно лакомится вездѣ по немногу и такимъ образомъ распределяетъ свои опустошенія на большое пространство; но оспаривать приносимый имъ вредъ тѣмъ не менѣе нельзя. Въ округахъ, гдѣ ежегодно убиваютъ тысячи и болѣе зайцевъ, производимое ими уничтоженіе кормовыхъ травъ очень замѣтно. «По вычисленіямъ, произведеннымъ Деттвейлеромъ», говорятъ братья Мюллеръ, «зайцу нужно около 50 килогр. превосходнаго сѣна, чтобы отъ 2-хъ клл. достигнуть вѣса въ 5 килогр.; это было найдено тѣмъ-же способомъ который употреблялся при опытахъ надъ кормленіемъ скота въ хлѣвахъ. Полторы тысячи зайцевъ, застрѣленныхъ въ годъ въ округахъ Одергеймъ и Альсгеймъ въ Гессенѣ, причиняютъ такимъ образомъ, оцѣнивая 50 килогр. сѣна въ 3—5 марокъ, вредъ въ 5250 м., т. е. приведенное число зайцевъ пожираетъ разныхъ полезныхъ растеній среднимъ числомъ на эту сумму. Хотя противъ этихъ расчетовъ и можно выставить нѣкоторыя возраженія, тѣмъ не менѣе данныя Деттвейлера очень цѣнны съ точки зрѣнія политикоэкономической, такъ какъ даютъ масштабъ, правда очень шаткій, для оцѣнки приносимаго зайцами вреда. Что этотъ вредъ, причиняемый именно самымъ лучшимъ произведеніямъ полей и огородовъ, на равнинахъ, покрытыхъ почти исключительно полями, гдѣ мало или вовсе нѣтъ лѣса и водится много зайцевъ, вовсе нельзя назвать воображаемымъ,—это ясно сознаетъ каждый, кому приходилось глубже всматриваться въ это дѣло. Заяцъ, по нашимъ подробнымъ наблюденіямъ, нападаетъ на самыя лучшія, самыя нѣжныя по сѣвнымъ растенія, именно на клеверъ, свекловицу и капусту; съ особеннымъ предпочтеніемъ ѣстъ онъ овощи, а также грызетъ недавно посаженныя растенія именно во время ихъ развитія; онъ очень охотно поѣдаетъ колосья ячменя и овса и приноситъ вредъ своими тропинками, которыя часто тянутся на нѣкоторое разстояніе черезъ хлѣба, гдѣ онъ обкусываетъ и мнетъ солому. Этотъ вредъ при большомъ числѣ зайцевъ можетъ быть очень чувствительнымъ, между тѣмъ какъ при умѣ-

ренномъ числѣ ихъ, какъ напр. въ Германіи, онъ мало замѣтенъ. Заяцъ—лакомое, разборчивое и безпокойное животное: онъ поѣсть понемногу тамъ и сямъ, и никогда не остается по долгу на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Его разрушительная дѣятельность не ограничивается поэтому однимъ полемъ, а проявляется на большихъ пространствахъ, но въ каждомъ данномъ мѣстѣ вредное вліяніе его не очень ощутительно».

Если вредъ зайца и можетъ считаться доказаннымъ, то этимъ вовсе еще не сказано, что его должно истреблять. И безъ того достаточно заботится объ уменьшеніи числа зайцевъ, а тѣ, кому они становятся очевидно вредными и надобными, могутъ, насколько имъ заблагоразсудится, уменьшить число ихъ; тѣмъ-же, кто высказывается въ пользу безусловнаго истребленія этого грызуна, можно возразить, что заслуживаютъ вниманія также и удовольствіе охоты, и вкусное мясо зайца.

Кромѣ справедливо цѣнимаго мяса зайца въ дѣло идетъ и его шкура. Изъ лишенной волосъ и выдубленной шкуры готовятъ обувь и родъ пергамента, или употребляютъ ее на выдѣлку клея; волоса идутъ на приготовленіе войлочныхъ шляпъ. Ежегодно, по Ломеру, въ торговлю поступаетъ 3—4 милліона шкуръ, цѣною по 30—75 пфенниговъ за штуку. Сибирскія бѣлыя заячьи шкуры получили за послѣдніе десять лѣтъ выгодное примѣненіе: ихъ окрашиваютъ въ черный, бурый и рысій цвѣтъ, обстригаютъ и окрашиваютъ подъ цвѣтъ мѣха шиншиллы и такимъ образомъ перерабатываютъ въ очень красивый, но непрочный мѣхъ. Этихъ шкуръ ежегодно поступаетъ въ торговлю 1—1,5 милліона штукъ, цѣною 0,5—2 марки за штуку. Въ старой медицинѣ волосы, жиръ, кровь и мозгъ, кости, даже пометъ зайца играли важную роль и еще въ настоящее время суевѣрные люди употребляютъ шкуру и жиръ зайца противъ болѣзней. Долгое время заяцъ пользовался честию считаться заколдованнымъ существомъ. Еще въ прошломъ столѣтій вѣрили, что онъ гермафродитъ, и были твердо убѣждены, что онъ можетъ произвольно измѣнять полъ, а слѣдовательно являться какъ самцомъ, такъ и самкой. Тропинки, которыя онъ прогрызаетъ себѣ въ высокихъ хлѣбахъ, еще и въ настоящее время носятъ названіе «дорожекъ вѣдьмъ».

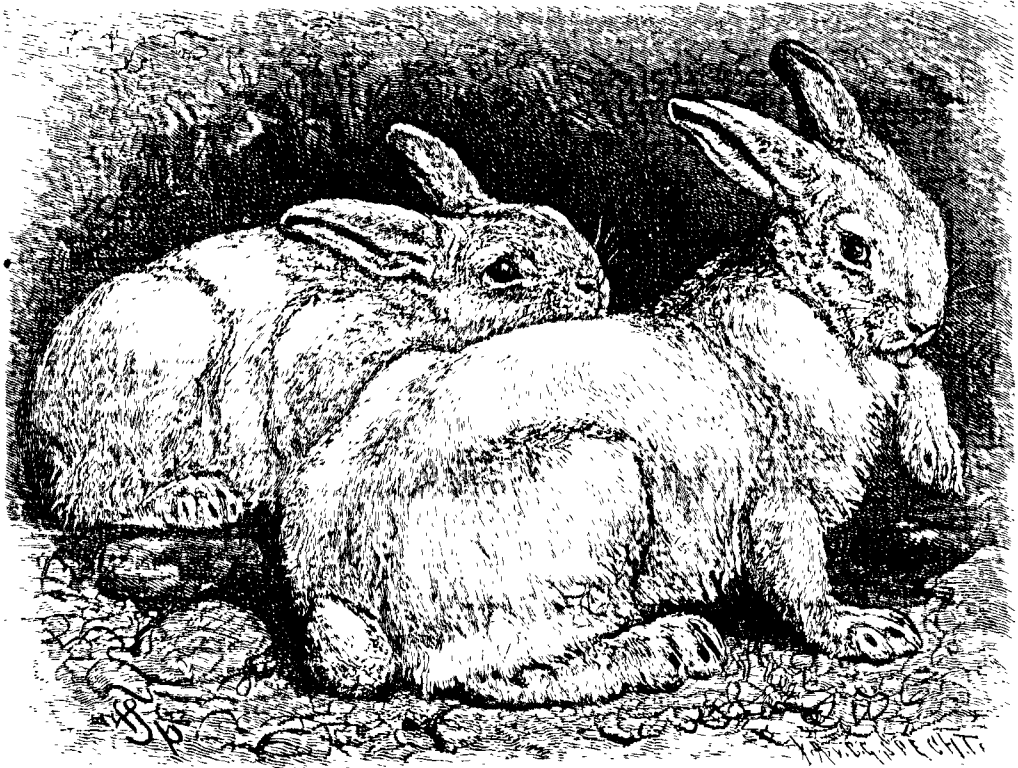
Зайцы, поселенные въ Новой Зеландіи, по словамъ Р. фонъ-Тенденфельда, «не привыкли убѣгать отъ враговъ, стали очень лѣнливыми и такъ медленно бѣгутъ передъ охотникомъ, что въ нихъ очень легко попасть».

* * *

Еще не рѣшено, составляютъ-ли бѣлякъ Альпъ и бѣлякъ крайняго сѣвера одинъ и тотъ-же видъ. Въ общемъ оба выказываютъ себя вѣрными дѣтьми своей родины. Это—животныя, которыхъ одежда приспособляется къ почвѣ, смотря по обстоятельствамъ; однако встрѣчаются въ этомъ отношеніи и своеобразныя уклоненія. Альпійскіе бѣляки зимою чисто бѣлаго цвѣта, лишь концы ушей черные, лѣтомъ сѣро-бурые, чисто одноцвѣтные, а не пятнистые, какъ обыкновенно заяцъ. Заяцы, живущіе въ Ирландіи и очень похожіе на нихъ, говорятъ, никогда не становятся бѣлыми и потому разсматриваются нѣкоторыми учеными какъ особый видъ (*Lepus hibernicus*). Напротивъ, бѣляки, живущіе на крайнемъ сѣверѣ, не измѣняютъ цвѣта лѣтомъ, а остаются бѣлыми цѣлый годъ и потому тоже считаются особымъ видомъ (*Lepus glacialis*). Скандинавскіе зайцы, которые все принадлежатъ къ бѣлякамъ, тоже различаются между собою: одни становятся бѣлыми до самыхъ черныхъ кончиковъ ушей, другіе не измѣняются. У нихъ подшерстокъ аспидно-сѣраго цвѣта, середина волосъ грязно-рыже-бураго, кончики бѣлаго. Но этотъ цвѣтъ кажется чисто случайнымъ; утверждаютъ по крайней мѣрѣ, что часто зайцы одного и того-

же помета представляют обѣ окраски. Пока не найдется другихъ различій, едва ли можно будетъ отдѣлять другъ отъ друга упомянутыхъ бѣляковъ и во всякомъ случаѣ мы правы, соединяя пока всѣхъ названныхъ зайцевъ въ одинъ видъ.

Этотъ видъ, **Альпійскій заяцъ** или **бѣлякъ** (*Lepus timidus*, *L. alpinus*, *albus*, *borealis*, *canescens*, *hibernicus*, *variabilis*. Alpenhase, Schneehase. Lièvre variable.) совершенно опредѣленно отличается по формѣ тѣла и характеру отъ русака. «Онъ», говоритъ Чуди, «рѣзвѣе, живѣе, смѣлѣе, голова его короче, круглѣе, выпуклѣе, носъ короче, уши меньше, щеки шире, заднія ноги длиннѣе, подошвы гуще усажены волосами,

Заяцъ-бѣлякъ. *Lepus timidus*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

пальцы отдѣлены другъ отъ друга глубокими промежутками, могутъ широко разставляться и вооружены длинными, острыми, кривыми, слегка втяжными когтями. Глаза не красные, какъ у бѣлыхъ кроликовъ и бѣлыхъ мышей, а болѣе темнаго бурога цвѣта, чѣмъ у русака. Обыкновенно бѣлякъ нѣсколько меньше русака, однако встрѣчаются самцы въ 6 килогр. вѣсомъ: въ Бюнденѣ былъ застрѣленъ даже одинъ, вѣсившій 7,5 килогр. Точное сравненіе полувзрослага альпійскаго зайца съ обыкновеннымъ зайцемъ того же возраста показало, что первый отличался гораздо болѣе хитрымъ и умнымъ выраженіемъ морды, въ движеніяхъ онъ проявлялъ больше легкости и былъ менѣе глухо пугливъ. Голень его была гораздо сильнѣе согнута, голова и носъ короче, уши меньше, заднія ноги длиннѣе, чѣмъ у бурога зайца; этотъ послѣдній былъ пугливѣе своего альпійскаго родича. Бюнденскіе охотники различаютъ два рода зайцевъ, становящихся зимою бѣлыми, и называютъ ихъ лѣсными и горными зайцами; по

ихъ словамъ, первые больше и даже лѣтомъ не переходятъ черезъ границу лѣсовъ, послѣдніе меньше и съ болѣе толстой головой, чѣмъ лѣсные.

«Въ декабрѣ, когда Альпы лежатъ погребенныя въ снѣгу, этотъ заяцъ получаетъ чисто-бѣлоснѣжный цвѣтъ, только концы ушей остаются черными. Весеннее солнце вызываетъ, начиная съ марта, очень замѣчательное измѣненіе цвѣта. Сначала у него спина становится сѣрой и на бокахъ отдѣльные сѣрые волосы примѣшиваются все въ большемъ количествѣ къ бѣлымъ. Въ апрѣлѣ онъ принимаетъ очень странный видъ, именно дѣлается неправильно пятнистымъ или крапчатымъ. Со дня на день темно-бурый цвѣтъ беретъ перевѣсъ и это измѣненіе заканчивается лишь въ маѣ, но въ это время заяцъ чисто одноцвѣтенъ, безъ крапинъ, какъ обыкновенный заяцъ, котораго шерсть при томъ болѣе жесткая, чѣмъ у альпійскаго зайца. Осенью онъ уже съ первымъ снѣгомъ начинаетъ пріобрѣтать отдѣльные бѣлые волосы; но подобно тому, какъ зима скорѣе наступаетъ на Альпахъ, чѣмъ весна, и измѣненіе цвѣта осенью идетъ быстрѣе и заканчивается въ періодъ отъ начала октября до середины ноября. Когда серны становятся черными, ихъ сосѣдь, заяцъ, становится бѣлымъ. При этомъ мы замѣчаемъ слѣдующія любопытныя явленія. Во первыхъ измѣненіе цвѣта не происходитъ постоянно въ одно и то-же время, а, смотря по погодѣ, такъ что, въ случаѣ болѣе ранней зимы, оно наступаетъ раньше, то-же самое и въ случаѣ болѣе ранней весны; во-вторыхъ, оно всегда происходитъ одновременно съ измѣненіемъ цвѣта горностая и горнаго тетерева, которые подлежатъ тѣмъ-же законамъ. Далѣе хотя осеннее измѣненіе цвѣта и происходитъ благодаря обыкновенному зимнему линянью, но измѣненіе цвѣта весною, повидимому, происходитъ, напротивъ, безъ замѣны волосъ новыми, при чемъ сначала болѣе длинные волосы на головѣ, шеѣ и спинѣ становятся черноватыми, начиная отъ корня и до кончика, а нижніе бѣлые волосы подшерстка сѣрыми. Однако еще не вполне извѣстно, не происходитъ-ли линянне отчасти и весною. Въ лѣтней одеждѣ альпійскій заяцъ отличается отъ обыкновеннаго тѣмъ, что первый болѣе оливковаго сѣраго цвѣта съ большей примѣсью чернаго; а послѣдній рыжеватаго-бураго съ меньшею примѣсью чернаго; у перваго брюхо и часть ушей остаются бѣлыми, у послѣдняго нижняя сторона окрасивается желтымъ и бѣлымъ».

Судя по наблюдениямъ надъ тѣми бѣляками, которыхъ я держалъ, Чуди нѣвѣрно описалъ ходъ измѣненія цвѣта. И заяцъ линяетъ лишь одинъ разъ и именно весною, а къ осени получаетъ зимнюю одежду путемъ простого выцвѣтанія лѣтней. Какъ у полярной лисицы и горностая, ростъ волосъ продолжается и послѣ ихъ выцвѣтанія и потому мѣхъ въ теченіи зимы становится болѣе густымъ, пока весною не начнется выталкиваніе старыхъ волосъ вырастающими новыми. Смотри по странѣ и высотѣ мѣста, выцвѣтаніе шерсти можетъ наступать ранѣе или позднеѣ, но осенняго линянія, о которомъ говоритъ Чуди, навѣрно не происходитъ. Выцвѣтаніе идетъ снизу вверхъ, такъ что первыми бѣлѣютъ ноги, а послѣдней спина. У животнаго, которое я наблюдалъ, оно началось 10-го октября и настолько подвинулось къ концу мѣсяца что ноги до колѣнъ или сгибовъ, затылокъ и задняя часть бедеръ были бѣлы, между тѣмъ какъ волосы на остальномъ тѣлѣ, хотя и стали свѣтлѣе, чѣмъ были сначала, но собственно не принимали еще участія въ процессѣ измѣненія цвѣта. Мѣхъ казался въ это время какъ-бы и открытымъ прозрачной бѣлой кружевной вуалю. Въ ноябрѣ бѣлый цвѣтъ чрезвычайно быстро увеличивался и притомъ равномерно на всей верхней сторонѣ, сѣрый все болѣе и болѣе исчезалъ, а бѣлый всюду замѣнялъ прежнюю окраску. Выпаденія волосъ не замѣчалось вовсе; однако нельзя было опредѣленно установить, шло-ли выцвѣтаніе волосъ отъ кончика къ корню или, наоборотъ, отъ корня къ кончику; послѣднее казалось наиболѣе вѣроятнымъ.

«Описанное измѣненіе цвѣта», продолжаетъ Чуди, «считаютъ обыкновенно предвѣстникомъ скорой переменъ погоды на зимнюю; даже очень опытный пріоръ Ламонъ на Вольшомъ С.-Бернардѣ раздѣлялъ это мнѣніе и писалъ 16 августа 1882 г.: «У насъ будетъ очень суровая зима, такъ какъ уже теперь заяцъ одѣвается въ свой зимній мѣхъ». Мы думаемъ скорѣе, что перемена цвѣта составляетъ лишь слѣдствіе уже наступившей переменъ погоды, и животное, несмотря на приписываемый ему даръ пророчества, часто сильно терпитъ, если его зимній мѣхъ уже порѣдѣлъ, когда снова наступаетъ морозъ и выпадаетъ снѣгъ». Этому мнѣнію Чуди противорѣчатъ другія наблюденія. Русскій бѣлякъ одѣвается въ зимнюю одежду часто еще до перваго снѣга и въ такомъ случаѣ, употребляя выраженіе одного русскаго натуралиста: «сняетъ, какъ звѣзда, среди темно-зеленыхъ кустовъ и буро-желтой травы». «Бѣляка», рассказываетъ Чуди далѣе, «можно навѣрное встрѣтить на высотахъ во всѣхъ альпійскихъ кантонахъ, и обыкновенно по крайней мѣрѣ въ такомъ-же количествѣ, какъ бураго въ нижнемъ поясѣ. Охотникъ всего онъ держится между границею сосенъ и вѣчнымъ снѣгомъ, приблизительно на одной высотѣ съ альпійскимъ тетеревомъ и суркомъ, между 1600 и 2600 м. надъ уровнемъ моря, однако часто онъ забѣгаетъ и гораздо выше. Леманъ видѣлъ одного зайца около самой высочайшей вершины Веттергорна на высотѣ 3600 м. надъ уровнемъ моря. Глубокая зима заставляетъ его спуститься нѣсколько ниже къ альпійскимъ лѣсамъ, гдѣ онъ можетъ найти нѣкоторую защиту и свободныя отъ снѣга мѣста для пастбища; однако онъ неохотно спускается ниже 1000 м. и какъ можно скорѣе возвращается на свои любимыя высоты.

«Лѣтомъ нашъ звѣрекъ живетъ приблизительно такъ: логовище его расположено между камнями, въ пещеркѣ или подъ стелящимися или карликовыми со-снами. Здѣсь самецъ лежитъ обыкновенно, поднявъ голову и уши. Самка, напротивъ, обыкновенно кладетъ голову на переднія ноги и закладываетъ уши назадъ. Рано утромъ или часто уже ночью оба оставляютъ логовище и пасутся затѣмъ на солнечныхъ мѣстахъ, поросшихъ травой, при чемъ уши обыкновенно въ движеніи, а носъ нюхаетъ, нѣтъ-ли по близости одного изъ ихъ многочисленныхъ враговъ, лисицы или лѣсной куницы, которая, правда, лишь рѣдко забѣгаетъ на эти высоты, истреба, орла, сокола, ворона, можетъ быть и ласки, которая вполне можетъ справиться съ молодымъ зайцемъ. Любимая пища его состоитъ изъ многихъ родовъ клевера, ромашки, тысячелистника (*Achillea*) и фіалокъ, малорослой ивы и коры волчника (*Daphne mezereum*), между тѣмъ какъ аконитъ и кусты герани, которые, повидимому, ядовиты и для него, онъ не трогаетъ даже въ такія зимы, когда терпитъ наибольшій недостатокъ въ пищѣ. Насытившись, онъ ложится, вытянувшись, въ теплую траву или на освѣщенный солнцемъ камень, на которомъ его не легко замѣтить, такъ какъ цвѣтъ его подходитъ къ цвѣту почвы. Онъ лишь рѣдко пьетъ воду. Когда наступитъ вечеръ, онъ снова пасется и прогуливается по скаламъ и пастбищамъ, причѣмъ часто высоко поднимается на заднихъ ногахъ. Затѣмъ онъ возвращается обратно къ своему логовищу. Ночью онъ подвергается преслѣдованію со стороны лисицъ, хорьковъ и куницъ; филинъ, который легко могъ-бы овладѣть имъ, никогда не подымается на эти высоты. За то онъ дѣлается часто жертвой другихъ большихъ альпійскихъ хищныхъ птицъ. Недавно холзанъ, сторожившій на соснѣ, схватилъ въ Анпенцельскихъ горахъ бѣгущаго зайца на глазахъ у охотника и унесъ его въ свое гнѣздо.

«Зимой ему часто приходится терпѣть нужду. Если ранній снѣгъ захватитъ его, прежде чѣмъ у него выросла болѣе густая зимняя шерсть, онъ часто по нѣскольку дней не выходитъ изъ подъ своего камня или куста, голодаетъ и зябнетъ.

Точно такъ-же онъ остается лежать въ полѣ, если его захватитъ сильный снѣгъ. Онъ предоставляетъ снѣгу, подобно рябчикамъ и бѣлымъ тетеревамъ, совершенно засыпать себя, часто на 60 см., и выходитъ наружу лишь тогда, когда морозъ сдѣлаетъ снѣгъ настолько твердымъ, что онъ можетъ его выдержать. До этого онъ разгребаетъ себя подъ снѣгомъ чистое мѣсто и грызетъ листья и корни альпійскихъ растений. Если зима окончательно наступила, то онъ отыскиваетъ себя траву и кору въ жидкихъ альпійскихъ лѣсахъ. Очень часто въ это время года альпійскіе зайцы подходятъ къ сѣннымъ сараямъ. Если имъ удастся добраться съ помощью прыжковъ до сѣна, то они поселяются тамъ, часто цѣлымъ обществомъ, сдѣлаютъ значительную часть сѣна и покрываютъ его своимъ пометомъ. Но обыкновенно въ это время сѣно свозятъ на саяхъ въ долину. Тогда зайцы начинаютъ усердно посягать санныя дороги, чтобы подбирать унавіяныя травинки или разыскиваютъ ночью мѣста полуденныхъ стоянокъ дровозововъ, чтобы подбирать остатки лошадиного корма. Во время перевозки сѣна они охотно прячутся въ пустыхъ хижинахъ или сараяхъ и бываютъ при этомъ такъ осторожны, что одинъ заяцъ располагается на передней, другой на задней сторонѣ. Если приближаются люди, то оба убѣгаютъ вмѣстѣ; мало того, часто наблюдали, что тотъ изъ нихъ, который первый замѣтилъ опасность, вмѣсто того, чтобы тотчасъ-же убѣжать, сначала обѣгалъ вокругъ сарая, чтобы разбудить спящаго товарища, послѣ чего оба вмѣстѣ спалились бѣгствомъ. Какъ скоро вѣтеръ обнажилъ мѣстами землю, заяцъ снова возвращается на высокія Альпы.

«Столь-же плодильная, какъ и самка обыкновеннаго зайца, альпійская зайчиха каждый разъ приноситъ по 2—5 дѣтенышей, величиною съ мышъ, съ бѣлымъ пятномъ на лбу; уже на второй день они прыгаютъ вездѣ за матерью и очень скоро начинаютъ ѣсть молодую траву. Первый пометъ приходится обыкновенно на апрѣль или май, второй на іюль или августъ; бываетъ-ли третій пометъ рано весной или поздно осенью, объ этомъ еще спорить, но охотники утверждаютъ, что встрѣчали съ мая до октября каждый мѣсяць дѣтенышей, величиною въ четверть взрослога животнаго. Беременность зайчихи продолжается 30 дней. Большинство горныхъ охотниковъ трудно разубѣдить въ странномъ заблужденіи, что среди этихъ зайцевъ встрѣчаются гермафродиты, которые сами себя оплодотворяютъ. Почти невозможно наблюдать семейную жизнь этихъ животныхъ, такъ какъ чутье ихъ очень остро, а дѣтеныши умѣютъ чрезвычайно хорошо прятаться во всѣхъ щеляхъ и дырахъ между камнями.

«Охота на нихъ представляетъ извѣстныя трудности, но за то и вознаграждаетъ охотника. Такъ какъ она обыкновенно бываетъ возможна лишь тогда, когда гѣль Альповъ покрыта снѣгомъ, то она довольно затруднительна, но за то, быть можетъ, вѣрнѣе охоты на другую дичь, такъ какъ свѣжіе слѣды зайца точно указываютъ, гдѣ онъ находится. Найди ходы, которые онъ часто вырываетъ ночью въ снѣгу, чтобы пасть, и держась тянущагося оттуда отдѣльнаго слѣда, наталкиваешься на многіе обратные прыжки во всѣхъ направленіяхъ; животное дѣлаетъ ихъ послѣ ѣды и никогда оно не идетъ прямо къ своему логовищу. Отсюда на значительное разстояніе тянется отдѣльный слѣдъ. Въ концѣ онъ загибается, дѣлаетъ нѣсколько петель (обыкновенно меньше, чѣмъ у бураго зайца) и наконецъ кругъ или петлю по близости отъ камня, куста или холма, гдѣ заяцъ залегаетъ. Здѣсь заяцъ ложится на снѣгъ вытянувшись, и часто спитъ съ открытыми глазами, причѣмъ слегка щелкаетъ челюстями, такъ что уши его постоянно находятся въ дрожательномъ движеніи. Если-же погода суровая съ ледянымъ вѣтромъ, который такъ часто господствуетъ на этихъ высотахъ, то заяцъ лежитъ или подъ защитой камня или

въ ямѣ, вырытой въ снѣгу. Такимъ образомъ охотнику легко стрѣлять въ него. Если онъ промахнулся, то хотя заяцъ и убѣгаетъ съ большою поспѣшностью, дѣлая сильныя прыжки, но уходитъ не слишкомъ далеко и снова легко попадаетъ подъ выстрѣлъ. Грохотъ выстрѣла не слишкомъ сильно пугаетъ его: онъ привыкъ къ треску и шуму падающихъ лавинъ. Выстрѣлы не тревожатъ и другихъ зайцевъ и часто охотникъ приноситъ домой по 3—4 штуки, которыя были застрѣлены всѣ въ логовицѣ. Но никогда не случается застать въ логовицѣ двухъ зайцевъ вмѣстѣ, даже въ періодъ течки. Слѣдъ альпійскаго зайца представляетъ нѣчто своеобразное: онъ состоитъ изъ большихъ прыжковъ, причѣмъ переднія ноги относительно очень широко отстаиваются отъ заднихъ. Какъ и у сернь, строеніе ноги альпійскаго зайца превосходно приспособлено къ жизни въ снѣжномъ царствѣ. Подошва сама по себѣ шире, а лапы толще, чѣмъ у обыкновеннаго зайца. На бѣгу онъ широко разставляетъ пальцы, которые служатъ ему при этомъ лыжами, и потому не легко проваливается; на льду ему оказываютъ превосходную услугу выдвинныя когти. Если за нимъ охотятся съ собаками, то онъ гораздо долѣ лежитъ передъ легавой собакой, чѣмъ его родичъ на низменности, и при преслѣдованіи лишь рѣдко прячется въ узкія норы сурковъ, но никогда не прячется въ норы лисицъ.

«Замѣчательно, что альпійскаго зайца легче приручить, чѣмъ обыкновеннаго, онъ ведетъ себя спокойнѣе и довѣрчивѣе, но рѣдко долго выдерживаетъ неволю и не жирѣетъ даже при самомъ обильномъ кормѣ. На немъ слишкомъ скоро сказывается отсутствіе альпійскаго воздуха. Зимой онъ бѣлѣетъ и въ неволѣ. Шкура его цѣнится не высоко, мясо-же очень вкусно. Часто высказывали сомнѣніе въ томъ, чтобы обыкновенныя зайцы совокуплялись съ альпійскими и давали ублюдковъ. Однако это подтверждено точнымъ изслѣдованіемъ. Такъ, въ январѣ въ Зернфталѣ, гдѣ бѣлые зайцы вообще гораздо чаще спускаются внизъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, былъ застрѣленъ экземпляръ, который отъ головы до переднихъ ногъ былъ буро-рыжаго цвѣта, а остальное тѣло чисто-бѣлаго, въ Аммонѣ надъ Валлензее четыре экземпляра, родившихся отъ одной матери, изъ которыхъ у двухъ передняя половина тѣла, у двухъ—задняя были чисто-бѣлаго цвѣта, а остальное тѣло буро-сѣраго. Въ Эмменталѣ, въ Бернскомъ кантонѣ одинъ охотникъ застрѣлилъ зимою зайца, у котораго было бѣлое кольцо вокругъ шеи, бѣлыя переднія ноги и бѣлый лобъ. Были ли такіе ублюдки способны размножаться, не выяснено.»

По собственнымъ наблюденіямъ я могу констатировать, что по крайней мѣрѣ въ неволѣ зайцы обоихъ видовъ совокупляются между собою, давая потомство. Выше упомянутый бѣлякъ, котораго я держалъ болѣе года, родилъ 2-го іюня трехъ дѣтенышей отъ русака. Я подошелъ какъ разъ въ то время, когда животное только что родило и облизывало дѣтенышей. Мать при этомъ очень ловко прикрывала ихъ обѣими парами ногъ, такъ что ихъ можно было замѣтить лишь всматриваясь самымъ тщательнымъ образомъ. Всѣ три дѣтеныша выжили, но потомъ я потерялъ ихъ изъ вида, такъ что не могу ничего сообщить объ ихъ позднѣйшей судьбѣ.

* * *

Всѣ африканскіе зайцы отличаются отъ нашихъ своей незначительной величиною и необыкновенно длинными ушами. Заяцъ пустыни чисто песочнаго цвѣта, и дѣйствительно встрѣчается лишь въ голой пустынѣ и ея ближайшемъ сосѣдствѣ, между тѣмъ какъ на восточномъ берегу Африки водится другой видъ, похожій на нашего по цвѣту, но длинноухій. Этого зайца, котораго арабы называютъ **Эрнебъ**, (*Lepus aethiopicus*) я встрѣчалъ во время моего короткаго путешествія весной

1862 года такъ-же часто въ низменности Сахмарѣ, какъ на плоскогоріяхъ страны Богосовъ; онъ оказался совершенно своеобразнымъ, смѣлымъ до глупости и вздорнымъ существомъ. Характерно для всего семейства то, что я упоминаю здѣсь объ одномъ изъ качествъ эрнеба, которое ясно доказываетъ, что собственно только благодаря человѣку нашъ заяцъ сталъ такимъ, каковъ онъ теперь.

Горные и береговые жители Абиссиніи, хотя они частью магометане, частью христіане, еще свято чтятъ законы Моисея и поэтому брезгаютъ мясомъ зайца. Это животное такимъ образомъ вовсе не испытываетъ преслѣдованій со стороны человѣка и до настоящаго времени не научилось еще видѣть въ немъ заклятаго врага. Только этимъ могу я объяснить себѣ вышеупомянутую глупую смѣлость этого длинноухаго и длинноногаго животнаго. Далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ менѣе брезгливые европейцы, этотъ заяцъ всюду чрезвычайно обыкновененъ. Иногда передъ охотникомъ поднимается ихъ сразу четыре, шесть, восемь штукъ. Въ договорищѣ, надъ приготовленіемъ котораго эрнебъ нисколько не трудится, его случается замѣтить лишь крайне рѣдко, благодаря сходству его цвѣта съ цвѣтомъ почвы; притомъ-же онъ поднимается очень рано, такъ какъ, если какой-нибудь шумъ разбудитъ его, онъ старается прежде всего узнать въ чемъ дѣло. Замѣтивъ приближающаго человѣка, онъ вовсе не торопится убѣжать, а медленно и спокойно бѣжитъ впередъ къ первому попавшемуся кусту, садится подъ нимъ въ извѣстномъ положеніи и поворачиваетъ уши по направленію къ путнику. Кусты, покрывающіе родныя равнины, такъ незначительны, рѣдки и прозрачны, что его можно видѣть и на разстояніи 100 шаговъ; тѣмъ не менѣе онъ, повидимому, убѣжденъ, что нашелъ совершенно достаточное убѣжище подъ тонкими вѣтвями кустарника. Онъ беззаботно подпускаетъ къ себѣ охотника на 30 шаговъ, затѣмъ пускается далѣе, снова къ одному изъ кустовъ, гдѣ повторяетъ совершенно то-же, что дѣлалъ прежде. Такимъ образомъ его можно, если пожелаешь, по цѣлымъ часамъ гонять по равнинѣ. Онъ не измѣняетъ своего поведенія даже если охотникъ, выстрѣливъ въ него, дастъ промахъ; онъ убѣгаетъ, правда, нѣсколько быстрѣе и дальше, но, несмотря на пугающій его звукъ выстрѣла и безъ сомнѣнія замѣченный имъ свистъ дроби, онъ черезъ нѣсколько минутъ опять такъ же упрямо и навязчиво смотритъ въ дуло ружья охотника, какъ и прежде. Если въ него не стрѣляютъ, то можно цѣлые дни сряду выгонять его все изъ одного и того же куста, такъ какъ будешь постоянно находить его снова на однажды избранномъ мѣстѣ.

Нельзя описать, какъ скучна и отвратительна охота на этого зайца для охотника, которому прежде приходилось имѣть дѣло съ его сѣвернымъ родичемъ. Это слишкомъ уже наивное животное начинаетъ внушать отвращеніе и просто стыдно становится стрѣлять въ такое глупое существо. Совершенно другое происходитъ, если эрнеба вспугнетъ собака, а также, какъ легко догадаться, лисица, шакаль или волкъ. Онъ хорошо знаетъ, что не можетъ спастись тѣмъ, что отбѣжитъ недалеко или станетъ прятаться подъ кустомъ, и пускаетъ въ дѣло свои ноги съ такою же быстротою, какъ и нашъ пріятель русакъ. Благодаря своему проворству, онъ по большей части и уходитъ отъ четвероногаго охотника; но зато съ высоты его высматриваетъ опасный врагъ — орелъ, который только и ждетъ такого случая, чтобы броситься на бѣгущаго по открытому мѣсту и потому нѣсколько мгновеній незащищеннаго грызуна. Онъ, недолго думая, хватается его съ земли и душитъ беззащитнаго своими сильными лапами, прежде чѣмъ тотъ успеетъ хорошенько понять, что съ нимъ случилось.

Другіе африканскіе зайцы, **Каменный, Толстохвостый и Капскій** (*Lepus sa-*

hatalis, *L. crassicaudatus*, *L. capensis*), встрѣчающіеся въ восточной, западной и южной Африкѣ, по своему характеру скорѣе похожи на нашего русака, чѣмъ на эрнеба. Они робки, какъ онъ, и ихъ нелегко стрѣлять, такъ какъ, убѣгая по степи они хорошо закрыты низкимъ кустарникомъ и травой. Среди туземцевъ въ западной Африкѣ есть любители охоты, которые, правда, не стрѣляютъ изъ своихъ кремневыхъ ружей въ бѣгущую дичь, но за-то дрессируютъ для охоты нѣкоторыхъ изъ своихъ дворовыхъ собакъ, которыя потомъ и цѣнятся довольно высоко. Негры изслѣдуютъ съ этими собаками заросли кустарниковъ и травы и, поднявъ зайца, натравливаютъ на него собакъ, причемъ сами должны конечно бѣжать съ ними въ перегонку. Они должны это дѣлать и для того, чтобы имъ досталось скольконибудь дичи, такъ какъ собаки, схвативъ зайца, принимаютъ за него тотчасъ и поѣдаютъ, если хозяинъ не подойдетъ очень скоро. Замѣчательно, что эти собаки, несмотря на свой жалкій видъ, могутъ догнать быстро и дѣлающаго петли зайца, и имъ почти всегда удается это на разстояніи 300—500 шаговъ, и неудачная охота принадлежить, по крайней мѣрѣ въ ровной мѣстности, къ исключеніямъ.

* * *

Кроликъ (*Lepus cuniculus*. Kapinchen. Lapin) отличается отъ настоящихъ зайцевъ гораздо меньшей величиною, болѣе тонкимъ сложеніемъ, и болѣе короткими головой, ушами и задними ногами. Длина тѣла животнаго равняется 40 см., изъ которыхъ 7 см. приходится на хвостъ, вѣсъ стараго самца 2—3 килогр. Уши короче головы и, если ихъ пригнуть внизъ, то они не достаютъ до конца морды. Хвостъ одноцвѣтный, сверху черный, снизу бѣлый, остальное тѣло одѣто сѣрымъ мѣхомъ, который сверху имѣетъ желто-бурый отгѣнокъ, спереди рыже-желтый, на бокахъ и бедрахъ свѣтло-ржавый, а на нижней сторонѣ, на брюхѣ, горлѣ и внутренней сторонѣ ногъ переходитъ въ бѣлый. Передняя часть шеи ржаво-желто-сѣрая, верхняя, какъ и затылокъ, одноцвѣтная ржаво-рыжая. Уклоненія, повидимому, встрѣчаются рѣже, чѣмъ у русака.

Почти всѣ естествоиспытатели признаютъ, что первоначальнымъ отечествомъ кролика была южная Европа и что во всѣ страны къ сѣверу отъ Альповъ онъ былъ завезенъ. Плиніи упоминаетъ о немъ подъ названіемъ *Cuniculus*, Аристотель называетъ его *Dasypus*. Всѣ старыя писатели называютъ Испанію его отечествомъ. Страбонъ указываетъ, что онъ попалъ въ Италію съ Балеарскихъ острововъ; Плиніи увѣряетъ, что онъ иногда размножается въ Испаніи въ безчисленномъ множествѣ; а на Балеарскихъ островахъ причиняетъ голодъ, уничтожая всѣ посѣвы. Жители этихъ острововъ испросили себѣ у императора Августа солдатъ на помощь противъ этихъ животныхъ, и ловцы кроликовъ были тамъ весьма уважаемыми людьми. Совершенно подобныя-же явленія видимъ мы въ новѣйшее время въ Австраліи и Новой Зеландіи.

Въ настоящее время дикій кроликъ распространенъ по всей средней и южной Европѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крайне обыкновененъ. Въ странахъ, окружающихъ Средиземное море, кроликъ все еще многочисленнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, хотя тамъ не даютъ ему пощады и преслѣдуютъ его во всякое время года. Въ Англии его развели для охоты въ различныхъ областяхъ и сначала очень высоко цѣнили; еще въ 1309 году дикій кроликъ стоилъ столько-же, сколько поросенокъ. Въ сѣверныхъ странахъ онъ не встрѣчается: тщетно пытались развести его въ Россіи и Швеціи.

Кроликъ требуетъ холмистыхъ и песчаныхъ мѣстностей съ лощинами, трещинами скалъ и низкимъ кустарникомъ; особенно любитъ онъ молодыя сухія заросли сосноваго лѣса, короче—мѣста, гдѣ ему удобно прятаться. Здѣсь онъ устраиваетъ

себѣ на удобныхъ, чаще всего на солнечныхъ мѣстахъ довольно простыя норы; онъ охотно живетъ обществами, часто цѣлыми поселеніями. Каждая нора состоитъ изъ камеры, лежащей довольно глубоко, и угловатыхъ ходовъ съ нѣсколькими выходами каждый. Выходы обыкновенно бываютъ довольно сильно расширены, благодаря частымъ входеніямъ и выходеніямъ, но самая галерея такъ узка, что ея жилецъ можетъ лишь проползать въ ней. Каждая пара имѣетъ свое отдѣльное жилище и не терпитъ въ немъ никакого другого животного, но часто ходы, принад-

Кроликъ. *Lepus cuniculus*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

лежащіе различнымъ жилищамъ, пересѣкаются между собою. Кроликъ прячется почти весь день въ своей норѣ, если кустарникъ вокругъ его жилища не настолько густъ, чтобы онъ могъ идти за пищей, оставаясь почти невидимымъ. Съ наступленіемъ вечера онъ отправляется за пищей, но съ большой осторожностью, покидая свою нору только послѣ продолжительнаго разсматриванія, нѣтъ-ли гдѣ опасности. Замѣтивъ врага, онъ предупреждаетъ своихъ товарищей сильнымъ топотомъ заднихъ ногъ и всѣ спѣшатъ какъ можно быстрее обратно въ норы.

Движенія кролика существенно отличаются отъ движеній зайца. Въ первое мгновеніе онъ превосходитъ его въ быстротѣ и постоянно въ ловкости. Онъ мастерски умѣетъ дѣлать петли и для охоты за нимъ нужны превосходно

дрессированная гончая и хороший стрѣлокъ. Онъ несравненно хитрѣ зайца и къ нему крайне рѣдко удается подкрасться въ то время, когда онъ пасется, а въ случаѣ опасности онъ почти всегда съумѣетъ найти куда спрятаться. Если-бы онъ убѣгалъ по прямой линіи, то уже и въ этомъ случаѣ собака средняго качества поймала-бы его нескоро; а онъ прячется въ кустарникѣ всякаго рода, въ щеляхъ скаль и норахъ и по большей части уходитъ отъ преслѣдованій враговъ. Зрѣніе, слухъ и чутье у него такъ-же остры, а можетъ быть и острѣе, чѣмъ у зайцевъ. Нравъ его имѣетъ нѣкоторыя привлекательныя черты. Онъ общителенъ и дружелюбенъ, матери съ горячей любовью ухаживаютъ за дѣтенышами, дѣтеныши выказываютъ большое послушаніе родителямъ, при чемъ особенно почитается родоначальникъ цѣлаго общества. Въ февралѣ и мартѣ наступаетъ у кроликовъ время течки. Какъ выше уже замѣчено, пары живутъ очень согласно, по крайней мѣрѣ гораздо согласнѣе, чѣмъ у зайцевъ, однако нельзя утверждать, что кроликъ живетъ въ одноженствѣ.

«Достоверно то», говоритъ Дитрихъ Винкель, «что самецъ, пока самка остается при немъ, не отходитъ отъ нея и часто нѣжничаетъ съ нею. Никогда онъ не бываетъ настолько назойливъ, чтобы преслѣдовать ее, если она отъ него удаляется. Подобно зайчихѣ, самка кролика бываетъ беременной 30 дней, но тотчас послѣ рожденія она можетъ снова совокупляться и потому уже въ теченіи одного года доводитъ свое потомство до значительной цифры. До октября она каждыя пять недѣль рождаетъ по 4—12 дѣтенышей въ особой норѣ, которую предварительно обильно выстилаетъ шерстью со своего брюха. Дѣтеныши нѣсколько дней остаются слѣпыми и до слѣдующихъ родовъ матери остаются при ней въ тепломъ гнѣздѣ и сосутъ. Самка очень нѣжно относится къ своему семейству и оставляетъ его лишь на столько времени, сколько нужно, чтобы наѣсться. Пользуясь этимъ случаемъ, она отыскиваетъ своего супруга, чтобы предаться съ нимъ, хотя и на короткое время радостимъ любви. Но скоро она возвращается къ своимъ прежде прижитымъ дѣтенышамъ и вѣрно исполняетъ материнскія обязанности, жертвуя ради нихъ удовольствіями общественной жизни. Даже самцу не дозволяется войти къ только-что родившимся дѣтенышамъ, такъ какъ заботливая мать, вѣроятно, хорошо знаетъ, что въ принадлежкѣ бѣшенства или чрезмѣрной нѣжности онъ можетъ лишить ихъ жизни. Навѣрно его побуждаетъ къ этому не злоба, такъ какъ, увидѣвъ въ первый разъ своихъ дѣтенышей, онъ встрѣчаетъ ихъ съ истинной нѣжностью, беретъ ихъ лапами, лижетъ и раздѣляетъ со своею супругой трудъ научить ихъ отыскивать пищу».

Въ теплыхъ странахъ дѣтеныши уже на пятomъ мѣсяцѣ способны размножаться, въ холодныхъ-же — на восьмомъ, однако они лишь на двѣнадцатомъ мѣсяцѣ достигаютъ полного роста. Пеннантъ вычислилъ возможное потомство одной пары кроликовъ. Если принять, что каждая самка рождаетъ въ годъ семь разъ и каждый разъ по 8 дѣтенышей, то потомство въ 4 года можетъ достигнуть громадной цифры 1.274.840 штукъ. Не разъ утверждали, что кролики, кромѣ зайцевъ, снариваются и съ другими грызунами и рожаютъ дѣтенышей, способныхъ размножаться; однако всѣ, относящіяся сюда данныя остаются совершенно неподтвержденными.

Питается кроликъ совершенно тѣмъ-же, чѣмъ заяцъ. Но онъ причиняетъ гораздо болѣе замѣтный вредъ, не только потому, что живетъ въ ограниченномъ пространствѣ, но и потому, что очень любитъ кору деревьевъ и, благодаря этому, часто уничтожаетъ цѣлыя насажденія молодыхъ деревьевъ. Трудно представить себѣ, какія опустошенія можетъ причинить поселеніе кроликовъ при такой громадной плодовитости, если не помѣшать ихъ размноженію. «Присутствіе этого крайне вреднаго грызуна», говорятъ братья Мюллеръ, «кромѣ вреда, приносимаго разнымъ полевымъ и лѣснымъ растеніямъ, существенно сказывается въ двухъ отно-

шеніяхъ: во первыхъ въ томъ, что онъ держится въ очень ограниченномъ районѣ, во вторыхъ во вредѣ, который онъ приноситъ, роясь подъ землю. Благодаря тому, что онъ не отходитъ далеко отъ своего жилища на поля и въ лѣса, вредъ отъ него гораздо замѣтнѣе. Еще болѣе приложимо это къ опустошеніямъ, которыя онъ производитъ въ лѣсу; каждый внимательный лѣсничій можетъ привести примѣры этого. Начиная съ кустовъ бузины и до благороднѣйшихъ лѣсныхъ растений, молодая растительность и особенно кора становится жертвой его вѣчно работающихъ рѣзцовъ. Что дѣлаетъ бѣлка на деревѣ, то совершаетъ кроликъ на землѣ, которую онъ подкапываетъ во всѣхъ направленіяхъ, причиняя уже однимъ этимъ вредъ лѣснымъ зарослямъ, особенно хвойному лѣсу на очень рыхлой почвѣ». Къ тому-же кролики, благодаря своему безпечному характеру, прогоняютъ другую дичь: гдѣ они сильно размножились, рѣдко можно найти зайцевъ.

Тамъ, гдѣ они чувствуютъ себя въ безопасности, они становятся невѣроятно смѣлы. Въ вѣнскомъ Пратерѣ они прежде жили тысячами, безбоязненно бѣгали днемъ и во время ѣды не обращали вниманія ни на крикъ, ни на бросаемые въ нихъ камни. Ихъ нигдѣ не охраняютъ, а убиваютъ, гдѣ только можно, даже въ то время, когда падаютъ всѣхъ остальныхъ животныхъ. Тѣмъ не менѣе безъ помощи хорька ихъ нельзя истребить; лишь въ томъ случаѣ, если въ известной мѣстности сильно размножатся хорьки, горностаи и каменные куницы, или если тамъ есть филины и другія совы, то замѣчаешь, что они уменьшаются въ числѣ. Различные виды куницъ преслѣдуютъ ихъ въ самыхъ жилищахъ, и въ этомъ случаѣ они почти всегда погибаютъ, а филины схватываютъ ихъ ночью на пастбищѣ.

Въ мѣстностяхъ, очень благопріятныхъ для ихъ размноженія, кролики могутъ стать истиннымъ бичемъ страны и приносить чрезвычайный вредъ земледѣлю. Въ Новой Зеландіи, какъ и въ Австраліи, гдѣ они размножились въ громадной степени и объѣдаютъ до-гола пастбища скота, съ ними до сихъ борются столь-же ревностно, какъ и безуспѣшно. Во что оцѣниваютъ приносимый ими вредъ, видно изъ того, что правительство Новаго Южнаго Валлиса въ прошлое десятилѣтіе употребило около 15 милліоновъ марокъ на борьбу съ этимъ зломъ и въ заключеніе гарантировало вознагражденіе въ 500.000 марокъ тому, кто изобрѣтетъ рѣшительное средство противъ этого бича страны, т. е. для уничтоженія кроликовъ. Яды, петли, хорьки, проволочныя изгороди оказались недостаточными для того, чтобы остановить превосходящее всякую мѣру истребленіе корма этими грызунами. Предпринятый во Франціи, и, какъ говорятъ, увѣнчавшійся успѣхомъ опытъ Пастера быстро и окончательно истреблять кроликовъ, заражая ихъ куриной холерой (посылая кормъ бактеріями, производящими эту болѣзнь), по новѣйшимъ извѣстіямъ повторяется въ большемъ размѣрѣ въ Австраліи. Мясо кролика бѣло и вкусно; шкура употребляется въ дѣло, подобно шкурѣ зайца.

Нашъ домашній кроликъ, который въ настоящее время бываетъ различнаго цвѣта, безъ сомнѣнія происходитъ отъ дикаго, котораго можно въ короткое время приручить; домашній-же въ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно дичаетъ и производитъ потомство, возвращающееся къ цвѣту дикаго. Въ молодости мы нѣсколько разъ держали значительное число кроликовъ. Нѣкоторые изъ нихъ выходили изъ хлѣва на дворъ и въ садъ. Эти всегда рожали лишь сѣрыхъ дѣтенышей, хотя мать была бѣлаго цвѣта, а отецъ пятнистый. Домашнихъ кроликовъ нужно держать въ вымощенномъ или снабженномъ досчатымъ поломъ хлѣву, въ которомъ устраиваютъ искусственныя убѣжища для нихъ: или длинныя ящики съ нѣсколькими отверстіями, или углубленія въ стѣнахъ; имъ даютъ много соломы и сухого мха, зимой защищаютъ

отъ холода и кормятъ сѣномъ, травкою, листьями, капустой и т. д. Ихъ можно легко приучить брать изъ рукъ предлагаемую имъ пищу, но они рѣдко становятся совершенно ручными и если ихъ схватить, то они обыкновенно пытаются царапаться и кусаться. Они менѣе уживчивы, чѣмъ дикіе. Выросшіе вмѣстѣ уживаются, правда, очень хорошо, но чужихъ обитатели извѣстнаго хлѣва часто сильно уродуютъ или даже загрызаютъ до смерти. Изъ-за любовныхъ дѣлъ между ними происходятъ порядочныя драки и нѣкоторые изъ нихъ получаютъ при этомъ довольно значительныя раны. Самка строитъ въ своемъ логовищѣ гнѣздо изъ соломы и мха и очень хорошо выстилаетъ его волосами со своего брюха. Она рождаетъ обыкновенно отъ 5 до 7 дѣтенышей, а иногда и больше. Ленцъ записалъ число дѣтенышей, рожденныхъ одною самкою въ теченіи года: 9-го января самка родила 6, 25-го марта—9, 30-го апрѣля—5, 29-го мая—4, 29-го іюня—7, 1 августа—6, 1-го сентября—6, 7 октября—9 и 8 декабря—6, въ годъ слѣдовательно 58 дѣтенышей.

При хорошей пищѣ кролики становятся иногда очень дерзкими, царапаютъ и кусаютъ не только того, кто хочетъ поймать ихъ, но и другихъ животныхъ безъ всякаго повода съ ихъ стороны, особенно если тѣ возбуждаютъ въ нихъ зависть. Одинъ изъ родственниковъ Ленца держалъ стараго кролика—самца вмѣстѣ съ ягнятами. «Когда началось кормленіе эспарсетомъ, эта пища очень понравилась старому кролику и онъ охотно завладѣлъ-бы всѣмъ. Онъ усѣлся поэтому около корма, хрюкалъ, скакалъ зубы на ягнятъ, прыгнулъ одному изъ нихъ на шею и порядочно покусалъ его. Подоспѣвшіе на помощь люди сбросили его, но онъ все продолжалъ скакать зубы, пока его не унесли прочь. Другой въ кровь искусалъ ноги очень молодой козѣ, прыгнулъ на шею взрослой и сталъ кусать ее за уши. Отъ него пришлось избавиться.» Очень «старые самцы кусаютъ иногда и своихъ дѣтенышей и самку, или мѣшаютъ самкѣ въ воспитаніи дѣтенышей. Если самка плохо кормитъ молоко своихъ дѣтенышей или даже загрызаетъ ихъ, то есть лишь одно средство ихъ спасти: отсадить самца.

Парши и поносъ составляютъ обыкновенныя болѣзни кроликовъ; послѣдній происходитъ по большей части отъ слишкомъ сочнаго или слишкомъ мокраго корма и основательно вылѣчивается хорошимъ сухимъ кормомъ. Противъ паршей сначала помогаютъ втиранія жира или масла. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ держатъ много кроликовъ ради мяса. Во Франціи и Бельгіи разведеніе кроликовъ производится въ большихъ размѣрахъ.

Рассы или разновидности домашняго кролика слѣдующія: **серебристый, русскій и ангорскій** или **шелковистый** кроликъ. Первый болѣе нѣмецкаго, обыкновенно голубовато-сѣраго цвѣта съ серебристымъ или темнымъ оттѣнкомъ. Русскій кроликъ сѣрый, голова съ ушами бурая; онъ отличается низко свѣшивающимся подгрудкомъ на горлѣ. Наконецъ у ангорскаго кролика болѣе короткія уши и очень пушистый мягкій мѣхъ; его длинныя волнистыя волосы часто свѣшиваются до земли и имѣютъ шелковистый блескъ. Къ сожалѣнію, онъ очень нѣженъ и требуетъ поэтому тщательнаго ухода. Опыты разведенія его въ Германіи не удались.

Новымъ дикимъ видомъ, происшедшимъ отъ домашняго кролика, можно считать **Кролика Порто-Санто** (*Lepus huxleyi*). Геккель, давшій ему научное названіе, пишетъ о немъ слѣдующее: «На маленькомъ островѣ Порто-Санто около Мадейры было высажено въ 1419 г. нѣсколько кроликовъ, которые родились на суднѣ отъ ручнаго испанскаго кролика. Такъ какъ тамъ не было никакихъ хищниковъ, то эти животныя въ короткое время размножились до такой степени, что стали бичемъ для страны и даже заставили переселиться жителей одной изъ тамошнихъ колоній. Еще и въ настоящее время они во множествѣ населяютъ островъ, но въ теченіи

450 лѣтъ развились въ совершенно своеобразную разновидность или, если угодно, особый видъ, отличающійся своеобразной окраской, крысоподобнымъ видомъ, незначительной величиною, ночнымъ образомъ жизни и чрезвычайной дикостью. Но всего важнѣе то, что этотъ новый видъ, который я называю *Lepus huxleyi*, не скрещивается болѣе съ европейскимъ кроликомъ, отъ котораго произошелъ, и не производитъ съ нимъ ублюдковъ».

Напротивъ того, не разъ получались совершенно способныя къ размноженію помѣси зайца и кролика, которые сами были способны къ размноженію (именно во Франціи); это такъ называемые **Зайце-кролики**. Геккель назвалъ ихъ *Lepus darwinii*, но, повидимому, они не усвоили себѣ еще прочныхъ видовыхъ признаковъ.

Шерсть шелковистаго кролика пригодна для тонкой пряжи и потому цѣнится довольно высоко. Шерсть обыкновеннаго дикаго кролика идетъ на приготовленіе войлока; число употребляемыхъ шкуръ трудно опредѣлить. По Ломсеру, въ торговлю ежегодно поступаетъ около 5 милліоновъ шкуръ обыкновеннаго ручнаго кролика; онѣ теперь играютъ довольно важную роль. Шкуры болѣе крупныхъ породъ кролика, разводимыхъ преимущественно во Франціи и Бельгій, ежегодно вывозятся въ количествѣ нѣсколькихъ милліоновъ, по большей части окрашенныя въ черный или бурый цвѣтъ, въ Америку, Германію, Англію и Россію и перерабатываются въ мѣха; за шкурку платятъ по 1—2,5 марки. Шкуры англійскихъ «серебристыхъ кроликовъ» стоятъ 0,4—1 марка штука.

* *

Водящійся въ Азіи **Пищухи** (*Lagomys Pfeifhasen*) отличаются отъ зайцевъ гораздо болѣе короткими ушами, едва удлинненными задними ногами, невидимымъ снаружи зачаткомъ хвоста и зубною системою, заключающей въ себѣ лишь по 5 (вмѣсто 6) коренныхъ зубовъ въ каждомъ ряду. Верхніе рѣзцы очень широки и имѣютъ глубокой желобокъ, благодаря чему они оканчиваются двумя верхушками; нижніе малы и довольно сильно согнуты.

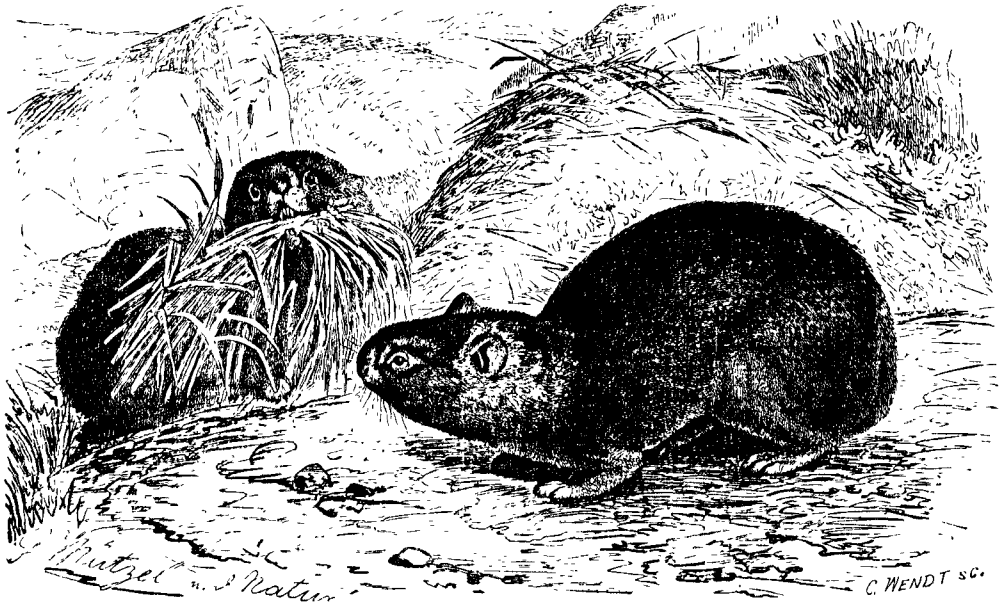
Сѣноставецъ (*Lagomys alpinus*, *Lepus alpinus*. 'Alpenpfeifhase; Pika), одинъ изъ болѣе извѣстныхъ видовъ, напоминаетъ по виду и величинѣ морскую свинку; однако голова длиннѣе и уже, а носъ не такъ тупъ, какъ у нея. Тѣлосложеніе плотное, хвостъ снаружи совершенно не виденъ и обозначается лишь маленькимъ жировымъ бугоркомъ; ухо средней величины, яйцевидно округленное, снаружи совершенно голое. Жесткій, густой и короткій мѣхъ на верхней сторонѣ на рыжевато-желтомъ фонѣ представляетъ черныя крапинки; бока и передняя часть шеи одноцвѣтные, ржаво-рыжіе; нижняя сторона и ноги свѣтлаго буровато-желтаго цвѣта; горло сѣроватое, наружная сторона ушей черноватая, внутренняя — желтоватая. Отдѣльные экземпляры могутъ быть совершенно одноцвѣтными и чисто чернаго цвѣта. Взрослыя пищухи достигаютъ приблизительно 25 см. длины.

Палласъ сообщилъ первыя данныя о жизни сѣноставцевъ, Радде обнародовалъ дальнѣйшія наблюденія, а Пржевальскій существенно дополнилъ въ новѣйшее время описанія обоихъ. Сѣноставцы водятся на всей длинной цѣпи горъ, окаймляющей съ сѣвера средне-азиатскія плоскія возвышенности, на высотѣ отъ 1000 до 4000 метровъ надъ уровнемъ моря; однако они встрѣчаются также и на Камчаткѣ. Онѣ предпочитаютъ, по мнѣнію Радде, лѣсистыя мѣстности и избѣгаютъ голыхъ степей на возвышенностяхъ, гдѣ его замѣняетъ другой видъ **Оготоно** (по русски — короткохвостый) или **Оготоно** (*Lagomys ogotona*). Эта пищуха избираетъ для жительства, по наблюденіямъ Пржевальскаго, исключительно луговую часть степи, если она холмиста, но встрѣчается нерѣдко и на Байкальскихъ горахъ. Въ сѣверной и

*

юго-восточной Монголии она попадается часто, напротивъ въ пустынномъ Гоби ея почти вовсе нѣтъ.

Маленькія, выкопанныя ими норы и естественныя трещины скаль служатъ жилищами пищухъ. Жилища ихъ составляютъ всегда поселенія изъ различнаго, но обыкновенно значительнаго числа отдѣльныхъ норъ, такъ что тамъ, гдѣ найдешь одну изъ нихъ, можно замѣтить ихъ десять, сто и даже тысячи. Въ ясную погоду онѣ прячутся до заката солнца, въ пасмурную и днемъ находятся въ полной дѣятельности. Когда наступаетъ сильная зимняя стужа, отгоны, хотя и не впадаютъ въ спячку, однако не покидаютъ своихъ подземныхъ жилищъ и, какъ скоро холодъ уменьшается, онѣ показываются, садятся передъ входомъ, чтобы грѣться на солнцѣ, и торопливо бѣгаютъ, громко свистя, отъ одной норы къ другой. Изъ страха пе-

Сѣноставецъ. *Lagomys alpinus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

редъ врагами онѣ часто высовываются изъ норы лишь на половину и поднимаютъ затѣмъ голову, чтобы убѣдиться, что онѣ въ безопасности. Характеръ ихъ представляетъ соединеніе любопытства и боязливости. Онѣ такъ долго разсматриваютъ приближающагося человѣка или собаку, что и тотъ и другая могутъ подойти къ нимъ на десять шаговъ, прежде чѣмъ онѣ исчезнутъ въ своихъ норахъ, теперь правда съ быстротою молніи; однако любопытство скоро преодолеваетъ страхъ: черезъ нѣсколько минутъ у входа въ подземное жилище снова показывается головка животного; оно боязливо осматривается во всѣ стороны и тотчасъ-же снова появляется на прежнемъ мѣстѣ, когда предметъ, внушавшій страхъ, удаленъ. Ряде называетъ пищухъ дѣятельными, миролюбивыми и очень прилежными грызунами, которые собираютъ большіе запасы сѣна, правильно складываютъ его въ кучи и иногда прикрываютъ широколиственными растеніями, чтобы защитить отъ дождя. Отгона начинаетъ уже съ середины іюня собирать запасы на зиму и къ концу мѣсяца занята этимъ дѣломъ самымъ ревностнымъ образомъ. Въ выборѣ травъ она оказывается не особенно разборчивой: тамъ, гдѣ ей не мѣшаютъ, она охотно ѣстъ самыя сочныя травы, но тамъ, гдѣ шаловливыя мальчики уничтожаютъ ея за-

пасы или ихъ поѣдаетъ пасущіея скоть, она довольствуется сухими травами и другими растеніями, которыхъ прочія животныя вообще избѣгаютъ. Сложенныя ею кучи сѣна достигаютъ 12—18 см. въ высоту и 15—30 см. въ діаметръ. Если скалы имѣютъ расщелины, то онѣ служатъ нищухѣ амбарами. Къ жилищу ведутъ узкія тропинки, протоитанныя нищухами, по обѣ стороны которыхъ онѣ обѣли короткую траву. Если прилежнымъ собирателямъ помѣшаютъ въ ихъ работѣ, то они скоро снова принимаются за нее и иногда даже въ сентябрѣ они таскаютъ еще и собираютъ уже пожелтѣвшія степныя растенія. Когда наступаетъ зима, нищухи проводятъ подъ снѣгомъ ходы отъ своихъ норъ къ сѣннымъ стогамъ; эти ходы различнымъ образомъ изогнуты и извиты и каждый снабженъ отверстіемъ, открывающимся на воздухъ.

Всѣ нищухи пьютъ мало. Лѣтомъ онѣ имѣютъ, правда, часто въ своемъ распоряженіи дождевую воду, а зимой снѣгъ; но въ теченіи весны и осени, когда на монгольскомъ плоскогоріи часто цѣлые мѣсяцы не бываетъ никакихъ осадковъ и сухость воздуха достигаетъ крайнихъ предѣловъ, онѣ не имѣютъ даже ночной росы для освѣженія и тѣмъ не менѣе, повидимому, не ощущаютъ ни въ чемъ недостатка. Голосъ сѣнаоставца, который можно слышать даже въ полночь, похожъ на крикъ нашего нестраго дятла и быстро повторяется, но рѣдко болѣе трехъ разъ. Оготона свиститъ по мышинному, но громче и чище, и такъ часто повторяетъ свой крикъ, что онъ звучитъ, какъ пронзительная, шипящая трель.

Третій видъ **Карликовая нищуха** (*Lagomys pusillus*. *Zwergpfeifhase*. *Sulgan*.) издаетъ, говорятъ, крикъ, который до такой степени похожъ на крикъ перепела, что можетъ ввести въ заблужденіе. Въ началѣ лѣта самка, по словамъ Палласа, рождаетъ до шести голыхъ дѣтенышей и заботливо ухаживаетъ за ними.

Къ сожалѣнію, звѣрки эти имѣютъ много враговъ. Ихъ, правда, не преслѣдуютъ охотники Восточной Сибири, но за-то на нихъ постоянно нападаютъ мануль, волкъ, корсакъ, различные орлы и соколы, а зимою они привлекаютъ снѣжную сову, своего самаго опаснаго врага. «Ловкость», говоритъ Пржевальскій, «которую пернатые хищники проявляютъ при охотѣ за нищухами, удивительна. Я часто видѣлъ, какъ сарычи съ такой быстротою бросались на оготонъ, что тѣ не успѣвали спрятаться въ нору. Разъ одинъ орелъ у насъ на глазахъ бросился съ высоты по крайней мѣрѣ 60 метровъ на нищуху, сидѣвшую передъ своей норой, и унесъ ее». Сарычи до такой степени исключительно питаются оготонами, что даже селятся на зиму въ Гоби лишь ради нищухъ. Но и человекъ вредитъ безобидному грызуну, похищая съ трудомъ собранныя запасы. Въ очень снѣжныя зимы монголы выгоняютъ овецъ въ такія мѣстности, гдѣ живетъ много оготонъ, или кормятъ своихъ лошадей сѣномъ, которое оготоны сложили въ кучи.

Отрядъ VIII.

Неполнозубыя (Edentata).

Время процвѣтанія млекопитающихъ, составляющихъ тотъ отрядъ, къ описанію котораго мы приступаемъ, прошло. Въ первобытныя времена въ Бразиліи жили неполнозубыя, величиною съ носорога и еще крупнѣе; въ настоящее-же время величайшіе, живущіе представители этого отряда по росту равняются самое большое крупному волку. Среди вымершихъ видовъ существуютъ соединительныя звенья между семействами, представители которыхъ еще живутъ; теперь-же эти семейства кажутся вовсе не родственными. Многимъ изъ нынѣ живущихъ неполнозубыхъ предстоитъ та-же участь, какъ ихъ предкамъ: они должны скоро исчезнуть съ лица земли, и дни ихъ сочтены.

О сходствѣ неполнозубыхъ съ другими отрядами почти ничего нельзя сказать. Странное строеніе зубовъ, свойственное всѣмъ принадлежащимъ сюда животнымъ, остается еще самымъ существеннымъ признакомъ, отличающимъ ихъ отъ остальныхъ млекопитающихъ. Среди неполнозубыхъ встрѣчаются млекопитающія, которыя вполнѣ заслуживаютъ свое названіе, такъ какъ у нихъ нѣтъ и слѣда зубовъ; всѣ остальные, у которыхъ дѣйствительно есть зубы (и иногда въ очень большомъ количествѣ), лишены, по крайней мѣрѣ, переднихъ рѣзцовъ, а сосѣдніе зубы, которые мы должны назвать рѣзцами, такъ какъ они находятся на межчелюстныхъ костяхъ, по виду и строенію такъ сходны съ коренными, что намъ приходится употреблять выраженіе рѣзцы не въ прежнемъ смыслѣ этого слова. Клыки, которые встрѣчаются крайне рѣдко, отличаются отъ коренныхъ зубовъ лишь болѣе значительной длиной, а эти послѣдніе имѣютъ простую цилиндрическую или призматическую форму и отдѣлены другъ отъ друга промежутками. Они состоятъ всегда лишь изъ зубного вещества и цемента, по большей части вовсе безъ эмали, обыкновенно вырастаютъ одинъ лишь разъ, и лишь у немногихъ видовъ происходитъ смѣна зубовъ; у трубкакуба нѣсколько зубовъ соединяются даже въ одинъ сложный. Нижніе концы зубовъ, за исключеніемъ встрѣчающихся лишь у одного рода молочныхъ, не замкнуты въ видѣ корней, а представляютъ полость, занятую массой, отъ которой зависитъ ростъ зуба. Число зубовъ, если они вообще существуютъ, измѣняется не только у семействъ, но значительно различается и у различныхъ видовъ; у однихъ лишь 20, у другихъ до 100 зубовъ.

Въ противоположность зубамъ когти у этихъ животныхъ развиты очень сильно

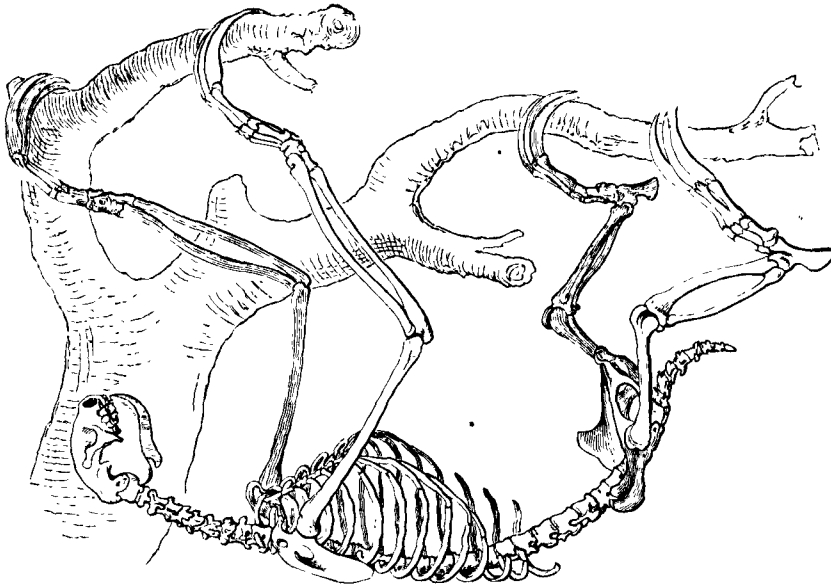
и своеобразно. Пальцы рѣдко вполне подвижны, но всегда снабжены когтями, которые обхватываютъ конецъ пальца и уже этимъ существенно отличаются отъ когтей другихъ животныхъ. Они или имѣютъ значительную длину, сильно согнуты и сжаты съ боковъ, или коротки, широки, почти лопатообразны; въ первомъ случаѣ они приспособлены для лазанія, во второмъ — для рытья и разгребанія.

Этими двумя указаніями мы исчерпали общую характеристику отряда: остальное строеніе тѣла представляетъ величайшее разнообразіе. Устройство и внѣшняя форма головы, хвоста, конечностей и туловища колеблется въ крайне широкихъ предѣлахъ. У однихъ голова укорочена, у другихъ удлинена, у однихъ одинаковой длины и вышины, у другихъ вальковата, у нѣкоторыхъ хвостъ зачаточный, у другихъ такъ развитъ, что представляетъ наибольшее число позвонковъ во всемъ классѣ (именно 46). Не менѣе различенъ скелетъ. Въ челюстяхъ то вовсе нѣтъ межчелюстныхъ костей, то онѣ образуютъ клювъ. Число шейныхъ позвонковъ уменьшается до 6 и увеличивается до 9 или 10; крестцовые позвонки срастаются не только съ позвонками, но и съ сѣдалищными костями. На передней части грудной кѣтки находятся ложныя ребра и вообще число позвонковъ, снабженныхъ ребрами, замѣчательно велико. Ключица двойная, нѣкоторые гребни и отростки на костяхъ конечностей чрезвычайно развиваются, число суставовъ пальцевъ уменьшается и т. д. Весь скелетъ указываетъ своими толстыми, неуклюжими костями на медленные и безпомощныя движенія. Накожный покровъ представляетъ крайнее разнообразіе, какое только можетъ встрѣчаться у млекопитающихъ. У однихъ густой, мягкой мѣхъ, у другихъ взъерошенные сухіе волосы; одни покрыты щетиной, другія чешуями, наконецъ нѣкоторыя одѣты большими и крѣпкими щитами панциря, которые не встрѣчаются у другихъ млекопитающихъ. Органы пищеваренія, сосудистая система и органы размноженія тоже представляютъ нѣкоторыя особенности.

Представители отряда ограничены теперь Восточной, Эфиопской и Южно-Американской областями; больше всего неполнозубыхъ въ Южной Америкѣ. Въ Азій существуютъ лишь ящеры, въ Африкѣ кромѣ нихъ еще трубкозубъ. Въ Южной Америкѣ неполнозубы болѣе разнообразны: здѣсь водятся лѣнницы, муравьѣды и броненосцы. Образъ жизни какъ нынѣ живущихъ, такъ и вымершихъ видовъ очень разнообразенъ, смотря по строенію тѣла. Нѣкоторыя живутъ лишь на деревьяхъ, большая же часть на землѣ, прячась въ подземныхъ жилищахъ и выходя лишь ночью за пищей; первыя — лазуны, вторыя — роющія животныя; первыя по большей части питаются листьями и плодами, вторыя главнымъ образомъ насѣкомоядныя животныя, въ полномъ смыслѣ этого слова. У всѣхъ животныхъ этого отряда душевныя способности мало развиты и потому они заслуживаютъ и въ этомъ отношеніи то низшее положеніе, которое имъ отводятъ въ систематикѣ животнаго царства. Все остальное будетъ выяснено въ дальнѣйшемъ изложеніи; дать общій очеркъ ихъ образа жизни невозможно.

Согласно Флоуеру мы раздѣляемъ неполнозубыхъ на пять вышеупомянутыхъ семействъ: лѣнницы, муравьѣды, броненосцы, ящеры и трубкозубы. Первыя изъ нихъ представляютъ между собою большее родство, чѣмъ съ послѣдними и чѣмъ послѣднія между собою. Именно всѣ неполнозубы Америки имѣютъ, кромѣ общихъ всѣмъ млекопитающимъ истинныхъ боковыхъ отростковъ позвонковъ на заднихъ спинныхъ и поясничныхъ позвонкахъ, еще болѣе или менѣе развитыя суставныя поверхности, которыхъ нѣтъ у всѣхъ другихъ млекопитающихъ, а также и у неполнозубыхъ Стараго Свѣта и, благодаря которымъ, устанавливаются своеобразныя соединенія между этими позвонками.

Во главѣ отряда мы ставимъ семейство **Лѣнивцевъ** (Bradypodidae; Faultiere. Paresseux), которые, впрочемъ, представляютъ собою очень низкостоящихъ, тугихъ и лѣнивыхъ существъ, производящихъ по истинѣ жалкое впечатлѣніе. Переднія конечности ихъ значительно длиннѣе заднихъ, ноги вооружены большими серповидными когтями; шея относительно длинна и поддерживаетъ короткую круглую голову, похожую на обезьяню, съ маленькимъ ртомъ, окруженнымъ болѣе или менѣе жесткими мало-подвижными губами и маленькими глазами, и ушными раковинами, которыя вполнѣ скрыты въ мѣхѣ; хвостъ представляетъ едва замѣтный зачатокъ; волосы въ старости длинны и грубы, какъ жесткое сѣно, и имѣютъ направленіе обратное тому, которое встрѣчается у другихъ животныхъ, именно — направляются отъ нижней части тѣла вверхъ. У свободно живущихъ они зеленого цвѣта отъ живущей на нихъ водоросли (*Chlorococcus*). Строеніе позвоночника очень странное и стоитъ особня-

Скелетъ лѣнивца.

комъ среди млекопитающихъ. вмѣсто 7 позвонковъ, изъ которыхъ обыкновенно состоитъ шея, у нѣкоторыхъ лѣнивцевъ ихъ бываетъ 6, у другихъ 9, а въ видѣ исключенія и 10, а число позвонковъ, снабженныхъ ребрами, отъ 14 доходитъ до 24. Зубная система состоитъ изъ 5 цилиндрическихъ коренныхъ зубовъ въ каждомъ ряду, изъ которыхъ первый иногда имѣетъ видъ клыка; въ нижней челюсти по большей части находится 4 зуба или собственно лишь остатка зубовъ. Желудокъ продолговато-полудунной формы и раздѣленъ на правую и лѣвую половину, между которыми вдается пищеводъ; правая, меньшая половина трижды извита кишечнообразно, лѣвая раздѣлена толстыми мускулообразными складками на три отдѣльных камеры. Сердце, печень и селезенка замѣчательно малы. Плечевыя и бедренныя артеріи дѣлятся, образуя такъ называемыя чудныя сѣти. Дыхательное горло тоже необыкновеннаго строенія, такъ какъ достигаетъ иногда замѣчательной длины и дѣлаетъ изгибы въ грудной полости. Мозгъ малъ и имѣетъ лишь немного извилинъ, что тоже указываетъ на незначительныя умственныя способности. Такъ какъ образъ жизни всѣхъ лѣнивцевъ почти одинаковъ, то описанію его мы предпослемъ признаки двухъ наиболѣе извѣстныхъ видовъ этого семейства.

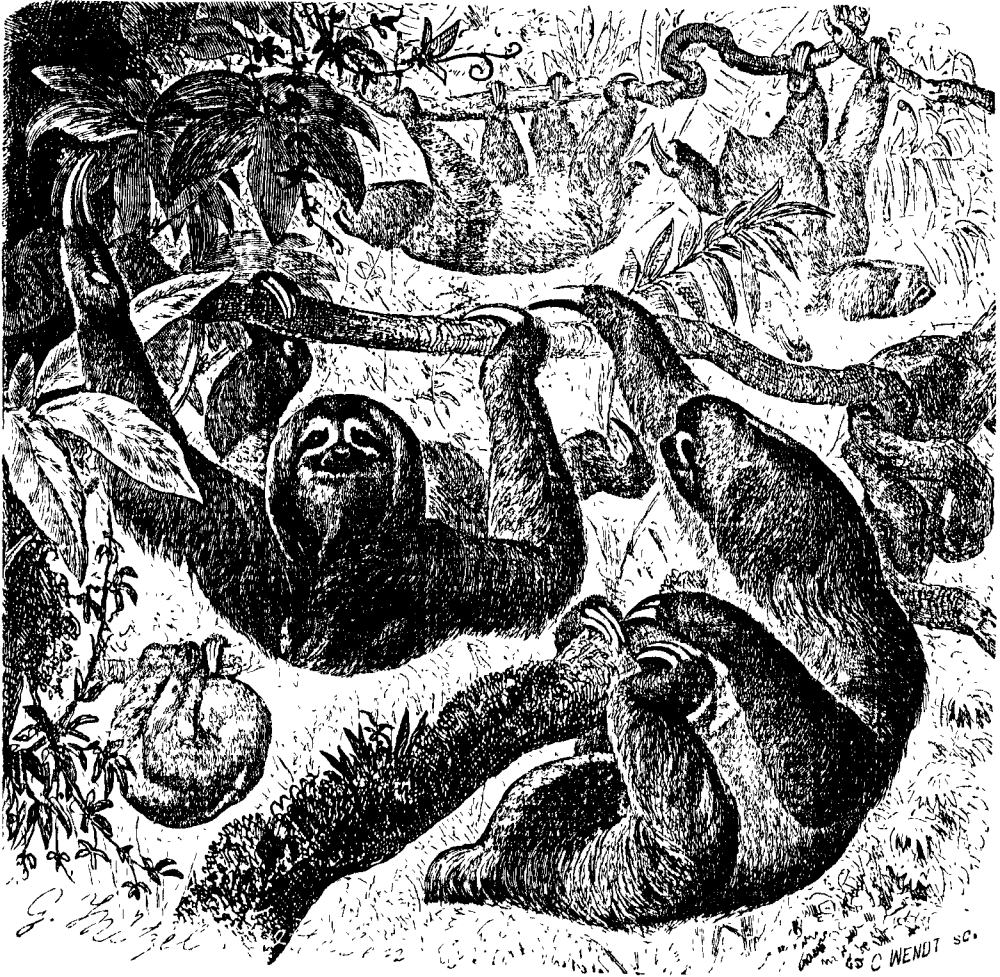
Болѣ совершенными видами я считаю **Двупалыхъ лѣнивцевъ** (*Choloepus*; *Zweizehenfaultiere*. Унаух). Они отличаются довольно большой, плосколобой и тупорылой головой, относительно короткой шеей, тонкимъ туловищемъ безъ видимаго снаружи хвоста, длинными тонкими конечностями, изъ которыхъ переднія вооружены двумя, заднія тремя сжатыми серповидными когтями, гладкой мягкой шерстью безъ подшерстка, зубами и незначительнымъ числомъ шейныхъ позвонковъ. Въ каждой верхней челюсти находится по 5, въ каждой нижней по 4 зуба, изъ которыхъ задніе уменьшаются въ величинѣ спереди назадъ, имѣютъ ящцевидный поперечный разрѣзъ и скошенные коронки, между тѣмъ какъ передніе длинны, толсты, треугольны и какъ-бы превращены въ клыки, однако потому не могутъ считаться клыками, что сидятъ не въ межчелюстной кости и верхніе приходятъ передъ нижними, а не позади ихъ. На позвоночникѣ у одного вида (*Choloepus hoffmanni*) мы замѣчаемъ 6, у другого (*Choloepus didactylus*) 7 шейныхъ позвонковъ, далѣе бываетъ 23—24 спинныхъ, 2—4 поясничныхъ и 5—6 хвостовыхъ.

Унау или Двупалый лѣновецъ (*Choloepus didactylus*, *Bradypus didactylus*. *Zweizehenfaultier*. Унаи), изъ Гвианы и Суринама, достигаетъ въ длину приблизительно 70 см. Длинная шерсть, короткая на головѣ, направлена назадъ, а на остальномъ тѣлѣ съ груди и брюха къ спинѣ и образуетъ здѣсь завитки; на лицѣ, головѣ и затылкѣ бѣловато-оливково-сѣрая, на спинѣ, гдѣ волоса торчатъ другъ другу на встрѣчу, темнѣе, тѣмъ на нижней сторонѣ, на груди, рукахъ и плечахъ, а также голенихъ оливково-бурая. Голая морда буровато-мясного цвѣта, совершенно голая подошвы переднихъ и заднихъ конечностей мясного-краснаго цвѣта, когти голубовато-сѣраго. Радужная оболочка не очень большого глаза бурого цвѣта.

Во второмъ родѣ соединяютъ **Трехпалыхъ лѣнивцевъ** (*Bradypus*. *Dreizehenfaultiere*. Брадур). Они плотно сложены, голова мала съ усѣченной наискось мордой, съ твердыми губами и маленькимъ ртомъ, шея очень длинна, хвостъ замѣтно выдается и сплюснутъ съ боковъ, конечности довольно коротки и толсты и обѣ пары ихъ вооружены тремя очень сильно сжатыми съ боковъ серповидными когтями. Волоса на головѣ съ пробормомъ и направлены внизъ, а въ остальныхъ мѣстахъ снизу вверхъ, подошвы почти вполнѣ покрыты волосами. Въ челюстяхъ съ каждой стороны сверху и снизу сидятъ по 5 зубовъ, изъ которыхъ первый меньше другихъ и, подобно остальнымъ, представляетъ вогнутую окаймленную высокимъ краемъ жевательную поверхность. Позвоночникъ состоитъ изъ 9 шейныхъ, 17—19 спинныхъ, 5—6 крестцовыхъ и 9—11 хвостовыхъ позвонковъ.

Ай или Трехпалый лѣновецъ (*Bradypus tridactylus*, *B. pallidus*, *Arctopithecus flaccidus*. *Dreizehenfaultier*. Ай), изъ Бразиліи, достигаетъ общей длины въ 52 см., изъ которыхъ 4 см. приходится на хвостъ. Мѣхъ состоитъ изъ тонкихъ, короткихъ, густыхъ волосъ подшерстка, по которымъ лучше всего можно замѣтить истинную окраску животнаго, и длинныхъ, въ высушенномъ состояніи жесткихъ, довольно гладкихъ, похожихъ на сѣно волосъ ости. Съ каждой стороны спины отъ плечъ до области хвоста тянется болѣе или менѣе ясная, широкая продольная полоса буроватаго цвѣта. Остальной мѣхъ блѣдно-рыжегато-сѣрый, на брюхѣ серебристо-сѣрый. Если срѣзать длинные волоса спины до лежащаго подъ ними подшерстка, то выступитъ истинный цвѣтъ животнаго, и тогда становится замѣтны темная черно-бурая продольная полоса, пробѣгающая вдоль спины, и съ каждой стороны по такой-же бѣлой; всѣ три полосы рѣзко ограничены, между тѣмъ какъ иначе, благодаря длиннымъ волосамъ, опредѣленіе точныхъ границъ этихъ цвѣтовъ становится невозможнымъ. Надъ глазами пробѣгаетъ широкая бѣлая полоска по направленію

къ вискамъ. Глаза окружены черно-бурымъ кольцомъ, и такая-же полоса тянется внизъ отъ висковъ. Когти желтоватаго или буровато-желтаго цвѣта. Обыкновенно на синѣи лѣнвицевъ замѣтны сѣро-желтыя пятна, окрашенные иначе, чѣмъ остальная шкура. Здѣсь волосы стерты, можетъ быть благодаря тренію о древесныя вѣтви, или же благодаря дѣтенышамъ, которыхъ матери носятъ на синѣи; питающіеся еще молокомъ лѣнвицы, привѣшиваясь къ матери, не только выдираютъ у нея ког-

Ай. *Bradypus tridactylus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

тими волосы, но и портятъ часть мѣха мочей, которую они выпускаютъ прямо на спину матери.

Лѣнвицы водятся только въ Южной Америкѣ. Большіе лѣса на влажныхъ низменностяхъ, гдѣ растительный міръ достигаетъ высшаго развитія, составляютъ мѣстопробываніе этихъ удивительныхъ созданій. Чѣмъ пустыннѣе, темнѣе и тѣнистѣе лѣсъ, чѣмъ непроницаемѣе чаща, тѣмъ удобнѣе кажутся такія мѣстности для жизни этихъ беззащитныхъ существъ. Они тоже настоящія древесныя животныя, какъ обезьяна и бѣлка, но эти счастливыя созданія свободно носятся по верхушкамъ деревьевъ, между тѣмъ какъ лѣнвицы должны съ трудомъ перебираться ползкомъ

съ вѣтви на вѣтвь. Пространство, которое для легкихъ и рѣзвыхъ обезьянъ составляетъ увеселительную прогулку, для лѣнливаго—дальнее путешествіе. Соединившись иногда въ небольшую семью, эти лѣнвивыя существа ведутъ скучную тихую жизнь и медленно странствуютъ съ вѣтви на вѣтвь. По сравненію съ движеніями на поверхности земли они обладаютъ, правда, большою ловкостью въ лазаніи. Длиныя руки позволяютъ имъ далеко хвататься за вѣтви, а, благодаря сильнымъ когтямъ, они могутъ безъ труда держаться на деревьяхъ. Лазаютъ они, впрочемъ, совершенно иначе, чѣмъ всѣ другія животныя, живущія на деревьяхъ: у нихъ правиломъ служитъ то, что у другихъ является исключеніемъ. Вся тѣломъ внизъ, они протягиваютъ къ вѣтвямъ свои длинныя руки, крѣпко вѣбляются въ нихъ когтями и, не торопясь, передвигаются съ вѣтви на вѣтвь, съ сука на сукъ. Однако они кажутся лѣнливѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Въ качествѣ ночныхъ животныхъ они проводятъ, правда, безъ движенія цѣлый день, но уже въ сумерки они становятся бодрѣе, а ночью странствуютъ хотя и медленно, но не лѣнливо, смотря по надобности по большому или меньшему району. Они питаются исключительно почками, молодыми побѣгами и плодами, а въ обильной росѣ, которую слизываютъ съ листьевъ, находятъ достаточную замѣну недостающей имъ воды. Безспорную вялость проявляютъ они и при добываніи и принятіи пищи: они невзыскательны, довольствуются малымъ и способны цѣлые дни и, какъ утверждаютъ нѣкоторые, даже недѣли терпѣть голодь и жажду безъ вреда для себя. Они не оставляютъ дерева, пока оно доставляетъ еще имъ пищу; только когда они начинаютъ терпѣть недостатокъ въ пищѣ, то рѣшаются предпринять передвиженіе, медленно спускаются внизъ между нижними вѣтвями, отыскиваютъ мѣсто, гдѣ вѣтви другихъ деревьевъ соединяются съ вѣтвями ихъ дерева, и по этому воздушному мосту перебираются, цѣпляясь, на сосѣднее дерево.

Прежде утверждали, что они предпочитаютъ извѣстные виды деревьевъ другимъ, но въ новѣйшее время отказались отъ этого мнѣнія, такъ какъ узнали, на основаніи наблюденій, что имъ годятся всякія деревья. Впрочемъ, несмотря на значительную способность добывать пищу, они могли-бы быть разборчивыми, такъ какъ богатство ихъ родины самыми различными растеніями такъ велико, что они безъ особеннаго напряженія легко могли-бы отыскать себѣ пищу по вкусу. Роскопная кайма лѣса, которая тянется вдоль тропическихъ рѣкъ и, не прерываясь, глубоко вдается во внутренность страны, состоитъ большею частью изъ видовъ деревьевъ, верхушки которыхъ самыми разнообразными способами перелетаются между собою и позволяютъ лѣнвивцамъ передвигаться съ мѣста на мѣсто, никогда не касаясь земли. При томъ-же имъ нужна лишь небольшая область, чтобы кормиться, такъ какъ въ этихъ благословенныхъ странахъ природа растительности гораздо значительнѣе той убыли листьевъ, которая производится лѣнвивцами.

При ѣдѣ они обыкновенно пользуются своими длинными передними конечностями, чтобы притягивать къ себѣ болѣе удаленныя вѣтви и обрывать съ нихъ когтями листья и плоды, затѣмъ они подносятъ пищу ко рту передними лапами. Кромѣ того длинная шея облегчаетъ имъ ощипываніе листьевъ, между которыми имъ приходится пролѣзать. Говорятъ, что на деревьяхъ, густо покрытыхъ листьями, они могутъ сильно наѣдаться, а въ дождливое время года много пить воды; это не противорѣчитъ медленной дѣятельности ихъ органовъ, такъ какъ это качество позволяетъ имъ доходить до крайнихъ предѣловъ какъ излишества, такъ и воздержанія. Чѣмъ выше развито животное, тѣмъ равномернѣе совершаются всѣ отправления его тѣла; чѣмъ ниже оно стоитъ, тѣмъ менѣе зависитъ оно отъ того, что мы называемъ жизненными потребностями. Такимъ образомъ лѣнвивцы могутъ безъ

затруднения и терять недостатокъ, и пользоваться избыткомъ единственнаго наслаждения, которое имъ извѣстно, именно—ѣды. Они, которые обыкновенно наслаждаются лишь росой съ листьевъ, по словамъ индѣйцевъ, въ дождливое время года относительно быстро спускаются съ деревьевъ, чтобы приблизиться къ рѣкамъ и утолить тамъ жажду.

На землѣ эти жалкія лазающія существа чувствуютъ себя чужими. Походка ихъ представляетъ такое трудное волоченіе тѣла, что всегда возбуждаетъ въ зрителѣ состраданіе. Лѣнница можно сравнить съ медленной сухопутной черепахой, когда онъ старается передвигать свою неуклюжую массу тѣла. Широко разставивъ конечности, опираясь на локти и медленно, широкими круговыми движеніями переставляя ноги, онъ очень тихо подвигается впередъ; брюхо при этомъ почти тащется по землѣ, а голова и шея все время медленно двигаются съ одной стороны на другую, какъ будто-бы онѣ поддерживаютъ равновѣсіе этого крайне безпомощнаго созданія. Пальцы ногъ во время ходьбы поднимаются вверхъ, а когти загнбаются внутрь; нога касается поэтому почвы наружнымъ краемъ и притомъ почти исключительно мякотью большого пальца. Ясно, что такое движеніе должно совершаться медленно. На землѣ лѣнница хорошо сознаетъ свое безпомощное положеніе. Если его случайно застать въ то время, когда онъ идетъ, или посадить пойманнаго на ровное мѣсто, то онъ вытягиваетъ кверху свою маленькую голову на длинной шеѣ, нѣсколько приподнимаетъ переднюю часть тѣла и медленно, механически движетъ полукругомъ одну изъ рукъ къ своей груди, какъ-бы желая захватить врага своими мощными когтями. Безпомощность и медленность придаютъ ему своеобразный, жалкій видъ. Повидимому нельзя думать, чтобы это существо, ковыляющее такимъ жалкимъ образомъ, было способно спастись изъ воды, если упадетъ въ нее, благодаря какому-нибудь несчастному случаю. А между тѣмъ лѣнница сносно плаваетъ, причѣмъ движется даже быстрее, чѣмъ при лазаніи, держитъ голову высоко надъ водою, довольно легко разсѣкаетъ волны и дѣйствительно достигаетъ суши; Бэтсъ и Уоллесъ видѣли, какъ одинъ лѣнница переплывалъ черезъ рѣку въ мѣстѣ, шириною около 300 метр. Отсюда слѣдуетъ, что названіе лѣнница, какъ ни правильно по существу, относится однако лишь къ движеніямъ этого животнаго при ходьбѣ. На деревьяхъ его медленность вовсе не оказывается столь замѣтной, какъ прежде думали, на основаніи преувеличенныхъ описаній первыхъ наблюдателей. Замѣчательна изумительная вѣрность, съ которою выполняются всѣ движенія при лазаніи. Лѣнница въ состояніи совершенно безопасно висѣть, уцѣпившись одною ногой за выше находящуюся вѣтвь, причѣмъ онъ не только можетъ поддерживать всю тяжесть тѣла на одной конечности, но и поднимать ее вверхъ къ мѣсту прикрѣпленія. Тѣмъ не менѣе онъ старается всегда найти надежныя точки опоры для всѣхъ четырехъ конечностей и почти боится отнять отъ опоры одну изъ ногъ, прежде чѣмъ найдетъ для нея другую сносную точку прикрѣпленія.

Описаніе Каплера дополняетъ сказанное. О трехпаломъ лѣнницѣ, котораго онъ наблюдалъ въ Суринамѣ, онъ сообщаетъ слѣдующее. «Онъ питается исключительно листьями различныхъ деревьевъ, какъ *Spondias*, *Cecropia* и другихъ. Испражненія его похожи на пометъ козы. Несмотря на свою тугодность, онъ приручается и научается узнавать хозяина. Вообще его медленность значительно преувеличивали. При ходьбѣ по землѣ онъ старается всегда ухватиться передними конечностями за что нибудь, къ чему можно было-бы притнуться; это удается ему тѣмъ лучше, чѣмъ жестче и неровнѣе почва. Въ такомъ случаѣ онъ можетъ проходить въ минуту 5—7 метровъ. На дерево въ 16 метровъ онъ взлѣзаетъ въ 8—10 минутъ». О двупаломъ лѣнницѣ Каплеръ говоритъ: «Это дикое, трудно укротимое

созданіе, которое пытается кусаться своими твердыми, какъ сталь, коренными зубами и не отнимаетъ когтей, если схватитъ кого-нибудь. Двупалый лѣнивецъ живетъ совершенно такъ-же, какъ и предыдущій, но движенія его быстрѣе, и онъ гораздо сильнѣе. Туземцы ѣдятъ и считаютъ вкуснымъ его мясо, которое похоже на баранину, но не жирно. Главный врагъ его хохлатый орелъ, который преслѣдуетъ и ревуна».

Чрезвычайно трудно оторвать лѣнивца отъ вѣтви, за которую онъ уцѣпился. Одинъ индѣецъ, сопровождавшій Шомбургка, замѣтилъ трехпалаго лѣнивца, который отдыхалъ на выдающихся корневыхъ вѣтвяхъ *Rhizophora*; когда его хотѣли схватить, то думали, что онъ можетъ защищаться лишь жалобно умоляющими взглядами. Однако скоро замѣтили, что схватить его легче, чѣмъ дѣйствительно взять въ плѣнъ. Казалось невозможнымъ отдѣлнить животное отъ вѣтвей, за которыя оно уцѣпилось когтями. Лишь послѣ того, какъ связали его переднія лапы, его единственное, но, благодаря острымъ выдающимся когтямъ, довольно опасное оружіе, тремъ индѣйцамъ удалось, прилагая всѣ силы, оторвать его отъ дерева. Во время сна и отдыха лѣнивецъ принимаетъ такую-же позу, какъ и обыкновенно. Онъ ставитъ всѣ четыре ноги одну около другой, выгибаетъ тѣло почти шарообразно и нагибаетъ голову къ груди, однако не прикладываетъ ее къ тѣлу и ни на что не опираетъ. Въ этомъ положеніи онъ виситъ весь день на одномъ мѣстѣ, не уставая. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ онъ старается схватиться передними лапами за болѣе высокую вѣтвь, приподнимаетъ такимъ образомъ переднюю часть тѣла и опирается, можетъ быть, спиною о другую вѣтвь. Насколько это животное, повидимому, нечувствительно къ голоду и жаждѣ, настолько-же оно оказывается чувствительнымъ къ сырости и связанной съ нею прохладѣ. При самомъ слабomъ дождѣ онъ старается какъ можно поспѣннѣе укрыться подъ самымъ густымъ сводомъ листьевъ и даже дѣлаетъ въ это время отчаянныя усилія, не соответствующія его прозвищу. Въ дождливое время онъ часто цѣлые дни печально и жалобно виситъ на одномъ мѣстѣ, испытывая навѣрное крайне непріятное ощущеніе отъ стекающей воды.

Лишь крайне рѣдко, обыкновенно только вечеромъ или при наступленіи утра, или-же когда лѣнивецъ встревоженъ, бываетъ слышенъ его голосъ. Онъ не громокъ и состоитъ изъ жалобныхъ, продолжительныхъ, высокихъ, короткихъ и рѣзкихъ звуковъ; нѣкоторые передаютъ его съ помощью часто повторяемаго звука «и». Повѣршіе наблюдатели никогда не слыхали, чтобы лѣнивецъ издавалъ звукъ «ай», который послужилъ поводомъ къ французскому названію этого животнаго или, какъ то-же увѣрили прежніе наблюдатели, звуки, состоящіе изъ повышающейся или понижающейся гаммы. Днемъ можно слышать развѣ глубокіе вздохи лѣнивца; на землѣ онъ не кричитъ, даже если его дразнить.

Изъ сообщеннаго выше слѣдуетъ, что всѣ виѣшнія чувства лѣнивца одинаково развиты. Глаза его такъ слабы и лишены выраженія, какъ ни у какого другого млекопитающаго; что у него не отличный слухъ, видно уже по незначительной величинѣ и скрытому положенію ушныхъ раковинъ; въ тупости обзаванія можно было убѣдиться не разъ; относительно обонянія мы не можемъ сказать ничего, и лишь вкусъ могъ-бы считаться до нѣкоторой степени развитымъ. Очень низко стоятъ душевныя способности лѣнивцевъ. Онѣ обнаруживаютъ мало понятливости, а скорѣе тупость, глупость и равнодушіе. Лѣнивцевъ называютъ безобидными, но этимъ выражается лишь то, что они вообще не способны къ душевнымъ проявленіямъ. У нихъ нѣтъ, говорятъ путешественники, сильныхъ порывовъ страстей, они не знаютъ страха, но не обладаютъ и мужествомъ, повидимому, не имѣютъ радости,

но недоступны и печали. Эти указанія, по моимъ наблюденіямъ, не исполнѣ вѣрны. Животныя эти не стоятъ такъ низко, какъ увѣряетъ большинство наблюдателей. Обыкновенно забываютъ, что имѣютъ передъ собою ночныхъ животныхъ, о способностяхъ которыхъ нельзя дѣлать заключеній, основываясь на наблюденіяхъ днемъ. Названіе лѣнивецъ относится собственно къ спящему животному; во время бодрствованія оно движется въ тѣсномъ пространствѣ, но вовсе не лѣново. Его мало развитый мозгъ не можетъ служить органомъ для значительныхъ душевныхъ способностей и чувствъ; но нельзя сказать, чтобы лѣнивецъ вовсе не понималъ окружающей обстановки и господствующихъ въ ней условій, чтобы онъ не проявлялъ ни любви, ни ненависти, не выказывалъ ни дружбы къ себѣ подобнымъ, ни вражды къ другимъ животнымъ, чтобы онъ былъ неспособенъ примѣниться къ измѣнившимся обстоятельствамъ.

Лѣнивы рождаютъ лишь одного дѣтеныша. Онъ является на свѣтъ совершенно покрытый волосами и даже уже съ значительно развитыми пальцами и когтями, и тотчасъ-же послѣ рожденія вцѣпляется этими когтями въ длинные волосы матери, обвивая руками ея шею. Мать всегда носитъ его такимъ образомъ вѣду съ собою. Сначала она, повидимому, относится къ своему дѣтенышу съ большой нѣжностью; но материнская любовь скоро остываетъ, и глупая самка не заботится о томъ, чтобы кормить и чистить своего дѣтеныша или оказывать ему другія услуги. Она равнодушно позволяетъ оторвать его отъ своей груди и лишь незначительное время обнаруживаетъ извѣстное безпокойство, какъ будто-бы она потеряла что-то особенно важное. Однако она узнаетъ свое дѣтище лишь тогда, когда оно коснется ея или она его; крикъ-же его она какъ будто не слышитъ. Часто случается, что она дня два голодаетъ или по крайней мѣрѣ не заботится о пицѣ; несмотря на это, она непрерывно кормитъ молокомъ своего дѣтеныша, который такъ-же крѣпко прицѣпляется къ ней, какъ она къ вѣтви дерева. Все это рассказываютъ путешественники, передавая, быть можетъ, рассказы индѣйцевъ; но насколько это вѣрно—еще большой вопросъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я цѣлые годы держалъ и наблюдалъ лѣнивецъ, я пришелъ по отношенію къ нимъ къ существенно инымъ взглядамъ и больше не вѣрю всѣмъ свѣдѣніямъ прежнихъ наблюдателей.

Медлительность лѣнивецъ проявляется и въ томъ случаѣ, если ихъ бьютъ или ранятъ. Извѣстно, что самыя низшія животныя могутъ вынести относительно наибольшія изуродованія, поврежденія и боли; это общее правило подтверждается, повидимому, и на лѣнивцахъ. Рассказы объ этомъ, правда, не исполнѣ согласны между собою, но и завѣдомо хорошіе естествоиспытатели утверждаютъ, что лѣнивы самыя нечувствительныя изъ всѣхъ млекопитающихъ. Нерѣдко случается, что эти созданія голодаютъ по нѣскольку дней и недѣль сряду; Кафферъ сообщаетъ, напр. Туринскому обществу естествоиспытателей, что онъ держалъ у себя трехпалаго лѣнива, который въ теченіи цѣлаго мѣсяца не ѣлъ ничего. Нельзя оспаривать удивительную живучесть этихъ животныхъ. Они переносятъ тяжелыя раны съ равнодушіемъ трупа. Часто послѣ здороваго заряда дроби, всаженаго въ ихъ тѣло, они даже не переменяютъ положенія. Но Шомбургку они противустоятъ долѣ всего и страшному яду урари (кураре) индѣйцевъ. «Зависитъ-ли это отъ ихъ своеобразной сосудистой системы и задержаннаго, медленнаго кровообращенія, но дѣйствіе яда наступаетъ у нихъ поздно и продолжается недолго. Точно также у нихъ замѣчаются лишь слабыя конвульсіи по сравненію съ тѣми, которыя всегда наблюдаются у другихъ животныхъ при началѣ дѣйствія этого яда. Я втеръ одному лѣнивцу нѣкоторое количество яда въ ранку, сдѣланную на верхней губѣ. Когда я затѣмъ принесъ его къ дереву, то онъ сталъ влѣзать на него. Поднявшись

по стволу на 3—4 метра, онъ вдругъ остановился, сталъ поворачивать голову въ стороны и старался продолжать движеніе, но не могъ. Онъ отцѣпилъ сначала одну изъ переднихъ ногъ, потомъ другую, но оставался еще на стволѣ дерева, держась задними ногами, пока и тѣ не ослабли и онъ упалъ на землю; здѣсь онъ безъ всякихъ судорогъ и всегда наступающаго тяжелаго дыханія продолжалъ лежать и умеръ черезъ 13 минутъ». Если вспомнить, что малѣйшая царапина остріемъ, отравленнымъ этимъ ядомъ, убиваетъ почти сразу ягуара, то это даетъ возможность судить о живучести лѣнивцевъ.

Нельзя сказать, чтобы у этихъ безпомощныхъ созданій было много враговъ. Благодаря жизни на деревьяхъ, они избѣгаютъ самыхъ опасныхъ изъ угрожающихъ имъ враговъ, именно—млекопитающихъ. Притомъ-же ихъ мѣхъ въ общемъ совершенно похожъ по цвѣту на сучья, на которыхъ они неподвижно висятъ, какъ плоды на деревѣ, такъ что нуженъ привычный соколиный глазъ индѣйца, чтобы отыскать спящаго лѣнивца. Впрочемъ, эти животныя не такъ ужъ безоружны, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. На деревѣ до нихъ естественно трудно добраться, а если ихъ застанутъ врасплохъ на землѣ и нападутъ на нихъ, то они довольно быстро бросаются на спину и схватываютъ нападающаго когтями; сила ихъ рукъ во всякомъ случаѣ очень значительна. Даже сильному человѣку трудно освободиться отъ обхватившаго его лѣнивца или оторвать это животное отъ вѣтви дерева, къ которой оно прицѣнилось; если не отрывать одну ногу за другою и потомъ держать ихъ, то это и вовсе не удастся.

О жизни лѣнивцевъ въ неволѣ до настоящаго времени было извѣстно мало. Приходилось вѣрить, что чрезвычайно трудно продержать ихъ долго живыми и потому, если и не все, то очень многія изъ басенъ, находившихся въ обращеніи относительно этихъ замѣчательныхъ созданій, принимались за истину. Бюффонъ рассказываетъ, что маркизь Монмирайлъ купилъ въ Амстердамѣ лѣнивца, котораго до того времени кормили лѣтомъ нѣжными листьями, а зимою морскими сухарями. Отъ путешественниковъ мы узнаемъ, что едва-ли можно представить себѣ болѣе неиріяное существо, чѣмъ находящійся въ неволѣ лѣновецъ. Цѣлые дни виситъ онъ будто-бы на палкѣ или веревкѣ, ничѣмъ не выражая голода. Можно представить себѣ мою радость, когда я нашелъ въ Амстердамѣ живого лѣнивца и потому имѣлъ случай произвести наблюденія самъ. Позднѣ мнѣ удалось приобрести нѣсколько лѣнивцевъ и пополнить свои наблюденія. Я не возьму на себя смѣлости утверждать, что наблюденія эти должны имѣть рѣшающее значеніе и по отношенію къ жизни на свободѣ, но могу утверждать, что лѣнвицы не такіе странно-жалкія и скучныя существа, какими ихъ описываютъ, а, напротивъ, интересныя и во многихъ отношеніяхъ замѣчательныя животныя, если ихъ содержать въ зоологическомъ саду.

«Кійса», какъ звали амстердамскаго лѣнивца, жилъ въ своей клѣткѣ уже 9 лѣтъ и во всякомъ случаѣ чувствовалъ себя въ неволѣ какъ-же хорошо, какъ и другія животныя. Кто когда-либо держалъ живыхъ млекопитающихъ, тотъ знаетъ, что слѣдуетъ быть очень довольнымъ, если его плѣнники выдерживаютъ 9 лѣтъ неволи, а кто къ тому-же до нѣкоторой степени знаетъ неполнозубыхъ, тотъ долженъ будетъ признать, что такое время, безъ сомнѣнія, очень велико для представителя этого отряда. Клѣтка, въ которой держали Кійса, имѣла посрединѣ деревянныя шесты, по которымъ ея обитатель могъ взлѣзать вверхъ, снизу была густо устлана сѣномъ, съ боковъ закрыта толстыми стеклянными пластинами, а сверху открыта. Такимъ-же образомъ держалъ и я своихъ плѣнниковъ.

Если посѣтить этихъ животныхъ днемъ, то въ стеклянномъ ящикѣ видны лишь вислице безобразныя комки, которые сильно напоминаютъ кучи сухой осеки.

Комки эти кажутся безформенными, так как почти вовсе незамѣтно ногъ лѣнницевъ. При внимательномъ разсматриваніи оказывается, что они приняли свое обыкновенное положеніе, въ которомъ отдыхаютъ и спятъ. Голова нагнута къ груди, такъ что конецъ морды лежитъ на брюхѣ, и совершенно закрыта руками и ногами. Конечности тѣсно сближены между собою, чередуясь другъ съ другомъ, и такъ плотно сложены, что между ними не остается промежутка, черезъ который можно было-бы видѣть что-либо. Обыкновенно кости одной или двухъ ногъ обхватываютъ одну изъ жердей; но нерѣдко лѣннинецъ схватывается когтями одной ноги за плечо или бедро другой и своеобразно переплетается такимъ образомъ конечности. Поэтому головы вовсе не видно и нельзя различить, гдѣ тѣло переходитъ въ шею, а шея въ голову, короче—видишь передъ собою комокъ волосъ, и надо очень тщательно всматриваться, чтобы замѣтить, что этотъ комокъ медленно приподнимается и опускается. По отношенію къ окружающимъ его зрителямъ, которые стараются подѣйствовать на животное хлопаньемъ, крикомъ и быстрыми движеніями рукъ, оно оказывается совершенно безучастнымъ; ни одно движеніе не выдаетъ, что онъ живъ, и обыкновенно зрители уходятъ отсюда недовольные, прочтя съ удивленіемъ названіе животнаго и сдѣлавъ нѣсколько не особенно лестныхъ замѣчаній о «противной скотинѣ».

Но комокъ волосъ очень скоро оживаетъ, если какъ слѣдуетъ приняться за дѣло; лѣннинецъ вовсе не такъ тупъ, какъ увѣряютъ: это доброе животное, которое требуетъ только, чтобы съ нимъ обращались надлежащимъ образомъ. Его сторожу нужно только подойти къ клѣткѣ и позвать его; тогда можно видѣть, какъ комокъ постепенно оживаетъ. Осмотрительно или, какъ тоже можно выразиться, медленно и нѣсколько неуклюже клубокъ развертывается и постепенно превращается, если и не въ слишкомъ стройное животное, то и не въ урода, какъ говорили, и вовсе не въ существо, лишенное всѣхъ высшихъ способностей и чувствъ. Медленно и равномерно поднимаетъ животное одну изъ своихъ длинныхъ рукъ и зацѣпляется своими острыми когтями за одну изъ поперечныхъ перекладинъ. При этомъ ему совершенно все равно, которую ногу онъ поднимать первую, заднюю или переднюю. а также прицѣпляется-ли онъ когтями, причемъ рука находится въ естественномъ положеніи, или ему нужно повернуть ее вокругъ оси; всѣ ихъ конечности похожи на веревки, не имѣющія сочлененій, а подвижныя по всей длинѣ. Во всякомъ случаѣ подвижность костей предплечья такъ велика, какъ, быть можетъ, ни у какого другого существа. Лѣннинецъ можетъ доставать когтями до всѣхъ частей своего тѣла, однимъ словомъ, обнаруживать такую подвижность, которая по истинѣ приводитъ въ изумленіе. Предаваясь сладкой лѣни, онъ то открываетъ, то снова закрываетъ глаза, зѣваетъ, высовываетъ языкъ и открываетъ при этомъ какъ можно шире свою маленькую тупую морду. Если держать у верхней рѣшетки лакомство, особенно кусочекъ сахара, то онъ довольно быстро взбирается наверхъ, чтобы получить эту любимую еду, обнюхиваетъ стеклянную стѣну своей клѣтки и открываетъ морду какъ можно шире, точно прося, чтобы опустили кусочекъ сахара прямо въ ротъ. Тогда онъ, чмокая, закрывъ глаза, сѣдаетъ его и довольно ясно показываетъ, какъ ему нравится сладости.

Видъ лѣннива всего своеобразнѣе, если его разсматривать прямо спереди. Волоса на головѣ раздѣлены по серединѣ проборомъ, какъ бы расчесаны на двѣ стороны и придаютъ головѣ сходство въ головой совы. Маленькіе глаза кажутся поделъповатыми, такъ какъ зрачекъ по величинѣ едва равняется булавочной головкѣ и не придаетъ глазу никакого выраженія. На первый взглядъ кажется, что лѣннинецъ долженъ быть слѣпъ. Морда своеобразно выступаетъ на лицѣ и притуливается въ

ДВУПАЛЫЙ ЛЪНИВЕЦЪ.

видѣ усѣченнаго конуса, на концѣ котораго лежатъ ноздри. Постоянно влажные губы блестятъ, какъ будто смазаны жиромъ. Губы унау не такъ неподвижны, какъ говорили, и вовсе не похожи на роговые, какъ увѣряли, хотя онѣ, можетъ быть, и не обладаютъ такой гибкостью, какъ губы другихъ млекопитающихъ; при ѣдѣ онѣ играютъ довольно незначительную роль, такъ какъ длинный, узкій, острый языкъ, благодаря своей подвижности, замѣняетъ при этомъ губы. Языкъ этотъ напоминаетъ червеобразные языки родственныхъ неполнозубыхъ, особенно муравьѣдовъ. Лѣнивецъ можетъ далеко высовывать его изо рта и пользоваться имъ почти какъ рукою.

Въ Амстердамѣ Кійса кормили различными растительными веществами, но главной пищей его оставались вареный рисъ и морковь. Рисъ ему давали на тарелкѣ, морковь клали гдѣ-нибудь на сѣно. Обыкновенно Кійса звали ѣсть. Онъ точно зналъ время ѣды и тотчасъ-же поднимался, услышавъ свое имя. Сначала онъ крайне неловко и неуклюже искалъ оцупью своими длинными руками, но лишь только схватывалъ морковь, какъ движения его становились тотчасъ-же спокойными и увѣренными. Онъ притягивалъ морковь къ себѣ, схватывалъ ртомъ, затѣмъ передними лапами, или лучше когтями, крѣпко зацемялялъ ее между ними и откусывалъ, постоянно подвигая морковь далѣе въ ротъ, относительно очень большіе куски, причемъ постоянно облизывалъ губы и морковь, которую всовывалъ въ ротъ, то съ одной, то съ другой стороны. Обыкновенно онъ начиналъ ѣсть съ корневого конца, но рѣдко съѣдалъ всю морковь сразу, а охотнѣе пробовалъ всѣ данныя ему морковки. На мѣстѣ укушенія отчетливо видно своеобразное строеніе зубовъ. Лѣнивецъ не въ состояніи гладко откусить кусокъ, и зубы его болѣе ломаютъ, чѣмъ отрѣзываютъ. На моркови замѣтны вдавленія отъ всѣхъ зубовъ, которые при этомъ пускались въ дѣло, раздѣленные неправильными промежутками. Маленькой тарелки рису и трехъ морковокъ было достаточно на день.

Плѣнниковъ, которыхъ я держалъ, постоянно кормилъ одинъ сторожъ, такъ какъ я считалъ ихъ способными не замѣтить чашку съ кормомъ и не обратить на нее вниманія, что, повидимому, случилось, когда за ними смотрѣлъ не одинъ человѣкъ. Сторожъ отправлялся два раза въ день въ клѣтку, отцѣпляя вислицаго лѣнивца, клалъ его къ себѣ на колѣни и совалъ ему нищу въ ротъ. Нища состояла преимущественно, но не исключительно, изъ растительныхъ веществъ. Охотнѣе всего лѣнивцы ѣдятъ плоды, именно груши, яблоки, вишни и тому подобное; одного изъ моихъ плѣнниковъ кормили во время пути въ Еврону и круто сваренными яйцами; онъ привыкъ къ этой нищѣ и прибылъ въ такомъ превосходномъ состояніи, что я не рѣшился лишить его этого корма. Результатъ вполнѣ оправдалъ мои ожиданія; животное, которое вообще считается очень мало выносливымъ, находилось цѣлые годы въ самомъ лучшемъ состояніи и, повидимому, чувствовало недостатокъ въ чемъ-то, когда ему однажды не дали яйца. Можетъ быть оно на свободѣ тоже ѣсть животную пищу, напр. насѣкомыхъ, и потому яйца, какъ замѣна ей, составляютъ для него даже потребность. Каждый лѣнивецъ въ короткое время привыкаетъ къ такому кормленію, ложится спиною на колѣни сторожа, поворачиваетъ кнаружи всѣ четыре ноги, чтобы прижаться къ тѣлу и бедрамъ воспитателя и съ видимымъ удовольствіемъ позволяетъ совать себѣ въ ротъ нищу. Во всякомъ случаѣ такое обращеніе существенно помогаетъ тому, чтобы приручить животное настолько, насколько оно вообще можетъ быть приручено. Мои плѣнники, подобно описанному выше лѣнивцу въ Амстердамѣ, не только обращали вниманіе на зовъ своего воспитателя, но подымали уже голову, когда слышали, что сторожъ пришелъ, лѣзли ему на встрѣчу и пробовали повиснуть на немъ, а слѣдовательно доказывали довольно ясно, что умѣли

примѣниться къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Мои плѣнники давали и другія доказательства этого. Клѣтки, въ которыхъ ихъ держали, были собственно предназначены для змѣй, и ихъ полъ поэтому нагрѣвался. Первые дни послѣ пріѣзда все они висѣли вверху на устроенныхъ для нихъ горизонтальныхъ жердяхъ; но скоро они спустились внизъ, откуда шла теплота, и уже черезъ восемь дней спали днемъ не вися, а лежа на тепломъ полу, зарывшись въ сѣнъ и обыкновенно такъ спрятавшись въ него, что можно было видѣть почти одинъ только кончикъ морды. Въ зимніе мѣсяцы они всегда отыскивали себѣ эту постель, въ сущности совершенно для нихъ не подходящую, между тѣмъ какъ лѣтомъ часто висѣли и на горизонтальныхъ жердяхъ.

Обыкновенно лѣнницы спятъ цѣлый день; развѣ пасмурная погода введетъ ихъ въ заблужденіе относительно времени дня. При правильномъ ходѣ дѣлъ они оживляются въ послѣдніе часы дня, съ трудомъ ползутъ, если лежали въ сѣнѣ, по землѣ, пользуясь ногами не для ходьбы, а для хватанія, пока наконецъ не достанутъ одною изъ ногъ перекладину, служащую для лазанія, и не поднимутся вверху. Поднявшись вверху и укрѣпившись на своей жерди, лѣнницецъ начинаетъ прежде всего приводить въ порядокъ свой мѣхъ. Для этой цѣли онъ обыкновенно привѣшивается обѣими ногами одной стороны и расчесываетъ другими свою шерсть самымъ тщательнымъ и добросовѣтнымъ образомъ, скребетъ различныя мѣста своего тѣла и чешетъ отдѣльныя пряди волосъ, пропуская ихъ между серповидными когтями ногъ. Обработавъ хорошенько одну сторону, онъ перемѣняетъ положеніе, привѣшивается, какъ прежде, но обѣими другими ногами и снова скребется и чешется, пока не выполнитъ удовлетворительно эту мѣшкотную работу. Теперь онъ принимается за различныя гимнастическія упражненія, лазаешь взадъ и впередъ по жердямъ, карабкается по рѣшеткѣ, привѣшивается здѣсь и значительное время движется, повидимому, лишь для удовольствія. Если теперь входитъ воспитатель съ кормомъ, то лѣнницецъ встрѣчаетъ его съ видимымъ удовольствіемъ; когда онъ уйдетъ, животное рано или поздно отыскиваетъ свое старое мѣсто и дремлетъ здѣсь часъ или нѣсколько болѣе, тоже дѣлаетъ оно и среди ночи, когда оно всего дѣятельнѣе.

Тупое равнодушіе, о которомъ рассказываютъ путешественники, можетъ, по крайней мѣрѣ у уау, уступать мѣсто видимому возбужденію. Насколько лѣнницецъ явно дружится со своимъ воспитателемъ, настолько же явно отличаетъ онъ другихъ людей и при случаѣ показываетъ или зубы, или угрожаетъ когтями, между тѣмъ какъ безъ сопротивленія и съ удовольствіемъ переноситъ, когда его трогаетъ или дѣлаетъ съ нимъ что-нибудь сторожъ. Еще недружелюбнѣе ведетъ себя двушпалый лѣнницецъ по отношенію къ другимъ существамъ. Моему намѣренію держать уау и ай вмѣстѣ въ одной и той-же клѣткѣ тотчасъ-же воспротивился первый, который прежде жилъ въ этомъ помѣщеніи, и пришлось тотчасъ-же отказаться отъ попытки приблизить другъ къ другу обоихъ родичей. Совершенно отбросивъ приписываемую ему лѣнь, уау, лишь только увидѣлъ своего родича, напалъ на него, нанесъ ему сначала нѣсколько хорошо направленныхъ ударовъ своею вооруженной лапой и затѣмъ такъ свирѣпо схватилъ его зубами, что сторожъ долженъ былъ съ возможной поспѣшностью разъединить животныхъ и перенести въ безопасное мѣсто болѣе безобиднаго ай; дѣло не обошлось безъ того, что онъ получилъ нѣсколько ударовъ когтями отъ разозлишагося уау.

Существенно отличается отъ описаннаго поведенія уау поведеніе ай. Уже во время сна онъ принимаетъ другое положеніе. Въ глубочайшемъ покоѣ это странное существо виситъ на своемъ шестѣ, какъ набитый мягкими вѣтвями узелъ, повѣшенный на ремняхъ на гвоздѣ. Головы не видно и слѣда, такъ какъ она низко

опущена на грудь и спрятана между четырьмя ногами; лишь маленькій хвостъ нарушаетъ округленность узла, за который можно было-бы принять спящее животное. Вотъ ай оживаетъ. далеко вытягиваетъ тонкую шею съ маленькой головой и скоро доказываетъ затѣмъ, что у него не даромъ девять шейныхъ позвонковъ. Съ легкостью, съ которой мы двигаемъ рукою, онъ настолько поворачиваетъ голову назадъ, что затылокъ приходится совершенно на линіи груди, а лице на линіи спины. Никакое другое млекопитающее не можетъ сдѣлать такого поворота. Видъ трехпалаго лѣнивца поэтому въ высшей степени поразителенъ, и надо привыкнуть къ этой странной картинѣ, прежде чѣмъ будешь въ состояніи правильно представлять себѣ и понимать ее. Двупалый лѣнвецъ, какъ онъ ни гибокъ вообще, никогда и не пытается такъ вывернуть шею; ай какъ угодно измѣняетъ положеніе головы, но по большей части держитъ ее въ этомъ, повидимому, неестественномъ положеніи. При этомъ маленькіе глаза съ глухимъ добродушіемъ смотрятъ въ пространство, и голова трясется туда и сюда, какъ у старика. Насколько легко происходитъ это поворачиваніе шеи, настолько-же неуклюжими кажутся всѣ остальные движенія животнаго по сравненію съ движеніями уау. Къ ай относится большая часть описаній путешественниковъ, и онъ дѣйствительно соответствуетъ во многихъ отношеніяхъ ихъ рассказамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ гораздо менѣе одаренъ, чѣмъ его родичъ. Каждое движеніе его происходитъ съ такою медленностью, которую должно назвать болѣе, чѣмъ осторожной; свободы движеній, замѣчаемой у уау, у него вовсе нѣтъ и лишь въ вѣрности, съ которою онъ обхватываетъ вѣтви, онъ равняется уау, если не превосходитъ его. Разъ прицѣпившись къ своей вѣтви, онъ виситъ на ней, какъ какой-нибудь наростъ, точно онъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ нею, и никакое встряхиваніе и качаніе не могутъ побудить его измѣнить разъ принятое положеніе. Умственные способности его тоже менѣе значительны, чѣмъ у его родича. Онъ труднѣе привыкаетъ къ извѣстной личности, смотритъ на всѣхъ скорѣе равнодушно и не защищаясь, подчиняется всему, что-бы съ нимъ ни случилось. Тепло приманиваетъ и его внизъ на нагрѣтый полъ, но, повидимому, гораздо менѣе вліяетъ на него, что, впрочемъ, можетъ зависѣть отъ гораздо болѣе густого мѣха. Мало-по-малу онъ пріучается брать пищу изъ рукъ сторожа, но и при этомъ выказываетъ себя гораздо болѣе вялымъ и равнодушнымъ, чѣмъ уау. Еще однимъ онъ отличается отъ уау: онъ часто издаетъ довольно рѣзкій свистъ, между тѣмъ какъ уау, по крайней мѣрѣ по моимъ наблюденіямъ, остается нѣмъ, какъ могила. Во всякому случаю сравненіе обоихъ животныхъ доказываетъ, что отдѣльные виды лѣнивцевъ вовсе не во всемъ сходны между собою.

Польза, которую приносятъ лѣнивцы обитателямъ своей родины, чрезвычайно ничтожна. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ индѣйцы и негры ѣдятъ мясо, неприятный запахъ и вкусъ котораго противны европейцамъ; мѣстами изъ очень жесткой, крѣпкой и прочной кожи ихъ дѣлаютъ покрышки для сѣделъ и мѣшки. Вреда эти животныя не могутъ причинять, такъ какъ они исчезаютъ по мѣрѣ распространенія человека. Они тоже стоятъ въ спискѣ животныхъ, приближающихся къ окончательному истребленію. Они могутъ держаться лишь въ самыхъ отдаленныхъ лѣсахъ и пока величественныя деревья, доставляющія имъ кровъ и пищу, падать еще тоноръ все далѣе и далѣе проникающаго европейца, до тѣхъ поръ будутъ и они пользоваться жизнью.

Насъ не должно удивлять, что объ этихъ странныхъ животныхъ распространялось много повѣрій и сказокъ. Первые рассказы о нихъ, которые мы имѣемъ, принадлежатъ Овидію, который говоритъ приблизительно слѣдующее: «*Perico ligero* самое лѣнливое животное, какое можно видѣть на свѣтѣ. Онъ такъ неуклюжъ и мед-

лень, что ему нуженъ цѣлый день, чтобы пройти лишь 50 шаговъ. Первые христіане, увидѣвшіе его, помнили, что въ Испаніи негровы обыкновенно называютъ въ насмѣшку «бѣлыми Иванами,» и потому дали лѣнницамъ въ шутку названіе «проворныя собачки.» Это одно изъ самыхъ странныхъ животныхъ по несоответствію со всѣми другими. Взрослое животное длиною двѣ пяди и немногимъ менѣе въ толщину. У него четыре тонкихъ ноги, пальцы которыхъ срослись между собою, какъ у птиць. Ни когти, ни ноги не устроены такъ, чтобы они могли поддерживать тяжелое тѣло и потому брюхо почти волочится по землѣ. Шея вытянута прямо вверхъ, такой-же толщины, какъ шея ступки; голова почти не отличается отъ нея, лице круглое, похужее на лице совы и округлено волосами, такъ что оно лишь немного больше въ длину, чѣмъ въ ширину, глаза малы и круглы, поздри какъ у обезьянъ, рогъ малъ. Лѣнницецъ двигаетъ шею съ одной стороны на другую, какъ будто чему-нибудь удивляется. Его единственное желаніе и удовольствіе заключаются въ томъ, чтобы вѣшаться на деревьяхъ или на чемъ-нибудь, гдѣ онъ можетъ лазать; и потому его часто можно видѣть на деревьяхъ, по которымъ онъ медленно взбирается и все время держится когтями. Его голосъ очень отличается отъ голоса другихъ животныхъ; онъ поетъ всегда только ночью, издавая отъ времени до времени каждый разъ по шести звуковъ одинъ выше другого и все тише, какъ будто-бы кто-нибудь говорилъ ниспадающимъ голосомъ: ла, да, соль, фа, ми, ре, до. Онъ-же кричитъ шесть разъ, ха, ха, ха, ха, ха, ха, образуя гамму, такъ что про него вполне можно было-бы сказать, что онъ даль поводъ къ отысканію гаммы. Проглѣвъ разъ, онъ нѣкоторое время ждетъ и затѣмъ повторяетъ то-же, но только ночью; по этому, а также и по его малымъ глазамъ, я считаю его ночнымъ животнымъ. Иногда христіане ловятъ его и приносятъ домой; въ такомъ случаѣ онъ ползетъ со своею естественной медленностью и его нельзя ни угрозами, ни толчками принудить двигаться съ большей быстротой, чѣмъ онъ движется обыкновенно безъ вѣннихъ побужденій. Если онъ находитъ дерево, то взлѣзаетъ тотчасъ-же на высочайшія вѣтви вершины и остается тамъ 10, 12 и даже 20 дней; что онъ ѣсть, неизвѣстно. Я держалъ его дома и, по моему наблюденію, онъ, должно-быть, питается воздухомъ; того-же мнѣнія и многіе другіе на этомъ материкѣ, такъ какъ никто не видалъ, чтобы онъ что-нибудь ѣлъ. Онъ по большей части поворачиваетъ голову и ротъ въ ту сторону, откуда дуетъ вѣтеръ; отсюда слѣдуетъ, что воздухъ, должно быть, очень приятенъ ему. Онъ не кусается, да и не можетъ кусаться, такъ какъ рогъ его очень малъ; онъ также не ядовитъ. Вообще-же я до сихъ поръ не видалъ ни одного настолько глунаго и бесполезнаго животнаго, какъ онъ.»

Видно, что названный разсказчикъ въ общемъ наблюдалъ хорошо: многое изъ того, что онъ говоритъ, совершенно основательно; а остальное, представляющее басни, онъ лишь принимаетъ, какъ вѣроятное. Преувеличенія появляются лишь позднѣе, напр. у Стедмана. Онъ говоритъ, что лѣнницецъ часто бываетъ нужно употребить два дня на то, чтобы добраться до вершины дерева средней величины, и что онъ не оставляетъ дерева, пока находитъ на немъ какую-нибудь яду. Взлѣзая вверхъ, онъ поѣдаетъ будто-бы лишь столько, сколько ему нужно, чтобы совершить свое путешествіе, но, добравшись до вершины, онъ совершенно объѣдаетъ ее. Такъ онъ поступаетъ для того, чтобы не умереть съ голоду, когда вернется на нижнія вѣтви, чтобы отыскать другое дерево; если-бы онъ объѣлъ нижнюю часть вершины то естественно долженъ былъ-бы погибнуть отъ трудностей, связанныхъ съ путешествіемъ на другія деревья. Нѣкоторые говорятъ также, будто лѣнницецъ, чтобы избавиться отъ труда двигать членами, свертывается клубкомъ и падаетъ съ дерева. Позднѣйшіе путешественники упоминаютъ еще, отъ времени до времени, объ этомъ

замѣчательномъ созданіи, и каждый старается возобновить старыя басни и по мѣрѣ возможности обогатить ихъ новыми прибавленіями. Принцъ фонъ Видъ первый далъ ясныя и свободныя отъ предразсудковъ наблюденія; послѣ него намъ сообщали свѣдѣнія главнымъ образомъ Куа и Гэмаръ и наконецъ Шомбургкъ.

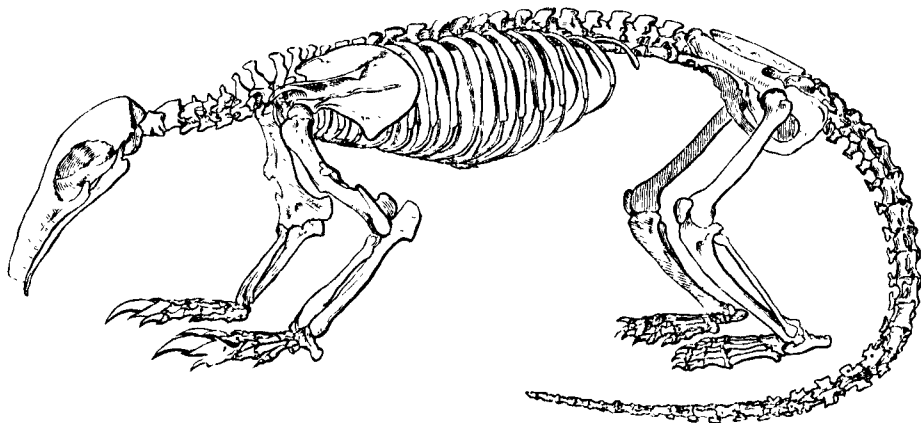
Муравьѣды (Mymecosphagidae. Ameisenbären. Fourmiliers), составляющіе второе семейство неполнозубыхъ, представляютъ лишь незначительное внѣшнее сходство съ лѣнницами. Тѣло ихъ вытянуто, голова и особенно морда сильно удлинены; хвостъ достигаетъ почти половины длины тѣла. Густой, взъерошенный, своеобразный мѣхъ покрываетъ тѣло и особенно верхнюю его сторону; заднія конечности тонки и слабѣе переднихъ. На скелетѣ видно, что какъ переднія, такъ и заднія ноги имѣютъ по пяти пальцевъ, которые однако не всѣ вооружены когтями. Ротовое отверстие очень узко, а языкъ длиненъ, тонокъ, округленъ и червеобразенъ. Уши и глаза очень малы. Еще удивительнѣе строеніе черепа. Благодаря удлиненію лицевой части, морда становится длинной, трубкообразной, межчелюстная кость очень мала, согнута и соединена съ верхней челюстью лишь хрящемъ. Зубовъ нѣтъ и слѣда. 15—18 спинныхъ позвонковъ снабжены ребрами, кромѣ того мы замѣчаемъ 2—6 поясничныхъ, 4—6 крестцовыхъ, 29—40 хвостовыхъ. Ребра такъ широки, что ихъ края покрываютъ другъ друга, и всѣ промежутки между костями исчезаютъ. Ключица у двухъ муравьѣдовъ недоразвита, у одного очень развита; кости переднихъ конечностей крайне толсты. Особые мускулы двигаютъ очень длиннымъ, круглымъ языкомъ, усаженнымъ острыми, похожими на роговые, мелкими шипами; чрезвычайно развитыя слюнные железы постоянно покрываютъ языкъ липкой слюзью. Сердце относительно мало. Артеріи образуютъ въ бедрахъ чудныя сѣти.

* * *

Величайшій видъ семейства—**Гривистый муравьѣдъ**, называется въ Парагваѣ **Иуруми**, въ Суринамѣ, по Канлеру, **Таманоа** (Mymecosphaga jubata. Mähnenameisenbär. Tamanoir.) Мѣхъ этого очень страннаго животнаго состоитъ изъ густыхъ, упругихъ жесткихъ на ощупь щетинистыхъ волосъ. Короткіе на головѣ, они удлиняются на затылкѣ и вдоль спинного хребта, гдѣ образуютъ гриву, до 24 см., а на хвостѣ имѣютъ длину отъ 26 до 40 см., между тѣмъ какъ на остальномъ тѣлѣ, на ногахъ и вокругъ нихъ они лишь 8—11 см. длиною. Эти волоса или лежатъ на тѣлѣ съ обращеннымъ назадъ концомъ или свѣшиваются по сторонамъ внизъ; лишь на головѣ они стоятъ вертикально. Тѣ, которые образуютъ хвостовую кисть, сплюснуты съ боковъ и ланцетообразны. Гола лишь конецъ морды, губы, вѣки и подошвы ногъ. Цвѣтъ мѣха довольно различенъ. На головѣ общій цвѣтъ непельно-сѣрый въ смѣси съ чернымъ, такъ какъ здѣсь волоса покрыты чередующимися черными и непельно-сѣрыми кольцами. Почти того-же цвѣта затылокъ, спина и часть бока тѣла, переднія ноги и хвостъ. Горло, шея, грудь, брюхо, заднія ноги и нижняя сторона хвоста черно-бурыя. Черная, имѣющая сначала 13—15 см. ширины, съ уживающею къзади полоса тянется отъ головы и груди по спинѣ въ косомъ направленіи до крестца, ее обхватываютъ двѣ параллельныхъ ей блѣдно-сѣрыхъ полоски. Черная поперечная полоса покрываетъ конецъ передней ноги; пальцы переднихъ ногъ и голыя части тѣла чернаго цвѣта. Въ молодости муравьѣды вообще свѣтлѣе, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ; волоса не имѣютъ еще свѣтлыхъ колець, какъ позднѣе. Длина взрослого муравьѣда равняется 1, 3 метра, длина хвоста безъ волосъ 68 см., а съ волосами по крайней мѣрѣ 95 см., часто нѣсколько больше. Такимъ образомъ об-

щая длина животного достигает 2, 3 метров, но иногда попадаются старые самцы еще большей величины. Всьс равняется, по Каплеру, до 40 килогр.

«Внѣшій видъ юруми,» говоритъ Ренгеръ, «крайне некрасивъ. Его голова имѣетъ форму длиннаго, тонкаго, нѣсколько согнутаго внизъ конуса и оканчивается маленькой тупой мордою. Обѣ челюсти одинаковой длины, нижняя обладаетъ лишь малой подвижностью, такъ какъ ротъ имѣетъ видъ щели, въ которую самое большое можетъ войти толстый большой палецъ мужчины, ноздри полулунной формы, глаза малы и глубоко сидятъ въ головѣ, уши тоже малы, имѣютъ немного болѣе 2, 5 см. ширины, такую-же длину и закруглены на верхушкѣ. Шея, благодаря длиннымъ волосамъ, кажется толще, чѣмъ задняя часть головы; тѣло велико, неуклюже и нѣсколько приплюснуто сверху внизъ; конечности коротки, переднія широки и очень мускулисты. Переднія ноги снабжены четырьмя пальцами, на которыхъ находятся толстые когти, сжатые подобно когтямъ орла. Коготь на первомъ или внутреннемъ пальцѣ длиною въ 4,5 см. и почти прямъ, на второмъ 1 см. длиною, согнуть и остеръ на внутреннемъ краѣ, на третьемъ коготь имѣетъ 6, 5 см.

Скелетъ гривистаго муравьяда.

длины и ту-же форму, какъ на предыдущемъ пальцѣ, но остеръ на обоихъ краяхъ, наконѣцъ коготь на четвертомъ пальцѣ по величинѣ и формѣ равенъ первому. При ходьбѣ и въ состояннн покоя животное прикладываетъ этотъ коготь къ подошвѣ ноги, какъ палецъ руки, сложенной въ кулакъ, при чемъ ступаетъ не плоской стороной ступни, а наружнымъ краемъ ея, гдѣ подъ самымъ наружнымъ пальцемъ находится большая мозоль. Оно можетъ, впрочемъ, лишь настолько выпрямлять пальцы, что ногти составляютъ съ подошвой ноги уголъ, едва больше прямого. На нижней сторонѣ ступни замѣтно нѣсколько маленькихъ, а у задняго края ея одна большая мозоль. Заднія конечности гораздо меньше сильны, чѣмъ переднія; ступни ихъ имѣютъ пять пальцевъ, которыхъ ногти имѣютъ въ длину лишь 1—2 см., нѣсколько сжаты съ боковъ, слабо согнуты и направлены впередъ. Животное ступаетъ всю подошвою заднихъ ногъ. Длинный хвостъ сжатъ съ боковъ и имѣетъ видъ настоящаго знамени. Языкъ, котораго толщина не болѣе 0,9 см., имѣетъ форму длиннаго, постепенно заостряющагося конуса и состоитъ изъ двухъ мускуловъ и двухъ тѣлъ, похожихъ на железы, которыя сидятъ у основаннн языка. Языкъ можетъ очень сильно вытягиваться въ длину, и животное можетъ высовывать его изъ рта почти на 50 см.

«Юруми не часто встрѣчается въ Парагваѣ и населяетъ безлюдныя или по

крайней мѣрѣ мало посѣщаемыя поляны въ сѣверной части страны. У него нѣтъ ни опредѣленнаго логовища, ни вообще постояннаго мѣстопребыванія; онъ бродить днемъ по равнинамъ и спитъ тамъ, гдѣ его застигнетъ ночь; однако для этого онъ старается найти мѣсто, гдѣ трава очень высока или гдѣ есть нѣсколько кустовъ. Его встрѣчаютъ обыкновенно одного, или-же самка ведетъ съ собою дѣтеныша. Двигается онъ медленнымъ шагомъ или иногда, если его преслѣдуютъ, неуклюжимъ галопомъ, которымъ онъ однако такъ мало подвигается впередъ, что человѣкъ можетъ догнать его шагомъ. Пища его состоитъ исключительно изъ термитовъ, муравьевъ и личинокъ тѣхъ и другихъ. Чтобы добыть ихъ, онъ разгребаетъ и разрываетъ когтями переднихъ ногъ постройку и земляныя кучи, служащія жилищемъ

Гривистый муравѣдъ. *Myrmecophaga jubata*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

этимъ насѣкомымъ, вытягиваетъ затѣмъ свой длинный языкъ, всовывая его между сбѣгающимися со всѣхъ сторонъ насѣкомыми и снова втягиваетъ въ ротъ покрытымъ ими. Это онъ повторяетъ до тѣхъ поръ, пока не насытится или пока не перестанутъ показываться муравьи или термиты.

«Время совокупленія и продолжительность беременности самки мѣтѣ неизвѣстны. Она рождаетъ весной одного дѣтеныша и нѣкоторое время носить его съ собою на спицѣ. Дѣтенышъ сосетъ, повидимому, нѣсколько мѣсяцевъ и, какъ говорить, умѣя уже питаться насѣкомыми, не оставляетъ матери, пока она не забеременѣетъ снова. Такъ какъ у него недостаетъ еще силы, чтобы разрывать кучи термитовъ, то вѣроятно онъ пользуется въ теченіи этого времени помощью матери, чтобы легче добраться до пищи. Изъ внѣшнихъ чувствъ іуруми лучше всего обо-

няние, органы котораго очень развиты; за нимъ слѣдуетъ слухъ; зрѣніе, повидимому, слабо. Единственный звукъ, издаваемый имъ, и то лишь въ гнѣвѣ, есть родъ ворчанія. Это тихое, смирное животное, которое не старается причинить какому-либо вреда ни человѣку, ни другимъ животнымъ, кромѣ развѣ того случая, если его сильно раздражатъ. На открытомъ полѣ можно гнать передъ собою іуруми на большія разстоянія безъ сопротивленія съ его стороны. Если его бьютъ, то онъ садится, какъ замѣчаетъ уже Азара, на сѣдалищныя кости и заднія ноги и разставляетъ переднія по направленію къ своему врагу, чтобы схватить его когтями.

«У меня долго былъ іуруми, которому не было еще и года, когда я получилъ его. Его поймали на фермѣ у лѣваго берега Нексай вмѣстѣ съ матерью, которая однако умерла черезъ нѣсколько дней. Я выкормилъ его молокомъ, муравьями и рубленымъ мясомъ. Молоко онъ пилъ или всасывая его, или-же погружая въ него языкъ и втягивая обратно въ ротъ съ небольшимъ количествомъ приставшей къ нему жидкости. Муравьевъ онъ отыскивалъ на дворѣ и вокругъ дома. Отыскавъ чутьемъ муравейникъ, онъ тотчасъ-же принимался разгребать его и продолжалъ это до тѣхъ поръ, пока его обитатели не показывались въ большомъ количествѣ; тогда онъ двигалъ между ними языкомъ и втягивалъ его въ ротъ, покрытымъ сотнями ихъ. Азара утверждаетъ, что іуруми два раза въ секунду вытягиваетъ и втягиваетъ языкъ. Это невѣрно по отношенію къ моему іуруми, такъ какъ ему нужно было болѣе секунды, чтобы сдѣлать это. Муравьи настолько прилипали къ языку, какъ указываетъ большинство авторовъ, сколько, вѣрнѣе, вѣдѣлись въ него для защиты челюстями, что они дѣлаютъ всегда, если, въ раздраженномъ состояніи наталкиваются на посторонній предметъ. Напротивъ, слабые и беззащитные термиты пристають къ липкой слизи, покрывающей языкъ, какъ къ палкѣ, покрытой клеомъ. Мой іуруми не одинаково охотно ѣлъ всѣ виды муравьевъ, а особенно любилъ тѣхъ, у которыхъ нѣтъ ни большихъ челюстей, ни жалъ; одного очень маленькаго вида, издающаго очень непріятный запахъ, онъ не трогалъ вовсе. Мелко изрубленное мясо, которымъ я иногда кормилъ его, ему приходилось сначала всовывать въ ротъ, а позднѣе онъ ѣлъ его какъ муравьевъ, съ помощью языка.

«Половину дня и всю ночь онъ проводилъ во снѣ, не выбирая для этого особеннаго мѣста. Спалъ онъ, лежа на боку и нѣсколько свернувшись, при чемъ всовывалъ голову между передними ногами, сгибалъ конечности такъ, что онѣ касались другъ друга, и покрывался хвостомъ. Если онъ бодрствовалъ, то ходилъ по двору и отыскивалъ муравьевъ. Такъ какъ онъ сначала всовывалъ въ разрытые муравейники не только языкъ, но и морду, то насѣкомыя иногда взбѣгали ему на носъ, откуда онъ очень хорошо умѣлъ сбрасывать ихъ передними ногами. Несмотря на молодость, онъ обладалъ большою силою. Я не могъ отогнуть руками два большихъ когтя на его передней конечности, если онъ пригибалъ ихъ къ подошвѣ ноги. Онъ обнаруживалъ болѣе ума, чѣмъ встрѣчаешь у другихъ такъ называемыхъ неполнозубыхъ млекопитающихъ. Не отличая людей другъ отъ друга, онъ однако охотно находился около нихъ, отыскивалъ ихъ, принималъ съ удовольствіемъ ихъ ласки, игралъ съ ними и особенно охотно влѣзалъ имъ на руки. Онъ не былъ послушенъ и лишь рѣдко шелъ на зовъ, хотя по движеніямъ его головы было хорошо видно, что онъ понималъ, что его зовутъ. Онъ хорошо уживался со всеми домашними животными и позволялъ, не сердясь, нѣкоторымъ птицамъ, какъ напр. Хокко (Cгах) и Паукси (Угах), нападать на себя. Если его били, то онъ начиналъ ворчать и старался защищаться когтями переднихъ ногъ.

«Мясо и шкура іуруми употребляются лишь дикими индѣйцами; однако въ Парагваѣ нѣкоторые деревенскіе жители кладутъ шкуру іуруми подъ простыню,

считая ее надежнымъ средствомъ противъ ломоты въ поясницѣ, и употребляютъ ее противъ этой болѣзни. Рѣдко кто-либо охотится за этимъ муравьѣдомъ; если-же встрѣтишь его случайно на равнинѣ, то легко убить его любою палкой, нанеся ему нѣсколько ударовъ по головѣ. Этихъ животныхъ людямъ слѣдовало-бы притомъ-же скорѣе защищать, чѣмъ преслѣдовать; они не только не вредятъ, а, напротивъ, приносятъ большую пользу, уменьшая количество термитовъ и муравьевъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ Парагваѣ до такой степени размножились, что тамъ невозможно устраивать плантаціи. Ягуаръ и кугуаръ единственные враги іуруми, кромѣ человѣка. Баснословные рассказы обитателей Парагвая о битвахъ, которые происходятъ, будто-бы, между ними и ягуарами, опровергъ уже Азара».

Отъ другихъ естествоиспытателей мы узнаемъ, что муравьѣдъ, кромѣ Парагвая, населяетъ почти всю остальную восточную часть Южной Америки и поэтому распространенъ отъ рѣки Лаплаты до Караибскаго моря. На ходу онъ, говорятъ, нагибаетъ голову къ землѣ и обнюхиваетъ землю. Хвостъ онъ при этомъ держитъ совершенно вытянутымъ, а спинную гриву подымаетъ высоко вверхъ, такъ что кажется гораздо больше, чѣмъ онъ въ дѣйствительности. Кромѣ муравьевъ и термитовъ новѣйшіе наблюдатели находили въ его желудкѣ также много земли и частицъ дерева, которыя животное проглатываетъ вмѣстѣ съ муравьями. Отсюда вывели послѣднее заключеніе, что муравьѣдъ поѣдаетъ и растительныя вещества. Другіе объясняютъ это тѣмъ, что проглоченныя частицы дерева и земли служатъ для облегченія пищеваренія. Что іуруми кромѣ главной своей пищи поѣдаетъ также очень охотно мокрицъ и многоножекъ, если онѣ не слишкомъ велики, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. За червями онъ часто долго слѣдитъ и при этомъ своими крѣпкими когтями совершенно расщепляетъ на куски гнилыя стволы. Относительно размноженія мы узнаемъ еще, что дѣтенышъ слѣдуетъ за матерью цѣлый годъ и болѣе, и она въ случаѣ опасности, защищаетъ его сильными ударами сжатыхъ въ кулакъ переднихъ лапъ. Пока молодой іуруми не въ состояніи взламывать самъ постройки термитовъ, самка, какъ говорятъ, заботится о немъ.

Нѣсколько замѣчательныхъ свѣдѣній о муравьѣдѣ даетъ Ватсъ. Онъ получилъ убитаго іуруми; странная дичь была зажарена и оказалась превосходной, до нѣкоторой степени похожей на мясо гуся. Жители Карибе не трогали его, такъ какъ, по ихъ словамъ, не принято ѣсть его. Позднѣе охотникъ, снабжавшій Ватса мясомъ, лишился собаки благодаря іуруми, который смертельно ранилъ ее когтями. Изъ этого указанія слѣдуетъ, что рассказы старыхъ авторовъ о способности муравьѣда защищаться вовсе не лишены основанія. Чуди испыталъ на себѣ, что съ раздраженнымъ муравьѣдомъ не слѣдуетъ шутить: раненый и сбитый съ ногъ іуруми вскопчилъ, всталъ на заднія ноги и схватилъ его своими необыкновенно сильными передними конечностями. Каплеръ, наблюдавшій это животное въ Суринамѣ, подтверждаетъ, что оно взламываетъ постройки термитовъ, и прибавляетъ, что находилъ въ его желудкѣ также мелкихъ жуковъ. Онъ тоже подтверждаетъ, что это животное, доведенное до крайности, умѣетъ обороняться. и рассказываетъ, какъ жестоко досталось отъ него одному бѣлому, управляющему плантаціей. Онъ встрѣтилъ муравьѣда и думалъ убить его своимъ длиннымъ садовымъ ножомъ. Онъ погнался за убѣжавшимъ животнымъ и нанесъ ему лишь одинъ легкій ударъ, послѣ чего муравьѣдъ повернувшись къ своему преслѣдователю, схватилъ его и держалъ такъ крѣпко, что всякая борьба была тщетной. Человѣкъ и муравьѣдъ катались по землѣ, но схваченный не могъ освободиться и лишь послѣ того, какъ онъ цѣлый часъ звалъ на помощь, прибѣжали люди; животное выпустило тогда своего противника и ушло. Управляющій былъ такъ жестоко изуродованъ, что его пришлось тотчасъ-

же отправить въ больницу въ Парамарибо, гдѣ выздоровленіе его протянулось мѣсяцы.

Въ новѣйшее время пойманные муравьи не разъ привозились въ Европу и при щѣлесообразномъ уходѣ жили годы. Я видалъ ихъ въ зоологическихъ садахъ въ Лондонѣ и Берлинѣ, но не могъ долго наблюдать ихъ и потому намѣренъ привести въ извлеченіи рассказъ Поля. Муравей, по словамъ этого наблюдателя, отличается спокойнымъ и смиреннымъ характеромъ, охотно позволяетъ гладить и чешать себя, а при хорошемъ расположеніи духа выказываетъ даже готовность играть со знаковыми. Такая игра, конечно, не вполне безопасна, такъ какъ животное поднимается подчасъ на заднія ноги и раздаетъ при этомъ съ изумительной быстротой удары подвижными когтями переднихъ ногъ. Большую силу проявляетъ онъ, роясь въ землѣ въ своей загородкѣ; тремя или четырьмя ударами когтей онъ дѣлаетъ въ твердомъ пластѣ земли такую длинную и глубокую яму, что удобно можетъ спрятать въ ней голову. Ища пищи, онъ ежедневно выскребаетъ такія ямы мѣстахъ въ 10—20. Муравей онъ при этомъ, правда, не находитъ, а развѣ дождевого червя, но и его поѣдаетъ съ жадностью. Ноги этого животного весьма подвижны, несмотря на то, что движенія животного нельзя назвать быстрыми. Передними лапами онъ часто чешетъ заднюю часть спины, а заднія могутъ доставать до гривы.

Муравей рѣшительно дневное животное, которое правильно распредѣляетъ свое время. Итѣмъ онъ просыпается въ 7 часовъ; осенью и зимою въ 8, завтракаетъ и затѣмъ, смотря по расположенію духа, находится 2—4 часа въ движеніи, послѣ чего ложится спать до обѣда. Послѣ обѣда онъ обыкновенно опять отдыхаетъ и просыпается около 3 часовъ, послѣ чего наступаетъ главная его дѣятельность; около этого времени онъ всегда всего бодрѣе. Наиболѣе расположенъ въ это время къ игрѣ, онъ иногда скачетъ для собственнаго удовольствія по своему помѣщенію. Съ наступленіемъ темноты онъ ложится, чтобы спокойно проспать всю ночь до времени утренняго кормленія. Въ покоѣ онъ принимаетъ своеобразное положеніе: ложится на бокъ, подбираетъ ноги, всовываетъ голову между передними ногами и такъ расправляетъ надъ всѣмъ тѣломъ свой пушистый хвостъ, что оно совершенно исчезаетъ подъ этой покрывкой.

Плѣнники Лондонскаго зоологическаго сада получаютъ въ пищу сырое, мелко наскобленное мясо и яичный желтокъ; гамбургскій муравей, котораго наблюдалъ Поля, очень охотно ѣлъ кромѣ того кашу изъ маисовой муки, размѣшанной въ горячемъ молокѣ, подслащенную ложкой патоки, и это странное животное производило оригинальное впечатлѣніе, когда стояло передъ своимъ блюдомъ съ кашей и ѣло ее съ помощью своего замѣчательнаго языка. Съ едва вѣроятной быстротою, около 160 разъ въ минуту черноватый и вальковатый языкъ высовывается изъ рта сантиметровъ на 50, погружается въ кашу, изгибается въ ней и такъ-же быстро утягиваетъ съ собою въ ротъ маленькія частицы пищи. При этомъ обильно отдѣляется слюна, липкимъ слоемъ покрывающая языкъ и прилипающая особенно къ краю блюда. Крайне поразительно было его отношеніе къ водѣ. По приѣздѣ муравей обнаруживалъ полнѣйшее равнодушіе къ чистотѣ; волосы на головѣ были смелены грязью и всѣ части тѣла полны струнью. Противъ попытокъ вымыть его водою муравей защищался такъ, что, изъ опасенія повредить ему, пришлось отказаться отъ этого намѣренія, а такъ какъ онъ никогда не трогалъ и той воды, которую ему ставили въ сосудахъ для питья, то полагали, что животное вообще питается отвращеніемъ къ водѣ. Но скоро оказалось, что онъ съ видимымъ удовольствіемъ купался въ большой локани и послѣ многократнаго купанья совершенно очистилъ

свой мѣхъ. Такъ-же охотно отиравался онъ въ прудъ и бодро плавалъ даже на глубокихъ мѣстахъ.

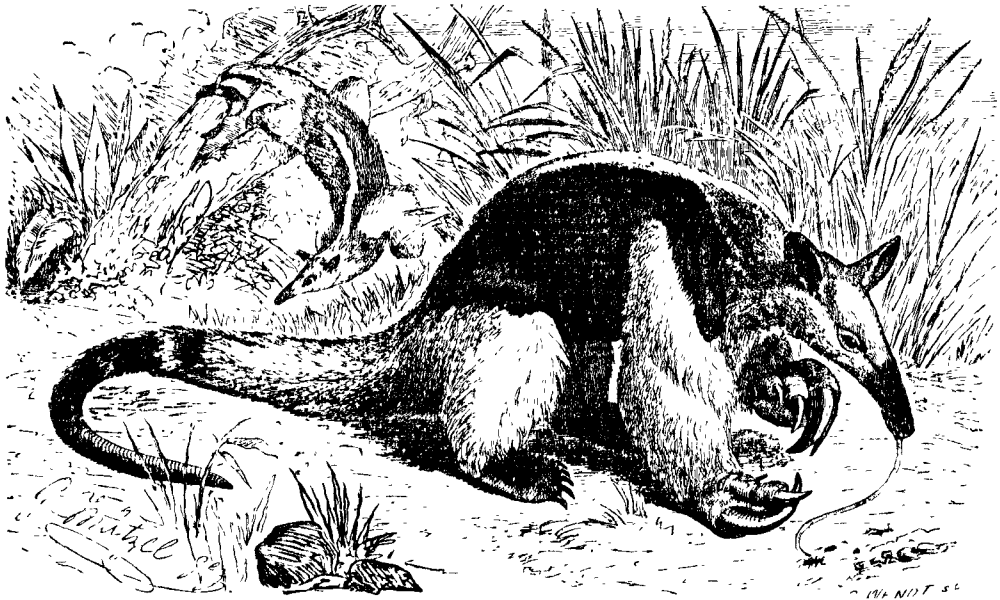
Что муравѣдъ, закавчиваетъ Нолль, имѣетъ причудливый видъ не только въ глазахъ человѣка, но вызываетъ и въ большинствѣ другихъ животныхъ чувство изумленія и даже страха, выяснилось, когда пришлось помѣстить это животное въ помѣщеніе для обезьянъ. Сильный страхъ овладѣлъ всеми обитателями клѣтки: обезьяны такъ шумѣли и неистовствовали, что пришлось завѣсить ихъ клѣтки, и даже шимпанзе, при видѣ ужаснаго животного, со страхомъ зарылся въ солому своего помѣщенія.

* * *

Изъ остальныхъ муравѣдовъ, которые живутъ на деревьяхъ, **Тамандуа**, **Кагуаре** (*Tamandua tetradactyla tridactyla* и *bivittata*, *Murmesophağa tamandua*, *bivittata*, *nigra*, *myosura*, *ursina* и *crispa*), наиболѣе сходенъ съ описаннымъ родичемъ, но тѣмъ не менѣе считается представителемъ особаго рода, такъ какъ у него на переднихъ ногахъ по 4, на заднихъ по 5 пальцевъ и хвостъ его служитъ для хватанія. По словамъ Азары, слово «кагуаре» означаетъ «лѣсная вонючка», и это названіе, какъ говорятъ, вовсе не лишено основанія. Животное встрѣчается приблизительно въ тѣхъ же странахъ, какъ и предыдущее, но доходить до Перу. Длина его равняется приблизительно 1 метру, изъ которыхъ около 60 см. приходится на туловище; средняя вышина его опредѣляется въ 30—35 см. Тамандуа едва достигаетъ половины величины большого муравѣда и представляетъ большое сходство съ нимъ кромѣ хвоста, но кажется еще безобразнѣе. Голова тамандуа относительно не такъ вытянута и не оканчивается такой длинной мордой, верхняя челюсть длиннѣе нижней, шея велика, тѣло широко, уши яйцеобразны и отстоятъ отъ головы, ноги похожи на ноги гривистаго муравѣда, когти переднихъ ногъ 2,5 и 5 см. длиною, согнуты по длинѣ и сжаты съ боковъ, когти заднихъ ногъ короче, равной длины и мало согнуты. Толстый, вальковатый, мускулистый хвостъ, способный обвиваться, быстро утончается къ концу. Прямые, упругіе, жесткіе на-ощупъ, блестящіе, щетинистые волосы покрываютъ подшерстокъ, волосы котораго едва уступаютъ въ жесткости первымъ и отличаются лишь слабой курчавостью. Тѣ и другіе почти одинаковой длины; на головѣ они коротки, на остальномъ тѣлѣ около 8 см. длиною. На верхнемъ концѣ лопатки волосы торчатъ, такъ что передъ лопаткой они направлены концами впередъ, а позади ея—назадъ. Цвѣтъ шерсти на головѣ, за исключеніемъ чернаго кольца вокругъ глаза, далѣе на затылкѣ, спинѣ до крестца, на шеѣ, груди, переднихъ конечностяхъ отъ середины плеча и на заднихъ отъ колѣннаго сочлененія, а также на заднихъ частяхъ—бѣловато-желтый; черная полоса тянется отъ шеи назадъ по плечамъ и бокамъ тѣла и такъ быстро увеличивается въ ширину, что на бокахъ и бедрахъ заднихъ ногъ составляетъ уже преобладающій цвѣтъ. Окраска обуславливается, впрочемъ, лишь кончиками волосъ, такъ какъ корни свѣтлаго сѣровато-желтаго цвѣта. Конецъ морды, губы, вѣки и подошвы ногъ голы и чернаго цвѣта, уши и хвостъ покрыты лишь рѣдкими волосами. Молодые животные бѣловато-желтаго цвѣта и лишь на второмъ и третьемъ году постепенно принимаютъ цвѣтъ взрослыхъ. Но и у этихъ послѣднихъ встрѣчаются уклоненія: не бываетъ иногда чернаго кольца вокругъ глазъ, части, которыя обыкновенно бѣловато-желтаго цвѣта, бываютъ сѣроваты или рыжевато-желты и т. д.

До настоящаго времени мы могли узнать мало о жизни этого замѣчательнаго существа. Въ Парагваѣ и Бразиліи тамандуа живетъ всюду въ уединенныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, охотно на опушкѣ лѣсовъ и въ кустарникахъ, иногда по близости человѣческихъ жилищъ. Онъ держится не только на землѣ, но поднимается

также ловко на деревьях, хотя это, как у лѣнливцевъ, происходитъ довольно медленно; при этомъ онъ, какъ настоящій цѣпкохвостый животный, заботливо держится хвостомъ, даже если сидитъ. Походка его, хотя и нѣсколько быстрее, чѣмъ у гуруми, но все-же очень медленна, какъ и вообще его должно считать вялымъ и тупымъ животнымъ. Для сна онъ ложится на брюхо, прикрѣпляется хвостомъ, прикладываетъ голову мордой къ груди и совершенно закрываетъ ее обѣими передними конечностями. Пища его состоитъ, какъ и у гривистаго муравьѣда, преимущественно изъ муравьевъ и притомъ главнымъ образомъ изъ такихъ, которые живутъ на деревьяхъ. Принцъ фонъ-Видъ нашелъ въ его желудкѣ лишь термитовъ, муравьевъ и ихъ куколокъ, но полагаетъ, что онъ, можетъ быть, ѣстъ и медъ. Землю и кусочки дерева тоже находятъ въ съѣденной имъ пищѣ. Голосъ его случается слышать

Тамандуа. *Tamanua tetradactyla*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

очень рѣдко. Самка рождаетъ, говорятъ, весной одного дѣтеныша и долго носить его съ собою на спинѣ.

Дополненіемъ къ предыдущему мы обязаны Гензелю. «Тамандуа гораздо обыкновеннѣе, чѣмъ большой муравьѣдъ; однако я нашелъ его лишь на опушкѣ дѣтвеннаго лѣса. Внутри его онъ мнѣ не попался, точно такъ-же я не встрѣчалъ его и вдали отъ лѣсовъ на открытыхъ саваннахъ. Нѣкоторые изъ собранныхъ мною экземпляровъ были застрѣлены на высокихъ деревьяхъ. Отъ врага этотъ муравьѣдъ старается всегда убѣжать, хотя и безъ особенной поспѣшности. Если его догонитъ человѣкъ или собака, то онъ поднимается на заднія ноги, какъ медвѣдь, и съ ворчаніемъ ожидаетъ противника, но никогда не обхватываетъ его. Переднія лапы его, кромѣ большихъ, согнутыхъ и острыхъ когтей, имѣютъ еще очень развитыя, крѣпкія, какъ роги, утолщенія на ладоняхъ; когтями онъ съ быстротою молніи схватываетъ противника, прижимая его въ то-же время къ ладонямъ. Я видѣлъ, какъ одинъ еще не взрослый тамандуа обезоружилъ двухъ большихъ собакъ, схвативъ одну за носъ, другую за верхнюю губу, и удерживая ихъ такимъ образомъ, стоя между ними на заднихъ ногахъ и разставивъ переднія. Въ такомъ случаѣ охот-

никъ обыкновенно перерѣзываетъ храброму животному сухожилія сочлененія передней лапы, чтобы заставить его выпустить собаку. Безмысленная страсть бразильцевъ къ убійству направляется и противъ этого безобиднаго и полезнаго животного. Для бразильца невозможно, увидѣвъ тамандуа, не сойти съ лошади, не разрубить животному голову своимъ большимъ ножомъ и оставить трупъ на съѣденіе грифамъ. Онъ дѣлаетъ это хотя-бы для того, чтобы испытать тяжесть и остроту своего ножа».

Тамандуа въ новѣйшее время тоже нѣсколько разъ привозили въ Европу и именно въ Лондонъ. Первому экземпляру Бартлетъ предоставилъ въ распоряженіе свою комнату, чтобы наблюдать движенія животнаго. Съ помощью сильныхъ крючковатыхъ когтей и цѣпкаго хвоста оно быстро взлѣзало на различные предметы домашней обстановки и, сдѣлавшись довѣрчивѣе, прыгало наконецъ отсюда Бартлету на плечи, всовывая острую морду и длинный червеобразный языкъ во все складки одежды своего хозяина и изслѣдуя не особенно пріятнымъ образомъ его уши, носъ и глаза. Если позднѣе приближался освѣтитель, то муравьѣдъ скоро подходилъ къ передней сторонѣ клѣтки и быстро проводилъ своимъ изслѣдующимъ языкомъ по рукѣ, опирающейся о жерди клѣтки; однако приходилось остерегаться, чтобы онъ не схватилъ пальцы когтями. Пища, которую ему давали, состояла изъ молока въ которомъ былъ размоченъ сладкій сахаръ, и изъ мелко изрубленнаго мяса. Животное было при этомъ здорово и бодро.

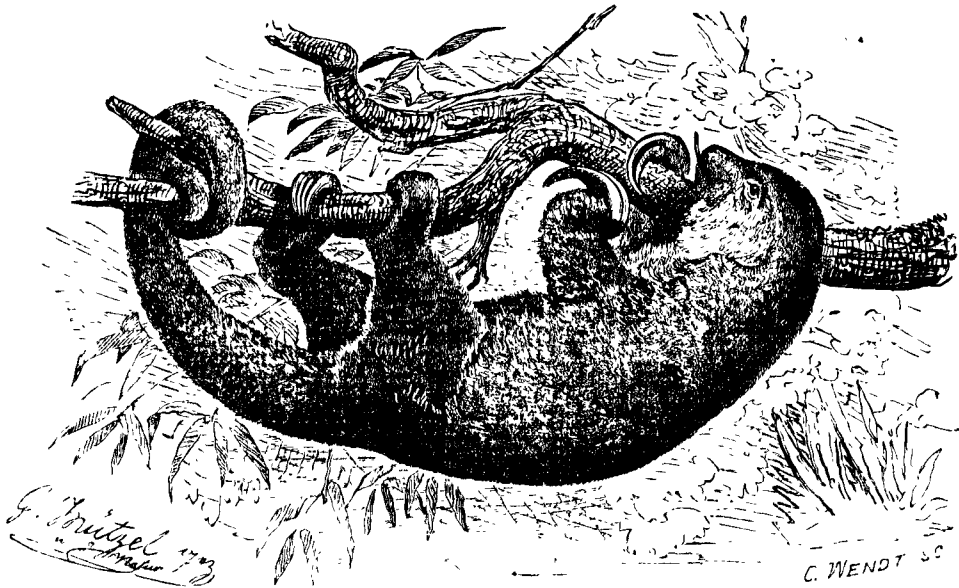
Своеобразенъ сильный запахъ, похожій на мускусный, который тамандуа распространяетъ, особенно въ раздраженномъ состояніи. Онъ пропитываетъ мясо этого животнаго и дѣлаетъ его несъѣдобнымъ для европейцевъ; тѣмъ не менѣе его ѣдятъ индѣйцы и негры, которые, чтобы добыть это жаркое, ставятъ въ лѣсахъ ловушки. Португальско-бразильскіе охотники готовятъ себѣ изъ крѣпкой кожи тамандуа чехлы отъ дождя для ружейныхъ замковъ.

* * *

Малый или двупалый муравьѣдъ (*Cycloturus didactylus*, *Myrmecophaga didactyla*, *Myrmidon didactylus*. *Zweizehige Ameisenfresser*. *Petit fourmilier*.), представитель послѣдняго рода этого семейства, животное величиною съ бѣлку, имѣетъ приблизительно 40 см. въ длину, изъ которыхъ на цѣпкій хвостъ приходится 18 см. На переднихъ ногахъ по четыре пальца, изъ которыхъ лишь два вооружены большими когтями, на заднихъ по пяти пальцевъ. Мѣхъ мягкій, какъ шелкъ, сверху лисьяго рыжаго цвѣта, снизу сѣраго; отдѣльные волосы внизу сѣро-бурые, вверху черные, на концѣ желто-бурые. Наблюдалиськлоненія въ цвѣтѣ. По внутреннему строенію тѣла этотъ родъ существенно отличается отъ своихъ родичей.

Хотя и малый муравьѣдъ сложенъ еще довольно неуклюже, но его все-же можно назвать красивымъ животнымъ, особенно отличающимся изяществомъ мѣха. Область распространенія его ограничена. Его находили до настоящаго времени лишь въ сѣверной Бразиліи, Гвіанѣ и Перу, слѣдовательно въ странахъ, лежащихъ между 10-мъ градусомъ южной и 6-мъ сѣверной широты. Въ горахъ онъ иногда поднимается до 600 м. надъ уровнемъ моря. Онъ почти повсюду рѣдокъ и встрѣчается не часто. Живетъ онъ въ самыхъ густыхъ лѣсахъ и здѣсь, благодаря своей позначительной величинѣ, легко избѣгаетъ взгляда охотника и вмѣстѣ съ тѣмъ и наблюденія. Какъ и остальные его родичи, онъ живетъ поодиночкѣ, и развѣ во время спариванія вмѣстѣ съ самкой. Въ качествѣ совершенно ночнаго животнаго онъ цѣлый день спитъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Движенія его неуклюжи, медленны и размѣренны; однако онъ лазаетъ ловко, хотя и осторожно и всегда съ по-

моцью хвоста. Муравьи, термиты, пчелы, осы и их личинки составляют его пищу; возможно, что онъ поѣдаетъ и другихъ мелкихъ насекомыхъ, которыя живутъ на деревьяхъ. Поймавъ болѣе крупную добычу, онъ, какъ говорятъ, садится подобно бѣлкѣ, на заднія лапы и подноситъ добычу ко рту когтями переднихъ конечностей. Въ случаѣ опасности онъ старается по мѣрѣ возможности защищаться, но его незначительная сила не можетъ спасти его даже отъ слабыхъ враговъ: онъ не можетъ защищаться противъ совъ средней величины. Объ его размноженіи не извѣстно ничего. Индѣйцы, говорятъ, убиваютъ его ради мяса. Вэтсъ наблюдалъ короткое время пойманнаго малаго муравьяда. Звѣрекъ былъ найденъ индѣйцемъ въ древесномъ дуплѣ, гдѣ онъ неподвижно висѣлъ, прицѣпившись къ дереву всеми четырьмя конечностями. Пока его не дразнили, онъ оставался въ одномъ и томъ-же положеніи, привѣсившись, какъ лѣнинецъ; разсерженный, онъ крѣпко держался

Малый муравьяда. *Cycloturus didactylus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

хвостомъ и задними ногами и старался по-коначки защищаться передними. Онъ и ночью оставался въ томъ-же положеніи, которое Вэтсъ наблюдалъ утромъ. На слѣдующій день его унесли на дерево въ садъ, но на слѣдующую ночь онъ исчезъ.

Броненосцы (*Dasypodidae*. *Gürteltiere*. *Dasypoides*) представляютъ, какъ и лѣнивицы, уцѣлѣвшихъ представителей когда-то обширнаго семейства. По сравненію съ нѣкоторыми изъ ихъ первобытныхъ родичей ихъ можно назвать лишь карликами. Глиптодонъ или гигантскій броненосецъ (*Glyptodon*) достигалъ величины носорога, нѣкоторые представители другихъ родовъ по крайней мѣрѣ размѣровъ быка, между тѣмъ какъ въ настоящее время длина броненосцевъ достигаетъ самое большее 1,5 метра, а безъ хвоста лишь 1 метръ. Все броненосцы—неуклюжія созданія съ вытянутой длинномордой головою, большими свиными ушами, толстымъ хвостомъ и короткими ногами, которыя снабжены очень большими когтями, служащими для конанія. Свое нѣмецкое названіе (*Gürteltiere*—пояснныя животныя) они получили отъ своеобразнаго строенія своего панциря; онъ отличается тѣмъ, что на

спинѣ лежатъ пластинки въ видѣ неполныхъ поясовъ, и именно расположеніемъ щитковъ онѣ и отличается отъ чешуйчатаго покрова другихъ млекопитающихъ. Средніе пояса, по которымъ различаются виды, хотя они не всегда встрѣчаются въ одномъ и томъ-же числѣ у одного вида, состоятъ изъ продолговато-четыреугольныхъ таблицъ, между тѣмъ какъ плечевой и крестцовый щиты образованы изъ поперечныхъ рядовъ четырехугольныхъ или шестиугольныхъ пластинокъ, между которыми вставляются мелкіе неправильные щитки. Темянной панцирь тоже состоитъ изъ щитковъ, по большей части пяти- или шестиугольныхъ. Панцирь находится у этихъ животныхъ лишь на спинной сторонѣ; нижняя сторона ихъ тѣла покрыта грубыми или мягкими щетинистыми волосами; такія-же щетины выдаются повсюду между щитками.

Внутреннее строеніе тѣла представляетъ нѣкоторыя особенности. Ребра, число которыхъ колеблется между 10 и 12, чрезвычайно широки и у нѣкоторыхъ видовъ касаются другъ друга. Въ позвоночникѣ шейные позвонки, за исключеніемъ перваго и втораго, сростаются часто болѣе или менѣе между собою. Число поясничныхъ позвонковъ колеблется между 1 и 6; крестецъ состоитъ изъ 8—12, а хвостъ изъ 16—31 позвонковъ. Замѣчательна далѣе толщина костей конечностей и пальцевъ. Зубы представляютъ такія различія, что по нимъ образовали нѣсколько подсемействъ. Ни въ одномъ семействѣ число зубовъ не колеблется въ такой чрезвычайной степени, какъ у броненосцевъ. У нѣкоторыхъ видовъ число зубовъ такъ велико, что названіе отряда можетъ быть примѣнено лишь въ томъ смыслѣ, что межчелюстные кости всегда лишены зубовъ, или что зубы ихъ не имѣютъ большого значенія. До сихъ поръ едва-ли можно было установить съ достаточной достовѣрностью, сколько зубовъ имѣется собственно у того или другого броненосца, такъ какъ число ихъ значительно колеблется у одного и того-же вида. Въ общемъ можно сказать, что число это никогда не бываетъ меньше 8 въ каждомъ ряду и можетъ доходить до 26 въ нижней и 24 въ верхней челюсти, благодаря чему все число зубовъ можетъ доходить отъ 96 до 100. Здѣсь, конечно, нельзя говорить о недостаткѣ зубовъ, но органы эти настолько лишены значенія, что собственно перестали быть настоящими зубами. Они имѣютъ форму валиковъ, сжатыхъ съ боковъ, и лишь молочные зубы одного вида имѣютъ настоящіе корни; зубы эти покрыты развѣ тонкимъ слоемъ эмали и представляютъ чрезвычайныя отклоненія по величинѣ. Обыкновенно они отъ перваго до средняго увеличиваются, а далѣе назадъ постепенно уменьшаются; но и это расположеніе не можетъ считаться правиломъ. Притомъ-же челюсти необыкновенно слабы. Зубы одной челюсти вдаются, правда, въ промежутки зубовъ другой, но животное не въ состояніи крѣпко кусать или жевать. Языкъ похожъ на червеобразный языкъ муравьѣдовъ, но не можетъ такъ далеко высовываться изъ рта и гораздо короче чѣмъ у нихъ, трехгранно заостренъ и усаженъ маленькими грибовидными или шишковидными сосочками. Чрезвычайно большія слюнные железы находятся на нижней челюсти и покрываютъ языкъ постоянно липкой слюзю. Желудокъ простой, кишка въ 8—11 разъ длиннѣе тѣла. Артеріи образуютъ мѣстами чудныя сѣтн, но не въ такихъ размѣрахъ, какъ у лѣнивцевъ. Обыкновенно бываетъ двѣ, рѣже четыре млечныхъ железы.

Всѣ броненосцы — обитатели южно-американской области и встрѣчаются на сѣверѣ до Мексики. Они живутъ на поросшихъ скудной растительностью и песчаныхъ равнинахъ, на поляхъ и встрѣчаются лишь на опушкѣ лѣсовъ, не проникая внутрь ихъ. Лишь во время спариванія попадаютъ по нѣскольку представителей одного вида вмѣстѣ; въ остальное время года каждый броненосецъ живетъ самъ по себѣ, не много заботясь

объ остальныхъ существахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя служатъ ему пищей. Всѣ виды днемъ по возможности прячутся и потому вырываютъ себѣ норы; норы эти у большинства не особенно длинны, но одинъ видъ ведетъ подземный образъ жизни, какъ кротъ. Остальные охотѣ всего вырываютъ норы у основанія большихъ муравейниковъ и термитовыхъ кучъ; причину этого легко понять, такъ какъ пища броненосцевъ состоитъ преимущественно изъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, а особенно муравьевъ. Червей и слизняковъ они тоже поѣдаютъ при случаѣ; не избѣгаютъ и падали; нѣкоторые охотно ѣдятъ также растительную пищу.

Съ наступленіемъ вечерней темноты броненосцы появляются передъ своими глубокими подземными жилищами и бродятъ нѣкоторое время, медленнымъ шагомъ передвигаясь съ мѣста на мѣсто. Настоящее царство ихъ—ровная рыхлая почва; здѣсь они настолько дома, какъ немногія другія животныя. Насколько медленными и вялыми кажутся они, когда ходятъ или иначе двигаются, настолько-же быстры и ловки, если надо зарыться въ землю. Поднятые, испуганные и преслѣдуемые, они спасаются лишь тѣмъ, что быстро зарываются въ землю. Они, дѣйствительно, такъ мастерски умѣютъ рыть, что могутъ буквально погрузиться въ землю на глазахъ наблюдателя. Чрезвычайная беззащитность сдѣлала-бы ихъ жертвой враговъ, если-бы они не умѣли прибѣгать къ этому роду бѣгства. Одинъ видъ обладаетъ способностью свертываться въ шаръ, какъ нашъ ежъ, но дѣлаетъ это лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ и, лишь только возможно, снова начинаетъ зарываться и прячется въ землю. Въ водѣ эти столь неуклюжія на видъ животныя умѣютъ, впрочемъ, тоже справляться: Гензель говоритъ, что они плаваютъ даже очень хорошо, быстро гребя, какъ кротъ.

Броненосцы—безобидныя, мирныя созданія съ тупыми чувствами, безъ какихъ-либо выдающихся душевныхъ способностей, а слѣдовательно вовсе не годны для того, чтобы имѣть дѣло съ человѣкомъ. Тотъ, кто видѣлъ ихъ, долженъ послѣ непродолжительнаго наблюденія вынести убѣжденіе, что такими равнодушными, глупыми и скучными созданіями много заниматься не стоитъ. Они или тупо лежатъ на одномъ мѣстѣ, или скребутъ и роютъ, чтобы выкопать себѣ логовище въ землѣ. Голосъ ихъ состоитъ изъ ворчанія безъ звучности и выраженія. Броненосцы тоже приближаются къ полному истребленію. Размноженіе ихъ незначительно. Нѣкоторые виды рожаютъ, правда, до девяти дѣтенышей, но ростъ ихъ идетъ на столько медленно и животныя такъ беззащитны противъ своихъ многочисленныхъ враговъ, что нечего надѣяться на увеличеніе ихъ числа.

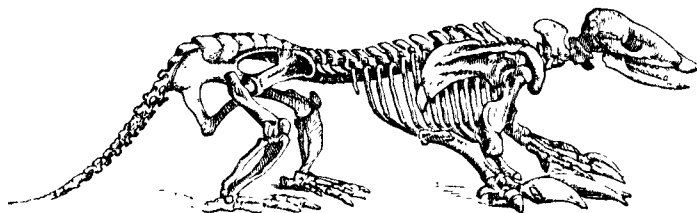
Семейство распадается по особенностямъ зубной системы, внутренностей и половыхъ органовъ, числу пальцевъ, строенію когтей и числу поясовъ панциря на шесть родовъ, изъ которыхъ одинъ (*Tatusia*) занимаетъ отдѣльное положеніе по сравненію съ пятью остальными, которые близко родственны между собою.

Броненосцы или Армадиллы (*Dasypus*, *Gürteltiere*, *Tatous*) всѣ болѣе или менѣе одинаковы по виду. Тѣло, стоящее на короткихъ ногахъ, сжато, коническій хвостъ средней длины, покрытъ панциремъ и не гибокъ, состоящій изъ щитовъ панцирь костяной и вполне сросшіяся съ тѣломъ. На срединѣ спины замѣтно шесть или болѣе подвижныхъ поясовъ. Всѣ ноги пятипалыя, когти переднихъ ногъ сжаты, наружные слегка обращены кнаружи.

Азара, Ренггеръ, принцъ фонъ-Видъ, Чуди, Гензель и другіе дали намъ превосходныя описанія жизни броненосцевъ и познакомили насъ съ ними до мелочей. Всѣ броненосцы носятъ на гуаранскомъ языкѣ родовое названіе «тату», которое было

перенесено въ нѣкоторые европейскіе языки, напр. французскій. Названіе армадиллы испанскаго происхожденія и означаетъ собственно вооруженный или покрытый панциремъ. Этимъ названіемъ означаютъ преимущественно шестипоясного броненосца, между тѣмъ какъ для остальныхъ сохраняютъ гуаранскія и другія туземныя имена.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ—это **Щетинистый броненосецъ, Татупойу** гуаранцевъ, т. е. тату съ желтой рукой, (*Dasypus villosus*, *Euphractes villosus*, *Tastuia villosa*. *Borstengürteltier*. *Tatou velu*) изъ пампасовъ Буэнос-Айреса, имѣетъ самый некрасивый и неуклюжій видъ изъ всѣхъ родичей. Голова широкая, сверху плоская, съ тупою мордой, глаза малы, уши воронкообразны и покрыты красной сѣтчатой кожей, шея коротка и толста, тѣло широко и какъ-бы сплюснуто сверху внизъ. Короткія, толстыя, пятипалыя ноги вооружены большими когтями. Верхняя часть головы покрыта группой неправильныхъ шестиугольныхъ щитковъ; панцирь имѣетъ надъ каждымъ глазомъ по маленькой вырѣзкѣ. На затылкѣ находится 9 стоящихъ рядомъ продолговато-четыреугольныхъ щитковъ, на передней части спины по бокамъ 7, посрединѣ 5 рядовъ неправильныхъ шестиугольныхъ пластинокъ. За этимъ плечевымъ панциремъ слѣдуетъ 6 отдѣленныхъ другъ отъ друга и подвиж-

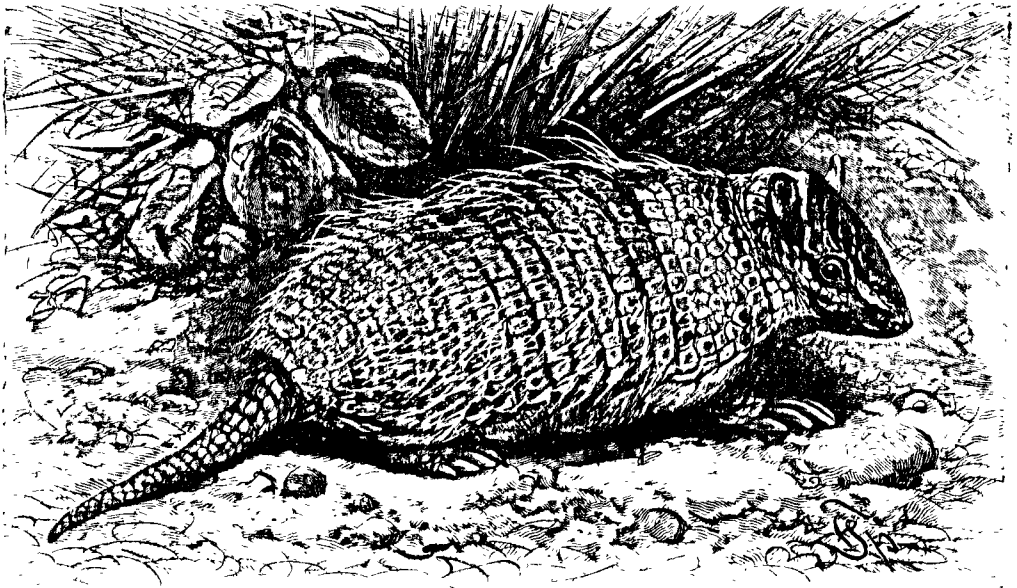
Скелетъ броненосца.

ныхъ поясовъ продолговато-четыреугольныхъ щитковъ, и затѣмъ крестцовый или бедренный панцирь, состоящій изъ 10 рядовъ продолговато-четыреугольныхъ щитковъ. Эти послѣдніе тѣсно прилегаютъ другъ къ другу; послѣдній изъ нихъ по срединѣ задняго края имѣетъ маленькую вырѣзку. Хвостъ у основанія покрытъ панциремъ изъ 5 отдѣленныхъ другъ отъ друга колець, состоящихъ изъ четырехугольныхъ щитковъ, остальную часть его покрываютъ неправильныя шестиугольныя чешуи. Наконецъ подъ каждымъ глазомъ находится вертикальныя, связанные между собою ряды щитковъ, имѣющіе въ длину 5—7 см., а на шеѣ два такихъ-же поперечныхъ, не связанныхъ между собою. Верхняя сторона лапъ и передняя сторона переднихъ конечностей тоже покрыты неправильными шестиугольными чешуями. Остальную часть тѣла покрываетъ толстая морщинистая кожа, на которой находится большое число плоскихъ бородавокъ. У задняго края головного щита, плечевого панциря, спинныхъ поясовъ, отдѣльныхъ рядовъ щитовъ крестцоваго панциря и хвостовыхъ колець находится по нѣскольку жесткихъ пластинокъ, обыкновенно по двѣ щетинки позади каждого щитка. Такіе волоса находятся также позади плоскихъ кожныхъ бородавокъ, покрывающихъ пальцы. Сами щитки различнаго строенія. У четырехугольныхъ пробѣгаютъ вдоль два желобка; остальные болѣе или менѣе ровныя. Цвѣтъ ихъ буровато-желтый; благодаря тренію о стѣнки норъ они становятся однако иногда свѣтло-желтыми или желтовато-бѣлыми. Кожа такого-же цвѣта, какъ спина. Волоса свѣтлые, тѣ, которые находятся на голой кожѣ, бурые. Нерѣдко встрѣчаются отдѣльныя броненосцы, принадлежащіе къ этому виду, у которыхъ вмѣсто 6 подвижныхъ спинныхъ поясовъ ихъ 7, а въ крестцовомъ панцирѣ вмѣсто

10 рядовъ щитовъ ихъ 11. Длина животнаго равняется 50 см., длина хвоста 24 см., высота у загривка также 24 см.

Шестипоясный броненосецъ (*Dasypus sexcinctus*, *D. setosus* и *gilvipes*. *Sechsbindingürteltier*. *Tatou à six bandes*), рисунокъ котораго здѣсь помѣщенъ, похожъ на вышеописаннаго; длина его, включая хвостъ, имѣющій въ длину 20 см., равна 56—60 см.; между и позади ушей у него находится полоса, состоящая изъ восьми щитовъ; между плечевымъ и крестцовымъ панциремъ шесть широкихъ поясовъ, цвѣтъ панциря буровато-желтый, на верхней сторонѣ болѣе темный, цвѣтъ кожи блѣдно-буровато-желтый.

Броненосцы не живутъ въ одной опредѣленной области, а часто перемѣняютъ логовище. Оно состоитъ изъ выкопанной ими самими норы въ видѣ галлерей, дли-

Шестипоясный броненосецъ *Dasypus sexcinctus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

ною въ 1—2 метра. При входѣ нора круглая и, смотря по величинѣ животнаго, диаметръ ея бываетъ отъ 20 до 60 см.; къ слѣдующему концу ходъ расширяется и оканчивается котлообразно, такъ что животное удобно можетъ поворачиваться въ глубинѣ норы. Направленіе хода различное. Сначала онъ идетъ внизъ косвенно подъ угломъ, равнымъ приблизительно половинѣ прямого, затѣмъ поворачиваетъ и идетъ; то прямо, т. е. горизонтально, то изгибается въ ту или другую сторону. Въ такихъ норахъ броненосцы проводятъ все время, которое не употребляютъ на отыскиваніе добычи. Въ безлюдныхъ мѣстностяхъ они выходятъ и днемъ, если небо покрыто тучами и имъ не мѣшаетъ яркій солнечный свѣтъ; въ населенныхъ мѣстахъ они не оставляютъ своихъ жилищъ до наступленія сумерекъ, но затѣмъ бродятъ цѣлую ночь. Для нихъ, повидимому, довольно безразлично, найдутъ-ли они обратный путь къ своей норѣ или нѣтъ; если они заблудятся, то безъ затрудненія вырываютъ себѣ новую. Съ этимъ они связываютъ двойную цѣль. Азара наблюдалъ, а другіе естественныя испытатели подтвердили, что броненосцы устраиваютъ свои жилища главнымъ образомъ подъ муравейниками и жилищами термитовъ, такъ какъ такимъ образомъ

они въ состояніи очень удобно собирать свою главнѣйшую пищу и днемъ. Они подрываютъ снизу муравейники и съѣдаютъ ихъ обитателей, такимъ образомъ черезъ нѣкоторое время нора оказывается утратившей свою цѣну, пока муравьи опять не разведутся. Тогда ничто не можетъ удерживать ихъ въ старой норѣ и они до нѣкоторой степени принуждены выкопать себѣ новую, чтобы отыскать новое мѣсто для добычи. Кромѣ муравьевъ и термитовъ пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ жуковъ и ихъ личинокъ, гусеницъ, кузнечиковъ и земляныхъ червей. Ренггеръ замѣтилъ, что одинъ тату выкапывалъ зарывшихся въ землю навозныхъ жуковъ и жадно отыскивалъ и поѣдалъ вылѣзавшихъ дождевыхъ червей; но онъ исправляетъ мнѣніе Азары, будто-бы отъ преслѣдованій броненосцевъ не безопасны и маленькія птицы, и именно гнѣздящіяся на землѣ, а также ящерицы, жабы и змѣи; онъ полагаетъ, что они отыскиваютъ и падалъ лишь за тѣмъ, чтобы поѣдать находящихся тамъ насѣкомыхъ. Напротивъ, несомнѣнно, что броненосцы ѣдятъ растительную пищу: Ренггеръ нашелъ ее въ желудкѣ убитыхъ имъ животныхъ. Два встрѣтившихся броненосца разнаго пола обнюхиваютъ другъ друга, минуты двѣ остаются вмѣстѣ, спариваются и, удовлетворивъ половое побужденіе, каждый изъ нихъ плетется далѣе такъ равнодушно, какъ будто-бы никогда и не видалъ на свѣтѣ другого броненосца.

Можно допустить, что описанныя прогулки всегда происходятъ лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ. Обыкновенно всѣ броненосцы движутся медленнымъ шагомъ; наиболѣе быстрое движеніе, на которое они способны, представляетъ нѣсколько болѣе скорая рысь, съ помощью которой они однако передвигаются настолько быстро, что человекъ не можетъ догнать ихъ. Дѣлать прыжки или быстро и ловко поворачиваться имъ невозможно. Скакать они не могутъ вслѣдствіе своей неуклюжести, а скоро поворачиваться мѣшаетъ тѣсно прилегающій панцирь. Поэтому они, ускоряя до крайности свой бѣгъ, могутъ плестись рысью лишь по прямому направленію или дѣлая очень большую дугу, и были-бы совершенно беззащитны противъ своихъ различныхъ враговъ, если-бы не умѣли прибѣгать къ другимъ уловкамъ. Недостатокъ проворства вознаграждается у нихъ большою мышечною силою. Она проявляется особенно въ быстротѣ, съ которою они зарываются въ землю и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ кирка съ трудомъ входитъ въ землю, какъ напр. у подножія холмиковъ, построенныхъ термитами. Взрослому тату, почувавшему близость врага, достаточно трехъ минутъ, чтобы выкопать ходъ, значительно превосходящій по длинѣ его тѣло. При рытѣ броненосцы царапаютъ землю когтями переднихъ ногъ и отбрасываютъ разрыхленную землю назадъ задними ногами. Какъ скоро они зарылись болѣе, чѣмъ на длину тѣла, то даже самый сильный человекъ не въ состояніи вытащить ихъ обратно изъ норы за хвостъ. Такъ какъ норы ихъ никогда не бываютъ шире того, сколько нужно, чтобы проникнуть въ нихъ, то животному стоитъ лишь нѣсколько согнуть спину, и края поясовъ сверху, а острые когти снизу оказываютъ такое сопротивление, что человекъ тщетно сталъ-бы пытаться овладѣть имъ. Азара видѣлъ, какъ одному тату, чтобы легче вытащить его, вонзили ножъ въ заднепроходное отверстіе; животное судорожно держалось и рыло далѣе. Часто они освобождаются также, когда ихъ вырвали уже изъ норы, внезапно сгибаясь и снова расправляясь, какъ пружина. Гензель подтверждаетъ эти указанія болѣе старыхъ изслѣдователей и прибавляетъ, что пойманный тату нарочно притворяется, повидимому, совершенно покорно подчиняясь своей судьбѣ, но тотчасъ-же старается освободиться, лишь только почувствуетъ, что рука не такъ крѣпко держитъ его.

Смотряно времени оплодотворенія, самка рождаетъ зимою или весною, несмотря на незначительное число сосковъ, 4—6 дѣтенышей и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль

заботливо прячетъ ихъ въ своей норѣ. У дѣтенышей трудно различать полы, и потому бразильцы думаютъ, что всѣ дѣтеныши одного помета или самцы, или самки. Вѣроятно время кормления дѣтенышей молокомъ продолжается недолго, такъ какъ скоро можно видѣть дѣтенышей бѣгающими по полямъ. Какъ скоро они нѣсколько подросли, каждый направляется своимъ путемъ, и самка нѣсколько не заботится болѣе о своемъ потомствѣ. Вообще броненосцы всегда встрѣчаются по-одиночкѣ, кромѣ развѣ того случая, когда въ норѣ помѣщается мать съ ея еще сосущими дѣтенышами.

За тату обыкновенно охотятся при лунномъ свѣтѣ. Охотникъ вооружается толстой палкой изъ твердаго дерева, которая на концѣ заострена или оканчивается утолщеніемъ, и отыскиваетъ животныхъ съ помощью нѣсколькихъ собакъ. Если тату замѣчаетъ собакъ заблаговременно, то тотчасъ-же убѣгаетъ въ свою нору или вырываетъ себѣ новую; это онъ дѣлаетъ гораздо охотнѣе, чѣмъ отыскиваетъ убѣжище въ чужомъ жилищѣ. Если-же собаки настигаютъ его, прежде чѣмъ онъ залѣзъ въ нору, то онъ погибъ. Такъ какъ онѣ не могутъ схватить его зубами, то крѣпко держатъ его мордой и лапами, пока не подоспѣетъ охотникъ, который и убиваетъ его ударомъ по головѣ. Опытныя собаки стараются, по словамъ Гензеля, перевернуть носомъ убѣгающаго тату на спину, чтобы имѣть возможность схватить его за нижнюю сторону тѣла, и разрываютъ его, какъ только это случится, мгновенно—въ буквальномъ смыслѣ этого слова—при чемъ панцырь хруститъ на ихъ зубахъ, точно онѣ давятъ яичную скорлупу. Въ норѣ тату всегда уходитъ отъ собакъ, такъ какъ даже если нора не глубока, то собаки тщетно пытаются вырыть его; дѣло въ томъ, что броненосецъ быстрѣе зарывается далѣе, чѣмъ могутъ слѣдовать за нимъ болѣе крупныя собаки. Схваченный собаками, онъ никогда и не пытается какъ-либо защищаться, хотя, повидимому, могъ-бы нанести значительныя поврежденія когтями. Азара говоритъ, что это вовсе не сварливое существо, а, напротивъ, оно даже миролюбивѣе опоссума, который, при всей своей трусости, иногда порядочно кусается. Если-же тату заблаговременно убѣжалъ въ свою нору, то охотникъ до тѣхъ норъ увеличиваетъ ее съ помощью палки, пока она не станетъ достаточно широкой, чтобы онъ могъ схватить тату за хвостъ. Если онъ держится въ болѣе глубокой норѣ, то этотъ приемъ не примѣнимъ; животное лежитъ недалеко отъ входа на подстилкѣ изъ листьевъ и не убѣгаетъ даже тогда, если собаки привимаются уже рыться у входа. Только если туда всунуть палку или пруть, то оно, ворча и шума, спѣшитъ въ глубину норы. Если по близости есть вода, то часто съ усѣхкомъ наполняютъ ею нору и принуждаютъ этимъ животное покинуть жилище или устраиваютъ у входа ловушку, которая и убиваетъ тату, когда онъ выйдетъ.

При той огромной массѣ норъ, которая встрѣчается тамъ, гдѣ эти животныя обыкновенны, было-бы трудно отличать обитаемыя норы отъ брошеныхъ, если-бы опытные индѣйцы не умѣли истолковывать мелкія указанія. Къ обитаемымъ норамъ по песку пробѣгаетъ своеобразный слѣдъ, именно—маленькій неглубокій желобокъ отъ хвоста, который животное волочитъ за собою. Передъ норою находится обыкновенно и помѣсть ея обитателя, который никогда не испражняется внутри своего жилища; наконецъ, во всѣхъ норахъ, въ которыхъ находится тату, кишитъ множество москитовъ, конечно, собирающихся сюда затѣмъ, чтобы высасывать у беззащитнаго броненосца кровь изъ непокритыхъ частей тѣла. Этихъ указаній совершенно достаточно для опытныхъ охотниковъ. Всѣ броненосцы существа ненавидимыя южно-американцамъ, такъ какъ, благодаря имъ, происходятъ различныя несчастныя случаи. Броненосцы мѣстами сильно досаждаютъ своей работой сѣдымъ наѣздицамъ степей, которые проводятъ на лошади большую часть своей жизни. Лошадь, мчащаяся галопомъ, вдругъ попадаетъ ногою въ нору и можетъ

разбиться вмѣстѣ съ всадникомъ. Поэтому всѣ владѣльцы фермъ преслѣдуютъ бѣдныхъ броненосцевъ самымъ ожесточеннымъ образомъ. Кромѣ людей ихъ преслѣдуютъ болѣе крупные виды кошекъ, бразильскій волкъ и агуарачай. Однако, повидимому, всѣ эти враги причиняютъ имъ не очень много вреда, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ оставляетъ ихъ въ покоѣ, они всегда встрѣчаются въ большомъ числѣ.

Тату рѣдко воспитываютъ въ Парагваѣ. Они слишкомъ скучные и, благодаря своему рытью, слишкомъ вредные обитатели человѣческихъ жилищъ, чтобы люди могли особенно подружиться съ ними. Днемъ они совершенно спокойно держатся въ углу своей кѣтки, втягиваютъ ноги подъ панцырь и наклоняютъ къ землѣ острую морду, но любятъ также, какъ сообщаетъ Гаакъ, спать лежа на спинѣ и вытянувъ всѣ четыре ноги вверхъ, причемъ часто дѣлаютъ судорожныя движенія. Съ наступленіемъ ночи они начинаютъ бѣгать, ѣдятъ данную имъ пищу и пытаются, отъ времени до времени, вырыть когтями дыру. Если ихъ оставить на свободѣ на дворѣ, то они иногда уже днемъ, а навѣрное въ ближайшую ночь, зарываются въ землю и живутъ затѣмъ, какъ на волѣ, т. е. показываются лишь ночью и черезъ каждые 3 или 4 дня вырываютъ себѣ новую нору. Никогда не выказываютъ они какимъ-либо дѣйствіемъ, что обладаютъ значительнымъ умомъ. Людей, повидимому, они едва отличаютъ отъ другихъ существъ, съ которыми живутъ; однако они привкаютъ къ тому, чтобы человѣкъ трогалъ и носилъ ихъ, между тѣмъ какъ стараются убѣжать отъ собакъ и кошекъ. Если ихъ испугать ударомъ или громкимъ звукомъ, то они быстро отбѣгаютъ на нѣсколько шаговъ и тотчасъ-же пытаются вырыть нору; если ихъ дразнить, то они, по словамъ Гаакъ, пускаютъ въ дѣло свой лобный панцырь, которымъ и упираются въ нарушителя ихъ спокойствія. На бѣгу они не обращаютъ вниманія ни на неодушевленные предметы, ни на живыхъ животныхъ, лежащихъ у нихъ на пути, а бѣгутъ черезъ все. Изъ ихъ чувствъ выше всего стоитъ обоняніе, слухъ слабѣе, а глаза ихъ совершенно ослѣпляются яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, да и въ сумерки пригодны лишь для разсматриванія предметовъ, находящихся очень близко.

Броненосцы, которыхъ часто привозятъ въ Европу, и въ нѣкоторыхъ зоологическихъ садахъ запираютъ вмѣстѣ съ обезьянами, питаются въ неволѣ червями, наѣдомыми, личинками и сырымъ или варенымъ мясомъ, которое имъ надо давать маленькими кусочками, такъ какъ они не могутъ ничего откусить отъ большого куска. Они хватаютъ пищу губами или своимъ очень вытяжнымъ языкомъ. При нѣсколько подходящемъ уходѣ они остаются цѣлыя годы въ самомъ лучшемъ состояніи, волей или неволей служатъ обезьянамъ въ качествѣ верховыхъ животныхъ и товарищей игръ, терпѣливо переносятъ все, привыкаютъ къ прогулкамъ днемъ и даже приступаютъ къ размноженію. Дѣтеныши, рожденные въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, появились на свѣтъ слѣпыми, и ихъ еще мягкая кожа представляла всѣ складки и мѣста щитовъ кожи взрослыхъ. Ростъ ихъ подвигался чрезвычайно быстро; одинъ изъ нихъ въ теченіи 10 недѣль увеличился въ вѣсѣ почти на 1,5 килогр., а въ длину на 25 см. Въ Кельнскомъ зоологическомъ саду одна самка два раза рождала по два дѣтеныша. «Въ исторіи размноженія этихъ замѣчательныхъ животныхъ», писалъ мнѣ Бодинусъ, «многое осталось для меня темнымъ, несмотря на то, что я ежедневно видѣлъ ихъ. Я могу лишь сказать, что половая потребность самца въ періодѣ спариванія просто неутомима. Онъ нападаетъ на свою самку во всякомъ положеніи и долго гоняетъ ее кругомъ. Рожденіе дѣтенышей удивило меня, такъ какъ трудно различать полы, а я не замѣтилъ въ объемѣ самки никакого измѣненія. Ея относительно очень большіе дѣтеныши были найдены полумертвыми отъ холода въ подстилкѣ кѣтки. Самка старалась зарыть ихъ тамъ.

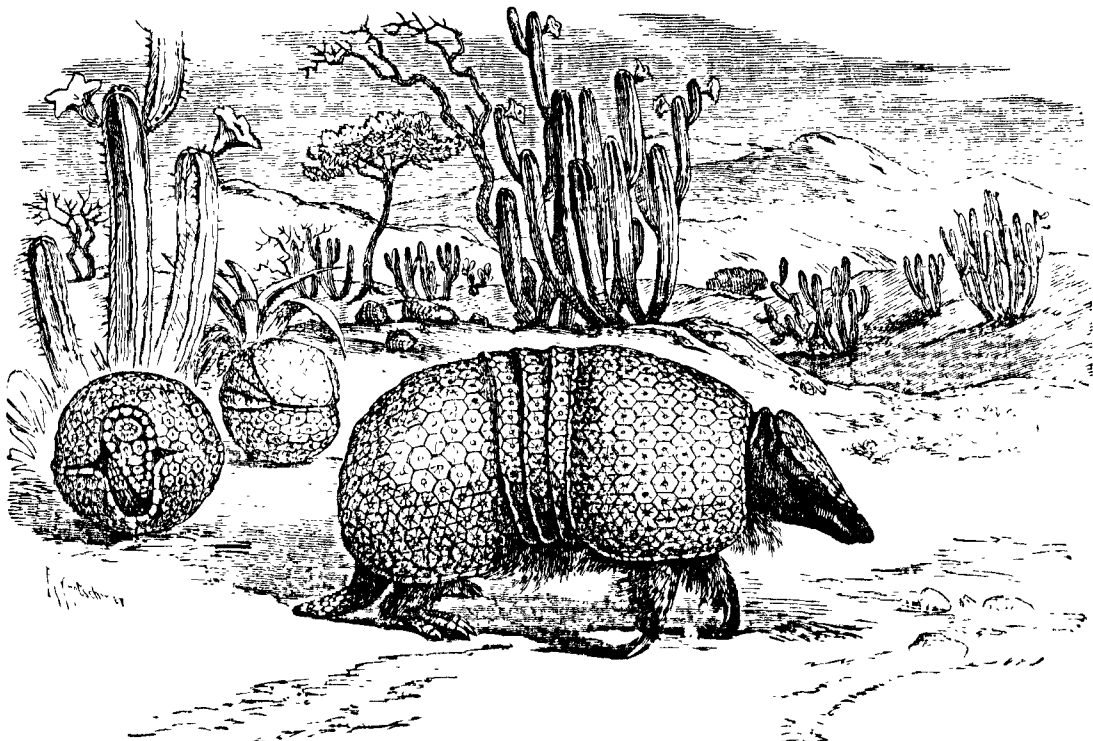
При этомъ она толкала дѣтенышей самымъ грубымъ образомъ, царапала и била когтями бѣдныхъ звѣрковъ до крови и постоянно снова принималась за это, когда дѣтенышей взяли отъ нея, обогрѣли и снова положили къ ней, чтобы мать накормила ихъ молокомъ. Но объ этомъ нечего было и думать. Для меня было невозможно открыть хотя-бы слѣдъ молока, молочныя железы притомъ нисколько не были опухшими. Что побуждаетъ мать къ такому странному поведенію по отношенію къ дѣтенышамъ, я не могъ до сихъ поръ выяснитъ, и необходимы дальнѣйшія наблюденія. Какъ только мнѣ удастся замѣтить беременность самки, я приму мѣры, чтобы приготовить животному по возможности естественное логовище для родовъ».

Польза броненосцевъ значительна. При обильной пищѣ животныя становятся настолько жирными, что все тѣло кажется какъ-бы завернутымъ въ сало. Индѣйцы страстно любятъ поэтому мясо всѣхъ видовъ, европейцы-же ѣдятъ лишь мясо двухъ броненосцевъ. По Каплеру, мясо теряетъ свойственный ему мускусный запахъ, если его положить на ночь въ соленую воду съ лимоннымъ сокомъ. Ренггеръ увѣряетъ, что жареное и приправленное испанскимъ перцемъ мясо броненосца представляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ кушаній. Всѣ остальные путешественники согласны съ этимъ. «Мясо тату», говоритъ Гензель, «лакомство; оно нѣжно и бѣло, какъ куриное, а обильный жиръ по вкусу совершенно похожъ на жиръ почечъ теленка». Приготавливается оно, по Чуди, крайне простымъ способомъ. Животному вскрываютъ брюхо, тщательно вынимаютъ внутренности, натираютъ солью, перцемъ и другими пряностями и жарятъ тату на угляхъ въ его панцырѣ, пока онъ не опалится довольно сильно; тогда панцырь легко отстаетъ отъ готоваго мяса. Вѣроятно, благодаря нѣсколько странному виду животнаго, бразильцы не часто ѣдятъ его; негры-же очень любятъ его и потому ревностно охотятся за всѣми броненосцами. Кромѣ этого убитый тату мало приноситъ пользы. Индѣйцы въ Парагваѣ приготавливаютъ изъ панцыря маленькія корзинки, ботогуды изъ снятаго хвостоваго панцыря—говорныя трубы; прежде употребляли куски панцыря и для приготовленія гитаръ.

* * *

Туземцы называютъ **Апаръ** или **Матако**, испанцы **Болита** еще мало извѣстнаго **Трехпояснаго броненосца** (*Tolypeutes tricinctus*, *Dasyurus apar* и *tricinctus*, *Tatusia apar* и *tricincta*. *Kugelgürteltier*. *Mataco*), представителя другого рода, первое описаніе котораго было, вѣроятно, сдѣлано по чучелу, составленному изъ отдѣльныхъ частей различныхъ животныхъ. Однако уже Азара далъ настолько ясное описаніе, что не могло быть сомнѣнія въ существованіи этого животнаго. Онъ говоритъ, что матако не встрѣчается въ Парагваѣ, а попадаетъ лишь подъ 36 градусомъ южной широты. «Нѣкоторые называютъ его «болита» (шаръ), такъ какъ онъ одинъ изъ всѣхъ тату, если испугается или его хотятъ поймать, прячетъ голову, хвостъ и четыре ноги; при этомъ онъ образуетъ изъ всего тѣла шаръ, который можно катать по всѣмъ направленіямъ безъ того, чтобы онъ развернулся. Развернуть этотъ шаръ можно лишь съ большимъ усиліемъ. Охотники убиваютъ это животное, съ силою бросая его о землю. Я видѣлъ лишь одного, котораго мнѣ подарили; но онъ былъ такъ слабъ и боленъ, что умеръ уже на слѣдующій день. Онъ постоянно держался въ очень скорченномъ положеніи, почти въ видѣ шара и неклюже бѣгалъ, не вытягивая тѣла, едва поднималъ при этомъ ноги и ступаль вмѣсто подошвъ концами большихъ пальцевъ (слѣдовательно концами когтей), хвостъ онъ тоже держалъ въ такомъ положеніи, что онъ почти касался земли. Переднія и заднія ноги у него гораздо слабѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ, и когти не особенно удобны для рытья. Поэтому я сомнѣваюсь, чтобы онъ выкапывалъ себѣ норы; если онъ дѣйствительно

входить въ норы, то онѣ, вѣроятно, выкопаны другими представителями той-же группы. Я спрашивалъ объ этомъ, и всѣ утверждали, что матако всегда встрѣчается на поверхности земли. Просто невозможно распрямить его тѣло противъ его воли, какъ я часто дѣлалъ съ другими животными, чтобы измѣрить ихъ. Длина его отъ конца морды до конца хвоста равняется 45 см., а хвостъ 7 см.; внизу у конца онъ круглъ или конической формы, при основаніи-же сплюснутъ и широкъ. Чешуи у него тоже не такія, какъ у остальныхъ, а похожи болѣе на крупныя зерна и сильно выдаются; лобная броня вверху гораздо толще, чѣмъ у остальныхъ, и состоитъ изъ рядовъ щитовъ и неправильныхъ кусковъ. Уши, хотя и имѣютъ 2,5 см. длины, но не достигаютъ верхушки лобнаго панцыря, который очень значительно

Трехпоясный броненосецъ. *Tolypeutes tricinctus*. По рисункамъ Геринга. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

выдается надъ головою. Плечевой щитъ 6,5 см. ширины и отличается замѣчательными острыми по одному съ каждой стороны; животное можетъ покрывать и защищать имъ не только глаза, но и большую часть головы (вѣроятно, когда свертывается). Каждый изъ трехъ спинныхъ поясовъ матако имѣетъ длину 1,7 см., но они суживаются по направленію къ бокамъ; крестцовый щитъ шириною въ 15 см. Всѣ отдѣльныя чешуи щитовъ и поясовъ неправильны, шероховаты, бугорчаты, и каждый изъ нихъ въ свою очередь состоитъ изъ множества болѣе мелкихъ неправильныхъ кусочковъ. Цвѣтъ всего животнаго темно-свинцово-сѣрый, блестящій или буроватый, кожа между полосами бѣловатая, а на нижней сторонѣ темная. Здѣсь едва попадаются щитки, но они сидятъ очень часто и велики на наружной сторонѣ ногъ и на бокахъ, гдѣ соединяются пояса. Тамъ замѣтны и мускулы, стягивающіе щиты, чтобы образовать изъ нихъ шаръ. Однѣ лапы лишены чешуи, хотя на нихъ и находятся отдѣльныя щитки».

Другіе путешественники тоже рассказываютъ объ этомъ броненосцѣ и указываютъ, что собаки нападаютъ на него съ большой яростью, такъ какъ онѣ не въ состояніи разгрызть панцирь и тщетно пытаются унести свернувшееся животное. Если онѣ хватаютъ болита съ одной стороны, то большой гладкій шаръ выскальзываетъ изъ ихъ зубовъ, и мячикъ катится по землѣ, не терпя отъ этого никакого вреда. Это въ высшей степени озлобляетъ всѣхъ собакъ и ихъ ярость возрастаетъ все больше и больше соответственно тому, чѣмъ меньше ихъ усилія сопровождаютъ желаемымъ результатомъ, точно также, какъ это бываетъ и съ нашимъ ежомъ.

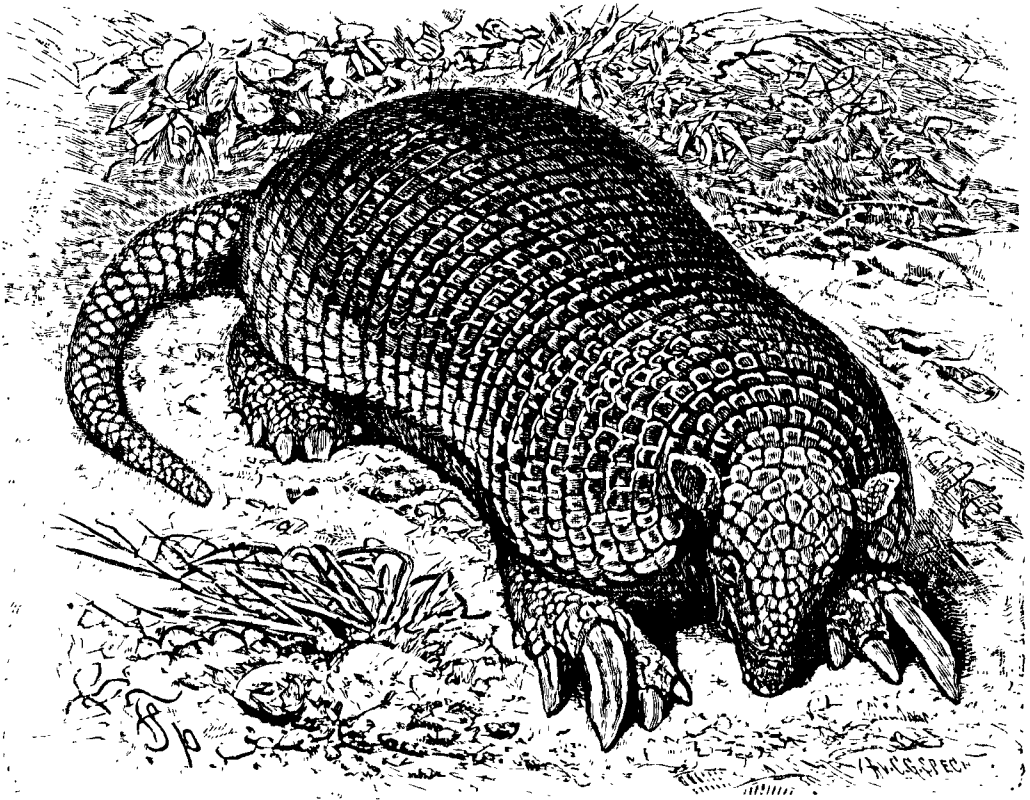
Герингъ получилъ живого болита изъ Санъ-Луи въ западной Аргентинѣ, его настоящей родинѣ или, по крайней мѣрѣ изъ той страны, гдѣ это животное встрѣчается чаще всего. Тамъ трехпоясный броненосецъ живетъ, совершенно какъ описываетъ Азара, на открытыхъ равнинахъ; Герингъ не могъ узнать, живетъ ли онъ также въ вырытыхъ имъ самимъ норахъ. Туземцы при случаѣ берутъ его во время ловли другихъ броненосцевъ, которые, какъ было замѣчено, составляютъ любимую пищу гаучосовъ, и убиваютъ, если хотятъ съѣсть, еще и въ настоящее время тѣмъ-же способомъ, какъ описалъ Азара. Но такъ какъ матако привлекательное созданіе, то они обыкновенно падаютъ его и держатъ въ неволѣ. Дѣти играютъ съ нимъ въ такомъ случаѣ, катаютъ его туда и сюда или заставляютъ бѣгать по доскѣ, забавляясь стукомъ, который онъ производитъ, благодаря своей странной поступи. Геринга часто посѣщали туземцы и просили показать своего плѣнника. Хотя это животное еще недолго пробывало въ неволѣ, однако оказалось съ перваго мгновенія довѣрчивымъ и безъ колебанія брало изъ рукъ предлагаемый ему кормъ. Оно ѣло всякіе плоды и листья, особенно персики, тыкву и салатъ, правда лишь тогда, когда пищу держали передъ нимъ, но по нѣскольку разъ въ день, каждый разъ, какъ ему давали что-нибудь. Благодаря его маленькому ротовому отверстию, приходилось разрѣзать ему пищу на тонкіе кусочки, которые оно въ такомъ случаѣ ѣло очень изящно. Спалъ матако какъ ночью, такъ и днемъ. При этомъ онъ вытягивалъ ноги прямо передъ собою, подбиралъ заднія ноги и, лежа на нихъ и на брюхо, нагибалъ внизъ голову и пряталъ ее между передними ногами. Спина при всякомъ положеніи оставалась сильно выгнутой: животное было не въ состояніи совершенно распрямиться. Хотя оно совершенно спокойно ѣло и бѣгало въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, но мгновенно свертывалось, если его трогали, а если на него давили, то свертывалось такъ сильно, что принимало почти совершенно шарообразную форму. Если его оставляли въ покоѣ, то оно постепенно вытягивалось снова и продолжало свою прогулку. Если шаръ клали на ладонь спиною внизъ, то болита тоже медленно развѣтывался и вытягивалъ всѣ четыре ноги прямо вверхъ, дергалъ иногда головою и передними ногами, но не дѣлалъ никакихъ усилій освободиться. Если его трогали за грудь, то онъ начиналъ двигать передними ногами; опускать голову онъ позволялъ, не выказывая сопротивленія.

Животное это было необыкновенно красиво и каждое его движеніе, несмотря на странность, по-истинѣ привлекательно. Ходьба на концахъ ногтей, согнутыхъ и имѣвшихъ около 3 см. длины, представляла нѣчто крайне поразительное и всегда возбуждала удивленіе всѣхъ зрителей. Если его пускали на свободу, то оно старалось какъ можно поспѣшнѣе убѣжать; но если его начиналъ кто-нибудь преслѣдовать, то оно свертывалось въ шаръ. Если этотъ шаръ катали по землѣ, то онъ оставался плотно замкнутымъ, но лишь только движеніе прекращалось, какъ животное развѣтывалось и убѣгало. Собаки не выказывали большого озлобленія противъ матако, чѣмъ противъ всѣхъ другихъ броненосцевъ.

Представителемъ другого рода (Priodon) служить **Гигантскій броненосецъ** (*Dasyurus gigas*, *Priodon gigas*, *Cheloniscus gigas*, *Riesengürteltier*, *Tatou-géant*), живущій въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Бразиліи и Гвіаны. Принцъ фонъ-Видъ вездѣ слышалъ о немъ, но никогда не могъ увидѣть его. Онъ полагаетъ, что этотъ броненосецъ распространенъ по большей части Бразиліи, а можетъ быть встрѣчается и во всей Южной Америкѣ. Въ большихъ первобытныхъ лѣсахъ охотники часто находили его норы и жилища подъ корнями старыхъ деревьевъ, и по ширинѣ ихъ можно было составить заключеніе о величинѣ животнаго. Туземные охотники увѣрили, что онъ равенъ по величинѣ большой свиньѣ, и норы, а особенно хвосты его, которые принцъ нашелъ у ботокудовъ, казалось, подтверждали эти рассказы. У Рио Гранде-де-Вельмонте онъ нашелъ у ботокудовъ говорныя трубы, которыя назывались «хвосты тату», длиною въ 26 см., шириную при основаніи 8 см. Азара замѣчаетъ, что гигантскій броненосецъ очень рѣдокъ въ Парагваѣ и не имѣетъ особаго имени. «Его встрѣчаютъ», говоритъ онъ, «лишь въ огромныхъ лѣсахъ сѣверной части нашей страны. Если одинъ изъ поденщиковъ, работающихъ въ мѣстности, гдѣ держится гигантскій броненосецъ, умираетъ и его приходится, благодаря отдаленности кладбища, хоронить тамъ-же, то необходимо выкладывать могилу толстыми стволами въ два ряда, такъ какъ иначе гигантскій тату выкапываетъ и растерзываетъ трупъ, какъ скоро запахъ приведетъ его къ могилѣ. «Я самъ видѣлъ гигантскаго броненосца лишь однажды, и то случайно. Въ одномъ деревенскомъ домѣ я спрашивалъ о животныхъ, водящихся въ окрестностяхъ, и узналъ отъ одного старика, что за нѣсколько ночей передъ тѣмъ работники его нашли по близости лѣса большое животное, котораго испугались лошади. Одинъ изъ парней сошелъ съ лошади и, при свѣтѣ полной луны, узналъ тату, который рылся. Онъ схватилъ его за хвостъ, поднялъ, обвязалъ его вокругъ тѣла двумя арканами и потащилъ такимъ образомъ домой. Но тамъ женщины подняли со страху крикъ и успокоились лишь тогда, когда оба ловца убили свою добычу. На слѣдующій день явились сосѣди, чтобы посмотрѣть на замѣчательное созданіе. Тѣло его разрѣзали на куски, одинъ взялъ щитъ, чтобы сдѣлать изъ него дно скрипки или гитары, другой когти. Услышавъ это, я попытался достать, что могъ, и нашелъ, что итицы и черви съѣли почти все мясо и что даже голова и хвостъ совершенно сгнили, однако я кромѣ того видѣлъ кусокъ панциря и именно плечевой и крестцовый щиты и другіе лежащіе между ними, щиты, на которыхъ, правда, многія пластинки утратили блескъ. По этимъ остаткамъ я и набросалъ свое описаніе.» Вотъ все, что могъ сообщить Азара.

Изъ изслѣдованій, сдѣланныхъ позднѣе, оказывается, что длина тѣла гигантскаго броненосца достигаетъ 1 метра и болѣе, длина хвоста приблизительно половины этой длины; по Каплеру вѣсъ его достигаетъ 45 килогр. Лобъ и черепъ покрыты очень неправильными костяными таблицами. Плечевой панцирь состоитъ изъ 10 поперечныхъ рядовъ, между которыми сзади по бокамъ вставляется еще одинъ рядъ; подвижныхъ поясовъ 12—13, крестцовый панцирь состоитъ изъ 16—17 рядовъ. Щиты квадратныя или прямоугольныя, также пяти и шестиугольныя, задніе ряды крестцоваго панциря неправильны; хвостъ покрытъ четырехугольными и неправильными костяными пластинками. Всюду между щитками торчатъ короткія щетинки. Уши коротки, широки, тупы и покрыты круглыми костяными бородавочками. Цвѣтъ тѣла, за исключеніемъ бѣловатой головы, хвоста и боковой полоски, черный. Короткіе неподвижныя пальцы вооружены крѣпкими когтями. Средній коготь пятипалыхъ переднихъ ногъ необыкновенно великъ, пальцы заднихъ ногъ снабжены, напротивъ, широкими, плоскими, почти копытообразными когтями. Шейные позвонки частью срастаются,

такъ что на первый взглядъ кажется, что ихъ только пять. Позвонки имѣютъ высокіе, широкіе, соприкасающіеся между собою остистые отростки, служащіе опорой для тяжелаго панцыря; 12 крестцовыхъ позвонковъ сливаются между собою и съ подвздошными и сѣдалищными костями, 12 реберъ очень широки; грудная кость состоитъ изъ 6 кусковъ. Плечо сильно повернуто вокругъ продольной оси, большая и малая берцовыя кости тѣсно связаны между собою вверху и внизу. Однако самое замѣчательное во всемъ животномъ, это его зубы. Въ верхнемъ ряду по 24—26 зубовъ, въ нижнемъ по 22—24, изъ которыхъ однако часто нѣкоторые выпадаютъ; во всякомъ случаѣ зубная система состоитъ изъ 90—100 зубовъ или по крайней

Гигантскій броненосецъ. *Priodon gigas*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

мѣрѣ органовъ, замѣняющихъ зубы. Въ передней половинѣ рядовъ они представляютъ лишь тонкія пластинки и лишь сзади становятся постепенно толще и принимаютъ яйцеобразную, круглую или цилиндрическую форму. Нѣкоторые изъ переднихъ зубныхъ пластинокъ срослись, кажется, изъ двухъ зубовъ. По веществу онѣ похожи на зубы остальныхъ броненосцевъ. На что нужна гигантскому броненосцу эта масса зубовъ, совершенно необъяснимо, такъ какъ, насколько извѣстно до сихъ поръ, онѣ ничѣмъ не отличаются по нищѣ отъ остальныхъ видовъ.

«Въ его желудкѣ,» пишетъ Каплеръ, «я находилъ всегда лишь личинокъ жуковъ, гусеницъ, безногихъ личинокъ и червей. Животное имѣетъ такой сильный мускусный запахъ, что индѣйцы не ѣдятъ его. Если его преслѣдуютъ, то оно старается тотчасъ-же забраться въ свою нору, откуда его приходится выкапывать.

Но оно, постоянно фыркая, такъ быстро роетъ дальше, что человѣкъ, вооруженный лопатой, едва можетъ гнаться за нимъ.

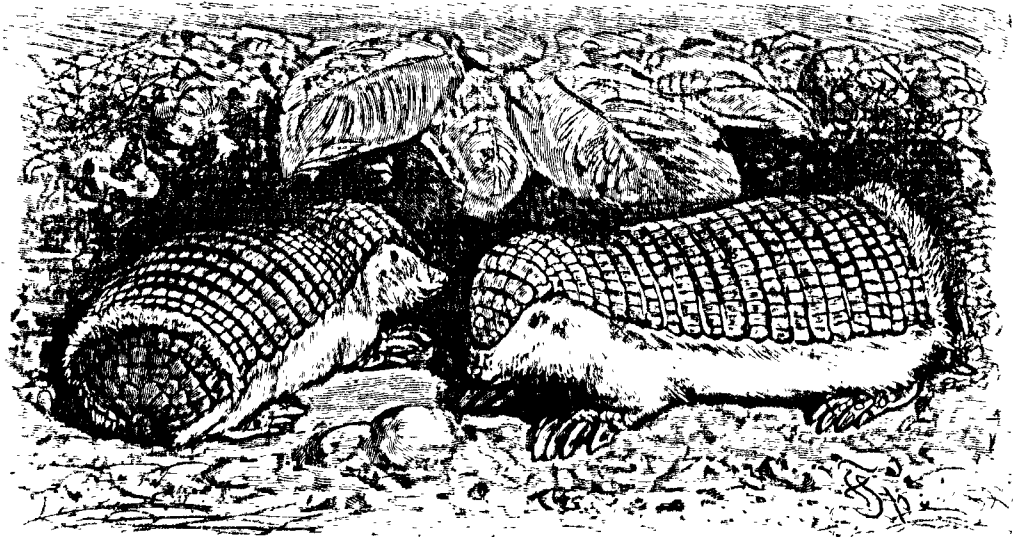
* *
*

Американецъ Гарланъ открылъ въ 1824 г. недалеко отъ Мендозы въ западной Аргентинѣ крайне замѣчательнаго представителя этого семейства **Щитоносца** (*Chlamyphorus truncatus*. Gürtelmaus. *Chlamyphore tronqué*) къ величайшему удивленію мѣстныхъ жителей, которые едва-ли знали объ его существованіи. Долгое время были извѣстны лишь два экземпляра, которые хранились въ Филадельфійскомъ и Лондонскомъ музеяхъ, но, къ счастью, могли быть изслѣдованы самымъ точнымъ образомъ. Позднѣе были получены другіе экземпляры и можно было дать полное описаніе внутренняго строенія и внѣшняго вида животнаго. Щитоносецъ по праву считается представителемъ особаго рода, но отличается отъ остальныхъ перечисленныхъ броненосцевъ болѣе своимъ панциремъ, чѣмъ внутреннимъ строеніемъ тѣла.

Фитцингеръ даетъ, на основаніи собственныхъ изслѣдованій, слѣдующее, приводимое въ извлеченіи описаніе этого животнаго, которое считается еще рѣдкостью во всѣхъ собраніяхъ: «Чилийскій щитоносецъ, котораго нѣкоторые естествоиспытатели называютъ **Щитоноснымъ кротомъ** или **Броненосною мышью**, представляетъ одну изъ самыхъ своеобразныхъ формъ животнаго царства и по крайне оригинальному строенію покрывающаго его тѣла, почти кожистаго роговаго панциря, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ созданіямъ во всемъ животномъ мірѣ. Это странное существо, по сравненію съ другими броненосцами и даже самыми мелкими изъ извѣстныхъ до сихъ поръ видовъ, является настоящимъ карликомъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны оно и по формѣ тѣла, и еще болѣе по образу жизни живо напоминаетъ кротовъ. Голова его, которая, повидимому, отлично приспособлена для рытья, коротка; задняя половина ея широка, передняя заострена и оканчивается довольно короткой тупою мордой съ хрицевымъ, почти похожимъ на свиной, пятачкомъ, у передняго и нижняго края котораго лежатъ направленные внизъ маленькія округленные ноздри, усаженные на своемъ внутреннемъ краю очень короткими жесткими волосами; онѣ могутъ почти совершенно закрываться выдающимися тамъ-же маленькими бугорками. Глаза малы и скрыты подъ свѣшивающимися надъ ними щетинами. Уши стоятъ близко отъ глазъ, позади ихъ, и не имѣютъ наружной ушной раковины; узкій слуховой проходъ окруженъ лишь приподнятымъ краемъ кожи и тоже совершенно прикрывается волосами. Ротовая щель мала, далеко не доходитъ до глазъ и окружена твердыми, жесткими и вздутыми губами; довольно длинный мясистый языкъ конической формы и имѣетъ на поверхности мелкія бородавочки. Строеніе зубовъ очень простое. Рѣзцовъ и клыковъ нѣтъ вовсе; коренные зубы, которыхъ всегда по восьми и въ верхней, и въ нижней челюсти, окружены слоемъ эмали, но имѣютъ корней, снабжены въ нижней части внутри полостью и имѣютъ вальковатую форму; жевательная поверхность плоская, за исключеніемъ обоихъ переднихъ зубовъ въ каждой челюсти, которые нѣсколько заострены. Они постепенно возрастаютъ по величинѣ отъ перваго до четвертаго зуба, а, начиная съ него и до послѣдняго, снова становятся меньше.

«Шея коротка и толста, тѣло вытянуто въ длину, шире всего сзади, уже въ плечахъ и нѣсколько втянуто посрединѣ на бокахъ. Вся передняя половина тѣла гораздо сильнѣе задней. Ноги коротки; переднія конечности очень толсты, неуклюжи и построены почти какъ у крота, заднія, напротивъ, гораздо слабѣе переднихъ, стопа ихъ узка и длинна. Обѣ пары ногъ пятипалыя; лишь не вполне подвижныя пальцы переднихъ ногъ соединены между собою до основанія когтей;

на задних ногах пальцы свободны. На передних ногах второй палец длиннее всего, наружный всего короче и снабжен при основании роговой пластинкой, служащей для рытья. На задних ногах длиннее всего третий палец, а наружный, как и на передних ногах, короче всего. Все пальцы снабжены тупоконечными когтями, из которых очень большие и кривые когти передних ног служат сильными орудиями для копания. Все они длинные, сильно сжаты с боков, слабо согнуты и остры на наружном краю; начиная со второго, они постепенно увеличиваются в ширину до наружного, который шире всех, имеет острый, рвущий наружный край и почти лопатообразную форму. Когти задних ног значительно меньше, почти прямые и плоские. Хвост, прикрепленный в выемку нижнего края панциря, покрывающего заднюю часть тела, круто сгибается вниз и направляется вдоль нижней стороны тела между задними ногами, так что совершенно прилегает к брюху. Он короткий, совершенно не гибок

Щитконосец. *Chlamydophorus truncatus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

и почти совершенно неподвижен; у корня он толще, потом постепенно суживается и сплющивается и к концу расширяется вдруг в продолговатую сплюснутую пластинку, которая имеет извилистый край и почти лопатообразную форму.

«Вся верхняя сторона тела покрыта почти кожеобразным роговым панцирем, состоящим из щитков; панцирь довольно толст и менее гибок, чем кожа, употребляемая на подошвы; он начинается на голове близко от конца морды, тянется по всей спине до задней части и вертикально спускается здесь, так что животное кажется как-бы усеченным и точно изуродованным. Этот панцирь состоит из прямоугольных, ромбоидальных или неправильных щитков большей частью расположенных правильными поперечными рядами или поясами, вовсе не соединенных криво на всем протяжении с кожей тела, как у броненосцев, а по большей части лишь прилегает к ней, будучи прикреплен лишь по средней линии к остистым отросткам позвоночника посредством кожи, а также на голове лишь с помощью двух щитков к обоим полушаровидным

возвышеніямъ лобной кости: поэтому онъ отстаетъ на бокахъ и можетъ быть приподнять. Напротивъ, на передней части головы онъ крѣпко, соединенъ съ костями, а также и на заднемъ концѣ, гдѣ образуетъ усѣченную поверхность. Неподвижная часть головного панцыря заключаетъ лишь пять поперечныхъ рядовъ щитковъ, число которыхъ въ обоихъ переднихъ рядахъ равняется 4, а въ трехъ заднихъ—5. Напротивъ, спинной панцырь, передніе пояса котораго покрываютъ затылокъ, состоитъ изъ 24 по большей части правильныхъ поперечныхъ рядовъ: два изъ нихъ, лежащіе ближе всего къ головѣ, состоятъ изъ 7—8 неправильныхъ и похожихъ на бугорки щитковъ различной величины, между тѣмъ какъ остальные ряды заключаютъ совершенно правильные прямоугольные щитки, число которыхъ отъ 15 или 17 доходитъ до 24, а въ трехъ послѣднихъ рядахъ уменьшается до 22. Всѣ эти поперечные ряды или пояса такъ соединены между собою приросшею кожей, которая загибается подъ щитки, что передній край каждаго ряда лежитъ подъ заднимъ краемъ предыдущаго. Хотя происходящіе такимъ образомъ промежутки не особенно велики, однако они обуславливаютъ значительную степень подвижности отдѣльныхъ поясовъ, которая позволяетъ даже вывести заключение, что животное способно свертывать свое тѣло въ шаръ. Наконецъ совершенно неподвижный, соединенный съ хвостомъ лишь кожей, панцырь задней части тѣла, который спускается подъ прямымъ угломъ къ поверхности спины и имѣетъ совершенно плоскую поверхность, состоитъ изъ 5—6 расположенныхъ полукругомъ рядовъ щитковъ частью прямоугольной, частью ромбoidalной формы и представляетъ на нижнемъ краю вырѣзку, въ которой прикрѣпляется къ тѣлу хвостъ. Первый или верхній изъ этихъ рядовъ заключаетъ 20, послѣдній-же только 6 щитковъ. Весь панцырь какъ на своей верхней сторонѣ, такъ и на свободной нижней лишень волосъ и совершенно гладокъ, лишь на нижнихъ краяхъ находятся многочисленные и довольно длинные, шелковистые волоса. Напротивъ, кожа животнаго вездѣ и даже подъ панцыремъ, за исключеніемъ лишь хвоста, подошвъ, конца морды и подбородка, которые совершенно голы, покрыта довольно густыми, длинными, тонкими, и мягкими почти, шелковистыми, волосами, которые гораздо длиннѣе, чѣмъ у кротовъ, но вовсе не такъ густы, какъ у нихъ. Длиннѣе всего волоса на бокахъ и ногахъ, короче и рѣже всего на тыльной сторонѣ ступней, гдѣ они выступаютъ между нѣсколькими роговыми бородавкообразными возвышеніями. Хвостъ покрытъ кожей, похожей на сапожную, которая на верхней сторонѣ довольно гладка и имѣетъ 14—16 почти щитообразныхъ поперечныхъ валиковъ, между тѣмъ какъ на нижней сторонѣ усажена многочисленными бородавкообразными возвышеніями. Оба соска лежатъ на груди. Цвѣтъ панцыря, какъ и волосъ, грязно-желтоватобѣлый, на нижней сторонѣ тѣла нѣсколько свѣтлѣе. Глаза черные. Длина тѣла равна 13 см., длина хвоста 3,5 см., высота у загривка 5 см».

Въ зоологическихъ сочиненіяхъ объ образѣ жизни щитоносца мы находимъ лишь слѣдующее. Животное это живетъ на песчаныхъ равнинахъ и вырываетъ себѣ, совершенно какъ нашъ европейскій кротъ, длинные ходы подъ землей, очень рѣдко выходитъ на поверхность, и вѣроятно почти всю жизнь проводитъ подъ землей. Оно, какъ говорятъ, съ величайшей быстротою роется въ землѣ или, какъ нашъ кротъ, просто бѣжитъ подъ землей; на поверхности земли оно, напротивъ, движется медленно и неловко. Въ высшей степени вѣроятно, что оно охотится за насекомыми и червями, можетъ быть оно довольствуется и нѣжными корнями. О размноженіи извѣстно лишь, что животное мало плодовито. Туземцы увѣряютъ, что самка несетъ своихъ дѣтенышей спрятанными подъ панцыремъ.

Ясно, что свѣдѣнія эти недостаточны и что многія изъ нихъ представ-

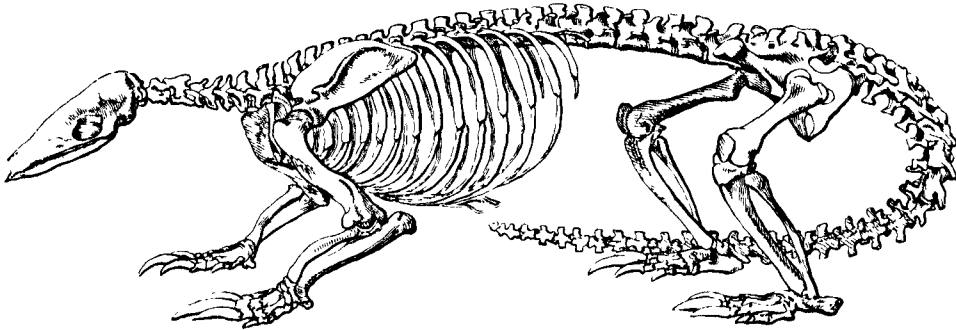
ляютъ лишь предположенія. Тѣмъ пріятнѣе было мнѣ узнать еще кое-что отъ Геринга. «Щитоносецъ», сообщаетъ онъ мнѣ, «живетъ не только въ провинціи Мендоза, но и въ Санъ-Луи и притомъ, по увѣреніямъ одного стараго, заслуживающаго довѣрія сельскаго хозяина, въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ въ Мендозѣ, хотя онъ здѣсь извѣстнѣе, во всякомъ случаѣ потому, что естествоиспытатели чаще спрашивали о немъ. Испанцы называютъ его *Vischo siego* (слѣпой звѣрекъ), такъ какъ думаютъ, что онъ совершенно слѣпъ; нѣкоторые же даютъ ему названіе *Juan calado* (Хуанъ въ кружевахъ). Подъ первымъ именемъ его знаетъ каждый мендозино, который сколько-нибудь обращаетъ вниманіе на животныхъ своей родины. Звѣрекъ этотъ живетъ въ песчаныхъ, сухихъ, каменистыхъ мѣстностяхъ, главнымъ образомъ такихъ, которыя поросли колючимъ кустарникомъ и кактусами. Онъ всегда цѣлый день остается подъ землею, а ночью появляется и на поверхности и бѣгаетъ при лунномъ свѣтѣ особенно подъ кустами. По всѣмъ достовѣрнымъ указаніямъ онъ никогда не остается долго внѣ своего жилища и удаляется всегда лишь на нѣсколько шаговъ отъ входа въ нору. Слѣдъ, оставленный имъ, такъ своеобразенъ, что по немъ сейчасъ-же можно узнать «Хуана въ кружевахъ. Онъ движется, волоча ноги, такъ какъ не въ состояніи поднимать достаточно высоко свои тяжело вооруженныя ступни. Такимъ образомъ на землѣ образуются двѣ пробѣгающія рядомъ полоски, которыя особенно еще отличаются тѣмъ, что на своемъ протяженіи образуютъ самыя разнообразно перепутанныя извилины. Входы въ его жилище можно узнать еще по одному признаку: щитоносецъ, выходя, отбрасываетъ мѣшающую ему землю вѣроятно повернутыми наружу передними лапами, какъ кротъ, и она падаетъ по обѣ стороны въ видѣ маленькихъ кучекъ, такъ что посрединѣ остается извѣстнаго рода проходъ. Никакое другое животное Южной Америки, живущее въ норахъ, не поступаетъ такимъ образомъ».

О размноженіи, какъ сказано, не извѣстно почти ничего. Животное ловятъ всегда лишь случайно, преимущественно при выкапываніи оросительныхъ рвовъ, которые проводятъ тамъ, гдѣ хотятъ развести поля. Нѣсколько разъ его находили также при ловлѣ другихъ броненосцевъ вмѣстѣ съ ними. Въ послѣднее время, благодаря частому спросу на щитоносцевъ, стали болѣе заботиться о добываніи ихъ; однако это, должно быть, очень трудно, такъ какъ Герингъ, который прожилъ тамъ 7 мѣсяцевъ, несмотря на всѣ старанія и самыя заманчивыя обѣщанія, не могъ добыть ни одного живого или недавно убитаго экземпляра. Еще и теперь *Vischo siego* составляетъ предметъ изумленія туземцевъ. Каждаго пойманнаго оставляютъ жить, сколько онъ проживетъ, и затѣмъ сохраняютъ какъ большую достопримѣчательность, насколько это удастся. Южно-американцы вообще любятъ держать въ неволѣ животныхъ, которыя кажутся имъ замѣчательными, не заботясь однако о уходѣ за ними. Такъ какъ они не умѣютъ сдирать и набивать шкуры животныхъ то щитоносцевъ у нихъ встрѣчаешь въ видѣ мумій; одну такую мумію досталъ и Герингъ, другую Бурмейстеръ во время своего пребыванія въ Мендозѣ.

Ящеры (*Manididae*. Schuppentiere. Pangolins), несмотря на сходство съ муравьѣдами по формѣ тѣла и образу жизни, составляютъ вполне обособленное семейство. Тѣло всѣхъ принадлежащихъ сюда животныхъ покрыто на верхней сторонѣ большими пластинкообразными роговыми чешуями, которыя налегаютъ другъ на друга, какъ черепицы или, лучше, какъ чешуи еловой шишки. Этотъ покровъ, главнѣйшій отличительный признакъ семейства, представляетъ пѣчто единствен-

ное въ своемъ родѣ, такъ какъ щиты броненосцевъ и щитоносцевъ имѣютъ лишь отдаленное сходство съ тѣми своеобразными роговыми образованиями, которыя по ихъ формѣ можно скорѣе сравнить съ чешуею рыбы или пресмыкающагося, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ кожей образованіемъ млекопитающаго.

Для болѣе точной характеристики ящеровъ можетъ служить слѣдующее. Тѣло вытянутое, хвостъ длинный, голова мала, морда конически заострена, переднія и заднія ноги коротки, пятипалы и вооружены очень большими когтями, служащими для рытья. Лишь на горлѣ, нижней сторонѣ тѣла и внутренней сторонѣ ногъ чешуй нѣтъ, между тѣмъ какъ вся остальная часть тѣла одѣта панциремъ. Всѣ чешуи, которыя однимъ концемъ сидятъ въ кожѣ тѣла, имѣютъ ромбоидальную форму, очень острые края и притомъ необыкновенно тверды и плотны. Такое расположеніе чешуй дѣлаетъ возможной довольно большую подвижность по всѣмъ направленіямъ; отдѣльныя чешуи могутъ и сдвигаться въ сторону, и подниматься или опускаться. Между отдѣльными чешуями и на свободныхъ мѣстахъ тѣла находятся тонкіе волосы, которые однако иногда совершенно стираются на брюхѣ. Морда безъ чешуй, но покрыта твердой, похожей на рогъ, кожей. Челюсти совершенно лишены зубовъ. 14—19 позвонковъ имѣютъ ребра, 5 поясничныхъ,

Скелетъ ящера.

З составляютъ крестецъ и 24—46—хвостъ; ребра широки, ихъ хрящи съ возрастомъ окостенѣваютъ почти совершенно; грудная кость широка. Скуловые кости очень толсты, точно такъ, какъ кости переднихъ конечностей. Особый широкій мускуль, который лежитъ, какъ у ежа, подъ кожей и тянется по обѣимъ сторонамъ позвоночнаго столба, производитъ свертываніе тѣла въ шаръ. Языкъ довольно длинный и вытяжной, чрезвычайно большія слюнные железы, которыя простираются внизъ почти до грудной кости, доставляютъ слизь, необходимую для того, чтобы добыча прилипла къ языку; пища состоитъ изъ насѣкомыхъ и преимущественно изъ муравьевъ и термитовъ.

Большая часть Африки и вся южная Азія, а также нѣкоторые прилегающіе острова составляютъ родину этихъ странныхъ животныхъ; степи и лѣсистыя мѣстности какъ въ горахъ, такъ и на равнинахъ, служатъ имъ мѣстопробываніемъ. Вѣроятно всѣ живутъ въ выкопанныхъ ими самими норахъ поодиночкѣ; они не общительны, какъ и ихъ родичи, днемъ прячутся и бродятъ ночью. Въ Кордофанѣ я нашелъ въ большомъ числѣ норы ящеровъ, однако мнѣ удалось только разъ добыть его самага. Значительное большинство норъ было необитаемо, почему можно предположить, что и ящеры, подобно муравьямъ и броненосцамъ, съ наступленіемъ дня выкапываютъ себѣ новую нору, если имъ слишкомъ далеко и неудобно возвратиться въ старую. Какъ наблюдали на содержавшихся въ неволѣ, они спятъ

днемъ, свернувшись и спрятавъ голову подъ хвостъ. Съ наступленіемъ сумерекъ они просыпаются и бродятъ, отыскивая пищу. Движенія ихъ вовсе не такъ медленны и вялы, какъ считали прежде. Объ одномъ видѣ (*Manis gigantea*), наблюдавшемся въ западной Африкѣ въ Либеріи, Бюттикоферъ говоритъ: «Это животное, вопреки свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ зоологіяхъ, бѣгаетъ очень быстро, такъ что человекъ едва можетъ догнать его, и во время бѣгства иногда поднимается на заднія ноги и хвостъ, чтобы осмотрѣться, причемъ свѣшиваетъ переднія ноги. Такъ какъ животное не можетъ ни свернуться, ни повернуться въ своей норѣ, то она имѣетъ особый входъ и выходъ». Кромѣ того нашъ товарищъ по профессіи подтверждаетъ тотъ фактъ, что два другихъ африканскихъ вида (*Manis longicauda* и *M. tricuspis*) тоже хорошо бѣгаютъ и притомъ ловко лазаютъ по деревьямъ. О послѣднемъ изъ названныхъ онъ говоритъ: «онъ приручается и его можно долго держать въ домахъ, гдѣ имъ предоставляютъ бѣгать на свободѣ, такъ какъ они ревностно преслѣдуютъ муравьевъ, таракановъ и другихъ докучливыхъ насѣкомыхъ. Это очень проворныя животныя, которыя мигомъ взбираются на крыши домовъ и стволы деревьевъ».

Ту-же ловкость въ лазаніи наблюдалъ Тенненъ у одного азіатскаго вида, панголина малайцевъ. «Я всегда думалъ», говоритъ онъ. «что панголинъ совершенно неспособенъ взлѣзать на деревья, но мой ручной научилъ меня иному. Во время охоты за муравьями онъ часто поднимался на деревья въ моемъ саду и очень ловко взлѣзалъ съ помощью когтей и хвоста, которымъ онъ наискось обхватывалъ дерево». Ящеръ, котораго наблюдалъ Буртъ, тоже старался всегда взлѣзать по стѣнамъ. Отъ другихъ наблюдателей мы узнаемъ, что животное пользуется нѣсколько взъерошенными чешуями хвоста, чтобы упираться въ кору дерева. «Чтобы наблюдать ихъ образъ жизни», сообщилъ мнѣ Гаскарль, «я не разъ покупалъ себѣ на Явѣ ящеровъ, но никогда не держалъ ихъ долго, такъ какъ въ моемъ распоряженіи не было подходящаго помѣщенія для нихъ, и я долженъ былъ, какъ дѣлаютъ туземцы, прикрѣплять веревку къ одной изъ ихъ чешуй и привязывать животное къ дереву. Они быстро и ловко взлѣзали на это послѣднее; но, должно быть, они хорошо передвигаются и по землѣ, такъ какъ я никогда не могъ возвратитъ тѣхъ, которые убѣгали, выдернувъ просверленную чешую».

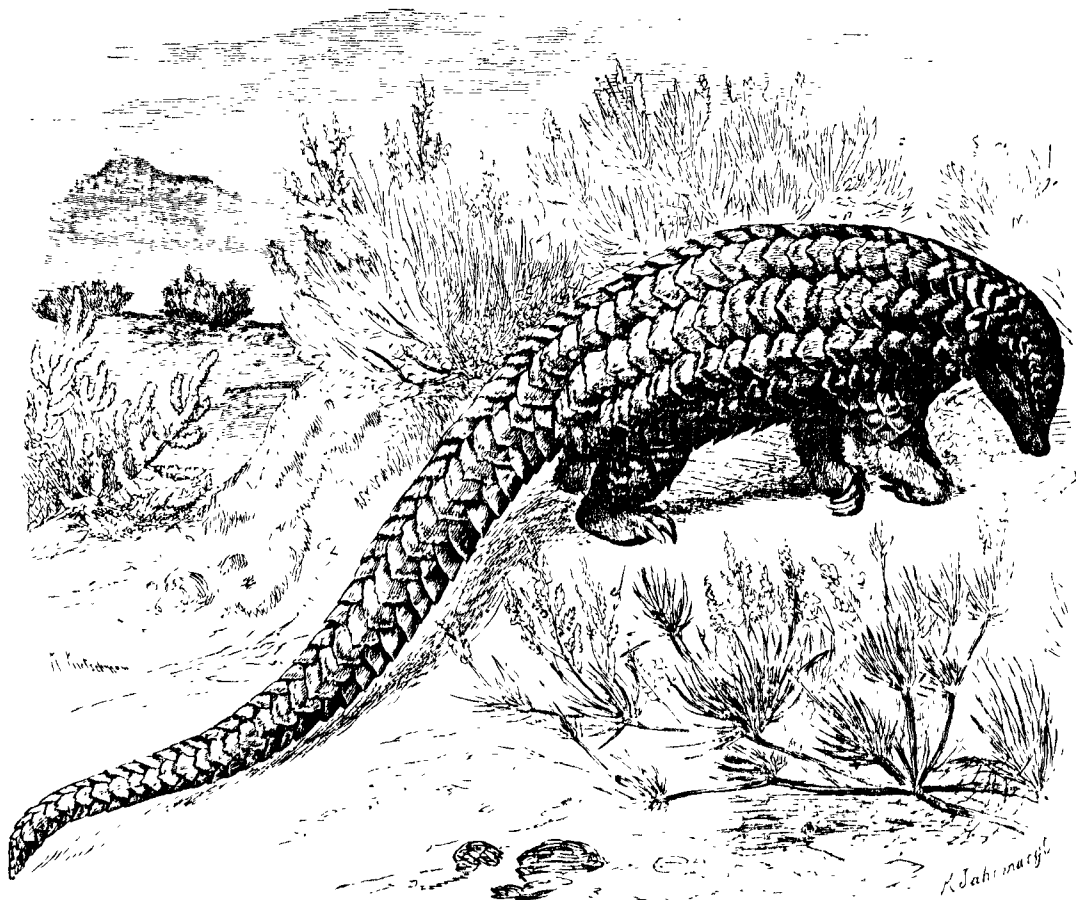
Единственные звуки, которые приходилось слышать у ящеровъ, состояли изъ сврипа, писка или фырканья. Зрѣніе и слухъ, повидимому, развиты у нихъ очень слабо, да и обоняніе не особенно хорошо, хотя этимъ чувствомъ животное и руководится во время своей охоты. О размноженіи извѣстно лишь то, что самка рождаетъ въ своей норѣ одного только дѣтеныша, который длиною около 30 см. и уже при рожденіи покрытъ чешуями; однако чешуи мягки и слабо развиты, именно около конца морды. Свинхое получилъ семейство, состоявшее изъ обонхъ стариковъ и трехъ дѣтенышей; изъ этого видно, какъ мало значенія должно придавать старымъ указаніямъ и какъ мало наблюдали еще исторію размноженія этихъ замѣчательныхъ животныхъ.

Новолоу ящеры, при надлежащемъ уходѣ, могутъ переносить долгое время. Они довольно легко привыкаютъ и къ молоку, хлѣбу и даже къ хлѣбнымъ зернамъ, хотя насѣкомыя и остаются всегда ихъ любимой пищей. Туземцы ѣдятъ ихъ мясо и считаютъ его вкуснымъ, панцирь употребляется нѣкоторыми племенами для украшенія различной утвари; чешуи считаются у различныхъ народовъ внутренней Африки волшебнымъ средствомъ или талисманомъ, а у китайцевъ служатъ во врачевномъ искусствѣ для всякаго рода шарлатанства. Мѣстами жалуются на вредъ, который ящеры приносятъ, подрывая полезныя растенія; въ общемъ-же эти безобидныя созданія, поѣдая муравьевъ и термитовъ, оказываютъ лишь услуги человѣку.

Въ семействѣ ящеровъ совершенно справедливо считаютъ лишь одинъ родъ, немногочисленные виды котораго, повидимому, распределены довольно равномерно между Африкою и Азією.

* * *

Длиннохвостый ящеръ (*Manis longicaudata*, *M. tetradactyla* и *macrura*, *Pholidotus longicaudatus*. Langschwanzschuppentier. Pangolin à longue queue) длиною 1—1,3 метра, изъ которыхъ почти двѣ трети приходятся на хвостъ. У болѣе моло-

Длиннохвостый ящеръ. *Manis longicaudata*. $\frac{1}{7}$ наст. вел

дыхъ животныхъ хвостъ вдвое длиннѣе тѣла и укорачивается относительно лишь позднѣе, по мѣрѣ роста тѣла. Тѣло почти вальковатое, умѣренной толщины, сильно вытянуто и постепенно переходитъ съ одной стороны въ довольно короткую шею и голову, съ другой—въ хвостъ. Носъ выдается впередъ, ротовая щель мала, верхняя челюсть выдается надъ нижней, глаза малы и слабы; уши едва видны снаружи, такъ какъ на мѣстѣ ушной раковины видна лишь складка кожи; ноги коротки, толсты и почти равной длины, ихъ пальцы невоплотнѣ подвижны, служащія для рытья; когти переднихъ ногъ значительно больше, чѣмъ когти заднихъ ногъ; подошвы ногъ толсты, мозолисты и голы, и притомъ на заднихъ ногахъ выгнуты книзу, такъ что при ходбѣ когти едва касаются земли. Длинный и широкій, нѣсколько

сплюснутый хвостъ, начиная съ основанія, постепенно суживается къ концу. Чешуи покрываютъ, за исключеніемъ нижней части наружной стороны переднихъ ногъ, всю верхнюю и наружную сторону тѣла, а на хвостѣ и нижнюю сторону; мѣста, лишенные чешуй, покрыты жесткими щетинами. Лице и горло почти совершенно голы. Чрезвычайно крѣпкія острия чешуи наибольшей величины находятся посрединѣ спины и образуютъ на головѣ и бокахъ тѣла, ногахъ и концѣ хвоста, на крестцѣ и на спинѣ 11 продольныхъ полосъ, между которыми нигдѣ не находится щетинъ. Довольно длинныя глубокія бороздки пробѣгаютъ по верхней поверхности чешуй, начиная отъ основанія. На спинѣ чешуи плоски, на краю хвоста похожи на черепицы, на бокахъ тѣла имѣютъ форму ланцета. Двѣ особенно большихъ чешуи лежатъ позади плечъ. Обыкновенно средній рядъ на верхней сторонѣ тѣла состоитъ на головѣ изъ 9, на тѣлѣ изъ 14 и на хвостѣ изъ 42—44 чешуй. Общій цвѣтъ ихъ черновато-бурый съ рыжеватымъ оттѣнкомъ; отдѣльныя чешуи при основаніи чернобурья и окаймлены на краяхъ желтоватой каймой. Щетинистые волоса чернаго цвѣта. Родина животнаго—западная Африка.

Первыя подробныя свѣдѣнія объ образѣ жизни этого животнаго далъ Демарше. «Въ Гвинее встрѣчается въ лѣсахъ четвероногое животное, которое негры называютъ «квоггело». Оно покрыто отъ шеи до конца хвоста чешуями, которыя почти такой-же формы, какъ листики артишока, только нѣсколько острѣе. Онѣ тѣсно налегаютъ другъ на друга и достаточно толсты и тверды для того, чтобы защищать животное отъ когтей и зубовъ другихъ звѣрей, которые нападаютъ на него. Леопарды постоянно преслѣдуютъ его, и имъ нетрудно догнать его, такъ какъ оно бѣгаетъ гораздо тише, чѣмъ они. Оно убѣгаетъ, правда, но, такъ какъ его скоро догоняютъ и ни его когти, ни ротъ не могутъ служить ему оружіемъ противъ страшныхъ когтей и зубовъ этихъ хищниковъ, то оно свертывается въ видѣ шара и загибаетъ хвостъ подъ брюхо, такъ что со всѣхъ сторонъ наружу торчатъ острия. Большія кошки тихо катаютъ его туда и сюда своими когтями, но колются, какъ скоро тронуть его лапой сильнѣе, и принуждены оставлять его въ покоѣ. Негры убиваютъ его палками, обдираютъ, продаютъ шкуру бѣлымъ и ѣдятъ мясо. Оно очень бѣло и нѣжно, чему я охотно вѣрю, если правда, что животное питается только муравьями,—навѣрное нѣжной и вкусной пищей! Въ его мордѣ, которую можно-бы сравнить съ утинымъ клювомъ, лежитъ очень длинный липкій языкъ, который оно всовываетъ въ отверстіе муравейниковъ или кладетъ на ихъ пути; муравьи тотчасъ сбѣгаются на него, привлеченные запахомъ, и прилипаютъ. Когда животное замѣчаетъ, что его языкъ покрытъ насѣкомыми, то стягиваетъ его и ѣстъ добычу. Оно не злобно, ни на кого не нападаетъ, и если находитъ муравьевъ, то довольно и живетъ полной жизнью!»

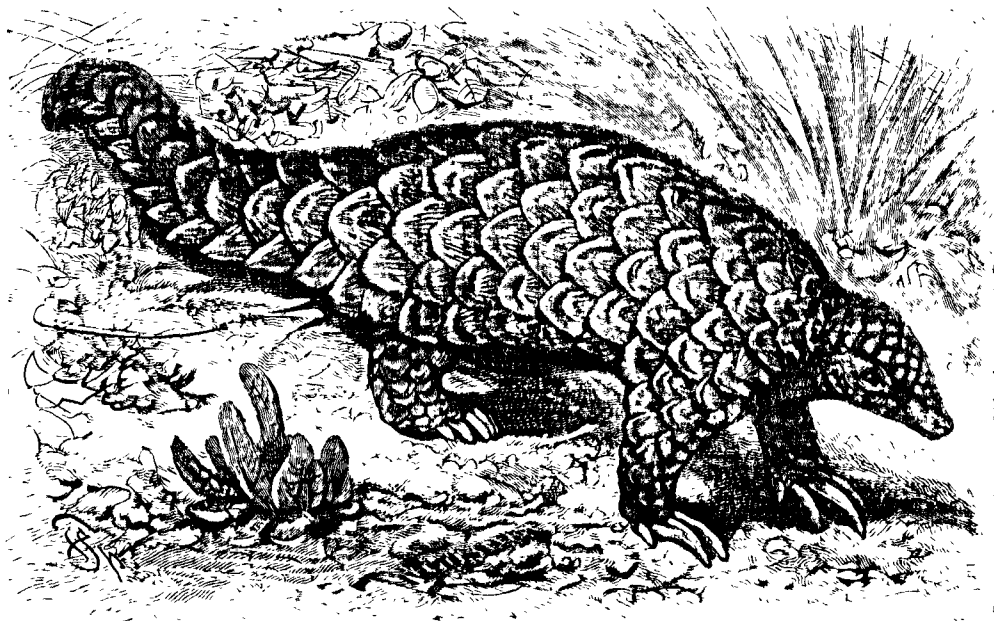
Бюттикоферъ, наблюдавшій этихъ животныхъ въ Либеріи, говоритъ о нихъ: «ящеры очень ловкіе и быстрые лазуны, ихъ часто находятъ спящими, свернувшись въ шаръ, въ развилинахъ вѣтвей или въ дуплахъ деревьевъ. Я держалъ одно изъ этихъ животныхъ нѣкоторое время живымъ; мы кормили его личьянками изъ грибообразныхъ построекъ термитовъ, которыя мы для этой цѣли приносили изъ лѣсу и разбивали. Оно лазало съ величайшимъ проворствомъ по стѣнамъ до самой крыши и изслѣдовало ее, ища насѣкомыхъ, особенно докучливыхъ домовыхъ термитовъ».

* * *

Панголинъ (*Manis pentadactyla*, *M. laticaudata*, *brevicaudata*, *brachyura* и *crassicaudata*, *Pholidotus indicus*, Pangolin de l'Inde), имѣетъ короткій хвостъ и наружная сторона ногъ его покрыта также панциремъ. Животное населяетъ Индо-

станъ и Цейлонъ, по Жердону охотнѣ всего холмистыя мѣстности, но нигдѣ не встрѣчается въ большомъ числѣ. Въ Индіи его зовутъ **Баяръ-Китъ**, **Силлу**, **Сальсалу**, **Кассоли-Маньюръ**, **Алангу**, **Бунъ-раху**, сингалезцы—**Кабаллайя**. Уже Элианъ упоминаетъ, что въ Индіи есть животное, имѣющее видъ земного крокодила. По его словамъ, оно ростомъ съ небольшую собаку, кожа его вооружена такой плотной и шероховатой корою, что, снятая, употребляется въ качествѣ напилка и беретъ даже мѣдь и желѣзо. Индѣйцы дали ему имя **Фатагенъ**.

Отъ остальныхъ ящеровъ, за исключеніемъ степного ящера, панголинъ отличается своей величиною и тѣмъ, что его чешуи расположены 11—13 рядами, на спинѣ и хвостѣ очень широки и нигдѣ не имѣютъ кия; хвостъ у корня такой-же толщины, какъ тѣло, т. е. вовсе не отдѣленъ отъ него. Взрослый самецъ можетъ достигать длины въ 1,3 метра, около половины приходится на туловище. Чешуи тѣла на

Панголинъ. *Manis pendadactyla*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

концѣ имѣютъ ширину вдвое большую, чѣмъ ихъ длина, треугольны и къ концу нѣсколько выгнуты, поверхность ихъ отъ конца болѣе чѣмъ до половины длины гладкая; расположены они обыкновенно въ 11, но иногда и въ 13 продольныхъ рядовъ, причемъ къ обыкновенному числу по бокамъ прибавляется еще два меньшихъ ряда. Средній рядъ состоитъ на головѣ изъ 11 чешуй, на спинѣ и хвостѣ по 16. Языкъ длиною около 30 см.

Объ образѣ жизни этого вида мы тоже знаемъ еще мало. «Это животное», говоритъ Эллиотъ, «вырываетъ себѣ норы, которыя опускаются въ косвенномъ направленіи отъ поверхности земли до глубины 2—4 метровъ и открываются въ большую камеру, которая можетъ имѣть въ діаметрѣ болѣе 0,5 метра. Здѣсь они живутъ парами и отъ января до марта ихъ можно найти здѣсь съ 1—2 дѣтенышами. Находясь въ норѣ, они обыкновенно такъ закупориваютъ землю входъ въ нее, что его было-бы не легко отыскать, если-бы снаружи не замѣчалось ихъ страннаго слѣда. Самка, которую я держалъ въ неволѣ, спала днемъ и была бодрой всю ночь.

Она не хотѣла ѣсть ни термитовъ, ни муравьевъ, которыхъ я приносилъ въ ея клетку, хотя пометъ ея показывалъ, что она ѣла ихъ прежде. Къ поставленной ей водѣ она, напротивъ, подошла тотчасъ-же и стала пить, причемъ такъ быстро погружала и вытягивала свой длинный подвижный языкъ, что вода покрылась пѣною. Когда я получилъ ее, она пицала или фыркала, если ее беспокоили». Макъ Мастеръ тоже указываетъ, что животныя эти, которыхъ онъ наблюдалъ, были днемъ всегда сонны и лишь ночью становились безпокойными и тоже жадно пили воду. Мясо ихъ, по словамъ Жердона, считается туземцами за возбуждающее средство. Буртъ рассказываетъ, что панголинъ ѣсть только муравьевъ и истребляетъ ихъ очень много, но можетъ и голодать 2 мѣсяца, что онъ ночью бродитъ и очень безпокоенъ въ неволѣ, можетъ довольно быстро двигаться и, если на него напасть, спокойно позволяетъ поднять себя за хвостъ, не дѣлая ни малѣйшей попытки защищаться противъ своего врага, и т. д. Китайцы дѣлаютъ изъ его шкуры панцыри и прибавляютъ ее также къ щитамъ. Адамсъ, который держалъ въ неволѣ и наблюдалъ двухъ изъ этихъ ящеровъ, или, по крайней мѣрѣ, очень близкихъ къ нимъ, даетъ описаніе ихъ, соотвѣтствующее уже приведеннымъ общимъ даннымъ. Въ качествѣ совершенно ночного животного, панголинъ такъ крѣпко свертывается днемъ и кажется тогда такъ мало способнымъ къ движенію, что Адамсъ склонялся къ мысли, что его можно днемъ держать въ рыбацкой сѣти. Только бѣшеный лай его собаки, которая открыла освободившееся и убѣгающее животное и остановила его, показалъ Адамсу, что чешуйчатое существо можетъ также бѣгать, лазать и дѣлать другія движенія, вообще принимать самыя разнообразныя положенія. Въ высшей степени боязливыя ящеры, которыхъ держалъ Адамсъ, свертывались въ шаръ тотчасъ-же, какъ какой-нибудь шумъ достигалъ ихъ слуха. Они хорошо жили, питаясь смѣсью скобленного мяса и сырыхъ яицъ, но погибли, благодаря случайности.

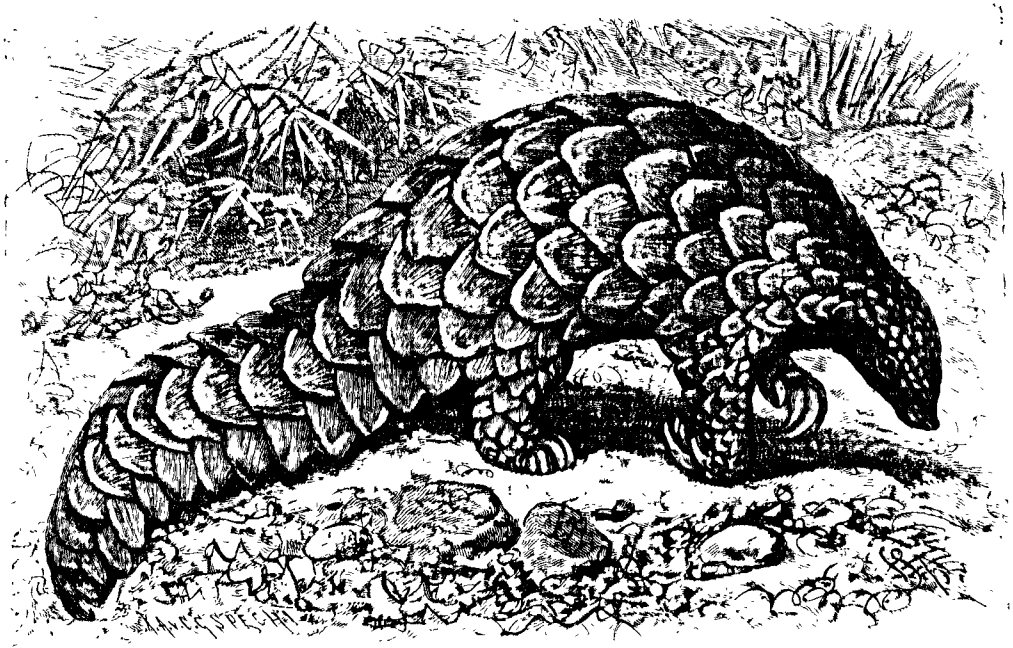
Теннентъ говорить о панголинѣ лишь коротко: «Единственный видъ неполнозубыхъ животныхъ, водившійся на Цейлонѣ, есть панцирный муравѣдъ, называемый сингалезцами кабаллая, малайцами—панголинъ; названіе это выражаетъ способность животного свертываться, нагибая голову къ груди и обвивая хвостомъ голову и шею, чѣмъ оно защищаетъ себя отъ вражескихъ нападений. Норы кабаллая, имѣющія 2 метра глубины, встрѣчаешь въ сухихъ мѣстахъ и узнаешь, что эти животныя живутъ здѣсь парами и ежегодно рождаютъ 2 или 3 дѣтенышей. Я держалъ въ различное время два экземпляра живыми. Одинъ изъ нихъ былъ добытъ по близости Канди и имѣлъ приблизительно 60 см. длины; это было милое и преданное существо, которое послѣ прогулокъ и охоты въ домѣ за муравьями обращало мое вниманіе на свои потребности, взбираясь мнѣ на колѣни, гдѣ оно умѣло очень ловко держаться своимъ цѣпкимъ хвостомъ. Другой, котораго поймали въ джунгляхъ близъ Чиллава, былъ вдвое больше, но менѣе красивъ. Оба умѣли очень ловко ловить муравьевъ своимъ круглымъ и слизистымъ языкомъ. Въ теченіи дня они были спокойны и смиренны, но тѣмъ живѣе становились при наступленіи ночи».

«Китайцы и индусы», какъ замѣчаетъ Теннентъ далѣе, «причисляютъ панголина къ рыбамъ. Въ Индіи простонародье называетъ это животное «рыбой джунглей»; въ одномъ сочиненіи объ естественной исторіи Китая написано: «Линг-Ле или карпъ, живущій на холмахъ, называется такъ потому, что по формѣ тѣла и виду похожъ на карпа; съ тѣхъ норъ, какъ онъ живетъ на сушѣ въ ворахъ и трещинахъ скалъ на холмахъ, онъ получилъ свое имя. Нѣкоторые называютъ его также Лунг-Ле или драконовый карпъ, такъ какъ его чешуи похожи на чешуи дракона». Адамсъ, изъ сообщеній котораго, повидимому, заимствованы послѣднія данныя, упоминаетъ еще, что китайцы рассказываютъ между прочимъ, будто панголинъ устраиваетъ опасныя

ловушки различнымъ насѣкомымъ и особенно мухамъ; для этого онъ приподнимаетъ чешуи и ждетъ, пока между ними не наберется нѣкоторое количество насѣкомыхъ, привлеченныхъ его испареніями, затѣмъ, быстро складывая чешуи панциря, убиваетъ всѣхъ мухъ и наконецъ сѣдываетъ ихъ. Панголина или одного изъ его родичей (*M. dalmanni*) часто можно видѣть въ домахъ китайцевъ, которые считаютъ его привлекательнымъ животнымъ и употребляютъ его чешуи въ качествѣ лѣкарства, однако не ѣдятъ его сочнаго мяса.

* * *

У **Степного ящера** (*Manis temminckii*, *Phatages* и *Smutsia temminckii*, *Ph. hedenborgii*, *Steppenschuppentier*, *Pangolin des sables*) хвостъ относительно коро-

Степной ящеръ. *Manis temminckii*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

токъ, широкъ, на концѣ болѣе или менѣе тупо округленъ. Онъ былъ найденъ путешественникомъ Смутомъ и съ большой точностью описанъ Смитомъ въ его матеріалахъ для изученія животныхъ южной Африки. По величинѣ и виду онъ болѣе всего похожъ на своего индѣйскаго родича. Хвостъ, который почти достигаетъ длины тѣла, утончается лишь къ концу, гдѣ онъ вдругъ заканчивается округленнымъ и усѣченнымъ концемъ. Тѣло широко, голова коротка и толста. Ланцетовидныя чешуи покрываютъ голову; очень большія, покрытыя у основанія тонкими продольными бороздками, гладкія на концѣ чешуи располагаются на спинѣ 11—13-ью рядами, на хвостѣ 5-ю, а потомъ 4-мя. Въ среднемъ ряду на головѣ насчитывается 9 чешуй, на спинѣ 13 и на хвостѣ 6. На нижней сторонѣ хвоста тоже лежатъ два ряда этихъ роговыхъ образований. Цвѣтъ ихъ блѣдно-желтовато-бурый, конецъ свѣтлѣе и часто окаймленъ продолговатой желтой полоской. Голыя части темно-буроватыя, глаза красновато-бурые. Конецъ морды черной. Взрослые самцы достигаютъ приблизительно 80 см. длины, изъ которыхъ хвостъ занимаетъ приблизительно 30 см.

Степной ящеръ живетъ преимущественно въ восточной и южной Африкѣ, но встрѣчается и въ западной.

Абу-кирфа или «отецъ, покрытый корою», какъ называютъ степного ящера номады Кордофана, находитъ въ богатыхъ термитами степяхъ Африки достаточную пищу и желанное уединеніе. Норы въ землѣ служатъ ему жилищемъ; однако онъ никогда не зарывается такъ глубоко, какъ трубказубъ. Подобно этому послѣднему онъ ночное животное и появляется лишь послѣ наступленія сумерекъ; онъ не ловокъ и не быстръ, а также не умѣетъ защищаться отъ враговъ. Муравьи, термиты, кузнечики, жуки составляютъ его пищу. Единственный, (?) дѣтенышъ, рождаемый имъ, является на свѣтъ уже вполне покрытый чешуями; однако чешуи еще мягки и къ концу хвоста мало развиты. Номады нигдѣ не охотятся за этимъ животнымъ и потому трудно достать его. Одинъ принесенный намъ экземпляръ, именно взрослый самецъ, былъ случайно убитъ туркомъ, когда вылезалъ изъ норы. Турокъ, крайне пораженный страннымъ явленіемъ, какъ можно скорѣе нанесъ своею саблей страшный ударъ по панцырю чудовища и ему пришлось замѣтить съ большимъ изумленіемъ, что этотъ ударъ едва-ли произвелъ какое-либо дѣйствіе. Мы нашли, что лишь треть одной чешуи была отрублена и нѣкоторые другіи нѣсколько повреждены. Сопровождавшій турка арабъ убилъ знакомое ему существо однимъ ударомъ по головѣ и повѣсилъ его въ видѣ побѣднаго трофея на лошадь хозяина, который любезно передалъ намъ свою добычу въ качествѣ подарка.

Впослѣдствіи я видѣлъ одно изъ этихъ замѣчательныхъ созданій живымъ у одного купца въ Хартумѣ, который кормилъ его молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ. Онъ былъ совершенно безобиденъ, какъ и остальные представители его рода; съ нимъ можно было дѣлать, что угодно. Днемъ онъ лежалъ свернувшись въ какомъ-нибудь углу, ночью выходилъ и ѣлъ, причѣмъ часто погружалъ языкъ въ молоко, а наконецъ приклеивалъ къ нему и бѣлый хлѣбъ. Степной ящеръ, котораго держалъ въ неволѣ Гейглинъ, былъ очень чистоплотенъ и ревностно старался прятать свои испражненія. Прежде чѣмъ удовлетворить свою потребность, онъ выкапывалъ каждый разъ ямку, какъ дѣлаютъ кошки, и потомъ снова старательно закрывалъ ее землею. Въ полуденное время онъ чрезвычайно сильно потѣлъ и распространялъ въ это время крайне неприятный запахъ. Его очень мучили вши и блохи, такъ какъ онъ нигдѣ не могъ добраться до этихъ паразитовъ и дѣлалъ часто самыя странныя усилія, чтобы освободиться отъ докучливыхъ гостей. Пища его состояла изъ молока, яицъ и меризы, похожаго на пиво напитка обитателей центральной Африки. По указаніямъ Гейглина степной ящеръ живетъ въ норѣ, вырытой имъ самимъ, которая однако менѣе глубока, чѣмъ нора трубказуба. Здѣсь онъ спитъ днемъ, свернувшись, причѣмъ прячетъ голову подъ хвостъ. Обыкновенно онъ ходитъ лишь на заднихъ ногахъ, не касаясь земли своимъ очень подвижнымъ хвостомъ, и можетъ поднимать верхнюю часть тѣла почти вертикально вверхъ. Такъ какъ онъ не можетъ спастись отъ своихъ враговъ бѣгствомъ и вообще беззащитенъ, то ему остается лишь свертываться, въ случаѣ нападенія, въ твердый клубокъ и такимъ образомъ отдаваться на произволъ врага въ надеждѣ, что крѣпкій панцырь достаточно защититъ его отъ зубовъ и когтей. Пища его состоитъ изъ различныхъ видовъ муравьевъ, жуковъ и кузнечиковъ; по словамъ туземцевъ онъ ѣстъ однако и просо.

Въ послѣднемъ семействѣ мы соединяемъ **Трубказубовъ** (*Orycteropodidae*. Erdferkel; *Orycteropes*), неуклюжихъ животныхъ съ толстымъ, приземистымъ тѣломъ, покрытымъ рѣдкой щетиной, съ тонкой шеей, длинной тонкой головою, валькова-

той мордою, коническимъ хвостомъ средней длины и короткими относительно тонкими ногами, изъ которыхъ переднія четырехпалыя, а заднія пятипалыя, пальцы вооружены очень большими, почти прямыми и плоскими копытообразными когтями съ рѣзущимъ краемъ. Ротъ довольно великъ, глаза находятся далеко назадъ, уши очень длинны. Въ верхней челюсти находятся, пока животное молодо, съ каждой стороны по 8, въ нижней по 6, а у старыхъ животныхъ въ верхней лишь по 5, а въ нижней по 4 вальковатыхъ, лишенныхъ корней зуба, которые состоятъ изъ множества тонкихъ, вертикальныхъ, тѣсно стоящихъ рядомъ трубочекъ, замкнутыхъ на жевательной поверхности, но полыхъ на нижнемъ концѣ. Разрѣзъ такого зуба поразительно похожъ на разрѣзъ испанскаго камыша. Самые передніе зубы малы и въ разрѣзѣ яйцевидны, средніе имѣютъ съ обѣихъ сторонъ по продольному углубленію, какъ будто-бы они состоятъ изъ двухъ сросшихся цилиндровъ, самые задніе опять малы и похожи на первые. Въ скелетѣ особенно замѣчательны тонкія и круглыя ребра, числомъ 13, и высокіе, тонкіе отростки шейныхъ позвонковъ. По строенію зубовъ трубокозубы настолько отличаются отъ всѣхъ остальныхъ неполнозубыхъ, что для нихъ можно было-бы установить особый отрядъ, если-бы это не слишкомъ усложнило классификацію животныхъ.

* *
* *
* *

Различали три вида трубокозубовъ, но въ новѣйшее время не разъ возбуждалось сомнѣніе въ ихъ самостоятельности, и въ самомъ дѣлѣ едва могли установить опредѣленные отличительные признаки этихъ видовъ. **Трубокозубъ** (*Orycteropus capensis*, а также *O. aethiopicus senegalensis*. Erdferkel. *Orycterope du Cap*) достигаетъ въ длину почти двухъ метровъ, изъ которыхъ на хвостъ приходится около 85 см., при вѣсѣ въ 50—60 килогр. Кожа очень толста и одѣта гладко прилегающими и довольно рѣдкими, жесткими и щетинистыми волосами; волоса на верхней сторонѣ тѣла нѣсколько короче, чѣмъ на нижней, гдѣ, особенно у основанія пальцевъ, они торчатъ пучками; цвѣтъ очень равномеренъ. Спина и бока желтовато-бураго цвѣта съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, нижняя сторона и голова свѣтлыя рыжегато-желтыя, задняя часть, корень хвоста и конечности бурые; новорожденные дѣтеныши мясного цвѣта.

Голландскіе поселенцы на мысѣ Доброй Надежды называли это животное *Ardvarkap* (Земляной поросенокъ), такъ какъ мясо его по вкусу близко къ мясу дикой свиньи, и съ давнихъ поръ ревностно охотились за нимъ и потому хорошо съ нимъ ознакомились. Еще во времена Бюффона оно считалось совершенно баснословнымъ существомъ; этотъ естествоиспытатель очень рѣшительно опаривалъ первое описаніе Кольбе, относящееся къ началу прошлаго столѣтія, хотя оно и по настоящее время еще болѣе или менѣе имѣетъ для насъ значеніе.

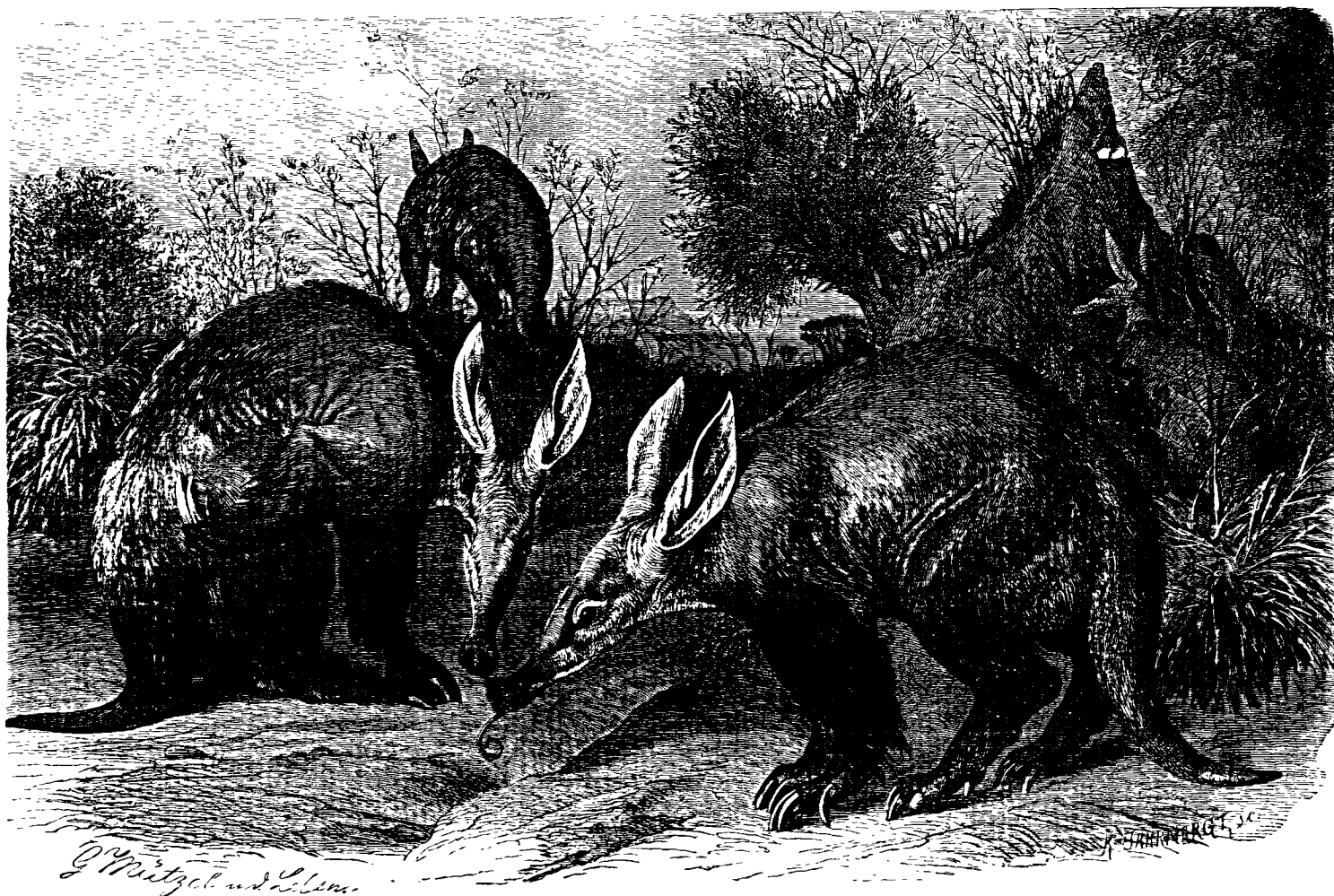
Трубокозубъ живетъ въ южной и средней Африкѣ, отъ восточнаго до западнаго берега ея, населяя, подобно броненосцамъ, равнины, пустынные мѣстности и степи, гдѣ водятся муравьи и термиты. Это созданіе, живущее одиноко, едва-ли болѣе общительно, чѣмъ броненосцы, хотя его иногда и находятъ въ обществѣ другихъ; строго говоря, каждый трубокозубъ живетъ самъ по себѣ, отдыхая днемъ въ большихъ норахъ, выкопанныхъ имъ самимъ, ночью бродя вокругъ своего жилища.

Въ степяхъ Кордофана и при томъ, какъ на поросенкахъ рѣдкими лѣсомъ низменностяхъ, такъ и на широкихъ равнинахъ, заросшихъ высокой травой, гдѣ находится лишь немного кустовъ, я часто видѣлъ его норы и много слышалъ объ его образѣ жизни, хотя мнѣ ни разу не пришлось видѣть самого животнаго. Помады называютъ его Абу-Делафъ (когистый отецъ) и ревностно охотятся за нимъ. Рейглинъ первый имѣлъ счастье достать живымъ одно изъ этихъ животныхъ и могъ дать

болѣе точныя свѣдѣнія и объ его образѣ жизни. Отъ него я могъ узнать приблизительно слѣдующее. Трубказубъ спитъ цѣлый день, свернувшись, въ глубокой норѣ, выкопанной имъ самимъ, которую онъ закрываетъ за собою, заткнувши отверстіе землею. Къ вечеру онъ выходитъ, чтобы добывать себѣ пищу. Онъ бѣгаетъ вовсе не особенно быстро, но дѣлаетъ при этомъ очень своеобразные и довольно широкіе прыжки. При этомъ онъ касается земли всею ступнею, держать голову съ заложенными назадъ ушами перпендикулярно опущенною къ землѣ, сгибаетъ спину и волочить по землѣ хвостъ для поддержанія равновѣсія. Конецъ морды проходитъ такъ близко надъ землею, что пучекъ волосъ, окружающій ноздри, мететъ ее. Отъ времени до времени трубказубъ останавливается, чтобы прислушаться, нѣтъ-ли по близости врага, и идетъ затѣмъ дальше. При этомъ очевидно, что обоняніе и слухъ развиты у него лучше всего; насколько онъ работаетъ ушами, настолько-же пользуется и носомъ. Быстрымъ движеніемъ морды онъ постоянно поворачиваетъ кончикъ носа въ стороны и мѣстами испытующимъ образомъ поднимаетъ вверхъ свою длинную морду, чтобы искать добычу съ помощью обонянія. Такъ онъ подвигается, пока не найдетъ слѣдъ муравьиной дороги. Держась ея, онъ доходитъ до жилища муравьевъ и начинаетъ здѣсь охоту совершенно такъ-же, какъ броненосцы, или еще лучше настоящіе муравьѣды.

Онъ обладаетъ невѣроятной ловкостью въ рытвѣ. Нѣсколькихъ мгновеній ему совершенно достаточно, чтобы совсѣмъ зарыться въ землю, какъ-бы ни была тверда почва. При рытвѣ онъ работаетъ большими когтями переднихъ ногъ и съ силой отбрасываетъ назадъ огромные комки земли; задними ногами онъ такъ далеко отбрасываетъ за себя вырытую землю, что его окружаетъ настоящій дождь пыли. Подойдя къ жилищу муравьевъ или термитовъ, трубказубъ сначала тщательно обнюхиваетъ его со всѣхъ сторонъ; затѣмъ начинается копаніе и животное врывается въ землю до тѣхъ поръ, пока не наткнется на главное гнѣздо или одинъ изъ главныхъ ходовъ насѣкомыхъ. Въ такіе главные ходы, которые въ холмикахъ термитовъ имѣютъ по большей части 2 см. въ діаметрѣ, трубказубъ всовываетъ свой длинный языкъ, оставляетъ его тамъ, пока онъ не покроется муравьями, затѣмъ втягиваетъ его вмѣстѣ съ муравьями въ ротъ и повторяетъ это до тѣхъ поръ, пока не насытится виолнѣ. Иногда онъ просто схватываетъ губами сотни муравьевъ сразу, а въ настоящемъ гнѣздѣ термитовъ, гдѣ кишатъ миллионы этихъ насѣкомыхъ, онъ ѣстъ почти какъ собака, съ каждымъ глоткомъ проглатывая сотни сразу. Такъ онъ переходитъ отъ одной постройки къ другой и производитъ среди все опустошающихъ термитовъ въ свою очередь величайшее опустошеніе. Съ разсвѣтомъ онъ зарывается въ землю, причемъ для него совершенно безразлично, найдетъ-ли онъ свою нору или нѣтъ, такъ какъ въ нѣсколько минутъ онъ зароется такъ глубоко, какъ находитъ нужнымъ для того, чтобы провести день въ полнѣйшей безопасности. Если нора оказывается недостаточно глубокой, то съ приближеніемъ опасности онъ роетъ дальше. Никакому врагу невозможно проникнуть за нимъ въ нору, такъ какъ онъ съ такою силою выбрасываетъ назадъ вырытую землю, что всякое другое животное смущенно возвращается назадъ. Даже человѣку трудно рыться вслѣдъ за нимъ и каждый охотникъ черезъ нѣсколько минутъ оказывается совершенно покрытымъ землею и пескомъ.

Трубказубъ чрезвычайно остороженъ и робокъ и даже ночью при малѣйшемъ шумѣ немедленно зарывается въ землю. Слухъ позволяетъ ему издали замѣтить приближеніе большого животного или человѣка и такимъ образомъ онъ почти всегда оказывается въ безопасности, прежде чѣмъ врагъ приблизится. Большая сила дѣлаетъ его, впрочемъ, способнымъ также защищаться отъ различныхъ опасностей.

КАПСКІЙ ТРУБКЗУБЪ.

19

Охотникъ, который дѣйствительно застанеть врасплохъ трубокосуба и схватить его, вовсе еще не овладѣлъ желанной добычей. Какъ броненосецъ, онъ со всей силы прижимается къ стѣнамъ норы, даже если онъ лишь на половину находится въ ней, крѣпко въцѣпляется въ землю своими острыми когтями, сгибаетъ спину и съ такою силой прижимаетъ се къверху, что становится почти невозможнымъ отцѣпить хоть одну ногу и вытащить животное. Одинъ человѣкъ никогда не можетъ сдѣлать это, да и нѣсколькимъ приходится довольно долго повозиться съ нимъ. Поэтому поступаютъ совершенно такъ-же, какъ въ Америкѣ съ броненосцами. Туземцы восточнаго Судана осторожно приближаются къ норѣ, рѣпаютъ по лежащей у входа землѣ, находится-ли тамъ трубокосубъ или нѣтъ, и вдругъ со всей силы колютъ пикой въ глубь норы. Если она прямая, то животное обыкновенно ранятъ, если она изогнута, то охотиться не стоитъ. Когда животное ранено, то людямъ выпадаетъ довольно легкая работа; если-бы трубокосубъ и не умеръ тотчасъ, то онъ все-же очень скоро потеряетъ силу, необходимую для рытья далѣе, и новые удары копьемъ добиваютъ его. Если удастся вырвать животное изъ его норы живымъ, то достаточно нѣсколькихъ ударовъ палкой по головѣ, чтобы убить его.

Друммондъ наткнулся въ южной Африкѣ на трубокосуба днемъ и съ успѣхомъ приказалъ вырыть изъ земли одного, убѣжавшаго въ пору. Онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ этотъ случай, происшедшій въ то время, какъ онъ охотился въ степи на мелкую дичь. «Моя собака, которая, отыскивая дичь, слишкомъ опередила меня, вдругъ погнала. Я побѣжалъ за нею и закричалъ на нее, но она не обращала на это вниманіе и, прежде чѣмъ я подошелъ на разстояніе выстрѣла, я увидѣлъ, какъ какое-то животное, которое я не могъ узнать, выскочило изъ травы и побѣжало. Собака горячо гналась за нимъ на протяженіи нѣсколькихъ сотъ шаговъ и остановилась передъ одною изъ многочисленныхъ норъ, разбросанныхъ по степи. Тамъ я узналъ по слѣдамъ, что имѣю дѣло съ трубокосубомъ. Я попробовалъ сначала выкурить его изъ его, повидимому, неглубокаго убѣжища, но это мнѣ не удалось, хотя я засунулъ въ пору много горючихъ веществъ и закрылъ отверстіе скуртукомъ, чтобы удерживать дымъ. Тогда я послалъ сопровождавшаго меня каффра къ повозкѣ, чтобы принести лопаты; пока я ожидалъ его въ теченіи двухъ часовъ, я слышалъ, какъ трубокосубъ, не переставая, рылся въ глубинѣ далѣе. Когда наконецъ мои люди пришли съ орудіями, я велѣлъ имъ копать самымъ ревностнымъ образомъ, но убѣдился черезъ полчаса, что мы такимъ образомъ не догонимъ дичь. Поэтому я измѣнилъ планъ, внимательно прислушивался, гдѣ находилось животное и въ какомъ направленіи рылось, и велѣлъ вырыть приблизительно на разстояніи 1 метра передъ нимъ вертикальную яму. Черезъ часъ мы настолько приблизились къ трубокосубу, что онъ пересталъ рыть, повернулъ назадъ и наконецъ побѣжалъ изъ норы, послѣ чего я убилъ его выстрѣломъ».

О спариваніи и размноженіи нѣтъ еще точныхъ свѣдѣній. Въ сѣверныхъ частяхъ области распространенія его самка мечетъ въ маѣ и іюнѣ единственнаго дѣтеныша, который является на свѣтъ голымъ и очень долгое время питается молокомъ матери. Годовой трубокосубъ сильно покрытъ волосами; позднѣе, благодаря работѣ подъ землей, волосы все болѣе и болѣе стираются.

Гейглингъ кормилъ трубокосуба, котораго онъ держалъ въ неволѣ, молокомъ, медомъ, муравьями, финиками и другими плодами. Животное скоро стало ручнымъ, привыкло къ своему хозяину и слѣдовало за нимъ, когда онъ ходилъ по двору. Трубокосубъ доставлялъ удовольствіе своими очень комичными прыжками, но въ общемъ былъ все-же тупымъ и скучнымъ существомъ, которое, какъ только могло, зарывалось и спало почти весь день. Для своихъ испраженій, имѣющихъ очень силь-

ный и неприятный запах, трубказубъ всегда вырывалъ, прежде чѣмъ испражняться, маленькую ямку задними ногами, которую потомъ снова прикрывалъ землею съ помощью переднихъ ногъ.

Въ послѣднія десятилѣтїя трубказуба не разъ привозили въ Европу и здѣсь, при соотвѣтственномъ уходѣ, онъ проживалъ болѣе года. Несмотря на свою сонливость днемъ, онъ всегда привлекаетъ вниманіе каждаго любителя животныхъ. Я долженъ еще прибавить, что онъ часто спитъ и сидя, причѣмъ опирается на длинныя заднія ноги и хвостъ, какъ на треножникъ, и старается спрятать голову съ длинной мордою между передними ногами и бедрами. Если его беспокоятъ, то ему это сильно не нравится и онъ старается по возможности защищаться отъ всякаго безпокойства со стороны незнакомыхъ. Если въ его распоряженіи есть земля, то онъ въ такомъ случаѣ скребетъ и бросаетъ ее назадъ, чтобы отогнать приближающагося, если же этого не побоятся, то онъ пользуется въ качествѣ оружія своимъ хвостомъ и наноситъ имъ направо и налево удары, которые сильны и, благодаря твердымъ почти колючимъ щетинамъ, довольно чувствительны. По увѣренію одного сторожа, онъ, въ случаѣ крайности, пользуется для защиты и задними ногами. Животное кормятъ мелкоизрубленнымъ мясомъ, сырыми яйцами, куколками муравьевъ и мучной кашей, но замѣняютъ ему такимъ образомъ его естественную пищу лишь въ очень недостаточной степени. Онъ, повидимому, страдаетъ и отъ недостатка движенія, легко получаетъ опухоли и раны и, благодаря этому, гибнетъ скорѣе, чѣмъ было-бы желательнo хозяину.

Лишь въ странахъ, гдѣ часто проходятъ караваны, трубказубъ становится вреднымъ челоувѣку, благодаря рытью; вообще-же онъ приноситъ скорѣе пользу, чѣмъ вредъ. Послѣ смерти части тѣла его имѣютъ различныя примѣненія. Мясо его похоже на свиное и его называютъ то превосходнымъ, то вязкимъ и отвратительнымъ по запаху; изъ толстой, крѣпкой шкуры выдѣлывается кожа.

О П Е Ч А Т К А :

Подъ чернымъ рисункомъ, приложеннымъ къ 360 стр., по ошибкѣ напечатано Гривистый тюлень: должно читать—Морской левъ.

2011136645